Russ.
16 f

Bolotow

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1871 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ VIII—XIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, № 15.
1871.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738–1793.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина

Владимірская, д. № 15.

1871.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VIII.

1760—1761.

(соч. 1800, переп. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 83-е *).

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы требуете отъ меня того, что хотѣлъ-было я и самъ сдѣлать, а именно, чтобъ описать вамъ такимъ же образомъ исторію прусской войны нашей и въ 1760 году, какъ описывалъ я вамъ ее относительно до 1759 года, и говорите, что вы довольны были-бъ, если-бъ пересказалъ я вамъ о томъ хотя вкратцѣ; а мнѣ инако и сдѣлать не можно, ибо въ противномъ случаѣ завело-бъ меня сіе въ великое пространство и удалило слишкомъ отъ собственной исторіи.

Итакъ, приступая къ сему дѣлу, скажу вамъ, что между тѣмъ какъ мы помянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ въ мирѣ и въ тишинѣ жили, и время свое провождали въ однѣхъ забавахъ, утѣхахъ и увеселеніяхъ разныхъ, а я занимался чтеніемъ, переводами и науками, война продолжалась въ Европѣ по прежнему, и пламень ея, воспылая съ начала весны, не преставалъ горѣть до самой глубокой осени и, къ несчастію человѣческаго рода, не въ одномъ еще мѣстѣ, но во многихъ и разныхъ странахъ и областяхъ.

Въ послѣднемъ моемъ о сей войнѣ письмѣ къ вамъ *), разсказалъ я уже, какія дѣланы были повсюду страшныя приуготовленія. Всѣ союзныя державы хотѣли въ кампанію сію напрячь всѣ силы свои къ преодолѣнію наконецъ отгрызающагося отъ нихъ всячески короля прусскаго, и тѣмъ паче, что казалось, будто бы счастіе за нѣсколько времени обратилось къ нему спиною, и онъ съ самаго того времени, какъ въ минувшій годъ мы его сперва подъ Пальцигомъ, а потомъ подъ Франкфуртомъ поколотили, терпѣлъ несчастье за несчастьемъ и всюду неудачи; а сей готовился паки отъ всѣхъ враговъ своихъ отъѣдаться и недовесть себя до погибели совершенной. Такимъ же образомъ разсказалъ я вамъ тогда-жъ и о томъ, какіе разные планы дѣланы были для сей кампаніи и который изъ нихъ принятъ и почтенъ за лучшій.

Итакъ, весна застала всѣ воюющія державы готовыми опять драться и со изощренными паки другъ на друга мечами. Всѣ прусскія области окружены были со всѣхъ сторонъ многочисленными и сильными непріятельскими арміями, и королю прусскому потребно было все его знаніе, проворство и искусство къ тому, чтобъ умѣть оборонить себя и защитить земли

*) Ноября 7 дня 1800 г.

*) Въ VII части № 79.

свои отъ толь многихъ непріятелей. Со стороны нашей готовилась надвинуть на него, какъ страшная и темная громовая туча, огромная наша армія. Со стороны Шлезіи готовился впасть въ его земли славный и искусный цесарскій генералъ Лаудонъ, съ многочисленнымъ и сильнымъ корпусомъ. Въ Саксоніи стояла противъ его главная и многочисленная цесарская армія и самъ главный и хитрый ея командиръ графъ Даунъ. Тамъ, далѣе, угрожала его имперская армія и владѣтельный герцогъ Виртенбергскій съ особымъ корпусомъ, а съ стороны отъ Рейна, многочисленная и сильная французская армія, а сзади и отъ сѣвера озабочивали его по прежнему шведы, а наконецъ со стороны Пруссіи, Помераніи и Данцига опять мы, готовившіеся въ сіе лѣто уже порядочно и съ моря и съ сухого пути осадить приморскую его крѣпость Кольбергъ и снаряжающіе къ тому многочисленный флотъ, со множествомъ транспортныхъ судовъ для перевоза сухопутнаго войска. Словомъ, со всѣхъ сторонъ восходили тучи грозныя и готовились нагрянуть на прусскія области, съ тѣмъ вящею надеждою о хорошемъ успѣхѣ, что король прусскій всѣми предслѣдовавшими кампаніями и многочисленными уронами ослабленъ былъ уже очень много, и въ сей годъ не въ состояніи уже былъ выставить противъ непріятелей вездѣ многочисленныя и такія же хорошія войски, какія были у него прежде. И какъ бѣда и опасность не съ одной, а съ разныхъ сторонъ ему угрожала, то принужденъ былъ и послѣдніе остатки войскъ своихъ раздѣлить на разные, хотя небольшіе куски и выставить оные противъ помянутыхъ многочисленныхъ армій. Итакъ, противъ насъ поставилъ онъ брата своего принца Гейнриха, съ нарочитымъ корпусомъ; противъ Лаудона, въ Шлезіи, поставилъ генерала Фукета, съ небольшимъ корпусомъ; противъ Дауна и главной цесарской арміи сталъ самъ съ лучшими и отборнѣйшими своими войсками, а противъ имперцовъ и французовъ поручено было защищаться принцу Фердинанду Брауншвейгскому, а въ Помераніи, противъ шведовъ и насъ поручено было генералу Вернеру съ небольшимъ числомъ войска отгрызаться.

Вся Европа думала и не сомнѣвалась почти, что въ лѣто сіе всей войнѣ конецъ будетъ, и что король прусскій никакъ не въ состояніи будетъ преобороть такія, со всѣхъ сторонъ противъ его усилія. И если-бъ союзники были-бъ единодушнѣе и согласнѣе, если-бъ поменьше между собою переписывались, пересылались и всѣ переписки и пересылки сіи поменьше соединены были съ разными интригами и обманами, если-бъ поменьше они выдумывали разныхъ военнымъ дѣйствіямъ плановъ и поменьше дѣлали обѣщаніевъ другъ другу помогать, если-бъ не надѣялись они сихъ взаимныхъ другъ отъ друга вспоможеній и подкрѣпленій, а всѣ бы пошли сами собою прямо и со всѣхъ сторонъ вдругъ на короля прусскаго, то можетъ быть и дѣйствительно-бъ ему не устоять, но онъ бы палъ подъ симъ бременемъ и погибъ. Но судьбѣ видно угодно было, чтобъ быть совсѣмъ не тому, что многіе думали и чего многіе ожидали, а совсѣмъ тому противному, и потому и надобно было произойтить разнымъ несогласіямъ, обманамъ, интригамъ, своенравіямъ и упрямствамъ, и прочимъ тому подобнымъ дѣйствіямъ страстей разныхъ и быть причиною тому, что и сіе лѣто пропало почти ни за что. И хотя въ теченіи и онаго людей переморено и перебито множество, крови и слезъ пролиты цѣлыя рѣки, домовъ разорено и честныхъ и добрыхъ людей по міру пущено многія тысячи, но всѣмъ тѣмъ ничего не сдѣлано, но при концѣ кампаніи остались почти всѣ при прежнихъ своихъ мѣстахъ и король прусскій не только благополучно отъ всѣхъ отгрызся, но получилъ еще на концѣ нѣкоторыя выгоды.

Кампанія началась и въ сіе лѣто очень рано, и открылъ ее Лаудонъ нападеніемъ на Шлезію и на стоящаго тамъ противъ его генерала Фукета; и сіе учинено съ толикимъ счастіемъ и успѣхомъ, что помянутый прусскій генералъ не только

былъ разбитъ, но со всѣмъ корпусомъ своимъ взятъ въ полонъ. А вскорѣ послѣ того получена въ Шлезіи цесарцами и другая выгода и взята славная и крѣпкая прусская крѣпость Глацъ, чего никто не ожидалъ, а всего меньше король прусскій.

Лаудонъ, которому велѣно было дождаться напередъ пришествія къ прусскимъ границамъ нашей (арміи) и тогда уже, а не прежде, начинать свои дѣйствія, и который соскучивши дожидаясь насъ тщетно до самаго мая, симъ дѣломъ поспѣшилъ; и получивъ сію удачу, восхотѣлъ-было и далѣе еще счастіемъ своимъ воспользоваться и до прибытія еще нашей арміи взять и самый главный шлезскій городъ Бреславль. Но какъ сіе не такъ скоро и легко ему одному можно было сдѣлать, какъ онъ думалъ, то и принужденъ былъ отъ сей крѣпости отойтить со стыдомъ и разстроилъ самымъ тѣмъ все дѣло.

Принудило его къ тому пришествіе принца Гейнриха, который, стоючи противъ насъ и видя армію нашу поворачивающуюся очень лѣниво и неповоротливо и далеко не такъ къ Бреславлю поспѣшавшею, какъ надлежало: оставивъ насъ однихъ шествовать по волѣ тихими стопами, полетѣлъ съ корпусомъ своимъ для освобожденія Бреславля отъ осады. А какъ въ самое тоже время дошелъ до Лаудона слухъ, что и самъ король съ арміею своею туда же шелъ и уже приближался, то, какъ ни старался онъ принудить городъ къ сдачѣ и какъ ни угрожалъ бомбандированіемъ и устрашиваніями коменданта, что, буде не сдастъ города, то не пощадится ни одинъ ребенокъ въ брюхѣ; но сей, давъ славный тотъ отвѣтъ, что ни онъ не брюхатъ, ни солдаты его, не склонился никакъ на сдачу города и принудилъ тѣмъ Лаудона, недождавшись арміи нашей, приближающейся уже къ городу, оставить осаду и ретироваться въ горы. А сіе и произвело, что походъ и нашей арміи и все поспѣшеніе оной сдѣлалось тщетно и она принуждена была остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ извѣстіе о томъ ее застало, и въ разсужденіи пропитанія своего пришла въ великое нестроеніе, ибо вся надежда была на великіе и огромные прусскіе магазины въ Бреславлѣ, которыми цесарцы овладѣть и ими нашу армію прокормить надѣялись.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ этомъ краю, то въ другомъ, а именно Саксоніи, происходила другая потѣха. Тамъ Даунъ и король прусскій долгое время стояли другъ противъ друга, и старались только одинъ другого перехитрить и обманывать. Первому не хотѣлось никакъ допустить короля прусскаго соединиться съ братомъ его, принцомъ Гейнрихомъ, а самому урваться и поспѣшить къ Лаудону, дабы, соединившись съ нимъ и съ нашею арміею, ударить уже вдругъ на короля; а сему хотѣлось недопустить Дауна до сего соединенія, и потому, какъ скоро онъ услышалъ, что сей, получивъ извѣстіе о начальныхъ успѣхахъ Лаудона, пошелъ къ нему на вспоможеніе, какъ для удержанія его вдругъ обратился назадъ и совсѣмъ неожидаемымъ образомъ осадилъ саксонскій столичный, и цесарцами тогда защищаемый, прекрасный и обширный городъ Дрезденъ, и, привезя изъ сосѣдственныхъ своихъ областей тяжелую артиллерію, началъ оной наижесточайшимъ образомъ и такъ сильно разстрѣливать и бомбандировать, что въ одинъ день пущено въ оный 1400 бомбъ и ядеръ, отъ которыхъ сей прекрасный городъ толикое претерпѣлъ разореніе, что и по нынѣ еще не можетъ отъ того совершенно поправиться и раны свои и до нынѣ еще чувствуетъ. Вся Европа сожалѣла о бѣдствіи сего города и тѣмъ паче, что всѣмъ было извѣстно, что осада сія предпріята была единственно для остановленія пошедшаго въ Шлезію Дауна и что въ самомъ городѣ не было королю ни малой нужды. Но ему и удалось самымъ тѣмъ перехитрить Дауна, ибо какъ скоро до сего дошелъ слухъ о сей осадѣ и такомъ разореніи города, то вернулся онъ назадъ для защищенія и освобожденія го-

рода отъ осады, что въ непродолжительное время и произвелъ, и принудилъ короля такимъ же образомъ со стыдомъ оставить осаду Дрездена, какъ Лаудонъ оставилъ осаду Бреславля.

По окончаніи сего неудачнаго предпріятія, которое было послѣднее изъ несчастныхъ, оборотился король прусскій къ Шлезіи и пошелъ прямо къ намъ, ибо слухъ до него дошелъ, что наша армія находилась уже въ самомъ сердцѣ любезной его Шлезіи и за милю только отъ Бреславля, почему и хотѣлъ онъ всячески поспѣшить и, соединившись съ принцомъ Гейнрихомъ во что-бъ ни стало, ударить на насъ всею силою. Но не успѣлъ онъ въ сей славный и дальній походъ выступить, какъ Даунъ въ тотъ же часъ отправился въ слѣдъ за нимъ и, догнавъ, пошелъ съ нимъ рядомъ, дѣлая ему въ шествіи возможнѣйшія препятствія и затрудненія. И такъ шли обѣ арміи въ такой близости другъ къ другу рядомъ и такъ неопереживая и неотставая другъ отъ друга, что всякому, незнающему того, показалось бы, что это одна армія.

Между тѣмъ, нашему графу Салтыкову приходило съ арміею его ѣсть нечего, а какъ услышалъ онъ, что идетъ на него самъ король прусскій, и что Даунъ идетъ, хотя съ нимъ рядомъ, но ничего не дѣлаетъ и къ баталіи его не принуждаетъ, былъ тѣмъ крайне недоволенъ и говорилъ, что когда невоспрепятствовали цесарцы ему перейтить чрезъ рѣки Эльбу, Шпре и Боберъ, то не помѣшаютъ ему перейтить и Одеръ, соединиться съ принцомъ Гейнрихомъ и напасть на него всею соединенною силою. „Королю, говорилъ онъ далѣе: стòитъ только сдѣлать марша два форсированныхъ и употребить обыкновенныя свои хитрости, какъ онъ и явится предъ нами; но я прямо говорю, что, какъ скоро король перейдетъ чрезъ Одеръ, то въ тотъ же часъ пойду я назадъ въ Польшу“.

Таковыя угрозы принудили Дауна, для остановленія короля прусскаго, дать ему баталію и онъ, улуча такое время, что королю случилось стать лагеремъ въ одномъ мѣстѣ не очень выгодно, вознамѣрился напасть на него на разсвѣтѣ и атаковать вдругъ съ четырехъ сторонъ его лагерь. Самъ Даунъ хотѣлъ атаку вести спереди, Лесію назначено было атаковать правое, а Лаудону лѣвое крыло.

Всѣ распоряженія были къ тому уже сдѣланы въ тайнѣ и цесарцы такъ несумнѣвались о хорошемъ успѣхѣ, что, хвастаясь, говорили уже, что король у нихъ теперь ровно какъ въ мѣшкѣ, и имъ стòитъ только мѣшокъ сей сжать и завязать; но, по особливому несчастію ихъ, король узналъ какъ о намѣреніи ихъ, такъ и о самомъ помянутомъ хвастовствѣ, и самъ въ тотъ же день за ужиномъ, говоря, что цесарцы въ томъ и непогрѣшаютъ, однако онъ надѣется сдѣлать въ семъ мѣшкѣ дыру, которую имъ трудно будетъ заштопарить.

А всходствіе того, тотчасъ по наступленіи ночи, и велѣлъ онъ сдѣлать всѣ приуготовленія къ баталіи и расположилъ тотчасъ планъ оной. Онъ приказалъ въ лагерѣ своемъ поддерживать обыкновенные огни и поджигать ихъ крестьянамъ, а гусарамъ, чрезъ каждыя четверть часа, кричать и пускать сигналы, дабы всѣмъ тѣмъ сокрыть отъ непріятеля свой походъ и намѣреніе; самъ тотчасъ со всею арміею вышедши изъ лагеря и отойдя въ удобнѣйшее мѣсто, построилъ армію къ баталіи и сталъ, сидючи на барабанѣ, спокойно дожидаться утра. Но что всего курьезнѣе было, то точно такой же обманъ для скрытія шествія своего употребили и цесарцы, и что симъ образомъ обѣ арміи въ потемкахъ ночью шли къ тому мѣсту, гдѣ судьбою назначено быть великому кровопролитію, другъ о другѣ ничего не зная и не вѣдая.

Итакъ, не успѣло начать разсвѣтать, какъ Лаудонъ, которому поручено было напасть на короля съ лѣваго фланга съ тридцатью тысячами человѣкъ войска, вдругъ усматриваетъ пруссаковъ тамъ

гдѣ онъ ихъ всего меньше найтить думалъ, и съ ужасомъ примѣчаетъ, что предъ нимъ стоитъ вся королевская армія въ готовности къ сраженію, и которой вторая линія тотчасъ вступила съ нимъ въ бой и какъ пушечною пальбою съ батарей, такъ оружейнымъ огнемъ его встрѣтила. Лаудонъ, хотя и не оробѣлъ въ семъ случаѣ, но, построивъ въ скорости весь корпусъ свой треугольникомъ, атаковалъ самъ пруссаковъ съ возможною храбростію; но какъ онъ былъ слишкомъ слабъ противъ оныхъ, то, по двучасномъ сраженіи и потерявъ до нѣсколька тысячъ убитыми и въ полонъ попавшими, и оставивъ пруссакамъ въ добычу 23 знамя и 82 пушки, принужденъ былъ оставить мѣсто баталіи королю прусскому, и съ такимъ искусствомъ ретировался назадъ чрезъ рѣчку, тутъ случившуюся, что король прусскій расхвалилъ самъ сію ретираду и говорилъ, что онъ во всю войну не видалъ ничего лучшаго противъ сего маневра Лаудонова, и что наилучшимъ днемъ жизни его есть тотъ, въ который хотѣлось ему разбить его.

Сраженіе сіе, бывшее 4-го августа, продолжалось хотя недолго и было хотя только съ одною частію цесарской арміи, по послѣдствія имѣло великія. Даунъ, хотя атаковать поутру пруссаковъ, удивился, не нашедъ ни одного изъ нихъ въ прусскомъ лагерѣ и не понималъ, куда они дѣлись и что объ нихъ подумать; но какъ разбитіе Лаудона сдѣлалось извѣстно, то сіе разстроило и смутило всѣ его мысли и намѣренія, и онъ въ скорости не зналъ, что ему начать и дѣлать. Что-жъ касается до короля, то онъ ни минуты почти не сталъ медлить, но, забравъ всѣхъ раненыхъ и полоненныхъ, также и въ добычу полученныя пушки, пошелъ въ тотъ же самый день далѣе къ Бреславлю и въ сторону нашей арміи, и дошедъ до Пархвица, по близости котораго мѣста стоялъ тогда графъ Чернышовъ съ двадцатью тысячами россіянъ и прикрывалъ рѣку Одеръ.

Совсѣмъ тѣмъ, и несмотря на сію побѣду, находился король прусскій въ страшномъ положеніи. Всѣ провіантскія фуры были у него порожними и провіанта осталось не болѣе, какъ на одинъ день; но что того еще хуже, то въ скорости и взять его было негдѣ. Изъ ближайшихъ магазиновъ одинъ былъ въ Бреславлѣ, а другой въ Швейдницѣ, но пройтить къ первому мѣшали ему мы, а особливо помянутый графъ Чернышовъ съ своимъ корпусомъ, а для прохода къ Швейдницу надлежало напередъ драться со всею соединенною австрійскою арміею и побѣдить оную, но что не могло еще быть достовѣрно.

Итакъ, при обстоятельствахъ сихъ, находился король въ великомъ смущеніи и не зналъ что дѣлать, но по счастію, мы избавили его сами скоро отъ сей напасти. Главнымъ командирамъ нашей арміи вздумалось что-то, безъ всякой особливой причины, перейтить назадъ чрезъ рѣку Одеръ, и въ предлогъ къ тому говорили они, что, не получая пять сутокъ никакого извѣстія о цесарцахъ, заключали, что они либо совсѣмъ разбиты, либо пресѣчена съ ними совершенно коммуникація, а чрезъ сіе и очистили ему путь къ Бреславлю. Одинъ только Чернышовскій корпусъ находился за рѣкою Одеромъ и дѣлалъ помѣшательство, но и оный былъ скоро удаленъ и король употребилъ къ тому особливую хитрость. Написано было подложное письмо будто отъ короля къ принцу Гейнриху, въ которомъ увѣдомлялъ онъ его о своей побѣдѣ надъ цесарцами и о намѣреніи перейтить чрезъ рѣку Одеръ для атакованія россіянъ, причемъ напоминалъ онъ ему о сдѣланіи движенія, о которомъ у нихъ было условленось. Письмо сіе вручено было одному мужику и дано наставленіе, какъ ему поступить, чтобъ русскіе его поймали и письмо сіе перехватили. Хитрость сія имѣла успѣхъ наивожделѣннѣйшій. Чернышовъ не успѣлъ прочесть сего письма, какъ перешелъ тотчасъ чрезъ рѣку Одеръ и высвободилъ чрезъ то короля изъ наиопаснѣйшаго и такого положенія, въ какомъ онъ никогда

еще не находился; и король никогда такъ веселъ не бывалъ, какъ въ сей разъ. Онъ могъ уже тогда соединиться съ принцемъ Гейнрихомъ и предпринимать далѣе что̀ ему было угодно; и съ сего времени пошло ему опять вездѣ счастіе.

Отступленіе нашей арміи произвело то, что и Даунъ, не имѣя уже надежды соединиться съ нею и боясь, чтобъ онъ и самъ не былъ отрѣзанъ отъ Богеміи, за полезнѣйшее счелъ отступить назадъ и подвинуться къ горамъ. Король прусскій послѣдовалъ за нимъ по стопамъ и старался вездѣ и всячески ему вредить и войско его обезпокоивать, а симъ образомъ и проходили они другъ за другомъ весь сентябрь мѣсяцъ, и сраженія происходили только маленькія и ничего незначущія.

Между тѣмъ какъ происходило сіе въ Шлезіи, возгремѣлъ военный огнь и въ Помераніи. Флотъ нашъ, подъ командою адмирала Мишукова и состоящій изъ двадцати семи военныхъ линейныхъ кораблей, фрегатовъ и бомбандирныхъ галіотовъ, въ мѣсяцѣ августѣ приплылъ подъ Кольбергъ и крѣпость сія осаждена была какъ имъ, такъ и пятнадцатью тысячами сухопутнаго войска; а къ нашему флоту присоединилась еще и шведская эскадра, состоящая изъ шести линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ. Генералъ Демидовъ, привезшій восемь тысячъ сухопутнаго войска на корабляхъ, высадивъ оное, соединился съ главнымъ корпусомъ, и осадивъ городъ сей съ трехъ сторонъ, началъ оный и съ моря и съ сухого пути бомбандировать и утѣснять оный всѣми возможными образами. Бомбандированіе сіе производилось съ такимъ усиліемъ, что въ теченіе четырехъ дней брошено было въ него болѣе семисотъ бомбъ, не считая каркасовъ или зажигательныхъ ядръ. Но крѣпость сія была не такова слаба, чтобъ можно было ею овладѣть однимъ таковымъ бомбандированіемъ и немногимъ осаждающимъ войскомъ; и комендантъ прусскій оборонялся и въ сей вторичный разъ наимужественнѣйшимъ образомъ и, несмотря на все разореніе, производимое въ городѣ бомбами и ядрами, не сдавался никакъ, доколѣ не прибылъ на сикурсъ къ нему генералъ Вернеръ съ пятью тысячами войска и не напалъ совсѣмъ нечаянно на неожидавшихъ того совсѣмъ нашихъ россіянъ. Неожидаемость сего нападенія произвела толикій страхъ и ужасъ на осаждающихъ, что они, оставя пушки, палатки и весь багажъ, разбѣжались врознь и чрезъ самое то сдѣлали и сіе вторичное покушеніе на Кольбергъ неудачнымъ и обратившимся къ крайнему стыду нашему. Самый флотъ, увидѣвъ разбѣжавшихся сухопутныхъ солдатъ и власно какъ опасаясь, чтобъ прусскіе гусары и ему чего не сдѣлали, заблагоразсудилъ также осаду и бомбандированіе оставить и съ стыдомъ отплыть въ море.

Что-жъ касается до Вернера, то онъ, сдѣлавши тутъ свое дѣло, послужившее ему къ великой чести и славѣ, обратился потомъ къ шведской Помераніи и надѣлалъ и тамъ еще множество дѣлъ, обратившихся во вредъ его непріятелямъ шведамъ.

Такимъ же образомъ посчастливилось королю прусскому и въ Саксоніи и тамъ, гдѣ нападалъ на области его герцогъ Виртенбергскій съ своимъ и имперскимъ войскомъ. Сей сначала имѣлъ хорошій успѣхъ, захватилъ многія мѣста, принудилъ платить себѣ военную контрибуцію и выгналъ пруссаковъ изъ всей почти Саксоніи; но какъ дошло дѣло до сраженія съ пруссаками подъ командою генерала Гильзена, то былъ такъ несчастливъ, что потерялъ баталію и далъ себя побѣдить пруссакамъ, а чрезъ нѣсколько времени потомъ, и еще разбитъ былъ принцемъ Цвейбрикскимъ.

Что-жъ касается до французской арміи, подъ командою дюка де-Брогліо, то сія въ сей годъ была счастливѣе. Она, безъ всякаго большого сраженія, а единственными движеніями, принудила пруссаковъ выйттить за Рейнъ и оставить многіе города и провинціи во власти французовъ.

Симъ окончу я сіе письмо, достигшее

до своихъ предѣловъ, а въ послѣдующемъ за симъ разскажу вамъ достальное о военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ теченіи сего года. Я есмь и проч.

Письмо 84-е

Любезный пріятель! Какъ въ предслѣдующемъ моемъ письмѣ не успѣлъ я вамъ пересказать всѣхъ военныхъ происшествій, бывшихъ въ теченіи 1760-го года, то разскажу вамъ теперь прочія.

Изъ пересказаннаго вамъ тогда означается само собою, что какъ ни велики были со всѣхъ сторонъ военныя приуготовленія и какъ жарко-было ни началась кампанія, однако вся она, противъ всякаго думанья и ожиданія, прошла въ однихъ только маршахъ и контра-маршахъ, въ хожденіяхъ непріятелей другъ за другомъ и въ примѣчаніяхъ всѣхъ взаимныхъ движеній. Три только осады, и всѣ три неудавшіяся, ознаменовали наиболѣе сіе лѣто, а именно: бреславская, дрезденская и кольбергская. Наконецъ окончилось уже и лѣто, и приближающееся холодное и дурное время заставливало какъ цесарцевъ, такъ и россіянъ, помышлять и о зимнихъ своихъ квартирахъ. Для обоихъ главныхъ командировъ оныхъ была та мысль несносна, что они съ превеликими своими арміями ничего важнаго въ цѣлое лѣто не сдѣлали. Они стыдились даже самихъ себя. А какъ присовокупилось къ тому и столь невыгодное Дауново стояніе въ горахъ, что всякій подвозъ къ нему былъ чрезвычайно отяготителенъ, впередъ же податься, за стояніемъ передъ нимъ и неотставаніемъ ни на пядень отъ него короля прусскаго, было ему никакъ не можно, — и другого не оставалось, какъ ретироваться въ Богемію; то стали выдумывать тогда всѣ способы, чѣмъ бы отманить прочь короля оттуда и отвлечь въ другую сторону, и признали къ тому наилучшимъ средствомъ то, чтобъ нашему графу Салтыкову отправить отъ себя легкій корпусъ прямо къ столичному прусскому городу Берлину и овладѣть онымъ, и отъ сего-то произошла та славная берлинская экспедиція, о которой мнѣ вамъ разсказать осталось и которая надѣлала тогда такъ много шума во всемъ свѣтѣ, но послужила намъ не столько въ пользу и славу, сколько во вредъ и безчестье.

Преклонить къ предпріятію сему нашего упрямаго и своенравнаго графа Салтыкова, господину Дауну неинако, какъ великаго труда стоило, и онъ не прежде на то согласился, какъ получивъ обѣщаніе, чтобъ и цесарцы съ другой стороны послали-бъ туда такой же корпусъ. Итакъ, отъ сихъ отправленъ былъ въ оную Ласси съ пятнадцатью тысячами австрійцевъ, а отъ насъ графъ Чернышовъ съ двадцатью тысячами. Самъ же графъ Салтыковъ взялся прикрывать всю сію экспедицію издали, а графу Фермору поручено было, съ знатною частію арміи, иттить въ слѣдъ за нимъ, и какъ подкрѣплять всю экспедицію издали, такъ и дѣлать наиглавнѣйшія съ нею распоряженія.

У насъ, въ теченіе сего лѣта и около самаго сего времени въ особливости, какъ-то прославился бывшій совсѣмъ до того неизвѣстнымъ, нѣмчинъ, генералъ-майоръ графъ Тотлебенъ, командовавшій тогда всѣми легкими войсками и пріобрѣтшій въ короткое время отъ нихъ и отъ всей арміи себѣ любовь всеобщую. Всѣ были о храбрости, расторопности и счастіи его такъ удостовѣрены, что надѣялись на него, какъ на ангела, ссланнаго съ небесъ для храненія и защищенія арміи нашей. Какъ сему нѣмчину случилось не только бывать, но и долгое время до того живать въ Берлинѣ, и ему какъ положеніе города сего, такъ и всѣ обстоятельства въ немъ были коротко извѣстны, то поручено было ему въ сей экспедиціи передовое, и въ трехъ тысячахъ человѣкъ состоящее войско, съ которымъ онъ и отправленъ былъ напередъ.

Поелику главною цѣлью при сей экспедиціи было полученіе превеликой въ Берлинѣ добычи, и оною, сколько съ одной стороны мы, а того еще болѣе цесарцы прельщались, то походомъ симъ съ обѣихъ сторонъ дѣлано было возможнѣйшее поспѣ-

шеніе, такъ что и сами цесарцы шли во весь походъ, противъ обыкновенія своего, безъ разстаговъ и въ десять дней перешли до трехсотъ верстъ; но какъ много зависѣло отъ того, кто войдетъ въ сей городъ прежде, то наши были въ семъ случаѣ проворнѣе, и Тотлебенъ такъ поспѣшилъ, что, отправившись изъ Лейтена, что въ Шлезіи, въ шестой день, а именно въ полдни 3-го октября, съ трехтысячнымъ своимъ изъ гренадеръ и драгунъ состоящимъ корпусомъ, явился предъ воротами города Берлина, и въ тотъ же часъ отправилъ въ оный трубача съ требованіемъ сдачи онаго.

Сей превеликій столичный королевскій городъ, не имѣющій вокругъ себя ни каменныхъ стѣнъ, ни земляныхъ валовъ, и всего меньше сего посѣщенія ожидавшій, имѣлъ въ себѣ только 1,200 человѣкъ гарнизоннаго войска, и потому къ оборонѣ находился совсѣмъ не въ состояніи. Комендантомъ въ ономъ былъ самый тотъ же генералъ Роховъ, который, за два года предъ тѣмъ, имѣлъ уже таковое-жъ посѣщеніе отъ австрійцевъ. Совсѣмъ тѣмъ, случившіеся тогда въ Берлинѣ—старикъ фельдмаршалъ Левальдъ, раненый генералъ Зейдлицъ и генералъ Кноплохъ присовѣтовали ему обороняться и были такъ усердны, что изъ единаго патріотизма взялись собственными особами защищать маленькіе шанцы, сдѣланные предъ городскими воротами. Итакъ, всѣ, кто только могъ, и самые инвалиды, и больные похватали оружіе и приготовились къ оборонѣ. Тотлебенъ, получивъ отказъ, велѣлъ тотчасъ сдѣлать двѣ батареи и стрѣлять по городу. Стрѣльба сія продолжалась съ двухъ часовъ пополудни по шестой часъ, и хотя брошено въ сіе время въ городъ до трехсотъ гаубичныхъ бомбъ и каркасовъ, изъ которыхъ иныя доставали даже до самаго королевскаго дворца, однако всѣмъ тѣмъ не произведено никакого пожара и не сдѣлано вреда дальняго, кромѣ поврежденія нѣсколькихъ домовъ и кровель па оныхъ. Въ вечеру же, въ 9 часовъ, началась опять жестокая стрѣльба и бомбандированіе, и 150 человѣкъ гренадеръ приступали къ Галльскимъ и Котбузскимъ воротамъ и маленькимъ предъ ними окопамъ и хотѣли взять оные приступомъ, но были каждый разъ сильнымъ огнемъ изъ ружей отбиваемы. Все сіе продолжилось за полночь; послѣ чего, и во все 4-е число стояли спокойно, а между тѣмъ, сего числа подоспѣлъ къ Берлину на помощь прусскій генералъ принцъ Евгеній Виртенбергскій съ 5,000-ми бывшаго въ Помераніи войска и, оправившись, атаковалъ тотчасъ маленькій Тотлебеновъ корпусъ и принудилъ его отойтить нѣсколько далѣе до Копеника.

Тутъ является потомъ графъ Чернышовъ со всѣмъ своимъ достальнымъ корпусомъ и соединяется съ Тотлебеномъ. Сей генералъ, услышавъ о дѣлаемомъ сопротивленіи, хотѣлъ-было уже иттить назадъ, и преклонить его къ тому, чтобъ иттить къ Берлину, стоило великаго труда находившемуся при немъ французскому комисіонеру, маркизу Монталамберту. Но какъ сему удалось наконецъ его къ тому уговорить, тогда оба они съ генераломъ Тотлебеномъ пошли впередъ, а пруссаки, увидѣвъ сіе, начали тотчасъ подаваться назадъ. Между тѣмъ, подоспѣлъ и въ городъ другой еще прусскій корпусъ, состоящій изъ 28-ми баталіоновъ и находившійся подъ командою генерала Гильзена, и пруссаки въ городѣ сдѣлались такъ сильны, что могли оборонить ворота городскія. И еслибъ подержались они хотя нѣсколько сутокъ, то спасся бы Берлинъ, ибо король самъ летѣлъ уже къ нему на вспоможеніе, и у нашихъ, равно какъ и у цесарцевъ положено уже было въ военномъ совѣтѣ иттить назадъ. Но, по счастію нашему, прусскіе начальники поиспужались приближающейся къ тамошнимъ предѣламъ и уже до Франкфурта, что на Одерѣ, дошедшей нашей арміи, и генерала Панина, идущаго съ нарочитымъ корпусомъ для подкрѣпленія чернышевскаго и не надѣялись съ 14-ю тысячами человѣкъ прусскаго войска въ состояніи быть оборонить отверстый со всѣхъ сторонъ городъ,—и опасаясь под-

вергнуть его отъ бомбандированія разоренію, а въ случаѣ взятья приступомъ грабежу, заблагоразсудили со всѣмъ войскомъ своимъ ретироваться въ крѣпость Шпандау, а городъ оставить на произволъ судьбѣ своей.

Сія судьба его не такъ была жестока, какъ того думать и ожидать бы надлежало. Городъ, по отшествіи прусскихъ войскъ, выслалъ тотчасъ депутатовъ и сдался немедленно Тотлебену на договоръ, который поступилъ въ семъ случаѣ далеко не такъ, какъ бы ожидать надлежало; но нашедъ въ немъ многихъ старинныхъ друзей своихъ и вспомнивъ, какъ они съ нимъ тутъ весело и хорошо живали, заключилъ съ городомъ не только весьма выгодную для его капитуляцію, но поступилъ съ нимъ уже слишкомъ милостиво и снисходительно. Въ особливости же, поспѣшествовалъ непомѣрной благосклонности къ сему городу нѣкто изъ берлинскихъ купцовъ, по имени Гоцковскій, странный и рѣдкій человѣкъ, и сущій выродокъ изъ купцовъ. Будучи очень богатъ и употребляя богатство свое не во зло, а въ пользу отечеству своему, сдѣлался онъ при семъ случаѣ охранительнымъ духомъ сего столичнаго города. Онъ настроилъ весь городской магистратъ, во-первыхъ, къ тому, чтобъ сдаться намъ, россіянамъ, а не пришедшимъ также уже цесарцамъ, ибо отъ сихъ, какъ главныхъ своихъ непріятелей, не ожидалъ онъ никакой пощады.— Во-вторыхъ, какъ онъ послѣ Кюстринской или Цорндорфской баталіи, всѣмъ попавшимся тогда въ прусскій плѣнъ россійскимъ офицерамъ оказалъ отмѣнное великодушіе и всѣхъ ихъ не оставлялъ и подкрѣплялъ своимъ достаткомъ, то сдѣлался онъ чрезъ то во всей россійской арміи извѣстнымъ, а сіе пріобрѣло ему и отъ тогдашнихъ нашихъ начальниковъ въ Берлинѣ дружбу, а особливо отъ главнаго командира, графа Тотлебена, а сею и воспользовался онъ наидѣятельнѣйшимъ образомъ къ пользѣ города.—Всѣ берлинскіе жители и знакомые и незнакомые, воспринимали къ нему прибѣжище, и онъ ежечасно являлся съ просьбами и представленіями, какъ обо всемъ обществѣ, такъ и за приватныхъ людей, и для подкрѣпленія просьбъ своихъ не жалѣлъ ни золота, ни камней, ни другихъ драгоцѣнностей и не поставляя всего того на счетъ города.

Тотлебенъ требовалъ съ города четыре милліона талеровъ контрибуціи, и при всѣхъ представленіяхъ былъ сначала неумолимъ. Онъ ссылался на полученное имъ отъ графа Фермора точное повелѣніе— выбрать неотмѣнно сію сумму и не повыми негодными, а старыми и хорошими деньгами. Всѣ берлинскіе жители пришли отъ того въ отчаяніе, но наконецъ удалось купцу сему чрезъ пожертвованіе великихъ суммъ изъ собственнаго своего капитала, требуемую сумму уменьшить до полутора милліона, да сверхъ того, чтобъ дано было войскамъ въ подарокъ 200 т. талеровъ, также добиться и до того, чтобъ и вся оная небольшая и ничего почти незначущая сумма, принята была вмѣсто старыхъ и новыми маловѣсными и тогда ходившими обманными деньгами. Съ симъ радостнымъ извѣстіемъ полетѣлъ Гоцковскій въ ратушу, гдѣ собравшійся магистратъ принялъ его какъ своего ангела-хранителя, и назначенныя въ подарокъ войску деньги, также полмилліона контрибуціи, были тотчасъ заплачены, а въ милліонѣ взятъ со всего купечества вексель.

Купецъ сей въ такомъ кредитѣ былъ у нашихъ русскихъ, что они ни съ кѣмъ не хотѣли имѣть дѣла, кромѣ его. Онъ денно и нощно былъ на улицѣ, доносилъ о всѣхъ безпорядкахъ, дѣлаемыхъ чиновниками, препятствовалъ всякому несчастію и утѣшалъ страждущихъ. Отъ Фермора дано было повелѣніе, чтобъ всѣ королевскія фабрики сперва разграбить а потомъ разорить, и между прочимъ были именно упомянуты такъ-называемый Лагергаусъ, съ которой становилось сукно на всю прусскую армію, также золотая и серебряная мануфактура, и 10-е число октября назначено было для сего разоренія. Гоцковскій узнаетъ о

томъ въ полночь, бѣжитъ безъ памяти къ Тотлебену, употребляетъ все возможное и представляетъ ему, будто-бы сіи, такъ-называемыя королевскія фабрики, не принадлежатъ собственно королю и доходъ отъ нихъ будто бы не отсылается ни въ какую казенную сумму, а употребляется весь на содержаніе Потсдамскаго сиротскаго дома. Тотлебенъ уважаетъ сіе его представленіе, заставливаетъ Гоцковскаго засвидѣтельствовать сіе письменно, и утвердить присягою,—а сіе и спасло сіи фабрики, и избавило ихъ отъ повелѣннаго Ферморомъ разоренія.

Симъ образомъ зависѣло отъ одного Тотлебена тогда причинить королю прусскому неописанный и ничѣмъ ненаградимый убытокъ. Берлинъ находился тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, наполненъ былъ безчисленнымъ образомъ наипрекраснѣйшихъ зданій, былъ величайшимъ мануфактурнымъ городомъ во всей Германіи, средоточіемъ всѣхъ военныхъ снарядовъ и потребностей и питателемъ всѣхъ прусскихъ войскъ. Тутъ находилось въ заготовленіи несмѣтное можество всякихъ повозокъ, мундировъ, оружія и всякихъ военныхъ орудій и припасовъ, и многія тысячи человѣкъ занимающіеся приуготовленіемъ оныхъ; было множество богатѣйшихъ купцовъ и жидовъ, и первые можно-бъ было всѣ разорить и уничтожить, а послѣдніе могли-бъ заплатить огромныя суммы, еслибъ Тотлебенъ не такъ былъ къ нимъ и ко всѣмъ берлинцамъ снисходителенъ.

Какъ цесарскій генералъ Ласси пришелъ къ Берлину позднѣе Тотлебена, то сей и не хотѣлъ никакъ уступить ему главнаго начальства надъ городомъ, и Ласси съ великою досадою и негодованіемъ смотрѣлъ на столь снисходительные поступки Тотлебеновы. Онъ оттѣснилъ силою россійскій караулъ отъ Гальскихъ воротъ и, поставивъ свой, требовалъ во всемъ соучастія, угрожая въ противномъ случаѣ протестовать противъ капитуляціи. Чернышовъ примирилъ сію ссору и приказалъ опростать австрійцамъ трое воротъ и подѣлиться съ ними тѣми деньгами, которыя назначены въ подарокъ войскамъ и дать имъ 50 т. талеровъ.

Тотлебенъ принужденъ былъ принимать на себя разныя личины и играть различныя роли. Публично дѣлалъ онъ страшныя угрозы и произносилъ клятвы и злословія, а тайно изъявлялъ благосклонное расположеніе, которое и подтверждалось дѣломъ. Всѣ жестокія повелѣнія Фермора были на большую часть отвращены и неисполнены. Но требованія цесарцевъ были еще жесточе; между прочимъ, хотѣли они, чтобъ подорванъ былъ берлинскій цейггаусъ, славное и великолѣпное зданіе посреди города и лучшихъ улицъ находящееся. Отъ сего произошелъ бы ужасный вредъ всему Берлину, и Тотлебену какъ того ни нехотѣлось, но онъ принужденъ былъ на то согласиться и отправлено уже было 50 человѣкъ россіянъ на пороховую, неподалеку отъ Берлина находившуюся мельницу, за порохомъ. Но неизвѣстно уже, какъ то случилось, что тамъ весь порохъ загорѣлся и мельницу взорвало вмѣстѣ со всѣми солдатами и цейггауса подорвать было уже нечѣмъ; итакъ, довольствовалися тѣмъ, что весь его опорожнили: что можно было взять съ собою, то взяли, другое переломано, иное сожжено, а другое побросано въ воду, а притомъ разоренъ былъ королевскій литейный домъ, монетныя сбруи и машины, пороховыя мельницы и всѣ королевскія фабрики, и забраты вездѣ, гдѣ ни были, казенныя деньги, коихъ число простиралось до 100 т. талеровъ.

Далѣе приказано было отъ Фермора берлинскихъ газетировъ наказать прогнаніемъ сквозь строй за то, что писали они объ насъ очень дерзко и обидно, и назначенъ былъ къ тому уже и день и часъ, и поставленъ уже строй. Но Гоцковскій, вмѣшавшись и въ сіе дѣло, умѣлъ его такъ перевернуть, что они приведены были только къ фрунту и имъ сдѣланъ былъ только выговоръ—и тѣмъ дѣло кончено.

Далѣе повѣщено было всему городу, чтобъ всѣ жители, подъ жестокимъ наказаніемъ, сносили все свое огнестрѣльное оружіе на дворцовую площадь. Сіе произвело новое всему городу изумленіе и новое опасеніе, но Гоцковскій произвелъ то, что и сей приказъ былъ отмѣненъ и для одного только имени принесено на площадь нѣсколько сотъ старыхъ и негодныхъ ружей и по переломаніи казаками брошены въ рѣку; а тоже сдѣлано и съ нѣсколькими тысячами пудовъ соли. Другое повелѣніе Фермора относилось до взятія особливой контрибуціи съ берлинскихъ жидовъ, и чтобъ богатѣйшихъ изъ нихъ, Ефраима и Ицига взять въ аманаты, но Гоцковскій умѣлъ сдѣлать, что и сіе повелѣніе было неисполнено.

Въ условіяхъ капитуляціи положено было, чтобъ ни одному солдату не брать себѣ квартиры въ городѣ, но цесарскій генералъ Ласси, оказывающій себя при всѣхъ случаяхъ непримиримѣйшимъ врагомъ пруссакамъ, поднялъ на смѣхъ сіе условіе и съ нѣсколькими полками своего корпуса взялъ квартиры себѣ въ городѣ, совсѣмъ противъ хотѣнія россіянъ. И тогда начались обиды, буянства и наглости всякаго рода въ городѣ.

Солдаты, будучи недовольны ѣствами и напитками, вынуждали изъ обывателей деньги, платье, и брали все, что только могли руками захватить и утащить съ собою. Берлинъ наполнился тогда казаками, кроатами и гусарами, которые посреди дня вламывались въ домы крали и грабили, били и уязвляли людей ранами. Кто опаздывалъ на улицахъ, тотъ съ головы до ногъ былъ обдираемъ и 282 дома было разграблено и опустошено. Австрійцы, какъ сами говорили берлинцы, далеко превосходили въ семъ рукомеслѣ нашихъ. Они не хотѣли слышать ни о какихъ условіяхъ и капитуляціи, но слѣдовали національной своей ненависти и охотѣ къ хищенію, чего ради принужденъ былъ Тотлебенъ ввесть въ городъ еще больше россійскаго войска и нѣсколько разъ даже стрѣлять по хищникамъ. Они вламывались, какъ бѣшеные, въ королевскія конюшни, кои, по силѣ капитуляціи, охраняемы были россійскимъ карауломъ. Лошади изъ нихъ были повытасканы, кареты королевскія ободраны, оборваны и потомъ изрублены въ куски. Самые гошпитали, богадельни и церкви пощажены не были, но повсюду было граблено и разоряемо, и жадность къ тому была такъ велика, что самые саксонцы, сіи лучшіе и порядочнѣйшіе солдаты, сдѣлались въ сіе время варварами и совсѣмъ на себя были не похожи. Имъ досталось квартировать въ Шарлоттенбургѣ, городкѣ за милю отъ Берлина отлежащемъ и славномъ по королевскому увеселительному дворцу, въ ономъ находящемуся. Они съ лютостью и звѣрствомъ напали на дворецъ сей и разломали все, что ни попалось имъ на глаза. Наидрагоцѣннѣйшія мебели были изорваны, изломаны, исковерканы, зеркала и фарфоровая посуда перебита, дорогіе обои изорваны въ лоскутки, картины изрѣзаны ножами, полы, панели и двери изрублены топорами и множество вещей было растаскано и расхищено; но всего болѣе жаль было королю прусскому хранимаго тутъ и прекраснаго кабинета рѣдкостей, составленнаго изъ однихъ антикъ или древностей и собраннаго съ великими трудами и коштами. Бездѣльники и оный не оставили въ покоѣ, но всѣ статуи и все перековеркали, переломали и перепортили. Жители шарлоттенбургскіе думали-было откупиться, заплативъ контрибуціи 15 т. талеровъ, но они въ томъ обманулись. Всѣ ихъ домы были выпорожнены, все, чего не можно было унесть съ собою, переколоно, перебито и перепорчено, мужчины избиты и изранены саблями, женщины и дѣвки изнасильничаны и нѣкоторые изъ мужчинъ до того были избиты и изранены, что испустили духъ при глазахъ своихъ мучителей.

Такое-жъ зло и несчастіе претерпѣли и многія другія мѣста въ окрестностяхъ Берлина, но все болѣе отъ цесарцевъ, нежели отъ нашихъ русскихъ, ибо сіи

дѣйствительно наблюдали и въ самомъ городѣ столь великую дисциплину, что жители берлинскіе, при выступаніи нашихъ и отъѣздѣ бывшего на время берлинскимъ комендантомъ бригадиру Бахману, подносили чрезъ магистратъ 10,000 талеровъ въ подарокъ, въ благодарность за хорошее его и великодушное поведеніе; но онъ сдѣлалъ славное дѣло, — подарка сего не принялъ, а сказалъ, что онъ довольно награжденъ и тою честію, что нѣсколько дней былъ комендантомъ въ Берлинѣ.

Впрочемъ, вся сія славная берлинская экспедиція далеко не произвела тѣхъ пользъ и выгодъ, какихъ отъ ней ожидали, но сдѣлалась почти тщетною и пустою. Еслибъ, по ожиданію многихъ, по занятію войсками нашими Берлина, всѣ союзныя арміи и самая наша двинулась внутрь Бранденбургіи и въ оной и даже въ окрестностяхъ Берлина расположилась на зимнія квартиры, то король былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ и доведенъ до крайности, и войнѣ-бъ чрезъ то положенъ былъ конецъ; но какъ союзники, такъ и наши, не имѣли столько духа, но напротивъ того, услышавъ, что король, узнавъ о семъ занятіи Берлина, тотчасъ съ войскомъ своимъ полетѣлъ къ нему на помощь, такъ сего испужались, что разсыпались въ одинъ мигъ всѣ, какъ дождь, отъ Берлина въ разныя стороны. Наши спѣшили убраться за рѣку Одеръ и соединиться съ главною арміею; цесарцы направили стопы свои въ Саксонію, чтобъ соединиться съ Дауномъ, а шведы, поспѣшавшіе-было также къ Берлину, возвратились обратно въ Померанію, такъ что король, пришедъ къ Берлину, не нашелъ тутъ уже никого, а одни только слѣды опустошенія и разоренія и успѣлъ еще потомъ, возвратясь къ пошедшему между тѣмъ въ Саксонію Дауну, подраться съ цесарцами и какъ у нихъ побить нѣсколько тысячъ народа, такъ и самъ потерять столько-жъ. Большая, славная и почти безпримѣрная баталія сія, единая во все теченіе лѣта, произошла въ Саксоніи, при мѣстечкѣ Торгау или Сиплицѣ и совсѣмъ была сначала потерянная королемъ; но нечаянная удача генерала его Цитена, и обстоятельство, что Даунъ былъ раненъ и долженъ былъ команду препоручить генералу Одонелю, доставило ему наконецъ побѣду, безъ дальнихъ однако для его выгодъ, кромѣ того, что онъ удержалъ за собою Саксонію, и всѣ воюющія съ нимъ державы вышли изъ его предѣловъ.

Такимъ образомъ окончилась въ сей годъ кампанія, достопамятная наиболѣе одними только маршами и контра-маршами, да упомянутою теперь торгавскою баталіею, а въ прочемъ не принесшая ни союзникамъ дальнихъ выгодъ, ни изнурившая короля прусскаго. Онъ остался при тѣхъ же границахъ, въ какихъ былъ съ начала весны, и всѣ труды, убытки и люди потеряны были по пустому; а симъ окончу я и сіе письмо, дабы въ послѣдующемъ говорить уже о иномъ и обратиться паки къ своей исторіи, между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее.

Письмо 85-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь опять къ описанію моей собственной исторіи, скажу вамъ, что между тѣмъ, какъ все упомянутое въ послѣднихъ моихъ обоихъ письмахъ въ Шлезіи, Саксоніи, Помераніи и Бранденбургіи происходило, мы, живучи въ Кёнигсбергѣ, такъ какъ прежде мною было упоминаемо, помышляли только о увеселеніяхъ и только что досадовали, что не присылались такъ долго курьеры съ извѣстіями ни о взятьѣ городовъ, ни о сраженіяхъ, ни о побѣдахъ, какими мы во все лѣто ласкались. Наконецъ, какъ обрадовались мы, услышавъ, что наши пошли въ Берлинъ и оный взяли. Мы думали, что отъ сего и Богъ знаетъ что̀ послѣдуетъ; но сколь же взгоревались опять, когда услышали, что войски наши опять сей городъ покинули, что занятіе онаго не послужило намъ ни въ какую пользу и что наши и сами насилу ушли оттуда. Намъ стыдно даже самихъ себя было при

семъ извѣстіи, а особливо потому, что мы слишкомъ уже зарадовались овладѣніемъ Берлиномъ.

Вскорѣ послѣ того и около самаго того времени, какъ пошелъ мнѣ двадцать третій годъ, а именно 11 октября (1760) поражены мы были другимъ всего меньше ожидаемымъ и всѣхъ насъ неописанно поразившимъ извѣстіемъ, что императрица, прогнѣвавшись на нашихъ предводителей войскъ и генераловъ за то, что они въ минувшую кампанію такъ мало ревности и усердія оказали, и чрезъ то подвигли союзниковъ ея къ неудовольствію и недовѣрку на себя, вознамѣрилась сдѣлать перемѣну, и на мѣсто графа Салтыкова опредѣлила старика фельдмаршала, графа Александра Борисовича Бутурлина, главнымъ командиромъ ея арміи. Сіе извѣстіе привело насъ всѣхъ въ изумленіе и мы долго не хотѣли вѣрить, чтобъ могло сіе быть правдою. Характеръ сего престарѣлаго большого бoярина былъ всему государству слишкомъ извѣстенъ и всѣ знали, что неспособенъ онъ былъ къ командованію не только арміею, но и двумя или тремя полками, и что всѣмъ и всѣмъ несравненно былъ хуже Салтыкова; а когда и сей едва-едва годился воевать противъ такого хитраго и искуснаго воина, каковъ былъ король прусскій, то чего можно было ожидать отъ Бутурлина, который уже и до того служилъ болѣе всѣмъ единымъ посмѣшищемъ? Словомъ, всѣ дивились тому и говорили, что никакъ людей на Руси уже не стало, и всѣ утверждали, что лучше бы поручить армію послѣднему какому-нибудь генералъ-майору, нежели сему старику, даромъ, что онъ былъ фельдмаршалъ, до котораго чина дослужился онъ по линіи. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда въ кружку съ самыми подлыми людьми, наводила на всѣхъ и огорченіе, и негодованіе превеликое. А какъ сверхъ того былъ онъ неучъ и совершенный во всемъ невѣжда, то всѣ отчаявались и не ожидали въ будущую кампанію ни малѣйшаго успѣха, въ чемъ дѣйствительно и не обманулись.

Впрочемъ, сколько негодовали мы на сего новаго главнаго всѣмъ намъ командира, столько сожалѣли о прежнемъ честномъ и праводушномъ старикѣ, графѣ Салтыковѣ. Сей, хотя также былъ не слишкомъ знающимъ, но все гораздо уже лучше Бутурлина и ежели что портилъ, такъ отъ единаго своего упрямства и своенравія, при многихъ случаяхъ даже непростительнаго. Онъ былъ отлученъ только отъ арміи, а не отставленъ, и ему велѣно было жить въ городѣ Маріенбургѣ.

Между тѣмъ, продолжали мы въ Кёнигсбергѣ жить по прежнему и самую осень препровождать въ увеселеніяхъ обыкновенныхъ. У генерала нашего были то и дѣло балы, а въ исходѣ ноября опять маскарадъ превеликій, на которомъ я опять затанцовался до совершенной усталости; а сверхъ того имѣли мы около сего времени и другую забаву: прислана была къ намъ въ Кёнигсбергъ—для выпорожненія и у насъ и у многихъ кёнигсбергскихъ жителей кармановъ и обобранія у всѣхъ излишнихъ денегъ — казенная лотерея. До сего времени не имѣли мы объ ней никакого и понятія, а тогда узнали ее довольно-предовольно и за любопытство свое заплатили дорого. У многихъ изъ нашей братьи, а особливо охотничковъ, любопытныхъ и желавшихъ вдругъ разбогатѣть, не осталось ни рубля въ карманѣ, а нельзя сказать, чтобъ и я не сдѣлался вкладчикомъ въ оную. Рублей пять, шесть и до десяти проигралъ и я, и послѣ тужилъ объ нихъ чистосердечно, ибо на сумму сію могъ бы я купить себѣ превеликое множество книгъ; но по счастію скоро опамятовался и терять болѣе деньги понапрасну пересталъ.

Въ половинѣ декабря былъ у насъ, по причинѣ случившагося какого-то праздника, опять у генерала нашего превеликій маскарадъ и я протанцовалъ и на ономъ до самаго четвертаго часа и до

такой усталости, что насилу могъ дойтить до квартиры.

Въ сію осень какъ-то въ особливости я зарѣзвился и затанцовался впрахъ, власно какъ предчувствуя, что всѣмъ такимъ забавамъ и увеселеніямъ скоро уже конецъ долженствовалъ воспослѣдовать, какъ и дѣйствительно, не успѣли мы отъ онаго еще выспаться и отдохнуть, какъ получаемъ совсѣмъ неожидаемое и такое извѣстіе, которое до крайности всѣхъ насъ перетревожило, а именно, что мы вскорѣ получимъ себѣ новаго и незнакомаго командира и что прежняго, то-есть Корфа, угодно было императрицѣ опредѣлить въ Петербургѣ, на мѣсто умершаго Татищева, генераломъ-полицеймейстеромъ, а смѣнить его и нами тутъ въ городѣ командовать велѣно было генералу-поручику Суворову, отцу того, который впослѣдствіи такъ много прославилъ себя въ свѣтѣ.

Всѣ мы, хотя и не очень были довольны Корфомъ, какъ по чрезвычайно крутому его нраву и бранчивости непомѣрной, такъ и потому, что онъ неслишкомъ былъ и милостивъ и благодѣтеленъ ко всѣмъ намъ, русскимъ, а особливо подкомандующимъ, и никто изъ насъ не видалъ отъ него никакого добра кромѣ однихъ ругательствъ и браней, и потому всѣ не столько его любили, сколько ненавидѣли, и самого его въ тайнѣ бранили; однако, съ одной стороны сдѣланная уже къ нему привычка, а съ другой стороны незнаніе новаго командира и его характера, и обстоятельство, что изъ знающихъ иные его хвалили, а иные нѣтъ, вообще же, всѣ отзывались объ немъ, что онъ человѣкъ особливаго характера, сдѣлало то, что намъ его (Корфа) уже нѣкоторымъ образомъ и жаль стало.

Извѣстіе о семъ получено нами уже въ исходѣ 1760 года и за немногіе дни до Рождества Христова, и генералъ нашъ, получивъ оное, тотчасъ отправился по нѣкоторымъ надобностямъ и дѣламъ къ фельдмаршалу въ Маріенбургъ, взявъ съ собою и г. Чонжина, который въ сіе время былъ уже коллежскимъ ассесоромъ, который чинъ доставилъ ему генералъ нашъ.

Сія отлучка сихъ обоихъ особъ доставила намъ сколько-нибудь свободу и отъ трудовъ отдохновеніе, и я, писавши къ пріятелю своему большое письмо, говорилъ, что мнѣ впервые еще удалось тогда препроводить цѣлую половину дня на своей квартирѣ, но за то, какъ самый праздникъ, такъ и святки, были у насъ нѣсколько скучноваты. Чтобъ пособить тому сколько-нибудь и замѣнить отсутствіе генерала, то вздумалось одному изъ сотоварищей нашихъ, а именно, старшему изъ тѣхъ обоихъ юнкеровъ, господъ Олиныхъ, о которыхъ упоминалъ я прежде, случившемуся около сего времени быть имянинникомъ, дать намъ на другой день праздника добрую вечеринку, или паче порядочный балъ, но только въ миніатюрѣ. Была у насъ тутъ и музыка, было много и женскаго пола, было множество танцевъ и наконецъ ужинъ; и хозяинъ нашъ, будучи у насъ первымъ петиметромъ и любочестіемъ до безумія зараженный, неупустилъ ничего, чѣмъ бы насъ какъ можно лучше угостить и позабавить. Мы собрали на праздникъ сей всѣхъ своихъ друзей и знакомцевъ, и какъ подъ предлогомъ, что г. Олинъ праздновалъ день своей женитьбы, хотя онъ отъ роду еще женатъ не былъ, нашли способъ пригласить для танцевъ и многихъ изъ тамошнихъ жительницъ и чрезъ то сдѣлали балъ свой нешуточнымъ, но порядочнымъ, а что всего лучше, то все происходило на немъ съ благочиніемъ и порядкомъ, то завеселились и затанцовались мы на ономъ впрахъ и, какъ говорится, до самаго положенія ризъ. Никто же изъ всѣхъ столько не веселился при семъ случаѣ, какъ я и отъѣзжающій уже съ генераломъ другъ мой, адъютантъ его, г. Балабинъ. Мы были почти главныя особы на ономъ, и какъ во все сіе празднество господствовала вольность, откровенное дружество и повѣренность, то былъ онъ намъ, да и самому мнѣ, во сто разъ пріятнѣе всѣхъ праздниковъ и баловъ губернаторскихъ.

Вслѣдъ за сею нашею пирушкою получили мы и другое, и въ особливости мнѣ, весьма непріятное извѣстіе. Наслано было повелѣніе отъ фельдмаршала, чтобъ всѣмъ оставшимся отъ полковъ въ Кёнигсбергѣ третьимъ баталіонамъ — иттить немедленно къ полкамъ своимъ, и чтобъ при семъ случаѣ неотмѣнно собрать и смѣнить всѣхъ отлучныхъ и отправить съ ними къ полкамъ ихъ. Для меня повелѣніе сіе было тѣмъ важнѣе, что въ числѣ сихъ баталіоновъ считался баталіонъ и нашего полку, а въ числѣ помянутыхъ отлучныхъ и самъ я, и какъ посему касалось повелѣніе сіе и до меня собственно и пришло къ намъ предъ самою смѣною губернаторовъ, то наводило оно на меня великое сумнѣніе, и я боялся, чтобъ сія разстройка не сдѣлалась мнѣ наконецъ предъсудительною.

Губернаторъ нашъ проѣздилъ къ фельдмаршалу до самаго наступленія новаго 1761 года, который день былъ у насъ достопамятенъ тѣмъ, что получили мы въ оный новый годъ, новую зиму и новаго губернатора, ибо и сей пріѣхалъ къ намъ въ самый первый день сего года и остановился тутъ же у насъ въ замкѣ, гдѣ старый губернаторъ опросталъ для его тотчасъ весь верхній и лучшій этажъ, а самъ перешелъ въ прежній нижній, и старался угостить его всячески. Мы встрѣчали его всѣ, и онъ показался намъ остренькимъ, неглупымъ и такимъ старичкомъ, которой былъ самъ о себѣ, несмотря, хотя былъ очень, очень не изъ пышныхъ.

Первые дни сего года прошли въ принимапіи единыхъ поздравленій съ пріѣздомъ ото всѣхъ и всѣхъ и въ ранжированіи собственныхъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и настоящая смѣна и сдача губерніи воспослѣдовала не прежде какъ 5-го января, и какъ сей день былъ для меня въ особливости достопамятенъ, то опишу я его подробнѣе.

Всѣмъ намъ повѣщено было еще съ вечера, что на утріе будетъ происходить смѣна у губернаторовъ и чтобъ мы къ тому готовились и находились каждый при своемъ мѣстѣ. А не успѣли мы въ тотъ день собраться въ канцелярію, какъ и пришли въ оную губернаторы, и старый, въ провожаніи множества всякого рода чиновниковъ, и повелъ новаго по всѣмъ канцелярскимъ комнатамъ и представлялъ ему всѣхъ своихъ подкомандующихъ, разсказывая, кому поручено какое дѣло и кто чѣмъ занимался; а при семъ случаѣ, натурально, дошла и до меня очередь.

Я хотя нимало не сомнѣвался въ томъ, что не останусь никакъ безъ рекомендаціи отъ стараго губернатора новому, однако оказанная мнѣ отъ прежняго при семъ случаѣ милость превзошла всѣ мои чаянія и ожиданія. Онъ, возвращаясь съ нимъ изъ заднихъ канцелярскихъ комнатъ, нарочно для меня въ моей остановился и новому губернатору съ слѣдующими словами меня представилъ: «Сего офицера я въ особливости вашему превосходительству рекомендую». За симъ и пошли исчисленія и похвалы всѣмъ моимъ способностямъ, качествамъ и добрымъ свойствамъ, и могу сказать, что всѣ онѣ были не только не забыты, но еще и увеличены. Однимъ словомъ, я самъ не зналъ до сего времени, что поведеніе мое было ему такъ тонко и коротко извѣстно. Состояніе, въ какомъ я тогда находился, не могу я никакъ описать, а только скажу, что всю ту четверть часа, въ которую принужденъ я былъ слышать себѣ отъ всѣхъ бывшихъ тутъ безпрерывныя и на прерывъ другъ предъ другомъ производимыя похвалы, горѣлъ какъ на огнѣ и самъ себя почти непомнилъ отъ смѣшенія неожидаемости, удивленія и удовольствія.

Новый губернаторъ не успѣлъ о имени моемъ услышать, какъ спросилъ меня, кто мой отецъ былъ? И какъ я ему сказалъ, то увѣрялъ меня, что онъ родителя моего зналъ довольно и спрашивалъ меня потомъ о нѣкоторыхъ, до фамиліи нашей касающихся обстоятельствахъ, и у какой нахожусь я тутъ должности? На сіе послѣднее отвѣчать мнѣ не было времени ибо тотчасъ голосовъ въ пять ему было,

отвѣтствовано и вкупѣ сказываемо, какъ я нуженъ и прилеженъ, и прочее и прочее. Сколько казалось, то было ему очень непротивно все сіе слушать, а особливо увѣренія всѣхъ о томъ, что я охотникъ превеликій до наукъ, до рисованья и до читанья книгъ, которыя у меня, какъ они говорили, не выходятъ почти изъ рукъ. Онъ самъ имѣлъ къ тому охоту и любопытство его было такъ велико, что онъ восхотѣлъ посмотрѣть нѣкоторыя лежавшія у меня на столѣ книги. Тогда сожалѣлъ я, что не было тутъ никакихъ иныхъ, кромѣ лексиконовъ, ибо прочія, всѣ тутъ бывшія, отослалъ я на квартиру, и еслибъ зналъ сіе, то могъ бы приготовить къ сему случаю наилучшія. Совсѣмъ тѣмъ губернаторъ и всѣ тѣ пересмотрѣлъ и говорилъ со мною объ нихъ столько, что я могъ заключить, что онъ довольно обо всемъ свѣдущъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, и новый губернаторъ удостоивалъ меня особливымъ своимъ благоволеніемъ, глаза всѣхъ зрителей обращены были на меня и всѣ радовались и поздравляли меня потомъ съ приобрѣтеніемъ себѣ уже нѣкоторой отъ сего новаго начальника милости. И какъ едва ли ему кто-нибудь иной былъ столько расхваленъ, какъ я, то сіе самого меня очень веселило, а притомъ доставило мнѣ ту пользу, что какъ скоро дни чрезъ два послѣ того доложили ему обо мнѣ, что мнѣ слѣдуетъ иттить въ походъ вмѣстѣ съ баталіономъ, то онъ тотчасъ приказалъ меня оставить и написать обо мнѣ къ фельдмаршалу особое представленіе, которое тотчасъ было написано и съ первою почтою отправлено.

Новый нашъ губернаторъ началъ правленіе свое представленіемъ всѣмъ кёнигсбергскимъ жителямъ такого зрѣлища, какого они до того еще не видывали и которое ихъ всѣхъ удивило; ибо какъ на другой день принятія его должности случилось быть празднику Богоявленія Господня, то восхотѣлъ онъ показать бываемыя у насъ въ сей день водоосвященія надворныя, со всѣми обрядами и процессію, введенными при томъ въ обыкновеніе. Итакъ, выбрано было посреди города, на рѣкѣ Прегелѣ, наилучшее и такое мѣсто, которое могло-бъ окружено и видимо быть множайшимъ количествомъ народа, и сдѣлана обыкновенная и — сколько въ скорости можно было — украшенная іордань. По всѣмъ берегамъ рѣки и острова поставлены были всѣ случившіяся тогда въ городѣ войски и баталіоны съ распущенными ихъ знаменами и въ наилучшемъ убранствѣ, а въ близости подлѣ іордана поставлено было нѣсколько пушекъ. Всѣ сіи приуготовленія привлекли туда несмѣтное множество зрителей. Не только всѣ улицы и берега рѣки и рукавовъ ея, но и всѣ окны и даже самыя кровли ближнихъ домовъ и хлѣбныхъ шпиклеровъ, унизаны были людьми обоего пола, а то же было и по всѣмъ улицамъ, по которымъ иттить надлежало процессіи отъ церкви, болѣе версты отъ сего мѣста удаленной. Процессія сія была наивеликолѣпнѣйшая, и архимандритъ, въ богатыхъ своихъ ризахъ и драгоцѣнной шапкѣ, со множествомъ духовенства, производили для пруссаковъ зрѣлище достойное любопытства, а какъ присутствовалъ при оной и самъ губернаторъ со всѣми чиноначальниками и отъ самой церкви провожалъ ее пѣшкомъ, несмотря на всю отдаленность, то желаніе видѣть новаго губернатора привлекло туда еще болѣе народа. Поелику же, при погруженіи креста въ воду, производилась какъ изъ поставленныхъ на берегу пушекъ, такъ и съ фридрихсбургской крѣпости, пушечная пальба, а потомъ и троекратный бѣглый огонь изъ мелкаго ружья всѣми войсками, то и сіе сдѣлало въ народѣ еще болѣе впечатлѣнія и всѣ кёнигсбергскіе жители смотрѣли на все сіе съ особливымъ удовольствіемъ. Губернаторъ же непреминулъ въ сей день угостить всѣхъ лучшихъ людей обѣдомъ. Но многимъ изъ народа не полюбился только онъ наружнымъ своимъ видомъ и простотою одежды, ибо относительно до сего не видно было въ немъ ни малѣйшей пышности и

великолѣпія такого, какое привыкли они всегда видѣть въ Корфѣ.

Баталіонъ нашъ выступилъ вскорѣ послѣ того въ походъ, а я, оставшись тутъ, началъ мало по малу привыкать къ новому правительству, которое сопряжено было со многими перемѣнами и между прочимъ съ тѣмъ, что всѣ мы принуждены уже были вставать ранѣе и вмѣсто того, что прихаживали въ канцелярію часу въ восьмомъ и въ девятомъ, приходить въ нее уже въ четыре часа по-утру. Что-жъ касается до губернатора, то, будучи онъ разумнымъ, дѣловымъ, а притомъ крайне трудолюбивымъ человѣкомъ, вставалъ такъ рано, что въ два часа пополуночи бывалъ уже всегда одѣтъ и можно было его всякому видѣть; а по всему тому хотѣлъ, чтобъ и канцелярскіе были поприлежнѣе противъ прежняго. Новость сія гг. товарищамъ моимъ не весьма нравилась, но къ чему не можно привыкнуть? Сперва былъ о томъ превеликій ропотъ и негодованіе, но скоро всѣ мы къ тому привыкли и довольны были тѣмъ, что, по-крайней-мѣрѣ, послѣ обѣда не сидѣли мы уже въ канцеляріи, и въ праздники имѣли болѣе свободы.

Другая и не менѣе важная перемѣна съ нами была та, что мы лишились обыкновеннаго губернаторскаго стола, которымъ до того времени пользовались, и должны были помышлять уже о собственномъ своемъ пропитаніи и вмѣсто того, что хаживали гурьбою прямо изъ канцеляріи за готовый для насъ и сытный столъ въ комнатахъ губернаторскихъ, должны были расходиться уже по квартирамъ, ибо новый нашъ губернаторъ, будучи далеко не таковъ богатъ, какъ Корфъ, не разсудилъ для насъ имѣть особый столъ и тѣмъ паче, что и самъ имѣлъ у себя очень, очень умѣренный.

Обстоятельство сіе было для всѣхъ насъ, а особливо для холостыхъ и одинокихъ, весьма чувствительно; ибо для живущихъ тутъ съ женами и имѣвшихъ и до того домашніе столы, было сіе сноснѣе и мы должны были либо заводиться всѣмъ и всѣмъ, и варить себѣ ѣсть дома, либо ходить обѣдать въ трактиры, либо приказывать приносить къ себѣ изъ оныхъ. И какъ сіе послѣднее было хотя убыточнѣе, но съ меньшими хлопотами и затрудненіями сопряженное, то рѣшился я, относительно до себя, избрать сіе послѣднее, и отходя поутру изъ квартиры, приказалъ человѣку сходить въ ближній трактиръ и заказать для себя обѣдъ. Но какъ удивился я, пришедъ въ полдни домой и нашедъ у себя столъ уже набранный и человѣка своего, спрашивающаго: прикажу ли я подавать кушанье? Я неинако думалъ, что онъ хотѣлъ иттить за нимъ въ трактиръ, и потому сталъ-было напоминать ему, чтобъ онъ не простудилъ мнѣ кушаньевъ; но какъ удивился еще того болѣе, когда онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я того не опасался, что кушанье близко и что добродушные мои старички-хозяева не успѣли о томъ услышать, что я расположился посылать за обѣдами своими въ трактиръ, какъ руками и ногами тому воспротивились и, не допустивъ его до того, приготовили обѣдъ мнѣ сами и хотятъ, чтобъ я о томъ ни мало не заботился, но что обѣдъ будетъ для меня всегда готовъ, въ какое бы время я ни пришелъ изъ канцеляріи, и что хотятъ сіе дѣлать даромъ, бсзъ всякой заплаты и изъ единой благодарности за то, что я стою у нихъ смирно, что не видятъ они отъ меня никакого себѣ зла и неудовольствія, и во все время стоянія моего у нихъ, жили въ совершенномъ спокойствіи и отъ всѣхъ обидъ въ безопасности. Признаюсь, что таковое добродушіе хозяевъ моихъ поразило меня до крайности, и какъ чрезъ минуту послѣ того взошли ко мнѣ на верхъ и оба старики-хозяева и тоже изустно мнѣ повторили, то сколько ни отговаривался я, что не хочу ихъ тѣмъ отягощать, и сколько ни совѣстился, что причиню имъ тѣмъ убытокъ, но, видя ихъ кланяющихся и неотступно того просящихъ, принужденъ былъ на то согласиться и сдѣлать имъ сіе удовольствіе, чѣмъ они крайне были и довольны.

И съ того времени обѣдывалъ и ужи-

пывалъ я уже всегда дома и обѣдъ для меня былъ дѣйствительно всегда готовъ, и хотя столы мои и не были уже таковы пышны и изобильны, какъ у губернатора, но во вкусѣ и въ сытости ничего въ нихъ недоставало. Всегда имѣлъ я у себя три вкусныхъ блюда: супъ, какой-нибудь соусъ и жаркое, а по воскреснымъ днямъ даже и пирожное, а потомъ и кофе и все это бывало всегда такъ хорошо и вкусно сварено и приготовлено, что я не только сытъ, но еще и довольнѣе во все время былъ, нежели прежними обѣдами губернаторскими.

Наконецъ насталъ день отъѣзда въ Петербургъ нашего бывшаго губернатора, день, который встрѣчали мы съ особыми чувствованіями и въ который можно было видѣть, кто какъ къ нему расположенъ былъ и кто жалѣлъ или радовался о его отбытіи. Наканунѣ того дня ходили мы всѣ къ нему прощаться. Боже мой! съ какою ласкою и съ какими изъявленіями своего благопріятства, перецѣловавъ, отпустилъ онъ насъ отъ себя. Со всякимъ изъ насъ не оставилъ онъ поговорить что-нибудь, и мнѣ совѣтовалъ онъ въ особливости продолжать хорошее мое поведеніе и стараться жить добропорядочно. Сія минута сдѣлала мнѣ его впятеро милѣй передъ прежнимъ и я хотѣлъ бы уже и всегда быть въ его командѣ, еслибъ онъ всегда таковъ добръ и хорошъ былъ. Совсѣмъ тѣмъ и каковъ онъ ни былъ, но я не могу на него жаловаться, а обязанъ ему еще благодарностію. Многіе изъ нашихъ роптали на него, для чего неодарилъ онъ всѣхъ ихъ чѣмъ-нибудь на память о себѣ при отъѣздѣ, но я доволенъ былъ и добрымъ словомъ; а сверхъ того далъ онъ намъ всѣмъ изрядные аттестаты за своею рукою и печатью, который хотя мнѣ и не принесъ въ жизнь мою никакой пользы, но я храню его у себя и по нынѣ, какъ нѣкакой памятникъ тогдашнему моему служенію. Вмѣстѣ съ нимъ, проводили мы тогда и общаго нашего друга, адъютанта его, господина Балабина и разстались съ нимъ, утирая текущія изъ глазъ слезы дружества.

Проводивъ его, стали мы по прежнему жить и я по прежнему ходить ежедневно въ канцелярію и отправлять прежнюю должность. Впрочемъ, какъ я, такъ и всѣ не сомнѣвались нимало, что̀ на представленіе, сдѣланное обо мнѣ, воспослѣдуетъ отъ фельдмаршала благопріятный отвѣтъ; почему нимало я и не собирался къ отъѣзду изъ Кёнигсберга, но вдругъ воспослѣдовало совсѣмъ тому противное и всего меньше нами ожидаемое.

Чрезъ недѣлю по отъѣздѣ Корфа, пришло наконецъ повелѣніе обо мнѣ отъ фельдмаршала, и повелѣніе такое, которое потрясло тогда всею душею моею. Въ немъ, неупоминая обо всѣхъ тѣхъ необходимостяхъ, о какихъ писано было въ представленіи обо мнѣ, сказано только, что буде я въ арміи быть неспособенъ, то оставить меня дозволяется, а буде человѣкъ молодой и въ арміи быть могу, то отправить бы меня съ баталіономъ.

Какъ повелѣніе сіе было не совсѣмъ позитивное, а было нѣкоторымъ образомъ двоякое, то и не вдругъ получилъ я рѣшительный отвѣтъ, но дѣло осталось еще на перевѣсѣ, и я болѣе двухъ недѣль находился еще въ совершенной неизвѣстности, что̀ со мною сдѣлаютъ и отправятъ ли меня или удержутъ? И какъ всѣмъ нашимъ канцелярскимъ никакъ не хотѣлось со мною разстаться, то всѣ они, а паче всѣхъ помянутый ассессоръ Чонжинъ, во все сіе время всячески старался наклонить генерала нашего къ тому, чтобъ меня неотпускать, но къ несчастію нашему былъ онъ такого характера, что его трудно было къ чему-нибудь убѣдить. Онъ хотя и внималъ всѣмъ его представленіямъ о необходимой надобности во мнѣ, и что всѣ они безъ меня какъ безъ рукъ будутъ, и хотя и самому ему не хотѣлось меня отпустить, но повелѣніе было отъ фельдмаршала и повелѣнія сіи почиталъ онъ всѣ свято; итакъ, самъ не зналъ, что ему дѣлать и какое найтить посредство въ семъ случаѣ; а посему на всѣ вопрошанія мои

у помянутаго ассессора, не могъ я добиться никакого толку. Правда, хотя я и самъ не имѣлъ никакой причины спѣшить полученіемъ рѣшительнаго повелѣнія, но какъ не было у меня ни лошадей, ни всего прочаго, нужнаго къ походу, и всѣмъ тѣмъ надлежало запасаться, то неволя заставляла меня добиваться толку, дабы неупустить къ приуготовленію всего того способнѣйшаго времени.

Мнѣ присовѣтовали наконецъ сходить самому къ генералу и стараться добиться отъ него чего-нибудь одного, и я послѣдовалъ сему совѣту; и чтобъ имѣть болѣе времени съ нимъ о томъ поговорить, то избралъ въ одинъ день утреннее и такое время, когда онъ только-что всталъ и одѣлся, и у него никого еще не было. Было сіе часу въ третьемъ пополуночи, когда я пришелъ къ нему въ покои. Онъ былъ уже совершенно одѣтъ и тотчасъ велѣлъ меня къ себѣ пустить, какъ скоро ему обо мнѣ доложили. Я нашелъ его ходящаго взадъ и впередъ по одной пространной, но одною только свѣчкою освѣщенной комнатѣ, и какъ онъ меня спросилъ — что я? то сказалъ я ему прямо, что я пришелъ къ нему требовать рѣшительнаго повелѣнія—что̀ мнѣ дѣлать? собираться ли ѣхать къ полку или нѣтъ? Но онъ, будучи превеликимъ политикомъ и не хотя, какъ думать мнѣ можно было, меня оскорбить формальнымъ повелѣніемъ, не сказавъ мнѣ ничего точнаго въ отвѣтъ, завелъ со мною такіе балы и раздабары, что проговорилъ со мною болѣе получаса о разныхъ матеріяхъ, а при всемъ томъ о главномъ дѣлѣ не сказалъ мнѣ ни того ни сего, и я вышелъ отъ него въ такой же находясь неизвѣстности, въ какой былъ прежде. То только могъ я примѣтить, что ему хотѣлось, чтобъ я и остался, но чтобъ сдѣлалось это такъ, чтобъ онъ не могъ за то понесть отъ фельдмаршала какого-нибудь слова. Но какъ ни онъ, ни я не зналъ, какъ бы сіе сдѣлать, то осталось опять на прежнемъ, и я хотя начиналъ усматривать, что мнѣ врядъ ли отдѣлаться отъ похода, и уже коечѣмъ началъ запасаться, однако, подъ предлогомъ, что не могу ничего рѣшительнаго добиться, продолжалъ ходить по прежнему въ канцелярію и отправлять свою должность.

Между тѣмъ, употреблены были, по приказанію генеральскому, всѣ способы къ отысканію на мѣсто мое изъ находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ какого-нибудь способнаго къ тому офицера. Перебраны были всѣ до единаго, но не нашлось ни одного, который хотя-бъ нѣсколько къ тому былъ способенъ. Сіе обрадовало меня и польстило-было надеждою, ибо какъ великая надобность въ такомъ переводчикѣ, каковъ былъ я, мнѣ самому была извѣстна, то ласкался я надеждою что и нехотя можетъ быть меня наконецъ оставятъ. Но къ несчастію, проговорись кто-то генералу о присланныхъ изъ Москвы и тутъ учащихся студентахъ. Генералъ неуспѣлъ того услышать, какъ и прицѣпился къ онымъ. Тотчасъ были они всѣ отысканы и спрашиваны самимъ генераломъ, не можетъ ли изъ нихъ кто-нибудь переводить, и тогда случилось одному изъ нихъ, а именно самому тому Садовскому, о которомъ я прежде упоминалъ, проболтаться, что изъ книжки переводить онъ можетъ. Генералъ обрадовался, сіе услышавъ, и въ тотъ же моментъ велѣлъ сыскать ему что-нибудь перевесть на пробу, и переводъ его, каковъ ни былъ несовершенъ и какъ г. Чонжинъ ни старался его опорочить, однако самимъ генераломъ онъ одобренъ и сказано, что онъ переводить научится и чтобъ онъ тутъ оставался и принимался-бъ за работу.

Бѣдный Садовскій, неожидавшій того нимало и попавшійся тогда, какъ мышь въ западню, скоро увидѣлъ, что переводы наши были совсѣмъ различны отъ книжныхъ и такихъ, какіе ему отчасти были извѣстны, и какъ случилось тогда — какъ нарочно — дѣлъ превеликое множество, и притомъ еще переводовъ самыхъ трудныхъ, и положены предъ него цѣлыя груды бумагъ, то бѣднякъ

сей и при первомъ переводѣ сталъ совсѣмъ въ пень и такъ ихъ испужался, что раскаявался тысячу разъ въ томъ, что проболтался; не радъ былъ животу своему и приступалъ уже съ неотступною просьбою, чтобъ его отъ того избавить и свободить, но на него ужъ не посмотрѣли. Слово было сказано и перемѣнить его было не можно, и онъ, что ни говорилъ, но принужденъ былъ оставаться и кое-какъ не переводить, а городить турусу на колесахъ.

Я смотрѣлъ хотя на сіе и только что смѣялся, однако все сіе открыло мнѣ уже глаза и я видѣлъ ясно, къ чему клонится все дѣло и, положивъ сбираться въ полкъ уже самымъ дѣломъ, сталъ уже уклоняться отъ переводовъ и въ канцелярію ходить рѣже; но не прошло и двое сутокъ, какъ востребовалась во мнѣ крайняя надобность. Нужно было одно важное дѣло, и притомъ очень скоро, перевесть, и какъ новый переводчикъ учинить того никакъ былъ не въ состояніи, то прислали нарочнаго за мною и просили уже просьбою взять на себя трудъ и перевесть оное. Я хотѣлъ-было сперва позакопаться и не переводить, но подумавъ и разсудивъ, что сердцемъ и досадою ничего не сдѣлаешь и никакой пользы себѣ не произведешь, не только на то согласился, но нарочно еще постарался перевесть скорѣе и какъ можно лучше. Симъ угодилъ я много генералу, а какъ въ самое тоже время надобность явилась скопировать нѣкоторые посылаемые ко двору нужные чертежи и рисунки и произвесть сіе кромѣ меня было некому, мнѣ же удалось сдѣлать ихъ еще лучше самого оригинала, то приобрѣлъ я чрезъ то себѣ новыя похвалы и получилъ новый лучъ надежды, что меня удержутъ, или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ скоро станутъ вытуривать вонъ изъ города.

Но все сіе не долго продолжалось: вытуривать меня хотя ни у кого на умѣ не было и всѣ рады-бъ были, чтобъ я пробылъ какъ можно долѣе, дабы можно было имъ моими трудами пользоваться, но самому мнѣ явилась новая побудительная причина добиваться вновь какого-нибудь о себѣ рѣшенія. Является ко мнѣ вдругъ купецъ, у котораго пріисканы и приторгованы были мною уже лошади и сказываетъ, что онъ отправляется въ уѣздъ и буде мнѣ лошади надобны, то бы я покупалъ оныя скорѣе, а въ противномъ случаѣ онъ уѣдетъ на нихъ самъ; а какъ лошади были хороши и приторгованы дешево и мнѣ упустить ихъ не хотѣлось, то сіе протурило меня опять къ генералу и побудило просить, чтобъ сказалъ онъ мнѣ что-нибудь рѣшительное. Признаться надобно, что я въ сей разъ надѣялся почти несомнѣнно, что получу отвѣтъ благопріятный; однако я въ томъ обманулся немилосердо и генералъ, по многимъ заминаніямъ, сказалъ мнѣ наконецъ рѣшительно, что ему никакъ меня удержать не можно и чтобъ я собирался въ путь свой.

Не могу изобразить, какъ поразился я симъ неожидаемымъ отвѣтомъ, и какъ взволновалась во мнѣ вся кровь при услышаніи онаго. Я власно тогда какъ на льду подломился и, терзаемъ будучи разными душевными движеніями и откланявшись ему, пошелъ повѣся голову въ канцелярію, сказывать сотоварищамъ своимъ о учиненномъ мнѣ формальномъ отпускѣ. И тогда имѣлъ я неописанное удовольствіе видѣть, какъ много меня всѣ любили, какъ всѣмъ имъ было меня жаль и какъ не хотѣлось со мною разстаться. Всѣ, отъ вышнихъ до нижнихъ чиновъ, услышавъ сіе, встужились, всѣ собрались въ кучку вокругъ меня и всѣ, напрерывъ другъ предъ другомъ, изъявляли и досаду свою и сожалѣніе обо мнѣ, и всѣ вообще роптали и были крайне недовольны поступкомъ генерала. Иной называлъ его трусомъ и старою бабою; другой говорилъ, что онъ самъ не знаетъ чего боится; третій полагалъ за вѣрное что фельдмаршалъ всего меньше о томъ знаетъ и обо мнѣ думаетъ, а наврать обо мнѣ вздумалось такъ, правителю его канцеляріи, и что можно-бъ подождать и вторичнаго обо мнѣ повелѣнія, котораго

вѣрно не воспослѣдуетъ, ибо я составляю толь маловажную въ арміи особу, что дѣло обойдется и безъ меня, и обо мнѣ вѣрно позабудутъ; иной говорилъ, что не великая-бъ бѣда, еслибъ генералу и вторично еще обо мнѣ къ фельдмаршалу представить, или писать партикулярно, и попросить фельдмаршала о дозволеніи мнѣ остаться какъ для казенныхъ же и необходимыхъ надобностей; иные совѣтовали мнѣ сказаться больнымъ, или всклепать на себя что нибудь, тому подобное. Всѣ же вообще не совѣтовали мнѣ никакъ спѣшить моимъ отъѣздомъ, а медлить онымъ сколько можно долѣе, говоря, что и путь становится уже самый послѣдній и мнѣ ѣхать будетъ слишкомъ дурно, а лучше бы подождать просухи; а г. Чонжинъ брался сдѣлать наконецъ то, чтобъ меня не высылали и неволею, и чтобъ медлить сколько можно моимъ отправленіемъ и такъ далѣе.

Я слушалъ все сіе и молчалъ; но какъ всѣ сіи сожалѣнія мнѣ ни мало не помогали и я былъ уже формально спущенъ, то, подумавъ обо всемъ хорошенько и боясь, чтобъ не нажить себѣ какой бѣды, рѣшился уже начать собираться прямымъ дѣломъ и потому, пришедъ на квартиру, послалъ тотчасъ съ деньгами за сторгованными лошадьми и купилъ оныхъ, а потомъ велѣлъ исправлять и повозку и все нужное къ походу.

Но какъ сіе скорѣй сказать, нежели сдѣлать было можно, потому что повозка моя требовала великой починки и потребно было ко всему тому по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ времени, то препроводилъ я все сіе время не безъ скуки и въ чувствованіяхъ не весьма пріятныхъ. Привыкнувъ жить (с)только уже лѣтъ на одномъ мѣстѣ и въ покоѣ и отвыкнувъ совсѣмъ отъ прежней военной жизни и службы, до которой я и безъ того по неволѣ только былъ охотникъ, тогда же, познакомившись съ науками короче и вкусивъ всѣ пріятности ихъ, всего меньше имѣя уже къ ней склонности, желалъ я тысячу разъ охотнѣе упражняться далѣе въ оныхъ, нежели ѣхать на войну и подвергать себя ежедневнымъ трудамъ и опасностямъ. Къ тому-жъ, какъ наступала и дѣйствительно и самая уже распутица, ибо было сіе уже въ исходѣ февраля мѣсяца, полкъ же нашъ находился уже въ походѣ и отправленъ былъ въ Померанію, то признаюсь, что ѣхать мнѣ крайне нехотѣлось, а потому и неудивительно, что я не старался слишкомъ спѣшить сборами, но и самъ помышлялъ уже о томъ, чтобъ протянуть отъѣздомъ своимъ какъ-нибудь долѣе, и буде-бъ можно, такъ до самой бы просухи.

Между тѣмъ, какъ слухъ до насъ доходилъ, что съ обозами тогда въ арміи учинена перемѣна и офицерамъ уже двумъ велѣно имѣть одну только повозку, то и сіе озабочивало и огорчало меня чрезвычайно; обстоятельство сіе принуждало меня забирать съ собою колико можно меньше вещей, а какъ у меня тогда и однихъ книгъ болѣе воза было, то пуще всего жаль мнѣ было разстаться съ ними, и я не зналъ—куда мнѣ ихъ дѣвать и кому препоручить по отъѣздѣ.

Въ семъ горестномъ расположеніи наступаетъ наконецъ самый мартъ мѣсяцъ и мнѣ доносятъ, что повозка моя уже исправлена и все къ отъѣзду моему было готово, и тогда иное ли что оставалось мнѣ дѣлать, какъ только иттить требовать себѣ пашпорты, распрощаться съ генераломъ и со всѣми, и потомъ сѣсть и ѣхать. Отъѣздъ мой и дѣйствительно былъ уже такъ достовѣренъ, что я перервалъ уже и переписку съ господиномъ Тулубьевымъ, расплатился со всѣми, кому я былъ долженъ, и полагая за вѣрное, что чрезъ недѣлю отправлюсь въ путь и недѣли черезъ двѣ буду уже при полку, былъ во всемъ томъ такъ удостовѣренъ, что неусумнился ссудить взаймы случившагося тогда тутъ нашего полку подлекаря, совсѣмъ мнѣ почти незнакомаго и тогда ѣдущаго въ полкъ человѣка тридцатью рублями денегъ, въ надеждѣ, что получу оныя отъ него тотчасъ по пріѣздѣ въ полкъ свой. Но воспослѣдовалъ ли дѣйствительно мой отъѣздъ или нѣтъ,

о томъ услышите вы въ письмѣ будущемъ, а теперь, какъ сіе уже увеличилось за предѣлы, то дозвольте мнѣ оное симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

Письмо 86-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ вамъ остановился я на томъ, что я намѣренъ былъ уже дѣйствительно отправиться къ полку и не только все было готово къ отъѣзду, но назначенъ былъ уже и день оному и оставалось мнѣ только укласться, запрягать лошадей и ѣхать; и отбытіе сіе изъ любезнаго мнѣ Кёнигсберга казалось уже столь достовѣрно и неминуемо, что я помянутому, выпросившему у меня взаймы денегъ и поѣхавшему въ полкъ, нашему полковому подлекарю, препоручилъ уже сказать и полковнику нашему и всѣмъ полковымъ о скоромъ моемъ отъѣздѣ и къ полку прибытіи.

Но какъ бы вы думали? вѣдь всего того не послѣдовало и вышелъ изо всѣхъ сборовъ моихъ совершенный пустякъ!.. Я не поѣхалъ и остался еще долѣе жить въ Кёнигсбергѣ! Но какъ это сдѣлалось, того истинно самъ почти не знаю и приписую ничему иному, какъ сокровенному дѣйствію пекущагося о благѣ моемъ божескаго Промысла, восхотѣвшаго, чтобъ я и сіе лѣто не проваландался по пустому и безъ всякой пользы по землямъ непріятельскимъ, а препроводилъ бы въ продолженіи начатыхъ мною наукъ и научился бы кой-чему еще многому хорошему и несравненно предъ прежними знаніями моими важнѣйшему, и для того произведшему такое сплетеніе случаевъ и обстоятельствъ, что я нечувствительно, и самъ почти не зная какъ, остался еще долѣе жить въ Кёнигсбергѣ. Но, дабы подать вамъ сколько-нибудь о томъ понятіе, то разскажу вамъ о произшествіяхъ сихъ, сколько могу упомнить.

Какъ все къ отъѣзду моему было уже готово, то, чтобъ не допустить до самой половоди и распутицы совершенной, спѣшилъ уже и самъ я онымъ, и потому, избравъ одинъ день, пошелъ изъ квартиры моей въ канцелярію дѣйствительно съ тѣмъ, чтобъ, испросивъ у генерала объ отпускѣ и отправленіи меня бумагу и распрощавшись какъ съ нимъ, такъ и со всѣми канцелярскими, на утріе запрягать лошадей и ѣхать; но могъ ли я думать, что самый этотъ день и часъ назначенъ былъ къ неожидаемой остановкѣ и къ произведенію во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ перемѣны, и что произведетъ оную сущая, повидимому бездѣлица и вещь ничего незначущая!

Не успѣлъ я войтить въ канцелярію, въ которой я за сборами уже нѣсколько дней не бывалъ, какъ въ самой моей прежней комнатѣ встрѣчается со мною нашъ ассесоръ г. Чонжинъ и, обрадовавшись увидя меня, говоритъ: «А! вотъ кстати!.. а мы только-что хотѣли за тобою посылать! вотъ и вѣстовой уже сбирается».—«Что такое? спросилъ я, и за чѣмъ такимъ?»—«Генералу есть до тебя небольшая нуждица, и онъ приказалъ послать за тобою».—«Не знаете ли какая?» спросилъ я. — «Это ты самъ услышишь и увидишь, ступай-ко къ нему въ судейскую: онъ тебя дожидаетъ».

Нуждица сія была вотъ какая: случилось ему какъ-то ненарочно повредить крестъ ордена своего святыя Анны и повредить такъ, что необходимо надобно было сдѣлать оный совсѣмъ вновь. Онъ и пріискалъ уже къ тому и мастеровъ, но какъ въ срединѣ креста былъ написанный на финифтѣ и въ миніатюрѣ маленькій образокъ, изображающій св. Анну, и во всемъ Кёнигсбергѣ не могли отыскать мастера, умѣющаго писать на финифти и неоставалось другого средства какъ послать въ Берлинъ и велѣть тамъ оный написать, а для самаго сего потребенъ былъ точь-въ-точь противъ прежняго образочка рисуночекъ, то хотя и приводили къ генералу въ самое то утро живописца, могущаго бы то сдѣлать, но какъ онъ требовалъ за то съ генерала немѣнѣе 5-ти рублей, то сіе его, какъ скупого человѣка, такъ раздосадовало, что онъ, прогнавъ живописца съ глазъ долой и бу-

дучи еще въ превеликой досадѣ, пришедъ въ канцелярію, жаловался на сей случай своимъ сотоварищамъ совѣтникамъ, и показывая имъ сей образокъ, бранилъ живописца, говоря, что онъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ вознамѣрился его ограбить. Какъ ассесоръ нашъ г. Чонжинъ сидѣлъ тутъ и на два только шага отъ генерала, то, вскочивъ, подошелъ и онъ посмотрѣть образочекъ сей, и неуспѣлъ взглянуть, какъ захохотавъ, генералу сказалъ: «И! ваше превосходительство! есть за что платить 5 рублей, это сущая бездѣлка; да извольте приказать Болотову, онъ вамъ въ одинъ мигъ это срисуетъ и не будетъ надобности платить ни полушки!»—«Да неужели онъ это можетъ? и умѣетъ развѣ онъ и рисовать?» спросилъ генералъ.—«Не только умѣетъ, но превеликій еще и охотникъ; въ лѣтнюю пору мы и здѣсь въ канцеляріи видали его много разъ окладеннаго вокругъ красками и рисующаго; и какія же прекрасныя рисуетъ онъ картинки»! — «Что ты говоришь!»—сказалъ генералъ, «это право хорошо и похвально, однако это вѣдь миніатюрная живопись и нарисовать надобно на паргаментѣ, такъ можетъ ли полно онъ?»—«Это вы можете у него спросить», сказалъ Чонжинъ, «но я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь въ томъ, видалъ я его рисующаго, и очень мелко, и на паргаментѣ также».—«Хорошо бы право это, и не здѣсь ли онъ?» спросилъ генералъ. — «Нѣтъ, ваше превосходительство, и мы его уже нѣсколько дней не видимъ:—бѣдный собирается теперь къ отъѣзду и въ послѣдній разъ видѣлъ я его въ превеликихъ хлопотахъ и заботахъ о лошадяхъ, о повозкѣ и прочемъ, и въ горести превеликой»! – «Да развѣ ему очень не хочется? спросилъ генералъ; онъ вѣдь офицеръ, и отъ службы отрекаться не долженъ». — «Кто про то говоритъ? сказалъ Чонжинъ, но здѣсь развѣ не такая же служба, а сверхъ того и армейской службѣ ему не учиться стать: онъ, какъ сказывали мнѣ, и въ полку былъ наилучшимъ офицеромъ и вѣрно и тамъ не загинетъ; но его не то огорчаетъ болѣе, а иное». — «А чтожъ такое?»—спросилъ генералъ.—«Ему не хотѣлось бы отсюда ѣхать, отвѣчалъ Чонжинъ, болѣе для того, что онъ началъ-было здѣсь только-что учиться»! —«Какъ учиться и чему?» спросилъ генералъ.—«Какъ, развѣ ваше превосходительство не изволите знать, что онъ у здѣшнихъ университетскихъ профессоровъ порядочно учится философіи и слушаетъ какія-то лекціи, и съ минувшей еще осени всякой день урывается на часъ времени отсюда изъ канцеляріи и хаживалъ по вечерамъ къ нимъ на дома, и никто долго о томъ не зналъ, не вѣдалъ». — «Что ты говоришь! сказалъ съ удивленіемъ генералъ, это истинно рѣдкій молодой человѣкъ; но пошли-ка мой другъ за нимъ: спросимъ-ко, право, мы его, не можетъ-ли онъ мнѣ нарисовать этого? услужилъ бы онъ мнѣ тѣмъ очень, очень». Господину Чонжину не было нужды повторять сіе въ другой разъ. Онъ выбѣжалъ въ тотъ же мигъ въ подъяческую и велѣлъ призвать вѣстового, чтобъ послать за мною, а въ самую ту минуту я, какъ вышеупомянуто, и вошелъ въ канцелярію, и Чонжинъ въ тотъ же часъ и повелъ меня къ нему.

Генералъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ, сказавъ: «А! вотъ ты уже и здѣсь, хорошо это! и вставъ съ мѣста, продолжалъ: поди-ка, мой другъ, сюда! и повелъ меня въ маленькій тутъ кабинетъ къ окошку, и тутъ, показывая мнѣ изломанный свой орденскій крестъ, продолжалъ: — посмотри-ка, мой другъ, это; мнѣ сказывали, что ты умѣешь рисовать, не можешь ли ты мнѣ этотъ образочикъ и въ точномъ видѣ срисовать?»—Не знаю, ваше превосходительство! сказалъ я, на оный посмотрѣвши, кажется, диковинка не великая: можетъ быть, и срисую.—«Ты одолжилъ бы меня тѣмъ, сказалъ генералъ, но вотъ вопросъ: вѣдь надобно, чтобъ было это нарисовано на паргаментѣ и въ точной величинѣ противъ этого». —Это разумѣется само собою, отвѣчалъ я.—«Но есть-ли у тебя нужный къ тому клочекъ паргамента?»— Есть, ваше пре-

восходительство. — «Ну хорошо-жъ, мой другъ, потрудись, пожалуй, и поспѣши, сколько можешь, и еслибъ можно, такъ хотѣлось бы мнѣ не упустить завтрашней (почты) и отправить съ нею рисуночекъ сей въ Берлинъ».—Уклался-было совсѣмъ и прибралъ-было всю свою рисовальную сбрую, сказалъ я на сіе: но хорошо, сударь, я поразберусь и достану, и постараюсь поспѣшить.—«Но что ты такъ спѣшишь, сказалъ онъ, сіе услышавъ, я тебя хотя и не удерживаю, но ей-ей и не выгоняю — и ты не имѣешь нужды такъ спѣшить». — Да путь-то, ваше превосходительство, устрашаетъ, самый уже послѣдній. — «То-то и дѣло, подхватилъ онъ, путь-то не хорошъ, и не лучше-ль бы уже помедлить... Итакъ, возьми-ка, мой другъ, поди и потрудись, пожалуй!»

«Хорошо, ваше превосходительство», сказалъ я, и, взявъ крестъ, побѣжалъ на квартиру, съ головою, наполненною разными мыслями и новыми недоумѣніями о томъ, что мнѣ дѣлать и ѣхать-ли, или еще на нѣсколько времени остаться. Послѣднія генеральскія слова произвели сіе недоумѣніе и множество разныхъ во мнѣ мыслей, и я началъ уже питать себя лестною надеждою, что меня и оставятъ, а особливо если мнѣ удастся услужить генералу порученною мнѣ бездѣлкою. Почему, не успѣлъ приттить домой, какъ, отыскавъ свой походный жестяной ларчикъ съ красками и съ кистями, который сдѣланъ былъ у меня нарочно и весьма укромный для похода, принялся тотчасъ за работу. Она подлинно составляла самую бездѣлку и была такъ маловажна, что мнѣ удалось ее въ тоже утро кончить, такъ что я, для врученія ея генералу, засталъ его еще въ канцеляріи, въ которой обыкновенно онъ часу до втораго и до третьяго просиживалъ.

Нельзя изобразить, какъ удивился онъ, увидѣвъ меня къ себѣ въ судейскую вошедшаго. — «Чтò ты, мой другъ, спросилъ онъ меня съ поспѣшностію и увидѣвъ подающаго ему и крестъ его и рисунокъ, — что это? неужели онъ уже готовъ?» — «Готовъ, ваше превосходительство, сказалъ я, много-ли тутъ работы?»— «Посмотримъ-ка, посмотримъ», подхватилъ онъ и, вставъ съ мѣста своего, пошелъ къ окну развертывать бумагу съ рисункомъ. Тутъ вспрыгнулъ онъ почти отъ радости, увидѣвъ мою работу и закричалъ: «а! какъ это хорошо! ей-ей хорошо, никакъ я того не ожидалъ и не думалъ. Посмотрите-ко, государи мои, обратясь къ совѣтникамъ, онъ продолжалъ: истинно нельзя быть лучше и аккуратнѣе!» Всѣ повскакали тогда съ мѣстъ своихъ и пошли смотрѣть къ генералу, а вмѣстѣ съ ними и г. Чонжинъ, и всѣ начали, напрерывъ другъ предъ другомъ, расхваливать мою работу, а г. Чонжинъ говорилъ: «Ну, не правда-ли моя, ваше превосходительство, не сказывалъ-ли я вамъ напередъ, что онъ сдѣлаетъ? онъ у насъ на все дока!»—«Правда, правда, сказалъ генералъ, въ превеликомъ будучи удовольствіи:—и г. Болотовъ истинно мастеръ рисовать и, что всего удивительнѣе, такъ скоро и хорошо. Спасибо тебѣ, мой другъ, ты одолжилъ меня трудомъ своимъ, право одолжилъ, и я завтра-же пошлю его въ Берлинъ». Я, слушая сіе, молчалъ и только-что откланивался ему; но какъ хотѣлъ я прочь иттить, то сказалъ онъ мнѣ наконецъ: «Постой же, и неуходи, мой другъ, изъ канцеляріи, а пойдемъ-ка вмѣстѣ со мною, отобѣдаемъ и поговоримъ что-нибудь».

Я сдѣлалъ ему за честь, оказываемую мнѣ, прензкій поклонъ и неуспѣлъ выттить въ подъяческую, какъ всѣ канцелярскіе облѣпили меня кругомъ и всѣ напрерывъ другъ предъ другомъ изъявляли радость свою о томъ, что удалось мнѣ такъ услужить генералу и поздравляли меня съ оказываемою мнѣ честію, какой никто еще до того времени неудостоился изъ всѣхъ канцелярскихъ, и всѣ желали, чтобъ хотя сіе помогло къ тому, чтобъ меня оставили; о чемъ нѣкоторые почти уже несомнѣвались, и тѣмъ паче, что слышали, что въ то время, когда я рисовалъ, говорено было много обо мнѣ въ судейской.

Неуспѣли мы приттить въ губернатор-

скіе покои, гдѣ накрытъ уже былъ маленькій столикъ, ибо онъ обѣдывалъ всегда почти одинъ, какъ велѣлъ генералъ тотчасъ поставить еще приборъ для меня, а между тѣмъ, какъ становили и носили кушанье, и вступилъ онъ со мною въ слѣдующій разговоръ: «Право, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ, подумай-ка, уже не отложить-ли тебѣ отъѣздъ свой до просухи? Видишь самъ, что путь началъ уже совершенно портиться и мы сегодня же получили еще извѣстіе, что рѣки Висла и Ноготь такъ разлились, что сдѣлалось превеликое наводненіе и многія селенія затоплены; то какъ тебѣ теперь ѣхать одному и подвергаться безъ нужды опасностямъ? Мнѣ досадно, невѣдомо какъ, что не могу тебя формально удержать, но съ другой стороны, жалѣю истинно тебя и не желалъ бы никакъ, чтобъ ты подвергся какому-нибудь несчастію. Подумай-ко, это право не малина и не опадетъ, и пріѣхать къ арміи всегда еще успѣть ты можешь?»—«То-то такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я: мнѣ и самому хотѣлось бы охотно пробыть здѣсь до просухи, но я опасаюсь, чтобъ за нескорый свой пріѣздъ не претерпѣть мнѣ какой напасти!»—«Нѣтъ, подхватилъ генералъ, это не такъ важно и опасаться того нечего; словомъ, хотя-бъ прислано было и вторичное о тебѣ повелѣніе, такъ и тогда бѣда невелика! Мы отпишемъ, можетъ быть, тогда что-нибудь, могущее служить къ твоему извиненію и оправданію въ томъ».—«О! если эта будетъ милость ваша, сказалъ я, поклонившись, такъ дѣло иное, и я уже смѣлѣе и охотнѣе остановлюсь здѣсь до просухи».—«Оставайся-ка, оставайся, мой другъ, съ Богомъ до просухи, куда тебѣ теперь ѣхать, а тамъ посмотримъ, что Богъ дастъ. Можетъ быть, перемѣнятся обстоятельства, и намъ можно будетъ удержать тебя и долѣе; а между тѣмъ поживемъ-ка сколько-нибудь еще вмѣстѣ и ты ходи-ка между тѣмъ къ намъ, по прежнему, въ канцелярію, и помогай намъ своими переводами, а кстати, притомъ, можешь продолжать и свои науки. Мнѣ сказывали, что ты чему-то учишься, это истинно похвально и препохвально. Сядемъ-ка и отобѣдаемъ, а потомъ поговоримъ съ тобою о наукахъ, познакомимся короче, и ты разскажи мнѣ обо всемъ подробнѣе».

Всѣми сими словами влилъ онъ, власно, какъ нѣкакой живительный бальзамъ въ отягощенное недоумѣніемъ мое сердце. Я кланялся и благодарилъ за его къ себѣ милость и благопріятство и не помню когда бы имѣлъ обѣдъ столь вкусный и сладкій, какъ въ то время.

А не успѣли мы отобѣдать, какъ онъ и вступилъ со мною въ пространный разговоръ о наукахъ; я долженъ былъ разсказать ему все и все, что̀ я знаю, гдѣ, чему и отъ кого учился и чему именно учусь въ тогдашнее время.

И какъ онъ услышалъ, что я всему научился болѣе самоучкою и по единственной охотѣ, то не могъ онъ довольно расхвалить меня за то. Что-жъ касается до разсказыванія моего о новой философіи, которой я началъ учиться, то слушалъ онъ о томъ съ особливымъ вниманіемъ, желалъ слышать наиглавнѣйшія ея основанія и совѣтовалъ мнѣ никакъ непокидать учиненнаго начала и продолжать сіе доброе и полезное дѣло. Коротко, мы проговорили съ нимъ болѣе двухъ часовъ сряду и оба узнали другъ друга короче. Я узналъ, что и онъ довольно свѣдущъ во многомъ и отмѣнно любилъ науки, а онъ получилъ обо мнѣ лучшее понятіе и чрезъ самое то сдѣлался ко мнѣ такъ благосклоненъ, что я во все время пребыванія моего у него подъ командою, не могъ на него ни въ чемъ маленькомъ пожаловаться, и кромѣ ласки и благопріятства ничего отъ него не видалъ.

Поговоривъ симъ образомъ съ губернаторомъ, рѣшился я, по совѣту его, на отвагу остаться долѣе въ Кёнигсбергѣ и дожидаться вторичнаго о высылкѣ меня повелѣнія отъ фельдмаршала, и послѣ узналъ, что о самомъ томъ былъ у генерала и во время рисованья моего разговоръ съ совѣтниками и ассесоромъ, и

съ общаго согласія положено было у нихъ, меня до полученія сего вторичнаго повелѣнія не отпускать, но всячески удерживать. Но какъ сего вторичнаго повелѣнія не воспослѣдовало и во все лѣто, ибо фельдмаршалу вѣрно не до того было, чтобъ помнить о такихъ бездѣлкахъ, а отъ полку представленіевъ обо мнѣ къ нему не дѣлано было никакихъ, и какъ думать надобно сперва потому, что по увѣренію пріѣхавшаго подлекаря о скоромъ моемъ пріѣздѣ, меня ежедневно ожидали, а послѣ когда пошли въ походъ, то и полковымъ начальникамъ не до того было, чтобъ о такихъ бездѣлкахъ дѣлать фельдмаршалу представленія, то въ ожиданіи того и прожилъ я въ Кёнигсбергѣ благополучно во все лѣто и до самаго того времени, покуда судьба отвлекла меня въ другую сторону и все дѣло обо мнѣ такъ было позабыто, какъ бы и во все его не было.

Вотъ какимъ образомъ остался я опять въ Кёнигсбергѣ и какой бездѣлкѣ назначено было меня остановить; но какъ бы то ни было, то я тѣмъ очень былъ доволенъ и о томъ убыткѣ ни мало не жалѣлъ, который я имѣлъ при покупкѣ лошадей и исправленіи своего походнаго экипажа, но послѣ тѣмъ былъ еще и доволенъ, ибо мнѣ въ послѣдующее время сгодились они очень кстати, такъ какъ о томъ упомянется послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

Возвращаясь теперь къ продолженію порядка исторіи моей, скажу, что оставшись помянутымъ образомъ, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, въ Кёнигсбергѣ, началъ я по прежнему ходить ежедневно въ канцелярію и заниматься переводами, съ тѣмъ уже для себя облегченіемъ, что имѣлъ у себя уже помощника, котораго я заставлялъ переводить все легкое, а самъ для себя оставлялъ только трудные которые переводить онъ былъ еще не въ состояніи, и какъ чрезъ то получилъ я болѣе досуга, а сверхъ того и все послѣполуденное время могли мы употреблять на себя, то и началъ я тѣмъ болѣе и прилежнѣе заниматься науками и какъ штудированіемъ новой философіи, такъ переводами и чтеніемъ книгъ не столько увеселительныхъ, сколько важныхъ и существенно полезныхъ, и могу сказать, что сей годъ былъ для меня прямо учебный и по многимъ отношеніямъ наиважнѣйшій во всей жизни.

Ибо, во-первыхъ, спознакомился я въ оный и познакомился довольно коротко съ здравѣйшею и лучшайшею философіею изъ всѣхъ, какія бывали только до того въ свѣтѣ и которой полезность, узнанную изъ собственной опытности своей, ни довольно описать, ни изобразить не могу.

Посредствомъ оной получилъ я только впервые истинныя и ясныя понятія какъ о существѣ, такъ и о свойствахъ и совершенствахъ божескихъ, о натурѣ и существѣ всего созданнаго міра, а что всего важнѣе, о существѣ, силахъ и свойствахъ собственной души нашей, или короче сказать, спознакомился короче съ Богомъ, съ міромъ и самимъ собою. О чемъ обо всемъ до того времени хотя имѣлъ понятія, но понятія мои были весьма еще темныя, несовершенныя и спутанныя, а тогда открылся мнѣ власно какъ свѣтъ и я могъ уже обо всемъ судить здраво и на все смотрѣть иными глазами. За все сіе наиглавнѣйше обязанъ я г. Вейману, къ которому продолжалъ я ежедневно почти ходить и не только слушалъ преподаваемыя имъ лекціи, но успѣвалъ все говоренное имъ записывать, и написалъ даже цѣлыя книги. Онъ прошелъ съ нами всю метафизику и наибольшую часть морали, а дабы сколько можно было болѣе въ томъ успѣть, то неудовольствуясь сими преподаваемыми намъ лекціями, купилъ я весь философическій курсъ, или всю философію Крузіанскую, и по книгамъ симъ штудировалъ и дома, и занимался тѣмъ во всѣ праздные часы столько и съ такимъ успѣхомъ, что самъ г. Вейманъ не могъ тому надивиться, что я такъ много и въ короткое время узналъ изъ сей глубокомысленной и высокой философіи; но онъ не зналъ того, что я сколько учусь отъ него, а вдвое того студирую дома по книгамъ. Словомъ, прилежность моя

такъ была велика, что я иныя части оной и тѣ, которыя казались мнѣ наиважнѣйшими, какъ-то, новую науку г. Крузія о волѣ человѣческой или Телематалогію, для лучшаго понятія и незабвенія выучилъ даже отъ слова до слова наизусть, а не удовольствуясь и тѣмъ, еще нѣкоторую часть оной и перевелъ еще на свой природный языкъ и всѣмъ тѣмъ съ особливымъ рвеніемъ и удовольствіемъ занимался нѣсколько недѣль сряду.

Все сіе въ немногіе мѣсяцы сдѣлало меня въ философіи сей столь знающимъ, что я не только въ осень того же еще года въ состояніи былъ, при бываемыхъ въ тамошнемъ университетѣ публичныхъ диспутахъ, мѣшаться въ оные и брать въ нихъ дѣйствительное соучастіе, но по возвращеніи въ домъ свой въ послѣдующія времена сочинить самъ философическія и нравоучительныя книги и услужить тѣмъ своему отечеству, какъ о томъ упомяну впредь въ своемъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, и что по всей справедливости почитаю я наиважнѣйшимъ во всей моей жизни, удостовѣрился въ истинѣ всего откровенія и христіанскаго закона и утвердился въ религіи и вѣрѣ. И какъ сей пунктъ есть наидостойнѣйшій примѣчанія и помогла мнѣ въ томъ почти очевидно сама десница Всемогущаго и святой его и бдящій о пользѣ моей Промыслъ употребилъ къ тому особливое средство и самую ничего почти незначущую бездѣлку, то опишу я сей случай подробнѣе.

Итакъ, возвращаясь нѣсколько назадъ, скажу я, что по особливой ко мнѣ милости Всемогущаго, имѣлъ я еще съ юнѣйшихъ лѣтъ и съ самаго почти младенчества нѣкоторую приверженность къ Богу и къ святому его откровенному закону. Набожность покойной моей родительницы, при которой я въ тѣ годы жилъ, въ которые начиналъ я сколько-нибудь себя познавать и помнить, и врожденная во мнѣ почти охота къ читанію книгъ подала первый къ тому поводъ, и слѣды приверженности моей къ вѣрѣ примѣтны уже были въ самыя юнѣйшія мои лѣта, какъ о томъ имѣлъ уже я случай упоминать вамъ отчасти въ нѣкоторыхъ изъ предслѣдующихъ моихъ письмахъ; и вы знаете уже, что я, будучи ребенкомъ, любилъ уже читать, и не только читать, но даже и списывать духовныя книги, и что все сіе произвело то, что я и до вступленія въ службу почиталъ себя уже болѣе знающимъ о законѣ, нежели знаютъ самые наши попы деревенскіе. Но совсѣмъ тѣмъ, по обстоятельству, что у насъ не было еще тогда никакихъ хорошихъ духовныхъ и такихъ книгъ, которыя бы могли меня познакомить короче съ первѣйшими истинами христіанскаго закона, и всѣ прочитанныя мною книги состояли изъ Пролога, Четьихъ-миней, нѣкоторыхъ другихъ, и наконецъ Камень-вѣры, которая изъ всѣхъ еще сколько-нибудь была важнѣе прочихъ: то все знаніе мое было не только темно и весьма еще несовершенно, но и основано, какъ я послѣ увидѣлъ, на весьма еще слабыхъ и такихъ основаніяхъ, которыя всего легче могли поколеблемы быть. Словомъ, я зналъ о законѣ не болѣе, какъ сколько знаютъ большая часть изъ наилучшихъ и усерднѣйшихъ къ вѣрѣ нашихъ тогдашнихъ, а, къ сожалѣнію, и нынѣшнихъ множайшихъ соотечественниковъ.

Съ симъ довольнымъ и весьма для меня счастливымъ предъуготовленіемъ вступилъ я въ военную службу; и какъ тутъ не до того было, чтобъ продолжать упражняться въ чтеніи духовныхъ книгъ, какихъ со мною и не было уже никакихъ, а сверхъ того и лѣта мои были уже такія, что мысли мои развлекались уже иными разными и занимались болѣе свѣтскими предметами: то во все время продолженія службы моей, до пріѣзда въ Кёнигсбергъ, помышлялъ я всего меньше о законѣ, а вся польза, полученная мною отъ чтенія въ младенчествѣ моемъ духовныхъ книгъ, состояла только въ томъ, что я никогда не преставалъ быть прилѣпленнымъ къ Богу, никогда не забывалъ онаго, всегда ему маливался и маливался

съ усердіемъ довольнымъ, а съ таковою приверженностію къ нему пріѣхалъ и въ Кёнигсбергъ самый. Тутъ, получивъ случай къ доставанію и чтенію множайшихъ всякаго рода книгъ, а особливо добрыхъ, нравоучительныхъ, сталъ я мало по малу просвѣщаться въ своихъ знаніяхъ, до благочестія относящихся, и будучи отъ природы болѣе къ добру, нежели ко злу наклоненъ, увеличилъ еще болѣе приверженность свою къ Богу, а особливо какъ скоро изъ книгъ получалъ я уже объ немъ и обо всемъ въ мірѣ несравненно лучшія и обширнѣйшія предъ прежнимъ понятія, и начиналъ спознакомливаться съ тою блаженною и полезнѣйшею наукою, которая научаетъ насъ увеселяться красотами натуры, и которая чрезвычайно много помогла къ образованію моего сердца и къ сдѣланію его наклоннымъ къ добродѣтельной и благочестивой жизни. Но какъ всѣ читанныя мною книги были болѣе нравоучительныя, свѣтскія, а не духовныя и до религіи относящіяся, ибо сихъ никакихъ не было, а иностранныя сего рода книги я какъ-то небиралъ никогда и въ руки, думая, что они нимало къ намъ не слѣдуютъ, то, несмотря на все вышеписанное, не взирая на всю мою приверженность къ богопочитанію, всѣ знанія мои объ откровенномъ законѣ были еще слабы и не только весьма недостаточны, но таковы, что могли тотчасъ поколебаться, какъ скоро явился къ тому удобный случай, а сіе и случилось со мною около самаго сего времени и въ теченіи прошедшаго года и, что особливаго примѣчанія достойно, предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ спознакомился я съ Крузіанскою и толико блаженною для меня философіею.

Первый поводъ подала къ тому Вольфіанская философія, съ которою, какъ выше упомянуто, спознакомился я прежде, нежели еще зналъ, что есть на свѣтѣ Крузій; ибо какъ скоро, по прочтеніи оной Вольфіанской философіи, сдѣлался я способнымъ къ чтенію и пониманію книгъ, содержащихъ въ себѣ и самыя важныя и высокія матеріи, и получивъ къ такому чтенію превеликую охоту, сталъ и доставать и выбирать къ чтенію болѣе такія; то какимъ-то образомъ, между множествомъ другихъ, стали мнѣ попадаться въ руки и самыя вольнодумческія и такія, которыя мало-по-малу и совсѣмъ непримѣтнымъ и нечувствительнымъ образомъ, стали вперять въ меня нѣкоторыя сумнительствы о истинѣ всего откровенія и христіанскаго закона, и совращать меня съ путя добраго. Къ особливому несчастію случились онѣ наиболѣе такихъ сочинителей, которые разсѣваемой повсюду свой ядъ умѣли прикрывать прелестною личиною и, для удобнѣйшаго всякому проглощенію, облѣплиливать свои ядовитыя и пагубныя пилюли, власно, какъ медомъ и сахаромъ. А сіе и произвело, что я по любопытству своему, начитавшись ихъ съ превеликою жадностью, нечувствительно наглотался и оныхъ, и такъ много, что впалъ наконецъ въ совершенное сумнительство о законѣ и едва-было едва не сдѣлался и самъ совершеннымъ деистомъ и вольнодумцомъ. Сколько-нибудь поддерживала меня еще долго прежняя приверженность моя къ закону; но какъ и та никакъ не могла долго устоять и держаться противъ мнимыхъ философическихъ и все то опровергающихъ истинъ, которыми я напоился, то и впалъ я накопецъ въ наимучительнѣйшее и такое состояніе, которое я никакъ описать и изобразить не могу. Было оно среднее между вѣрою и невѣріемъ, и доводило меня нерѣдко до того, что я, углубясь въ размышленія о томъ, обуреваемъ былъ иногда такимъ страданіемъ душевнымъ, что не радъ былъ почти жизни и не зналъ, что мнѣ дѣлать и вѣрить ли всему тому, что намъ сказываютъ о христіанскомъ законѣ, или не вѣрить, и почитать все то баснями и выдумками и хитростью духовныхъ, какъ то помянутые писатели въ меня вперить старались.

Мучительное сіе состояніе продлилось, какъ теперь помню, нѣсколько недѣль сряду и во все сіе время я, власно, какъ горѣлъ на огнѣ и пыткѣ, и доводимъ

былъ нерѣдко до того, что кинувшись на колѣна и воздѣвъ руки къ небу, наиусерднѣйшимъ образомъ молилъ и просилъ Творца своего, помочь мнѣ въ сей нуждѣ и какимъ бы то образомъ ни было вывесть меня изъ сего мучительнаго положенія.

Ахъ! моленія мои были симъ благодѣтельнымъ Творцомъ и услышаны, и святой десницѣ Его угодно было наконецъ отвлечь меня отъ бездны, надъ которою простерта была уже нога моя и въ которую готовъ уже я былъ совсѣмъ упасть, и поставить меня на камень, могущій удержать меня отъ паденія, какъ тогда, такъ во все послѣдующее время, и къ сему очевидному почти избавленію моему изъ крайней опасности и къ спасенію моему употребить по наружному виду самую бездѣлку и вещь, ничего незначущую. Теперь спрошу я васъ, любезный пріятель, могли-ль бы вы подумать и повѣрить тому, что бездѣлица, одинъ прусскій грошъ (что̀ учинитъ меньше нашихъ двухъ копѣекъ), употребленный во благо, въ состояніи былъ вывесть меня изъ помянутаго наимучительнѣйшаго состоянія и положить первое основаніе всему воздвигнутому потомъ твердому и такому зданію моей вѣры, которое ничто уже поколебать не могло и чрезъ все то не только успокоить мой духъ, но и подать поводъ къ безчисленнымъ удовольствіямъ и неоцѣненнымъ минутамъ въ жизни.

Вы удивляетесь сему? Но удивитесь болѣе, когда разскажу вамъ все сіе, повидимому, хотя ничего незначущее, но во всю мою жизнь и самое блаженство оной величайшее вліяніе имѣвшее произшествіе, и увидите, какими путями и маловажными иногда средствами спасаетъ насъ Провидѣніе отъ превеликихъ бѣдствій и подаетъ поводъ къ произшествію великихъ и важныхъ перемѣнъ во всей нашей жизни.

Нѣкогда, во время помянутаго моего мучительнаго состоянія, случилось мнѣ приттить въ книжную лавку, для покупки одной не помню уже какой именно книги. Между тѣмъ какъ книгопродавецъ пошелъ по шкапамъ ее отыскивать, вынимать и развязывать многія кипы непереплетенныхъ книгъ, обратилъ я глаза на раскладенныя на прилавкѣ въ превеликомъ множествѣ разныя, непереплетенныя нѣмецкія книги, которыя всегда при такихъ случаяхъ имѣлъ я обыкновеніе пересматривать изъ любопытства. И тогда, власно какъ нарочно, случись такъ, что лежала противъ самаго меня, одна нѣмецкая предика, напечатанная въ четверть и изъ листовъ двухъ, или трехъ состоящая. И надобно-жъ было случиться такъ, что попадись она мнѣ первая на глаза. Сперва пренебрегъ-было я ее, какъ нѣмецкую предику и такое духовное сочиненіе, какихъ я никогда не читывалъ и до которыхъ мнѣ всего меньше было нужды; но вдругъ меня власно какъ нѣчто толкнуло и побудило взглянуть на нее пристальнѣе и посмотрѣть, какого бы она была проповѣдника. И какимъ же поразился я удивленіемъ, когда кинулось мнѣ въ глаза внизу крупными литерами напечатанное имя К р у з і я. «Ба, ба, ба! Крузія? Да какого же это Крузія? сказалъ я въ умѣ самъ себѣ: развѣ иного какого, и развѣ есть и другіе еще Крузіи?» Ибо мнѣ и въ умъ не приходило, чтобъ была она того самаго великаго философа, котораго философію я тогда уже штудировалъ и къ которому имѣлъ уже безпредѣльное почтеніе и уваженіе. Но какъ же увеличилось удивленіе мое еще болѣе, когда увидѣлъ я, что была она Христіана Августа К р у з і я и точно самаго сего великаго мужа. «Господи помилуй! воскликнулъ я тогда самъ въ себѣ въ умѣ: какъ же я до сего времени не зналъ, что есть его и духовныя сочиненія, и предики еще. Да развѣ онъ духовный и не только философъ, но и богословъ вкупѣ?» Но я удивился еще болѣе, когда прочитавъ его титулъ, увидѣлъ, что̀ былъ онъ въ тогдашнее время. Ибо предика сія была совсѣмъ новая и недавно только напечатанная первѣйшею и знаменитѣйшею духовною особою во всемъ Л е й п ц и г ѣ и профессоромъ, не только философіи, но и богословіи

при тамошнемъ университетѣ, и чего я до того никакъ не вѣдалъ, ибо во всѣхъ философическихъ его сочиненіяхъ, купленныхъ уже мною, называемъ онъ былъ только просто профессоромъ философіи. И тогда вдругъ родилось во мнѣ превеликое любопытство и желаніе прочесть опую.— «Куплю-ка я ее, говорилъ я самъ себѣ,—и посмотрю, что-бы такое говорилъ въ ней сей мужъ, толь великаго уваженія достойный». Но сіе желаніе увеличилось и я поразился еще болѣе, какъ, прочитавъ надпись о содержаніи оной, увидѣлъ, что была она о великой опасности сумнѣвающихся о истинѣ откровенія и нестарающихся удостовѣрить себя въ оной и назначена точно для такихъ людей, въ какомъ состояніи я тогда находился; слѣдовательно власно какъ нарочно для меня написана. Я остолбенѣлъ отъ изумленія и какъ въ самую ту минуту подступилъ ко мнѣ книгопродавецъ съ извиненіями, что онъ не могъ никакъ отыскать требуемой мною книги, и что конечно всѣ экземпляры оной разошлись, то я, не слушая болѣе его раздабаровъ, спѣшилъ спросить у него, чего стóитъ сія проповѣдь? «Бездѣлки самой, и одинъ только грошъ надобенъ».—«Хорошо-жъ! подхватилъ я: я беру ее, и вотъ тебѣ, мой другъ, грошъ за бездѣлку эту», и взявъ ее, не пошелъ, а побѣжалъ на квартиру, чтобъ скорѣй прочесть оную.

Теперь не могу никакъ изобразить, съ какими чувствіями и разными душевными движеніями читалъ я сію проповѣдь. Была она не столько богословская, сколько философическая, и великій мужъ сей умѣлъ такъ хорошо изобразить въ ней великую важность удостовѣренія себя въ истинѣ откровенія и ужасную опасность сумнѣвающихся въ томъ и не старающихся о удостовѣреніи себя въ томъ, что меня подрало ажно съ головы до ногъ при читаніи сего періода, и слова его и убѣжденія толико воздѣйствовали въ моемъ умѣ и сердцѣ, что я чувствовалъ тогда, что съ меня власно какъ превеликая гора свалилась и что вся волнующаяся во мнѣ кровь пришла при концѣ оной въ наипріятнѣйшее успокоеніе. Я обрадовался невѣдомо какъ и самъ себѣ возопилъ тогда: когда уже сей великій и по всѣмъ отношеніямъ наивеличайшаго уваженія достойный мужъ съ такимъ жаромъ вступается за истину откровенія, и такъ премудро и убѣдительно говоритъ о пользѣ удостовѣренія себя въ истинѣ онаго, то какъ же можно болѣе мнѣ въ томъ сомнѣваться, мнѣ, въ тысячу разъ меньше его все свѣдущему! Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ я, съ сего времени да не будетъ сего болѣе никогда, и я непремину послѣдовать всѣмъ его предлагаемымъ въ ней совѣтамъ.

Словомъ, какъ она, такъ и самая особливость сего случая такъ меня поразила, что я, павъ на колѣна, и со слезами на глазахъ благодарилъ Всевышнее Существо, за оказанную мнѣ всѣмъ тѣмъ, почти очевидно, милость и прося Его о дальнѣйшемъ себя просвѣщеніи; съ того самаго часа, при испрошаемой его себѣ помощи, положилъ приступить къ тому, чего г. Крузій отъ всѣхъ слушателей и читателей своихъ требовалъ, а именно, чтобъ прочесть напередъ все то, что писано было въ свѣтѣ въ защищеніе истины откровеннаго закона божескаго, а не оставаться при одномъ томъ, что говорили и писали его противники. Онъ говорилъ, что тогда онъ охотно дозволитъ всякому уже сомнѣваться, ибо увѣренъ, что никогда того уже быть не можетъ, а безъ сего не совѣтовалъ бы онъ никому симъ важнѣйшимъ въ свѣтѣ дѣломъ такъ играть, какъ бы какою бездѣлкою, для того, что игрушка сія всякаго такъ можетъ повредить, какъ младенца, играющими горящими углями.

Какъ слова сіи и всѣ прочіе убѣдительные примѣры, тутъ же имъ приводимые, весьма глубоко впечатлѣлись въ сердцѣ и душѣ моей, то бросился я въ тотъ же моментъ отыскивать между книгами своими ту, въ которой преподавался совѣтъ къ составленію библіотеки и гдѣ находились критическія замѣчанія о всѣхъ лучшихъ книгахъ и сочиненіяхъ

всѣхъ классовъ и которая вскользь познакомила меня со всѣми наилучшими и славнѣйшими всѣхъ родовъ книгами во всемъ свѣтѣ; и пріискавъ въ ней замѣчанія о лучшихъ и достопамятнѣйшихъ духовныхъ книгахъ, а особливо такихъ, кои писаны для защищенія истины откровенія и закона, выписалъ всѣ оныя и тотчасъ послалъ за всѣми тѣми, какія были изъ нихъ въ той библіотекѣ, изъ которой бралъ я книги для читанія, а которыхъ не было въ ней, тѣ положилъ неотмѣнно купить и употребить къ тому сколько мнѣ только было можно денегъ, и сдѣлать сіе въ непродолжительномъ времени.

И съ того времени вдался я въ наиприлежнѣйшее чтеніе всѣхъ оныхъ и могу сказать, что я въ чтеніи семъ не находилъ усталости, и въ короткое время прочелъ ихъ довольное множество и благословлялъ тысячу разъ ту блаженную минуту, въ которую началъ я сіе полезное дѣло; ибо польза отъ того произошла та, что я чрезъ то не только избавился совершенно прежняго мучительнаго недоумѣнія и успокоился духомъ, но утвердился на всю жизнь свою такъ въ законѣ, что ничто не могло уже меня поколебать въ моей вѣрѣ. Умалчивая о томъ, что самое сіе доставило мнѣ какъ тогда, такъ и во все послѣдующее время моей жизни несмѣтное множество минутъ блаженныхъ и столь сладкихъ, о какихъ множайшая часть людей понятія не имѣютъ; а сверхъ того доставило мнѣ основательное и обширное знаніе христіанскаго закона и всѣхъ вещей и обстоятельствъ, относящихся до откровеннаго слова Божія и всей исторіи онаго.

Вотъ вторая и весьма важная польза, полученная мною въ сей годъ и которой бы я вѣрно лишился, если-бъ воспослѣдовалъ мой отъѣздъ и я отправился шататься по полямъ и драться съ непріятелями; а какія дальнѣйшія получилъ я въ сей годъ пользы, о томъ услышите вы въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее, какъ слишкомъ уже увеличившееся, дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь навсегда вашъ и прочее.

Письмо 87-е.

Любезный пріятель! Продолжая повѣствованіе мое о полученныхъ мною въ теченіе 1761 года пользахъ, скажу, что, въ-третьихъ, получилъ я въ сіе лѣто ту важную пользу, что гораздо уже короче познакомился съ тѣмъ блаженнымъ искусствомъ увеселяться красотами натуры, которое способно доставлять человѣку во всякое время безчисленное множество пріятныхъ минутъ и увеселеній непорочныхъ и полезныхъ, и тѣмъ весьма много поспѣшествовать истинному его благополучію въ сей жизни. Я упоминалъ вамъ уже прежде, что первый поводъ спознакомиться съ симъ драгоцѣннымъ искуствомъ подали мнѣ сочиненія г. Зульцера; но въ сей годъ узналъ я множайшія сего рода книги и не только съ особливымъ вниманіемъ и любопытствомъ читалъ оныя, но изъ всѣхъ ихъ, какія только могъ достать, купилъ себѣ, а помянутую Зульцерову книжку размышленія о дѣлахъ натуры перевелъ даже всю на нашъ языкъ; а какъ сіе завело меня и далѣе и побудило короче познакомиться и со всею физикою, то занимался я и оною и съ такимъ успѣхомъ, что послѣ, по пріѣздѣ въ деревню, въ состояніи былъ и самъ уже сочинить цѣлыя книги сего рода и научить блаженному искусству сему даже и дѣтей своихъ: словомъ — я и симъ знаніямъ весьма многимъ обязанъ въ жизни моей, и они помогли мнѣ препроводить ее несравненно веселѣе обыкновеннаго и имѣли во всю жизнь мою великое вліяніе.

Кромѣ всего того, прилежность моя была въ сей годъ такъ велика, что я, за всѣми помянутыми разными упражненіями, находилъ еще свободное время къ переписыванію набѣло какъ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій, такъ и переводовъ лучшихъ пьесъ изъ разныхъ и славнѣйшихъ еженедѣльниковъ или журналовъ. Самую свою памятную книжку, о которой упоминалъ я прежде, переписалъ

я на-бѣло и переплелъ въ сіе лѣто, и какъ была она первая моего сочиненія, то и не могъ я ею довольно налюбоваться.

Что касается до моихъ книгъ, то число оныхъ чрезъ покупаніе разныхъ книгъ на книжныхъ аукціонахъ, изъ которыхъ не пропускалъ я ни единаго, а отчасти чрезъ накупленіе себѣ многихъ новыхъ и употребленіе на то всѣхъ своихъ излишнихъ денегъ, увеличилось въ сей годъ несравненно больше и такъ, что собраніе мое могло уже назваться библіотекою, и сдѣлалось для меня первѣйшею драгоцѣнностію въ свѣтѣ. Совсѣмъ тѣмъ я не зналъ, чтó мнѣ съ сею любезною для меня драгоцѣнностію дѣлать, и она меня очень озабочивала. Я хотя помянутымъ образомъ и остался самъ собою въ Кёнигсбергѣ и хотя весною и не было никакого обо мнѣ повторительнаго повелѣнія, а какъ армія пошла въ походъ, то не можно было и ожидать онаго, ибо тогда фельдмаршалу нашему вѣрно не до того было, чтобъ помышлять о такихъ мелочахъ, однако, какъ все еще не было формальнаго приказанія, чтобъ мнѣ остаться, и не было никакой въ томъ достовѣрности, чтобъ не востребовали меня опять къ полку и долго ли, коротко, а все долженъ я былъ когда-нибудь къ полку явиться; книгъ же у меня однихъ цѣлый возъ уже былъ и мнѣ и десятой доли взять ихъ съ собою и въ походѣ возить не было возможности, то горевалъ я уже давно и не могъ придумать, что мнѣ съ ними дѣлать и какъ бы ихъ доставить заблаговременно въ свое отечество, въ которое и самъ я никакой почти надежды не имѣлъ возвратиться: ибо какъ конца войны нашей не было тогда и предвидимо; отставки же въ тогдашнія времена всего труднѣе было добиваться, да такому молодому человѣку, каковъ я тогда былъ, и льститься тѣмъ совершенно было невозможно, то по всему вѣроятію и должна была вся служба моя тогда кончиться либо тѣмъ, что меня на сраженіи гдѣ-нибудь убьютъ, или изуродуютъ и сдѣлаютъ калѣкою, или гдѣ-нибудь отъ нужды и болѣзни погибну, или, по меньшей мѣрѣ, долженъ буду служить до старости и дряхлости и тогда уже ожидать себѣ отставки. Все сіе нерѣдко приходило мнѣ на мысль и какъ я съ самаго того времени какъ познакомился съ науками, не ощущалъ въ себѣ далеко такой склонности къ военной службѣ какъ прежде, а видѣлъ тогда уже ясно, что рожденъ я былъ не столько къ войнѣ, какъ для наукъ и къ мирной и спокойной жизни, то не рѣдко помышляя о томъ, вздыхалъ я, что не могу даже и ласкаться надеждою такою мирною и спокойною, яко удобнѣйшею для наукъ жизнью когда-нибудь пользоваться. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я уже издавна и единожды навсегда ввѣрилъ всю свою судьбу моему Богу и рѣшился всего ожидать отъ его святого о себѣ Промысла, тогда же узнавъ его и все короче, и болѣе приучилъ себя при всякомъ случаѣ возвергать печаль свою на Господа и ничѣмъ слишкомъ не огорчаться, а всего спокойно ожидать отъ него; то таковая надежда и упованіе на святое его о себѣ попеченіе и утѣшало меня при всякомъ случаѣ и не допускало до огорченій дальнихъ, а впослѣдствіи времени и имѣлъ я множество случаевъ собственною опытностію удостовѣриться въ томъ, что таковое препорученіе себя въ совершенный произволъ Божескій и таковое твердое упованіе на святое его и всемогущее вспомоществованіе, и при всякихъ случаяхъ вспоможеніе, всего дороже и полезнѣе въ жизни для человѣка, такъ что находясь теперь уже при позднемъ вечерѣ дней моихъ, могу прямо сказать и собственнымъ примѣромъ то свято засвидѣтельствовать, что во всю мою жизнь никогда и не постыдился я въ таковой надеждѣ и упованіи на моего Бога и никогда не раскаявался я въ томъ, но имѣлъ тысячу случаевъ и причинъ быть тѣмъ довольнымъ.

Самый помянутый случай съ моими книгами принадлежитъ къ числу оныхъ и можетъ служить доказательствомъ словъ моихъ, ибо сколь ни мало я имѣлъ

надежды къ сохраненію и убереженію сего моего сокровища, но Всемогущій помогъ мнѣ и въ томъ, какъ и при многихъ другихъ случаяхъ, и доставилъ мнѣ къ тому средство, о которомъ я всего меньше думалъ и помышлялъ, а именно:

Какъ до канцеляріи нашей имѣли дѣло, всѣ не только пріѣзжающіе изъ арміи, но и всѣ пріѣзжающіе, какъ сухимъ путемъ, такъ на судахъ и моремъ изъ нашего отечества, и командиры и судовщики нашихъ русскихъ судовъ всегда по надобностямъ своимъ прихаживали къ намъ въ канцелярію и нерѣдко въ самой той комнатѣ, гдѣ я тогда сидѣлъ, по нѣскольку часовъ препровождали, то случилось такъ, что одному изъ таковыхъ судовщиковъ, привозившему къ намъ на галіотѣ провіантъ, дошла особливая надобность до меня. Онъ имѣлъ какое-то дѣло съ тамошними прусскими купцами и судовщиками и вознадобилось ему, чтобъ переведена была скорѣе поданная отъ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ превеликая и на нѣсколькихъ листахъ написанная просьба. И какъ всѣ таковыя шкиперскія и купеческія бумаги, по множеству находящихся въ нихъ особливыхъ терминовъ, были наитруднѣйшія къ переводу, и одинъ только я могъ сіе сдѣлать, то приласкавшись возможнѣйшимъ образомъ, подступилъ онъ ко мнѣ съ униженнѣйшею просьбою о скорѣйшемъ переводѣ оной, говоря, что я тѣмъ одолжу его чрезвычайно. «Хорошо, мой другъ, сказалъ я ему: но дѣло это не такая бездѣлка, какъ ты думаешь: я не одинъ разъ испытывалъ сіе и знаю, каково трудно переводить таковыя проклятыя шкиперскія бумаги, а притомъ, мнѣ теперь крайне недосужно. Однако, чтобъ тебѣ услужить, то возьму я бумагу твою къ себѣ на квартиру и посижу за нею уже послѣ обѣда, а ты побывай у меня передъ вечеромъ, такъ, можетъ быть, я перевесть ее и успѣю».—«Великую бы вы оказали мнѣ тѣмъ милость», сказалъ онъ, и былъ тѣмъ очень доволенъ, а я, искавъ всегда случая дѣлать всякому добро, сколько отъ меня могло зависѣть, охотно послѣ обѣда и приступилъ къ тому и, посидѣвъ часа два, и перевелъ ему ее и прежде еще, нежели онъ пришелъ ко мнѣ. Но какъ же удивился я, увидѣвъ пришедшаго его ко мнѣ съ превеликимъ кулькомъ, наполненнымъ сахаромъ и разными другими вещами. «Ба, ба, ба! сказалъ я: да это на что? неужели ты думаешь, что я для того велѣлъ приттить къ себѣ на квартиру, чтобъ сорвать съ тебя срыву! Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, я не изъ такихъ, а хотѣлъ истинно только тебѣ услужить и доставить скорѣе переводъ свой. Онъ у меня давно уже и готовъ, но теперь, за это самое, и не отдамъ его тебѣ». — «Помилуй, государь! подхватилъ онъ кланяясь и ублажая меня: для меня это сущая бездѣлка, и вы меня не столько одолжили, но такъ много, что я вамъ готовъ служить и болѣе, и неугодно ли вамъ чего отправить со мною въ Петербургъ: я на сихъ дняхъ отправляюсь на галіотѣ своемъ туда и охотно бы вамъ тѣмъ услужилъ и отвезъ, что вамъ угодно». Я благодарилъ его за чувствительность къ моему одолженію, а онъ, взглянувъ между тѣмъ на книги мои, установленныя по многимъ полкамъ, продолжалъ:—«Вотъ книги, напримѣръ, у васъ ихъ такое множество. Неугодно ли вамъ ихъ препоручить мнѣ отвезть куда вамъ угодно, въ Ригу ли, въ Ревель или въ Петербургъ; вамъ гдѣ возить съ собою въ походахъ такое множество, а я охотно-бъ вамъ тѣмъ услужилъ и доставилъ туда, куда прикажете».

Нечаянное предложеніе сіе поразило меня удивленіемъ превеликимъ и вкупѣ обрадовало. «Ахъ! другъ ты мой! воскликнулъ я: ты, надоумливаешь меня въ томъ, что меня давно уже озабочиваетъ. Я давно уже горюю объ нихъ и не знаю, куда мнѣ съ ними дѣваться? Уже не отправить ли мнѣ ихъ право съ тобою и не отвезешь ли ты ихъ въ Петербургъ? великое бы ты мнѣ сдѣлалъ тѣмъ одолженіе».—«Съ превеликимъ удовольствіемъ, батюшка, сказалъ онъ: галіотъ мой пойдетъ пустымъ и съ однимъ только почти баластомъ, такъ ес-

либъ и не столько было посылки, такъ можно, а это сущая бездѣлка»! — «Но, другъ мой! сказалъ я ему: книги сіи мнѣ очень дорого стоютъ, я до нихъ охотникъ и могу ли я надѣяться, что онѣ не пропадутъ»? — «О! что касается до этого, подхватилъ онъ: то развѣ сдѣлается какое несчастіе со мною и съ галіотомъ моимъ, а то извольте положиться въ томъ смѣло и безъ всякаго сомнѣнія на меня, какъ на честнаго человѣка и извольте только назначить мнѣ гдѣ и кому ихъ отдать, а то онѣ вѣрно доставлены будутъ». — «Очень хорошо, мой другъ! сказалъ я: а за провозъ я заплачу, что тебѣ угодно»! — «Сохрани меня Господи! подхватилъ онъ: чтобъ я съ васъ что-нибудь за провозъ такой бездѣлки взялъ; а извольте-ка ихъ готовить, и уклавъ въ сундуки, хорошенько увязать и запечатать, чтобъ онѣ дня чрезъ два были готовы, а впрочемъ, будете вы мною вѣрно довольны».

На семъ у насъ тогда и осталось, и я, дивясь сему нечаянному совсѣмъ и благопріятному случаю, отпустилъ его отъ себя съ превеликимъ удовольствіемъ и тотчасъ послалъ къ столярамъ и заказалъ сдѣлать сундуки для укладыванія книгъ моихъ. Но тутъ сдѣлался вопросъ: къ кому я ихъ въ Петербургъ отправлю? Не было у меня тамъ ни одного коротко знакомаго, а былъ только одинъ офицеръ, служившій при Сенатской ротѣ, изъ фамиліи гг. Ладыженскихъ, который, будучи сосѣдомъ по Пскову зятю моему Неклюдову, былъ ему пріятель, а самъ я не зналъ его и въ лицо, а только кой-когда съ нимъ переписывался, да зналъ коротко сестру его, короткую пріятельницу сестры моей. Итакъ, къ другому, кромѣ его — послать мнѣ ихъ было не къ кому, но и объ немъ не зналъ я — въ Петербургѣ ли онъ тогда находился или въ деревнѣ. Но какъ бы то ни было, и какъ ни опасно было отдать всю библіотеку мою на произволъ бурному и непостоянному морю, и человѣку совсѣмъ мнѣ до того незнакомому, — однако, подумавъ нѣсколько и не хотя упустить такой хорошей оказіи, призвавъ Бога въ помощь, рѣшился на все то и на удачу отважиться и, наклавъ книгами цѣлыхъ три сундука и увязавъ оные и запечатавъ, препоручилъ ихъ помянутому судовщику съ письмомъ къ помянутому г. Ладыженскому, въ которомъ просилъ сего — отправить ихъ при случаѣ къ моему зятю въ деревню.

Не могу изобразить, съ какими чувствіями разставался я съ милыми и любезными моими книгами и подвергалъ ихъ всѣмъ опасностямъ морскимъ. «Простите, мои милые друзья!» говорилъ я самъ себѣ, ихъ провожая, «велитъ ли Богъ мнѣ «опять васъ видѣть и вами веселиться и «получать отъ васъ пользу, и гдѣ-то и «когда я васъ опять увижу!» Однако всѣ опасенія мои въ разсужденіи ихъ были напрасны: Всемогущему угодно было сохранить ихъ отъ всѣхъ бѣдствій и доставить мнѣ въ свое время въ цѣлости. Ибо такъ надлежало случиться, что галіотъ сей доѣхалъ до Петербурга благополучно, и что судовщикъ за первый долгъ себѣ почелъ отыскать господина Ладыженскаго, а у сего и случись тогда, власно какъ нарочно, люди, присланные отъ зятя моего къ нему за нѣкоторыми надобностями съ лошадьми и подводами, а съ ними ему ихъ всего и удобнѣе и надежнѣе можно было отправить въ деревню, куда они и привезены тогда же въ цѣлости, а оттуда отвезъ я уже ихъ самъ послѣ въ свою деревню.

Симъ-то образомъ удалось мнѣ сохранить и препроводить въ Россію мои книги. Онѣ послужили мнѣ потомъ основаніемъ всей моей библіотекѣ и принесли мнѣ не только множество невинныхъ удовольствій, но и великую пользу. Но я возвращусь къ продолженію моей исторіи.

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ продолжалъ заниматься учеными дѣлами и большую часть времени своего употреблялъ на ученіе, чтеніе, переводы и писаніе, дѣла правленія королевствомъ Прусскимъ шли хотя по прежнему, но несравненно съ лучшимъ порядкомъ. Гу-

бернаторъ нашъ былъ гораздо степеннѣе и разумнѣе Корфа и во всѣхъ дѣлахъ несравненно болѣе знающъ. Онъ входилъ во всякое дѣло съ основаніемъ и не давалъ никому водить себя за носъ. Словомъ, дѣла потекли совсѣмъ инако, и усердіе его къ службѣ было такъ велико, что онъ не только наблюдалъ и исправлялъ все, чего требовалъ долгъ его, но денно и нощно помышлялъ и о томъ, какъ бы доходъ, получаемый тогда съ королевства Прусскаго и простиравшійся только до двухъ милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ паки расходился на расходы по королевству, сдѣлать больше и знаменитѣе. Онъ вникалъ въ самое существо и всѣ подробности тамошняго правленія и высматривалъ всѣ дѣлаемыя упущенія тамошними камерами и чиноначальниками и о взысканіи оныхъ всячески старался; и какъ между сими разными его затѣями и особенными дѣлами, случались иногда такія, которыя желалось ему сначала утаить и отъ самыхъ товарищей своихъ совѣтниковъ, которые были всѣ нѣмцы, то, полюбивъ меня, удостоивалъ повѣренности сей одного меня и не рѣдко запирался съ однимъ со мною въ своемъ кабинетѣ, и я, будучи посаженъ имъ за маленькій столикъ, принужденъ былъ иногда по нѣскольку часовъ писать диктуемые самимъ имъ мнѣ разные прожекты, а иногда дѣлать выписки изъ разныхъ бумагъ, мнѣ имъ даваемыхъ. А всѣми такими стараніями, и дѣйствительно не только сократилъ онъ многочисленные расходы, но почти цѣлымъ милліономъ увеличилъ доходы съ сего маленькаго государства и всѣмъ тѣмъ приобрѣлъ особливое благоволеніе отъ императрицы.

Впрочемъ, жилъ онъ удаленнымъ отъ всякой пышности и великолѣпія, и въ особливости сначала и покуда неприѣхали къ нему его дочери, весьма тихо и умѣренно. Не было у него ни баловъ, ни маскарадовъ, какъ у Корфа, а хотя въ торжественные праздники и давалъ онъ столы, но сіи были далеко не такіе большіе, какъ при Корфѣ; но съ того времени, какъ пріѣхали къ нему его дочери, что случилось еще предъ начатіемъ весны, то сталъ онъ жить сколько-нибудь открытѣе и хотя далеко не такъ часто, какъ Корфъ, но дѣлать иногда у себя балы, а особливо для дочерей своихъ, которыхъ было у него двѣ и обѣ уже совершенныя невѣсты, и изъ коихъ выдалъ онъ послѣ одну замужъ за бывшаго у насъ тутъ генералъ-провіантмейстеромъ-лейтнантомъ, знакомца и сосѣда моего, князя Ивана Романовича Горчакова.

Кромѣ сихъ двухъ дочерей, имѣлъ онъ у себя еще и сына, служившаго тогда въ арміи еще подполковникомъ и самаго того, который прославилъ себя потомъ такъ много въ свѣтѣ, и въ недавнія предъ симъ времена потрясъ всею Европою и дослужился до самой высшей степени чести и славы.—О семъ удивительномъ человѣкѣ носилась уже и тогда молва, что онъ былъ страннаго и особливаго характера и по многимъ отношеніямъ сущій чудакъ. — Почему, какъ случилось ему тогда на короткое время пріѣзжать къ отцу своему къ намъ въ Кёнигсбергъ — при которомъ случаѣ удалось мнѣ только его и видѣть въ жизнь мою — то и смотрѣлъ я на него съ особливымъ любопытствомъ, какъ на рѣдкаго и особливаго человѣка; но могъ ли я тогда думать, что сей человѣкъ впослѣдствіи времени будетъ такъ великъ и станетъ играть въ свѣтѣ толь великую роль и приобрѣтетъ отъ всего отечества своего любовь и нелицемѣрное почтеніе.

Что касается до бывшихъ у насъ въ Кёнигсбергѣ въ теченіе сего лѣта происшествій, то не помню я ни одного, которое было бы сколько-нибудь достопамятно и такого, чтобъ стоило упомянуть объ ономъ, кромѣ одного, въ которомъ я имѣлъ особенное соучастіе, и потому разскажу вамъ объ ономъ обстоятельно.

На одного изъ живущихъ въ уѣздѣ прусскихъ дворянъ, принадлежащаго къ знаменитой фамиліи графовъ Гревеновъ, человѣка неубогаго и имѣющаго хорошія деревни, сдѣлался въ чемъ-то доносъ, и доносъ такого рода, что над-

лежало его схватить и тотчасъ отправить ко двору и въ бывшую еще тогда и толико страшную тайную канцелярію. Тогда не знали мы ничего, а послѣ узнали, что дѣло состояло въ томъ, что, сидючи однажды за обѣдомъ и разговаривая съ своимъ семействомъ, заврался онъ при стоящихъ за стульями слугахъ и что-то говорилъ обидное и предосудительное о нашей императрицѣ. И какъ одинъ изъ сихъ слугъ, будучи сущимъ бездѣльникомъ, былъ имъ за что-то недовольнымъ, то восхотѣлось ему злодѣйскимъ образомъ отмстить своему господину. Онъ, ушедъ отъ него, явился прямо къ губернатору и объявилъ, что онъ знаетъ на господина своего слово и дѣло. — Нынѣ, по благости Небесъ, позабыли мы уже, что сіе значитъ, а въ тогдашнія, несчастныя въ семъ отношеніи, времена были они ужасныя и въ состояніи были всякого повергнуть, не только въ неописанный страхъ и ужасъ, но и самое отчаяніе; ибо строгость по сему была такъ велика, что какъ скоро закричитъ кто на кого «слово и дѣло», то безъ всякаго разбирательства — справедливъ ли былъ доносъ или ложный, и преступленіе точно ли было такое, о какомъ сими словами доносить велѣно было — какъ доносщикъ, такъ и обвиняемый заковывались въ желѣзы и отправляемы были подъ стражею въ тайную канцелярію въ Петербургъ, несмотря — какого кто званія, чина и достоинства ни былъ, и никто не дерзалъ о существѣ доноса и дѣла, какъ доносителя, такъ и обвиняемаго, допрашивать; а самое сіе и подавало поводъ къ ужасному злоупотребленію словъ сихъ и къ тому, что многія тысячи разнаго званія людей претерпѣли тогда совсѣмъ невинно неописанныя бѣдствія и напасти, и хотя послѣ и освобождались изъ тайной, но, претерпѣвъ безконечное множество золъ и сдѣлавшись иногда отъ испуга, отчаянія и претерпѣнія нужды на вѣкъ уродами.

Таковой-то точно доносъ сдѣланъ былъ и на помянутаго несчастнаго графа Гревена; и какъ, по тогдашней строгости, губернатору, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, надлежало тотчасъ, его заарестовавъ, отправить въ тайную въ Петербургъ, то нуженъ былъ исправной, расторопный и надежный человѣкъ, который бы могъ сію секретную коммисію выполнить, которая тѣмъ была важнѣе, что графъ сей жилъ въ своихъ деревняхъ и деревни сіи лежали на самыхъ границахъ польскихъ, слѣдовательно, при малѣйшей неосторожности и оплошности посланнаго, могъ бы отбиться своими людьми и уйтить за границу въ Польшу, а за таковое упущеніе могъ бы напасть претерпѣть и самъ губернаторъ.

И тогда такъ случилось, что губернаторъ изъ всего множества бывшихъ подъ командою его офицеровъ не могъ никого найтить къ тому лучшаго и способнѣйшаго, кромѣ меня, и можетъ быть потому, что я ему короче другихъ знакомъ былъ и онъ о расторопности и способности моей болѣе былъ удостовѣренъ, нежели о прочихъ.

Итакъ, въ одинъ день — ни думано ни гадано—наряжаюсь я въ сію секретную посылку и губернаторъ, призвавъ меня въ свой кабинетъ и вручая мнѣ написанную на нѣсколькихъ листахъ инструкцію, говоритъ, чтобъ я сдѣлалъ ему особенное одолженіе и принялъ бы на себя сію коммиссію и постарался бы какъ можно ее выполнить. Я, развернувъ бумагу и увидѣвъ въ заглавіи написанное слово, по секрету, сперва-было позамялся и не зналъ — что дѣлать, ибо въ такихъ посылкахъ и коммиссіяхъ не случалось мнѣ еще отроду бывать; но какъ губернаторъ, примѣтя то, ободрилъ меня, сказавъ, что тутъ никакой дальней опасности нѣтъ, что получу я себѣ довольную команду изъ солдатъ и казаковъ и что избираетъ онъ меня къ тому единственно для того, что надѣется на мою вѣрность и извѣстную ему способность и расторопность болѣе, нежели на всѣхъ прочихъ, и наконецъ еще увѣрять сталъ, что — буде исполню сіе дѣло исправно, такъ почтетъ онъ то себѣ за одолженіе, то не сталъ я ни мало отговариваться,

но, принявъ команду и сѣвъ на приготовленныя уже подводы, въ тотъ же часъ въ повелѣнное мѣсто отправился.

Теперь опишу я вамъ сіе хотя короткое, но достопамятное путешествіе. Ѣхать мнѣ надлежало хотя съ небольшимъ сотню или сотни до полторы верстъ, но ѣзда сія была мнѣ довольно отяготительна, потому что я ѣхать принужденъ былъ въ самое жаркое лѣтнее время, въ открытой прусской скверной телѣгѣ и терпѣть пыль и несносный почти жаръ отъ солнца, ибо надобно знать, что въ Пруссіи такихъ кибитокъ и телѣгъ, вовсе нѣтъ, какія унасъ и у мужиковъ нашихъ, но телѣги ихъ составляютъ длинныя роспуски съ двумя на ребро вкось поставленными и на подобіе лѣстницъ сдѣланными рѣшетками; ни задъ, ни передъ ничѣмъ у нихъ незагороженъ, а и мѣсто въ срединѣ, гдѣ сидѣть должно, между рѣшетокъ такъ тѣсно и узко, что съ нуждою усѣсться можно. Въ таковыхъ телѣгахъ, или паче фурахъ, пруссаки возятъ и хлѣбъ свой, и сами ѣздятъ, и таковыя-то, по наряду изъ деревни, приготовлены были подъ меня и подъ мою команду; казаки же мои всѣ были верхами.

Не ѣзжавъ отъ роду на такихъ дурныхъ и крайне безпокойныхъ фурахъ и притомъ безъ всякой постилки и покрышки, размучился я вprахъ и на первыхъ десяти верстахъ, и насилу-насилу доѣхалъ до первой станціи, гдѣ мнѣ надлежало перемѣнять лошадей. Тутъ, отдохнувъ въ домѣ у одного честнаго и добродушнаго амтмана, накормившаго меня до сыта и напоившаго чаемъ и кофеемъ, выпросилъ я повозку, хотя такую же, но сколько-нибудь получше и съ довольнымъ количествомъ соломы, могущей служить мнѣ вмѣсто постилки, и накрывъ оную епанчами солдатъ моихъ, усѣлся какъ на перинѣ и продолжалъ уже свой путь сколько-нибудь поспокойнѣе прежняго. Сихъ солдатъ послано было со мною десять человѣкъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ, а казаковъ было двѣнадцать человѣкъ, и въ инструкціи предписано, что, въ случаѣ если не станетъ графъ даваться или станутъ люди его отбивать, то могу я поступить военною рукою и употребить какъ холодное, такъ и огнестрѣльное оружіе. Для показанія же дороги и указанія графскаго дома, и какъ самого его, такъ учителя и нѣсколькихъ изъ его людей, которыхъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ забрать велѣно, посланъ былъ со мною и самъ доноситель, и приказано было его столько же беречь, какъ и самого графа.

Итакъ, усажавъ солдатъ своихъ по разнымъ телѣгамъ и приказавъ казакамъ своимъ ѣхать инымъ впереди, а другимъ позади, пустился я въ путь и ѣхалъ всю ту ночь на пролетъ и послѣдующее утро, проѣзжая многіе прусскіе городка и мѣстечки и перемѣняя вездѣ лошадей, гдѣ только мнѣ угодно было, ибо дано мнѣ было открытое и общее повелѣніе всѣмъ прусскимъ жителямъ, чтобъ вездѣ дѣлано было мнѣ вспоможеніе и по всѣмъ требованіямъ моимъ скорое и безотговорочное исполненіе.

Наконецъ, около полудня сего другого дня, пріѣхали мы въ одно небольшое мѣстечко или городокъ, ближайшій къ дому графскому, и какъ онъ жилъ отъ сего мѣстечка не далѣе двухъ верстъ, то надлежало мнѣ тутъ объ немъ распровѣдать, дома ли онъ, и буде нѣтъ, то гдѣ и въ какомъ мѣстѣ мнѣ его найтить можно? Какъ дѣло сіе надлежало произвесть мнѣ колико можно искуснѣе и такъ, чтобы никто въ мѣстечкѣ о намѣреніи моемъ недогадался и не могъ бы ему дать знать, то принужденъ я былъ совѣтовать о томъ съ бездѣльникомъ-доносителемъ, который, будучи наряженъ въ солдатское платье, положенъ у насъ былъ въ телѣгу и покрытъ епанчами, чтобъ его кто неувидѣлъ и неузналъ. Сей присовѣтовалъ мнѣ завернуть на часокъ въ одинъ изъ тамошнихъ шинковъ, и самый тотъ, въ которомъ останавливаются всегда графскіе люди, когда пріѣзжаютъ и приходятъ въ мѣстечко, и гдѣ нерѣдко они пьютъ и гуляютъ, и разговориться въ немъ какъ-нибудь съ хозяйкою о графѣ,

ибо онъ несомнѣвался, чтобъ ей не было о томъ извѣстно, гдѣ находился тогда графъ нашъ. Но какъ домикъ сей не такой былъ, гдѣ-бъ останавливались проѣзжіе, то сдѣлался вопросъ, какую-бъ сыскать вѣроятную причину къ остановкѣ въ самомъ ономъ, и сіе долженъ былъ уже я выдумывать. Я и выдумалъ ее тотчасъ, нѣсколько подумавъ. Разсудилось мнѣ употребить небольшую ложь и хитрость, и въ самое то время, когда поровняемся мы противъ того домика, велѣть закричать сидѣвшему съ извощикомъ моему солдату, чтобъ остановились и взгореваться, что будто бы у насъ испортилась повозка и надобно было ее неотмѣнно починить, и все сіе для того, чтобъ, между тѣмъ покуда они станутъ ее будто бы чинить на улицѣ, могъ бы я зайтить въ сей домъ и пробыть въ ономъ нѣсколько времени.

Какъ положено было, такъ и сдѣлано. Неуспѣли мы съ симъ домомъ, который намъ проводникъ нашъ указалъ, поровняться, какъ и закричалъ солдатъ мой во все горло: «Стой! стой! стой! колесо изломалось». Въ мигъ тогда я, соскакиваю съ повозки и засуетившимся солдатамъ своимъ приказавъ ее скорѣе чинить, вхожу въ домикъ и попавшуюся мнѣ въ дверяхъ хозяйку ласковѣйшимъ образомъ, по-нѣмецки говоря, прошу дозволить мнѣ пробыть въ домѣ ея нѣсколько минутъ, покуда солдаты мои починятъ испортившуюся повозку.—«Съ превеликою охотою», сказала она и повела меня къ себѣ въ покои, и будучи по счастію крайне словоохотна и любопытна, начала тотчасъ разспрашивать меня, откуда и куда я съ солдатами своими ѣду. У меня приготовлена уже была выдуманная на сей случай цѣлая исторія. Итакъ, я ну ей точить балы и городить турусу на колесахъ и разсказывать сущую и такую небылицу, что она, разиня ротъ, меня слушала и не могла всему довольно надивиться; а какъ спросила она меня, какого я чину и какъ прозываюсь, то назвалъ себя майоромъ, а фамилію выдумалъ совсѣмъ нѣмецкую и увѣрилъ ее тѣмъ дѣйствительно, что я былъ природою не русскій, а нѣмецъ, каковымъ и почла она меня съ самаго начала, потому, что я говорилъ по-нѣмецки такъ хорошо, что трудно было узнать, что я русскій. А какъ я при семъ разговорѣ съ нею употребилъ и ту хитрость, что не только употреблялъ возможнѣйшія къ ней ласки, но и далъ такой тонъ, что я хотя и въ русской службѣ, но не очень русскихъ долюбливаю, а болѣе привери:енъ къ королю прусскому, то хозяйка моя растаяла и сдѣлалась такъ благопріятна ко мнѣ, что стала даже спрашивать меня, неугодно ли мнѣ чего покушать и что она съ удовольствіемъ постарается угостить меня, чѣмъ ее Богъ послалъ. «Очень хорошо, моя голубушка», сказалъ я, «и ты меня одолжишь тѣмъ, я не ѣлъ благо еще съ самаго вчерашняго вечера».

Въ мигъ тогда хозяйка моя побѣжала отыскивать мнѣ масло, сыръ, хлѣбъ, холодное жареное и прочее, что у ней было, и накрывать скорѣе мнѣ на столикѣ скатерть; а я между тѣмъ, покуда она суетилась, съ превеликимъ любопытствомъ смотрѣлъ на невиданное мною до того зрѣлище, а именно, какъ дѣлаютъ булавки; ибо случилось такъ, что въ самомъ семъ домѣ была булавочная фабрика.

Сѣвши же за столъ, вступилъ я съ подчивающею и угостить меня всячески старающеюся хозяйкою въ дальнѣйшіе разговоры. Я завелъ матерію о тамошнемъ мѣстечкѣ, хвалилъ его положеніе, разспрашивалъ, какъ оно велико, чѣмъ жители наиболѣе питаются, и мало по малу нечувствительно добрался до того, есть ли въ близости вокругъ его живущіе дворяне, и кто-бъ именно были они таковые. Тогда велерѣчивая хозяйка моя и вылетѣла тотчасъ съ именемъ милостивца и знакомца своего, графа Гревена, самаго того, который мнѣ былъ надобенъ и до котораго и старался я умышленно довести нечувствительно разговоръ нашъ.

Неуспѣла она назвать его, какъ и возопилъ я, будто крайне обрадовавшись и удивившись. «Какъ! Гревенъ! графъ «Гревенъ живетъ здѣсь, и недалеко, ты

«говоришь»!—«Такъ точно,» сказала хозяйка, «и не будетъ до дома его и полу-«мили».—«О, какъ я этому радъ», подхватилъ я: «скажу тебѣ, моя голубка, что «этотъ человѣкъ мнѣ очень знакомъ, и «я его люблю и искренно почитаю. Года «за два до сего, имѣлъ я счастіе съ нимъ «познакомиться, и онъ оказалъ еще мнѣ «такую благосклонность, которую я ни-«когда не позабуду. Но скажи-жъ ты мнѣ, «моя голубка, гдѣ-жъ онъ? и какъ пожива-«етъ? все ли онъ здоровъ и съ милымъ се-«мействомъ своимъ? гдѣ-жъ онъ живетъ и «не по дорогѣ ли мнѣ будетъ къ нему за-«ѣхать. Ахъ! какъ бы я желалъ съ нимъ «еще повидаться, съ этимъ добрымъ и «честнымъ человѣкомъ! Какъ еще упра-«шивалъ онъ меня, при послѣднемъ съ «нимъ разставаньи, чтобъ заѣхалъ я къ «нему, если случится мнѣ ѣхать когда-«нибудь мимо его жилища!» Хозяйка моя сдѣлалась еще ласковѣе и дружелюбнѣе ко мнѣ, услышавъ, что знаю, люблю и почитаю я ея милостивца. Она начала превозносить его до небесъ похвалами, и означая ту дорогу, по которой надлежало ему ѣхать и званіе его деревни, присовокупила наконецъ, что врядъ ли онъ теперь дома. «Какъ? да гдѣ же онъ?» спросилъ я, будто крайне встужившись, и не знаетъ ли она куда онъ поѣхалъ? «Люди его», сказала она мнѣ, «бывшіе у «меня только передъ вами, сказывали мнѣ, «что уже три дни, какъ его нѣтъ дома, «и поѣхалъ въ другую свою деревню, ми-«ли за четыре отсюда; и говорятъ еще, «что будто онъ тамъ продаетъ какую-то «землю, или уже продалъ; и поѣхалъ «брать деньги».—«Ахъ! какъ мнѣ этого «жаль!» подхватилъ я, «но не дома ли «хоть хозяюшка его?» — «Нѣтъ и ея, а «говорятъ, что поѣхалъ онъ и съ нею, а и «самая барышня съ ними, а дома одинъ «только старикъ учитель, да маленькія дѣ-«ти». — Экое, экое горе!» качая головою, сказалъ я, изъявляя мое будто бы сожалѣніе, но которое я и дѣйствительно тогда имѣлъ, ибо было мнѣ то крайне непріятно, что графа не было тогда въ домѣ. «Но не «сказывали-ль тебѣ, голубка моя, люди «сіи, когда они ждутъ его обратно»? —«Они «ждутъ возвращенія его сегодня же и «говорили еще, что какой-то къ нимъ «былъ оттуда пріѣзжій и сказывалъ, что «графъ въ сегоднишній день оттуда вы-ѣ-«детъ».—«Сегодня же», возопилъ я: «о, «если-бъ я вѣрно это зналъ, согласил-«ся-бъ истинно даже ночевать здѣсь и «подождать его пріѣзда, такъ хотѣлось «бы мнѣ съ нимъ видѣться и обнять еще «разъ сего милаго человѣка; но такая «бѣда! что и медлить мнѣ долго не мож-«но; а спѣшить надобно за моимъ дѣломъ. «Но не знаешь ли ты, моя голубка, въ «которой сторонѣ эта его другая дерев-«ня, не по дорогѣ ли моей и не могу ли «я съ нимъ хоть повстрѣчаться, какъ по-«ѣду?»—«Этого я уже не могу знать», сказала она: «слыхала я, что деревня сія «гдѣ-то въ этой сторонѣ, а слыхнулось и «то, что ѣздитъ онъ туда и оттуда двумя «дорогами, иногда вотъ прямою тутъ и «чрезъ клочекъ Польши, а иногда оклад-«никомъ на монастырь католицкій; итакъ, «Богу извѣстно, по которой онъ нынѣ «поѣдетъ.»

Сіе послѣднее извѣщеніе было мнѣ очень непріятно и привело меня въ превеликое недоумѣніе что мнѣ дѣлать; я вышелъ тогда вонъ, будто для посмотрѣнія, все ли починено и хорошо ли, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поговорить и посовѣтовать съ лежащимъ подъ епанчею и закутаннымъ проводникомъ моимъ. Я разсказалъ ему въ скорости всю слышанную исторію, и онъ, услышавъ ее, самъ взгоревался и не зналъ, какъ намъ поступить лучше. Чтобъ на дорогѣ его схватить, это казалось обоимъ намъ для насъ еще лучше и способнѣе, нежели въ домѣ; но вопросъ былъ, которую дорогу намъ избрать и по которой ѣхать къ нему на встрѣчу. Обѣ ему были онѣ знакомы, и долго мы объ этомъ думали; но наконецъ совѣтовалъ онъ болѣе ѣхать по той, которую называла хозяйка окладникомъ, и которая шла вся по землямъ прусскимъ, а не чрезъ вогнувшуюся въ семъ мѣстѣ угломъ Польшу, и была хотя далѣе, но лучше, спокойнѣе и полистѣе. Болѣе все-

то совѣтовалъ онъ избрать дорогу сію потому, что лежитъ на ней одинъ католицкій кластеръ или монастырь и что графъ всегда заѣзжаетъ къ тамошнимъ монахамъ, которые ему великіе друзья, и любитъ по нѣскольку часовъ проводить съ ними время и что несомнѣвается онъ, что и въ сей разъ графъ къ нимъ заѣдетъ.

Я послѣдовалъ сему его совѣту и, рѣшившись ѣхать по сей, распрощался съ ласковою своею хозяйкою и благодаря ее за угощеніе просилъ ее, что если случится ей увидѣть графа, то поклонилась бы она ему отъ меня и сказала, что мнѣ очень хотѣлось съ нимъ видѣться; и пустился на удачу въ путь сей.

Уже было тогда за полдни, какъ мы выѣхали изъ мѣстечка и я не преминулъ сдѣлать тотчасъ всѣ нужныя распоряженія къ нападенію, и приказалъ всѣмъ солдатамъ зарядить ружья свои пулями, а казакамъ свои винтовки.

День случился тогда прекрасный и самый длинный, лѣтній. Но не столько обезпокоивалъ меня жаръ, сколько смущало приближеніе самыхъ критическихъ минутъ времени. Неизвѣстность, что воспослѣдуетъ и удастся ли мнѣ съ миромъ и тишиною выполнить свою коммиссію, или дойдетъ дѣло до ссоры и явленій непріятныхъ, озабочивало меня чрезвычайно, и чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ болѣе смущалось мое сердце и обливалось какъ бы кровью.

Уже нѣсколько часовъ ѣхали мы симъ образомъ, переѣхали болѣе двадцати верстъ, и уже день началъ приближаться къ вечеру, но ничего не было видно и ни одинъ человѣкъ съ нами еще не встрѣчался, и мы начинали уже было и отчаяваться; какъ вдругъ, взъѣхавъ на одинъ холмъ, увидѣли въ дали карету и за нею еще повозку, спускающуюся также съ одного холма въ обширный логъ, между нами находящійся; я велѣлъ тотчасъ поглядѣть своему проводнику, не узнаетъ ли онъ кареты,—и какъ онъ съ перваго взгляда ее узналъ, и сказалъ мнѣ, что это дѣйствительно графская, то вострепетало тогда во мнѣ сердце и сдѣлалось такое стѣсненіе въ груди, что я едва могъ перевесть дыханіе и сказать командѣ моей, чтобъ она изготовилась и исполнила такъ, какъ отъ меня дано имъ было наставленіе. Не отъ трусости сіе происходило, а отъ мыслей, что приближалась минута, въ которую и моя собственная жизнь могла подвергнуться бѣдствію и опасности. Всѣ таковые господа, думалъ я тогда самъ въ себѣ, рѣдко ѣздятъ не имѣя при себѣ пары пистолетъ, заряженныхъ пулями, и когда не большихъ, такъ по крайней мѣрѣ карманныхъ, и они есть вѣрно и у графа, и ну если онъ, испужавшись, увидя насъ его окружающихъ, вздумаетъ обороняться и въ перваго меня бацъ изъ пистолета! Что ты тогда изволишь дѣлать? Однако, положившись на власть божескую и предавъ въ произволъ его и сей случай, пустился я съ командою моею смѣло на встрѣчу къ графу. Всѣхъ повозокъ было съ нами три; итакъ, одной изъ нихъ съ нѣсколькими солдатами и половиною казаковъ, велѣлъ я ѣхать передъ собою, а другой съ прочими позади себя, и приказалъ, что какъ скоро телѣга моя поровняется противъ дверецъ кареты, то вдругъ бы всѣмъ остановиться самимъ, и казакамъ разсыпаться и окружить карету и повозку со всѣхъ сторонъ.

Было то уже при закатѣ почти самаго солнца, какъ повстрѣчались мы съ каретою. Подкомандующіе мои исполнили въ точности все, что было имъ приказано, и не успѣлъ я поровняться съ каретою, какъ въ единый мигъ была она остановлена и сдѣлалась окруженною со всѣхъ сторонъ солдатами и казаками. Я тотчасъ выскочилъ тогда изъ своей телѣги и поступилъ совсѣмъ не такъ, какъ поступили-бъ, быть можетъ, иные. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, похотѣлъ бы еще похрабриться и оказать не только мужество свое, но присовокупить къ оному крикъ, грубости и жестокость; но я пошелъ иною дорогою, и, не хотя безъ нужды зло къ злу приумножать и увеличивать испугомъ и безъ того чувстви-

тельное огорченіе, разсудилъ избрать путь кротчайшій и отъ всякой жестокости удаленный. Я, снявъ шляпу и подошедъ къ каретѣ и растворилъ дверцы у ней, поклонился и наиучтивѣйшимъ образомъ спросилъ у оцѣпенѣвшаго почти графа, по-нѣмецки: «съ господиномъ ли графомъ «Гревеномъ имѣю я честь говорить?»— «Точно такъ!» отвѣчалъ онъ и болѣе не въ состояніи былъ ничего выговорить, а я, съ видомъ сожалѣнія продолжая, сказалъ: «Ахъ! государь мой! отпустите мнѣ, «что я долженъ объявить непріятное вамъ «извѣстіе и, противъ хотѣнія моего, ис«полнить порученную мнѣ отъ началь«ства моего коммисію. Я именемъ импе«ратрицы, государыни моей, объявляю «вамъ арестъ».

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, честное, кроткое, миролюбивое и добродѣтельное семейство, жившее до того въ мирѣ, и въ тишинѣ и совершенной безопасности въ своей деревнѣ, незнавшее за собою ничего худого, неожидавшее себѣ нимало никакой бѣды и напасти, и ѣхавшее тогда въ особливомъ удовольствіи, по причинѣ проданной имъ весьма удачно одной отхожей и имъ ненадобной земляной дачи, получившей за нее болѣе, нежели чего она стоила и въ нѣсколькихъ тысячахъ талеровъ состоящею и тогда съ ними тутъ въ каретѣ бывшую сумму денегъ, и занимавшееся тогда о томъ едиными издѣвками, шутками и пріятными между собою разговорами; и представьте себѣ сами, каково имъ тогда было, когда вдругъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, увидѣли они себя и остановленными и окруженными вокругъ вооруженными солдатами и казаками, и въ какой близкой опасности находился дѣйствительно и самъ я, подходя къ каретѣ. Графъ признавался потомъ мнѣ самъ, что не успѣлъ онъ еще завидѣть насъ издалека, какъ возъимѣлъ уже сомнѣніе, не шайка ли это какихъ-нибудь недобрыхъ людей, узнавшихъ какимъ-нибудь образомъ о томъ, что онъ везетъ деньги, и не хотящая ли у него отнять ихъ и погубить самого его, и потому досталъ и приготовилъ уже и пистолеты свои для обороны; а какъ скоро усмотрѣлъ казаковъ, останавливающихъ и окружающихъ его карету, то сочтя насъ дѣйствительно разбойниками, взвелъ даже и курокъ у своего пистолета и хотѣлъ по первому, кто къ нему станетъ подходить, опустя окно, выстрѣлить и не инако, какъ дорого продать жизнь свою; но усмотрѣнная вдругъ имъ моя вѣжливость и снисхожденіе такъ его поразило, что опустились у него руки, а упадающая почти въ обморокъ его графиня, власно какъ оживотворясь, отъ того такъ тѣмъ ободрилась, что толкая и говоря ему: «спрячь! спрячь! спрячь скорѣе!» сама мнѣ помогать стала отворять дверцы, и что онъ едва успѣлъ между тѣмъ спрятать пистолетъ свой въ ящикъ подъ собою.

Вотъ сколь много помогла мнѣ моя учтивость и какъ хорошо не употреблять, безъ нужды, жестокости и грубости, а быть снисходительнымъ и человѣколюбивымъ.

Теперь, возвращаясь къ продолженію моего повѣствованія, скажу вамъ, что сколько сначала ни ободрило ихъ мое снисхожденіе, но объявленный ему арестъ поразилъ ихъ, какъ громовымъ ударомъ. «Ахъ! Боже превеликій», возопили они, всплеснувъ руками и вострепетавъ оба, и прошло болѣе двухъ минутъ, прежде нежели могъ графъ выговорить и единое слово далѣе; наконецъ, собравшись сколько-нибудь съ силами, сказалъ мнѣ: «Ахъ! «господинъ офицеръ! не знаете ли вы, за «что на насъ такой гнѣвъ отъ монархини «вашей? Бога ради, скажите, ежели знае«те, и пожалѣйте объ насъ бѣдныхъ!» — «Сожалѣю ли я объ васъ или нѣтъ», отвѣчалъ я ему: «это можете вы сами ви«дѣть, а хотябъ вы не примѣтили, такъ «видитъ то Всемогущій; но сказать того «вамъ не могу, потому что истинно самъ то«го не знаю, а мнѣ велѣно только васъ «арестовать и»...—«И что еще?» подхва«тилъ онъ скоро, ужъ сказывайте скорѣй, «ради Бога, всю величину несчастія наше«го!»—«И привезть съ собою въ Кёнигс«бергъ!» отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

«Обоихъ насъ съ женою?» подхватилъ онъ «паки, едва переводя духъ свой. «Нѣтъ», отвѣчалъ я, «до графини нѣтъ мнѣ никакого дѣла, и вы можете, сударыня, «быть съ сей стороны спокойны, а мнѣ «надобны еще вашъ учитель, да нѣкоторые изъ людей вашихъ, о которыхъ теперь же прошу мнѣ сказать, гдѣ они «находятся, чтобъ я могъ по тому принять мои мѣры».—«Ахъ! господинъ офицеръ! отвѣчалъ онъ, услышавъ о именахъ ихъ: они не всѣ теперь въ одномъ мѣстѣ и одинъ изъ нихъ оставленъ «мною въ той деревнѣ, изъ которой я «теперь ѣду, а прочіе, съ учителемъ, въ «настоящемъ моемъ домѣ и въ той деревнѣ, куда я ѣхалъ и гдѣ имѣю всегдашнее мое жительство». — «Какъ же «намъ быть?» сказалъ я тогда, «забрать мнѣ «надобно необходимо ихъ всѣхъ, и какъ «бы это сдѣлать лучше и удобнѣе?»—«Эта «деревня», отвѣчалъ онъ, «несравненно «ближе той, такъ не удобнѣе ли возвратиться намъ, буде вамъ угодно, хоть на «часокъ въ сію, а оттуда уже проѣхать «прямою дорогою въ домъ мой, и тамъ «отдамъ я уже и самъ вамъ всѣхъ ихъ, «безпрекословно». — «Хорошо! государь «мой!» сказалъ я, и велѣлъ оборачивать каретѣ назадъ, а самъ, увидѣвъ, что карета у нихъ была только двумѣстная, и что самимъ имъ было въ ней тѣсновато, потому что насупротивъ ихъ сидѣла на откидной скамеечкѣ дочь ихъ, хотѣлъ-было снисхожденіе и учтивство мое простерть далѣе и сѣсть въ проклятую свою и крайне безпокойную фуру; однако они уже сами до того меня не допустили. «Нѣтъ, нѣтъ, господинъ поручикъ», сказали они мнѣ, «не лучше ли вмѣстѣ съ «нами, а то въ фурѣ вамъ уже слишкомъ «безпокойно».—«Да не утѣсню ли я васъ?» отвѣчалъ я.—«Нѣтъ!» сказали они, «мѣста «довольно будетъ и для васъ, дочь наша «подвинется вотъ сюда, и вы еще усядетесь «здѣсь».—«Очень хорошо», сказалъ я, и радъ былъ тому, и тѣмъ паче, что мнѣ и предписано было не спускать графа съ глазъ своихъ и не давать ему безъ себя ни съ кѣмъ разговаривать.

Такимъ образомъ, усѣвшись кое-какъ въ каретѣ съ ними, поѣхали мы обратно въ ту деревню, откуда онъ ѣхалъ. И тогда-то имѣлъ я случай видѣть наитрогательнѣйшее зрѣлище, какое только вообразить себѣ можно. Оба они, какъ графъ такъ и графиня, были еще люди не старые и, какъ видно, жили между собою согласно, и другъ друга любили искренно и какъ должно; и какъ оба они считали себя совершенно ни въ чемъ невиноватыми, то, обливаясь оба слезами, спрашивали другъ друга, и мужъ у жены, не знаетъ ли она какой несчастію ихъ причины и чего-нибудь за собою, а она о томъ же спрашивала у мужа, и заклинала его сказать, себѣ, буде онъ что знаетъ за собою, и онъ клялся ей всѣми клятвами на свѣтѣ, что ничего такого не знаетъ и не помнитъ, за чтобъ могъ заслужить такое несчастіе. А какъ самое несчастіе воображалось имъ во всей величинѣ своей, то оба погружались они не только въ глубочайшую печаль, но и самое отчаяніе. Нѣсколько времени смотрѣлъ я только на нихъ и на обливающуюся слезами и молчащую дочь ихъ, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, и, сожалѣя объ нихъ, молчалъ; но наконецъ, какъ они мнѣ уже слишкомъ жалки стали, то сталъ я ихъ возможнѣйшимъ образомъ утѣшать и уговаривать, и употреблялъ на вспоможеніе себѣ всю свою философію. Сперва не хотѣли-было они нимало внимать словамъ моимъ, но какъ увидѣли, что я говорилъ имъ съ основаніемъ и всего болѣе старался убѣдить ихъ къ возверженію печали своей на Господа и къ воспріятію на него надежды и упованія, могущаго не только уменьшить несчастіе ихъ, котораго существо всѣмъ намъ было еще неизвѣстно, но и совершенно ихъ избавить, и увѣрять ихъ, что онъ и сдѣлаетъ то, а особливо если они ни въ чемъ не виновны; то влилъ я тѣмъ власно какъ нѣкакой живительный бальзамъ въ ихъ сердце и вперилъ въ нихъ о себѣ еще несравненно лучшее мнѣніе, нежели какое они сначала воспріяли. Совсѣмъ тѣмъ, имѣя

о всѣхъ нашихъ русскихъ какъ-то предосудительное мнѣніе, чуть-было не покусились они соблазнять меня деньгами и отвѣдать подкупить и склонить къ тому, чтобъ я имъ далъ способъ скрыться и уѣхать въ сосѣдственную Польшу. О семъ намекали они уже другъ другу, говоря между собою по-французски и думая, что я сего языка не разумѣю, и вознамѣрились-было уже пожертвовать хоть цѣлою тысячью талеровъ, если дѣло пойдетъ на ладъ и я на то соглашаться стану, а особливо побуждало ихъ къ тому и то, что и деньги у нихъ были къ тому готовы и вмѣстѣ съ ними въ каретѣ; но я при первомъ, заикнувшемся мнѣ издалека словѣ, тотчасъ сказалъ имъ, чтобъ они о томъ пожаловали и не помышляли, и что видятъ они предъ собою во мнѣ честнаго и такого человѣка, который ни на что чести своей не промѣняетъ и не польстится ни на какія тысячи, хотя бы ихъ въ тотъ же часъ получить было можно. Таковое безкорыстіе не только ихъ удивило, но и вперило ихъ ко мнѣ множайше почтеніе и такую довѣренность, что они не усумнились признаться мнѣ, что находятся съ ними въ каретѣ многія тысячи; а при семъ самомъ случаѣ графъ и признавался мнѣ въ томъ, какъ почелъ-было насъ разбойниками и хотѣлъ меня застрѣлить и, чтобъ въ истинѣ словъ своихъ меня удостовѣрить и пріобрѣсть болѣе себѣ довѣрія, то досталъ даже и самый спрятанный имъ пистолетъ, и выстрѣливъ изъ обоихъ ихъ съ дозволенія моего на воздухъ, хотѣлъ-было, для напоминанія о семъ случаѣ, меня подарить оными, но я и отъ сего подарка учтиво отказался.

Въ сихъ собесѣдованіяхъ доѣхали мы до того католицкаго монастыря, въ который онъ дѣйствительно тогда заѣзжалъ и мимо воротъ котораго надлежало намъ тогда ѣхать. Тутъ изъ опасенія, чтобъ не могъ графъ какимъ-нибудь образомъ у меня ускользнуть въ оный и изъ котораго мнѣ трудно-бъ было его уже получить, велѣлъ я казакамъ ѣхать поближе къ каретѣ и окружить оную, но тѣмъ нѣсколько пообидѣлись уже и мои арестанты. «Ахъ! господинъ поручикъ, говорилъ мнѣ графъ: пожалуйте, въ разсужденіе насъ ничего не опасайтесь. Когда мы при всемъ несчастіи своемъ утѣшены по крайней мѣрѣ тѣмъ счастіемъ, что находимъ въ васъ такого честнаго, благороднаго, разумнаго и великодушнаго человѣка, то не похотимъ никогда сами, чтобъ вы за насъ претерпѣли какое зло и могли подвергнуться какому-нибудь бѣдствію; сохрани насъ отъ того Боже! Несчастіе наше произошло не отъ васъ, а какъ мы не сомнѣваемся, по волѣ божеской: такъ его воля и будь съ нами; но вамъ на что же за насъ несчастнымъ быть? Нѣтъ, нѣтъ! сего не хотимъ и не похотимъ мы сами». Я благодарилъ ихъ за сіе, но присовокупилъ, что былъ бы еще довольнѣе, еслибъ могъ получить отъ нихъ увѣрительное слово, что и въ обѣихъ деревняхъ ихъ не будетъ дѣлано ни малѣйшаго шума и препятствія мнѣ въ исполненіи всего того, что мнѣ отъ начальства приказано; въ противномъ случаѣ, было-бъ вамъ извѣстно, присовокупилъ я, что отдана въ волю мою, не только что иное, но даже и самая жизнь ваша. А сверхъ того, вотъ прочтите сами данное мнѣ открытое повелѣніе всѣмъ прусскимъ жителямъ и начальствамъ, по силѣ котораго могу я вездѣ и отъ всѣхъ получить вспомоществованіе, еслибъ и команда моя оказалась недостаточна. «Сохрани насъ отъ того Господи!» возопили они: «чтобъ нужда дошла до такой крайности, но мы вамъ даемъ не только честное слово, что ни малѣйшаго нигдѣ не будетъ шума и препятствія, но утверждаемъ слово свое и всѣми клятвами въ свѣтѣ».

Они и сдержали дѣйствительно слово и я не только обезпеченъ былъ совершенно съ сей стороны, но имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ обходящихся со мною, какъ бы съ какимъ-нибудь ближнимъ родственникомъ. Но я возвращусь къ продолженію моей исторіи.

Къ помянутой деревнѣ его доѣхали мы не прежде, какъ уже въ сумерки, не въѣз-

жая въ оную, остановились у тамошняго приходскаго священника или пастора, старика добраго и набожнаго, постаравшагося насъ всячески угостить и накормившаго насъ хорошимъ ужиномъ, а между тѣмъ посылалъ графъ въ деревню свою за человѣкомъ мнѣ надобнымъ, котораго и привезли ко мнѣ тотчасъ. Мы набили на него превеликія колодки и, поужинавъ, тотчасъ пустились опять въ путь и, для скорѣйшаго переѣзда, прямо уже чрезъ оный вдавшійся въ Пруссію узкій уголъ Польши. Мы ѣхали во всю ночь напролетъ и ночь сія была мнѣ крайне мучительная; ибо какъ передняя скамеечка, на которой я сидѣлъ съ ихъ дочерью, была узенькая и низковата и мнѣ ногъ никуда протянуть было не можно, то сидѣнье для меня было самое безпокойное и мучительное, и я во всю ночь не смыкалъ глазъ съ глазомъ и только что посматривалъ на казаковъ, окружающихъ верхами карету нашу.

Мы пріѣхали въ настоящій домъ его не прежде, какъ уже гораздо ободняло, и графъ повелъ меня прямо въ то мѣсто, гдѣ былъ учитель. Мы застали добраго и честнаго старика сего еще спящимъ и графъ, разбуживая его, сказалъ: «вставай-ка, мой другъ! Небу угодно было, чтобъ постигло насъ обоихъ съ тобою несчастіе, чуть-ли намъ съ тобою не побывать въ Сибири!» Я не могъ тогда довольно надивиться твердодушію старика того. Не примѣтилъ я ни въ видѣ его ни малѣйшей перемѣны, ни ужаса и въ словахъ смущенія, а сказавъ только: «ну, что-жъ! Его святая воля и буди съ нами», и началъ тотчасъ съ столь спокойнымъ духомъ одѣваться, какъ бы ничего не произошло и не бывало. Совсѣмъ тѣмъ удивился я тому, что графъ упомянулъ при семъ случаѣ о Сибири и потребовалъ отъ него въ томъ объясненія. «Ахъ! господинъ, поручикъ!» сказалъ онъ: «теперь не сомнѣваюсь я почти, чтобъ не побывать мнѣ въ Сибири самой. Мнимый и больнымъ называющійся солдатъ вашъ въ фурѣ, какъ ни скрывался подъ епанчею, но люди мои узнали въ немъ своего прежняго сотоварища, ушедшаго отъ меня за нѣсколько дней до сего времени и величайшаго плута и бездѣльника. И какъ теперь мы ясно видимъ, что все несчастіе наше терпимъ отъ него и вѣрно никто иной какъ онъ налгалъ на насъ по злобѣ какую-нибудь небылицу, то вѣдая ваши строгіе въ семъ случаѣ законы, и предчувствую, что повезутъ насъ въ Петербургъ въ вашу Тайную Канцелярію, а оттуда боюсь, чтобъ не сослали насъ и въ Сибирь. Жена моя съ ума теперь сходитъ, узнавъ о семъ бездѣльникѣ и почитаетъ меня уже совсѣмъ погибшимъ; не можно ли вамъ, господинъ поручикъ, ее сколько-нибудь уговорить и утѣшить?»—Съ превеликимъ удовольствіемъ», сказалъ я и побѣжалъ тотчасъ въ ея покой, и нашедъ ее плачущую навзрыдъ надъ малолѣтными дѣтьми своими и называющею ихъ бѣдными уже и несчастными сиротами, такъ печальною сценою сею растрогался, что, утирая собственныя слезы, изъ глазъ моихъ по неволѣ текущія, началъ говорить ей все, что только могъ придумать къ ея утѣшенію, и какъ ихъ всего болѣе устрашала Сибирь и опа завѣрное почти полагала, что мужа ей своего на вѣки болѣе невидать и что онъ погибнетъ невозвратно, то клялся и божился я ей, что она напрасно такъ много тревожится и предается отчаянію и увѣрялъ обоихъ ихъ свято, что буде дѣйствительно не знаютъ они за собою никакого важнаго преступленія, напримѣръ дѣйствительнаго умысла противъ государыни или измѣны настоящей, то неопасались бы ни мало ссылки въ Сибирь.

Правда! говорилъ я далѣе, отъ посылки въ Петербургъ, не уповаю я, чтобъ могли они избавиться; но дѣло въ томъ только и состоять будетъ, что они побываютъ въ Петербургѣ. «Повѣрьте мнѣ, какъ честному и никакъ васъ необманывающему человѣку, что и тамъ люди, имѣющіе сердца человѣческія, а не варвары, и не всѣхъ опредѣляютъ въ ссылку въ Сибирь, па кого отъ бездѣльниковъ такихъ, каковъ вашъ бывшій слуга, бы-

ваетъ доносы; и какъ опытность доказала, что изъ тысячи такихъ доносовъ бываетъ развѣ одинъ только справедливый, то и оканчивается болѣе тѣмъ, что ихъ же, канальевъ, пересѣкутъ и накажутъ, а обвиняемые освобождаются безъ малѣйшаго наказанія; а тоже, помяните меня, воспослѣдуетъ, сударыня, и съ вашимъ сожителемъ».

Сими словами утѣшилъ и ободрилъ я нѣсколько удрученную неизобразимою горестію графиню, а чтобъ и болѣе ее подкрѣпить, то, взявъ ее за руку и шутя продолжалъ: «Полно, сударыня! полно прежде времени такъ сокрушаться, а подите-ка лучше напойте насъ чаемъ или кофеемъ, да прикажите скорѣе намъ что-нибудь позавтракать изготовить; да не худо бы и на дорогу снабдить насъ какимъ-пибудь пирогомъ и кускомъ мяса. Ступайте-ка, сударыня, и попроворьте всѣмъ этимъ; мнѣ вѣдь долго здѣсь медлить не можно: и такъ я, изъ снисхожденія къ вамъ, промедлилъ долѣе, нежели сколько мнѣ надлежало». Сіе побудило ихъ всѣхъ просить меня убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ помедлить еще часа два или три времени, дабы успѣть можно было собрать графа въ такой дальній путь и снабдить всѣмъ нужнѣйшимъ, а я, подъ условіемъ, чтобъ графиня болѣе не плакала, охотно на то и согласился.

Она и дѣйствительно, ободрясь тѣмъ, стала всѣмъ проворить такъ хорошо, что въ мигъ подали намъ и чай и кофей, а часа чрезъ два потомъ изготовленъ былъ уже не только завтракъ, но и обѣдъ полный, а сверхъ того успѣла она и напечь и нажарить и напряжить всякой всячины намъ на дорогу, а не позабыта была и вся моя команда, но накормлена и напоена до сыта.

Наконецъ настала минута, въ которую надлежало графу разставаться съ домомъ, имѣніемъ, съ милою и любезною женою и со всѣми малолѣтными дѣтьми и разставаться когда не на вѣкъ, такъ, по крайней мѣрѣ, на неизвѣстное время. Каково разставаніе сіе было, того описать никакъ я не могу, а довольно, когда скажу, что было оно наичувствительнѣйшее и могущее растрогать и самаго твердодушнѣйшаго человѣка. Весь домъ собрался для провожанія графа: всѣ, отъ мала до велика, любили его какъ отца; всѣ жалѣли объ немъ и прощались съ нимъ, обливающимся слезами; что-жъ касается до графини, то была она внѣ себя и въ такомъ состояніи, что я безъ жалости на ее смотрѣть не могъ. Но всего для меня чувствительнѣе было, когда началъ графъ прощаться съ дѣтьми своими и, какъ ненадѣющійся болѣе ихъ видѣть, благословлять ихъ и цѣловать въ послѣдній разъ.

Ѣзда наша была довольно успѣшна, спокойна и даже весела для насъ. Мы ѣхали всѣ вмѣстѣ: я, графъ и учитель въ графской, весьма спокойной одноколкѣ на четырехъ колесахъ, и неуспѣла первая горесть сколько-нибудь поутолиться, какъ и вступили мы въ разговоры о разныхъ матеріяхъ. И какъ старикъ учитель былъ весьма добраго, веселаго и шутливаго характера, то и умѣлъ онъ разговорамъ нашимъ придавать такую живость и издѣвками своими такъ успокоить и развеселить графа, а меня даже хохотать иногда заставить, что казалось будто ѣдемъ мы всѣ неинако какъ въ гости; но веселость сія продлилась только до того времени, какъ пріѣхали мы въ Кёнигсбергъ, ибо тутъ подхватили ихъ тотчасъ отъ меня и чрезъ нѣсколько часовъ повезли ихъ на почтовыхъ въ Петербургъ, карауля ихъ съ обнаженными шпагами.

Губернаторъ былъ очень доволенъ исправнымъ выполненіемъ его повелѣнія и благодарилъ меня за то; а какъ восхотѣлъ отъ меня слышать всѣ подробности моего путешествія, то расхвалилъ меня впрахъ, что я поступилъ такъ, а не инако, и я такъ повѣствованіемъ моимъ его разжалобилъ, что онъ самъ сталъ искренно сожалѣть о графѣ и желать ему благополучнаго возвращенія.

Сіе, къ общему нашему удовольствію, и воспослѣдовало дѣйствительно, и онъ возвратился къ намъ въ ту же еще осень,

не претерпѣвъ ни малѣйшаго себѣ наказанія въ Петербургѣ и я проводилъ его изъ Кёнигсберга съ радостными слезами на глазахъ. При разставаньи съ нимъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть его благодарящаго меня, со слезами на глазахъ, за всѣ мои къ нему ласки и оказанное снисхожденіе и увѣряющаго съ клятвою, что онъ дружбы и благосклонности моей къ себѣ по гробъ не позабудетъ и что все его семейство обязано мнѣ безконечною благодарностію. Симъ-то окончилось сіе произшествіе. Другихъ же, подобныхъ тому, не было во все лѣто; почему и остается мнѣ теперь замѣнить сей недостатокъ краткимъ повѣствованіемъ о главнѣйшихъ произшествіяхъ войны нашей въ сіе лѣто; но сіе учиню не прежде какъ въ послѣдующемъ письмѣ, поелику сіе и безъ того уже слишкомъ увеличилось, а между тѣмъ остаюсь, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 88-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ у насъ все упомянутое въ послѣднихъ моихъ письмахъ въ Пруссіи и въ Кёнигсбергѣ происходило, въ Европѣ продолжалась по прежнему война, и кровь человѣческая проливалась по пустому. Лѣто сего 1761 года было хотя и не такъ кровопролитно, какъ въ предслѣдующіе годы и не было хотя во все продолженіе онаго ни одной генеральной и большой баталіи, однако несмотря на то, на многихъ небольшихъ сраженіяхъ и стычкахъ, также при осадахъ нѣкоторыхъ городовъ, народа погублено великое множество, а въ числѣ онаго легло много и русскихъ головъ въ земляхъ чуждыхъ и иноплеменныхъ и, къ сожалѣнію, безъ малѣйшей пользы для любезнаго отечества нашего. И какъ въ войнѣ сего года имѣли и мы великое соучастіе, то и разскажу вамъ, хотя вкратцѣ, исторію войны сей въ сіе лѣто.

Кровопролитная война сія, продолжавшаяся уже столько лѣтъ сряду, всѣмъ воюющимъ народамъ такъ наскучила, что всѣ они уже вожделѣли мира; но не такого расположенія были ихъ обладатели. Одинъ только прусскій король, доведенный всѣми прежними кампаніями до великаго изнеможенія, охотно уже желалъ мира, но желалъ его безъ всякихъ съ своей стороны пожертвованій. Цесарева была такъ еще напыщена тогда, что недовольна бы еще была и возвращеніемъ ей Шлезіи, буде бы не удалось ей притомъ достичь главной своей цѣли и унизить короля прусскаго въ классъ маленькихъ князей. Наша императрица уже нарочито утолила свой гнѣвъ на короля и не отреклась бы войну окончить. Но какъ Пруссію почитала она власно какъ своею провинціею, а добровольной уступки оной ожидать было не можно, то и нужно доставать ее было ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ войны. Шведамъ и шведскому двору война съ Пруссіею съ самаго начала была ненавистна, но бразды правленія были все еще въ рукахъ государственнаго совѣта, повинующагося повелѣніямъ французскаго двора, французскій же народъ болѣе всѣхъ возжделѣлъ окончанія такой войны, которая изнурила государство ихъ и деньгами и людьми, была совсѣмъ противна интересамъ государственнымъ, начата по фантазіи, а по корыстолюбію и для приватныхъ интересовъ министровъ и королевскихъ любовницъ была продолжаема; война, которая покрывала ихъ только стыдомъ и безчестіемъ и которая, и въ случаѣ самаго лучшаго успѣха, не обѣщала никакой для французскаго народа пользы.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ уже начинали кой-гдѣ заговаривать о мирѣ, и назначаемъ былъ городъ Аугсбургъ для конгреса, и уже предлагаемъ былъ отъ короля прусскаго и прожектъ къ оному, и онъ, желая получить себѣ Саксонію, уже вознамѣривался разстаться и съ Пруссіею и со всѣми своими Вестфальскими провинціями; однако все сіе не состоялось и война должна была продолжаться по прежнему.

Всходствіе чего и дѣланы были всѣми воюющими державами опять, въ продол-

женіе зимы, всѣ нужныя приготовленія къ наступающей новой кампаніи и вымышляемы были разные прожекты и планы, какъ кому воевать и что предпринимать въ то лѣто; и какъ главнѣйшую ролю во всей этой войнѣ играла цесарева и у ней было все еще на умѣ и главнѣйшею цѣлью завоеваніе Шлезіи, то, сообразно съ тѣмъ, расположенъ былъ такъ и планъ всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ и назначено было, чтобъ быть главнымъ дѣйствіямъ тутъ и паки совокупными силами, и чтобъ опять всячески стараться соединить нашу армію съ цесарскою и совокупно напасть единожды на короля прусскаго и побѣдивъ, выгнать его совсѣмъ изъ Шлезіи и овладѣть оною. А чтобъ надежнѣе могъ быть въ томъ успѣхъ, то и назначенъ былъ въ сей разъ командиромъ цесарской арміи не прежній графъ Даунъ, котораго медленностію и неповоротливостію были недовольны, а дѣятельный и прямо неутомимый и расторопный генералъ Лаудонъ. Дауну же велѣно было, соединившись съ имперскими войсками, защищать Саксонію, между тѣмъ какъ въ Вестфаліи и гановерскихъ мѣстахъ противъ союзниковъ дѣйствовали обѣ французскія арміи подъ командою принца Субиза и Брогліо. Наконецъ, чтобъ сдѣлать еще болѣе прусскимъ войскамъ развлеченія, то положено, чтобъ мы отдѣлили отъ своей арміи сильный корпусъ въ Померанію и еще бы разъ испытали осадить городъ Кольбергъ, употребивъ уже къ тому при вспоможеніи нашего и шведскаго флота гораздо множайшія силы и старались бы какъ можно овладѣть онымъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всею Помераніею.

Вотъ какой планъ сдѣланъ былъ съ стороны нашей и цесарской; что-жъ касается до короля прусскаго, то сей, потерявъ весьма много чрезъ смерть короля аглинскаго, наилучшаго своего союзника, и не получая уже болѣе отъ агличанъ помощныхъ денегъ, и растерявъ почти всѣхъ своихъ генераловъ и старыхъ солдатъ, принужденъ былъ принимать другія мѣры и, вмѣсто прежней наступательной войны, вести въ сей годъ болѣе оборонительную и, по малолюдству своему, убѣгать колико можно генеральныхъ баталій. И какъ ему всѣ планы и сокровенныя намѣренія непріятелей его были извѣстны, то онъ, сообразуясь съ ними, и раздѣлилъ войска свои такъ, чтобъ вездѣ можно было ему сдѣлать не только сильный отпоръ, но въ намѣреніяхъ непріятелей своихъ повсюду и препоны и помѣшательства. Итакъ, противъ французовъ отправилъ онъ родственниковъ своихъ принца Фердинанда и наслѣднаго принца Брауншвейгскаго, обоихъ великихъ полководцевъ и героевъ, и поручилъ имъ, съ маленькою ихъ союзною арміею, занимать французовъ и всячески стараться ихъ вытѣснить изъ гановеранскихъ, вестфальскихъ и гессенъ-кассельскихъ земель; противъ Дауна поставилъ онъ брата своего принца Генриха съ нарочитою арміею. Померанію прикрывать и защищать отъ насъ Кольбергъ поручилъ онъ родственнику своему принцу Евгенію виртенбергскому и нѣкоторымъ другимъ генераламъ съ небольшимъ корпусомъ; движенія же нашей главной арміи примѣчать, и въ походѣ возможнѣйшія дѣлать остановки и помѣшательства поручилъ наилучшимъ своимъ генераламъ, а самъ, съ наилучшею частію своего войска, вознамѣрился быть противъ Лаудона и употребить всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ недопустить его соединиться съ нами и напасть на него совокупными силами и положилъ, въ первый еще разъ, убѣгать колико можно въ сіе лѣто генеральнаго сраженія, которое выиграть онъ, по малосилію своему, никакъ уже не надѣялся.

Итакъ, всходствіе сего плана, не успѣла весна начаться, какъ родственники его, принцъ Фердинандъ и принцъ Брауншвейгскій и открыли кампанію, и для лучшаго успѣха очень рано, и даже еще въ февралѣ. И какъ французы всего меньше толь ранняго начатія военныхъ дѣйствій ожидали, то союзникамъ и удалось ихъ далеко оттѣснить и, принудивъ, оставить многія захваченныя ими мѣста

Bayerische Staatsbibliothek München

податься назадъ до самаго города Касселя; но въ семъ городѣ засѣвъ удержали они, наконецъ, стремленіе пруссаковъ и ганноверанцевъ, имѣли съ ними нѣсколько сраженій, но не весьма знаменитыхъ, съ неодинаковымъ счастіемъ. Иногда побивали союзники ихъ, а иногда получали они выгоды надъ ними, и война сія продолжалась у нихъ во все лѣто и кончилась почти ни на чемъ, чему всему причиною было наиболѣе несогласіе и вражда между собою обоихъ французскихъ полководцевъ.

Что касается до нашей арміи, то она не такъ была поспѣшна: но новый ея предводитель г. Бутурлинъ, хотя тронулся съ мѣста и нѣсколько ранѣе противъ прошлогодняго, однако, не прежде какъ въ іюнѣ, дождавшись подножнаго корма; но прежде выступленія своего въ походъ, отдѣлилъ онъ отъ себя корпусъ въ 27-ми тысячахъ состоящій, и поручивъ оный графу Румянцову, отправилъ оный въ Померанію для третичной осады города Кольберга.

Армія наша пошла четырьмя дивизіями по прежнему въ Польшу и въ Познань, гдѣ заготовлены были для нея по прежнему главные и большіе магазины. Первая дивизія была подъ командою Фермора и шла на Сироковъ, вторая, предводимая княземъ Голицынымъ, на Познань, третью велъ князь Долгоруковъ, а четвертая составляла резервный корпусъ и поручена была въ команду графу Чернышову.

По довольно медленномъ походѣ прибылъ наконецъ самъ генералъ-фельдмаршалъ, 13 іюня, въ Познань со всѣмъ своимъ генеральнымъ штабомъ, а князь Голицынъ, со второю дивизіею, перешелъ уже между тѣмъ рѣку Варту и тамъ расположился лагеремъ. Въ Познани было обыкновенное рандеву или сборище всей арміи, и тутъ простоялъ г. Бутурлинъ около двухъ недѣль и проводилъ сіе время съ одной стороны въ сборахъ и въ распоряженіяхъ — какъ иттить далѣе и обороняться противъ дѣлающихъ намъ повсюду помѣшательство въ походѣ пруссаковъ. Сіи, въ числѣ 12,000, стояли подъ командою генерала Гольца при Глогау, и король, усиливъ его еще девятью тысячами, прислалъ повелѣніе затруднять всѣми образами наше шествіе и нападать вездѣ на отдѣленные наши корпусы. Но какъ сей генералъ ихъ скоропостижно умеръ, то принялъ команду надъ ними славный ихъ наѣздникъ генералъ Цитенъ и тотчасъ вошелъ въ Польшу. Самое сіе и побудило нашу армію соединиться скорѣе вмѣстѣ и принять къ дальнѣйшему шествію лучшія уже мѣры.

Другое дѣло, сдѣланное господиномъ Бутурлинымъ въ Познани, было неожидаемое никѣмъ арестованіе главнаго нашего наѣздника, генерала-майора Тотлебена и отправленіе его какъ нѣкоего злодѣя и преступника въ Петербургъ. Извѣстіе сіе поразило и армію всю и насъ всѣхъ въ Пруссіи неописаннымъ удивленіемъ. Я уже упоминалъ прежде, что генералъ сей сдѣлался-было у насъ очень славнымъ, командовалъ всѣми легкими войсками и все войско его любило и полагало на него великую надежду. Никто тогда не зналъ тому причины, но послѣ сдѣлалось извѣстно, что пострадалъ онъ и пострадалъ дѣльно за слишкомъ уже снисходительные свои поступки въ минувшемъ году къ берлинскимъ жителямъ при взятіи имъ сего города. А носилась молва, что открыты были за нимъ и другія пакости; но какъ бы то ни было, но онъ былъ какъ злодѣй арестованъ, и команда надъ легкими войсками поручена генералу-майору Берху.

Сколько извѣстіе сіе было для насъ поразительно, столько досадно было слышать о главномъ командирѣ всей нашей и драться съ королемъ прусскимъ идущей арміи, господинѣ Бутурлинѣ, что онъ не отставалъ отъ прежней своей дурной, гнусной и всего меньше предводителю такой великой арміи приличной привычки. Какъ прежній съ ума сходилъ на псовой охотѣ и зайцахъ, такъ сей никакъ не могъ и во время важнаго похода сего отвыкнуть отъ частаго и безпрерывнаго почти куликанья. То и дѣло

Bayerische Staatsbibliothek München

привозились къ намъ о семъ вѣсти, и съ одной стороны смѣшные, а съ другой наидосаднѣйшіе анекдоты. Ибо генералъ сей при сихъ куликаньяхъ своихъ дѣлалъ безчисленныя глупости и не рѣдко просиживалъ цѣлыя ночи въ кружку съ гренадерами, заставляя ихъ съ собою пить, пѣть пѣсни и орать, и полюбившихся ему жаловалъ прямо въ офицеры и даже въ майоры, а проспавшись прашивалъ ихъ просьбою сложить съ себя чины и сдѣлаться опять тѣмъ же, чѣмъ были. Въ сихъ-то и подобныхъ тому дѣлахъ упражнялся онъ, между тѣмъ какъ король прусскій, которому все сіе было извѣстно, стоючи съ арміею своею въ Шлезіи, вымышлялъ всѣ средства къ недопущенію насъ соединиться съ цесарскою арміею и Лаудономъ, который, получивъ тогда впервые еще главную надъ цесарскою арміею команду, бѣсился и досадовалъ на насъ, что мы такъ долго мѣшкали и шли медленно: ибо какъ ему именно отъ двора своего запрещено было вступать съ пруссаками прежде прибытія нашего въ дѣло, а приказано всячески убѣгать сраженія, то, по самому тому, и принужденъ онъ былъ на другомъ краю Шлезіи въ горахъ стоять цѣлыхъ два мѣсяца по пустому и упускать наилучшее время и удобнѣйшій случай къ нападенію на короля прусскаго.

Наконецъ, 27 іюня тронулся г. Бутурлинъ изъ Познани, и армія наша потянулась вдоль подлѣ Шлезіи къ столичному шлезскому городу Бреславлю. Шествіе сіе было также очень медленное и затрудняемое повсюду пруссаками, почему и пришла армія къ Бреславлю не прежде какъ 4-го августа, между которымъ временемъ спѣшилъ и Лаудонъ съ цесарскою арміею иттить къ намъ на встрѣчу. Чтожъ касается до короля прусскаго, то сей учинилъ въ сіе время невѣроятное и почти совсѣмъ невозможное дѣло, ибо, выступивъ изъ того мѣста, гдѣ стоялъ со всею соединенною вмѣстѣ своею арміею и многочисленною артиллеріею, которой одной, кромѣ полковыхъ пушекъ, было до 130 тяжелыхъ орудій, пошелъ форсированными маршами и съ такою скоростію въ сторону къ намъ, что въ немногіе дни перешелъ множество миль и самымъ тѣмъ перехватилъ нашей арміи путь и недопустилъ насъ до столь скораго соединенія съ цесарцами, какъ того мы съ обѣихъ сторонъ желали.

Къ сему, сдѣланному королемъ прусскимъ совсѣмъ нами неожидаемому помѣшательству, много помогло и то, что мы, не думая ни мало осаждать городъ Бреславль, да и будучи къ тому не въ состояніи, а ставъ подлѣ онаго, промедлили тутъ нѣсколько дней и занимались, сами не зная для чего, дѣланіемъ батарей и стрѣляніемъ по городу изъ пушекъ и гаубицъ, также раздаваніемъ солдатамъ привезенныхъ въ армію около сего времени серебряныхъ медалей за побѣду надъ прусаками при городѣ Франкфуртѣ.

Какъ королю прусскому помянутымъ образомъ удалось перехватить намъ путь и затруднить даже самую переправу чрезъ рѣку Одеръ, то принуждено было, какъ съ нашей, такъ и съ цесарской стороны, предпринимать разные окружные марши и контра-марши для желаемаго соединенія, и Лаудонъ съ своей стороны толико былъ въ семъ случаѣ расторопенъ и рачителенъ, что чрезъ нѣсколько дней нашелъ средство, оставивъ армію свою, и съ одною только своею въ 50-ти эскадронахъ состоящею конницею, прискакать къ нашей арміи для подкрѣпленія оной и съ тѣмъ, чтобъ убѣдить насъ тотчасъ напасть на короля прусскаго и дать съ нимъ баталію. Но всѣ его труды остались тщетны: мы никакъ несогласились драться одни безъ его пѣхоты и онъ принужденъ былъ ѣхать опять назадъ къ своей арміи, ничего не сдѣлавъ. Наконецъ, по сдѣланнымъ еще разнымъ маршамъ и контра-маршамъ, 12-го августа воспослѣдовало при мѣстечкѣ Стригау толь давно вожделѣнное и четыре уже года искомое соединеніе цесарской арміи съ нашею, и какъ у нашей былъ уже недостатокъ въ провіантѣ, то Лаудонъ тот-

часъ и снабдилъ ее онымъ; — но чтожъ воспослѣдовало далѣе?

Какъ чрезъ соединеніе сіе сила наша сдѣлалась уже несравненно уже превосходнѣе короля прусскаго, ибо одна и наша армія состояла болѣе, нежели въ 60-ти тысячахъ, а цесарская въ 72-хъ тысячахъ, а у короля и всего было не болѣе 50-ти тысячъ человѣкъ въ его арміи, то онъ, сдѣлавшись слишкомъ противъ насъ слабъ, отошелъ тотчасъ назадъ и расположился подлѣ самаго славнаго и крѣпкаго своего города Швейдница лагеремъ. Наши же арміи тотчасъ послѣдовали за нимъ и окружили его полуциркулемъ такъ, что у него остался одинъ только тылъ на свободѣ, а чрезъ то и приведенъ онъ былъ въ критическое и столь дурное положеніе, въ каковомъ онъ не бывалъ еще никогда во все продолженіе войны сей. Любимая его охота была давать сраженія, но въ сей разъ и при такой несоразмѣрности въ силахъ, было бы то для его сущая дерзость и неблагоразуміе, ибо и самая побѣда не инако могла-бъ быть куплена, какъ слишкомъ дорогою цѣною, а притомъ, въ разсужденіи столь многочисленныхъ непріятельскихъ арміяхъ и мало бы принесла ему пользы; напротивъ того, потеряніе баталіи произвело бы страшныя и бѣдственнѣйшія для его послѣдствія. Въ сей крайности находясь и не долго думая, рѣшился онъ какъ можно избѣжать сраженія, и для лучшаго въ томъ успѣха приступить къ тому, къ чему онъ никогда не приступалъ и о чемъ никогда и говорено не было, а именно къ окопанію всего лагеря своего шанцами и къ превращенію всего онаго въ нѣкоторый родъ крѣпости непреодолимой.

Великое предпріятіе сіе и началъ онъ производить ни мало не медля и употребилъ къ тому самое то драгоцѣнное время, покуда предводители обѣихъ нашихъ армій между собою строили чины, сзывали военные совѣты, сумнѣвались и дѣлали планы и распоряженія, какъ имъ атаковать лучше короля въ его лагерѣ. Ибо какъ Лаудонъ получилъ уже отъ монархини своей разрѣшеніе на все и ему предано было на волю — давать ли баталію или оной убѣгать, то и хотѣлъ онъ непремѣнно и ни мало не медля атаковать короля, къ чему сначала склоненъ былъ и нашъ господинъ Бутурлинъ; но какъ надобенъ былъ къ тому планъ, и сей, по причинѣ несогласныхъ и противоположныхъ мнѣній и разныхъ между нашими и австрійскими войсками политическихъ и военныхъ основаній, неодинаковыхъ военныхъ обыкновеній, многихъ сумнительствъ и многоразличныхъ потребностей, никакъ не могъ въ одни сутки сдѣланъ и всѣ нужныя распоряженія къ тому учинены быть, то чрезъ самую сію медленность и упущено было, такъ сказать, золотое и удобнѣйшее къ атакованію короля время; а сей, употребивъ невѣроятную поспѣшность и заставивъ денно и нощно работать всю свою армію—такъ что всегда одна половина оной работала, а другая отдыхала — и успѣлъ въ самое короткое время не только весь свой лагерь обрыть преглубокимъ и прешрокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, но всѣ линіи связать шанцами и редутами, укрѣпить лагерь свой двадцатью четырьмя большими батареями, предъ линіями поставить гдѣ рогатки, гдѣ полисадники, а предъ нимъ прорыть въ три ряда волчьи ямы, гдѣ-жъ былъ лѣсъ, тамъ подѣлать засѣки и установить егерями; случившіеся же посреди лагеря четыре холма превратить въ сущіе бастіоны, а бывшую на лѣвомъ крылѣ гору, сдѣлать почти настоящею цитаделью. Словомъ, повсюду видны были только батареи, и всякая изъ нихъ снабдена была еще особаго рода двумя ямами, наполненными порохомъ и гранатами, которыя, проведенными отъ нихъ кишками съ порохомъ, можно было издалека зажигать. Сверхъ того велѣлъ король для батарей своихъ привезть изъ города нѣкоторое число большихъ пушекъ, такъ что всѣхъ ихъ разставлено было 460 орудій, а притомъ сдѣлано 182 подкопа и все сіе расположено было болѣе на высотахъ, до которыхъ и безъ того, за множествомъ рѣчекъ, топкихъ ручьевъ и вязкихъ луговъ, дойтить было трудно.

Всѣ сіе огромное дѣло, расположенное и производимое съ величайшимъ разсмотрѣніемъ, по правиламъ строгой тактики и сдѣлавшееся удивительнымъ, образцовымъ и примѣрнымъ, начато и окончено пруссаками въ теченіе трехъ сутокъ; такъ что предводители обѣихъ нашихъ армій, согласившись между тѣмъ о нападеніи на короля и обо всемъ условившись и уговорившись и хотѣвъ начинать уже дѣло, вдругъ, вмѣсто лагеря прусскаго, увидѣли предъ собою цѣлый рядъ крѣпостей, произведенныхъ власно какъ нѣкакимъ волшебствомъ, и какъ для атакованія сихъ и приступанія къ онымъ потребны были совсѣмъ иныя и новыя мѣры и планы, и при дѣланіи оныхъ являлись отчасу множайшія трудности: то на держанномъ о томъ въ нашемъ россійскомъ лагерѣ большомъ военномъ совѣтѣ, при которомъ присутствовалъ и Лаудонъ, предводитель нашъ господинъ Бутурлинъ прямо объявилъ, что онъ не хочетъ съ арміею своею ни на что отважиться, а если дойдетъ между цесарцами и прусаками дѣло до атаки, то онъ отдѣлитъ отъ своей арміи корпусъ войскъ къ нимъ на подкрѣпленіе. А и въ самомъ дѣлѣ атакованіе тогдашняго прусскаго лагеря была-бъ самая дерзость, ибо надлежало пролить напередъ цѣлыя рѣки крови, покуда бы дошло дѣло до ручной схватки за линіями внутри лагеря, и дѣло сіе таково было, что и самые мужественные воины трепетали отъ единаго помышленія о томъ.

Совсѣмъ тѣмъ Лаудону непремѣнно хотѣлось на сей великій опытъ отважиться, и тѣмъ паче, что какъ бы уронъ ни великъ могъ притомъ быть, но побѣда сдѣлалась бы рѣшительною для всей войны тогдашней, и произвела бы вожделѣннѣйшія дѣйствія; въ случаѣ-жъ неудачи, не могло произойти важныхъ и вредныхъ послѣдствій; и потому и употреблялъ онъ наивозможнѣйшія старанія къ преклоненію г. Бутурлина къ сему отважному предпріятію, но сей, для многихъ и разныхъ причинъ и обстоятельствъ, не хотѣлъ никакъ на то склониться, но держался крѣпко сказаннаго единожды слова, что онъ не хочетъ ни на что отважиться.

Между тѣмъ, какъ таковыя совѣщанія и уговариванія происходили и нѣсколько дней длились, былъ король прусскій въ ежечасной готовности къ сраженію. Днемъ, когда можно было всѣ наши движенія видѣть, солдаты его должны были отдыхать, а какъ скоро наступали сумерки, то сниманы были всѣ палатки, и весь армейскій обозъ отсылался подъ пушки крѣпости Швейдница и всѣ полки становились позадь валовъ, въ ружье, и такъ вся пѣхота, конница и артиллерія, въ каждую ночь стояла въ ордеръ-баталіи. Самъ король находился всегда на главной батареѣ, гдѣ становилась для него маленькая палатка; но и его собственный обозъ на всякую ночь отвозился прочь, а поутру опять привозился, и войски, не прежде какъ по восхожденіи уже солнца, клали ружье и разбивали опять лагерь. Кромѣ сего, терпѣла армія очень много отъ ужасныхъ жаровъ, въ самое то время бывшихъ, и отъ оскудѣнія, кромѣ хлѣба, во всѣхъ прочихъ съѣстныхъ припасахъ. Во всей арміи не было почти ничего мяса и другой провизіи, и солдаты наскучили уже до чрезвычайности ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою; а сверхъ того, измучились всѣ и отъ безсонницы и неудовольствіе въ арміи было всеобщее, такъ что если-бъ неудерживали валы и окопы, то вѣрно бы она разбѣжалась на половину.

Но какъ самое сіе обстоятельство, что не могло быть изъ прусской арміи дезертировъ, чрезъ которыхъ можно-бъ было узнать о происходившемъ въ лагерѣ у пруссаковъ, и увеличивало нерѣшимость нашихъ предводителей, то и стояли они нѣсколько дней безъ всякаго дѣла и поѣдали тщетно провіантъ, въ которомъ начиналъ уже являться недостатокъ, а король прусскій и ожидалъ тогда спасенія себѣ всего болѣе отъ голода. Самъ же съ сей стороны былъ совершенно обезпеченъ, потому что въ Швейдницѣ были у него запасены огромные магазины провіанта и фуража; а о нашихъ арміяхъ онъ

не сомнѣвался, что имъ скоро ѣсть будетъ нечего, потому что всѣ окрестности такъ уже были очищены, что шефель, или пол-осмина ржи, покупался по 15-ти талеровъ, да и тому были рады. Нашей арміи оскудѣніе сіе сдѣлалось прежде всѣхъ чувствительно: къ тому-жъ, король постарался нужду нашу еще больше увеличить и ввергнуть предводителя нашего въ превеликую заботу и опасеніе. Онъ отправилъ генерала Платена съ 7,000 человѣкъ къ намъ въ тылъ. Сей генералъ, врѣзавшись въ Польшу, нашелъ при Гостинѣ нашъ вагенбургъ, окопанный ретраншаментомъ и прикрытый 4,000 человѣкъ. Онъ напалъ на оный и, вломившись въ него, не учинивъ ни одного выстрѣла, а на штыкахъ, и овладѣвъ онымъ, побилъ все прикрытіе, взялъ до 2,000 человѣкъ въ полонъ, сожегъ всѣ фуры и повозки, коихъ число простиралось до 5,000, разорилъ у насъ три большихъ магазина и угрожалъ даже разореніемъ самаго главнаго въ Познани, а все сіе и побудило фельдмаршала нашего, г. Бутурлина, иттить скорѣе назадъ, чтобъ не погубить всей арміи своей голодомъ.

Итакъ, препроводивъ цѣлыхъ двадцать дней въ дѣланіи и передѣлываніи плановъ и паки отметаніи оныхъ, выходивши два раза вмѣстѣ съ цесарцами изъ лагеря, для дѣйствительнаго уже нападенія на пруссаковъ, и ничего не сдѣлавъ, возвращаясь опять въ лагерь, оставлены были имъ наконецъ всѣ замыслы и намѣренія, отобраны назадъ всѣ розданныя уже диспозиціи, и г. Бутурлинъ нашъ, оставивъ при цесарцахъ графа Чернышова, съ корпусомъ въ 20-ти тысячахъ состоящимъ, самъ со всею достальною нашею арміею отошелъ отъ цесарцевъ и пошелъ назадъ въ Польшу и въ тѣ мѣста, откуда онъ въ походъ свой отправился.

Извѣстіе объ отшествіи нашей арміи произвело торжество и радость въ прусскомъ лагерѣ. Всѣ радовались и торжествовали, какъ бы получивъ какую-нибудь преславную побѣду. И хотя Лаудонова армія, съ оставленнымъ при оной россійскимъ корпусомъ, была почти вдвое сильнѣе еще королевской,— однако они вдругъ перестали принимать прежнія мѣры къ оборонѣ. Они не стали уже по вечерамъ снимать лагеря, не стали отправлять назадъ обозовъ и не стали уже болѣе по ночамъ становиться во фрунтъ, а большія пушки отвезены были назадъ въ Швейдницъ; изъ ямъ порохъ, гранаты и бомбы повыбраты, волчьи ямы засыпаны, рогатки сожжены и большая часть шанцовъ и окоповъ разорены и открыта паки коммуникація съ уѣздомъ, и прусскій лагерь снабженъ былъ опять всѣми нужными потребностьми.

Король, по отшествіи нашей арміи, простоялъ тутъ еще не болѣе двухъ недѣль. Онъ почиталъ кампанію въ сей годъ еще неоконченною и желалъ еще отличить себя въ оную какимъ-нибудь знаменитымъ дѣломъ. Но Лаудонъ стоялъ въ крѣпкомъ лагерѣ и неоказывалъ охоту къ сраженію. Королю хотѣлось угрожательными маршами удалить его и прогнать назадъ въ Богемію, или принудить въ какомъ-нибудь выгоднѣйшемъ мѣстѣ къ сраженію. Сверхъ того, и магазинъ въ Швейдницѣ уже истощился, а въ городѣ Нейсѣ находился другой, запасный, и превеликой; а все сіе побудило короля прусскаго тронуться наконецъ съ мѣста и отойтить къ Минстербергу, на два дни перехода отъ Швейдница.

Не успѣлъ король прусскій отойтить отъ сей крѣпости,—которая была изъ знаменитѣйшихъ во всѣхъ прусскихъ областяхъ, снабдена многочисленнымъ гарнизономъ и артиллеріею и всѣми потребностями, имѣла комендантомъ въ себѣ искуснаго и храбраго генерала Цастрова, и потому считалась отъ осады безопасною,—какъ дѣятельный Лаудонъ вознамѣрился испытать счастія своего надъ нею и взять её не формальною осадою, а нечаяннымъ и тайнымъ нападеніемъ на оную. Онъ переговорилъ о томъ съ нашимъ графомъ Чернышовымъ, и сей, не только апробовалъ его намѣреніе, но предлагалъ къ тому даже весь свой корпусъ. Однако Лаудонъ взялъ только 800 человѣкъ нашихъ гренадеровъ, которые соединены съ

20-ю баталіонами австрійской пѣхоты, и предпріятіе сіе поручено генералу Амаду. Всѣ приуготовленія къ тому сдѣланы наисокровеннѣйшимъ образомъ, и утаены такъ удачно отъ непріятелей, что комендантъ, совсѣмъ того неожидая, не сдѣлалъ ни малѣйшихъ предосторожностей, но будучи охотникъ пировать, имѣлъ у себя въ ту самую ночь балъ, какъ положено было произвести сіе въ дѣйство. Итакъ, въ одну ночь, въ два часа послѣ полуночи, учинено было нечаянное на крѣпость нападеніе, и для отвлеченія вниманія гарнизона отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ назначено было пѣхотѣ лѣзть на крѣпость по штурмовымъ лѣстницамъ, велѣлъ Лаудонъ кроатамъ своимъ произвести съ противоположной стороны фальшивую атаку. Приступъ сей произведенъ въ самую темную ночь и имѣлъ успѣхъ вожделѣнный. Цесарцы, будучи подпоены виномъ, для множайшей отваги, шли наимужественнѣйшимъ образомъ и презирали всѣ опасности, а особливо наши гренадеры стремились и лѣзли кучами, какъ сумасшедшіе. Симъ, по несчастію, трафилось въ темнотѣ зайтить въ такое мѣсто, гдѣ въ наружныхъ укрѣпленіяхъ былъ преглубокій ровъ. И какъ бывшій до того тутъ подъемный мостъ былъ сломанъ, то передовые, увидѣвъ предъ собою страшную глубину, закричали: «Стой! стой! подавай лѣстницы и фашины», но офицерамъ нашимъ показалось, что сіе будетъ слишкомъ долго, и они, не долго думая, погнали заднихъ, а сіи, столкнувъ переднихъ въ ровъ и наполнивъ всю глубину сими несчастными, полѣзли чрезъ оныхъ и взошли первые почти на городскіе валы и укрѣпленія, и рубили и кололи всѣхъ кто имъ ни попадался. Пруссаки кричали тогда: «пардонъ! пардонъ!» но наши говорили: «нихтсъ пардонъ! какой пардонъ!» и продолжали только рубить и колоть. И тогда одному прусскому артиллеристу не восхотѣлось умереть безъ отмщенія. Онъ зажегъ случившійся тутъ пороховой магазинъ и взорвалъ чрезъ то множество и своихъ и человѣкъ до 300 нашихъ на воздухъ. Однако ни сіе, ни вся храбрая пруссаковъ оборона, не могла имъ пособить, и крѣпость, по трехчасномъ сраженіи, къ свѣту была взята и находилась уже со всею своею многочисленною артиллеріею и всѣмъ гарнизономъ въ рукахъ у цесарцевъ, и они вмѣстѣ съ нашими потеряли не болѣе, какъ человѣкъ до тысячи на семъ приступѣ.

Лаудону хотѣлось какъ можно сохранить городъ сей отъ грабежа, почему и запрещено было отъ него накрѣпко и обѣщано было за то 100 т. гульденовъ въ награжденіе; однако какъ въ городѣ находилось великое богатство, свезенное изо всѣхъ мѣстъ Шлезіи жителями, какъ въ надежное и безопасное мѣсто, то трудно было цесарцевъ отъ того удержать: они пустились тотчасъ на оный, какъ скоро вошли въ городъ, и цесарскимъ генераламъ великаго труда стоило остановить ихъ въ семъ варварствѣ. Что касается до нашихъ, то они приобрѣли при семъ случаѣ отъ всего свѣта и даже отъ самыхъ непріятелей своихъ великую себѣ честь и похвалу, какъ за безпримѣрную храбрость, такъ и за то, что они непустились никакъ на сей грабежъ, но взошедъ на валы, засѣли тутъ спокойно, и каждый оставался при своемъ оружіи.

Чрезъ сіе овладѣніе Швейдницомъ, приобрѣлъ Лаудонъ цесарскому оружію крайне важную выгоду и сдѣлалъ то, что цесарцы, въ первый еще разъ, во всю сію войну, могли въ сей годъ взять свои зимнія квартиры въ Шлезіи. Однако за сію великую услугу награжденъ былъ весьма дурно и единою только неблагодарностію: а провинился только тѣмъ, что дѣло сіе предпріялъ самъ собою, и неистребовавъ напередъ на то дозволенія отъ императрицы и надворнаго военнаго совѣта. Но было когда о томъ спрашиваться! когда всякая минута была дорога, и чрезъ неупущеніе удобнаго къ тому случая полученъ и весь успѣхъ тогдашній. Словомъ, цесарева такъ прогнѣвалась на него за то, что самому императору, мужу ея, вступившемуся за Лаудона, великаго труда стоило уговорить ее и спасти его отъ напасти.

Что касается до короля прусскаго, то совсѣмъ неожидаемое извѣстіе о потерянiи Швейдница привело его и всю его армію въ неописанное изумленіе. Никакое несчастіе во всю войну сію не подѣйствовало такъ много на пруссаковъ, какъ сіе. Они потеряли тогда всѣ плоды тогдашней славной и крайне для нихъ трудной кампаніи, и не безъ основанія, страшились всѣхъ ужасовъ новой кампаніи зимней; къ тому-жъ получены были ими тогда страшныя извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Помераніи, которыя еще болѣе приводили ихъ въ отчаяніе. Всѣ опустили тогда руки. Но король нашелъ способъ ободрить и оживотворить всю свою истощенную армію и началъ употреблять всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ принудить Лаудона къ сраженію съ собою. Никогда еще онъ такъ не желалъ съ нимъ схватиться, какъ въ сей разъ; но Лаудонъ, будучи счастіемъ своимъ доволенъ, не хотѣлъ уже на то отважиться, но всячески убѣгалъ отъ сраженія, такъ что, опасаясь отъ короля отчаяннаго нападенія, препроводилъ хотя цѣлыхъ 8 ночей съ россіянами подъ открытымъ небомъ, во ожиданіи нападенія на себя, однако не только избѣгъ сраженія, но не хотѣлъ покуситься и на овладѣніе Бреславлемъ, въ чемъ находилъ графъ Чернышовъ возможность и ему-было то совѣтовалъ, но выбравъ такое мѣсто, гдѣ-бъ могъ онъ имѣть свободную коммуникацію съ Саксоніею, Богеміею и Моравіею, остановился неподвижно въ лагерѣ своемъ при Фрейбургѣ до зимы самой, гдѣ потомъ расположилъ и свою армію и нашъ корпусъ по зимнимъ квартирамъ, и принудилъ и короля къ тому же.

Сей, около самаго сего времени, подверженъ былъ наивеличайшему во всю жизнь свою бѣдствію и едва-было едва однимъ измѣнникомъ не преданъ былъ въ руки своихъ непріятелей или, въ противномъ случаѣ, убитъ до смерти: все уже было къ тому приготовлено, и благополучіе и жизнь короля висѣла уже на волоску, но досада одного утрудившагося слуги, посланнаго затѣйщикомъ сего зла, барона Варкотча съ письмомъ къ одному изъ своихъ соумышленниковъ и нехотѣніе иттить туда, спасло въ сей разъ короля отъ бѣдствія и погибели неизбѣжной. Ибо слуга, вмѣсто назначеннаго мѣста, отнесъ то письмо къ одному деревенскому пастору, а сей доставилъ оное тотчасъ къ королю, и чрезъ то все дѣло открылось и король спасся, но былъ такъ безсовѣстенъ, что спасшему его пастору не сказалъ и спасиба, и бѣднякъ сей остался безъ всякаго себѣ за усердіе свое награжденія.

Симъ-то образомъ кончились всѣ военныя дѣйствія въ Шлезіи и въ сей сторонѣ, и теперь осталось мнѣ вамъ разсказать, что между тѣмъ дѣлалось въ Помераніи, куда, какъ выше упомянуто, отправленъ былъ отъ насъ графъ Румянцовъ съ корпусомъ довольно сильнымъ для третичной осады и овладѣнія городомъ Кольбергомъ.

Корпусъ нашъ, какъ ни превосходилъ силою своею всѣхъ находившихся въ Помераніи пруссаковъ, и самый генералъ сколь ни искусенъ былъ въ военномъ дѣлѣ, но имѣлъ много труда прежде нежели достигъ до желаемаго... Дѣло сіе не такъ легко можно было произвесть, какъ думали, и бездѣльная крѣпость сія навела на насъ болѣе хлопотъ и трудовъ, нежели мы и всѣ думали и ожидали.

Я уже упоминалъ вамъ, что уже въ оба послѣдніе года дѣлано было нами двукратное покушеніе къ овладѣнію симъ приморскимъ городомъ, и что въ оба раза неудалось намъ никакъ овладѣть оною. Ошибка состояла наиболѣе въ томъ, что сначала, когда ею овладѣть всего легче было можно, употреблено было слишкомъ мало силы и дѣло сіе поручено незнающимъ и дурнымъ генераламъ; а въ сей разъ имѣли уже время пруссаки столько тутъ усилиться и такія взять мѣры, что и знаменитому корпусу и самому искуснѣйшему генералу много навели они дѣла, и очень малаго недоставало къ тому, чтобъ и въ сей разъ не пропасть всѣмъ нашимъ трудамъ и убыткамъ попустому.

Но какъ осада сія была во всю сію войну наидостопамятнѣйшая, а притомъ и послѣднимъ нашимъ военнымъ дѣйствіемъ въ войну сію противъ пруссаковъ, то опишу я вамъ ее подробнѣе, однако учиню то не теперь, а въ письмѣ послѣдующемъ за симъ; а теперь дозвольте мнѣ сіе, какъ увеличившееся не въ мѣру, кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и проч.

Письмо 89-е.

Любезный пріятель! Предпріявъ въ сей разъ описать вамъ славную нашу Кольбергскую экспедицію и осаду, скажу, что графъ Румянцовъ выступилъ съ порученнымъ ему корпусомъ, изъ 27-ми тысячъ состоящимъ, въ походъ довольно еще рано, такъ что онъ еще іюня 22-го пришелъ съ нимъ къ Померанскому городу Кеслину, отстоящему верстъ за 30 только отъ Кольберга и защищаемому нѣкоторымъ количествомъ прусскаго войска. Но какъ назначенъ былъ для подкрѣпленія его и нашъ флотъ, долженствующій приплыть изъ Кронштадта, то, не хотя до прибытія его приближиться къ Кольбергу, и остановился онъ тутъ дожидаться помянутаго флота. Самымъ тѣмъ и учинена была первая и великой важности ошибка; ибо какъ помянутый флотъ пришелъ не такъ скоро какъ ожидали, и принуждено было его дожидаться до самой половины августа мѣсяца, то и простоялъ графъ Румянцовъ тутъ безъ мала два мѣсяца безъ всякаго дѣла, а прикрывающія Кольбергъ прусскія войска, подъ командою принца Евгенія Виртембергскаго и генерала Вернера, и воспользовались сею медленностію и могли въ сіе время употребить все, что только можно имъ было къ затрудненію нашей осады и къ оборонѣ Кольбергской крѣпости. Помянутый принцъ окопался съ шестью тысячами человѣкъ своего войска подъ самыми пушками крѣпости и укрѣпилъ весь лагерь свой сцѣпленіемъ многихъ и хорошо сдѣланныхъ шанцевъ и батарей. Помогло ему много въ томъ и выгодное для него положеніе мѣста. На правомъ крылѣ своемъ имѣлъ онъ рѣку Персантъ, протекающую почти сквозь самый городъ и впадающую тутъ въ море, а на лѣвомъ глубокое и непроходимое болото, а позади себя крѣпость, и запасся всѣми нужными потребностьми; а сверхъ того подѣлалъ и на берегу сильныя батареи для воспрепятствованія со флота дѣлать на берегъ высадки войска, а всѣмъ симъ и положены были непреоборимыя почти затрудненія намъ въ предпріемлемой осадѣ.

Наконецъ появился нашъ флотъ на морѣ, и Румянцовъ, узнавъ о томъ, тронулся тотчасъ изъ своего мѣста и 15-го августа занялъ другое померанское и въ тѣхъ мѣстахъ лежащее мѣстечко Бѣлгардъ. 19-го августа атаковалъ онъ помянутый городокъ Кеслинъ и потребовалъ его къ сдачѣ, и какъ командующій въ ономъ прусскій офицеръ не захотѣлъ сдаваться, то велѣлъ онъ стрѣлять по немъ изъ 20-ти пушекъ и гаубицъ, и комендантъ прусскій, какъ сначала ни оборонялся, но принужденъ былъ наконецъ съ баталіономъ своимъ и обозомъ, оставя сей городъ, перейтить въ лагерь къ принцу Виртембергскому.

Между тѣмъ, 23-го августа, флотъ нашъ подошелъ къ Кольбергу. Онъ былъ подъ командою вице-адмирала Полянскаго и контръ-адмирала Мартынова, и состоялъ изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, бомбандирныхъ прамовъ и другихъ судовъ—всего изъ 40 парусовъ,—и 24-го августа сталъ предъ городомъ на якорь и въ послѣдующій день началъ тотчасъ по городу стрѣлять и бросать въ него бомбы. Чрезъ 4 дня послѣ того пришла и шведская эскадра, состоявшая изъ 8-ми военныхъ кораблей и нѣсколькихъ другихъ судовъ, и соединилась съ нашими. Бомбандированіе и стрѣльба по городу продолжалась безпрерывно и 29-го августа положено было со флота сдѣлать на берегъ десантъ, и чтобъ графу Румянцову подкрѣплять оный со всею своею конницею. Но пруссаки сильнымъ сопротивленіемъ не допустили произвесть сіе въ дѣйство; а такая-жъ неудача была, какъ восхотѣли-было 2-го сентября наши овладѣть приступомъ всѣмъ прусскимъ лаге-

ремъ: насъ отбили порядочнымъ образомъ и съ великимъ трономъ. И какъ г. Румянцовъ увидѣлъ тогда, что ретраншаментъ сдѣланный у нихъ не хуже былъ почти самой крѣпости, то 4-го сентября придвинулся онъ ближе къ Кольбергу и окруживъ оный весь, сдѣлалъ чрезъ рѣку Персантъ коммуникаціонный мостъ и множество батарей противъ прусскаго лагеря. Изъ всѣхъ сихъ, равно какъ со флота, производилась по городу и по лагерю 4-го и 5-го числа жестокая и безпрерывная почти стрѣльба и съ такимъ усиліемъ, что 5-го числа, въ одинъ день, до обѣда, брошено въ городъ 236 бомбъ, изъ коихъ 62 попали въ оный и надѣлали много вреда. 7-го числа была у генерала Вернера съ однимъ нашимъ небольшимъ корпусомъ при мѣстечкѣ Пуетминѣ жестокая схватка, а 8-го числа наши войска, пробравшись сквозь густой лѣсъ, противъ лѣваго прусскаго крыла находившійся, напали-было на оный, но принуждены были безъ всякаго успѣха возвратиться назадъ.

Около сего времени шелъ изъ Штетина небольшой корпусъ пруссаковъ, составленный изъ выздоровѣвшихъ отъ ранъ и трехъ эскадроновъ вновь навербованныхъ гусаръ, и пробирался къ Кольбергу. Принцъ Виртенбергскій, узнавъ о томъ, отправилъ генералъ-поручика Вернера къ нему на встрѣчу, чтобъ препроводить ихъ надежнѣе къ Кольбергу и, буде можно, сдѣлать нашимъ въ подвозѣ провіанта помѣшательство. Но нашимъ удалось на генерала сего напасть и не только разбить всѣхъ съ нимъ бывшихъ, но и самого его взять въ полонъ.

19-го числа на разсвѣтѣ учинено было отъ насъ на правое крыло прусскаго ретраншамента, при производимой какъ съ сухого пути, такъ и съ моря страшной стрѣльбы и бросаніи бомбъ, жестокое нападеніе. Шесть разъ сряду десять баталіоновъ нашего войска приступали съ наивеличайшимъ жаромъ къ оному, но никакъ не могли ворваться въ оный и претерпѣли отъ батарей ихъ, а особливо отъ прозванной нашими зеленой, великое пораженіе. Наконецъ, по пятичасномъ кровопролитномъ сраженіи, и овладѣли-было мы одними ихъ главными шанцами, но насъ выгнали опять пруссаки и принудили ретироваться, поранивъ смертельно притомъ нашего генералъ-маіора князя Долгорукова, который отъ того и умеръ, и побили у насъ до 3000 человѣкъ.

Несмотря на то, продолжали наши безпрестанно атаковать ретраншаментъ прусскій и такъ точно, какъ бы настоящую крѣпость. Мы сдѣлали необыкновенное, совсѣмъ неслыханное нигдѣ дѣло, а именно: открыли противъ его порядочныя траншеи, подѣлали батареи и начали по немъ, какъ по городу, стрѣлять изъ пушекъ и мелкаго ружья. И какъ намъ отвѣтствовали тѣмъ же и пруссаки, то пропадало отъ стрѣльбы сей съ обѣихъ сторонъ множество народа. Мы старались то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ ворваться въ окопы и дѣлали опять къ оному 22-го и 27-го числа сентября сильные приступы, но въ оба раза были опять отбиты съ урономъ.

Симъ образомъ оборонялся принцъ Виртенбергскій почти отчаяннымъ образомъ въ своихъ окопахъ и недопускалъ насъ чрезъ то еще и близко до крѣпости. По сей, хотя и производилась ежедневно стрѣльба со флота и бросаніе бомбъ, но все сіе далеко еще не могло ее принудить къ сдачѣ. При такихъ обстоятельствахъ начинала уже приближаться зима и вмѣстѣ съ нею умножались наши трудности. Войски наши отъ безпрерывныхъ уроновъ уже гораздо поослабѣли и уменьшились, а къ дальнѣйшему несчастію, въ началѣ октября случилась на морѣ прежестокая буря и растрепала весь нашъ соединенный флотъ. Одинъ изъ нашихъ военныхъ кораблей разбитъ былъ оною и погибъ, со всѣми людьми и снарядами; на другомъ, гошпитальномъ суднѣ сдѣлался пожаръ и оное совсѣмъ сгорѣло; все сіе разстроило такъ все во флотѣ, что они принуждены были отойтить прочь, и шведская эскадра отплыла въ свое отечество, а вскорѣ за нею и нашъ флотъ

отплылъ въ море и пошелъ обратно къ Кронштадту.

Несмотря на все сіе, Румянцовъ продолжалъ мужественно осаду и ожидалъ со дня на день себѣ подкрѣпленія отъ главной арміи. И какъ между тѣмъ оная уже возвратилась изъ своего похода и пришла обратно къ померанскимъ границамъ, то и отправлено было къ нему на вспоможеніе 12 т. человѣкъ войска, а корпусъ легкихъ войскъ, подъ командою генералъ-маіора Берха, поставленъ въ Шгаргардѣ, для пресѣченія пруссакамъ коммуникаціи съ Штетиномъ.

Но какъ и сіи въ силахъ своихъ отъ частыхъ уроновъ гораздо поослабѣли и требовали себѣ подкрѣпленія, то не преминулъ король и къ нимъ прислать нѣсколько войска на помощь и велѣлъ иттить къ нимъ генералу своему Платену, возвратившемуся тогда изъ польской своей удачной экспедиціи. Приближеніе сего славнаго генерала понудило нашихъ податься нѣсколько назадъ и путь ему преградить поставленіемъ въ одной тѣсной дефилеѣ 6,000 человѣкъ войска, а сіе и подало поводъ къ сильной канонадѣ изъ пушекъ и гаубицъ, продолжавшейся отъ перваго часа до самой ночи. Но какъ ни старались наши воспрепятствовать въ походѣ сему генералу, но онъ отчаяннымъ образомъ и подъ картечнымъ огнемъ прорвался удачно и соединился подъ Кольбергомъ съ пруссаками.

Принцъ Виртенбергской обрадованъ былъ очень полученіемъ себѣ подмоги и помощника, котораго могъ онъ всюду разсылать и препоручать ему коммиссіи. Главнѣйшее стараніе ихъ было о томъ, какъ-бы крѣпость и самихъ себя снабдить провіантомъ, въ которомъ начиналъ уже являться недостатокъ; весь запасенный въ городѣ былъ уже поѣденъ, а вновь получать не такъ имъ было уже легко, какъ прежде: моремъ привозить недопускали ихъ наши флоты, а сухимъ путемъ имѣли они коммуникацію только по приморскимъ мѣстамъ чрезъ мѣстечки Трептовъ и Голновъ изъ Штетина. Но наши армейскія войска, распространившись всюду по Помераніи, дѣлали имъ въ подвозѣ семъ возможнѣйшее помѣшательство. Они, узнавъ, что отъ прусаковъ присланъ былъ въ городокъ Трептау ихъ генералъ-маіоръ Кноблаухъ съ 2,000 человѣкъ войска для надежнѣйшаго препровожденія одного нарочитаго провіантскаго транспорта въ Кольбергъ, атаковали онаго въ семъ городкѣ и, окруживъ, чрезъ нѣсколько дней принудили, со всѣми при немъ бывшими войсками, отдаться нашимъ въ полонъ. А таковую-жъ неудачу имѣлъ въ доставленіи въ городъ провіанта и посыланный нѣсколько разъ отъ принца Виртенбергскаго и самъ генералъ Платенъ съ частію войска, и для подкрѣпленія онаго хотя и присланъ былъ еще изъ Шлезіи генералъ Шенкендорфъ съ 3,800 человѣкъ войска, и оба они хотя всячески старались провесть большой транспортъ провіанта изъ Штетина, но наши войски, бывшія подъ командою генерала Берха и другихъ генераловъ, не допустили ихъ до того и принудили Платена провіантъ отослать назадъ въ Штетинъ, а самого возвратиться въ Кольбергъ съ пустыми руками.

Всѣ сіи неудачи произвели то, что какъ въ крѣпости Кольбергской, такъ и въ лагерѣ прусскомъ недостатокъ провіанта сдѣлался ощутительнѣе, а особливо какъ возвратились опять назадъ нѣкоторые изъ нашихъ фрегатовъ и заперли опять море, которымъ было они начали пользоваться по отбытіи нашихъ флотовъ. Въ особливости терпѣли великую нужду лошади, получавшія уже не болѣе какъ по полуфунту соломы въ сутки. Сверхъ того, какъ уже шелъ ноябрь мѣсяцъ и было очень холодно, то изъ всѣхъ недостающихъ потребностей всего ужаснѣе былъ для нихъ недостатокъ въ дровахъ. Въ сей нуждѣ сламывали они уже многіе деревянные домы въ городѣ и на обогрѣваніе себя употребляли. Платенъ совѣтовалъ принцу, несмотря на все выгодное положеніе нашихъ и самое великое превосходство въ силахъ, насъ атаковать; но принцъ усумнился на сіе отважиться, а почитая нашу армію слишкомъ еще удаленною,

надѣялся, что холодность времени и претерпѣваемая нашими солдатами стужа и нужда, понудитъ Румянцова скоро оставить осаду.

Но у сего совсѣмъ не то было на умѣ: но онъ, будучи мало по малу до того усиленъ, что корпусъ его уже до 40-а тысячъ простирался, и притомъ имѣя ту выгоду, что могли къ нему всѣ потребности привозимы быть, рѣшился, несмотря на всю суровость погоды и напавшій даже самый снѣгъ, никакъ не отставать отъ начатого дѣла и, окруживъ со всѣхъ сторонъ и городъ и весь прусскій лагерь, принудить принца Виртенбергскаго сдаться со всѣмъ корпусомъ своимъ въ плѣнъ, и какъ его, такъ и городъ выморить голодомъ и принудить къ сдачѣ. Вслѣдствіе чего неоднократно посылалъ онъ требовать сей сдачи съ представленіями, что все упорство ихъ будетъ тщетно и что ожидаемаго сикурса имъ ниоткуда и никакъ получить будетъ не можно. Однако принцъ и Платенъ отвергали мужественно всѣ его представленія и не соглашались къ сдачѣ; но какъ нужда и недостатокъ во всемъ становился отчасу больше, и городъ такъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, что неможно было ниоткуда провезть въ него ни единаго воза, и при сихъ обстоятельствахъ и самый прикрывающій городъ корпусъ принца Виртенбергскаго обращался городу не столько уже въ пользу, сколько въ отягощеніе, ибо поѣдалъ и послѣдній провіантъ,—то начали предводители прусскихъ войскъ помышлять о томъ, какъ бы имъ отъ города съ войскомъ своимъ уйтить и, оставивъ его самого собою защищаться, стараться уже снаружи освободить его отъ осады, или, по крайней мѣрѣ, о снабденіи его провіантомъ.

Но отшествію сему являлись непреоборимыя препятствія по множеству шанцовъ и батарей нашихъ, которыми окружены они были со всѣхъ сторонъ: ибо, еслибъ хотѣть имъ отважиться силою пробиваться, то ничего не было достовѣрнѣе того, что наши нападутъ на нихъ и спереди, и сзади, и съ боковъ, и перебьютъ всѣхъ, слѣдовательно о томъ и помыслить имъ было не можно.

Въ сей крайности находясь, рѣшились они къ предпріятію, совсѣмъ никѣмъ неожидаемому и такому, которое казалось совсѣмъ невозможнымъ и было для всѣхъ крайне удивительно. Позади города и на взморьѣ находилось одно широкое плесо, на подобіе озера, соединяющееся съ моремъ узкимъ, но глубокимъ проливомъ. Какъ наши широкое сіе водяное плесо и помянутый проливъ почитали глубокимъ, то и думали, что перейтить чрезъ оную никакъ не можно, и потому и не брали съ сей стороны дальней предосторожности, а удовольствовались поврежденіемъ всѣхъ судовъ и лодокъ, какіе найтить могли. Такъ что у пруссаковъ осталось только 10 рыбачихъ лодокъ, да 7 узкихъ челночковъ, въ которыхъ не болѣе какъ по 6 человѣкъ помѣщаться было можно и сіи остались потому, что какъ были они подъ пушками самой крѣпости, то нашимъ добраться до нихъ было никакъ не можно. Сими-то бездѣльными суденышками вознамѣрились пруссаки воспользоваться и, будучи предводимы однимъ мужикомъ, обѣщавшимъ имъ показать такое мѣсто, гдѣ имъ, чрезъ помянутую воду, по бывшей въ прежнія времена и не глубоко водою залитой плотинѣ, перебраться можно, рѣшились въ одну темную ночь, а именно 14 ноября, пуститься на сіе отважное предпріятіе и, сдѣлавъ для перехода пѣхотѣ чрезъ глубокія мѣста, въ скорости, на козлахъ мостъ, перевели ее благополучно чрезъ сію воду; чтожъ касается до конницы, то сія, посадивъ за собою по гренадеру, переплыла вплавь, и все сіе произведено было такъ тихо и такъ удачно, что наши узнали о томъ уже тогда, когда они удалились уже далеко и всему тому удивились до чрезвычайности.

Симъ-то образомъ воспослѣдовало по двадцати-трехъ-недѣльномъ пребываніи, сіе славное и невѣроятное отшествіе прусскаго корпуса, и графъ Румянцовъ какъ-то, со всею бдительностію своею, оплошалъ и упустилъ изъ рукъ своихъ принца Виртенбергскаго, но за то могъ

уже ближе подойтить къ крѣпости и утѣснить ее со всѣхъ сторонъ сильнѣе прежняго. Съ сего времени начали стрѣлять по ней изъ сдѣланныхъ вновь батарей и артиллеріи; генералъ Голмеръ употреблялъ все, что только могъ, къ утѣсненію крѣпости своею стрѣльбою. Но храбрый комендантъ Гейденъ презиралъ все сіе, и на всѣ повторяемыя требованія сдачи отвѣтствовалъ только, что онъ до тѣхъ поръ обороняться станетъ, покуда будетъ у него еще порохъ и хлѣбъ. И у него не столько на умѣ была оборона, сколько хлѣбъ, которымъ его какъ принцъ Виртенбергскій, такъ и генералъ Платенъ всячески снабдить старались. Однако, какъ всѣ ихъ старанія о томъ и попытки были неудачны, но они вездѣ были побиваемы и недопускаемы, то наконецъ, и самый гарнизонъ въ крѣпости начиналъ уже терпѣть великую нужду и недостатокъ во всѣхъ потребностяхъ. Самыя прусскія войски, находящіяся въ Помераніи, были уже въ такомъ изнеможеніи, что о важныхъ предпріятіяхъ и освобожденіи города отъ осады, не можно было имъ никакъ помышлять. Однако, несмотря на все, принцъ Виртенбергскій испытывалъ подходить къ городу. Ему хотѣлось-было сразиться съ нашими, но наши уклонились отъ сраженія, и ему, за превосходствомъ нашихъ, не можно было никакъ продраться къ городу, хотя онъ и овладѣлъ-было однимъ изъ нашихъ редутовъ, обороняемымъ пятьюстами человѣкъ. Стужа около сего времени такъ была велика, что у пруссаковъ на семъ походѣ замерзло 102 человѣка, да и вообще уронъ ихъ такъ былъ великъ, что они въ одинъ мѣсяцъ потеряли 1,100 человѣкъ, и весь корпусъ ихъ, состоявшій изъ 30-ти баталіоновъ пѣхоты, не имѣлъ въ себѣ тогда и пяти тысячъ способныхъ къ оборонѣ.

Во время сей претерпѣваемой Кольбергомъ уже великой нужды въ провіантѣ, случилось плыть мимо гавани его одному купеческому судну, идущему изъ Кёнигсберга въ Амстердамъ и нагруженному рожью, и бурѣ власно, какъ нарочно, пригнать оное почти подъ самыя пушки города. Пруссаки непреминули овладѣть онымъ и почитали оное даромъ, ниспосланнымъ для нихъ отъ самого неба. И какъ сей хлѣбъ могъ прокормить ихъ еще нѣсколько времени, то продолжали они упорно обороняться, и комендантъ велѣлъ всѣ стѣны и валы крѣпости улить водою, дабы при тогдашнихъ жестокихъ морозахъ они обледѣнѣли и сдѣлались такъ скользки, что, въ случаѣ приступа, не можно было нашимъ никакъ удержаться на оныхъ, а сіе и было причиною тому, что всѣ дѣлаемые нами приступы были неудачны, и всякій разъ были отбиваемы съ превеликимъ для насъ урономъ.

Все сіе и наступившая уже совершенно зима съ снѣгомъ, покрывшимъ почти на аршинъ всю землю, причиняло и намъ неописанное безпокойство: ибо всѣ солдаты принуждены были жить въ палаткахъ и въ сдѣланныхъ на скорую руку кой-какихъ землянкахъ, и вытерпливать стужу и крайнюю нужду. Но какъ бы то ни было, но Румянцовъ никакъ не помышлялъ объ отступленіи и дождался наконецъ до того, что Кольбергскій гарнизонъ, поѣвши достальной хлѣбъ и отчаявшись получить себѣ вспоможеніе, принужденъ былъ наконецъ сдаться и отдать намъ на договоръ крѣпость, а себя военноплѣннымъ; что̀ не прежде однако произошло, какъ уже послѣ нашего зимняго Николина дня и въ концѣ уже сего года.

Такимъ образомъ овладѣли мы наконецъ сею досадною крѣпостью, и всѣми своими трудами и великимъ урономъ въ людяхъ и во всемъ прочемъ, кромѣ безславія, не приобрѣли себѣ никакой пользы, ибо позднее овладѣніе оною не послужило намъ ни къ чему, а сверхъ того, и перешла она скоро опять въ руки пруссакамъ, какъ о томъ упомянется впослѣдствіи. А симъ и кончились всѣ наши противъ пруссаковъ военныя дѣйствія.

Теперь, возвращаясь къ продолженію моей исторіи, скажу, что между тѣмъ, какъ все сіе въ Шлезіи и Помераніи происходило, продолжали мы по прежнему

жить въ Кёнигсбергѣ и, получая частыя извѣстія о происходившемъ въ арміяхъ, только что надрывались досадою о худыхъ успѣхахъ войскъ нашихъ. Но ничто намъ такой досады не производило, какъ помянутая, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ продолжавшаяся осада города Кольберга. Единая отрада была намъ только тогда, какъ привели къ намъ плѣннаго генерала Кноблоха и пригнали почти цѣлое стадо прусскихъ плѣнныхъ офицеровъ. Съ какимъ любопытствомъ хотѣлъ я видѣть сего генерала, котораго имя было намъ давно уже извѣстно и нарочито громко! Но какъ удивился я, будучи посланъ къ нему для нѣкакого дѣла отъ генерала, нашелъ въ немъ, вмѣсто величаваго и мужественнаго воина, каковымъ я его себѣ воображалъ, небольшого роста сухощаваго, кривого и паршиваго, почти старичишка, немогущаго вперить въ себя ни малѣйшаго почтенія, а таковы-жъ почти были и всѣ, взятые съ нимъ въ плѣнъ, прусскіе офицеры. Всѣмъ имъ и крайней бѣдности, и невзрачности ихъ не могли мы довольно надивиться и не понимали, какъ такая нéгодь могла производить такія великія и славныя дѣла, о какихъ мы были въ теченіи войны сей наслышаны.

Что касается до прочихъ произшествій, то не помню я ни о какихъ достойныхъ упоминанія. Все у насъ было мирно, ладно и хорошо, и я, вступивши уже тогда на 24-й годъ моей жизни, продолжалъ и во всю осень сію, по прежнему, ходить ежедневно въ канцелярію и трудиться въ переводахъ, а между тѣмъ заниматься науками и штудированіемъ философіи, также и чтеніемъ. Полюбя духовныя книги, въ особливости же тѣ, въ которыхъ защищаемъ былъ истинный законъ христіанскій, не зналъ я почти усталости при читаніи оныхъ, и тѣмъ паче, что матерія сія была для меня совсѣмъ новая и крайне интересная и любопытная; и какъ случилось въ самое тогдашнее время жить въ Кёнигсбергѣ одному профессору, съ особливымъ раченіемъ въ томъ упражнявшемуся, и нетолько написавшему многія уже книги въ защищеніе закона христіанскаго, но продолжавшему и тогда еще сочинять и издавать оныя подъ заглавіемъ: „Правое дѣло откровенія“, то я купилъ всѣ сочиненія сего славнаго мужа и читалъ оныя съ отмѣннымъ любопытствомъ и вниманіемъ. И сколь многія пріятныя минуты доставляли мнѣ сіи прекрасныя сочиненія! Сей достопамятный человѣкъ былъ отцомъ своимъ, бывшимъ такимъ же профессоромъ богословія, какъ и онъ, нарочно воспитанъ къ тому, чтобы онъ могъ быть нѣкогда великимъ защитникомъ закону. Сей отецъ его хотѣлъ-было самъ предпріять сіе великое и для всего свѣта крайне полезное и нужное дѣло и собралъ великую библіотеку изъ однихъ сочиненій, бывшихъ въ разныя времена противоборниковъ закона, хотѣлъ на всѣ, какія ни дѣланы были ими возраженія, отвѣтствовать и законъ защитить отъ всѣхъ дѣлаемыхъ противъ его злодѣйскихъ посягательствъ, и власно какъ предчувствуя, что Провидѣніе недопуститъ его до совершенія сего великаго предпріятія, приготовлялъ заблаговременно къ тому единаго сына своего и наслѣдника, и выучивъ его всѣмъ употребительнымъ въ Европѣ языкамъ и наукамъ, посылалъ нарочно въ Азію и въ восточные края, дабы научиться тамошнимъ азіатскимъ языкамъ на мѣстѣ и единственно для того, чтобы могъ онъ тѣмъ лучше разумѣть писанія древнихъ восточныхъ авторовъ и изъ нихъ почерпать нужныя ему объясненія и доказательствы. И сей-то самый сынъ его, прозывающійся Лиліемталемъ, былъ тогда при кёнигсбергскомъ университетѣ первѣйшимъ профессоромъ богословіи, и вступя въ слѣды отца своего, приступилъ къ исполненію того великаго предпріятія, какое намѣренъ былъ произвесть отецъ его, и написалъ уже многія книги.

Не могу изобразить, какъ много занимали меня сіи его сочиненія и съ какимъ удовольствіемъ наслаждался я, находя въ нихъ мудрыя и основательныя опроверженія всѣхъ дѣлаемыхъ деистами и на-

туралистами возраженій; нерѣдко приведенъ будучи словами сихъ враговъ закона христіанскаго въ превеликое изумленіе и даже самое сумнительство, чувствовалъ себя власно какъ превеликій камень съ плечъ своихъ свергающаго. Прочитавъ то, что онъ говорилъ въ опроверженіе ихъ сумнительствъ и возраженій, и радовался духомъ, находя въ самомъ томъ божественныя истины въ чемъ, по мнѣнію ихъ, были великія нескладности и противорѣчія. Однимъ словомъ, книги сіи были у меня около сего времени наилюбимѣйшія, и я крайне сожалѣлъ, что короткость времени недопустила меня свести съ симъ человѣкомъ личное и короткое знакомство, какъ было положилъ я то сдѣлать непремѣнно.

Съ такимъ же удовольствіемъ читывалъ я тогда и проповѣди славнѣйшихъ въ Германіи нѣмецкихъ и французскихъ проповѣдниковъ, а особливо Мосгеймовы, Іерусалемовы и Заковы. До сего времени о истинномъ краснорѣчіи и убѣдительности въ проповѣдяхъ не имѣлъ я даже и понятія никакого, и тогда только узналъ какой изящности были сіи, какъ сихъ, такъ и многихъ другихъ славныхъ и именитыхъ мужей сочиненія; и не только читывалъ ихъ съ превеликимъ удовольствіемъ, но нѣкоторыя изъ ихъ лучшихъ проповѣдей и перевелъ даже на языкъ россійскій и чрезъ все то, часъ отъ часу больше утверждался въ законѣ христіанскомъ.

Въ сихъ-то крайне полезныхъ занятіяхъ и упражненіяхъ засталъ меня 1762-й годъ,—годъ толико достопамятный въ исторіи всѣхъ временъ и произведшій толь великія и всего меньше ожидаемыя перемѣны во всемъ свѣтѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ тогдашняго времени. А какъ такую-жъ великую перемѣну произвелъ онъ и во всѣхъ обстоятельствахъ и до самого меня относящихся, то отложу повѣствованіе о томъ до письма послѣдующаго за симъ, а теперешнее окончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

Письмо 90-е.

Любезный пріятель! Неуспѣлъ окончиться 1761-й годъ, и мы едва переступили ногою въ новый 1762-й годъ, какъ прискакавшій къ намъ изъ Петербурга курьеръ привозитъ къ намъ извѣстіе, которое всѣхъ насъ поразило какъ громовымъ ударомъ и всю бывшую у насъ до того тишину вдругъ и единымъ разомъ разрушивъ, смутило и всѣхъ насъ встревожило до безконечности.

Было оно всего меньше нами ожидаемое и состояло въ томъ, что владѣвшая нами тогда императрица Елисавета Петровна окончила свою жизнь и преселилась въ вѣчность, и что во владѣніе по ней вступилъ государь императоръ Петръ III.

Извѣстіе сіе было тѣмъ для насъ поразительнѣе, что мы не вѣдая совсѣмъ того, что монархиня сія давно уже недомогала, кончины ея всего меньше ожидали и узнали уже послѣ, что она уже съ нѣкотораго времени подвержена была разнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, но которые всѣ она мужественно переносила, да и предписываемыя ей медиками лекарства, принимаемыя ею хотя очень рѣдко, производили всегда вожделѣнное дѣйствіе, и что еще 17-го ноября получила она нѣкоторый родъ простудной лихорадки, но которая опять и прошла и не мѣшала ей заниматься по прежнему дѣлами. Но наконецъ 12-го декабря вдругъ сдѣлалась съ нею прежестокая рвота съ кашлемъ и кровохарканіемъ. Лейбъ-медики ея, Монсей, Шилингъ и Крузъ, сочтя, что кровоизверженіе сіе происходило отъ геморoя, положили ей тотчасъ пустить кровь изъ руки и къ величайшему изумленію своему увидѣли, что во всей крови ея было уже великое воспаленіе. Однако при помощи ихъ и крѣпкой ея натуры казалась она 20-го числа внѣ опасности. Но 22-го числа, въ десятомъ часу въ вечеру, возобновилась опять рвота съ кровью, соединенная съ прежестокимъ и безпрерывнымъ почти кашлемъ; и тогда какъ сіе, такъ и всѣ прочіе припадки показались врачамъ

ея столь опасными, что они за долгъ свой почли объявить, что императрица находится въ великой опасности жизни, что и побудило ее въ послѣдующій день исповѣдаться и приобщиться святыхъ тайнъ, а въ послѣдующій послѣ того день особороваться масломъ. И какъ между тѣмъ рвота и кашель продолжался безпрерывно, то предусматривала она близкую кончину свою такъ достовѣрно, что передъ вечеромъ того дня приказала два раза прочесть обыкновенную отходную и оканчивала жизнь свою съ такимъ твердодушіемъ, что повторяла всѣ чувствительнѣйшія мѣста изъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ, и испустила наконецъ духъ въ самый день Рождества Христова, то-есть 25 декабря 1761 года.

Къ намъ пришло извѣстіе сіе въ ночь подъ 2-е число генваря 1762-го года, и я и по нынѣ не могу позабыть, какъ поразился я, пришедъ въ сей день по утру въ канцелярію и услышалъ отъ встрѣтившагося со мною сторожа сіи печальныя вѣсти. Я остолбенѣлъ и болѣе минуты не зналъ что говорить и что дѣлать. Всѣ канцелярскіе наши находились въ таковомъ же смущеніи духа, всѣ тужили и горевали о скончавшейся, всѣ желали ей царствія небеснаго и всѣ поздравляли другъ друга съ новымъ монархомъ, но поздравляли не столько съ радостнымъ, сколько огорченнымъ духомъ.

Родившись и проводивъ всѣ дни подъ кроткимъ правленіемъ женскимъ, всѣ мы къ оному такъ привыкли, что правленіе мужеское было для насъ очень дико и ново и, какъ сверхъ того, всѣ мы наслышались довольно объ особливостяхъ характера новаго государя и нѣкоторыхъ непріятныхъ чертахъ онаго, а притомъ и тайная связь его и дружба съ королемъ прусскимъ была намъ отчасти свѣдома, то всѣ мы не сомнѣвались въ томъ, что предстояли намъ тогда во всемъ превеликія перемѣны и что неминуемо будемъ имѣть и мы участіе въ оныхъ, и потому всѣ говорили тогда только объ одномъ томъ и всѣ готовились всякій день къ новымъ слухамъ и извѣстіямъ важнымъ: въ чемъ ни мало и не обманулись. Ибо неуспѣли всѣхъ насъ привесть къ присягѣ и учинить въ послѣдующій день со всѣми бывшими въ Кёнигсбергѣ нашими войсками, а потомъ и самыми прусскими жителями, какъ на другой же день поражены мы были новымъ и неменѣе всѣхъ насъ перетревожившимъ извѣстіемъ. Получается именной указъ, которымъ повелѣвалось губернатору нашему, сдать тотчасъ команду и правленіе королевствомъ прусскимъ, бывшему тутъ генералу-поручику Панину, а самому ѣхать въ Петербургъ и въ Россію.

Таковая скорая и всего меньше ожидаемая смѣна нашему доброму, исправному и усердному губернатору, означавшая нѣкоторый родъ неблаговоленія къ нему отъ новаго государя, была намъ не только удивительна, но и крайне непріятна. Всѣ мы къ нему уже такъ привыкли и за кроткій и хорошій нравъ его такъ любили, что сожалѣли объ немъ искренно и такъ, какъ бы о родномъ своемъ. Всѣмъ намъ непонятно было, за что бы такое былъ на него такой гнѣвъ отъ государя, и, не зная истинной причины другого не заключали, что онъ неугоденъ былъ государю потому, что во время правленія своего слишкомъ былъ уже усерденъ къ пользѣ государственной и не столько къ пруссакамъ былъ благосклоненъ, какъ его предмѣстникъ, но предпринималъ иногда дѣла, не совсѣмъ для нихъ пріятныя. Можетъ быть, говорили мы между собою, дошли на него о томъ какія-нибудь жалобы, или король прусскій не такъ имъ доволенъ былъ какъ прежнимъ, Корфомъ, и писалъ о томъ къ государю.

Что касается до его, то хотя и ему сіе неожидаемое повелѣніе было неменѣе поразительно, но онъ перенесъ сей случай великодушно и, неизъявивъ ни малѣйшаго неудовольствія, тотчасъ команду и все правленіе новому губернатору сдалъ и въ немногіе дни собравшись, немедленно въ Россію отправился.

Мы проводили его всѣ со слезами на глазахъ и всѣ искренно благодарили его за хорошую команду и оказанныя ко всѣмъ

намъ милости и благопріятство. Онъ не преминулъ, при сдачѣ правленія, такимъ же образомъ водить новаго губернатора по всѣмъ нашимъ канцелярскимъ комнатамъ, и также всѣхъ бывшихъ подъ командою его, рекомендовать оному въ милость. Я не позабытъ былъ также при семъ случаѣ, и г. Суворовъ, по любви своей ко мнѣ, расхвалилъ меня еще болѣе г. Панину, нежели сколько хвалилъ меня Корфъ ему. Но сей надменный и гордый вельможа казался все то ни мало не уважающимъ и не похотѣлъ удостоить никого изъ насъ даже и единымъ своимъ словомъ. Таковая поступка не въ состояніи была насъ порадовать и не обѣщала намъ много добра отъ губернатора новаго, а сіе увеличило еще болѣе сожалѣніе наше о г. Суворовѣ, который неоставилъ также снабдить всѣхъ насъ добрыми аттестатами и, прощаясь съ нами при отъѣздѣ, разцѣловалъ всѣхъ насъ дружески, при пожеланіи намъ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Въ особливости же былъ онъ отмѣнно ласковъ и дружелюбенъ ко мнѣ. Онъ проговорилъ со мною съ полчаса о разныхъ матеріяхъ, желалъ мнѣ всего добраго, совѣтовалъ продолжать свои науки и распрощался со мною, какъ отецъ съ сыномъ.

Такимъ образомъ, не думая не гадая, и въ самое короткое время, очутились мы подъ правленіемъ новаго и очень еще мало намъ знакомаго губернатора, и должны были къ нему привыкать и принаравливаться во всемъ къ его нраву. Сперва думали мы, что будетъ намъ при немъ гораздо хуже, однако скоро съ удовольствіемъ узнали, что онъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ былъ строгъ и дуренъ, каковымъ намъ сначала показался, но что первымъ его поступкамъ противъ насъ причиною было то, что въ тогдашнее время у всѣхъ умы находились въ разстройкѣ и ему не до того было, чтобъ помышлять объ насъ и заниматься такими мелочьми; но какъ первый чадъ прошелъ и онъ сколько-нибудь пооборкался, то увидѣли, что и онъ былъ добрый человѣкъ, заслуживающій къ себѣ отъ насъ любовь и почтеніе. Въ особливости же довольны мы были его адъютантомъ и наперсникомъ: сей офицеръ назывался Иваномъ Демидовичемъ Рогожинымъ, и будучи до того правителемъ его канцеляріи, имѣлъ и тогда участіе въ дѣлахъ канцелярскихъ. И какъ онъ былъ человѣкъ прямо добрый, ласковый и дружелюбный, то познакомились мы скоро, и я имѣлъ счастіе свести съ нимъ короткую дружбу и приобрѣсть къ себѣ отъ него любовь искреннюю.

Неуспѣли мы сколько-нибудь оборкаться, какъ получается вдругъ опять требованіе всѣхъ отлучныхъ и повелѣніе о высылкѣ ихъ въ армію и къ полкамъ ихъ. Сіе растревожило меня вновь и смутило опять весь духъ мой, и тѣмъ паче, что я въ сей разъ не надѣялся уже никакъ отдѣлаться по прежнему и не сомнѣвался уже ни мало, что меня вмѣстѣ съ прочими вышлютъ въ армію. Съ одной стороны не могъ я возлагать ни малѣйшей уже надежды на губернатора, меня еще очень мало знающаго, а съ другой извѣстно мнѣ было то обстоятельство, что въ канцеляріи нашей можно было уже тогда обойтиться и безъ меня, ибо г. Садовскій, при помощи моей, къ переводу такъ уже привыкъ, что могъ исправлять сію должность и безъ меня, а въ-третьихъ, видѣли уже мы, что во всей военной службѣ начинало иттить все инако и во всемъ наблюдалось уже болѣе строгости.

При таковыхъ обстоятельствахъ, не сталъ я долго уже и думать, но предприялъ съ того же дня понемногу сбираться къ отъѣзду и радовался тому, что не распроданы были у меня лошади и что моя повозка была исправлена и готова. Одно только то меня озабочивало и смущало, что полкъ нашъ находился тогда въ Чернышовскомъ корпусѣ при цесарской арміи и въ превеликой отъ насъ отдаленности. Ѣзда въ такую даль и въ страны чуждыя была мнѣ очень непріятна, и потому, хотя сожалѣющимъ обо мнѣ и говорилъ тогда: «чтожъ? когда ѣхать, такъ ѣхать», но на сердцѣ у меня совсѣмъ было не

то, и я охотнѣе бы остался еще долѣе тутъ, еслибъ только можно было; а къ превеликому удовольствію моему скоро и получилъ къ тому нѣкоторый лучъ надежды.

Тотъ же г. Чонжинъ, который прежде мнѣ такъ много помогалъ, непреминулъ, по любви своей ко мнѣ, и въ сей разъ мнѣ оказать свою услугу. Онъ, вѣдая расположеніе моихъ мыслей и нехотѣніе мое отлучиться изъ Кёнигсберга, безъ всякой моей о томъ, просьбы, переговорилъ обо мнѣ съ помянутымъ адъютантомъ Рогожинымъ и насказалъ ему столько о моемъ нехотѣніи и боязни, что сей, полюбивъ уже меня, въ тотъ же часъ ко мнѣ прибѣжалъ и дружески мнѣ сказалъ: «И! братецъ! какъ тебѣ не стыдно, что озабочиваешься требованіемъ отлучныхъ и горюешь о томъ, какъ тебѣ ѣхать! У насъ врядъ ли уже болѣе и война-то будетъ, а того и смотри, что миръ и полки возвратятся сами; успѣешь и тогда еще наслужиться, а между тѣмъ, поживи-ка ты братъ съ нами! Малый ты такой добрый! я право тебя полюбилъ».— «Хорошо, Иванъ Демидовичъ!» сказалъ я ему, поклонившись, «и вы меня очень одолжаете своимъ благопріятствомъ, но какъ то еще угодно будетъ генералу, чтобъ неизволилъ приказать онъ?» — «И, подхватилъ г. Рогожинъ: молись-ка, сударь, Богу, страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ; у генерала замолвимъ и мы словцо-другое, и генералъ также человѣкъ добрый и милостивый и насъ иногда слушаетъ».

Слова сіи послужили тогда мнѣ власно какъ нѣкакимъ лекарствомъ и успокоили мое волнующееся сердце. А вскорѣ послѣ того обрадовано оно было несравненно еще болѣе полученіемъ къ намъ того славнаго манифеста о вольности дворянства, которою благоугодно было новому государю облагодѣтельствовать все россійское дворянство и пріобрѣсть себѣ тѣмъ вѣчную благодарность. Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, все россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было все неминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой своей старости, или, покрайней мѣрѣ, до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить будутъ не въ состояніи; и во всю свою жизнь лишаться домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними только при дѣлаемыхъ кой-когда имъ годовыхъ отпусковъ. Въ сихъ и въ командировкахъ изъ полковъ въ Москву для пріема аммуниціи, была вся ихъ и единственная отрада, а отставки были такъ трудны и наводили столько хлопотъ и убытковъ онымъ ищущимъ и добивающихся, что многимъ и помыслить о томъ было не можно. А посему посудите, каково было намъ всѣмъ служить, а особливо чувствовавшимъ себя нерожденными къ военной жизни! Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію и всякій всего меньше помышлялъ о томъ, чтобъ ему жить нѣкогда можно было дома, и какова-жъ пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута, въ которую узнали мы, что сняты были съ насъ помянутые узы и намъ дарована была совершенная вольность и отдано въ нашъ полный произволъ, хотимъ ли мы вступить въ службу, или нѣтъ, а и служить только до того, покуда похочется; а въ случаѣ нехотѣнія служить болѣе, могли уже тотчасъ получать абшиты и отпускаемы быть въ свои домы и жилища!

Словомъ, всеобщая радость о томъ была неописанная; а какое дѣйствіе въ моей душѣ произвела сія драгоцѣнная бумажка, того не могу уже я никакъ выразить. Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописаннаго удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при читаніи

оной. Я, полюбивъ науки и прилѣпившись къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную и безпокойную военную жизнь и ничего уже такъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреде книгъ своихъ и въ сообществѣ съ музами: но до сего не могъ льститься и малѣйшею надеждою къ тому. Итакъ, судите сами, коль много долженъ былъ я обрадоваться тогда, какъ узналъ, что къ тому не только сдѣлалась возможность, но что могъ я службу свою оставить, когда мнѣ захочется.

Я положилъ съ того же часа учинить сіе дѣйствительно и дождаться только до того, какъ учинятъ тому другіе начало. Ибо самому мнѣ первому въ отставку проситься и совѣстно еще было, и нехотѣлось. Въ семъ расположеніи мыслей и остался я уже смѣлѣе и спокойнѣе продолжать жить въ Кёнигсбергѣ и ходить по прежнему всякій день въ канцелярію. Но тутъ голова моя занята была уже не столько дѣлами и переводами, сколько помышленіями о будущей своей деревенской жизни. Я исчислялъ уже въ умѣ своемъ всѣ пріятности оной и помышлялъ, какъ я ими наслаждаться буду, и веселился уже въ духѣ предварительно оными. Но могъ ли я тогда думать и ожидать, чтобъ съ послѣдующею затѣмъ первою почтою получится другая и такая бумага, которая въ состояніи будетъ всѣ помянутыя мои лестныя надежды вдругъ и единымъ разомъ разрушить и повергнуть меня опять въ тысячу заботъ, сумнительствъ, досадъ и недоумѣній, и власно втолкнуть въ цѣлый лавиринтъ совсѣмъ новыхъ и такихъ мыслей, какія мнѣ до того никогда и въ голову не приходили.

Было сіе, какъ теперь помню, перваго числа февраля, когда, пришедъ по обыкновенію своему поутру въ канцелярію и сидючи на своемъ мѣстѣ, увидѣлъ я цѣлую кипу пакетовъ, пронесенную мимо насъ въ судейскую. «Э! э! э! сколько!» воскликнулъ я, удивившись, и, обратясь къ товарищамъ своимъ, продолжалъ: «новостей, новостей, небось, и тутъ превеликое множество, и нѣтъ ли опять писемъ отъ Ивана Тимоѳеевича Балабина? не отпишетъ ли онъ опять чего-нибудь къ намъ хорошенькаго?» Ибо надобно знать, что сей прежній нашъ сотоварищъ и другъ не позабылъ насъ и, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, пописывалъ нерѣдко ко многимъ нашимъ канцелярскимъ, а въ томъ числѣ и ко мнѣ письмы и увѣдомлялъ насъ о петербургскихъ новостяхъ и произшествіяхъ; а тогда въ особливости была у него безпрестанная переписка съ нашимъ ассессоромъ, чрезъ котораго выписывалъ онъ къ себѣ отъ насъ флеръ и крепъ черный, въ которомъ, по случаю дѣлаемыхъ къ погребенію императрицы приуготовленій въ Петербургѣ, сдѣлался недостатокъ и превеликая дороговизна; а какъ у насъ можно было купить его за бездѣлку и пересылать къ нему въ пакетахъ безданно безпошлинно, то и могъ онъ тамъ его продавать вдесятеро дороже и на томъ получать себѣ хорошій прибытокъ. А какъ онъ притомъ увѣдомлялъ насъ и обо всемъ происходящемъ въ Петербургѣ, то всѣ письмы его были для насъ крайне интересны и мы дожидались ихъ всегда съ превеликимъ любопытствомъ.

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ съ товарищами своими о тогдашнихъ обстоятельствахъ разговориться и проводить въ томъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ выходитъ къ намъ нашъ ассесоръ Чонжинъ и, обратясь ко мнѣ, говоритъ: «Ну, братъ, теперь уже нечего дѣлать и теперь уже ѣхать молодцу хоть бы и нехотѣлось, — миновать уже никакъ нельзя. Прощай братъ, Андрей Тимоѳеевичъ!» — Что такое? спросилъ я у него, не опять ли уже требованіе?—«Какое тебѣ требованіе, подхватилъ онъ, и цѣлый указъ о тебѣ именно, да откуда-жъ еще? Изъ самой военной коллегіи». — Что вы говорите? сказалъ я, почти оцѣпенѣвши,—не въ правду-ли?—«Ей! ей!»—отвѣчалъ онъ и тотчасъ побѣжалъ опять въ судейскую

ибо въ самую ту минуту выбѣжалъ за нимъ сторожъ и звалъ его къ генералу, а я, оставшись, стоялъ какъ пень и не зналъ, что мнѣ говорить и о томъ думать. Меня подрало съ головы до ногъ, взволновалась во мнѣ вся кровь и стѣснилась такъ въ грудь мою, что я едва могъ переводить дыханіе. Но я не успѣлъ еще собраться съ духомъ и опамятоваться, какъ выбѣгаетъ г. Чонжинъ опять съ самымъ указомъ въ рукахъ и, бросивъ его ко мнѣ на столъ и сказавъ: «на! вотъ прочти самъ, такъ увидишь!»— опять въ ту же минуту ушелъ въ судейскую. Дрожащими руками и съ трепещущимъ сердцемъ поднялъ я сію бумагу; но какимъ же новымъ и неизобразимымъ изумленіемъ поразился я, когда, начавъ не читать, а пожирать глазами писанное, увидѣлъ, что я пожалованъ былъ во флигель-адъютанты къ генералу-аншефу Корфу и что повелѣвалось меня отправить немедленно въ Петербургъ въ штатъ къ помянутому генералу.

«Господи помилуй! возопилъ я, и какъ же это такъ?» и, выпустивъ бумагу изъ рукъ, началъ креститься. Слова сіи, сказанныя вслухъ и сдѣлавшаяся во всемъ лицѣ моемъ отъ нечаяннаго извѣстія сія перемѣна, возбудила во всѣхъ случившихся подлѣ меня превеликое любопытство. Но никто такъ не интересовался тѣмъ, какъ сидѣвшій противъ меня товарищъ мой г. Садовскій. Сей, любя меня какъ истинный другъ, бралъ во всемъ относящемся до меня превеликое соучастіе и потому, любопытствуя болѣе всѣхъ, подхватилъ бумагу и не успѣлъ того же увидѣть, какъ вскочивъ со стула, началъ меня поздравлять съ новымъ чиномъ и желать мнѣ болѣе и болѣе и дальнѣйшаго еще повышенія. И тогда, менѣе нежели въ минуту, разсѣвается слухъ о семъ по всей канцеляріи и всѣ въ одинъ мигъ, и секретари, и подъячіе, и разночинцы, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, прибѣгаютъ ко мнѣ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, радуются искренно моему благополучію и поздравляютъ меня съ онымъ. «Батюшки мои! говорю я имъ: благодарю покорно васъ всѣхъ, но спросили бы вы напередъ, радъ ли я тому и желалъ ли всего этого?» Я и подлинно не зналъ тогда самъ: радоваться ли мнѣ или печалиться болѣе о томъ, что случилось тогда со мною такое совсѣмъ нечаянное и всего меньше мною желаемое происшествіе. Съ одной стороны, хотя и веселило меня то, что я получилъ чрезъ сіе капитанскій чинъ; но какъ вспомнилъ, какого бѣшенаго права былъ нашъ генералъ прежній, г. Корфъ, какъ трудно и невозможно почти было ему во всемъ угождать и притомъ воображалъ себѣ всѣ тѣ труды и убытки, какіе долженъ я буду имѣть при экипированіи себя въ семъ новомъ чинѣ и при отправленіи сей трудной должности, — то все сіе уменьшало невѣдомо какъ мою первую радость; а какъ кинулось мнѣ и то въ голову, что произшествіе сіе произвело непреоборимую почти преграду и воспріятому намѣренію моему иттить въ отставку, то сіе еще и больше меня смутило и въ такую разстройку привело всѣ мои мысли, что я не слыхалъ почти, что мнѣ говорили и не зналъ, что имъ отвѣтствовать.

Посреди самаго сего моего недоумѣнія и замѣшательства мыслей вдругъ вбѣгаетъ къ намъ опредѣленный къ почтѣ офицеръ г. Багеутъ и, вынимая изъ кармана письмо, говоритъ мнѣ: «Отпусти братецъ! виноватъ я предъ тобою: давеча былъ здѣсь и не отдалъ тебѣ письма, позабылъ-было совсѣмъ и насилу уже теперь вспомнилъ». Съ превеликою жадностью и благодаря схватилъ я у него оное и увидѣвъ, что было отъ помянутаго г. Балабина, въ тотъ же мигъ читать началъ. Сей старинный мой знакомецъ и другъ увѣдомлялъ меня въ ономъ, что государю угодно было — по особливой милости и благоволенію своему къ его генералу—пожаловать его въ генералъ-аншефы и, сверхъ того, сдѣлать еще шефомъ одного кирасирскаго полку, и что какъ ему, какъ генералъ-аншефу, уже надобно было сформировать себѣ обыкно-

венный штатъ, то угодно было ему сдѣлать его, Балабина, своимъ генеральсъ-адъютантомъ, а во флигель-адъютанты истребовать отъ военной коллегіи меня и князя Урусова. Далѣе, поздравляя меня съ тѣмъ, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, что генералъ сдѣлалъ все сіе по единой своей ко мнѣ благосклонности и приказалъ ему ко мнѣ отписать, что хотя-бъ и желалъ онъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ скорѣе, однако, какъ у него уже одинъ флигель-адъютантъ есть, то что могу я нѣсколько и помедлить и не имѣю нужды слишкомъ сборами своими спѣшить, а исправлялъ себя исподоволь и постарался-бъ только пріѣхать къ нему по зимнему тогдашнему пути и не упустить онаго.

Сіе сколько-нибудь меня еще поутѣшило и прежнее смущеніе мое уменьшило. Совсѣмъ тѣмъ, безчисленныя хлопоты и убытки съ симъ чиномъ сопряженные, а равно и вожделѣннѣйшая мною отставка не выходила у меня никакъ изъ ума. Но не успѣлъ я о семъ послѣднемъ вымолвить словъ двухъ или трехъ, какъ всѣ друзья мои и пріятели напустились на меня и начали со всѣхъ сторонъ тазать и осуждать, что я прилѣпляюсь къ такимъ мыслямъ. И дурно то, говорили они, и неприлично, и ни мало не кстати мнѣ, будучи такимъ молодымъ и такихъ дарованій и способностей человѣкомъ, помышлять объ отставкѣ, а особливо при такихъ обстоятельствахъ, когда открывается мнѣ сама собою такая прекрасная прешпектива и я безсомнѣнно могу надѣяться произойтить и далѣе въ люди и дослужиться даже самъ до чиновъ генеральскихъ. Однимъ словомъ, чтобъ я-таки и непомышлялъ нимало объ отставкѣ, а съ Богомъ бы собирался и отправлялся въ Петербургъ.

Симъ и подобнымъ сему образомъ, говорили и уговаривали тогда всѣ мои друзья и знакомцы; а какъ и самому мнѣ то въ особливости казалось примѣчанія и уваженія достойнымъ, что произошло все сіе безъ всякаго моего о томъ домогательства и исканія, а само собою, а всѣ такіе случаи издавна привыкъ уже я почитать велѣніями самыхъ небесъ и дѣйствіями пекущагося обо мнѣ Промысла божескаго, и каковымъ послѣдовать безпрекословно полагалъ я себѣ во всю жизнь мою за правило; то, подумавъ о томъ хорошенько и говоря самъ себѣ, что я нимало не знаю, къ чему и на что все сіе дѣлается, и почему знать, можетъ быть Промыслъ божескій и дѣйствительно предпринимаетъ со мною что-нибудь особливое, и рѣшился наконецъ благословясь послѣдовать дѣлаемому мнѣ призыву охотно, и съ того же дня приступилъ къ приуготовленію себя къ возвращенію въ милое и любезное отечество и ко вступленію въ новую должность.

Меня спустили въ тотъ же день изъ канцеляріи и уволили отъ должности, которую я исправлялъ до того столько лѣтъ сряду и уже такъ къ ней привыкъ, что не хотѣлъ съ нею и разстаться, и какъ начался уже тогда февраль и времени до послѣдняго пути оставалось уже не много, то спѣшилъ я воспользоваться онымъ и, пришедъ на квартиру, началъ помышлять о всѣхъ нужныхъ приуготовленіяхъ какъ къ отъѣзду, такъ и къ экипированію себя хотя изъ-легка, на первый случай, и такъ, чтобъ мнѣ было, по крайней мѣрѣ, въ чемъ къ генералу моему явиться и исправлять свою должность.

Но не успѣлъ я тутъ въ подробности о томъ подумать, что и что мнѣ было необходимо надобно и безъ чего не можно мнѣ было никакъ обойтиться, какъ ужаснулся я, увидѣвъ, что вещей сихъ набралось великое и такое множество, что на покупку и исправленіе и половины оныхъ у меня тогда не доставало денегъ. Надобна была мнѣ добрая лошадь; надобно было сѣдло со всѣмъ приборомъ; надобенъ былъ когда не два, такъ, по крайней мѣрѣ, одинъ новый кавалерійскій и уже синій мундиръ; надобно было нѣсколько паръ добрыхъ сапоговъ; надобны были серебряныя шпоры и шляпа; надобенъ богатый золотой шарфъ и прочее. Сверхъ того нужно было поставить повозку на сани и искупить разныя другія

нужныя для столь долгаго путешествія вещи, да и для дорожныхъ издержекъ потребны были деньги. А наконецъ и съ самымъ хозяиномъ за кормленіе меня болѣе года нужно было расплатиться, и на все сіе по смѣтѣ моей требовалась не малая сумма, но у меня и половины ея не было и я пе зналъ, гдѣ мнѣ тогда было взять оную; ибо что касается до содержанія себя въ Петербургѣ и до тамошнихъ еще множайшихъ издержекъ, то надѣялся я нужныя деньги къ тому выписать туда и получить изъ деревни, а до того времени не сомнѣвался, что одолжитъ меня и генералъ заимобразно; а чтобъ могли они поспѣть туда къ моему пріѣзду, то съ первою же почтою послалъ я письмо о томъ черезъ Москву къ живущему въ деревнѣ дядѣ моему родному и просилъ его истребовать отъ прикащика моего сколько можно болѣе денегъ и перевесть ко мнѣ чрезъ когонибудь въ Петербургъ.

Итакъ, не зная гдѣ взять нужныя для тогдашняго времени деньги, взгоревался я невѣдомо какъ; но какимъ же удовольствіемъ поразился я, когда, открывшись въ томъ старшему изъ слугъ своихъ, былъ отъ него, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, утѣшенъ и успокоенъ. «Вотъ какая бѣда»! сказалъ онъ мнѣ: «денегъ! — да сколько вамъ ихъ, сударь, надобно?» — «По меньшей мѣрѣ, рублей сто, Яковъ!» сказалъ я. «И! баринъ! подхватилъ онъ, такъ неизвольте, сударь, тужить о томъ и горевать; у меня цѣлыхъ полтораста есть, что мнѣ съ ними дѣлать? возьмите ихъ, сударь, и употребляйте, на что вамъ угодно, а мнѣ когданибудь ихъ отдадите ужо, а теперь на что мнѣ они».

Не могу никакъ изобразить, сколь много обрадовалъ онъ меня симъ предложеніемъ и сколь чувствительно мнѣ было въ тогдашней моей нуждѣ сдѣланное имъ мнѣ сими деньгами вспоможеніе! Никогда не забуду я сей его услуги, которая меня тогда сколько обрадовала, стольножъ и удивила: ибо я никакъ не зналъ и никакъ не думалъ, чтобъ у него могло быть столько денегъ. При вопрошеніи-жъ моемъ, гдѣ Богъ ему послалъ такое множество оныхъ, сказалъ онъ мнѣ: «Гдѣ! да развѣ не изволили, сударь, знать, что я, стоючи на особливой квартирѣ, во все время бытности нашей здѣсь, перетorговывалъ лошадьми и, покупая оныхъ у нашихъ русскихъ извощиковъ дешевою цѣною, продавывалъ ихъ здѣшнимъ прусскимъ мужикамъ съ барышишкомъ, иногда довольно большимъ, иногда маленькимъ, какъ случится; а какъ я не пью и не мотаю, то не только содержалъ себя самъ во все сіе время барышами, не требуя отъ васъ себѣ ни полушки, но вотъ сколько и скопилъ себѣ еще ихъ по милости вашей. А какъ я, сударь, и самъ вашъ, то извольте ихъ взять, и я радъ, что они у меня на сію пору случились».

Я не могъ, чтобъ не расхвалить его за бережливость и благодарилъ искренно за его важную услугу. Съ меня свалилась тогда, власно какъ гора нѣкая, и какъ у меня съ сими сдѣлалось тогда денегъ довольно на всѣ надобности, то въ мигъ закипѣло все и все. Тотчасъ поспѣлъ у меня мундиръ, тотчасъ и все прочее, и осталось еще довольно ихъ на расплату и на дорогу.

Не менѣе удивилъ меня и старикъ, мой хозяинъ, которому весьма охотно хотѣлъ я заплатить какъ за кормленіе меня и поеніе чаемъ и кофеемъ, такъ и за мытье моего и употребленіе его бѣлья. Онъ и старушка, его жена, руками и ногами воспротивились тому, какъ я принесъ имъ цѣлыя пригоршни рублей и просилъ ихъ, чтобъ они взяли изъ нихъ сколько имъ угодно. «Сохрани насъ отъ того Боже! закричали они: чтобъ мы взяли съ васъ, г. капитанъ, хоть одинъ грошъ за кушанье и прочее. Мы никакъ не разорились отъ того, и намъ было сіе совсѣмъ нечувствительно; а мы и безъ того такъ довольны вами, что не можемъ вамъ никакъ того изобразить. Если-бъ стоялъ у насъ не вы, а кто-нибудь иной изъ вашихъ, то чего бы не было съ нами и съ дѣтьми нашими. Мы несчастные бы были люди и не того-бъ могли лишиться. Нѣтъ!

нѣтъ! Бога ради! Возьмите это назадъ и не обижайте насъ этимъ. Насъ Богъ пропитаетъ и безъ того, а вамъ сгодятся они на дорогу. Путь дальній и до Петербурга отсюда неблизко; а намъ дозвольте имѣть то удовольствіе, что мы услужили вамъ за всю вашу дружбу и благопріятство къ намъ сею бездѣлкою». Что мнѣ было тогда дѣлать? Я, сколько ни старался ихъ уговорить, чтобъ они сколько-нибудь взяли, но они несогласились никакъ на то, и такъ меня добродушіемъ своимъ растрогали, что я со слезами на глазахъ обнялъ обоихъ старичковъ и изъявлялъ имъ мою чувствительность и благодарность, а они непреминули поступить и далѣе; но передъ отъѣздомъ не только наготовили мнѣ всякой провизіи на дорогу, но перемыли и перечинили все мое бѣлье, а которое показалось имъ худо, тѣ тайкомъ перемѣнили и добавили недостававшее своимъ и просили слугу моего, чтобъ мнѣ о томъ несказывать.

Вотъ какихъ добродушныхъ, честныхъ и благодарныхъ людей случилось мнѣ имѣть у себя хозяевами; но надобно сказать и то, что были они не пруссаки, а природные швейцары.

Подобное-жъ почти тому происходило, когда я предъ отъѣздомъ въ послѣдній разъ пришелъ къ учителю своему, г. Вейману, прощаться. Не могу изобразить, съ какимъ сожалѣніемъ онъ со мною разставался и съ какимъ усердіемъ желалъ, чтобъ я былъ счастливъ и благополученъ. Я хотѣлъ также возблагодарить его за всѣ его труды и стараніе, прося принять отъ меня сверточекъ червонцевъ; но онъ ни подъ какимъ видомъ на то несогласился, какъ я и ожидалъ того, и на силу на силу преклонилъ я принять въ подарокъ отъ меня калмыцкій тулупъ, который купилъ я у нашихъ пріѣзжихъ русскихъ купцовъ, да и сей убѣдилъ я его принять только тѣмъ, что увѣрилъ его, что онъ у меня не купленный, а присланный ко мнѣ изъ деревни, и что прошу его принять только для того, чтобъ, нося его, могъ онъ вспоминать объ ученикѣ своемъ. Онъ разцѣловалъ меня за то, и простился утирая слезы, текущія изъ глазъ его. Такъ свыклись-было мы съ нимъ и столь много любилъ онъ меня всегда.

Наконецъ, какъ все было уже исправлено и къ отъѣзду готово, то, раскланявшись съ генераломъ, отъ котораго, по краткости времени, не видалъ я ни худа ни добра, пригласилъ я къ себѣ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и, поподчивавъ ихъ на прощанье хорошенько разными винами и прочимъ, чѣмъ могъ, распрощался я со всѣми ими и съ плачущими, добродушными хозяевами, отправился наконецъ въ путь свой.

Не могу никакъ изобразить, съ какими чувствованіями выѣзжалъ я изъ сего города и какъ распращивался со всѣми улицами, по которымъ я ѣхалъ, и со всѣми знакомыми себѣ мѣстами. Вся внутренность души моей преисполнена была нѣкакими нѣжными чувствами и я такъ былъ всѣмъ тѣмъ растроганъ, что едва успѣвалъ утирать слезы, текущія противъ хотѣнія изъ глазъ моихъ. Меньшой изъ гг. Олиныхъ, нашихъ юнкеровъ, и сотоварищъ мой г. Садовскій, рѣшились проводить меня до самыхъ воротъ города. Оба они болѣе всѣхъ меня любили и обоихъ ихъ почиталъ я наилучшими своими друзьями. Чего и чего не говорили мы съ ними въ сіи послѣднія минуты и какихъ увѣреній не дѣлали мы другъ другу о продолженіи любви и дружества нашего! Я условился съ обоими ими переписываться изъ Петербурга, и сдержалъ свое слово въ разсужденіе перваго. Чтожъ касается до г. Садовскаго, то небу угодно было лишить его жизни прежде, нежели могъ онъ получить и перваго письма моего къ себѣ изъ Петербурга. Онъ занемогъ черезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда, и жестокая горячка похитила у меня сего друга и преселила въ вѣчность. Мы разстались тогда съ нимъ и съ г. Олинымъ, смочивъ взаимно лица наши слезами, и я всего меньше думалъ, что прощаюсь съ первымъ уже на вѣки.

Какъ скоро отъѣхалъ я версты двѣ отъ города и взъѣхалъ на знакомый мнѣ холмъ, съ котораго можно было городъ сей мнѣ впослѣднія видѣть, то предчувствуя, что мнѣ его никогда уже болѣе не видать, восхотѣлось мнѣ еще разъ на него хорошенько насмотрѣться. Я велѣлъ слугѣ своему остановиться, и, привставъ въ кибиткѣ своей, съ цѣлую четверть часа смотрѣлъ на него съ чувствіями нѣжности, любви и благодарности. Я пробѣгалъ мыслями все время пребыванія моего въ немъ, воспоминалъ всѣ пріятные и веселые дни, препровожденные въ ономъ, изчислялъ всѣ пользы, пріобрѣтенныя въ немъ, и бесѣдуя съ нимъ душевно, молча говорилъ: «Прости, милый и любезный градъ, и прости на вѣки! Никогда, какъ думать надобно, не увижу я уже тебя болѣ! Небо да сохранитъ тебя отъ всѣхъ золъ, могущихъ случиться надъ тобою, и да излiетъ на тебя свои милости и щедроты. Ты былъ мнѣ полезенъ въ моей жизни; ты подарилъ меня сокровищами безцѣнными; въ стѣнахъ твоихъ сдѣлался я человѣкомъ и спозналъ самого себя, спозналъ міръ и все главнѣйшее въ немъ; а что всего важнѣе, спозналъ Творца моего, его святой законъ и стезю, ведущую къ счастію и блаженству истинному. Ты возвелъ меня на сей путь священный и успѣлъ уже дать почувствовать мнѣ всѣ пріятности онаго. Сколько драгоцѣнныхъ и радостныхъ минутъ проводилъ я уже въ тебѣ! Сколько дней, преисполненныхъ веселіемъ, прожито въ тебѣ мною, градъ милый и любезный! Никогда не позабуду я тебя и время, прожитое въ нѣдрахъ твоихъ! Ежели доживу до старости, то и при вечерѣ дней моихъ буду еще вспоминать всѣ пріятности, которыми въ тебѣ наслаждался. Слеза горячая, текущая теперь изъ очей моихъ, есть жертва благодарности моей за вся и все, полученное отъ тебя! Прости на вѣки!»

Сказавъ сіе и бросившись въ кибитку, велѣлъ я слугѣ своему продолжать путь свой, и хотя болѣе уже не могъ его видѣть, но мысли объ немъ не выходили у меня изъ головы во весь остатокъ дня того.

Такимъ образомъ, выѣхалъ я наконецъ изъ Кёнигсберга, проживъ въ ономъ цѣлые почти четыре года и снискавъ въ немъ себѣ дѣйствительно много добра истиннаго, а что всего для меня пріятнѣе было, то выѣхалъ съ сердцемъ неотягощеннымъ горестію, а преисполненнымъ пріятными и лестными для себя надеждами. Ибо хотя бы ничего дальнаго со мною непослѣдовало, такъ веселило меня и то уже несказанно, что я ѣхалъ не въ полкъ и не на войну, но возвращался въ свое отечество, которое за короткое предъ тѣмъ время не надѣялся и увидѣть когда-нибудь. Мысль сія, также воображеніе, что ѣхалъ я служить въ столицу, гдѣ имѣть буду случай видѣть государя, дворъ и все знаменитѣйшее въ свѣтѣ, услаждала много всѣ трудности тогдашняго путешествія моего и дѣлала мнѣ оное вдвое пріятнѣйшимъ.

Впрочемъ, ѣхать намъ было тогда и хорошо и дурно; ибо какъ выѣхалъ я уже въ началѣ марта, а именно 4-го числа сего мѣсяца, и поѣхалъ къ Мемелю прямою зимнею дорогою, такъ-называемымъ Нерунгомъ, или тою длинною, пустою песчаною косою, которая, начавшись неподалеку отъ Кёнигсберга, простирается до самаго Мемеля и, отдѣливъ собою часть моря, составляетъ славный Курскій Гафъ, или Мемельскій заливъ морской, то не вездѣ находили мы снѣгъ, но въ иныхъ мѣстахъ принуждены были тащиться по голому песку и раскаяваться въ томъ, что поѣхали сею дорогою. А какъ на другой день дошло до того, что намъ надобно было переѣзжать помянутый Курскій Гафъ, или заливъ морской, поперекъ по льду, то раскаяніе наше увеличилось еще и болѣе. Заливъ сей хотя и былъ по жестокости тогдашней зимы покрытъ льдомъ и снѣгомъ, но какъ ледъ сей далеко не таковъ толстъ и крѣпокъ былъ какъ на рѣкахъ, то переѣзжать по немъ черезъ заливъ всегда было не безъ опасности, и тѣмъ паче, что то и дѣло дѣлались на

немъ превеликія трещины и вода, выступая изъ-подо льда, разливалась иногда на знатное разстояніе по поверхности онаго. Я не прежде о томъ узналъ, какъ уже въѣхавши на оный и тогда, когда поздно было уже возвращаться. И какъ шириною въ семъ мѣстѣ былъ оный заливъ болѣе десяти верстъ и дорожка проложена чрезъ него узенькая и во многихъ мѣстахъ едва примѣтная, было же тогда уже передъ вечеромъ, какъ мы чрезъ него пустились, то истинно души во мнѣ почти не было до тѣхъ поръ, покуда мы его не переѣхали.

Во многихъ мѣстахъ принуждены мы были не ѣхать, а тащиться по напоившемуся водою глубокому снѣгу; во многихъ другихъ ѣхать по водѣ и столь индѣ глубокой, что я того и смотрѣлъ, что мы гдѣ-нибудь либо проломимся и пойдемъ на морское дно со всею повозкою своею, или огрязнемъ такъ, что намъ и выдраться будетъ не можно и мы всю пожить свою подмочимъ и попортимъ. А раза два и дѣйствительно мы такъ огрязали, что промучились болѣе часа и насилу выбрались. Къ вящему несчастію не случилось тогда никакихъ другихъ ѣздоковъ, ни встрѣчныхъ, ни попутныхъ, и въ случаѣ несчастія не могли мы ожидать ни отъ кого помощи; приближающія же сумерки нагоняли на насъ еще болѣе страха и ужаса. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ въ своей повозкѣ и сжавъ сердце, крѣпился сколько могъ, чтобъ не оказать предъ людьми своими уже непомѣрной робости, а во внутренности своей призывалъ Бога и всѣхъ святыхъ себѣ на помощь. Но все мое твердодушія исчезло, какъ пріѣхали къ одному мѣсту, чрезъ которое не знали какъ и перебраться. Трещина была тутъ превеликая и столь широкая, что лошадямъ надобно было чрезъ ее перепрыгивать, а выступившая по обѣимъ сторонамъ вода была почти на поларшина глубиною. Увидѣвъ сіе, не только я, но и люди мои оробѣли совершенно, и всѣ мы не знали, что дѣлать и начать. Что касается до меня, то я перетрусился всѣхъ болѣе, и какъ вода была ни глубока и какъ было ни холодно, но рѣшился выттить изъ кибитки и переходить по водѣ чрезъ трещину пѣшкомъ, а вмѣстѣ со мною пересигнулъ ее и мой А б р а ш к а; что-жъ касается до Я к о в а, то сей, перекрестясь и надѣясь на доброту лошадей, пустился прямо чрезъ ее на отвагу, и былъ столь счастливъ, что переѣхалъ ее благополучно и ни одна лошадь не оступилась, но всѣ пересигнули чрезъ нее не зацѣпившись и перетащили повозку, какъ она ни грузна была. Я не вспомнилъ тогда самъ себя отъ радости, крестился и благодарилъ Бога, что перенесъ онъ насъ чрезъ опасное сіе мѣсто благополучно и позабывъ горевать о томъ, что ноги мои были почти по колѣна обмочены и зябли немилосердно. Я скинулъ скорѣй сапоги съ себя и укутавъ ихъ въ шубу, старался какъ можно посогрѣть ихъ. Но по счастію было тогда не далече уже отъ берега и отъ селенія на берегу онаго сидѣвшаго. Мы поспѣшали туда какъ можно, но не прежде пріѣхали, какъ уже въ самыя сумерки, и рады были невѣдомо какъ, что нашли для переночеванія себѣ спокойную и теплую квартиру, гдѣ могли мы отогрѣться и дать отдохнуть выбившимся почти изъ силъ лошадямъ нашимъ.

Переночевавъ тутъ и позабывъ всѣ опасности, пустились мы въ послѣдующій день далѣе и доѣхали до города Мемеля, а было это уже 7-го марта, а на другой день, переѣхавъ узкій уголокъ Ж м у д і и, отдѣляющій П р у с с і ю отъ К у р л я н д і и, въѣхали въ оную, и продолжая благополучно путь, доѣхали 12-го числа до столичнаго курляндскаго города Митавы. Какъ въ семъ мѣстѣ никогда еще мнѣ бывать не случилось, то смотрѣлъ я съ особливымъ любопытствомъ на сіе древнее обиталище курляндскихъ герцоговъ и жилище прежде бывшей нашей императрицы А н н ы И в а н о в н ы, а особливо на опустѣвшій огромный тамошній замокъ или дворецъ, построенный Б и р о н о м ъ, и о которомъ молва носилась, что была въ немъ нѣкогда цѣлая ком-

ната, намощенная вмѣсто пола установленными сплошь на ребро рублевиками. Правда ли то, или нѣтъ, того уже не знаю, но какъ бы то ни было, но могъ ли я тогда воображать себѣ, что доживу до такого времени, въ которое сей зáмокъ оправится и что будетъ въ немъ нѣкогда имѣть убѣжище себѣ несчастный и выгнанный изъ отечества король французскій и что мы его на своемъ коштѣ тутъ содержать будемъ.

Отправившись изъ Митавы, доѣхали мы 13-го числа и до границъ любезнаго отечества нашего. Не могу изобразить, съ какими особыми чувствіями въѣзжалъ я въ сіи милые предѣлы и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на мѣста, которыя памятны и знакомы были мнѣ отъ самаго даже малолѣтства. Я благодарилъ Бога, что вывелъ меня цѣла изъ войны бѣдственной и опасной и возвратилъ благополучно въ земли, принадлежащія уже России, и въ тотъ городъ, гдѣ покоился прахъ дѣда моего. Я благословлялъ его мысленно, пожелалъ ему дальнѣйшаго покоя и продолжая путь, замышлялъ-было отыскать ту мызу, гдѣ оставлены были нѣкоторые изъ моихъ пожитковъ и ящикъ съ книгами, въ то время, когда выходили мы въ походъ въ Пруссію; но какъ не нашелъ вскорости никого, кто-бъ меня туда проводить могъ, а притомъ сомнѣвался, чтобъ мнѣ безъ того человѣка оныя отдали, который отдавалъ тогда ихъ, а сдѣлавшаяся оттепель устрашала меня скорою распутицею, то, поспѣшая моею ѣздою, поклонился я въ мысляхъ бѣднымъ своимъ пожиточкамъ и книгамъ и пожелавъ ими владѣть тѣмъ, у кого онѣ были, поѣхалъ далѣе.

Въ городѣ Вальмерахъ, куда пріѣхалъ я 15-го марта, съѣхался я къ превеликому удовольствію моему съ другомъ и знакомцемъ своимъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Писаревымъ, самымъ тѣмъ, о которомъ упоминалъ я уже прежде и съ которымъ познакомился я въ Кёнигсбергѣ. Онъ возвращался также изъ Пруссіи, но пробирался уже въ Москву и въ свою деревню, ибо былъ уже отставленъ. Я завидовалъ почти ему въ томъ и считалъ его счастливымъ, что ѣдетъ уже на покой въ деревню и воздохнулъ о себѣ, не зная когда-то то же будетъ и со мною. Впрочемъ, какъ надлежало ему болѣе ста верстъ ѣхать по одной со мною дорогѣ, то радъ я былъ очень его сотовариществу. Я уже упоминалъ, что былъ онъ человѣкъ любопытный, охотникъ до чтенія книгъ, а особливо до благочестія относящихся, и довольно начитанный, и какъ само сіе въ Кёнягсбергѣ насъ спознакомило и съ нимъ сдружило, то для лучшаго и веселѣйшаго препровожденія въ ѣздѣ времени, условились мы пересѣсться и ѣхать съ нимъ въ одной повозкѣ, дабы тѣмъ удобнѣе было намъ между собою разговаривать. И чего и чего мы тогда съ нимъ не говорили! Словомъ, разговоры были у насъ съ нимъ о разныхъ и все важныхъ матеріяхъ безпрерывные, а за ними и не видали мы почти дороги.

Наконецъ разстались мы съ нимъ, препроводивъ въ дорогѣ нѣсколько дней вмѣстѣ и не только возобновивъ, но утвердивъ еще болѣе между собою дружество. Онъ, услышавъ куда и зачѣмъ я ѣду, и будучи меня гораздо старѣе и въ свѣтѣ опытнѣе, не оставилъ снабдить меня многими добрыми и полезными совѣтами, и я обязанъ ему за то довольно много.

Вскорѣ послѣ того доѣхалъ я до Дерпта, а потомъ до Нарвы, и ѣдучи чрезъ всю Лифляндію и Эстляндію, по самой той дорогѣ, по которой нѣсколько разъ во время младенчества и малолѣтства моего хаживали мы съ полкомъ нашимъ, напоминалъ всѣ тогдашнія времена и узнавая многія мѣста и почтовые дворы, въ которыхъ мы съ покойнымъ родителемъ моимъ стаивали, взиралъ на нихъ съ нѣкакимъ пріятнымъ чувствованіемъ и удовольствіемъ особливымъ. Въ особливости же разстроганъ я былъ тѣмъ мѣстомъ въ Дерптѣ, гдѣ я въ первый разъ въ жизни разставался съ моею матерью и которое было мнѣ очень памятно; а на Нарву, зная уже всю исторію оной и что съ нею

въ прежнія времена происходило, не могъ я смотрѣть безъ особливаго чувствованія и пріятнаго любопытства.

Наконецъ 24-го числа марта и почти въ самую половодь доѣхалъ я благополучно до Петербурга. Но какъ съ сего времени начинается новый и достопамятнѣйшій періодъ моей жизни, то отложивъ говорить о томъ до письма будущаго, теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

(7 нояб. 1801).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ IX.

(сочинена 1800, переписана 1805 года).

ИСТОРІЯ МОЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЛУЖБЫ.

Письмо 91-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ предслѣдующихъ письмахъ и въ послѣднихъ частяхъ собранія оныхъ всю исторію моей военной службы и достопамятнаго моего пребыванія въ Пруссіи и жительства въ Кёнигсбергѣ, приступлю теперь къ сообщенію вамъ исторіи моей петербургской службы, которая не можетъ почтена быть военною, а была особливая, и хотя кратковременная, но по многимъ отношеніямъ не менѣе достопамятна, какъ и военная.

Продолжалась она во все время царствованія императора Петра III—время, которое въ исторіи всѣхъ земель, а особливо нашего отечества, останется на вѣки достопамятнымъ.

И какъ мнѣ, почти всему происходившему тогда у насъ въ Петербургѣ, случилось быть самовидцемъ, и многія происшествія и обстоятельствы у меня еще въ свѣжей памяти; то, можетъ быть, извѣстія и описанія онымъ или, по крайней мѣрѣ, всего того, что случилось мнѣ тогда самому видѣть и узнать, будетъ для васъ и для тѣхъ изъ потомковъ моихъ, коимъ случится читать сіи письмы, не менѣе интересны и любопытны, какъ и всѣ прежнія, къ чему теперь и приступлю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что пріѣхалъ изъ Кёнигсберга въ Петербургъ, а теперь, продолжая повѣствованіе мое, прежде всего замѣчу, что случилось сіе на канунѣ самаго Благовѣщенья и что въѣзжалъ я въ сей городъ съ чувствіями особливыми и такими, которыя никакъ изобразить не могу—вамъ извѣстно уже, по какому случаю и зачѣмъ я тогда ѣхалъ въ сію столицу.

Я поспѣшалъ къ прежнему своему начальнику, генералъ-аншефу Корфу, отправлявшего тогда должность генерала-полицеймейстера въ Петербургѣ, и ѣхалъ для служенія при немъ флигель-адъютантомъ, въ которую должность угодно было ему меня избрать и отъ военной коллегіи истребовать, ибо въ тогдашнія времена имѣли всѣ генералы право въ штаты свои выбирать кого они сами похотятъ, и военная коллегія обязана была

безпрекословно давать имъ оныхъ и выписывать ихъ откуда бы то ни было, а такимъ точно образомъ истребованъ и выписанъ былъ и я.

Вы знаете также, что произошло сіе безъ всякаго моего о томъ домогательства и желанія. Я, живучи въ мирѣ и въ тишинѣ въ Кёнигсбергѣ и занимаясь своими учеными упражненіями, всего меньше о томъ думалъ и помышлялъ, и совсѣмъ не зналъ о семъ требованіи и опредѣленіи до самаго полученія о томъ изъ военной коллегіи указа, такъ какъ и понынѣ не знаю, какъ сіе собственно произошло, и самъ-ли генералъ сіе вздумалъ и затѣялъ, или подбужденъ былъ къ тому бывшимъ при немъ адъютантомъ, пріятелемъ моимъ, господиномъ Балабинымъ. Но какъ бы то ни было, но я былъ опредѣленъ безъ всякаго отобранія напередъ на то моего согласія, которое едваль бы воспослѣдовало, еслибъ вздумалось имъ напередъ спросить меня о томъ, хочу-ли я или нѣтъ быть въ сей должности и отправлять оную; ибо бѣшеный и самый строптивый нравъ и странный характеръ сего вельможи былъ мнѣ такъ коротко извѣстенъ и такъ для меня устрашителенъ, что я никакъ не похотѣлъ бы добровольно подвергнуть себя всѣмъ суровостямъ и жестокостямъ его, еслибъ меня спросили, а особливо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда всѣ мысли мои заняты уже были помышленіями объ отставкѣ и воображеніями всѣхъ пріятностей деревенской уединенной жизни. А потому и тогда ѣхалъ я въ Петербургъ сколько съ хотѣніемъ, столько-жъ и не съ хотѣніемъ; ибо сколько съ одной стороны сколько ласкала меня та мысль, что буду служить при знаменитомъ вельможѣ, который находился тогда въ особливой милости у Государя, и служить въ такой должности и чинѣ, который доставлять мнѣ будетъ случай видѣть весь дворъ и все до того мною невиданное и неизвѣстное, и чрезъ самое то многія удовольствія, столько, съ другой стороны, устрашали меня предусматриваемые необъятные труды и, по дурнотѣ характера генеральскаго, самыя непріятности и досады, съ сею должностью сопряженныя.

При такихъ обстоятельствахъ не успѣлъ я, приближившись къ Петербургу, усмотрѣть впервые золотые спицы высокихъ его башень и колоколень, также видимый изъ далека и превозвышающій всѣ кровли верхній этажъ, установленный множествомъ статуй, новаго дворца зимняго, который тогда только-что отдѣлывался, и коего я никогда еще не видывалъ; какъ видъ всего того такъ для меня былъ поразителенъ, что вострепетало сердце мое, взволновалась вся во мнѣ кровь и въ головѣ моей, возобновясь помышленія обо всемъ вышеупомянутомъ, въ такое движеніе привели всю душу мою, что я, вздохнувъ самъ въ себѣ, мысленно возопилъ: «О градъ! градъ пышный и великолѣпный!.. Паки вижу я тебя! паки наслаждаюсь зрѣніемъ на красоты твои! Каковъ-то будешь ты для меня въ нынѣшній разъ? До сего бывалъ ты мнѣ всегда пріятенъ! Ты видѣлъ меня въ нѣдрахъ своихъ младенцемъ, видѣлъ отрокомъ, видѣлъ въ юношескомъ цвѣтущемъ возрастѣ и всякій разъ не видалъ я въ тебѣ ничего, кромѣ добра! Но что-то будетъ нынѣ? Счастіемъ ли какимъ ты меня наградишь, или въ несчастіе ввергнешь? И то и другое легко быть можетъ! Я въѣзжаю въ тебя въ неизвѣстности сущей о себѣ! Почему знать, можетъ быть ожидаютъ уже въ тебѣ многія и такія непріятности меня, которыя заставятъ меня проклинать ту минуту, въ которую пришла генералу первая мысль взять меня къ себѣ; а можетъ быть будетъ и противное тому, и я минуту сію благословлять стану».

Сими и подобными собесѣдованіями съ самимъ собою занимался я во все время въѣзжанія моего въ Петербургъ. Но наконецъ одна духовная ода славнаго и любимаго моего нѣмецкаго піита Куноса, ода, которую во всю дорогу я твердилъ наизусть и которая, начинаясь сими словами: «Есть Богъ, пекущійся обо мнѣ, а я, я смущаюсь и горюю и хочу самъ пещися о себѣ», невѣдомо какъ много

ободряла и подкрѣпляла меня при смутныхъ обстоятельствахъ тогдашнихъ, — прогнала и разсѣяла и въ сей разъ, какъ вихремъ прахъ, всѣ смутныя помышленія мои и произвела то, что я въѣхалъ въ городъ сей съ спокойнымъ и радостнымъ духомъ.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ приискать себѣ на первый случай какую-нибудь квартирку, ибо прямо къ генералу на дворъ въ кибиткѣ своей пріѣхать мнѣ не хотѣлось. Я хотя и не сомнѣвался въ томъ, что долженъ буду жить въ его домѣ, однако все-таки хотѣлось мнѣ, на первый случай, обострожиться гдѣ-нибудь поблизости его на особой квартиркѣ и явиться къ нему не рохлею дорожнымъ, а убравшись и снарядившись.

И потому, по приближеніи къ дому его, бывшему на берегу рѣки Мойки, велѣлъ я квартирки себѣ поискать, а по счастію и нашли мнѣ ее тотчасъ, хотя наипростѣйшую, но довольно уже изрядную и такую, что какъ послѣ оказалось, что я въ мысляхъ своихъ обманулся и мнѣ въ генеральскомъ домѣ помѣститься было негдѣ, и я долженъ былъ стоять на своей квартирѣ, то я на ней и остался, и стоялъ до самаго моего выѣзда изъ Петербурга, будучи въ особливости доволенъ тѣмъ, что она была близка отъ дома генеральскаго и притомъ не дорогая.

На другой день, и какъ теперь помню, въ день самаго Благовѣщенья, вставши поранѣе и желая застать генерала еще дома, и убравшись получше и надѣвъ свой новый кавалерійскій мундиръ, пошелъ я къ генералу явиться и пришедъ въ домъ, старался прежде всего распровѣдать, гдѣ-бъ мнѣ можно было найтить господина Балабина.

Меня провели къ нему въ другія маленькія хоромцы, бывшія на дворѣ, и онъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ бѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, говоря: «Ахъ! другъ ты мой сердечный, Андрей Тимоѳеевичъ! какъ я радъ, что ты наконецъ къ намъ пріѣхалъ; мы въ прахъ тебя уже заждались и не знали, что о тебѣ и думать, — боялись, что не сдѣлалось ли уже чего съ тобою при теперечней половоди! — Ну, скажи же ты мнѣ, мой другъ!... продолжалъ онъ, меня обнимая и много разъ цѣлуя; все ли ты здорово и благополучно ѣхалъ? всѣ ли живы и здоровы наши кёнигсбергскіе друзья и знакомцы? какъ они поживаютъ? и помнятъ ли меня?» — Все, все хорошо и слава Богу! отвѣчалъ я, и кёнигсбергскіе наши всѣ живы и здоровы, всѣ васъ по прежнему еще любятъ и всѣ велѣли вамъ кланяться. — «Ну, пойдемъ же, мой другъ, пойдемъ къ генералу, подхватилъ онъ. Онъ будетъ очень радъ, тебя увидѣвъ, и у насъ не было дня, въ который бы мы съ нимъ ѣ тебѣ не говорили». — Хорошо, сказалъ я и пошелъ за нимъ, туда меня поведшимъ.

Мы нашли генерала въ его кабинетѣ, чешущаго волосы и убирающихся, съ стоящимъ предъ нимъ секретаремъ полицейскимъ и держащимъ подъ мышкою превеликій пукъ бумагъ.

Не успѣлъ генералъ увидѣть вошедшаго меня въ комнату свою, какъ, обрадовавшись, возопилъ онъ: «Ахъ! вотъ и ты, Болотовъ! слава, слава Богу, что и ты пріѣхалъ! мы взгоревались-было уже о тебѣ, мой другъ! Какъ это ты по такой распутицѣ ѣхалъ? Поди, поди мой другъ и поцѣлуемся...»

Я подбѣжалъ къ нему и, будучи крайне доволенъ толь ласковымъ его пріемомъ, благодарилъ его за оказанную имъ мнѣ милость. — «Не за что! не за что! подхватилъ онъ: а я сдѣлалъ то, чѣмъ тебѣ былъ долженъ. Ты заслужилъ то, чтобъ тебя намъ помнить, и я очень радъ, что могъ тебѣ сдѣлать сіе маленькое, на первый случай, благодѣяніе. Поживемъ, мой другъ, еще вмѣстѣ, и я не сомнѣваюсь, что ты, по прежней дружбѣ и по любви своей ко мнѣ, постараешься и нынѣ поступками и поведеніемъ своимъ оправдать хорошее мое о тебѣ мнѣніе». Я кланялся ему и увѣрялъ, что употреблю всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ заслужить дальнѣйшее его къ себѣ благоволеніе и милость. «Хорошо, мой другъ!

подхватилъ онъ: я и не сомнѣваюсь въ томъ; но скажи же ты мнѣ теперь, какъ поживали вы безъ меня въ нашемъ любезномъ Кёнигсбергѣ? Довольны ли вы были Васильемъ Ивановичемъ? и что подѣлывали тамъ хорошенькаго?»

Сіе подало намъ тогда поводъ къ предлинному разговору. Онъ распрашивалъ меня обо всемъ, а я разсказывалъ ему что зналъ, и о чемъ ему болѣе знать хотѣлось. Наконецъ спросилъ онъ меня, гдѣ же я остановился? «На квартирѣ», сказалъ я.—«Но для чего же не ко мнѣ прямо на дворъ взъѣхалъ, мы нашли бы, можетъ быть, мѣстечко, гдѣбъ тебя помѣстить, хотя и тѣсненько, правду сказать, у меня въ домѣ». Я обрадовался, сіе услышавъ, ибо надобно сказать, что мнѣ самому не весьма хотѣлось жить у него въ домѣ и быть всегда связаннымъ и по рукамъ, и по ногамъ, а на квартирѣ надѣялся я имѣть сколько-нибудь болѣе свободы, а потому и отвѣчалъ я, что я могу стоять и на квартирѣ.—«Очень, очень хорошо! подхватилъ онъ: но скажи, по крайней мѣрѣ, не далеко-ли она? и не будетъ-ли тебѣ затрудненія всякій день ко мнѣ оттуда ѣздить?»—«Очень близко, отвѣчалъ я: и чрезъ нѣсколько только дворовъ отъ вашего дома».—«Всего лучше, подхватилъ онъ: но хороша-ли и покойна-ли она».—«Хороша, ваше высокопревосходительство!»—«Ну, такъ поживи же ты, мой другъ, покуда на оной, а тамъ мы уже посмотримъ, а между тѣмъ о содержаніи своемъ ни мало не заботься. Кушать ты здѣсь у меня кушай, а лошадей-то... небось, ты вѣдь на своихъ пріѣхалъ?»—«На своихъ», сказалъ я.—«Лошадей-то можешь ты всѣхъ распродать; на что тебѣ онѣ здѣсь? а оставь только одну, на которой тебѣ со мною ѣздить, да и той вели-ка ты брать кормъ съ моей конюшни, а не покупай и не убычься».

Я благодарилъ его за сію милость, а генералъ, начавъ осматривать между тѣмъ меня съ ногъ до головы и увидѣвъ, что на мнѣ не было шпоръ, сказалъ: «Жаль, что нѣтъ на тебѣ теперь шпоръ, а то хотѣлъ-было я поручить тебѣ теперь же маленькую коммиссію, и чтобъ ты съѣздилъ на минуту во дворецъ». Я извинялся въ томъ, сказывая, что я пришелъ пѣшкомъ, и того не зналъ, и что нѣтъ теперь со мною лошади. «Лошадь бездѣлица!—сказалъ онъ.—Ею бы мы тебя уже снабдили... но постой, продолжалъ онъ, шпоры-то есть и у меня излишнія. Подай-ко, малый, мои маленькія серебряныя господину Болотову!.. А ты, мой другъ! обратясь къ одному полицейскому офицеру, продолжалъ онъ: ссуди-ка насъ, пожалуй, на нѣсколько минутъ своею лошадкою, ей ничего не сдѣлается, а послать-то мнѣ очень нужно!» — «Съ превеликою радостію! отвѣчалъ офицеръ, —лошадь готова!» и пошелъ приказывать подавать ее, а слуга, между тѣмъ, отыскавъ шпоры, надѣвалъ ихъ на мои ноги. Я стоялъ и, простирая ему свои ноги, мысленно заботился о томъ, какъ бы мнѣ получше исполнить первое возлагаемое на меня дѣло. Упомянутый генераломъ дворецъ возмутилъ во мнѣ весь духъ мой: какъ не бывалъ я еще отъ роду никогда во дворцѣ, то былъ онъ мнѣ тогда такъ страшенъ, какъ медвѣдь, и я не зналъ, какъ къ нему и приступиться, и подъѣхать.

Но смущеніе мое еще болѣе увеличилось, какъ между тѣмъ, какъ надѣвали на меня шпоры, генералъ далѣе сказалъ: «Вотъ какое дѣло, зачѣмъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты, мой другъ, во дворецъ съѣздилъ. Мнѣ хочется, чтобъ ты распровѣдалъ и узналъ, что государь теперь дѣлаетъ и чѣмъ занимается?...» Слова сіи поразили и смутили меня еще болѣе.— «Вотъ тебѣ на! говорилъ я самъ въ себѣ, и первый блинъ уже комомъ! и не напасть-ли сущая? ну какъ это мнѣ тамъ и у кого распровѣдывать?—никого-то я тамъ не знаю и ни къ кому приступиться, вѣрно, не посмѣю! Ахъ! какое горе»!

Говоря симъ и подобнымъ сему образомъ самъ въ себѣ, готовился-было я прямо сказать генералу, что коммиссію, поручаемую имъ мнѣ, я, по новости сво-

ей, врядъ-ли могу еще исполнить, но, по счастію, онъ самъ, взглянувъ на меня, смущеніе мое примѣтилъ, и власно какъ опомнившись, мнѣ сказалъ: «Да, вѣдь вотъ еще! ты, надѣюсь, не бывалъ еще во дворцѣ, и ни положенія его и ничего не знаешь?»—«Точно такъ! ваше высокопревосходительство! подхватилъ я: — и когдажъ мнѣ еще и бывать? Я пріѣхалъ вчера въ вечеру и нигдѣ еще не былъ».

«Хорошо-жъ, сказалъ онъ: такъ я дамъ кого-нибудь тебя проводить и указать то заднее крылечко, къ которому надобно тебѣ подъѣхать, а и тамъ, какъ поступить, дамъ тебѣ наставленіе». — «Очень хорошо!» — сказалъ я.—«А вотъ какимъ образомъ, продолжалъ онъ: — какъ взойдешь ты на сіе крылечко и маленькія тутъ сѣнцы, то войди въ двери на лѣво и въ маленькій покоецъ. Тутъ найдешь ты стоящаго часового, и ты постой тутъ и подожди, покуда войдетъ какой-нибудь изъ придворныхъ лакеевъ: и тогда попроси ты, чтобъ вызвали къ тебѣ искусненко Карла Ивановича Шпрингера, и вели-таки сказать ему, что ты присланъ отъ меня къ нему. И какъ онъ къ тебѣ выйдетъ, то поклонись ему отъ меня, но смотри-жъ говори съ нимъ по-нѣмецки, а не порусски, и скажи, что я велѣлъ просить распровѣдать о томъ, что теперь государь дѣлаетъ, и чѣмъ занимается, и веселъ-ли онъ? и чтобъ онъ далъ чрезъ тебя мнѣ знать о томъ, и буде онъ тебѣ прикажетъ подождать, то подожди». — «Хорошо!» сказалъ я и, взявъ въ проводники ординарца, поѣхалъ.

Не могу изобразить вамъ, съ какими чувствіями и подобострастіемъ приближался я въ первый сей разъ къ сему обиталищу нашихъ монарховъ; мнѣ казалось, что самыя стѣны его имѣли въ себѣ нѣчто величественное и священное, и еслибъ не было со мною проводника, ведущаго меня смѣло къ крыльцу тому, то я не только бы не нашелъ онаго, но и не посмѣлъ бы подъѣхать къ нему; но тогда шелъ я какъ по писанному, и нашедъ назначенный маленькій покоецъ и въ немъ часового, попросилъ его, чтобъ онъ сказалъ, если войдетъ туда какой придворный лакей. И какъ мнѣ не долго было дожидаться его, то по просьбѣ моей и вызванъ былъ ко мнѣ Карлъ Ивановичъ. Онъ былъ какой-то изъ придворныхъ и, по всему видимому, такой, который могъ свободно входить во внутренніе царскіе чертоги, и не успѣлъ услышать отъ меня, чего генералу моему хочется, какъ сказалъ мнѣ: «Подождите, батюшка, немножко здѣсь, я тотчасъ схожу и провѣдаю».

И дѣйствительно, онъ, не болѣе какъ минутъ черезъ пять, опять ко мнѣ вышелъ и велѣлъ Корфу сказать, что государь занимался тогда разговорами съ господиномъ Волковымъ, тогдашнимъ штатсъ-секретаремъ и министромъ, и, какъ думать надобно, о дѣлахъ важныхъ, и что въ сей день врядъ-ли онъ будетъ свободнымъ, и притомъ былъ онъ во все утро не гораздо веселъ. Я привезъ извѣстіе сіе моему генералу и онъ былъ исправленіемъ порученной мнѣ коммиссіи очень доволенъ, и какъ въ самое то время докладывали ему, что былъ столъ готовъ, то сказалъ онъ мнѣ: «пойдемъ же, мой другъ, теперь и пообѣдаемъ, а тамъ поди себѣ отдыхать съ дороги, а ко мнѣ пріѣзжай уже завтра поутру».

Я нашелъ у него столъ, накрытый человѣкъ на двадцать, и множество людей въ залѣ его дожидающихся. Мы тотчасъ сѣли за столъ, и господинъ Балабинъ, сѣвши подлѣ меня, разсказалъ мнѣ обо всѣхъ тутъ бывшихъ. Были тутъ всѣ мои новые сотоварищи, или разные штатъ его составляющіе чиновники; были нѣкоторые полицейскіе офицеры, изъ коихъ поперемѣнно всегда бывалъ одинъ при генералѣ и ѣзжалъ всюду и всюду ординарцемъ и служилъ для разсылокъ по полицейской части; были нѣкоторые кирасирскіе полку его офицеры; были иностранцы, коихъ содержалъ генералъ на своемъ почти коштѣ, были и посторонніе; и я узналъ, что генералъ жилъ тогда въ Петербургѣ, хотя далеко не такъ пышно и весело, какъ въ Кёнигсбергѣ, но столъ былъ у него всегда открытый

и хорошій, и всегда накрывался приборовъ на двадцать и болѣе, несмотря хотя когда генералъ не обѣдалъ дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, или во дворцѣ у государя.

По окончаніи стола, какъ скоро генералъ ушелъ въ свою спальню для отдохновенія, а мы всѣ остались еще въ залѣ, то обступили меня всѣ, штатъ генеральскій составляющіе, и г. Балабинъ, какъ пашъ генеральсъ-адъютантъ, разсказывалъ мнѣ обо всѣхъ, кто они таковы, и рекомендовалъ меня изъ нихъ каждому. Былъ тутъ нашъ оберъ-квартермистръ Лангъ, былъ оберъ-аудиторъ Ушаковъ, былъ генеральскій приватный секретарь Шульцъ, и наконецъ сотоварищъ мой, другой флигель-адъютантъ князь Урусовъ — всѣ они были люди совсѣмъ еще мнѣ незнакомые, но все люди добрые, ласковые, всѣ ласкалися ко мнѣ всячески, и всѣ старались со мною познакомиться. Я соотвѣтствовалъ имъ тѣмъ же и рекомендовалъ себя всякому въ дружбу.

Но ни съ кѣмъ я такъ скоро не познакомился и не сдружился, какъ съ помянутымъ генеральскимъ секретаремъ, господиномъ Шульцомъ. Былъ онъ человѣкъ молодой, хорошаго поведенія, и притомъ студировавшій въ университетахъ и довольно ученый.

Онъ не успѣлъ узнать, что я говорю по-нѣмецки и охотникъ къ наукамъ, какъ тотчасъ прилѣпился ко мнѣ, вступилъ со мною въ разные разговоры, повелъ меня въ свои комнаты, въ которыхъ онъ жилъ въ домѣ генеральскомъ, показывалъ мнѣ маленькую свою библіотечку, и увидѣвъ меня крайне любопытнымъ, и всѣ книги его, которыхъ таки-было довольно, съ великою жадностію пересматривающаго, предлагалъ мнѣ ее къ услугамъ и увѣрялъ, что онъ за удовольствіе почтетъ, если я всегда, когда мнѣ будетъ досужно, посѣщать его стану въ сихъ комнатахъ, и праздное время препровождать съ нимъ вмѣстѣ: чѣмъ я и доволенъ былъ въ особливости, и впослѣдствіи времени подружившись съ нимъ короче, и дѣйствительно всегда, когда мнѣ только было можно, ухаживалъ къ нему, и тамъ съ лучшимъ удовольствіемъ провождалъ время, нежели въ передней генеральской, гдѣ мы обыкновенно сиживали, дожидаясь ежеминутно повелѣній отъ генерала, и нерѣдко въ праздности, не безъ скуки и зѣваючи, время по нѣсколько часовъ иногда провождали.

Изъ всѣхъ нашихъ штатскихъ, сей секретарь жилъ только одинъ въ генеральскомъ домѣ, а прочіе всѣ также, какъ и я, стояли на своихъ квартирахъ; для него же отведены были два покойца на другомъ концѣ дома, который и весь былъ не слишкомъ великъ, поземный деревянный, и стоялъ на берегу рѣки Мойки, въ недальнемъ разстояніи отъ тогдашняго дворца. Что касается до сего императорскаго дома, то былъ тогда также деревянный и не весьма хотя высокій, но довольно просторный и обширный, со многими и разными флигелями. Но дворецъ сей былъ не настоящій и построенный на берегу Мойки, подлѣ самаго полицейскаго моста, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ нынѣ огромный и великолѣпный домъ для дворянскаго собранія или клуба. Онъ былъ временный и построенъ тутъ для пребыванія императорской фамиліи на то только время, покуда строился тогда большой Зимній Дворецъ, подлѣ адмиралитетства, на берегу Невы рѣки, который, существуя и по нынѣ, былъ обиталищемъ великой Екатерины, и который тогда только-что отстроивался, и говорили, что государь намѣренъ былъ вскорѣ переходить въ оный.

Въ семъ-то деревянномъ дворцѣ препроводила послѣдніе годы жизни своей и скончалась покойная императрица Елисавета Петровна.

О кончинѣ ея носились тогда разные слухи, и были люди, которые сомнѣвались и не вѣрили тому, чтобъ сдѣлавшаяся у ней и столь жестокая рвота съ кровью была натуральная, но приписывали ее нѣкакому сокровенному злодѣйству, и подозрѣвали въ томъ какъ-то короля прусскаго, доведеннаго послѣдними го-

дами войны до такой крайности и изнеможенія, что онъ не былъ болѣе въ состояніи продолжать войну и полугодичное время, еслибъ мы по прежнему имѣли въ ней соучастіе. Письмо друга его, маркиза д'Аржанса, писанное къ нему въ то время, когда находился онъ въ рукахъ нашихъ, и то таинственное изреченіе въ ономъ, что голанскому посланнику, случившемуся тогда быть въ Берлинѣ, удалось сдѣлать ему королю такую услугу, за которую ни онъ, ни всѣ потомки его не въ состояніи будутъ ему довольно возблагодарить, и увѣдомленіе о которой не можетъ онъ ввѣрить бумагѣ, — было для многихъ неразрѣшимою загадкою и подавало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Но единому Богу извѣстно, справедливы ли были всѣ сіи подозрѣнія, или совсѣмъ были неосновательны.

Но какъ бы то ни было, но мы лишились монархини сей не при старыхъ еще ея лѣтахъ, и прежде нежели всѣ мы думали и ожидали. И какъ она была государыня кроткая, милостивая и человѣколюбивая и всѣхъ подданныхъ своихъ какъ мать любила, а сверхъ того и во все почти двадцатилѣтнее время благополучнаго ея царствованія, Россія наслаждалась вожделѣннѣйшимъ миромъ и благоденствіемъ, то и сама любима была искренно всѣми ея подданными и не было никого изъ нихъ, кто-бъ не жалѣлъ о ея рановременной кончинѣ. Самые иностранные почитали ее и писатели ихъ приписывали ей многія похвалы и описывали характеръ ея слѣдующими чертами:

«Роста была она, говорили они, нарочито высокаго и станъ имѣла пропорціональный, видъ благородный и величественный; лицо имѣла она круглое, съ пріятною и милостивою улыбкою, цвѣтъ лица бѣлый и живой, прекрасные голубые глаза, маленькій ротъ, алыя губы, пропорціональную шею, но нѣсколько толстоватыя длани, а руки прекрасныя. Когда случалось ей одѣваться въ мужское платье, что обыкновенно дѣлывала она въ день учрежденія своей гвардіи, то представляла собою очень красиваго и статнаго мужчину, имѣющаго героическую походку, сидящаго прекрасно на лошади и танцующаго съ пріятностію. Внутреннія ея душевныя дарованія были не менѣе благородны и изящны. Она имѣла живой и проницательный умъ и столь хорошій разсудокъ, что обо всемъ могла говорить съ основательностію и охотно разговаривала. Кромѣ природнаго своего языка, говорила и она разными иностранными, въ особливости же могла хорошо изъясняться на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, а разумѣла и италіанскій. О благоразумномъ и осторожномъ поведеніи ея свидѣтельствуютъ поступки ея тогда, когда была она, по кончинѣ императора Петра II, исключена отъ наслѣдства. Благоразуміе ея подкрѣплялось мужественнымъ постоянствомъ и героическою смѣлостію. Она знала, какъ по правиламъ правосудія наказывать виновныхъ, такъ по правиламъ благоразумія прощать оныхъ, а невинныхъ избавлять отъ наказанія. Религія производила въ ней глубокія впечатлѣнія собою. Она была набожна безъ лицемѣрства и уважала много публичное богослуженіе. Одежда ея и убранствы, также ея пиршествы, изъявляли хорошій ея вкусъ. Она любила науки и художествы, а особливо музыку и живописное искуство, и потому собрала множество наипрекраснѣйшихъ картинъ. Великодушіе ея сердца и признательность къ вѣрнымъ ея служителямъ не могъ никто довольно выхвалить. Коротко, она была образцовая монархиня, въ которой соединены были всѣ свойствы великой государыни и правительницы, хвалы достойной».

Вотъ какими чертами изображали иностранные характеръ сей монархини. Изъ россіянъ же нѣкоторые приписывали ей уже болѣе слабости и мягкости въ правленіи, нежели сколько имѣть бы надлежало и утверждали, что отъ самаго того во время правленія ея вкралось въ государство множество всякаго рода злоупотребленій, и что нѣкоторыя изъ нихъ пустили столь глубокіе коренья, что и помочь тому и истребить ихъ было уже

трудно, что отчасти нѣкоторымъ образомъ было и справедливо, а особливо относительно до послѣднихъ годовъ ея правленія.

Но какъ бы то ни было, но сожалѣніе о кончинѣ ея было всеобщее, и тѣмъ паче, что всѣ какъ-то не великую надежду возлагали на ея наслѣдника, и ожидали отъ него не столько добра, сколько непріятнаго, что, къ истинному сожалѣнію, и дѣйствительно оказалось.

Впрочемъ, по кончинѣ и спустя дней двадцать и погребена была она со всею подобающею и приличною такой великой монархини пышною церемоніею, въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ покоился прахъ великаго ея родителя; однако я всего того уже не засталъ и все сіе было уже кончено прежде, нежели я доѣхалъ до Петербурга.

Теперь слѣдовало бы мнѣ сказать вамъ, что-нибудь и о тогдашнемъ новомъ нашемъ государѣ и ея наслѣдникѣ и прежде продолженія моей исторіи изобразить хотя вскользь характеръ и сего монарха, а потомъ хотя вкратцѣ пересказать вамъ то, что происходило въ Петербургѣ со времени начала вступленія на престолъ его до моего пріѣзда; но какъ матеріи сей наберется на цѣлое особое письмо, а сіе достигло уже до обыкновенной своей величины, то отложилъ я то до письма будущаго, а теперешнее окончу, сказавъ, вамъ что я есмь, и прочая.

Письмо 92-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что хотѣлъ вамъ пересказать все то, что извѣстно было мнѣ о характерѣ новаго тогдашняго нашего императора, и о произшествіяхъ, бывшихъ до пріѣзда моего въ Петербургъ. И какъ все сіе нѣкоторымъ образомъ нужно для объясненія послѣдующаго описанія моей исторіи, то и приступлю теперь къ сему описанію.

Всѣмъ извѣстно, что былъ сей государь хотя и внукъ Петра Великаго, но не природной россіянинъ, но рожденный отъ дочери его Анны Петровны, бывшей въ замужствѣ за голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, въ Голштиніи, и воспитанный въ лютеранскомъ законѣ, слѣдовательно былъ природою нѣмецъ, и назывался сперва Карломъ-Петромъ Ульрихомъ.

Сей голштинскій принцъ былъ еще въ 1742 году, и когда было ему только 14 лѣтъ отъ рожденія, признаваемъ наслѣдникомъ шведскаго и россійскаго престола, и получалъ уже отъ Швеціи титулъ королевскаго высочества. Но какъ императрица Елисавета, будучи незамужнею, не имѣла никакого наслѣдника, а сей принцъ былъ родной ея племянникъ, то избравъ и назначивъ его по себѣ наслѣдникомъ, выписала его еще вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ изъ Голштиніи, и онъ былъ еще тогда привезенъ къ намъ въ Россію. Тутъ, по принятіи греческаго закона, названъ онъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, и вскорѣ потомъ, а именно въ 1744 году, совокупленъ бракомъ на выписанной также изъ Германіи, нѣмецкой ангалтъ-цербской принцессѣ Софіи Августы, названною потомъ Екатериною Алексѣевною, отъ котораго супружества имѣлъ онъ уже въ живыхъ одного только, рожденнаго въ 1754 году, сына Павла.

По особливому несчастію случилось такъ, что помянутый принцъ, будучи отъ природы неслишкомъ хорошаго характера, былъ и воспитанъ еще въ Голштиніи не слишкомъ хорошо, а по привезеніи къ намъ въ дальнѣйшемъ воспитаніи и обученіи его сдѣлано было приставами къ нему великое упущеніе; и потому съ самаго малолѣтства заразился уже онъ многими дурными свойствами и привычками и возросъ съ нарочито уже испорченнымъ нравомъ. Между сими дурными его свойствами было по несчастію его наиглавнѣйшимъ то, что онъ какъ-то не любилъ россіянъ и пріѣхалъ уже къ нимъ власно, какъ со врожденною къ нимъ ненавистью и презрѣніемъ; и какъ былъ онъ такъ неостороженъ, что не могъ того и сокрыть отъ окружающихъ его, то са-

мое сіе и сдѣлало его съ самаго пріѣзда уже непріятнымъ для всѣхъ нашихъ знатнѣйшихъ вельможъ и онъ вперилъ въ нихъ къ себѣ нестолько любви, сколько страха и боязни. Все сіе и неосторожное его поведеніе и произвело еще при жизни императрицы Елисаветы многихъ ему тайныхъ недруговъ и недоброхотовъ, и въ числѣ ихъ находились и такіе, которые старались уже отторгнуть его отъ самаго назначеннаго ему наслѣдства. Чтобъ надежнѣе успѣть имъ въ своемъ намѣреніи, то употребляли они къ тому разныя пути и средствы. Нѣкоторые старались умышленно, не только поддерживать его въ невоздержностяхъ всякаго рода, но заводить даже въ новыя, дабы тѣмъ удобнѣе недопускать его заниматься государственными дѣлами и увеличивали ненависть его къ россіянамъ до того, что онъ даже не въ состояніи былъ и скрывать оную предъ людьми. Къ вящему несчастію не имѣлъ онъ съ малолѣтства никакой почти склонности къ наукамъ и не любилъ заниматься ничѣмъ полезнымъ, а что и того было хуже, не имѣлъ и къ супругѣ своей такой любви, какая бы быть долженствовала, но жилъ съ нею не весьма согласно. Ко всему тому совокупилось еще и то, что какимъ-то образомъ случилось ему сдружиться по заочности съ славившимся тогда въ свѣтѣ королемъ прусскимъ и заразиться къ нему непомѣрною уже любовью и не только почтеніемъ, но даже подобострастіемъ самымъ. Многіе говорили тогда, что помогло къ тому много и вошедшее въ тогдашнія времена у насъ въ сильное употребленіе масонство. Онъ введенъ былъ какъ-то льстецами и сообщниками въ невоздержностяхъ своихъ въ сей орденъ, а какъ король прусскій былъ тогда, какъ извѣстно, грандъ-метромъ сего ордена, то отъ самаго того и произошла та отмѣнная связь и дружба его съ королемъ прусскимъ, поспѣшествовавшая потомъ такъ много его несчастію и самой пагубѣ. Что молва сія была несовсѣмъ несправедлива, въ томъ случилось мнѣ самому удостовѣриться. Будучи еще въ Кёнигсбергѣ и зашедъ однажды предъ отъѣздомъ своимъ въ домъ къ лучшему тамошнему переплетчику, засталъ я нечаянно тутъ цѣлую шайку тамошнихъ масоновъ и видѣлъ собственными глазами поздравительное къ нему письмо, писанное тогда ими именемъ всей тамошней масонской ложи; а что съ королемъ прусскимъ имѣлъ тогда онъ тайное сношеніе и переписку, производимую чрезъ нашего генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлингшу, и что отъ самого того отчасти происходили и въ войнѣ нашей худые успѣхи, о томъ намъ всѣмъ было по слухамъ довольно извѣстно; а наконецъ подтверждало сіе нѣкоторымъ образомъ и то, что повсемѣстная молва, что наслѣдникъ былъ масономъ, побуждала тогда весьма многихъ изъ нашихъ вступать въ сей орденъ и у насъ никогда такъ много масоновъ не было, какъ въ тогдашнее время.

Но какъ бы то ни было, но всѣмъ было извѣстно, что онъ отмѣнно любилъ и почиталъ короля прусскаго. А сія любовь, соединясь съ разстройкою его нрава и вкоренившеюся глубоко въ сердцѣ его ненавистію къ россіянамъ, произвела то, что онъ при всякихъ случаяхъ хулилъ и порочилъ то, что ни дѣлала и не предпринимала императрица и ея министры. И какъ государыня сія съ самаго уже начала прусской войны сдѣлалась какъ-то нездорова и подвержена была частымъ болѣзненнымъ припадкамъ и столь сильнымъ, что не одинъ разъ начинали опасаться о ея жизни, то неусумнился онъ изъявлять даже публично истинное свое расположеніе мыслей и даже до того позабывался, что при всѣхъ такихъ случаяхъ, когда случалось нашей арміи или союзникамъ нашимъ претерпѣвать какой-нибудь уронъ или потерю, изъявлялъ онъ первый мнимое сожалѣніе свое министрамъ крайне насмѣхательнымъ образомъ. Легко можно заключить, что таковыя насмѣшки его и шпыняньи непріятны были какъ министрамъ нашимъ, такъ и всѣмъ россіянамъ, до которыхъ доходилъ слухъ объ ономъ, и что таковое поведе-

ніе наслѣдника престола производило въ нихъ боязнь и опасеніе, чтобъ не произошли отъ того въ то время печальныя слѣдствія, когда вступитъ онъ въ правленіе и получитъ власть безпредѣльную.

Опасеніе сіе тѣмъ болѣе обезпокоивало нашихъ министровъ, что они предусматривали, что нѣкоторые изъ нихъ за недоброхотство свое къ нему будутъ жестоко отъ него тогда наказаны, а сіе и побудило нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстить императрицу обо всемъ безпорядочномъ житьѣ и поведеніи ея племянника, о маломъ его стараніи учиться наукѣ правленія и о ненависти его къ россійскому народу, и довели императрицу до того, что велѣно было отлучить его отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и недопускать болѣе въ конференцію, или тогдашній государственный совѣтъ. И какъ чрезъ то не оставалось ему ничего другого дѣлать, какъ заниматься своими веселостьми, то и дѣлался онъ къ правленію отчасу неспособнѣйшимъ. Итакъ, при сихъ обстоятельствахъ было ему совсѣмъ и невозможно узнать самыя фундаментальныя правила государственнаго правленія и недоброхотство министровъ къ нему было такъ велико, что они перемѣнили даже весь штатъ при дворѣ его и отлучили всѣхъ прилѣпившихся къ нему слишкомъ; такъ, что любимцы его подвергались тогда великой опасности, а все дозволенное ему состояло въ томъ, что онъ выписалъ нѣсколько своихъ голстинскихъ войскъ и въ подаренномъ ему отъ императрицы Ораніенбаумскомъ замкѣ занимался экзерцированіемъ оныхъ и каждую весну и лѣто препровождалъ въ сообществѣ молодыхъ и распутныхъ офицеровъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ министры наши ни старались внушить императрицѣ недовѣріе къ ея племяннику, и какъ ни представляли, что отъ него совершеннаго опроверженія всей россійской монархіи должно было ожидать и опасаться, но она не хотѣла никакъ согласиться на то, чтобъ исключить его отъ наслѣдства, но наказывала еще старающихся его отъ наслѣдства отторгнуть и предпринимающихъ что-нибудь противъ его, безъ ея вѣдома и соизволенія. Достопамятное и всю Россію крайнимъ изумленіемъ поразившее паденіе бывшаго тогда великимъ канцлеромъ и первымъ государственнымъ министромъ графа Бестужева, министра всѣми хвалимаго и всею Европою высоко почитаемаго и даже всѣми иностранными дворами уважаемаго, было тому примѣромъ и доказательствомъ. Онъ палъ при началѣ войны прусской, лишенъ былъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ и сосланъ въ ссылку въ Сибирь(?) какъ величайшій государственный преступникъ. Въ тогдашнее время никто не зналъ истинной несчастія его причины, и не могли всѣ тому довольно надивиться; но послѣ узнали вскорости, что сей министръ, предусматривая малую способность наслѣдника къ правленію государственному и примѣтивъ крайнее отвращеніе его отъ нашей россійской религіи и всѣ прочія его дурныя качествы и свойствы, затѣвалъ, составивъ подложную духовную, исключить отъ престола законнаго наслѣдника и доставить корону императорскую малолѣтному еще тогда его сыну, съ тѣмъ, чтобъ до совершеннаго возраста его, управляла государствомъ его мать, съ нѣкоторыми изъ вельможъ знаменитѣйшихъ и сенаторовъ, которые были къ тому именно и назначены. И какъ все сіе какимъ-то случаемъ было императрицею узнано и открыто, то и излила она за то гнѣвъ свой на Бестужева, и какъ выше упомянуто, наказала его за дерзость лишеніемъ всѣхъ чиновъ и ссылкою.

Такимъ образомъ и осталось все на прежнемъ основаніи до самой кончины императрицыной, и она, какъ ни ласкалась надеждою, что наслѣдникъ ея современемъ исправится и сдѣлается лучшимъ, но онъ продолжалъ безпрерывно жить и вести себя по прежнему и провождать время свое, въ сообществѣ окружавшихъ его льстецовъ и распутныхъ людей, въ невоздержностяхъ всякаго рода, и вступилъ наконецъ на престолъ съ непомѣрною приверженностію къ королю прусскому, съ обожаніемъ всѣхъ

его обыкновеній и обрядовъ, а особливо военныхъ, съ крайнимъ отвращеніемъ къ греческому исповѣданію вѣры, съ ненавистью и презрѣніемъ ко всѣмъ россіянамъ и съ дурнымъ, извращеннымъ сердцемъ.

Совсѣмъ тѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ, произведеннымъ имъ въ первые мѣсяцы его правленія, о которыхъ упомянется ниже, можно было судить, что онъ отъ натуры не таковъ былъ дуренъ, но имѣлъ сердце наклонное къ добру и такое, что могъ бы онъ быть добродѣтельнымъ, если-бъ не окруженъ былъ злыми и негодными людьми, развратившими его совсѣмъ, и когдабъ по несчастію не предался онъ уже слишкомъ всѣмъ порокамъ и не послѣдовалъ внушаемымъ въ него злымъ совѣтамъ, болѣе, нежели сколько надобно было.

Сіи негодные люди довели его наконецъ до того, что онъ сталъ подозрѣвать въ вѣрности къ себѣ свою супругу. Они увѣрили его, что она имѣла соучастіе въ Бестужевскомъ умыслѣ, а потому съ самаго того времени и возненавидя онъ свою супругу, сталъ обходиться съ нею съ величайшею холодностію и слюбился напротивъ того съ дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашняго великаго канцлера, Елисаветою Романовною, прилѣпясь къ ней такъ, что не скрывалъ даже ни предъ кѣмъ непомѣрной къ ней любви своей, которая даже до того его ослѣпила, что онъ не восхотѣлъ отъ всѣхъ скрыть ненависть свою къ супругѣ и къ сыну своему, и при самомъ еще вступленіи своемъ на престолъ сдѣлалъ ту непростительную погрѣшность и съ благоразуміемъ совсѣмъ несогласную неосторожность, что въ изданномъ первомъ отъ себя манифестѣ, не только не назначилъ сына своего по себѣ наслѣдникомъ, но не упомянулъ объ немъ ни единымъ словомъ.

Не могу изобразить, какъ удивилъ и поразилъ тогда еще сей первый его шагъ всѣхъ россіянъ, и сколь ко многимъ негодованіямъ и разнымъ догадкамъ и сужденіямъ подалъ онъ поводъ. Но всеобщія негодованія сіи увеличились еще болѣе, когда тотчасъ потомъ стали разсѣваться повсюду слухи и достигать до самаго подлаго народа, что государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ и поступкамъ, и что онъ не только съ помянутою Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время; но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ и непогребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые нимало недостойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ императоромъ, какъ напримѣръ: итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами, изъ которыхъ многія, приобрѣтя себѣ великое богатство, вытащили потомъ съ собою изъ государства въ свое отечество; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ въявь обо всемъ и обо всемъ, и даже о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ.

Все сіе и предпринимаемое въ самое тоже время скорое и дружное перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ, а особливо преобразованіе всего войска и передѣлываніе всего, до воинской службы относящагося, на прусскій манеръ, иявно оказуемая къ тогдашнему нашему непріятелю, королю прусскому, приверженность и безпредѣльное почтеніе и ко всему прусскому уваженіе, приводило всѣхъ въ неописанное изумленіе и негодованіе; и я не знаю, что воспослѣдовало-бъ уже и тогда, еслибъ неподдержалъ онъ себя нѣсколько оказанными въ первые дни своего правленія, нѣкоторыми важными милостьми и благотворительствами.

Первѣйшею и наиглавнѣйшею милостію изо всѣхъ было прежде уже упомянутое освобожденіе всего россійскаго

дворянства изъ прежде бывшей неволи и дарованіе оному навсегда совершенной вольности, съ дозволеніемъ ѣздить всякому, по произволенію своему, въ чужія земли и куда кому угодно. Великодушное сіе дѣяніе толико тронуло все дворянство, что всѣ неописанно тому обрадовались, и весь сенатъ, преисполнясь радостію, приходилъ именемъ всего дворянства благодарить за то государя, и удовольствіе было всеобщее и самое искреннее. Другое и не менѣе важное благотворительство состояло въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю нашу и толь великій страхъ на всѣхъ наводившую и такъназываемую тайную канцелярію, и запретилъ всѣмъ кричать по прежнему «слово и дѣло», и подвергать чрезъ то безчисленное множество невинныхъ людей въ несчастія и напасти. Превеликое удовольствіе учинено было и симъ всѣмъ россіянамъ, и всѣ они благословляли его за сіе дѣло.

Далѣе восхотѣлъ-было онъ, для пресѣченія всѣхъ злоупотребленій, господствующихъ у насъ въ судахъ и расправахъ, по причинѣ уже умножившихся слишкомъ указовъ и перепутавшихся законовъ, велѣть сочинить и издать новое уложеніе по образцу прусскаго, и сенатъ велѣлъ-было уже и переводить такъназываемое «Фридрихово уложеніе», но какъ дѣло сіе препоручено было людямъ неискуснымъ и неопытнымъ, то и не возъимѣло оно тогда успѣха.

Кромѣ сего, приказалъ онъ освободить изъ неволи бывшаго въ Сибири, въ ссылкѣ, славнаго Миниха, бывшаго нѣкогда у насъ фельдмаршаломъ и побѣдителемъ туроkъ и татаръ и привезти его съ сыномъ въ Петербургъ. Сей великій воинъ и министръ, препроводивъ цѣлыя двадцать лѣтъ въ отдаленныхъ сибирскихъ предѣлахъ въ бѣдности, нуждѣ и неволѣ, былъ въ сіе время уже очень старъ, и какъ мнѣ исторія его была извѣстна, и онъ привезенъ былъ въ Петербургъ уже при мнѣ, то смотрѣлъ я на сего почтеннаго старца съ превеликимъ любопытствомъ, и не могъ довольно насмотрѣться.

Сими и нѣкоторыми другими благотворительностями началъ-было сей государь вперять о себѣ лучшія мысли въ своихъ подданныхъ, и всѣ начали-было ласкаться надеждою нажить въ немъ современемъ государя добраго; но послѣдовавшія за симъ другія и нимало съ сими несообразныя дѣянія, скоро въ нихъ сію надежду паки разрушивъ, увеличили въ нихъ ропотъ и негодованіе къ нему еще болѣе.

Къ числу сихъ принадлежало наиглавнѣйше то, съ крайнею неосторожностію и неблагоразуміемъ сопряженное дѣло, что онъ вознамѣрился-было перемѣнить совсѣмъ религію нашу, къ которой оказывалъ особливое презрѣніе. Начало и первый приступъ къ тому учинилъ онъ изданіемъ указа, объ отобраніи въ казну у всѣхъ духовныхъ и монастырей всѣ ихъ многочисленныя волости и деревни, которыми они до сего времени владѣли, и объ опредѣленіи архіереямъ и прочему знатному духовенству жалованья, также о непостриженіи никого вновь въ монахи ниже тридцати-лѣтняго возраста. Легко можно всякому себѣ вообразить, каково было сіе для духовенства и какой ропотъ и негодованіе произвело во всемъ ихъ корпусѣ; всѣ почти въявь изъявляли крайнюю свою за сіе на него досаду, а вскорѣ послѣ сего изъявилъ онъ и всѣ мысли свои въ пространствѣ, чрезъ призваніе къ себѣ первенствующаго у насъ тогда архіерея Дмитрія Сеченова и приказаніе ему, чтобъ изъ всѣхъ образовъ, находящихся въ церквахъ, оставлены были въ нихъ одни изображающіе Христа и Богородицу, а прочихъ бы не было; также, чтобъ всѣмъ попамъ предписано было бороды свои обрить и, вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ, носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, въ какое изумленіе повергло сіе приказаніе архіепископа Дмитрія. Сей благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію таковаго всего меньше ожи-

даемаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что государь неиное что имѣлъ тогда въ намѣреніи своемъ, какъ премѣненіе религіи во всемъ государствѣ и введеніе лютеранскаго закона. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знаменитѣйшему духовенству, и хотя сіе притомъ только одномъ до времени осталось, но произвело уже во всѣхъ духовныхъ великое на него неудовольствіе, поспѣшествовавшее потомъ очень много къ бывшему перевороту.

Таковое-жъ негодованіе во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ и тѣмъ, что съ самаго того часа, какъ скончалась императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непомѣрной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстнѣ безпрерывно, а другой, большой, повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у пруссаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми россійскими. А всѣмъ тѣмъ неудовольствуясь, восхотѣлъ перемѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ, и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленыхъ, подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, и такимъ покроемъ, какимъ шьются у пруссаковъ оные.

Наконецъ и самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, несмотря, какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войски, но и огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, а особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе.

Но ничѣмъ онъ такъ много всѣхъ россіянъ не огорчилъ, какъ отступленіемъ отъ всѣхъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, и скорымъ всего меньше всѣми ожидаемымъ перемиріемъ, заключеннымъ съ королемъ прусскимъ. Сіе перемиріе заключено было уже вскорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Кёнигсберга, въ померанскомъ мѣстечкѣ Старгардѣ, и подписано марта 16-го дня, съ прусской стороны стетинскимъ губернаторомъ принцомъ Бевернскимъ, а съ нашей, по повелѣнію его, генераломъ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ, и заключено съ такою скоростію, что самые начальники арміи ничего о томъ не знали, покуда все было уже кончено.

Нельзя изобразить, какой чувствительный ударъ сдѣланъ былъ тѣмъ всѣмъ нашимъ союзникамъ, и какъ разрушены и разстроены были тѣмъ всѣ ихъ планы и намѣренія, а крайне недовольны были тѣмъ и всѣ россіяне. Они скрежетали зубами отъ досады, предвидя по сему преддверію мира, что мы лишимся всѣхъ плодовъ, какіе могли-бъ пожать чрезъ столь долговременную, тяжкую, многокоштную и кровопролитную войну, и лишимся всей пріобрѣтенной оружіемъ своимъ славы. Вся Пруссія была тогда завоеванною и присягнула уже покойной императрицѣ въ подданство.

Кольбергъ и многія другія мѣста были въ рукахъ нашихъ и вся почти Померанія занята была нашими войсками; а тогда предусматривали всѣ, что мы все сіе отдадимъ обратно, и за всѣ свои труды, кошты и уроны въ людяхъ и во всемъ, кромѣ единаго стыда и безславія, не получимъ ни малѣйшей награды. А какъ въ помянутомъ перемиріи и заключенномъ трактатѣ, между прочимъ, упомянуто было, что находившійся при цесарской арміи нашъ корпусъ, подъ командою графа Чернышова, немедленно долженствовалъ отъ цесарцевъ отойтить прочь и возвратиться чрезъ прусскія земли къ нашей арміи, то всѣ опасались, чтобъ не поступлено было далѣе, и изъ уваженія къ королю прусскому, не только сему корпусу, но и всей нашей арміи не повелѣно-бъ было соединиться съ прусскою.

Все сіе смущало и огорчало всѣхъ истинныхъ патріотовъ и во всѣхъ россіянахъ производило явный почти ропотъ и неудовольствіе; а какъ нерадовало ихъ и все прочее ими видимое и до ихъ слуха доходящее, а особливо слухи о вышеупомянутомъ безпорядочномъ и постыдномъ поведеніи государевомъ, то сіе еще болѣе умножало внутреннее негодованіе народа, оказуемое ко всѣмъ дѣламъ и поступкамъ государя.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла и все прочее въ Петербургѣ, въ то время, какъ я въ него пріѣхалъ. Я нашелъ весь городъ, вмѣсто прежней тишины, мира и спокойствія, власно какъ въ нѣкакомъ треволненіи, шумѣ и безпокойствіи. Ежедневное мунстрованіе и марширование по всѣмъ улицамъ войскъ, скачка каретъ и верхами разнаго рода людей, и бѣганіе самаго народа, придавало ему такую живость, въ какой его никогда не только я, но и никто до того не видывалъ.

И въ Петербургѣ во всемъ и во всемъ произошло столько перемѣнъ, и всѣ обстоятельствы такъ измѣнились, что истинно казалось, что мы тогда дышали и воздухомъ совсѣмъ инымъ, новымъ и намъ необыкновеннымъ, и въ самомъ даже существѣ нашемъ чувствовали власно какъ нѣчто новое и отъ прежняго отмѣнное.

Но я заговорился уже обо всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и произшествіяхъ, такъ, что удалился совсѣмъ отъ своей исторіи; почему, предоставя продолженіе оной письму послѣдующему, теперешнее кончу, сказавъ вамъ что я есмь... и прочее.

Письмо 93-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь теперь къ исторіи моей, скажу вамъ, что на другой день послѣ пріѣзда моего, пріѣхалъ я къ генералу своему, уже совсѣмъ готовымъ къ отправленію моей должности, то-есть одѣтымъ, причесаннымъ по тогдашнему манеру, распудреннымъ, и уже въ шпорахъ и на лошади, съ завороченными полами.

Генерала нашелъ я уже опять одѣвающимся и слушающаго дѣла, читаемыя передъ нимъ секретаремъ полицейскимъ. Не успѣлъ я войтить къ нему, какъ осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, сказалъ онъ: «Ну, вотъ, хорошо! одѣвайся всегда такъ-то и какъ можно чище и опрятнѣе; у насъ нынѣ любятъ отмѣнно чистоту и опрятность, и чтобъ было на человѣкѣ все тѣсно, узко и обтянуто плотно. Но о мундирцѣ-то надобно тебѣ постараться, чтобъ у тебя былъ и другой и новый. Хорошъ и этотъ, но этотъ годится только запросто носить и ѣздить въ немъ со мною въ будни, а для торжественныхъ дней и праздниковъ надобенъ другой. Видѣлъ ли ты наши новые мундиры?»—Нѣтъ еще! отвѣчалъ я. —«Такъ посмотри ихъ», подхватилъ генералъ. «Они уже совсѣмъ не такіе, а бѣлые, съ нашивками и аксельбандомъ. Иванъ Тимоѳеевичъ тебѣ ихъ покажетъ, поговори съ нимъ. Онъ тебѣ скажетъ, гдѣ тебѣ все нужное достать, и гдѣ заказать его сдѣлать; только надобно, чтобъ къ наступающей Святой недѣлѣ былъ онъ у тебя готовъ и со всѣмъ приборомъ. Сходи къ нему, и теперь-же посмотри, а тамъ приходи опять сюда, и будь готовъ въ залѣ, не вздумается ли мнѣ тебя куда послать. И пріѣзжай ты ко мнѣ всегда, какъ можно поранѣе!»—Хорошо, сказалъ я, и хотѣлъ-было выттить. «Но лошадь-то есть ли у тебя? спросилъ еще генералъ, и хороша ли?»—Есть! отвѣчалъ я, и, кажется, изрядная. — У меня и подлинно была одна лошаденка довольно изрядная. «Ну! хорошо-жъ, мой другъ! поди же къ Балабину. Онъ тебѣ разскажетъ и о томъ, въ чемъ состоять должна и должность твоя».

Господинъ Балабинъ встрѣтилъ меня съ обыкновенною своею ласкою и благопріятствомъ.

— Ну, былъ ли ты у генерала? спросилъ онъ: — и являлся-ли къ нему? Надобно, братъ, привыкать тебѣ вставать и пріѣзжать сюда, какъ можно ранѣе. Генералъ самъ встаетъ у насъ рано, и не рѣдко разсылаетъ вашу братью, адъютантовъ и ординарцевъ своихъ, едва только проснувшись; такъ и надобно, чтобъ вы были уже готовы, и онъ любитъ это.

— Хорошо, сказалъ я: у генерала я уже былъ, и онъ послалъ меня къ вамъ, чтобъ вы мнѣ разсказали, въ чемъ должна состоять моя должность, и показали мнѣ мундиры новые, и показали, гдѣ мнѣ для себя заказать его сдѣлать.

— Изволь, изволь, мой другъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, усмѣхнувшись, но сядь-ко и напьемся напередъ чаю...

Между тѣмъ, какъ его подавали, продолжалъ онъ такъ:

— Что касается до должности, то она не мудреная: все дѣло въ томъ только состоитъ, чтобъ быть тебѣ всегда готовымъ для разсылокъ и ѣздить туда, куда генералъ посылать станетъ; а когда онъ со двора, такъ и ты долженъ ѣздить всюду съ нимъ подлѣ кареты его верхомъ, и быть всегда при боцѣ — вотъ и все... А мундирцы-то, посмотри-ка, братъ, у насъ какіе! — и велѣлъ слугѣ своему подать свой и показать мнѣ оный. Я ужаснулся, увидѣвъ его, и съ удивленіемъ возопилъ:

— Да что это за чертовщина, сколько это серебра на немъ, да, небось, онъ и Богъ знаетъ, сколько стоитъ?

— Да! таки стоитъ копѣйки, другой, третей, сказалъ онъ: — и сотняга рублей надобна.

— Что вы говорите? подхватилъ я, удивившись, и позадумался очень.

— Что? или онъ тебѣ слишкомъ дорогъ кажется? продолжалъ онъ:—но это еще слава Богу. Генералъ нашъ поступилъ еще съ милостью, выдумывая оный, а посмотрѣлъ бы ты у другихъ шефовъ какіе! еще и болѣе баляндрясовъ-то всякихъ нагорожено! Нынѣ у насъ всякой молодецъ на свой образецъ. Это, сударь, было бы тебѣ извѣстно и вѣдомо, мундиръ Корфова кирасирскаго полку, и какъ генералъ нашъ шефомъ въ ономъ, то должны и мы всѣ имѣть мундиръ такой же, и эти мундиры вскружили намъ всѣмъ головы всѣ. Дороговизна такая всему, что приступу нѣтъ; ты не повѣришь, чего эти бездѣльныя нашивочки и этотъ проклятый аксельбандъ стоитъ! За все лупятъ съ насъ мастеровые въ три-дорога, и все отъ поспѣшности только.

— Но гдѣжъ мнѣ все это достать, и кому велѣть сдѣлать? спросилъ я.

— Объ этомъ ты не заботься! сказалъ онъ:—эту коммиссію поручи уже ты мнѣ, мастера и мастерицы мнѣ всѣ уже знакомы; но вотъ вопросъ, есть ли у тебя деньги-то, и достаточно ли ихъ будетъ?

— То-то и бѣда-то! отвѣчалъ я:—деньги-то будутъ, ихъ пришлютъ ко мнѣ изъ Москвы, я писалъ уже объ нихъ, но теперь-то маловато, и врядъ ли столько наберется.

— Ну чтожъ! сказалъ онъ: — иное-то возьмемъ въ долгъ, иное-то господа мастеровые на насъ подождутъ, а за иное, гдѣ надобно, заплатимъ деньги, и буде мало, такъ пожалуй я тебя ссужу ими. Бери, братецъ, ихъ у меня сколько тебѣ ихъ надобно.

Я благодарилъ господина Балабина за дружеское его къ себѣ расположеніе, и просилъ уже постараться и заказать мнѣ мундиръ сдѣлать, какъ можно скорѣй, и получивъ отъ него обѣщаніе, пошелъ къ генералу ожидать его дальнѣйшихъ повелѣній въ залѣ.

Тутъ нашелъ я съѣхавшихся, между тѣмъ, и другихъ сотоварищей своихъ. Былъ то помянутый другой флигель-адъютантъ князь Урусовъ, и полицейскій дежурный офицеръ, исправляющій должность ординарца. Не успѣлъ я съ ними поздоровкаться и молвить слова два, три, объ одѣвающемся еще генералѣ, какъ сдѣлавшійся на улицѣ подъ окнами шумъ привлекаетъ насъ всѣхъ къ окнамъ, и какая же сцена представилась тогда глазамъ моимъ! Шелъ тутъ строемъ деташаментъ гвардіи, разряженный, распудренный, и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры и маршировалъ церемоніею.

Какъ зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ еще новое, и я не узнавалъ совсѣмъ гвардіи, то смотрѣлъ на шествіе сіе съ особливымъ любопытствомъ и любовался всѣмъ видѣннымъ; но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ, низенькій и толстенькій ста-

ричекъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною!... — Это что за человѣкъ? — спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня князя Урусова... надобно быть какому-нибудь генералу?... — «Какъ! отвѣчалъ мнѣ князь: развѣ вы не узнали! Это князь Никита Юрьевичъ!» —Князь Никита Юрьевичъ, удивясь, подхватилъ я: какой это? Неужели Трубецкой?

— «Точно такъ!»—отвѣчалъ мнѣ князь. —Что вы говорите!.. воскликнулъ я, еще болѣе удивившись. Господи помилуй! да какъ же это? Князь Никита Юрьевичъ былъ у насъ до сего генералъ-прокуроромъ и первѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ! да развѣ онъ нынѣ уже не тѣмъ?— «Никакъ, отвѣчалъ князь:—онъ и нынѣ не только тѣмъ же и такимъ же генералъ-прокуроромъ какъ былъ, но сверхъ того недавно пожалованъ еще отъ государя фельдмаршаломъ».

— Но умилосердитесь, государь мой! продолжалъ я далѣе, часъ отъ часу болѣе удивляясь, спрашивать: Какъ же это? я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнью своихъ ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили тогда, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа? — «О! отвѣчалъ мнѣ князь усмѣхаясь. Это было во время óно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ и больные, и небольные, и старички самые поднимаютъ ножки, и на ряду съ молодыми маршируютъ, и также хорошохонько топчутъ и мѣсютъ грязь какъ и солдаты. Вотъ видѣли вы сами. Нынѣ говорятъ: что когда носить на себѣ званіе подполковника гвардіи, такъ неси и службу, и отправляй и должность подполковничью во всемъ!» — Ну! нечего болѣе говорить!.. сказалъ я, изумившись, и не могъ тому надивиться...

— «Но вы еще и не то увидите! сказалъ князь: — поживите-ка съ нами и посмотрите на все и все у насъ, въ Петербургѣ!»

Выбѣжавшій отъ генерала камердинеръ его перервалъ тогда нашъ разговоръ. Онъ сказалъ намъ, что генералъ уже совсѣмъ готовъ и приказалъ подавать карету, а вскорѣ потомъ вышелъ и самъ онъ, и сказавъ мнѣ:

— «Ну, поѣдемъ-ка, мой другъ!» пошелъ садиться въ карету. Не успѣлъ онъ усѣсться въ каретѣ, какъ высунувшись въ окно, приказалъ мнѣ ѣхать, какъ тогда, такъ и ѣздить завсегда впредь, по лѣвую сторону его кареты, и такъ, чтобъ одна только голова лошади ровнялась съ дверцами кареты, и подтвердилъ, чтобъ я всячески старался ни впередъ далѣе не выдаваться, ни назади не отставать. Князь Урусовъ долженъ былъ ѣхать такимъ же образомъ по правую сторону, а полицейскій ординарецъ съ обоими своими, всегда ѣздившими за нами полицейскими драгунами, уже позади кареты.

По распоряженіи насъ симъ образомъ, и полетѣлъ нашъ генералъ по гладкимъ петербургскимъ мостовымъ, такъ что оглушалъ, ажно трескъ и стукъ отъ колесъ.

Цугъ у него былъ ямской, и самый добрый, и поелику былъ онъ генералъ-полицеймейстеръ, то и ѣзжалъ отмѣнно скоро, и временемъ даже вскачь самую, такъ что мы съ лошаденками своими едва успѣвали послѣдовать за нимъ. Мы заѣхали тогда на часокъ въ полицію, а потомъ объѣздили множество улицъ и заѣзжали съ генераломъ во многіе домы знаменитѣйшихъ тогда вельможъ, и пробывали въ оныхъ по небольшому только количеству минутъ.

Во всѣхъ ихъ генералъ ухаживалъ обыкновенно для свиданія съ хозявами во внутреннія комнаты, а мы всѣ оставались въ переднихъ и галанивали тутъ до обратнаго выхода генеральскаго, въ которое время разсказывалъ мнѣ князь Урусовъ о хозяевахъ тѣхъ домовъ и о томъ, какіе были они люди, и все, что объ нихъ было ему извѣстно.

Наконецъ, около двѣнадцатаго часа, поскакали мы всѣ во дворецъ, и подъѣхали уже не къ тому крыльцу, которое

мнѣ было извѣстно, а къ парадному, и это было въ первый разъ, что я былъ порядочнымъ образомъ во дворцѣ. Генералъ прошелъ прямо къ государю, во внутренніе его чертоги, а мы остались въ переднихъ анти-камерахъ и тамъ, гдѣ обыкновенно нашей братьи было зборище, и далѣе которыхъ насъ часовые уже не пускали.

Какъ тутъ надлежало намъ пробыть во все то время, безъ всякаго дѣла, покуда не выйдетъ опять генералъ, то восхотѣлъ товарищъ мой князь Урусовъ симъ временемъ воспользоваться и оказать мнѣ услугу.

— Не хотите ли? сказалъ онъ мнѣ, походить и посмотрѣть дворца и полюбопытствовать. Вы въ немъ никогда еще не бывали, такъ бы я васъ проводилъ всюду, куда только входить можно?

— Очень хорошо!—сказалъ я: и вы-бъ меня тѣмъ очень одолжили. А онъ сказавъ о томъ нашему товарищу, полицейскому офицеру и попросивъ его насъ кликнуть, въ случаѣ, ежели генералъ выйдетъ, взявъ меня за руку и повелъ показывать все достопамятное въ семъ временномъ обиталищѣ нашихъ монарховъ.

Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ я сіи царскіе чертоги и все встрѣчающееся въ нихъ съ моимъ зрѣніемъ. Мебели, люстры, обои, а особливо картины, приводили меня въ пріятное удивленіе и не рѣдко въ самые восторги.

Но нигдѣ я такъ не восхищался зрѣніемъ, какъ въ большой тронной залѣ, занимающей цѣлый и особый придѣланный съ боку ко дворцу флигель. Преогромная была то и такая комната, какой я до того нигдѣ и никогда еще невидывалъ. И хотя была она тогда и не въ приборѣ, а загромощена вся превеликимъ множествомъ большихъ и малыхъ картинъ, разстановленныхъ на полу, кругомъ стѣнъ оной, по случаю, что собирались ихъ переносить въ новопостроенный каменный Зимній дворецъ, но самое сіе и послужило еще болѣе къ моему удовольствію, ибо чрезъ то имѣлъ я случай всѣ ихъ тутъ видѣть, и могъ на досугѣ, сколько хотѣлъ, пересматривать и любоваться оными. А князь, товарищъ мой, разсказывалъ мнѣ о всѣхъ, о которыхъ ему что-нибудь особливое было извѣстно.

Будучи охотникомъ до живописи, смотрѣлъ я на всѣ ихъ съ крайнимъ любопытствомъ, и не могу изобразить, сколь великое удовольствіе онѣ мнѣ собою производили и какъ пріятно препроводилъ я болѣе часа времени въ семъ перебираніи и пересматриваніи оныхъ. Но ни что такъ меня не занимало, какъ послѣдніе портреты скончавшейся императрицы. Многіе изъ нихъ были еще неоконченные, другіе только въ половину намалеванные, а иные только что начатые, и одно только лицо на нихъ изображенное. Видно, что не угодны они были покойницѣ, или не совсѣмъ на ее походили, и по той причинѣ оставлены такъ. Князь показалъ мнѣ тотъ, который всѣхъ прочихъ почитался сходнѣйшимъ, и я смотрѣлъ на оный съ особливымъ любопытствомъ.

Наконецъ, должны мы были ихъ оставить съ покоемъ и возвратиться къ своему мѣсту, куда вскорѣ потомъ вышелъ къ намъ и генералъ, и сказалъ, что онъ останется тутъ обѣдать съ государемъ, приказалъ намъ ѣхать домой, и чтобъ отобѣдавъ тамъ, пріѣзжалъ бы я къ нему уже одинъ, въ три часа по полудни.

По пріѣздѣ въ домъ генеральскій, нашелъ я уже столъ набранный, и опять такое же многолюдство, какъ было и въ первый день. Всѣ, питающіеся столомъ генеральскимъ, были уже въ собраніи и дожидались только нашего пріѣзда. Мы тотчасъ сѣли за столъ, и какъ первенствующую роль игралъ тутъ тогда господинъ Балабинъ, какъ генеральсъ-адъютантъ и домоправитель генеральскій, то была намъ своя воля. Онъ у насъ хозяйствовалъ, а мы были какъ гости, и обѣдъ сей былъ для меня еще пріятнѣй перваго.

Сей случай познакомилъ меня еще болѣе со всѣми тутъ бывшими, и какъ всѣ они были умные и такіе люди, съ кото-

рыми было о чемъ говорить, то было мнѣ и не скучно. Наконецъ, дождавшись назначеннаго времени, поѣхалъ я опять во дворецъ, и не успѣлъ войтить въ прежнюю комнату, какъ вышелъ и генералъ, и отведя меня къ сторонѣ, сказалъ: «Съѣзди, мой другъ, къ Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову, поклонись ему отъ меня, и скажи, что я съ государемъ о извѣстномъ дѣлѣ говорилъ, и ему то вручилъ, о чемъ онъ уже знаетъ, и что государь принялъ то съ отмѣннымъ благоволеніемъ и очень милостиво, и былъ тѣмъ очень доволенъ».— Хорошо! ваше высокопревосходительство, сказалъ я и хотѣлъ-было иттить. — «Но знаешь ли ты, гдѣ онъ живетъ? спросилъ меня генералъ, остановивши: и найдешь ли домъ его?» — Найду, отвѣчалъ я, мнѣ указывали оный.— «Ну! хорошо же, продолжалъ генералъ, поѣзжай же, мой другъ, а оттуда проѣзжай уже прямо домой и дождавшись меня, скажи, что онъ тебѣ на сіе скажетъ». Сей Воронцовъ, къ которому я тогда былъ посланъ, игралъ въ сіе время великую ролю. Онъ былъ нашимъ канцлеромъ и первымъ государственнымъ министромъ и родной дядя фаворитки и любовницы государевой, и по всему тому, въ отмѣнной у него милости.

Къ нашему же генералу былъ онъ отмѣнно благосклоненъ и болѣе потому, что оба они были женаты на родныхъ сестрахъ и свояки между собою, и хотя нашъ генералъ и давно уже жены своей лишился, но дружба между ими продолжалась безпрерывно, и какъ огромный домъ сего вельможи, вмѣщающій въ себѣ нынѣ думу Мальтійскаго ордена, былъ мнѣ уже дѣйствительно извѣстенъ, то и поскакалъ я прямо въ оный. Меня провели тотчасъ, какъ скоро услышали, что я отъ Корфа, къ той комнатѣ, гдѣ онъ тогда находился, и безъ всякаго обо мнѣ доклада впустили въ оную.

Но тутъ какъ же я поразился, и въ какое неописанное пришелъ изумленіе, когда увидѣлъ комнату превеликую и въ ней многихъ людей, и старыхъ, и молодыхъ, сидящихъ въ разныхъ мѣстахъ подлѣ стѣнъ и ничего между собою не говорящихъ. Я сталъ тогда въ пень и сдѣлался сущимъ дуракомъ и болваномъ, не зная, кто изъ нихъ былъ хозяинъ, и къ кому мнѣ адресоваться; ибо надобно знать, что я господина Воронцова никогда еще до того не видывалъ и зналъ только, что онъ не молодъ. Но какъ тутъ было много такихъ, и всѣ одинаково одѣты, то и узнать хозяина было нѐ-почему и трудно. Истинно минуты двѣ стоялъ я власно какъ истуканомъ, не зная даже кому поклониться, и простоялъ бы, можетъ быть, и долѣ, еслибъ самъ хозяинъ, примѣтивъ мое недоумѣніе, не помогъ уже мнѣ выттить изъ онаго.— «Отъ кого ты, мой другъ, присланъ? спросилъ онъ, и кого тебѣ надобно?» — Отъ Николая Андреевича Корфа, сказалъ я.—Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ возопилъ:— «А! это конечно ко мнѣ; пожалуй, мой другъ, сюда поближе и скажи что такое?»

Я обрадовался сему и тѣмъ паче, что я никакъ не почиталъ его хозяиномъ, и смѣлѣе уже къ нему чрезъ всю горницу перебѣжавъ, почти тихомолкою то ему сказалъ, что мнѣ было приказано.

—«Ну! слава Богу! обрадуясь сказалъ онъ меня выслушавъ. Я очень, очень доволенъ! поблагодари мой другъ, отъ меня, Николая Андреевича, и скажи, что я не очень здоровъ, и не можно ли ему завтра поутру со мною повидаться?»— Очень хорошо, ваше сіятельство! сказалъ я и хотѣлъ-было иттить, но онъ остановилъ меня, говоря, чтобъ я немного погодилъ, что подаютъ горячее, и чтобъ я выпилъ у него чашку онаго.

А между тѣмъ, какъ чай подавали, распрашивалъ онъ меня, кто я таковъ, и давно ли нахожусь при Корфѣ? И какъ я ему все то сказалъ, то спросилъ онъ меня, не родня ли мнѣ былъ Тимоѳей Петровичъ; а услышавъ, что онъ былъ мнѣ отецъ, сказалъ, что онъ его зналъ довольно коротко и что былъ онъ очень добрый человѣкъ! Слова сіи произвели въ душѣ моей превеликое удовольствіе, и я возблагодарилъ ему за нихъ низкимъ поклономъ.

Исправивъ сію коммиссію и пріѣхавъ въ домъ генеральскій, не нашелъ я въ немъ никого, кромѣ одного Шульца, секретаря его; и какъ мнѣ велѣно было тутъ генерала дожидаться, то употребилъ я сей случай къ сведенію съ секретаремъ симъ ближайшаго знакомства, и пошелъ къ нему въ комнату ждать генерала. Онъ былъ мнѣ очень радъ, и у насъ пошли съ нимъ тотчасъ ученые разговоры. Я пересматривалъ опять всѣ его книги, и какъ многія изъ нихъ были тутъ такія, какихъ я не читывалъ, и которыя мнѣ прочесть хотѣлось, то съ превеликою охотою ссудилъ онъ меня ими. Генералъ не прежде пріѣхалъ, какъ уже ввечеру, и былъ очень доволенъ мною и привезеннымъ къ нему отвѣтомъ. Потомъ приказавъ, чтобъ я наутріе пріѣхалъ къ нему поранѣе, не сталъ долго меня держать, но отпустилъ на квартиру на отдохновеніе.

Сего уже давно возжделѣла вся душа моя. По сдѣланной отвычкѣ отъ верховой ѣзды и отъ многаго въ сей день скаканья, такъ я усталъ, что насилу стоялъ на ногахъ своихъ, почему, пришедъ на квартиру, ринулся прямо на кровать и спалъ въ ту ночь какъ убитый.

На утріе, вставъ ранехонько и одѣвшись, поѣхалъ я опять къ генералу, и думалъ, что въ сей день ѣзды намъ будетъ меньше вчерашняго; но во мнѣніи своемъ ужасно обманулся. Генералъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ и сталъ уже поручать мнѣ опять коммиссіи, и приказывать съѣздить туда, съѣздить въ другое, а тамъ въ третье мѣсто, и насчиталъ мнѣ цѣлыхъ пять домовъ, гдѣ хотѣлось ему, чтобъ я побывалъ, и иного бы поздравилъ со днемъ его рожденія, другому отвезъ бы цидулку, у третьяго истребовалъ то, что онъ обѣщалъ ему, а у другихъ спросилъ бы только, всё-ль они въ добромъ здоровьи? и всѣхъ бы ихъ успѣлъ объѣздить прежде, нежели онъ одѣнется и со двора съѣдетъ.

Я слушалъ, слушалъ, да и сталъ; но какъ онъ послѣднее сказалъ, то отвѣтствовалъ я ему:—Хорошо! ваше высокопревосходительство, я поѣду и повелѣнія ваши постараюсь выполнить, но не знаю, успѣю ли я такъ скоро ихъ всѣхъ объѣздить и къ назначенному времени возвратиться. По новости, я не знаю о иныхъ, гдѣ они и живутъ еще.—«О! подхватилъ генералъ:—тебѣ надобно распровѣдать о томъ. Спроси ты полицейскаго офицера, онъ всѣхъ ихъ знаетъ и тебѣ разскажетъ; а чтобъ не позабыть и ихъ и домы ихъ, и что я тебѣ приказывалъ, то запиши все то. Есть-ли у тебя записная книжка?»—Книжка-то есть, ваше высопревосходительство!—«Ну такъ поди же, мой другъ, расспроси и запиши все нужное и постарайся какъ можно, чтобъ тебѣ скорѣй назадъ пріѣхать».

Что было тогда дѣлать? хоть не радъ, да готовъ, и принужденъ былъ иттить распрашивать, записывать, и потомъ ѣхать и отыскивать не только домы, но и самыя еще улицы, ибо и онѣ были мнѣ еще незнакомы.

Съ превеликимъ трудомъ и насилу, насилу отъискалъ я ихъ и измучился впрахъ, скакавши изъ одной улицы въ другую. И какъ было тогда по улицамъ очень скользко, то чуть-было не сломилъ головы себѣ въ одномъ мѣстѣ. Догадала меня нелегкая: объѣзжая одну карету на Невской проспективой, поскакать по гладкому тротоару, для ходьбы пѣшихъ сдѣланному по осторонь дороги. Но не успѣлъ я нѣсколько шаговъ отскакать, какъ лошадь моя оскользнувшись спотыкнулась, и я чуть-было не полетѣлъ стремглавъ съ оной и объ мостовую не разшибся: Но какъ бы то ни было, но я успѣлъ и сіи коммиссіи всѣ выполнить и, возвратившись назадъ, засталъ генерала еще дома.

Онъ очень доволенъ былъ моею исправностію и похваливъ, благодарилъ меня за то; но я самъ въ себѣ на умѣ не то думалъ, а говорилъ: «Спросилъ бы, ваше высокопревосходительство, каково мнѣ отъ ѣзды и скаканья сего? и если такъ то всякій день будетъ, то воленъ Богъ и съ тобою и со всѣми ласками, похвалами и благодареніями твоими!...»

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ

самъ съ собою говорилъ въ умѣ, генералъ собирался ѣхать со двора. Я неинако думалъ, что онъ меня въ сей разъ оставитъ и поѣдетъ съ однимъ другимъ адъютантомъ; но не тутъ-то было, я и въ томъ обманулся. Генералу хотѣлось, чтобъ неотмѣнно и я ѣхалъ съ нимъ, и я принужденъ былъ опять садиться на измученнаго коня своего и опять скакать съ нимъ подлѣ колеса по улицамъ петербургскимъ. Къ превеликой досадѣ моей, объѣздили мы еще несравненно болѣе домовъ, нежели въ прошедшій день, и искрестили всю почти адмиралитейскую сторону съ одного конца до другого. «Господи!», думалъ я и говорилъ самъ въ себѣ, «долго ли этому длиться и будетъ ли этому конецъ?» — Напослѣдокъ насилу, насилу пріѣхали мы во дворецъ, и я радъ былъ, что могъ тутъ хоть немножко отдохнуть отъ безпрерывнаго скаканья; но къ превеликой досадѣ моей и тутошнее отдохновеніе было недолго. Генералу вознадобилось еще съѣздить въ одно мѣсто и болѣе нежели за версту разстояніемъ, и мы опять должны были съ нимъ скакать и оттуда опять поспѣшать домой къ обѣду, вмѣстѣ съ генераломъ. «Ну!» думалъ я: «слава Богу, насилу, насилу всѣхъ объѣздили и обскакали, по крайней мѣрѣ уже послѣ обѣда отдохнемъ»; ибо я не сомнѣвался, что генералъ уже никуда не поѣдетъ. Но не тутъ-то было! и сей счетъ дѣланъ былъ безъ хозяина! Генералу что-то вознадобилось и послѣ обѣда побывать еще въ нѣсколькихъ домахъ, и сей день, власно какъ нарочно, избранъ былъ для испытанія и изнуренія силъ господина новаго адъютанта. Онъ принужденъ былъ опять садиться на лошадку свою и опять скакать подлѣ колеса генеральской кареты. «Господи!» думалъ я тогда! «ну, если все такъ то, такъ это будетъ сущая каторга?»—Но, что я ни думалъ, ни помышлялъ, но генералъ только и зналъ, что изъ дома въ домъ, и гдѣ посидитъ часъ, гдѣ полчаса, гдѣ еще меньше того, а я въ промежутки сіи изволь галанить въ переднихъ и провождать минуты сіи въ разслабленіи и въ скукѣ превеликой... Радъ, радъ, бывало, гдѣ найдешь хоть стульцо, чтобъ посидѣть и отдохнуть немного, но и въ иныхъ домахъ и того не было и принуждено было ходить, или прислонившись къ стѣнкѣ стоять.

Всю половину дня проѣздили мы симъ образомъ и не прежде домой возвратились, какъ уже при свѣчахъ. Тутъ нашли мы встрѣчающаго насъ генеральсъ-адъютанта, и какъ онъ у меня сталъ спрашивать, гдѣ и гдѣ мы побывали и какова мнѣ петербургская жизнь кажется?—то, сдѣлавъ ему пренизкій поклонъ, сказалъ я: «Ну, братъ! спасибо! Ежели такъ то все у васъ, то прахъ бы васъ побралъ и съ жизнью вашею! да это и чортъ знаетъ что! Я такъ измучился, что нечувствую почти ни рукъ, ни ногъ, а спину разогнуть истинно не могу. Я отъ роду не ѣзжалъ никогда такъ много и такъ измучился, что и не знаю буду ли въ состояніи и встать завтра».—«Ну, чтожъ? сказалъ мнѣ на сіе г. Балабинъ, завтра хоть и отдохни и сюда хотя и не ѣзди». — «Да генералъ-то какъ же, не осердился-бъ?» спросилъ я. — «Вотъ тебѣ на! отвѣчалъ онъ вѣдь тебѣ неизмучиться же стать, до крайности. Изволь, сударь, изволь оставаться себѣ смѣло во весь день дома и отдыхай себѣ, а я уже возьму на себя сказать о томъ генералу и извинить тебя».

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему данному мнѣ совѣту и дозволенію, и положилъ дѣйствительно его исполнить, но еслибъ и не хотѣлъ, но принужденъ бы былъ исполнить то и по неволѣ; ибо оба сіи дни такъ меня отдѣлали, а особливо послѣдній такъ меня доканалъ, что я въ самомъ дѣлѣ не могъ никакъ встать по утру отъ разслабленія во всѣхъ членахъ и отъ превеликой боли въ спинѣ и въ поясницѣ. Такъ хорошо отдѣлало меня скаканье. Словомъ, я пролежалъ до половины дня въ постели, чего со мною никогда не бывало.

Но чего молодость и здоровое сложеніе тѣла вытерпѣть и перенесть не можетъ, и къ чему не можно привыкнуть?

Не успѣлъ тотъ день пройтить, какъ почувствовалъ я себя опять здоровымъ и такъ оправившимся, какъ бы ничего не бывало. Тогда совѣстно уже было мнѣ оставаться на квартирѣ долѣе, и я явился опять къ генералу, который, увидѣвъ меня, непреминулъ пошутить надо мною и говорилъ, что произошло сіе отъ непривычки моей къ верховой ѣздѣ, и что нѣкогда съ самимъ имъ тому подобное было, почему и увѣрялъ, что это ничего не значитъ, и что я впредь подобнаго тому ощущать не буду: что и дѣйствительно была правда. Ибо съ того времени, хотя нерѣдко ѣзжали мы также всякій день и не только неменьше прежняго, но иногда еще и больше, но я нечувствовалъ уже никогда болѣе такого разслабленія и боли въ спинѣ и поясницѣ, но ниже и дальней усталости, и самъ тому не могъ довольно надивиться; одни только ноги спарилъ-было я, по непривычкѣ ходить всегда въ толстыхъ и плотныхъ сапогахъ изъ аглинской кожи, но и въ томъ нашелъ средство скоро себѣ пособить.

Оправившись помянутымъ образомъ и собравшись опять съ силами, началъ я, по прежнему, всякій день ѣздить съ генераломъ по разнымъ домамъ знаменитѣйшихъ тогда господъ, а иногда и одинъ, будучи отъ него за чѣмъ къ нимъ посылаемъ. Между тѣмъ начиналъ у насъ приближаться праздникъ святыя Пасхи, случившійся въ сей годъ апрѣля 7-го числа. Во всемъ Петербургѣ кипѣло тогда и волновалось, и всѣ готовились къ сему торжеству и тѣмъ паче, что государь намѣренъ былъ взять оный уже въ новомъ зимнемъ дворцѣ и перейтить въ оный наканунѣ. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ шефы находившихся тогда въ Петербургѣ полковъ изготовили уже къ сему времени новые въ полкахъ своихъ мундиры, дабы всѣ въ сей праздникъ могли быть уже въ оныхъ, а всходствіе того и мнѣ генералъ мой не одинъ уже разъ напоминалъ о мундирѣ, но о которомъ и самъ я уже заботился и къ удовольствію своему и получилъ его отъ портного за нѣсколько дней до праздника. Онъ былъ бѣлый, съ зеленымъ воротникомъ, лацканами и обшлагами, съ палевымъ камзоломъ и нижнимъ платьемъ. Пуговицы же, нашивки и аксельбандъ, которымъ онъ былъ украшенъ, были серебряныя, а потому и стоилъ онъ не малыхъ денегъ и со всѣмъ приборомъ, дѣйствительно, болѣе ста рублей. Однако я, продавъ излишнихъ лошадей, деньгами на то кое-какъ и почти безъ займовъ поисправилъ, а вскорѣ потомъ имѣлъ удовольствіе получить и изъ Москвы себѣ ихъ цѣлыхъ триста рублей, отъ чего и сдѣлался я ими тогда столь богатымъ, каковымъ никогда не бывалъ, и очень доволенъ былъ своими родственниками, постаравшимися о томъ и переведшими ихъ ко мнѣ чрезъ одного купца петербургскаго, который непреминулъ тотчасъ велѣть меня отыскать и дать мнѣ знать, чтобъ я приходилъ и бралъ отъ него деньги.

Симъ окончу я сіе письмо, а какъ праздновали мы праздникъ и что у насъ происходило далѣе въ Петербургѣ, о томъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго, а теперь остаюсь навсегда вашъ и прочая.

Письмо 94-е.

Любезный пріятель! Наконецъ наступилъ праздникъ святыя Пасхи. Я уже упоминалъ вамъ въ прежнемъ письмѣ своемъ, что къ торжеству сему дѣланы были во всемъ Петербургѣ приуготовленія превеликія. Но нигдѣ такъ сіе не примѣтно было, какъ во дворцѣ. Государю хотѣлось неотмѣнно перейтить къ оному въ большой новопостроенный домъ свой; но какъ оный былъ еще не совсѣмъ во внутренности отдѣланъ, то спѣшили денно и ночно его окончить и все оставшее додѣлать. Во всѣ послѣдніе дни передъ праздникомъ, кипѣли въ ономъ цѣлыя тысячи народа, и какъ оставался наконецъ одинъ лугъ предъ дворцомъ неочищеннымъ и такъ загромощеннымъ, что не могло быть ко дворцу и пріѣзду, то не знали, что съ нимъ дѣлать и какъ успѣть очистить его въ столь короткое, оставшееся уже до праздника время.

Лугъ сей былъ превеликій и обширный, лежавшій предъ дворцомъ и адмиралитетствомъ и простиравшійся поперегъ почти до самой Мойки, а вдоль отъ Миліонной до Исаакіевской церкви. Все сіе обширное мѣсто не заграждено еще было, тогда какъ нынѣ, великимъ множествомъ сплошныхъ пышныхъ и великолѣпныхъ зданій, а загромощено было сплошь премножествомъ хибарокъ, избушекъ, шалашей и сарайчиковъ, въ которыхъ жили всѣ тѣ мастеровые, которые строили Зимній дворецъ, и гдѣ заготовляемы и обработываемы были и матеріялы. Кромѣ сего, во многихъ мѣстахъ лежали цѣлыя горы и бугры щепъ, мусора, половинокъ кирпича, щебня, камня и прочаго всякаго вздора.

Какъ къ очищенію всего такого дрязга потребно было очень много и времени и кошта, а особливо, если производить оное, по обыкновенію, наемными людьми, и успѣть тѣмъ никакъ было не можно, то доложено было о томъ государю. Сей и самъ не зналъ сначала, что дѣлать; но какъ ему неотмѣнно хотѣлось, чтобъ сей дрязгъ къ празднику былъ очищенъ, то самый генералъ мой надоумилъ его и доложилъ: не пожертвовать ли всѣмъ симъ дрязгомъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ, и неугодно ли будетъ ему повелѣть чрезъ полицію свою публиковать, чтобъ всякій, кто только хочетъ, шелъ и бралъ себѣ безданно, безпошлинно, все что тутъ есть: доски, обрубки, щепы, каменья, кирпичья и все прочее. Государю полюбилось крайне сіе предложеніе, и онъ приказалъ тотчасъ сіе исполнить. Вмигъ тогда разсѣваются полицейскіе по всему Петербургу, бѣгаютъ по всѣмъ дворамъ и повѣщаютъ, чтобъ шли на площадь передъ дворцомъ, очищали бы оную и брали-бъ себѣ что хотѣли.

И чтожъ произошло тогда отъ сей публикаціи?

Весь Петербургъ власно какъ взбѣленился въ одинъ мигъ отъ того. Со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ улицъ бѣжали и ѣхали цѣлыя тысячи народа. Всякій спѣшилъ, и желая захватить что-нибудь получше, бѣжалъ безъ ума, безъ памяти, и добѣжавъ, кромсалъ, рвалъ и тащилъ, что ни попадалось ему прежде всего въ руки, и спѣшить относить или отвозить въ домъ свой и опять возвращаться скорѣе. Шумъ, крикъ, вопль, всеобщая радость и восклицанія наполняли тогда весь воздухъ, и все сіе представляло въ сей день рѣдкое, необыкновенное и такое зрѣлище, которымъ довольно налюбоваться и навеселиться было не можно. Самъ государь не могъ довольно нахохотаться, смотря на оное: ибо было сіе предъ обоими дворцами — старымъ и новымъ, и всѣ въ превеликой радости, волокли, везли и тащили добычи свои мимо оныхъ. И чтожъ? Не успѣло истинно пройтить нѣсколькихъ часовъ, какъ отъ всего несмѣтнаго множества хижинъ, лачужекъ, хибарокъ и шалашей не осталось ни одного бревешка, ни одного отрубочка, и ни единой дощечки, а къ вечеру, какъ не бывало и всѣхъ щепъ, мусора и другого дрязга, и не осталось ни единого камушка и половинки кирпичной. Все было свезено и счищено, и на все то нашлись охотники. Но нельзя и не такъ! И одно рвеніе другъ предъ другомъ побуждало всякаго спѣшить на площадь и довольствоваться уже тѣмъ, что отъ другихъ оставалось. Коротко, самые мои люди воспринимали въ томъ такое-жъ участіе, и я удивился увидѣвъ ввечеру, по возвращеніи своемъ на квартиру, превеликую стопу, накладенную изъ бревешекъ, достокъ, обрубковъ и тому подобнаго, и не вѣрилъ почти, чтобъ можно было успѣть имъ навозить такое великое множество. Словомъ, дрязгу сего было такъ много, что намъ во все пребываніе наше въ Петербургѣ не только не было нужды покупать дровъ, но мы при отъѣздѣ столько еще продали оставшагося, что могли тѣмъ заплатить за весь постой хозяину.

Не успѣли помянутую площадь очистить, какъ государь и переѣхалъ въ Зимній дворецъ, и преселеніе сіе произведено въ великую субботу, при которомъ случаѣ не было однако никакой особливой церемоніи. А и самое духовное торже-

ство праздника не было такъ производимо во дворцѣ, какъ въ прежнія времена, при бывшей императрицѣ, ибо какъ государь не хранилъ вовсе поста и вышеупомянутое имѣлъ отвращеніе отъ нашей религіи, то и не присутствовалъ даже, по прежнему обыкновенію, при завтрени, а предоставилъ все сіе однимъ только духовнымъ и императрицѣ, своей супругѣ. И все торжество состояло только въ сборищѣ къ нему во дворецъ всѣхъ знаменитѣйшихъ особъ для поздравленія его какъ съ праздникомъ, такъ и новосельемъ.

Мнѣ самому не удалось въ сей годъ чувствовать всю обыкновенную пріятность, съ симъ праздникомъ сопряженную. Я всталъ хотя и очень рано, но принужденъ былъ помышлять не о завтрени и богомольѣ, а о томъ, какъ бы скорѣе и лучше причесаться и, убравшись въ свой новый мундиръ, ѣхать къ генералу и съ нимъ, съ свѣтомъ, вдругъ скакать въ разные домы знаменитѣйшихъ господъ для поздравленія, и я такъ всѣмъ тѣмъ былъ занятъ, что насилу урвалъ нѣсколько минутъ досужныхъ для забѣжанія въ полицейскую церковь и отслушанія въ ней кончика обѣдни.

Генералъ, какъ по должности своей, такъ и для политическихъ причинъ, ѣздилъ въ сіе утро по разнымъ мѣстамъ отмѣнно и такъ много, что мы съ нимъ не прежде во дворецъ пріѣхали, какъ уже въ одиннадцать часовъ, и когда уже былъ онъ весь наполненъ народомъ, и вся площадь установлена была безчисленнымъ множествомъ каретъ и экипажей. Для меня зрѣлище сіе было новое, но любопытнѣйшее дожидалось меня во внутренности дворца самаго, въ которомъ я до того времени еще не бывалъ. И самая уже огромность и пышность зданія сего приводила меня въ нѣкоторое пріятное изумленіе, а когда вошелъ я съ генераломъ внутрь сихъ новыхъ императорскихъ чертоговъ и увидѣлъ впервые еще отъ роду всю пышность и великолѣпіе дворца нашего, то пришелъ въ такое пріятное восхищеніе, что самъ себя почти не вспомнилъ отъ удовольствія.

Всѣ комнаты, чрезъ которыя мы проходили, набиты были несмѣтнымъ множествомъ народа и людей разныхъ чиновъ и достоинствъ. Всѣ одѣты и разряжены были въ прахъ, и всѣ въ наилучшемъ своемъ платьѣ и убранствахъ. Но ни въ которой комнатѣ не пораженъ я былъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, какъ въ послѣдней и той, которая была передъ тою, въ которой находился самъ государь, окруженный великимъ множествомъ генераловъ, и какъ своихъ, такъ и иностранныхъ министровъ. Поелику и сія, далѣе которой намъ входить не дозволялось, набита была несмѣтнымъ множествомъ какъ военныхъ, такъ и штатскихъ чиновниковъ, а особливо штабъ-офицеровъ, а въ числѣ оныхъ было и тутъ множество еще генераловъ, и всѣ они были въ новыхъ своихъ мундирахъ, то истинно засмотрѣлся я на разноцвѣтность и разнообразность оныхъ! Какихъ это разныхъ колеровъ тутъ не было! и какими разными и новыми прикрасами не различены они были другъ отъ друга! Привыкнувъ до сего видѣть вездѣ одни только зеленые и синіе единообразные мундиры, и увидѣвъ тогда вдругъ такую разнообразицу, не могли мы довольно начудиться и насмотрѣться, и только и знали, что любопытствовали и спрашивали, какихъ полковъ изъ нихъ которые, а наиболѣе тѣ, которые намъ болѣе прочихъ нравились. Не меньшее же любопытство производили во мнѣ и иностранные министры, выходившіе въ нашу комнату изъ внутренней государевой, разновидными и разнообразными орденами и кавалеріями своими. И товарищъ мой, князь Урусовъ, которому всѣ они были уже извѣстны, долженъ былъ мнѣ о каждомъ изъ нихъ сказывать.

На все сіе я такъ засмотрѣлся и всѣми сими невиданными до сего зрѣлищами такъ залюбовался, что позабылъ и о всей усталости своей и не горевалъ о томъ, что во всей той комнатѣ не было нигдѣ ни единаго стульца, гдѣ бы можно было хоть на нѣсколько минутъ присѣсть для отдохновенія.

Но все мое любопытство было еще до того времени удовольствовано несовершенно, а оставалось еще важнѣйшее, а именно: чтобъ видѣть государя и государыню. Такъ случилось, что сколько разъ ни бывалъ я до того во дворцѣ, но никогда еще до того времени не удавалось мнѣ видѣть оныхъ въ самой близости, а видалъ ихъ только въ портретахъ, а потому давно уже и невѣдомо какъ добивался и желалъ видѣть какъ ихъ, такъ и самую фаворитку государеву, Воронцову, о которой наслышавшись о чрезвычайной и непомѣрной любви къ ней государя, будучи еще въ Кёнигсбергѣ, мечталъ я, что надобно ей быть красавицѣ превеликой. И какъ сей день и случай казался мнѣ къ тому наилучшимъ и способнѣйшимъ, и я никакъ не сомнѣвался, что увижу ихъ непремѣнно въ то время, когда они пойдутъ къ столу чрезъ ту комнату, въ которой мы находились, какъ о томъ мнѣ сказывали, то, протѣснившись сквозь людей, сталъ я нарочно и заблаговременно подлѣ самыхъ дверей, чтобъ непропустить ихъ и видѣть въ самой близости, когда они проходить станутъ.

Не успѣлъ я тутъ остановиться, какъ чрезъ нѣсколько минутъ и увидѣлъ двухъ женщинъ въ черномъ платьѣ, и обѣихъ въ Екатерининскихъ алыхъ кавалеріяхъ, идущихъ другъ за другомъ изъ отдаленныхъ покоевъ въ комнату къ государю. Я пропустилъ ихъ безъ всякаго почти вниманія, и неинако думалъ, что были онѣ какія-нибудь придворныя госпожи, ибо о государынѣ и фавориткѣ думалъ я, что онѣ давно уже въ комнатахъ государскихъ, въ которыя намъ за народомъ ничего было не видно. Но какимъ удивленіемъ поразился я, когда спросивъ тихонько у стоявшаго подлѣ себя одного полицейскаго, и мнѣ уже знакомаго офицера, кто-бъ такова была передняя изъ прошедшихъ мимо насъ госпожъ, услышалъ отъ него, что была то сама императрица! Мнѣ сего и въ голову никакъ не приходило, ибо, видая до сего одинъ только портретъ ея, писанный уже давно, и тогда еще, когда была она великою княгинею, и гораздо моложе, и видя тутъ женщину низкую, дородную и совсѣмъ не такую, не только не узналъ, но не могъ никакъ и подумать, чтобъ то была она. Я досадовалъ невѣдомо какъ на себя, что не разсмотрѣлъ ее болѣе; но какъ несказанно увеличилось удивленіе мое, когда, на дальнѣйшій сдѣланный ему вопросъ о томъ, кто-бъ такова была другая и шедшая за нею толстая и такая дурная, съ обрюзглою рожею, боярыня? онъ, усмѣхнувшись, мнѣ сказалъ: «Какъ, братецъ! неужели ты не знаешь? Это Елисавета Романовна!»

— Что ты говоришь? оцѣпенѣвъ даже отъ удивленія, воскликнулъ я: —эта-то Елисаветъ Романовна!... Ахъ! Боже мой... да какъ это можетъ статься? Ужъ этакую толстую, нескладную, широкорожую, дурную и обрюзлую совсѣмъ, любить и любить еще такъ сильно государю?

— «Что изволишь дѣлать! отвѣчалъ мнѣ тихонько офицеръ, и ты дивись уже этому, а мы дивились, дивились, да и перестали уже».—Ну, правду сказать, есть чему и дивиться, подхватилъ я, пожимая только плечами, ибо въ самомъ дѣлѣ была она такова, что всякому даже смотрѣть на нее было отвратительно и гнусно.

Еще я не опомнился отъ чрезмѣрнаго своего удивленія, какъ взволновался весь народъ и, раздѣлясь въ двѣ стороны, сдѣлалъ улицу и свободный проходъ идущимъ и вдали уже показавшемуся государю. Не могу никакъ изобразить, съ какими разными душевными движеніями смотрѣлъ я въ первый разъ тогда на сего монарха и тогдашняго обладателя всей Россіи. Куча народа, состоящая изъ первѣйшихъ чиновниковъ и вельможъ государственныхъ послѣдовали за нимъ и провожали его въ столовую въ своихъ орденахъ, лентахъ и въ богатыхъ одеждахъ.

Нашъ генералъ шелъ тутъ же и разговаривая съ фавориткою государевою; но я въ сей разъ не удостоилъ ее уже и зрѣніемъ, а смотрѣлъ вслѣдъ за государемъ и императрицею, и самъ въ себѣ только

всему видимому дивился и пожималъ плечами.

Какъ генералу нашему, за помянутымъ разговоромъ съ идущею съ нимъ рядомъ фавориткою, не удалось на меня взглянуть, и никто ему изъ товарищей моихъ въ толпѣ на глаза не попался, то по уществіи ихъ не знали мы, что намъ дѣлать, и домой ли ѣхать, или тутъ оставаться далѣе и дожидаться повелѣнія отъ генерала. И какъ домой ѣхать мы не отваживались, то чуть-было не дошло до того, чтобъ быть намъ для праздника такого безъ обѣда. Мы и были-бъ дѣйствительно безъ него, еслибъ, по счастію, третьему товарищу нашему, полицейскому офицеру, которому во дворцѣ было все знакомѣе, не удалось пронюхать и узнать, что въ заднихъ и отдаленныхъ комнатахъ есть накрытый превеликій столъ для караульныхъ офицеровъ и ординарцевъ. Онъ не успѣлъ узнать о семъ, какъ прибѣжавъ къ намъ, звалъ насъ скорѣе съ собою туда, увѣряя, что и намъ тамъ можно обѣдать, нужно только захватить и не упустить мѣсто. Сперва посовѣстились-было мы и не хотѣли нартомъ тамъ искать себѣ обѣда, но онъ силою почти насъ за собою утащилъ и проведя насъ чрезъ множество комнатъ и на другой даже край дворца, привелъ насъ дѣйствительно къ превеликому столу, установленному уже кушаньями, и за который какъ караульные офицеры, такъ и многіе другіе начинали ужъ садиться.

Мы сѣли также, хотя безъ всякаго приглашенія, и наѣлись и напились себѣ досыта и были смѣлостію своею очень довольны, ибо узнали чрезъ то, что и впредь намъ всегда можно симъ офицерскимъ и ординарческимъ столомъ пользоваться и когда ни похотимъ оставаться тутъ обѣдать, что́ мы и дѣйствительно потомъ и не одинъ разъ дѣлывали, а особливо когда случалось, что не хотѣлось намъ ѣхать домой на короткое время.

Какъ обѣдъ нашъ не такъ долго продолжался, какъ государевъ, то кончивши оный, пошли мы въ тотъ покой, который служилъ вмѣсто буфета и былъ подлѣ самаго того, гдѣ государь кушалъ, дабы могъ генералъ нашъ, вставши изъ-за стола, тотчасъ насъ увидѣть, ибо всѣмъ надлежало, вставши изъ-за стола, иттить чрезъ покой сей.

Но мы принуждены были долго сего обратнаго шествія дожидаться: государь любилъ посидѣть за столомъ и повеселиться. Натурально, не гуляли притомъ и рюмки. Болѣе часа дожидались мы тутъ, покуда столъ кончится, и имѣли удовольствіе въ сіе время слышать голосъ государевъ и почти все имъ говорящее. Голосъ у него былъ очень громкій, скаросый, непріятный и было въ немъ нѣчто особое и такое, что отличало его такъ много отъ всѣхъ прочихъ голосовъ, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать отъ всѣхъ прочихъ. Наконецъ встали они, и какъ государь пошелъ тотчасъ опять во внутренніе свои чертоги, то вышелъ вслѣдъ за нимъ и генералъ нашъ и обрадовался, насъ увидѣвъ.—«Ну! спасибо, что вы здѣсь, сказалъ онъ,—и что домой не уѣзжали; мнѣ давеча сказать вамъ о томъ было некогда, но обѣдали-ль вы? Вамъ бы здѣсь пообѣдать за столомъ офицерскимъ!»—Мы сказали ему, что мы сіе уже сдѣлали.

—«Ну! хорошо-жъ! сказалъ онъ: такъ поѣдемъ же теперь домой и отдохнемъ». Сказавъ сіе, пошли мы внизъ, гдѣ князь, товарищъ мой, отпросился отъ него къ своимъ роднымъ, а я поѣхалъ съ нимъ и готовиться былъ долженъ ѣхать съ нимъ опять во дворецъ на куртагъ съ товарищемъ моимъ, полицейскимъ офицеромъ.

По пріѣздѣ къ нему въ домъ, отпросился я тотчасъ на свою квартиру, чтобъ отдохнуть хотя часокъ на оной; ибо какъ я почти всю ту ночь не спалъ, то склонилъ меня тогда ужасно сонъ и я впервыя еще въ сей день спалъ послѣ обѣда. Но, чтобъ не заспаться, то посадилъ подлѣ себя человѣка съ часами и велѣлъ ему тотчасъ себя разбудить, какъ скоро пройдетъ часъ. О семъ упоминаю я для того, что какъ въ послѣдующее время и часто такимъ образомъ удавалось мнѣ по ночамъ спать очень мало и замѣнять то еди-

ночаснымъ спаньемъ послѣ обѣда, и я такимъ же образомъ всегда саживалъ подлѣ себя слугу для буженія, то чрезъ короткое время обратилось сіе въ такую привычку, что наконецъ не было нужды меня будить, но я уже и самъ точь въ точь, по прошествіи часа просыпался, а что удивительнѣе всего, то и на все продолженіи жизни моей всегда, когда ни случалось мнѣ послѣ обѣда спать, никогда не сыпалъ болѣе часа и всякій разъ, какъ тогда, пробуждался самъ собою.

Какъ куртаги придворные были тогда для меня также зрѣлищемъ новымъ и никогда еще невиданнымъ, то охотно я поѣхалъ на оный съ генераломъ, и дѣлаясь часъ отъ часу во дворцѣ смѣлѣйшимъ, нашелъ средство наконецъ втѣсниться и войтить туда-жъ въ галерею, гдѣ онъ продолжался.

Тутъ насмотрѣлся я уже до сыта, какъ на государя, такъ и всему тутъ происходившему. Видѣлъ, какъ тутъ играли въ карты и какъ танцовали, наслушался прекрасной музыки, въ которой государь самъ бралъ соучастіе и игралъ на скрипицѣ вмѣстѣ съ прочими концерты, и довольно хорошо и бѣгло; наконецъ за большимъ столомъ и со многими, съ превеликимъ хохотаніемъ и крикомъ, забавлялся онъ въ любимую свою игру кампію, которую игру также не видывалъ я никогда до того времени; и какъ хотѣлось мнѣ ее очень видѣть, то былъ такъ уже смѣлъ и отваженъ, что подошелъ близёхонько къ столу, смотрѣлъ на оную и не могъ довольно насмотрѣться и надивиться.

Мы пробыли тутъ съ генераломъ до самаго окончанія сей вечеринки, а какъ онъ оставленъ былъ у государя и ужинать, то принужденъ былъ и я опять тутъ окончанія онаго дожидаться и также перехватить хоть немного за столомъ офицерскимъ. Но ожиданіе конца ужина, бывшаго въ прежней столовой, было для насъ очень скучновато.

Ужинъ продлился очень долго и гораздо за полночь, и мы все сіе время должны были галанить и ждать въ проходной буфетной. И какъ не было, какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ другихъ тутъ комнатахъ ни единаго стульца, на которое бы можно было присѣсть и отдохнуть, то, отъ безпрерывнаго стоянія и хожденія взадъ и впередъ, для прогнанія дремоты, впрахъ мы всѣ измучились, а особливо я, по непривычкѣ. Сонъ клонилъ меня немилосердымъ образомъ, а подремать не было нигдѣ ни малѣйшаго способа. Нѣсколько разъ испытывалъ я становиться для сего гдѣ-нибудь къ стѣнкѣ или къ уголку, но всѣ мои испытанія были тщетны, ибо не успѣютъ глаза начать сжиматься и сонъ восприниматъ верхъ надъ бдѣніемъ, какъ вдругъ подгибаются колѣни и, приводя чрезъ то человѣка въ движеніе, разбужаютъ онаго къ неописанной досадѣ и мѣшаютъ сладкой дремотѣ.

Измучившись и изломавшись, насилу-насилу дождался я конца сего ужина и всей бывшей за онымъ доброй попойкѣ. Мы возвратились домой почти уже предъ разсвѣтомъ, а какъ поутру долженъ былъ я опять вставать рано, то судите, каково мнѣ тогда было!

Но первый день, куда уже не шелъ! Я имѣлъ много труда и безпокойства, но за то по крайней мѣрѣ насмотрѣлся многому, а потому и не помышлялъ и горевать даже о помянутыхъ безпокойствахъ, думая, что впредь, по крайней мѣрѣ, не таково будетъ; но какъ увидѣлъ, что и всѣ послѣдующіе дни были ничѣмъ не лучше, а точно таковые-жъ, и не было дня, въ который бы мы съ генераломъ, по нѣскольку десятковъ верстъ и всегда почти вскачь, не объѣздили, не побывали во множествѣ домахъ, и разовъ двухъ не посѣтили дворца, и въ ономъ либо обѣдали, либо ужинали, либо обѣдать къ кому-нибудь изъ первѣйшихъ вельможъ вмѣстѣ съ государемъ не ѣздили, и я всякій разъ такимъ же образомъ впрахъ измучившись и изломавшись, не прежде, какъ уже передъ свѣтомъ, домой возвращался: то скоро почувствовалъ всю тягость такой безпокойной и прямо почти собачей жизни, и не только разъѣзды свои съ генераломъ, и безпрерывныя разсыланія меня то въ тотъ, то въ другой край Петербурга, до

крайности возненавидѣлъ и проклиналъ; но и самый дворецъ, со всѣми пышностьми и веселостьми его, которыя въ первый разъ такъ были для меня занимательны и забавны, наконецъ такъ мнѣ опостылѣлъ и надоѣлъ, что мнѣ объ немъ и вспомнить не хотѣлось, и я за величайшее наказаніе считалъ, когда доводилось мнѣ съ генераломъ нашимъ въ него ѣхать.

Какая-бъ собственно причина побуждала генерала моего къ толь частымъ посѣщеніямъ знатнѣйшихъ господъ и другихъ разныхъ людей, того, какъ тогда всѣ мы не знали и не понимали, такъ истинно не знаю я и понынѣ.

Будучи генералъ-полицеймейстеромъ въ государствѣ, и имѣя толь великую обузу дѣлъ на себѣ, что ему въ каждое утро приносили изъ полиціи цѣлыя кипы бумагъ для читанія и подписыванья, казалось, что могло-бъ и одно сіе его занимать, умалчивая о прочихъ дѣлахъ, къ его должности относящихся, и за сими не до того казалось было ему, чтобъ разъѣзжать по гостямъ и терять на то время свое.

Но онъ, при всей тогдашней строгости государя, повидимому всего меньше рачилъ о исправномъ исправленіи толь важной должности своей и всего рѣже ѣзжалъ по дѣламъ до должности его относящимся, но напротивъ того, такъ мало ее уважалъ, что и десятой доли приносимыхъ и заготовленныхъ къ подписанію его бумагъ не прочитывалъ, а подписывалъ множайшія изъ нихъ совсѣмъ не читая. А всѣ выѣзды его были по большей части къ канцлеру и къ нѣкоторымъ другимъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ господъ, какъ напримѣръ къ прежнему моему командиру генералу Вилбоэ, который былъ тогда у насъ фельдцейхмейстеромъ, принцу Гольштинскму, Шувалову, Скавороскому и многимъ другимъ, а что всего удивительнѣе, то и къ самымъ иностраннымъ министрамъ, а особливо къ аглинскому и прусскому, до которыхъ, равно какъ и до другихъ министровъ, казалось, не было-бъ ему ни малѣйшаго дѣла. Совсѣмъ тѣмъ, онъ не только самъ ѣзжалъ ко всѣмъ къ нимъ очень не рѣдко, но сверхъ того обоихъ насъ съ княземъ замучивалъ посылками къ нимъ то и дѣло, и что всего досаднѣе, за сущими иногда бездѣлицами и ничего нестоющими дѣлами.

Не могу и понынѣ забыть, съ какимъ огорченіемъ и досадою скачешь безъ памяти иногда версты двѣ къ какому-нибудь паршивому паричишкѣ, и единственно только за тѣмъ, чтобъ спросить въ добромъ ли онъ здоровьѣ?

Часто случалось, что онъ обоимъ намъ однимъ утромъ домовъ по десяти наскажетъ куда ѣхать, и мы скачемъ, какъ угорѣлыя кошки, и за всѣ свои труды, что всего было досаднѣй, получаемъ еще отъ чуднаго своего генерала брани. Часто случалось, что, будучи какъ-то безпамятенъ, или имѣя голову набитую уже слишкомъ всякимъ вздоромъ, позабывалъ онъ кому изъ насъ приказалъ куда съѣздить, и вдругъ требовалъ отъ меня отчета въ томъ, о чемъ приказывалъ князю, а отъ него въ томъ, что было мнѣ поручено; а что всего смѣшнѣе и досаднѣе, то случалось не однажды, что насказывая намъ многихъ къ кому ѣхать, про иного позабывалъ, а потомъ спрашивалъ, были ли мы у того? И какъ скажешь и докажешь записками своими, что про того онъ и не упоминалъ вовсе, то сердился, досадовалъ и бранилъ насъ за то, для чего сами не догадались заѣхать или ему не напомнили. Не чудныя ли по истинѣ и не сумасбродныя ли были требованія и взысканія таковыя? Но мы должны были молчать, терпѣть и переносить его гнѣвъ праведный, внутренно же не могли, чтобъ не хохотать тому и не смѣяться.

Далѣе скажу, что ко всѣмъ симъ разсылкамъ употребляемъ былъ отъ генерала болѣе я, нежели князь Урусовъ и можетъ быть потому, что умѣлъ я говорить понѣмецки и могъ съ множайшими изъ тѣхъ, къ коимъ онъ посылалъ, говорить на природномъ ихъ языкѣ, ибо множайшіе изъ нихъ были нѣмцы. Сверхъ того князь Урусовъ былъ какъ-то увертливѣе меня и находилъ средства отбывать иногда не только отъ такихъ посы-

локъ, но и отъ самой ѣзды съ генераломъ; и потому онъ и въ половину столько не терпѣлъ безпокойствъ, сколько я, а особливо сначала и покуда я сколько-нибудь не наторѣлъ и научился также коекакъ и отбывать иногда.

Въ самые выѣзды свои со двора и разъѣзды по домамъ знатныхъ вельможъ, а особливо послѣ полудни, биралъ онъ обыкновенно только меня одного; но сіи для меня сопряжены были не столько съ безпокойствомъ, сколько со скукою, ибо я имѣлъ всегда по крайней мѣрѣ ту выгоду, что могъ вездѣ находить стулья и мѣсто гдѣ сидѣть во все то время, покуда генералъ сиживалъ у хозяина. И сначала переламливала меня только одна скука, а особливо въ такихъ домахъ, гдѣ онъ сиживалъ по нѣскольку часовъ сряду, и я принужденъ бывалъ все сіе время провождать одинъ-одинехонекъ, въ какой-нибудь пустой передней комнатѣ; но какъ послѣ я догадался и сталъ запасаться всегда на такіе случаи какою-нибудь любопытною книжкою въ карманѣ, то бывало, засѣвъ гдѣ-нибудь въ уголокъ, или подлѣ окошечка, вынимаю себѣ книжку, занимаюсь себѣ чтеніемъ, какъ-бы дома и не горюю о томъ, сколько-бъ ни сидѣлъ генералъ у хозяина.

Но во дворцѣ было дѣло совсѣмъ иное: тутъ не только что о читаньѣ такомъ и помыслить было не можно, но та пуще всего была намъ напасть, что сидѣть было вовсе не на чемъ. Я уже упоминалъ, что во всѣхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы бывали, не было тогда ни единаго стульца, а стояли только въ одной проходной комнатѣ одни канапе, но и тѣ были обиты богатымъ штофомъ и такіе, на какихъ мы сначала не смѣли и помыслить, чтобъ садиться, къ тому-жъ и стояли они не въ самой той комнатѣ, гдѣ мы, во время утреннихъ генеральскихъ пріѣздовъ, всегда должны были стаивать и его дожидаться. Комната сія была самая та, о которой я уже упоминалъ, а именно ближняя подлѣ той, гдѣ государь обыкновенно бываетъ и съ пріѣзжающими къ нему по утрамъ разговариваетъ, и которую рѣдко не нахаживали мы наполненную многими людьми. Итакъ, принуждены будучи въ ней иногда по нѣскольку часовъ стоять и безъ всякаго дѣла галанить, имѣли только ту отраду и удовольствіе, что могли всегда въ растворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе удовольствіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а впослѣдствіи времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобъ таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, до котораго былъ онъ превеликій охотникъ, уже опорознившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то, и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго!—такъ больно было все то видѣть и слышать.

Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцовъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ напримѣръ и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими и хозяинъ успѣвай только всѣхъ угащивать и подчивать; ибо натурально вездѣ и для насъ даваемы были столы. Одни только трубки и табакъ привазживали мы съ собою изъ дворца свой. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и прика-

зывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голандскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и неуспѣемъ куда приѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо, и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, еслибъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россіянъ постыднѣйшаго. Но та-та была и бѣда наша! Неуспѣютъ бывало сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ какъ маленькіе ребяточки, и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошло до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки. Ну, всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей подъ задницы и кричать: «ну! ну! братцы кто удалѣе, кто сшибетъ съ ногъ кого первый», и такъ далѣе. А по сему судите, каково же намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга наземь валяющихъ? Хохотъ, крикъ, шумъ, біеніе въ ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремѣли. Они должны были служить наказаніемъ тому, кто не могъ удержаться на ногахъ и упадалъ на землю. Однако все сіе было еще ничто противъ тѣхъ разнообразныхъ сценъ, какія бывали послѣ того и когда дохаживало до того, что продукты бакхусовы оглумляли всѣхъ пирующихъ даже до такой степени, что у иного наконецъ и силъ не было выттить и сѣсть въ линею, а гренадеры выносили уже туда на рукахъ своихъ.

Но никогда такъ сильно дружба съ бакхусомъ невозобновляема была, какъ во дворцѣ за ужинами, за которыми долженъ былъ и генералъ мой очень часто присутствовать. Государь любилъ его какъ-то около сего времени очень и былъ къ нему милостивъ, а потому и ѣзжалъ онъ почти ежедневно во дворецъ, а съ нимъ и моя милость. Итакъ, бывало, засядутъ они себѣ за столъ и вступя въ премудрые и пространные разговоры, ну пограмыхивать рюмками и стаканами, а мы между тѣмъ во всю ночь галанить и ходить взадъ и впередъ по буфетной, присланиваться къ стѣнамъ и къ уголкамъ, ссориться ежеминутно со сномъ и дремотою, мурчать себѣ подъ носъ и проклинать часъ своего рожденія. Не могу и понынѣ позабыть, какъ досадны и мучительны бывали для насъ сіи дворцовые предлинные ужины, и къ какимъ даже дуростямъ доводимы были мы иногда непреодолимымъ почти хотѣніемъ спать.

Какъ во всѣхъ тутъ комнатахъ не было ни единаго стульца, гдѣ-бъ можно было хоть на минуточку присѣсть, стоючи же подлѣ стѣнки дремать никакъ было не можно, потому что колѣни подгибались: то что-жъ наконецъ выдумали и затѣяли мы, или прямо сказать я, ибо признаюсь, что заводчикомъ тому былъ я собственно. Философствуя долгое время и вымышляя, какъ бы пособить нуждѣ своей и найтить способъ дремать,—взглянулъ я однажды на бывшую въ той комнатѣ, превеликую и четвероугольную печь и находившійся подлѣ ея запечекъ или узкую пустоту между печью и стѣною. Вмигъ тогда пришло мнѣ въ голову испытать, ужъ не можно ли было хоть съ нуждою протѣсниться бокомъ въ пустоту сію и ущемить себя такъ между печью и стѣною, чтобъ проклятымъ колѣнамъ не можно было сгибаться и мѣшать мнѣ спать стоючи. Я попробовалъ сіе сперва тайкомъ и такъ, чтобъ никто того не видалъ, но какъ скоро увидѣлъ, что было то дѣйствительно очень хорошо и что протѣснясь туда стоишь, какъ въ тискахъ, и колѣна ни мало уже не мѣшаютъ дре-

мать, какъ побѣжалъ искать, между множествомъ нашей братьи, товарища своего, полицейскаго офицера, и, подхватя его за руку сказалъ:—«Ну, братъ! пойдемъ-ка. Я нашелъ наконецъ мѣсто, гдѣ намъ можно сколько хотимъ себѣ дремать, а надобно намъ только помогать другъ другу».

Онъ любопытенъ былъ весьма видѣть оное, и какъ ему я запечекъ указалъ и растолковалъ все дѣло, то сказалъ онъ:— «Хорошо бы, братъ; но ну-ка тутъ заспишься, а государь между тѣмъ встанетъ и пойдетъ здѣсь мимо самаго сего мѣста въ спальню свою и увидитъ: куда тогда дѣваться и что дѣлать!»—Экой ты! подхватилъ я: да развѣ не можно намъ спать тутъ попеременно, то тебѣ, то мнѣ, а между тѣмъ, другъ отъ друга не отходить, а стоять на караулѣ, и тотчасъ спящаго будить, какъ скоро въ столовой заворошутся и вставать станутъ?—«Ну, дѣло! сказалъ онъ: право дѣло! начинай же, братъ, ты первый, и полѣзай, а я буду между тѣмъ твой вѣрный стражъ, и не только тебя разбужу, какъ скоро вставать станутъ, но и стану вотъ тутъ въ уголку и загорожу тебя спиною, такъ что никто не увидитъ тебя». — Ей, ей, хорошо! подхватилъ я:—но какая нужда давать мнѣ такъ долго спать, дай мнѣ хоть немножко вздремнуть, а тамъ пущу я тебя и стану караулить также. — Сказавъ сіе, приступилъ я къ дѣлу, и средство сіе было такъ удачно, что оба мы выспались въ сей вечеръ, какъ хотѣли, и повторяли то не одинъ разъ, а смотря на насъ дѣлывали потомъ тоже и другіе наши братья — адъютанты и ординарцы, которыхъ всегда была тутъ толпа превеликая, и скоро уже дошло, что всякой въ захватъ старался овладѣть симъ мѣстомъ.

Въ другой разъ, и какъ мѣсто сіе помянутымъ образомъ захвачено было уже иными, догадало меня сдѣлать другую проказу. Давно уже грызъ я зубы на помянутые выше сего штофные канапе, стоящія въ среднемъ проходномъ покоѣ, и также по несчастію на самой дорогѣ, гдѣ государю, идучи во внутренніе свои чертоги, проходить надлежало. Вся наша братья, равно какъ и мы, почитали ихъ власно какъ священными, и не смѣли къ нимъ никакъ прикасаться, къ тому жъ и отдаленность ихъ отъ того мѣста, гдѣ мы галанивали и самое мѣстоположеніе ихъ, отъ того всякаго удерживало; но какъ я, оборкавшись во дворцѣ, сдѣлался уже смѣлѣе и отважнѣе, то давно уже было у меня на умѣ испытать, прикорнуть также и на нихъ; а чтобъ не засталъ государь, то употребить также на вспоможеніе себѣ своего товарища полицейскаго офицера. Но тогда, власно какъ нарочно, случись такъ, что увидѣлъ я на канапяхъ сихъ придворнаго пажа, почивающаго себѣ спокойно и растянувшагося, какъ на кровати.

— Тьфу! какая диковинка! сказалъ я самъ въ себѣ, когда пажъ можетъ тутъ спать, то почему-жъ бы и мнѣ не можно было? Вѣдь я такой же государевъ слуга, и ничѣмъ его не хуже! Побѣгу за товарищемъ, поставлю его на караулъ, а тамъ сгоню этого молодца и лягу.

Въ одинъ мигъ все сіе и сдѣлано было. Я, смолвившись съ офицеромъ и поставивъ его у дверей на караулѣ, вдругъ подбѣгаю къ пажу, трясу его за плечо и на ухо кричу: «государь, государь идетъ».— Бѣдный мой пажъ вскочилъ безъ ума, безъ памяти, и дай Богъ ноги, а я и плюхъ на его мѣсто, но съ тою однако предосторожностію, что подъ ноги разослалъ напередъ свой платокъ, чтобъ не замарать ими штофа. Не успѣлъ я улечься и начать глаза заводить, какъ гляжу — пажъ мой, увидѣвши, что я его обманулъ, и что государь сидитъ еще за столомъ, вздумалъ-было опять меня согнать и употребить къ тому такой же обманъ.

Онъ прибѣгаетъ ко мнѣ, и, будя, говоритъ мнѣ, но очень учтиво и вѣжливо: «извольте, сударь, вставать! государь изволитъ шествовать». Но я, дожидаясь повѣсти сей не отъ него, а отъ своего товарища, тотчасъ догадался и сказалъ ему: «пустое, братъ! не правда и не мѣшай

мнѣ!» Досадно было пажу, что я недался ему въ обманъ. Думать онъ и гадать, какъ бы ему согнать меня удобнѣе было можно. По счастію моему, не зналъ онъ, кто я таковъ и неотважился предпринимать какія-нибудь излишествы; но наконецъ подходитъ опять ко мнѣ, садится у меня въ ногахъ и начинаетъ говорить, смѣяться всячески надо мною, трунить и всѣмъ тѣмъ мѣшать мнѣ наслаждаться сномъ пріятнымъ. Долго я перемогался и терпѣлъ, притворяясь, что того не слышу; но какъ онъ мнѣ своими шпыняньями надоѣлъ, то приподнявшись, сказалъ я ему: «пустяки, братъ, и напрасно трудишься, не согнать тебѣ меня, а убирайся-ка ты прочь». — Но какъ и сіе не помогло, но онъ опять началъ и еще болѣе надо мною по своему обыкновенію забавляться и вѣдая, что съ ними безъ дальнихъ церемоній обходиться можно, толкнулъ-таки я его ногою и сказалъ: «ну! пошолъ же прочь, когда честь не беретъ, и не мѣшай!» Но пажа моего и то непронимаетъ, но онъ началъ еще и болѣе меня безпокоить и даже за ноги тресть. Тогда вышелъ я изъ терпѣнія, и приподнявшись, сердито уже закричалъ на него: «Слышишь! пошелъ прочь, щенокъ, и не мѣшай! а то я велю тебя полицейскому офицеру неволею и съ нечестью и за хохолъ стащить!» — «Какъ бы не такъ!» сказалъ онъ.—«А вотъ я тебѣ и докажу, подхватилъ я, что точно такъ; господинъ офицеръ! сказалъ я, обратясь къ стоявшему вдали и караулившему меня товарищу моему. Подите сюда! и оттащите отъ меня этого щенка прочь, и отведите его».

Я хотѣлъ-было далѣе, но самъ не зная, что говорить; но спасибо, не было уже въ томъ болѣе нужды. Пажъ, увидя, что офицеръ въ самомъ дѣлѣ сталъ подходить къ намъ, такъ того испужался, что въ тотъ же мигъ вскочилъ и отъ насъ брызнулъ, а сіе и избавило меня отъ сего наяна, и я выспался себѣ тутъ до-сыта, и не прежде уже всталъ, какъ будучи разбуженъ своимъ товарищемъ; и какъ намъ сей опытъ удался, то непреминули мы и послѣ сею отвагою пользоваться и сыпать иногда на канапяхъ сихъ.

Но я заговорился уже такъ и позабылъ, что письмо мое уже слишкомъ увеличилось и что мнѣ давно пора его кончить; итакъ, окончивъ симъ, скажу, что я есмь навсегда, и прочее.

Письмо 95-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ жилъ я въ Петербургѣ и мыкалъ свое горе. О должности моей, какъ ни говорилъ г. Балабинъ, что она легкая и ничего незначущая, но она была въ самомъ дѣлѣ крайне трудная и пребезпокойная, а особливо въ первый мѣсяцъ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, и въ короткое время такъ мнѣ надоѣла и наскучила, что я проклиналъ ее и все на свѣтѣ и не радъ былъ почти животу своему.

И я истинно не знаю, какъ бы могъ переносить ее далѣе, еслибъ, по прошествіи праздниковъ, по вскрытіи рѣки Невы, по наведеніи чрезъ ее на Васильевскій Островъ моста и по наступленіи весны, не произошло въ обстоятельствахъ нашихъ небольшой и такой перемѣны, которая стала доставлять намъ временемъ и отрады и довольное уже иногда отдохновеніе, и чрезъ то сдѣлала мнѣ должность мою сноснѣйшею.

Произошло сіе болѣе отъ двухъ или трехъ причинъ, и во-первыхъ отъ того, что генералъ нашъ, имѣя давно уже у себя близкую пріятельницу въ женѣ того старичка Волчкова, который славенъ у насъ былъ переводами многихъ (сочиненій), а особливо Гофмановыхъ: «О спокойствіи и удовольствіи» и Белегардова «Истиннаго христіанина и честнаго человѣка», сталъ по прежнему ѣздить къ ней, очень часто, на Васильевскій Островъ, гдѣ она съ мужемъ своимъ жила, и пробывать у ней по цѣлой иногда половинѣ дня, и вечера цѣлые. Ибо, какъ онъ туда никого изъ насъ не бирывалъ, то, при всѣхъ такихъ случаяхъ, и оставались мы дома и могли по волѣ отдыхать и употреблять сіе время на себя.

Второе обстоятельство, уменьшившее также нѣкоторымъ образомъ ежедневное наше безпокойство, было то, что государь, по вскрытіи весны, началъ уже чаще заниматься экзерцированіемъ и смотрами своихъ войскъ и другими упражненіями, а потому и подобныя тѣмъ пиршествы, о какихъ упоминалъ я прежде, бывали уже рѣже, и мы съ генераломъ своихъ ѣзжали во дворецъ и на оныя не такъ уже часто.

Наконецъ, третья и наиглавнѣйшая причина перемѣны происшедшей была та, что какъ около сего времени ропотъ на государя и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, не только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ увеличивалось, но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ будучи крайне недовольными заключеннымъ съ пруссаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потеряніи Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность государя къ королю прусскому, на ненависть и презрѣніе его къ закону, а паче всего на крайнюю холодность, оказываемую къ государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой, а паче всего на оказываемое отчасу болѣе презрѣніе ко всѣмъ русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо голштинцамъ,— отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и рядить всѣ дѣла и поступки государевы. О государынѣ же императрицѣ, о которой носилась уже молва, что государь вознамѣревается ее совсѣмъ отринуть и постричь въ монастырь, сына же своего лишить наслѣдства — изъявлять повсюду сожалѣніе и явно ей благопріятствовать; то генералъ нашъ, будучи хитрымъ придворнымъ человѣкомъ и предусматривая, можетъ быть, чѣмъ все это кончится, и начиная опасаться, чтобъ въ случаѣ бунта и возмущенія, или важнаго во всемъ переворота, непретерпѣть бы и самому ему чего-нибудь, яко любимцу государеву, при таковомъ случаѣ — уже нѣкоторымъ образомъ и не радъ тому былъ, что государь его отмѣнно жаловалъ, и потому, сообразжаясь съ обстоятельствами, началъ уже стараться понемногу себя отъ государя сколько-нибудь уже и удалять, а напротивъ того тайнымъ и непримѣтнымъ образомъ прилѣпляться къ государынѣ императрицѣ и отъ времени до времени бывать на ея половинѣ и ей всѣмъ, чѣмъ только могъ, прислуживаться и подольщаться, что́ послѣ дѣйствительно и спасло его отъ бѣдствія и несчастія при послѣдовавшей потомъ революціи. Сія-то была третья причина, уменьшившая гораздо всегдашніе его выѣзды и заставлявшая болѣе сидѣть дома и заниматься будто своими полицейскими дѣлами, равно какъ и при самыхъ выѣздахъ не всегда насъ брать съ собою, но оставлять дома, что дѣлывалъ онъ всегда, когда случалось ему ѣздить на половину къ государынѣ или къ ея приверженцамъ. Сперва мы не знали всего того и только что дивились такой неожидаемой перемѣнѣ; но какъ узнали о потаенныхъ его бываніяхъ у императрицы, о препровожденіи у нея иногда по нѣсколько часовъ времени въ играніи въ карты и въ разговорахъ, то скоро догадались, къ чему все сіе клонится и отчего примѣченная нами перемѣна происходила.

Но какъ бы то ни было, но мы ею были очень довольны, а горевали и озабочивались только о себѣ съ другой стороны. Всѣмъ намъ помянутый народный ропотъ и всеобщее часъ отъ часу увеличивающееся неудовольствіе на государя было извѣстно, и какъ со всякимъ днемъ доходили до насъ о томъ непріятные слухи, а особливо когда извѣстно сдѣлалось намъ, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ и что приготовлялся уже для торжества мира огромный и великолѣпный фейерверкъ, то нерѣдко сошедшись на досугѣ, всѣ вмѣстѣ говаривали и разсуждали мы о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и начинали опасаться, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи. Мысли о семъ тѣмъ болѣе всѣхъ насъ тревожили

смущали и озабочивали, что мы опасались, чтобъ намъ при такомъ случаѣ не претерпѣть бы и самимъ чего-нибудь. «Сохрани Богъ, ежели что дѣйствительно произойдетъ!» говаривали мы не одинъ разъ между собою: «то генералу нашему трудно будетъ тогда уцѣлѣть. Всѣ почитаютъ его любимцемъ государевымъ, хотя онъ и далеко не въ такой милости у него какъ другіе; но разбираютъ ли при такихъ случаяхъ? И Боже сохрани, ежели сдѣлается съ нимъ что-нибудь дурное, то берегись и мы всѣ, при немъ живущіе! Сочтутъ и насъ во всемъ соучастниками и чтобъ не пострадать и намъ всѣмъ тогда ни за Христа, ни за Богородицу, и непогибнуть бы невозвратно».

Симъ и подобнымъ тому образомъ говаривали мы часто между собою, поканчивали обыкновенно разговоръ свой общимъ гореваніемъ о томъ, что живемъ въ такія сумнительныя времена и находимся при такомъ генералѣ, отъ котораго, кромѣ бѣды, впрочемъ никакого добра ожидать не можно; ибо въ непохвальбу ему можно сказать, что несмотря на все свое великое богатство, и обстоятельство, что ему, какъ бездѣтному, совсѣмъ некому было прочить, былъ онъ въ разсужденіи насъ до чрезвычайности скупъ и никогда даже и непомышлялъ о томъ, чтобъ чѣмъ-нибудь насъ облагодѣтельствовать, или возблагодарить насъ за всю нашу къ нему ревность, труды и услуги чѣмъ - нибудь существительнымъ. Никто изъ насъ не видалъ отъ него во всю нашу бытность при немъ ни малѣйшаго себѣ подарка или какого благодѣянія особливаго. А все состояло только въ томъ, что мы ѣдали за столомъ его; но къ сему обязывала его и должность, а потому съ сей стороны были мы ему не весьма благодарны.

Теперь кстати разскажу я вамъ, любезный пріятель, одно случившееся около сего времени со мною произшествіе, которое, по важности своей относительно до меня, особливаго примѣчанія достойно. Въ одинъ день, и какъ теперь помню, предъ обѣдомъ, когда мы всѣ были дома, пріѣзжаетъ къ намъ тотъ самый г. Орловъ, который въ послѣдующее время былъ столь славенъ въ свѣтѣ, и, сдѣлавшись у насъ первѣйшимъ большимъ бояриномъ, игралъ нѣсколько лѣтъ великую ролю въ государствѣ нашемъ. Я имѣлъ уже случай, въ прежнихъ письмахъ своихъ, сказывать вамъ, что сей человѣкъ былъ мнѣ знакомъ по Кёнигсбергу, и тогда, когда былъ онъ еще только капитаномъ и приставомъ у плѣннаго прусскаго королевскаго адъютанта, графа Шверина, и знакомъ болѣе потому, что онъ часто къ намъ хаживалъ въ канцелярію, что мы вмѣстѣ съ нимъ хаживали танцовать по мѣщанскимъ свадьбамъ, танцовали вмѣстѣ на генеральскихъ балахъ и маскарадахъ, и что онъ не только за ласковое и крайне пріятное свое обхожденіе былъ всѣми нами любимъ, но любилъ и самъ насъ, а особливо меня, и мы съ нимъ были не только очень коротко знакомы, но и дружны. Сей-то человѣкъ вошелъ тогда вдругъ въ залу, гдѣ я съ прочими находился, и какъ онъ былъ все еще таковъ же хорошъ, молодъ и статенъ, какъ былъ прежде, то нельзя мнѣ было тотчасъ не узнать его, и какъ я объ немъ съ того самаго времени, какъ онъ отъ насъ тогда съ Шверинымъ поѣхалъ, ничего не слыхалъ, и не зналъ, не вѣдалъ, гдѣ онъ и находится, то обрадовавшись невѣдомо какъ сему нечаянному свиданію, не успѣлъ его завидѣть, какъ съ распростертыми для объятія руками, побѣжалъ къ нему, закричавъ:

— «Ба! ба! ба! Григорій Григорьевичъ!...» А онъ, въ туже минуту узнавъ меня также, съ прежнею ласкою ко мнѣ воскликнулъ: «Ахъ! Болотенько!» (ибо такъ всегда онъ меня любя и шутя въ Кёнигсбергѣ называлъ): другъ мой! откуда ты это взялся? какимъ образомъ очутился здѣсь? Ужъ не въ штатѣ ли у Николая Андреевича?»

— Точно такъ! отвѣчалъ я ему, обнимающему и цѣлующему меня дружески: флигель его адъютантомъ!... Ахъ, Боже мой! продолжалъ я, какъ я радъ этому,

что тебя здѣсь нахожу и вижу здоровымъ и благополучнымъ!—«Ко мнѣ, ко мнѣ, братецъ, пожалуй! сказалъ онъ: я живу вотъ здѣсь близехонько, подлѣ дворца самаго, на Мойкѣ!»—Но скажи-жъ ты мнѣ! подхватилъ я: гдѣ-жъ ты нынѣ находишься и при чемъ такомъ! Вотъ ужъ не въ полевомъ прежнемъ, а въ артиллерійскомъ мундирѣ; уже не сдѣлался ли ты врагъ (?) артиллеристомъ?—«Здѣсь, здѣсь! братецъ, отвѣчалъ онъ захохотавши: точно артиллеристомъ и господиномъ еще цальмейстеромъ при артиллеріи!»

— Ну, поздравляю-жъ, поздравляю тебя, Григорій Григорьевичъ, получивъ чинъ сей! Дай Богъ тебѣ и выше и выше. Еще ты лучше и пригоже въ этомъ мундирѣ! Ей, ей, красавецъ! Сущій врагъ!

Я хотѣлъ-было далѣе говорить, но вошедшій въ ту минуту къ намъ генералъ нашъ помѣшалъ мнѣ въ томъ, и, увидѣвъ г. Орлова, который ему также по прежнему знакомству очень былъ извѣстенъ, также воскликнулъ:—«А! Григорій Григорьевичъ! Здравствуй, мой другъ!» —и поцѣловавъ его, взялъ за руку и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ, и пробылъ тамъ съ нимъ болѣе часа.

Что́ они тамъ съ нимъ говорили, того ничего я уже не знаю, а увидѣлъ только то, что генералъ унялъ его у себя обѣдать, говорилъ и обходился съ нимъ дружески, разговаривалъ за столомъ съ нимъ о кёнигсбергской нашей жизни и о томъ, какъ мы тамъ поживали, веселились и танцовали вмѣстѣ, и о прочемъ. Когда же встали изъ-за стола, и г. Орлову пришло время отъ насъ ѣхать, то обнявъ, разцѣловалъ онъ меня, опять по прежнему своему кёнигсбергскому еще обыкновенію, и опять убѣдительнѣйшимъ образомъ сталъ меня звать къ себѣ, и просить, чтобъ я у него побывалъ и навѣстилъ въ его квартирѣ. «Хорошо, хорошо! сказалъ я: какъ скоро только можно будетъ, то твой гость, и побываю у тебя».

Симъ кончилось тогда наше первое свиданіе и я почелъ его ничего незначущимъ; да и можно-ль было мнѣ тогда помышлять и вообразить себѣ, что призывъ сей былъ превеликой важности и открывалъ-было мнѣ путь къ достиженію высокихъ чиновъ и достоинствъ, къ пріобрѣтенію великихъ богатствъ и къ возшествію можетъ быть на высокія степени чести и знатности. Ибо я тогда ничего еще объ Орловѣ не зналъ и мнѣ и въ голову того вселиться никакъ не могло, чтобъ былъ сей человѣкъ тогда уже очень и очень коротко знакомъ государынѣ императрицѣ и, будучи къ ней въ особливости приверженъ, замышлялъ уже играть свою ролю и набиралъ для ей и для производства замышляемаго великаго дѣла и послѣдовавшаго потомъ славнаго переворота, изъ всѣхъ друзей и знакомцевъ своихъ партію и которыхъ всѣхъ онъ потомъ осчатливилъ, вывелъ въ люди, подѣлалъ знатными боярами богачами и на вѣкъ счастливыми, и чтобъ, какъ сумнѣваться въ томъ не можно, назначалъ онъ и меня тогда въ умѣ своемъ себѣ въ товарищи.

Всего того не зная ни мало и не вѣдая, и пропустилъ я сей случай безъ всякаго уваженія. Но какъ удивился, какъ чрезъ нѣсколько дней является ко мнѣ присланный нарочно отъ г. Орлова, кланяется отъ него и говоритъ: что приказалъ онъ меня звать какъ можно къ себѣ, и что есть ему до меня нужда!—«Хорошо, братецъ! сказалъ я присланному. Я побываю у него, какъ скоро найду свободное время». — «Онъ было приказалъ васъ звать теперь къ себѣ, и приказалъ-было мнѣ проводить васъ до его квартиры».—«Душевно-бъ радъ, мой другъ, но теперь мнѣ никакъ не можно! Вотъ видишь, карета стоитъ передъ крыльцомъ, генералъ въ сію минуту ѣдетъ со двора, и мнѣ надобно съ нимъ ѣхать. Итакъ, кланяйся, братецъ, Григорію Григорьевичу, и скажи, что теперь мнѣ никакъ недосужно, и что я повидаюсь съ нимъ послѣ».

Сіе и въ самомъ дѣлѣ такъ было: мы въ тотъ же часъ поѣхали со двора, и я не уважилъ и сего вторичнаго призыва, и почелъ оный ничего незначущимъ, и

мысленно еще самъ въ себѣ смѣялся и говорилъ:—«Какая чорту нужда! а такъ, небось, хочется пошалберить и повидаться».

Но не успѣло еще нѣсколько дней пройтить, какъ, къ превеликому удивленію моему, является опять тотъ же присланный отъ г. Орлова, и, остановивъ меня въ сѣняхъ, спѣшащаго иттить къ генералу, и опять кланяется мнѣ отъ него и опять зоветъ къ нему почти неотступно, говоря, что онъ велѣлъ мнѣ сказать, что, ей-ей, есть ему до меня крайняя нужда, и чтобъ я какъ можно къ нему пожаловалъ, пріѣхалъ и хоть бы на одну минуту.—«Батюшка ты мой! отвѣчалъ я ему. Ей-ей! мнѣ и теперь никакъ не можно. Генералъ спрашиваетъ меня, и я, видишь, спѣшу иттить къ нему». Сіе было и въ самомъ дѣлѣ, и генералъ чрезъ нѣсколько минутъ послалъ меня со двора и надавалъ мнѣ тогда столько коммиссій, что я съ превеликою досадою до самаго обѣда проѣздилъ и впрахъ измучился. Но на дорогѣ не одинъ разъ приходило мнѣ на мысль сіе призываніе: — «Господи! говорилъ я самъ себѣ и говорилъ не однажды: — какая бы такая Орлову была до меня нужда? да еще и крайняя? Никакихъ у насъ съ нимъ не было связей, и никакихъ такихъ дѣлъ между нами, по которымъ бы могла дойтить до меня когда-нибудь надобность, а того меньше и нужда!... Не понимаю я!...» продолжалъ я, пожимая плечами, и отъѣхавши, опять тоже и тоже вспоминалъ и дивился.

Наконецъ и вздумалъ-было къ нему завернуть, но такъ случись, что было тогда уже поздно, надобно было поспѣшать домой къ генералу, а къ тому-жъ какъ-то и позабылъ я, и не могъ въ точности вспомнить, гдѣ именно была его квартира, а у присланнаго хотѣлъ-было еще распросить, но его, вышедши въ сѣни, уже не засталъ, онъ тогда уже уѣхалъ; сверхъ того опасаясь, чтобъ сіе меня не задержало, отложилъ я и въ сей разъ свиданіе съ нимъ до другого случая, а пропустилъ благополучно и сей случай и не уважилъ ни мало и сего третичнаго призыва.

Но какъ бы вы думали? любезный пріятель, вѣдь при семъ одномъ не осталось еще сіе. Но г. Орлову, видно такъ усердно хотѣлось вплести меня въ свое дѣло, что не преминулъ рѣшиться онъ самъ опять къ генералу и нарочно только для того пріѣхать, чтобъ со мною видѣться, и меня какъ можно убѣдить пріѣхать къ нему; и потому, нашедъ меня въ сей разъ въ залѣ, тотчасъ ко мнѣ адресовался, и власно, какъ съ нѣкакою досадою мнѣ сказалъ: — «Эхъ, братецъ! ты какой! не могъ ты по сіе время никакъ побывать у меня, какъ я тебя и самъ, и чрезъ нп. (посланнаго), просилъ о томъ!»—«Эхъ, братецъ! отвѣчалъ я: ну, какъ это? развѣ не знаешь ты нашего генерала и не насмотрѣлся въ Кёнигсбергѣ, каковъ онъ, и каково жить при немъ его подкомандующимъ. Вѣдь онъ и здѣсь таковъ же: будь безотлучно при немъ и какъ отъ дяди ни пяди. Еслибъ можно было, то давно бы побывалъ, а то, ей-ей, не могъ никакъ и на одинъ часъ во всѣ сіи дни отъ него оторваться. Замучилъ-таки насъ до безконечности».—«Да какъ-таки такъ, подхватилъ онъ: какъ бы не найтить свободнаго времени, еслибъ похотѣлъ; а я божусь тебѣ, что имѣю до тебя крайнюю нужду, и что истинно нарочно для того сюда наиболѣе и пріѣхалъ, чтобъ тебя звать къ себѣ; ну, поѣдемъ же хоть теперь ко мнѣ!»—«Нельзя, голубчикъ мой, и теперь никакъ! отвѣчалъ я. Генералъ уже совсѣмъ готовъ и сбирается ѣхать со двора, и мнѣ приказано уже отъ него, чтобъ съ нимъ ѣхать!»—«Экое горе! подхватилъ онъ: а мнѣ крайняя до тебя есть нужда, и ты не повѣришь, какая крайняя надобность поговорить съ тобою».

— Господи! удивляясь, отвѣчалъ я: да какой такой нуждѣ необходимой быть?... не понимаю я, никакихъ у насъ съ тобою дѣлъ нѣтъ и не было!—«Этакой ты; ну, право, нужда, ей-ей! нужда, и нужда крайняя!»

— Фу! какой! подхватилъ я. Ежели есть

нужда, такъ развѣ не можно тебѣ сказать мнѣ ее здѣсь и теперь же?—«Нѣтъ, нельзя никакъ! отвѣчалъ онъ; а мнѣ хотѣлось бы съ тобою поговорить о томъ дома; пожалуйста, братецъ, поѣдемъ».— «Ну! истинно нельзя, голубчикъ ты мой! отвѣчалъ я: а ежели подлинно есть тебѣ нужда, то для чего-жъ и здѣсь не сказать? развѣ не хочешь говорить о томъ при людяхъ? Ну, такъ пойдемъ, вотъ туда въ дальнія комнаты, тамъ никого нѣтъ, и мы можемъ себѣ говорить обо всемъ и обо всемъ, никто насъ не увидитъ и не услышитъ, а благо время къ тому теперь свободное, и генералъ еще не совсѣмъ одѣлся».

Отъ предложенія сего позадумался-было онъ, однако вдругъ опять, власно, какъ встрепенувшись, мнѣ сказалъ:

— Нѣтъ, мой другъ! здѣсь никакъ и ни подъ какимъ видомъ нельзя, а пожалуйста, пріѣзжай ко мнѣ! ты одолжишь меня тѣмъ невѣдомо какъ!»

Тутъ опять, и власно какъ нарочно, растворились двери въ комнату генеральскую, и какъ намъ противъ самыхъ оныхъ тогда стоять случилось, то генералъ, увидѣвъ Орлова, сталъ звать его къ себѣ, и онъ принужденъ былъ, оставивъ меня, иттить къ нему. Но въ сей разъ не долѣе пробылъ онъ у него, какъ только нѣсколько минутъ, но, проходя опять чрезъ залу, не преминулъ поцѣловаться со мною и опять мнѣ сказать:—«Ну, пожалуйста, же, мой другъ, побывай у меня и какъ можно скорѣй, ты всегда найдешь меня дома, а особливо по утрамъ». — «Хорошо, хорошо! сказалъ я, и какъ скоро только можно будетъ».

Съ симъ и разстались мы тогда съ симъ человѣкомъ, и я ему хотя и вѣрное почти далъ слово побывать у него, но въ самомъ дѣлѣ, стали мнѣ неотступныя его просьбы и столь усильные зовы уже нѣсколько и подозрительны становиться и приводить меня въ недоумѣніе превеликое, такъ что я, поѣхавъ тогда съ генераломъ, во всю дорогу о томъ думалъ, и самъ въ себѣ говорилъ: «Господи! что за диковинка, и что за нужда такая? не понимаю я! Никакой, кажется, нуждѣ быть не можно, а того меньше такой, о которой при людяхъ и даже въ домѣ у насъ говорить не можно? Не понимаю, что за секреты такіе? ужъ нѣтъ ли какихъ у него сплетней особливыхъ, и не хочетъ ли онъ уже меня заманить во что-нибудь дурное? Да! вотъ и нашелъ человѣка! продолжалъ я самъ себѣ усмѣхаясь говорить, тотчасъ вѣдь и согласился на все! не на такого онъ напалъ!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ размышлялъ и самъ съ собою говорилъ я тогда во все утро, и всячески старался мыслями своими добраться до того, зачѣмъ такимъ призывалъ онъ меня къ себѣ. Болѣе всего подозрѣвалъ я, что не по масонскимъ ли дѣламъ то было?

Принадлежалъ онъ, какъ то извѣстно было мнѣ, къ сему ордену. И какъ онъ не однажды меня и въ Кёнигсбергѣ еще ко вступленію въ оный уговаривать старался, но я имѣя какъ-то во всю жизнь мою отвращеніе какъ отъ сего ордена, такъ и отъ всѣхъ другихъ подобныхъ тому тайныхъ связей и обществъ, не соглашался къ тому никакъ; то приходило мнѣ въ мысль, не хотѣлъ ли онъ и тогда заманить меня въ оный, и не за тѣмъ ли призывалъ меня съ такимъ усиліемъ, но истинной причины никакъ мнѣ и въ голову не приходило.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ тогдашнее время было очень шатко и самое критическое, то не имѣлъ я охоты входить ни въ какія сплетни, а особливо при тогдашнемъ моемъ философическомъ расположеніи мыслей, и потому, подумавъ гораздо и сказавъ самъ себѣ: уже ѣхать ли мнѣ къ нему и не погодить ли по крайней мѣрѣ еще? рѣшился наконецъ къ сему послѣднему, а чрезъ само сіе, все это произшествіе тѣмъ и кончилось. Г. Орловъ болѣе сего уже мнѣ не скучалъ и меня не видалъ, а я также, чѣмъ далѣе, тѣмъ меньше охоты имѣлъ къ нему ѣхать, и скоро совсѣмъ о томъ и думать пересталъ.

Но послѣ, какъ по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины открылось, что̀ такое былъ Орловъ и что онъ

тогда дѣлалъ и предпринималъ, то легко я могъ въ помянутомъ его усильномъ домогательствѣ къ заманенію меня къ себѣ, усмотрѣть истинную причину, и не могъ уже ни мало сумнѣваться въ томъ, что ему хотѣлось вплесть меня въ тогдашній свой комплотъ и преклонить вступить, вмѣстѣ съ ними, въ заговоръ тогдашній, и хотѣлось можетъ быть потому наиболѣе, что я былъ у Корфа, адъютантомъ, а сей находился въ милости у государя и они, можетъ быть, ласкались надеждою узнавать отъ меня о многомъ, до государя относящемся.

Но какъ бы то ни было, но я крайнимъ поразился изумленіемъ, услышавъ о революціи и обо всемъ, во время оной и послѣ происходившемъ. Однако не думайте, любезный пріятель, чтобъ я терзался притомъ сожалѣніемъ и туженіемъ о томъ, что упустилъ четверократный призывъ себя къ тому же, можетъ быть, счастію, какимъ воспользовались тогда всѣ сообщники гг. Орловыхъ и бывшіе съ ними въ заговорѣ, и досадою на самого себя, для чего непослушался я г. Орлова и не съѣздилъ тогда къ нему, къ чему натурально, еслибъ только похотѣлъ, то могъ бы найтить свободное время. Нѣтъ, нѣтъ, любезный пріятель, сіе всего меньше меня безпокоило; а я, какъ тогда, такъ и послѣ и даже и понынѣ, всегда, когда ни вспомню тогдашнее время и все помянутое съ г. Орловымъ происшествіе, какъ нахожу во всемъ ономъ нѣчто таинственное, и примѣчаю почти явные слѣды дѣйствія пекущагося тогда о истинномъ благѣ моемъ Промысла господня, старавшагося, какъ чрезъ всѣ вышеупомянутыя, власно какъ нарочно, случавшіяся мнѣ препятствія и невозможности къ ѣздѣ къ г. Орлову, такъ и послѣдующимъ потомъ удивительнымъ почти нехотѣніемъ моимъ, или паче нѣкакимъ и власно какъ по неволѣ удержаніемъ меня отъ того, спасти и предохранить меня, когда не отъ совершеннаго бѣдствія и несчастія, которое могло-бъ всего легче воспослѣдовать, такъ по меньшей мѣрѣ отъ наимучительнѣйшаго состоянія.

Ибо, судя по тогдашнему моему расположенію мыслей и, прямо, по философическимъ правиламъ въ жизни, къ какимъ я прилѣпился столь крѣпко еще въ Кёнигсбергѣ, за вѣрное полагаю, что я никакъ бы и ни подъ какимъ видомъ несогласился на предложеніе г. Орлова, еслибъ я къ нему тогда и поѣхалъ и отъ него оное услышалъ, но что оное поразило бы меня какъ громовымъ ударомъ, смутило бы весь мой духъ и повергло бы меня въ наимучительнѣйшее состояніе. Ибо, какъ съ одной стороны вся душа моя была тогда всего меньше заражена честолюбіемъ и любостяжательствомъ, и всего меньше обожала знатныя и высокія достоинствы, а жаждала единственно только мирной сельской, спокойной и уединенной жизни, въ которой бы могъ я заниматься науками и утѣшаться пріятностями оныхъ; а съ другой стороны, дѣло сіе и тогдашнее предпріятіе г. Орлова было такого рода, котораго счастливый и отмѣнно удачный успѣхъ не могъ еще быть никакъ предвидимъ и считаться достовѣрнымъ, но напротивъ того, все сіе отважное предпріятіе сопряжено было съ явною и наивеличайшею опасностію, и всякому, воспринимающему въ заговорѣ томъ соучастіе, надлежало тогда, власно какъ на карту, становить не только все свое благоденствіе, но и жизнь самую, и подвергаться самопроизвольно всѣмъ величайшимъ бѣдствіямъ въ свѣтѣ; то подумалъ ли бы и восхотѣлъ ли-бъ я тогда, для недостовѣрнаго полученія такихъ выгодъ, которыя почиталъ я тогда сущими ничтожностьми и единою мечтою, самопроизвольно несть голову свою на плаху и подвергнуть себя безъ всякой нужды наивеличайшей опасности жизни и пожертвовать тому всѣмъ спокойствіемъ и благоденствіемъ въ жизни?

Нѣтъ! нѣтъ! никогда бы и никакъ я на то не согласился, и какъ бы г. Орловъ ни сталъ меня уговаривать, но я вѣрно бы его непослушался. А какъ бы скоро сіе случилось, то подумайте, не подвергъ

ли-бъ я себя и самымъ симъ превеликой опасности? Не вооружилъ ли-бъ я всю ихъ шайку на себя злобою? Не произвелъ ли-бъ во всѣхъ ихъ опасеніе, чтобъ я не донесъ на нихъ государю и не подвергъ ихъ всѣхъ опасности величайшей, и не могли-ль бы они, для обезпеченія себя отъ меня, предпріять противъ самого меня еще чего-нибудь злого и даже восхотѣть сбыть меня съ рукъ и съ свѣта? Да хотя-бъ и того не было, такъ не могъ ли-бъ я и послѣ, какъ нехотѣвшій быть съ ними заодно, претерпѣть какого-нибудь за то бѣдствія и опасности? А оставляя и все сіе, не могло-ль бы единое узнаніе такого страшнаго дѣла, при всемъ нехотѣніи вступить въ такой опасный заговоръ, подвергнуть меня въ наимучительнѣйшую нерѣшимость, крайнее сумнительство и недоумѣніе, что̀ мнѣ тогда дѣлать, и молчать ли о томъ, или донесть гдѣ надлежало? Оба сіи случая были бы для меня страшны и могли-бъ духъ мой поражать неописаннымъ страхомъ и ужасомъ; ибо и самое молчаніе не сопряжено-ль бы уже было съ явною опасностію и ожиданіемъ непремѣннаго себѣ бѣдствія, въ случаѣ если-бъ заговоръ открылся и вкупѣ узнано было, что и я о томъ зналъ и вѣдалъ? Не сталъ ли-бъ тогда меня самый долгъ присяги побуждать открыть толь страшный заговоръ самому государю? Но отважился ли бы я и на сіе предпріятіе? А все сіе не стало-ль бы меня ежеминутно терзать и мучить?

Итакъ, другого не заключаю, что благодѣтельствующій мнѣ промыслъ Всемогущаго, положившій доставить мнѣ и безъ того такую жизнь, какую только желало мое сердце, и одарить меня истиннымъ, а не ложнымъ благополучіемъ въ жизни, восхотѣлъ меня всѣмъ тѣмъ спасти не только отъ величайшихъ бѣдствій и опасностей, но оказать мнѣ и самымъ тѣмъ наивеличайшее благодѣяніе въ жизни.

Но я удалился уже отъ моего повѣствованія и письмо мое такъ увеличилось, что мнѣ пора его кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

Письмо 96-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ упомянутое произшествіе у меня съ г. Орловымъ происходило, и у него съ соумышленниками своими ковался на государя и втайнѣ набиралась благопріятствующая императрицѣ партія, государь, ничего о томъ не зная, не вѣдая, а будучи въ совершенной безпечности, продолжалъ провождать время свое по прежнему, въ ежедневныхъ опорожниваніяхъ бутылокъ съ аглинскимъ своимъ любимымъ пивомъ, въ частыхъ у себя, а особливо по вечерамъ, пирушкахъ, съ любимцами своими и фавориткой, въ удостоиваніи первѣйшихъ вельможъ своихъ посѣщеніями, въ экзерцированіи и превращеніи на иной ладъ любезнаго своего кадетскаго корпуса и войскъ, какъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ, такъ и вновь пришедшихъ. А между тѣмъ, при помощи любимцовъ своихъ, занимался и разными политическими дѣлами, также и относящимися до правленія.

Первѣйшими и знаменитѣйшими тогда вельможами, носящими на себѣ отмѣнную милость и довѣренность отъ государя, были слѣдующіе: во-первыхъ, выписанный имъ тотчасъ изъ Голштиніи дядя государевъ, принцъ Георгъ Людвигъ Голштинскій, игравшій тогда знатнѣйшую ролю. Ему приданъ былъ титулъ «императорскаго высочества», и онъ извѣстенъ былъ тогда болѣе подъ именемъ принца Жоржа, какъ тогда всѣ его называли. Сей родственникъ государевъ удостоенъ былъ отъ него особливой довѣренности и милости, и на него возложено было наиболѣе поправленіе нашихъ войскъ и переобразованіе оныхъ на прусскій манеръ, или перелитіе ихъ въ прусскую форму. О качествахъ и свойствахъ сего принца не могу я сказать почти ничего достовѣрнаго, потому что я не зналъ его коротко, хотя мы съ генераломъ нашимъ и часто къ нему ѣзжали, а говорили тогда только всѣ, что онъ былъ не изъ пыл-

кихъ людей, а человѣчекъ очень, очень мякенькій и не слишкомъ дальновидный, замысловатый и расторопный. Совсѣмъ тѣмъ, государь оказывалъ къ нему особое почтеніе и уваженіе, но, къ сожалѣнію, не хотѣлъ никакъ внимать дружескимъ совѣтамъ и увѣщаніямъ сего близкаго родственника.

Другою знаменитѣйшею особою былъ тогда помянутый нашъ великій канцлеръ графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ, управляющій иностранными дѣлами.

За нимъ слѣдовали: генералы-фельдмаршалы: князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и возвращенный изъ ссылки старикъ Минихъ. Далѣе играли знаменитую тогда ролю принцъ Петръ Голштейнъ-Бекскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоэ, генералъ-прокуроръ и генералъ-кригсъ-комисаръ Глѣбовъ, нашъ генералъ Корфъ; также генералъ-поручики: князь Волконской и Мельгуновъ, а паче всѣхъ управлявшій наиболѣе всѣми штатскими дѣлами, дѣйствительный статскій совѣтникъ и тайный государевъ секретарь Дмитрій Васильевичъ Волковъ. А изъ адъютантовъ государевыхъ знаменитѣйшими были: баронъ Унгернъ и Гудовичъ, а особливо сей послѣдній, бывшій первымъ любимцемъ и толь близкимъ человѣкомъ при государѣ, что онъ не отходилъ почти отъ него ни пяди. Сей самый генералъ-адъютантъ посыланъ былъ первый отъ государя курьеромъ къ королю прусскому, съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ и съ увѣреніемъ о его къ нему почтеніи и дружествѣ, и самый тотъ, который первый привезъ въ Европу начальный лучъ надежды къ предстоящему близкому миру и по всему тому какъ королемъ, такъ и всѣми его министрами и генералами въ Штетинѣ, Берлинѣ, Магдебургѣ и въ другихъ мѣстахъ принимань былъ съ особливымъ почтеніемъ и повсюду утощаемъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ. Но никто пріѣздомъ его и извѣстіемъ, полученнымъ чрезъ его такъ много обрадованъ не былъ, какъ самъ король прусскій.

Сей въ то время, когда скончалась императрица Елисавета, находился въ пресквернѣйшихъ обстоятельствахъ, и лишась всей помощи и почти всей надежды, ожидалъ уже совершенной своей погибели, и оная казалась совсѣмъ неизбѣжною; ибо хотя побѣды его и могли остановить успѣхи его непріятелей, но къ обратному отнятію взятыхъ ими крѣпостей потребны были долговременныя и безпрепятственныя осады и многія счастливыя битвы.

Всѣ дѣлаемыя имъ напряженія не помогли ему уже ни мало, а всего достовѣрнѣйшимъ казалось ему, что вскорѣ мы осадимъ и возьмемъ славную его померанскую крѣпость Штетинъ, овладѣемъ опять резиденціею его, Берлиномъ, и даже всѣмъ его курфирствомъ, ибо все зависѣло отъ дѣятельности нашей, и тѣмъ паче, что мы и безъ того отрѣзали его совсѣмъ отъ Польши, изъ которой получалъ онъ до того свой хлѣбъ, какъ изъ магазина. Собственныя же его разоренныя земли терпѣли сами уже оскудѣніе въ съѣстныхъ припасахъ, а остатокъ запасеннаго въ магазинахъ хлѣба былъ такъ малъ, что недостаточно было его для прокормленія арміи и въ одно лѣто. Сверхъ того, былъ у него также недостатокъ въ рекрутахъ, въ лошадяхъ и во многихъ другихъ военныхъ потребностяхъ. Въ порохѣ и ядрахъ хотя и не было у него недостатка, также и въ деньгахъ, но при транспортахъ и доставленіяхъ того изъ отдаленныхъ мѣстъ дѣлались отчасу множайшія затрудненія. Во многомъ не хотѣли и не могли уже помогать ему и деньги. Всѣ сіи обстоятельствы такъ короля разстроили и смутили, что каковъ онъ до того ни былъ твердодушенъ, но тогда потерялъ всю свою бодрость и погрузился въ меланхолію. Онъ говорилъ уже мало, и самые его любимцы не могли уже почти добиться отъ него слова; сталъ уже обѣдать одинъ, пересталъ выходить на вахтпарадъ, не ѣздилъ болѣе прогуливаться, кинулъ свою флейту и былъ въ такомъ отчаяніи, что носилъ всегда при себѣ

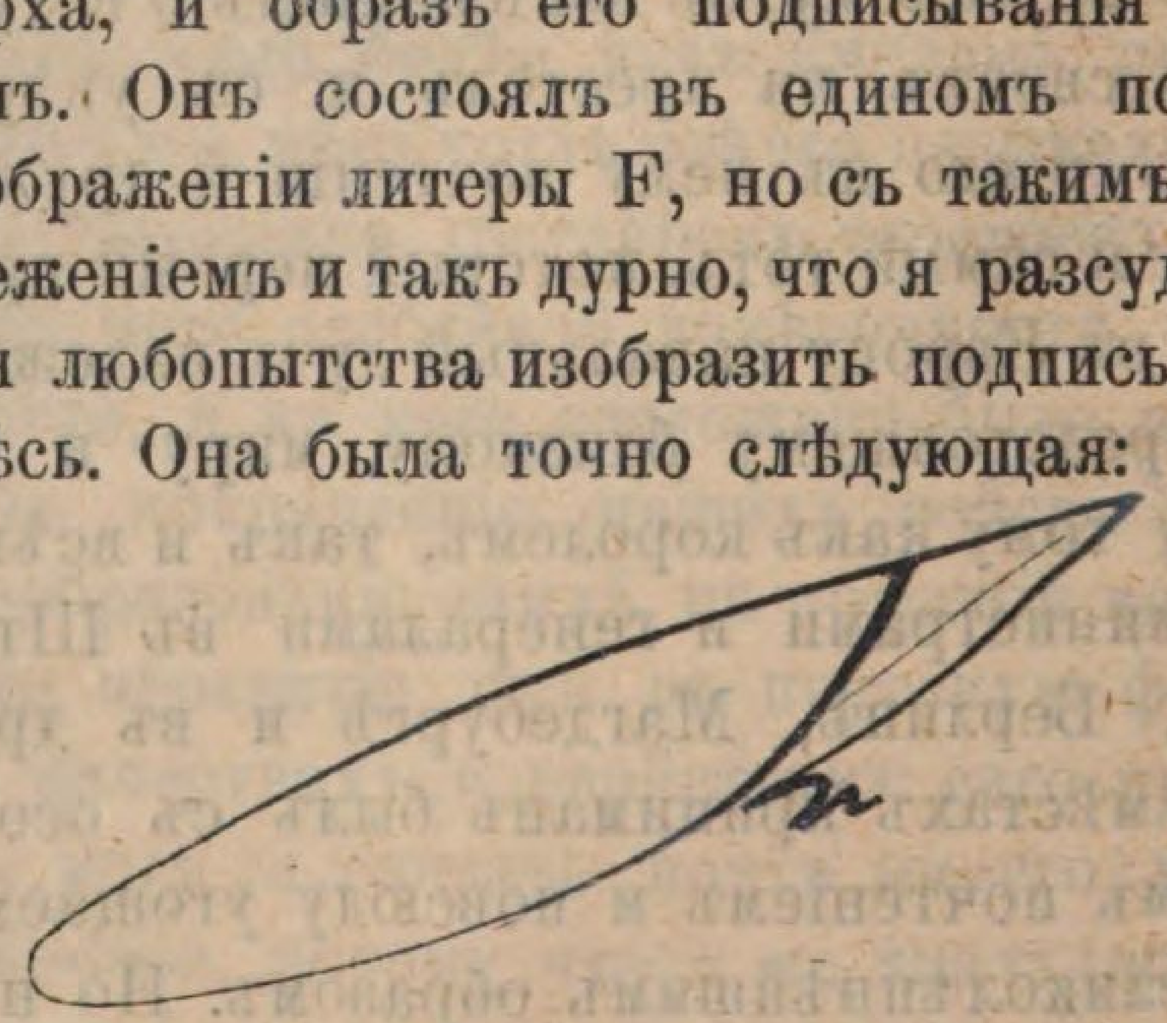
уже ядъ, дабы, въ случаѣ какого несчастія, не отдать себя непріятелямъ своимъ живымъ въ руки. Теперь судите, какъ же долженъ онъ былъ обрадоваться, какъ помянутый Гудовичъ, прискакавъ тогда къ нему, въ Бреславль, привезъ извѣстіе о кончинѣ его опаснѣйшей непріятельницы и о вступленіи на престолъ его друга и обожателя, увѣрявшаго его уже при первомъ шагѣ о безпредѣльномъ къ нему почтеніи и о желаніи заключить съ нимъ миръ, возстановить дружескую переписку и заключить даже формальный союзъ и дружбу; и когда король въ самое то же время узналъ, что велѣно было арміямъ нашимъ тотчасъ остановить и пресѣчь всѣ военныя дѣйствія, выттить изъ Помераніи, отдать опять Кольбергъ, освободить всѣхъ военно-плѣнныхъ и тотчасъ заключить на первый случай перемиріе, а Чернышову съ корпусомъ своимъ отойтить отъ цесарцевъ прочь и вступить въ его земли, для намѣреннаго потомъ соединенія съ его войсками? Радость его и дѣйствительно была чрезвычайная!

Король власно какъ оживотворился тогда опять, и сдѣлался совсѣмъ по прежнему веселъ, бодръ, живъ, сталъ принимать къ себѣ людей, со всѣми говорить, играть по прежнему на своей любимой флейтѣ и надѣяться не пасть подъ бременемъ тяжкихъ своихъ напастей, а восторжествовать еще, при помощи нашего государя, надъ всѣми своими врагами и непріятелями. И удивительно ли, что онъ, въ благодарность за сіе, велѣлъ также освободить всѣхъ и нашихъ военно-плѣнныхъ, а къ государю прислалъ свой орденъ Чернаго Орла, а вмѣстѣ съ нимъ такой же и нашему генералу Корфу, въ воздаяніе за его къ себѣ услуги при управленіи его королевствомъ Прусскимъ.

Орденъ сей присланъ былъ къ нему еще прежде моего пріѣзда въ Петербургъ; но онъ его какъ-то рѣдко на себѣ нашивалъ, и я его никогда не видалъ въ ономъ, а всегда висѣлъ онъ у него, съ широкою своею ранжевою лентою, на стопочкѣ въ спальнѣ. И я какъ теперь помню: однажды въ отсутствіе генерала, забравшись одинъ въ спальню сію, надѣвалъ еще сей орденъ самъ на себя, и ставъ передъ зеркаломъ, началъ-было любоваться онымъ; но тотчасъ опомнившись, захохоталъ тогдашней своей глупости, и снявъ скорѣе опять его съ себя, повѣсилъ на прежнее мѣсто и нѣсколько минутъ занимался философическими размышленіями о суетностяхъ сего рода украшеній и о томъ, какія страшныя и великія дѣйствія производятъ бездѣлушки сіи въ умахъ и дѣяніяхъ смертныхъ и сколь выгодно изобрѣтеніе сіе для государей, могущихъ такими бездѣлушками и такою дешевою монетою награждать подданныхъ своихъ за величайшія ихъ услуги и доводить ими многихъ людей даже до безумія и до того, что они для полученія ихъ жертвуютъ иногда всѣмъ и всѣмъ, и даже самою своею жизнію въ свѣтѣ.

Случилось же мнѣ также тутъ видѣть и самое то письмо, при которомъ присланъ былъ къ генералу нашему отъ короля сей орденъ, и которое подписано было его собственною рукою. Я не могъ довольно надивиться тому, что оно было совсѣмъ не такое, какія даются отъ нашихъ государей новопожалованнымъ кавалерамъ, но написанное мелкимъ нѣмецкимъ письмомъ, на четвертинкѣ почтовой бумаги, наипростѣйшимъ образомъ и безъ всякихъ украшеній.

Но всего смѣшнѣе и удивительнѣй была рука сего толь славнаго въ свѣтѣ монарха, и образъ его подписыванія писемъ. Онъ состоялъ въ единомъ почти изображеніи литеры F, но съ такимъ небреженіемъ и такъ дурно, что я разсудилъ для любопытства изобразить подпись сію здѣсь. Она была точно слѣдующая:

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія, и теперь возвращаясь къ прежнему и желая вамъ, любезный прія-

тель ,сообщить хотя краткое извѣстіе обо всемъ кратковременномъ правленіи императора **Петра III**, скажу далѣе, что кромѣ упомянутыхъ уже впереди мною наизнаменитѣйшихъ и первѣйшихъ его дѣлъ, какъ-то: дарованіе вольности дворянству, уничтоженіе тайной канцеляріи и прочихъ, состояли они и въ слѣдующихъ:

Онъ перемѣнилъ совсѣмъ прежнее состояніе тайнаго своего кабинета, и составилъ его только изъ двухъ особъ, объявивъ притомъ, что впредь будетъ онъ самъ предсѣдательствовать въономъ.

Онъ сдѣлалъ во всей арміи и во всемъ военномъ штатѣ великую перемѣну, и старался все учредить на ногѣ прусской. Перемѣнена была совсѣмъ прежняя экзерциція на манеръ прусскій; мундиры пошиты по прусскому покрою; прежнія и наиприличнѣйшія древнія званія полковъ по городамъ уничтожены и, какъ я уже упоминалъ, велѣно было имъ называться уже по фамиліямъ ихъ шефовъ, которымъ велѣно было и мундиры каждаго полку отличить отъ другихъ, чѣмъ они пожелаютъ сами. Званіе генералъ-аншефовъ уничтожено, и велѣно имъ называться просто генералами, а бригадирская степень уничтожена совсѣмъ, и полковники, по прусскому манеру, производились уже прямо въ генералъ-маіоры. Прежде бывшее наказаніе солдатъ и всѣхъ военныхъ батожьемъ, кошками и кнутомъ отмѣнено, и велѣно наказывать палками и фухтелемъ, и для экзерцированія войска велѣно было собраться къ Петербургу пятнадцати тысячамъ войска и стать лагеремъ.А для лучшаго во всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ успѣха, составлена особая военная коммисія, въ которой членами сдѣланы: принцъ **Жоржъ**, князь **Трубецкой**, **Вильбоэ**, **Глѣбовъ**, **Мельгуновъ** и генералъ-адъютантъ баронъ **Унгернъ**, а предсѣдательствовалъ въ оной самъ государь своею особою.

Далѣе, прежняя лейбъ-компанія была распущена, поелику содержаніе оной ежегодно до двухъ милліоновъ рублей государству стоило; напротивъ того, прежній его голштинскій конный полкъ получилъ всѣ преимущества конной гвардіи, и принцу **Жоржу** поручена была надъ нимъ команда. Въ самой Гольштиніи велѣлъ онъ учредить 7 пѣхотныхъ и 6 конныхъ полковъ, съ особымъ баталіономъ артиллеріи. Начальство же надъ кадетскимъ корпусомъ, при которомъ онъ самъ до того былъ и шефомъ и директоромъ, по сдѣланномъ напередъ нарочно для того особомъ и великомъ торжествѣ, обѣдѣ и экзерцированіи, поручилъ онъ генералъ-поручику и прежде бывшему императрицы **Елисаветы** фавориту, Ивану Ивановичу **Шувалову**.

Равномѣрное попеченіе началъ-было имѣть сей государь и о поправленіи и приведеніи въ лучшее состояніе нашего флота, и хотѣлъ, чтобъ аглинскіе морскіе офицеры принимали у насъ во флотѣ службу, и чтобъ корабли впредь строены были не въ Петербургѣ, а въ Кронштадтѣ. И въ маѣ имѣлъ онъ удовольствіе спустить при себѣ два вновь-построенныхъ военныхъ семидесяти-пушечныхъ корабля. Мнѣ самому случилось быть при семъ спускѣ оныхъ и видѣть всю употребляемую при томъ пышную церемонію. Стеченіе народа было притомъ безчисленное, и государь присутствовалъ при томъ самъ, съ императрицею и со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и всѣми иностранными министрами, и назвалъ одинъ изъ нихъ «**Королемъ Фридрихомъ**» а другой «**Принцемъ Жоржемъ**». Не могу изобразить, какъ напряжено было тогда у всѣхъ любопытство, когда въ нѣсколько сотъ топоровъ начали вдругъ подрубать подпоры, и какъ пріятна была для всѣхъ та минута, когда корабль по склизамъ полетѣлъ вдругъ съ берега въ рѣку Неву, и разсѣкалъ впервые хребетъ оной своими громадами. Громъ отъ пушечной пальбы, кричаніе «ура», радостныя восклицанія народа, и звукъ трубъ, литавръ и прочей музыки, раздавался тогда по всѣмъ окрестностямъ и придавалъ зрѣлищу сему еще болѣе пышности и величія.

Относительно до дѣлъ внутренняго правленія государственнаго, то сенату предоставленъ былъ только департаментъ граж-

данскихъ дѣлъ, и не велѣно было ему болѣе ни во что мѣшаться. А для попеченія о славѣ государства и благоденствія подданныхъ, сдѣлана конференція и членами оной принцъ Жоржъ, принцъ Голштейнъ-Бекскій, графъ Минихъ, князь Трубецкой, канцлеръ Воронцовъ, Вильбоэ, князь Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ. А чтобъ неотягощенъ былъ государь просьбами, то запрещено было подавать государю лично челобитныя, а велѣно просить обо всемъ въ учрежденныхъ къ тому мѣстахъ.

Въ самой полиціи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны: уничтожены вездѣ полицеймейстеры, и оставлены только въ обѣихъ столицахъ, и московскому велѣно быть подсудимымъ нашему генералу, яко главному полицеймейстеру.

Изданъ былъ также указъ, относящійся до поспѣшествованія коммерціи и торговлѣ, и силою онаго дозволенъ былъ выпускъ за море хлѣба, солонины и живого скота, и многія другія полезныя для торговли установленія.

Далѣе были, по приказанію его, освобождены изъ неволи, кромѣ Миниха, и многіе другіе, бывшіе въ ссылкѣ, а наиглавнѣйшій Биронъ, герцогъ курляндскій, съ обоими сыновьями своими. Баронъ Менгденъ съ фамиліею, баронъ Стрешневъ и графъ Лештокъ съ женою, и всѣмъ возвращены прежніе ихъ чины, имѣнія и достоинствы.

Въ самомъ придворномъ церемоніалѣ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны, и государь требовалъ отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, чтобъ они первые свои визиты дѣлали принцу Жоржу, поелику онъ его почиталъ первымъ принцемъ крови. Что касается до войны нашей съ пруссаками, то, по пресѣченіи военныхъ дѣйствій, съ самаго вступленія государева на престолъ, переговоры о мирѣ начало свое воспріяли и продолжались, при содѣйствіи самого государя, съ такою ревностію, что 24-е апрѣля былъ наконецъ тотъ день, въ который несчастная сія и толь многой крови и убытковъ намъ стоющая война, получила дѣйствительное свое окончаніе, и въ который заключенъ былъ между нами и пруссаками, такъ-называемый вѣчный миръ и самимъ государемъ подписанъ. А 30-го числа, тогожъ мѣсяца, былъ онъ и всему собранному ко двору генералитету и другимъ знатнѣйшимъ особамъ чрезъ великаго канцлера, графа Воронцова, объявленъ. И государь принималъ отъ всѣхъ поздравленія съ онымъ, и далъ потомъ превеликій обѣдъ, радуяся оному, какъ бы какой великой находкѣ, и при продолженіи стола, при безпрестанной пальбѣ изъ пушекъ, пилъ за здоровье короля прусскаго, къ крайней досадѣ и огорченію всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Послѣ сего обнародованъ былъ сей миръ и во всемъ городѣ, и 10-е число мая назначено для всеобщаго мирнаго торжества.

Торжество сіе и послѣдовало дѣйствительно помянутаго числа, и было въ своемъ родѣ хотя самое пышное и великолѣпное, но для всѣхъ россіянъ не весьма пріятное.

Собраніе во дворцѣ всѣхъ знатныхъ господъ и генералитета было многочисленное, а стеченіе народа, для смотрѣнія приготовленнаго къ сему случаю огромнаго и прекраснаго фейерверка, было несмѣтное.

Для обѣда и бала послѣ онаго приготовленъ и съ великою поспѣшностію отдѣланъ былъ большой залъ во дворцѣ, въ томъ фасѣ онаго, который былъ окнами на Неву рѣку. И государь, опорожнивъ можетъ быть во время стола излишнюю рюмку вина и въ энтузіазмѣ своемъ къ королю прусскому дошелъ даже до такого забытія самого себя, что публично, при всемъ великомъ множествѣ придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ, и при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, сталъ предъ портретомъ короля прусскаго на колѣни и, воздавая оному непомѣрное уже почтеніе, называлъ его своимъ государемъ: произшествіе, покрывшее всѣхъ присутствовавшихъ при томъ стыдомъ неизъяснимымъ и сдѣлавшееся столь громкимъ, что молва о томъ на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела въ серд-

цахъ всѣхъ россіянъ и во всемъ народѣ крайне непріятныя впечатлѣнія. Совсѣмъ тѣмъ, самому мнѣ произшествія сего не случилось видѣть, и помянутыхъ словъ, произведшихъ потомъ страшныя дѣйствія, слышать своими ушами, а говорили только тогда всѣ о томъ.

Нехотѣніе пробыть сей день безъ обѣда и весь оный промучиться въ тѣснотѣ и въ крайней скукѣ между множествомъ нашей братьи въ переднихъ дворцовыхъ комнатахъ, а напротивъ того, крайнее любопытство и желаніе видѣть на свободѣ сожженіе фейерверка и онымъ досыта налюбоваться, побудило меня употребить въ сей день небольшую и позволительную хитрость, и подъ предлогомъ недомоганія отдѣлаться въ сей день отъ ѣзды за генераломъ и остаться дома. И такъ, пообѣдавъ въ свое время и одѣвшись попростѣе, пошолъ я заблаговременно ко дворцу, и выбравъ себѣ наилучшее и способнѣйшее для смотрѣнія фейерверка мѣсто, сталъ спокойно зажженія онаго дожидаться. И хотя былъ тогда принужденъ ждать того нѣсколько часовъ и не безъ скуки, однако заплаченъ былъ съ лихвою за то неописаннымъ удовольствіемъ при смотрѣніи сего наипрекраснѣйшаго зрѣлища, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду и достойнаго по всѣмъ отношеніямъ всякаго вниманія отъ любопытнаго человѣка.

Былъ онъ самый огромный и стоющій многихъ тысячъ. Главнѣйшіе его фитильные щиты воздвигнуты были на берегу Васильевскаго острова противъ дворца и оконъ самой оной залы, гдѣ отправлялось тогда торжество. Впереди, противъ сихъ щитовъ, подѣланы были другія движущіяся колоссальныя фигуры, изображающія Пруссію и Россію, которыя, будучи сдвигаемы по склизамъ и загорѣвшись, сходились издалека вмѣстѣ, и, схватившись надъ жертвенникомъ руками, означали примиреніе. Не успѣло сего произойтить, какъ произрасло вдругъ на семъ мѣстѣ пальмовое дерево, горѣвшее наипрекраснѣйшимъ зеленымъ и такимъ огнемъ, какого я никогда до того не видывалъ. А вслѣдъ за симъ, выросли тутъ же и многія другія, такія же деревья и составили власно какъ амфитеатръ кругомъ сего мѣста. Уже и одно сіе зрѣлище было таково, что я не могъ имъ довольно налюбоваться; но сколь удовольствіе мое увеличилось, когда вслѣдъ за симъ вспыхнулъ и загорѣлся вдругъ большой щитъ и когда, по прошествіи перваго дыма, представился зрѣнію моему огромный и великолѣпный Янусовъ храмъ съ галлереями по обѣимъ сторонамъ и двумя портиками или присѣнками, горящій разными и прекрасными фитильными огнями. Невидавъ никогда еще въ такомъ совершенствѣ сдѣланный фитильный щитъ, не могъ я зрѣлищемъ симъ насытить тогда довольно глазъ своихъ. А неменьшимъ удовольствіемъ напоялось сердце мое при послѣдующихъ потомъ и болѣе часа сряду продолжавшихся верховыхъ и низменныхъ огняхъ и многоразличныхъ фигуръ, составляющихся изъ оныхъ. Какое множество горѣло тутъ разнаго рода наипрекраснѣйшихъ колесъ огненныхъ и фонтановъ, и другихъ тому подобныхъ штукъ! Какое множество выпущено было верховыхъ ракетъ и лустъ-кугелей! Какое множество бураковъ съ швермерами и звѣздами, и какое множество разныхъ водяныхъ фигуръ, горѣвшихъ на Невѣ передъ дворцомъ самымъ, и производившихъ разные звуки и шумы. Зрѣлищи сіи были такъ разнообразны и хороши, что я истинно едва успѣвалъ слѣдовать очами своими за всѣми сими и на большую часть новыми и невиданными для меня предметами, и удовольствіе мое было превеликое.

Наконецъ не менѣе увеселяли меня и другіе щиты, построенные на большихъ ладьяхъ, приводимые по водѣ и устанавливаемые противъ дворца на мѣсто сгорѣвшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ прорѣзной и составленный изъ искръ несмѣтнаго множества швермеровъ и колесъ, горѣвшихъ позади его, а другой, изъ такъ-называемыхъ свѣчекъ и бѣлаго огня, и оба сдѣланные очень хорошо и горѣвшіе весьма удачно.

Словомъ, фейерверкъ сей былъ огромный и такой, какіе бываютъ рѣдки, и стеченіе смотрѣвшаго народа было чрезвычайно великое. Всѣ берега рѣки Невы и всѣ ближнія мѣста были унизаны людьми, а не осталась и самая рѣка праздною, но усѣяна была множествомъ суденышковъ, наполненныхъ зрителями. По счастію, погода случилась тогда самая тихая и наиприятнѣйшая вешняя, только жаль было, что вечеръ тогда случился свѣтловатъ и не такъ было темно, какъ для фейерверка было надобно. Впрочемъ, зрѣлище сіе продолжалось нарочито долго, и мы не прежде разошлись, какъ уже около полуночи.

Симъ образомъ кончилось мирное торжество въ тотъ первый день. Но государю угодно было, чтобъ оно нѣкоторымъ образомъ продолжалось и въ послѣдующій день. Но какъ въ оный выставлены были только для подлаго народа быки и вино, то о семъ, какъ незаслуживающемъ дальнаго вниманія дѣлѣ, я и не упоминаю; а вспомнивъ, что письмо мое достигло обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, рѣшился на семъ мѣстѣ остановиться и предоставить дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

Письмо 97-е.

Любезный пріятель! Какъ государь ни старался сдѣлать мирное свое торжество для всѣхъ подданныхъ своихъ пріятнѣйшимъ, и самою пышностію онаго ослѣпить народъ подлый, однако сдѣланное имъ, чрезъ помянутую, крайне неосторожную поступку и ни съ чѣмъ несообразное уничиженіе себя передъ портретомъ короля прусскаго, непріятное и глубокое впечатлѣніе осталось въ сердцахъ подданныхъ его неизгладимымъ, и не только не уменьшило, но безконечно еще увеличило всеобщее на него негодованіе. Всѣ, до которыхъ только доходилъ о томъ слухъ, были поступкою сею крайне недовольны, а какъ присовокупилось къ тому и то, что тогда всему народу сдѣлалось уже извѣстно, что помирились мы съ пруссаками ни на чемъ, и онъ при заключеніи мира сего не удержалъ себѣ ни малѣйшей частички изъ завоеванныхъ земель, а положено было не только Померанію, но и все королевство Прусское отдать обратно, котораго всѣмъ россіянамъ было крайне жаль и о которомъ нѣкоторымъ извѣстно было, что король, находясь въ послѣдней своей крайней нуждѣ, намѣренъ былъ уже и самъ уступить его намъ на вѣки, еслибъ могъ только купить чрезъ то одно себѣ — миръ. А тогда не только получилъ его, такъ сказать, безданно безпошлинно, но сверхъ того и ту, совсѣмъ неожидаемую имъ и неописанно полезную для его выгоду, что государь нашъ изъ единой любви и непомѣрнаго къ нему почтенія, отставъ отъ всѣхъ прежнихъ союзниковъ нашихъ, съ которыми вмѣстѣ толико лѣтъ проливали мы кровь свою, за которыхъ потеряли толь многія тысячи наилучшихъ своихъ воиновъ, и пожертвовали толь многими милліонами нашихъ денегъ и истощили тѣмъ даже все государство наше, и не только отсталъ, но расположился еще и помогать противъ ихъ королю прусскому всѣми своими силами и возможностьми, и что для учиненія тому начала, велѣлъ уже бывшему при цесарской арміи Чернышовскому корпусу примкнуть къ прусской арміи, и вмѣстѣ съ пруссаками воевать противъ прежнихъ нашихъ союзниковъ цесарцевъ. А разсѣявшаяся о томъ въ народѣ повсемѣстная молва прибавляла еще, что будто бы государь помянутый нашъ. въ двадцати тысячахъ человѣкъ состоящій, Чернышовскій корпусъ даже подарилъ совсѣмъ и навсегда королю прусскому; а совсѣмъ тѣмъ, о возвращеніи прочей арміи въ Россію никто еще не говорилъ ни слова, а напротивъ того начинала разсѣваться молва, что государь, всѣмъ тѣмъ еще не удовольствуясь, затѣвалъ еще за Голштинію свою какую-то новую войну противъ датцкаго королевства, и что готовился уже флотъ нашъ къ отплытію въ море, а арміи нашей велѣно было иттить опять въ походъ, и

пробираться чрезъ Померанію въ Мекленбургъ, и что нѣкоторая оной часть, подъ предводительствомъ графа Румянцова, туда уже выступила; и что у государя не то было на умѣ, чтобъ чрезъ помянутое примиреніе съ королемъ прусскимъ доставить государству своему миръ, тишину, спокойствіе и отдохновеніе, но онъ вознамѣрился, чрезъ предприниманіе безъ всякой нужды новой, отдаленной и совсѣмъ безполезной для насъ войны, повергнуть все государство свое вновь въ бездну многоразличныхъ золъ и отягощеній, и войны сей такъ жаждалъ, что вознамѣривался даже самъ въ походъ съ арміею своею отправиться, и самолично командуя оною, и королю прусскому помогать и съ новыми непріятелями драться. То все сіе не только огорчало и смущало умы всѣхъ россіянъ, но и сердца ихъ раздражало противъ его до безконечности и такъ, что никто не могъ взирать на него съ спокойнымъ духомъ и не чувствуя въ душѣ и сердцѣ своемъ досады и крайняго негодованія и неудовольствія на него.

А все сіе и произвело то послѣдствіе, что неуспѣло помянутое мирное торжество окончиться, какъ бывшій до того, но все еще сносный и сокровенный народный ропотъ увеличился тогда вдругъ скорыми шагами, и дошелъ до того, что сдѣлался почти совершенно явнымъ и публичнымъ. Всѣ не шептали уже, а говорили о томъ въявь и ничего не опасаясь, и выводили изъ всего вышеписаннаго такія слѣдствія, которыя всякаго устрашить и въ крайнее сумнѣніе о благоденствіи всего государства повергать въ состояніи были.

Теперь посудите, каковожъ было тогда намъ, находившимся при полицейскомъ генералѣ и о увеличивающемся съ каждымъ днемъ помянутомъ всенародномъ ропотѣ, огорченіи и неудовольствіи, получающимъ ежедневныя увѣдомленія?—Не долженствовало-ль намъ тогда навѣрное полагать, что таковой необыкновенный ропотъ произведетъ страшныя дѣйствія и что неминуемо произойдетъ какой-нибудь бунтъ или всенародный мятежъ и возмущеніе? — Ахъ! любезный пріятель, мы того съ каждымъ почти часомъ и ожидали и я не могу вамъ изобразить, каково было для насъ сіе критическое время, и сколь много смущались сердца наши отъ того ежедневно.

Но никто, я думаю, такъ много всѣмъ тѣмъ не смущался, какъ я. Извѣстное уже вамъ тогдашнее расположеніе моего духа и мыслей дѣлало меня ко всему тому еще чувствительнѣйшимъ. Я воображалъ себѣ всѣ могущія при такомъ случаѣ быть опасности и бѣдствія, тужилъ тысячу разъ, что находился тогда при такой должности и жилъ при такомъ генералѣ, который, въ случаѣ мятежа и возмущенія, всего легче могъ и самъ погибнуть и насъ съ собою погубить; желалъ быть тогда за тысячу верстъ отъ него въ отдаленіи; помышлялъ уже нѣсколько разъ о томъ, чтобъ, воспользуясь дарованною всему дворянству вольностію, проситься въ отставку и требовать себѣ абшида; но и досадовалъ вкупѣ и досадовалъ невѣдомо какъ, что тогда собственно учинить того было не можно и что необходимо долженствовало дожидаться напередъ мѣсяца сентября, съ котораго дозволено только было проситься въ отставку. Сіе обстоятельство паче всего меня огорчало, и я истинно не знаю, что-бъ со мною было и до чего-бъ я дошелъ, еслибъ при всѣхъ сихъ крайне-смутныхъ обстоятельствахъ не подкрѣпляло меня мое твердое упованіе на моего Бога, и сдѣланное единожды навсегда препорученіе себя въ его святую волю, не ободряло весь мой духъ и не успокоивало сердце. Я надѣялся, что святой его и пекущійся о благѣ моемъ Промыслъ вѣрно не оставитъ меня и при семъ случаѣ и произведетъ то, что за лучшее и полезнѣйшее для меня признаетъ. И, ахъ! я не постыдился и въ сей разъ въ семъ упованіи моемъ на моего Творца и Бога!

Онъ и дѣйствительно не оставилъ меня и произвелъ то, чего я всего меньше

могъ тогда ожидать и думать!—Словомъ, святой волѣ его угодно было расположить тогда такъ обстоятельствы, что я вдругъ и противъ всякаго чаянія и ожиданія, сперва власно какъ нѣкоею невидимою силою, оторванъ былъ отъ моего генерала, наводившаго собою на насъ толь великое опасеніе, а вскорѣ потомъ ни думано, ни гадано, получилъ то, чего только жаждала вся душа моя и вожделѣло сердце. И какъ произшествіе сіе принадлежитъ къ достопамятнѣйшимъ въ моей жизни и имѣло великое вліяніе на весь остатокъ оной, то и опишу я оное вамъ въ подробности.

Случилось это въ одинъ день и, что удивительнѣе, въ самый такой, въ который мы, по дошедшимъ до насъ чрезъ полицейскихъ служителей новымъ слухамъ о увеличившемся ропотѣ и неудовольствіи народномъ, въ особливости были растревожены, и о томъ, собравшись предъ самымъ обѣдомъ въ кучку, между собою судачили, воздыхали и говорили, какъ вдругъ безъ памяти прискакалъ къ генералу нашему одинъ изъ государевыхъ ординарцевъ, и, пробѣжавъ мимо насъ къ генералу въ кабинетъ, ему сказалъ, чтобъ онъ въ ту же минуту ѣхалъ къ государю, и что государь на него въ гнѣвѣ. Не могу изобразить, какъ насъ всѣхъ необыкновенное сіе явленіе поразило и удивило. Чтожъ касается до генерала, который только что взъѣхалъ тогда на дворъ, возвратившись изъ обыкновенныхъ своихъ всякій день путешествіевъ, и расположившись въ сей день обѣдать дома, хотѣлъ-было только скидывать съ себя кавалерію и раздѣваться; то онъ, поблѣднѣвъ и помертвѣвъ отъ сей неожидаемой вѣсти, только что кричалъ: «Карету! Скорѣй карету!» и бѣжалъ въ нее садиться опять, и какъ оная была еще не отпряжена и ее вмигъ опять подвезли, то, подхватя съ собою товарища моего, князя **Урусова** и полицейскаго ординарца, которые одни въ тотъ день съ нимъ ѣздили, полетѣлъ отъ насъ какъ молнія туда, гдѣ государь тогда находился, и съ такою поспѣшностію, что едва успѣлъ намъ сказать, чтобъ мы погодили обѣдать, покуда онъ либо самъ пріѣдетъ, либо пришлетъ карету обратно.

Оставшись послѣ его, не знали мы, что думать и гадать о семъ произшествіи, и прежнее наше судаченье сдѣлалось еще больше и важнѣе. «Уже не произошло ли чего особливаго? говорили мы между собою: ужъ не сдѣлалось ли гдѣ мятежа и возмущенія какого? Нынѣ того и смотри и гляди!»

О государѣ всѣмъ намъ извѣстно было, что онъ въ то утро поѣхалъ за городъ смотрѣть пришедшій только наканунѣ того дня къ Петербургу прежній свой и любимый кирасирскій полкъ. «Уже не произошло ли тамъ чего-нибудь не дарового? продолжали мы говорить: или не увидѣлъ ли онъ чего во время ѣзды своей туда?... И, ахъ-ти!... бѣда будетъ тогда генералу нашему!... На перваго онъ оборвется на него, и первому скажетъ, для чего онъ, будучи полицеймейстеромъ, не глядитъ, не смотритъ...» Далѣе думали и говорили мы: «Ужъ не узналъ ли какимъ-нибудь образомъ государь, что генералъ нашъ тайкомъ и часто ѣздитъ къ государынѣ и просиживаетъ у ней по нѣскольку часовъ сряду и не за то ли онъ на него разгнѣвался?..»

Симъ и подобнымъ сему образомъ догадывались и говорили мы между собою, дожидаясь возвращенія генеральскаго, и сгарали крайнимъ любопытствомъ, желая узнать истинную причину, которая, однако, при всѣхъ нашихъ думаньяхъ и догадкахъ, никому изъ насъ и на мысль не приходила. А потому и судите, сколь великому надлежало быть нашему изумленію, и сколь сильно поражены были мы всѣ, когда, вмѣсто генерала, прискакалъ къ намъ одинъ товарищъ мой, князь **Урусовъ** и, вбѣжавъ къ намъ въ залъ, его съ любопытствомъ встрѣчающимъ, учинилъ намъ пренизкій поклонъ, и сказалъ: «Ну, братцы! поздравляю васъ всѣхъ!»—Съ чѣмъ такимъ? подхватили мы, и воспылали еще множайшимъ любопытствомъ слышать дальнѣйшее. «А вотъ съ тѣмъ, государи

мои! продолжалъ онъ: что всякій изъ насъ изволь-ка готовиться въ путь!»— Куда это? спросили мы въ нѣсколько голосовъ и перетревожившись уже отъ одного слова сего. — «Куда! подхватилъ онъ: ни меньше, ни больше, какъ въ заграничную армію!» — Что ты говоришь! спросили мы, крайне смутившись. Неужели генерала посылаютъ въ армію? — «Какое тебѣ генералъ? отвѣчалъ онъ: генералъ, какъ генералъ, остается тамъ же, гдѣ былъ, и поѣхалъ теперь съ государемъ обѣдать, а изволь-ка всѣ мы за границу!»—Какъ это? подхватили мы еще больше изумившись. Намъ то, зачѣмъ же такимъ въ армію?—«Какъ зачѣмъ? сказалъ онъ. Затѣмъ, чтобъ служить, иттить съ нею въ походъ, и воевать противъ непріятеля. Словомъ, было-бъ вамъ всѣмъ, государи мои, извѣстно и вѣдомо, что мы уже теперь не находимся въ штатѣ у генерала; а всѣхъ насъ у него отняли, и велѣно отправить насъ въ армію и распредѣлить по полкамъ опять».

Слова сіи поразили насъ всѣхъ, какъ громовымъ ударомъ. Мы оцѣпенѣли даже и не въ состояніи были долго выговорить ни единаго слова. Но вдругъ потомъ приударились въ разные голоса, спрашивать и говорить. Иной, не вѣря всему тому, говорилъ, что онъ шутитъ; другой считалъ это пустяками; третій крестился и говорилъ: Господи помилуй! какъ это можно! Но тѣ, которые не находили въ томъ шутки, приступали къ князю и просили его, чтобъ онъ не томилъ ихъ больше и сказалъ имъ: подлинно ли все тс правда? и буде онъ не шутитъ, то какимъ же образомъ и какъ это такъ сдѣлалось, и отъ кого произошла такая неожидаемость?

И тогда, князь, побожившись, что онъ ни мало не шутитъ, и что то не только точная правда, но онъ слышалъ и знаетъ, отъ кого и произошло все сіе.

«Словомъ—продолжалъ онъ, обратясь къ стоящему съ нами рядомъ нашему оберъ-квартермистру Лангу—говорить причиною тому никто иной, какъ вы, и по милости вашей вышла на насъ всѣхъ теперь такая невзгода и бѣда!» – Отъ меня? съ удивленіемъ спросилъ Лангъ. – «Точно такъ, и отъ васъ однихъ все это загорѣлось; а вотъ я вамъ и разскажу все дѣло. Вы вѣдь были прежде сего въ кирасирскомъ государевомъ полку, и изъ онаго къ намъ взяты?» – Былъ! сказалъ на сіе Лангъ, — ну, такъ-что-жъ?—«А вотъ что, отвѣчалъ князь. Какъ государю всѣ офицеры сего полку, а въ томъ числѣ и вы были коротко извѣстны, то сегодня, пріѣхавши смотрѣть свой полкъ, не находитъ онъ васъ и спрашиваетъ, гдѣ-бъ вы были, и для чего васъ нѣтъ во фрунтѣ. Ему отвѣчаютъ, что васъ давно уже нѣтъ въ полку, и что вы взяты генераломъ нашимъ къ нему въ оберъ-квартермистры. Государь не успѣлъ сего услышать, какъ и вспылилъ и прогнѣвался ужаснымъ образомъ на нашего генерала.

—«Какъ, это смѣлъ, кричалъ онъ въ гнѣвѣ,—взять его Корфъ изъ полку моего, какъ могъ отважиться сдѣлать то и оторвать отъ полку лучшаго офицера и безъ моей воли и приказанія? Да на что ему оберъ-квартермистръ? Арміею ли онъ командуетъ? въ походѣ что ли онъ? Ба! ба! ба! да на что ему и штатъ-то весь?..» Никто не посмѣлъ сказать на сіе государю ни одного слова, а онъ, часъ отъ часу болѣе гнѣваясь, велѣлъ въ тотъ же мигъ скакать ординарцу за генераломъ нашимъ, а самъ тотчасъ между тѣмъ далъ имянное повелѣніе, чтобъ у всѣхъ генераловъ, кои не командуютъ дѣйствительно войсками и не въ арміи, штатамъ впредь не быть и у всѣхъ таковыхъ чтобъ оные отнять, и отославъ въ армію, распредѣлить по полкамъ. Вотъ, государи мои! продолжалъ князь какъ началось, произошло и кончилось это дѣло. Генералъ нашъ, прискакавъ, хотя и оправдался предъ государемъ тѣмъ, что по прежнимъ распорядкамъ имѣлъ онъ право требовать, кого хотѣлъ; но сдѣланнаго перемѣнить не только уже не могъ, но не посмѣлъ и заикнуться о томъ, а доволенъ былъ, что государевъ гнѣвъ на него поутихъ, и что получилъ онъ приказаніе ѣхать съ нимъ обѣдать къ принцу

Жоржу, а съ симъ извѣстіемъ и прислалъ онъ меня къ вамъ, государи мои!...»

Теперь не могу я никакъ изобразить, съ какимъ любопытствомъ мы все сіе слушали, и въ каковыхъ разныхъ душевныхъ движеніяхъ были мы всѣ при окончаніи сей повѣсти, и при услышаніи о сей ужасной и всего меньше ожидаемой съ нами перемѣнѣ. Мы задумались, повѣсили всѣ головы и не знали, что думать и говорить. Никому изъ насъ не хотѣлось ѣхать въ армію, и къ тому-жъ еще и заграничную, а особливо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда извѣстно намъ уже было, что начиналась новая война противъ датчанъ.

Но никому не было извѣстіе сіе такъ поразительно, какъ мнѣ, едва только изъ-за границы пріѣхавшему и въ отечество свое возвратившемуся.—«Ахъ, батюшки мои!.... говорилъ я, ну-ка, велятъ распредѣлить еще по самымъ тѣмъ полкамъ, гдѣ кто до сего опредѣленія сюда былъ?.... Что тогда со мною будетъ? Полкъ-то нашъ въ Чернышовскомъ корпусѣ, и находится теперь при прусской арміи! и ну-ка то правда, что говорятъ, будто онъ вовсе отданъ и подаренъ королю прусскому? Погибъ я тогда совсѣмъ, и не видать уже мнѣ будетъ отечества своего на вѣки. О, Боже Всемогущій, что тогда со мною будетъ?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ я тогда и вслухъ и самъ съ собою. Сердце замирало во мнѣ при единомъ воображеніи сей обратной ѣзды въ армію, и мысли о семъ такъ смутили и растревожили весь духъ мой, что я, сѣвши за столъ, во весь обѣдъ не съ состояніи былъ проглотить единаго куска хлѣба. А не въ меньшемъ безпокойствіи и душевномъ смущеніи находились и всѣ прочіе мои сотоварищи. Всѣмъ имъ до крайности непріятна была сія перемѣна, и какъ всякому самому до себя тогда было, то никто и не помышлялъ о томъ, чтобъ утѣшать другихъ въ сей нечаянной горести и печали. Одинъ только Лангъ не горевалъ о томъ, ибо надѣялся, что онъ останется въ Петербургѣ, и что его опредѣлятъ по прежнему въ полкъ, изъ котораго онъ только-что прибылъ къ намъ предъ недавнимъ временемъ. Всѣ мы завидовали ему въ томъ, и въ сердцахъ своихъ немилосердо его ругали и бранили за то, что онъ былъ всему тому, хотя правду сказать, невинною съ своей стороны причиною.

«Догадало и генерала,—говорили мы тихонько между собою: набирать себѣ еще оберъ-квартермистровъ, оберъ-аудиторовъ! Ну, на что, сударь, въ самомъ дѣлѣ они ему? Мы хотя службу служили, и всякій день были не безъ дѣла, а они-то... На боку только лежали и за ними только и всего дѣла было, чтобъ приходить сюда обѣдать, и опять иттить на квартиры и заниматься, чѣмъ хотѣли». Совсѣмъ тѣмъ, что мы ни говорили и какъ о томъ ни судачили и ни разсуждали, но какъ дѣло было сдѣлано, и генералу приказано уже было насъ немедленно представить въ военную коллегію, то и не выходило у насъ сіе ни на минуту изъ ума и изъ памяти, и подало поводъ къ тому, что мы, вставши изъ-за стола, сдѣлали между собою общій совѣтъ и стали думать и гадать о томъ, какъ намъ въ семъ случаѣ быть и что при сихъ обстоятельствахъ дѣлать? И нѣтъ ли еще возможности какой къ тому, чтобъ намъ отбыть отъ распредѣленія по полкамъ и отправленія насъ въ заграничную армію. «Уже не можетъ ли,—говорили нѣкоторые изъ насъ—пособить намъ въ семъ случаѣ генералъ нашъ? Хоть бы ужъ эту милость сдѣлалъ онъ намъ за всѣ наши труды и безпокойную службу при немъ!»

—«Гдѣ генералу это сдѣлать, говорили напротивъ того другіе: и можно ли ему чѣмъ помочь, когда дано о томъ имянное повелѣніе! Онъ не посмѣетъ и заикнуться теперь о томъ, а особливо по обстоятельству, что и дѣло-то все произошло отъ него. Теперь всѣ наши братья его ругать и бранить за сіе будутъ!»

Что касается до меня, то мнѣ толкнулся тогда указъ о вольности дворянству въ

голову, и я, прицѣпясь мыслями къ тому, твердилъ только, что ничего бы такъ не хотѣлъ, какъ получить абшидъ и уйтить въ отставку, а не знаю только, какъ бы это можно было сдѣлать; но какъ таковое желаніе изъ всѣхъ насъ имѣлъ только я одинъ, а всѣмъ прочимъ не хотѣлось еще выбыть совсѣмъ изъ службы, а инымъ и некуда было иттить въ отставку, то они не только не совѣтовали и мнѣ того, но говорили еще, что едвали и можно будетъ мнѣ сіе сдѣлать; и тѣмъ доводили меня почти до отчаянія.

Съ цѣлый часъ проговорили и просудачили мы о семъ на тогдашнемъ общемъ совѣтѣ, и наконецъ, съ общаго согласія, положили, чтобъ на утріе поранѣе всѣмъ намъ собраться и, при предводительствѣ нашего генеральсъ-адъютанта Балабина, предстать предъ генерала съ униженнѣйшею нашею о томъ просьбою.—«Попытка не шутка, говорилъ господинъ Балабинъ, а спросъ не бѣда!.. отвѣдаемъ, попросимъ!.. Возьмется что-нибудь для насъ сдѣлать — хорошо, а не возмется, такъ мы и поклонъ ему, и станемъ искать уже другой какой дороги!...»

Съ симъ разошлись мы тогда, и я, пришедъ на квартиру свою, всю почти ночь о томъ тогда продумалъ, и попросилъ въ тайнѣ Творца моего и Бога, о вспоможеніи мнѣ въ семъ случаѣ и о томъ, чтобъ Онъ самъ наставилъ и надоумилъ меня, что мнѣ дѣлать и самъ бы мнѣ въ томъ руководствовалъ и помогалъ. На утріе собрались мы по сдѣланному условію всѣ въ кучку ранехонько къ генералу въ домъ, и, дождавшись какъ онъ всталъ, пошли къ нему въ кабинетъ.

Генералъ встрѣтилъ насъ изъявленіемъ искренняго своего сожалѣнія о происшедшемъ и о томъ, что противъ хотѣнія своего принужденъ теперь лишиться насъ. И изъявлялъ намъ, какъ онъ нами былъ доволенъ, и какъ бы не хотѣлъ никогда разстаться съ нами....

Мы кланялись ему и благодарили за хорошее его объ насъ мнѣніе, и увѣряли также и съ своей стороны, что мы такъ милостію его довольны были, что хотѣли бы всегда служить при немъ, хотя въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не то, а другое на сердцѣ и на умѣ у насъ тогда было, и мы съ сей стороны и ради еще были, что отъ него отдѣлались благополучно; но какъ скоро первый сей церемоніалъ кончился, то, смигнувшись, начали мы всѣ говорить, и кланяясь, просить его о вспоможеніи намъ въ нашей нуждѣ, и о исходатайствованіи того, чтобъ насъ не посылали въ армію, а распредѣлили-бъ тутъ гдѣ-нибудь по мѣстамъ разнымъ. Генералъ не успѣлъ сего услышать, какъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, и сталъ намъ клясться и божиться, что хотя бы онъ и душевно желалъ пособить намъ въ семъ случаѣ, но не находитъ себя ни мало къ тому въ состояніи, и чтобъ мы пожаловали его въ семъ случаѣ — извинили! Словомъ, онъ отказалъ намъ въ нашей просьбѣ совершенно, и чтобъ прервать скорѣй съ нами о томъ разговоръ, то кликалъ своего слугу, и велѣлъ подавать себѣ одѣваться и посылать полицейскаго секретаря съ дѣлами, который обыкновенно былъ уже къ тому на готовѣ.

Досадно и крайне чувствительно всѣмъ намъ было слышать такой скорый, холодный и совершенный отказъ отъ генерала, и видѣть явное нехотѣніе оказать намъ въ семъ случаѣ, хотя-бъ малое какое со стороны своей вспоможеніе, напримѣръ, хотя бы обѣщалъ попросить объ насъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, что̀ бы ему всего легче можно было и сдѣлать, а не только обѣщать. И какъ мы увидѣли, что онъ насъ тѣмъ власно какъ вонъ выгонялъ, то, поклонившись ему, вышли вонъ, мурча всякій себѣ подъ носъ, и ругая его въ мысляхъ за то немилосердымъ образомъ.

Мы, смолвившись, прошли всѣ чрезъ залъ, въ угольную и на другомъ краю дома находящуюся комнату, чтобъ и поговорить свободнѣе между собою и опять посовѣтовать, что дѣлать. Тамъ изливали мы на языки наши всѣ тогдашнія чувствованія сердецъ нашихъ: бранили и ругали генерала за его къ намъ неблагодарность, за неуваженіе всѣхъ ока-

занныхъ ему безчисленныхъ и почти рабскихъ услугъ и за нехотѣніе помочь намъ ни на волосъ, при тогдашнихъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ, въ которыя ввергнуты мы были по его же милости и безразсудку. Но какъ всѣ таковыя брани не въ состояніи были намъ принесть ни малѣйшей пользы, то, наговорившись досыта, приступили мы опять къ совѣщаніямъ о томъ, что дѣлать.

— «Ну, братцы!... сказалъ намъ опять нашъ бывшій генеральсъ-адъютантъ Балабинъ. Когда его высокопревосходительство изволилъ намъ такъ милостиво на отрѣзъ отказать, такъ не остается теперь другого, какъ всякому искать самому уже себѣ другую и лучшую дорогу. Нѣтъ ли, государи мои, у всякаго изъ васъ какихъ-нибудь другихъ милостивцевъ и знакомцевъ, которые бы могли за васъ въ военной коллегіи замолвить слово? Ступайте-ка, господа, теперь по домамъ своимъ и поищите-ка ихъ. Здѣсь у генерала дѣлать вамъ уже болѣе нечего. Ломоть уже отрѣзанъ и не пристанетъ, и такъ надобно поспѣшить и постараться о томъ, покуда еще не написано представленіе объ насъ, и какъ писать оное никому иному, какъ мнѣ будетъ надобно, то я постараюсь уже между тѣмъ сколько можно онымъ помѣшкать. Ступайте-ка, ступайте и нечего медлить, господа! надобно ковать желѣзо, покуда горячо. Ищите себѣ милостивцевъ и покровителей и приходите-ка завтра опять и гораздо поранѣе ко мнѣ».

Всѣ одобрили его мысли и предложеніе, и давъ требованное обѣщаніе, пошли, кто куда зналъ. А какъ и мнѣ дѣлать болѣе уже тутъ нечего было, то пошелъ и я, но самъ истинно не зная куда? Ибо, какъ у меня изъ всѣхъ знатныхъ не было ни единаго человѣка знакомаго и такого, къ которому бы я могъ въ сей нуждѣ прибѣгнуть, то не зналъ я, куда иттить и къ кому преклонить мнѣ бѣдную свою голову тогда. Никогда еще не былъ я такъ сильно печалію огорченъ, какъ въ сіи крайне критическія минуты. Я пошелъ повѣся голову изъ дома генеральскаго, и, идучи мимо окна, подъ которымъ онъ тогда сидѣлъ и чесался, взглянувъ на него, самъ въ себѣ подумалъ и, качавъ головою, говорилъ: «То-то только я отъ тебя, государь мой, и нажилъ! Затѣмъ-то только ты меня сюда выписалъ, и тѣмъ-то только возблагодарилъ за всѣ мои труды и услуги? Ну, Богъ съ тобою!» продолжалъ я и, сказавъ сіе, махнулъ рукою и пошелъ, не озираючись, далѣе!

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, на семъ мѣстѣ остановиться, и предоставя дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сіе окончить увѣреніемъ, что я есмь и прочая.

Письмо 98-е.

Любезный пріятель! Въ сегодняшнемъ письмѣ разскажу я вамъ о новомъ опытѣ милосердія божескаго ко мнѣ и о новой чертѣ дѣйствій благодѣтельствующаго и пекущагося обо мнѣ святого его Промысла, и самымъ тѣмъ докажу ту истину великую, что Всемогущій никогда такъ охотно слабымъ своимъ и немощнымъ тварямъ, возлагающимъ на него всю свою надежду и упованіе, въ нуждахъ ихъ не помогаетъ, какъ тогда, когда не остается уже имъ никакой помощи и надежды на другихъ смертныхъ, толико же слабыхъ и немощныхъ, какъ они и сами, и что онъ находитъ, власно какъ особливое удовольствіе въ томъ.

Самое сіе случилось тогда опять дѣйствительно со мною, и я имѣлъ удовольствіе видѣть въ собственномъ примѣрѣ своемъ и въ сей разъ подтвержденіе справедливости той простой пословицы нашей, что «когда Богъ присганетъ, такъ и пастыря приставитъ».

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ, вышедъ изъ дома генеральскаго въ крайнемъ недоумѣніи, задумчивости и огорченіи, нѣсколько сотъ шаговъ отойтить, идучи самъ почти не зная куда и зачѣмъ, какъ вдругъ и власно, какъ бы кто мнѣ въ уши шепнулъ, пришла мнѣ на мысль та Куносова любимая и наизусть мною дорогою выученная нѣмец-

кая духовная ода, о которой я вамъ однажды уже упоминалъ, и которая начиналась слѣдующими словами:

Es ist ein Gott, der sorgt für mich,
Und ich, ich lebe kümmerlich,
Und will mich selbst versorgen...

и вдругъ такъ меня ободрила, что я власно какъ оживотворился, и въ умѣ своемъ, какъ изъ сна воспрянувъ, сказалъ: «Фу! какая бѣда? что я за правду такъ горюю и отчаяваюсь? Нѣтъ у меня милостивцевъ и покровителей на землѣ, такъ есть на небесахъ и сильнѣе всѣхъ оныхъ! Есть такой, Который всего скорѣе все сдѣлать можетъ, и на Котораго мнѣ всего болѣе надѣяться можно». Слова сіи влили, какъ нѣкакій живительный бальзамъ въ уязвленную горестью мою душу. Вся она въ единый мигъ успокоилась тогда, сердце-жъ вострепетало какъ отъ радости какой, и разлило по всей крови моей нѣкое пріятное ощущаніе.

«Великій Боже! возопилъ я тогда, вообразивъ себѣ какъ можно живѣе его близкое присутствіе къ себѣ и устремя всѣ душевныя помышленія и всѣ чувствованія моего сердца къ Нему: вотъ слу«чай, при какихъ Ты отмѣнно любишь «помогать! Помоги Ты мнѣ въ нуждѣ «моей, да воспрославлю имя твое. Никого «нѣтъ у меня, кромѣ Тебя, къ кому-бъ «могъ я прибѣжище взять. Наставь и «научи Ты меня самъ и покажи слѣдъ, «куда иттить и что мнѣ дѣлать?»

Мысли сіи такъ меня тогда разстрогали, что какъ въ самую ту минуту случилось мнѣ поровняться съ одною церковью, стоявшею подлѣ пути моего, и я увидѣлъ входящихъ въ нее людей, то вдругъ произошло желаніе во мнѣ зайтить въ оную и помолиться. «Пойду! сказалъ я самъ себѣ, и повергну себя вмѣстѣ съ ними къ подножію ногъ моего Бога и Отца, и возвергши всю печаль на моего Господа, препоручу вновь себя въ святую волю его». И что-жъ произошло и вышло изъ сего?

Не успѣлъ я войтить въ церковь сію, какъ вдругъ поражаетъ меня видъ внутренности оной.

Я узнаю оную и вспоминаю, что нѣкогда бывалъ въ ней, и бывалъ много разъ, словомъ, что она была самая та, въ которую хаживалъ я такъ часто по приказанію господина Яковлева, когда, въ прежнюю мою бытность въ Петербургѣ, просилъ я о произведеніи себя въ офицеры, и какъ самая она привела мнѣ на память и сего тогдашняго моего милостивца и благодѣтеля, то, поразившись вдругъ напоминаніемъ симъ, сказалъ я въ мысляхъ самъ въ себѣ: «Да вотъ у меня есть знакомецъ и милостивецъ въ Петербургѣ. Я и позабылъ совсѣмъ про него! Но ахти! продолжалъ я: гдѣ-то онъ нынѣ? Чѣмъ-то и при какой должности?... Не случилось мнѣ какъ-то ни самого его видѣть, ни разговориться ни съ кѣмъ про него? Куда-то дѣлись они по смерти генерала ихъ, графа Шувалова, при которомъ онъ игралъ тогда таку великую ролю? Въ Петербургѣ-ль-то онъ еще, или куда выбылъ? мнѣ и не ума было объ этомъ распросить и распровѣдать; а вотъ при теперешнемъ случаѣ, онъ, можетъ быть, мнѣ бы и пригодился? Что я не распровѣдаю о томъ? право! распровѣдать бы... но гдѣ и какъ! Постой! воскликнулъ я, продолжая о семъ мыслить и часъ отъ часу прилѣпляясь болѣе къ этой мысли: всего лучше распровѣдать о томъ въ домѣ томъ, гдѣ онъ тогда жилъ и который былъ недалеко отсюда, и мнѣ довольно былъ знакомъ и примѣтенъ».

— «Ужъ не пойтить ли мнѣ теперь же туда? Время, благо, праздное и свободное! на квартирѣ чтожъ я буду дѣлать!... Ей-ей! сбѣгаю-ка я туда! Почему знать, можетъ быть и (не) по слѣпому случаю зашелъ я сюда въ церковь!... Можетъ быть и сама судьба завела меня сюда, чтобъ напомнить мнѣ о семъ человѣкѣ, и кто знаетъ! можетъ быть онъ и нынѣ въ состояніи будетъ мнѣ помочь такъ, какъ помогъ при тогдашнемъ случаѣ? и ахъ! когда бы могло это такъ случиться, и онъ помогъ бы мнѣ! Пойду! Ей-ей, пойду, и буде онъ тутъ, то адресуюсь прямо къ нему! Не великая бѣда, если и не удастся. Говорится же въ пословицѣ: «попытка не

шутка, а спросъ не бѣда».—Сказавъ сіе, и будучи всѣми мыслями и словами сими растроганъ очень, не сталъ я долго медлить, но положивъ съ особливымъ усердіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, и вздохнувъ изъ глубины сердца моего къ небесамъ, побѣжалъ я искать дома, гдѣ жилъ до того господинъ Яковлевъ, и какъ мнѣ отъ церкви всѣ улицы и переулки были еще довольно памятны, то и не трудно мнѣ было его найтить.

Теперь, судите же о изумленіи и крайнемъ удовольствіи моемъ, когда, подошедъ къ воротамъ дома сего, увидѣлъ я сходящаго съ крыльца одного армейскаго офицера, идущаго ко мнѣ на встрѣчу и мнѣ на сдѣланный мною учтивый вопросъ, не можетъ ли онъ мнѣ сказать, кто живетъ нынѣ въ этомъ домѣ? мнѣ сказавшаго:

— «Какъ кто! да развѣ вы не знаете? Хозяинъ, сударь, онаго, Михайла Александровичь Яковлевъ»! — Что вы говорите?—воскликнулъ я, обрадуясь до чрезвычайности.

— Но не знаете ли вы? — спросилъ я далѣе: дома ли онъ теперь или нѣтъ, и гдѣ-бъ мнѣ его найтить было можно? онъ мнѣ давнишній знакомецъ! — «Какъ не знать, отвѣчалъ онъ: я сей только часъ его видѣлъ и иду отъ него. Онъ дома, и вы извольте только иттить прямо на крыльцо, а тамъ въ залъ, и оттуда въ двери на лѣво. Онъ сидитъ въ кабинетѣ своемъ, и объ васъ тотчасъ ему доложатъ». — Покорно васъ, батюшка, благодарю, сказалъ я: вы меня очень обрадовали; но хотѣлось бы мнѣ васъ еще спросить, не можете ли вы мнѣ сказать, чѣмъ онъ нынѣ и служитъ ли еще? и буде служитъ, то гдѣ и при какой должности?—«Какъ? отвѣтствовалъ онъ мнѣ, удивившись. Неужели вы, батюшка, и того не знаете? Онъ, сударь, бригадиръ и засѣдаетъ въ военной коллегіи, и хотя вторымъ, но важнѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ. Всѣ почти дѣла онъ одинъ дѣлаетъ»!—Не вправду ли? О Боже Всемогущій! воскликнулъ я, самъ себя почти не вспомнивъ отъ удовольствія и радости. Ахъ! какъ вы меня обрадовали, государь мой! и какъ я вамъ за сіе благодаренъ.

Офицеръ удивился моему восторгу и не преминулъ спросить меня, не имѣю ли я до него нужды, и не нужно ли мнѣ въ чемъ-нибудь его вспоможенія?

— То-то и дѣло! отвѣчалъ я, и нужда превеликая!

— «Ну, такъ ступайте, батюшка, съ Богомъ и адресуйтесь къ нему прямо. Онъ человѣкъ милостивый, и если только ему можно, то все для васъ сдѣлаетъ, а особливо, если вы ему знакомы». Сказавъ сіе и раскланявшись со мною, пошелъ онъ своимъ путемъ далѣе, а я, оставшись, въ нѣсколько минутъ не могъ собраться съ духомъ отъ удивительнаго сплетенія всѣхъ сихъ обстоятельствъ, поразившаго меня нечаянностію своею до чрезвычайности.

Наконецъ, взошедъ на крыльцо, а потомъ въ залъ, довольно мнѣ еще памятный и знакомый, удивился я не нашедъ въ немъ ни одного человѣка, и увидѣвъ въ правой сторонѣ большія стеклянныя двери, а за ними домашнюю церковь, которой въ прежнюю мою бытность совсѣмъ тутъ не было. Я, помолившись и тутъ моему Создателю, и возславъ къ нему благодарный вздохъ за нечаянное приведеніе меня въ домъ сей, пошелъ прямо туда, куда мнѣ сказано было, то есть влѣво и во внутреннія комнаты г. Яковлева. Тутъ нахожу я одного только лакея, который не успѣлъ меня увидѣть, какъ, вскочивъ, побѣжалъ-было обо мнѣ сказывать. Но не успѣлъ онъ растворить въ кабинетъ двери, какъ г. Яковлевъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Пожалуйте сюда»! и между тѣмъ, какъ я ему кланялся и собирался говорить, продолжалъ: «Что-то мнѣ знакомо лицо ваше, батюшка! кто вы таковы? Пожалуйте мнѣ скажите».

Не успѣлъ я вымолвить, что я Болотовъ, какъ спѣшилъ онъ меня обнять и, цѣлуя, продолжалъ:

— «Ахъ! Боже мой! сынъ покойнаго Тимоѳея Петровича! Все ли, мой другъ, здоровъ? гдѣ ты нынѣ и чѣмъ служишь? Да! да! да! бишь при Корфѣ! продолжалъ

онъ: и я позабылъ-было, что мы опредѣлили тебя къ нему во флигель-адъютанты. Ну! давно ли ты пріѣхалъ, и хорошо ли тебѣ служить-то при немъ, человѣкъ онъ какъ-то слишкомъ горячій»!—Это такъ! но это бы все ничего, сказалъ я. Мы уже привыкли къ нему. Но теперь не то меня смущаетъ и огорчаетъ.—«А что-жъ»? спросилъ онъ меня съ поспѣшностію.—Ахъ, батюшка, Михайла Александровичъ! Насъ вѣдь отъ него отняли, и велѣно отправить опять насъ въ армію!—«Какъ это и какимъ образомъ»? спросилъ онъ удивившись, ибо слухъ о томъ до него еще не достигъ. Тогда разсказалъ я ему все дѣло и, окончивъ повѣствованіе свое, примолвилъ: «Вотъ въ какихъ досадныхъ обстоятельствахъ мы теперь находимся; и я пришелъ теперь къ вамъ, батюшка Михайла Александровичъ, просить, нельзя ли вамъ сдѣлать надо мною великую свою милость. Тогда вы меня, какъ изъ мертвыхъ воскресили и всему благополучію моему положили начало, воскресите, батюшка, меня и нынѣ, если только можно, и избавьте меня какимъ-нибудь образомъ отъ арміи, и чтобъ мнѣ не ѣхать опять за границу, откуда я только что пріѣхалъ. Я всю надежду мою на васъ одного полагаю, и вы обяжите меня тѣмъ до безконечности».

— «Хорошо, мой другъ! сказалъ мнѣ на сіе г. Яковлевъ, и сказавъ сіе, задумался. Я не знаю еще, продолжалъ онъ: сдѣланнаго объ васъ намъ предписанія. Ну, если предписано очень строго и никакъ того сдѣлать нельзя будетъ, въ такомъ случаѣ ты меня ужъ извини тогда, мой другъ, невозможнаго и самъ Богъ отъ насъ не требуетъ. Однако, между тѣмъ, скажи ты мнѣ, куда-жъ бы тебѣ хотѣлось, если не въ армію»?—Ахъ, батюшка Михайла Александровичъ! сказалъ я. Еслибъ только можно было, то я бы никуда не хотѣлъ, а желалъ бы всего болѣе удалиться въ свою деревнишку, и питаться въ ней чѣмъ Богъ послалъ и своими трудами.

— «Это всего лучше! подхватилъ г. Яковлевъ, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не могъ ты, мой другъ, ничего благоразумнѣе сего выдумать, и я очень бы и очень желалъ, еслибъ могъ тебѣ пособить въ семъ случаѣ. Однако, молись прилежнѣе Богу и ходи только почаще распровѣдывать обо всемъ къ намъ въ военную коллегію. Можетъ быть, мы это какъ-нибудь и сдѣлаемъ. Это сколько-нибудь уже легче прочаго, а то признаюсь тебѣ, мой другъ, опредѣленіе нынѣ по другимъ мѣстамъ сопряжено съ крайними затрудненіями». Я учинилъ ему за сіе пренизкій поклонъ и хотѣлъ-было приносить ему тысячу благодареній; но онъ, не допустя меня до того, спросилъ далѣе: —«Но скажи-ка ты мнѣ то напередъ, послано ли уже отъ генерала вашего къ намъ представленіе объ васъ, или еще не послано»?—Нѣтъ еще, сказалъ я. — «Ну! хорошо-жъ; отвѣчалъ онъ: такъ слушай же, мой другъ! Чтобъ удобнѣе намъ можно было сдѣлать, то постарайся ты уже о томъ, чтобъ генералъ вашъ въ представленіи своемъ объ васъ, не упоминалъ ничего объ отправленіи васъ въ армію, а вмѣсто того примолвилъ только, что онъ проситъ военную коллегію о ученіи съ вами по желаніямъ вашимъ, а желанія сіи чтобъ объяснены были противъ именъ вашихъ въ приложенномъ къ представленію спискѣ, и попросите его какъ можно, чтобъ онъ сіе сдѣлалъ». — Очень хорошо! сказалъ я, а съ симъ и отпустилъ онъ меня тогда отъ себя.

Теперь легко вы можете сами, любезный пріятель, вообразить, съ какою радостію побѣжалъ я отъ него къ дому генеральскому и сколь пріятно было для меня сіе краткое путешествіе. Я не слыхалъ почти ногъ подъ собою, и всѣ мысли мои заняты были тѣмъ и упоены пріятнѣйшею надеждою. Сколько разъ на пути семъ благодарилъ я моего Господа, за ниспосланную ко мнѣ и столь очевидную почти отъ него помощь и покровительство, и не сомнѣвался уже никакъ въ достиженіи до желаемаго.

Какъ генерала своего не засталъ я дома, то побѣжалъ прямо къ господину Балабину, съ которымъ и хотѣлось мнѣ болѣе видѣться, и сообщилъ ему все, что

со мною случилось и разсказалъ о всѣхъ словахъ г. Яковлева. Онъ дивился не менѣе моего нечаянности сего случая, и радъ былъ невѣдомо какъ, что я такъ скоро симъ дѣломъ спроворилъ. «Ну! спасибо! право спасибо, Андрей Тимоѳеевичъ! говорилъ онъ. При тебѣ, можетъ быть, и намъ всѣмъ хорошо будетъ. И на что намъ всѣмъ лучше сего ходатая и попечителя, и искомъ бы искать, не найтить намъ лучшаго. Я самъ знаю, что онъ ворочаетъ почти одинъ всѣми дѣлами въ военной коллегіи. А что касается до генерала нашего, продолжалъ онъ, такъ уговорить его написать то беру уже я на себя. Я на горло ему наступлю, если вздумаетъ онъ и въ томъ уже намъ отказать! Онъ и не хотя у меня напишетъ. Соберитесь-ка завтра поранѣе сюда, и положитесь въ томъ на меня».

Пришедъ на квартиру, препроводилъ я весь остатокъ того дня уже повеселѣе прежняго, а люди мои почти вспрыгались отъ радости, когда я имъ сказалъ, что Богъ подаетъ намъ надежду быть скоро дома и получить отставку. А и въ ночь, послѣдующую за симъ, спалъ я уже поспокойнѣе, нежели въ прошедшую; ибо голова моя набита была мыслями не объ арміи и не о войнѣ, а уже воображеніями пріятной сельской жизни.

На утріе, какъ пришелъ я въ домъ генеральскій, то нашелъ всѣхъ моихъ бывшихъ сотоварищей въ собраніи, и г. Балабина, ушедшаго уже къ генералу, съ написаннымъ объ насъ представленіемъ. Онъ успѣлъ уже до меня отобрать ото всѣхъ желанія и вписать оныя противъ имянъ въ списокъ; а вскорѣ послѣ того вышелъ и онъ отъ генерала, и завидѣвъ насъ, сказалъ:—«Ну! братцы! скажите спасибо!... Было хлопотъ довольно, и на силу, на силу уломалъ я его, какъ добраго чорта. Не хотѣлъ-было никакъ подписывать написаннаго мною, и чего и чего не говорилъ онъ! И не смѣетъ-то, и боится-то государя сдѣлать объ насъ такое представленіе, и будетъ-то оно ни мало не кстати; и не произведетъ-то намъ никакой пользы, и коллегія-то его не послушаетъ, и подниметъ только на смѣхъ и ничего-то изъ того не выйдетъ!... Словомъ, онъ отговаривался всѣмъ и всѣмъ; но я приступилъ къ нему уже не путёмъ, и говорилъ наконецъ: пускай же не выйдетъ изъ того ничего, и коллегія его не послушаетъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ не останется намъ ничѣмъ долженъ, и мы будемъ уже на несчастіе свое, а не на его жаловаться. И симъ-то и подобнымъ тому образомъ, на силу-на силу, преклонилъ его къ тому, чтобъ послать такое представленіе на Божью волю и на удачу. И теперь пойдемте, господа, онъ велѣлъ мнѣ всѣхъ васъ къ себѣ представить».

Всѣ мы благодарили г. Балабина за его объ насъ стараніе и пошли за нимъ въ кабинетъ къ генералу.

—«Ну, государи мои! сказалъ онъ намъ при входѣ: хотя бы мнѣ и слѣдовало, но я расположился уже представить объ васъ военной коллегіи такъ, какъ вамъ хотѣлось; вотъ оно. Возьмите его и доставьте сами въ коллегію, и дай Богъ вамъ получить все, желаемое вами». Мы кланялись ему и благодарили, и какъ изъ всѣхъ насъ одинъ только я объявилъ желаніе иттить въ отставку на свое пропитаніе, а прочимъ всѣмъ хотѣлось по большей части къ дѣламъ, то, при выходѣ нашемъ отъ него, кликнулъ онъ меня назадъ и мнѣ по-нѣмецки сказалъ:

— «Такъ ты домой, Болотовъ, хочешь? и на свое пропитаніе?»

— Домой, ваше высокопревосходительство!

— «Хоть бы и раненько иттить тебѣ въ отставку, продолжалъ онъ: но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ разумнѣе всѣхъ это ты дѣлаешь. Съ Богомъ, мой другъ, съ Богомъ! и дай Богъ тебѣ получить желаемое, и чѣмъ бы скорѣй, тѣмъ лучше».

Съ сими словами отпустилъ онъ меня, и мы въ тотъ же часъ всѣ гурьбою пошли въ военную коллегію и представленіе о себѣ подали. Тутъ велѣно было намъ нѣсколько обождать, а чрезъ полчаса и вышелъ къ намъ самъ г. Яков-

левъ и, спросивъ насъ, всѣмъ моимъ товарищамъ сказалъ, чтобъ они взяли терпѣніе и пообождали, покуда коллегія найдетъ праздныя мѣста, въ которыя бы можно было ихъ размѣстить по ихъ желаніямъ, а между тѣмъ отъ времени до времени справливались бы они о томъ въ коллегіи. «А что до васъ, г. Болотовъ, касается, — обратясь ко мнѣ, продолжалъ онъ: — то вы извольте объ отставкѣ вашъ, въ силу указа о вольности дворянства, подать въ коллегію особую челобитную; да вотъ, постойте, я велю ее вамъ и написать». Сказавъ сіе, обратился онъ къ одному стоявшему тутъ вахмистру и велѣлъ меня отвесть къ одному повытчику и сказать, чтобъ онъ тотчасъ написалъ мнѣ челобитную объ отставкѣ и чтобъ она въ тотъ же еще день и къ подачѣ поспѣла.

Всѣ удивились такому обо мнѣ особенному приказанію, а вахмистръ оказалъ такую ревность къ исполненію повелѣннаго, что въ тотъ же мигъ подхватилъ меня и помчалъ чрезъ набитыя народомъ комнаты въ самую крайнюю, съ такою поспѣшностію, что не далъ времени съ завидующими уже мнѣ товарищами моими молвить и одного слова и съ ними проститься; и, приведя туда, отдалъ меня съ рукъ на руки повытчику и пересказалъ все, что ему приказано было. Повытчикъ мой, не сказавъ ни ему, ни мнѣ на то ни одного слова, а давъ только ему знакъ рукою, чтобы онъ шелъ, сѣлъ себѣ писать по прежнему.

Я тотчасъ догадался, что̀ сіе значило, и, отвернувшись къ сторонѣ, выхватилъ изъ кошелька рубль и, всунувъ ему непримѣтно его въ руку, на ухо ему шепнулъ: «Пожалуй-ка, мой другъ, потрудись и поспѣши челобитную написать и будь увѣренъ, что я буду тебѣ благодаренъ».

Не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ и началась у насъ съ нимъ, противъ всякаго ожиданія, сущая комедія. Онъ вдругъ-таки, приподнявшись съ мѣста и обратившись ко мнѣ, ну предо мною кривляться и коверкаться, бить себя по брюху, косить разными и Богъ его знаетъ какими странными манерами свой ротъ, и вмѣсто всего отвѣта, съ великою поспѣшностію и только брызгая на меня слюны изо рта, произносить сперва только: — «Из-из-из-из-изы-из-изъ, — а тамъ-су-су-су-су-су-су-су, а потомъ: то-то-то-то-то-то» и всѣмъ тѣмъ въ такое удивленіе меня привелъ, что я остолбенѣлъ, и не зналъ, на что подумать, и самъ только въ себѣ твердилъ и говорилъ: Господи! что это такое! И какъ его по безконечному тверженію «из-из-из-су-су-су и то-то-то», наконецъ власно, какъ прорвало, и онъ вдругъ сказалъ: «изволь, сударь, тотчасъ», то насилу могъ догадаться, что онъ былъ превеличайшій заика, и насилу удержался, чтобъ, смотря на кривлянье рожи его, самому не захохотать и предъ нимъ не одурачиться. Совсѣмъ тѣмъ, онъ былъ дѣловой и добрый человѣкъ, и хоть долго не выговорилъ: «изволь, сударь, тотчасъ», но за то, дѣйствительно, у него тотчасъ все поспѣло, такъ, что я въ тотъ же еще день успѣлъ подать мою челобитную.

Какъ симъ отправленіемъ насъ въ военную коллегію должность наша при генералѣ кончилась, то съ сего времени не сталъ я уже къ нему ходить по прежнему ежедневно, а только тогда, какъ мнѣ хотѣлось; а чтобъ болѣе имѣть покоя и свободы, то приказывалъ варить себѣ иногда ѣсть дома и занимался уже болѣе литературными своими упражненіями, продолжая между тѣмъ переписку съ кёнигсбергскими своими друзьями, а особливо съ г. Олинымъ, Александромъ Ивановичемъ. Изъ писанныхъ въ сіе время къ нему писемъ, хранится у меня и по нынѣ еще одно, достопамятнѣйшее и писанное въ отвѣтъ на то, которымъ увѣдомлялъ онъ меня о смерти общаго друга нашего г. Садовскаго, котораго мнѣ очень жаль было. Я помѣстилъ оное въ число моихъ разныхъ правоучительныхъ сочиненій, собранныхъ въ особой книжкѣ.

Напротивъ того, не оставлялъ я ходить въ военную коллегію для распровѣдыванія, что происходитъ ежедневно.

Она была тогда на прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ Большой Связи на Васильевскомъ островѣ, и господинъ Яковлевъ такъ турилъ моимъ дѣломъ, что на четвертый день послѣ того, а именно 24 мая, назначенъ былъ для насъ всѣхъ, просившихся тогда въ отставку, смотръ, и мы должны были поодиначкѣ входить въ присутственную комнату и показывать себя гоподамъ членамъ. Смотръ сей для нѣкоторыхъ изъ означенныхъ къ оному былъ и неблагопріятенъ. Они выходили изъ судейской съ огорченными и печальными лицами и сказывали, что имъ было для разныхъ причинъ отказано. Я трепеталъ тогда духомъ, боясь, чтобы не послѣдовало того же и со мною, и минута, въ которую предсталъ я предъ господъ рѣшителей моего жребія, была для меня самая тяжкая: я стоялъ ни живъ, ни мертвъ, когда они меня осматривали съ головы до ногъ, и бывшій первымъ членомъ, генералъ-поручикъ Карауловъ, сталъ говорить другимъ, что мнѣ въ отставку бы еще и рано, и я слишкомъ еще молодъ.

Вся кровь во мнѣ взволновалась при услышаніи сего слова, а сердце затрепетало такъ, что хотѣло выскочить изъ груди моей; но, по счастію, г. Яковлевъ не долго далъ мнѣ страдать въ семъ мучительномъ состояніи. Онъ, обратясь къ г. Караулову, сказалъ: «Онъ вѣдь просится на свое пропитаніе, такъ для чего-жъ не отпустить намъ его»? И не дожидавшись его отвѣта, а обратясь ко мнѣ, спѣшилъ громко произнесть то важное и толико ободрившее и обрадовавшее меня слово: «Съ Богомъ! съ Богомъ! когда на свое пропитаніе»! а какъ тоже повторилъ уже и господинъ Карауловъ, то я, сдѣлавъ имъ прениэкій поклонъ, вышелъ изъ судейской, самъ себя почти не вспомнивъ отъ радости и удовольствія. Ибо минута сія была рѣшительная, и я могъ уже считать себя съ самой оной отставленнымъ и отъ всей службы освобожденнымъ вольнымъ человѣкомъ.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда на свою квартиру и какъ обрадовалъ извѣстіемъ о томъ людей своихъ. И поелику я тогда почиталъ отставку свою достовѣрною и надѣялся вскорѣ получить и свой абшидъ, то начали мы съ самаго того дня собираться къ отъѣзду изъ Петербурга въ деревню и запасаться всѣмъ нужнымъ къ такому дальнему путешествію. Я тотчасъ поручилъ пріискивать мнѣ скорѣе купить лошадей, ибо прежнія были распроданы, и люди мои такъ тѣмъ спроворили, что достали мнѣ на третій же день послѣ того купить прекрасную и добрую пару сѣрыхъ лошадей, а какъ третья у меня уже была, то въ короткое время и готовы мы были уже къ отъѣзду. Совсѣмъ тѣмъ, дѣло мое въ военной коллегіи по разнымъ обстоятельствамъ продлилось долѣе, нежели какъ я думалъ и ожидалъ, и даже до самаго 14-го іюня мѣсяца.

Во все сіе время не оставлялъ я всякій день ходить въ военную коллегію и горѣлъ какъ на огнѣ, желая получить скорѣй свой абшидъ. Пуще всего тревожило меня то, что обстоятельствы въ сіе время въ Петербургѣ становились часъ отъ часу сумнительнѣйшими. Ибо какъ государь, около сего времени, со всѣмъ своимъ дворомъ отбылъ изъ Петербурга на лѣтнее жилище въ любезный свой Ораніенбаумъ, то, по отъѣздѣ его, народный ропотъ и неудовольствіе такъ увеличились, что мы всякій день того и смотрѣли, что произойдетъ что-нибудь важное, и я трепеталъ духомъ и боялся, чтобъ таковой случай не остановилъ моего дѣла и не захватилъ меня еще неотставленнымъ совершенно, и чтобъ не могъ еще совсѣмъ онаго разрушить.

Наконецъ настало помянутое 14-е число іюня, день, наидостопамятнѣйшій въ моей жизни: и я получилъ свой съ толикимъ вожделѣніемъ желаемый абшидъ. Въ ономъ переименованъ я былъ изъ флигель-адъютантовъ армейскимъ капитаномъ; ибо какъ я въ чинѣ семъ не выслужилъ еще года, то сколько ни хотѣлось господину Яковлеву дать мнѣ при отставкѣ чинъ маіорскій, но учи-

нить того никакъ было не можно; но я всего меньше гнался уже за онымъ, а желалъ только того, чтобъ меня скорѣе отставили и отпустили на свободу.

Такимъ образомъ кончилась въ сей день вся моя 14 лѣтъ продолжавшаяся военная служба, и я, получивъ абшидъ, сдѣлался свободнымъ и вольнымъ навсегда человѣкомъ.

Не могу изобразить, какъ пріятны были мнѣ дѣлаемыя мнѣ съ премѣною состоянія моего поздравленія, и съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда изъ коллегіи на квартиру. Я самъ себѣ почти не вѣрилъ, что я былъ тогда уже неслужащимъ, и идучи, не слыхалъ почти ногъ подъ собою: мнѣ казалось, что я иду по воздуху и на аршинъ отъ земли возвышеннымъ, и не помню, чтобъ когда-нибудь во все теченіе жизни моей былъ я такъ радъ и веселъ, какъ въ сей достопамятный день, а особливо въ первыя минуты по полученіи абшида. Я бѣжалъ, не оглядываясь, съ Васильевскаго Острова и хваталъ то и дѣло въ карманъ, власно какъ боясь, чтобъ не ушла драгоцѣнная сія бумажка.

Сколько ни случилось тогда со мною мелкихъ денегъ, оставшихся отъ тѣхъ, кои роздалъ я въ коллегіи подъячимъ, писцамъ и сторожамъ, всѣ ихъ роздалъ попадающимся мнѣ на встрѣчу нищимъ, а за благодарный молебенъ, который заставилъ я въ то же время отслужить, забѣжавъ въ ту же самую церковь, изъ которой произошло мое благополучіе, съ радостію заплатилъ цѣлый рубль служившему священнику.

Съ какимъ же усердіемъ и съ какими чувствіями душевными благодарилъ я во время онаго Всевышнее Существо, того изобразить уже никакъ не могу. Впрочемъ, хотѣлъ-было я въ тотъ же часъ забѣжать къ генералу своему и съ нимъ распрощаться, дабы на утріе-жъ можно было мнѣ ѣхать изъ Петербурга; но какъ услышалъ, что его нѣтъ дома и что не будетъ и обѣдать домой, то пробѣжалъ прямо на квартиру и тамъ обрадовалъ также своихъ людей. Съ величайшимъ удовольствіемъ отобѣдалъ, а послѣ обѣда не преминулъ сходить въ домъ къ г. Яковлеву и принесть ему за милость и благодѣяніе, оказанное имъ мнѣ, наичувствительнѣйшее благодареніе.

Онъ принялъ меня въ сей разъ еще ласковѣе, нежели прежде, изъявлялъ удовольствіе свое, что могъ мнѣ въ семъ случаѣ услужить, жалѣлъ, что не могъ мнѣ доставить маіорскаго чина; былъ признательностію моею очень доволенъ, проговорилъ со мною болѣе часа и отпустилъ меня, съ пожеланіемъ мнѣ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Словомъ, онъ очаровалъ меня своими поступками, и я такъ доволенъ былъ симъ человѣкомъ, что и по нынѣ еще благословляю мысленно память его и желаю праху его ненарушимаго покоя.

По отданіи долга сему моему милостивцу и благодѣтелю, осталось мнѣ распрощаться только съ моимъ генераломъ и также поблагодарить его за все оказанное имъ мнѣ добро, во всю мою при немъ кёнигсбергскую и тогдашнюю бытность. Правда, хоть добра сего было и очень мало, и не только я, но и никто изъ всѣхъ подкомандующихъ его не могъ похвалиться, чтобъ воспользовался отъ него какими-нибудь особыми милостями и благодѣяніями, и онъ былъ какъ-то очень скупъ на оныя и не умѣлъ ни мало цѣнить всѣ дѣлаемыя ему услуги, однако, какъ казалось, требовалъ того не только долгъ, но и самая благопристойность, чтобъ его поблагодарить за все и все, то положилъ я сдѣлать то въ послѣдующее утро и какою-нибудь половинкою дня пожертвовать сему долгу. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, сколь великой надлежало быть моей досадѣ, когда, пришедъ поутру къ нему въ домъ, услышалъ я, что къ нему присыланъ былъ отъ государя нарочный, и что онъ еще въ ту же ночь ускакалъ къ нему въ Ораніенбаумъ. Меня поразило извѣстіе сіе какъ громовымъ ударомъ, и я руки почти у себя ѣлъ, что не сходилъ къ нему наканунѣ того дня въ вечеру проститься, какъ и хотѣлъ-было то сдѣлать. Но какъ

пособить тому было уже нечѣмъ, то пошелъ я къ бывшему его и живущему еще по прежнему тутъ въ домѣ генеральсъ-адъютанту Балабину, чтобъ спросить его, не знаетъ ли онъ, на долго ли генералъ туда поѣхалъ, и что онъ присовѣтуетъ мнѣ дѣлать: дожидаться ли его возвращенія, или не дожидаться. Сей искренній мой другъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ никакъ не знаетъ, на долго ли генералъ отлучился, однако не думаетъ, чтобъ отсутствіе его могло на долго продолжиться, и что я очень дурно сдѣлаю, ежели не дождусь его и уѣду, не распрощавшись. Я признавался въ томъ и самъ, и хотя у меня и все уже къ отъѣзду было въ готовности и спѣшить онымъ побуждало меня все и все, однако, какъ самъ собою, такъ и по совѣту друга моего, рѣшился я дождаться генеральскаго возвращенія.

Но не досада ли для меня была сущая, когда власно, какъ нарочно, для мученія моего, случись такъ, что государь зачѣмъ-то задержалъ его тамъ долѣе, нежели всѣ мы думали и ожидали. Итакъ, я его ждать день, ждать другой, не ѣдетъ, наступилъ третій.

Проходитъ и оный, а о возвращеніи генеральскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. Нетерпѣливость меня пронимаетъ. Я мучусь и горю, какъ на огнѣ, посылаю то и дѣло людей провѣдывать къ нему въ домъ, измучиваю всѣхъ оныхъ, а не пронявшись тѣмъ, иду наконецъ самъ и опять къ г. Балабину, и спрашиваю, нѣтъ ли по крайней мѣрѣ какого слуха о генералѣ.—«Вотъ тебѣ и слухъ весь, говоритъ онъ: что генералъ еще тамъ и не знаетъ и самъ, когда государь его отпуститъ и также пряжится какъ на огнѣ». Гòре на меня напало тогда превеликое. Господи! когда это будетъ? говорю я и требую опять совѣта; а онъ опять совѣтуетъ мнѣ ждать, а буде не хочу, то другого не остается, какъ съѣздить развѣ самому въ Ораніенбаумъ и съ генераломъ проститься.—И! что ты говоришь! подхватилъ я, поѣду ли я туда; того и смотри, что бунтъ и возмущеніе, и бѣда; не только кому иному, но и самому государю; а я чтобъ туда поѣхалъ!... Долго ли до бѣды! пропади они!

«То правда, отвѣчалъ г. Балабинъ, ѣхать туда теперь очень, очень страшненько, какъ попадешься подъ обухъ, такъ нечего говорить!»—То-то и дѣло, подхватилъ я: а здѣсь все-таки воля Господня! лошади у меня готовы и все укладено почти, и какова не мѣра, такъ долго ли запречь и навострить лыжи.

Симъ образомъ поговоривъ и вновь посудачивъ о тогдашнихъ смутныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, рѣшился наконецъ я, положась на волю божескую, дожидаться еще генерала. И жду опять день, жду другой, жду третій, но о генералѣ все еще нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, а волненіе въ народѣ часъ отъ часу увеличивается. Уже видимъ мы, что ходятъ люди, а особливо гвардейцы, толпами и въявь почти ругаютъ и бранятъ государя. «Боже Всемогущій! говоримъ мы, сошедшись съ помянутымъ господиномъ Балабинымъ, что это выдетъ изъ сего? не даровымъ истинно все это пахнетъ»! и считаемъ почти часы, которые проходили еще съ миромъ и благополучно.

Наконецъ, и только уже за шесть дней до воспослѣдовавшей революціи, къ неописанному моему удовольствію, прискакалъ нашъ генералъ, и мы на силу, на силу его дождались. И какъ онъ присланъ былъ только на нѣсколько часовъ отъ государя въ Петербургъ, и ему для обратной ѣзды перемѣняли только лошадей, то другъ мой, услышавъ о томъ, присылаетъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о томъ нарочнаго, и съ напоминаніемъ, чтобъ я спѣшилъ скорѣе и заставалъ генерала. Я не вспомнилъ самъ себя тогда отъ радости, и какъ стоялъ, такъ и побѣжалъ къ генералу.

Сей ничего еще не зналъ о моей отставкѣ и обрадовался, услышавъ, что я получилъ такъ скоро желаемое увольненіе. «Счастливый ты человѣкъ, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ: что ты ужь на свободѣ! Я самъ желалъ бы теперь находиться

отсюда верстъ за тысячу. Прости, мой голубчикъ! продолжалъ онъ, меня цѣлуя: Дай Богъ тебѣ всякаго благополучія, и чтобъ жить тебѣ весело и счастливо въ деревнѣ». Я поблагодарилъ его за всѣ его оказанныя благосклонности и, прощаясь съ нимъ, пожелалъ и ему отъ искренняго сердца всѣхъ на свѣтѣ благъ, позабывъ всѣ претерпѣнныя отъ него въ разныя времена досады и огорченія, и это было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ.

Послѣ сего не сталъ я уже ни минуты долѣе медлить въ Петербургѣ; но, уклавшись, велѣлъ скорѣй запрягать лошадей, и проливъ слезы двѣ, три, при прощаньи съ моимъ другомъ г. Балабинымъ, поскакалъ неоглядкою изъ сего столичнаго города, оставивъ его и все въ немъ въ наисмутнѣйшемъ состояніи, и будучи невѣдомо какъ радъ, что уплелся изъ него цѣлымъ и невредимымъ. И какъ самымъ симъ кончилась и вся моя петербургская служба и въ сей столицѣ пребываніе, то окончу симъ и теперешнее письмо свое, сказавъ, что я есмь и прочее.

Письмо 99-е.

Любезный пріятель! Продолжая теперь повѣствованіе мое далѣе, скажу вамъ, что не успѣли мы, выбравшись за заставу, отъ Петербурга нѣсколько отъѣхать, какъ сдѣлавшееся въ повозкѣ моей небольшое поврежденіе принудило насъ на нѣсколько минутъ остановиться, и какъ случилось сіе въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было намъ еще сей городъ видѣть; то, воспользуясь сею остановкою, восхотѣлъ я посмотрѣть еще на него въ послѣдній разъ, и посмотрѣть не одними тѣлесными, но вкупѣ и умственными, душевными очами. Итакъ, покуда кибитку поправляли, вышелъ я изъ оной, и, присѣвъ на случившійся тутъ небольшой бугорокъ и смотря на городъ сей, углубился въ разныя объ немъ размышленія. Я вспоминалъ, съ какими чувствіями я въ него въѣзжалъ за три мѣсяца до того, пробѣгалъ въ мысляхъ своихъ все мною видѣнное въ немъ въ теченіе сего времени и все случившееся въ немъ со мною, и наконецъ, вообразивъ все критическое и смутное положеніе, въ какомъ я его оставилъ, самъ въ себѣ говорилъ: «Ахъ! что-то произойдетъ въ тебѣ, милый и любезный городъ? Не обагришься ли ты вскорѣ кровью гражданъ твоихъ и не текли бы цѣлые потоки оной по твоимъ стогнамъ и мостовымъ! Обстоятельствы очень дурны, въ какихъ я покинулъ тебя! Наготовѣ все къ превеликому въ тебѣ возмущенію. Дай Богъ, чтобъ не произошло бунта, подобнаго стрѣлецкому!... Слава Богу, что я уплелся изъ тебя благовременно, и что не увижу всѣхъ золъ, которыя готовятся, можетъ быть, поразить тебя. Счастливъ ты будешь, если произойдетъ въ тебѣ что-нибудь не столь опасное и бѣдственное, и ты отдѣлаешься безъ междуусобной брани отъ того. Но я-то, я-то! Зачѣмъ такимъ приведенъ былъ въ нѣдра твои?.. Не получилъ я въ тебѣ въ сей разъ ни малѣйшей себѣ пользы, кромѣ того, что отставленъ отъ службы; но сіе не могъ ли-бъ я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и не будучи въ тебѣ и вездѣ получить?... Совсѣмъ тѣмъ, вѣрно не безъ причины же приведенъ я былъ въ тебя судьбою моею?... и ахъ! не для того ли сіе было, чтобъ, во-первыхъ: избавить меня чрезъ то отъ ѣзды изъ Кёнигсберга къ полку моему, бывшему тогда въ земляхъ цесарскихъ, а нынѣ находящемуся въ прусскихъ владѣніяхъ въ корпусѣ графа Чернышова, куда-бъ, по разрушеніи нашего правленія королевствомъ Прусскимъ, долженъ былъ неминуемо ѣхать и нынѣ вмѣстѣ съ пруссаками воевать противъ цесарцевъ и тамъ подвергаться такимъ же военнымъ опасностямъ, какимъ подвергаются теперь другіе офицеры полку нашего. И благодѣтельная судьба не хотѣла ли меня спасти и освободить отъ оныхъ! Во-вторыхъ: чтобъ я, находясь въ тебѣ, имѣлъ случай видѣть большой свѣтъ, видѣть дворъ, и все происходящее въ немъ, насмотрѣться жизни знатныхъ и большихъ бояръ и насмотрѣться до того, чтобъ получить къ ней и ко всему видѣнному омерзеніе совершенное. Сего только мнѣ

не доставало еще, и сіе, можетъ быть, и надобно было еще къ тому, чтобъ я не могъ впредь и ею никогда прельщаться, и тѣмъ спокойнѣе и счастливѣе жить въ деревнѣ, куда теперь ведетъ меня судьба моя!... и ахъ! ежели это такъ, то сколь много обязанъ я за то пекущемуся о пользѣ моей Промыслу Господню?

«Сколь много долженъ я благодарить Его за то! А что оный имѣлъ и здѣсь попеченіе обо мнѣ, это доказалъ мнѣ ясно послѣдній случай, и почти очевидное вспоможеніе, оказанное имъ мнѣ при отставкѣ моей. Вообще, могъ ли я, при отъѣздѣ моемъ изъ Кёнигсберга думать и помышлять, чтобъ я въ такое короткое время могъ такъ многое увидѣть, такъ многое узнать, и такъ скоро получить то, чего желало всего болѣе мое сердце? Не очевидное ли и въ томъ во всемъ было распоряженіе судебъ и Промысла обо мнѣ Господня?.. Могъ ли я, даже за мѣсяцъ до сего то думать и помышлять, чтобъ я теперь уже былъ совершенно на свободѣ и такъ скоро находиться буду въ путешествіи, и куда-же? На свою родину и въ деревню, которую за полгода до сего никогда и видѣть не надѣялся?.. Ахъ! все это дѣйствовала невидимая рука Господня и не обязанъ ли я Ему за то безконечною благодарностію?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ я самъ съ собою до тѣхъ поръ, покуда продолжалась поправка и меня стали звать садиться въ повозку. Тогда, взглянувъ въ послѣдній разъ на Петербургъ и сказавъ: «прости, любезный градъ! велитъ ли Богъ мнѣ когда опять тебя видѣть»—сѣлъ въ свою кибитку и поскакавъ, старался и въ самый еще тотъ же день отъѣхать колико можно далѣе. Однако, какъ мы ни спѣшили, но не прежде могли доѣхать до Новагорода, какъ 25-го числа іюня. Тутъ сдѣлался вопросъ: куда мнѣ ѣхать, и прямо ли продолжать свой путь въ Москву, или повернуть направо во Псковъ и заѣхать къ старшей сестрѣ моей и ея мужу, г. Неклюдову. Многія причины убѣждали меня къ сему послѣднему. Уже миновало тому болѣе шести лѣтъ, какъ я разстался съ сею сестрою моею, и Богу извѣстно, когда-бъ удалось мнѣ ее видѣть опять, еслибъ не рѣшился я тогда къ ней заѣхать.

Отдаленность жилища ея отъ моихъ деревень не могла подавать мнѣ никакой надежды къ скорому съ нею свиданію, къ тому-жъ влекла меня къ ней и маленькая моя библіотечка. Вся она, будучи изъ Кёнигсберга моремъ въ Петербургъ, а оттуда къ ней привезена, находилась у ней въ домѣ, и мнѣ хотѣлось привезть ее съ собою въ свою деревенскую хижину; а не менѣе и самая любовь, которую съ самаго младенчества имѣлъ я къ сестрѣ своей, къ тому-жъ меня преклоняла. А все сіе и убѣдило меня велѣть поворачивать вправо и ѣхать по псковской дорогѣ.

Какъ время было тогда почти наилучшее въ году и погода случилась добрая и сухая, то ѣхать намъ, при спокойномъ и радостномъ сердцѣ, было не скучно и хорошо; и ѣзда наша продолжалась съ такимъ успѣхомъ, что мы 28-го іюня доѣхали благополучно до Пскова, а 29-го числа и до жилища сестры моей, не имѣвъ въ пути семъ никакихъ приключеній, кои стоили-бъ того, чтобъ упомянуть объ оныхъ.

Не успѣлъ я приблизиться къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ жила сестра моя и увидѣть тѣ мѣста, которыя мнѣ съ малолѣтства были знакомы и въ которыхъ я, весь почти четырнадцатый годъ моей жизни препроводилъ такъ весело и хорошо, какъ по всей душѣ моей разлилась нѣкая неизобразимая радость, и я на всѣ знакомыя себѣ мѣста смотрѣлъ съ такимъ удовольствіемъ, какое удобнѣе чувствовать, нежели описать можно. Я нашелъ въ самомъ селеніи зятя моего уже превеликую перемѣну. Онъ жилъ хотя еще въ прежнемъ своемъ домѣ, но у него построенъ былъ уже новый, несравненно предъ тѣмъ огромнѣйшій и воздвигнутъ на высокомъ холмѣ на полѣ, по конецъ всего селенія сего, и стоящій несравненно на красивѣйшемъ предъ прежнимъ мѣстѣ. Я увидѣлъ зданіе сіе уже издалека и не узналъ бы, еслибъ не такъ

коротко знакомы были мнѣ всѣ окрестности онаго.

Зять мой и сестра находились тогда дома, какъ я пріѣхалъ, и какъ они обо мнѣ давно уже ничего не слыхали, и не зная даже и о петербургской моей службѣ, считали меня все еще въ арміи и въ Кёнигсбергѣ, то судите сами, сколь великой надлежало быть ихъ радости, когда они вдругъ увидѣли меня вошедшаго къ себѣ въ комнату. Сестра моя сама себя не вспомнила отъ чрезмѣрности оныя, а не менѣе радъ былъ и я, ее увидѣвъ. Слезы радости и удовольствія текли только тогда изъ ея и изъ моихъ очей, и мы едва успѣвали отирать оныя. А не менѣе радъ былъ пріѣзду моему и зять мой. Что-жъ касается до ихъ сына, котораго имѣли они только одного и котораго, оставивъ ребенкомъ, увидѣлъ я тогда уже довольно взрослымъ мальчикомъ, то онъ не зналъ, какъ лучше приласкаться ко мнѣ и не отходилъ отъ меня ни пяди. Весь домъ и всѣ люди ихъ, любившіе меня издавна, сбѣжались отъ мала до велика; всѣ хотѣли видѣть меня, и я принужденъ былъ всѣмъ давать цѣловать руки свои. И, о! какъ пріятны были мнѣ первыя минуты сіи. Сестра не могла довольно наговориться со мною, а услышавъ, что я уже въ отставкѣ, не могла долго повѣрить, а потомъ довольно надивиться и нарадоваться тому. Словомъ, вечеръ сей былъ для всѣхъ насъ радостный и одинъ изъ наилучшихъ въ жизни моей.

Я расположился въ сей разъ пробыть у сестры моей не болѣе недѣль двухъ или трехъ, дабы мнѣ можно было до осени еще успѣть доѣхать до своей деревни. Но не прошло еще и одной недѣли съ пріѣзда моего, какъ вдругъ получаемъ мы то важное, и всѣхъ насъ до крайности поразившее извѣстіе, что произошла у насъ въ Петербургѣ извѣстная революція, что государь свергнутъ былъ съ престола и что взошла на оный супруга его, императрица Екатерина II.

Не могу и по нынѣ забыть того, какъ много удивились всѣ тогда такой великой и неожидаемой перемѣнѣ, какъ и была она всѣмъ поразительна и какъ многіе всему тому обрадовались, а особливо тѣ, которымъ характеръ бывшаго императора былъ довольно извѣстенъ, и которые о добромъ характерѣ нашей новой императрицы наслышались. Для меня все сіе было уже не такъ удивительно, ибо я того нѣкоторымъ образомъ уже и ожидалъ. И какъ я изъ Петербурга только-что пріѣхалъ, то и заметанъ былъ отъ всѣхъ, о тамошнихъ происшествіяхъ, вопросами, и я принужденъ былъ, какъ роднымъ своимъ, такъ и пріѣзжавшимъ къ нимъ сосѣдямъ все, что зналъ и самолично видѣлъ, разсказывать. Но какъ и я о точныхъ обстоятельствахъ сего великаго произшествія столь же мало зналъ, какъ и они, ибо изъ перваго короткаго о томъ манифеста ничего дѣльнаго намъ усмотрѣть было не можно, то не менѣе и я былъ любопытенъ о всѣхъ подробностяхъ узнать, какъ и они. Узнавъ же потомъ обо всемъ въ подробность, радовались тому, что совершилось все сіе безъ всякой междуусобной брани и обагренія земли кровію человѣческою.

Теперь не за излишнее почелъ я извѣстить васъ, любезный пріятель, хотя вкратцѣ, о помянутыхъ подробностяхъ сей великой революціи, при которой хотя и не случилось мнѣ быть самолично, но какъ наиглавнѣйшія обстоятельствы оной и бывшія при томъ произшествія сдѣлались мнѣ современемъ знакомы, то и могу вамъ оныя, какъ современникъ тому, пересказать и тѣмъ усовершенствовать сколько-нибудь исторію о правленіи, жизни и концѣ бывшаго у насъ императора Петра III.

Я уже упоминалъ вамъ, какимъ слабостямъ и невоздержностямъ подверженъ былъ сей внукъ Петра Великаго, и какъ своими крайне соблазнительными и неосторожными поступками возбудилъ онъ въ народѣ на себя ропотъ и неудовольствіе, а въ высшихъ и знатныхъ господахъ совершенную къ себѣ ненависть. Совсѣмъ тѣмъ и каково сіе всенародное неудовольствіе было ни велико, однако казалось, что государю всего того вовсе

было неизвѣстно. Онъ, окруженъ будучи льстецами и негодными людьми и не зная ничего, или не хотя-таки и знать, что въ народѣ происходило и въ какомъ расположеніи были сердца онаго, продолжалъ беззаботно по прежнему упражняться всякій день въ пированьяхъ, забавахъ и всякаго рода увеселеніяхъ и обыкновенномъ своемъ прилежномъ опоражниваніи рюмокъ и стакановъ. И дабы свободнѣе можно было ему во всемъ томъ, въ сообществѣ съ любимцами и любовницею своею, Воронцовою, упражняться, переѣхалъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ въ любимый свой Ораніенбаумъ, гдѣ и происходили у него ежедневно по днямъ муштрованія своего голштинскаго маленькаго и только въ 600 человѣкъ состоящаго корпуса, но на который онъ всѣхъ больше надѣялся, а по вечерамъ пирушки и всѣхъ родовъ забавы. А какъ приближался день его имянинъ и ему хотѣлось препроводить его какъ можно веселѣе, то и приглашены были туда изъ Петербурга многія знатныя обоего пола особы, и по сему случаю было тамъ великое собраніе оныхъ.

Между всѣми сими веселостьми и забавами, не оставлялъ онъ однако заниматься временно и политическими дѣлами и затѣями; но всѣ онѣ были какъ-то не впопадъ и не столько въ пользу, сколько во вредъ ему служили и обращались. Привязанность его къ помянутому дядѣ своему, голштинскому принцу Жоржу, была такъ велика, что онъ неудовольствуясь тѣмъ, что осыпалъ его честьми и богатствомъ и сдѣлалъ штадтгалтеромъ или намѣстникомъ своимъ во всей Голштиніи, но восхотѣлъ еще какимъ бы то образомъ ни было доставить ему и Курляндское герцогство во владѣніе, которымъ владѣлъ тогда принцъ Карлъ, сынъ Августа, короля Польскаго. У сего принца намѣренъ былъ государь оное отнявъ, доставить сперва освобожденному изъ ссылки прежнему герцогу Бирону, а сего заставить потомъ промѣняться на иныя земли съ принцемъ Жоржемъ.

Итакъ, сіе намѣреніе занимало его съ одной стороны, а съ другой, и всего болѣе занятъ былъ онъ затѣваемою войною противъ датчанъ. На сихъ сердитъ онъ былъ издавна и ненавидѣлъ ихъ даже съ младенчества своего, за овладѣніе ими какимъ-то неправеднымъ образомъ большею частію его Голштиніи. Сію-то старинную обиду хотѣлось ему въ сіе время отомстить и возвратить изъ Голштиніи все отнятое ими прежде, и по самому тому и дѣланы были уже съ самаго вступленія его на престолъ къ войнѣ сей всякаго рода приуготовленія. А какъ слухи до него дошли, что и датчане, предусматривая восходящую на нихъ страшную бурю, также не спали, а равномѣрно не только дѣлали сильныя къ войнѣ приуготовленія, но поспѣшили захватить войсками своими нѣкоторыя нужныя и крайне ему надобныя мѣста; то сіе такъ его разгорячило, что онъ, приказавъ иттить арміи своей изъ Пруссіи прямо туда, рѣшился отправиться самъ для предводительствованія оною и назначилъ уже и самый день къ своему отъѣзду, долженствующему воспослѣдовать вскорѣ послѣ отпразднованія его имени, или Петрова дня. Принца же Жоржа отправить въ Голштинію напередъ, который для собранія себя въ сей путь и пріѣхалъ уже изъ Ораніенбаума въ Петербургъ и по самому тому и случилось ему быть въ семъ городѣ, когда произошла извѣстная революція.

Таковые его замыслы и предпріятія были всѣмъ россіянамъ столь непріятны, что нѣкоторые изъ бывшихъ у него въ довѣренности и прямо ему усердствующихъ вельможъ, отговаривали ему, сколько могли, все сіе оставить, а совѣтовали лучше ѣхать въ Москву и поспѣшить возложеніемъ на себя императорской короны, дабы чрезъ то удостовѣрить себя поболѣе въ вѣрности и преданности къ себѣ своихъ подданныхъ; также, чтобъ онъ лучше первое время правленія своего употребилъ на узнаніе своего государства, нежели на путешествіе въ чужія земли и на занятіе себя такими дѣлами, въ которыхъ онъ еще не имѣлъ опыт-

ности. Но всѣ таковыя представленія и предлагаемые ему примѣры дѣда его, Петра Великаго, были тщетны. Онъ не внималъ никакъ симъ искреннимъ совѣтамъ, отвергалъ всѣ оные, а послѣдовалъ только внушеніямъ своихъ льстецовъ и друзей ложныхъ, старающихся слабостьми его всячески воспользоваться и толикой верхъ надъ нимъ уже воспріявшихъ, что онъ повиновался почти во всемъ хотѣніямъ оныхъ.

У сихъ негодныхъ людей наиглавнѣйшее попеченіе было о томъ, чтобъ разсорить его съ императрицею, его супругою, и привесть ее ему въ ненависть совершенную, и не можно довольно изобразить, сколь много они въ томъ успѣли. Они довели его до того, что онъ не только говорилъ объ ней съ явнымъ презрѣніемъ публично, но употреблялъ притомъ столь непристойныя выраженія, что никто не могъ оныхъ слышать безъ досады и огорченія. Словомъ, слабость его въ семъ случаѣ до того простиралась, что запрещено было отъ него даже садовникамъ петергофскимъ, гдѣ тогда сія государыня, по его велѣнію, находилась, давать ей тѣ садовые фрукты, о которыхъ онъ зналъ, что она была до нихъ великая охотница.

При такомъ расположеніи его духа и произведенной ненависти къ его супругѣ, не трудно было имъ наговорить ему, что сплетается противъ его отъ нея, съ нѣкоторыми приверженными къ ней людьми, умыслъ и заговоръ, и что у ней на умѣ есть тотчасъ, по отбытіи его изъ государства, уѣхать въ Москву и тамъ, при помощи ихъ, велѣть себя короновать и что она посягаетъ даже и на самую жизнь его. И какъ государь всему тому повѣрилъ, то и сталъ думать только о томъ, чтобы супругу свою схватить и заключить на весь ея вѣкъ въ монастырь. Сіе можетъ быть онъ и произвелъ бы дѣйствительно, еслибъ обыкновенная его неосторожность, всѣ его намѣренія разрушивъ, неуничтожила. Такъ случилось, что на канунѣ самаго того дня, въ который положено было имъ сіе исполнить и въ дѣйство произвесть, ужиналъ онъ въ домѣ у одного изъ своихъ первѣйшихъ министровъ, гдѣ по несчастію его находились и нѣкоторые изъ преданныхъ императрицѣ, и такіе люди, которымъ препоручено было отъ нея наблюдать всѣ его движенія и замѣчать каждое его слово и дѣяніе. Итакъ, при присутствіи ихъ надобно было ему проговориться и неосторожно выговорить нѣкоторыя слова до помянутаго намѣренія относящіяся. Не успѣлъ одинъ изъ сихъ преданныхъ императрицѣ оныхъ услышать и изъ нихъ усмотрѣть намѣреніе государя, какъ въ тотъ же моментъ ускользаетъ онъ изъ того дома и скачетъ въ ту же ночь въ Петергофъ, гдѣ находилась тогда императрица, и ничего о томъ не зная, спала спокойно, съ одною только наперсницею своею. Всего удивительнѣе то, что наперсницею сею и вѣрнѣйшею пріятельницею ея, была родная сестра любовницы государевой, Катерина Романовна Воронцова, бывшая въ замужествѣ за княземъ Дашковымъ, и женщина отличныхъ свойствъ и совсѣмъ не такого характера, какого была сестра ея. Обѣихъ ихъ разбуждаютъ, и прискакавшій увѣдомляетъ ихъ, въ какой опасности онѣ находятся. Императрицѣ сдѣлался тогда каждый часъ и каждая минута дорога. По случаю зарестованія одного изъ числа приверженныхъ къ ней, подозрѣвала уже она, что государь узналъ какъ-нибудь о ихъ заговорѣ; къ тому-жъ и самъ онъ далъ ей знать, что желаетъ онъ въ слѣдующій день вмѣстѣ съ нею обѣдать въ Петергофѣ, а въ самый сей день и намѣренъ онъ былъ ею овладѣть. Итакъ, государынѣ нельзя было терять ни минуты времени и она должна была употреблять все, что только могла, и отваживаться на все для своего спасенія; а потому минута сія и сдѣлалась рѣшительною и она мужественно отважилась на то предпріятіе, которому всѣ такъ много послѣ удивлялись. Она въ тотъ же мигъ выходитъ тайно изъ дворца петергофскаго, садится въ простую коляску и

господами Орловыми, съ величайшею поспѣшностію, отвозится въ Петербургъ. Она пріѣзжаетъ 28-го іюня, еще до восхожденія солнца, въ Невскій монастырь и посылаетъ тотчасъ въ гвардейскіе полки за знаменитѣйшими ихъ и преданными ей начальниками оныхъ. Сіи разсѣваютъ тотчасъ слухъ о томъ по всей гвардіи и по всему городу, такъ, что въ семь часовъ утра былъ уже весь Петербургъ въ движеніи. Вся гвардія, безъ всякаго порядка, бѣжала по улицамъ и смутный крикъ и вопль народа, незнающаго еще о истинной тому причинѣ, предвозвѣщалъ всеобщую перемѣну. А чрезъ нѣсколько потомъ минутъ и является государыня, въѣзжающая въ городъ, окруженная почти всею конною гвардіею, ее прикрывающею. Шествіе ея простиралось прямо къ Казанской соборной церкви и тутъ провозглашается она императрицею и самодержицею всероссійскою и принимаетъ первую, отъ случившихся при ней, присягу; а потомъ, при провожденіи своей гвардіи и множества бѣгущаго вслѣдъ народа, шествуетъ въ зимній дворецъ и окружается тамъ гвардіею и безчисленнымъ множествомъ всякаго званія людей, радующихся и кричащихъ: «Да здравствуетъ мать наша, императрица Екатерина!»

Совсѣмъ тѣмъ, для всѣхъ непонятно было сіе происшествіе. Самый народъ, наполняющій всю площадь и всѣ улицы кругомъ дворца и восклицающій во все горло, не зналъ ничего о самыхъ обстоятельствахъ всего дѣла. Тотчасъ привезены были и поставлены, для защищенія входа во дворецъ, заряженныя ядрами и картечами пушки, разстановлены по всѣмъ улицамъ солдаты и распущенъ слухъ, что государь, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади и убился до смерти, и что государыня, какъ опекунша великаго князя, ея сына, принимаетъ присягу. Въ самое тоже время приказано было всѣмъ полкамъ, всему духовенству, всѣмъ коллегіямъ и другимъ чиновникамъ, собраться къ зимнему дворцу для учиненія присяги императрицѣ, которая и учинена всѣми, нетолько безъ всякаго прекословія, но всѣми охотно и съ радостію превеликою. Наконецъ, изданъ былъ въ тотъ же еще день первый о вступленіи императрицы краткій манифестъ и съ онымъ, и съ предписаніями что дѣлать, разосланы всюду, во всѣ провинціи и къ предводителямъ заграничной арміи курьеры.

Между тѣмъ, какъ сія торжественная присяга производилась, забираны были подъ караулъ всѣ тѣ, на которыхъ было хотя нѣкоторое подозрѣніе, а народъ вламывался силою въ кабаки, и опиваясь виномъ, бурлилъ, шумѣлъ и грозилъ перебить всѣхъ иностранцевъ; но до чего однако былъ не допущенъ, такъ, что претерпѣлъ отъ него только одинъ принцъ Жоржъ, дядя государевъ.

Сей не успѣлъ увидѣть самопервѣйшаго стеченія народа, какъ догадавшись о истинной тому причинѣ, вскакиваетъ съ поспѣшностію на лошадь и скачетъ въ Ораніенбаумъ къ государю. Никто изъ всѣхъ слугъ его не видалъ, какъ онъ вышелъ изъ дома, и одинъ только его гусаръ послѣдовалъ за нимъ. Но одинъ отрядъ конной гвардіи, встрѣтившись съ нимъ за нѣсколько шаговъ отъ дома узнавъ, схватываетъ его и позабывъ все почтеніе, должное дядѣ императорскому, снимаетъ съ него шпагу и принуждаетъ сойтить съ лошади, и онъ подвергается при семъ случаѣ величайшей опасности. Одинъ рейтаръ взмахнулся уже на него палашомъ своимъ и разнесъ бы ему голову, еслибъ по счастію не былъ еще благовременно удержанъ и до того недопущенъ. Его сажаютъ въ карету и везутъ ко дворцу; но въ самое то время, когда онъ сталъ изъ нея выходить, присылается повелѣніе, отвезть его опять въ его домъ и приставить тамъ къ нему и ко всему его семейству крѣпкій караулъ. Принцъ, при привезеніи его туда, находитъ весь свой домъ уже разграбленнымъ, людей своихъ всѣхъ изувѣченныхъ и запертыхъ въ погребъ, всѣ двери разломанныя и всѣ комнаты на-чисто очищенныя. У самыхъ принцовъ, сыновей его, отняты часы,

деньги, сняты кавалеріи и сорваны даже мундиры самые. Одна только спальня принцессина осталась пощаженною, да и то потому, что защищалъ ее одинъ унтеръ-офицеръ. Принцъ, увидѣвъ все сіе, сдѣлался какъ сумасшедшимъ отъ ярости, но ему ни мстить за сіе, ни племяннику своему, императору, помочь было уже не можно.

Таковое-жъ несчастіе претерпѣлъ при самомъ семъ случаѣ и мой генералъ Корфъ, случившійся въ сіе время также въ Петербургѣ. Толпа гренадеръ вломилась въ домъ его и не только разграбила многое, но и самому ему надавала толчковъ; но, по счастію, присланный отъ государыни успѣлъ еще остановить все сіе и спасти его отъ погибели.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило въ Петербургѣ, государь, ничего о томъ не зная, не вѣдая, находился въ своемъ Ораніенбаумѣ, и говорили, что оплошность его была такъ велика, что въ ту же еще ночь, когда государыня уѣхала изъ Петергофа, нѣкто хотѣлъ его о томъ увѣдомить и написавъ цидулку, положилъ подлѣ него въ то время, когда онъ, веселяся на вечеринкѣ, игралъ на скрипицѣ своей какой-то концертъ, и хотя цидулку сію онъ и усмотрѣлъ, но находясь въ музыкальномъ энтузіазмѣ и нехотя никакъ прервать игру, оставилъ ее безъ уваженія, а намѣренъ былъ прочесть ее послѣ; но какъ по окончаніи концерта онъ объ ней вовсе позабылъ и отъ стола того отошелъ прочь, то нашлись другіе, которые видѣвши все то, и какъ подозрительную, ее искусненно и поприбрали къ себѣ, и чрезъ то недопустили его узнать и прочесть такое увѣдомленіе, отъ котораго зависѣла безопасность не только его престола, но и самой жизни. А какъ и въ Петербургѣ приняты были всѣ предосторожности и разставлены были по всѣмъ дорогамъ люди, чтобъ никто не могъ прокрасться и дать обо всемъ происходившемъ знать государю, то и не узналъ онъ до самаго того времени, какъ по намѣренію своему пріѣхалъ въ Петергофъ, чтобъ въ послѣдній разъ съ государыней отобѣдать и ее взять потомъ подъ караулъ.—Теперь посудите сами, сколь изумленіе его долженствовало быть велико, когда, пріѣхавъ въ Петергофъ, не нашелъ онъ тутъ никого, и легко могъ заключить, что̀ это значило и чего ему опасаться тогда надлежало. Неожидаемость сія поразила его какъ громовымъ ударомъ и повергла въ неописанный страхъ и ужасъ... Совсѣмъ тѣмъ усматривалъ онъ, что надлежало ему принимать скорѣйшія мѣры, и его первое намѣреніе было то, чтобъ послать за своими голштинскими войсками и защититься ими отъ насилія. Но престарѣлый фельдмаршалъ Минихъ представилъ ему, что такому маленькому числу войска и шестистамъ его человѣкамъ неможно никакъ противоборствовать цѣлой арміи, и что въ случаѣ обороны легко можно произойтить, что отъ раздраженныхъ россіянъ и всѣ находящіеся въ Петербургѣ иностранцы могутъ быть изрублены. Напротивъ того предлагалъ онъ два пути, которые неоспоримо въ тогдашнемъ случаѣ были наилучшіе, выключая третьяго, но о которомъ тогда ни государю, ни другимъ и въ мысль не пришло. «Всего будетъ лучше», говорилъ ему сей опытный генералъ, «чтобъ ваше величество «либо прямо отсюда въ Петербургъ от«правиться изволили, либо моремъ въ «Кронштатъ уѣхали. Что касается до «перваго пути, то несумнѣваюсь я, что «народъ теперь уже уговоренъ; однако «если увидитъ онъ ваше величество, то не «преминетъ объявить себя за васъ и взять «вашу сторону. Если-жъ, напротивъ того, «отправимся мы въ Кронштатъ, то овла«дѣемъ флотомъ и крѣпостью и можемъ «противниковъ нашихъ принудить къ до«говорамъ съ собою».—Государь избралъ сіе послѣднее. Отсылаетъ голштинцевъ своихъ обратно въ Ораніенбаумъ, приказываетъ имъ тотчасъ сдаться, какъ скоро на нихъ нападутъ, а самъ, со всѣми при немъ бывшими, садится на яхту и отплываетъ къ Кронштату. Многія знатныя госпожи, коихъ мужья были въ Петер-

бургѣ, невосхотѣли отстать отъ своего государя и послѣдовали за онымъ.

Какъ разстояніе отъ Петергофа до Кронштата не очень велико, то приплываютъ они туда довольно еще рано, но принимаются очень худо.—Часовые кричатъ, чтобъ яхта не приставала къ берегу, и какъ государь самъ кричитъ и о своемъ присутствіи имъ объявляетъ, то они отвѣчаютъ ему, сказывая напрямки, что онъ уже не императоръ, а обладаетъ Россіею уже не онъ, а императрица Екатерина Вторая. Потомъ говорятъ ему, чтобъ онъ отъѣзжалъ прочь, а въ противномъ случаѣ дадутъ они залпъ изо всѣхъ пушекъ по его судну.

Что оставалось тогда сему несчастному государю дѣлать? Онъ приводится тѣмъ въ неописанное изумленіе и другого не находитъ, какъ восприять обратный путь. Несчастіе начало его гнать уже повсюду, и согласно съ тѣмъ сплелись и обстоятельствы всѣ удивительнымъ образомъ. Извѣстіе о вступленіи государыни на престолъ получено было въ Кронштатъ только за полчаса до его прибытія и привезъ оное одинъ офицеръ изъ Петербурга, съ повелѣніемъ, чтобъ комендантъ присягалъ со всѣмъ гарнизомъ императрицѣ. И надобно-жъ было такъ случиться, что комендантъ сею неожидаемостію приведенъ былъ въ такое смущеніе и замѣшательство мыслей, что ему и въ голову не пришло того, чтобъ сего присланнаго арестовать и донесть о томъ государю. А онъ началъ только дѣлать нѣкоторыя отговорки, дабы собраться между тѣмъ съ духомъ; а присланный такъ былъ расторопенъ, что, воспользуясь симъ изумленіемъ коменданта, велѣлъ тотчасъ самого его арестовать приѣхавшимъ съ нимъ многимъ солдатамъ, сказавъ ему при томъ то славное и достопамятное слово: «Ну, «государь мой, когда не имѣли вы столь«ко духа, чтобъ меня арестовать, такъ «арестую я васъ».

Между тѣмъ яхта отвозитъ изумленныхъ пловцовъ своихъ въ обратный путь и приплываетъ съ ними уже не въ Петергофъ, а прямо къ Ораніенбауму, однако не прежде какъ уже по утру на другой день. Тутъ поражается государь еще ужаснѣйшимъ извѣстіемъ, а именно, что императрица, его супруга, прибыла уже съ многочисленнымъ войскомъ и со многими пушками изъ Петербурга въ Петергофъ.—Было сіе дѣйствительно такъ; ибо государыня успѣла еще въ тотъ же день, собравъ всѣ гвардейскіе и другіе, бывшіе въ Петербургѣ полки и предводительствуя сама ими, вечеромъ изъ Петербурга выступить и переночевавъ по походному въ Красномъ Кабачкѣ, со свѣтомъ вдругъ отправиться далѣе, и какъ Петергофъ отстоитъ только 28 верстъ отъ Петербурга, то и прибыла она въ оный еще очень рано. А неуспѣлъ государь отъ поразившаго его, какъ громовымъ ударомъ, извѣстія сего опамятоваться и собраться съ духомъ, какъ доносятъ ему, что отъ новой государыни прибылъ уже князь Меншиковъ, съ нѣкоторымъ числомъ войска и съ пушками, для вступленія съ нимъ въ переговоры, и требуетъ, чтобъ всѣ голштинскія войски сдались ему военноплѣнными. Сіе смутило еще болѣе государя и разстроило такъ всѣ его мысли, что какъ нѣкоторые изъ офицеровъ его, случившіеся при томъ какъ принесено было извѣстіе сіе, стали возобновлять увѣренія свои, что они готовы стоять до послѣдней капли крови за своего государя и охотно жертвуютъ ему своею жизнію, то не хотѣлъ онъ никакъ согласиться на то, чтобъ толико храбрые люди вдавались, защищая его, въ очевидную опасность. И пекущійся о благѣ Россіи Промыслъ Господень такъ тогда затмилъ весь его умъ и разумъ, что онъ и непомыслилъ даже о томъ, что ему оставался еще тогда путь къ спасенію себя отъ опасности, и путь никѣмъ еще непрегражденный и свободный. Онъ имѣлъ при себѣ тогда болѣе 200 человѣкъ гусаръ и драгуновъ, снабденныхъ добрыми лошадьми, преисполненныхъ мужества и готовыхъ обороняться и защищать его до послѣдней капли крови. Весь задъ былъ у него отверстымъ и свободнымъ и не легко-ль было ему пуститься съ ними

въ Лифляндію и далѣе. Въ Пруссіи ожидала уже прибытія его сильная армія, на которую могъ бы онъ положиться. Бывшая съ императрицею гвардія не могла бы его никакъ догнать, она находилась отъ него еще за 20 верстъ разстояніемъ, въ Петергофѣ, и онъ по крайней мѣрѣ предускорилъ бы оную пятью часами. Никто бы не дерзнулъ остановить его на дорогѣ, а еслибъ и похотѣлъ какой-нибудь гарнизонъ въ крѣпости его задержать, такъ могли бы гусары его и драгуны очистить ему путь своимъ оружіемъ. Но всѣ сіи выгоды, ни онъ, ни всѣ друзья его, тогда неусматривали, а встрепенулись тогда уже о томъ помышлять, когда было уже поздно.

Но что говорить! Когда судьба похочетъ кого гнать, или когда Правителю міра что неугодно, такъ можетъ ли тутъ человѣкъ что-нибудь сдѣлать? А отъ того и произошло, что вмѣсто всего вышеупомянутаго государь впалъ тогда въ такое малодушіе, что рѣшился послать къ супругѣ своей два письма, и въ одномъ изъ оныхъ, посланномъ съ княземъ Голицынымъ, просилъ онъ только, чтобъ отпустить его въ голштинское его герцогство, а въ другомъ, отправленномъ съ генералъ-маіоромъ Михаиломъ Львовичемъ Измайловымъ, предлагалъ онъ даже произвольное отреченіе отъ короны и отъ всѣхъ правъ на россійское государство, если только отпустятъ его съ Елисаветою Воронцовою и адъютантомъ его, Гудовичемъ, въ помянутое герцогство.

Легко можно вообразить себѣ, какое дѣйствіе долженствовали произвесть въ императрицѣ таковыя предложенія! Однако по благоразумію своему она тѣмъ однимъ была еще недовольна, но чрезъ помянутаго Измайлова дала ему знать, что буде послѣднее его предложеніе искренно, то надобно, чтобъ отреченіе его отъ короны Россійской было произвольное, а не принужденное, и написанное по надлежащей формѣ и собственною его рукою. И г. Измайловъ умѣлъ преклонить и уговорить его къ тому, что онъ и согласился наконецъ на то и далъ отъ себя оное и точно такое, какого хотѣла императрица.

Неуспѣлъ онъ сего достопамятнаго начертанія написать и оное доставить до рукъ императрицы, какъ и посаженъ онъ былъ съ графинею Воронцовою и любимцемъ своимъ Гудовичемъ въ одну карету и привезенъ въ Петергофъ, гдѣ тотчасъ разлученъ онъ былъ со всѣми своими друзьями и служителями, и подъ крѣпкимъ присмотромъ отвезенъ въ мызу Ропшу и посаженъ подъ стражу. Ни одинъ изъ служителей его не дерзнулъ слѣдовать за онымъ и одинъ только арапъ его отважился стать за каретою, но и того на другой же день отправили въ Петербургъ обратно.

Такимъ образомъ, кончилось симъ правленіе Петра III и несчастный государь сей, имѣвшій за немногіе дни до того въ рукахъ своихъ жизнь болѣе 30-ти милліоновъ смертныхъ, увидѣлъ себя тогда плѣнникомъ у собственныхъ своихъ подданныхъ и даже до того, что не имѣлъ при себѣ ни единаго изъ слугъ своихъ; а сіе несчастіе и жестокость судьбы его такъ его поразило, что чрезъ немногіе дни онъ въ заточеніи своемъ занемогъ, какъ говорили тогда, сильною коликою и претерпѣвъ отъ болѣзни своей столь жестокое страданіе, что крикъ и стенанія его можно было слышать даже на дворѣ, въ седьмой день даже и жизнь свою кончилъ, и 21-го числа того-жъ іюля мѣсяца погребенъ былъ въ Невскомъ монастырѣ безъ всякой дальней церемоніи. А сіе и утвердило императрицу Екатерину на престолѣ къ славѣ и благоденствію всей Россіи.

Таково-то окончаніе получила славная сія революція, удивившая тогда всю Европу какъ своею необыкновенностію, такъ и благополучнымъ своимъ окончаніемъ. Всѣ мы не могли также довольно оной надивиться и хотя я тогда и могъ заключать, что легко бы и я могъ имѣть въ ней такое же соучастіе, какъ господа Орловы и многіе другіе, бывшіе съ ними въ сообществѣ и заговорѣ, однако нимало

не тужилъ о томъ, что того несдѣлалось, а доволенъ былъ своимъ жребіемъ и тѣмъ, что угодно было учинить съ мною Промыслу Господню.

Но какъ письмо мое слишкомъ уже увеличилось, то дозвольте мнѣ симъ оное кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 100-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь теперь къ продолженію исторіи моей, скажу вамъ, что пребываніе мое и въ сей разъ у сестры и зятя моего было для меня таково-жъ весело и пріятно, какъ и въ прежнія мои пребыванія въ семъ миломъ и навсегда любезномъ для меня домѣ.

Оба они, любя меня чистосердечно, старались непрерывъ другъ предъ другомъ сдѣлать мнѣ оное колико можно веселѣйшимъ и побудить меня чрезъ то прожить у нихъ долѣе. Не оставленъ былъ ни одинъ родъ изъ всѣхъ деревенскихъ забавъ и увеселеній, который бы неупотребляемъ былъ оными для доставленія мнѣ множайшаго удовольствія и не остался ни одинъ изъ всѣхъ живущихъ по близости къ нимъ сосѣдей и знакомцевъ, который бы нѣсколько разъ у насъ не побывалъ и къ которому бы мы не ѣздили. И какъ лѣта мои и тогдашнія обстоятельствы были таковы, что мнѣ можно было помышлять уже и о женитьбѣ, и сестра не совѣтовала мнѣ оною долго медлить, да и самъ я усматривалъ уже въ томъ необходимую надобность, то по любви своей ко мнѣ ничего она такъ не желала, какъ переманить меня на свою сторону и буде-бъ только можно было, преклонить меня жениться на какой нибудь тамошней дѣвушкѣ; а потому неуспѣло нѣсколько дней пройтить послѣ моего къ нимъ пріѣзда, какъ и начала она уже приступать къ тому издалека и сперва расхваливать мнѣ всячески тамошнія ихъ прибыточныя деревни и хорошее общежительство въ ихъ сосѣдствѣ, а потомъ шутя мнѣ говорить: «А что, братецъ, ну-ка бы ты здѣсь у насъ вздумалъ жениться! какъ бы я тому была рада и какъ бы стала благодарить за то Бога! Подумай-ка, право, голубчикъ братецъ!»—«Зачѣмъ дѣло стало! отвѣчалъ я ей также смѣючись, сыщи, сестрица, невѣсту и подавай сюда; мы, можетъ быть, и женимся! пришла-бъ только по мысли и не была-бъ совсѣмъ бѣдная. Нынѣ, говорилъ я далѣе: уже я не такой ребенокъ, какъ былъ прежде, и не стану уже стыдиться такъ, какъ въ то время, когда надоѣдала ты мнѣ такъ много своею невѣстою Сумароцкою».—«Ахъ! та-та на меня бѣда!» подхватила она, «что эта-та враговка у насъ ушла и уже замужемъ, а то бы я, хотя на горло наступила, а женила бы тебя на ней!»—«Что такъ строго», смѣючись, говорилъ я,—«на этой бы и самъ я можетъ быть охотно женился; но что о томъ говорить, чего воротить не можно; а нѣтъ ли у васъ другихъ какихъ, ей подобныхъ?»—То-то моя и бѣда», говорила она,—«что подобныхъ-то ей нѣтъ у насъ во всемъ околоткѣ. Правда, невѣстъ довольно, но всѣ онѣ не по тебѣ, братецъ. Иная слишкомъ уже бѣдна, иная, хотя и съ достаткомъ, по нравовъ и обычаевъ такихъ, что и сама я неприсовѣтовала-бъ тебѣ на нихъ жениться. Пропади онѣ совсѣмъ! а есть одна, которая и вдвое еще богатѣе Сумароцкой, и которую можно назвать богатою невѣстою, да и нрава она такого, что я не желала-бъ съ сей стороны лучшей для тебя, да и вѣрно почти знаю, что ее и отдали-бъ за тебя; но...» «Что но? подхватилъ я,—развѣ дура какая? И ежели дура, то воленъ Богъ и съ достаткомъ и со всѣмъ ея хорошимъ нравомъ»... «Ахъ нѣтъ! братецъ, сказала она: дурою назвать ее никакъ не можно. Она умница и воспитана очень хорошо и учена довольно. Но...»—«Что-жъ такое?» спросилъ я далѣе: «поэтому знать собою-то не хороша и лицомъ дурна?»—«То-то и есть!» отвѣчала она, «и то-то самое и озабочиваетъ меня, а когдабы не то-то, такъ бы готова тебѣ невѣдомо какъ кланяться и просить, чтобъ ты не искалъ никакой другой, а женился бы на ней. Вѣрно бы я могла сказать, чтобъ былъ ты счастливъ; а деревни-то,

деревни какія!»—«Но неужели, сестрица», сказалъ я, «уже такъ она дурна, что ни къ чему негодится? Не была-бъ только совсѣмъ отвратительна, а то бы я за излишнею красотою и самъ не погнался. Я вѣдаю, что красота вещь совсѣмъ непрочная, а сверхъ того, скорѣй всего къ ней и привыкнуть можно».—«Охъ, голубчикъ, братецъ! то-то мое и горе, что нехороша и такъ нехороша, что я никакъ не осмѣлюсь и предлагать тебѣ ее; а развѣ бы ты самъ вздумалъ и захотѣлъ!... Но молчи, братецъ, они хотѣли у насъ побывать на сихъ дняхъ, и ты можешь ее увидѣть и самъ лучше судить, а то я не отваживаюсь и говорить объ ней».—«Хорошо, сестрица, посмотримъ»...

Симъ образомъ окончили мы тогда сей разговоръ, и хотя былъ онъ почти издѣвочной, но во мнѣ не преминулъ онъ произвесть нѣкотораго впечатлѣнія.—Деревни тамошнія были въ самомъ дѣлѣ таковы, что стоило того, чтобъ помыслить о женитьбѣ въ тамошней, мнѣ съ младенчества пріятной сторонѣ, а особливо, еслибъ случилось найтить невѣсту по своимъ мыслямъ. Но какъ мысли сіи имѣли тѣсное сопряженіе съ сердцемъ, а сердце было во мнѣ не топорной работы, а рождено было уже съ нѣжнѣйшими чувствованіями, то слыша отъ сестры таковое помянутой невѣстѣ описаніе, и не уповалъ я, чтобъ она могла мнѣ полюбиться. Совсѣмъ тѣмъ любопытенъ былъ я ее видѣть и съ нѣкоторою нетерпѣливостію дожидался пріѣзда къ намъ господъ Темашовыхъ.

Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ того и въ самое такое время, когда ходилъ я одинъ по милымъ и издавна мнѣ знакомымъ прекраснымъ берегамъ рѣки Лжи, и вспоминая тогдашнее свое уженье и разъѣзжаніе на своемъ челночкѣ по ея прекраснымъ заводямъ и изгибамъ и всѣмъ тѣмъ любовался, увидѣлъ я бѣгущихъ ко мнѣ изъ дома людей и сказывающихъ мнѣ, что пріѣхали гости господа Темашовы.—Сердце вострепетало во мнѣ при услышаніи сего называнія, ибо мнѣ извѣстно было, что помянутая невѣста была дочь господина Темашова. И какъ самъ онъ былъ мнѣ еще тогда знакомъ, какъ я жилъ въ первый разъ у сестры моей, то спѣшилъ я спросить у человѣка, одинъ, что ли, Иванъ Ивановичъ, или съ семействомъ? — «Нѣтъ, сударь», отвѣчалъ мнѣ малый,—«самого его нѣтъ, да онъ никуда, за слабостію, не ѣздитъ, а боярыня только тутъ съ старшею своею дочерью... И сестрица приказала васъ просить, чтобъ вы скорѣе приходили и сколько-нибудь поприодѣлись. Сіе увеличило еще больше трепетаніе моего духа, происшедшее можетъ быть отъ того, что сей случай былъ еще первый, что мнѣ должно было видѣть дѣвушку, предлагаемую мнѣ нѣкоторымъ образомъ въ невѣсты.—«Хорошо! хорошо!» сказалъ я малому,—«я тотчасъ буду, а ты бѣги между тѣмъ напередъ и скажи человѣку моему, чтобъ приготовилъ мнѣ иное платье».—По отходѣ его пошелъ и я вслѣдъ за нимъ, но спѣшить шествіемъ своимъ совсѣмъ былъ не въ состояніи. Духъ мой приведенъ былъ случаемъ симъ въ такое смущеніе, что я едва въ силахъ былъ переступать ногами и во всю дорогу не выходила у меня невѣста сія изъ ума, и вся голова моя наполнена была разными объ ней и о женитьбѣ своей помышленіями. Когда же, пришедъ въ заднія комнаты и съ поспѣшностію переодѣвшись, пошолъ я въ тѣ комнаты, гдѣ сестра моя съ гостьми сидѣла, то сердце мое такъ въ груди моей стѣснилось, что съ превеликою нуждою переступилъ я чрезъ порогъ и едва въ силахъ былъ отворить къ нимъ двери. Вотъ что могутъ производить предварительныя къ чему-нибудь насъ предуготовленія!...

Но какъ же поразился я, увидѣвъ госпожу Темашову. Я остолбенѣлъ почти отъ перваго на нее взгляда. Сколько ни воображалъ я себѣ ее дурною, но она превзошла всѣ мои чаянія и ожиданія. Еще никогда до того времени неслучалось мнѣ видѣть дѣвушки столь дурной, нескладной и имѣющей видъ и лицо толико отвратительное. Она имѣла не толь-

ко нескладный и совсѣмъ непропорціональный съ лѣтами ея станъ, но была широкорожа, ряба, безобразна, а что всего хуже, имѣла одинъ глазъ совсѣмъ бѣлый и покрытый бѣльмомъ превеликимъ. Сердце во мнѣ даже замерло, когда я, расцѣловавшись съ матерью ея, въ первый разъ взглянулъ на нее и ей поклонился! Словомъ, она такъ смутила меня тогда, что я не имѣлъ даже столько духа, чтобъ и взглянуть на нее въ другой разъ, а не только чтобъ ее разсматривать, или отъискивать въ ней, хотя небольшія бы, какія пріятности.

Сестра моя, неспускавшая съ меня глазъ и примѣчавшая всѣ мои движенія, легко могла примѣтить дѣйствіе, произведенное дѣвушкою сею въ душѣ моей; и хотя несомнѣвалась уже въ томъ, что она мнѣ никакъ не нравилась, однако непреминула меня смѣючись о томъ спросить, какъ скоро нашла къ тому удобный случай. «Ну, что братецъ?» сказала она. — «Что сестрица!» отвѣчалъ я, «истину и чистосердечно тебѣ сказать, что еслибъ было за нею и цѣлая тысяча душъ, еслибъ и нравъ имѣла она самый ангельской, то и тогда никакъ не могъ бы я имѣть столько духа, чтобъ на ней жениться. И возможно ли, что нѣтъ-то ни въ чемъ ни малѣйшей пріятности!»—«Это я предугадывала уже напередъ», подхватила она,—«и потому не смѣла и предлагать тебѣ ее, а теперь еще болѣе и сама вижу, что совсѣмъ-то она тебѣ не подъ стать и теперь жалѣю невѣдомо какъ, что нѣтъ на ту пору здѣсь и Дубровскихъ».—«Если и та такая-жъ», сказалъ я,—«то не для чего тужить, сестрица».—«Ахъ нѣтъ! братецъ», отвѣчала она, —«на ту бы вѣрно ты сталъ пристальнѣе смотрѣть. Дѣвушка предорогая и сама собою очень не дурна, а и достатокъ не многимъ чѣмъ меньше этой; но на ту бѣду уѣхали враги въ Порховскія свои деревни и неизвѣстно, когда они оттуда и будутъ».—«Ну что же и говорить о томъ, что невозможно», сказалъ я и пошелъ въ комнату къ гостямъ нашимъ, но съ сердцемъ облегченнымъ уже, власно, какъ отъ бремени превеликаго.

Симъ кончилось тогда первое мое, и такъ сказать, полусватанье. Гости сіи у насъ въ тотъ день ночевали и на другой день обѣдали, и мать дѣвушки сей какъ ни старалась оказывать мнѣ возможнѣйшія ласки и просить, чтобъ вмѣстѣ съ сестрицею и я удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, но я внутренно всему тому только смѣялся и всего меньше на умѣ имѣлъ къ нимъ ѣхать, а помышлялъ уже болѣе о томъ, какъ бы мнѣ отправиться въ дальнѣйшій путь и поспѣшать въ милое и любезное свое Дворяниново.

Но какъ я ни спѣшилъ своимъ отъѣздомъ, но не могъ никакъ вырваться прежде, какъ по наступлепіи уже августа мѣсяца. Сестра и самъ зять мой не хотѣли меня никакъ отпустить скоро и упрашивали невѣдомо какъ, чтобъ я сдѣлалъ имъ удовольствіе и прогостилъ у нихъ подолѣе.—«Кому-то велитъ Богъ впредь видѣться и когда-то это будетъ! твердили они то и дѣло оба,—живемъ мы не такъ близко другъ отъ друга, продолжали они, — чтобъ можно было намъ льстить себя частыми свиданіями». — «Да, говорилъ и я, — проклятая отдаленность много тому мѣшаетъ; однако все-таки отчаяваться не можно».— «То такъ», подхватилъ зять мой, «но лѣта и слабости насъ стращаютъ. Почему знать? Вотъ можетъ быть уже и въ послѣдній разъ мы тебя видимъ!... Я, по слабости здоровья своего, не смѣю и подумать о томъ, чтобъ могъ пуститься въ такой дальній путь, а и тебѣ нужно только заѣхать въ такую даль и тамъ обострожившись жениться, какъ и позабудешь объ Опанкинѣ».—«И, что вы говорите?» подхватилъ я,—«этого никогда не будетъ, чтобъ я позабылъ сіе милое селеніе и васъ, любезныхъ родныхъ моихъ».

«Хорошо, посмотримъ, сказалъ зять, [illegible] дай Богъ, чтобъ мы дожили до т[illegible], чтобъ увидѣли опять васъ въ странахъ здѣшнихъ».—Сіе говорилъ онъ вл[illegible]но какъ предчувствуя, что ему впредь меня уже никогда не видать, и что и самого

меня судьбы едва-ли допустятъ видѣть опять его Опанкино. Я и дѣйствительно съ того времени уже не видалъ сего обиталища родныхъ моихъ, равно какъ и съ нимъ въ послѣдній разъ уже тогда видѣлся.

— «Но что вы ни говорите», сказалъ мнѣ наконецъ зять мой, «но я не отпущу васъ никакъ до того времени, покуда не перейду въ новые хоромы. Воля твоя, а по крайней мѣрѣ сдѣлай намъ то удовольствіе, что отпразднуй вмѣстѣ съ нами новоселье и поживи хоть нѣсколько дней вмѣстѣ съ нами въ новомъ нашемъ домѣ; а тамъ уже и Богъ съ тобою!...»

Что было дѣлать и какъ можно было отговориться? Я принужденъ былъ дать слово и пробыть у нихъ до сего деревенскаго праздника. Сіе и совершилось вскорѣ послѣ того времени, и праздникъ сей былъ въ своемъ родѣ превеликій. Все сосѣдственное дворянство и всѣ друзья и знакомцы приглашены были къ оному. Весь новый домъ, какъ ни великъ былъ, но наполненъ былъ людьми и гостями, и какъ съѣхалось множество и господъ, и госпожъ, и дѣвицъ, то мы и повеселились-таки въ сей послѣдній разъ гораздо и гораздо, и окончили пиршество сіе съ удовольствіемъ особливымъ.

Послѣ сего не сталъ я уже долѣе медлить, да и они не держали уже меня болѣе. Итакъ, собравшись и уклавъ всю свою библіотеку на особую подводу, которою снабдилъ меня мой зять, 10-го августа отправился я въ свой путь, распрощавшись съ сими милыми и любезными своими родными и смочивъ взаимно другъ у друга слезами свои лица.

Не могу изобразить, сколь чувствительны для меня были проводы изъ сего селенія. Всѣ люди собрались провожать меня и всѣ цѣловались со мною, какъ не надѣясь уже никогда болѣе видѣть, что, кромѣ немногихъ, и дѣйствительно такъ случилось. Зять и сестра провожали меня версты три и до самой рѣки Утрой, и я на вѣкъ не позабуду той минуты, когда, разставшись съ ними и переѣхавъ въ бродъ рѣку, съ другого берега видѣлъ я въ послѣдній разъ возвращающагося уже въ домъ моего зятя, машущаго своею шляпою и кричащаго мнѣ: «Прости, прости, мой другъ!»

Ѣзда моя была благоуспѣшна; я ѣхалъ опять чрезъ Псковъ, Новгородъ и другіе города, лежащіе до Москвы на большой дорогѣ, и на всѣ сіи, съ младенчества мнѣ знакомыя, мѣста и города смотрѣлъ уже тогда совсѣмъ не съ такими чувствіями, какъ сматривалъ прежде. Я былъ уже тогда въ совершенномъ возрастѣ и всѣ знанія мои были несравненно уже обширнѣйшими предъ прежними. Мнѣ извѣстны были уже исторіи городовъ, мною видѣнныхъ, и я много уже зналъ, что происходило въ древности въ мѣстахъ тѣхъ, чрезъ которыя доводилось мнѣ тогда ѣхать. Итакъ, я воображалъ себѣ сіи происшествія и смотрѣлъ на все не только съ любопытнѣйшими очами, но и съ разными при томъ чувствіями и тѣмъ всѣмъ дѣлалъ путь сей для себя пріятнѣйшимъ.

Впрочемъ, не помню я, чтобъ случилось со мною въ продолженіе путешествія сего что-нибудь особливое, кромѣ двухъ происшествій, достойныхъ нѣкотораго замѣчанія.

Первое случилось на пути между Псковомъ и Новымъ-городомъ, и было слѣдующее. Мы отъѣхали уже отъ Пскова нѣсколько десятковъ верстъ, какъ вдругъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, останавливаетъ насъ поставленная на большой дорогѣ застава и говоритъ, чтобъ мы далѣе не ѣхали. «Что таково?» спросили мы удивившись, «и для чего?»—«А для того», отвѣчаютъ намъ, «что тамъ впереди, во всѣхъ деревняхъ по дорогѣ, конскій жестокій падежъ; такъ чтобъ не заразить и вамъ своихъ лошадей и не лишиться оныхъ». Мы обмерли и спужались, сіе услышавъ. Никогда еще такой бѣды съ нами не случалось. Я воображалъ себѣ всю опасность сего случая и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— «Да какъ же намъ быть?» спросилъ я;—«и что дѣлать?»—«Что изволите», говорили стоящіе на заставѣ, «либо назадъ по-

ѣзжайте, либо ступайте въ объѣздъ, стороною, вотъ по этой дорогѣ, направо».—«Да далеко ли будетъ намъ надобно ѣхать?»—«Да не близко», сказали они, «и крюкъ вамъ будетъ большой и верстъ тридцать лишнихъ. Вы выѣдете уже подъ самый почти Новгородъ».—«Да какъ же намъ найтить дорогу эту? совсѣмъ она намъ незнакома».—«Языкъ до Кіева доведетъ», сказали они, «а сверхъ того мы вамъ разскажемъ и деревни, чрезъ которыя вамъ ѣхать; хоть запишите себѣ ихъ».—«Хорошо!» сказалъ я, «но тамъ и въ этихъ деревняхъ, развѣ еще нѣтъ падежа?»—«Есть кой-гдѣ и тамъ, но не вездѣ и не таковъ еще силенъ; но по крайней мѣрѣ всѣ дорожные, черезъ нихъ теперь ѣздятъ и вы можетъ быть проѣдете благополучно. Разспрашивайте только по-прилежнѣе и гдѣ падежъ есть, тамъ поскорѣй проѣзжайте».—«Экая бѣда!» говорилъ я, «и тамъ не совсѣмъ безопасно. Что дѣлать ребята? спросилъ я у людей, обратившись къ онымъ:—какъ вы думаете? пускаться ли намъ на сію опасность, или невозвратиться ли уже назадъ опять къ сестрицѣ?»—«И, что вы сударь! воскликнули они, сіе услышавъ:—уже назадъ ѣхать! Какъ это? Уже столько отъѣхавши, да назадъ ворочаться!»—«Да какъ же быть-то?» спросилъ я далѣе.—«А такъ и быть, говорили они:—«что, положась на власть Божію, пускаться въ путь; благо есть объѣздъ; когда люди ѣздятъ, то для чего-жъ и намъ не проѣхать?»—«Ну, буди же по глаголу вашему!» сказалъ я нѣсколько подумавъ, и возложивъ упованіе свое на Бога,—«поворачивай вправо!...»

Но ахъ! съ какимъ страхомъ и душевнымъ безпокойствомъ ѣхали мы симъ дальнимъ объѣздомъ. Было сіе, какъ теперь помню, въ самыя полдни, какъ мы своротили съ большой дороги и проѣзжать намъ доводилось премножество деревень. Въѣзжая въ каждую, первое наше попеченіе было о томъ, чтобъ узнать все ли было тутъ здорово и не валятся ли лошади? И какъ скоро узнавали, что падежъ есть, то со страхомъ и трепетомъ припускали во всю скачь лошадей, пролетали какъ молнія сквозь оныя и неоглядкою старались уѣхать далѣе. Но какъ досадовали мы и какъ увеличился страхъ и опасеніе наше, когда вездѣ, куда ни пріѣзжали мы, намъ сказывали тоже, а именно: что тутъ падежъ есть, а въ предслѣдующей деревнѣ его еще не было. По пріѣздѣ туда сказывали намъ тоже и тѣми-жъ самыми словами. «Господи помилуй, долголи это будетъ? говорили мы:—и найдемъ ли мы гдѣ-нибудь здоровое еще мѣсто?» И поговоривъ симъ образомъ, пустимся опять скакать. Но намъ и въ умъ не приходило, что бездѣльники сіи намъ не вездѣ сказывали правду, и что опасаясь столько же насъ, сколько боялись ихъ мы, они нарочно иногда всклепывали на селеніе свое падежъ, чтобы побудить насъ тѣмъ ѣхать далѣе. Наконецъ измучили мы въ прахъ лошадей своихъ и довели до того, что не могли они бѣжать далѣе. И какъ тогда наступала уже и ночь, то рады, рады были, что доѣхали, хотя уже съ нуждою, до одного селенія, о которомъ увѣрили насъ, что въ немъ дѣйствительно падежа еще не было.

Но чтожъ? Не успѣли мы въ ономъ посреди широкой улицы ночевать расположиться дять къ намъ другіе и сказываютъ, что падежъ есть и у нихъ и что въ самый тотъ день пало у нихъ болѣе десяти лошадей. Господи! какъ мы тогда всѣ оробѣли и перетрусились. «Давай, давай скорѣе!—закричалъ я:—и запрягай опять лошадей!»—Но мужики разсмѣялись только тому и мнѣ говорили: «Куда вамъ, баринъ, далѣе ѣхать на измученныхъ лошадяхъ вашихъ? Впереди цѣлыхъ пятнадцать верстъ нѣтъ ни одного селенія на дорогѣ, да и тамъ такой же падежъ уже есть, какъ у насъ. Ночуйте-ка здѣсь съ Богомъ; но лошадей-то непускайте съ мѣста и кормите уже при повозкахъ. Мы вамъ добудемъ уже и накосимъ травки свѣженькой».

Что было тогда дѣлать? Мы противъ хотѣнія и съ превеликимъ хотя страхомъ,

но принуждены были остаться тутъ ночевать, и отъ сумленія не спали почти всю ночь, такъ настращалъ насъ сей проклятый лошадиный моръ. Но было, правда, чего и опасаться, и одна мысль о потеряніи всѣхъ лошадей своихъ, посреди мѣстъ, зараженныхъ повсюду сею конскою эпидеміею, и о невозможности достать иныхъ, нагоняла на насъ страхъ и ужасъ, и мы сами себя не вспомнили отъ радости и не знали, какъ возблагодарить Бога, какъ выѣхали мы наконецъ благополучно изъ сихъ опасныхъ мѣстъ и взъѣхали опять, неподалеку уже отъ Новагорода, на большую дорогу и къ такой же заставѣ.

Видъ сего города, усмотрѣнный издалека, возбудилъ тогда во мнѣ мысль о Синавѣ и Труворѣ. Имена сихъ древнихъ обитателей Новагорода были у меня въ особливости затвержены по трагедіи Сумароковской, изъ которой зналъ я многія мѣста и монологи наизустъ и декламировалъ оные нерѣдко; а сіе и произвело во мнѣ тогда разныя чувствованія и побудило говорить въ душѣ своей: «Ахъ! вотъ тутъ и въ сихъ-то мѣстахъ жили нѣкогда Гостомыслъ, Синавъ и Труворъ. Хоть и не было въ точности всѣхъ тѣхъ произшествій съ ними, какія написаны г. Сумароковымъ, но что они были и жили нѣкогда тутъ, это правда»; А такимъ же образомъ съ особливыми чувствіями смотрѣлъ я и на площадь городскую, гдѣ нѣкогда висѣлъ славный новогородскій вѣчевой колоколъ и на мостъ въ городѣ, переѣзжая по оному рѣку Волховъ. «Вотъ тутъ-то,— говорилъ я самъ себѣ,— побиваемы были нѣкогда долбнею всѣ несчастные дворяне новогородскіе и повергалися въ воду, и сія-то рѣка уносила ихъ прочь въ быстрыхъ струяхъ своихъ и служила имъ могилою. Были-жъ времена!— продолжалъ я, и углубляясь далѣе въ мысляхъ, напоминалъ всю исторію сего въ древности столь славнаго и великаго республиканскаго города: — сколько пролито тутъ крови человѣческой; сколь часто обагряемы были ею всѣ окрестности сіи, сколь многіе милліоны людей обитали нѣкогда на нихъ и коль многихъ смертныхъ прахи сокрыты въ нѣдрахъ земли, въ окрестностяхъ и внутри сего стариннаго города, бывшаго нѣкогда столь великимъ». Наконецъ не могъ я довольно надивиться быстротѣ рѣки тутошней, вытекающей изъ озера Ильменя, и какъ случилось намъ тутъ ночевать, то весь вечеръ проводилъ я на берегахъ оной въ разныхъ помышленіяхъ.

Другое произшествіе случилось съ нами въ горахъ Валдайскихъ. Переѣзжая славную сію цѣпь горъ, съѣхался я тутъ съ однимъ мнѣ давно знакомымъ и вмѣстѣ со мною въ одномъ полку служившимъ офицеромъ. Былъ то г. Федцовъ; и онъ, препроводивъ всю жизнь свою въ военной службѣ, дослужившись капитанскаго ранга, ѣхалъ тогда изъ арміи также въ отставку и поспѣшалъ въ деревню къ женѣ своей и дѣтямъ, съ которыми онъ многіе уже годы невидался, и также не надѣялся-было никогда видѣть; невѣдомо какъ радовался тогда тому, что вынесъ его Богъ изъ чужихъ земель благополучно и безъ полученія на всѣхъ многихъ сраженіяхъ, на которыхъ ему бывать случалось, ни единой раны и никакого увѣчья.

Мы обрадовались невѣдомо какъ, другъ друга узнавши, и сѣвши къ нему въ повозку не могли довольно наговориться. Онъ разспрашивалъ обо всемъ меня, а я такимъ же образомъ разспрашивалъ его, и онъ разсказывалъ мнѣ и о полку нашемъ и обо всемъ, что съ нимъ въ послѣдніе годы службы происходило, и окончилъ повѣствованіе свое, какъ теперь помню, сими словами: «Такъ-то, братецъ, послужили, походили по чужой сторонѣ, потерпѣли довольно нужды, набрались довольно и страховъ и всего и всего, но по крайней мѣрѣ теперь, слава Богу, ѣду на покой и провождать послѣдніе дни свои въ мирѣ и тишинѣ съ бабенкою своею и ребятишками».—Но ахъ! можетъ ли человѣкъ что-нибудь навѣрное заключить о предбудущемъ и предвидѣть, что̀ предстоитъ ему впереди и за самое иногда короткое время! Всего-то меньше можемъ мы все это знать, и послѣдующее послужило мнѣ истинѣ сей новымъ и крайне

поразительнымъ для меня доказательствомъ.

Неуспѣлъ онъ помянутыхъ послѣднихъ словъ выговорить, какъ увидѣлъ я, что надлежало намъ въ ту самую минуту начинать спускаться съ одной превысокой и крутой горы, и что спускъ былъ дуренъ, шелъ излучиною и влѣвѣ у насъ была превеликая стремнина и глубокій буеракъ. Будучи какъ-то всегда не очень смѣлъ и въ такихъ случаяхъ отваженъ, и сдѣлавъ уже издавна привычку выходить на горахъ такихъ изъ повозки и сходить внизъ пѣшкомъ, восхотѣлъ я и въ сей разъ сдѣлать тоже, и говоря повощику, чтобъ онъ на минуту остановился, сталъ вылезать изъ кибитки. Но г. Федцовъ непускаетъ меня и говоритъ мнѣ:

— «И, братецъ, какъ тебѣ не стыдно? Уже боишься такой бездѣльной горы, а еще служилъ! И такія ли горы мы переѣзжали иногда! — Сиди, сударь, и небойся ничего, лошади у меня смирныя и мы съѣдемъ хорошехонько!»

— Нѣтъ, воля твоя, братъ,—отвѣчалъ я ему: — а я ни изъ чего не соглашусь съ такой страшной горы ѣхать, а пусти-ка меня долой. Дѣло-то будетъ здоровѣе,— трудъ невеликъ сойтить. Ноги, слава Богу, есть и здоровы еще, а говорится въ пословицѣ: береженаго коня и Богъ бережетъ. И сказавъ сіе спрыгнулъ я съ его повозки, а онъ, захохотавъ, далѣе сказалъ:

— «Этакой ты какой трусъ; ты, братъ, истинный и горе, а не воинъ!»

— Ну, пускай трусъ,—говорю я:—и называй ты меня какъ хочешь, а я знаю то, что по крайней мѣрѣ духъ во мнѣ будетъ въ спокойствіи, да и на что безъ нужды подвергать себя опасности. Словомъ, я совѣтовалъ бы и тебѣ, братъ, тоже сдѣлать.

— «И пустое,— возопилъ онъ:— невидальщина какая! Ступай, малый!»

Но что-жъ, неуспѣлъ онъ нѣсколько саженъ отъ меня отъѣхать, какъ лошади его вдругъ отчего-то вздурились и понесли его внизъ. Они держать, они кричать, останавливать, но не тутъ-то было. Лошади взяли верхъ, несутъ во всю прыть и по самому краю стремнины. Я обмеръ, испужался сіе увидѣвъ, но не успѣлъ еще опомниться, какъ гляжу, повозки его на горѣ какъ небывало и очутилась она вдругъ уже опрокинутая и лежащая въ буеракѣ, куда съ горы полетѣла она стремглавъ, сорвавшись съ передней оси.

Не могу изобразить, коликимъ ужасомъ поразило насъ сіе несчастное приключеніе. Мы, остановивъ лошадей своихъ, безъ памяти побѣжали помогать упавшимъ и коихъ крикъ и вопль достигалъ до насъ изъ буерака, и чуть-было сами неполетѣли стремглавъ, слезая съ крутизны той стремнины. И что-жъ? Въ какомъ жалкомъ положеніи находимъ оныхъ! Оба они лежали придавленные ихъ повозкою, и кричали, чтобъ мы какъ можно скорѣе ихъ спасали и не дали имъ задохнуться. Съ превеликою нуждою своротили мы съ нихъ повозку и нашли слугу, отдѣлавшагося еще довольно удачно, а господина самого съ переломленною рукою, вышибенною ногою и переломленными двумя ребрами на боку и отъ превеликой боли, какъ корова, заревѣвшаго.

Что было тогда намъ съ нимъ дѣлать? Превеликое сожалѣніе поразило насъ всѣхъ и всѣ мы горевали и тужили объ немъ, но пособить сами не знали чѣмъ и какъ между тѣмъ прибѣжали къ намъ и прочіе люди, съѣхавшіе подъ гору благополучно съ нашими повозками, и тамъ и его лошадей поймавшіе и своихъ остановившіе, то при помощи ихъ выволокли мы всѣми неправдами повозку его изъ буерака и рады были уже и тому, что она неизломалась совсѣмъ и что можно было намъ, положивъ его какъ-нибудь въ повозку, довезть до ближняго впереди селенія.

Тутъ остановился и я для него и непоѣхалъ уже въ тотъ день далѣе. Человѣчество требовало поданія помощи, и хотя мы всего меньше въ состояніи были подать оную, но по крайней мѣрѣ сдѣла-

ли ему къ боку припарку, а руку его связали въ лубки какъ умѣли; а для выправленія вышибенной ноги отыскали тутъ костоправа. Онъ препроводилъ всю ту ночь въ неописанномъ страданіи и раскаявался, но уже поздно, что непослушалъ моего совѣта. Но какъ намъ за нимъ тутъ долѣе жить остаться было не можно, то поутру на другой день, оставивъ его тутъ и пожелавъ скораго выздоровленія, продолжали мы свой путь далѣе.

Въ Москву пріѣхали мы 30-го августа и пріѣздъ въ сей столичный городъ неменѣе былъ для меня чувствителенъ и пріятенъ. Не видавъ онаго уже много лѣтъ, не могъ я довольно налюбоваться и видомъ его, какъ скоро онъ намъ вдали еще показался. Съ неописанною радостію перекрестился я, завидѣвъ впервые его башни и колокольни, и благодарилъ Бога, что довелъ Онъ меня до онаго благополучно. И какъ мы пріѣхали въ оный уже въ вечеру, то рѣшился я въ ономъ передневать для запасенія себя кой-какими надобностями для будущей деревенской жизни. Пуще всего хотѣлось мнѣ запастись тутъ какими-нибудь экономическими книгами: до сего во всей моей библіотекѣ не было ни одной экономической, потому что, какъ не надѣялся я никакъ быть скоро дома, то и не запасался ими, и у меня часть сія была совсѣмъ въ небреженіи. А тогда, какъ ѣхалъ я домой для посвященія себя навсегда деревенской жизни, то считалъ уже необходимостію познакомиться и съ экономіею. И какъ я всего меньше разумѣлъ оную, то и надѣялся научиться оной изъ книгъ, и потому и желалъ въ Москвѣ запастись хотя нѣсколькими на первый случай.

Но сколь же удовольствіе мое было велико, когда при распровѣдываніи о томъ, нѣтъ ли и въ Москвѣ книжной и такой лавки, гдѣ-бъ продавались не однѣ русскія, но вкупѣ и иностранныя книги, услышалъ я, что есть точно такая подлѣ Воскресенскихъ воротъ. Съ превеликою поспѣшностію побѣжалъ я въ оную. Но сколь радость и удовольствіе мое увеличилось еще больше, когда нашелъ тутъ лавку, подобную почти во всемъ такой, какую видѣлъ я въ Пруссіи, въ Кёнигсбергѣ, и въ которой продавалось великое множество всякаго рода нѣмецкихъ и французскихъ книгъ въ переплетѣ и безъ переплета. Я спросилъ каталогъ, и какъ мнѣ его подали, то спѣшилъ отыскивать въ немъ и потомъ пересматривать всѣ экономическія; и какъ по счастію случилось со мною тогда довольное еще число оставшихъ денегъ, то накупилъ я нѣсколько десятковъ оныхъ, и какъ вообще экономическихъ, такъ въ особливости и садовыхъ, и повезъ ихъ съ собою, какъ бы новое какое сокровище, въ деревню.

Мы выѣхали изъ Москвы сентября перваго числа, и какъ ѣхать намъ оставалось уже немного, то скоро доѣхали и до Серпухова, а наконецъ, 3-го числа достигли и до тѣхъ предѣловъ, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ въ первый разъ въ моей жизни и проводилъ многіе годы въ моемъ младенчествѣ и малолѣтствѣ. День сей мнѣ въ особливости памятенъ.

Никогда непозабуду я того, какимъ неописаннымъ и сладкимъ удовольствіемъ наполнялась вся душа моя при приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ было мое жилище и какъ, подъѣзжая къ Городнѣ, восхищался я видимыми уже вдали, знакомыми мнѣ лѣсами и мѣстоположеніями примѣтными; какъ привѣтствовалъ я всѣ оныя, какъ мысленно говорилъ со всѣми ими и какъ, проѣхавъ Городню и поворотивъ для скорѣйшаго пріѣзда вправо мимо Дурнева, досадовалъ я на горящую подъ повозкою моею ось, недопускающую насъ такъ поспѣшать ѣздою своею, какъ мнѣ тогда хотѣлось. Во всю дорогу она у насъ ни однажды не горѣла, а тутъ вздумала горѣть, какъ бы нарочно, для увеличиванія моей нетерпѣливости. Съ какою досадою принуждены были мы нѣсколько разъ для нея останавливаться и скидывая колесо, тушить оную, и чѣмъ, и чѣмъ нетушили мы ее и колесо! —Но наконецъ преодолѣли мы и

сіе послѣднее препятствіе и я довольно еще рано пріѣхалъ въ любезное свое Дворяниново и въ обиталище предковъ своихъ и свое собственное.

А симъ и окончу я, мой другъ, и письмо сіе, а вкупѣ и все сіе собраніе оныхъ, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

Конецъ

девятой части.

Сочинена въ ноябрѣ 1800, переписана въ октябрѣ 1805.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ X.

1801.

ВЪ ДВОРЯНИНОВѢ.

ИСТОРІЯ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ПЕРІОДА ОНОЙ ДО ЖЕНИТЬБЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Письмо 101.

Любезный пріятель!

Въ предслѣдовавшихъ предъ симъ моихъ письмахъ сообщилъ я вамъ исторію моихъ предковъ, моего младенчества моего малолѣтства и всей моей военной службы. А теперь начну описывать вамъ исторію моей первой двѣнадцатилѣтней деревенской жизни, какъ новаго и такого періода моей жизни, который можно почесть самимъ цвѣтущимъ во все теченіе оной: ибо простирался онъ съ двадцать-пятаго по тридцать седьмой годъ моего возраста. Но не знаю, будетъ ли исторія сего времени для васъ такъ любопытна и занимательна, чтобъ могли вы ее читать безъ скуки и имѣть притомъ хотя нѣкоторое удовольствіе. Никакихъ отмѣнно важныхъ и особливыхъ происшествій неслучилось со мною во все продолженіе сего времени; но оно протекло въ мирѣ, въ тишинѣ и во всѣхъ удовольствіяхъ, какія только можетъ доставлять уединенная, простая и невинная сельская жизнь мыслящему и чувствительное сердце имѣющему человѣку.

Я разскажу вамъ, какъ по пріѣздѣ изъ службы въ отставку обострожився я въ маленькомъ своемъ домишкѣ, какъ учился хозяйничать и привыкалъ къ сельской экономіи, поправлялъ и приводилъ въ лучшее состояніе свое домоводство, какъ познакомливался съ своими сосѣдьми и пріобрѣталъ ихъ къ себѣ дружбу и любовь; какъ потомъ женился, нажилъ себѣ дѣтей, построилъ себѣ домъ новый, завелъ сады; сдѣлался экономическимъ, историческимъ и философическимъ писателемъ, и вообще, какъ и въ чемъ наиболѣе препровождалъ праздное время: чѣмъ себя занималъ, чѣмъ веселился и что предпринималъ для сдѣланія себѣ уединенной сельской жизни пріятною и веселою, покуда, наконецъ, Провидѣнію угодно было паки меня на нѣсколько

лѣтъ оторвать отъ дома и доставить мнѣ иной, и такой родъ жизни, который былъ для меня совсѣмъ новый, и хотя съ меньшею вольностію соединенный, но неменьше пріятный и полезный.

Вотъ краткое содержаніе исторіи всего того періода времени, который я описывать теперь предпринимаю. Но я не знаю, найду ли при описываніи всего того довольно такихъ вещей, которыя бы могли сколько-нибудь достойны быть вашего любопытства и поддерживать вниманіе ваше при читаніи онаго. И вы извините уже меня въ томъ, когда, за неимѣніемъ важныхъ вещей, буду я иногда разсказывать вамъ о самыхъ мелочахъ и бездѣлкахъ, и дѣлать то болѣе для того, что когда не вамъ, такъ для потомковъ моихъ могутъ и онѣ быть столь же интересны и любопытны, какъ и другія. Словомъ, я поступлю такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ прежде, и дѣло стану мѣшать съ бездѣльемъ и самымъ тѣмъ придавать повѣствованію своему сколько-нибудь болѣе живости и пріятности.

Итакъ, приступая къ продолженію моего прежняго повѣствованія и прицѣпливаясь опять къ прерванной нити онаго, скажу вамъ, что помянутый третій день мѣсяца сентября 1762-го года, въ который возвратился я изъ службы въ свою деревню, былъ одинъ изъ наипріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я разсказывалъ уже вамъ, какъ мы, приближаясь къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ я родился, поспѣшали своею ѣздою, какъ предварительно веселился уже я всѣми окрестностями, наше жилище окружающими, и какъ досадовалъ на горящую ось подъ повозкою моею, мѣшавшую намъ поспѣшать по желанію; — а теперь опишу вамъ всѣ подробности сего достопамятнаго моего возвращенія и пріѣзда въ свое обиталище.

День случился тогда ясный и погода самая теплая, тихая и наилучшая изъ сентябрскихъ, и мы, потушивъ и подмазавъ вновь свое колесо, не ѣхали, а катились по гладкой и сухой тогда дорогѣ. Я только и зналъ, что твердилъ повощику своему, чтобы онъ понуживалъ лошадей и спѣшилъ довезть меня до двора прежде еще наступленія вечера. Мнѣ хотѣлось пріѣхать въ домъ мой сколько можно поранѣе для того, чтобъ успѣть еще можно было изъ повозокъ выбраться и сколько-нибудь осмотрѣться; а стараніемъ толикоже поспѣшающаго къ женѣ своей моего кучера, мы и дѣйствительно доѣхали довольно рано и задолго еще до захожденія солнечнаго. Чтобъ лучше успѣть въ томъ, то предложилъ онъ мнѣ — не прикажу-ли я своротить съ большой Тульской дороги еще прежде пріѣзда въ Ярославцово, гдѣ мы обыкновенно, ѣдучи изъ Москвы, сворачиваемъ вправо, и брался провезть меня прямо отъ Городни знакомыми ему полевыми дорожками и тропинками: и какъ я на то согласился, то и провезъ онъ меня прямо мимо Дурнева и чрезъ Трешню, такъ, что мы подъѣхали къ селенію нашему уже не отъ Яблонова, а съ Хмырова.

Теперь не могу я никакъ изобразить того сладкаго восхищенія, въ которомъ находилась вся душа моя при приближеніи къ нашему жилищу. И ахъ! какъ вспрыгалось и востепеталось сердце мое отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ я вдругъ передъ собою тѣ высокія березовыя рощи, которыя окружаютъ селеніе наше съ стороны сѣверной и дѣлаютъ его непримѣтнымъ и съ сей стороны невидимымъ. Я перекрестился и благодарилъ изъ глубины сердца моего Бога, за благополучное доставленіе меня до дома, и не могъ довольно насытить зрѣнія своего, смотря на ближнія наши поля и всѣ знакомыя еще мнѣ рощи и деревья. Мнѣ казалось, что всѣ онѣ привѣтствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему пріѣзду. Я самъ здоровался и говорилъ со всѣми ими въ своихъ мысляхъ. А неуспѣли мы въѣхать въ длинный свой между садовъ проулокъ, какъ радующійся кучеръ мой полетѣлъ со мною какъ стрѣла, и раздавался только по рощамъ стукъ и громкій его свистъ и ежеминутные его окрики на лошадей и понуканье оныхъ. Въ единый мигъ очутились мы предъ ста-

ринными и большими воротами моего двора, покрытыми огромною кровлею и снабженными претолстыми и узорчатыми вереями, и вмигъ вскакиваютъ спутники мои съ повозокъ и съ громкимъ скрыпомъ растворяютъ оныя, и мы взъѣзжаемъ на дворъ и летимъ какъ молнія къ крыльцу господскаго дома.

Во всемъ домѣ никто тогда еще не зналъ и не вѣдалъ о моей отставкѣ и возвращеніи въ домъ свой; но всѣ, считая меня еще въ службѣ и въ Петербургѣ, всего меньше насъ ожидали. И какъ время тогда было еще рабочее и не весь хлѣбъ убранъ былъ еще съ поля, то и не было почти никого, кромѣ однѣхъ старухъ и ребятишекъ тогда въ домѣ.

Всѣ сіи, увидѣвъ взъѣхавшія на передній дворъ повозки, не знаютъ, что-бъ это значило, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ видѣть сію необыкновенность и, узнавъ моего кучера, разбѣгаются паки врозь, и съ громкимъ кричаньемъ: «бояринъ, бояринъ пріѣхалъ!» разсѣваютъ слухъ о томъ по всѣмъ избамъ и клѣтямъ, гдѣ знали, что находились тогда ихъ дѣды и бабки.

Вдругъ тогда оживотворяется весь дворъ: со всѣхъ сторонъ и угловъ онаго стекаются старики и старухи и позабывъ всю свою дряхлость и слабость, спѣшатъ и бредутъ видѣть своего барина. И мнѣ неуспѣли еще отпереть замкнутыхъ хоромъ моихъ, какъ увидѣлъ я себя всѣми ими окруженнымъ. Всѣ кланялись, всѣ цѣловали мои руки, всѣ изъявляли радость свою о томъ, что Богъ вынесъ меня на святую Русь, и всѣ говорили, что они меня не чаяли уже и видѣть, и теперь почти глазамъ своимъ не вѣрятъ и не могутъ довольно тому нарадоваться; и что они говорили правду, то доказывали мнѣ слезы, текшія дѣйствительно изъ глазъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ радости.

Пріятно было мнѣ смотрѣть на сіи нелицемѣрные знаки ихъ ко мнѣ любви и усердію; а вскорѣ засимъ увидѣлъ я и усача домоправителя своего, поспѣшавшаго ко мнѣ съ гумна, гдѣ находился онъ съ мужиками и складывалъ хлѣбъ, привезенный ими съ полей въ оное. Старикъ онъ былъ совершенной, служившій еще при покойномъ отцѣ моемъ кучеромъ, и привыкнувъ еще тогда ходить въ усахъ, не хотѣлъ и по смерть разстаться съ оными. Звали его Григорьемъ, а по прозвищу Грибаномъ, и я управленіемъ его былъ нарочито доволенъ. Для сего человѣка была тогда сугубая радость: вмѣстѣ со мною увидѣлъ онъ возвратившагося къ нему и меньшого сына своего — въ младшемъ, а родного племянника — въ старшемъ изъ слугъ моихъ. При цѣлованіи имъ руки моей, горячая слеза, капнувшая изъ глазъ его и ея смочившая, такъ меня тронула, что я поцѣловалъ сего стариннаго слугу отца моего и радовался, что нашелъ его еще въ силахъ и довольно бодрымъ. Потомъ далъ ему волю обниматься съ пріѣхавшими родными своими, а самъ пошелъ въ отворенныя уже сѣни дома моего.

Не могу забыть той минуты, въ которую вошелъ я впервые тогда въ переднюю комнату моего дома, и тѣхъ чувствованій, какими преисполнена была тогда вся душа моя. Каково ни мило и ни любезно было мнѣ сіе обиталище предковъ моихъ и мое собственное въ малолѣтствѣ; но возвращаясь тогда въ оное, не только уже въ совершенномъ разумѣ, но, такъ сказать, изъ большого свѣта и насмотрѣвшись многому большому, смотрѣлъ я на-все иными уже глазами: и какъ сдѣлалъ я уже привычку жить въ домахъ свѣтлыхъ и хорошихъ, то показался мнѣ тогда домъ мой и малымъ-то, и дурнымъ, и тюрьма тюрьмою, какъ и въ самомъ дѣлѣ былъ онъ. А особливо тогда при вечерѣ, съ маленькими своими потускнѣвшими окошками, и отъ древности почти почернѣвшимъ потолокомъ и стѣнами — весьма, весьма не свѣтелъ. И передняя моя комната, по множеству образовъ, въ кивотахъ и безъ нихъ, которыми установлены были всѣ полки и стѣны въ углѣ переднемъ, походила болѣе на старинную какую-нибудь большую часовню, нежели на залъ господскаго дома, а особый пустынный запахъ придавалъ еще болѣе непріятности. Совсѣмъ тѣмъ, я первѣйшимъ дѣломъ почелъ по-

вергнуть себя ницъ предъ святынями, которымъ покланялись еще самые прадѣды и предки мои, и принесть Господу благодаренія моего за благополучное возвращеніе въ тотъ домъ, въ которомъ я родился и впервые сталъ дышать воздухомъ.

Между тѣмъ, какъ выбирали изъ повозокъ и носили все въ хоромы, пересматривалъ я всѣхъ предстоящихъ предо мною и, разговаривая съ ними, искалъ глазами своими стариннаго своего слугу и дядьку Артамона. Время изгладило уже давнымъ давно въ сердцѣ моемъ всю бывшую на него досаду и возобновило паки прежнюю мою любовь и приверженность къ нему. Онъ приходилъ мнѣ, во время путешествія моего, многажды на умъ, и я располагалъ уже въ мысляхъ своихъ— какъ мы опять съ нимъ жить и вмѣстѣ о поправленіи дома и экономіи моей трудиться станемъ. Но какъ онъ тогда не встрѣчался нигдѣ съ зрѣніемъ моимъ, то любопытство побудило меня спросить объ немъ у жены его.

— «Ахъ, батюшка», сказала она мнѣ, утирая слезы, потекшія ручьями изъ глазъ ея. «Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Дня три только тому, какъ мы его схоронили».

— Что ты говоришь, воскликнулъ я, чрезвычайно симъ извѣстіемъ поразившись.

Горячая слеза покатилась тогда изъ глазъ моихъ и я не могъ далѣе выговорить ни одного слова. Минуты двѣ стоялъ я, отворотившись съ молчаніемъ и утирая глаза свои и щеки. Сію жертву благодарности и сожалѣнія принесъ я тогда праху сего любимца и воспитателя своего, и сіе такъ меня растрогало, что я весь тотъ вечеръ далеко нетаково весело препроводилъ, какъ надѣялся.

— Куда какъ мнѣ жаль твоего мужа, говорилъ я женѣ его; но воля Господня и со всѣми нами!... Между тѣмъ, постарайся-ка, Алена, о томъ, чтобъ мнѣ было что̀ поужинать.

— «Тотчасъ, батюшка», сказала она, забывъ на тотъ разъ всю печаль и огорченіе свое, и пошла готовить мнѣ мой ужинъ. Ибо скажу вамъ, что она, какъ при покойной еще моей матери, такъ и въ прежнее мое жительство въ деревнѣ отправляла должность стряпухи и была въ семъ рукомеслѣ довольно искусна.

Между тѣмъ, какъ оный готовили, осматривался я въ своихъ, пустынью и гнилью пахнувшихъ хоромахъ: ходилъ по всѣмъ комнатамъ, поднималъ окошечки для впущенія свѣжаго воздуха и помышлялъ о томъ, какъ бы мнѣ въ нихъ лучше обострожиться и расположиться, и которую изъ комнатъ назначить себѣ спальнею, которую жилою и гостинною, и гдѣ назначить мѣсто для лучшаго своего на службѣ пріобрѣтенія и всего моего тогдашняго сокровища, а именно своей библіотечки. Какъ и всѣхъ, къ жилью сколько-нибудь способныхъ комнатъ было только двѣ, а третья передняя была почти пустая и холодная, то недолго было дѣлать мнѣ выборъ и распоряженія. Въ сію велѣлъ я переносить всѣ сундуки свои съ книгами, угольную назначилъ своею спальнею, а вкупѣ и жилою, и гостинною, и столовою; а комнату, которая всѣхъ прочихъ была еще сколько-нибудь посвѣтлѣе и веселѣе, сдѣлалъ до времени и заднею, и лакейскою своею, и всѣмъ и всѣмъ.

Въ сихъ распоряженіяхъ и не видалъ я, какъ прошла оставшая часть дня и наступилъ вечеръ. Я спѣшилъ тогда поужинать и лечь спать, на постланной для меня на томъ же мѣстѣ постели, гдѣ сыпала покойная мать моя. Я надѣялся что отъ дорожныхъ трудовъ и безпокойствъ, просплю я всю ночь какъ убитый; но въ мысляхъ своихъ обманулся.

Неуспѣло пройтить и двухъ часовъ послѣ того какъ я заснулъ и все въ домѣ угомонилось, какъ вдругъ посѣщаетъ меня на постели моей незванная и совсѣмъ неожиданная гостья, пресѣкаетъ мой сладкій сонъ, заставливаетъ меня съ постели моей вскочить, будить и кликать спавшихъ въ комнатѣ людей и просить ихъ, чтобъ они мнѣ, какъ умѣли, помогали въ моей нуждѣ.

Ну! теперь думайте и гадайте, что̀-бъ это была за гостья; только ради Бога

не заключайте ничего худого и непристойнаго. То хотя и правда, что была то одна изъ тутошнихъ жительницъ; однако, прошу меня необидѣть была то не женщина, а госпожа—крыса, и крыса превеличайшая.

Далѣе, не подумайте, чтобъ я вскочилъ, испужавшись оной. Ахъ, нѣтъ! крысъ и мышей я никогда небаивался; а вскочить принудила меня самая неволя: ибо госпожѣ крысѣ вздумалось поступить со мною какъ-то очень неучтиво и приласкать приѣзжаго въ жилище свое гостя уже слишкомъ грубо. Словомъ, думать было надобно, что была она, либо наиглупѣйшая изъ сихъ тварей, либо крайне голодна и нѣсколько дней ничего не ѣла: ибо судите, не дура ли она была самая и не глупѣйшая ли тварь въ свѣтѣ, что неумѣла разобрать, чтó живое тѣло и чтò мясо, но, сочтя одинъ палецъ руки моей, закинутой за голову и лежавшей на подушкѣ, кускомъ какого-нибудь мяса и обрадуясь, нашедъ находку сію, можетъ быть, еще въ первый разъ въ своей жизни, такъ по своей вѣрѣ его типнула и куснула, что вырвала изъ него даже цѣлый кусокъ тѣла, величиною съ большую горошину. Ну, можно ли быть глупѣе и безразсуднѣе сей негодяйки и быть такою неучтивицею противъ обладателя своего жилища?...

Однако, заплатилъ же и я ей за наглость и грубость сію такою же монетою и доказалъ ей, что не она, а я господинъ сему жилищу. Неуспѣла боль, сдѣлавшаяся отъ того, меня разбудить, какъ, почувствовавъ подлѣ уязвленнаго пальца своего нѣчто отмѣнно мягкое, не съ другого слова, схватилъ я гостью свою и такъ удачно рукою, что не могла она никакъ изъ оной вырваться, да и не имѣла къ тому и времени: ибо я въ тотъ же мигъ, взмахнувъ, такъ мужественно и сильно бросилъ ее на полъ, что она и непикнула, но тутъ же тогда и околѣла.

Произведя такое героическое дѣло и учинивъ столь жестокое враговкѣ своей наказаніе, легъ-было я по прежнему и хотѣлъ продолжать спать, но боль руки и ліющаяся изъ раны кровь принудила меня встать и помянутымъ образомъ расокликать спавшихъ людей, велѣть имъ принесть скорѣй къ себѣ кусокъ густой грязи и сыскать какую-нибудь тряпицу для перевязанія моей раны.

Вотъ первое произшествіе, случившееся со мною по возвращеніи моемъ въ домъ изъ службы. И возможно ли!... Во все продолженіе оной и на самомъ сраженіи не былъ я ниоднажды раненъ, а тутъ проклятая крыса такъ меня поранила и уязвила, что я нѣсколько дней принужденъ былъ ходить съ обвязаннымъ пальцемъ, и хотя не могъ тому довольно насмѣяться, но нерѣдко рана сія и докладывала мнѣ своею болью и заставливала почти охать.

На другой день собрались ко мнѣ всѣ мои крестьяне на поклонъ и нанесли мнѣ множество всякой всячины. Я, поздоровкавшись и поговоривъ со всѣми ими, пошелъ такимъ же образомъ осматривать всю свою усадьбу и всѣ знакомыя себѣ мѣста, какъ осматривалъ въ предслѣдовавшій вечеръ свои хоромы. Тутъ опять, смотря на все также другими глазами, не могъ я надивиться тому, что все казалось мнѣ сначала какъ-то слишкомъ мало, бѣдно, мизерно и далеко не таково, каковымъ привыкъ я воображать себѣ все съ малолѣтства. Всѣ вещи въ малолѣтствѣ кажутся намъ какъ-то крупнѣе и величавѣе, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Прежніе мои пруды показались мнѣ тогда сущими лужицами, сады ничего незначущими и заросльми всякою дичью, строеніе все обветшалымъ, слишкомъ бѣднымъ, малымъ и похожимъ болѣе на крестьянское, нежели на господское, и расположеніе всему самымъ глупымъ и безразсуднымъ.

Неуспѣлъ я, обходивши всѣ мѣста, возвратиться въ хоромы, какъ нахожу въ нихъ уже первыхъ моихъ посѣтителей и гостей, пришедшихъ ко мнѣ и дожидавшихся моего возвращенія. Былъ то приходскій нашъ священникъ, отецъ Иларіонъ, съ братомъ своимъ, дьякономъ Иваномъ. Они, поздравляя меня съ приѣз-

домъ, не могли довольно изобразить того, какъ они были обрадованы, услышавъ о моемъ возвращеніи изъ службы, и я увѣренъ былъ, что они говорили правду. Любя обоихъ сихъ духовныхъ особъ съ моего младенчества, не пересталъ я еще и тогда ихъ любить и былъ очень доволенъ посѣщеніемъ оныхъ. И какъ сіе случилось кстати, то и просилъ я отца Иларіона отслужить въ домѣ моемъ тогда же благодарный молебенъ Господу Богу и, освятивъ воду, окропить ею все мое будущее обиталище.

Съ превеликою охотою учинилъ онъ то, чего я требовалъ; а между тѣмъ, покуда посыланные ходили за ризами, книгами и прочимъ, разспрашивалъ я у его обо всемъ и обо всемъ, какъ у свѣдущаго все и такого человѣка, который могъ обо всемъ подать мнѣ лучшее понятіе, нежели мои люди. Словомъ, я занялся почти весь тотъ день сими первыми и пріятными для меня гостями. Они должны были, по отслуженіи молебна, остаться у меня обѣдать, обходить со мною еще многія мѣста въ моей усадьбѣ и пробыть у меня столько, сколько мнѣ хотѣлось. И какъ отецъ Иларіонъ умѣлъ очень хорошо, важно и сладко говорить, а братъ его былъ веселаго и добраго характера и умѣлъ разговоры свои приправлять пріятными шуточками и издѣвками, то было мнѣ съ ними и не скучно; и могу сказать, что они мнѣ, какъ тогда, такъ и послѣ бывали всегда пріятными гостями, и я всегда былъ радъ, когда они ко мнѣ прихаживали.

Отъ сего-то отца Иларіона узналъ я тогда, вопервыхъ, что Дворяниново наше было въ сіе время не таково пусто, какъ въ прежнюю мою бытность и что во время отсутствія моего произошли съ обоими сосѣдями однофамильцами и родственниками моими важныя перемѣны. О прежнемъ моемъ ближайшемъ сосѣдѣ и родномъ братѣ отца моего, сказывалъ онъ, что старичку сему наскучило какъ-то наконецъ жить въ прежнемъ вдовствѣ своемъ, и вздумалось при старости жениться; но что женитьба сія была ему неслишкомъ удачна, власно, какъ бы въ наказаніе за то, что погнался онъ за однимъ достаткомъ: ибо невѣста его была хотя дѣвушка довольно достаточная, но такихъ же почти престарѣлыхъ лѣтъ, какъ и онъ; и что во время сватьбы ихъ вся еще Москва смѣялась тому, что новобрачнымъ симъ было полтораста лѣтъ отъ роду.

Я удивился, сіе услышавъ. Но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда, при дальнѣйшемъ распрашиваніи о томъ, кто она такова и есть ли у ней съ нимъ дѣти, отецъ Иларіонъ, разсмѣявшись, мнѣ сказалъ: «Какимъ, сударь, быть дѣтямъ!... Посмотрите-ка только тетушку вашу, — вы удивитесь и не повѣрите, какъ это могло статься, что такому благоразумному человѣку, каковъ **Матвѣй Петровичъ**, вздумалось жениться на такой дряхлой, больной и такой старушкѣ, которую, вскорѣ послѣ свадьбы, расшибъ и параличъ, и которая и понынѣ, и съ самаго того времени безъ языка и не можетъ выговорить ни одного слова?»

— Чтò вы говорите! воскликнулъ я, удивившись. Ахъ, какая диковинка!... Но въ домѣ ли они и здѣсь ли теперь?

— «Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ; а оба они теперь въ Москвѣ и живутъ у брата ея господина **Павлова**, весьма зажиточнаго человѣка».

— Жаль же мнѣ, сказалъ я, что я этого не зналъ; а то повидался бы съ нимъ въ Москвѣ, ѣхавши чрезъ оную.

— «Это вы еще успѣете сдѣлать, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ. Они живутъ безсъѣздно въ Москвѣ, а особливо въ зимнее время; и какъ вы поѣдете, надѣюсь, въ оную для коронаціи государыни, которая, какъ говорятъ, въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ воспослѣдуетъ, то и можете, не только имъ, но и всему ихъ житью и бытью и семейству досыта насмотрѣться и надивиться».

Что касается до другого моего однофамильца и родственника, живущаго также въ одной со мною деревнѣ, и который доводился мнѣ внучатной дѣдъ и былъ самый тотъ, у котораго бывалъ я въ прежнюю мою въ Петербургѣ бытность, и о которомъ я имѣлъ уже случай вамъ упо-

минать, то, сказывалъ отецъ Иларіонъ, что и сей, будучи изъ полковниковъ пожалованъ генералъ-маіоромъ, находился потомъ нѣсколько лѣтъ сыщикомъ воровъ и разбойниковъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ; и наконецъ, будучи отставленъ и получивъ генералъ-поручицкой штатской чинъ, живетъ уже нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и въ здѣшнемъ домѣ дѣдовъ и отцовъ своихъ.

— Во, во, во, сказалъ я, удивившись; такъ и у насъ теперь завелись здѣсь превосходительные и генералы! Ну, слава Богу!... Но не вздумалось ли и сему также на старости жениться, какъ и моему дядюшкѣ?

— «Конечно, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ. Но сей, по крайней мѣрѣ, взялъ уже за себя хотя вдову, но гораздо уже и подостаточнѣе и помоложе, и всѣмъ и всѣмъ получше, и Софья Ивановна у насъ боярыня изрядная и хоть бы куда. Но самому-то ему деревенская жизнь какъ-то непосчастливилась»...

— А что такое? спросилъ я.

— «Стрѣлялъ какъ-то изъ окошка изъ штуцара, отвѣчалъ онъ мнѣ: и штуцаръ этотъ разорвало и повредило ему такъ руку, что остался у него на ней одинъ только указательный палецъ, а прочіе всѣ лекаря принуждены были отрѣзать, и насилу насилу могли залечить. Нѣсколько недѣль принужденъ онъ былъ жить для сего въ Тулѣ, но и теперь еще носитъ ее всю обвязанную».

— «Чтò вы говорите! воскликнулъ я, удивившись. Ахъ, какое несчастіе! И вотъ другой примѣръ на глазахъ моихъ, что человѣкъ цѣлый вѣкъ служилъ, бывалъ на войнахъ и въ сраженіяхъ, но нигдѣ не былъ раненъ и поврежденъ, а наконецъ, пріѣхавъ домой на покой, претерпѣваетъ какое несчастіе!»—Потомъ разсказалъ я отцу Иларіону то, что случилось на дорогѣ съ господиномъ Федцовымъ и что довелось мнѣ самому видѣть.

Наконецъ, на вопросъ: дома ли сей генералъ тогда находился? сказалъ мнѣ отецъ Иларіонъ: «Дома, сударь. И гдѣ же имъ быть? Онъ никуда почти не ѣздитъ; и только изрѣдка кое-когда бываетъ у сестрицы своей Варвары Матвѣевны Темерязевой».

— А жива еще сія милая старушка? спросилъ я.

— «Жива еще и все такова же, отвѣчалъ онъ. И мы сегодня же еще ее видѣли, заходя давича на часокъ къ Никитѣ Матвѣевичу. И они всѣ еще изъявляли великую радость о вашемъ пріѣздѣ, и усердно желаютъ васъ видѣть, а особливо генеральша».

— Чтò таково? воскликнулъ я, удивившись.

— «Такъ-таки, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ: люди вы еще незнакомые и она еще новой человѣкъ; такъ хочетъ васъ видѣть и съ вами познакомиться. А легко статься можетъ, что и другое чтò-нибудь имѣетъ на мысляхъ».

— А чтò-бы такое это было? спросилъ я съ родившимся во мнѣ тотчасъ и превеликимъ любопытствомъ.

— «Богъ знаетъ! сказалъ отецъ Иларіонъ усмѣхнувшись. Можетъ быть я и обманываюсь и она мыслей такихъ и не имѣетъ; но по натуральности судя, быть это легко можетъ. У ней есть отъ перваго мужа дѣти, сынъ да дочь, и сія живетъ при ней, и дѣвушка изрядная и поспѣваетъ въ невѣсты; а вы, батюшка, человѣкъ также молодой, холостой, достаточный; пріѣхали теперь въ отставку, и вамъ не одному же жить въ деревнѣ, а натурально, надобно будетъ помышлять и о томъ, чтобъ нажить себѣ и хозяюшку. Ну, такъ судите сами, милостивый государь, не легко ли статься можетъ, что спознакомившись съ вами, не захочетъ ли она попрочить васъ ей въ женихи? Ей, какъ матери, то и натурально».

— Во, во, во, сказалъ я. Этого я всего не вѣдалъ; и хорошо, батюшка, что вы мнѣ это сказали. Я очень вамъ за то благодаренъ.

— «Однако, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ: невѣста, не невѣста, а вамъ, батюшка, отбѣгать отъ нихъ ненадобно. Люди они старые, почтенные и вамъ, хотя дальные, но все родственники».

— Конечно, сказалъ я. Мой и первый выѣздъ будетъ къ нимъ; и какъ-скоро осмотрюсь, то и побываю у нихъ.

Послѣ того говорили мы о другихъ моихъ дальнихъ родственникахъ, жившихъ у меня не въ дальнемъ сосѣдствѣ. Но всѣ они были уже тогда въ царствѣ мертвыхъ, и изъ всѣхъ ихъ былъ почти только одинъ, по имени Захарій Ѳеодоровичъ Каверинъ, жившій тогда отъ меня неподалеку. Сей добренькой и мягкодушный старичокъ доводился мнѣ по матери внучатнымъ дядею и былъ мнѣ очень знакомъ. Онъ служилъ въ послѣднее время въ одномъ со мною полку, и будучи секундъ-маіоромъ, оставался съ батальономъ въ Кёнигсбергѣ, гдѣ я его нерѣдко видалъ, и какъ онъ былъ тамъ и съ женою своею, и дѣтьми, то не одинъ разъ случалось мнѣ бывать у нихъ и на квартирѣ и обходиться съ ними, какъ родными. Я очень радъ былъ, узнавъ, что находился уже онъ также, почти въ отставкѣ и жилъ тогда съ женою и дѣтьми своими въ маленькомъ своемъ домикѣ въ селѣ Каверинѣ, и положилъ возобновить съ нимъ прежнее знакомство.

Кромѣ сего, сказывалъ мнѣ отецъ Иларіонъ, что жива была еще и та любезная старушка, Матрена Ивановна Аникеева, которая была родная сестра дяди моего, г. Арсеньева, а мнѣ тетка, и которую, за добрый ея и ласковый характеръ, любилъ я съ самаго еще младенчества. Я положилъ и съ нею повидаться, какъ скоро только мнѣ возможно будетъ, и жалѣлъ только, что жила она отъ меня неблизко, и верстъ за сорокъ отъ моего селенія, подъ Каширою, и мнѣ часто съ нею видаться было не можно.

Въ сихъ не многихъ особахъ состояли въ сіе время всѣ, близъ меня живущіе, мои родственники. А изъ живущихъ далѣе извѣстенъ былъ мнѣ еще одинъ, изъ фамиліи господъ Бакѣевыхъ, а по имени Василій Никитичъ, который доводился матери моей внучатный братъ, но былъ ею отмѣнно почитаемъ. Но какъ сей находился еще въ службѣ и служилъ въ Москвѣ при полиціи, то и неслучалось мнѣ до того времени никогда его еще видать. Слѣдовательно, и зналъ я его по одному только имени, и потому, что онъ неоставлялъ насъ при разныхъ случаяхъ своими вспоможеніями, и между прочимъ и самымъ переводомъ ко мнѣ денегъ изъ деревни въ Петербургъ. Съ симъ своимъ дальнымъ родственникомъ положилъ я также, при первой ѣздѣ своей въ Москву, познакомиться; и тѣмъ паче, что доброту его характера всѣ не могли мнѣ довольно выхвалить.

Я непреминулъ также распросить отца Иларіона и обо всѣхъ прочихъ сосѣдяхъ, живущихъ отъ меня неподалеку, и съ которыми, какъ думалъ, надлежало мнѣ современемъ познакомиться. И онъ не только извѣстилъ меня объ нихъ, но и описалъ ихъ и характеры, сколько могъ, и поколику они самому ему были извѣстны, и всѣмъ тѣмъ услужилъ мнѣ такъ, что я былъ имъ очень доволенъ, и отпустилъ отъ себя, благодаря искренно за сіе посѣщеніе.

Въ семъ собесѣдованіи съ отцемъ Иларіономъ препроводилъ я съ удовольствіемъ большую часть перваго дня моей деревенской жизни. По ушествіи же его, ходилъ я еще разъ по всѣмъ мѣстамъ моей усадьбы: посѣтилъ свое господское гумно, полюбовался многими скирдами, складенными вновь изъ своженнаго хлѣба, обходилъ всѣ рощи.

Но паче всего хотѣлось мнѣ походить по остаткамъ старинныхъ нашихъ садовъ и поразсмотрѣть пристальнѣе тогдашнее ихъ, весьма жалкое и незавидное состояніе: ибо охота къ нимъ начинала уже тогда во мнѣ рождаться. И я, ѣдучи еще дорогою, помышлялъ многажды о томъ, какъ бы мнѣ ихъ поправить и привесть въ лучшее и такое состояніе, чтобъ мнѣ можно было въ нихъ съ удовольствіемъ провождать время въ своемъ сельскомъ уединеніи. И какъ мнѣ часть сія хозяйства столь же мало, или еще меньше была извѣстна нежели всѣ прочія, то, для самаго того, въ проѣздъ свой чрезъ Москву, и запасся я нѣсколькими иностранными, до садоводства относящимися, кни-

гами, изъ которыхъ вознамѣривался я искуству сему учиться Паче же всего, любопытенъ я былъ видѣть младшій изъ всѣхъ нашихъ садовъ и тотъ, о которомъ писалъ я еще изъ Кёнигсберга къ своему бывшему дядькѣ, чтобъ онъ мнѣ его, по посланному тогда къ нему рисунку, превратилъ въ регулярный.

Но въ какомъ состояніи нашелъ я оные и другія мѣста въ моей усадьбѣ, о томъ услышите вы въ письмѣ послѣдующемъ, которое къ тому назначаю я въ особливости, а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

СОСТОЯНІЕ МОЕГО ДОМА И ДЕРЕВНИ.

Письмо 102-е.

Любезный пріятель! Вотъ письмо, о которомъ предварительно вамъ сказываю, что оно для васъ будетъ скучнѣе всѣхъ прочихъ, и таково, что я вамъ отдаю на волю: хотите вы его читайте, хотите нѣтъ, а оставляйте сіе моимъ потомкамъ, для коихъ наиболѣе я его назначаю. Симъ, какъ думаю, будетъ оно довольно любопытно и интересно: ибо въ ономъ положилъ я описать въ подробности все тогдашнее состояніе моего дома, садовъ и прочихъ частей усадьбы, дабы могли они видѣть, въ какомъ положеніи и состояніи было все мое жилище и усадьба въ старину и при моихъ предкахъ, ибо въ такомъ точно и засталъ я тогда все оное; а изъ сего тѣмъ яснѣе потомъ усмотрѣть всѣ дѣланныя мною, отъ времени до времени, разныя перемѣны и превращенія. Словомъ, я опишу все тогдашнее наше прямо наипростѣйшее и самое почти бѣдное, мизирное и ничего незначущее деревенское обиталище, и для лучшаго объясненія приобщивъ къ тому и чертежъ всему моему двору и всей моей усадьбѣ, буду на него, при описаніи моемъ, ссылаться и вкупѣ сказывать, что на тѣхъ мѣстахъ находится нынѣ.

Итакъ, приступая теперь къ сему предпріятію, за которое, можетъ быть, любопытнѣйшіе изъ потомковъ моихъ скажутъ мнѣ спасибо, начну съ моего господскаго тогдашняго дома, въ которомъ я, по особливой милости ко мнѣ Господней, имѣлъ счастіе родиться.

Домъ сей нашелъ я въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ его, отъѣзжая на службу, и котораго какъ наружный видъ, такъ и внутреннее расположеніе имѣлъ я уже случай вамъ описать и изобразить рисункомъ въ одномъ изъ предслѣдующихъ моихъ писемъ *). Вся разница состояла въ томъ, что онъ, будучи и безъ того очень старъ и построенъ за многія десятки лѣтъ еще до рожденія моего, и стоявши во все время продолженія моей военной службы въ запустѣніи, еще болѣе одревнѣлъ и былъ тогда самая милая старина, удрученная толико тягостію протекшихъ многихъ лѣтъ, что нашелъ я его почти вросшимъ въ землю, и столь низкимъ, что изъ иныхъ оконъ можно было доставать рукою до земли самой; а драницы, которыми онъ по старинному обыкновенію покрытъ былъ, поросли уже всѣ густымъ зеленымъ мохомъ и скрывали подъ собою превысокой и препросторной чердакъ, служившій нѣкогда вмѣсто кладовыхъ, для поклажи всякой всячины, а особливо, по милому древнему обыкновенію, яблокъ и грушъ въ одинъ рядокъ на разостланной соломѣ. Маленькая, дождями размытая и почти развалившаяся труба, торчала только одна изъ посѣдѣвшей кровли и служила обиталищемъ галкамъ.

Домъ сей (1) **), каковъ ни старъ и ни простъ былъ, но мысли, что живали въ немъ мои предки и что я самъ впервые въ ономъ (сталъ) дышать воздухомъ; также, воспоминанія пріятныхъ дней младенчества и юности, препровожденныхъ въ ономъ, дѣлали мнѣ его и тогда еще милымъ и любезнымъ. Онъ стоялъ въ сіе время между обоихъ дворовъ, передняго и задняго, занималъ собою весь нижній фасъ, такъ издревле называемаго, перед-

*) См. письмо 15-е во II-й части томъ I стр. 154. А. Б.

**) См. число сіе въ рисункѣ, равно какъ и всѣ прочія, означенныя въ скобкахъ. А. В.

няго двора (2), и прикасался однимъ и глухимъ концомъ къ старинному садику моихъ предковъ.

Нынѣ мѣсто сіе, гдѣ онъ стоялъ, лежитъ посреди двора моего, противъ самыхъ временныхъ хоромцевъ и погреба, и незанято никакимъ строеніемъ. Оно мнѣ мило и любезно еще и понынѣ. И какъ оно лежитъ въ виду изъ оконъ моего кабинета, то нерѣдко и нынѣ еще, при вечерѣ дней своихъ, смотря на оное, преселяюсь я мыслями и воображеніями своими въ лѣта юности и младенчества своего, воспоминаю все тогда бывшее, наслаждаюсь и понынѣ еще удовольствіями тогдашняго златого вѣка, и оканчивая всегда взглядомъ на извѣстное мнѣ еще и то самое мѣсто, гдѣ я родился и благодарнымъ вздохомъ ко Творцу моему за то, что по велѣнію Его родился я тутъ, а не въ иномъ какомъ мѣстѣ и не посреди дикихъ какихъ народовъ и въ бѣдности, а въ нѣдрахъ земли христіанской и отъ родителей, доставшихъ мнѣ и въ колыбели уже безчисленныя преимущества предъ многими милліонами другихъ, и подобныхъ мнѣ тварей и обитателей земли сей.

Что касается до помянутаго передняго господскаго двора, то былъ онъ самый маленькій, и отъ малой ходьбы по оному, всегда порослый мягкою муравою и чистый. О мализнѣ его можно по тому судить, что весь нижній его фасъ и западный бокъ занимали наши хоромы съ крошечнымъ огородкомъ предъ окнами, въ концѣ дома (3); а немногимъ чѣмъ больше была и вся длина его. Совсѣмъ-тѣмъ, въ малолѣтствѣ казался онъ мнѣ превеликимъ. И я и понынѣ еще, смотря на сіе мѣсто, вспоминаю нерѣдко и съ удовольствіемъ тѣ дни, когда строивалъ я на немъ въ зимнее время изъ снѣга города съ башнями и воротами, и препровождалъ иногда время свое въ невинныхъ дѣтскихъ разныхъ играхъ и забавахъ, а особливо въ играніи съ братомъ моимъ двоюроднымъ и множествомъ ребятишекъ, въ любезную нашу килку или мячъ, — игру, требовавшую великое вниманіе и расторопность, и увеселявшую насъ до чрезвычайности. Впрочемъ, мѣсто сіе и нынѣ ничѣмъ незанято, но составляетъ уже только четвертую часть двора моего.

Вплоть подлѣ самыхъ почти хоромъ и передъ крыльцомъ оныхъ, стояли тогда питательницы предковъ моихъ или хлѣбныя ихъ житницы и амбары (4). Они неуступали хоромамъ ни престарѣлостію своею, ни дряхлостію. Ихъ было три. Всѣ они стояли рядомъ, и о двухъ изъ нихъ не знали и старики самые, когда и кѣмъ изъ предковъ моихъ были оні строены. Превеликія и толстыя плиты, взгромощенныя другъ на друга, лежали противъ первыхъ двухъ и служили вмѣсто крылецъ, для удобнѣйшаго вхожденія на присѣнки оныхъ; а чугунная доска висѣла подъ навѣсами сихъ присѣнковъ, долженствовавшая всякую ночь звукомъ своимъ наводить страхъ ворамъ и крысамъ, а хозяевъ удостовѣрять о бдѣніи караульщиковъ. Всѣ сіи наиважнѣйшія въ тогдашпія времена зданія покрыты были уже и въ древность самую тесомъ. Но какъ оный отъ древности весь изтрупарѣшилъ, то солома должна была прикрывать оный и составлять кровлю на сихъ зданіяхъ, не болѣе какъ саженъ на пять отъ хоромъ отдаленныхъ. Одни только маленькія низенькія рѣшетчатыя дверцы въ садъ, съ двумя небольшими по обѣимъ сторонамъ звеньями такой же негодной рѣшетки, отдѣляли оныя только отъ хоромъ, и служили входомъ въ садъ господской, который въ старину толико уважался, что запечатывался въ лѣтнее время восковою печатью, — что мнѣ памятно еще съ малолѣтства, и болѣе потому, что для меня удивительно было то, что воскъ, будучи сначала жолтымъ, въ короткое время побѣлѣвъ на воздухѣ, превращался въ такъ-называемый — ярый или бѣлой, чему я тогда не зналъ причины. Впрочемъ, житницы сіи стояли на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ моя конюшня и сарай каретный и, составляя сѣверный бокъ двора передняго, стояли тутъ такъ давно, что, какъ

за нѣсколько лѣтъ до сего, вздумалось мнѣ, для опростанія сего мѣста, перенесть ихъ на улицу за дворъ, то нашолъ я подъ ними такое множество нагнившей, изъ одного сыпавшагося изъ нихъ хлѣба и сора, доброй земли, что, при сгребаніи оной, насыпали мнѣ изъ нея цѣлую гору въ саду, за ними находившемся.

Весь третій бокъ помянутаго передняго двора занималъ собою старинный нашъ не каретный, а колясочный сарай (5): ибо каретъ тогда еще незнавали. Онъ покрытъ былъ также соломою, и стоитъ еще и по нынѣ на томъ же мѣстѣ и довольно еще крѣпокъ, хотя тому уже болѣе ста лѣтъ, какъ онъ построенъ.

Вплоть подлѣ сего и въ углу сего передняго фаса были наши старинныя большія и главныя на дворъ ворота (6), съ толстыми рѣзными разными вычурами вереями и превеликою калиткою. Онѣ имѣли на себѣ превеликую и преширокую, по старинному обыкновенію, кровлю, покрытую тесомъ, и отъ древности, такъ много обросшимъ зеленымъ мохомъ что былъ почти непримѣтенъ.

Вплоть подлѣ ихъ стояла на самомъ углу двора сего одна изъ нашихъ людскихъ избъ, называемая переднею (7). Она была хотя вкупѣ жилищемъ моего прикащика, но краснаго окна не имѣла у себя ни одного—тогда мало еще объ нихъ знавали — а была она черная и точно такая же, какія бываютъ у крестьянъ нашихъ.

Симъ образомъ огражденъ былъ мой господскій дворъ со всѣхъ трехъ сторонъ сплошнымъ и безпрерывнымъ строеніемъ. Чтожъ касается до четвертой, то съ сей стороны отдѣлялся онъ отъ другого, и такъ-называемаго задняго двора, простенькою рѣшеткою; и одна только небольшая и высокая конюшня съ 4-мя стойлами занимала собою часть сего фаса и стояла вплоть подлѣ избы помянутой (8).

Вотъ вамъ описаніе всего передняго двора господскаго. Теперь опишу такимъ же образомъ старинный нашъ задній дворъ (9). Оный былъ уже гораздо больше передняго, но не столь порядочный, а иррегулярный, узкій, протянутый въ длину по берегу крутой нашей Осиповской вершины, загнувшійся потомъ кругомъ хоромъ глаголемъ и оныя, съ двухъ лучшихъ сторонъ, какъ-то, съ полуденной и западной, огибающій собою. Онъ былъ наибезпорядочнѣйшій въ свѣтѣ, загромощенъ множествомъ всякаго рода мелкихъ и простѣйшихъ строеній, засоренъ навозомъ и всякимъ дрязгомъ и соромъ, и осѣненъ съ полуденной стороны нѣсколькими старинными большими претолстыми дубами, видѣвшими еще самыхъ прадѣдовъ нашихъ. Многія другія деревья, выросшія вмѣстѣ съ ними на берегахъ помянутаго каменистаго буерака, сотовариществовали онымъ и закрывали собою всю сію полуденную сторону; а насажденная за ними высокая березовая роща придавала еще болѣе густоты и дѣлали съ сей стороны и домъ и дворъ нашъ совсѣмъ невидимымъ.

Начало свое воспринималъ сей задній дворъ отъ помянутой нашей верхней или передней избы, подлѣ которой былъ и передній выѣздъ на него особыми воротами (10). Рядъ людскихъ клѣтей, пунекъ и закутъ ограждалъ его отъ улицы, а подлѣ ихъ, къ вершинѣ находились наши скотскіе дворы: и сперва (11) овчарникъ, а тамъ коровникъ (12). Къ симъ примыкалъ сарай для разной поклажи (13), а подъ нимъ теплый погребъ, съ предлиннымъ каменнымъ выходомъ, и самый тотъ же, который, хотя въ превратномъ видѣ, но существуетъ и понынѣ; а подлѣ его старинный нашъ ледникъ (14); а позадь оныхъ тотъ же самый рядъ людскихъ клѣтей и приклѣтовъ, который стоитъ еще и понынѣ и служитъ двору моему огражденіемъ отъ вершины. Но подлѣ ледника и вплоть почти стояла тогда другая людская изба, называемая среднею, походившая еще болѣе передней на крестьянскую (15), а вплоть подлѣ ея находился нашъ конный или лошадиный дворъ, или, какъ встарину было обыкновеніе называть, **воръ** (16), построенный на углу двора, къ вер-

шинѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ наша кухня.

Наконецъ, заднюю сторону двора всего и наилучшее мѣсто во всей усадьбѣ и самое то, гдѣ построилъ я потомъ нынѣшній домъ свой, занималъ собою небольшой овощной огородецъ (17), съ отдѣленнымъ отъ него пчельничкомъ (18) и его омшенникомъ. Задній же выѣздъ съ сего двора былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ ткацкая; а тогда тутъ стояла третья лачуга (19), называемая нижнею избою, и которая была еще хуже и мизирнѣе обѣихъ прочихъ и ворота были вплоть подлѣ ей (20), между ею и огородомъ, огражденнымъ высокимъ плетнемъ. А пристроенныя къ ней клѣтушки, пуньки и закуты и разныя другія хибарки въ заворотъ къ хоромамъ, составляли послѣдній боковой фасъ двора сего и заграждали его отъ сада. Всѣ они примыкали къ такъ-называемой изстари чорной горницѣ (21), стоявшей подлѣ самаго задняго крыльца изъ хоромъ и составлявшей и кухню нашу, и приспѣшню, и жилище бывшаго моего дядьки съ его семействомъ и всѣхъ бывавшихъ на сѣняхъ.

Вотъ вамъ описаніе всего моего тогдашняго господскаго, и прямо можно сказать, бѣднаго и совсѣмъ разстроеннаго, во всѣхъ частяхъ обветшалаго и развалившагося дворишка: ибо какъ было уже около двадцати лѣтъ, какъ въ ономъ ничего вновь строено и переправляемо не было, а все предано одному теченію натуры, то и натурально долженствовало все опуститься и обвалиться. Самъ я во все сіе время находился въ малолѣтствѣ и въ службѣ, а домоправители во все сіе время были таковы, что они всего меньше о таковыхъ поправленіяхъ помышляли, а наблюдали болѣе свое спокойство и карманы. А какъ присовокуплялись къ тому и деревенскія браги, то и подавно о такихъ поправленіяхъ всего нужнаго въ домоводствѣ помышлять было некогда и недосужно; а отъ меня они къ тому приказаніевъ не получали.

А каковъ былъ мой дворъ, таковы же были и всѣ прочія немногія господскія здапія, разбросанныя кой-гдѣ по моей усадьбѣ. Самая сія была, какъ изстари, такъ и тогда очень-очень тѣсновата, и не простиралась ни на шагъ черезъ вершину и запруды наши. Сіи ограждали все наше жилище съ сей стороны отъ полей хлѣбныхъ, примыкавшихъ тогда вплоть къ вершинѣ: ибо, ни нынѣшняго гумна моего, ни риги, ни сада, ни сарая тамъ еще не было; а была только одна березовая большая роща (22), что на клину насажденная покойною матерью моею до моего еще рожденія на ближней полевой землѣ. Вся она сначала не имѣла въ себѣ болѣе полудесятины, ибо столько случилось у насъ тутъ самой ближней земли. Но, какъ смотря на нее, восхотѣлось тутъ же рощу насадить и деверю ея, а моему дядѣ и занять тѣмъ и другую полниву, ему принадлежавшую; а сверхъ того запущенъ былъ подъ нее клинъ земли къ самой вершинѣ, который принадлежалъ намъ вообще, то чрезъ самое то она и увеличилась.

Что касается до прудовъ, то было ихъ тогда только два, изъ коихъ одинъ назывался нижнимъ (23), а другой верхнимъ (24). Оба они составляли почти лужицы, оба сдѣланы были еще въ самой древности, и тѣми изъ предковъ моихъ, которые первые основали тутъ свое жилище, и оба, будучи многіе годы нечищены, были заплывшими почти тиною и грязью, и требовали себѣ поправки и возобновленія.

Я уже упомянулъ, что за сими прудами не было у насъ уже ничего, а по сю сторону противъ плотины верхняго пруда стояли у насъ господскіе овины съ своими токами и половнями. Ихъ было у насъ только два (25. 26,) и оба ничѣмъ нелучше и непросторнѣе крестьянскихъ. Они стояли рядомъ, а сараи или половни, въ которыхъ собирался мелкій гуменный кормъ и солома, были и того еще ближе ко двору (27, 28) и посреди улицы. Самый же хлѣбникъ или скирдникъ былъ далѣе за овинами, и отдѣленъ отъ нихъ небольшою рощицею, изъ немногихъ большихъ и разныхъ де-

ревъ состоявшей, и бывшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь у меня вишенный садъ за пчельникомъ (29). Рвы, которыми сей хлѣбникъ былъ окопанъ, видны отчасти и понынѣ, хотя мѣсто сіе служитъ теперь намъ вмѣсто огорода, и снабжаетъ меня табакомъ и масломъ и другими огородными продуктами.

Позадь гумна сего, къ полю, находилась у насъ тогда наша, такъ-называемая, молодая роща (30). Она прикрывала съ сѣверо-восточной стороны всю нашу усадьбу, и защищала ее отъ бурь и мятелей. Покойная мать моя садила ее сама, и я запомню, какъ она была еще маленькая, и какъ ее еще поливали бабы, хотя протекло уже послѣ того много лѣтъ.

Отъ сей рощи до самаго двора моего простирался большой нашъ коноплянникъ, занимавшій тогда все то мѣсто, которое теперь подъ моимъ верхнимъ садомъ (31). По всему видимому, мѣсто сіе было уже изъ самой древности назначено и употребляемо подъ посѣвъ господскихъ и людскихъ коноплей, было огорожено кругомъ кой-какими плетнишками и почитаемо столь свято, что сама покойная мать моя едва въ силахъ была отважиться оторвать отъ коноплянника сего самый маленькій и ближній ко двору уголокъ и засадить оный нѣсколькими десятками яблоней и другими садовыми деревьями.

Маленькій сей садикъ, бывшій любимымъ у покойной моей матери и у самого меня въ малолѣтствѣ, находился въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь у меня спаржа (32), и былъ самый тотъ, о которомъ писалъ я домой еще изъ Кёнигсберга, чтобъ его распространить, увеличить и насадить въ него еще болѣе всякаго рода садовыхъ деревъ, сдѣлать его регулярнымъ. Коммиссія сія поручена была отъ меня прежде бывшему моему дядькѣ, какъ человѣку, могущему разобрать посланный тогда къ нему отъ меня расположенію сада сего прожектъ и рисунокъ, — что имъ, сколько умѣлось, и произведено было въ дѣйство. А потому и занималъ уже сей садъ тогда цѣлую треть помянутаго большого коноплянника. И я еще очень любопытенъ былъ видѣть, какъ дядька мой произвелъ сіе дѣло и положилъ всему регулярству моихъ прежнихъ садовъ первое основаніе.

Но удовольствіе мое было гораздо меньше мною напередъ воображаемаго: ибо, хотя и нашелъ я его насажденнымъ такъ, какъ мною было предписано, хотя безъ наблюденія точной во всемъ мѣры и пропорціи, но заросшимъ такъ всякимъ дрязгомъ и травою, что не было почти нигдѣ и по самымъ дорожкамъ его прохода. А притомъ и деревья всѣ были въ слабомъ и дурномъ состояніи и не совсѣмъ еще укоренившіяся.

Садъ сей отдѣлялся отъ двора и отъ другого сада узкимъ и изстари грязнымъ проѣзжимъ проулкомъ, который на самомъ томъ же мѣстѣ существуетъ и понынѣ. Покойная родительница моя осадила оный березками и другими деревьями съ обоихъ боковъ; и нѣкоторыя изъ березъ сихъ и понынѣ еще ростутъ и, украшая собою мой дворъ, нерѣдко утѣшаютъ меня въ зимнее время прекрасными инеями и позлащенными отъ солнца верхами своими.

Помянутый другой и самый главный садъ лежалъ по другую сторону помянутаго проулка, и прилегалъ къ сѣверному боку всего двора моего (33). Сей садъ былъ самый старинный, и никто изъ жившихъ тогда не зналъ и не помнилъ— кѣмъ и когда онъ насажденъ и тутъ заведенъ былъ. То только мнѣ извѣстно, что онъ и тогда еще, какъ я началъ самъ себя помнить, былъ уже престарѣлымъ и большимъ: почему и заключаю я, что первѣйшее основаніе положено ему, либо еще прапрадѣдомъ моимъ, Осипомъ Ерофеевичемъ, либо прадѣдомъ, Иларіономъ Осиповичемъ, какъ первыми мѣста сего обитателями.

Впрочемъ, какимъ садъ сей въ малолѣтствѣ моемъ ни казался мнѣ огромнымъ, но тогда нашелъ я и его не только малымъ, но и ничего незначущимъ. Весь онъ не занималъ и полудесятины собою; былъ очень узокъ и отдѣлялся

только плетнемъ отъ сада дяди моего. Плодовитыхъ деревъ имѣлъ онъ въ себѣ очень мало: ибо старинныя почти всѣ уже кончили свой вѣкъ и остались изъ нихъ весьма только немногія; а вновь подсаженныхъ было также очень немного. Напротивъ того, разнаго рода дикихъ деревъ, а особливо березъ и осинъ, которыми онъ въ послѣдніе годы по своей волѣ заросталъ, было такъ много, что и тогда уже былъ онъ способенъ къ сдѣланію изъ него сада аглинскаго, и можно бы было сдѣлать еще лучшій, нежели какой сдѣлалъ я изъ него въ послѣднія времена.

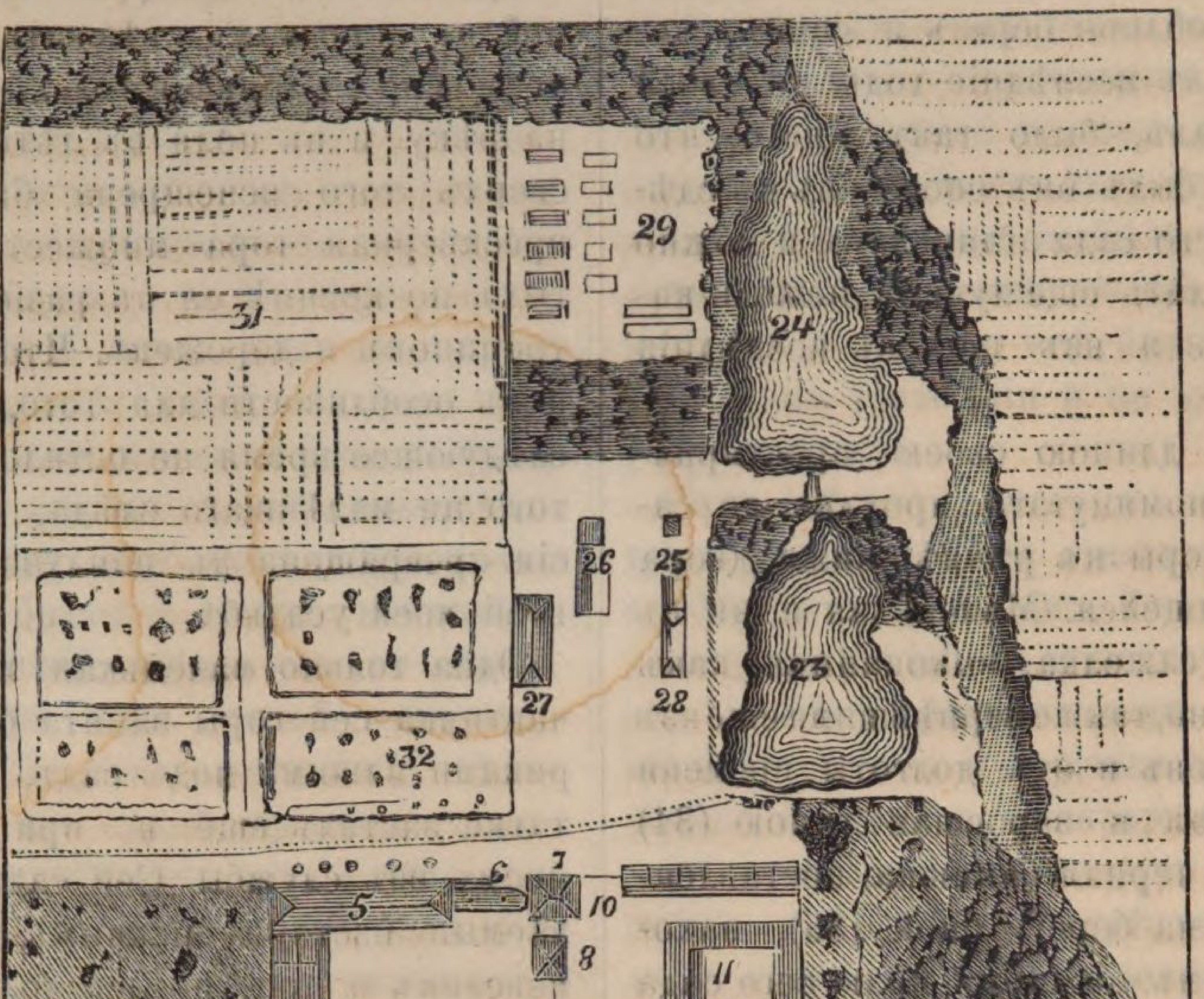
Впрочемъ, длиною своею простирался онъ отъ помянутаго проулка до самаго ребра горы къ рѣчкѣ, ниже двора моего находящейся. Маленькая и ни къ чему годная сажелка, выкопанная, какъ думать надобно, также первѣйшими еще изъ моихъ предковъ и отъ долготы времени вся заплывшая и заросшая тиною (34) и небольшая черная банишка, поставленная въ саду на берегу оной (35), находились на семъ нижнемъ краю сего сада и занимала собою сіе наилучшее и прекраснѣйшее мѣсто во всей усадьбѣ; но тогда было оно самое презрѣннѣйшее и худшее. Одинъ только, стоявшій на берегу сей лужицы, престарѣлый и едва уже дышущій дубъ ознаменовалъ оное и вкупѣ древность сего произведенія рукъ человѣческихъ.

За сею сажелкою и за плетнемъ, ограждающимъ садъ сей, съ стороны этой не было уже болѣе ничего, кромѣ одной крутой, искривленной и самой безобразнѣйшей горы (36), съ растущими кой-гдѣ по ней превеликими кривыми безобразными и престарѣлыми березами. Отъ того мѣста, гдѣ была на горѣ помянутая сажелка, простиралось внизъ по ней небольшое углубленіе съ грязнымъ ручейкомъ, на которомъ, въ самомъ низу и тамъ, гдѣ у меня нынѣ вечерная (?) сидѣлка и карпная сажелка, была подъ большою и дряхлою лозою небольшая топкая и непроходимая яма, въ которой мачивали старики наши пеньку свою.

Двѣ косыя, крутыя и скверныя дороги пресѣкали скверную гору сію вкось. И одна изъ нихъ шла внизу мимо всей моей усадьбы на дворъ, къ живущему подлѣ меня дядѣ моему; а другая проложена была снизу по крутой косинѣ горы ко мнѣ на дворъ и была такъ крута и дурна, что по ней въ повозкахъ съѣзжать никакъ было не можно, а гонялся только по ней скотъ на рѣку и въ поля въ лѣтнее время. А сверхъ того испещрена была вся сія прескверная гора множествомъ пробитыхъ по косинѣ ея въ разныхъ мѣстахъ тропинокъ и дорожекъ. Что все замѣчаю я въ особливости для того, что въ послѣдующее время не осталось изъ всего того ни малѣйшаго слѣда; но вся гора сія превращена въ наилучшее мѣсто во всей моей усадьбѣ.

Одна только маленькая и крутѣйшая частичка сей горы занята была еще стариками нашими подъ садъ, котораго остатки засталъ еще я, при возвращеніи моемъ изъ службы. Сей садъ (37), называемый изстари нижнимъ, былъ очень невеликъ и простирался только отъ помянутаго огорода, подлѣ двора бывшаго, по косую съѣздную нашу дорогу внизъ съ горы. И какъ подлѣ плетня, ограждающаго его отъ горы, насажены были покойною родительницею моею и въ самый тотъ годъ какъ я родился, березки, и изъ оныхъ три стоятъ еще и понынѣ и одна въ наилучшемъ мѣстѣ предъ окнами моего дома и служащая мнѣ вмѣсто вѣтромѣра, то и могутъ онѣ собою доказывать, гдѣ была тогда съѣздная съ горы дорога и покуда простирался нашъ нижній садъ, по горѣ къ рѣкѣ. Въ сторону же къ вершинѣ простирался онъ вплоть по ручей, и старинный нашъ лучшій ключъ, извѣстный подъ именемъ Течки, былъ всегда въ саду этомъ. Впрочемъ, весь сей садъ состоялъ только изъ немногихъ старинныхъ и ни къ чему годныхъ яблоней, разбросанныхъ по самой крутизнѣ горы; а внизу, гдѣ онъ оканчивался и гдѣ теперь вершинная сажелка, бывала у насъ на ручьѣ и колодезѣ винокурня деревенская (38).

Вотъ вамъ подробное описаніе всего моего обиталища, которое, по всей справедливости, было незавидно и мило мнѣ только потому, что я тутъ родился и жилъ по нѣскольку времени въ моемъ младенчествѣ и въ малолѣтствѣ. А впрочемъ было не только наипростѣйшее въ свѣтѣ, но требовавшее во всѣхъ частяхъ своихъ переправки, а въ иныхъ и совершеннаго переворота.

А каковъ былъ мой домъ со дворомъ, таковы же точно и ничѣмъ нелучше были и оба сосѣдскіе господскіе домы въ нашей деревнѣ. А всего удивительнѣе было то, что и самое расположеніе внутреннихъ комнатъ было во всѣхъ домахъ одинаково: власно такъ, какъ бы старики наши лучшаго расположенія выдумать не умѣли, или не имѣли къ тому столько духа. У самого дяди моего Матвѣя Петровича, бывшаго въ свое время хорошимъ геометромъ и инженеромъ, былъ точно

такой же, и вся разница состояла въ томъ, что былъ домъ его меньше и власно какъ миньятюрный передъ нашими.

Оба сіи дома были неподалеку отъ моего, и домъ помянутаго генерала Никиты Матвѣевича Болотова, находился только за вершиною, и окруженъ былъ почти вокругъ стариннымъ садомъ, насажденнымъ еще его дѣдомъ Кириллою Ерофеевичемъ, яко первымъ основателемъ всего сего селенія. Мѣсто, избранное имъ подъ домъ, было также однимъ не изъ самолучшихъ, и хоромы были также спрятаны и поставлены такъ, что изъ нихъ всего нашего изящнаго мѣстоположенія было совсѣмъ невидно.

И старики наши люблѝвали какъ-то смотрѣть только на свой дворъ и переднія ворота.

Что касается до дома и двора дяди моего Матвѣя Петровича, то, какъ сему, по раздѣлѣ съ моимъ покойнымъ родителемъ, вздумалось поселиться внутри той половины сада, которая ему досталась, то и сдѣлался домъ его къ намъ очень близокъ и не болѣе, какъ только саженъ на 30 или на 40 отъ онаго. И какъ въ послѣднія предъ симъ времена изъ всего сего двора не осталось и слѣда, то и замѣчу я впредь для памяти, что хоромцы его стояли лицомъ къ нашему двору, а узкимъ бокомъ подъ гору; и что подъ самыми окнами съ сей стороны стояла та яблонь, которая, будучи повалена бурею, ростетъ у меня теперь неподалеку отъ парниковъ, лежучи, и извѣстна подъ именемъ лежанки, а за сими хоромцами и далѣе къ вершинѣ, былъ его задній дворъ, съ избами, скотскими дворами и закутами.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что каковъ бѣденъ былъ нашъ домъ и дворъ, таковы-жъ были и всѣ деревни наши. Будучи людьми малодостаточными, имѣли мы ихъ очень немногія и малолюдныя. У меня во всемъ здѣшнемъ селеніи было только 3 двора, да въ деревнѣ Болотовѣ 2, да въ Тулеинѣ 6: и всего здѣсь только 11 дворовъ. А и въ другихъ деревняхъ также сущая малость и клочки самые малые, какъ напримѣръ, въ ближней изъ сихъ, каширской моей деревнѣ, Калитинѣ, было только крестьянскихъ два двора, да дворъ господскій; а въ деревнѣ Бурцовой только 1 дворъ. Въ епифанской моей деревнѣ, Романцовѣ, только 2 двора, а въ чернской, Есиповой, только 1 дворъ, да въ шадской, что нынѣ тамбовская, дворовъ съ десять. Вотъ и все мое господское имѣніе, ибо болѣе сего я не имѣлъ. А какъ присовокуплялось къ тому и то досадное обстоятельство, что всѣ сіи мелкія и ничего незначущія деревнишки не только были малоземельны, но и земля вездѣ находилась въ чрезполосномъ владѣніи съ другими посторонними помѣщиками, и посему ничего особливаго съ нею предпринимать было не можно, то и проистекло отъ всего того то натуральное слѣдствіе, что и доходы наши съ нихъ были чрезвычайно малы и ничего почти незначущими.

Въ сіи-то бѣдныя и малодоходныя деревнишки пріѣхалъ я тогда жить, и ими-то долженъ былъ не только содержать себя, но и поправлять свое жилище; а сверхъ того долженъ былъ помышлять и о заведеніи всего того, чего у меня недоставало и о снабденіи и дома своего, и самого себя множествомъ разныхъ и необходимо нужныхъ вещей: ибо, не только у самого меня не было никакого порядочнаго платья, кромѣ моихъ прежнихъ и тѣхъ мундировъ, которые мнѣ тогда и носить было уже не можно, но не было у меня ни довольныхъ лошадей, ни конской збруи, ни экипажей для ѣзды, ни лакеевъ, ни ливреи на нихъ, а въ домѣ не было ни единой почти посудины, кромѣ немногой старинной и изломанной оловянной, и нѣсколькихъ стакановъ и рюмокъ, а изъ мебелей ни единаго почти стульца, ни единаго столика, ни однихъ креселъ и канапе; а о комодахъ и прочемъ и говорить нечего. Итакъ, всѣмъ и всѣмъ надлежало мнѣ заводиться и всѣмъ обстроживаться въ своемъ домѣ, и обо всемъ тогда мыслить и разсуждать, а особливо въ первые дни по моемъ пріѣздѣ.

Симъ кончу я сіе мое почти совсѣмъ побочное письмо; а въ послѣдующемъ

приступлю къ дальнѣйшему продолженію моей исторіи, сказавъ между тѣмъ, что я есмь и прочая.

СВИДАНІЕ СЪ РОДНЫМИ И ѢЗДА ВЪ МОСКВУ.

Письмо 103-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ продолженію моей повѣсти, скажу, что неуспѣлъ я, по возвращеніи въ деревню, всю свою усадьбу и всѣ строенія и сады окинуть глазомъ, а въ домѣ всѣмъ разобраться, какъ усмотрѣнные въ премногихъ вещахъ недостатки заставили меня тотчасъ начинать помышлять о томъ, какъ-бы себя скорѣе всѣми ими запасти и въ домѣ всѣмъ обострожиться получше. А какъ ко всему тому потребны были и деньги, то самое сіе побуждало меня войтить и въ состояніе моихъ доходовъ и деревень. И какъ о семъ надѣялся я всего лучше узнать отъ старика своего прикащика, то и призванъ былъ онъ на конференцію о томъ со мною, и долженъ былъ мнѣ все и все разсказывать, что̀ ему было о семъ извѣстно.

Увѣдомленія его были для меня не весьма радостны и пріятны. Онъ изображалъ мнѣ состояніе моихъ деревень таковымъ, каковымъ оно дѣйствительно было, то-есть, очень худымъ и недостаточнымъ; а и доходы, получаемые съ нихъ, не увеличивать, а уменьшать еще старался, къ чему онъ имѣлъ и причину: ибо боялся, чтобъ я за всѣ прошедшіе годы не сталъ его считать и дѣлать съ него взысканія.

Но какъ бы то ни было, но я, узнавъ всю малочисленность моихъ доходовъ, гораздо и гораздо отъ того сначала позадумался и смутился. Ибо видѣлъ ясно, что я въ прежнихъ мысляхъ о деревняхъ своихъ очень много обманулся, и что онѣ далеко не таковы были выгодны, каковыми я ихъ себѣ воображалъ, и что мнѣ не безъ труда будетъ получать съ нихъ столько, сколько нужно было мнѣ, и на свое содержаніе, и на поправленіе всего въ домѣ и на запасеніе себя всѣмъ нужнымъ.

Мысли о семъ озабочивали меня чрезвычайно, и признаюсь, что поуменьшили гораздо собою и то удовольствіе, какое я имѣлъ сначала при возвращеніи изъ службы въ домъ свой. На все и на все потребны были деньги, а денегъ сихъ не было, и я горевалъ, не зная, гдѣ мнѣ столько ихъ будетъ доставать, сколько нужно было ихъ для исправленія всѣхъ нуждъ и необходимыхъ потребностей.

Однако, вся сія горесть и печаль моя недолго продолжалась: я возвергнулъ ее, по обыкновенію своему, на Господа, и въ утѣшеніе самъ себѣ сказалъ:

«И! былъ бы у меня только Богъ и Богъ любящій меня и пекущійся обо мнѣ, а прочее все уже будетъ!.. Что достатокъ мой невеликъ и я небогатъ, это правда; но не съума же мнѣ отъ того сойтить... И, продолжалъ я: не тотъ богатъ, кто имѣетъ много, а тотъ, кто доволенъ тѣмъ, что у него есть и умѣетъ пользоваться онымъ. Къ томужъ, достатки-то не рукою ли Всемогущаго намъ всѣмъ раздаются и неодѣляемся (ли) мы ими по его премудрому разсмотрѣнію и произволенію святому?... Итакъ, можно ли мнѣ и помыслить о томъ, чтобъ дерзнуть роптать на то, для чего мой достатокъ невеликъ и небольше теперешняго?... Не получилъ ли я и тотъ отъ Зиждителя моего безъ всякихъ моихъ заслугъ и права на то?... Не отъ единаго ли святого произволенія его зависѣло то, что и такой я еще имѣю?... Сколько есть милліоновъ людей на свѣтѣ, и сколько тысячъ моей братьи дворянъ самыхъ, которые и того не имѣютъ, что и я имѣю, и которые бы счастливѣйшими людьми себя почли, еслибъ могли имѣть столько, сколько я имѣю и быть на моемъ мѣстѣ?... Для чего же мнѣ не почитать себя счастливымъ? И! продолжалъ я, я счастливъ и пересчастливъ еще предъ многими другими, и мнѣ нужно только умѣть пользоваться тѣмъ, что̀ имѣю я, и чувствовать все преимущество состоянія своего предъ другими. Ненадобно только мнѣ никогда смотрѣть вверхъ, а надобно смотрѣть внизъ себя — такъ и буду всѣмъ доволенъ... Ну, чтожъ за бѣда, что я неслишкомъ богатъ? Не всѣмъ же быть богатымъ! — Ну, когда

небогатъ, такъ и живи такъ: не затѣвай ничего излишняго, не гоняйся во всемъ за богатыми, а протягивай, говоря по пословицѣ, ножки свои по одёжкѣ, такъ и будетъ дѣло въ шляпѣ и все ладно и хорошо».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою говоря и разсуждая, я не только утѣшилъ самъ себя очень скоро и возвратилъ духу своему всю прежнюю веселость и спокойствіе, но, подкрѣпляясь мыслями таковыми дѣйствительно положилъ во всю будущую деревенскую жизнь свою за главное правило себѣ почитать, чтобъ не гоняться никакъ за живущими не по своимъ достаткамъ, а держатся какъ можно умѣренности и середины; а равномѣрно — ничѣмъ и не спѣшить и отъ единой поспѣшности сей отнюдь не входить въ долги, какъ то иные дѣлаютъ нерѣдко и чрезъ то разоряются въ немногіе годы. Словомъ, я положилъ вести себя и жить (по) пословицѣ говоря: ни шатко, ни валко, ни на сторону, — и жить такъ, чтобъ расходы никакъ не превосходили доходовъ, а довольствоваться во всѣхъ случаяхъ тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ, а не выходить никогда за предѣлы состоянія и достатка своего. А сіе и помогло мнѣ очень много, какъ то окажется изъ послѣдствія.

Итакъ, осмотрѣвъ всѣ строенія въ домѣ моемъ, хотя и видѣлъ я, что нужна всѣмъ имъ превеликая реформа и поправленіе; однако, соображаясь съ помянутымъ правиломъ, положилъ до онаго на первый случай нимало еще не касаться, а предоставляя то до будущаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ только снабдить себя такими вещами, безъ которыхъ мнѣ не можно уже было никакъ обойтиться. И какъ для самаго сего нужно было побывать хоть на короткое время въ Москвѣ, то я положилъ, осмотрѣвшись въ домѣ, туда на нѣсколько дней съѣздить; а между тѣмъ, познакомиться сколько-нибудь съ сосѣдями своими. Но и въ разсужденіи сихъ вознамѣривался я не спѣшить никакъ сводить тѣснаго знакомства со всѣми ими, а особливо съ тѣми, кои мнѣ были еще вовсе незнакомы, а довольствоваться на первый случай одними только ближними, и такими, которые были мнѣ либо сродни, либо знакомы.

Изъ сихъ, первымъ и знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ, былъ помянутый ближній мой сосѣдъ Никита Матвѣевичъ Болотовъ. Я за долгъ себѣ почиталъ побывать у него всѣхъ прочихъ прежде и сходить къ нему на третій день по своемъ пріѣздѣ. И какъ я сего человѣка съ самаго того времени не видалъ, какъ я, по произведеніи меня въ офицеры, бывалъ у него въ Петербургѣ, когда былъ онъ еще только полковникомъ, то былъ я очень любопытенъ видѣть, какъ приметъ онъ меня и какъ обойдется со мною, сдѣлавшись генераломъ. Но, къ удивленію моему не нашелъ я ни въ немъ, ни въ домѣ его ничего такого, чтобъ походило на генеральское, но во всемъ господствовала единая деревенская простота и все пахло не пышностію, а также единою только умѣренностію и небогатымъ состояніемъ. Ибо и сей родственникъ мой, хотя и всю свою жизнь провелъ въ военной службѣ и служилъ безпорочно; но не вывезъ съ собою также никакихъ богатствъ и сокровищъ, а деревнями собственно своими былъ онъ еще бѣднѣе меня. Итакъ, всѣ обстоятельствы принуждали его жить не по-генеральски, а весьма умѣренно и просто.

Чтожъ касается до собственной его особы, то нашолъ я его точно таковымъ же, какъ онъ былъ и прежде. Онъ принялъ меня и обходился хотя ласково, но съ такимъ удаленіемъ отъ откровеннаго, повѣреннаго и дружелюбнаго родственнаго обхожденія, что я легко могъ видѣть, что всѣ его ласки и благопріятствы происходили не отъ чистаго сердца, а имѣли основаніе свое на единомъ досадномъ этикетѣ, или, того еще хуже, на природномъ свойственномъ ему лукавствѣ. Почему и заключалъ предварительно, что врядъ ли этотъ домъ найду я такимъ, гдѣбъ мнѣ можно было бывать часто; но паче опасался, чтобъ примѣчаемая во всемъ обхожденіи крайняя принужденность мнѣ скоро ненаскучила-бъ и неотдалила меня

отъ сего дома, что̀ и воспослѣдовало дѣйствительно. Ибо неуспѣлъ въ немъ побывать нѣсколько разъ, какъ, видя всегда единообразное обхожденіе, удаленное отъ всякаго простосердечія и откровенности и принужденъ будучи всегда сидѣть на мѣстѣ и строго наблюдать всѣ чины, такъ всѣмъ тѣмъ наскучилъ, что сталъ ѣздить къ нему какъ можно рѣже и просиживать у него кратчайшее время.

Что касается до превосходительной его молодой супруги, то называлась она Софья Ивановна, была гораздо его моложе и показалась мнѣ боярынею очень-очень незамысловатою, а простодушною и прямо деревенскою. Она вышла за него вдовою, и была до того въ замужствѣ за господиномъ Митковымъ, отъ котораго имѣла двухъ дѣтей, сына и дочь. Первый находился въ службѣ, а вторая жила и воспитывалась при ней. Отецъ Иларіонъ, разговорами и разсказываніями своими возбудилъ во мнѣ особливое любопытство видѣть сію дѣвушку. Но я нашелъ ее хотя изрядною лицомъ, но слишкомъ еще молодою, и притомъ столь простого деревенскаго воспитанія, что я, съ перваго почти взгляда, рѣшительно заключилъ, что хотябъ была она и старѣе тогдашняго, но въ невѣсты для меня никакъ бы не годилась. Все что-то находилъ я въ ней несогласное съ моими мыслями и желаніями и не могъ никакъ прилѣпляться къ ней мыслями. Почему, будучи съ сей стороны совершенно обезпеченъ, обходился я какъ съ нею, такъ и съ матерью ея равнодушно и хладнокровно.

Сія ласкалась ко мнѣ сколько умѣла и сколько ей было можно. Ибо надобно знать, что какъ сей отдаленный родственникъ мой былъ не только страннаго, но и прямо оригинальнаго, удивительнаго и непостижимаго характера, и особливость характера сего имѣла, между прочимъ, и то въ себѣ, что онъ и съ самыми ближними родными своими не обходился никогда откровенно, но ко всему свѣту имѣлъ недовѣрчивость; то и проистекала изъ того безпредѣльная ревнивость къ обѣимъ женамъ его, — которая, относительно до первой его жены, бывшей изъ фамиліи Елагиныхъ и называвшеюся Ириною Герасимовною, простиралась даже до варварской и такой жестокости, что она едвали не лишилась и самой жизни отъ того, и пострадала невиннѣйшимъ съ своей стороны образомъ. Ибо все подозрѣніе его было совсѣмъ пустое и неосновательное. Да и предметомъ ревности его былъ никто иной, какъ упомянутый приходскій нашъ попъ, отецъ Иларіонъ, хотя онъ былъ совсѣмъ не такого характера и всего меньше могъ составлять тайнаго любовника. Но какъ бы то ни было, но ревнивому старику возмечталось что-то такое и довело его до такихъ глупостей, которыя непоходили ни на что и не приносили ему ни малѣйшей чести. И какъ слухъ о томъ разсѣялся всюду и молва о скорой кончинѣ его жены не весьма была для его выгодна и благопріятна, то самое сіе и побудило сего старика жениться на сей второй женѣ безъ дальныхъ разборовъ и слѣдующимъ, особымъ образомъ.

Нѣкогда случилось сей госпожѣ ѣхать сквозь нашу деревню въ село Кошкино, гдѣ имѣла она родственниковъ. Лишь только начала она въѣзжать въ наше селеніе и въ околицу противъ самыхъ воротъ дома сего моего родственника находившихся, какъ кучеръ ея былъ такъ неостороженъ, что зацѣпилъ за верею сихъ воротищъ, и такъ неловко, что изломались отъ того и ось и колесо подъ ея коляскою и она принуждена была остановиться, и разослать людей всюду искать другого колеса, на которомъ бы ей можно было доѣхать, и дерева, для поддѣланія оси. Родственникъ мой былъ тогда уже генераломъ и незадолго до того пріѣхалъ только изъ службы въ отставку и находился тогда дома. Слуга адресуется къ первому къ нему съ уничиженнѣйшею просьбою о вспоможеніи госпожѣ его въ ея нуждѣ. Сей охотно брался одолжить ее и осью и колесомъ, но не зналъ только, найдется ли въ домѣ его къ тому способное. Онъ послалъ тотчасъ за человѣкомъ, управлявшимъ его домомъ; а между тѣмъ,

разспрашиваетъ человѣка о его госпожѣ и обо всемъ, до ней относящемся. И слышитъ отъ него, что она была нестарая еще вдова, что имѣла намѣреніе выттить вторично замужъ и что есть у нея хорошія степныя деревни и достатокъ изрядный. Все сіе возбуждаетъ въ немъ любопытство и желаніе узнать ее лично и съ нею познакомиться, и тѣмъ паче, что у него у самого давно уже на умѣ была вторичная женитьба. Былъ онъ хотя и очень уже старъ и вдовствовалъ уже нѣсколько лѣтъ, но одиночество въ уединенной сельской жизни скоро ему такъ наскучило, что онъ положилъ неотмѣнно жениться на другой женѣ, какъ скоро только найдетъ себѣ невѣсту по своимъ мыслямъ.

Итакъ, неуспѣлъ онъ все вышеупомянутое о госпожѣ Митковой услышать, какъ получаетъ тотчасъ мысль: не могла-ль бы она годиться ему въ невѣсты? И недолго думая, посылаетъ къ ней человѣка съ просьбою, чтобъ, между тѣмъ, покуда станутъ чинить ея колесо и поддѣлывать ось, благоволила-бъ она зайтить къ нему въ домъ, гдѣ ей спокойнѣе будетъ того дожидаться, нежели на улицѣ. Госпожа принимаетъ охотно сіе предложеніе и идетъ чрезъ дворъ пѣшкомъ, и нравится старику уже при первомъ взглядѣ и еще издали. Онъ привѣтствуетъ ее всячески и осыпаетъ всевозможнѣйшими ласками; онъ старается угостить ее какъ можно лучше и, примѣтивъ произведенное всѣмъ тѣмъ особое въ ней удовольствіе, предпринимаетъ вдругъ за нее свататься и предлагаетъ самъ собою, безъ дальнихъ околичностей, ей свою руку.

Госпожу Миткову поразило таковое нечаянное и всего меньше ею ожидаемое предложеніе! Но какъ онъ ласками и учтивостями своими такъ ее очаровалъ, что показался ей совершеннымъ ангеломъ, а присовокупилось къ тому и то, что вышедши за него, будетъ она превосходительною, то все сіе и смутило ее такъ, что родственникъ мой легко могъ примѣтить, что предложеніе его ей не совсѣмъ противно, а напротивъ того, пріятно было. А будучи хитрымъ и лукавымъ человѣкомъ, и восхотѣлъ онъ ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо; и не давая ей время даже опомниться, а не только чтобы узнать и распровѣдать о всѣхъ обстоятельствахъ, до первой его жены относящихся, спроворилъ такъ хорошо, что они въ тотъ же день ударили по рукамъ и въ тотъ же самый день и обвѣнчались въ церкви!

Симъ-то страннымъ образомъ женился сей мой родственникъ на сей второй своей женѣ, но которая скоро увидѣла, что она не столь была счастлива, какъ она себѣ мечтала прежде. Называніе ее превосходительною, сколько сначала было ей пріятно и лестно, столько сдѣлалось послѣ ненавистнымъ, и такимъ, которое охотно-бъ она хотѣла и не имѣть, еслибъ была только впрочемъ болѣе счастлива. Но сего-то самаго и недоставало. Родственникъ мой, по недовѣрчивости своей, содержалъ и ее въ превеликой неволѣ и такой строгости, что она связана была и по рукамъ и по ногамъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, и должна была говорить и дѣлать все только то, что ему было угодно, и безпрестанно смотрѣть ему въ глаза и узнавать его мысли.

Все сіе было такъ примѣтно, что я могъ усмотрѣть сіе и при первомъ уже свиданіи съ ними. И какъ онъ ни старался наружно оказывать ей ласки и любовь свою, но я видѣлъ, что все сіе дѣлано было только для гостей и постороннихъ, а въ самомъ дѣлѣ жизнь ихъ не такова была блаженна и хороша, каковою казалась снаружи.

Что касается до сына моего родственника, котораго онъ одного только и имѣлъ, то сего не было тогда дома. Онъ записанъ былъ въ гвардію; но попеченіе объ немъ отца его, по странности характера его, было столь малое, что онъ не могъ даже выхлопотать ему унтеръ-офицерскаго чина, а служилъ онъ только капраломъ.

Я препроводилъ у сего старика, моего родственника, почти весь тотъ день: ибо, какъ я хотѣлъ оказать ему честь и въ

первый разъ пришелъ къ нему по-утру, то неотпустилъ онъ меня безъ обѣда и продержалъ долго и послѣ онаго, разсказывая мнѣ исторіи, какъ о своей женитьбѣ, такъ и несчастномъ поврежденіи руки своей, которую и тогда носилъ еще онъ въ черномъ тафтяномъ мѣшечкѣ. Сіе увеличило еще болѣе его безобразіе, ибо былъ онъ и отъ природы не очень хорошъ собою: высокъ, сутуловатъ, бѣлокуръ, рябъ, дурного расположенія лица, а при всемъ томъ еще, безъ одного глаза.

Но какъ бы то ни было, но я не только тогдашнимъ его пріемомъ былъ доволенъ, но и во всѣ достальные годы его жизни не оказалъ онъ мнѣ ничего такого, чѣмъ бы я могъ быть въ особливости недовольнымъ. Правда, хотя и не было между нами дружескаго и откровеннаго обхожденія, но какого онъ и ни съ кѣмъ не имѣлъ. И мы съ нимъ видались не слишкомъ часто, но по крайней мѣрѣ, могу то въ похвалу ему сказать, что онъ меня любилъ и повсюду отзывался обо мнѣ съ похвалою и увѣреніями, что онъ былъ мною весьма доволенъ. А сего для меня было по нуждѣ уже и довольно.

Побывавъ у него, препроводилъ я первые десять дней жительства своего въ деревнѣ въ разныхъ экономическихъ упражненіяхъ. Я объѣздилъ всѣ свои дачи и земли, осмотрѣлъ лѣса и хлѣбныя поля, съ которыхъ убираемъ былъ тогда послѣдній хлѣбъ; обходилъ нѣсколько разъ вновь всѣ сады свои, разговаривалъ обо всей экономіи деревенской съ старикомъ прикащикомъ своимъ; располагался мыслями, что и что мнѣ предприять въ приближающуюся осень, и для полученія лучшаго понятія обо всей деревенской экономіи, посвящалъ все почти праздное свое время чтенію купленныхъ мною въ Москвѣ экономическихъ книгъ. А сіи и снабдили меня многими новыми и такими познаніями, какихъ я до того вовсе не имѣлъ, и нечувствительно начали вперять въ меня охоту, какъ къ деревенской экономіи вообще, такъ въ особливости къ садамъ: такъ, что я, сдѣлавшись почти до нихъ совершеннымъ уже охотникомъ, положилъ, въ ту же еще осень приступить къ распространенію оныхъ, и началъ сіе тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы, куда хотѣлось мнѣ прежде еще наступленія самой осени на короткое время съѣздить.

Причины, понуждавшія меня къ сей первой ѣздѣ моей въ столицу были разныя. Во-первыхъ, нужно мнѣ было купить многія нужныя и такія вещи, безъ коихъ мнѣ никоимъ образомъ обойтиться было не можно; во-вторыхъ, хотѣлось мнѣ повидаться съ дядей моимъ роднымъ, Матвѣемъ Петровичемъ и нѣкоторыми другими своими, въ Москвѣ тогда находившимися родственниками; а въ-третьихъ, хотѣлось мнѣ кстати видѣть и коронацію нашей новой императрицы, о прибытіи которой въ скоромъ времени въ Москву уже носились тогда слухи.

Итакъ, собравшись налегкѣ, поѣхалъ я въ Москву въ томъ же еще сентябрѣ мѣсяцѣ. И по пріѣздѣ своемъ туда, первымъ долгомъ своимъ почелъ съѣздить къ помянутому дядѣ своему, для принесенія ему благодарности за попеченіе объ моихъ деревняхъ, во время моего шестилѣтняго отсутствія.

Я нашелъ его въ домѣ у шурина его, господина Павлова, гдѣ онъ обыкновенно живалъ во время пребыванія своего въ семъ столичномъ городѣ. И дядя мой былъ очень обрадованъ, увидѣвъ меня тогда впервые по возвращеніи изъ службы; и какъ онъ меня любилъ искренно еще въ малолѣтствѣ, то, увидѣвъ тогда уже въ совершенномъ возрастѣ, полюбилъ меня еще больше и не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться. Онъ рекомендовалъ меня своей женѣ, а моей теткѣ, но сія могла говорить съ нами и изъявлять ласки свои мнѣ одними только пантомимами. Я нашелъ ее въ прежалостномъ положеніи, и кромѣ паралича, столь дряхлою и слабою, что не могъ довольно надивиться тому, какъ вздумалось дядѣ моему избрать себѣ на старости такую подругу. Совсѣмъ тѣмъ, казались они другъ-

другомъ быть довольными и ни мало нераскаявающимися о своемъ соединеніи.

Съ ними находился тогда тутъ и меньшой и любимѣйшій сынъ дядинъ, Гаврила, мальчикъ уже довольно взрослый, но воспитанный очень худо. Другого же его и старшаго сына, а моего прежняго въ играхъ сотоварища, Михайлы Матвѣевича, тогда при немъ не находилось, ибо онъ былъ въ службѣ и служилъ въ артиллеріи; былъ уже офицеромъ и находился тогда отъ Москвы въ отсутствіи.

Что касается до господина Павлова, его шурина, котораго звали Данилою Степановичемъ, то обласканъ я былъ и отъ него, равно какъ и отъ жены его, Анны Артемьевны и дѣтей ихъ, которыхъ было у него трое: два сына и дочь, — изъ коихъ первые были уже взрослые, а послѣдняя выходившая только изъ лѣтъ дѣтскихъ.

Кромѣ сего, непреминулъ я также отыскать въ Москвѣ и другого моего дядю, господина Арсеньева, Тараса Ивановича, которому такъ много обязанъ я былъ за попеченіе обо мнѣ въ малолѣтствѣ и содержаніи у себя въ домѣ петербургскомъ. Онъ служилъ тогда при московской полиціи чиновнымъ человѣкомъ и обрадовался чрезвычайно, увидѣвъ меня такимъ, каковымъ я тогда былъ. Жена его также была мнѣ очень рада; а узналъ меня и полюбилъ при семъ случаѣ и братъ ее, а мой по деревнямъ недальній сосѣдъ, Андрей Петровичъ Давыдовъ. И какъ сей вскорѣ отъѣзжалъ въ свою деревню, то звалъ меня къ себѣ въ оную, и я принужденъ былъ то ему обѣщать.

Кратковременность моего тогдашняго въ Москвѣ пребыванія недопустила меня видѣться тогда съ прочими родственниками своими, въ семъ столичномъ городѣ находившимися, но я отложилъ до своего вторичнаго въ Москву пріѣзда зимою и на должайшее время. А въ сей разъ я такъ спѣшилъ возвращеніемъ въ свой домъ, что не успѣлъ все нужное и что надобно было искупить, какъ незахотѣлъ дожидаться и коронаціи самой и для оной проживать нѣсколько лишнихъ дней въ Москвѣ; но, распрощавшись до зимы съ дядею, пустился въ обратный путь и пріѣхалъ домой еще 20-го числа, того-жъ еще сентября мѣсяца.

Неуспѣлъ я возвратиться опять въ свой домъ, какъ и приступилъ уже къ поправленію въ разныхъ пунктахъ моего домоводства и экономіи. Мое первое и наиглавнѣйшее дѣло въ сію первую осень состояло въ распространеніи нашего молодого сада за проулкомъ, извѣстнаго нынѣ подъ имянемъ верхняго. Всею прибавкою онаго, сдѣланною умершимъ моимъ дядькою, былъ я весьма недоволенъ, но мнѣ восхотѣлось распространить его и увеличить гораздо больше. И какъ, по-счастію, случился подлѣ самаго сего сада превеликій конопляннникъ, занимающій все мѣсто между имъ и рощею, то и рѣшился я весь оный занять подъ садъ и совокупить съ помянутымъ маленькимъ садикомъ.

Не могу и по нынѣ надивиться тому, какъ имѣлъ я столько духа, что могъ пуститься на такое великое предпріятіе, то-есть, на уничтоженіе всего стариннаго конопляннника и превращеніе его въ большой и обширный регулярный садъ, дѣло, которое бы въ старину почтено было за великое законопреступленіе, а предпріятіе сіе безпримѣрною героическою отвагою! А оттого самаго и отъ излишняго уваженія и почтенія къ старинѣ, старики наши такъ мало и дѣлывали дѣлъ, и оттого такъ мало и оставили намъ послѣ себя вещей, могущихъ намъ припоминать оныхъ.

Но какъ бы то ни было и какъ косо ни смотрѣли всѣ старики изъ дворовыхъ моихъ людей на затѣваемое мною новое и, по мнѣнію ихъ, величайшее дѣло, но я приступилъ къ оному и прожектировавъ планъ, какъ умѣлось, такъ и разчертилъ, и потомъ и началъ засаживать его липками и яблонками. Всѣ мои дворовые люди и всѣ крестьяне, сколько я ихъ ни имѣлъ вблизости, должны были помогать мнѣ въ семъ великомъ дѣлѣ и возить изъ лѣса липки и другія деревья, и

копая рвы и ямки, садить оныя въ нихъ и заниматься съ утра до вечера.

Что касается до меня, то былъ я почти безвыходно въ саду семъ. И какъ это была для меня первоученка и я въ первый еще разъ въ жизни заводилъ у себя совсѣмъ новый садъ, то не могъ довольно нарадоваться и навеселиться, когда началъ онъ образоваться и получать свой видъ и фигуру. Сколько разъ ходилъ я взадъ и впередъ по длиннымъ и прямымъ, липками усаженнымъ дорожкамъ и алейкамъ! Сколько разъ я до восхищенія даже любовался яблонками и всѣмъ симъ произведеніемъ ума и рукъ своихъ! И какія горы удовольствія ни обѣщевалъ я себѣ отъ него въ предбудущее время! Словомъ, я плавалъ тогда въ неописанномъ удовольствіи, и онымъ заплаченъ былъ съ лихвою за всѣ труды и убытки, которые употреблены были мною при посадкѣ онаго.

Но сколько же и погрѣшностей надѣлано было мною при основаніи и заведеніи тогда сего сада! И какъ тужу я и понынѣ, что я тогда слишкомъ уже поспѣшилъ заведеніемъ онаго, и не взялъ времени, чтобъ познакомиться напередъ короче со всѣми обстоятельствами деревенскими и съ самымъ существомъ садовъ, которые до того были мнѣ извѣстны по одной наслышкѣ; а впрочемъ былъ я въ разсужденіи ихъ совсѣмъ еще незнающимъ и во всѣхъ моихъ дѣлахъ бродилъ, какъ курица слѣпая.

По несчастію не имѣлъ я никакого человѣка, знающаго сколько-нибудь это дѣло и могущаго меня, въ иномъ случаѣ, остерегать, или подавать мнѣ совѣты. А совѣщался я съ одними только книгами, и книгами не нашими, а иностранными, писанными не на нашъ климатъ и по не нашимъ обстоятельствамъ, и потому могущими скорѣе всего заводить насъ въ лавиринты погрѣшностей и ошибокъ, какъ то и со мною тогда отчасти случилось, но что, по новости моей и по совершенному недостатку практическихъ знаній, ни мало и не удивительно.

Первая и величайшая ошибка была та, что сдѣлалъ его регулярнымъ, нимало неподумавъ о томъ, что такой большой регулярной садъ во всей формѣ и порядкѣ впредь содержать, по малолюдству моему и недостатку, не будетъ мнѣ никакой возможности. Мнѣ и въ мысль тогда не приходило, что я очень скоро въ томъ раскаюсь, и послѣ тужить буду о томъ, что предпринималъ я тогда очень много трудовъ напрасныхъ и излишнихъ, и всѣми ими не столько пользы, сколько вреда себѣ надѣлалъ. Но къ несчастію, въ тогдашнее время ни о какихъ другихъ садахъ не было еще и понятія; а регулярные сады были только одни въ обыкновеніи и повсюду въ величайшей модѣ. А потому и мнѣ, видавшему ихъ кое-гдѣ мелькомъ, восхотѣлось неотмѣнно и самому имѣть у себя садъ регулярной, и при основаніи и расположеніи онаго оказать мнимое знаніе свое и искусство.

Сіе показалъ я и удивилъ онымъ многихъ при семъ случаѣ: всѣ не могли довольно надивиться тому, какъ недѣли въ двѣ, или въ три, совсѣмъ на пустомъ мѣстѣ, проявился у меня уже превеликій садъ, усаженный нѣсколькими сотнями превеликихъ яблонокъ и многими тысячами липокъ и другихъ лѣсныхъ деревъ, и съ такимъ множествомъ длинныхъ и поперечныхъ, прямыхъ и окружныхъ аллей и дорогъ, что безъ усталости всѣ ихъ обходить никому было не можно! Но ахъ, сколь мало зналъ я тогда, что все сіе регулярство далеко не принесетъ мнѣ столько удовольствія, сколь многаго я ожидалъ и отъ него тогда получить ласкался. Но напротивъ того, что я весьма скоро и такъ къ нему пригляжусь, что оное не только не будетъ болѣе меня собою веселить, но даже мнѣ наскучитъ; и что многія изъ насажденныхъ мною дорогъ останутся почти навсегда пустыми и никѣмъ никогда, и ниже самимъ мною, непосѣщаемыми; и что напротивъ того, стрижка липокъ и чищеніе дорогъ обратится скоро въ превеликое отягощеніе и надоѣстъ мнѣ какъ горькая рѣдька! И могъ ли я себѣ тогда воображать и предвидѣть то, что, промучившись нѣсколько

лѣтъ съ ними и не видя никакой себѣ отъ нихъ пользы, а примѣчая только существительный вредъ, ими саду производимый, принужденъ буду, наконецъ, все милое и прелестное тогда его регулярство уничтожать, и многія изъ насаженныхъ липокъ и дорожекъ вырубать совсѣмъ вонъ, какъ для опростанія тщетно и безъ всякой пользы занимаемаго ими мѣста, такъ и для того, чтобъ онѣ не мѣшали собою караулить плоды и не отгоняли купцовъ, покупающихъ оные на деревьяхъ.

Вторая и важнѣйшая еще той и существительнѣйшая погрѣшность состояла въ томъ, что я отъ излишней поспѣшности и отъ непомѣрнаго желанія видѣть у себя скорѣе садъ, не постарался столько, сколько-бъ надлежало о томъ, чтобъ запастись для засадки сего сада прививочными и лучшихъ породъ деревцами, а употребилъ къ тому какія мнѣ прежде другихъ попались. Но къ несчастію, въ тогдашнее время, какъ въ Тулѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ и не производилось еще такой великой торговли прививочными деревцами, какая производится нынѣ, и садовое искусство было еще въ такомъ младенчествѣ, что незнавали еще нигдѣ и самаго прививанія въ очко, или листочками, и я почти первый ввелъ сей родъ прививанія въ обыкновеніе, научась самъ сему искусству изъ книгъ, а не отъ другихъ людей. А посему, хорошихъ прививочныхъ деревцовъ и достать и взять было негдѣ; а гдѣ они и были, такъ продавались, по тогдашнимъ временамъ, еще слишкомъ дорого.

При такихъ обстоятельствахъ, я невѣдомо какъ еще радъ былъ, что нашли мнѣ неподалеку отъ насъ, а именно, въ селѣ Липецахъ, у мужика, цѣлую грядку съ предлинными и превысокими яблонками, воспитанными имъ отъ посѣянныхъ почекъ, вынимаемыхъ, по увѣренію его, изъ самыхъ добрыхъ украинскихъ яблокъ, и что сторговали мнѣ ихъ за цѣну очень сносную и не дороже, какъ по 7-ми копѣекъ за яблонку.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ сею покупкою: я считалъ ее неинако какъ находкою, и не могъ довольно налюбоваться и ростомъ и дородствомъ новокупленныхъ своихъ яблонокъ. И съ какимъ удовольствіемъ разнашивалъ я тогда и раскладывалъ ихъ по ямамъ, и съ какимъ тщаніемъ старался самъ о лучшемъ сажаніи и закрываніи кореньевъ ихъ землею!

Но ахъ, сколь мало зналъ я тогда что я дѣлалъ, и сколь мало всѣ онѣ были того достойны! Мнѣ и въ мысль тогда не приходило, что я сажалъ сущую и такую дрянь, которая саду моему была пагубна и навѣкъ его портила, и что я въ послѣдующее время тысячу разъ тужить о томъ буду, что я ими, а не лучшими деревьями занималъ тогда наилучшія мѣста въ саду этомъ. Да и можно-ль чего добраго ожидать отъ почекъ, особливо сѣяныхъ и воспитанныхъ мужикомъ? Отъ почекъ, взятыхъ и изъ самыхъ лучшихъ яблокъ, рѣдко выраживаются хорошія, а на большую часть выростаетъ всякая дрянь и негодь; а изъ набранныхъ изъ всякой дряни, какъ то безсомнѣнно было съ сими, и подавно не можно было ожидать хорошаго. Но мнѣ обстоятельства сего было еще тогда неизвѣстно; а я думалъ, что отъ почекъ изъ хорошихъ яблокъ надобно и родиться хорошимъ яблонямъ, и полагаясь въ томъ на увѣренія сего мужика, и думалъ, что я нажилъ ими цѣлое сокровище. А что онѣ по вышинѣ своей были такъ дешевы, то мнѣ и въ умъ не приходило, что было это оттого, что онѣ у мужика на грядкѣ уже переросли и онъ не зналъ, куда ему съ ними дѣваться, и радъ былъ ихъ за что-нибудь сжить съ рукъ своихъ.

Но какъ бы то ни было, но я засадилъ весь мой садъ сею, ни къ чему годною и такою дрянью, которая и понынѣ мнѣ только досаду причиняетъ, и выросши съ дубья, не только приносятъ плодъ ни къ чему годной, но и даютъ плода такъ мало и приходятъ съ плодомъ такъ рѣдко, что не одинъ уже разъ собирался я отъ досады всѣ ихъ вырубить. И многія дѣйствительно, ни мало не жалѣя, рублю, рѣжу и

кромсаю, стараясь ихъ, но уже поздно, превратить въ лучшія и достойнѣйшія садовъ моихъ деревья. И за счастіе себѣ еще почитаю, что накупилъ ихъ тогда не такъ много, чтобъ можно было мнѣ напичкать ими весь мой садъ часто, и что садилъ я ихъ такъ рѣдко, что между ими могъ еще послѣ помѣщать яблонки, воспитанныя уже дома и родовъ лучшихъ.

Но какъ бы то ни было, но я произвелъ у себя въ самое короткое время преогромный регулярный садъ, которымъ не могъ довольно налюбоваться. И какъ было сіе моимъ первымъ дѣяніемъ экономическимъ, то и былъ я онымъ весьма доволенъ; и тѣмъ паче, что могъ оное показать гостямъ своимъ въ приближающійся день имянинъ моихъ, къ которому хотѣлось мнѣ пригласить своихъ сосѣдей и сдѣлать для нихъ обѣдъ и маленькій деревенскій праздникъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и оное окончить, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

СОСѢДИ И ИМЯНИНЫ.

Письмо 104-е.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо кончилъ я увѣдомленіемъ васъ о насажденномъ вновь садѣ и о намѣреніи моемъ праздновать приближавшійся день имянинъ моихъ. А теперь, прежде описанія торжества сего, разскажу вамъ о тѣхъ изъ моихъ сосѣдей, съ которыми успѣлъ я до того времени познакомиться и которыхъ хотѣлось мнѣ пригласить къ помянутому празднику.

Изъ всѣхъ сихъ, наидостопамятнѣйшимъ былъ живущій отъ меня неподалеку, господинъ Ладыженской, по имени Александръ Ивановичъ. Какъ жилище его не далѣе отъ меня было, какъ верстъ пять и на той же самой рѣчкѣ, а отъ другой моей деревни, Тулеино, не далѣе одной версты, и я наслышался объ немъ, что и онъ, также какъ и я служилъ въ арміи, былъ въ прусскихъ походахъ и изъ службы недавно только пріѣхалъ въ отставку, то хотѣлось мнѣ съ нимъ познакомиться. И хотя доходили до меня нѣкоторые слухи о странности и особливости его характера, но я, неуважая того, поѣхалъ къ нему, какъ къ своему сослуживцу напередъ самъ, и былъ очень тѣмъ доволенъ, что сіе сдѣлалъ.

Я нашелъ въ господинѣ Ладыженскомъ человѣка не только очень добраго, но разумнаго, и по самой особливости характера своего, очень забавнаго и веселаго— такъ что съ нимъ никогда не скучно было провождать время. Какъ онъ, такъ жена его были посѣщеніемъ моимъ очень довольны, и оба они напрерывъ другъ предъ другомъ такъ ко мнѣ ласкались, что я съ самаго того дня ихъ полюбилъ и не переставалъ любить по самую смерть ихъ. А не менѣе полюбили и они меня; и какъ обходились они просто, безъ всякихъ этикетовъ или чиновъ и лукавства, а чистосердечно, дружелюбно и откровенно, то и возстановилось у меня съ симъ домомъ искреннее дружество, которымъ пользовался я во все время перваго моего въ деревнѣ жительства, и былъ пріязнію ихъ, а особливо Авдотьи Александровны жены его, боярыни ласковой и простодушной, очень доволенъ. А потому и съ охотою согласился быть, по желанію ихъ, воспріемникомъ дѣтей ихъ, и чрезъ то сдружились мы съ ними еще болѣе.

Неподалеку отъ него жилъ другой нашъ послуживецъ господинъ Іевской, Семенъ Михайловичъ. Онъ отставленъ былъ, также какъ и господинъ Ладыженской, маіоромъ, и былъ женатъ на родной сестрѣ того самаго господина Селиверстова, котораго, при мѣстечкѣ Ковнахъ, зарыли мы въ песокъ сыпучій такъ, какъ я упоминалъ о томъ при описаніи перваго нашего похода въ Пруссію. Какъ сей г. Іевской жилъ отъ г. Ладыженскаго недалѣе двухъ верстъ, и оба сіи дома были между собою знакомы и дружны, и часто видались, то имѣлъ случай и я, находясь однажды у господина Ладыженскаго, спознакомиться съ симъ г. Іевскимъ. Но какъ характеръ его былъ совсѣмъ отмѣнный отъ характера г. Лады-

женскаго, а того болѣе еще отъ моего, и, между прочимъ, несогласенъ былъ и въ томъ, что онъ нерѣдко приносилъ жертву Бахусу, и во время сихъ жертвоприношеній былъ весьма неугомоненъ, то и не имѣлъ я охоты сводить съ нимъ тѣсную дружбу, но оставался при одномъ знакомствѣ; что и потому почиталъ я за надобное, что у него была дочь такихъ лѣтъ, что могла выдана быть уже и замужъ. А какъ мнѣ она негораздо была подъстать, то и убѣгалъ я, сколько могъ, отъ близкаго знакомства съ симъ домомъ.

Кромѣ сихъ, спознакомился я еще съ однимъ, довольно знаменитымъ дворяниномъ, изъ фамиліи господъ Хвощинскихъ, а по имени Василіемъ Панфиловичемъ. Я узналъ его въ домѣ помянутаго генерала, дѣда моего, которому доводился онъ племянникомъ, и по самому тому, ѣзжалъ къ нему часто и съ женою своею. И какъ случалось намъ бывать вмѣстѣ, то чрезъ то и познакомились мы съ симъ человѣкомъ, и я благопріятствомъ его къ себѣ былъ всегда доволенъ.

Тутъ же въ домѣ возобновилъ я старинное знакомство и съ сестрою сего моего знаменитаго сосѣда и самою тою старушкою, Варварою Матвѣевною Темирязевою, которая предала мнѣ повѣсть о плѣнникѣ нашемъ, Еремѣѣ Гавриловичѣ. Она была въ сіе время уже очень стара, жила, верстъ за 15 отъ насъ, въ деревнѣ Костинѣ, съ овдовѣвшею и довольно еще молодою невѣсткою своею, Татьяною Михайловною, и ея дѣтьми, а своими внучатами, коихъ было у нея двое, но оба еще малолѣтнія. И какъ старушка сія ѣзжала нерѣдко къ брату своему, помянутому генералу, то по сему случаю возобновилъ и я съ нею знакомство и бывалъ нѣсколько.

Я непреминулъ также, и тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы съѣздить къ прежде упоминаемому внучатному дядѣ своему, Захарію Ѳедоровичу Каверину, и возобновить съ нимъ прежнее знакомство и дружбу. Я нашелъ его въ прежалкомъ положеніи. Будучи человѣкомъ очень небогатымъ, имѣлъ онъ, по несчастію своему, жену рѣдкаго, особливаго и столь страннаго и строптиваго характера и нрава, что ни съ кѣмъ не могла она ужиться въ мирѣ и въ тишинѣ, а всего меньше съ своими рабами.

Сіи были у нихъ прямо несчастныя твари. За все-про-все, и не только за дѣло, но и за самыя бездѣлицы принуждены они были отъ сей безпутной и вздорной женщины вытерпливать не только всякія брани и ругательствы, но и самые побои и мучительствы. Почему и неудивительно было, что они, будучи нерѣдко сею женщиною доводимы до того, что животу своему были нерады, принуждены были отъ нихъ уходить и въ бѣгствѣ искать себѣ спасенія и отрады.

Словомъ, нравъ сей удивительной женщины до того былъ худъ, что неуспѣлъ дядя мой, выпросившись изъ службы, навремя пріѣхать пожить въ маленькую свою и ничего незначущую деревнишку, какъ въ самое короткое время успѣла она не только всѣхъ, служившихъ при нихъ и жившихъ во дворѣ людей, но и самыхъ крестьянъ разогнать, и до того дойтить, что имъ не съ кѣмъ почти жить было, и вмѣсто лакеевъ прислуживали имъ небольшія, набранныя изъ крестьянъ, дѣвчонки. И въ такомъ-то точно положеніи нашелъ я тогда сію злополучную чету супружниковъ и не могъ, какъ странному характеру сей удивительной женщины, такъ и добродушію, мягкосердію, кротости и смиреномудрію несчастнаго моего дяди, переносящему все то съ терпѣніемъ, довольно надивиться.

Кромѣ сихъ благородныхъ людей, возобновилъ я старинное знакомство съ живущими на заводахъ у насъ нѣмцами, кои въ тогдашнее время всѣми сосѣдственными дворянами принимаемы были такъ, какъ-бы полублагородные. Они имѣли входъ во всѣ домы и вездѣ ихъ сажали съ собою и обходились съ ними такъ, какъ бы съ бѣдными какими дворянами—чего они по хорошему своему поведенію и порядочному образу жизни, были нѣкоторымъ образомъ и достойны. Изъ нихъ были тогда наизнаменитѣйшими изъ жившихъ на Сала-

мыковскомъ заводѣ, Мартынъ Петровъ Шосве; а изъ жившихъ на Ченцовскомъ заводѣ, Иванъ Тусеевъ, Навей Ивановъ и старикъ Янъ Тинтеръ. Всѣ они были мнѣ знакомы и всѣ ѣзжали и хаживали ко мнѣ; но никто изъ нихъ такъ ко мнѣ неласкался и такъ часто у меня не бывалъ, какъ старуха жена Яна Тинтера, съ обоими своими сыновьями, Янкою и Навеемъ. Она извѣстна была повсюду подъ именемъ Ивановны, и старуха была отмѣнно добрая, и такого веселаго и хорошаго характера, что я всегда бывалъ радъ, когда она ко мнѣ прихаживала.

Съ сими разными людьми и сосѣдями свелъ я знакомство и дружбу въ первые дни жительства моего въ деревнѣ. И ихъ-то, или паче знаменитѣйшихъ изъ нихъ, хотѣлось мнѣ пригласить къ себѣ въ день имянинъ моихъ. Чтобъ торжество сіе сдѣлать колико-можно лучшимъ, то прибралъ я сколько могъ свою хату; велѣлъ выломать изъ нея всѣ старинныя лавки и полки; замазалъ на стѣнахъ все прежнее свое гвазданье и глупыя фигуры; выбѣлилъ потолокъ, стѣны и печь; вынесъ прежній длинный и простѣйшій дубовый столъ, отыскалъ другой складной и лучшій, а для сидѣнья успѣлъ отдѣлать и обить канапе и дюжину стульевъ. Сосѣдственной Домнинской и принадлежавшій г. Хитрову столяръ призыванъ былъ еще до отъѣзда моего въ Москву ко мнѣ, и подряженъ былъ не только сдѣлать мнѣ въ самой скорости помянутые канапе и стулья но и выучить еще одного молодого крестьянина моего столярному искусству, котораго рекомендовали мнѣ, какъ отмѣнно къ тому способнаго человѣка.

По особливому счастію и случился у меня тогда изъ молодыхъ крестьянъ, дѣйствительно, съ такими отмѣнными дарованіями и способностями, что ему не было нужды учиться долѣе одного мѣсяца. И какъ сіе время ни коротко было, однако, я получилъ въ немъ не только хорошаго столяра, но вкупѣ рѣщика, токаря, колесника, каретника, золотаря и такого во всемъ художника, что я былъ имъ крайне доволенъ. И онъ, живши всегда при мнѣ, при помощи моей, такъ всему наблошнился, что въ послѣдующія времена въ состояніи былъ вступать въ разные подряды, дѣлать и золочивать иконостасы, убиралъ дворянскіе домы и предпринималъ и другія подобныя тому дѣла, превосходящія почти его силы и возможности, и обучилъ всему тому не только мнѣ другого человѣка, но и все свое семейство.

Прибравши помянутымъ образомъ свои хоромцы и сдѣлавъ предпринимаемому торжеству всѣ нужныя приготовленія и воздавъ въ 7-й день октября, какъ въ день рожденія моего, Творцу и Богу моему благодареніе за покровительство его во всѣ протекшіе 24 года моей жизни, и начавъ препровождать двадцать-пятый годъ своего вѣка, пригласилъ я всѣхъ помянутыхъ сосѣдей своихъ въ 17-е число, какъ въ день имянинъ моихъ, къ обѣду; и былъ столь счастливъ, что всѣ почти они посѣщеніемъ своимъ меня и удостоили.

Первымъ и наиглавнѣйшимъ гостемъ былъ у меня генералъ, мой дѣдушка и ея превосходительство его супруга. Съ нимъ вмѣстѣ не отрекся посѣтить меня, случившійся тогда у него и помянутый господинъ Хвощинскій съ женою, равно какъ и старушка, сестра генеральская, съ своею невѣсткою. За сими слѣдовалъ дядя мой, г. Каверинъ; но сей былъ одинъ, а супруга его изволила отказаться и не поѣхала. Далѣе пожаловалъ ко мнѣ ближній мой сосѣдъ г. Ладыженскій, съ женою; а какъ ко всѣмъ имъ присовокупился и отецъ Иларіонъ съ дьякономъ, то и составилась нарочитая компанія.

По елику было сіе еще въ первый разъ отъ роду, что я трактовалъ у себя такъ многихъ и столь знаменитыхъ гостей, то старался я угостить ихъ колико можно лучше и сколько ума и знанія моего къ тому доставало. Но каковъ сей обѣдъ и каково сіе угощеніе было въ самомъ дѣлѣ, о томъ я уже и не говорю; а довольно, когда скажу, что я и по нынѣ еще совѣщусь и самъ себя стыжусь, когда ни вспоминаю сей праздникъ и всѣ его несовершенствы и то, какъ я тогда гостей своихъ угощалъ ихъ потчивалъ. Но правду сказать, чего

лучшаго можно было и требовать отъ холостого, въ пустомъ домѣ жить только начинавшаго и всѣхъ тогдашнихъ обрядовъ и обыкновеній еще незнавшаго молодого и одинокого человѣка?

Но какъ бы то ни было, но гости мои угощеніемъ моимъ всѣ были довольны и за столомъ были очень веселы. Господинъ Ладыженскій развеселялъ всю компанію своими шутками и издѣвками, и нерѣдко заставлялъ всѣхъ хохотать и до слезъ почти смѣяться. Наилюбимѣйшая его привычка была говорить виршами, неразбирая, кстати-ль бы то было или некстати; но самымъ тѣмъ и смѣшилъ онъ всѣхъ присутствующихъ.

А какъ послѣ обѣда непреминулъ я всѣхъ ихъ сводить и показать имъ и свой вновь насажденный садъ, то тѣмъ такъ ихъ всѣхъ очаровалъ, что они не могли приписать мнѣ довольно похвалъ. И я получилъ отъ торжества сего ту пользу, что съ самаго того времени началъ уже повсюду разноситься обо мнѣ слухъ, что я, несмотря на всю молодость свою, былъ хорошій экономъ и превеликій до садовъ охотникъ, хотя въ самомъ дѣлѣ я весьма еще отъ того былъ удаленнымъ.

По отпразднованіи сего праздника, принялся я опять за разныя экономическія дѣла, и пользуясь достальнымъ и способнымъ къ садкѣ деревъ временемъ осеннимъ, успѣлъ сдѣлать въ новомъ саду своемъ еще одно дѣльцо, а именно, положить первое основаніе садовому своему магазину или питомнику. Я назначилъ къ тому особое мѣсто, велѣлъ оное вскопать и передѣлать въ грядки; а потомъ насадилъ на нихъ множество молодыхъ лѣсныхъ яблонокъ; а на иныхъ грядкахъ насѣялъ яблочныхъ зеренъ или почекъ, и послѣдовалъ во всемъ томъ наставленіямъ иностранныхъ писателей. Хотѣлъ-было я и кромѣ сего предпринимать еще кое-что въ садахъ моихъ, но наставшіе осенніе дожди и ненастья, сдѣлавшіе повсюду грязь, и наконецъ самая стужа и зазимье, согнали меня съ надворья и принудили сидѣть въ теплѣ и помышлять о внутреннихъ занятіяхъ и забавахъ.

И тогда-то, а особливо въ короткіе мрачные дни и длинные осенніе вечера, почувствовалъ и узналъ я впервые, чтó такое есть холостая и уединенная, одиночная и прямо деревенская жизнь! И какъ до того времени живалъ я всегда въ людствѣ, былъ на людяхъ и имѣлъ съ свѣтомъ сообщеніе; а тогда, вдругъ увидѣлъ себя удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ свѣтомъ и въ совершенномъ одиночествѣ и уединеніи.

Перемѣна сія, а особливо сначала, по непривычкѣ еще, была для меня очень разительна! И я не знаю, чтобъ со мною было, еслибъ непомогла мнѣ въ семъ случаѣ охота моя къ книгамъ и литературѣ? Тутъ-то оказали книги и науки мои первую и наиважнѣйшую мнѣ услугу, превративъ скоро и самое скучнѣйшее осеннее время въ наипріятнѣйшее, и усладивъ такъ мою уединенную жизнь, что я не только не чувствовалъ ни малѣйшей скуки и тягости, съ уединеніемъ сопряженной, но, напротивъ того, былъ еще такъ веселъ, что и не видалъ, какъ протекали дни и длинные вечера.

Ибо, не успѣлъ я приняться опять за свои книги, какъ тотчасъ и завели онѣ меня въ разныя ученыя упражненія, и сдѣлали то, что мнѣ и въ сіе скучное осеннее время сдѣлалась всякая минута такъ дорога, что мнѣ не хотѣлось терять оную понапрасну. Почему и находился я въ безпрерывныхъ упражненіяхъ и занимался то чтеніемъ книгъ, то размышленіями о читанномъ, то самимъ писаніемъ, и либо сочиненіемъ чего-нибудь, либо переводомъ, или переписываніемъ набѣло. И употреблялъ къ тому не только все дневное время, но просиживалъ и вечера, и занимался иногда тѣмъ до полуночи самой, сидючи одинъ съ свѣчкою въ большихъ своихъ и пустыхъ почти хоромахъ; и не чувствовавъ ни мало скуки, съ такимъ одиночествомъ и уединеніемъ сопряженной.

Я прочелъ въ сіе время не только множество разныхъ книгъ, но, занимаясь нерѣдко философическими мыслями, и со-

чинилъ нѣкоторыя небольшія нравоучительныя пьесы. Изъ сихъ въ особливости памятны мнѣ мысли мои «о времени и о душевномъ снѣ», въ которомъ погружены бываютъ всѣ люди, и нѣкоторыя другія, помѣщенныя въ книгѣ, содержащей въ себѣ первые опыты моихъ нравоучительныхъ сочиненій. И сіи сочиненія могутъ служить свидѣтельствомъ тогдашняго расположенія и занятія моихъ мыслей.

Словомъ, ученыя сіи упражненія произвели то, что я, вмѣсто скуки, начиналъ и тогда уже чувствовать всю пріятность свободной и ни отъ кого независимой, непринужденной и спокойной деревенской жизни, и нескучалъ нимало ни временемъ, ни одиночествомъ своимъ.

Единаго мнѣ только недоставало, а именно человѣка, съ которымъ бы я могъ говорить о книгахъ и о ученыхъ дѣлахъ, и которому бы я могъ сообщать самыя чувствованія души моей и отъ него тѣмъ же самымъ пользоваться. Изъ всѣхъ моихъ немногихъ тогдашнихъ сосѣдей не находилъ я ни одного, который бы былъ къ тому сколько-нибудь способенъ и съ которымъ бы могъ я съ сей стороны дѣлить свое время. Господинъ Ладыженскій былъ хотя и добрый, любезный и такой мнѣ сосѣдъ, съ которымъ я не рѣдко и съ удовольствіемъ видался, но будучи вовсе неученымъ, не могъ онъ быть мнѣ такимъ собесѣдникомъ, какого мнѣ недоставало и какого желала имѣть вся внутренность души моей.

Наконецъ, удовольствовано было нѣкоторымъ образомъ и въ томъ мое вожделѣніе. Въ одинъ день, и когда я всего меньше о томъ думалъ и помышлялъ, въѣзжаетъ ко мнѣ одинъ гость на дворъ. Мы смотримъ и не узнаемъ, кто-бъ такой былъ это?... Но какъ обрадовался и удивился я, увидѣвъ вошедшаго къ себѣ самаго того господина Писарева, съ которымъ познакомился я еще въ Кёнигсбергѣ, — съ которымъ съѣхался и ѣхалъ нѣсколько времени вмѣстѣ во время ѣзды своей въ Петербургъ и съ которымъ не одну, а многія минуты препроводили мы въ такихъ разговорахъ, какія были для меня во всякое время наипріятнѣйшими изъ всѣхъ, и составляли истинную пищу душевную!

— «Ахъ, батюшка ты мой, Иванъ Тимоѳеевичъ! воскликнулъ я его узнавъ. Откуда это ты взялся? И какъ это тебя Богъ ко мнѣ принесъ?..»

— Откуда ни взялся, а вотъ видишь здѣсь у тебя, мой другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, меня обнимая и цѣлуя. — То-то, держись друга, продолжалъ онъ мнѣ говорить: не успѣлъ узнать и услышать только, что ты пріѣхалъ въ отставку и теперь живешь въ своемъ домѣ, какъ на другой же день къ тебѣ и поскакалъ, мой другъ.

— «О, какъ ты меня обрадовалъ и одолжилъ тѣмъ, говорилъ я ему. — Но скажи, пожалуй, гдѣ же ты живешь. И далече ли отсюда?»

— Очень не далеко, отвѣчалъ онъ мнѣ, — всего только верстъ за тридцать. Я сегодня же, позавтракавъ дома, къ тебѣ поѣхалъ. И вотъ, видишь, какъ пріѣхалъ еще рано.

— «О, какъ я этому радъ! подхватилъ я, его сажая. И поэтому мы можемъ съ тобою часто видѣться; и ты наградишь мнѣ собою то, чего недостаетъ мнѣ только въ нынѣшней моей деревенской жизни. Пожалуюсь тебѣ, любезный другъ, что хоть много сосѣдей, но истинно не съ кѣмъ и одного словца разумнаго промолвить. Но теперь, съ тобою, мой другъ, можемъ мы опять по прежнему говорить и провождать часы въ удовольствіи особливомъ».

— Тѣ же вѣсти и у насъ, сказалъ онъ: меня самого наиболѣе то же протурило сюда. И мнѣ столь усердно восхотѣлось возобновить наше прежнее дружество съ тобою, что я покоя не имѣлъ покуда тебя не увидѣлъ.

Я благодарилъ вновь за то моего любезнаго гостя и старался угостить его сколько могъ лучше. Онъ пробылъ у меня двое сутокъ, и въ сіе время чего и чего не было у насъ съ нимъ говорено, и о чемъ и о чемъ не разсуждаемо? Господинъ Писаревъ не былъ хотя порядочно

ничему ученъ, не зналъ хотя никакихъ языковъ, кромѣ своего природнаго, но, будучи охотникъ до чтенія книгъ, начитанъ былъ всему и всему такъ много, что можно было съ нимъ говорить, какъ съ ученымъ, обо всемъ и обо всемъ, и между прочимъ о самыхъ важнѣйшихъ матеріяхъ, относящихся до религіи и нравоученія. Сіи матеріи были для его еще и наиприятнѣйшими. А какъ онѣ таковыми же были и мнѣ, то и препровождали мы многіе часы сряду, разговаривая о томъ съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ удовольствіемъ душевнымъ.

Вотъ обстоятельство, которое наиболѣе меня къ сему человѣку привязывало. Но и кромѣ сего былъ онъ мнѣ и съ другой стороны полезенъ: будучи гораздо меня старѣй и живучи болѣе моего въ большомъ свѣтѣ и всю жизнь свою обращаясь между людьми, былъ онъ во всемъ, относящимся до свѣтской жизни, несравненно меня свѣдущѣе. Самый тогдашній деревенскій образъ жизни всѣхъ дворянъ былъ ему короче и совершенно извѣстенъ; а какъ мнѣ всего того недоставало, то и могъ онъ мнѣ въ семъ случаѣ быть наилучшимъ совѣтникомъ и наставникомъ; и я непреминулъ воспользоваться сими его знаніями, взамѣнъ тому, какъ пользовался онъ моими философическими. Словомъ, мы взаимно помогали знаніями своими другъ другу; но съ тою только разностію, что онъ, будучи меня старѣе, во всемъ опытнѣе и хитрѣе, умѣлъ скоро вперить въ меня къ себѣ отмѣнное и такое уваженіе, что я впалъ власно, какъ въ нѣкое повиновеніе ему и допустилъ его взять надъ собою верхъ и власно, какъ нѣкое господствованіе.

Всходствіе чего, какъ между прочими разговорами, неоднажды доходила у насъ рѣчь и до того, какъ мнѣ лучше расположить свою жизнь въ деревнѣ, то непреминулъ онъ мнѣ давать въ томъ свои совѣты и наставленія. И хотя также говорилъ, какъ и всѣ прочіе, что одному мнѣ прожить никакъ будетъ не можно, а надобно мнѣ будетъ неотмѣнно жениться; однако, не совѣтовалъ мнѣ никакъ симъ важнымъ дѣломъ спѣшить, но напередъ гораздо осмотрѣться; да и ко всѣмъ невѣстамъ, которыя мнѣ отъ кого-нибудь предлагаемы будутъ, не вдругъ и не слишкомъ скоро привязываться, а стараться какъ можно болѣе выигрывать время, для узнанія свойствъ и характера каждой, дабы тѣмъ надежнѣе могъ быть выборъ и не такъ легко можно было ошибиться въ ономъ.

Я слушалъ всѣ сіи совѣты съ такимъ вниманіемъ, какого они были достойны, и непреминулъ разсказать ему о всѣхъ невѣстахъ, которыя мнѣ кой-кѣмъ были уже сказываемы; а онъ мнѣ разсказалъ о тѣхъ, какія ему были извѣстны. Но при разговариваніи о каждой, качалъ онъ только головою, давая чрезъ то знать, что непочитаетъ ее приличною для меня и такою невѣстою, на которой бы можно было мнѣ посвататься. Въ разсужденіи каждой находилъ онъ что-нибудь, чѣмъ ее могъ, либо опорочивать, либо сдѣлать мнѣ ее непріятною и независтною.

«Ты у насъ», говорилъ онъ мнѣ, «женишокъ теперь съ имепемъ, и такой, что какъ скоро узнаютъ тебя короче всѣ и о всѣхъ твоихъ качествахъ разнесется молва повсюду, то найдутся многія изъ дѣвушекъ, которыя не отрекутся за тебя выттить, и которыхъ матери и отцы съ радостію за тебя отдадутъ. Но для тебя-то не всякая годится, и потому-то нѣтъ нужды и спѣшить. О достаткѣ я не говорю, продолжалъ онъ:—достатокъ — послѣднее дѣло, и съ нимъ многихъ невѣстъ найтти можно; а нужно, чтобъ былъ человѣкъ и чтобъ тебѣ весь свой вѣкъ не съ скотиною жить, а чтобъ и другая-то половина имѣла сколько-нибудь такихъ же склонностей и дарованій, какія имѣешь ты. Какъ, напримѣръ, была бы охотница до наукъ, или любила-бъ, по крайней мѣрѣ, читать книги и чтобъ было тебѣ съ кѣмъ промолвить слово».

Я одобрялъ все, имъ говоренное и положилъ слѣдовать въ семъ пунктѣ его совѣту, и просилъ помогать мнѣ въ томъ дружескими своими совѣтами,—что онъ и обѣщалъ мнѣ свято.

Препроводивъ двое сутокъ у меня съ отмѣннымъ для обоихъ насъ удовольствіемъ, поѣхалъ онъ, наконецъ, домой, но взявъ напередъ клятвенное почти обѣщаніе съ меня, чтобъ пріѣхать къ нему, какъ скоро только мнѣ возможно будетъ, — что я не только обѣщалъ ему охотно, но и дѣйствительно сдержалъ свое слово, и чрезъ нѣсколько дней къ нему поѣхалъ.

Я нашелъ его живущаго въ домѣ отца своего, который былъ старичокъ простенькой и ничего почти незначущій. Оба они были мнѣ очень рады и старались угостить меня всѣми образами. Третій жилъ съ ними меньшой его братъ, нынѣшній владѣлецъ сего имѣнія; женщины же никакой у нихъ тогда не было. Самъ старикъ былъ давно уже вдовъ, а оба его сыновья еще холосты; дочери же, которую онъ одну только и имѣлъ, не было тогда дома. Находилась она у какой-то родственницы, въ Смоленскѣ, и пріятель мой невѣдомо какъ тужилъ о томъ, что находилась она въ отсутствіи. И какъ о сей дѣвушкѣ не одинъ, а много разъ доводилъ онъ рѣчь и стороною невѣдомо какъ расхваливалъ ея характеръ и охоту ея къ читанію книгъ, а особливо важныхъ и нравоучительныхъ, то хотя онъ и не предлагалъ никогда ее мнѣ въ невѣсты, и какъ тогда, такъ и послѣ, ни однажды и не заикался о томъ; однако, непомѣрныя расхваливанія его показались мнѣ съ самаго начала какъ-то подозрительными. И я не однажды самъ себѣ говорилъ: «уже не прочитъ ли онъ за меня сестры своей и не скрывается ли у него въ умѣ какой замыслъ?» А вслѣдствіе того, рѣшился я и въ разсужденіи сестры его брать такія же предосторожности, какія совѣтовалъ онъ мнѣ принимать противъ другихъ, и не допускать никакъ и его запутать меня въ такія сѣти и тенета, изъ какихъ не можно-бъ было мнѣ послѣ выдраться.

Ночевавъ у него двѣ ночи и препроводивъ также все сіе время въ пріятныхъ съ нимъ разговорахъ, возвратился я домой, и занявшись опять прежними своими упражненіями, сталъ поджидать къ себѣ меньшую свою сестру изъ Кашина. Поспѣшеніе пріѣхать домой и разныя другія обстоятельствы не допустили меня заѣхать къ ней, ѣдучи изъ Пскова въ деревню. Однако, изъ Москвы непреминулъ я ее о себѣ увѣдомить, и звалъ ее усильнымъ образомъ, чтобъ она пріѣхала ко мнѣ для свиданія. А какъ не было на письмо мое никакого отвѣта, то и ласкался я надеждою увидѣть скоро ее въ родительскомъ домѣ; однако, счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, какъ то означится ниже.

Кромѣ сего не помню я ничего особливаго, чтобъ случилось со мною въ теченіи сей осени, кромѣ того, что женилъ я младшаго изъ бывшихъ со мною въ службѣ слугъ и тогдашняго своего камердинера и лакея, Аврама. И какъ въ домѣ неслучилось тогда ни одной дѣвки, которая-бъ могла-бъ быть ему невѣстою, то въ удовольствіе старика прикащика, отца его, купилъ я дѣвку ему въ одномъ сосѣдственномъ дворянскомъ домѣ, и по тогдашней дешевизнѣ, только за десять рублей. А какъ былъ въ домѣ у меня и другой женихъ, братъ старшаго моего слуги, Якова, то восхотѣлось сдѣлать мнѣ и ему удовольствіе и женить такимъ же образомъ его брата, на купленной же въ постороннемъ домѣ дѣвкѣ.

Впрочемъ, по наступленіи настоящей зимы, началъ я мало-по-малу собираться ко вторичной своей ѣздѣ въ Москву. Причины, побуждающія меня къ сей ѣздѣ, были разныя. Во-первыхъ, хотѣлось мнѣ пожить сколько-нибудь подолѣе въ Москвѣ и спознакомиться короче съ прежними моими знакомцами и родными, которыхъ въ первую свою поѣздку я видѣлъ только вскользь и сдружиться съ ними не имѣлъ и времени. Во-вторыхъ, нужно было мнѣ и пообмундироваться и запастись такимъ платьемъ, какого у меня недоставало.

Далѣе думалъ я и о томъ, не случится ли мнѣ тамъ гдѣ-нибудь найтить себѣ и невѣсту, съ мыслями моими согласную: ибо, признаться надобно, что женитьба

часто уже и самому мнѣ приходила на мысль и возбуждала желаніе. Стеченіе въ Москву со всѣхъ сторонъ въ сію зиму дворянства, по случаю пребыванія императрицы въ оной, подавало къ тому нѣкоторую надежду; а къ тому-жъ хотѣлось воспріять участіе и въ разныхъ увеселеніяхъ, о которыхъ молва носилась, что въ ту зиму въ Москвѣ будутъ. Наконецъ, и что всего важнѣе, хотѣлось мнѣ изъ Москвы съѣздить и въ Кашинъ, чтобъ повидаться тамъ съ сестрою своею, которая увѣдомляла меня чрезъ письмо, что самой ей быть ко мнѣ никакъ было не можно, и звала меня къ себѣ для свиданія.

Но какъ къ путешествію таковому потребны были деньги, а у меня отъ прежнихъ оставалось уже очень мало, то не могъ я въ путешествіе сіе прежде отправиться, какъ дождавшись возвращенія отправленнаго въ Москву обоза съ хлѣбомъ. Сей обозъ былъ первый, который отправилъ я при себѣ на продажу. И хотя я всячески постарался сдѣлать его многочисленнымъ, но денегъ привезли ко мнѣ за него весьма весьма умѣренное количество: но чему и дивиться не можно, если разсудить о тогдашнихъ низкихъ цѣнахъ хлѣбу и другимъ нашимъ деревенскимъ продуктамъ. Рожь непокупалась тогда выше рубля четверть; а которая была хуже, за ту не болѣе 90 и 80 копѣекъ давали. Ячменя четверть продавалась только по 90, а овса по 80 копѣекъ; самое пшено и пшеница покупалась только по 160, а крупу и горохъ по 150 копѣекъ четверть; самое масло покупалось только по 180 копѣекъ пудъ. Не ужасная ли разница съ нынѣшними цѣнами, и что тогда и на превеликомъ обозѣ получить было можно?.. Но за то и сахаръ продавался тогда не дороже 10 рублей пудъ, а въ сравненіи съ нимъ и всѣ другія вещи также. Вотъ какая разница произошла въ теченіи какихъ-нибудь 30 или 40 лѣтъ! Но и то правда, что мы тогда не имѣли еще бумажныхъ денегъ и не розданы еще были толь многіе милліоны оныхъ взаймы дворянству.

Снабдивъ себя деньгами и собравшись въ путь, отправился я въ оный на другой день Рождества Христова. Но выѣздъ въ сей разъ былъ мнѣ очень неудаченъ. Неуспѣлъ я проѣхать Серпуховъ, какъ занемогъ рвотою и жестокимъ поносомъ, такъ сильно, что, испужавшись, чтобъ не слечь на дорогѣ, велѣлъ я тотчасъ оборачивать назадъ оглобли и везти меня обратно въ деревню; но, посчастію, болѣзнь моя была самая кратковременная, непродлилась болѣе однихъ сутокъ и не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: ибо, какъ произошла она единственно оттого, что я, разговѣвшись на Рождество, неосторожно наѣлся свиного желудка, и тѣмъ свой желудокъ испортилъ; то неуспѣла рвота и поносъ желудокъ мой очистить, какъ вся болѣзнь и прошла благополучно сама собою, и я въ скоромъ времени такъ оправился, что могъ смѣло отважиться пуститься опять въ путь свой, и приѣхалъ въ Москву благополучно.

Но какъ съ сего времени наступилъ не только новый 1763-й годъ, но нѣкоторымъ образомъ и новый періодъ моей жизни, то и начну я описывать оный въ письмѣ будущемъ; а теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

МОСКОВСКАЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ.

Письмо 105-е.

Любезный пріятель. Начиная теперь описывать вамъ новый и особый періодъ жизни и произшествія, случившіяся со мною въ теченіи 1763-го года, скажу вамъ, что періодъ сей потому почитаю я нѣкоторымъ образомъ особливымъ, что въ оный спознакомился я сколько-нибудь съ нашею приватною дворянскою свѣтскою жизнію. Ибо до сего времени была вся жизнь моя болѣе военная, находился я наиболѣе внѣ отечества своего, занимался мыслями своими болѣе о книгахъ и ученыхъ дѣлахъ, а о свѣтской жизни и обращеніи въ оной имѣлъ всего меньше попеченія: и потому относительно до оной былъ я почти совершенный

еще невѣжда, и мнѣ не только недоставало потребныхъ къ тому свѣдѣній и навыка, но было во мнѣ много еще дикаго, грубаго и необолваненнаго,—такъ, что я въ свѣтскомъ обращеніи, а особливо въ нашемъ дворянскомъ приватномъ родѣ жизни былъ еще очень несовершеннымъ и представлялъ собою фигуру, со многими недостатками сопряженную. И съ сего только времени началъ я съ сей стороны сколько-нибудь и мало-по-малу выправляться. Ибо, что касается до первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, прожитыхъ въ деревнѣ, то и сіе время, препровожденное мною наиболѣе въ уединеніи, не могло еще къ тому много способствовать, и преподало мнѣ только случаи узнать и примѣтить собственныя мои въ томъ и съ сей стороны недостатки.

Симъ выправленіемъ своимъ обязанъ я сей первой моей московской жизни, или паче, тѣмъ четыремъ домамъ, съ которыми наиболѣе я тогда ознакомился и въ которыхъ наиболѣе провождалъ свое время. Всѣ они были мнѣ родные и для меня очень благопріятные и дружественные. Но дабы преподать вамъ лучшее о томъ понятіе, то разскажу объ нихъ подробнѣе.

Первѣйшимъ и болѣе всѣхъ соучастіе въ томъ имѣвшимъ домомъ, былъ домъ прежде упоминаемаго г. Павлова, шурина моего дяди. Какъ изъ всѣхъ родственниковъ не имѣлъ я никого ближе сего родного брата покойнаго родителя моего и отъ него былъ искренно любимъ, то и хотѣлось ему, чтобъ я, пріѣхавъ въ сей разъ въ Москву не на короткое время, а съ тѣмъ, чтобы въ оной нѣсколько недѣль пожить, видался съ нимъ какъ можно чаще; и для удобнѣйшаго произведенія сего въ дѣйство, сталъ квартирою поближе къ ихъ дому. Сперва хотѣлось-было ему, чтобъ я сталъ у нихъ въ самомъ томъ домѣ, гдѣ онъ тогда жилъ, на что и шуринъ его былъ согласенъ; но какъ домъ сей былъ нѣсколько тѣсноватъ и не нашлось въ немъ для меня особыхъ покойцевъ, а къ тому-жъ и самому мнѣ не хотѣлось быть всякій часъ связаннымъ и я лучше хотѣлъ жить гдѣ-нибудь на свободѣ, то, при помощи ихъ, и пріискана была мнѣ шаговъ за сто отъ ихъ дома изрядная квартирка въ каменномъ домѣ одного изъ поповъ, принадлежащихъ къ церкви Климента папы Римскаго, гдѣ я, по пріѣздѣ своемъ, и расположился.

Неуспѣлъ я еще въ оной разобраться и сколько-нибудь обострожиться, какъ и былъ уже отъ г. Павлова приглашенъ къ нему къ обѣду. Весь домъ сей, сдѣлавшійся мнѣ, уже при первомъ моемъ пріѣздѣ въ Москву, знакомымъ, обрадованъ былъ тогда моимъ пріѣздомъ, и всѣ хозяева онаго принимали меня тогда, какъ бы близкаго своего родного и оказывали мнѣ наивозможнѣйшія ласки. Происходило сіе отчасти отъ того, что они искренно любили моего дядю, а по немъ и мнѣ, какъ ближнему его родственнику, хотѣли оказать свое благопріятство. А наиболѣе и самъ я подалъ имъ къ тому поводъ: ибо я имѣлъ счастіе какъ-то имъ и въ прежнюю уже мою бытность у нихъ въ особливости понравиться. А въ сей разъ, неуспѣлъ я у нихъ нѣсколько разъ побывать, какъ и стали они принимать меня, какъ-бы дѣйствительно своего ближняго родного и обходились со мною безъ всякихъ чиновъ, но дружелюбно, откровенно и такъ, что я всѣмъ обращеніемъ ихъ со мною крайне былъ доволенъ.

Благопріятство ихъ ко мнѣ было такъ велико, что они усильнымъ образомъ просили меня почитать ихъ за своихъ ближнихъ родныхъ и не только пріѣзжать и приходить къ нимъ всякій день, когда ни случится мнѣ быть дома — обѣдать и ужинать; но дѣлить съ ними и все прочее время, когда только я имѣть буду къ тому досугъ и находиться дома.

Предложеніе такое было мнѣ, какъ холостому, одинокому, заѣзжему и никого еще въ Москвѣ почти незнающему человѣку, весьма-весьма непротивно. И я охотно на то согласился, и тѣмъ паче, что домъ сей былъ не изъ самыхъ чиновныхъ, и не такой, гдѣ-бъ наблюдаемъ былъ во

всемъ этикетъ и гдѣ-бъ долженствовало быть во всегдашней принужденности. Ибо, что касается до самого старика хозяина, то былъ хотя человѣкъ богатой, но самой простой, скупой и дряхлый и никуда почти со двора не выѣзжавшій, и относительно до меня очень ласковый, и меня, за тихое и скромное поведеніе, очень полюбившій.

Но напротивъ того, жена его была боярыня умная, расторопная, нарочито бойкая, знающая свѣтское обращеніе и старающаяся жить такъ, какъ живутъ другія, съ наблюденіемъ, однако, во всемъ добраго хозяйства и благоустройства въ домѣ. И какъ я имѣлъ счастіе поведеніемъ и всѣми поступками своими и ей понравиться и полюбиться, то обходилась и она со мною не только ласково и дружелюбно, но такъ, какъ бы дѣйствительно родная. И я, выправленіемъ всѣхъ своихъ несовершенствъ и недостатковъ весьма много обязанъ ея совѣтамъ и обращенію со мною. Что касается до моего дяди и тетки, то отъ нихъ научиться и перенять мнѣ было нечего; они сами были люди совсѣмъ не свѣтскіе, а благодушные и простые, и я пользовался только ихъ къ себѣ ласкою и пріязнію.

Итакъ, сей-то домъ былъ первымъ, въ которомъ, бывая всякій почти день и провождая дѣйствительно все праздное свое время, спознакомился я сколько-нибудь съ обращеніемъ свѣтскимъ. Ибо, какъ хозяева жили не совсѣмъ уединенно, а былъ къ нимъ и довольный пріѣздъ всякаго рода людей, то и имѣлъ я тутъ случай насмотрѣться, наслышаться и навыкнуть многому, къ чему нѣсколько поспѣшествовали и оба сыновья г. Павлова, бывшіе уже взрослыми и воспитаны такъ, какъ требовала тогда свѣтская жизнь и обращеніе. И какъ я всегда за правило себѣ поставлялъ прикраиваться, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, не только къ старикамъ и степеннымъ людямъ, но и къ молодымъ, и даже самымъ дѣтямъ, то полюбили и они оба меня также, и обходились со мною искренно и дружелюбно. Словомъ, я былъ всѣмъ семействомъ г. Павлова и даже всѣми пріѣзжавшими къ нему его родными и знакомыми очень доволенъ, и многіе дни и часы съ удовольствіемъ особымъ препроводилъ въ ихъ домѣ.

Другой домъ, имѣвшій также въ поправленіи моемъ великое соучастіе, былъ того дяди моего г. Арсеньева, о которомъ упоминалъ я вамъ уже прежде и которому я такъ много обязанъ былъ въ моемъ малолѣтствѣ. Я ѣзжалъ къ нему такъ часто, какъ только мнѣ можно было; и какъ дядя, такъ и тетка принимали меня всякій разъ съ обыкновеннымъ ихъ ко мнѣ дружелюбіемъ, ласкою и благопріятствомъ. Какъ оба они жили тогда въ большомъ свѣтѣ и къ нимъ также былъ довольный пріѣздъ, и рѣдко случалось, чтобъ я у нихъ не находилъ кого постороннихъ, и во всемъ наблюдалось тутъ уже болѣе чиновъ и этикета, то имѣлъ я случаи и тутъ насмотрѣться многому такому, чего не видалъ въ домѣ г. Павлова, и занять также для себя коечто, къ поправленію недостатковъ моихъ служащаго, и былъ съ сей стороны и симъ домомъ обязанъ многимъ.

Третій домъ, въ который я также въ сію бытность мою въ Москвѣ часто ѣзжалъ, былъ прежде уже отчасти упоминаемаго родственника моего, господина Бакѣева, по имени Василья Никитича. Онъ былъ внучатной братъ покойной моей матери и знакомъ и друженъ очень съ покойными моими родителями, и всегда благорасположенъ къ нашему дому. Но мнѣ, какъ-то до того времени, знакомъ онъ былъ только по одному слуху и по дѣланнымъ кой-когда намъ одолженіямъ; лично же его узнать никогда мнѣ до сего времени еще неудавалось. А въ сей разъ, я за первый долгъ себѣ почелъ къ нему съѣздить и, спознакомившись, поблагодарить его за всѣ дѣланныя имъ прежнія къ дому нашему одолженія.

И какъ доволенъ я былъ, что сіе сдѣлалъ! Я нашелъ въ немъ такого родственника, какого только могла желать душа моя. Былъ онъ человѣкъ самый добрый, благо-

пріятный, степенный, обхожденія самаго простого, милаго, откровеннаго, нецеремоніальнаго, и такъ меня обласкалъ, что я съ перваго нашего свиданія искренно и столь много его полюбилъ, что съ особливымъ удовольствіемъ обѣщалъ исполнить то, чего ему и всему семейству его очень хотѣлось, а именно, чтобъ я видался съ ними и пріѣзжалъ къ нимъ какъ можно чаще.

Сему дому обязанъ я былъ также чрезвычайно много, относительно до усовершенствованія моего поведенія. Люди они были хотя небогатые, но жили порядочно, и въ свѣтскомъ обращеніи были столь знающи, что весьма много занялъ я съ сей стороны и въ ихъ домѣ.

Но никто не имѣлъ въ томъ столько соучастія, какъ его дочери. Онъ имѣлъ ихъ двухъ, и обѣ онѣ были дѣвушки уже взрослыя, обѣ умницы, прекрасныя собою и столь ласковаго, пріятнаго обращенія и такихъ хорошихъ и благонравныхъ характеровъ, что онѣ очаровали меня своимъ поведеніемъ; и, обходясь со мною какъ съ родственникомъ своимъ безъ всѣхъ чиновъ и принужденія, ласками и благопріятствомъ своимъ такъ меня къ себѣ привязали, что домъ ихъ сдѣлался мнѣ наипріятнѣйшимъ изъ всѣхъ, и такимъ, въ который я охотнѣе, нежели во всѣ другіе ѣздилъ, и несмотря на всю отдаленность ихъ жилища отъ моей квартиры, бывалъ у нихъ очень часто.

Но къ сему много побуждали меня и всегдашнія просьбы и приглашенія стариковъ, ихъ родителей. Оба они въ короткое время такъ меня полюбили, что обходились со мною какъ съ самымъ ближнимъ роднымъ своимъ. Въ особливости же доволенъ я былъ ласкою старушки тетки, жены его. Она была не природная россіянка, а иностранка изъ какихъ-то азіатскихъ предѣловъ. Но будучи въ самомъ малолѣтствѣ воспитана при дворѣ еще императора Петра Великаго, сдѣлалась россіянкою, имѣла тихій, добродушный, ласковый и самый добрый характеръ, полюбила меня чрезвычайно и обходилась со мною не инако, какъ съ роднымъ сыномъ.

Сихъ было у нихъ два. Старшій изъ нихъ назывался Тихономъ; былъ уже секретаремъ сенатскимъ и женатъ, и жилъ отъ нихъ особо и своимъ домомъ; а другой, Алексѣй, жилъ при нихъ, и малый былъ добрый. Изъ дочерей же ихъ звали, одну Татьяною, а другую Палагеею. И была между ими та разница, что хотя и обѣ онѣ были и умны и хороши собою, но большая была блондина и нѣсколько простодушнѣе, а меньшая брюнетка и во всемъ превосходнѣе сестры своей, и была не только лицомъ очень хороша, и ростъ имѣла прекрасный и пропорціональный, и фигуру представляла собою во всемъ прелестную, — но и жива, умна, пріятна, ласкова и одарена всѣми качествами, дѣлающими дѣвицу совершенною.

Впрочемъ, какъ онѣ были очень въѣзжи въ домъ къ одной княгинѣ Долгоруковой и были ею крайне любимы, и чрезъ самое то наиболѣе и навыкли свѣтскому обращенію, то чрезъ ихъ познакомился и я съ симъ домомъ, — которой былъ четвертый, имѣвшій въ поправленіи моемъ великое соучастіе и сдѣлавшійся также чрезъ короткое время мнѣ весьма пріятнымъ. Княгиня сія была имъ, такъ какъ и мнѣ, по деревнямъ сосѣдка, а мнѣ еще и сродни. Мать ея, которую родители мои называли своею теткою и имѣли къ ней особое почтеніе, жила въ томъ же сельцѣ Калитинѣ, гдѣ жилъ и помянутый дядя мой г. Бакѣевъ, и въ которомъ жили и всѣ предки мои съ матерней стороны; да и сама покойная мать моя родилась и воспитана была въ ономъ, у дѣда своего Гаврилы Прокофьевича Бакѣева.

Почтенная и важная старушка сія, которую я самъ еще запомню, видавъ ее въ малолѣтствѣ, называлась Авдотьею Игнатьевною Пущиною, и было у ней всего только двое дѣтей, сынъ и одна дочь. Съ сими дѣтьми ея натура поступила не съ одинакою благосклонностію, но сколько благопріятна была ея дочери, произведя ее превеликою кра-

савицею и сдѣлавъ чрезъ самое то ея потомъ счастливою, столько, напротивъ того, немилосерда была къ ея сыну, произведя его дурнымъ и неуклюжимъ. Къ вящему несчастію, случилось еще ему самому себя особливымъ и нечаяннымъ образомъ и застрѣлить.

Нѣкогда, будучи уже въ совершенномъ возрастѣ и находясь въ службѣ, пріѣхалъ онъ въ отпускъ повидаться съ помянутою матерью своею, и находясь у ней въ Калитинѣ увидѣлъ однажды изъ окна сидящихъ на дворѣ воронъ. Вдругъ, приди ему охота застрѣлить оныхъ. Онъ схватываетъ ружье, о которомъ зналъ, что было оно заряжено дробью, выбѣгаетъ на крыльцо, прицѣливается, спускаетъ курокъ, но ружье обсѣкается. Онъ досадуетъ, хочетъ поправить кремень — ненаходитъ на полкѣ пороху, удивляется и заключаетъ, что онъ въ мнѣніи своемъ обманулся, и что ружье было, либо незаряжено, либо кѣмъ выстрѣлено. Чтобъ удостовѣриться въ томъ, схватываетъ онъ за дуло, подноситъ его ко рту и, всунувъ въ ротъ, въ него дуетъ. Но въ самый сей несчастный моментъ ружье разряжается, выстрѣливаетъ ему въ ротъ и онъ падаетъ мертвъ на томъ же мѣстѣ съ расковерканною головою.

Легко можно заключить, каковъ тяжелъ былъ сей ударъ несчастной старухѣ, его матери, любившей его чрезвычайно и имѣвшей въ немъ одного по себѣ наслѣдника! Ибо, что касается до помянутой ея дочери, то была она уже замужемъ. Нѣкто изъ фамиліи господъ Дохторовыхъ, человѣкъ хотя пожилой, но очень богатый, плѣнясь красотою ея, на ней женился и она имѣла отъ него уже сына. И какъ старуха, почитая ее уже пристроенною къ мѣсту удачно, то и имѣла всю надежду на помянутаго сына. Она не могла никакъ перенесть несчастной его кончины, и не въ продолжительномъ времени и сама послѣдовала за нимъ въ гробъ, и помянутая дочь сдѣлалась всему имѣнію ея наслѣдницею.

Но и сія недолго послѣ ея жила съ своимъ мужемъ: смерть похитила его у ней. И какъ она осталась послѣ его еще очень молодою и была еще во всемъ блескѣ красоты своей, то, какъ для красоты, такъ и великаго достатка и женился на ней одинъ изъ нашихъ князей Долгоруковыхъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ. И съ нимъ-то жила она тогда въ Москвѣ, въ пышномъ и огромномъ каменномъ своемъ домѣ и воспитывала при себѣ помянутаго сына своего, бывшаго тогда уже мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, и столь же прекраснаго, какова была сама она и французъ учитель обучалъ его наукамъ.

Въ сей-то домъ были помянутыя родственницы мои въѣзжи. И какъ княгиня была и имъ сродни, какъ и мнѣ, и любила ихъ чрезвычайно, то не только бывали онѣ у ней очень часто, но иногда и живали по нѣскольку недѣль у ней. И поелику домъ сей принадлежалъ къ домамъ довольно уже знатнымъ и обращеніе въ ономъ было всегда многолюдное и большого свѣта, то отъ самаго того и научились онѣ всему свѣтскому обхожденію такъ, что по незнанію можно-бъ было ихъ почесть воспитанными въ домахъ знатныхъ.

Не успѣли онѣ со мною познакомиться, какъ непреминули онѣ пересказать обо мнѣ и помянутой своей знакомкѣ и родственницѣ и насказали ей столь много обо мнѣ хорошаго, что княгинѣ нетерпѣливо захотѣлось и самой спознакомиться со мною. Она помнила еще мою мать и всю ту дружбу и пріязнь, какою пользовалась она отъ ея матери; а видая и самого меня еще ребенкомъ, не только не отрекалась тогда отъ родства со мною, но и хотѣла усердно меня видѣть.

Мнѣ тотчасъ было сіе пересказано. И какъ она поручила помянутымъ родственницамъ моимъ звать и привесть меня къ себѣ, то и долженъ я былъ на другой же день къ ней ѣхать съ ними и ихъ родными. Княгиня приняла меня съ такою ласкою и благопріятствомъ, какого я могъ только ожидать отъ самой ближней родственницы. И какъ имѣла она характеръ самый добрый и изящный, и была не толь-

ко умна, но и весьма тихаго и хорошаго нрава и поведенія самаго честнаго и порядочнаго; а при томъ, въ обхожденіи съ людьми была негорделива, а очень ласкова и дружелюбна,—то всѣмъ тѣмъ она такъ меня очаровала, что я съ перваго свиданія возымѣлъ къ ней и ея мужу искреннюю любовь и почтеніе, и весьма охотно согласился выполнять ея желаніе и пріѣзжать къ нимъ чаще, и былъ столь счастливъ, что въ короткое время и они меня такъ полюбили, что не хотѣли почти со мною разстаться.

Симъ-то четыремъ домамъ обязанъ я всѣмъ исправленіемъ нравственнаго своего, или паче житейскаго характера, и въ сіи-то четыре дома ѣзжалъ я наиболѣе въ сію бытность мою въ Москвѣ. И какъ мнѣ иныхъ дѣлъ въ Москвѣ было мало, кромѣ исправленія нѣкоторыхъ покупокъ, кои я въ первые дни тотчасъ же и исправилъ, на квартирѣ же своей сидѣть одному было уже слишкомъ скучно; то и употреблялъ я все почти свое время на сіи разъѣзды; и проходилъ рѣдкій день, чтобъ я въ которомъ-нибудь изъ сихъ домовъ не былъ, и либо обѣдалъ, либо ужиналъ. И какъ вездѣ я былъ принимаемъ хорошо, вездѣ мнѣ были рады, вездѣ меня ласкали и мнѣ благопріятствовали, то могу сказать, что все время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ протекло для меня такъ весело, что я и не видалъ, какъ миновало уже нѣсколько недѣль съ моего пріѣзда.

Нельзя изобразить, сколь многому насмотрѣлся я, бывая во всѣхъ упомянутыхъ мною домахъ, и какое великое множество получилъ новыхъ для себя понятій! Всегдашнее обращеніе съ людьми есть лучшій для насъ наставникъ и учитель. И какъ-то уже всѣмъ намъ свойственно то, что отъ всякаго рода сожитія и обращенія съ людьми, всегда что-нибудь и само собою къ намъ и безъ всякаго умышленнаго перениманія прилипаетъ,—то кольми паче прилипало тогда ко мнѣ все то, что я видѣлъ и слышалъ въ домахъ сихъ хорошаго, когда о томъ я и самъ еще старался и неупускалъ замѣчать въ мысляхъ своихъ всякую всячину.

Впрочемъ, не помню я, чтобъ въ сію бытность мою въ Москвѣ произошло со мною что-нибудь особливое, кромѣ немногаго нижеслѣдующаго.

Первое было то, что и тутъ, вездѣ, гдѣ ни бывалъ я у моихъ родственниковъ и знакомцевъ, твердили мнѣ все тоже, что говорено мнѣ было уже въ деревнѣ отъ моихъ сосѣдей и знакомцевъ, а именно, что мнѣ надобно жениться и помышлять уже и о сысканіи себѣ невѣсты. Напоминанія таковыя слышалъ я вездѣ-и-вездѣ, и слышалъ многажды. И хотя я нимало того не отвергалъ, но паче и самъ охотно со мнѣніемъ ихъ соглашался, и не рѣдко всмѣхъ имъ говаривалъ: «За чѣмъ дѣло стало! Жениться, такъ жениться; а сыщите только невѣсту». Но какъ просьбы о томъ никогда почти не были прямо серьезныя, а наиболѣе смѣхомъ и никому еще не хотѣлось входить въ сватовство, а всѣ наиболѣе отзывались тѣмъ, чтобъ я самъ напередъ пріискалъ себѣ по мыслямъ своимъ невѣсту, то и недоходило еще никогда до настоящаго сватовства. Одинъ только дядя мой, Матвѣй Петровичъ, и любезный мой сосѣдъ, Александръ Ивановичъ Ладыженской, которой также въ сіе время былъ въ Москвѣ и съ коимъ мнѣ случилось увидѣться, поступили нѣсколько далѣе.

Первый, по любви своей ко мнѣ, настоялъ всѣхъ больше на то, чтобъ я искалъ себѣ невѣсты и женился скорѣе. Не проходило почти ни одного дня, въ который бы невозобновлялъ онъ вновь со мною о томъ разговора и чтобъ неспрашивалъ меня: не случилось ли мнѣ гдѣ-нибудь запримѣтить дѣвушки такой, которая бы мнѣ годилась въ невѣсты? Но какъ я всегда сказывалъ ему, что — нѣтъ, какъ то и дѣйствительно было, то всякій разъ и сожалѣлъ онъ вновь, что не было тогда въ Москвѣ одной дѣвушки, бывшей у него на примѣтѣ, и такой, которая, по мнѣнію его, могла-бъ годиться мнѣ въ невѣсты, а именно, госпожи Палициной,—

и самой той, которая была послѣ за г. Хрущовымъ, Ѳедоромъ Яковлевичемъ.

О сей дѣвушкѣ упоминалъ онъ мнѣ еще въ самую первую мою въ Москвѣ бытность и, приписывая ей многія похвалы, несомнѣвался почти въ томъ, что ее за меня отдадутъ, какъ скоро я посватаюсь. А и въ сей разъ не проходило почти дня, въ который бы онъ ее ненапоминалъ и мнѣ нерасхваливалъ. Но я не знаю, что-то особое и непостижимое меня такъ отъ невѣсты сей удаляло, что я съ самаго начала не хотѣлъ нимало прилѣпляться къ ней своими мыслями; а послѣ, всякій разъ, даже и слышать не хотѣлъ о ея имени, хотя я ее никогда не видалъ, и какова она, о томъ ни малѣйшаго понятія не имѣлъ. Можетъ быть происходило сіе отъ того, что невѣста сія казалась мнѣ слишкомъ противъ меня недостаточна: ибо дядя мой съ самаго начала отъ меня того не таилъ, что за нею не болѣе было пятидесяти душъ; а сіе количество, по свойственному желанію всѣмъ женихамъ — жениться на богатыхъ невѣстахъ — казалось мнѣ ужъ слишкомъ мало.

Я хотя и не искалъ себѣ слишкомъ богатой невѣсты, каковую получить за себя и не надѣялся, но и слишкомъ на бѣдной жениться мнѣ также не хотѣлось; а особливо потому, что и собственный мой достатокъ былъ не слишкомъ великъ, а весьма-весьма незнаменитъ. Почему и твердилъ я всегда, что хорошо бы, когда мой былъ обѣдъ, а header женинъ ужинъ. Всходствіе чего, и неспѣшилъ прилѣпляться слишкомъ скоро къ небогатымъ невѣстамъ, но ожидалъ отъ времени — неслучится ли богатѣе и лучше. А потому изъ сего предложенія дяди моего ничего и не вышло; и сколько онъ мнѣ объ ней какъ тогда, такъ и послѣ того ни твердилъ, но я не только свататься, но и видѣть ее, — и тѣмъ-паче несоглашался, что не почиталъ дядю своего способнымъ судить о качествахъ невѣсты, а особливо, когда и самому ему она не была коротко знакома.

Что-жъ касается до помянутаго сосѣда моего, господина Ладыженскаго, то сему, также по любви своей ко мнѣ, вздумалось мнѣ предложить: не хочу ли я видѣть однѣхъ знакомыхъ ему и тогда въ Москвѣ находившихся дѣвушекъ, и непонравится ли мнѣ которая-нибудь изъ нихъ, въ которомъ случаѣ могъ бы онъ охотно взять на себя коммиссію и за меня посватать.

— «А ежели не придетъ ни одна по мыслямъ, говорилъ онъ: то такъ тому и быть: мы и не начнемъ никакого дѣла».

— Очень хорошо, сказалъ я: посмотрѣть недиковинка; но только безъ всякаго напередъ сватанья. Но какъ же это можно? и кто онѣ таковы? и какъ богаты? Это мнѣ также напередъ знать надобно.

— «Это и дѣло, отвѣчалъ онъ. И все это я тебѣ, сосѣдъ мой дорогой, и разскажу. Видѣть можемъ мы ихъ въ собственномъ ихъ домѣ: сядемъ-таки въ санки съ тобою вмѣстѣ и поѣдемъ прямо къ нимъ въ домъ. Мнѣ онѣ знакомы и нѣсколько сродни: отецъ ихъ доводится мнѣ дядя, а онѣ сестры. Однако, не подумай, чтобъ я тутъ могъ имѣть какое пристрастіе; этого ты отъ меня неопасайся, и для меня все равно: полюбится ли тебѣ изъ нихъ какая, или нѣтъ. А чтобы лучше можно было тебѣ ихъ разсмотрѣть, то поѣдемъ такъ, чтобъ намъ можно было ихъ застать врасплохъ и нимало не предувѣдомляя о нашемъ пріѣздѣ. Я скажу, что я вмѣстѣ съ тобою ѣздилъ въ городъ, и какъ давно съ ними невидался, то вздумалъ къ нимъ заѣхать, и уговорилъ тебя сдѣлать мнѣ компанію».

— Очень хорошо, сказалъ я: и это всего лучше. Удастся — квасъ, а неудастся — кислыя щи!

— «Ну, ладно! подхватилъ онъ. А на другой вопросъ твой — кто онѣ таковы? скажу тебѣ, что онѣ Кушелевы. Чтожъ касается до того, сколь онѣ богаты, о томъ не могу сказать тебѣ въ точности; и сколько отецъ приданаго дастъ—не знаю. А то только скажу, что и самъ онъ неслишкомъ богатъ, и многаго дать ему за ними не можно. Къ тому-жъ, есть у него еще и сынъ. Однако, объ этомъ въ точность узнать можно послѣ; а напередъ

посмотрѣть только: ежели неполюбится ни одна, то и начинать нечего?

— Хорошо, сказалъ я: изволь, поѣдемъ.

Мы, не отлагая сего дѣла вдаль, и произвели оное въ дѣйство, и въ домъ господина Кушелева ѣздили. И одинъ видъ уже сего дома не обѣщалъ мнѣ ничего хорошаго. Былъ онъ самый старинный, низенькій и обветшалый. Насъ провели чрезъ закоптѣвшую отъ древности залу, въ гостинную, которая была еще того темнѣе и имѣла приборы наипростѣйшіе въ свѣтѣ. Тутъ нашли мы самого хозяина, лежащаго въ разслабленіи въ одномъ углу, подлѣ дверей самыхъ. Онъ былъ радъ нашему пріѣзду и посадилъ насъ подлѣ себя.

Между тѣмъ, покуда мы съ нимъ говорили и онъ меня кой-о-чемъ разспрашивалъ, искалъ я съ любопытными глазами дѣвицъ, дочерей его, и за темнотою комнаты и самыхъ почти сумерокъ, на силу усмотрѣлъ ихъ, сидящихъ всѣхъ рядышкомъ, въ черномъ платьѣ, подлѣ противуположной стѣны и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи.

Я напрягалъ сколько могъ зрѣніе мое, для точнѣйшаго ихъ разсматриванія; но не находилъ ни въ одной того, чего искалъ. Всѣ онѣ казались мнѣ дѣвушками изрядными; но ни одна не была по моимъ мыслямъ и таковою, чтобъ могла сколько-нибудь привлечь на себя особенное вниманіе. Въ самой лучшенькой изъ нихъ не только не находилъ я ничего для себя прелестнаго, но было въ ней что-то такое особливое, что меня отъ нея власно какъ отторгало. А какъ, сверхъ-того, въ домѣ семъ наблюдались такіе чины и во всемъ примѣтна была превеликая и такая принужденность, что я не слыхалъ ни единаго слова, выговореннаго дѣвушками сими, то всѣ сіи обстоятельствы, а вкупѣ и небогатое состояніе самаго дома, такъ мнѣ неполюбилось, что я захотѣлъ уже скорѣе изъ онаго вырваться. И потому, мигнувъ товарищу своему, побудилъ его поспѣшить окончаніемъ нашего визита и своимъ отъѣздомъ.

Неуспѣли мы выѣхать за вороты, какъ спросилъ меня мой товарищъ о томъ, каковы показались мнѣ дѣвушки?

— Что, братецъ, сказалъ я: дѣвушки изрядныя; но что-то ни одна изъ нихъ не пришла мнѣ какъ-то по мыслямъ. Но въ образѣ и самой лучшенькой изъ нихъ, которую ты называлъ Анною Ивановною, находилъ я что-то особливое, и такое, что вселяло въ меня нѣкоторое отъ нея и непреоборимое отвращеніе. И по всему видимому врядъ ли ей быть когда-нибудь моею невѣстою: и судьба видно ее не мнѣ, а кому-нибудь другому назначила.

— «Это я отчасти и самъ уже въ тебѣ запримѣтилъ, сказалъ мнѣ мой товарищъ. А какъ въ то время, когда ты выходилъ вонъ, я успѣлъ съ дядею словца два и о тебѣ и о приданомъ перемолвить, то узналъ, что хотя ты ему полюбился очень—очень и онъ охотно бы хотѣлъ имѣть тебя своимъ зятемъ; но приданое-то за ними такъ мало, что я ажно ужаснулся, и тужилъ уже о томъ, что и привозилъ тебя сюда. А теперь благо и тебѣ онѣ не понравились, такъ и Богъ съ ними, и мы дѣло сіе и оставимъ».

Симъ образомъ кончилось тогда сіе произшествіе и начальное мое, такъ сказать, полусватанье и неудачное свиданіе съ невѣстами. Я выложилъ ихъ тотчасъ изъ головы,—и тѣмъ паче, что не находилъ въ нихъ и сотой доли тѣхъ пріятностей и совершенствъ, какія видѣлъ я почти ежедневно въ родственницахъ моихъ Бакѣевыхъ, а особливо въ меньшой, и каковыя хотѣлось мнѣ охотно найтить въ своей невѣстѣ.

Дѣло сіе такъ тогда и осталось; но послѣ, какъ случилось намъ съ помянутою Анною Ивановною, бывшею потомъ замужемъ за г. Сухотинымъ, жить нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ въ одномъ городѣ и ежедневно почти видѣться и быть очень знакомыми, то увидѣлъ тогда я, что сама судьба и невидимое попеченіе обо мнѣ божескаго Промысла похотѣло спасти меня отъ сей женщины. Была она весьма страннаго и такого характера, что мужъ мукою съ нею мучился и наконецъ, едва-было не лишился отъ ней самой жизни.

Будучи подвержена слишкомъ той слабости, что любила втайнѣ испивать, дошла она однажды даже до того, что отравила-было мужа своего ядомъ, и онъ съ нуждою отлечился отъ дѣйствія онаго. Всѣ они нынѣ ужъ покойники; и какъ мужъ ея былъ мнѣ добрымъ пріятелемъ и любилъ меня чистосердечно, то не могу и понынѣ вспомнить его безъ сожалѣнія и не пожелать праху его мира и спокойствія.

Другое произшествіе, случившееся тогда со мною, было хотя самое бездѣльное, но странностію и рѣдкостію своею особливаго примѣчанія достойное. Состояло оно ни въ чемъ иномъ, какъ въ видѣнномъ только мною одномъ сновидѣніи; но сновидѣніи такомъ, котораго я во всю мою жизнь не могъ позабыть, и которое по смерть не забуду. Словомъ, оно было такое, что я со всею своею философіею, и при всѣхъ своихъ обширныхъ психологическихъ свѣдѣніяхъ о силахъ и дѣйствіяхъ души нашей, не могъ никакъ добраться до того, какъ могло оно произойтить и сдѣлаться въ душѣ моей. Было оно слѣдующее:

Нѣкогда, и какъ теперь помню въ ночь подъ воскресенье, приснилось мнѣ, будто я въ саняхъ своихъ, въ какихъ я тогда ѣзжалъ, ѣду по Москвѣ и, переѣхавъ Каменной мостъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ съ улицы сей поворачиваютъ на Пречистенку, встрѣчаюсь вдругъ съ другими санями, везомыми двумя сѣрыми добрыми лошадьми и покрытыми зеленою медвѣжьею полстью, и въ саняхъ сихъ вижу сидящаго старинная своего однополчанина и друга, Алексѣя Дмитріевича Вельяминова, а на запяткахъ за нимъ стоящаго слугу его, Илюшку,— который тогда, какъ мы съ нимъ живали и ѣдали вмѣстѣ, обоимъ намъ служилъ и былъ нашимъ общимъ камердинеромъ и официантомъ. И что будто я, обрадовавшись увидѣвъ сего моего друга, котораго я уже нѣсколько лѣтъ и съ самаго того времени не видалъ, какъ съ нимъ въ Кёнигсбергѣ разстался и онъ пошелъ съ полкомъ въ походъ,—вдругъ его останавливаю, съ нимъ здоровкаюсь, разспрашиваю у него, гдѣ онъ нынѣ находится? и что будто онъ мнѣ сказываетъ, что онъ находится уже давно въ отставкѣ и живетъ нынѣ въ Чернской своей деревнѣ. А такимъ же образомъ и я ему разсказывалъ о себѣ.

Мечта сія такъ глубоко впечатлѣлась въ мою память, что, проснувшись поутру, не позабылъ я ни одной черты оной, и подивился еще тому,—какъ это вздумалось въ душѣ моей проснуться мыслямъ о Вельяминовѣ, о которомъ я года три и не помышлялъ ниоднажды? Но посмѣявшись тому и сочтя все сіе сновидѣніе пустымъ и ничего незначущимъ, такъ это все и оставилъ.

Но вообразите себѣ, не чудо ли сущее вышло изъ сей мнимой бездѣлицы и не самое ли странное и удивительное было дѣло, когда власно какъ нарочно случилось такъ, что мнѣ въ самый тотъ же еще день надобно было за Москву-рѣку къ дядѣ моему, г. Арсеньеву, обѣдать и переѣзжать Москву-рѣку по Каменному мосту,—слѣдовательно дѣйствительно ѣхать по самому тому мѣсту, которое видѣлъ я за нѣсколько до того часовъ въ сновидѣніи,—и подумайте, сколь удивленіе мое было чрезвычайно, когда я, доѣхавъ до помянутаго поворота на Пречистенку, въ самомъ томъ мѣстѣ, дѣйствительно встрѣтился съ санями, запряженными парою добрыхъ сѣрыхъ лошадей, покрытыми зеленою медвѣжьею полстью, и увидѣлъ въ нихъ ѣдущаго друга моего Алексѣя Дмитріевича и позади его слугу его Илюшку, стоящаго на запяткахъ?!. Видѣніе сіе такъ меня поразило, что я обомлѣлъ почти отъ удивленія, и боясь, чтобъ г. Вельяминовъ отъ меня не уѣхалъ, закричалъ во все горло: «стой! стой! стой!», и бросился самъ изъ саней обнимать сего милаго и любезнаго своего друга. Онъ не менѣе моего обрадовался, меня увидѣвъ, но не менѣе моего и удивился, когда я спѣшилъ разсказать ему всю чудесность своего сновидѣнія и то, что я, за нѣсколько часовъ, его и съ Илюшкою его,

и точно на самомъ этомъ мѣстѣ видѣлъ, съ нимъ говорилъ, и что онъ мнѣ разсказывалъ, что находится нынѣ въ отставкѣ и живетъ въ своей Чернской деревнѣ.

— «Это дѣйствительно такъ—воскликнулъ, онъ еще болѣе удивившись: я подлинно нынѣ въ отставкѣ и живу въ Чернской своей деревнѣ, и оттуда только вчера сюда ненадолго пріѣхалъ».

Мы простояли тогда болѣе получаса на семъ мѣстѣ: разспрашивали обо всемъ другъ друга и не могли сновидѣнію моему надивиться довольно. Оно и въ самомъ дѣлѣ было удивительно; и всю рѣдкость и необычайность онаго составляло собственно то, что я видѣлъ въ самой точности такое произшествіе, котораго еще не было и кое долженствовало еще чрезъ нѣсколько часовъ произойтить на свѣтѣ! Словомъ, я не понимаю, какъ это сдѣлалось и не позабуду сего сна по гробъ мой, а всегда стану ему удивляться, равно какъ и другому на него похожему, видѣнному мною въ бытность мою уже въ Богородицкѣ.

Сіе было второе произшествіе; а третье было всѣхъ маловажнѣе и болѣе смѣшное, нежели достопамятное. Состояло оно въ томъ, что хозяинъ того дома, гдѣ я стоялъ квартирою, чуть-было однажды не задушилъ насъ дымомъ. «Какъ это?» спросите вы, удивившись. А вотъ какимъ образомъ.

Я вамъ сказывалъ, что домъ, въ которомъ мнѣ наняли квартиру, былъ поповскій и принадлежалъ одному изъ поповъ Климентовой церкви. Теперь скажу, что квартирка сія была изрядная: я имѣлъ внизу двѣ чистенькія и свѣтлыя комнаты, съ кафленою голанскою печью; а самъ хозяинъ удалился жить въ находящуюся на чердакѣ и прямо надъ моимъ покойцемъ комнату. И какъ онъ былъ человѣкъ старый, а притомъ вдовый и одинокій, то для его было сей горенки и довольно.

Квартиркою сею былъ бы я и доволенъ совершенно, еслибъ только хозяинъ мой не наводилъ мнѣ иногда безпокойства. Имѣя привычку выпивать иногда излишнюю рюмку вина и при такихъ случаяхъ напиваться до безпамятства, дѣлывался онъ тогда, власно какъ сумасшедшимъ: бродилъ по всему дому и по всѣмъ комнатамъ и угламъ оныхъ, шумѣлъ, бурлилъ, кричалъ и проказничалъ. Но что всего хуже, то никому уже не можно было тогда съ нимъ сладить. Но я всего того не зналъ и не вѣдалъ, ибо какъ случалось сіе болѣе въ мое отсутствіе и я, при возвращеніи на квартиру, находилъ его уже затворившимся въ своей горенкѣ и спящимъ, то и не было мнѣ до него ни малѣйшей нужды.

Но вообразите, какъ удивился я, когда, заѣхавъ однажды послѣ обѣда для взятья нѣкакихъ вещей на свою квартиру, вдругъ услышалъ я въ самой комнатѣ моей превеликій крикъ и стукъ. Я не понималъ, чтобъ сіе значило и спѣшилъ растворить дверь. Но какъ удивился я еще болѣе, когда увидѣлъ тутъ превысокаго мужичину, съ большою рыжею бородою, съ растрепанными и съ склокоченными волосьями, въ засаленномъ и неподпоясанномъ китайчатомъ полукафтанѣ, босикомъ и въ однихъ только туфляхъ, въ безобразнѣйшемъ видѣ, съ превеликимъ вскрикиваніемъ и крѣпкимъ топаніемъ ногою объ полъ, приступающаго къ нарисованной на стѣнѣ углемъ вороне, торкающаго въ нее пальцемъ, и съ такимъ рвеніемъ и крикомъ съ нею разговаривающаго, что онъ никакъ не видѣлъ и не слышалъ, что ему кто ни говорилъ, и никого не слушая и толкая всѣхъ отъ себя, продолжалъ только свое дѣло, какъ сумасшедшій! Удивился и захохоталъ я, все сіе увидѣвъ; а особливо потому, что ворону сію догадало меня самого, наканунѣ самаго того дня, тутъ нарисовать. Людямъ моимъ какимъ-то образомъ случилось захватить въ сѣняхъ, и поймать живую ворону. Они принесли ее ко мнѣ, а мнѣ что-то пришла мысль, схвативъ уголь и кусокъ мѣла, срисовать съ нея точный портретъ на бѣлой стѣнѣ моей комнаты. Сію-то ворону случилось тогда нечаянно и въ первый еще разъ уви-

дѣть его преподобію, будучи пьянымъ, и какъ рисунокъ сей имѣлъ счастіе ему крайнѣ понравиться, то, по самому тому и занимался онъ съ нею разговорами. И люди мои, смѣючись, говорили мнѣ, что я вороною своею съума свелъ и до того довелъ нашего хозяина, что они не знаютъ, что съ нимъ и дѣлать. Сколько ни звали, ни уговаривали и ни убѣждали его, чтобъ онъ вонъ вышелъ, но никакъ нейдетъ; и неостается другого средства, какъ волочь его развѣ силою.

— Да, зачѣмъ дѣло стало? сказалъ я: таки съ божьею помощію, возьмите его подъ руки и отведите-ка силою въ его горенку и тамъ заприте.

Это они тотчасъ и сдѣлали; и попъ мой не только за то не сердился, но проспавшись и пришедъ по утру ко мнѣ, благодарилъ меня еще за то, что я его, дурака, велѣлъ силою вывесть.

— «А все вотъ эта ваша проклятая ворона тому причиною, говорилъ онъ. Ну, нечего говорить, умѣешь рисовать, баринъ!... Таки какъ живая, окаянная!.. Что ты изволишь!.. Нѣтъ, нѣтъ, баринъ! воля твоя и какъ ты хочешь, а меня ты одолжи и напиши такую же и мнѣ въ моей горенкѣ, чтобъ я могъ ею всегда любоваться и тебя вспоминать.»

— Изволь, изволь! говорилъ я; если она тебѣ такъ полюбилась, то для чего не нарисовать. Для меня это бездѣлка.

Хозяинъ мой не успѣлъ сего услышать, какъ и приступилъ ко мнѣ съ неотступною просьбою, чтобы я ему въ тотъ же часъ это одолженіе сдѣлалъ. И я принужденъ былъ иттить тогда же къ нему наверхъ и лезть по темной и безпокойной лѣсенкѣ.

— Ну, гдѣ-жъ тебѣ ее нарисовать? спросилъ я, вошедъ въ первый еще разъ въ его изрядную горенку.

— «Вотъ здѣсь, здѣсь, батюшка», говорилъ онъ, указывая мнѣ бѣлое мѣсто на стѣнѣ, подлѣ печки въ уголку.

— Хорошо, сказалъ я. И, взявъ уголь и мѣлъ, тотчасъ и намахалъ ему такуюжъ ворону. Попъ мой вспрыгался почти отъ радости, и выхваляя искуство мое до небесъ, приносилъ мнѣ тысячу благодареній. А я радъ былъ, что доставилъ ему вороною своею упражненіе въ его горенкѣ, и ему не было уже нужды ходить въ мою для разговариванія съ оною; но онъ тамъ уже съ нею бурлилъ и покрикивалъ сколько ему хотѣлось.

Но въ одинъ разъ весьма дурно заплатилъ-было онъ мнѣ за мой трудъ и рисунокъ. Пропивъ гдѣ-то всю ночь, пришелъ онъ домой уже по-утру, и въ самое то время, какъ топили уже печи, и пришедъ въ свою горенку наверху, началъ, по обыкновенію своему, бурлить, кричать и шумѣть; а чтобъ никто ему въ томъ не мѣшалъ, то заперся еще на крючокъ въ оной. И тогда, при обыкновенномъ его съ вороною и такимъ же образомъ, съ крикомъ и топаньемъ разговариваніи, померещилось ему, что она отъ него въ трубу печную улетѣть хочетъ. «А! кричалъ онъ: ты улетѣть и отъ меня брызнуть хочешь?!. Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! «Это не удастся тебѣ. Я и поприпру тебя, «госпожа моя». Сказавъ сіе, бросился онъ къ печи, и подхватя вьюшечную крышку, хлопъ-таки на вьюшку и затворилъ потомъ дверцы, нимало не разбирая и не подумавъ, что вьюшка сія была отъ самой той печи внизу, гдѣ я жилъ и которая тогда только-что растопилась въ разваль. «Ну, на! полетай теперь!» кричалъ онъ, и сталъ, шагая, приступать къ ней и ее пальцомъ торкать.

Между тѣмъ, мы, ничего того не зная, находились себѣ внизу и я только-что сталъ одѣваться. Но вообразите себѣ, какъ должны были мы всѣ перетревожиться и перепугаться, какъ вдругъ, и въ одну почти минуту вся комната моя наполнилась дымомъ и зноемъ!.. «Батюшки мои! Что это такое? закричалъ я, вскочивъ безъ памяти съ мѣста. Уже не загорѣлось ли гдѣ и не пожаръ ли?» Вмигъ бросились мы тогда въ ту комнату, изъ которой валилъ къ намъ дымъ и изъ которой печь наша топилась. И какъ же изумились, увидѣвъ густой дымъ, валящій изъ устья печи!

—Ахти, сводъ, сводъ, конечно, обвалился

въ-печи! кричалъ!. я. Экое горе. Что дѣлать?..

— «Нѣтъ, нѣтъ, сударь! подхватила топившая печь и прибѣжавшая также къ намъ работница попова.— А это батька тамъ, конечно, напроказничалъ пьяный и закрылъ вьюшку. Я слышала, что онъ тамъ покрикивалъ съ своею вороною».

Она побѣжала тогда вверхъ открывать скорѣе вьюшку. Но—хвать! двери на крюку заперты и не отворяются! Она кричать попу, она просить, чтобъ отперъ двери: попъ не слушаетъ и шагаетъ только по горницѣ и продолжаетъ свое дѣло: кричитъ и харабриться надъ своею вороною.

«Батюшка, кричитъ ему работница: либо насъ пусти, либо самъ скорѣй открой вьюшку; ты задушилъ насъ всѣхъ дымомъ».

— «Да, какъ-бы не такъ!» кричалъ въ отвѣтъ ей нашъ хозяинъ: «чтобъ проклятая-то улетѣла?.. Нѣтъ, нѣтъ! А посидика ты вотъ здѣсь, моя государыня!» — И торкъ ее опять пальцемъ!

Что было тогда работницѣ дѣлать? Она принуждена была бѣжать внизъ и звать людей моихъ, чтобъ помогли ей силою растворить двери. И попъ нашъ не прежде растворилъ двери, какъ увидѣвъ, что они съ топоромъ уже ломать ее начали. Ибо, какъ между тѣмъ, обѣ мои комнаты наполнились столько дымомъ и чадомъ, что не можно было въ нихъ никоимъ образомъ быть, и я принужденъ былъ выбѣжать на дворъ и стоять на прежестокомъ морозѣ, то другого и не оставалось, какъ приступить къ насилію.

Симъ кончилось тогда сіе смѣшное произшествіе. Я раздосадованъ былъ за то невѣдомо какъ на попа. Но какъ онъ, проспавшись и сдѣлавшись прямо жалкимъ человѣкомъ, валялся у меня почти у ногъ, прося уничиженнѣйшимъ образомъ простить ему сію проказу, то скоро отпустилъ я ему вину его, и тѣмъ паче, что, будучи непьянымъ, былъ онъ старикъ очень добрый и умный.

Симъ кончу я сіе вышедшее уже изъ границъ своихъ письмо мое, и предоставивъ о прочемъ разсказаніе въ письмахъ будущихъ, скажу, что я есмь вашъ и прочая.

ѢЗДА ВЪ КАШИНЪ И МАСКАРАДЪ.

Письмо 106-е.

Любезный пріятель! Приступая къ продолженію моей повѣсти, скажу вамъ, что—какъ ни весело мнѣ было тогда жить въ Москвѣ и какъ скоро ни протекло время, но я, при всѣхъ своихъ разъѣздахъ, не забывалъ никакъ того, что мнѣ надлежало еще съѣздить въ Кашинскій уѣздъ и повидаться съ больною сестрою моею. Миновало уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ я ее не видалъ. Ибо, съ того времени, какъ она пріѣзжала съ мужемъ своимъ къ намъ въ деревню, не случилось мнѣ ее уже ниоднажды видѣть И какъ хотѣлось мнѣ съѣздить къ ней до наступленія еще масляницы, а къ сей возвратиться въ Москву, дабы видѣть приуготовляемый тогда славный уличный маскарадъ, то и не сталъ я въ сей разъ въ Москвѣ заживаться; но распрощавшись на время съ знакомцами и родными своими, отправился въ свой путь.

Всѣ они взяли съ меня обѣщаніе возвратиться неотмѣнно къ масляницѣ въ Москву. Но никто такъ сильно не настоялъ на то, какъ помянутыя родственницы мои, госпожи Бакѣевы. И какъ съ ними послѣдними я послѣ всѣхъ распрощался и заѣзжая къ нимъ по дорогѣ, отъ нихъ изъ дома уже въ путь свой отправился, то не выходили онѣ у меня изъ мыслей во всю почти дорогу. Ласки ихъ, пріятное со мною обхожденіе и всѣ часы съ особливымъ удовольствіемъ у нихъ и съ ними провожденные, воспоминались мнѣ ежечасно; и домъ сей сдѣлался мнѣ такъ милъ, что я его не могъ никакъ забыть. Всего же чаще воспоминалась мнѣ меньшая изъ сихъ дѣвушекъ. Чѣмъ болѣе я ее видалъ и чѣмъ короче я съ ними познакомливался, тѣмъ умнѣе, прекраснѣе и совершеннѣе во всемъ она мнѣ казалась: такъ что я, смотря на нее и любуясь ея красотою, самъ себѣ не однажды въ мысляхъ говорилъ:

«Вотъ, когда бы такую-то Богъ послалъ «мнѣ невѣсту. Не желалъ бы я имѣть лучшей. Ни въ чемъ-то не нахожу я въ ней «ни малѣйшаго несовершенства и недостатка! Какой умъ!... Какая острота и проницательность! Какое свѣдѣніе обо всемъ! «Какъ ласкова, скромна и пріятна въ обхожденіи и какъ прекрасна собою! Какая нѣжность и бѣлизна тѣла, какой «румянецъ, какіе это глаза, какіе взоры, «какая воровская улыбка и какія прелести во всемъ!... Нельзя, кажется, быть «совершеннѣе. Не разстался бы истинно «съ нею и съ таковою, еслибъ случилось «гдѣ отыскать ей подобную... И куда какъ «жаль, что сама она мнѣ родня, а притомъ не старшая, а меньшая дочь у «отца. Еслибъ не то, не то-то подумавъ, «не погнался бы я и за достаткомъ и ни «зачѣмъ инымъ; а рѣшился бы посвататься на ней и не уступилъ никому «другому такой милой и предорогой дѣвушки!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ не одинъ разъ я самъ съ собою говорилъ и разсуждалъ во глубинѣ моего сердца. И какъ образъ ея мечтался мнѣ и во всю почти дорогу, а особливо въ первые дни, то такія же мысли возобновлялися въ душѣ моей и во время путешествія моего,—и такъ часто, что я даже начиналъ тому уже и дивиться, и самъ себѣ смѣючись, говорилъ:

«Господи! что это такое?.. Только и «мыслей что объ ней; только она, да «она!.. Ужъ даровое ли, право, это?... «Ужъ не влюбился ли я въ ее? И не «любовь ли уже это шутить надо мною «изволитъ?.. Чего добраго: прелестямъ «такимъ немудрено хоть кого заразить!.. «Однако, я... я... я покорно благодарствую! Мнѣ сего бы очень не хотѣлось. «Пропади она, эта любовь и со всѣми ея «сладостьми! Мнѣ какъ можно надобно «отъ нея остерегаться. Заразитъ, проклятая, такъ и самъ себѣ не радъ будешь».

Не успѣлъ я симъ образомъ самъ о себѣ усумниться и воспріять нѣкоторое подозрѣніе, какъ при помышленіи дорогою на досугѣ часъ-отъ-часу болѣе о томъ, пришла мнѣ на мысль вся прежняя моя философія и всѣ правила ея, которымъ положилъ я слѣдовать во все теченіе жизни моей. Я вспоминалъ все, что предписуется ею въ такихъ случаяхъ, и положилъ съ того же часа начать преоборать страсть сію, употребляя къ тому всѣ предписуемыя ею средства. И какъ главнѣйшимъ средствомъ почиталось то, чтобъ не давать мыслямъ о томъ возобновляться часто, но чтобъ оныя прогонять и пробудившіяся тотчасъ засыплять опять, то и практиковался я въ томъ во всю дорогу, и имѣлъ въ томъ, какъ казалось, и успѣхъ довольно хорошій: такъ, что, при окончаніи путешествія сего, чувствовалъ я себя уже гораздо спокойнѣйшимъ, нежели при началѣ.

Впрочемъ, кратковременное путешествіе сіе кончилъ я благополучно, и не произошло со мною въ ѣзду сію ничего особливаго. Я нашелъ сестру свою одну, съ дѣтьми ея, дома; ибо зятя моего не было тогда еще дома: онъ продолжалъ еще свою военную службу и его только-что начинали ждать въ отставку.

Не могу изобразить, какъ много обрадована была сестра моя моимъ пріѣздомъ. Она позабыла почти всю болѣзнь свою и казалась выздоровѣвшею совершенно. Не видавъ меня никогда еще въ совершенномъ возрастѣ и разставшись въ послѣдній разъ со мною за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, когда я былъ почти еще ребенкомъ, не могла она въ сей разъ довольно насмотрѣться на меня. Всѣ ея дѣти облипли вокругъ меня и старались другъ друга превзойтить своими ко мнѣ ласками. Ихъ было у ней тогда четверо: три дочери и одинъ сынъ. Я старшихъ двухъ только видѣлъ, но видѣлъ тогда, какъ были онѣ еще въ колыбели; а третья дочь и сынъ родились уже послѣ: слѣдовательно, всѣ они были мнѣ еще незнакомы. Дѣвочки были всѣ уже на возрастѣ, а мальчикъ еще ребенкомъ и учился тогда только-что ходить.

Что касается до самой сестры моей, то въ тѣ 12 лѣтъ, въ которыя я ее не видалъ, она такъ много перемѣнилась и такъ предъ

прежнимъ похудѣла, что я съ трудомъ бы ее и узнать могъ, еслибъ случилось мнѣ увидѣть ее гдѣ-нибудь въ незнакомомъ домѣ. Тогдашняя ея болѣзнь была хотя не слеглая, однако такая, что не дозволяла ей почти выѣзжать со двора, а иногда даже сходить съ постели. Страдала она сперва долго жестокою зубною болѣзнію. Но сія болѣзнь произвела потомъ другую во рту и въ деснахъ, казавшеюся сперва совсѣмъ не опасною, но послѣ сдѣлавшаяся для ея самою бѣдственною и лишившею ее даже самой жизни. Но тогда не было нимало и похожаго на то, а всѣ почитали ее ничего незначущею.

Я пробылъ тогда у сей сестры своей не болѣе недѣли, и за безпрерывными къ себѣ ласками и не видалъ, какъ протекло сіе время. Она старалась угостить меня какъ можно лучше и выискивала все, что только можно было къ сдѣланію мнѣ дней сихъ веселѣйшими. Она дала знать всѣмъ своимъ сосѣдямъ о моемъ пріѣздѣ, и всѣ они перебывали у насъ и напрерывъ другъ предъ другомъ изъявлять также мнѣ свои ласки. А къ инымъ и такимъ, которымъ самимъ у насъ быть было не можно, ѣздили сами мы съ сестрою.

Ей хотѣлось невѣдомо какъ, чтобъ всѣ они меня узнали и получили обо мнѣ такое же выгодное и хорошее мнѣніе, какое имѣла обо мнѣ сама она, и болѣе для того, чтобъ слухъ обо мнѣ распространился въ тамошнихъ окрестностяхъ и могъ бы помочь мнѣ, вслучаѣ, еслибъ вздумалось мнѣ—такъ какъ ей весьма хотѣлось — въ тамошнихъ мѣстахъ жениться. Она и непреминула заговаривать мнѣ о томъ не одинъ разъ; но я отдѣлывался и отъ нея тѣмъ же, чѣмъ отъ другихъ, то-есть, чтобъ сыскала она мнѣ невѣсту. Она и бралась мнѣ сыскать, еслибъ я только согласился пожить у ней подолѣе. Но какъ самаго сего мнѣ сдѣлать было невозможно, то краткость времени недозволила ей учинить тому и начало. А потому сіе при однихъ словахъ о томъ тогда и осталось.

Изъ постороннихъ домовъ, въ которые намъ тогда ѣздить случалось, памятны мнѣ наиболѣе три дома. Первый былъ, наипочтеннѣйшій во всемъ тамошнемъ околоткѣ, старика господина Баклановскаго, по имени Константина Ивановича. Сей умный и сѣдинами украшенный мужъ, доводился какъ-то сродни моему зятю, и будучи знакомъ покойному отцу моему, весьма охотно хотѣлъ меня видѣть. Я ѣздилъ къ нему одинъ и нашелъ его отъ старости слабымъ и обкладеннымъ своими книгами, до которыхъ онъ былъ охотникъ. Онъ былъ очень мнѣ радъ, и не могъ со мною довольно обо всемъ и обо всемъ наговориться, и за знанія и свойства мои такъ меня полюбилъ, что отзывался всѣмъ обо мнѣ съ великою похвалою и называя меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ.

Другой и также знаменитый домъ принадлежалъ одной почтенной старушкѣ, госпожѣ Калычевой, Катеринѣ Ѳедоровнѣ, которая въ особливости дружна была съ моею сестрою и имѣла у себя сына, охотника до наукъ, и бывшаго потомъ мнѣ пріятелемъ. У сей были мы вмѣстѣ съ сестрою моею. И старушка такъ меня полюбила, что не могла довольно расхвалить меня.

А въ третьемъ жилъ господинъ Коржавинъ, мой старинный послуживецъ, однополчанинъ и самой тотъ, который былъ моимъ капитаномъ. Сей не могъ нарадоваться, меня увидѣвъ, и я ласками его былъ чрезвычайно доволенъ.

Словомъ, я имѣлъ какъ-то счастіе всѣмъ тамошнимъ сосѣдямъ полюбиться, и какъ всѣ они меня ласкали, то и было все время тогдашняго пребыванія моего у сестры для меня очень не скучно и наполнено таками пріятностьми, что я охотно бы согласился, по желанію сестры моей, пробыть у ней и долѣе, еслибъ не подошла нечувствительно и самая масляница, которую неотмѣнно хотѣлось мнѣ взять въ Москвѣ и видѣть всѣ приуготовляемыя тамъ увеселенія. Но, ахъ, еслибъ я могъ тогда предвидѣть, что былъ этотъ послѣдній уже разъ, что я видѣлъ сестру

мою, то пренебрегъ бы все и остался у нея долѣе. Но какъ сего и мыслить тогда было не можно, а я, напротивъ того, надѣялся скоро имѣть удовольствіе опять ее видѣть, и давалъ ей вѣрное слово пріѣхать къ ней на должайшее время, то не стала она и сама меня долѣе держать и препятствовать моему отъѣзду.

Итакъ, распрощавшись съ моею сестрою, провожавшею меня съ пролитіемъ многихъ слезъ, поѣхалъ я отъ нея съ слезами на глазахъ, власно какъ предчувствуя, что я ее болѣе уже не увижу, и успѣлъ пріѣхать въ Москву еще довольно благовременно.

Я нашелъ тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами о имѣющемъ быть вскорѣ уличномъ маскарадѣ. Какъ зрѣлище сіе было совсѣмъ новое, необыкновенное и никогда, не только въ Россіи, но и нигдѣ небывалое, то всѣ дожидались того съ великою нетерпѣливостію. Новой нашей императрицѣ угодно было позабавить себя и всю московскую публику симъ необыкновеннымъ и сколько, съ одной стороны, великолѣпнымъ, столько, съ другой стороны, весьма замысловатымъ и крайне пріятнымъ и забавнымъ зрѣлищемъ.

Маскарадъ сей имѣлъ собственною цѣлію своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ онъ былъ «торжествующею Минервою». И процесія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличныя и для каждаго предмета нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни. Предъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры, гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія; а индѣ шли преогромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато, и всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что неинако, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно.

Какъ шествіе всей этой удивительной процесіи простиралось изъ Нѣмецкой слободы по многимъ большимъ улицамъ, то стеченіе народа, желавшаго сіе видѣть, было превеликое. Всѣ тѣ улицы, по которымъ имѣла она свое шествіе, напичканы были безчисленнымъ множествомъ людей всякаго рода; и не только всѣ окны домовъ наполнены были зрителями благородными, но и всѣ промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявшихъ на сдѣланныхъ нарочно для того подлѣ домовъ и заборовъ подмосткахъ. Словомъ, вся Москва обратилась и собралась на край оной, гдѣ простиралось сіе маскарадное шествіе. И всѣ такъ онымъ прельстились, что долгое время не могли сіе забавное зрѣлище позабыть; а пѣсни и голоса оныхъ такъ всѣмъ полюбились, что долгое время и нѣсколько лѣтъ сряду увеселялся ими народъ, заставливая вновь ихъ пѣть фабричныхъ, которые употреблены были въ помянутые хоры и научены пѣснямъ онымъ.

Мнѣ, при помощи помянутаго родственника моего г. Бакѣева, удалось получить наилучшее мѣсто для смотрѣнія сего всенароднаго зрѣлища. Какъ онъ служилъ при полиціи, то не трудно ему было пріискать для всѣхъ своихъ знакомцовъ особый и покойный домъ, гдѣ компанія наша могла занять всѣ окны. Тутъ была наша княгиня, тутъ были его родные и нѣкоторые другіе. Но я такъ охотно хотѣлъ видѣть внятнѣе сіе необыкновенное зрѣлище, что не восхотѣлъ смотрѣть въ окны изъ-за боярынь, а желая имѣть болѣе простора, сошелъ внизъ на дворъ и, выбравъ себѣ любое

мѣсто на сдѣланномъ подлѣ забора помостѣ, смотрѣть оное на свободѣ оттуда. А какъ по счастію случилась на тотъ разъ и погода самая умная, то-есть, сѣрая, тихая и умѣренная, и не было ни ло, ни хотеплодно слишкомъ, то и было мнѣ смотрѣть очень хорошо.

Кромѣ сего, помянутый родственникъ мой, у котораго въ домѣ я въ сіе время почти всякій день бывалъ, доставилъ мнѣ и другое, и для меня особенное удовольствіе, а именно, свозилъ меня съ собою въ придворный театръ и далъ случай видѣть придворными актерами самую ту трагедію представляемую, которая мнѣ была почти вся наизусть знакома: а именно, «Хорева». Театръ сей былъ тогда еще деревянный и построенный на полѣ, неподалеку отъ Головинскаго дворца, и набитъ былъ въ сей разъ такимъ множествомъ народа, что мы насилу могли съ нимъ выгадать себѣ мѣстечко въ партерахъ. И удовольствіе, которое я имѣлъ при смотрѣніи сей трагедіи, было неописанное, а не менѣе увеселяла слухъ мой и придворная музыка.

Впрочемъ, какъ тогда въ Москвѣ не было еще такихъ публичныхъ маскарадовъ и съѣздовъ, какіе введены въ обыкновеніе послѣ, а особливо по построеніи большого каменнаго московскаго петровскаго театра, а всѣ таковые балы и маскарады даваны были только при дворѣ во дворцѣ Головинскомъ, а туда не всѣмъ можно было имѣть входъ, а мѣста мало было и для однихъ знатныхъ; то въ сихъ и не могли мы имѣть ни малѣйшаго соучастія, а довольствовались уже своими, приватными съѣздами и вечеринками, а днемъ—катаніемъ и ѣздою въ саняхъ по всѣмъ лучшимъ улицамъ и къ горамъ, на которыхъ народъ веселился катаньемъ.

Въ сихъ безпрерывныхъ увеселеніяхъ препрводилъ я всю тогдашнюю масляницу. Я стоялъ на прежней своей квартирѣ, и не выпрягалъ почти лошадей за ежедневнымъ разъѣзжаніемъ по гостямъ. Во всѣхъ знакомыхъ мнѣ домахъ бывалъ я по нѣскольку разъ, и не одинъ разъ получалъ случай кой-гдѣ и потанцовать, а особливо въ домѣ у княгини Долгоруковой, гдѣ бывали часто превеликія собранія, музыка и самые танцы.

Но нигдѣ мнѣ такъ весело не было и нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ не препровождалъ я свое время, какъ въ домѣ у помянутаго г. Бакѣева. Къ сему дому сдѣлался я, власно какъ привязаннымъ нѣкакими пріятными цѣпями. И хотя, будучи въ ономъ, нерѣдко напоминалъ то, что я думалъ дорогою, ѣдучи въ Кашинъ и, всходствіе тогдашняго предпріятія, бдилъ наистрожайшимъ образомъ надъ самимъ собою и держалъ въ совершенномъ обузданіи свой языкъ и взоры; но съ своимъ сердцемъ хотя и хотѣлъ, но не могъ я столь же легко ладить: оно выбивалось изъ-подъ моей власти, и, получая въ себя часъ-отъ-часу глубочайшія впечатлѣнія, наполняло всю душу мою нѣкакою смѣсью изъ удовольствія, пріятности, тоски, скуки и безпокойства. И я не знаю, чѣмъ бы могло все сіе кончиться, еслибъ не поспѣшилъ наступить великій постъ и не прервалъ всѣ наши съѣзды и увеселенія.

Теперь, напоминая исторію моей петербургской службы и то, что пересказывалъ вамъ тогда о знакомствѣ и произшествіяхъ у меня съ г. Орловымъ, любопытны можетъ быть вы будете узнать: не случилось ли мнѣ въ сію мою московскую бытность гдѣ-нибудь сего человѣка видѣть, или не старался ли я самъ о томъ, чтобъ его отыскать и съ нимъ видѣться? На сіе скажу вамъ, л. п., что ни того, ни другого не было, и причиною тому, во-первыхъ, было то, что мнѣ нигдѣ-таки не случилось повстрѣчаться и его видѣть, поелику былъ онъ въ сіе время великимъ уже человѣкомъ и первѣйшимъ фаворитомъ у императрицы, и всегдашнее свое пребываніе имѣлъ во дворцѣ и находился безотлучно при государынѣ; во дворцѣ же мнѣ ниодна͏жды быть не случилось, а нарочно добиваться такого случая, чтобъ тамъ быть, или къ нему прямо адресоваться, какъ-то не имѣлъ я ни малѣйшаго желанія и охоты.

Съ одной стороны, удерживала меня не-

извѣстность того, узнаетъ ли онъ меня и какъ приметъ: съ прежнимъ ли ко мнѣ дружелюбіемъ и ласкою, или, по тогдашней великости своей, съ хладнокровіемъ, или еще съ самимъ презрѣніемъ, за несоотвѣтствованіе мое его желанію, или, какимъ-нибудь образомъ, еще того хуже,— что для меня было бы очень тяжело и несносно. А съ другой, останавливало меня и тогдашнее мое душевное расположеніе.

Будучи удаленъ отъ всякаго честолюбія и всего меньше обуреваемъ сею, толь многимъ людямъ свойственною страстію, а достигнувъ до того, чего единаго такъ издавна желала душа моя, то-есть, мирной, спокойной и свободной деревенской жизни, и былъ я, при всемъ маломъ моемъ чинѣ и достаткѣ, такъ состояніемъ своимъ доволенъ, что невожделѣлъ въ томъ никакой перемѣны. И мысль, что вслучаѣ и самаго лучшаго и благопріятнѣйшаго пріема, не сталъ бы онъ мнѣ совѣтовать вступить опять въ службу и предлагать мнѣ какое-нибудь мѣсто, и опасеніе, чтобъ, соблазнившись тѣмъ, не могъ бы я потерять опять того, чѣмъ благодѣтельной судьбѣ угодно было меня одарить сверхъ всякаго моего чаянія и ожиданія; а всего паче, твердое наблюденіе стариннаго своего философическаго правила, чтобъ, по совершенной неизвѣстности тогда, гдѣ можно найтить, гдѣ потерять,—ничего самому не искать и усильно не добиваться, а ожидать всего отъ случая, или паче, отъ произволенія и распоряженія Промысла Господня, останавливала меня всегда, когда ни случалось мнѣ помышлять о господинѣ Орловѣ и о сысканіи случая съ нимъ видѣться, — и побуждала всякій разъ, изъ любви къ спокойствію и свободѣ, махнувъ рукою, самому себѣ говорить: «И! Богъ съ ними и со всѣмъ! ищи еще, хлопочи и добивайся; а что будетъ и чѣмъ кончится, того всего нимало еще неизвѣстно... Почему знать? можетъ быть, вмѣсто мнимой пользы надѣлаю я себѣ еще вреда множество и вплетуся чрезъ то въ такія сѣти, изъ которыхъ не буду знать какъ и выпутаться назадъ, и ввергну себя во множество золъ и въ такія обстоятельствы, которымъ и не радъ буду, и тысячу разъ въ томъ раскаяваться стану. А не лучше ли остаться при томъ, что, по благости Господней, я имѣю? И! былъ бы только у меня мой Богъ и Его ко мнѣ милосердіе, а то буду я и сытъ и доволенъ всѣмъ и безъ всѣхъ такихъ искательствъ и домогательствъ чего-нибудь лучшаго». А по всему тому и не произвели всѣ случавшіяся помышленія о томъ никакого на меня дѣйствія и я оставался съ сей стороны спокойнымъ.

Итакъ, заговѣвшись, сталъ я помышлять уже о своемъ отъѣздѣ. Однако, не прежде поѣхалъ изъ Москвы, какъ уже на второй недѣли великаго поста; а первую препроводилъ я отчасти въ исправленіи достальныхъ своихъ покупокъ, отчасти въ говѣньѣ и богомольѣ. Дядя мой присовѣтовалъ мнѣ говѣть съ нимъ вмѣстѣ въ сію первую недѣлю, почему и остался я для сего на всю ону-ию и пр общался св. Таинъ въ помянутой церкви Климента папы римскаго.

По наступленіи-жъ второй недѣли не сталъ я уже болѣе медлить и жить въ Москвѣ; но распрощавшись со всѣми моими родными и знакомцами и оставивъ дядю моего заниматься своими приказными хлопотами до самаго послѣдняго пути, пустился въ обратный изъ Москвы путь, въ милое и любезное свое уединеніе, и повезъ съ собою хотя множество списканныхъ новыхъ знаній и общихъ понятій, но сердце не столь свободное и спокойное, съ какимъ пріѣхалъ; однако, нельзя сказать, чтобъ и слишкомъ безпокойное. Ибо, не успѣлъ я пріѣхать въ деревню и заняться прежними своими литературными упражненіями, какъ и позабыто было скоро почти все, и я сдѣлался столько же спокоенъ, какъ былъ и прежде.

Окончавъ симъ образомъ свою московскую поѣздку, окончу я и сіе мое письмо, какъ достигшее уже до своихъ предѣловъ, и скажу вамъ, что я есмь и прочее.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ И УПРАЖНЕНІЯ.

Письмо 107-е.

Любезный пріятель. Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ жилъ и веселился въ Москвѣ, происходили въ деревнѣ у насъ другія увеселенія, и такія произшествія, которыя были для меня весьма непріятны, и кои произвели во мнѣ великую досаду, какъ, возвратясь въ домъ, объ нихъ услышалъ.

Въ дачахъ нашихъ находился одинъ молодой заказъ, подлѣ деревни нашей, Болотовой, воспитанный и береженный уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и лѣсокъ столь прекрасный, что я, видая оный осенью, не могъ имъ довольно налюбоваться. Сей-то прекрасный и почти единый молодой, какой мы имѣли, вздумалось нашимъ деревенскимъ жителямъ срубить весь безъ насъ до основанія, и чрезъ то единымъ разомъ разрушить всю нашу на него надежду.

Я ужаснулся и обомлѣлъ даже, когда увидѣлъ на дворѣ у себя весь колясочный сарай, набитый сплошь и до самаго верха и установленный стоймя симъ лѣсомъ, который успѣлъ уже вырость въ нарочитое бревешко. Усачъ прикащикъ мой, зазвавъ меня въ оный, вздумалъ тѣмъ еще похвастать, и надѣялся получить за то отъ меня великую себѣ благодарность.

— «Посмотрите-ка, сударь», сказалъ онъ: «сколько наготовилъ я вамъ дровъ— на круглый годъ ихъ станетъ!»

— И!... да гдѣ ты такую пропасть взялъ? спросилъ я его, удивяся.

— «Гдѣ, отвѣчалъ онъ: въ молодомъ заказѣ Болотовскомъ».

— Да кто себѣ дозволилъ его рубить?

— «Никто не дозволялъ; а его болѣе нѣтъ», сказалъ онъ: «весь его снесли до хворостинки. И еслибъ я немного помедлилъ, такъ бы ничего не засталъ, и этогобъ не было?

Обомлѣлъ я сіе услышавъ, и не хотѣлъ-было почти вѣрить словамъ его — такъ было мнѣ жаль заказа!

— Да умилосердись, какъ это сдѣлалось: разскажи ты мнѣ порядочнѣе?

— «А вотъ какъ», отвѣчалъ онъ мнѣ:«вы знаете, что лѣсъ сей у насъ общій у всѣхъ; но мы никто до сего времени въ немъ не рубили, но болѣе двадцати лѣтъ берегли. Но нынѣ, безъ васъ, вздумалось что-то дѣдушкѣ вашему Никитѣ Матвѣевичу послать въ него всѣхъ крестьянъ своихъ и приказать рубить. А не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ поѣхали и дядюшкины; а на нихъ смотря, и всѣ наши деревенскіе: и ну его рубить сподвалъ, и какъ ни попало взахватъ. Я, видя, что его всѣ рубятъ денно и нощно, разсудилъ, что и мнѣ отставать отъ другихъ не можно. И такъ, противъ хотѣнія, принужденъ и я всѣхъ своихъ послать и такимъ же образомъ велѣть рубить. И вотъ сколько мы навозили; а такимъ же образомъ завалены теперь и всѣ крестянскіе дворы и здѣсь и въ Болотовѣ. Всякій рубилъ, кто только могъ и хотѣлъ: и въ три дни всего заказа какъ не бывало!»

— Куда какъ хорошо, вздохнувъ, отвѣчалъ я. И вотъ слѣдствія общаго чрезполоснаго владѣнія! Но можно-ль было ожидать того отъ его превосходительства?.. Ну, скажетъ же ему дядюшка мой за то спасибо!

Но что мы съ нимъ ни говорили, но заказа нашего какъ не бывало, и превосходительный нашъ господинъ генералъ умничаньемъ своимъ сдѣлалъ насъ на долгое время безъ дровъ и безъ лѣса.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того, съѣхалъ съ Москвы и дядя мой и пріѣхалъ жить къ намъ на все лѣто съ женою своею въ деревню. Я былъ очень радъ его пріѣзду, ибо съ нимъ могъ я и видѣться чаще, и время свое препровождать сколько-нибудь пріятнѣе, нежели съ другими. Итакъ, покуда продолжалась зима, то дѣлилъ я свое время съ нимъ и съ моими книгами. За сіи непреминулъ я приняться опять, какъ скоро возвратился изъ Москвы въ деревню и онѣ, вмѣстѣ съ красками и кистями, которыми, будучи въ Москвѣ запасся, замѣняли мнѣ много недостатокъ общества. Кромѣ ихъ занималъ меня много и вышедшій изъ

наукъ столяръ мой. Я снабдилъ его всѣми нужными инструментами, и мы тотчасъ начали съ нимъ кое-што шишлить, мастерить и работать. Я указывалъ и надоумливалъ его въ томъ, чего онъ еще не разумѣлъ, и отмѣнное его удобопонятіе ко всему меня радовало и веселило.

Посреди всѣхъ сихъ упражненій я и не видалъ какъ прошла достальная часть зимы; а не успѣла весна начать вскрываться, какъ множество разнообразныхъ новыхъ дѣлъ и упражненій дожидались уже меня и готовились занимать собою и умъ мой и мои члены, въ сердцѣ же водворять мало-по-малу всѣ пріятности уединенной и свободной сельской жизни.

Какъ весна сія была еще первая, которую въ совершенномъ возрастѣ и научившись любоваться красотами натуры, препровождалъ я тогда въ деревнѣ, то не могу изобразить, сколь безчисленное множество наипріятнѣйшихъ и невинныхъ радостей и забавъ доставила она мнѣ во все продолженіе теченія своего.

Не успѣли начаться первыя тали, какъ единое приближеніе весны производило въ душѣ моей уже нѣкакое особое удовольствіе. Я смотрѣлъ на возвышающееся съ каждымъ днемъ выше и яснѣе уже свѣтящее солнце; смотрѣлъ на тающій отчасу болѣе снѣгъ, на помрачающую зрѣніе бѣлизну полей, власно какъ горящія отъ лучей ярко свѣтящаго на нихъ солнца; примѣчалъ первѣйшія прогалинки на поляхъ, первѣйшіе бугорки, обнажавшіеся отъ снѣга и чернѣющіеся вдали; смотрѣлъ на капли первыхъ вешнихъ водъ, упадающія съ кровель на землю, на маленькіе ручейки, составляющіеся изъ оныхъ и подъ снѣгъ паки уходящіе и всѣмъ, тѣмъ предварительно уже утѣшался. Когда же началась половодь, то, о! съ какимъ восхищеніемъ смотрѣлъ я на прекрасную сію половодь, бываемую всегда на рѣчкѣ нашей. Я избралъ въ саду своемъ на самомъ ребрѣ горы своей наилучшее мѣсто для смотрѣнія оной, протопталъ туда тропинку по снѣгу и тогда еще положилъ въ мысляхъ своихъ сдѣлать современемъ тутъ бесѣдочку себѣ.

Я ходилъ туда всякій день и не могъ довольно налюбоваться множествомъ огромныхъ льдинъ, несомыхъ внизъ по водѣ сквозь селеніе наше. Всѣ онѣ по нѣскольку разъ въ день спирались подъ горою противъ самаго двора моего и производили страшный ревъ и шумъ водою, продирающеюся между ихъ; а лучи полуденнаго солнца, ударяя объ нихъ и о безчисленныя струи и брызги воды вешней, ослѣпляли почти зрѣніе и представляли наипріятнѣйшее и такое для глазъ зрѣлище, которому довольно насмотрѣться было не можно. Крикъ и радостныя восклицанія юныхъ обитателей селенія нашего, бѣгущихъ вслѣдъ за льдинами, плывущими внизъ по рѣкѣ и подбираніе ловимой отцами ихъ рыбы, присоединялися къ зрѣлищу сему, и, утѣшая слухъ мой, увеселяли меня еще болѣе,—такъ, что нетерпливалъ я и сбѣгалъ внизъ съ горы къ самой рѣкѣ нашей, чтобъ насладиться всѣми новыми для меня зрѣлищами сими ближе.

Случившаяся въ самое почти то же время святая недѣля и сельское оной торжествованіе, соединенное съ забавами особаго рода, увеличили еще болѣе мое удовольствіе. Уже многіе годы не видалъ я сего торжества въ своей деревнѣ, милаго и любезнаго мнѣ отъ самаго младенчества; и потому дожидался съ вожделѣніемъ сего праздника и проводилъ оный весьма весело.

Вскорѣ потомъ открывшаяся весна, съ оживающею своею зеленью и развертывающимися деревьями, отворила мнѣ путь къ новымъ и безчисленнымъ забавамъ и увеселеніямъ. Вся натура была мнѣ отверзтою, и я впервые еще тогда могъ на свободѣ и сколько хотѣлъ ею пользоваться и всѣми ея пріятностьми, красотами и великолѣпіями наслаждаться. Не могу изобразить какъ пріятна и утѣшна была для меня сія первая весна, и какъ много веселился я всѣми окружающими меня разными предметами и происходящими всякой день съ ними перемѣнами.

Сперва утѣшали меня самыя распуколки древесныхъ листовъ, тамъ младая и нѣж-

ная зелень листочковъ и пріятная разноцвѣтность оныхъ; а потомъ, веселилъ зрѣніе мое самый цвѣтъ всѣхъ плодовитыхъ деревъ, соединенный съ безчисленными и разными цвѣтами, разсѣянными натурою по бархатнымъ коврамъ распростертымъ по землѣ. Я любовался ими и любовался положеніями мѣстъ вокругъ жилища моего. Всѣ они были прекрасны, всѣ мнѣ милы, всѣ утѣшали зрѣніе и услаждали чувствованія сердца моего,—и я не могъ довольно навеселиться ими. Пѣніе пташекъ, налетѣвшихъ въ превеликомъ множествѣ въ сады и рощи мои, а особливо восхитительные крики соловья, слышимые повсюду и гремящіе по вечерамъ во всѣхъ садахъ моихъ и рощахъ, увеличивали еще болѣе пріятность ощущеній моихъ. И сколь многія минуты были ими наполнены тогда!

Не было дня, въ которой бы я, стрываясь отъ прочихъ моихъ упражненій, по нѣскольку разъ не выходилъ изъ дома въ рощи, или сады свои: и либо сидючи въ совершенномъ уединеніи на какомъ-нибудь пріятномъ бугоркѣ, на хребтѣ своей горы прекрасной, либо стоявши, прислонясь спиною къ какому-нибудь дереву и простирая взоры на прекрасные дальни и мѣстоположенія окрестныя; либо расхаживая взадъ и впередъ по тропинкамъ, пробитымъ мною въ садахъ моихъ подъ тѣнью и вѣтвями деревъ плодовитыхъ,—не углублялся я въ размышленія различныя, и когда пріятныя и чувствительныя, когда важныя и глубокія—и не производилъ ими въ себѣ чувствованій столь пріятныхъ и сладкихъ, что за ними забывалъ все прочее на свѣтѣ, и благодарилъ только судьбу свою, что она доставила мнѣ, наконецъ, то, чего желало только сердце мое: то-есть свободную и мирную деревенскую жизнь.

Совсѣмъ тѣмъ, неупускалъ я заниматься и экономіею сельскою и посвящать ей знаменитую часть празднаго времени своего. Втеченіе зимы имѣлъ я довольно досуга къ тому, чтобъ обдумать всѣ части оной и позамѣтить въ мысляхъ своихъ что̀ и что̀ сдѣлать бы мнѣ въ теченіе наступающей весны, лѣта и осени.

Не хотя вести домоводства своего такъ слѣпо и съ такимъ небреженіемъ, какъ ведутъ его многіе, а желая основать оное колико можно порядочнѣе и лучше, завелъ я всему порядочныя записки, переписалъ всѣ замышляемыя дѣла, всѣ нужныя поправленія старыхъ вещей и всѣ затѣваемыя вновь заведенія и предпріятія, и соображаясь съ малолюдствомъ и достаткомъ своимъ, избиралъ то̀, что казалось нужнѣйшимъ предъ другими вещами, и давалъ всегда симъ преимущество предъ такими, кои были либо не столь нужны, либо могли терпѣть еще нѣсколько времени. А всегдашнее наблюденіе сего правила и порядка въ самыхъ работахъ и помогло мнѣ очень много въ моемъ домоводствѣ, и сдѣлало то, что я очень немногими людьми и въ самое короткое время успѣлъ произвесть то, чего иные и многими людьми и несравненно въ должайшее время произвести не въ состояніи.

Всѣ сіи упражненія относились въ теченіи сего лѣта наиглавнѣйше только къ двумъ предметамъ: къ зданіямъ и садамъ моимъ. Первыми какъ ни располагался я не спѣшить, но какъ нужду терпѣлъ я и въ первѣйшей потребности житейской, то-есть, ту, что мнѣ жить было негдѣ, ибо домъ мой былъ уже слишкомъ ветхъ и староманеренъ, и тѣ комнаты, гдѣ я сначала расположился жить, были и скучны, и темны, и дурны, и совсѣмъ не по моимъ мыслямъ; то расположился я воспользоваться находящеюся въ концѣ хоромъ за сѣньми нежилою и повидимому довольно еще крѣпкою двоенкою, и не только сдѣлать изъ нихъ для житья себѣ два порядочныхъ покойца, но присовокупить къ нимъ еще и третій, сдѣлавъ оный изъ задней половины переднихъ большихъ и просторныхъ сѣней.

Итакъ, рѣшившись предпріять сіе дѣло, которое бы встарину почтено было смертнымъ грѣхомъ и неслыханнымъ отважнымъ предпріятіемъ, неуспѣлъ я дождаться приближенія весны, какъ и должны были плотники прорубать стѣны и

проваливать гдѣ двери, гдѣ мѣста подъ печь, гдѣ окошки большія, гдѣ забирать вновь стѣны, гдѣ изъ дверей дѣлать окны, и такъ далѣе. И работа, по указанію и распоряженію моему, пошла съ такимъ успѣхомъ, что усачъ прикащикъ мой, смотря на все сіе, молчалъ и пожималъ только плечами: ибо ему такихъ отважныхъ предпріятій неприходило никогда и въ голову. А увидѣвъ чрезъ короткое время прекрасные и веселые покойцы, въ которыхъ жить никому было не стыдно, не вѣрилъ почти глазамъ своимъ, и только удивлялся, какъ я успѣлъ все то такъ скоро и хорошо сдѣлать.

Сіе и дѣйствительно такъ было: ибо мнѣ какъ-то удалось очень скоро всю сію работу кончить и нажить себѣ три, хотя небольшія, но прекрасныя и веселыя комнатки, съ большими окнами,—и не только съ подбитыми холстиною и выбѣленными потолками, но и обитыя самимъ мною по холстинѣ и довольно хорошо разрисованными обоями. Одинъ и величайшій изъ сихъ покойцевъ, сдѣланный изъ бывшей до сего харчевой свѣтлички, составлялъ у меня нѣкоторой родъ гостинной или передней. Я освѣтилъ его тремя большими и порядочными окнами: одно изъ нихъ было на дворъ, а два прорублены вновь въ садъ, гдѣ предъ самыми оными отгородилъ я особый огородецъ и сдѣлалъ порядочный цвѣтничокъ. Для нагрѣванія же онаго снабдилъ его особою, и хотя кирпичною, но порядочно складеною и мною расписанною печкою. Обои же въ ономъ сдѣлалъ я свѣтлопурпуровыя съ цвѣточками, и столь красивыя, что горенка сія была хоть куда.

Второй покоецъ сдѣлалъ я своею спальнею, превративъ ее изъ старинной темной кладовой и соединивъ съ первымъ дверьми, освѣтилъ его двумя большими окнами, которыя оба были въ садъ. И какъ одно изъ нихъ было на полдень, то сіе и придавало обоимъ симъ покойцамъ довольно свѣтлости. Я обилъ стѣны сего желтыми и также росписными обоями.

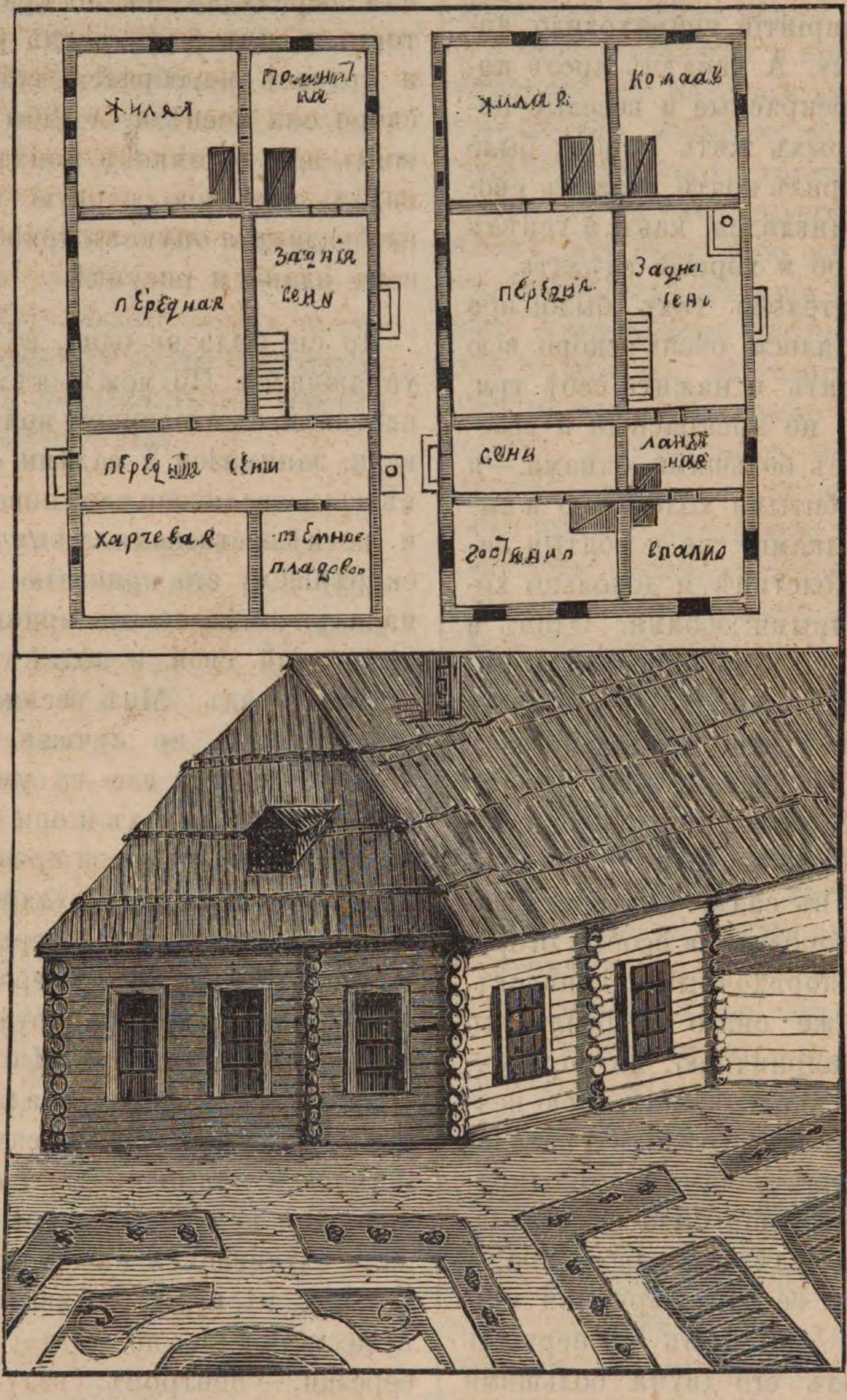
Третій, маленькій и изъ задней половины большихъ сѣней сдѣланный покоецъ, составлялъ по нуждѣ и заднюю и лакейскую комнату. Дверьми своими имѣлъ онъ соединеніе и съ передними и задними сѣнями и съ моею спальнею, съ которою и одна печь его нагрѣвала.

Сія-то была первая въ домѣ моемъ внутренняя и далеко еще не-совершенная передѣлка; но, по крайней мѣрѣ, я тогда и симъ былъ очень ужъ доволенъ, и тотчасъ перебрался туда жить, какъ скоро она поспѣла. А дабы любопытнѣйшимъ изъ потомковъ моихъ можно было видѣть сію мою первую передѣлку, то изобразилъ я оную въ приобщенномъ при семъ планѣ и рисункѣ.

Но сіе было не одно, въ чемъ я тогда упражнялся. Но между тѣмъ, покуда сіе плотники съ столяромъ моимъ перестроивали, занимался я садами своими. Я навѣщалъ ежедневно свой новонасажденный и поспѣшествовалъ чѣмъ можно было скорѣйшему его принятію. А сверхъ того началъ по-маленьку приниматься и за старинный свой и подлѣ хоромъ находящійся садъ. Мнѣ весьма хотѣлось и сей привесть въ лучшее состояніе. И какъ тогда всѣ еще съ ума сходили на регулярныхъ садахъ и они были въ модѣ, то хотѣлось мнѣ и сей превратить сколько можно было въ регулярный. Но какъ вдругъ его весь перековеркать я неотважился, то отдѣлилъ сперва одну часть онаго, лежащую къ проулку и превратилъ ее въ регулярную. Я отдѣлилъ часть сію отъ всего прочаго сада двумя длинными, чрезъ всю ширину сада простирающимися и прямо противъ входа расположенными цвѣточными грядками, и сдѣлавъ случившіяся въ срединѣ оной части четыре, въ кучкѣ сидящія и нынѣ еще существующія, но тогда молодыя еще березки, — центромъ, вздумалъ сдѣлать подъ ними осьмиугольную прозрачную рѣшетчатую бесѣдку и, проведя отъ сего центра во всѣ четыре стороны дорожки, сдѣлать тутъ 4 маленькихъ квартальца, окруженные цвѣточными рабатками, а по сторонамъ кой-гдѣ крытыя дорожки, коихъ остатки видны еще и понынѣ, такъ

какъ все то изъ пріобщеннаго присемъ рисунка яснѣе усмотрѣть можно.

Всю же нижнюю и большую часть сего сада оставилъ я еще въ сей разъ въ прежнемъ состояніи. а вычистилъ только и сколько-нибудь оправилъ находившуюся въ концѣ онаго и на самомъ хребтѣ горы, то при семъ случаѣ и имѣлъ я удовольствіе видѣть всѣхъ ихъ въ собраніи, и не могъ довольно надивиться веселому характеру нашего народа, производящему и самыя трудныя и тяжелыя дѣла съ шутками и издѣвками, со смѣхами и играньемъ другъ съ другомъ.

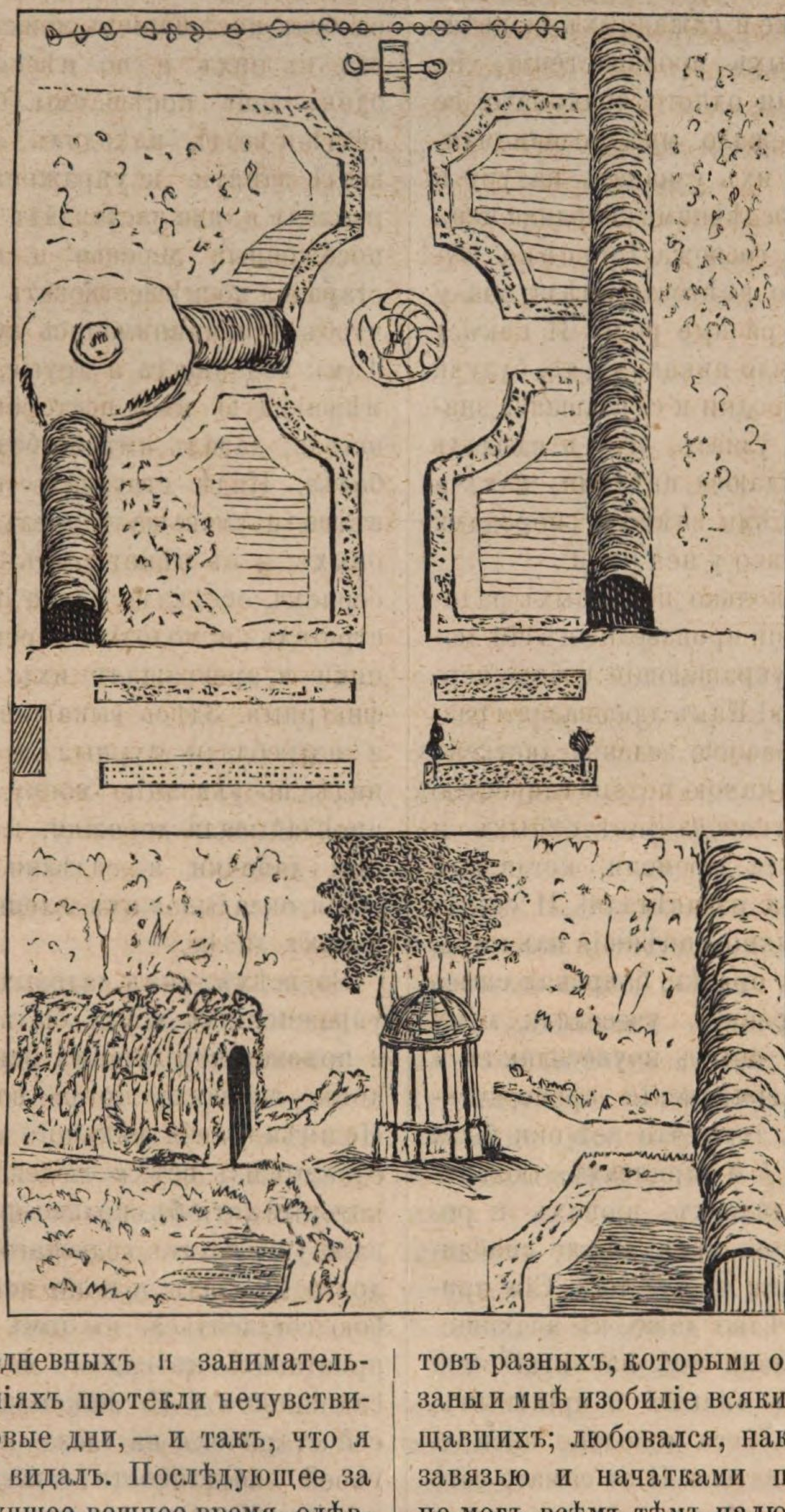

старинную прадѣдовскую сажелку, на плотинѣ которой стоялъ еще издыхающій огромный дубъ, пережившій вѣка многіе. И какъ сіе послѣднее дѣло надлежало производить многими людьми дружно и я принужденъ былъ согнать всѣхъ ближнихъ своихъ крестьянъ и крестьянокъ,

Премногое множество насадилъ я также въ сію весну разныхъ плодовитыхъ и дикихъ деревъ, а особливо въ семъ ближнемъ саду,—гдѣ, къ числу посаженныхъ въ сію весну деревьевъ, принадлежитъ и прекрасная моя большая ель, украшающая нынѣ всю средину сего сада и стоя-

щая посреди еловой площади, и прекрасная моя кронная липа. Первая посажена была маленькою поконецъ одной длинной цвѣточной грядки, а другая при началѣ оной, и обѣ служатъ мнѣ нынѣ памятниками тогдашняго пріятнаго времени.

цвѣтами, умножило еще болѣе мои невинныя сельскія забавы и увеселенія. Я любовался сею разноцвѣтною и прекрасною зеленью, любовался нѣжными молодыми листочками, сотыкающими для меня пріятныя тѣни подъ вѣтвями деревъ и кустарниковъ; любовался тысячами цвѣ-

Въ сихъ ежедневныхъ и занимательныхъ упражненіяхъ протекли нечувствительно всѣ первые дни, — и такъ, что я ихъ почти и не видалъ. Послѣдующее за тѣмъ и самое лучшее вешнее время, одѣвшее всѣ деревья зеленью и украсившее плодоносныя изъ нихъ снѣгоподобными

товъ разныхъ, которыми они всѣ были унизаны и мнѣ изобиліе всякихъ плодовъ обѣщавшихъ; любовался, наконецъ, и самою завязью и начатками плодовъ сихъ, и не могъ всѣмъ тѣмъ налюбоваться и зрѣнія своего насытить довольно. И какое множество пріятныхъ и неоцѣненныхъ

минутъ въ жизни доставила мнѣ уже и первая весна въ деревнѣ! Съ какимъ неописаннымъ удовольствіемъ провождалъ я многіе часы и цѣлые дни въ садахъ своихъ, и сколь разнообразныя и всегда меня занимающія пріятныя упражненія находилъ я для себя въ оныхъ!

Изъ всѣхъ плодовитыхъ деревъ и кустарниковъ, также и сажаемыхъ въ цвѣтникахъ цвѣточныхъ произрастеній, не было мнѣ еще ни одного знакомаго: со всѣми ими надлежало мнѣ познакомливаться и всѣхъ ихъ узнавать натуру и свойствы. Сими послѣдними снабдила меня одна моя сосѣдка, госпожа Трусова. Будучи охотница до цвѣтовъ, имѣла она у себя ихъ многіе разные роды. И какъ у меня вовсе не было никакихъ, то, будучи мнѣ нѣсколько сродни и сдѣлавшись знакомою, неуспѣла узнать, что я сдѣлалъ цвѣтникъ и нуждаюся цвѣтами, какъ и снабдила меня всѣми зимними породами оныхъ, какіе только у нея были.

И, Боже мой! сколько невинныхъ радостей и удовольствій произвели мнѣ сіи любимцы природы, украшающіе собою первыя зелени вешнія! Какъ любовался я разнообразностію и разною зеленью листьевъ и травы ихъ! Съ какою нетерпѣливостію дожидался распукалокъ цвѣточныхъ и самаго того пункта времени, когда онѣ развертывались и разцвѣтали! И самыя простѣйшія и обыкновеннѣйшія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, орлики, боярская спѣсь и гвоздички турецкія, увеселяли меня столько, сколько иныхъ неувеселяютъ и самыя рѣдкія американскія произрастенія, и болѣе отъ того, что всѣ они были мнѣ незнакомы. А о нарцисахъ, тюльпанахъ, ирисахъ, лилеяхъ, піонахъ и розахъ, которыми она меня также снабдила, и говорить уже не для чего. Сіи приводили меня нерѣдко даже въ восхищеніе самое, и сдѣлали мнѣ маленькій мой цвѣтничокъ столь милымъ и пріятнымъ, что я не могъ на него довольно насмотрѣться и налюбоваться. И съ самаго сего дня сдѣлался до цвѣтовъ превеликимъ и такимъ охотникомъ, что непроходило дня, въ который бы не посѣщалъ я его и по нѣскольку разъ не умывалъ рукъ своихъ, замаранныхъ землею при оправливаніи и опалываніи цвѣтовъ своихъ.

А таковые же поводы къ упражненіямъ, а вкупѣ и удовольствіямъ и увеселеніямъ многоразличнымъ подавали мнѣ и другія части садовъ моихъ. Ни одинъ изъ послѣднихъ уголковъ въ оныхъ неоставался безъ посѣщеніевъ моихъ; а многія мѣста въ нихъ и по нѣскольку разъ въ одинъ день посѣщаемы были мною. И вездѣ и вездѣ находилъ я себѣ дѣло и вездѣ занятіе и упражненіе. Здѣсь оправлялъ я, или заставлялъ поливать новопосаженныя деревья и кустарники, и старался поспѣшествовать всячески тому, чтобъ они принимались лучше и скорѣе. Тамъ подчищалъ я другіе, и вырѣзывая мѣшающую имъ постороннюю дрянь и негодь, давалъ имъ свободы и простора болѣе. Индѣ стягивалъ и подвязывалъ вѣтви и уменьшалъ чрезъ то безобразіе оныхъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—либо серпомъ обсѣкалъ, либо ножницами обстригалъ я молодыя деревцы и кустарники и превращалъ ихъ въ кронныя и фигурныя. Здѣсь выкашивали мнѣ траву и истребляли дурныя произрастенія, а индѣ, по указанію моему, прочищали и прокладывали дорожки, и дѣлали земляныя лавочки и сидѣлки для отдохновенія, окладывая ихъ зеленымъ дерномъ,— и такъ далѣе.

Во всѣхъ сихъ садовыхъ занятіяхъ и упражненіяхъ моихъ былъ сотоварищемъ и помощникомъ моимъ одинъ изъ стариковъ, жившихъ тогда во дворѣ моемъ. Не имѣя у себя никакого садовника и ни единаго изъ всѣхъ людей моихъ такого, который хотя-бъ сколько-нибудь зналъ сію важную часть сельскаго домоводства, долго не зналъ я и не могъ самъ съ собою согласиться въ томъ—кого бы мнѣ приставить къ садамъ моимъ и сдѣлать садовникомъ? Но наконецъ, попался мнѣ сей старичокъ на глаза и полюбился по своей заботливости, замысловатости и трудолюбію. Онъ служилъ при покойномъ отцѣ моемъ, бывалъ съ нимъ во всѣхъ походахъ и звали его Сергѣемъ, но из-

вѣстенъ онъ былъ болѣе подъ именемъ Косова. Такъ называлъ его всегда мой родитель, такъ называлъ его я, но наконецъ прозвали его всѣ дядею Серёгою.

Сему-то доброму старичку рѣшился я препоручить всѣ сады мои въ смотрѣніе. И сей-то прежній служитель отца моего, котораго на-старости мы женили и выпустили-было въ крестьяне, но взяли опять во дворъ, былъ и садовникомъ моимъ, и помощникомъ, и совѣтникомъ, и всѣмъ и всѣмъ. И хотя сначала и оба мы чего изъ относящагося до садовъ не нали; но иностранныя книги обоихъ насъ въ короткое время такъ всему научили, что онъ вскорѣ сдѣлался такимъ садовникомъ, какого я не желалъ лучше. И онъ пришелся прямо по мнѣ и по моимъ мыслямъ: ибо не только охотно исполнялъ все, мною затѣваемое и ему повелѣваемое, но по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самыя хотѣнія мои,—чѣмъ наиболѣе онъ мнѣ и сдѣлался пріятнымъ. И я могу сказать, что всѣ прежніе сады мои, разными насажденіями своими и всѣмъ образованіемъ своимъ обязаны сему человѣку. Его рука садила всѣ старинныя деревья, и воспитывала, и обрѣзывала ихъ; и его умъ обработалъ многія въ нихъ мѣста, видимыя еще и понынѣ и служащія мнѣ всегдашнимъ памятникомъ его прилежности и трудолюбія. Словомъ, я былъ симъ служителемъ своимъ, дожившемъ до глубочайшей старости и трудившимся въ садахъ моихъ до послѣдняго остатка силъ своихъ,—такъ много доволенъ, что и понынѣ, при воспоминаніи его и того, какъ мы съ нимъ тогда живали, какъ все выдумывали и затѣи свои производили въ дѣйство, слеза навертывается на глазахъ моихъ, и я, благословляя прахъ его, желаю ему вѣчнаго покоя,—и тѣмъ паче, что преемникъ и ученикъ его, нынѣшній мой главный садовникъ, далеко не таковъ, каковъ былъ сей рачительный и добрый старичокъ.

Наконецъ, книги, сіи всегдашніе и наилучшіе мои друзья и собесѣдники, преподавали мнѣ также многіе поводы къ чистымъ и непорочнѣйшимъ забавамъ и утѣхамъ. Весьма понятно и понынѣ мнѣ еще то, какъ много помогали онѣ мнѣ тогдашнюю, прямо уединенную и отъ всего свѣтскаго шума удаленную жизнь—препровождать въ спокойствіи и удовольствіи совершенномъ, и какъ много съ своей стороны поспѣшествовали всѣмъ тогдашнимъ моимъ увеселеніямъ! При помощи ихъ велъ я тогда жизнь прямо философическую, и большую часть времени своего посвящалъ имъ и наукѣ сельскаго домоводства.

Къ сей, при помощи ихъ же, я такъ прилѣпился, что позабывалъ почти о разъѣзжаніи по гостямъ, но всегда охотнѣе оставался одинъ дома, занимался своими садами и книгами, нежели препровождалъ время въ сообществахъ съ такими сосѣдями и людьми, изъ которыхъ не было ни одного, съ кѣмъ бы можно было молвить разумное словцо и побесѣдовать прямо дружески. Словомъ, весь тогдашній образъ моей жизни былъ особливый, и такъ единообразенъ и простъ, что я могу оной немногими словами описать.

Въ каждое утро, вставъ почти съ восхожденіемъ солнца, первое мое дѣло состояло въ томъ, чтобъ растворивъ окно въ мой садъ и цвѣтничокъ, сѣсть подъ онымъ и полюбоваться красотою натуры и всѣми пріятностями вешняго утра, и вознестись при томъ мыслями къ Производителю всѣхъ благъ и пожертвовать ему первѣйшими чувствіями благодарности за всѣ его къ себѣ милости. Между тѣмъ, какъ я симъ первымъ и пріятнѣйшимъ для себя дѣломъ занимался, готовилъ мой Абрамъ (который продолжалъ и въ деревнѣ мнѣ служить и отправлять должность камердинера, при помощи одного мальчишки, по прозвищу Бабая) мой чай.

Сей былъ у меня въ тогдашнее время особливый. Нѣкогда имѣя нужду полечить себя отъ заболѣвшей груди вареною въ водѣ извѣстною травою буквицею, подслащенною медомъ и приправленною сливками, и продолжая питье сего напитка нѣсколько дней сряду, я

такъ къ нему привыкъ и онъ мнѣ сдѣлался такъ пріятенъ, что я позабылъ совсѣмъ о чаѣ и пилъ вкусный отваръ сей всякое утро съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и самый лучшій чай китайскій. Итакъ, неуспѣю, бывало, встать, какъ чрезъ нѣсколько минутъ и принашивалъ ко мнѣ мой Абрамъ на подносѣ чайничекъ съ вареною буквицею и съ кастрюлечкою съ растопленнымъ медомъ, и съ другою такоюжъ съ согрѣтыми сливками; а Бабай мой слѣдовалъ за нимъ съ раскуренною трубкою съ табакомъ. И я, опорожнивъ ихъ до дна и напившись до сыта, вскидывалъ на себя легкую, простую и спокойную деревенскую одежду, и всунувъ въ карманъ какую-нибудь книжку, спѣшилъ въ сады свои.

Тамъ, ходючи по своимъ аллеямъ и дорожкамъ, любовался я вновь всѣми пріятностями натуры, вынималъ потомъ изъ кармана книжку и, уединясь въ какое-нибудь глухое мѣстечко, читывалъ какія-нибудь важныя утреннія размышленія, воспарялся духомъ къ небесамъ, повергался на колѣна предъ Обладателемъ міра и небеснымъ своимъ Отцемъ и Господомъ и изливалъ предъ Нимъ свои чувствованія и молитвы. Препроводивъ въ томъ нѣсколько минутъ, продолжалъ я хожденіе свое, отыскивалъ своего садовника, приказывалъ ему, что въ тотъ день или часъ ему дѣлать; и обходивъ симъ образомъ и сады свои всѣ, а иногда и всю усадьбу свою, возвращался я паки къ удовольствію въ свою комнату. Тутъ находилъ я всегда уже готовый для себя завтракъ.

Сей состоялъ у меня обыкновенно изъ свареной въ кастрюлечкѣ гречишной каши размазеньки. Приправивъ ее хорошимъ чухонскимъ масломъ, выпоражнивалъ я ее съ особливымъ вкусомъ и пріятностію. Послѣ чего, либо садился на верховую лошадь и выѣзжалъ на свои поля осматривать и производимое хлѣбопашество, либо отхаживалъ опять въ сады и въ тѣ мѣста, гдѣ въ тотъ день производились работы, и присутствовалъ при оныхъ.

Двѣнадцатый часъ возвращалъ меня опять въ мои комнаты. Тутъ дожидался уже меня изготовленный легкій и хотя непышный, но сытный и пріятный деревенскій обѣдъ. И я, насытивъ себя, либо выходилъ опять въ садъ и, между тѣмъ, какъ обѣдали и отдыхали мои люди, занимался тамъ, сидючи гдѣ-нибудь подъ пріятною тѣнью, читаніемъ взятой съ собою пріятной книжки; либо бралъ въ руки кисти и краски и что-нибудь рисовалъ до того времени, покуда работы воспринимали опять свое дѣйствіе и меня къ себѣ призывали. Пріятное же вечернее время посвящалъ я опять увеселеніямъ красотами натуры; и чтобъ удобнѣе ими пользоваться и наслаждаться, то удалялся обыкновенно въ старинный свой нижній садъ, откуда видны были всѣ окрестности и все прекрасное теченіе извивающейся нашей рѣки Скниги. У меня выбрано было къ тому особое и лучшее мѣстечко на самомъ обнаженнѣйшемъ хребтѣ горы своей.

Тутъ, сидючи на мягкой муравѣ, при раздающемся по всѣмъ рощамъ громкомъ пѣніи соловьевъ, любовался я захожденіемъ солнца, бѣгущею съ полей въ дома и чрезъ рѣчку перебирающеюся скотиною, журчаніемъ воды, переливающейся чрезъ камушки милой и прекрасной рѣки нашей Скниги. И нерѣдко приходя отъ того въ пріятные даже восторги, просиживалъ тутъ иногда до самаго поздняго вечера, и до того, покуда прихаживали мнѣ сказывать, что накрытъ уже столъ для ужина.

Симъ и подобнымъ сему образомъ провождалъ я тогдашнюю свою уединенную холостую жизнь, и за безпрерывными упражненіями не видалъ—какъ прошла вся весна тогдашняго года. Наступившее потомъ лѣто принесло нѣкоторыя другія занятія, но о которыхъ упомяну я въ письмѣ послѣдующемъ; а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, симъ окончу сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ПРОИЗШЕСТВІЯ КРИТИЧЕСКІЯ.

Письмо 108-е.

Любезный пріятель. Изобразивъ

вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ всю пріятность первоначальной моей деревенской жизни, скажу теперь, что сколь ни была она пріятна, и какъ я ею ни былъ доволенъ, но совсѣмъ тѣмъ чувствовалъ я всегда, что мнѣ, при всѣхъ моихъ забавахъ и увеселеніяхъ, чего-то недоставало и что самый сей недостатокъ дѣлалъ всѣ ихъ какъ-то несовершенными.

Сначала недостатокъ сей былъ мнѣ не весьма чувствителенъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ становился онъ мнѣ чувствительнѣе—и сдѣлался, наконецъ, столь примѣтенъ, что я сталъ уже объ немъ и размышлять и существо его изслѣдывать. И тогда скоро открылъ я, что важный недостатокъ сей происходилъ отъ совершеннаго моего одиночества и состоялъ единственно въ неимѣніи при себѣ другого и такого мыслящаго существа, которому могъ бы я сообщать всѣ свои мысли и съ которымъ бы могъ раздѣлять всѣ свои чувствованія. Словомъ, мнѣ нуженъ былъ товарищъ такой, который бы имѣлъ согласныя со мною мысли и такія же чувствованія, какъ я...

Всѣ тѣ дни и часы, которые провождалъ я въ сообществѣ съ пріѣзжавшимъ кой-когда ко мнѣ пріятелемъ моимъ, господиномъ Писаревымъ, доказывали мнѣ, сколь многое зависѣло отъ сообщества съ человѣкомъ, съ которымъ можно было обо всемъ говорить, и сколь отмѣнны дни сіи были отъ препровожденныхъ въ совершенномъ уединеніи. И какъ недостатокъ сей становился мнѣ часъ-отчасу ощутительнѣе, и я наградить оной надѣяться могъ только чрезъ женитьбу, то хотя надежда сія была и не достовѣрная, но какъ не было ничего иного лучшаго, то самое сіе обстоятельство и побуждало меня чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и болѣе помышлять о моей женитьбѣ и о пріисканіи себѣ въ женѣ такого товарища, какого собственно мнѣ недоставало и какого желало мое сердце.

Но сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Ибо, какъ хотѣлось мнѣ не только такой, которая бы была довольно умна и къ составленію мнѣ такого товарища, какой мнѣ нуженъ былъ, способна; но которая бы и собою была, хотя не красавица, но по крайней мѣрѣ такова, чтобъ могъ я ее, а она меня любить; а сверхъ всего того, которая бы и не совсѣмъ была бѣдна, но приданымъ своимъ сколько-нибудь могла-бъ не большой, а весьма умѣренный достатокъ мой увеличить, то таковую, при тогдашнихъ обстоятельствахъ моихъ и найтить не скоро, или паче съ трудомъ было можно.

Знакомство мое было не такъ обширно, чтобъ я всѣхъ бывшихъ тогда въ домахъ взрослыхъ дѣвушекъ могъ видѣть и сколько-нибудь узнавать. Родственниковъ и такихъ людей, которые бы могли мнѣ въ семъ случаѣ помогать, имѣлъ я также мало, а которыхъ и имѣлъ, такъ всѣ они были не таковы, чтобъ я могъ ожидать отъ нихъ важной и существительной въ семъ случаѣ услуги и вспоможенія. А сверхъ всего того, и во всѣхъ ближнихъ окрестностяхъ и сосѣдствѣ нашемъ было тогда какъ-то очень мало дѣвицъ, могущихъ быть мнѣ сколько-нибудь подъ пару. Ибо, въ иныхъ домахъ хотя и были, но слишкомъ противъ меня богатыя, и такія, о которыхъ мнѣ и помышлять было не можно; а другія, напротивъ того, слишкомъ бѣдны; въ иныхъ, хотя и были дѣвушки, но слишкомъ еще молоды и малы и въ невѣсты мнѣ еще не годились. О другихъ носилася молва, что онѣ привязаны уже были слишкомъ къ свѣтской жизни, и которыя, будучи дѣвушками самыми модными, были совсѣмъ не на мою руку; а иныя, наконецъ, не имѣя никакого воспитанія, были уже слишкомъ просты, и таковы, что живучи съ ними не можно было ожидать себѣ желаемой подмоги. А что всего хуже, то число и всѣхъ ихъ было такъ не велико, что и выбирать было не изъ-чего. А все сіе, сколько съ одной стороны удерживало меня отъ поспѣшности при выбираніи себѣ невѣсты, столько съ другой стороны озабочивало и производило опасеніе, чтобъ за такими переборами не остаться, когда не навсегда, такъ надолго безъ невѣсты.

Итакъ, хотя и было у меня съ дядею

и другими многократныя разговариванія о невѣстахъ; но до половины лѣта не было у меня ни одной такой на примѣтѣ, за которую бы можно мнѣ было посвататься. Изъ всѣхъ, по достатку, сколько-нибудь казалась мнѣ сходнѣйшею одна, о которой упоминала мнѣ одна изъ заводскихъ нѣмокъ, называемая Ивановною. Сія добренькая старушка всегда, когда ни случалось ей у меня бывать, говаривала мнѣ, что у ней есть на примѣтѣ для меня хорошая и такая невѣста, которая была бы мнѣ очень подъ стать; но сожалѣла, что была она еще слишкомъ молода, и что ей только минуло двѣнадцать лѣтъ. А сіе не допускало ни меня, ни ее о сей невѣстѣ и думать. Другія же, кой-кѣмъ предлагаемыя, были всѣ какъто не по моимъ мыслямъ, и таковы, что мнѣ никакъ не хотѣлось начинать съ ними какое-нибудь дѣло.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находился я, когда вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ человѣкъ въ незнакомой ливреѣ и, вошедъ ко мнѣ, кланяется отъ князя Долгорукова и княгини, жены его, а моей тетки и съ извѣщеніемъ о томъ, что они пріѣхали изъ Москвы въ деревню свою Калитино и намѣрены тутъ прожить до самой осени. Обрадовался я чрезвычайно сему неожидаемому ихъ въ наши края пріѣзду, и приказывая благодарить за увѣдомленіе, говорилъ, что я непремину конечно самъ у князя побывать и мое почтеніе засвидѣтельствовать. «Князь и княгиня того и желаютъ, сказалъ слуга: и приказали васъ просить, ежели можно, то завтра же бы пожаловать къ нимъ откушать». — Очень хорошо, сказалъ я; кланяйся, мой другъ и скажи что буду.

Я и въ самомъ дѣлѣ положилъ къ нимъ на утріе ѣхать; и какъ селеніе то, гдѣ они тогда находились, не далѣе было отъ меня верстъ двѣнадцати, а сверхъ того, имѣлъ я и самъ въ ономъ усадьбу и нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, то и успѣлъ не только къ нимъ поспѣть къ обѣду, но и въ деревнѣ своей напередъ все осмотрѣть, что тамъ было.

Князь и княгиня приняли меня съ обыкновеннымъ своимъ благопріятствомъ и отмѣнно ласково. Они благодарили меня за скорый къ нимъ пріѣздъ и изъявляли особливую радость свою о томъ, что я живу отъ нихъ такъ близко, и просили, чтобъ я посѣщалъ ихъ, какъ можно чаще и помогалъ имъ провождать время въ скучной деревенской жизни. Я охотно обѣщалъ имъ сіе дѣлать, не вѣдая ни мало, что скоро получу къ тому и особую побудительную причину. Ибо, не успѣлъ я нѣсколько минутъ у нихъ посидѣть, какъ увидѣлъ входящихъ въ комнату къ нимъ самую ту старушку, госпожу Бакѣеву, съ обѣими своими дочерьми, которыя сдѣлались мнѣ въ Москвѣ такъ знакомы, и такъ много меня ласками своими къ себѣ привязали.

Я поразился до чрезвычайности симъ совсѣмъ неожидаемымъ явленіемъ: ибо мнѣ и на умъ того не приходило, чтобъ они вмѣстѣ съ княгинею изъ Москвы сюда пріѣхали. И видъ ихъ привелъ меня въ такое смущеніе, что я долгое время не въ состояніи былъ ни одного слова выговорить; и замѣшательство мое было такъ велико, что сдѣлалось всѣмъ довольно примѣтно, и доказало хозяевамъ моимъ то, чего они до того времени можетъ быть и не воображали, но что и самому мнѣ было еще не совсѣмъ достовѣрно извѣстно, а именно, то, что я на меньшую изъ сихъ дѣвушекъ смотрѣлъ не равнодушнымъ окомъ, но прилѣпленъ былъ къ ней, хотя сокровенною, но довольно сильною уже любовью.

О семъ съ достовѣрностію и самъ я не прежде узналъ, какъ въ сей день. Ибо, хотя и было мнѣ то уже давно и при отъѣздѣ еще изъ Москвы въ Кашинъ, да и послѣ того примѣтно; но какъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы и живучи нѣсколько мѣсяцовъ въ домѣ, за безпрерывными другими разными занятіями, я всего меньше объ нихъ думалъ, то отсутствіе сіе и время и поизгнало ихъ такъ изъ моего воображенія и памяти что я считалъ все происходившее въ Москвѣ со мною единою мимопреходящею случайностію, и думалъ, что я изъ сто-

лицы сей возвратился тогда съ такимъ свободнымъ (сердцемъ), съ какимъ въ нее и пріѣхалъ.

Но сей день доказалъ мнѣ, что я въ счетѣ своемъ ужасно ошибся и во всѣхъ мысляхъ и заключеніяхъ своихъ обманулся до крайности. Ибо не успѣлъ съ очами моими встрѣтиться опять тотъ предметъ, который для нихъ былъ въ Москвѣ всего прочаго интереснѣе и пріятнѣе, какъ въ единый мигъ возбудились во мнѣ всѣ прежнія мои къ ней нѣжныя чувствованія,—и я сдѣлался въ нее еще влюбленнѣй, нежели какъ былъ прежде. Мнѣ и тогда казалась она красавицею совершенною; а въ сей разъ, будучи одѣта въ простое сельское лѣтнее платье, но чисто и со вкусомъ, показалась она мнѣ сущимъ ангеломъ! И видъ ея такъ меня очаровалъ, что я не могъ почти глазъ моихъ отвесть отъ оной: но куда бы зрѣніе свое ни направлялъ, но она, какъ нѣкакой магнитъ, привлекала опое ежеминутно и безпрерывно къ себѣ,—и такъ сильно, что я не могъ самъ себя одолѣвать! И чрезъ самое то, равно какъ смущеніемъ и разсѣянностію своихъ мыслей и далъ тотчасъ примѣтить страсть свою князю и княгинѣ.

Я пробылъ тогда тутъ до самаго вечера. И какъ обходились со мною и хозяева и гости ихъ еще съ множайшимъ благопріятствомъ и ласкою нежели въ Москвѣ, то и протекло время сіе такъ скоро, что я почти и не видалъ онаго, и не прежде встрянулся ѣхать домой, какъ уже предъ наступленіемъ сумерокъ. Князь и княгиня отпустили меня неинако, какъ взявъ съ меня обѣщаніе пріѣхать къ нимъ опять чрезъ три дни,—и также съ тѣмъ, чтобъ у нихъ обѣдать и препроводить весь день,—на что охотно я и согласился.

Неуспѣлъ я, сѣвши въ свою коляску, пуститься въ обратный путь, какъ и почувствовалъ я всю силу и дѣйствіе возобновившейся и пробудившейся во мнѣ любви. Образъ госпожи Бакѣевой не хотѣлъ выттить никакъ изъ головы моей; но представлялся ежеминутно воображенію моему со всѣми своими прелестьми и напоялъ всю душу мою удовольствіемъ неизобразимымъ! Во всю дорогу, забывая все, занимался я объ ней только одной помышленіями: я исчислялъ всѣ ея пріятности, воспоминалъ всѣ ея слова, со мною говоренныя и всѣ дѣянія, производимыя ею. И какъ всѣ онѣ казались мнѣ отмѣнно милы и прелестны, то нѣсколько разъ жалѣлъ я о томъ, что она мнѣ родня и небогата, и что мнѣ на ней жениться было не можно. «Никакой бы иной не хотѣлъ я имѣть лучше сей невѣсты для себя, говорилъ я самъ себѣ: такъ хороша! такъ умна! такъ благонравна! А что всего лучше, такъ для меня мила и пріятна! Какъ бы счастливъ я былъ, еслибъ могъ найтить невѣсту себѣ ей подобную!»

Въ сихъ и подобныхъ сему разговорахъ съ самимъ собою препроводилъ я все время путешествія своего, и возвратился домой, власно какъ съ потеряннымъ и оставленнымъ въ Калитинѣ сердцемъ и съ духомъ, лишившимся своего прежняго спокойствія, и проснувшаяся любовь моя успѣла такъ увеличиться, что не дала мнѣ покоя и въ ночь самую. И ее я всю почти тогда не спалъ, а занимался воображеніями прельстившаго меня предмета. И дѣйствіе ея было столь сильно, что мнѣ стало и скучно уже жить дома, и я уже съ крайнимъ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться того дня, въ которой мнѣ надлежало опять ѣхать къ князю.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ почти ежеминутно помышлялъ о соблазнившемъ и очаровавшемъ меня предметѣ и съ нетерпѣливостію дожидался дня, въ который надѣялся опять его увидѣть и зрѣніе свое имъ насытить, происходили въ Калитинѣ обо мнѣ разговоры. Ибо какъ старуха тетка моя бывала всякій день вмѣстѣ съ княземъ и княгинею, потому что домъ ея былъ въ самой той же деревнѣ и шаговъ только за двѣсти отъ ихъ дома, княгиня же отмѣнно любила дѣвушекъ, дочерей ея, а особливо меньшую, то и были онѣ почти безвыходно у нея и въ собственномъ домѣ своемъ только что ночевали, да и то не всѣ, а развѣ толь-

ко одна старуха съ старшею дочерью; младшая же жила почти совсѣмъ въ домѣ у княгини. А потому, не успѣла княгиня на другой день старуху тетку мою увидѣть, какъ и завела съ нею обо мнѣ разговоръ. Она сообщила ей сдѣланное ею замѣчаніе, а сія призналась, что она и сама давно уже примѣтила отмѣнную склонность и привязанность мою къ дочерямъ ея, и что на самомъ томъ оснуетъ свою надежду и думаетъ, не могу ли я сдѣлаться когда-нибудь ея зятемъ?

— «Какъ, спросила княгиня, сіе услышавъ: развѣ это можно? и развѣ вы не такъ близко родня между собою?»

— Конечно можно, сказала старуха. Родня только мы съ мужемъ ему; а между дѣтьми моими и имъ нѣтъ никакой родни: они между собою правнучатныя. И попъ здѣшній, Егоръ, говоритъ, что жениться безъ всякаго сумнѣнія можно.

— «О, когда такъ, сказала княгиня, то надобно же намъ совокупно стараться симъ случаемъ воспользоваться. Женишокъ этотъ, право завистной. И дочь ваша вѣрно бы не безчастна была, еслибъ могла получить себѣ такого мужа».

— Конечно такъ, отвѣчала старуха. Но Богъ его знаетъ: что-то онъ ни мало еще о томъ не заговариваетъ, хотя и ласкается онъ къ обѣимъ дочерямъ моимъ. Мы сколько ни ждали того въ Москвѣ, но не могли дождаться. И признаюсь, что болѣе для того и въ деревню сюда поѣхали: не рѣшится ли онъ здѣсь намъ сдѣлать предложенія, которому бы мы очень были рады.

— «Это можетъ быть отъ того происходитъ, сказала на сіе княгиня: что онъ слишкомъ застѣнчивъ, и такъ несмѣлъ, какъ красная дѣвушка, и его надобно къ тому поприготовить».

— Хорошо, сказала старуха; но того бы еще лучше, еслибъ вы, матушка княгиня, намъ въ томъ сколько можно помогли.

— «Съ превеликою охотою! отвѣчала княгиня. Я употреблю съ своей стороны все, что только можно. Палагею Васильевну я сама очень люблю, и она достойна такого жениха».

— Нѣтъ, матушка, подхватила старуха: а ежели милость твоя къ намъ будетъ, такъ наклоняйте болѣе Татьяну за него. Мой Василій Никитичъ и слышать того не хочетъ, чтобъ меньшую дочь прежде большой выдавать замужъ; и онъ никакъ не согласится, чтобъ Палагею просватать напередъ.

— «О, это пустое! сказала на сіе княгиня. Это разбирали въ старину, да и не при такихъ случаяхъ и женихахъ. Въ разсужденіи сего было-бъ сущее дурачество, еслибъ предпринимать такіе разборы. А ктому-жъ, что ты изволишь, если ему не Татьяна твоя, а Палагея болѣе нравится, какъ я въ томъ и не сомнѣваюсь, и когда онъ на Татьянѣ свататься и не подумаетъ?.. Однако, посмотримъ, что будетъ далѣе, и поглядимъ: знаетъ ли онъ еще и то, что ему вы не такъ близко родня, чтобъ ему жениться на дочеряхъ вашихъ было не можно».

— А Богъ его знаетъ, подхватила старуха. Можетъ быть онъ и не знаетъ того.

— «Хорошо-жъ, сказала княгиня. Надобно-жъ намъ напередъ въ этомъ его удостовѣрить: и буде онъ не знаетъ, то внушить ему то».

Симъ и подобнымъ сему образомъ, какъ я послѣ въ точности узналъ, говорено было тогда обо мнѣ въ Калитинѣ, и положено, при первомъ случаѣ и свиданіи, рѣчь довесть до родства нашего и вывесть меня изъ недоумѣнія. Сіе и учинили онѣ дѣйствительно; и чтобъ лучше меня въ томъ удостовѣрить, то съ-умысла уняли у себя въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ, тамошняго приходскаго попа обѣдать, и нарочно при мнѣ разговорились съ нимъ о томъ, до какой степени нельзя вступать въ бракъ и потомъ, будто-бы для примѣра и объясненія, стали съ нимъ считать родню: сперва, между мною и княгинею, а потомъ, между мною и старушкою и ея дочерьми.

Я сперва ни мало недогадался, и почиталъ все сіе случайнымъ разговоромъ. Но какъ разговоръ сталъ часъ-отъ-часу

ближе касаться до меня, и онѣ ясно выводили, что обѣ оныя дѣвицы были со мною въ осьмомъ колѣнѣ и такъ далеко родня, что мнѣ можно на нихъ и жениться, то сіе власно какъ отворило мнѣ глаза, и я усматривалъ уже къ чему это все говорено, и что собственно на умѣ было, какъ у моихъ хозяевъ, такъ въ особливости у старушки моей тетки, бравшей болѣе всѣхъ въ помянутомъ разговорѣ соучастіе и явно старающейся меня въ томъ удостовѣрить, что мнѣ на дочеряхъ ея жениться было можно. Я несомнѣвался тогда уже въ томъ, что сей того уже очень хотѣлось и что непротивно-бъ было то и князю и княгинѣ.

Все сіе было хотя страстному моему сердцу очень и очень непротивно и ласкало оное наипріятнѣйшими для него надеждами и чувствіями, и оно прыгало, такъ сказать, отъ радости при слышаніи сего разговора,—въ которомъ я хотя и не бралъ соучастія, но сидѣлъ рдѣя только и краснѣя, не говоря ни одного слова. Но, съ другой стороны, самое сіе возбудило въ умѣ моемъ толпу совсѣмъ новыхъ мыслей, а притомъ и нѣкоторый родъ особливой осторожности. До того любовался я только красотою и совершенствами меньшой дочери госпожи Бакѣевой, какъ моей сродственницы; а съ сего времени сталъ уже на обѣихъ дочерей ея смотрѣть иными глазами, и такъ, какъ на дѣвушекъ, назначаемыхъ мнѣ въ невѣсты,—и на такихъ, изъ которыхъ на любой можно было мнѣ и жениться; и не только любоваться ихъ красотою, но разсматривать ближе и точнѣе—какъ собственные ихъ характеры, свойствы и нравы, такъ и самое душевное расположеніе ихъ ко мнѣ и выводить изъ того нужныя для себя заключенія. И какъ, по счастію, былъ къ тому наивожделѣннѣйшій случай, по причинѣ частыхъ съ ними свиданій и вольнаго и короткаго съ ними—какъ съ родственницами—обхожденія, то и положилъ я воспользоваться сколько можно удобностями сего случая, и никакъ не спѣшить приступленіемъ къ рѣшительному предпріятію, отъ котораго долженствовало зависѣть все будущее блаженство дней моихъ.

Всходствіе чего, я не только не отказывался отъ всѣхъ ихъ къ себѣ приглашеній, но и самъ еще почти навязывался къ тому, чтобъ мнѣ съ ними бывать чаще вмѣстѣ. А потому, не проходило ни одной недѣли, въ которую бы не побывалъ я у князя раза два или три и непрепровождалъ у нихъ всякой разъ по цѣлому дню въ разныхъ упражненіяхъ: когда въ играніи съ ними въ карты, когда въ гуляніи по рощамъ и садамъ, а когда въ шуточныхъ и забавныхъ разговорахъ.

Нѣсколько разъ хаживали мы всѣ совокупно навѣщать и старушку тетку мою, въ собственный ея домъ, и она угощала насъ тамъ, какъ хозяйка. И не одинъ разъ засиживался я такъ долго у нихъ, что соскучивъ ѣздить всегда домой по ночамъ, оставался даже ночевать въ томъ селеніи, на собственномъ своемъ дворѣ,—куда нарочно для того велѣлъ привезть постель и кровать. А всѣмъ тѣмъ неудовольствуясь, пригласилъ я однажды и всѣхъ ихъ къ себѣ въ Дворянинову отобѣдать. И какъ всѣ онѣ съ особливою охотою на то согласились, то и угостилъ я ихъ сколько могъ лучше въ своемъ домишкѣ.

Сего обѣда и празднества не могу я и понынѣ никакъ позабыть. Оный былъ наизнаменитѣйшимъ во всю мою холостую жизнь, и по многимъ обстоятельствамъ особливаго примѣчанія достоинъ. Случилось сіе не при началѣ тогдашняго моего съ ними знакомства, а незадолго уже предъ отъѣздомъ князя въ Москву, и тогда, когда съ одной стороны любовь моя къ прельщавшему меня предмету дошла до высочайшей своей степени и я ею почти ослѣпленъ былъ совершенно; а съ другой, когда находился я въ высочайшей степени нерѣшимости съ самимъ собою въ томъ: жениться ли мнѣ на этой дѣвушкѣ, или нѣтъ?.. И когда находился я по сему—сколько, съ одной стороны въ пріятнѣйшемъ, столько, съ другой, въ наимучительнѣйшемъ расположеніи духа: ибо сказать надобно, что

какъ съ одной стороны любовь моя къ сей дѣвушкѣ во все сіе время не только неуменьшалась, но съ каждымъ новымъ свиданіемъ такъ много увеличивалась, что я сдѣлался, наконецъ, до безпамятства и до того въ нее влюбленнымъ, что были минуты, въ которыя, любуясь вблизи прелестьми ее и красотою, я такъ ею плѣнялся, что рѣшительно уже въ мысляхъ предпринималъ ни для чего въ свѣтѣ съ особою столь для меня милою и съ толими совершенствами одаренною, не разставаться и никакъ и никому въ свѣтѣ неуступать ее другому, — такъ, съ другой, въ каждый день встрѣчались съ зрѣніемъ и умомъ моимъ такія мысли и предметы, кои всю пылкость любовнаго стремленія моего въ состояніи были останавливать и принуждать меня, какъ на любовь сію, такъ и на предпринимаемый сей союзъ смотрѣть прямо философическими глазами, и чрезъ самое то, власно какъ нѣкакими узами связывать тѣ важныя слова, находившіяся много разъ па языкѣ моемъ, которыя долженствовали рѣшить единожды навсегда мой жребій.

Наиглавнѣйшее обстоятельство, удерживавшее меня было то, что я, сколько ни желалъ, сколько ни ласкался надеждою и сколько ни ожидалъ, но не могъ никакъ дождаться отъ нея ни малѣйшаго соотвѣтствованія мнѣ въ той душевной склонности, какую я къ ней чувствовалъ. Словомъ, я никакъ не могъ усмотрѣть въ ней ни малѣйшей взаимной любви къ себѣ и душевной привязанности. И сколько ни старался примѣчать всѣ ея взоры и поступки, но всегда усматривалъ въ глазахъ ея единое совершенное хладнокровіе и равнодушіе къ себѣ. Всѣ оказываемыя ею ко мнѣ ласки и благопріятство ничѣмъ не разнились отъ оказываемыхъ ея сестрою, и были обыкновенныя и существенно ничего незначущія.

Не примѣчалъ я также во всемъ ея поведеніи, во всѣхъ ея поступкахъ и изъявленіяхъ своихъ чувствъ ни малѣйшаго согласія съ моими чувствіями и расположеніями душевными. И я, къ крайнему прискорбію своему, неусматривалъ ни малѣйшей симпатіи, или сходствія между душами нашими въ чомъ бы то ни было. А все сіе, а всего паче несоотвѣтствованіе ни на-волосъ мнѣ въ любви моей, а совершенное ко мнѣ хладнокровіе и останавливало меня всегда, и не только удерживало меня отъ объясненія съ нею, но и смущало и огорчало духъ мой до безконечности.

Долгое время не понималъ я, отъ чего бы сіе происходило? И недостатокъ взаимной склонности ко мнѣ казался мнѣ тѣмъ удивительнѣе и непостижимѣе, что, повидимому, имѣла бы она всѣ причины ласкаться и желать себѣ союза со мною. Но, наконецъ, пришло мнѣ на мысль, что незанято ли уже кѣмъ-нибудь инымъ ея сердце и не отъ того ли проистекаетъ вся ея ко мнѣ непреоборимая холодность?..

Мысль сію, нечаянно со мною повстрѣчавшуюся, чѣмъ болѣе я разработывалъ, тѣмъ вѣроятнѣйшею она мнѣ казалась. И воображеніе мое тотчасъ нашло уже и предметы, къ которымъ, по мнѣнію моему, устремлены были душевныя ея склонности и мысли. Съ помянутою княгинею былъ тогда и сынъ ея, прижитый съ первымъ ея мужемъ и наслѣдникъ всему его великому имѣнію. Мальчикъ сей былъ тогда уже лѣтъ пятнадцати, довольно взрослый и собою отмѣнно хорошъ. А сверхъ того находился съ ними французъ, учившій сего сына княгинина, и также малой еще молодой, очень недуренъ собою и крайне живой и проворной. А какъ помянутая дѣвушка жила почти безвыѣздно въ домѣ у княгини и съ обоими ими обходилась очень вольно и отмѣнно ласково, то и возмечталось мнѣ, что не изъ нихъ ли кто-нибудь и прежде меня обовладѣлъ сердцемъ обожаемаго мною предмета? И не сіе ли въ сей холодности ея ко мнѣ причиною?

Основательно ли было сіе мое подозрѣніе, или нѣтъ, того истинно не знаю и понынѣ; а только извѣстно мнѣ то, что тогдашняя несклонность ея ко мнѣ возродила и питала во мнѣ сіи мысли, и

не одинъ разъ заставливала меня самому себѣ говорить:

«Господи! Что за диковинка, что неощущаетъ она ко мнѣ ни малѣйшей привязанности и склонности душевной? Правда, хотя и неоспоримо то, (что) сердца и склонности оныхъ несостоятъ въ нашей власти и насильно никого полюбить не можно. И что всего легче статься можетъ, что она таки натурально ненаходитъ во мнѣ ничего такого, что могло бы ее ко мнѣ душевно привязать. Но съ другой стороны, Богъ знаетъ! уже не влюблена ли она въ кого иного и не находится ли съ кѣмъ-нибудь уже въ сокровенной связи?.. Дѣвушкѣ, такой прекрасной, молодой, свѣтской и живой, немудрено въ кого-нибудь и влюбиться, или по крайней мѣрѣ имѣть не меня, а кого-нибудь иного у себя въ предметѣ. Легко статься можетъ, что не одинъ я, а есть и другіе въ нее влюбившіеся также, какъ и я: и она, будучи о красотѣ своей свѣдома, имѣетъ у себя въ виду какого-нибудь лучшаго и во всемъ ея вкусу сообразнѣйшаго и богатѣйшаго жениха, нежели каковымъ я ей кажуся. Почему знать, не влюблена ли она, или не влюбленъ ли въ нее самый сынъ княгининъ и не прочитъ ли она его себѣ въ женихи? Немудрено никакъ статься и сему. А не даромъ вижу я такую непостижимую къ себѣ холодность, а особливо при присутствіи этого княжова пасынка. Что я въ нее влюбленъ, это она уже давнымъ-давно примѣтила и знаетъ; знаетъ же и то, что согласились бы и отдать ее за меня. Итакъ, что-жъ бы такое удаляло ее отъ меня? Ненавидѣть ей меня не-за-что, а и отвращенія отъ меня имѣть, также, казалось бы не можно... Нѣтъ, нѣтъ! А надобно быть, по всему видимому, чему-нибудь иному и мнѣ неизвѣстному».

Симъ и подобнымъ сему образомъ говаривалъ и разсуждалъ я самъ съ собою неоднажды. А какъ къ тому присовокуплялась и примѣченная мною въ ней отмѣнная привязанность къ московской суетной свѣтской жизни и совершенный недостатокъ въ такихъ склонностяхъ, какія хотѣлось мнѣ имѣть въ своей будущей подругѣ, то все сіе, а при всемъ томъ и самый недостатокъ приданаго и удерживалъ меня не только отъ сватовства, но даже и отъ объявленія ей любви своей. Но я скрывалъ, какъ сію, такъ и всѣ подозрѣнія мои въ глубинѣ моего сердца, и находился отъ того въ мучительной нерѣшимости — что мнѣ дѣлать? И приступать ли къ удовлетворенію жестокой любви своей чрезъ сватовство и женитьбу на сей дѣвушкѣ, или отважиться послѣдовать гласу мудрости и благоразумія и къ мужественному преоборонію сей мучительной склонности, о которой самому мнѣ было довольно свѣдомо, что она, по натурѣ своей, не могла быть долговременною и прочною; но всего скорѣе можетъ и погаснуть и уничтожиться невозвратно.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находился я, когда дошло дѣло до помянутаго празднества. Поводъ къ оному подала сама старушка тетка моя: ибо какъ она несомнѣвалась почти, что я непремину вскорѣ за дочь ее начать свататься, то хотѣлось старушкѣ сей видѣть напередъ домъ мой и все мое житье-бытье и онымъ заблаговременно полюбоваться. И потому, однажды заговорила она о томъ такъ, что я принужденъ былъ почти противъ хотѣнія своего пригласить ихъ всѣхъ къ себѣ въ домъ, и просить князя и княгиню, чтобъ и они удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и у меня хоть бы однажды отобѣдали. И какъ сіи охотно на то согласились, то по самому тому и были они у меня всѣ въ Дворяниновѣ, — и не только обѣдали, но препроводили почти и весь день въ гуляньѣ по садамъ моимъ и не прежде отъ меня поѣхали, какъ уже передъ вечеромъ.

Каково сіе угощеніе было, о томъ я не упоминаю. Оно имѣло натурально свои недостатки; да и можно ли чего совершеннаго ожидать отъ тогдашняго моего холостого состоянія? Но то только знаю что поѣхали они отъ меня, какъ казалось, будучи очень довольными всѣмъ моимъ

угощеніемъ, но что не такъ доволенъ былъ я симъ посѣщеніемъ оныхъ.

Поводъ къ неудовольствію сему подала мнѣ самая та, для которой наиболѣе и предпринималъ я сіе угощеніе, то-есть, дочь помянутой старушки.

Желая угодить ей какъ гостьѣ, всѣхъ прочихъ для меня интереснѣйшей, надрывалъ я всѣ свои силы и возможности къ тому, чтобъ угостить ихъ какъ можно лучше. Но къ величайшему моему огорченію и неудовольствію, усмотрѣлъ я, что ей всѣ мои старанія и все-п-все въ домѣ было какъ-то неугодно. И за столомъ она одна ничего почти не ѣла, и всѣ кушанья казались одной ей только невкусными. А послѣ обѣда, когда ходили мы гулять по садамъ, ничто ей одной въ нихъ непрaвилось; и когда я, взведя всю компанію на лучшій хребетъ горы моей и самое то мѣсто, гдѣ стоитъ нынѣ у меня, такъ-называемый, «храмъ удовольствія», показывалъ имъ прекрасное положеніе мѣста, окружающее жилище мое, и пересказывалъ князю и княгинѣ всѣ намѣренія свои и все, что̀ хотѣлъ я впредь тутъ строить и дѣлать, то сколь много любовались они красотою мѣстоположенія и хвалили все, вмѣстѣ съ доброю и простодушною старушкою теткою моею, такъ мало, напротивъ того, все сіе удостоивала дочь ея своего вниманія! А что всего для меня непріятнѣе и поразительнѣе было, то, вмѣсто желаемаго мною одобренія, власно какъ бы съ нѣкакимъ презрѣніемъ усмѣхалась она еще, смотря на француза, всему тому, что мною говорено и показываемо было. Сіе растрогало меня до чрезвычайности и сдѣлало всему любовному ослѣпленію и стремительству моему вдругъ такую осадку, что я въ тотъ же еще день, проводивъ ихъ, съ разстроеннымъ уже и огорченнымъ духомъ, рѣшился наконецъ къ предпріятію того, чего они всего меньше ожидали, а именно, вмѣсто ожидаемаго старушкою сватовства, къ мужественному преодолѣнію всей любви своей къ ея дочери и къ оставленію о женитьбѣ своей на ней всѣхъ своихъ помышленій.

Признаюсь, что переломъ сей былъ для меня труденъ и предпріятіе сіе было хотя прямо героическое, но произведенное мною съ желаемымъ успѣхомъ. Весьма много помогли мнѣ притомъ и слова старика прикащика моего. Съ симъ, какъ съ разумнѣйшимъ изъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ слугъ, случилось мнѣ какъ-то въ тотъ же еще день разговориться о семъ дѣлѣ.

Проводивъ гостей своихъ, вышелъ я въ слѣдъ за ними на ближнее мое поле, за прудами, посмотрѣть посѣянной и всходившей тогда ржи. Старикъ сей шолъ въ слѣдъ за мною. И какъ мы съ нимъ, начавъ обо ржи, разговорились и о гостяхъ моихъ, то вздумалось мнѣ полюбопытствовать и узнать: какихъ бы онъ мыслей былъ о помянутой дѣвушкѣ?—Но какъ удивился я, когда, на вопросъ мой—какова она ему кажется? сказалъ онъ мнѣ:

— «Хороша, сударь, и дѣвушка изрядная; по матери-то не ее, а старшую за васъ спроворить хочется».

— А почему ты это знаешь? спросилъ я, удивившись.

— «Какъ, сударь, не знать, отвѣчалъ онъ: слухомъ земля полнится: мы слышали отъ ихъ же людей. И говорятъ, что она и спитъ и видитъ только то, чтобъ ей быть за вами замужемъ. Да говорятъ, что она лучше и нравомъ и всѣмъ-и-всѣмъ меньшой сестры своей».

— Но мнѣ-то она не такова на глаза, какъ меньшая; и ежели-бъ жениться, такъ развѣ на сей послѣдней: какъ ты думаешь?

— «Богъ знаетъ, сударь, сказалъ старикъ: состоитъ это въ волѣ вашей. И жениться не устать, судырь; отдадутъ, можетъ быть, и эту, ежели свататься станете и незахотите взять старшую... Но то-то бѣда, чтобъ послѣ, судырь, не тужить вамъ о томъ».

— Да почему-жъ бы такъ? спросилъ я: она такъ умна, такъ всѣмъ хороша, что я не желалъ бы истинно имѣть лучшей жены. Признаюсь, что она мнѣ очень-и-очень нравится.

— «Но то-то всего и опаснѣе, судырь. Мы это давно уже примѣтили и знаемъ,

что она вамъ очень полюбилась. Но говорятъ, что любовь-то такая не очень прочна, а скоро проходитъ и потухаетъ; а тогда-то и смотрите, чтобъ и не стали вы тужить, что ни съ чѣмъ взяли. А ктому-жъ и то еще неизвѣстно: станетъ ли она любить васъ. Родилась она и выросла въ Москвѣ, и деревни почти въ глаза не видала. А вы у насъ люди деревенскіе: такъ, Богъ ее знаетъ, полюбится ли ей жить въ деревнѣ и будетъ ли она всѣмъ довольна, что вы имѣете здѣсь? Смотрите, судырь: какъ бы не ошибиться... А по моему згаду, недурно бы, еслибъ что-нибудь и за невѣстою было. А на сей, судырь, когда женитесь, то не только ничего не получите, но и сами еще потеряете: Калитина хотя и незовите уже тогда своимъ, а должно будетъ оно помогать уже имъ во всемъ. Люди они, какъ сами знаете, совсѣмъ недостаточные».

Слова сіи впечатлѣлись глубоко въ мое сердце, и такъ, что я подумавъ нѣсколько и самъ съ собою помысливъ, сказалъ наконецъ:—Ну, чуть ли ты не правду, старикъ, говоришь. Но какъ же быть-то? И гдѣ-жъ взять другую-то невѣсту?

— «И, судырь, отвѣчалъ онъ, былъ бы только женихъ, а невѣсты уже будутъ! Спѣшить только не надобно. Да и какая нужда! Это не малина, и не опадетъ. Когда не одна, такъ другая, а не другая, такъ третья. Неужели-таки Богъ такъ немилостивъ будетъ, что никакой себѣ не найдете лучше и выгоднѣе сей? Вотъ, о какой-таки твердитъ все Ивановна? И говоритъ еще, что будто сто душъ за нею и что она одна только и есть дочь у матери».

— Это я слышалъ, отвѣчалъ я; но о сей что говорить: это еще ребенокъ — этой только еще тринадцатый годъ.

— «Но развѣ подрость она еще не можетъ?» подхватилъ старикъ.

— То такъ! отвѣчалъ я. Это я самъ уже думалъ; а потому и почитаю ее всегда запасною невѣстою.

Симъ кончился тогда сей нечаянный разговоръ нашъ; и каковъ коротокъ и простъ онъ ни былъ, но произошли отъ него великія и важныя слѣдствія. Всѣ говоренныя старикомъ прикащикомъ моимъ слова такъ глубоко врѣзались въ мою память, что не вышли у меня во всю послѣдующую ночь изъ головы. И какъ присовокупилась къ тому и досада и неудовольствіе, произведенное во мнѣ дочерью госпожи Бакѣевой въ тотъ день, возобновившая въ умѣ моемъ и всѣ прежнія подозрѣнія, то и заснулъ я съ твердымъ предпріятіемъ — оставить всѣ свои объ ней помышленія и предолѣвать всю свою къ ней любовь — по правиламъ и при помощи своей философіи, обративъ вниманіе свое къ другимъ невѣстамъ. И буде не найдется никакой иной, то возымѣть прибѣжище свое наконецъ къ помянутой з а п а с н о й.

Всходствіе чего и въ убѣжаніе дальнѣйшаго себѣ безпокойства, и рѣшился я не ѣздить болѣе уже такъ часто въ Калитино, а побывать только тамъ единожды для благопристойности. А между тѣмъ, употребить все, что только могла предписыватъ мнѣ философія моя къ преодолѣнію страсти моей.

Оба сіи намѣренія и произвелъ я въ дѣйствіе, и въ Калитинѣ не былъ послѣ сего времени болѣе двухъ разъ. Въ первый вскорѣ послѣ помянутаго угощенія, для принесенія князю и княгинѣ моей благодарности, а въ другой, при самомъ уже ихъ отъѣздѣ въ Москву, для распрощанія съ ними. Въ оба сіи пріѣзда старался я уже какъ можно рѣже и меньше смотрѣть на предметъ, меня столь много до того занимавшій. И хотя мнѣ несказаннаго труда стоило къ тому себя приневоливать; однако, я въ состояніи былъ себя не только въ семъ случаѣ пересиливать, но при помощи философіи своей и распрощался съ нею, при послѣднемъ свиданіи, безъ дальняго сожалѣнія, а довольно хладнокровно, и только ей сказалъ:

— «Простите, сударыня! дай Богъ, чтобъ вы были здоровы, веселы и благополучны, и чтобъ нашли болѣе удовольствія въ Москвѣ, нежели въ скучныхъ деревняхъ, гдѣ мы остаемся жить и въ скукѣ вла-

чить дни свои въ уединенной жизни». И какъ она и при семъ случаѣ не оказала ни малѣйшаго сожалѣнія, но распрощалась со мною хладнокровнѣйшимъ образомъ, то помогло мнѣ много и самое сіе къ скорѣйшему преодолѣнію всей жестокости любви моей и къ истребленію ея совсѣмъ изъ моего сердца, а предмета, толь много меня занимавшаго, изъ моей памяти.

Совсѣмъ тѣмъ, сіе не такъ легко и скоро можно было произвесть въ дѣйство, какъ я сперва думалъ; а потребно было къ тому все философическое искуство и наблюденіе всѣхъ правилъ предписываемыхъ къ тому ею. И не одинъ разъ принужденъ я бывалъ дѣлать себѣ превеличайшее насиліе и съ слезами почти на глазахъ выгонять изъ головы лестныя и пріятныя помышленія и напоминанія объ ней, а производить, напротивъ того, противуположныя, и такія, о которыхъ извѣстно было мнѣ, что онѣ всего скорѣе и удобнѣе силу страсти уменьшить и ее, наконецъ, совсѣмъ обезсилить и засыпить могутъ. И могу сказать, что ни при которомъ случаѣ я изящною Крузіевою философіею, а особливо новою его наукою телематологіею такъ много невоспользовался, какъ при семъ. Она помогла мнѣ всего болѣе преодолѣть въ сей разъ всю любовь свою и чрезъ немногіе дни успокоить себя почти совершенно.

Но какъ бы то ни было, но симъ образомъ кончилось тогда все мое знакомство какъ съ княземъ и княгинею, такъ и съ господами Бакѣевыми. Ибо съ сего времени уже я ихъ никогда болѣе въ жизнь мою невидывалъ,—и не знаю ни мало того, въ какихъ мысляхъ обо мнѣ они тогда разстались; а радовался только тому, что съ ихъ стороны ни старушкѣ теткѣ моей, ни князю, ни княгинѣ не вздумалось никогда сдѣлать мнѣ какого-нибудь относящагося до сей женитьбы предложенія, чѣмъ бы могли они меня смутить и всѣ мысли мои разстроить до безконечности; а я, съ моей стороны — что при всей жестокости моей любви и при всѣхъ частыхъ свиданіяхъ и самомъ короткомъ обхожденіи съ ними, былъ такъ остороженъ, что не проговорился ни однимъ словомъ ни князю, ни княгинѣ, ни имъ о любви своей и помышленіяхъ о женитьбѣ на сей дѣвушкѣ. Почему и не могли они меня обвинять чѣмъ-нибудь, съ своей стороны.

Нынѣ находятся всѣ они уже давно въ царствѣ мертвыхъ и многіе годы, претекшіе съ того времени, изгладили почти совсѣмъ изъ памяти моей все тогдашнее произшествіе. И я позабылъ бы оное почти совсѣмъ, еслибъ непапомнило мнѣ онаго знакомство, сведенное недавно съ дѣтьми сей отдаленной родственницы моей, коимъ судьба опредѣлила жить въ моемъ сосѣдствѣ, и которыхъ благопріятствомъ и дружбою пользуюсь я и понынѣ.

Но какъ письмо мое слишкомъ уже увеличилось, то дозвольте мнѣ симъ оное кончить и сказать вамъ, что я есмь и проч.

НАЧАЛЬНОЕ СВАТОВСТВО.

Письмо 109-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ одно изъ достопамятнѣйшихъ произшествій, бывшихъ въ моей жизни, разскажу вамъ въ теперешнемъ о томъ, въ чемъ и какъ препроводилъ я осень и весь остатокъ сего года и какъ началось формальное мое сватовство за ту, въ сожитіи съ которою Провидѣніе назначило мнѣ препроводить весь вѣкъ мой и... нажить дѣтей, составлявшихъ до сего и составляющихъ и по нынѣ наилучшую часть блаженства жизни моей.

Случилось сіе вскорѣ послѣ отъѣзда помянутыхъ родственниковъ моихъ съ княземъ и княгинею въ Москву. Ибо, неуспѣли они уѣхать и я помянутымъ образомъ, при помощи философіи, уменьшить сколько-нибудь жестокость страсти своей, какъ стала уже мнѣ представляться вся та опасность, какой подверженъ я былъ недавно. И я радовался и благодарилъ Бога, что избавился отъ нея благополучно. Я разсуждалъ уже тогда обо всемъ происходившемъ до того съ чистѣй-

шими мыслями,—и чѣмъ болѣе о томъ размышлялъ, вспоминая все видѣнное и слышанное, и всѣ бывшія при томъ обстоятельствы между собою сравнивалъ, тѣмъ болѣе казалось уже мнѣ, что женитьба моя на помянутой дѣвушкѣ не могла для меня быть никакъ выгодною, а того меньше счастливою, и тѣмъ паче, что я ненаходилъ между склонностями нашими съ нею ни малѣйшаго согласія.

Но дабы дѣло сіе прервать совершеннѣе и не запутать себя опять въ сѣти, изъ которыхъ едва только высвободился, разсудилъ я поспѣшить какъ можно исканіемъ себѣ другой невѣсты. А тогда, и власно какъ нарочно для скорѣйшаго истребленія изъ ума моего и мыслей госпожи Бакѣевой и занятія всѣхъ мыслей моихъ инымъ предметомъ—и случилось такъ, что старушка бабка моя, госпожа Темирязева, увидѣвшись со мною, насказала мнѣ такъ много объ одной знакомой ей и довольной достатокъ имѣвшей дѣвушкѣ, изъ фамиліи Хотаинцовыхъ.— что я, восхотѣвъ ее усердно видѣть, съ особливою охотою согласился на предлагаемое старушкою въ домѣ у ней съ дѣвушкою сею свиданіе. Старушка неуспѣла получить на то мое согласіе, какъ дала тотчасъ о томъ знать матери той дѣвушки; и какъ та давно уже того дожидалась и дочь свою за меня прочила, то и назначенъ былъ тотчасъ къ тому и день. И мы съ дѣдомъ моимъ, Никитою Матвѣевичемъ, приглашены были къ помянутой старушкѣ, сестрѣ его, и туда поѣхали.

Во всю дорогу старикъ, издѣваясь и шутками говорилъ мнѣ, чтобъ я смотрѣлъ невѣсту сію пристально, а не излегка, и чтобъ не прельщался одною красотою, а разсматривалъ и все прочее. Но, по счастію, не нужны были всѣ внушаемыя имъ мнѣ предосторожности.

Невѣста, которую нашли мы пріѣхавшею туда уже до насъ, не показалася мнѣ и при первомъ уже на нее взглядѣ. Она была хотя недурна собою, но показалася мнѣ дѣвушкою, уже гораздо посидѣвшею, и притомъ столь дородною и толстою, что и одинъ взглядъ на нее привелъ меня уже въ замѣшательство. А какъ, сверхъ всего того, была она впрахъ разряжена, разбѣлена и разрумянена и оказывала себя наиревностнѣйшею подражательницею всей модной московской свѣтской жизни, такъ мало со всѣми склонностями моими сообразной, и въ поступкахъ своихъ, въ разговорахъ и поведеніи столь вольною, что я, увидѣвъ все сіе, даже содрогнулся и самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «Э, э, э! да куда мнѣ съ этакою чиновною дѣваться? И какъ можно будетъ съ этакою модницею ладить?... Сохрани меня отъ ней Господи! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И не мнѣ, не мнѣ съ этакою ладить, а пускай она ищетъ себѣ другого и ей приличнѣйшаго жениха: а я ей подъ пару негожуся». А какъ такихъ же мыслей былъ и старикъ дѣдъ мой и находилъ между нами совсѣмъ неровню, то и радъ я былъ, что отъ ней благополучно отдѣлался, и что изъ свиданія сего ничего не вышло. И мы, посидѣвъ немного, поѣхали назадъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхали, и я, безъ дальнихъ околичностей, а прямо старушкѣ сказалъ, что невѣста мнѣ не по нраву.

Совсѣмъ тѣмъ, произошло отъ сего свиданія то слѣдствіе, что я того же самаго сталъ опасаться и въ разсужденіи другихъ предлагаемыхъ кое-кѣмъ мнѣ невѣстъ. И сія такъ меня настращала, что я отчаявался уже найтить между всѣми ими какую-нибудь себѣ по мыслямъ. И чѣмъ болѣе я о семъ размышлялъ, тѣмъ менѣе я имѣлъ къ тому надежды; а напротивъ того, тѣмъ болѣе сталъ прилѣпляться мыслями своими къ той, которая предлагаема мнѣ была нѣмкою Ивановною. Ибо, въ разсужденіи сей, льстила меня, по крайней мѣрѣ, надеждою ея молодость. Я думалъ, что когда она такъ молода, то некогда еще ей заразиться московскимъ моднымъ духомъ и всею пышностію свѣтской жизни. «И почему знать, можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ далѣе: по молодости ея и удастся мнѣ лучше приучить ее къ себѣ и ко всему тому, что хотѣлось бы мнѣ имѣть въ будущей женѣ своей».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою разсуждая, восхотѣлъ я поговорить еще разъ объ ней съ помянутою нѣмкою и распросить обо всемъ обстоятельнѣе. Нѣмка не успѣла узнать, что я хочу съ нею видѣться, какъ тотчасъ прилетѣла ко мнѣ; и не успѣлъ я довесть до нее рѣчь, какъ и начала она о сей знакомицѣ своей съ такимъ жаромъ говорить и насказала мнѣ о сей молодой дѣвушкѣ, а особливо о матери ея столь много хорошаго, что я, наконецъ, почти соглашался уже на то, что начать за нее и свататься.

Къ сему побудила она меня наиболѣе тѣмъ увѣреніемъ, что она хотя лѣтами и дѣйствительно молода, но ростомъ такъ велика, что могла уже быть невѣстою. А въ томъ она почти несомнѣвается, что согласились бы можетъ быть ее и отдать, еслибъ посвататься. Словомъ, конференція наша тогдашняя объ ней кончилась на томъ, чтобъ Ивановнѣ моей взять на себя трудъ, и съѣздивъ въ этотъ домъ, порасспознать, по крайней мѣрѣ, мысли матери ея о томъ: расположилась ли-бъ она ее замужъ отдать, еслибъ сталъ кто свататься, и напримѣръ, такой человѣкъ, какъ я.

Не успѣли мы о семъ съ Ивановною смолвиться, какъ начала она уже требовать и назначенія самаго дня, въ который бы ей туда на моихъ лошадяхъ съѣздить. Сердце вострепетало тогда въ груди моей, какъ дошло до того, чтобъ назначить день сей. И я, неинако, какъ благословясь, и воспаривъ мысли свои къ небу и обративъ помышленія свои къ Богу, отважился на сей неизвѣстный мнѣ путь и къ назначенію дня сего. И какъ обоимъ намъ не хотѣлось дѣло сіе откладывать въ даль, то и назначено было къ тому 13-е сентября; и я снабдилъ ее парою своихъ лошадей и повощикомъ.

Не могу и понынѣ позабыть, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я возвращенія сей старушки, и съ какими душевными чувствіями препроводилъ я всѣ тѣ три дни, которые она въ сей путь проѣздила! Домъ госпожи Кавериной былъ отъ насъ не близко: жила она въ сосѣдственномъ къ намъ Алексинскомъ уѣздѣ и въ селѣ, отстоящемъ отъ насъ неближе, какъ верстъ за 40. Итакъ, надлежало употребить цѣлый день, покуда она туда доѣхала, другой весь прогостила она тамъ, какъ въ знакомомъ себѣ уже давно и ей благопріятствующемъ домѣ, и ко мнѣ не прежде могла возвратиться, какъ ввечеру третьяго дня.

Во всѣ сіи дни не были мысли мои ни на минуту въ покоѣ. Ивановна моя не выходила у меня изъ ума и памяти, и я не зналъ радоваться ли мнѣ, или тужить о томъ, что ее отправилъ, и началъ такое дѣло, которое не могло почесться бездѣлкою, а могло возымѣть важныя по себѣ послѣдствія. Обстоятельство, что предпріялъ я оное самъ собою и никому о томъ не сказавши и ни съ кѣмъ о томъ непосовѣтовавъ, еще болѣе меня смущало. Всѣ мысли мои колебались тогда какъ трость, колеблемая вѣтромъ. До сего имѣлъ я твердое предпріятіе не начинать отнюдь ни на комъ свататься, покуда не узнаю я коротко невѣсты и ея нрава и характера. А какъ поступилъ тогда совсѣмъ несообразно съ симъ правиломъ и началъ свататься за такую, которую не только не зналъ, но и не видалъ, а что того еще страннѣе — за сущаго почти ребенка; то мысли о семъ еще болѣе меня смущали и доводили до того, что я нѣсколько разъ уже и раскаявался, что поспѣшилъ такъ симъ дѣломъ, которое казалось мнѣ несообразнымъ ни съ какимъ благоразуміемъ.

«По крайней мѣрѣ, думалъ и говорилъ я самъ себѣ: надлежало бы мнѣ съ кѣмъ-нибудь инымъ о томъ напередъ поговорить и посовѣтовать, а не съ одною ничего незнающею старухою и ни о чемъ правильно судить немогущею нѣмкою, которая старается о томъ только изъ интереса и надѣясь получить себѣ за то какую-нибудь награду. Можетъ быть — говорилъ я далѣе — и не все то правда, что насказала она мнѣ о невѣстѣ и ея матери. Хорошо, еслибъ услышалъ я объ нихъ отъ другихъ, коимъ онѣ знакомы и

которые лучше судить о томъ могутъ, нежели простодушная нѣмка, которой, по простотѣ ея, все кажется хорошимъ».

Но тутъ приходило мнѣ и то на мысль, что, къ несчастію и посовѣтовать о томъ мнѣ было не съ кѣмъ: всѣ родственники, сосѣди и знакомцы мои были не таковы, чтобъ пристально мною интересовались. Къ тому-жъ, домъ сей никому изъ нихъ, по отдаленности, и знакомъ не былъ. Наконецъ, и то обстоятельство приходило мнѣ на мысль, что, по непомѣрной молодости помянутой дѣвушки, и стыдился даже я и неотваживался и упоминать объ ней никому.

Изъ всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ хотя и былъ г. Писаревъ такой, съ которымъ бы могъ я о семъ важномъ дѣлѣ поговорить и посовѣтовать; но и тому не имѣлъ бы я духа въ томъ открыться. Ктому-жъ, такъ случилось, что его во все сіе лѣто не было дома, но онъ былъ въ дальней отлучкѣ и я его уже давно не видалъ; а ежели-бъ и былъ, то, по подозрѣваемому въ немъ тайному намѣренію женить меня на сестрѣ своей, едва-ль бы я ему рѣшился въ намѣреніи своемъ открыться.

Сими и подобными сему мыслями занимался я тогда; но какъ дѣло было уже сдѣлано и Ивановна моя уже поѣхала, то неоставалось иного, какъ ополчаться на всѣ неизвѣстности и ждать всего отъ времени и случайности. По крайней мѣрѣ, ободрялъ я себя тѣмъ, что полагалъ почти завѣрное, что вся ѣзда моей Ивановны будетъ тщетная, и что ей, по причинѣ чрезвычайной молодости невѣсты моей, откажутъ совершенно и что изъ сего дѣла не выйдетъ ничего.

Наконецъ, увидѣлъ я и возвратившуюся мою посланницу—и сердце затрепетало во мнѣ, какъ вошла она нечаянно ко мнѣ въ комнату.

— Ахъ, вотъ и ты Ивановна, воскликнулъ я. Ну, что, моя голубка: «ель или сосна?» и имѣла ли ты какой успѣхъ въ своемъ путешествіи? и недаромъ ли проѣздила?..

— «Богъ знаетъ, батюшка, отвѣчала она мнѣ: и даромъ и недаромъ; и не знаю истинно что сказать вамъ».

—Что-жъ по крайней мѣрѣ? продолжалъ я ее спрашивать. Была ли ты тамъ? Застала ли дома? Видѣла ли и говорила ли обо всемъ?

— «Это все было, сказала она: и видѣла и говорила обо всемъ и обо всемъ, и мнѣ были тамъ очень рады, и насилу отпустили оттуда: хотѣли-было еще на цѣлые сутки удержать, но я уже отговорилась кое-какъ и сказала уже, что повощикъ мой несоглашается никакъ долѣе ждать».

— Хорошо! сказалъ я; но о дѣлѣ-то нашемъ что?

— «Ну, что, батюшка! отвѣчала она; я незнаю, что и сказать вамъ о семъ. Слушать они слушали все, что ни говорила и ни разсказывала я объ васъ, и имъ, кажется, все было не противно, и все слушали они съ удовольствіемъ. Но какъ дошло до дѣла, то и стали они въ пень, и не знали что мнѣ сказать на то, а твердили только, что невѣста-то слишкомъ еще молода, что ей и тринадцати лѣтъ еще несовершилось, и что при такой ея молодости имъ и подумать еще о выдаваніи ея замужъ невозможно».

— Ну, такъ, поэтому, они совершенно отказали тебѣ? сказалъ я.

— «Ахъ, нѣтъ отвѣчала она: отказать—они никакъ неотказывали; и именно мнѣ сказано, что неотказываютъ; а хорошо, говорятъ, когда бы можно было взять терпѣніе и дать время невѣстѣ подрость, а имъ, между тѣмъ, съ родными своими о томъ посовѣтовать. А на сіе нѐчего мнѣ было болѣе и говорить».

— Это конечно такъ, сказалъ я: а посему, и намъ о томъ говорить болѣе нечего; а видно что иного неостается, какъ искать другой невѣсты. Но по крайней мѣрѣ, не сказали-ль они тебѣ, сколько-жъ бы времени хотѣли бы они еще, чтобъ я подождалъ?

— «Хоть бы годокъ мѣсто, говорили они», сказала она.

— О, моя голубка! подхватилъ я: годъ не недѣля и не бездѣлка; въ это время

много воды утечетъ, и я со скуки, живучи одинъ, пропаду. Дѣло иное, если въ сіе время не найду я никакой иной невѣсты по-себѣ.

— «Ну, авось-либо, сказала на сіе старуха: по моимъ счасткамъ это такъ и сдѣлается и никакой другой и ненайдется».

Симъ образомъ кончилось тогда сіе первоначальное мое сватовство. И я, оставшись въ неизвѣстности, радъ былъ по крайней мѣрѣ тому, что незавязалось еще сіе дѣло такъ, чтобъ мнѣ отъ сей невѣсты и отстать было не можно. И какъ ничего рѣшительнаго положено не было, то и разсудилъ я—никому о семъ произшествіи несказывать, а сокрыть оное въ глубинѣ моего сердца, а между тѣмъ, продолжать приискивать себѣ другихъ невѣстъ.

Но всѣ мои старанія о томъ, какъ въ послѣдующую за симъ осень, такъ и въ первые зимніе мѣсяцы, были тщетны: нигдѣ неотыскивалось невѣсты, которая сколько-нибудь была бы мнѣ подъ стать. Дядя мой, хотя и непереставалъ твердить мнѣ о своей госпожѣ Палицыной, а помянутая старушка бабка, госпожа Темирязева о своей Хотаинцовой, увѣряя, что я матери сей послѣдней очень полюбился, и она охотно соглашается отдать за меня дочь свою; но мнѣ объ нихъ и слышать, а первую и видѣть никакъ не хотѣлось. И Провидѣніе, власно какъ очевидно, какъ отъ сихъ, такъ и отъ нѣсколькихъ другихъ, кой-кѣмъ предлагаемыхъ мнѣ невѣстъ и можетъ-быть для того меня отводило, что ему извѣстно было, что всѣхъ ихъ вѣкъ недолго продолжится: ибо къ особливому удивленію, изъ всѣхъ ихъ нѣтъ нынѣ уже ни одной въ живыхъ, и всѣ онѣ уже давно преселились въ царство мертвыхъ. Словомъ, Промыслъ Господень строилъ свое, а не то, что я думалъ и располагалъ.

Теперь, оставя сію матерію, разскажу вамъ, любезный пріятель, о прочемъ, происходившемъ со мною въ сію осень и о томъ, какъ и въ чемъ препроводилъ я какъ оную, такъ и первые зимніе мѣсяцы.

Жилъ я во все сіе время, хотя въ сущемъ уединеніи и одиночествѣ, однако не могу сказать, чтобъ проводилъ оное въ скукѣ. Привычка къ безпрерывной дѣятельности и къ заниманію себя чѣмъ-нибудь, не давала мнѣ никогда чувствовать скуки, но помогала мнѣ проживать уединенные дни свои еще съ удовольствіемъ. Ни одного дня не препроводилъ я въ праздности; но всегда находилъ себѣ столько упражненій, что не на долготу времени жаловался, а сожалѣлъ, напротивъ того еще, что оно протекаетъ слишкомъ скоро и мнѣ не дозволяетъ дѣлами своими столько заниматься, сколько бы мнѣ хотѣлось.

Покуда было еще тепло и можно было быть и заниматься чѣмъ-нибудь на дворѣ, то не сходилъ я почти съ онаго. Сперва занимали и увеселяли меня до безконечности плоды, созрѣвшіе въ садахъ моихъ. Со всѣми ими я спознакомливался и всѣ собиралъ съ особливымъ раченіемъ и удовольствіемъ. Потомъ, какъ наступила осень, то занимался опять садкою многихъ и разныхъ деревъ въ садахъ моихъ; а между тѣмъ, нѣсколько времени занимался другимъ и важнѣйшимъ дѣломъ.

Изъ всѣхъ нашихъ лѣсныхъ угодьевъ оставалась еще тогда одна прекрасная и въ нѣсколькихъ десятинахъ состоящая роща, извѣстная и понынѣ еще подъ именемъ Шестунихи, несрубленная. И какъ она была у насъ у всѣхъ общая и легко могла подвержена быть такой же опасности и несчастному жребію, какъ и недавно глупѣйшимъ образомъ срубленный молодой заказъ нашъ; то, жалѣя оную, хотѣлось намъ съ дядею спасти ее отъ того чрезъ раздѣлъ оной и убѣдить къ тому сосѣда нашего, генерала. И какъ, по особливому счастію, согласился и сей на то, то хотѣлось всѣмъ, чтобъ коммиссію сію взялъ я на себя и произвелъ раздѣлъ сей колико-можно лучшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ.

Но какъ сего безъ снятія сей рощи геометрическимъ образомъ на планъ учинить было не можно, то хотѣлось мнѣ, при помощи дяди моего, испытать надъ нею зна-

ніе свое геометріи въ практикѣ, которая дотого извѣстна мнѣ была только въ теоріи. Но какъ къ сему потребна была необходимо астролябія, у насъ же не было никакой, да и взять ее было негдѣ; а что того хуже, то мнѣ не случилось никогда ее и видѣть, то сперва не знали мы—чѣмъ пособить, въ семъ случаѣ, своему горю. Но наконецъ вздумали съ дядею сами смастерить себѣ нѣкоторой родъ астролябіи, и когда не совершенную, такъ, по крайней мѣрѣ, такую, которою-бъ можно было намъ хотя по однимъ угламъ снимать лѣсъ и прочія мѣста на планъ. Мы и произвели намѣреніе сіе въ дѣйство.

По наставленію и совѣту дяди моего мнѣ и удалось сдѣлать ее довольно изрядною; дно оловянной тарелки, расчерченное на градусы, долженствовало служить ей основаніемъ, а придѣланные діоптры и сдѣланный кое-какъ штативъ, придалъ ей желаемую къ дѣлу нашему способность. Мнѣ никогда еще не случалось дѣйствовать инструментомъ сего рода; но старику дядѣ моему нужно было только показать мнѣ первоначальные пріемы,—какъ дѣло и пошло у меня по порядку, и съ такимъ успѣхомъ, что въ немногіе дни обошелъ я весь оный лѣсъ, и въ состояніи былъ сдѣлать всему лѣсу очень вѣрный и такой планъ, по которому намъ легко уже было его раздѣлить по дачамъ и потомъ просѣками разрѣзать на части. Оба старики мои были тѣмъ чрезвычайно довольны; а я хорошимъ успѣхомъ перваго опыта своего былъ еще довольнѣе оныхъ.

Въ самое сіе время пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ старшій сынъ дяди моего и мой прежній въ рѣзвостяхъ сотоварищъ, Михайла Матвѣевичъ. Какъ онъ служилъ тогда въ артиллеріи офицеромъ и пріѣхалъ къ намъ изъ полку, то съ крайнимъ любопытствомъ и нетерпѣливостію хотѣлъ я видѣть сего ближайшаго родственника и будущаго своего современника и сосѣда. Я никакъ не сомнѣвался, что найду въ немъ великую перемѣну: я и нашелъ ее; но, увы! далеко не такую, какую желалъ бы я въ немъ найтить.

Онъ былъ хотя годомъ меня моложе и служилъ въ такомъ корпусѣ, гдѣ надобно бы ему чему-нибудь научиться и знать; но я нашелъ въ немъ совершеннаго неуча и во всемъ невѣжду,—которая даже до того простиралась, что онъ не зналъ и первѣйшихъ понятій изъ математики и наукъ, и не умѣлъ даже изображать лѣсъ на планахъ. Я остолбенѣлъ отъ удивленія, попросивъ его однажды помочь мнѣ при скопировываніи моихъ плановъ и увидѣвъ совершенную къ тому его неспособность.

Онъ прожилъ съ нами почти до Рождества и до самаго того времени, какъ поѣхалъ дядя мой по обыкновенію своему въ Москву. Прихаживалъ кой-когда ко мнѣ; но посѣщенія его были мнѣ не столько пріятны, сколько скучны и отяготительны: ибо, будучи не такихъ свойствъ какъ я, не о томъ онъ думалъ и помышлялъ, о чемъ думалъ я и не тѣмъ занимался, что мнѣ было надобно.

Какъ скоро настала глубокая и холодная осень, загнавшая меня въ тепло, то начались у меня другія упражненія. Родилась во мнѣ охота къ малеванію масляными красками. Никогда я еще до того не малевалъ оными: а тогда вздумалось мнѣ учинить тому опытъ и срисовать съ самого себя портретъ на холстѣ. Въ сей работѣ упражнялся я обыкновенно днемъ, и съ такимъ рвеніемъ и прилежностію, что не могу и понынѣ еще позабыть, какъ я однажды такъ заработался, что позабылъ даже объ обѣдѣ и удивился самъ-себѣ, какъ лычарда мой, Бабай, уже предъ самыми сумерками подступилъ ко мнѣ и сталъ спрашивать: не прикажу ли я на столъ накрывать?

— Какъ, удивясь, спросилъ я его: развѣ я еще не обѣдалъ?

— «Да нѣтъ еще», сказалъ онъ.

— Ну, братъ, хороши же мы съ тобою, сказалъ я, захохотавъ. Я заработался, а ты такъ хорошъ, что мнѣ и не напомнилъ.

— «Да я, сударь, все ждалъ приказанія вашего».

— Ну, ну—хорошо. Собирай же скорѣе; а то намъ и куры будутъ смѣяться, что мы про обѣдъ позабыли.

Что касается до длинныхъ и скучныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ, то всѣ сіи посвящалъ я литературѣ и наукамъ, и занимался въ оные либо чтеніемъ книгъ, либо писаніемъ. И хотя я просиживалъ всѣ сіи вечера одинъ одинехонекъ съ свѣчкою предъ собой и подлѣ тепленькой печки, и хотя и во всѣхъ хоромахъ, кромѣ меня и сотоварища моего Бабая, не бывало ни жадной души,—да и сей сотоварищъ мой не со мною сиживалъ, а забившись въ лакейскую сыпалъ крѣпкимъ сномъ, такъ, что нерѣдко нахаживалъ я его впрятавшагося совсѣмъ въ печь, и съ высунувшею только изъ оной и на стулъ положенною головою, храпящаго; однако, несмотря на все сіе, провождалъ я длинные вечера сіи, при помощи книгъ своихъ, безъ малѣйшей скуки. И за сіе въ особливости благодарить я долженъ свою «Дѣтскую философію».

Сія книга обязана произшествіемъ своимъ самому сему моему тогдашнему уединенію: ибо я упражнялся тогда наиболѣе въ сочинeніи первой части оной. Мнѣ вздумалось въ сіе время предприять сіе дѣло на досугѣ и отъ скуки; а побудило меня къ тому наиболѣе «дѣтское училище». Мнѣ хотѣлось, подражая нѣкоторымъ образомъ госпожѣ де-Бомонтъ, изъяснить такимъ же легкимъ и удобопонятнымъ образомъ для дѣтей всю наиважнѣйшую часть метафизики или естественную богословію; а притомъ, все сочиненіе расположить такъ, чтобъ оно могло послужить въ пользу и будущей молодой женѣ моей, если не на иной, а на сей доведется мнѣ жениться. Вотъ причина, для которой и помѣщены въ ней первые разговоры, изображающіе такой характеръ молодой женщины, какой хотѣлось бы мнѣ, чтобъ имѣла будущая моя подруга; ибо какъ никакой иной невѣсты не отыскивалось, то начиналъ я думать, что едва ли не той судьба назначаетъ быть за мною, которая предлагаема мнѣ была нѣмкою Ивановною.

При всѣхъ помянутыхъ литературныхъ и любопытныхъ моихъ упражненіяхъ, не оставлялъ однако я и того, чтобъ временно видаться и съ немногими сосѣдями своими. Хотя и не очень часто, однако хаживалъ я и къ обоимъ старикамъ, ближнимъ сосѣдямъ моимъ и просиживалъ у нихъ иногда по нѣскольку часовъ; а ѣзжалъ также и къ г. Ладыженскому и къ Іевскому. Осенью же, услышавъ, что съ Москвы съѣзжалъ въ старинную свою деревню дядя мой, г. Арсеньевъ, Тарасъ Ивановичъ, ѣздилъ я къ нему за Серпуховъ, въ село Кислино, и принятъ былъ отъ него съ отмѣнною ласкою. А не оставилъ также, чтобъ не побывать и у сестры его, а моей тетки, Матрены Ивановны Аникѣевой.

Сію милую, разумную и почтенную старушку любилъ и почиталъ я съ самаго младенчества; да и она любила меня отмѣнно, и была очень довольна, что я пріѣзжалъ къ ней въ деревню. И какъ она непреминула также начать говорить со мною о женитьбѣ и совѣтовать оною не медлить, то ей только одной открылся я въ начатомъ своемъ сватовствѣ. И она не только мнѣ не отговаривала, но и совѣтовала не упускать сей невѣсты, если только отдадутъ, говоря, что молодость ни мало не мѣшаетъ, и что для меня несравненно безопаснѣе и лучше жениться на молодой и простой деревенской дѣвушкѣ, нежели на модной и развращенной какой-нибудь московской модницѣ и вертопрашкѣ. Сіе подкрѣпило меня очень много въ моемъ намѣреніи продолжать сіе дѣло. И я невѣдомо какъ жалѣлъ, что милая и разумная сія старушка жила отъ меня такъ далеко, что не можно было мнѣ видаться съ нею часто и пользоваться искренними ея совѣтами.

Симъ образомъ дѣлилъ я свое время между домашними упражненіями и разъѣздами по своимъ сосѣдямъ. Ко мнѣ же, какъ къ холостому человѣку, рѣдко кто пріѣзжалъ. Одинъ только прежній мой пріятель, г. Писаревъ непреминулъ меня посѣтить, какъ скоро возвратился изъ своего путешествія въ смоленскіе предѣлы,—и прогостилъ у меня опять нѣсколько дней сряду.

Сіе время было для меня опять лучше

всякаго праздника: ибо съ нимъ могъ я опять обо-всемъ и обо-всемъ наговориться до сыта. И я не видалъ какъ протекли тѣ три дня, которые онъ у меня пробылъ; я показывалъ ему начатой свой трудъ и читалъ съ нимъ все, сколько ни сочинено было до того времени моей «Дѣтской философіи», и онъ, расхваливъ ее, совѣтовалъ мнѣ продолжать оную.

Но что касается до начатаго мною сватовства, то не отважился я упомянуть ему объ ономъ ни единымъ словомъ: ибо боялся чтобъ не сталъ онъ меня за то гонять и называть предпріятіе мое неблагоразумнѣйшимъ дѣломъ. Я не переставалъ все еще подозрѣвать его въ сокровенномъ его намѣреніи женить меня на сестрѣ своей: и тѣмъ паче, что не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ и началъ мнѣ разсказывать о своемъ путешествіи въ Смоленскъ, гдѣ сестра его тогда у какой-то родственницы находилась, и превозносить ее безчисленными и непомѣрными похвалами, разсказывая мнѣ какъ она разумна и какая великая охотница до читанья книгъ, а особливо такихъ, о которыхъ онъ зналъ, что были у меня въ особомъ почтеніи, какъ напримѣръ, Гофмановы, «о спокойствіи и удовольствіи», и другихъ тому подобныхъ.

Всѣмъ тѣмъ, а особливо изображеніемъ изящнаго ея нрава, тихаго и кроткаго ея поведенія и отмѣнно хорошаго характера—старался онъ сколько могъ предубѣдить меня въ ея пользу. Въ чомъ, можетъ быть, наконецъ онъ и успѣлъ бы, еслибъ, по счастію моему, не случилось мнѣ за короткое время до его ко мнѣ пріѣзда нечаянно узнать о сестрѣ его то, что онъ тщательно отъ меня сокрыть старался, а именно: что она гораздо меня старѣе, была очень дурна собою и что самый нравъ и характеръ ея былъ далеко не таковъ хорошъ, какимъ онъ его изображалъ; а что всего хуже, то не имѣла за собою никакого почти приданаго. Все сіе услышалъ я нечаянно отъ старика генерала, моего сосѣда, которому случилось ее видѣть, и которому всѣ обстоятельствы ихъ дома, бывшаго ему какъ-то еще и сродни, были коротко знакомы.

Старикъ сей, говоря еще о семъ, именно упоминалъ мнѣ, что вотъ и она невѣста; но для меня ни мало не подъ стать и никакъ не годится. А сей нечаянный случай и помогъ мнѣ, въ разсужденіи сего пункта, взять предварительно отъ г. Писарева предосторожность и не всему тому слѣпо вѣрить, что онъ мнѣ объ ней внушить старался. А какъ тотчасъ потомъ сталъ онъ меня наитщательнѣйшимъ образомъ разспрашивать, не нашелъ ли я себѣ гдѣ-нибудь невѣсты и не сватаетъ ли за меня кто какую, также, нѣтъ ли у меня какой на умѣ? то сіе еще болѣе увеличило во мнѣ къ нему подозрѣніе и побудило меня еще болѣе сокрыть отъ него начатое сватовство, а упомянуть только о госпожѣ Хотяинцовой и о бывшемъ у насъ сей невѣстѣ смотрѣ, которое произшествіе, какъ сдѣлавшееся всѣмъ извѣстнымъ, было безсумнѣнно ему уже и безъ того вѣдомо. И какъ онъ, услышавъ о томъ, сталъ надсѣдаться со смѣха, и не только всячески ее опорочивать и поднимать и ее и меня на смѣхъ, то сіе еще и болѣе подкрѣпило меня въ подозрѣніи о его къ себѣ неискренности въ семъ пунктѣ, и побудило тщательно утаевать отъ него мое послѣднее сватовство.

Впрочемъ, памятно мнѣ, что и въ сей годъ, въ день имянинъ своихъ, сдѣлалъ я у себя небольшую пирушку и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ ближнихъ моихъ сосѣдей. Оба старики сосѣди мои удостоили меня опять своимъ посѣщеніемъ; но кромѣ ихъ и любезнаго сосѣда моего г. Ладыженскаго, никого въ сей разъ у меня не было.

Вотъ почти все, что происходило въ теченіи послѣднихъ мѣсяцовъ сего года. Ибо кромѣ сего не помню я ничего особливаго и такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Кромѣ того, что какъ я въ сей годъ не имѣлъ дальней нужды ѣхать въ Москву, а сверхъ того боялся, чтобъ тамъ опять невозобновить знакомства своего съ госпожами Бакѣевыми, то

расположился я и самые святки пробыть дома и довольствоваться тѣми увеселеніями, какія могла доставить мнѣ деревенская жизнь. И частыя свиданія съ моими сосѣдями помогли мнѣ и дѣйствительно препроводить ихъ безъ дальней скуки: и одинъ домъ г. Ладыженскаго въ состояніи уже былъ доставить мнѣ удовольствіевъ множество, и по веселому характеру хозяина сего дома было мнѣ въ ономъ всегда весело и никогда нескучно.

А всѣмъ симъ могъ бы я и всю исторію сего года кончить, еслибъ неоставалось мнѣ еще одного, чѣмъ я вамъ, любезный пріятель, долженъ, а именно то, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе и о концѣ той славной нашей «семилѣтней войны», о которой въ предслѣдовавшихъ моихъ письмахъ говорилъ я такъ много, и которая въ теченіи сего года получила совершенное уже свое окончаніе. О сей войнѣ хотя, по удаленіи своемъ въ деревню, и не имѣлъ я почти и слуховъ; но какъ несомнѣваюсь я, что (вы) любопытны знать и слышать, чѣмъ странная война сія кончилась, то разскажу вамъ все, что мнѣ впослѣдствіи времени сдѣлалось о томъ извѣстно, и чрезъ то усовершенствовать сколько-нибудь мое объ ней повѣствованіе. Однако, учинить сіе дозвольте мнѣ не теперь, а въ письмѣ за симъ послѣдующемъ, — а между тѣмъ, сказать вамъ, что я есмь и прочее.

КОНЕЦЪ ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

Письмо 110-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ вамъ въ семъ письмѣ разсказать вкратцѣ о томъ, чѣмъ и какъ славная наша прусская война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Семилѣтней», кончилась, и приступая теперь къ сему повѣствованію, прошу припомнить все то, что я объ ней разсказывалъ прежде, и тѣ обстоятельствы, на которыхъ мы тогда остановились. А дабы вамъ удобнѣе сіе учинить было можно, то возвратимся на минуту нѣсколько назадъ, — и къ самому тому времени, какъ скончалась наша императрица Елисаветъ Петровна.

Время сіе, какъ я тогда уже вамъ упоминалъ, было для прусскаго короля самое критическое. Онъ доведенъ былъ всѣми предслѣдующими кампаніями до самаго уже истощанія; а послѣдніе наши и союзниковъ нашихъ, цесарцовъ, завоеванія довели его до такой крайности, что онъ, будучи почти совсѣмъ безъ денегъ, безъ войска, безъ генераловъ и офицеровъ, не находилъ себя въ состояніи выдержать еще и полугодичную войну и началъ уже дѣйствительно опасаться, чтобъ не лишиться ему — когда не всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ земель, такъ, по крайней мѣрѣ, бо̀льшей части оныхъ. А сіе, по всѣмъ тогдашнимъ и прямо для его несчастнымъ обстоятельствамъ, можетъ быть и дѣйствительно-бъ совершилось, еслибъ продлилась еще хоть одинъ годъ жизнь императрицы Елисаветы. Но нечаянная и никѣмъ неожидаемая кончина сей монархини нашей, произшедшая можетъ быть и несовсѣмъ натурально, а чрезъ поспѣшествованіе къ тому врачей ея, которые за самое то сдѣлались потомъ несчастными, произвела во всей войнѣ сей столь великій переворотъ, что весь свѣтъ впалъ отъ того власно какъ въ нѣкое изумленіе. Великая, безпримѣрная и почти чрезъестественная дружба наслѣдника ея къ королю прусскому произвела сію великую и никѣмъ неожидаемую во всѣхъ обстоятельствахъ перемѣну.

Я вамъ разсказывалъ уже, что императоръ нашъ Петръ III неуспѣлъ вступить на престолъ, какъ первѣйшимъ дѣломъ своимъ почелъ заключить съ прусскимъ королемъ сперва перемиріе, а въ непродолжительномъ времени потомъ и самый миръ. И не только велѣлъ сначала находившемуся тогда при цесарской арміи нашему Чернышовскому, и въ 20-ти тысячахъ человѣкъ состоявшему корпусу, отошедъ отъ цесарцевъ, возвратиться чрезъ прусскія области въ Польшу; но какъ цесарцы невосхотѣли тотчасъ предложенію его и совѣту повиноваться и съ пруссаками

заключить миръ, то, разсердившись за то, приказалъ сему, уже за Бреславль прошедшему корпусу, не только остановиться, но, соединившись съ арміею короля прусскаго, находиться у него въ полномъ повиновеніи.

Таковая поступка нашего императора и заключенный имъ съ прусскимъ королемъ, не только миръ, но и дружественный союзъ, — а вскорѣ за симъ воспослѣдовавшій миръ у прусскаго двора съ шведскимъ государствомъ, — не только разстроилъ всѣ дѣла нашихъ, воевавшихъ противъ прусскаго короля союзниковъ, но ободрили прусскаго короля такъ, что онъ поднялъ опять голову, и началъ самъ уже на другихъ нагонять страхъ и опасеніе. По чрезвычайной расторопности своей, нашелъ онъ средства чрезъ короткое время снабдить себя всѣмъ-и-всѣмъ нужнымъ и ополчиться противъ непріятелей своихъ такъ, что въ половинѣ лѣта былъ уже готовъ, при помощи нашихъ, начинать великія предпріятія.

Его главное намѣреніе было овладѣть паки славною и въ послѣднюю кампанію цесарцами отнятою у него шлезскою крѣпостью Швейдницомъ, — отъ завладѣнія которою весьма многое зависѣло. Но какъ цесарцы не только имѣли въ оной сильной гарнизонъ, но и вся цесарская армія, подъ командою опять славнаго ихъ фельдмаршала графа Дауна, въ недальномъ разстояніи стояла въ горахъ, окопавшись, и могла сей осадѣ дѣлать помѣшательство, то нужно было королю какимъ-нибудь образомъ отдалить и вытѣснить изъ горъ сію цесарскую армію и пресѣчь ей сообщеніе съ Швейдницомъ.

Для сего разсудилось ему отправить отдѣленной легкой корпусъ съ нашими казаками во внутренность Богеміи, для опустошенія и разграбленія мѣстъ позади цесарской арміи находящихся,— въ надеждѣ, что сіе побудитъ Дауна сойтить съ своихъ укрѣпленныхъ горъ и отойтить въ Богемію. Но какой успѣхъ посланные отъ короля прусскаго въ предпріятіи своемъ ни имѣли и какое разореніе тамошнимъ мѣстамъ казаки наши ни причинили,— но все сіе не могло никакъ поколебать хитраго фельдмаршала цесарскаго: онъ не сошелъ никакъ съ горъ. А сіе и причиною было, что король, не находя иныхъ средствъ, рѣшился наконецъ въ сихъ горахъ его атаковать и произвесть то силою, чего не могъ произвесть онъ хитростію и искуствомъ.

Произшествіе сіе было славное, и болѣе потому, что король принужденъ былъ употребить все свое военное искуство при семъ случаѣ и производить атаку сію укрѣпленныхъ горъ съ крайнимъ разсмотрѣніемъ. Онъ и произвелъ ее прямо мастерскимъ образомъ.

Но совсѣмъ тѣмъ, едваль бы могъ имѣть въ томъ успѣхъ вожделѣнный, если-бъ нечаянный и особливый случай не сдѣлалъ ему въ томъ вспоможенія. Ибо въ самое то время, когда только-что хотѣлъ онъ начинать сію атаку при помощи нашего Чернышовскаго корпуса, получаетъ графъ Чернышовъ вдругъ курьера съ извѣстіемъ о вступленіи императрицы Екатерины на престолъ и съ повелѣніемъ, чтобъ ему того часа иттить отъ прусской арміи прочь и возвратиться къ прочей нашей арміи, находившейся тогда еще въ Пруссіи.

Короля сразило сіе неожидаемое и всѣ его замыслы и дѣла разстроившее извѣстіе. Однако, онъ хотя бы и могъ тогда остановить и совсѣмъ обезоружить нашъ корпусъ; но сего никакъ не сдѣлалъ, а отпустилъ его съ честію, и такъ, какъ бы дружественное войско. А воспользовался онъ при семъ случаѣ только тѣмъ, что упросилъ графа Чернышова, чтобъ онъ до того времени, покуда сдѣланы будутъ по дорогѣ, для обратнаго шествія его, всѣ нужныя приуготовленія, и не болѣе, какъ дня два или три, необъявлялъ бы о семъ повелѣніи никому, а сокрывъ бы оное въ тайнѣ, постоялъ съ корпусомъ своимъ на одномъ, ему назначенномъ мѣстѣ, хотя безъ всякаго дѣла. И какъ графъ Чернышовъ ему сіе одолженіе и сдѣлалъ,

то и поставилъ онъ корпусъ его въ такомъ мѣстѣ, что незнающимъ еще ничего о томъ цесарцамъ принуждено было отдѣлить знатную часть своей арміи и поставить противъ сего мнимаго непріятельскаго корпуса и чрезъ то ослабить оставшую и ту часть своей арміи, которую король атаковать замышлялъ. А чрезъ самое то и удалось ему, хотя съ великимъ трудомъ, но получить надъ ними великій выигрышъ, и не только овладѣть ихъ горскими укрѣпленіями, но вытѣснить ихъ изъ горъ и принудить отойтить въ Богемію. Итакъ, корпусъ нашъ, хотя и не былъ въ дѣйствіи, но стоялъ спокойно, но однимъ присутствіемъ своимъ помогъ получить ему великую выгоду.

Сія была послѣдняя короля прусскаго хитрость, употребленная нѣкоторымъ образомъ противъ насъ и своихъ непріятелей. Послѣ того не сталъ онъ ни минуты болѣе держать нашъ корпусъ; но одаривъ графа Чернышева прямо по-королевски, отпустилъ его съ честію отъ своей арміи.

Симъ образомъ разстались тогда наши съ пруссаками, и хотя не проливали за него кровь свою, но сдѣлали побочнымъ образомъ ему великое вспоможеніе. И онъ во все время пребыванія нашего корпуса у него воспользовался только вышеупомянутымъ дѣйствіемъ нашихъ казаковъ, доѣзжавшихъ при набѣгахъ своихъ въ Богеміи почти до самаго столичнаго богемскаго города Праги и причинившихъ цесарскимъ землямъ великія опустошенія и подавшихъ королю прусскому первый поводъ къ украшенію всей конницы своей султанами на шляпахъ и шапкахъ, которое обыкновеніе сдѣлалось потомъ, какъ извѣстно, и всеобщимъ. Случай къ тому былъ тотъ, что хотя различіе между прусскою и цесарскою конницею было во многихъ вещахъ и довольно примѣтно, но дураки наши казаки не могли никакъ того примѣчать и различать; но часто самую прусскую кавалерію почитали цесарскою. А дабы сдѣлать нервую для нихъ примѣтною, то и вздумалъ король отличить всю конницу свою для казаковъ сими султанами.

Весь свѣтъ тогда не сомнѣвался, что у насъ возобновится опять война съ королемъ прусскимъ; да и нельзя было инако и думать: ибо императрица наша, почитавшая до того короля прусскаго личнымъ себѣ недругомъ, не только въ первомъ уже манифестѣ своемъ назвала короля злѣйшимъ непріятелемъ Россіи; но и тотчасъ по вступленіи на престолъ отправила повелѣнія какъ къ помянутому Чернышову, такъ и ко всей тогда еще въ Пруссіи находившейся нашей арміи, чтобъ почитать пруссаковъ опять своими непріятелями и всѣхъ прусскихъ жителей привесть опять въ вѣрности къ себѣ къ присягѣ. Однако, въ мнѣніи своемъ всѣ обманулись, и произошло совсѣмъ тому противное и не ожидаемое всѣми возобновленіе войны, а подтвержденіе и съ стороны ея заключеннаго уже до того императоромъ мужемъ ея съ пруссаками вѣчнаго мира.

Всѣ историки тогдашняго времени приписывали неожидаемому явленію сему слѣдующую и въ особливости достопамятную причину. Говорятъ, что какъ начали по кончинѣ императора Петра III, при присутствіи самой императрицы, разбирать всѣ письменныя дѣла въ его кабинетѣ, то нашлись тутъ многія своеручныя письмы короля прусскаго къ императору, изъ которыхъ оказалось, что онъ далеко не такой былъ врагъ императрицѣ, каковымъ она его себѣ почитала, но напротивъ того, онъ многажды его наиубѣдительнѣйшимъ образомъ увѣщевалъ быть во всемъ воздержнѣе и благоразумнѣе, и не посягать ни мало и ни въ чемъ противъ императрицы, своей супруги; и что сіи письмы, якобы до слезъ и такъ разстрогали императрицу, что она въ тотъ же часъ оставила намѣреніе свое съ нимъ воевать; а рѣшилась подтвердить заключенный съ нимъ миръ, и отправила въ тотъ же день противныя прежнимъ повелѣнія свои въ армію, находившуюся въ Пруссіи, и приказала выттить ей совсѣмъ изъ прусскихъ предѣловъ и оставить всѣ наши завоеванія.

Всѣ сіи перемѣны послѣдовали столь скоропостижно другъ за другомъ, что и неудивительно, что въ прусскомъ городѣ Кёнигсбергѣ произошло то въ особливости историками замѣченное странное явленіе, что 26-го іюня находились еще утвержденные на воротахъ и въ другихъ мѣстахъ сего города россійскіе двухглавые орлы; 27-го числа были онивсѣ, по случаю заключеннаго императоромъ Петромъ III съ Пруссіею мира, сняты и вмѣсто ихъ поставлены прежніе прусскіе, одноглавые орлы; а 4-го іюля явились, по повелѣнію императрицы, на нихъ опять россійскіе орлы, а 9-го числа іюля, наконецъ, поставлены опять и навсегда уже прусскіе орлы.

Но какъ бы то ни было, но симъ кончилась тогда съ нами вся бывшая до того кровопролитная война, пожравшая у насъ болѣе трехъ-сотъ тысячъ нашего россійскаго народа, извлекшая изъ нѣдръ Россіи несмѣтные милліоны денегъ и непринесшая намъ никакой иной пользы, кромѣ того, что войска наши и генералы научились лучше воевать, и все лучшее служившее тогда въ арміи россійское дворянство, препроводивъ столько лѣтъ въ земляхъ нѣмецкихъ, насмотрѣлось всей тамошней экономіи и порядкамъ. И получивъ, потомъ, въ силу благодѣтельнаго манифеста о вольности дворянства, отъ военной службы увольненіе, въ состояніи было перемѣнить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную деревенскую экономію; и приведя ее несравненно въ лучшее состояніе, чрезъ самое то придать и всему государству иной и предъ прежнимъ несравненно лучшій видъ и образъ, —хотя заплатило за сіе и очень дорого!

Послѣ сего недолго уже продолжалась и въ другихъ мѣстахъ сія кровопролитная и на вѣки достопамятная война. Однако, во все теченіе 1762-го года, все еще она продолжалась и въ разныхъ мѣстахъ пролито еще много крови человѣческой. Но изъ всѣхъ, бывшихъ въ сіе время и послѣднихъ военныхъ произшествій, ни которое такъ недостопамятно, какъ осада пруссаками помянутаго шлезскаго города Швейдница, которую король прусскій тотчасъ предприялъ, какъ скоро удалось ему вышеупомянутымъ образомъ вытѣснить цесарскую армію изъ горъ и прервать чрезъ то ей сообщеніе съ помянутою крѣпостью.

Всѣ историки сего времени утверждаютъ, что изъ всѣхъ бывшихъ во всю сію «семилѣтнюю» войну многочисленныхъ осадъ, никоторая не была такъ достопамятна, какъ сія. И, вопервыхъ, потому, что производима была по всей формѣ военнаго искуства; во-вторыхъ, что производима была цѣлою прусскою арміею при глазахъ и при распоряженіяхъ самого короля прусскаго и, что того болѣе, въ виду и всей цесарской арміи, подъ командою славнаго ихъ генерала графа Д а у н а, старавшагося освободить крѣпость сію отъ осады и вскорѣ послѣ начатія оной къ ней подоспѣвшаго, но всею хитростію своею немогшаго никакъ ее освободить отъ осады; въ-третьихъ, что крѣпость сія защищаема была сильнымъ и болѣе, нежели въ 9,000 человѣкъ состоящимъ гарнизономъ, подъ командою искуснаго въ военномъ ремеслѣ коменданта генерала Г а с к а; въ-четвертыхъ, что какъ осаждаема, такъ и защищаема была по предписаніямъ и распоряженіямъ двухъ славнѣйшихъ въ тогдашнее время въ свѣтѣ инженеровъ, доведшихъ инженерное искуство до высочайшей степени совершенства и старающихся другъ предъ другомъ всему свѣту доказать великое свое въ сей наукѣ знаніе.

А всего страннѣе, удивительнѣе и достопамятнѣе было то, что оба сіи великіе инженеры были родомъ французы, оба старинные между собою друзья и въ прежнія времена сослуживцы и военные камерады: одинъ назывался Г р и б о в а л ь, и защищалъ крѣпость, а другой Л е ф е в р ъ, и распоряжалъ всѣми дѣйствіями осаждающихъ. Первый находился еще и тогда во французской службѣ и былъ, за отличную свою способность, присланъ отъ короля французскаго къ австрійской арміи, а послѣдній служилъ тогда королю Фридриху. Оба они были писатели, оба имѣли осо-

бия и собственныя свои системы, которыя каждый изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ защищать старался. И тогда оказался рѣдкій случай доказать обоимъ имъ доброту своихъ теорій дѣйствительною практикою предъ глазами всего свѣта. Матеріалы къ симъ испытаніямъ, яко то, человѣческая кровь, желѣзо и порохъ предоставлены были имъ на волю. Лефевръ хотѣлъ взять крѣпость преимущественно подкопами и взять въ короткое время; но онъ хотя и исполнилъ свое обѣщаніе, но только весьма несовершенно и принужденъ былъ почти поступать на большую часть по старымъ правиламъ.

Нельзя изобразить, сколь многія употребляли они другъ противъ друга хитрости, и какое множество дѣлано было съ обѣихъ сторонъ минъ и контраминовъ! Славные и такъ-называемые глобы де-компресіонъ, или гнетущіе шары, сдѣлались наиболѣе въ семъ случаѣ извѣстными и были многимъ сотнямъ людей смертоносными. Но и кромѣ того, производима была при сей осадѣ не только сверхъ земли, но и въ нѣдрахъ оной настоящая война и съ разными съ обѣихъ сторонъ успѣхами. Но осажденнымъ удавалось какъ-то всегда брать надъ пруссаками преимущество, и бѣдный Лефевръ, наживъ презрѣніе отъ всей прусской арміи, доходилъ даже до такого отчаянія, что самъ себѣ искалъ смерти, вдаваясь въ величайшія опасности, и что король принужденъ былъ уже его самъ утѣшать и ободрять при его неудачахъ.

Теперь было бы слишкомъ пространно, еслибъ описывать всѣ бывшія при сей осадѣ произшествія; а довольно когда сказать, что было ихъ множество разныхъ, рѣдкихъ и достопамятныхъ, и что продлилась осада сія до самаго октября мѣсяца и цѣлые 63 дня отъ открытія траншей, и что помогла пруссакамъ овладѣть сею крѣпостью одна ихъ гаубичная граната, попавшая случайнымъ образомъ въ такое мѣсто, гдѣ лежало у цесарцевъ много пороху и которая, зажегши оной, взорвала цѣлой бастіонъ, съ двумя гренадерскими ротами и многими австрійскими офицерами на воздухъ. Сіе только произшествіе, разстроившее всѣ распоряженія осажденныхъ, принудило, наконецъ, цесарскаго коменданта, недопуская до приступа, сдать крѣпость сію королю прусскому и отдаться ему со всѣмъ своимъ гарнизономъ въ плѣнъ.

Съ обѣихъ сторонъ погибло при осадѣ сей тысячи почетыре людей и выстрѣлено до трехсотъ-тысячъ пушечныхъ, гаубичныхъ и мортирныхъ зарядовъ. И королю, какъ ни жаль было потерянныхъ толь многихъ людей при сей осадѣ, но онъ такъ почтилъ храбрость защищавшаго толь долго крѣпость коменданта, что посадилъ его съ собою за столъ обѣдать.

Что касается до цесарскаго фельдмаршала Дауна, то неудача его при освобожденіи сей крѣпости отъ осады нанесла ему великое безчестье, и приписывалась наиболѣе враждѣ его противъ Лаудона. И въ Вѣнѣ такъ были недовольны поступками его въ семъ случаѣ, что народъ публично-было обругалъ жену его на улицѣ. И какъ сіе было послѣднее знаменитѣйшее дѣйствіе у цесарцевъ съ пруссаками, то, къ сожалѣнію, и кончилъ сей славный полководецъ войну сію не съ славою для себя, а съ порицаніемъ и хулою.

Послѣ взятія Швейдница, не произошло уже ничего въ особливости достопамятнаго у короля прусскаго съ австрійцами. Но у имперской арміи, бывшей подъ командою принца Штольберхскаго и дѣйствовавшей противъ принца Гейнриха, были еще многія произшествія.

Сей удалось одержать надъ пруссаками нѣкоторыя поверхности; но побѣда, одержанная принцомъ Гейнрихомъ 29-го октября при Фрауенштейнѣ, затмила всѣ оныя и доставила съ сей стороны пруссакамъ поверхность надъ германцами, такъ что они войски свои посылали даже внутрь Германіи и сіи, достигая до самаго Нюренберга, нанесли германцамъ много вреда и чрезъ все то побудили наиболѣе ихъ къ заключенію вскорѣ потомъ перемирія.

А такимъ же образомъ происходило много разныхъ военныхъ дѣйствій и у

французовъ съ гановеранцами въ окрестностяхъ Рейна и Вестфаліи; и побѣда, одержанная французами при Іоганисбургѣ, неподалеку отъ Фридберга, надъ наслѣднимъ принцемъ брауншвейгскимъ 30-го августа, было послѣднимъ въ сей странѣ военнымъ дѣйствіемъ въ сей войнѣ, разорявшей болѣе шести лѣтъ не только всю Европу, но обѣ Индіи и Америку.

Величайшимъ поводомъ ко всеобщему примиренію и окончанію сей разорительной войны подала собою Франція. Сія претерпѣла въ сію войну всѣхъ прочихъ государствъ болѣе: и англичане на морѣ были противъ оной такъ счастливы, что отняли у ней почти всѣ ея американскія и азіатскія земли и колоніи, и Франція, какъ людьми, такъ въ особливости деньгами, такъ истощилась, что предвидѣла явную себѣ пагубу. Все сіе и понудило ее домогаться скорѣйшаго мира; и по особливому для ей счастію и удалось ей заключить оной въ началѣ сего 1763-го года въ Фонтенебло съ англичанами и получить, кромѣ одной бездѣльной и ничего незначущей и пустой сѣверной американской провинціи Канады, всѣ свои потерянные американскіе и азіатскіе острова и поселенія обратно.

Съ Англіею произошло при семъ случаѣ тоже, что и съ нами: она лишилась всѣхъ своихъ завоеваній, купленныхъ рѣками крови, съ приумноженіемъ многими милліонами національнаго своего и такъ много ее отягощающаго долга. Но сего бы никогда не случилось, еслибъ, по особливому для ея несчастію, не произошло въ министерствѣ, ея перемѣны, и когда бы кормило правленія по особливому случаю, по исторженіи изъ рукъ мудраго Питта, не попалось въ руки глупому и почти безсмысленному англійскому лорду Бутту.

Неуспѣли французы отстать отъ австрійцевъ или цесарцевъ, какъ и симъ не оставалось уже другого средства, какъ также поспѣшить заключеніемъ мира съ королемъ прусскимъ и пожертвовать также всѣми своими о завоеваніи Шлезіи надеждами. Послѣдній миръ сей заключенъ былъ наконецъ при глазахъ самого короля прусскаго, въ саксонскомъ замкѣ Губертсбургѣ, 15-го февраля сего 1763-го года, и, по силѣ онаго, къ удивленію всего свѣта, изъ всей сей кровопролитной войны не вышло ничего, и всѣ державы остались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ и при тѣхъ границахъ, въ какихъ они были при начатіи войны. И война сія сдѣлала лишь только то, что многія сотни тысячъ человѣкъ во всѣхъ частяхъ свѣта пролили свою кровь, и милліоны фамилій и семействъ впали въ бѣдность и разорились.

Одной Саксоніи стоила война сія деньгами и продуктами всякаго рода болѣе 70-ти милліоновъ талеровъ, и одна Европа потеряла болѣе милліона людей. Всѣ державы, выключая одну Пруссію, нажили на себя превеликіе и такіе долги, коихъ тягость будутъ ощущать и самые еще поздніе потомки ихъ. А сколько городовъ, селъ и деревень разорено и опустошено было, о томъ и упоминать почти нечего. Вся задняя Померанія и часть Бранденбургіи сдѣлались совершенными пустынями; а и многія другія области и земли находились не въ лучшемъ состояніи, и во многихъ мѣстахъ не было людей, а въ другихъ мущинъ однихъ — и женщины пахали землю. А были области, въ которыхъ и сихъ не было, и видны были превеликія полосы земли, гдѣ и слѣдовъ прежняго земледѣлія было непримѣтно. Одинъ офицеръ писалъ, что онъ, путешествуя чрезъ Гессенскія земли, семь деревень проѣхалъ и во всѣхъ ихъ нашелъ одного только человѣка, и тотъ былъ пасторъ, варившій въ пищу себѣ бобы одни.

Вотъ какова была сія война наша и какія послѣдствія были оной! Она будетъ долго памятна не только намъ, но и всей Европѣ.

Симъ оканчиваю я всѣ мои военныя извѣстія, а вкупѣ и все сіе десятое собраніе писемъ моихъ, сказавъ, что я есмь вашъ и прочая.

Конецъ
десятой части.

Сочинена въ генварѣ 1801, переписана въ ноябрѣ 1805 года, въ Дворяниновѣ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XI.

(Сочинена 1801, переписана 1805, въ Дворяниновѣ).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, И ВЪ ОСОБЛИВОСТИ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ.

1764.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

Письмо 111-е.

Любезный пріятель! Тысяча семьсотъ шестьдесятъ четвертой годъ, котораго исторію я теперь писать начинаю, былъ наидостопамятнѣйшій изъ всѣхъ въ моей жизни. Промыслу и Провидѣнію Господню угодно было, чтобъ въ теченіе онаго рѣшился наконецъ мой жребій, и я перешелъ въ иной родъ жизни и сдѣлался уже женатымъ мужемъ. Но какъ сія важная и на всю достальную жизнь мою великое вліяніе возымѣвшая перемѣна со мною произошла не въ началѣ сего года, а посреди уже лѣта; то дозвольте мнѣ возвратиться къ тому времени, на которомъ я въ послѣднемъ моемъ о себѣ письмѣ остановился, и прерванную тогда нить повѣствованія продолжать теперь далѣе по порядку.

Изъ помянутаго письма знаете уже вы, въ какихъ обстоятельствахъ находился я при концѣ минувшаго года. Я жилъ одинъ и въ совершенномъ почти уединеніи въ своей деревнѣ, и хотя за безпрерывными и наиболѣе любопытными упражненіями своими и не чувствовалъ дальней скуки; однако, несмотря на то, великое мое одиночество было мнѣ не весьма пріятно и, дѣлаясь мнѣ уже и отяготительнымъ, побуждало меня къ пріискиванію себѣ подруги и товарища. Но вы знаете также, что всѣ мои старанія о томъ были до сего времени не весьма успѣшны. Нигдѣ я не могъ отыскать такой, какую бы мнѣ имѣть хотѣлось и какой желало мое сердце. Говоря съ вами о сей матеріи, разсказывалъ я вамъ и то именно, съ какими дарованіями желалъ я сначала найтить себѣ невѣсту; но какъ послѣдствіе оказало, что таковую мнѣ всего труднѣе найтить было можно, то начиналъ я въ томъ совершенно отчаяваться.

Узнавъ короче и состояніе свое и всѣ обстоятельствы, въ какихъ я находился и спознакомившись сколько-нибудь и съ деревенскою и московскою жизнью, предусматривалъ я ясно, что мнѣ долго надлежало искать, буде хотѣть, чтобъ невѣста моя была точно такова, каковою образовалъ я ее себѣ въ своемъ воображеніи, и что не открывалось къ тому еще ни малѣйшаго слѣда. А какъ пошелъ мнѣ уже тогда двадцатьшестой годъ отъ роду, то и жениться было уже высочайшее и лучшее время: то лишался я надежды найтить по желанію моему въ скорости, и радъ былъ уже и такой, которая бы, хотя не во всѣхъ частяхъ, а сколько-нибудь уже съ мыслями и желаніями моими сообразовалась. Но какъ и такой еще не отыскивалось и нигдѣ не было на примѣтѣ, то и находился я относи-

тельно до сего пункта въ величайшемъ недоумѣніи, что самое и побудило меня наиболѣе къ начатію прежде упоминаемаго мною и нѣкоторымъ образомъ отдаленнаго и не совсѣмъ формальнаго сватовства за малолѣтнюю госпожу Каверину. Но какъ и изъ сего сватовства не вышло еще ничего положительнаго и важнаго, и я пересталъ почти и о сей невѣстѣ думать; то при началѣ сего года и былъ я вовсе безъ невѣсты, и не зналъ, куда и въ какую сторону направить мнѣ стопы свои для исканія себѣ подруги.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ я женитьбу почиталъ всегда наиважнѣйшимъ въ жизни человѣческой дѣломъ и всегда былъ того мнѣнія, что совершается она не инако, какъ по особливому божескому Провидѣнію и произволу; то, какъ во всѣхъ прочихъ пунктахъ, такъ въ особливости и въ семъ, яко наиважнѣйшемъ изъ всѣхъ прочихъ, возлагалъ я все мое упованіе на моего Бога, оказавшаго мнѣ уже толь многіе опыты своего особаго и милостиваго обо мнѣ попеченія. И хотя и искалъ себѣ невѣсты, но всею внутренностію души своей просилъ и молилъ сіе невидимое и благодѣтельное высочайшее Существо, чтобъ сыскало оно мнѣ невѣсту и дало такую мнѣ подругу, какую самому Ему будетъ угодно,—и я хотѣлъ принять ее отъ Его святой десницы. А таковое расположеніе моего духа и подкрѣпляло меня очень много при всемъ помянутомъ моемъ въ исканіи невѣсты себѣ худомъ успѣхѣ. Я заключалъ, что, конечно, либо время еще не пришло мнѣ жениться, либо назначенная мнѣ въ жены была еще молода и до надлежащихъ лѣтъ не достигла, либо мѣшали тому другія и неизвѣстныя мнѣ обстоятельствы.

Съ сими помышленіями и вооружась терпѣніемъ, и началъ я сей наступившій новый годъ, положивъ твердо ожидать всего отъ случая и времени или, паче, отъ распоряженія всѣхъ касающихся до меня произшествій благодѣтельнымъ и пекущимся обо мнѣ божескимъ Промысломъ. — Но не успѣло еще и двухъ дней пройтить сего вновь начавшагося года, какъ отъ нечаяннаго и особливаго совсѣмъ случая, и возобновились во мнѣ паки помышленія о упомянутой юной невѣстѣ.

Въ одну ночь ни думано, ни гадано приснилась она мнѣ во снѣ, и что удивительнѣе всего, то совсѣмъ въ иномъ и не такомъ видѣ, въ какомъ я изображалъ ее себѣ при всѣхъ прежнихъ моихъ объ ней помышленіяхъ. Мнѣ приснилось, будто находился я съ нею вмѣстѣ въ какой-то компаніи, и что нѣкто изъ бывшихъ тутъ же гостей, указывая на нее, говорилъ мнѣ точно сими словами: «Ну, вотъ твоя невѣста, смотри ее себѣ пожалуй». — И какъ была она совсѣмъ не такова, какой образъ начертанъ былъ ей въ моемъ воображеніи, то будто сіе меня не только удивило, но и поразило такъ, что я самъ себѣ говорилъ:—«Какъ же это?—сказали, что она такая и такая, а она вотъ ажно какая. Эта дѣвушка годится и изрядная, да и не такъ мала, какъ говорили...» Далѣе памятно мнѣ было, что я хотя и не говорилъ съ нею ни одного слова, но разсматривалъ всѣ черты лица ея и весь ростъ и видъ ея наивнимательнѣйшимъ образомъ и такъ, что образъ ея впечатлѣлся такъ глубоко въ душѣ моей, что я, и проснувшись поутру, не могъ никакъ еще позабыть онаго, но видѣлъ какъ наяву предъ собою.

Удивился я невѣдомо какъ сему сновидѣнію, и хотя болѣе наклоненъ былъ полагать, что было оно натуральное и произошло оттого, что я въ предслѣдующій вечеръ, ложась спать, о сей невѣстѣ думалъ; однако помыкался мыслить и то: уже нѣтъ ли въ семъ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго, и не назначается ли дѣвушка сія мнѣ и дѣйствительно уже въ жены Промысломъ Господнимъ? —И какъ я до сего времени никогда ее еще не видалъ, да какъ-то и не слишкомъ и хотѣлъ ее видѣть, то съ самой сей минуты и возродилось во мнѣ сильнѣйшее желаніе ее видѣть.

— «Чтожъ, заправду! говорилъ я самъ

себѣ: свататься я начинаю, а не имѣю объ ней ни малѣйшаго понятія. Богъ ее знаетъ, какова еще она. Можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ еще не такова, каковою я ее себѣ воображаю! И почему знать, можетъ быть, она мнѣ и совсѣмъ еще не полюбится, и я никакъ не захочу жениться, хотя-бъ и отдавать ее за меня стали».

Но чтожъ воспослѣдовало за симъ далѣе?—Не успѣлъ я симъ образомъ самъ съ собою поутру поговорить и той глупости своей еще похохотать и посмѣяться, что начиналъ свататься, а невѣсты никогда еще и не видалъ; какъ вдругъ является предо мною, и какъ бы нарочно кѣмъ ко мнѣ присланная моя Ивановна,—нѣмка. Я не видалъ ее съ самаго того времени, какъ возвратилась она изъ своей посылки въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и какъ тогда дѣло осталось ни на чемъ, то и не имѣла она дальней охоты быть у меня; а и въ сей разъ приѣхала ко мнѣ по случаю тогдашнихъ праздниковъ, и какъ я всего меньше тогда ее къ себѣ ожидалъ, то обрадовавшись, возопилъ я, какъ скоро ее увидѣлъ:

— Ба! ба! ба! Ивановна! Что такъ запала и такъ давно у меня не была? Мнѣ кажется уже нѣсколько лѣтъ, какъ мы съ тобою не видались.

— «Виновата, батюшка, отвѣчала она мнѣ: все какъ-то было недосужно, да и дома-то была рѣдко: все кой-куда ѣздила; а и теперь только-что приѣхала... Да знаете ли что, бояринъ?—Привезла къ вамъ еще поклонъ».

— Отъ кого это?—подхватилъ я.

— «Угадайте?» сказала она и, принявъ на себя отмѣнно веселый видъ, засмѣялась.

Сіе явленіе меня смутило, и вся кровь во мнѣ въ одинъ мигъ такъ взволновалась, что я, не давъ ей далѣе говорить, спѣшилъ спросить ее:

— Уже не отъ невѣсты ли?

— «Хоть не отъ ней прямо, а отъ матушки ея, Марьи Аврамовны!»

— Неправда? возопилъ я. Какъ это можетъ статься?

— «Ей! Ей! отвѣчала она: и я только-что отъ нихъ приѣхала».

— Какъ! такъ ты была опять у нихъ?— спросилъ я далѣе: и за чѣмъ же ты ѣздила?

— «Была, сударь! отвѣчала она. Я къ нимъ всякой годъ около сего времени въ святки ѣзжу и онѣ мнѣ кое-что жалуютъ; а потому и нынѣ ѣздила и цѣлыя сутки у нихъ пробыла, и они мнѣ были очень рады».

— Ну, не зналъ же я, сказалъ я: а то бы я тебя попросилъ еще о нашемъ дѣлѣ...

— «Это я и безъ вашей просьбы сдѣлала, и у насъ много кой-чего говорено было о васъ».

— Что ты говоришь? подхватилъ я. Ну, разскажи-жъ ты мнѣ, пожалуйста, что такое говорили вы обо мнѣ.

— «Мало ли чего, сказала она: и какъ можно все упомнить и пересказать? А скажу вамъ только то, что въ сей разъ говорено было тамъ объ васъ уже охотнѣе, нежели какъ прежде, и онѣ можетъ быть во все то время, какъ я у нихъ не была, болѣе объ васъ думали и помышляли, нежели мы считали. Марья Абрамовна мнѣ призналася, что она разспрашивала объ васъ кой-кого, и отъ всѣхъ, кромѣ похвалы одной, объ васъ не слыхала. А особливо расхвалилъ ей васъ какой-то господинъ Сонинъ, который сказывалъ, что васъ коротко знаетъ, потому что служилъ съ вами въ одномъ полку».

— Ужъ не Яковъ ли Титычъ? спросилъ я.

— «Точно онъ», отвѣчала она.

— Ну, спасибо-же ему, сказалъ я: онъ дѣйствительно мнѣ знакомъ, и человѣкъ добрый.

— «Такъ отъ него-то, продолжала она: наслышались онѣ объ васъ такъ много, и все хорошаго, что Марья Абрамовна и гораздо уже гораздо помышляетъ объ васъ, и сожалѣетъ уже о томъ, что дочка ея не достигла еще до совершеннаго возраста и молодовата. Ей не хотѣлось бы, какъ видно, упустить такого жениха какъ вы, и, сколько мнѣ показалось, то

желалось бы ей васъ видѣть и съ вами познакомиться».....

— Ахъ! голубка моя, Ивановна! пресѣкши ея рѣчь, сказалъ я, мнѣ и самому хотѣлось бы ее и дочь ея видѣть и получить объ нихъ понятіе. Скажу тебѣ, Ивановна, что я дочь ея въ самую сегодняшную ночь во снѣ видѣлъ. И какъ она мнѣ совсѣмъ не таковою показалась, каковою я себѣ ее воображалъ; то и родилось во мнѣ крайнее любопытство ее въ самомъ дѣлѣ видѣть и узнать, какова она. А то смѣшно, право! Свататься мы сватаемся, а я ее, а они меня въ глаза еще не видали!

Ивановна моя удивилась, сіе услышавъ, и стала разспрашивать обстоятельнѣе о моемъ снѣ и о томъ видѣ, въ какомъ я ее видѣлъ; и какъ я ей, сколько могъ, ея образъ описалъ, то она еще больше удивилась, и увѣряла меня, что она чуть ли и дѣйствительно не такова, каковою я ее во снѣ видѣлъ, и разсмѣявшись потомъ, сказала:

— «Ну, когда это такъ случилось, то чуть ли сему дѣлу и не быть. Сонъ этотъ вѣрно не простой, а что-нибудь значитъ! И дура я буду, если дѣло это не совершится! Помяните меня тогда».

— Хорошо, хорошо, сказалъ я, но, оставя шутки, мнѣ право какъ-то хочется и очень захотѣлось ее видѣть, и нельзя ли, Ивановна, смастерить того какъ-нибудь, чтобъ я ихъ, а онѣ меня видѣли. Мнѣ очень жаль, что изъ всѣхъ моихъ здѣшнихъ знакомцевъ нѣтъ никого, кто бы имъ знакомъ былъ и къ кому-бъ они ѣздили.

— «То-то и дѣло, сказала она задумавшись: а развѣ нѣтъ ли у нихъ какого-нибудь знакомаго дома, гдѣ бы вамъ можно было съѣхаться и другъ друга видѣть. Мнѣ жаль, что мнѣ не пришло на умъ поговорить о семъ. А развѣ еще у нихъ побывать и поговорить о томъ?»

— Весьма бы ты меня одолжила тѣмъ, Ивановна! Но не дурно ли тебѣ такъ скоро къ нимъ опять ѣхать?

— «И! нѣтъ, сказала она, онѣ меня благо звали и просили, чтобъ я къ нимъ ѣздила чаще!»

— А что, право, Ивановна! ужъ не съѣздить ли въ самомъ дѣлѣ тебѣ опять и не поговорить ли о томъ? Ты можешь прямо сказать, что дѣло—не дѣло, а это бы ни мало не мѣшало, если бы онѣ меня, а я ихъ могъ видѣть, и сколько-нибудь мы между собою познакомились. Можно-бъ сдѣлать сіе безъ дальней огласки и гдѣ-нибудь въ постороннемъ и знакомомъ имъ домѣ, и расположить такъ, что будто-бы съѣхались мы ненарочнымъ образомъ.

— «За чѣмъ дѣло стало! сказала Ивановна, давайте лошадей! Я на будущей недѣлѣ готова опять ѣхать, и скажу имъ, будто я была на Венреѣ у своихъ нѣмцевъ и оттуда къ нимъ разсудила заѣхать опять».

— Право, съѣзди-ка, Ивановна, и поговори, и буде дѣло пойдетъ сколько-нибудь на ладъ; то смотри-жъ, постарайся уже о томъ, чтобы именно было и назначено, куда и когда мнѣ пріѣхать.

— «Это разумѣется само собою, сказала она. Извольте, и я вамъ дамъ знать, когда вамъ ко мнѣ прислать лошадей».

Симъ образомъ условились мы тогда съ нею, и мнѣ не было нужды долго дожидаться. Не прошло и недѣли еще послѣ того, какъ она и прислала уже за лошадьми и повощикомъ, и въ путь сей и отправилась. Но за то промучила она меня опять цѣлыхъ три дни нетерпѣливымъ себя ожиданіемъ. Во всѣ оные, а особливо въ послѣдній я какъ на огнѣ пряжился и насилу-насилу дождался ея.

— Ну, моя голубка! закричалъ я, увидѣвъ ее къ себѣ вошедшею, получила ли ты успѣхъ въ своемъ дѣлѣ и не по пустому ли проѣздила?

— «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она съ радостнымъ видомъ, не по пустому, и дѣло наше начинаетъ, слава Богу, клеиться. Онѣ не только на предложеніе мое охотно согласились, но сыскали уже и домъ, гдѣ бы вамъ видѣться, и хотѣли мнѣ дать знать, когда именно и пріѣхать вамъ туда».

— Что ты говоришь? сказалъ я: и гдѣ-жъ и у кого, Ивановна?

— «У Василія Тихоновича Недоброва, отвѣчала она. Онъ имъ сродни и очень знакомъ и друженъ, живетъ не далеко отъ Вепреи и на половинѣ почти дороги отсюда къ нимъ. Но какъ нужно имъ было напередъ съ нимъ видѣться и условиться обо днѣ, въ который бы имъ и вамъ къ нимъ пріѣхать; то и хотѣли онѣ мнѣ знать тогда дать».

— Очень хорошо! сказалъ я. Итакъ, станемъ мы ждать отъ нихъ извѣстія. Но, смотри-жъ, Ивановна, дай же ты мнѣ тогда знать о томъ поскорѣе, чтобъ я могъ сколько-нибудь къ тому приготовиться и кого-нибудь пригласить съ собою: не одному же мнѣ ѣхать!

— «Конечно, сказала она: и я тотчасъ, либо сама прибѣгу, либо пришлю къ вамъ сына. А говорили только они, чтобъ пріѣхали вы безъ дальнихъ сборовъ и не набирали бы съ собою многихъ».

— Да кого мнѣ набирать, подхватилъ я. А развѣ попросить одну Софью Ивановну,—не съѣздитъ ли она со мною?

— «Это всего будетъ лучше. Имъ хотя и хочется, чтобы свиданіе сіе было какъ возможно простѣе; но нельзя же вамъ ѣхать туда и безъ женщины съ своей стороны: безъ того некому будетъ и поговорить съ невѣстою и съ ея матушкою. А Софья Ивановна, хотя и генеральша, но боярыня у насъ не чиновная, а простая, и ей открыться въ этомъ дѣлѣ можно. Ненадобно только многихъ другихъ набирать съ собою».

— Хорошо, хорошо! сказалъ я: точно такъ и сдѣлаемъ. Мнѣ и самому не хотѣлось бы дѣла сего распускать слишкомъ въ огласку. Софью Ивановну я уже упрошу, чтобы она за собою подержала. А пожалуй и ты, Ивановна, не сказывай о томъ никому.

— «Хорошо, отвѣчала она: отъ меня никто того не услышитъ».

Обѣщанное извѣстіе и получено было ею чрезъ немногіе дни послѣ того времени, и Ивановна моя неуспѣла получить оное, какъ и прилетѣла ко мнѣ съ превеликою радостью.

— «Ну вотъ, баринъ! сказала она, ко мнѣ вошедши: я въ своемъ словѣ устояла. Приказали вамъ кланяться и сказать, чтобъ вы пожаловали послѣ завтрева къ Василью Тихоновичу къ обѣду».

Кровь во мнѣ вся воспламенилась, какъ я сіе отъ ней услышалъ, и сердце хотѣло власно, какъ вонъ выскочить отъ трепетанья. Но оправившись кое-какъ отъ своего смущенія, спросилъ я у ней: не знаетъ ли она, не будетъ ли кого съ ними изъ посторонннхъ?..

— «Никого, сказала она: а развѣ одна невѣстка Марьи Абрамовны, братнина жена, Матрена Васильевна Арцыбашева, съ которою она живетъ очень дружно и согласно, къ тому-жъ и невѣстина она родная тетка».

— Ну, хорошо, Ивановна! Стану же я къ сему времени готовиться, и сегодня же съѣзжу къ Софьѣ Ивановнѣ и позову ее съ собою. Но поѣдетъ ли она еще къ нимъ, какъ совсѣмъ ей къ незнакомымъ людямъ?

— «Поѣзжайте, сударь, и попросите: можетъ быть и согласится. Объ нихъ и о хозяевахъ увѣрьте ее, что они люди всѣ добрые, простые и нечиновные, и вы ихъ полюбите. А особливо Василій Тихоновичъ, какой это добрый человѣкъ! Вы не наговоритесь съ нимъ довольно, и я вѣрно знаю, что и онъ васъ полюбитъ».

Теперь не могу изобразить, въ какомъ смущеніи и безпокойствіи духа препроводилъ я, какъ достальную часть того, такъ и весь послѣдующій день. Я непреминулъ съѣздить къ старику, своему дѣду и, открывшись въ намѣреніи своемъ, просить жену его, генеральшу одолжить меня въ семъ случаѣ и со мною туда съѣздить. Софья Ивановна сначала-было отнѣкивалась, но какъ я сталъ просить о томъ и старика и онъ, желая искренно, чтобъ я скорѣе женился, радовался, что отыскивается мнѣ такая невѣста и, совѣтуя мнѣ не упускать сего случая, охотно на то соглашался,

чтобѣ ей ѣхать и самъ на то еще настаивалъ: то наконецъ согласилась и она, и дала мнѣ въ томъ слово.

Но какъ смущеніе мое увеличилось, когда ввечеру, предъ наступленіемъ назначеннаго для свиданія сего дня, вдругъ, и противъ всякаго чаянія и ожиданія, явился предо мною пріятель мой, Иванъ Тимоѳеевичъ Писаревъ, прискакавшій ко мнѣ безъ памяти. Я остолбенѣлъ, увидѣвъ его ввечеру къ себѣ вошедшаго, и неожидаемость сія такъ меня смутила, что я нѣсколько минутъ стоялъ какъ пень, и не зналъ, что мнѣ съ нимъ говорить и о чемъ спрашивать. Никогда пріѣздъ его не былъ таковъ неблаговременемъ, какъ въ сей разъ, и я, утаевая тщательнѣйшимъ образомъ отъ него все мое сватовство, не зналъ тогда, какъ мнѣ быть, что съ нимъ дѣлать и сказывать ли ему о своемъ намѣреніи, или не сказывать.

Сперва показался мнѣ сей пріѣздъ его натуральнымъ, хотя и не могъ я надивиться и понимать, чтó-бъ такое побудило его опять и такъ скоро ко мнѣ пріѣхать; ибо не прошло еще и трехъ недѣль, какъ онъ у меня въ послѣдній разъ былъ и ничего о скоромъ опять пріѣздѣ не сказывалъ и не говорилъ. Но какъ при выбираніи изъ повозки и внашиваніи его вещей въ горницу примѣтилъ я, что онъ привезъ съ собою и шпагу и свой артиллерійскій мундиръ, чего до того никогда не дѣлывалъ; а притомъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ мнѣ прямо сказалъ, что пріѣхалъ ко мнѣ дни на три, а можетъ быть и долѣе у меня пробудетъ: то все сіе не только удивило меня еще больше, но произвело во мнѣ уже нѣкоторое и подозрѣніе.

— «Батюшки мои!» думалъ и говорилъ я тогда самъ себѣ: «какъ же это такъ? — Ужъ право что-то не натураленъ сей его пріѣздъ ко мнѣ, и уже нѣтъ ли тутъ какого-нибудь финта и не скрывается ли какого таинства? Ужъ не узналъ ли онъ какимъ-нибудь образомъ о моемъ сватовствѣ и что завтрашній день назначенъ у насъ для свиданія?... Уже не было ли у него какихъ людей подговоренныхъ?... Уже не далъ ли кто ему о томъ знать, и не затѣмъ ли съ умысла онъ ко мнѣ и пріѣхалъ теперь, чтобъ меня завтра задержать, или въ дѣлѣ семъ сдѣлать какое-нибудь помѣшательство?»

Чѣмъ далѣе я симъ образомъ думалъ и самъ съ собою говорилъ, тѣмъ имовѣрнѣе казалось мнѣ сіе дѣло и тѣмъ болѣе находилъ я въ томъ правдоподобія. И какъ наконецъ я въ томъ почти не сомнѣвался; то сіе увеличило еще болѣе и подозрѣніе и неудовольствіе мое. Гостю моему былъ я въ сей разъ и очень уже не радъ. Говорится въ пословицѣ: «не въ пору гость — хуже татарина», и это дѣйствительно правда — и онъ былъ для меня тогда точно таковымъ. Какъ я его ни любилъ и какъ мы съ нимъ ни дружно до того жили; но въ сей разъ охотнѣе бы я желалъ, чтобъ его у меня не было. Но какъ перемѣнить того было уже нечѣмъ и я предусматривалъ, что ни выжить его, ни утаить отъ него намѣренія своего было уже никакъ не можно; то сталъ я уже думать и самъ съ собою совѣщаться уже о томъ, какъ бы мнѣ съ нимъ поступить и ему о томъ разсказать лучше, и положилъ наконецъ никакъ, ни намѣренія, ни ѣзды своей не отлагать, чтó-бъ такое онъ мнѣ ни сталъ говорить, — а звать его лучше съ собою, и когда не поѣдетъ, то ѣхать одному.

Расположившись поступить съ нимъ такимъ образомъ, не сталъ я уже и самъ медлить, но довелъ тотчасъ до того рѣчь.

— Ну, братецъ, сказалъ я ему: скажу тебѣ сущую диковинку. Ты пріѣхалъ ко мнѣ не нарочно, а вѣдь очень кстати, и тебя власно, какъ сама судьба ко мнѣ въ сей разъ прислала!

— «А что таково? спросилъ онъ у меня съ притворнымъ удивленіемъ и будто ничего не зная и не вѣдая».

— Что, братецъ! — Тебѣ, какъ другу, могу я во всемъ открыться и сказать, что я собрался завтра по утру въ недальній отсюда путь ѣхать.

— «Куда это и за чѣмъ?» спросилъ онъ у меня далѣе.

— Что, братъ, скажу тебѣ за секретъ, что за меня сватаютъ невѣсту, и какъ ни я ее, ни она меня еще не видала, то и хотѣлось намъ другъ друга посмотрѣть, и положено, чтобъ въ завтрашній день съѣхаться намъ въ одномъ постороннемъ и имъ знакомомъ и дружескомъ домѣ.

— «Укого это?» спросилъ онъ меня далѣе.

— Есть нѣкто старичекъ Недобровъ, Василій Тихоновичъ, — такъ у него въ домѣ.

— «Недобровъ!... Недобровъ! подхватилъ онъ власно какъ гнушаясь симъ прозваньемъ и презирая оное. — Что-то мнѣ слыхнулось о какомъ-то Недобровѣ, и кажется, что онъ ничего незначащій человѣкъ и какой-то такъ старичишка!»

— Я право его самъ не знаю, сказалъ я: но говорятъ, что онъ добрый человѣкъ и живетъ порядочно. Но какая нужда, кто-бъ и каковъ-бы онъ ни былъ: мнѣ нуженъ не онъ, а невѣста.

— «Но невѣста-то кто и какая такая? подхватилъ г. Писаревъ, и прежде нежели я могъ ему на сіе отвѣчать, началъ мнѣ пенять и мнѣ выговаривать, для чего я отъ него секретничалъ и не далъ ему знать прежде и съ нимъ о томъ не посовѣтовалъ».

Я оправдывался скоропостижностію сего дѣла и тѣмъ, что будто не успѣлъ ему дать знать о томъ, а ктому-жъ говорилъ ему, что будто сказано было мнѣ, что его нѣтъ дома и что я за самымъ будто тѣмъ къ нему и не посылалъ. Всѣ сіи и другія подобныя тому извиненія, какъ ни были слабы и неимовѣрны, но онъ казался ими быть довольнымъ. Но не успѣлъ онъ отъ меня при дальнѣйшемъ разспрашиваньи услышать, чьихъ была моя невѣста, какъ съ нѣкакимъ малоуважающимъ и презрительнымъ тономъ и видомъ воскликнулъ:

— «Каверина!... Каверина!... Но что-то я не слыхалъ, чтобъ была гдѣ-нибудь невѣста изъ фамиліи этой! У насъ есть тутъ вблизи Каверины; но это люди все бѣдные, ничего незначущіе и недостойные никакого уваженія. А чтобъ такая невѣста была Кавериныхъ, о какой ты говоришь, и за которою-бъ было сто душъ приданаго, того я никакъ не слыхалъ. И уже правда ли то?... Я худо какъ-то всему тому вѣрю.... Но кто бы такой сваталъ за тебя эту невѣсту?»

Тогда не хотѣлось мнѣ никакъ сказать ему о своей Ивановнѣ, а я сказалъ ему только: — Ну, кто ни есть, братецъ,— а что это правда, то — правда; а что ты не слыхалъ, такъ то можетъ быть отъ того, что невѣста-то, сказываютъ, слишкомъ еще молоденька.

— «Ну, вотъ это дѣло иное, сказалъ онъ: только воля твоя, но когда она Каверина, то напередъ можно сказать, что тутъ ничему доброму быть не можно. Вся эта фамилія составляетъ Богъ знаетъ что, и я не слыхалъ еще ни объ одномъ изъ нихъ, чтобъ былъ путный человѣкъ».

Послѣ сего сталъ онъ меня разспрашивать далѣе, и не успѣлъ услышать, что она по тринадцатому еще году, какъ вдругъ, захохотавъ какъ сумасшедшій и насмѣявшись до сыта, сказалъ мнѣ:

— «Какъ, братецъ, не съ ума ли ты сошелъ и неужели на такомъ ребенкѣ жениться хочешь? Умилосердись, государь мой! Что ты это затѣялъ?»

Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я едва могъ перенесть такія его насмѣшки, и сказалъ ему наконецъ:

— Но какъ бы то ни было, и—жениться ли, не жениться ли,—а видѣть мнѣ ее очень хочется и я любопытенъ очень ее узнать.

— «И! пустое, сударь, пустое! подхватилъ онъ: и сущій это вздоръ! Когда такъ она еще мала и молода, точто и смотрѣть ее.... И такимъ еще наряднымъ дѣломъ.... ха, ха, ха!... Ни малёхонько не кстати и начинать это!... И не дурачься-таки, мой государь! Ты ни мало не знаешь, какія послѣдствія отъ того произойтить могутъ. Дѣла-то ты не надѣлаешь, а выведешь изъ себя исторію и одурачишься такъ, что во всѣхъ домахъ о тебѣ говорить и смѣяться тебѣ

станутъ!... Словомъ, какъ другъ, не совѣтую тебѣ никакъ предпринимать того, буде ты себѣ добра хочешь. И мой згадъ, что лучше-бъ тебѣ послать и сказать имъ, что ты занемогъ и тебѣ быть завтра никакъ не можно, или что тебя захватили нечаянные гости, и скажи хоть прямо на меня».

Слова сіи такъ меня смутили и привели въ такое замѣшательство мои мысли, что я не въ состояніи былъ нѣсколько минутъ ему отвѣтствовать; а онъ, примѣтя мое смущеніе и задумчивость, вздумалъ еще болѣе меня поджигать и говорилъ мнѣ:

— «Нечего-таки и думать, братъ, а наряжайка скорѣе, и еще сегодня, кого-нибудь туда, и вели сей же часъ ѣхать и хоть на дорогѣ ночевать, чтобъ могъ пріѣхать туда какъ можно ранѣе и благовременно имъ сказать, что тебѣ быть никакъ не можно».

— Слышу!—сказалъ я, перервавъ его рѣчь и не стерпя болѣе такого пристрастнаго отговариванья: но воля твоя, братъ, и что ты ни говори,—но я далъ слово завтра пріѣхать и слова сего ни для чего на свѣтѣ не перемѣню, и самъ себя никакъ не захочу одурачить предъ ними. А налыгать на себя болѣзнь того еще смѣшнѣе. Этого я никогда не дѣлывалъ и дѣлать безъ крайней нужды не стану. Къ тому-жъ я условился уже съ Софьею Ивановною, и она обѣщалась съѣздить туда со мною. А что касается до твоего дружескаго пріѣзда ко мнѣ; то ты, какъ другъ, лучше помоги мнѣ въ семъ случаѣ разсматривать невѣсту-то и ихъ семейство. А ежели не похочешь одолжить меня тѣмъ, чтобъ вмѣстѣ со мною туда съѣздить, такъ, по дружбѣ своей ко мнѣ, не взыщи уже на мнѣ, что я, оставивъ тебя, туда съѣзжу. Ѣзда моя не долго продлится, я завтра же къ вечеру и назадъ возвращусь. А ты ежели похочешь въ домѣ моемъ меня подождать, такъ можешь этотъ день у знакомаго тебѣ моего сосѣда, Никиты Матвѣевича, препроводить. А что ты говоришь, что я выведу изъ того о себѣ исторію, и что во всѣхъ домахъ обо мнѣ говорить и мнѣ смѣяться станутъ; то я не знаю и не понимаю, какъ бы это могло сдѣлаться. У насъ смолвленось такъ, чтобъ никто почти изъ постороннихъ о семъ съѣздѣ нашемъ не зналъ и не вѣдалъ, и ты одинъ только, которому я въ семъ открылся. Такъ развѣ ты это повсюду разблаговѣстишь, а то, почему кому узнать о томъ.

Сими словами тронулъ я его такъ, что онъ тотчасъ перервалъ мнѣ сію рѣчь и сказалъ:

— «А мнѣ какая нужда разблаговѣщать о томъ, когда тебѣ того не надобно». Потомъ, помолчавъ и позадумавшись нѣсколько, продолжалъ онъ далѣе говорить:—«Нѣтъ! нѣтъ, мой другъ! Сего ты отъ меня не опасайся. А чтобъ доказать тебѣ искренность дружбы моей къ тебѣ, то изволь, сударь, я соглашаюсь и съ тобою ѣхать вмѣстѣ, благо кстати взялъ я и мундиръ съ собою. Правду сказать, у меня не то, а другое было на умѣ и я пріѣхалъ-было съ предложеніемъ тебѣ другой, и такой невѣсты, которая по всѣмъ отношеніямъ будетъ гораздо, гораздо повыгоднѣе сей; но о семъ дозволь уже мнѣ и помолчать теперь до поры, до времени, а то ты подумаешь еще, что я разбиваю тебя въ твоемъ сватовствѣ и предначинаніи. Изволь, сударь, изволь! Поѣдемъ и посмотримъ, что за невѣста такая?.. Съѣздить не великій трудъ и не диковинка!»

Я благодарилъ его за сіе и не сталъ уже и самъ добиваться до того, чтобъ онъ сказалъ что-нибудь болѣе о другой невѣстѣ своей. Итакъ, на другой день, ранехонько собравшись и заѣхавъ за Софьею Ивановною, поѣхали мы всѣ вмѣстѣ— мы, запрягши большія городовыя сани,— ибо тогда въ кибиткахъ такъ, какъ нынѣ, еще не ѣзжали, а употреблялись болѣе крытыя сани, либо возки; но у меня ни возка, ни крытыхъ саней тогда еще не было,— а Софья Ивановна въ своемъ возкѣ — и чинъ чиномъ.

Мы пріѣхали къ господину Недоброву еще довольно рано и гораздо до обѣда,

но нашли невѣсту мою съ ея матерью и теткою, госпожею Арцыбашевою, насъ уже дожидавшихся. Домъ господина Недоброва былъ въ самомъ дѣлѣ небольшой и неслишкомъ прибранный, ибо онъ былъ человѣкъ небогатый, а притомъ и стариннаго вѣка. Чтожъ касается до самаго характера его, то былъ онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ очень добрый и старичекъ неглупый и очень ласковый и благопріятный. А такова же была и жена его Авдотья Дмитровна. Оба они обласкали меня невѣдомо какъ, и не могли довольно наговориться со мною.

Въ теткѣ невѣсты моей нашелъ я боярыню умную и такую, съ которою можно было съ удовольствіемъ о многомъ говорить. Она говорила также со мною много. А равномѣрно и мать невѣсты моей казалась боярынею тихою, но разумною; однако не имѣла почти духу со мною говорить, а довольствовалась слушаніемъ, какъ другіе со мною говорили, и примѣчаніемъ всѣхъ моихъ поступокъ. Что-жъ касается до самой дочери ея, а моей невѣсты, то не могу изобразить, какъ много удивился я, увидѣвъ образъ и всѣ черты лица ея дѣйствительно похожія на тѣ, какія видѣлъ я въ моемъ сновидѣніи. И чѣмъ болѣе я въ ее всматривался, тѣмъ множайшее, казалось мнѣ, находилъ я съ видѣннымъ во снѣ подобіемъ ея сходство.

Странность сего удивительнаго и рѣдкаго произшествія такъ меня поразила, что не сходила она у меня съ ума во всю мою тогдашнюю въ семъ домѣ бытность. И какъ за обѣдомъ случилось мнѣ сидѣть прямо противъ моей невѣсты, то начиналъ и самъ уже я почти несомнѣваться въ томъ, что едва ли не она назначается мнѣ Промысломъ Господнимъ дѣйствительно въ жены, и потому и разсматривалъ я ее наивнимательнѣйшимъ образомъ. Однако сколько ни старался, и даже сколько ни желалъ я въ образѣ ея найтить что-нибудь для себя въ особливости плѣнительное, но не могъ никакъ ничего найтить тому подобнаго: великая ея молодость была всему тому причиною.

Она была дѣйствительно такъ молода, что не можно было никакъ почесть ее совершенною невѣстою, и потому, хотя и была она недурна собою, но весь образъ и всѣ черты лица ея имѣли въ себѣ нѣчто дѣтское и не въ силахъ еще были произвесть какія-нибудь особыя чувствія. Совсѣмъ тѣмъ доволенъ я былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что не находилъ я въ ней ничего для себя противнаго и отвратительнаго; а сверхъ того и ростомъ была она больше, нежели каковою я ее себѣ воображалъ, и такъ, что если-бъ неизвѣстны мнѣ были ея лѣты, то почелъ бы я ее дѣвушкою лѣтъ пятнадцати.

Впрочемъ во все пребываніе мое тамъ не удалось и не можно было мнѣ ничего съ нею самою говорить, и не слыхалъ почти, какъ и говоритъ она. Немногія только слова проговорила она въ отвѣтъ спрашивавшей ее что-то тетки. Чтожъ касается до всѣхъ ея бывшихъ тутъ родныхъ, то они мнѣ поступками и обхожденіемъ своимъ полюбились. Въ особливости же пріятно было мнѣ то, что всѣ они были люди не слишкомъ свѣтскіе, пышные, чиновные и модные; но болѣе простые, деревенскіе и такіе, какіе наиболѣе мнѣ подъ стать и мною желаемы были.

Мы пробыли у нихъ не болѣе, какъ нѣсколько часовъ, ибо какъ случилось сіе 18-го января и дни были въ сіе время короткіе; то, боясь, чтобъ не захватила насъ на дорогѣ мятель, не стали мы дожидаться до самаго поздняго вечера, но какъ скоро началъ приближаться оный, то, распрощавшись съ ними, и отправились домой.

Симъ кончилось тогдашнее наше первое свиданіе, и какъ условленось у насъ было предварительно, чтобъ въ сей разъ съ обѣихъ сторонъ ничего не говорить и ничего не спрашивать; то и дѣйствительно не было ничего говорено въ сей разъ о самомъ дѣлѣ, но мы были и поѣхали такъ, какъ бы пріѣзжали въ гости.

А симъ дозвольте мнѣ окончить и сіе письмо и, предоставивъ дальнѣйшее по-

вѣствованіе будущему, сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

НОВОЕ СВАТОВСТВО.

Письмо 112-е.

Любезный пріятель! Продолжая теперь повѣствованіе свое далѣе, скажу вамъ, что не успѣли мы сѣвши въ сани со двора съѣхать, какъ товарищъ мой горѣлъ уже нетерпѣливостью узнать, какова мнѣ показалась невѣста и какихъ бы я былъ объ ней мыслей, и потому заикнулся-было тотчасъ меня о томъ спрашивать. Но я тотчасъ толкнувъ его ногою и завернувшись будто отъ стужи въ свою шубу, не сказалъ ему въ отвѣтъ на то ни единаго слова, давая ему чрезъ то знать, чтобъ онъ помолчалъ. Но какъ онъ не совсѣмъ догадался, что я не хочу съ нимъ говорить и, по нетерпѣливости своей, началъ-было опять заводить рѣчь о томъ; то, наклонившись къ нему, шепнулъ я ему на ухо, чтобъ онъ пожаловалъ, отложилъ говорить о томъ до возвращенія нашего въ домъ и что мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ кучеръ и стоявшіе позади люди могли говоренное нами слышать. Симъ принудилъ я его о семъ замолчать и онъ, соображаясь съ желаніемъ моимъ, завелъ-было тотчасъ рѣчь со мною о другой матеріи; но я, не имѣя охоты и о томъ съ нимъ тогда говорить, а желая имѣть свободу заняться размышленіями о томъ, что происходило тогда со мною, сказалъ ему прямо и безъ обиняковъ:

— «Охота тебѣ, братецъ, говорить на такой стужѣ, а я такъ озябъ и мнѣ истинно не до разговоровъ теперь, а насилу могу, и шубою закутавшись, согрѣться». Черезъ сіе и получилъ я то, чего желалъ и добился до того, что онъ замолчалъ и оставилъ мнѣ свободу думать и разсуждать, какъ мнѣ хотѣлось.

Въ размышленіяхъ сихъ и углублялся дѣйствительно я во всю дорогу и такъ, что за ними почти и не видалъ, какъ мы весь обратный путь совершили. Легко можно заключить, что предметомъ оныхъ была наиболѣе—видѣнная мною невѣста. Я не зналъ, что мнѣ объ оной заключать, и какъ расположиться въ разсужденіи тысячи разныхъ помышленій, бродившихъ тогда въ головѣ моей. Я мыслилъ и то и другое, и какъ она не произвела во мнѣ никакихъ особыхъ чувствованій, и я поѣхалъ, хотя съ удовольствованнымъ любопытствомъ, но столько же или еще болѣе хладнокровнымъ къ ней, какъ и пріѣхалъ.

Съ другой стороны не произошло въ душѣ моей и никакого къ ней отвращенія; то не могъ я никакъ самъ съ собою согласиться въ томъ, продолжать ли сіе дѣло и сватовство далѣе или отъ онаго отстать совершенно. И того и другого мнѣ какъ-то не хотѣлось. Къ первому не было и не находилъ я никакихъ дальнихъ побужденій, ибо ничто меня въ особливости въ ней не прельщало, а отъ послѣдняго отвлекала меня,—во-первыхъ, надежда, что можетъ быть, въ то время, какъ она подростетъ и сколько-нибудь повозмужаетъ, и въ состояніи она будетъ произвесть во мнѣ собою нѣжныя чувствованія; во-вторыхъ, та мысль, что другой невѣсты можетъ быть и не скоро сыщется, которая бы была съ такимъ достаткомъ, а что всего паче, съ такимъ семействомъ, каково было сіе, и которое въ особливости тѣмъ мнѣ нравилось, что было небольшое и состояло только въ ней и ея матери. Обстоятельство, что была она одна только дочь у матери, и мысль, что сія могла бы жить вмѣстѣ съ нами и быть до совершеннаго ея возраста у насъ хозяйкою, въ особливости предубѣждало меня въ ея пользу и мнѣ казалось, что сіе было бы для меня очень кстати.

Далѣе хотя смущала и озабочивала меня весьма много та мысль, что видѣлъ только одно лицо невѣсты, а о душевныхъ ея дарованіяхъ и склонностяхъ и нравѣ не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія и о умѣ ея не могъ еще дѣлать ни малѣйшихъ заключеній, а особливо узнать, имѣетъ ли она хотя небольшую склонность къ читанію книгъ, какую всего паче хотѣлось бы мнѣ найтить въ своей

невѣстѣ; но съ другой стороны думалъ и то, гдѣ-жъ я найду такую, которой бы и нравъ и всѣ душевныя склонности и дарованія могъ бы я узнать коротко, какъ вещи, которыя обыкновенно въ невѣстахъ всего труднѣе безошибочно узнавать можно.

«Тутъ, — говорилъ я самъ себѣ, — по крайней мѣрѣ остается еще великая надежда на ея молодость и что въ случаѣ, хотя-бъ она и не имѣла желаемыхъ мною склонностей, но если натурально не глупа, то можетъ быть удастся и вперить въ нее то, что желалъ бы я найтить въ невѣстѣ, такъ какъ и самый нравъ, можетъ быть, можно будетъ сколько-нибудь исправить, еслибъ оный въ чемъ-нибудь показался дуренъ. Но съ иною и совершенно взрослою, и уже въ чемъ-нибудь закоренѣвшею, трудно будетъ ладить, а должно будетъ довольствоваться уже тѣмъ, что найдешь, и въ случаѣ неудачи—весь свой вѣкъ горе съ нею мыкать. А, наконецъ, какъ и самое имя ея какъ-то мнѣ въ особливости было пріятно и нравилось, то все сіе и привязывало меня къ ней и отвлекало отъ того, чтобъ отстать отъ ней совершенно.

Симъ образомъ, находясь въ тысячѣ разныхъ помышленіяхъ и въ совершенной нерѣшимости что дѣлать, ѣхалъ я домой; а какъ мы уже приближаться стали къ своему селенію, то началъ я думать и помышлять о томъ, какъ мнѣ быть и что сказать своему спутнику. Я не сомнѣвался, что онъ непреминетъ тотчасъ меня исповѣдывать, какъ скоро мы пріѣдемъ, и навѣрное полагалъ, что онъ станетъ мнѣ невѣсту корить и какъ ее, такъ и меня и все мое сватовство поднимать на смѣхъ. И какъ мнѣ что-нибудь сказать ему необходимо будетъ надобно, то долго думалъ я, какъ бы мнѣ въ семъ случаѣ расположиться лучше, и наконецъ за лучшее признавалъ — притвориться и принять на себя видъ, что она мнѣ вовсе не полюбилась, и что я не хочу вовсе объ ней и думать. Симъ надѣялся я вдругъ не только заградить ему уста и произвесть то, чтобъ онъ и впредь въ сіе дѣло не мѣшался, что мнѣ и хотѣлось; но побудить его разсказать мнѣ и о той своей другой и лучшей невѣстѣ, о которой намекнулъ онъ мнѣ при нашемъ отъѣздѣ.

Въ сихъ расположеніяхъ мыслей и возвратился я съ нимъ домой, гдѣ тотчасъ и увидѣлъ, что я нимало не обманулся въ своихъ мысляхъ и ожиданіи. Не успѣли мы пріѣхать и отъ людей удалиться, то и началъ онъ прямо ироническимъ образомъ со мною о семъ путешествіи говорить и меня исповѣдывать.

— «Ну, чтожъ, братецъ? Ну что, невѣста-та?... Какова-же она тебѣ показалась?... Ужъ невѣста!... Нечего говорить!... прямо ужъ невѣста!... Было зачѣмъ трудиться такъ далеко ѣздить и такъ зябнуть!»

— Что, братецъ, сказалъ я, принявъ на себя прямо неудовольственный видъ: я и самъ уже о томъ тужу, что затѣвалъ сіе. Ну, какая это невѣста, ребенокъ еще сущій.

— «Этого я и ждалъ, сказалъ онъ видимымъ почти образомъ обрадуясь: что она не прельститъ тебя собою. Да и чему и прельстить-то въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, кажется мнѣ, тутъ ни въ чемъ и ничего прелестнаго и завиднаго! И сама-то она, и семейство-то, и все знакомство, и вся родня-то ихъ Богъ знаетъ на что походятъ! Словомъ, такая-ли тебѣ, моему другу, невѣста надобна? Мнѣ кажется, что она и ноги-то твоей не стóитъ»...

— Ну! что, братецъ, и говорить, сказалъ я перервавъ его рѣчь и не допуская далѣе симъ образомъ надъ нею насмѣхаться: я уже пересталъ объ ней и думать, и Богъ съ нею и совсѣмъ. Я и радъ еще, что она такъ молода и что есть справедливый резонъ и отговориться, еслибъ они и приступать стали.

— «Конечно, подхватилъ онъ: и это и курамъ бы былъ смѣхъ, еслибъ вздумалъ ты на такомъ ребенкѣ жениться, да и ребенкѣ-то еще какомъ! Ха! ха! ха!»

— Ну, полно, полно, братецъ, говорить о семъ, сказалъ я: а скажи-ка ты мнѣ

лучше о своей-то теперь, и какую-такую хотѣлъ ты мнѣ предложить?

— «Изволь, братъ, теперь разскажу я тебѣ и о своей. Есть нѣкто Иванъ Онофріевичъ Брылкинъ,— не знаешь-ли ты его?»

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ я, а слыхалъ только мелькомъ его имя.

— «Ну, такъ скажу тебѣ, что онъ человѣкъ почтенный, старый, умный, и при томъ очень богатый. Вотъ неподалеку и отсюда есть у него превеликое село Лаптево,—не знаешьли ты его?»

— Какъ не знать, отвѣчалъ я: Лаптево отъ насъ недалеко и не болѣе десяти верстъ.

— «Ну, такъ это его. И у сего-то господина Брылкина, по неимѣнію дѣтей, воспитывается въ домѣ племянница; и то-то дѣвка-то; ужъ не чета сей! Какая умница, какого хорошаго воспитанія, какого поведенія, и какая охотница до книгъ и до наукъ! А и собою не дурна. А что всего важнѣе, то говорятъ, что онъ укрѣпляетъ ей болѣе трехъ сотъ душъ. Такъ вотъ невѣста-то, и не съ твоею ее смѣнить, братъ! И сію-то хотѣлось мнѣ тебѣ предложить, и за такую-то чтобъ тебѣ посвататься».

— Но хорошо, душъ какъ дадутъ, сказалъ я на сіе. Люди это знатные и богатые; такъ куда намъ за такихъ хвататься. Откажутъ и слова не скажутъ, и останешься только что въ стыдѣ.

— «Что таково! прервавъ мою рѣчь онъ сказалъ. Развѣ не женятся небогатые на богатыхъ, и нѣтъ развѣ тому тысячи примѣровъ. Всѣ ли только за богатствомъ однимъ гоняются? И не дороже ли инымъ человѣкъ всѣхъ богатствъ и прочаго?»

— То такъ, сказалъ я: но намъ ли быть такъ счастливымъ? Бываетъ то по особливымъ случаямъ, а намъ гдѣ ихъ взять? Великая бы разница, еслибъ жилъ я въ свѣтѣ и имѣлъ обширное знакомство; а здѣсь не имѣю я ни случая и ни малѣйшаго къ тому слѣда, — какъ напримѣръ и самый этотъ Брылкинъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ, и какъ можно мнѣ къ нему адресоваться?

— «То-то и дѣло! сказалъ мнѣ на сіе г. Писаревъ: незнакомъ онъ тебѣ, а знакомъ отчасти мнѣ, и мнѣ то-то и хочется тебя съ нимъ познакомить.—Я услышалъ, что онъ на сихъ дняхъ хотѣлъ быть въ Лаптево, и можетъ быть уже и пріѣхалъ сюда. Итакъ, вознамѣрился я тебѣ при семъ случаѣ помочь и тебя къ нему свозить какъ сосѣда и познакомить съ нимъ. А тамъ позвали бы мы его сюда, да и самъ онъ долженъ бы былъ пріѣхать и мы могли-бъ его угостить. И тогда-бъ нужно-бъ ему тебя только узнать и о тебѣ отъ меня все услышать; такъ легко статься можетъ, что онъ тебя и полюбитъ. А нужно-бъ только тебѣ ему полюбиться, какъ и пошло-бы дѣло на ладъ. Онъ, какъ всѣ говорятъ, ищетъ племянницѣ своей только человѣка».

Признаюсь, что слова сіи меня смутили и заставили о предложеніи этомъ болѣе думать, нежели сколько я сначала хотѣлъ. А онъ, желая меня болѣе къ тому прилѣпить и чрезъ то отвлечь мысли мои отъ госпожи Кавериной, сталъ говорить, что намъ нечего бы и медлить и наутріе-жъ бы еще послать людей провѣдать въ Лаптево о пріѣздѣ г. Брылкина. И какъ я на то былъ согласенъ, то и отправили мы дѣйствительно въ Лаптево двухъ человѣкъ — я своего, — чтобъ показать дорогу, а онъ своего для распровѣдыванія.

Между тѣмъ какъ посланные наши туда ѣздили, не преставалъ онъ почти ни на минуту говорить со мною о семъ дѣлѣ, и о томъ, какъ бы ему познакомить меня съ господиномъ Брылкинымъ, и мнѣ его у себя угостить лучше; и дабы искренности его обо мнѣ попеченія придать болѣе вѣроятности, то сталъ онъ входить даже въ мое хозяйство, и разспрашивать обо всемъ что у меня есть и чего не было изъ нужныхъ вещей къ сему угощенію. И какъ оказалось, что у меня многого не было, то совѣтовалъ онъ мнѣ все то заблаговременно искупить и приготовить, и написалъ мнѣ превеликій реестръ всѣмъ симъ недостающимъ вещамъ и всему, что мнѣ надлежало сдѣ-

лать. И какъ недоставало у меня на тотъ разъ и самой хорошей сладкой водки, то принялся онъ самъ изъ простой водки дѣлать и приготовлять оную съ разными специями и подслащивать. И мы занимались однимъ почти тѣмъ во все теченіе дня того. Вотъ какъ хитро умѣлъ онъ придавать всему тому видъ вѣроятности.

Теперь не могу изобразить, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я возвращенія нашихъ посланныхъ, и какъ много началъ я озабочиваться симъ новымъ дѣломъ. Наконецъ пріѣзжаютъ наши люди, и человѣкъ его сказываетъ намъ, что Брылкинъ еще не бывалъ, но что его ждутъ и навѣрное полагаютъ, что онъ будетъ; однако не прежде, какъ черезъ недѣлю или болѣе.

— «Ну, жаль же мнѣ и очень жаль сего, сказалъ на сіе мой пріятель, принявъ на себя видъ истиннаго сожалѣнія: — а особливо потому, что мнѣ такъ долго у тебя жить и его пріѣзда дожидаться невозможно.... Однако, чтожъ,— власно какъ встрепенувшись продолжалъ онъ: это ни мало не мѣшаетъ и для насъ же это лучше. Ты можешь чрезъ то имѣть болѣе времени всѣмъ позапастись и все приготовить. Успѣешь и платьецо и себѣ и людямъ сшить получше и все, что я говорилъ, сдѣлать. А я между тѣмъ съѣзжу домой исправить свои нужды и получить чрезъ то болѣе свободы пожить у тебя тогда подолѣе. Ты же между тѣмъ провѣдывай по чаще о пріѣздѣ, и какъ скоро онъ на дворъ, то присылай тотчасъ ко мнѣ нарочнаго. Я въ мигъ къ тебѣ прибѣгу, и какія бы ни случились нужды и недосуги, — всѣ для тебя, моего друга, оставлю!»

— Очень хорошо, сказалъ я, и ты пожалуй уже меня тогда не оставь, братецъ.

— «Боже мой! подхватилъ онъ: можешь-ли ты въ томъ сомнѣваться, и стóитъ-ли еще просить о томъ. Будь, сударь, единожды и навсегда увѣренъ, что я тебѣ другъ, желаю тебѣ отъ всего сердца добра, и не упущу ничего сдѣлать, что только можетъ относиться къ твоей пользѣ».

Съ симъ увѣреніемъ, которому я тогда слѣпо вѣрилъ и не вѣрить не могъ, и разстался онъ со мною, и на другой же день отъ меня домой поѣхалъ. Чтобъ придать всему еще болѣе вѣсу, то подтвердилъ онъ мнѣ и при самомъ еще отъѣздѣ, чтобъ я присылалъ къ нему скорѣе человѣка и тотчасъ, какъ только узнаю о пріѣздѣ г. Брылкина.

— «Хорошо, хорошо! кричалъ я вслѣдъ ему: это я не упущу сдѣлать и тотчасъ къ тебѣ гонца отправлю!»

Но чтожъ воспослѣдовало? Лишь только что онъ съѣхалъ со двора, и я еще не успѣлъ засыпить мысли о сей новой невѣстѣ, которыми вся голова моя была во все то утро наполнена, какъ нечаянно попадись мнѣ на глаза тотъ изъ людей моихъ, который посыланъ былъ въ Лаптево съ его человѣкомъ. И вдругъ родилось во мнѣ любопытство поразспросить у него пообстоятельнѣе о томъ, что они тамъ о пріѣздѣ г. Брылкина слышали— «И! спросить было мнѣ и его еще о томъ», сказалъ я самъ себѣ, и тотчасъ его къ себѣ кликнулъ. — Но какъ удивился я, когда на первый мой сдѣланный ему вопросъ о томъ, онъ съ оказаніемъ нѣкотораго удивленія мнѣ сказалъ, что онъ о пріѣздѣ лаптевскаго бояріна ничего не знаетъ, а напротивъ того слышалъ, что онъ нынѣшнею зимою въ Лаптево не будетъ.

— Вотъ какой вздоръ! сказалъ я: врешь ты это, братецъ! Какъ же сказывалъ человѣкъ Ивана Тимоѳеевича, что его ждутъ съ часу на часъ и что онъ на будущей недѣлѣ вѣрно будетъ.

— «Не знаю ужъ того, отвѣчалъ слуга мой, изумившись еще болѣе.—Правда, человѣкъ ходилъ къ прикащику и говорилъ съ нимъ; но и со мною стоялъ ихъ староста и мы много еще съ нимъ о томъ говорили. И какъ же бы кажется не знать о томъ старостѣ, ежелибъ его ждали. Онъ мнѣ еще сказывалъ, что недавно отъ нихъ ходилъ обозъ въ Москву съ столовымъ запасомъ и хлѣбомъ, и что пріѣхавшіе именно говорили, что бояринъ ихъ въ сей годъ къ нимъ не будетъ; а сверхъ того, кабы они его ждали, то бы вѣрно топлены

были его хоромы, а то они не топятся, и я самъ видѣлъ, что и окна въ нихъ закрыты и крыльцо все занесено снѣгомъ».

— Что ты говоришь?! сказалъ я, крайне тому удивившись. И какъ же это такъ? Тотъ увѣрялъ за вѣрное, что къ пріѣзду его все готово; а ты совсѣмъ противное тому говоришь!

— «Не знаю сударь, отвѣчалъ онъ. Только, воля ваша, а это неправда, и я не знаю съ чего онъ взялъ это».

— Господи! сказалъ я тогда самъ себѣ: это очень что-то мудрено и удивительно... И уже нѣтъ ли и тутъ со стороны друга моего какого-нибудь финта? И не выдумано ли уже все и это для отвлеченія только меня тѣмъ отъ невѣсты?

Мысль сія такъ меня встревожила и смутила, что я началъ и гораздо подозрѣвать его въ обманѣ, и чѣмъ болѣе о томъ мыслилъ, тѣмъ сумнительнѣе становилось мнѣ сіе дѣло. И тогда приходили мнѣ на память и нѣкоторыя слова, говоренныя моимъ другомъ, которыя и тогда казались мнѣ уже нѣсколько несвязными и кои я никакъ не могъ сообразить съ прочими его о невѣстѣ сей разсказами; но я тогда ихъ какъ-то пропустилъ и не уважилъ, а теперь увеличивали и они мое подозрѣніе.

— «Что-жъ таково! наконецъ сказалъ я: удостовѣриться во всемъ этомъ не долго. Завтра же пошлю человѣка и велю обо всемъ распровѣдать точнѣе и обстоятельнѣе»; а сіе дѣйствительно и сдѣлалъ.

Между тѣмъ какъ посланный мой туда ѣздилъ, продолжалъ я заниматься мыслями, какъ о произшествіи семъ, такъ и о самой сей невѣстѣ, и чѣмъ далѣе о томъ мыслилъ, тѣмъ болѣе уменьшалась во мнѣ охота начинать сіе новое сватовство. Обстоятельство, что была она знатнаго и богатаго дома и воспитана въ Москвѣ и въ большомъ свѣтѣ, какъ-то мнѣ весьма не нравилось.—«Ежелибъ была все то правда, говорилъ я самъ себѣ, въ чемъ старался меня мой другъ увѣрить, такъ Богъ еще знаетъ, приступать ли къ сему дѣлу. Домъ этотъ знатный и богатый, и куда намъ небогатымъ и простымъ деревенскимъ жителямъ соваться и входить въ такую знатную родню? И не радъ будешь, какъ ввяжешься въ родницу большую и знатную. Къ тому-жъ и невѣста, Богъ ее знаетъ, какая! Совсѣмъ она мнѣ незнакома; а что московскимъ духомъ и пышностію она набита, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія никакого. Итакъ, пожалуй ладь тогда съ нею. Не радъ будешь и жизни, какъ свяжешься!»

Сими и подобными тому мыслями занимался я до самаго того времени, какъ возвратился мой посланный. — «Что?. спросилъ я, его завидѣвъ.

— «Что, сударь! Все пустое! сказалъ онъ усмѣхаясь, и я только что въ стыдѣ остался. Прикащикъ и меня и васъ, сударь, только на смѣхъ поднялъ, и мнѣ съ перваго слова сказалъ:—что это вамъ и боярину вашему попалось? Я кажется и прежнему вашему посланному и довольно ясно сказалъ, что господина нашего здѣсь нѣтъ, что мы его никогда и ждать не начинали и что у его и на умѣ нѣтъ нынѣшнею зимою пріѣзжать сюда. Съ чего это взяли, я истинно не знаю. Скажи это боярину своему. — Вотъ, что сказалъ мнѣ прикащикъ».

— Ну, хорошо! сказалъ тогда я, досадуя невѣдомо какъ на моего друга. Изрядно-жъ онъ со мною поступилъ! Спасибо! ей, ей, спасибо! Долго-бъ было мнѣ дожидаться... Но подождетъ же онъ отъ меня теперь и присылки, и впередъ буду я уже поосторожнѣе, и не такъ легко ему во всемъ вѣрить стану!

Удостовѣреніе сіе, открывшее мнѣ глаза и доказавшее явно неискренность и даже самый глупый обманъ и хитрость моего друга, истребило тогда вдругъ всѣ мои о сей новой невѣстѣ помышленія и обратило ихъ опять къ прежнему предмету.

«Чуть ли, говорилъ я самъ себѣ, тутъ дѣло будетъ не надежнѣе? Не лучше ли приниматься за прежнее и постараться теперь узнать о томъ, какого остались онѣ обо мнѣ мнѣнія и показался ли я имъ или нѣтъ? и распровѣдать, сколько можно, о томъ, чего я еще не знаю, то-

есть о нравѣ и душевныхъ дарованіяхъ видѣнной невѣсты. Дай-ка мнѣ теперь увидѣть мою Ивановну! Настрою я ее къ тому, сколько можно».

Сія и не преминула ко мнѣ и въ самый еще тотъ же день явиться. Ея первое слово было: «Ну что, бояринъ? Были-ль?»

— Былъ, сказалъ я.

— «И видѣли»?

— И видѣлъ.

— «Ну, какова же показалась вамъ моя Александра Михайловна и матушка ея, Марья Абрамовна»?

— Ну, что, моя голубка, отвѣчалъ я: Марья твоя Абрамовна кажется мнѣ боярыня умная и степенная, и показалась мнѣ гораздо моложе, нежели я думалъ; а и Александра твоя Михайловна дѣвушка кажется изрядная и ростомъ довольно уже великонька и болѣе, нежели я думалъ. Но все молода, и очень, очень молода!

— «Объ этомъ нѣтъ и спора, сказала она: это я вамъ напередъ уже сказывала. Но вопросъ теперь, полюбилась ли она вамъ»?

— Богъ знаетъ, сказалъ я, Ивановна; чтобъ полюбилась она мнѣ, и полюбилась очень, того не могу я сказать. Но какъ и полюбиться, когда она почти сущій еще ребенокъ; но, по крайней мѣрѣ, она не дурна собою и мнѣ ни мало не противна.

— «Ну такъ и слава Богу, сказала на сіе Ивановна. Это-то и надобно, и этого уже довольно; а полюбиться она уже полюбится, дай-ка ей только повозмужать и повырость больше... Но какже вы теперь думаете?» спросила она меня далѣе.

— А я думаю то, сказалъ я: что мнѣ хотѣлось бы теперь знать, каковъ показался я имъ, а особливо невѣстѣ, и какого онѣ обо мнѣ мнѣнія?

— «О! это не долго узнать, сказала она; мнѣ нужно только побывать у нихъ. Онѣ мнѣ все скажутъ».

— Ну слушай же, Ивановна; когда такъ, то сдѣлай же ты мнѣ одолженіе и съѣзди туда. Но знаешь ли, съѣзди такъ, какъ бы сама отъ себя, а не отъ меня нарочно, и не бери съ собою моего человѣка, а поѣзжай, хоть на моей лошади, но съ своимъ сыномъ чтобъ тѣмъ лучше могли онѣ тому повѣрить. И пожалуй, распровѣдай обо всемъ хорошенько, особливо о томъ, не противенъ ли я самой невѣстѣ-то. Ежели дойдетъ рѣчь до меня, то ты скажи, что ты меня видѣла, что онѣ мнѣ всѣ полюбились; но что я тебя къ нимъ еще не посылалъ и ничего еще съ тобою не приказывалъ, и что не знаю о томъ, что ты и поѣхала. А буде станутъ онѣ говорить для чего я пріѣзжалъ не одинъ, то скажи, что сіе случилось нечаянно и не нарочно; что гость сей мнѣ пріятель и пріѣхалъ ко мнѣ ввечеру передъ тѣмъ днемъ, какъ ѣхать; что я ему и не радъ былъ и что по необходимости принужденъ былъ взять его съ собою.

— «Хорошо, хорошо, батюшка, сказала мнѣ на сіе Ивановна: но скажите вы мнѣ, говорили ли вы что-нибудь съ невѣстою и умна ли она вамъ показалась?»

— Нѣтъ, моя голубка! И можно-ль было мнѣ съ нею говорить о чемъ-нибудь, а особливо по ея молодости. Я и съ матерью ея очень мало говорилъ, а потому и смущаетъ меня теперь наиболѣе то, что я не могу ничего еще судить о ея разумѣ и боюсь пуще всего, что не глупа ли она. Итакъ, пожалуйста, какъ можно пораспровѣдай моя голубка о томъ, умѣетъ ли она покрайней мѣрѣ грамотѣ и читать и писать, и не охотница ли читать книги? Куда бы мнѣ хотѣлось, чтобы она была къ сему сколько-нибудь охотница и мнѣ могла-бъ въ томъ сколько-нибудь сотовариществовать. Также поразвѣдай, сколько тебѣ будетъ можно, и о томъ, къ чему она наиболѣе охотница; также не дурного ли нраву. Дурной нравъ вѣдь и смаленьку уже въ человѣкѣ примѣтенъ, и этого я боюсь всего болѣе. А постарайся также узнать и о склонностяхъ и охотахъ ея матери, мнѣ и о томъ нужно бы очень знать.

— «Хорошо, хорошо, сказала она: я постараюсь, сколько мнѣ только можно будетъ узнать, и разскажу вамъ потомъ все и все; а также и о томъ поразвѣдаю ихъ мысли, какъ же бы онѣ теперь располагались

и согласились ли-бъ ее за васъ отдать, еслибъ вы того уже стали желать и требовать».

— Очень хорошо, моя голубка, сказалъ я. Ступай же съ Богомъ и ежели можно, то завтра же поѣзжай къ нимъ; а чтобъ лучше обо всемъ узнать, то пробудь у нихъ хоть день-другой лишній.

— «Очень хорошо, сказала она. А благо кстати сыну моему есть крайняя нужда побывать въ Тулѣ, —такъ и пускай онъ оттуда въ нее проѣдетъ и тамъ надобности свои исправитъ; а я между тѣмъ и останусь погостить у нихъ».

— Всего лучше, сказалъ я: ты и сказать можешь, что по случаю самой сей ѣзды его въ Тулу, ты къ нимъ и пріѣхать вздумала.

Она и дѣйствительно все такъ сдѣлала, какъ говорено было, и дней черезъ пять возвратившись назадъ, тотчасъ и прилетѣла ко мнѣ, съ нетерпѣливостью и крайнимъ любопытствомъ ее дожидавшемуся.

— Ну, что, моя голубка, Ивановна? спросилъ я ее увидѣвъ. Ѣздила ли ты, и что вѣстей?

— «Цѣлый коробъ привезла ихъ къ вамъ, баринъ! отвѣчала она: и все хорошихъ. Полюбиться вы имъ полюбились всѣмъ. Онѣ всѣ васъ хвалятъ, говорятъ объ васъ хорошее и довольны всѣмъ вашимъ поведеніемъ».

— Неужели? спросилъ я: слышала ты тоже и отъ невѣсты самой?

— «Ну нѣтъ! отвѣчала на сіе Ивановна. И надобно солгать, ежели сказать, что слышала все тоже и отъ самой невѣсты. Отъ сей, по молодости ея, трудно сего добиться. Она, какъ ни была ко мнѣ до сего ласкова и какъ меня ни любила; но съ того времени, какъ узнала о моемъ сватовствѣ, и смотрѣть на меня и говорить со мною не хочетъ. И ей, что ни говори, такъ либо молчитъ, либо плачетъ, либо, застыдившись, уйдетъ прочь. Отъ ней не могли еще того и всѣ родные ея добиться, чтобъ она сказала, каковы вы ей кажетесь. Но по крайней мѣрѣ и то уже хорошо, что она не противится и не проситъ, чтобъ сіе дѣло оставили. А когда-бъ противны были вы, такъ бы вѣрно она сказала. Вотъ вамъ все, что я могла узнать объ невѣстѣ вашей. А впрочемъ грамотѣ она мастерица и читать и писать умѣетъ и когда заставляетъ ее матушка, то читаетъ и книги. Сама же Марья Абрамовна охотница и любитъ читать книги, а притомъ и очень богомольна».

— Ну, это хорошо, сказалъ я. А о нравѣ-то, Ивановна! распровѣдывала ли ты?

— «Распровѣдывала и разспрашивала кое-кого и о томъ, батюшка. Но это всего труднѣе еще узнать, и по молодости ея нельзя и судить еще о томъ. Теперь она кажется хорошаго и ласковаго нрава, такъ какъ и матушка ея, очень хорошаго нрава и поведенія; а впередъ какъ выростетъ, Богъ знаетъ, какова будетъ, это не можно еще никому узнать. Нравы, какъ извѣстно, съ лѣтами перемѣняются. Также и о склонностяхъ ея нельзя еще ничего судить».

— То-то и дѣло, сказалъ я и задумался, а она продолжала далѣе:

— «А то только я слышала, что она рукодѣлка, не вѣтрена, не рѣзва; любитъ заниматься чѣмъ-нибудь, и въ домашнемъ хозяйствѣ матери уже во многомъ помогаетъ».

— Это все хорошо, сказалъ я опять, перехвативъ ея рѣчь. Но нравъ-то, нравъ-то и неизвѣстность его ужасно меня устрашаетъ! Ну, если она да дурного будетъ нрава, что ты тогда изволишь? Развѣ уже въ этомъ случаѣ полагаться на волю божескую и свое счастіе?

— «Конечно, сказала она: другого не остается, и нравъ узнать во всякой невѣстѣ трудно, кольми паче у такой молодой».

— То такъ, сказалъ я: кто ихъ узнаетъ; въ дѣвушкахъ во всѣхъ нравы хороши, какъ говорятъ; но послѣ-то выходитъ часто иное. Но чтожъ еще скажешь ты мнѣ, Ивановна?

— «А то, что товарищъ вашъ, съ которымъ вы пріѣзжали, имъ всѣмъ какъ-то не очень нравился. И слава Богу, что вы мнѣ сказали, что случилось это нечаянно и что вы по неволѣ принуждены были взять его

съ собою. Этимъ успокоила я ихъ; а то было это имъ не очень пріятно, и они понегодовали и на васъ за то».

— Вотъ изволь, пожалуй! сказалъ я: что онъ мнѣ надѣлалъ, и теперь напонимаю я, что онъ съ умысломъ тамъ себя дурачилъ, и такъ себя велъ, какъ я нимало не ожидалъ отъ него. Но о дѣлѣ-то самомъ, какъ же они думаютъ и что съ тобою говорили?

— «Что, батюшка, о дѣлѣ-то самомъ и теперь говорятъ они все тоже, что говорили прежде,—что по молодости ея начинать его никакъ еще не можно и что прежде о томъ и думать они не хотятъ, покуда не совершится ей 13 лѣтъ».

— Но когда-жъ это будетъ? спросилъ я

— «Дожидаться правда и сего не долго, отвѣчала она. Имянинницей вотъ будетъ она въ великій постъ. Итакъ, все дѣло, чтобъ только подождать до весны».

— Ну, это куда бы уже не шло, сказалъ я. Можно и до лѣта, а хотя и до осени еще свадьбою подождать. Пускай бы себѣ подростала она. Я и самъ тѣмъ болѣе могъ бы имѣть времени исправиться всѣмъ и приготовиться къ свадьбѣ.

— «То такъ, батюшка, подхватила Ивановна. Но страшно, чтобъ въ это время не произошло и тамъ отъ злыхъ людей какихъ-нибудь каверзъ. Мнѣ и такъ уже отчасти слыхнулось, что есть у нихъ тамъ сосѣдка, и пріятельница имъ, по имени Аграфена Ивановна, и что этой старушкѣ, Богъ знаетъ, что-то вздумалось разбивать все наше дѣло. Для меня удивительнѣе всего то, что не видавъ васъ въ глаза и не зная васъ нимало, а коритъ васъ всячески; и когда уже не чѣмъ инымъ, такъ уже сущей и смѣшною небылицею. Затѣй и наскажи на васъ; да комужъ?—самой Александрѣ Михайловнѣ, что вы и колдунъ-то, и чернокнижникъ, и Богъ знаетъ что».

— Что ты говоришь? захохотавъ сему, воскликнулъ я... Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— «Точно такъ, говорила она. И я сама уже тому смѣялась, смѣялась, да и стала и мнѣ старушка эта ни вѣсть какъ досадна. Какъ это можно молоть такой вздоръ и внушать его ребенку... А та, по молодости и по любви своей къ ней, повѣривъ тому, и ну плакать».

— Ну спасибо же этой Аграфенѣ Ивановнѣ, сказалъ я. Есть право за что спасибо сказать. Да не съ ума ли она сама спятить изволила? И сходно ли съ разумомъ повѣрить тому, еслибъ кто и сталъ ей то сказывать. И не глупо ли истинно, чѣмъ меня разкорить хочетъ?... Но неужели и сама мать ея тому же вѣритъ?

— «И! нѣтъ, отвѣчала она. И какъ можно этому вѣрить. Однако, какъ бы то ни было, но все непріятны и опасны такія каверзы, а потому и кажется, что имъ все еще хочется получить болѣе времени объ васъ хорошенько и обстоятельнѣе распровѣдать».

— Пожалуй, сказалъ я, распровѣдывай себѣ, какъ хотятъ. Чего нѣтъ, то и будетъ нѣтъ, и злые люди что ни стали-бъ выдумывать и сами отъ себя затѣвать, но правда сама собою послѣ откроется. Досадны только этакіе глупцы и негодяи!... Ха! ха! ха! Уже въ чернокнижники и въ колдуны меня пожаловали! И можно ли чему глупѣе и смѣшнѣе такого вздора быть? А все, небось, потому, что я охотникъ до книгъ, до наукъ и до всякихъ рукодѣлій и знаю кой-какія хитрости.

— «Конечно, сказала она. И у насъ-таки между чернью мало ли какого вранья объ васъ».

— Что ты говоришь, Ивановна?—Ну, не зналъ же я... Право не зналъ, что и отъ знанія наукъ можно нажить себѣ молву дурную... Ха! ха! ха! Но воля ихъ, и чтобъ они ни говорили, но съ науками не разстанусь я ни для кого и ни для чего въ свѣтѣ! Ну, какъ-же, сказалъ я наконецъ своей свахѣ: такъ намъ и быть, и опять остаться ни на чемъ?

— «Видно, что такъ, отвѣчала она мнѣ: но по крайней мѣрѣ не далѣе, какъ до весны, или до лѣта. А тогда мы можемъ и опять приступить къ нимъ».

— Конечно, сказалъ я: а между тѣмъ не

трафится ли еще и другая какая невѣста!.

Симъ кончилась тогда наша пересылка; а какъ нечувствительно письмо мое достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ и оное симъ кончить, и сказать вамъ, что я есмь, и прочая...

ПРІѢЗДЪ НЕОЖИДАЕМОЙ И ПРІЯТНОЙ ГОСТЬИ.

Письмо 113-е.

Любезный пріятель! Вѣсти, привезенныя мнѣ моею Ивановною и все пересказанное ею мнѣ повергло меня опять въ превеликое недоумѣніе и нерѣшимость, что мнѣ дѣлать. Я занялся опять мыслями и сумнѣніями разными о предначинаемомъ дѣлѣ, и смущаемъ былъ ими тѣмъ болѣе, что не имѣлъ никакихъ дальнихъ побудительныхъ причинъ къ продолженію сего дѣла и къ поспѣшенію онымъ. Въ особливости же огорчало меня то, что не имѣлъ я никого, съ кѣмъ бы можно было о томъ поговорить и посовѣтовать, и ктобъ могъ подать мнѣ искренній и благоразумный совѣтъ при тогдашнихъ моихъ критическихъ обстоятельствахъ.

О пріятелѣ своемъ, господинѣ Писаревѣ, перестаиъ я и думать. Явное пристрастіе послѣдняго его со мною поступка и очевидный опытъ неискренности его дружбы отвлекъ меня совсѣмъ отъ онаго и побуждалъ еще болѣе таиться отъ него въ семъ дѣлѣ, нежели прежде. Изъ другихъ не хотѣлось мнѣ также никому въ семъ дѣлѣ открыться. Старика, дяди моего родного, тогда не было въ деревнѣ, а жилъ онъ, по обыкновенію своему, всю зиму въ Москвѣ. Старика, дѣда моего, генерала оставилъ я при томъ мнѣніи, что невѣста показалась мнѣ слишкомъ еще молода, и ему въ истинномъ расположеніи своемъ и нерѣшимости не хотѣлось мнѣ также открыться, отчасти для неискренности его со мною обхожденія, а отчасти изъ опасенія, нѣтъ ли дѣйствительно у жены его на умѣ, женить меня на своей дочери, что послѣ и оказалось въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, оставалась одна только Ивановна; но и сія болѣе только желала мнѣ невѣстою своею услужить, нежели въ состояніи была подать совѣтъ благоразумный. А посему и горевалъ я о семъ недостаткѣ добрыхъ совѣтниковъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Но по счастію мучительное сіе состояніе продолжалось недолго. Не успѣло нѣсколькихъ дней пройтить, какъ вдругъ однимъ днемъ взъѣзжаютъ ко мнѣ на дворъ гости въ дорожномъ возкѣ и съ кибиткою за онымъ. «Господи, кто бы это такой былъ?» говорилъ я самъ себѣ, смотря въ окошко, удивляясь и не въ состояніи будучи догадаться, кто-бъ это такой былъ. Но удивленіе мое увеличилось еще несказанно, когда въ окно увидѣлъ я выходящую изъ возка боярыню Въ крайнемъ недоумѣніи выбѣгаю я въ сѣни, чтобъ ее встрѣтить. Но какимъ пріятнымъ восторгомъ поразился я, узнавъ въ ней старшую сестру мою, госпожу Неклюдову, Прасковью Тимоѳеевну.

— Ахъ, Боже мой! возопилъ я, бросившись въ ея объятія. Ахъ матушка сестрица; откуда ты это взялась? И могъ ли я себѣ воображать, чтобъ я такъ счастливъ былъ, чтобъ видѣть тебя у себя въ деревнѣ! Не самъ ли Богъ тебя ко мнѣ прислалъ въ такое время, когда ты мнѣ всего нужнѣе.

Радостныя слезы текли тогда у меня изъ глазъ, а и она, таковыя же обтирая, шла за мною, ведущимъ ее въ свою хижину. «Поди-ка, моя мать! и посмотри мое житье-бытье. И какъ это тебя Богъ принесъ въ домъ дѣдовъ и родителей нашихъ, и вздумалось посѣтить меня въ моемъ уединеніи?.. О, какъ много я тебѣ благодаренъ!»—Сказавъ сіе, принялся я опять цѣловать у ней руки и лицо.

— «Молчи, молчи, братецъ! Дайка мнѣ обогрѣться сколько-нибудь, а то все тебѣ разскажу!... И! какъ у тебя тепло и хорошо здѣсь! Какіе это прекрасные покойцы ты себѣ сдѣлалъ, и какъ убралъ здѣсь все такъ хорошо! И не узнаешь ихъ! Это были, конечно, наши прежнія кладовыя?»

— Точно такъ! сказалъ я, и водя по всѣмъ онымъ, показывалъ ихъ ей.

— «Ну, а тамъ? спросила она: гдѣ мы прежде живали, что у тебя?

— Тамъ все-таки по прежнему и такъ, какъ было, сказалъ я.

— «О! поведи же меня, братецъ, и въ ту половину, подхватила она. Хочу нетерпѣливо видѣть еще разъ тѣ мѣста, гдѣ я родилась, воспитывалась, гдѣ жила въ малолѣтствѣ... и поклониться моленію предковъ нашихъ.

— Изволь, моя мать, — и введя въ прежнюю нашу большую горницу, ей сказалъ: вотъ наша старинная передняя! Видите, вся потемнѣла она уже отъ древности.

Сестра не успѣла войтить въ нее, какъ поверглась предъ образами, которыми установленъ былъ еще весь передній уголъ въ оной.

— «Да, сказала она: вотъ она, и точно еще въ такомъ же видѣ, въ какомъ оставила я ее, отъѣзжая въ послѣдній разъ съ покойною матушкою отсюда. И понынѣ еще съ удовольствіемъ вспоминаю я, какъ маливалась я предъ сими образами по утрамъ, находясь еще въ дѣвкахъ.

Послѣ сего вошли мы съ нею въ угольную, съ которою производимы были мною столь многія перемѣны.

— «Вотъ эта уже совсѣмъ не такова, какъ была прежде, сказала она: но мѣста въ ней мнѣ всѣ памятны. Вотъ здѣсь, братецъ, висѣла колыбель твоя, какъ былъ ты еще махенькой, и я помню и понынѣ, какъ я тебя здѣсь иногда качивала. А вотъ здѣсь стояла кровать покойной матушки. Не знаешь ли, братецъ, на которомъ мѣстѣ скончалась она?»

— Вотъ здѣсь сказалъ я, указывая на передній уголъ. Сюда, какъ мнѣ сказывали, переставлена была кровать съ нею, и тутъ испустила она свое послѣднее дыханіе и преселилась въ вѣчность.

Слеза покатилась тогда изъ глазъ сестры моей. Она поклонилась сему мѣсту и, отворотясь, утирала ихъ платкомъ своимъ. Потомъ пошли мы въ комнатку, и сестра, указывая мнѣ знакомыя ей еще мѣста въ оной, говорила: «Вотъ здѣсь сыпали мы съ сестрою, а вотъ тутъ родился ты, братецъ. О какъ мила мнѣ и понынѣ горница сія, гдѣ живали мы въ малолѣтствѣ».

Не успѣлъ я ее обводить и возвратиться въ свои комнаты, какъ просилъ я удовольствовать мое любопытство, и разсказать, какимъ образомъ и по какому счастливому случаю я ее у себя вижу.

— «А вотъ по какому, сказала она: у меня давно было обѣщаніе съѣздить помолиться къ Нилу Столобенскому чудотворцу,въ монастырь, что на озерѣ Селигерѣ близъ Осташкова. А какъ оттуда не очень далеко было уже и до Москвы, то и восхотѣлось мнѣ побывать еще разъ на свою родину и посмотрѣть мѣста сіи, которыя я столь многіе годы и съ самаго моего замужства не видала; повидаться съ тобою, братецъ, посмотрѣть твое житье-бытье, а потомъ проѣхать въ Кашинъ и повидаться съ сестрою, Марѳою Тимоѳеевною, у которой я также никогда еще не была и слышу, что она, бѣдная, нездорова. Не отпуститъ ли она со мною старшую дочь свою: мнѣ хотѣлось бы ее взять у ней къ себѣ.»

— Это очень бы хорошо, матушка сестрица! сказалъ я: а то сестра какъ-то очень нездорова и я боюсь, чтобъ не лишиться намъ ея; а вы знаете, каковъ зять нашъ, Андрей Федоровичъ.

— «То-то и дѣло! сказала она. Но скажи же ты мнѣ, какъ ты поживаешь, братецъ? Все ли ты здоровъ?

— Слава Богу.

— «Не скучилось ли тебѣ жить въ одиночествѣ?»

— То есть тотъ грѣшокъ, сказалъ я: и потому помышляю уже о томъ, какъ бы нажить себѣ и товарища и жениться.

— «Давной пора, братецъ! сказала она Но есть ли невѣсты-то, и нашелъ ли ты себѣ какую?

— То-то и бѣда-та наша, отвѣчалъ я: невѣстъ много; но все какъ-то не по мнѣ. А есть одна на примѣтѣ; но и въ разсужденіи той не знаю, какъ рѣшиться. Такая бѣда, что и посовѣтовать не съ

кѣмъ. Но теперь, славу Богу! и я очень радъ, что ты ко мнѣ пріѣхала. Съ тобою, моя матушка, могу я лучше всѣхъ о томъ поговорить и посовѣтовать, и самъ Богъ тебя ко мнѣ принесъ.

— «Очень хорошо, братецъ! сказала она. И какъ я у тебя недѣлю-другую пробыть расположилась, то и поговоримъ о томъ, сколько тебѣ надобно. И какъ бы я рада была, еслибъ могла тебѣ сколько-нибудь въ семъ случаѣ помочь».

Я поцѣловалъ у ней за сіе обѣщаніе руку, и спѣшилъ скорѣе обогрѣвать ее съ дороги согрѣтымъ чаемъ.

Между тѣмъ какъ я ее имъ потчивалъ, собрались всѣ старѣйшіе изъ людей моихъ, мущины и женщины, которые видали ее еще незамужнею и были живы, и пришли просить, чтобъ она имъ себя показала и дозволила имъ перецѣловать у себя руки. Сестра съ превеликою охотою на то согласилась и, напившись чаю, вышла къ нимъ въ лакейскую, и тогда представилась глазамъ моимъ сцена весьма трогательная. Всѣ во множество голосовъ восклицали тогда: «Ахъ, матушка наша, Прасковья Тимоѳеевна!» И всѣ на прерывъ другъ предъ другомъ спѣшили цѣловать ея руки и изъявлять непритворную радость свою о томъ, что Богъ допустилъ ихъ еще прежде смерти своей ее увидѣть. Всякая изъ женщинъ, подходя къ ней, напоминала о себѣ и сказывала свое имя. Сестра помнила еще всѣ оныя и многихъ изъ нихъ узнавала, а другимъ дивилась, что они такъ состарѣлись и перемѣнились, что и узнать ихъ было не можно. Со всѣми ими она перецѣловалась, со всѣми поговорила, и всѣмъ приказала наутріе опять собраться и притить къ себѣ, чтобъ могла она ихъ одѣлить привезенными имъ гостинцами.

Какъ скоро сестра моя отдохнула сколько-нибудь отъ дорожныхъ безпокойствъ и наступилъ вечеръ, уединившій насъ отъ людей; то стала требовать она, чтобъ удовольствовалъ я чрезмѣрное ея любопытство и разсказалъ ей о моихъ сватовствахъ и невѣстахъ. И тогда, усѣвшись съ нею въ уголокъ, и разсказалъ я ей все и все, съ самаго начала и до конца, и не утаилъ отъ ней ничего изъ всего писаннаго и сообщеннаго вамъ въ предслѣдовавшихъ моихъ письмахъ. И доведя наконецъ повѣствованіе свое до самаго послѣдняго случая и произшествія, изобразилъ ей всю тогдашнюю мою нерѣшимость, пересказалъ все, что меня къ невѣстѣ прилѣпляло и всѣ тѣ сумнительствы, которыя меня устрашали и отвлекали отъ оной, и требовалъ наконецъ отъ нея совѣта, какъ бы мнѣ поступить при семъ случаѣ было лучше.

Сестра моя слушала всѣ слова мои съ величайшимъ вниманіемъ, и наконецъ, подумавъ, сказала:

— «Не знаю, братецъ, я и сама, что мнѣ тебѣ сказать на сіе, и какой совѣтъ лучше дать при такихъ твоихъ обстоятельствахъ. А желала-бъ я и очень желала, еслибъ только можно было, чтобъ мнѣ самой невѣсту эту и мать ея видѣть, и тогда бы я уже могла сколько-нибудь надёжнѣе мой совѣтъ тебѣ предложить».

— Хорошо бы, сестрица, сказалъ я, и очень бы это хорошо. Я и самъ желалъ бы того, чтобъ вы ее увидѣли, и это всего-бъ лучше было. Но какъ же бы это сдѣлать-то? — вотъ вопросъ. Развѣ поговорить о томъ съ моею Ивановною, не придумаетъ ли она къ тому какого способа.

— «Это дѣло, и хорошо, братецъ, отвѣчала она. И пошли-ка ты завтра по утру за нею. Благо и безъ того мнѣ эту старушку видѣть хочется, и ее поблагодарить за ее объ тебѣ попеченіе».

Сіе я на другой день и сдѣлалъ. А между тѣмъ, покуда ѣздилъ туда нашъ посланной, явился къ намъ нашъ приходской попъ,—тотъ отецъ Иларіонъ, о которомъ я имѣлъ уже случай вамъ пересказывать. Онъ не успѣлъ услышать о пріѣздѣ сестры моей, какъ восхотѣлъ ее видѣть того часа, и побѣжалъ къ намъ. И сестра моя, знавшая его еще въ малолѣтствѣ, была очень рада, что нашла его еще въ живыхъ, и не могла съ нимъ обо всемъ и обо всемъ наговориться довольно.

Она сказывала ему о себѣ все, что ему хотѣлось знать, а онъ разсказывалъ ей о себѣ и о всѣхъ произшествіяхъ, съ нимъ бывшихъ. И какъ онъ былъ старикъ отмѣнно велерѣчивой и умѣвшій и самыя бездѣлки такъ красно и хорошо разсказывать, что съ удовольствіемъ его слушать было можно; то и занялись они и углубились такъ въ разговоры между собою, что я могъ, для исправленія домашнихъ своихъ надобностей и сдѣланія нужныхъ къ дальнѣйшему сестры моей угощенію распоряженій отъ нихъ на нѣсколько минутъ отлучиться.

Между тѣмъ покуда я на конюшню и кой-куда ходилъ и сими распоряженіями занимался, и разсудила сестра моя, воспользуясь симъ отсутствіемъ моимъ, поговорить обо мнѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ моихъ съ отцемъ Иларіономъ. Безсомнѣнно, разспрашивала она его о всемъ моемъ житьѣ и поведеніи, ибо не успѣла меня завидѣть, какъ и начала мнѣ говорить:

— «Ну, спасибо братецъ, ей-ей, спасибо! я очень порадовалась услыша отъ отца Иларіона о томъ, какъ ты здѣсь живешь, и какъ себя ведешь хорошо, похвально и постоянно. Это всего лучше, братецъ! И мнѣ очень мило и пріятно слышать, что ты успѣлъ уже нажить себѣ хорошее имя и похвалу и любовь отъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ себѣ сосѣдей».

Я не зналъ, что ей на сіе сказать, ибо она привела меня тѣмъ въ нѣкоторое пріятное самого себя устыденіе, но отъ котораго не успѣлъ я еще оправиться, какъ продолжала она далѣе говорить мнѣ съ веселымъ видомъ.

— «Но знаешь ли ты что, братецъ? и сказать ли тебѣ, что я хотя не долго здѣсь еще жила, а нашла уже и другого знатока на твою невѣсту!»

— Что вы говорите? спросилъ я удивившись. И кого-бъ такого?

— «А вотъ кого, сказала она. Ты конечно и не знаешь еще того, что въ томъ селѣ, гдѣ живетъ твоя невѣста, помъ вѣдь родной племянникъ отца Иларіона, сынъ сестры его родной.»

— Не вправду ли? возопилъ я.

— «Точно такъ,» сказалъ отецъ Иларіонъ.

— Но какъ же я этого не зналъ?

— «Такъ-таки, и у насъ какъ-то никогда не доходила рѣчь о томъ. Ваша честность не изволили никогда со мною говорить о семъ, а самому мнѣ мѣшаться въ это дѣло смѣлости не было.»

— Ну, не зналъ же я, батька сего! сказалъ я: а то-бъ мы давно съ тобою о семъ поговорили.

— «Итакъ, вотъ чрезъ кого, подхватила сестра моя: можно намъ все и все узнать короче. Вотъ и они, братецъ, хвалятъ очень мать невѣсты твоей и говорятъ, что она хотя и молода еще, но живетъ очень хорошо, степенно и порядочно.»

— «Точно такъ, присовокупилъ отецъ Иларіонъ: и племянникъ мой не нахвалится всегда сею прихожанкою своею, какъ ни случалось мнѣ у него бывать.»

— Такъ вы и сами бывали тамъ, батюшка? спросилъ я.

— «Какъ же, отвѣчалъ мнѣ онъ: и не одинъ разъ видалъ и Марью Аврамовну и ея дочку.»

— «Вотъ и онъ, братецъ, говоритъ, подхватила сестра моя: что она хотя хороша, но молодовата еще. Но сіе куда бы уже не шло, и это не сдѣлало-бъ уже дальняго помѣшательства. А дай-ка мнѣ только увидѣть ее и повидаться съ ними.»

— А что сестрица, нельзя ли какъ-нибудь чрезъ батьку это сдѣлать? спросилъ я.

— «То-то и дѣло, сказала она: и мы уже и говорили съ батькою о томъ, и нашли уже и хорошій слѣдъ къ тому.»

— А какъ? спросилъ я съ превеликимъ любопытствомъ.

— «А вотъ какъ, сказала она: село это, сказываютъ, лежитъ на прямой отсюда дорогѣ въ Тулу, а мнѣ въ Тулу и безъ того съѣздить хотѣлось и есть нужда. Такъ я поѣду сею дорогою и заѣду къ нимъ просто по дорожному, побываю у нихъ и познакомлюсь съ ними. А чтобъ слу-

чилось сіе не нечаянно, то и говорили мы съ отцемъ Иларіономъ, чтобъ ему взять на себя трудъ, и съѣздивъ туда, либо чрезъ племянника своего имъ о томъ сказать, либо, того лучше, самому съ ними повидаться, и попросить дозволенія мнѣ къ нимъ пріѣхать, и пріѣхать бы просто безъ всѣхъ чиновъ и церемоніаловъ, а прямо по дорожному. И отецъ Иларіонъ на то и согласенъ.»

— Очень хорошо, батюшка! сказалъ я: и вы меня тѣмъ очень одолжите.

— «Извольте, сударь! отвѣчалъ онъ. И если вамъ угодно, то завтра-же туда отправлюсь.»

— Хорошо, хорошо, батюшка! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Не успѣли мы симъ образомъ условиться, какъ поглядимъ, и наша нѣмка въ двери.—«Ахъ, вотъ и Ивановна!» закричалъ я, и подведя ее къ сестрѣ, началъ ее рекомендовать ей. Сія обошлась съ нею отмѣнно ласково и благопріятно и полюбила очень сію добродушную, веселую и услужливую старушку, и не могла съ нею довольно наговориться обо всемъ. Она должна была у насъ остаться обѣдать; а не отпустили мы уже и отца Иларіона отъ себя. Послѣ обѣда, и по отпускѣ сего послѣдняго, благодарила сестра моя Ивановну за всѣ ея хлопоты и обо мнѣ старанія, подарила ее прекраснымъ шелковымъ платкомъ и удержала ее до самаго вечера, говоря почти безпрерывно о сей матеріи и разспрашивая ее обо всемъ, что она знала. Наконецъ сказала она и о намѣреніи своемъ повидаться съ ея знакомицами, и какъ мы расположились это сдѣлать.

— «Очень, очень хорошо, сказала она: благо мнѣ теперь не можно никакъ отлучиться, а то хотя бы и я готова опять туда съѣздить.»

— Тебя побережемъ мы для переду! сказалъ я: а то мнѣ тебя уже и жаль: ты и то только что оттуда пріѣхала.

— «Это бы нѣтъ ничего, отвѣчала Ивановна. Однако хорошо, хорошо, пускай попъ съѣздитъ.»

Между тѣмъ какъ отецъ Иларіонъ туда ѣздилъ и исправлялъ комиссію, ему порученную, сестра моя за долгъ себѣ почла побывать у сосѣда моего и общаго нашего дѣда, Никиты Матвѣевича, котораго она не видала почти съ малолѣтства своего, и я долженъ былъ сотовариществовать ей въ семъ посѣщеніи.

Ее приняли въ домѣ семъ съ наивозможнѣйшею ласкою и благопріятствомъ, хотя происходило то очевидно изъ природнаго лукавства старика генерала. Что-жъ касается до простодушной его супруги, госпожи генеральши, то сія отмѣннымъ образомъ и такъ ласкалась къ сестрѣ моей, что я тому даже подивился, и сталъ подозрѣвать, не съ намѣреніемъ ли-то какимъ сокровеннымъ то дѣлалось, и не ошибся въ моихъ заключеніяхъ. Ибо на другой же день послѣ того явилась къ намъ другая нѣмка заводская, которая была къ нимъ вхожа въ домъ и болѣе всѣхъ другихъ любима, и, къ удивленію нашему, проболталась намъ напрямки, что отъ Софьи Ивановны поручено ей предложить мнѣ стороною дочь ея въ невѣсты, и узнать, какого я о томъ мнѣнія.

Неожидаемость сія насъ обоихъ съ сестрою смутила, а особливо меня. Но, по счастію, мы только что говорили предъ тѣмъ съ сестрою о сей дѣвушкѣ и оба другъ друга спрашивали, какова она кажется, и дивились еще тому, что оба мы были одинаковаго объ ней мнѣнія и оба почитали ее хотя изрядною, но впрочемъ ничего незначущею и такою дѣвушкою которая нимало не была подъ стать мнѣ, а особливо по малому ея приданому. Къ тому-жъ и то обстоятельство побуждало насъ всего меньше объ ней думать, что семейство старика и мнѣ и сестрѣ моей совсѣмъ не нравилось и я никакъ не хотѣлъ войтить въ оное.

И какъ симъ предварительнымъ объ ней разговоромъ были мы власно какъ предуготовлены, то, не долго думая, и сказали мы нѣмкѣ,—взявъ въ предлогъ также великую ея еще молодость,—хотя политическій, но такой отвѣтъ, изъ котораго можно было имъ заключить, что у меня нимало на умѣ нѣтъ на сей дѣвушкѣ жениться и что она

мнѣ совсѣмъ не по мыслямъ, а развѣ доведетъ меня до того самая крайность и я не найду себѣ никакой иной и лучшей невѣсты. Все сіе внушили мы нѣмкѣ точно такимъ же образомъ стороною, и будто въ шуткахъ и издѣвкахъ, какимъ образомъ сама она начинала свое сватовство, и были очень довольны тѣмъ, что сватовство сіе было не формальное, и что намъ можно было отъ невѣсты сей учтивымъ и необиднымъ образомъ отыграться.

Въ послѣдующій день и прежде еще узнанія нашего отвѣта, не преминула посѣтить насъ и сама генеральша и привезла съ собою и дочку свою, разрядивъ ее въ прахъ и какъ можно лучше. И какъ тогда намѣреніе ея было уже намъ свѣдомо, то и смѣялись мы внутренно сему ея предпріятію, и я самъ въ себѣ говорилъ: «Тщетны всѣ ваши труды и старанія, мои государыни! Не прельстить вамъ меня сими уборами. Знаемъ мы вдоль и поперекъ, какова она, и симъ блескомъ не обманемся.»

Въ самое то-же время пріѣзжалъ къ намъ и любезный сосѣдъ мой, г. Ладыженскій, съ своею женою; ибо какъ скоро отъ меня узнали, что сестра моя ко мнѣ пріѣхала, какъ захотѣли ее видѣть и съ нею познакомиться. Сестра моя была очень довольна посѣщеніемъ ихъ, и жену г. Ладыженскаго, за ласковость, откровенность и простодушіе ея, отмѣнно полюбила. И какъ они у насъ долѣе остались нежели генералъ и генеральша, то, по отъѣздѣ ихъ, госпожа Ладыженская прямо намъ сказала: что она готова побожиться, что генеральша съ умысла привозила свою дочку, но было бы смѣшно, еслибъ я тѣмъ далъ себя прельстить и вздумалъ бы на ней жениться, ибо ей она также что-то не нравилась. А симъ разговоромъ своимъ она еще болѣе насъ побудила отклонить отъ себя какъ можно сіе сватовство.

Наконецъ, какъ на другой день послѣ того возвратился нашъ и отецъ Иларіонъ и привезъ къ сестрѣ моей и поклонъ, и согласіе на предлагаемый заѣздъ и самое приглашеніе ее къ тому; то не стала сестра моя долѣе медлить, но тотчасъ въ путь сей отправилась. Она расположила ѣзду свою такъ, чтобъ ей пріѣхать въ домъ къ госпожѣ Кавериной тотчасъ послѣ обѣда, посидѣть у ней до вечера, и буде не уймутъ ночевать, то продолжать бы путь свой далѣе къ Тулѣ и ночевать хоть на дорогѣ. Какъ условленось было, чтобъ быть всему тутъ запросто и чтобъ свиданіе сіе было совсѣмъ не нарядное, то и не заботилась сестра моя нимало о томъ, чтобъ одѣться получше, и думая, что тамъ никого не будетъ постороннихъ, и расположилась заѣхать прямо по дорожному.

Но къ несчастію случилось совсѣмъ неожидаемое, и она, пріѣхавъ, нашла тутъ не только помянутую тетку невѣсты моей, госпожу Арцыбашеву, но и сестру ея, госпожу Крюкову съ ея мужемъ, и всѣхъ ихъ пріѣзда ея нарядно дожидавшихся. Сія неожидаемость такъ сконфузила и смутила сестру мою, что она, съ досады, что ее власно какъ подманули, не согласилась никакъ у нихъ ночевать, — хотя они ее и унимали, а особливо для присутствія г-жи Крюковой, которая ей, по бойкому и къ пересудамъ склонному ея нраву и характеру, какъ-то очень неполюбилась, — а поѣхала отъ нихъ прочь и ночевала въ первой деревнѣ, случившейся на дорогѣ отъ нихъ къ Тулѣ.

Тутъ досадовала она невѣдомо какъ на попа нашего, думая, что онъ не такъ имъ и намъ пересказалъ, какъ съ обѣихъ сторонъ было приказано. Но послѣ открылось, что онъ тому не виноватъ былъ, а произошло приглашеніе къ сему случаю госпожи Арцыбашевой отъ того что мать невѣсты отмѣнно съ нею жила дружно и ничего безъ ней и совѣта ея не дѣлала. А пріѣздъ господина Крюкова случился нечаянный. Онъ, ѣдучи изъ гостей и ничего о томъ не зная, къ нимъ тогда заѣхалъ и ночевать у нихъ расположился. Сборы же и приготовленія ихъ къ принятію гостей произошли отъ того, что сколько отецъ Иларіонъ ихъ ни увѣрялъ, что сестра моя будетъ одна, одна-

ко они тому не вѣрили, а завѣрное полагали, что и я съ нею къ нимъ буду.

Но какъ-бы то ни было, но сестра моя у нихъ была, и хотя за помянутыми гостьми и не удалось ей и съ невѣстою и съ матерью ея столько поговорить, сколько ей хотѣлось; но по крайней мѣрѣ она ихъ видѣла и сколько-нибудь и понятіе объ нихъ получила, а сего по нуждѣ было и довольно.

Между тѣмъ я, о томъ ничего не зная, не вѣдая, находился дома и съ великимъ нетерпѣніемъ дожидался обратнаго пріѣзда сестры моей.

— Что, матушка сестрица? спросилъ я ее по возвращеніи оной.

— «Что, братецъ! Была, видѣла, и со всѣми ими и даже съ ближними ея родными спознакомилась».

— Какъ это? Развѣ и родные были? спросилъ я.

— «То-то мое было и горе, сказала она. Я понадѣялась, и пріѣхала запросто и въ тѣхъ мысляхъ, что никого не будетъ; а погляжу — полна горница народа, и я сгорѣла даже отъ стыда».

— Господи! но какъ же это такъ сдѣлалось?

— «Ужъ всего того не знаю. Однако мнѣ не велика нужда до иныхъ и что̀-бъ ни стали говорить обо мнѣ. А особливо была тутъ какая-то Анна Васильевна!.. О! уже это Анна Васильевна! Пересудитъ кажется всякаго насквозь и процѣдитъ до чиста. Сестра ея, Матрена Васильевна, кажется не такова и лучше. А мать дѣвушки-то кажется женщина умная, степенная и не вертопрашка, и мнѣ она полюбилась».

— Ну, а дѣвушка-то? спросилъ я съ трепещущимъ сердцемъ.

— «И она кажется изрядная, братецъ! Недурна собою, и какъ повыровняется, то будетъ и гораздо еще лучше. А показалось мнѣ также, что она и неглупа. А впрочемъ, Богъ ее знаетъ! Въ такое короткое время можно ли узнать какова она, и что-нибудь замѣтить въ оной. Для помянутыхъ гостей принуждена была я сидѣть и чиниться и не то говорить, что бы мнѣ хотѣлось, а то, чего требовали чины и благопристойность. И мнѣ невѣдомо какъ жаль, что сіе такъ, а неинакъ случилось, и что сіи гости помѣшали мнѣ разсмотрѣть и узнать дѣвушку сію короче».

— Экое горе! сказалъ я: сожалѣю и я о томъ, но думаю, что случилось сіе не съ умысла, а конечно, не нарочно какимъ-нибудь образомъ. Но какъ бы то уже ни было и какъ бы ни случилось; но чтожъ сестрица, какой совѣтъ ты мнѣ теперь подашь?

— «Что, братецъ! Ежели истину тебѣ сказать, то желала-бъ я, и всѣмъ сердцемъ и душею желала-бъ, чтобъ имѣть тебѣ невѣсту лучше и совершеннѣе этой. Но тото бѣда, не изъ своего стада и не выберешь. Говорится въ пословицѣ: «и радъ бы въ рай, но грѣхи не пускаютъ.» Самъ ты говоришь, что невѣстъ не слишкомъ много, и что никакой иной нѣтъ у тебя въ особливости на примѣтѣ. Итакъ, Богъ знаетъ, когда-то другая случится,—и чтобъ не прождать тебѣ того нѣсколько лѣтъ сряду, а что того хуже, не влюбиться бы опять въ какую и не жениться на такой, которая въ десять разъ и хуже этой, и о которой сталъ бы послѣ, какъ любовь пройдетъ и погаснетъ, самъ раскаяваться. А какъ тебѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ твоимъ, женитьбою поспѣшать надобно, то мой тебѣ згадъ, братецъ, не забиваться въ даль. И благо невѣста есть и есть такая, которая тебѣ непротивна и всѣмъ обстоятельствамъ твоимъ подъ стать; такъ нечего-бъ долго и думать, а помолясь Богу и возложивъ на него всю надежду и начинать бы формально свататься. Вѣдь, Богъ знаетъ, ни то найдешь лучше, ни то нѣтъ. А что она молода, это нимало не мѣшаетъ, ростомъ она и теперь уже великонька, а къ лѣту еще болѣе поднимется... Погляди, какая выростетъ!... А что касается до неизвѣстности ея нрава, то нравъ и во всякой невѣстѣ трудно узнать, и всегда и въ разсужденіи всѣхъ будетъ такая же неизвѣстность. Тутъ есть какая-нибудь надежда на молодость ея, а въ разсуж-

деніи другой и урослой и того быть не можетъ. Больше-жъ всего мнѣ то нравится, что она одна только и есть дочь у матери и что мать ея должна будетъ жить вмѣстѣ съ вами, и можетъ до поры до времени быть хозяйкою въ твоемъ домѣ и пе такою вѣтреною, каковыми бываютъ иногда молодыя жены».

Вотъ что говорила мнѣ сестра; и я слушалъ всѣ сіи слова съ величайшимъ вниманіемъ, и не перебивая пи однимъ словомъ ея рѣчи. Наконецъ, какъ она перестала говорить, сказалъ я ей:

— Ну, такъ такъ-то, сестрица, и ты мнѣ совѣтуешь жениться на этой?

— «Съ Богомъ братецъ, съ Богомъ... и сколько мнѣ кажется, то сама судьба избрала и назначаетъ тебѣ сію, а не иную какую невѣсту... Теперь-таки и сдѣлай имъ удовольствіе и подожди, покуда совершится ей тринадцать лѣтъ, а съ весны и начинай съ Богомъ свататься формально, и помышлять о томъ, чтобъ веселымъ пиркомъ да и свадебку; а между тѣмъ заблаговременно и приготовляйся по-маленьку къ тому... Вотъ, и съ хоромами— продолжала она — надобно тебѣ будетъ еще что-нибудь сдѣлать. Такъ имъ остаться не можно. Въ сихъ маленькихъ трехъ горенкахъ тебѣ жениться и послѣ съ женою и тещею жить будетъ слишкомъ тѣсно».

— Конечно, сказалъ я: это я и самъ уже думалъ, и разскажу вамъ, сестрица, что у на умѣ меня есть сдѣлать и какъ хочется мнѣ обѣ половины хоромъ соединить вмѣстѣ, и получить чрезъ то гораздо болѣе простора.

Послѣ чего разсказалъ я ей все мое намѣреніе. Она похвалила оное, но не думала, чтобъ сіе было возможно; однако я увѣрилъ, что въ томъ нѣтъ никакой невозможности.

Вскорѣ послѣ сего, и власно какъ нарочно для приданія совѣту ея множайшаго вѣса, пріѣхала ко мнѣ и старушка тетка моя, госпожа Аникѣева, которой я далъ также знать о пріѣздѣ сестры моей. Она неизобразимо была рада, ее увидѣвъ, и прогостила у насъ до самаго почти отъѣзда сестрина. Я очень доволенъ былъ сею прямо любившею насъ добродушною и разумною старушкою. А какъ о сватовствѣ своемъ мы и ей открылись, то и она, выслушавъ все разсказываемое нами объ обстоятельствахъ нашего дѣла, также совѣтовала мнѣ не отставать отъ онаго, но съ Божіею помощью начинать оное въ свое время. И тогда просила ее сестра моя неоставить меня въ то время своимъ вспоможеніемъ, что она охотно и обѣщала.

Все сіе подкрѣпило меня еще болѣе въ моемъ намѣреніи и уничтожило совершенно всю мою нерѣшимость. Я положилъ уже рѣшительно послѣдовать ихъ совѣту и не искать себѣ болѣе никакой иной невѣсты, а прилѣпиться уже къ сей единой. И съ сего времени не сталъ я уже таиться въ томъ отъ всѣхъ и не скрывать того и отъ прочихъ моихъ сродниковъ и сосѣдей.

Сестра прожила тогда у меня болѣе двухъ недѣль и до самой масляницы; но какъ уже сталъ приближаться и наступать мартъ мѣсяцъ, то, страшась, чтобъ не захватила ее на дорогѣ распутица, спѣшила она ѣхать;—итакъ, 28 февраля отправилась она въ путь свой.

Не могу изобразить, съ какими чувствіями разставалась она со всѣми мѣстами, видѣвшими ее въ малолѣтствѣ и со всею своею родиною. Не сомнѣваясь въ томъ, что она въ послѣдній разъ видитъ ихъ въ своей жизни, ибо не могла уже никакъ надѣяться быть еще въ мѣстахъ нашихъ, прощалась она со всѣми ими на вѣки. Она обходила со мною всѣ оныя и не только сама плакала, но и меня въ слезы привела. Всѣ наши дворовые люди отъ мала до велика, а особливо прежніе ея знакомые и престарѣлые провожали ее и прощались также навѣкъ съ нею. Что касается до меня, то я рѣшился проводить ее до Москвы самой и тамъ уже распрощаться съ нею навсегда.

Въ Москвѣ пробыла она немногіе только дни, употребивъ оные на покупки разныхъ для себя вещей и на свиданіе съ ближайшими нашими родственниками,

какъ-то съ дядею Матвѣемъ Петровичемъ и съ дядею Тарасомъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Свиданіе съ обоими ими было у ней также чувствительное, а прощаніе — того трогательнѣе. Она прощалась съ ними также на весь вѣкъ, ибо не уповала уже ихъ болѣе за дальностію своего жилища видѣть, и просила ихъ о неоставленіи меня, а особливо, въ случаѣ моей женитьбы, о которой заблагоразсудили мы имъ уже открыться, и имѣли удовольствіе слышать и отъ нихъ намѣренію моему одобреніе,— а особливо отъ дяди Матвѣя Петровича, который радъ даже былъ, что я сыскалъ себѣ невѣсту.

Наконецъ распрощалась сестра моя и со мною; съ пролитіемъ съ обѣихъ сторонъ многихъ слезъ. Но, ахъ! я пролилъ бы ихъ несравненно болѣе, еслибъ могъ предвидѣть тогда и знать, что я видѣлъ ее въ сіе время уже въ послѣдній разъ въ жизни. Она поѣхала къ меньшой моей сестрѣ въ Кашинъ, а я спѣшилъ возвратиться домой по причинѣ наступающаго великаго поста.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то окончивъ оное, скажу вамъ, что я есмь, и прочая.

СВАТОВСТВО И СГОВОРЪ.

Письмо 114-е.

Любезный пріятель! Возвратясь изъ Москвы въ свою деревню, сталъ я съ нетерпѣливостью дожидаться наступленія весны, дабы вмѣстѣ съ началомъ оной начать и свое важное дѣло. А не успѣла весна сія наступить, какъ мая въ 18-й день, благословясь и отправилъ я Ивановну мою къ госпожѣ Кавериной съ формальнымъ уже предложеніемъ руки моей ея дочери, и для истребованія отъ ней также рѣшительнаго отвѣта: согласны ли онѣ на то, или несогласны? и буде согласны, то чтобъ назначенъ былъ ими уже и день, когда бы быть сговору. Съ превеликимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ духа дожидался я возвращенія сей посланницы, ибо хотя и не сомнѣвался почти въ полученіи благопріятнаго отвѣта, однако все-таки смущался еще духомъ и мучился неизвѣстностію.

Наконецъ пріѣзжаетъ моя Ивановна и привозитъ мнѣ отвѣтъ, какой мною былъ уже ожидаемъ, а именно, что они рѣшились наконецъ дать свое соглашеніе, и, почитая то волею небесъ, назначаютъ и самый день, въ который бы намъ начать сіе дѣло формальнымъ сговоромъ. Кровь во мнѣ взолновалась вся, какъ услышалъ я сіе изреченіе, и смущеніе мое было такъ велико, что я едва имѣлъ столько духа, чтобъ спросить, когда-жъ бы хотѣлось имъ, чтобъ сіе было?

— «Тридцатаго мая, или на самый троицынъ день, сказала она. И я сколько ни говорила, чтобъ быть тому прежде, но они никакъ не согласились».

— Да кая въ томъ и нужда, сказалъ я: и очень, очень хорошо, что такъ не скоро, тѣмъ болѣе буду и я имѣть времени къ тому приготовиться.

Сіи приуготовленія и началъ я съ самаго того же дня дѣлать и трудился въ томъ ежедневно. Состояли они, во-первыхъ, въ томъ, чтобъ одѣть себя и людей своихъ къ сему времени получше; во-вторыхъ, чтобь исправить экипажъ, въ которомъ бы на сговоръ ѣхать; въ-третьихъ—чтобъ пріискать людей, которые бы помогли мнѣ въ семъ случаѣ, ибо одному ѣхать мнѣ не годилось; въ-четвертыхъ— запастись какими-нибудь вещами, которыми-бы мнѣ невѣсту свою дарить можно было; въ-пятыхъ, какъ я не сомнѣвался, что послѣ сговора въ непродолжительномъ времени назначится и свадьба, то надлежало поспѣшить и переправкою дома, также прибраніемъ сколько-нибудь получше и сада своего. Всѣми сими дѣлами и началъ я заниматься; но горе мое было, что не было у меня ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ тогда обо всемъ томъ посовѣтовать.

Дядя мой находился тогда еще въ Москвѣ, а хотя-бъ и дома былъ, но къ тому былъ бы неспособенъ. О старикѣ дѣдѣ, генералѣ нашемъ и говорить нечего. Сей былъ на меня въ нѣкоторомъ внутреннемъ, хотя скрытомъ, неудовольствіи за то, для чего

не хочу жениться я на его падчерицѣ. Дядя мой, господинъ Каверинъ — Захарій Ѳедоровичъ, былъ также человѣкъ въ такихъ дѣлахъ совсѣмъ несвѣдущій, а жена его была самая госпожа «Чудихина» и совѣтами своими могла-бъ скорѣе все дѣло испортить. Самъ господинъ Ладыженскій, мой лучшій и дружелюбнѣйшій сосѣдъ, былъ совсѣмъ страннаго и оригинальнаго характера и не могъ никакихъ совѣтовъ дать, какъ только сообразныхъ съ своими странными мыслями.

Одинъ бы господинъ Писаревъ могъ быть такимъ, который былъ и свѣдущѣе и умнѣе всѣхъ прочихъ и могъ бы мнѣ въ семъ случаѣ болѣе всѣхъ помочь. Но къ несчастію, и онъ находился тогда со мною въ такихъ отношеніяхъ, что мнѣ не хотѣлось даже ему о намѣреніи своемъ и сказывать изъ опасенія, чтобъ онъ опять тутъ чего-нибудь не выдумалъ, чѣмъ бы остановить, или совсѣмъ разрушить это дѣло. И я даже боялся, чтобъ онъ опять не пріѣхалъ ко мнѣ незванный; но положилъ уже твердое намѣреніе не слушать его, что́-бъ онъ ни сталъ говорить, а оставаться уже твердо при своемъ намѣреніи. А сообразуясь съ тѣмъ, и будучи послѣднимъ его поступкомъ крайне недовольнымъ, я, съ самаго того времени, какъ онъ отъ меня поѣхалъ, ниоднажды у него уже не былъ, да и радъ былъ, что и онъ ко мнѣ не пріѣзжалъ уже послѣ того ниоднажды, да и пересылки между нами никакой уже не было.

Итакъ, не имѣя у себя никого, кто-бъ хотя нѣсколько могъ мнѣ помочь,—принужденъ я былъ одинъ, и такъ хорошо, какъ умѣлъ, дѣлать всѣ нужныя приуготовленія. Себя-таки и людей я кое-какъ поодѣлъ, да и то не совсѣмъ по-людскому, и далеко не такъ, какъ модные женихи одѣвались и собирались. Но что касается до экипажа, то долго не зналъ я, что мнѣ дѣлать.

Кареты были тогда еще очень, очень рѣдки, и въ такихъ небогатыхъ домахъ, каковъ былъ нашъ, были онѣ еще совсѣмъ не въ употребленіи, а ѣзжали всѣ наши братья дворяне въ четыремѣстныхъ, и такъ-называемыхъ вѣнскихъ колясках. Но у меня не было и такой, а было двѣ старинныхъ и староманерныхъ коляски, изъ коихъ одна была большая, четвероместная, но съ какою и показаться никуда было не можно, а другая, такая же, и поменьше и полегче и такъ какъ бы визави, двумѣстная, и образомъ своимъ не лучше первой. Для покупки же новой, а того паче кареты не доставало у меня денегъ. Итакъ, не зналъ я, что мнѣ дѣлать, и вздумалъ наконецъ велѣть Павлу, столяру своему, большую свою коляску какъ-нибудь преобразить и сдѣлать получше. Итакъ, ну-ка мы оба съ нимъ ее коверкать, инако устроивать, обивать, раскрашивать и золотить. Но какъ бы то было, но смастерили себѣ и сгородили коляску изрядную, и такую, которая намъ потомъ нѣсколько лѣтъ прослужила и на которой ѣздить было никуда не постыдно.

Что касается до подарковъ, то для закупки оныхъ послалъ я нарочнаго человѣка въ Москву и писалъ къ тамошнимъ роднымъ своимъ, чтобъ они искупили мнѣ все къ тому нужное. Но каковы сіи дары были, о томъ я и не говорю уже. Ни отъ кого-то изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ не могъ я добиться толку, что̀-бъ такое употребить къ тому лучше. Иной совѣтовалъ мнѣ то, иной другое. Одинъ затѣвалъ дары сіи уже не по моему достатку, а другой выдумывалъ что-нибудь уже странное и нелѣпое. Итакъ, я истинно не зналъ, что мнѣ и дѣлать и не сомнѣваюсь, что подарки мои были тогда очень смѣшные, а особливо если сравнить ихъ съ обыкновеніемъ нынѣшнихъ временъ; но за то по крайней мѣрѣ не были они мнѣ разорительны и не завели меня въ долги превеликіе, какъ заводятъ иныхъ жениховъ нынѣшніе.

Что касается до переправки хоромъ, то въ этомъ дѣлѣ не было мнѣ нужды въ совѣтникахъ постороннихъ, а могъ я и одинъ и лучше всѣхъ оное произвесть, и мнѣ удалось выдумать и смастерить переправку сію такъ хорошо, что всѣ не могли довольно ухвалиться. Я по-

ступилъ въ семъ случаѣ уже слишкомъ героически и такъ, что иной бы на моемъ мѣстѣ не могъ бы имѣть никакъ столько духу.

Я отважилъ прорубать стѣны и окны превращать въ двери, а двери въ окна, въ комнатахъ — священныхъ отъ древности. Оставшая половина переднихъ сѣней должна была превращаться въ комнату, изъ которой мы сдѣлали, на случай свадьбы, родъ другой и маленькой гостинной и которая потомъ отправляла намъ должность и гостинной и столовой и моего кабинета, или штудирной комнаты. А старинная наша, отъ древности закоптѣвшая или потемнѣвшая, передняя получила въ себя входъ прямо съ надворья, съ стеклянными дверьми, и превращена была въ большую, и такую комнату, которая бы могла служить, въ случаѣ нужды, вмѣсто залы, а въ другое время служить вмѣсто лакейской и сѣней самыхъ; а чрезъ сіе самое и соединилъ я обѣ половины хоромъ и произвелъ въ нихъ цѣлыхъ семь довольно просторныхъ комнатъ. И какъ я во всѣхъ потолоки подбѣлилъ, а стѣны обилъ бумажными обоями, то и сдѣлался домикъ мой хоть куда, и можно было въ немъ уже безъ нужды играть свадьбу.

А такимъ же образомъ поприбралъ я и всю ближнюю часть сада къ дому, и сдѣлалъ ее такъ, что въ ней съ удовольствіемъ гулять уже было можно. Въ особливости же украсилась верхняя часть сего сада тою прозрачною и изъ дугъ и столбовъ сдѣланною осьмиугольною отверстою бесѣдочкою, которая построена была подъ группою случившихся тутъ высокихъ и прямыхъ березъ. Я выкрасилъ ее и съ перилами внизу празеленною краскою, и какъ она къ самому тому времени поспѣла, какъ намъ надлежало ѣхать на сговоръ, то и обновилъ я ее наканунѣ того дня ввечеру, приказавъ въ ней накрыть вечерній столъ и отужинавъ въ ней съ съѣхавшимися гостьми и спутниками моими. Вечеръ сей случился тогда наилучшій и наипріятнѣйшій, какіе только быть могутъ въ мѣсяцѣ маѣ, и мы препроводили оный съ отмѣннымъ удовольствіемъ.

Что касается до сихъ спутниковъ моихъ при ѣздѣ на сговоръ, то мнѣ не за кого болѣе было взяться, какъ за дядю моего Захара Ѳедоровича Каверина и жену его, да за сосѣда своего Александра Ивановича Ладыженскаго. Сихъ-то упросилъ я сдѣлать мнѣ въ семъ случаѣ сотоварищество и присутствовать при семъ первомъ обрядѣ.

Итакъ, 30-го мая, собравшись гораздо поранѣе и сѣвши всѣ четверо въ передѣланную мою большую коляску пустились мы въ свой путь, и пообѣдавъ на дорогѣ, пріѣхали въ село Коростино еще довольно рано и вскорѣ послѣ обѣда, и господинъ Ладыженскій шутками и издѣвками своими увеселялъ насъ такъ во всю дорогу, что мы всѣ до слезъ почти иногда смѣялись.

Теперь не могу я никакъ изобразить тѣхъ чувствованій, съ какими въѣзжалъ я въ первый разъ на дворъ, гдѣ жила моя невѣста, и съ какимъ любопытствомъ смотрѣлъ я на ихъ домъ и все жилище, которое вскорѣ долженствовало принадлежать уже мнѣ.

Весьма просто и незнаменито оно было. Мнѣ представился маленькой и старинный домикъ съ тремя только покойцами, раздѣленными еще между собой сѣнями. И одна половина онаго казалась вросшею отъ древности почти совсѣмъ въ землю и была съ небольшими окошечками и съ кровлею, посѣдѣвшею уже отъ выросшаго и размножившагося на ней моха. Другая сколько-нибудь была поновѣе, и повыше, по случаю, что всѣ хоромцы стояли на косогорѣ.

Небольшое высокинькое и тесомъ покрытое крылечко вводило въ сѣни посреди хоромъ сихъ находящіяся, а маленькій и узенькій цвѣтничокъ, насаженный кой-какими цвѣтами и осѣненный тѣнью отъ насажденныхъ подлѣ рѣшотки высокихъ уже черемухъ и другихъ деревцовъ, былъ единымъ только наружнымъ дому сему украшеніемъ, или паче вещію, увеличивающею еще болѣе его простоту и безобразіе. А потому все сіе и не въ

состояніи было очаровать мое зрѣніе и произвесть въ умѣ моемъ выгодное обо всемъ мнѣніе. Но я уже молчалъ и не говорилъ ничего, каково у меня на сердцѣ уже ни было.

Но каковъ маловаженъ ни показался мнѣ сей домъ снаружи, но вошедъ съ товарищами своими изъ сѣней прямо въ величайшую изъ всѣхъ комнатъ, поразился я вдругъ, увидѣвъ всю ее наполненную множествомъ разряженныхъ въ прахъ гостей обоего пола. Было тутъ нѣсколько человѣкъ мущинъ, а того болѣе боярынь, и изъ первыхъ не было мнѣ, кромѣ старика Недоброва и господина Хвощинскаго, Василья Панфиловича, ни одного знакомаго; а изъ послѣднихъ была знакома только мать и тетка невѣсты моей, госпожа Арцыбашева, а прочія были мнѣ совсѣмъ незнакомы. И какъ многія изъ нихъ были молодыя, то искалъ я глазами между ими своей невѣсты, и почелъ-было ею сперва одну, которая была всѣхъ моложе и сѣла въ уголку, всѣхъ отъ меня отдаленнѣе. Однако скоро увидѣлъ я, что это была не она, а совсѣмъ мнѣ незнакомая, и перересталъ удивляться, находя ее совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ каковомъ видѣлъ я свою невѣсту.

Насъ приняли съ обыкновенными учтивствами и посадили. Но не успѣли почти всѣ усѣсться и минутъ двухъ посидѣть, какъ и сдѣлано было отъ дяди моего обыкновенное въ такихъ случаяхъ предложеніе. И какъ на оное также съ ихъ стороны было, по извѣстной формѣ, отвѣтствовано, то и пошли тотчасъ нѣкоторыя изъ нихъ за невѣстою, и чрезъ минуту и выведена была она къ намъ изъ другой комнаты.

Все собраніе встало тогда съ мѣстъ своихъ, и какъ въ туже минуту явился и священникъ, бывшій уже на готовѣ, то и поставили тотчасъ насъ обоихъ посреди комнаты и начали пѣть и читать обыкновенные въ сихъ случаяхъ стихи. Въ минуту сію былъ я почти внѣ себя.—Важность начинаемаго дѣла представилась тогда уму моему во всемъ ея пространствѣ, и я такъ смутился, что едва въ силахъ былъ стоять на ногахъ и столько духа имѣть, чтобъ нѣсколько разъ взглянуть на поставленную подлѣ меня невѣсту.

Но какимъ пріятнымъ изумленіемъ поразилось тогда мое сердце, когда не увидѣлъ я уже въ ней прежняго ребенка, а дѣвушку уже совершенно почти взрослую, и не такую уже тонкую, какъ была прежде и лицомъ несравненно уже лучшею и мнѣ пріятнѣйшею, нежели какою показалась она мнѣ при пашемъ первомъ свиданіи. Не могу изобразить, какъ много обрадовался я тому, какъ много ободрило и подкрѣпило меня сіе и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ уже я на свою невѣсту.

Но въ самую сію минуту блеснула молнія, и громкій звукъ загремѣвшаго надъ нами грома встревожилъ насъ и всѣхъ присутствовавшихъ при семъ обрядѣ. Всѣ стали креститься и дивиться тому, что никому и не въ примѣту была взошедшая въ самое то время тучка, и всѣ стали считать неожидаемое явленіе сіе, а особливо линувшій въ самое то время сильный дождь, добрымъ предзнаменованіемъ нашему начинающемуся союзу. А не успѣлъ обрядъ кончиться и насъ, по обыкновенію, благословили образомъ, какъ и начались обыкновенныя со всѣхъ сторонъ взаимныя поздравленія, рекомендаціи и цѣлованія другъ друга, и поелику собраніе было велико, то продлилось сіе нѣсколько минутъ сряду. Послѣ чего посадили насъ обоихъ въ передній уголъ и стали по обычаю сперва поздравлять насъ кругомъ ходящимъ покаломъ съ виномъ, а потомъ подчивать кофеемъ, чаемъ и заѣдками.

Все достальное время сего дня и до самаго ужина долженъ я былъ сидѣть въ помянутомъ углу и какъ на огнѣ пряжиться. Глаза и вниманіе всего собранія устремлено было на меня и на невѣсту мою, и замѣчались не только всѣ мои слова, но и движенія самыя, а сіе и приводило меня въ неописанное смущеніе. Я зналъ, что мнѣ надлежало тогда разговаривать

что-нибудь съ моею невѣстою и ласкаться къ оной всячески, но для меня составляло самое сіе наивеличайшую и труднѣйшую коммисію и было такимъ дѣломъ, которое, на всѣ старанія мои несмотря, не могъ я никакъ произвесть по желанію. Ибо, не упоминая о природной моей застѣнчивости и несмѣлости въ такихъ случаяхъ, каковъ былъ сей и въ каковыхъ никогда еще и быть мнѣ неслучалось, не зналъ я тогда, и какъ ни старался, но не могъ и придумать, что̀-бъ такое и о чемъ бы мнѣ говорить тогда съ такою молодою невѣстою, какова была моя, и которая, несмотря на всю свою возмужалость, была все еще почти дитя или очень еще мало отъ дѣтства удаленною.

Какъ скоро все, что было у меня заблаговременно въ умѣ приготовлено, я ей пересказалъ и все переговорилъ; то и сталъ я наконецъ въ пень и не зналъ болѣе, что и пикнуть, и тѣмъ паче, что и съ ея стороны не могъ я дождаться никакихъ совопрошаній. Да и въ самомъ дѣлѣ, какіе разговоры и о чемъ можно было имѣть съ такою молодою особою? Словомъ, мы сидѣли потомъ не говоря почти ни одного слова съ нею, и я невѣдомо какъ радъ былъ, что сидѣвшіе близко подлѣ меня ихъ мущины вступили со мною кое о чемъ въ разговоры и тѣмъ меня сколько-нибудь заняли. Итакъ, по причинѣ молодости невѣсты моей и лишонъ я былъ того удовольствія, какое имѣютъ женихи, сговаривающіе на невѣстахъ взрослыхъ и имъ понравившихся, и которое для нихъ обыкновенно бываетъ очень лестно и пріятно.

Вечерній столъ приготовленъ былъ у нихъ въ другой половинѣ, и насъ повели туда по наступленіи вечера и посадили по обыкновенію опять вмѣстѣ. Но оба мы не столько ѣли, сколько кланялись всѣмъ поздравляющимъ насъ и пьющихъ за наше здоровье. Столъ былъ у нихъ нарядный и все въономъ въ порядкѣ. По окончаніи-жъ ужина и въ разсужденіи, что намъ за дальностію не можно было успѣть домой возвратиться, приглашены мы были ночевать къ сосѣду и родственнику ихъ, господину Колюбакину, Ивану Алексѣевичу, живущему въ томъ же селѣ и отъ нихъ только черезъ улицу, чѣмъ мы были въ особливости и довольны.

Тутъ во всю ночь я очень мало спалъ, ибо вся голова моя набита была помышленіями о начатомъ дѣлѣ и о моей невѣстѣ. Я не зналъ, счастіемъ ли то почитать, или несчастіемъ, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ такъ много размышлялъ, что не могъ уснуть очень долго.

На другой день надобно мнѣ было посѣтить невѣсту, и, по обыкновенію, отвезть ей подарокъ. А она съ ихъ стороны, по обыкновенію старинному, дарила людей моихъ, а я всѣхъ дворовыхъ ихъ людей подчивалъ водкою, привезя съ собою для самаго того погребецъ свой, — и меня увѣрили, что обрядъ сей необходимо надобно было исполнить.

Въ сей разъ былъ я съ невѣстою своею хотя нѣсколько уже познакомѣе, однако все наше знакомство не имѣло какъ-то дальнихъ успѣховъ, и я приписывалъ то ничему иному, какъ ея молодости и не безъ удовольствія проводилъ съ нею все сіе утро. Ибо насъ и въ сей день безъ обѣда не отпустили и мы не прежде возвратились въ свою деревню, какъ уже по наступленіи ночи.

Симъ образомъ сговорилъ я наконецъ жениться, и какъ сіе случилось на самый троицынъ день и свадьбѣ въ тотъ же мясоѣдъ быть было некогда, то и отложили мы оную до начала будущаго мясоѣда, или до іюля мѣсяца.

Сіе время употреблено было съ обѣихъ сторонъ на приуготовленія къ свадьбѣ,— съ ихъ стороны — на шитье платья и на приготовленіе приданаго, а съ моей на окончаніе того, что у меня было еще недодѣлано, и также на дальнѣйшія приготовленія къ сему великому для меня и торжественному дню.

Между тѣмъ, сколько мнѣ время, тогдашнія проливныя ненастья и обстоятельствы дозволяли, ѣзжалъ я къ моей невѣстѣ; однако далеко не такъ часто, какъ ѣздятъ другіе. Тогда не было либо сего въ столь великомъ обыкновеніи,

какъ нынѣ,—и у меня никогда и на умѣ того не было, чтобъ препровождать тамъ по нѣскольку дней сряду и не отходить отъ невѣсты такъ сказать ни пяди, и ходить только ночевать въ другой дворъ, какой-нибудь чужой, а день весь съ утра до вечера быть съ невѣстою; либо происходило сіе отъ того, что я къ своей, по великой ея еще молодости, не имѣлъ еще дальней привязанности. Къ тому-жъ и она какъ-то ко мнѣ нимало не ласкалась, но все отъ меня власно какъ дичилась. Сіе обстоятельство было всего болѣе причиною тому, что я не имѣлъ охоты и побужденія къ тому, чтобъ ѣздить часто въ такую даль единственно для свиданія съ нею, ибо оное не производило мнѣ никакого дальняго удовольствія, но напротивъ того служило иногда поводомъ къ досадѣ и къ чувствительному неудовольствію на самого себя.

Но никогда сіе послѣднее такъ велико не было, какъ послѣ вторичнаго моего съ невѣстою свиданія. Случилось сіе вскорѣ послѣ сговора. И день сей былъ въ особливости для меня несчастнымъ и власно какъ нарочно назначеннымъ для произведенія мнѣ многихъ неудовольствій, такъ что онъ мнѣ, по особливости своей, и понынѣ еще очень памятенъ.

Всталъ я въ оный очень рано, — ибо какъ хотѣлось мнѣ пріѣхать къ нимъ къ обѣду и съ тѣмъ, чтобъ, посидѣвъ у нихъ, въ тотъ же день и назадъ возвратиться, то и надобно было поспѣшать; и потому ѣздилъ я въ сей разъ налегкѣ въ какой-то городовой отверстой старинной колясочкѣ, которую я, не помню у кого, на сей случай выпросилъ. Уже въ самое утро разсерженъ я былъ не помню чѣмъ-то людьми своими, почему поѣхалъ уже и со двора не гораздо съ веселымъ расположеніемъ духа, а почти нехотя, а для соблюденія единаго этикета. Да и ѣхать какъ-то было не хорошо и коляска была самая безпокойная и дрянь сущая.

Но какъ бы то ни было, но я туда пріѣхалъ, и довольно еще рано. Но что-жъ?... и засталъ ихъ въ сей разъ однѣхъ, то-есть невѣсту мою съ одною только ея матерью, и нимало меня въ сей день недожидавшихся. И не знаю, оттого ли, что первую засталъ я въ совершенномъ дезабилье, или одѣтую совсѣмъ запросто и далеко не столь нарядною, какою я привыкъ ее видѣть, или оттого, что всѣ онѣ, а особливо она, нечаяннымъ моимъ пріѣздомъ была перетревожена; но какъ-бы то ни было, но покажись она мнѣ въ сей разъ совсѣмъ не такою, какою я ее до того видалъ, но несравненно худшею и такою, что я не находилъ уже ни въ образѣ ея, ни во всѣхъ обращеніяхъ и поступкахъ ни малѣйшихъ для себя пріятностей и не инако могъ смотрѣть на нее, какъ съ дѣланіемъ себѣ нѣкотораго насилія и принужденія. А какъ къ вящему несчастію, не хотѣла и она въ сей разъ на всѣ оказываемыя ей ласки нимало соотвѣтствовать, но все отъ меня власно какъ тулилась, да и къ разговорамъ съ нею не могъ я найтить никакихъ почти матерій, ибо она сама какъ-то въ нихъ не вмѣшивалась, и была очень несловоохотна, а только отвѣчала на дѣлаемые ей вопросы, и то власно какъ нехотя, ласки же ко мнѣ не оказывала ни малѣйшей: то все сіе меня еще пуще сразило, и привело въ такое изумленіе, что я во все то время, какъ у нихъ находился, былъ власно какъ самъ не свой, и невѣдомо какъ радъ былъ, когда сталъ приближаться вечеръ и мнѣ можно было, съ ними раскланявшись, поспѣшать домой ѣхать.

Но чтожъ? — Не успѣлъ я, сѣвши въ свою коляску, со двора съѣхать, какъ и пошли въ головѣ у меня мысли за мыслями и наконецъ такая дрянь, что я и животу своему почти не радъ былъ.

«Ахъ! Боже мой! говорилъ я самъ въ себѣ: гдѣ это были у меня глаза, гдѣ умъ, и гдѣ разумъ былъ?... Возможно ли такъ ослѣпиться и не видать всего того уже сначала, что я теперь видѣлъ? О, Боже мой! продолжалъ я: какъ это мнѣ съ нею жить будетъ!... И ну, если она и всегда такова неласкова и несловоохотлива и не весела будетъ?... Ни малѣйшей-

таки ласки и ни малѣйшаго привѣтствія не хотѣла она мнѣ оказать, и сколько я къ ней ни ласкался, она и глядѣть почти на меня не хотѣла... Батюшки мои! — продолжалъ я еще далѣе: уже не противенъ ли я ей такъ, какъ чортъ?... Уже не возненавидѣла ли она меня, ничего еще не видѣвъ, и не имѣетъ ли ко мнѣ она уже крайняго отвращенія?... А не даромъ во весь сегодняшній день и смотрѣть на меня почти не хотѣла... Но, ахъ, Боже мой! Что это будетъ, если она меня любить не станетъ, а напротивъ того возненавидитъ еще?.. Не несчастный ли я буду человѣкъ. Самый разумъ ея, Богъ знаетъ еще, каковъ? Сколько ни старался я завесть ее въ разговоры, и о чемъ, о чемъ ни заводилъ съ нею рѣчь, но все какъ-то не могъ почти ничего иного добиться, какъ только да или нѣтъ, и только что отмалчивалась. Все это для меня непонятно и удивительно. И не знаю, что это и какъ со мною все это сдѣлалось? И что со мною впредь будетъ?... И ну, если она и впредь не умнѣе, не словоохотнѣе, не ласковѣе и не лучше сего будетъ?... Что со мною, бѣднымъ, тогда будетъ!... И такого ли я себѣ товарища желалъ и искалъ, и такого ли получить домогался?... Ахъ! это будетъ для меня сущая каторга — жить съ такимъ человѣкомъ»!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ размышлялъ я и говорилъ самъ съ собою во всю дорогу, и чѣмъ болѣе углублялся о семъ въ помышленіи, тѣмъ вѣроятнѣйшими и величайшими казались мнѣ всѣ примѣченныя въ невѣстѣ моей несовершенствы. И сіе довело меня наконецъ до того, что я впалъ въ превеликое раскаяніе о томъ, что я сіе дѣло началъ, и досадовалъ невѣдомо какъ, что дѣло сіе зашло уже такъ далеко, что и отстать отъ него было уже почти совсѣмъ не можно или по крайней мѣрѣ трудно, и для самого меня не инако какъ крайне постыдно. Сіе смутило и растревожило всю душу мою такъ сильно, что я въ коляскѣ своей не сидѣлъ, а власно какъ на огнѣ пряжился, и только что пересаживался изъ одного угла въ другой, твердя съизнова:

«Ахъ, Боже мой! что это я сдѣлалъ? Гдѣ это были мои глаза, и въ какую бездну ввергнулъ я себя! И, ахъ, что мнѣ теперь уже дѣлать, и какъ можно уже отстать и перемѣнить все это? — «Правда,—говорилъ я далѣе, замышляя уже и объ отказѣ самомъ: дѣло еще не совсѣмъ сдѣлано и узла неразрѣшимаго еще не завязано. Возможность еще есть и разрушить все начатое, а подумавши, можно придумать какіе-нибудь и предлоги и употребить приличныя средства къ тому. Примѣры такіе бывали, бываютъ, и всегда будутъ въ свѣтѣ».

Мысль сія такъ мнѣ полюбилась, что я началъ ее тотчасъ разработывать далѣе и уже помышлять о томъ, какъ бы сіе удобнѣе было сдѣлать, и выдумывалъ уже и приличнѣйшія средствы. Но не успѣлъ я въ помышленія сіи углубиться, какъ опять вдругъ, и власно какъ отъ сна воспрянувъ, самъ себѣ я сказалъ:

«Такъ, пусть такъ, чтобъ это сдѣлать было и можно! Но, ахъ! Какія послѣдствія проистекутъ изъ того?... Не одурачу ли я себя передъ всѣмъ свѣтомъ? Не подвергну ли я себя тогда всеобщему посмѣянію?... Не выведу ли я изъ себя исторіи?... Не станутъ ли всѣ обо мнѣ говорить, меня хулить и мнѣ смѣяться?... Куда могу я тогда глаза свои показать?... И какая невѣста захочетъ имѣть тогда со мною дѣло?... Не станутъ ли всѣ отъ меня, какъ отъ чудовища какого бѣгать?... И гдѣ, и какъ можно мнѣ будетъ найтить себѣ другую невѣсту, да еще и лучше сей?»

Всѣ сіи мысли остановили меня въ прежнемъ моемъ замышляемомъ намѣреніи, но не успокоили духъ мой, а привели его и всѣ мысли мои еще въ вящее нестроеніе и повергли меня опять въ нерѣшимость и въ такое мучительное состояніе, котораго я никакъ изобразить не могу.

Между тѣмъ какъ я симъ образомъ углублялся въ разныя мучительныя размышленія, летѣло нечувствительно время

и уже наступила ночь, и, къ крайнему умноженію моей досады и неудовольствія, прежній прекрасный день превратился въ пасмурной и ненастной. Гдѣ ни взялись мрачныя тучи, покрыли весь горизонтъ, и вмигъ почти послѣ того полился на насъ пресильный и проливной дождь, и сталъ мочить насъ немилосердымъ образомъ.

Я сколько ни старался укрыться отъ него въ своей коляскѣ, но не было никакого къ тому способа. Была она старинная городовая двумѣстная, и были у ней хотя спереди и съ боковъ кожаныя задержки, но въ такомъ худомъ состояніи, что никакъ не можно было ихъ съютить вмѣстѣ, и я, какъ ни старался схвативъ вмѣстѣ ихъ держать, но никакъ не могъ укрыться и защитить себя отъ дождя. Стремился онъ прямо намъ въ лицо, и съ такою силою, что всего меня замочилъ въ прахъ, и я нигдѣ не могъ найтить мѣста и защиты отъ него въ коляскѣ.

Новое сіе горе, присовокупившись къ прежнему, увеличило еще болѣе мою досаду и неудовольствіе. «Боже мой!—говорилъ я: что это такое? Всѣ бѣды и напасти на меня сегодня соединились!... Понесло же меня сегодня!... Вѣдалъ-бы, истинно не ѣздилъ!... Измокъ весь и озябъ немилосердо... Богъ знаетъ, какъ и доѣдемъ еще»?

Въ самомъ дѣлѣ наступила тогда уже совершенная ночь, и сдѣлалось такъ темно, что ни зги было не видать. Я хотя и говорилъ то и дѣло кучеру своему, чтобъ онъ поспѣшалъ ѣздою, ибо оставалось еще много ѣхать; но онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что поспѣшаетъ и такъ, но боится, чтобъ въ темнотѣ не сбиться съ дороги, чтобъ не потерять ее совсѣмъ и чтобъ не заѣхать куда-нибудь въ чепыжи и кустарники непроходимые, и взъѣхавъ на пень, не извалить бы коляски,—ибо мы ѣхали тогда перелѣсками и чепыжами, гдѣ дорога по лугамъ едва и днемъ была примѣтна.

«Вотъ новое еще горе и бѣда», говорилъ я, и подтверждалъ какъ ему, такъ и прочимъ всѣмъ бывшимъ со мною людямъ примѣчать какъ можно дорогу. Но какъ надежда и на всѣхъ была не велика, то пришло уже мнѣ тогда не до мыслей о невѣстѣ, а сталъ думать и помышлять о томъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не заблудиться, и ежеминутно самъ смотрѣть и примѣчать, сколько можно было, всѣ окрестности и положеніе мѣстъ. Но покуда ѣхали мы подлѣ лѣсовъ и пробирались лугами и чепыжами, до тѣхъ поръ все было еще сколько-нибудь ѣхать и дорогу видѣть и окрестности примѣчать можно. Но какъ скоро выбрались мы на чистое поле, тогда скоро дошло до того, что сами не знали, куда ѣхали, ибо ни дороги, ни по сторонамъ вовсе ничего было непримѣтно, а блестѣлась сколько-нибудь въ сторонѣ вода, которая отъ проливного и ужаснаго дождя покрыла всю землю и стояла вездѣ, какъ море.

Горе тогда на всѣхъ на насъ напало превеликое. Дождь мочилъ всѣхъ насъ безъ всякаго милосердія! На всѣхъ людяхъ не осталось уже ни одной нитки сухой! Темнота была превеликая, ѣхать оставалось еще не близко и верстъ болѣе еще шести или семи; но лошади начинали уже почти становиться. Но что всего хуже, то дороги было вовсе не видно и непримѣтно, и мы потеряли всѣ признаки и примѣты, и сами не знали, гдѣ мы и куда ѣхали.

Болѣе часа ѣхали, или паче сказать, бредкомъ брели мы симъ образомъ по мѣстамъ неизвѣстнымъ, и какъ мнѣ показалось, что ѣзда наша продолжается уже слишкомъ долго; то, раскрывши свои задержки, сталъ я самъ пристальнѣе смотрѣть впередъ и по сторонамъ. И тогда вдругъ покажись мнѣ, что мы ѣдемъ какою-то большою и широкою дорогою, ибо прешировая полоса блестящей во мракѣ воды казалась простирающеюся вдоль предъ нами.

— Стой, стой! закричалъ тогда я: не туда мы, братцы, заѣхали! Это какая-то большая и широкая дорога и совсѣмъ не та, по какой намъ должно ѣхать.

— «Это и мы видимъ, и дивимся!» говорили мнѣ люди.

— Но какъ же вы это такіе, братцы, подхватилъ я: видите сами, что не тутъ мы ѣдемъ, гдѣ надобно и что не туда заѣхали,—а знай ѣдете, и не остановитесь!

— «Да какъ же быть-то?» сказали они.

— А такъ, что надобно бы остановиться и поискать себѣ дороги. А то мы этакъ, и Богъ знаетъ, куда заѣдемъ!

— «Да какъ, сударь, искать? говорили они далѣе: вовсе ничего не видно. Растеряемся и сами, ежели иттить искать дороги. Да и какъ и найтить ее теперь?»

— Ну, когда такъ, сказалъ я: такъ нечего дѣлать. Лучше остановиться на одномъ мѣстѣ и дожидаться свѣта. Какъ быть: мокрѣе этого уже не будетъ, а ночи нынѣ небольшія, — скоро и разсвѣтать станетъ. По крайней мѣрѣ не измучимъ мы лошадей своихъ по напрасну.

— «То такъ, сказали они на сіе: но мы какъ-нибудь уже отъ дождя притулимся: кто за коляску, кто подъ нее,—и ночь прождемъ. Но имъ-то какже? Такъ безъ корма и быть?»

— Но что-жъ дѣлать, сказалъ я на сіе: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Гдѣ-жъ взять корма, когда его нѣтъ. Ништо́ имъ сдѣлается; но все лучше имъ стоять, нежели везть и мучиться.

— «Хорошо! отвѣчали они: знать тому такъ и быть»—и тотчасъ начали располагаться, какъ бы имъ лучше провождать ночь сію. Я самъ вооружился терпѣніемъ, и, приказавъ повернуть коляску такъ, чтобъ по крайней мѣрѣ дождь не сѣкъ мнѣ въ лицо, а попадалъ бы въ задъ коляски, и я за нею имѣлъ бы сколько-нибудь защиту. По учиненіи сего, прижался я къ одному уголку и, усѣвшись, помышлялъ уже о томъ, какъ бы сколько-нибудь согрѣться и задремать; какъ вдругъ услышалъ кучера своего говорящаго къ товарищамъ своимъ:

— Посмотрите-ка, ребята, попристальнѣе, нагнувшись къ землѣ, впередъ: что-то, мнѣ кажется, чернѣется впереди. Ужъ не сѣна ли это стогъ?

— «Какому сѣну быть!» сказали другіе.

— А чернѣется что-то, въ самомъ дѣлѣ на стогъ похожее, но Богъ знаетъ что. Ужъ не подъѣхать ли намъ поближе туда?

— Очень хорошо, сказалъ я. Зачѣмъ дѣло стало. Подъѣдемъ: можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ сѣно, и намъ все уже равно—здѣсь, или тамъ ночевать.

Не успѣлъ я сего сказать, какъ всѣ сѣли опять по своимъ мѣстамъ и поѣхали далѣе. Но какъ же удивились и обрадовались всѣ мы, увидѣвъ тамъ, вмѣсто мнимаго стога сѣна, кудрявую и всѣмъ намъ довольно знакомую лозу, стоящую на заводскихъ поляхъ на перекресткѣ, и по конецъ почти самыхъ полей нашихъ.

— Ахъ, батюшки! закричали всѣ мы въ одинъ почти голосъ: да это лоза заводская на перекресткѣ, и мы поэтому ничего не сбились и ѣхали все своимъ путемъ и дорогою! Отсюда вотъ уже не трудно намъ и домой добраться! Вотъ и повертка къ намъ, и дорога наша!

Не могу изобразить, какъ обрадовался я и доволенъ былъ симъ открытіемъ. Мы тотчасъ рѣшились продолжать уже свой путь далѣе, и хотя съ трудомъ и коекакъ, но дѣйствительно и благополучно доѣхали до двора своего, хотя было тогда и гораздо уже за полночь. Но мы рады по крайней мѣрѣ были, что не принуждены были ночевать на полѣ и подъ дождемъ, и терпѣть стужу и безпокойство.

Симъ образомъ кончилось тогда трудное, скучное и досадное мое путешествіе, и я, угрѣвшись, проспалъ на другой день почти до обѣда: такъ передрогъ и измучился я въ прошедшую ночь.

Что̀-жъ воспослѣдовало далѣе, о томъ услышите вы въ письмѣ послѣдующемъ; а теперешнее дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

ПРИУГОТОВЛЕНІЯ КЪ СВАДЬБѢ.

Письмо 115-е.

Любезный пріятель! Я не инако думалъ, что проснусь на другой день съ таковою-жъ нерѣшимостью и смущеніемъ душевнымъ, какимъ мучился я во всю почти дорогу. Однако сего не воспослѣдо-

вало: а я, проснувшись, чувствовалъ въ себѣ всѣ мысли власно какъ просвѣтившимися, всѣ разныя душевныя движенія усмирившимися и всю внутренность души моей гораздо въ спокойнѣйшемъ состояніи, нежели съ какимъ я заснулъ съ вечера.

Мысли обо всемъ томъ, что я говорилъ и разсуждалъ самъ съ собою во время своего путешествія, хотя и возобновлялись въ памяти и воображеніи моемъ, однако я не судилъ уже обо всемъ такъ строго и жестоко какъ вчера, но напротивъ того, выискивалъ уже и все, что только могло служить и въ извиненіе невѣстѣ моей во всемъ ея поведеніи противъ меня. И какъ великая ея молодость и неопытность казалась быть тому наиглавнѣйшею причиною, то и возобновлялъ я прежнюю свою надежду на время и умноженіе лѣтъ и не сумнѣвался, что сіи передѣлаютъ наконецъ все и сдѣлаютъ ее ко мнѣ и ласковѣйшею и пріятнѣйшею.

Къ сему присовокуплялось и то, что мнѣ всѣ послѣдствія, могущія произойтить отъ разорванія сего дѣла, представлялись въ сіе утро гораздо еще невыгоднѣйшими и для меня предосудительнѣйшими, нежели какими воображалъ я себѣ ихъ въ прошедшій день, и нерѣдко доводили меня до того, что я даже содрогался отъ единаго помышленія о семъ случаѣ. А все сіе и произвело, что я отъ прежняго внутренняго волненія гораздо поуспокоился, и положилъ по крайней мѣрѣ смотрѣть, что будетъ впередъ и не перемѣнятся ли обстоятельствы?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ скоромъ времени послѣ того надлежало мнѣ еще къ нимъ съѣздить, и тамъ случилось въ тоже время быть и теткѣ невѣсты моей, Матренѣ Васильевнѣ Арцыбашевой, и сей хотѣлось, чтобъ я послѣ побывалъ и у ней въ домѣ, находившемся почти на дорогѣ и на половинѣ пути отъ моей деревни до Коростина, и я охотно желаніе ея выполнилъ и къ ней ѣздилъ и у ней былъ: то спознакомившись при всѣхъ сихъ случаяхъ, какъ съ нею, такъ и съ самою матерью невѣсты моей уже короче, былъ я такъ доволенъ обѣихъ сихъ госпожъ къ себѣ ласками и благопріятствомъ, и мнѣ обѣ онѣ казались столь благоразумными и такого хорошаго, тихаго, степеннаго и благонравнаго поведенія, что они вперили въ меня къ себѣ искренное почтеніе и самое уваженіе; а сіе много уменьшило и прежнее мое неудовольствіе на невѣсту. А и сама сія казалась мнѣ опять не таковою для меня противною, каковою показалась она мнѣ въ помянутый несчастный день, и не только сноснѣйшею, но сколько-нибудь ко мнѣ благопріятнѣйшею. А все сіе и расположило духъ мой къ ея пользѣ.

По наступленіи Петровскаго поста, который въ сей годъ былъ очень не великъ, рѣшился я употребить оный на побываніе въ Москвѣ, куда хотѣлось мнѣ съѣздить, какъ для закупки всѣхъ нужныхъ вещей къ свадьбѣ, такъ въ особливости для того, чтобъ убѣдить просьбою моею старика дядю моего, Матвѣя Петровича, съѣхать на то время, какъ я буду жениться, въ деревню, и послужить мнѣ при семъ важномъ случаѣ вмѣсто отца.

Итакъ, собравшись налегкѣ, отправился я въ Москву. И это было въ четвертый разъ послѣ пріѣзда моего въ отставку, что я былъ съ сей нашей столицѣ.

Мое первое дѣло было адресоваться съ просьбою моею къ дядѣ, и старикъ согласился на просьбу и желаніе мое охотно, и по любви своей ко мнѣ радовался искренно тому, что я нашелъ себѣ невѣсту и что онъ будетъ имѣть еще удовольствіе видѣть меня женатымъ. Какъ онъ, такъ и все его семейство, и тамошніе его родные и мои знакомцы разспрашивали меня обо всемъ и обо всемъ, и не только одобряли, но и одобряли мое предпріятіе, и госпожа Павлова, какъ знающая свѣтъ боярыня, не преминула дать мнѣ кой-какіе относящіеся до свадьбы и прочихъ обстоятельствъ благоразумные совѣты.

Непреминулъ я также побывать и у дяди своего, господина Арсеньева. Онъ и тетка, любившіе меня также искренно,

поздравляли меня равномѣрно съ невѣстою, разспрашивали обо всѣхъ обстоятельствахъ и желали мнѣ всякаго благополучія и всего добраго въ свѣтѣ.

Хотѣлось-было мнѣ очень побывать и у князя и княгини Долгоруковыхъ, такъ много мнѣ благопріятствовавшихъ; но какъ опасался я найтить въ домѣ у нихъ кого-нибудь изъ дома г. Бакѣева, къ сему же въ домъ не отваживался я никакъ ѣхать, ибо не надѣялся никакъ еще самъ на себя, а опасался, чтобъ не могъ возмутить духъ мой опять предметъ прежній: то не поѣхалъ ни къ нему, ни къ князю, и хотѣлъ лучше, въ случаѣ еслибъ они и узнали, что я былъ въ Москвѣ, оставить ихъ въ нѣкоторомъ на себя неудовольствіи, нежели подвергнуть себя безъ дальней нужды очевидной опасности. А я невѣдомо какъ радъ былъ тому, что годичное время успѣло страсть мою такъ ослабить и низложить, что она около сего времени не причиняла уже мнѣ ни малѣйшаго безпокойства.

Впрочемъ былъ я въ сей разъ въ Москвѣ очень недолго, и не успѣлъ съ помянутыми родственниками своими повидаться и искупить все нужное къ свадьбѣ, какъ и спѣшилъ возвратиться домой, чтобъ успѣть достальное все кончить, что у меня было начато и еще неокончено.

Итакъ, по возвращеніи своемъ въ деревню, и занялся я дѣйствительно всѣмъ тѣмъ въ достальное время поста. А вскорѣ послѣ меня непреминулъ съѣхать съ Москвы и пріѣхать къ намъ и дядя мой, и увидѣвъ переправленные мои хоромы, не могъ выдумку мою довольно расхвалить и ей надивиться. Впрочемъ не преминулъ я также побывать еще раза два и у своей невѣсты, съ которою познакомливался я отчасу больше.

Наконецъ окончился нашъ постъ и начался мясоѣдъ, долженствующій рѣшить мой жребій и судьбу мою кончить. Чѣмъ ближе подвигался я къ сему времени, тѣмъ болѣе волновался, и смущался и безпокоивался весь духъ мой. Совершенная неизвѣстность—будетъ ли мнѣ женитьба моя удачна, или нѣтъ, и счастливѣе ли я чрезъ оную сдѣлаюсь или безсчастнѣе,—тревожила меня и смущала чрезвычайно, и тѣмъ паче, что не было никакихъ особыхъ видовъ, которые могли-бъ льстить меня сколько-нибудь пріятными надеждами,—а встрѣчались съ мыслями моими болѣе сумнительствы въ полученіи всего того, чего наиболѣе желало мое сердце.

Сіе, будучи сотворено уже отъ природы съ наинѣжнѣйшими чувствованіями, желало всего болѣе, чтобъ и будущій сотоварищъ въ жизни моей имѣлъ сердце съ такими-жъ чувствіями, или сколько-нибудь ему подобное. Но сіе было не только неизвѣстно, но, къ величайшему моему неудовольствію, не было къ тому ни малѣйшаго луча надежды. Ибо, сколько ни старался я то примѣчать при всѣхъ моихъ съ нею свиданіяхъ, подававшихъ мнѣ случай къ разговорамъ съ нею о разныхъ матеріяхъ и къ желаемому испытыванію и узнаванію всѣхъ ея природныхъ способностей, а отчасти и самыхъ свойствъ душевныхъ; но не могъ примѣтить ни малѣйшей къ тому наклонности, что̀ хотя и приписывалъ я чрезвычайной ея молодости,—но все-таки надѣялся и желалъ найтить въ ней хотя нѣкоторые начатки и приготовленія къ тому; но какъ не находилъ и сихъ, то огорчало сіе меня до безконечности.

При таковыхъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ брать прибѣжище свое къ философическимъ разсужденіямъ, и ополчаться не только терпѣніемъ, но относительно до всего, могущаго быть, и философическою твердостію духа. Ни въ которое время не нужна была и не помогала мнѣ такъ много моя философія, какъ въ сіе, которое можно почесть самымъ критическимъ въ моей жизни.

Не одинъ разъ по нѣскольку минутъ, а иногда по цѣлому часу хаживалъ я по любимой своей, и подъ тѣнію деревъ въ саду проложенной и пробитой тропинкѣ взадъ и впередъ, и углублялся въ философическія размышленія и предварительныя сужденія о будущей и неизвѣстной

судьбѣ своей! Не одинъ разъ восклицалъ я самъ въ себѣ:

А!... что будетъ, если въ будущей женѣ своей не найду я себѣ такого товарища, какого желала вся внутренность души моей и желаетъ и по нынѣ мое сердце?.. Что будетъ, если не найду въ ней такого друга, къ которому бы имѣлъ я и которая бы взаимно имѣла ко мнѣ нѣжнѣйшія чувствованія, которому-бъ могъ я сообщать всѣ внутреннія дѣйствія души моей, всѣ мои мысли и помышленія и всѣ желанія и хотѣнія моего сердца, и которая за удовольствіе бы поставляла себѣ во всемъ согласоваться съ оными?... Что будетъ, если между нравами—моимъ и будущей подруги моей не будетъ ни малѣйшаго согласія и единообразія, но случится въ ней нравъ и чувствованія совсѣмъ противуположныя моимъ, и ни въ чемъ не можно будетъ сладить и согласиться съ нею?... Можно-ли тогда ожидать всѣхъ тѣхъ блаженныхъ утѣхъ и непорочныхъ радостей и веселостей въ жизни, какія ласкался и ласкаюсь я всегда получить отъ супружества себѣ, и какими пользуются и наслаждаются дѣйствительно многія счастливыя четы?... Что будетъ, если и при дальнѣйшемъ возрастѣ пребудетъ она таковою-жъ, каковою она мнѣ теперь кажется, незнающею ничего и неимѣющею ни малѣйшей склонности къ чтенію, наукамъ и познаніямъ?...

Нынѣ приписываю я то ея молодости воспитанію и льщу себя надеждою, что современемъ вперю я въ нее сіи блаженныя склонности! Но, что будетъ, если я въ сей надеждѣ обманусь и если окажется, что она отъ природы ни къ чему такому, чего бы я желалъ, неспособна, и въ ней нѣтъ и врожденныхъ склонностей къ тому?... Что будетъ, если и вышедши замужъ и достигши до возраста совершеннаго, будетъ и останется она навсегда таковою-жъ несловоохотною и таковою-жъ неласковою ко мнѣ, каковою я вижу ее нынѣ?... Ну что, если и это въ ней природное, и если и тогда не увижу и не дождусь я отъ ней ни малѣйшихъ ласкъ и такихъ привѣтствіевъ ко мнѣ, какія составляютъ душу счастливыхъ супружествъ и всего болѣе взаимной любви поспѣшествуютъ!... Что, если она и тогда будетъ такая-жъ несмѣяна и я не увижу никогда въ ней ни радости, ни удовольствія и всего того, что веселымъ и пріятнымъ называется, или, что того еще хуже, если будетъ она всегда невесела и всѣмъ и всегда недовольна и только въ однихъ жалобахъ на все и все въ безпрерывномъ ропотѣ все свое удовольствіе находить будетъ?...

«Несчастные такіе нравы бываютъ не рѣдко въ свѣтѣ, а особливо между женщинами!... И ну, если, къ несчастію моему, она имѣть будетъ таковой и притомъ еще вмѣсто любви—ненависть ко мнѣ?... Что тогда изволишь дѣлать?... Какою желчію станетъ напоять она все веселіе и блаженство дней моихъ!... Какой необъятной трудъ и какое философическое терпѣніе потребно будетъ мнѣ тогда къ великодушному перенощенію всего того, и какое искусство къ прикраиванію себя къ характеру таковому... Ахъ! сіе устрашаетъ меня всего болѣе...

«Но съ другой стороны, ежели вспомнить и подумать о томъ, что всѣ брачные и толь великое на всю человѣческую жизнь и на все ихъ потомство вліяніе имѣющіе союзы не происходятъ и не могутъ никакъ происходить по слѣпому случаю, а располагаются невидимою рукою пекущагося объ насъ божескаго Промысла и святымъ его Провидѣніемъ; то, что можно учинить вопреки велѣнію его, и можно ли уклониться отъ того, чему должно быть по сему мудрому распоряженію его?... Ахъ! Въ семъ случаѣ другого не остается, какъ повиноваться совершенно волѣ его и быть довольнымъ такою, какою угодно будетъ самому Господу надѣлить меня... Онъ знаетъ совершеннѣе, что для насъ лучше и что хуже, и вѣрно изберетъ и избираетъ всегда наиполезнѣйшее для насъ... Итакъ, его святая воля и буди въ томъ, а мнѣ остается только охотно принять жену отъ десницы его и быть увѣреннымъ, что избрана она мнѣ Имъ, и вѣрно не ко вреду, а къ пользѣ моей,

и чтобъ въ случаѣ, если что и откроется въ ней дурное и для меня непріятное, такъ несомнѣваться въ томъ, что самъ онъ и поможетъ мнѣ переносить все то съ терпѣніемъ и съ спокойнымъ духомъ».

Вотъ какимъ образомъ, удаляясь отъ всѣхъ людей, помышлялъ, озабочивался, смущался и чѣмъ самъ себя ободрялъ и подкрѣплялъ я въ самые послѣдніе дни предъ своею женитьбою. И не одинъ разъ было то, что я не прежде выходилъ изъ сада, какъ повергнувъ себя гдѣ-нибудь въ скрытомъ уголкѣ предъ невидимымъ и вездѣприсутствующимъ высочайшимъ Существомъ, ввѣряя ему вновь всю свою судьбу и все свое счастіе и несчастіе, и возвергая на него всю свою надежду и упованіе!

Нынѣ, пишучи сіе при позднемъ вечерѣ дней своихъ, и препроводивъ уже болѣе сорока лѣтъ въ моемъ супружествѣ, и обозрѣвая умственнымъ окомъ все сіе долговременное теченіе онаго, могу и долженъ сказать и признаться, что во многихъ изъ вышеупомянутыхъ тогдашнихъ умозаключеніяхъ своихъ, а особливо въ надеждѣ и упованіи моемъ на Творца моего, я нимало не ошибся. Но благодѣтельствующій и о пользѣ моей пекущійся святый Промыслъ Господень не одарилъ хотя меня нѣкоторыми изъ желаемыхъ тогда моимъ сердцемъ выгодъ и вещей; но замѣнилъ то инымъ съ лихвою и такъ, что я тысячу причинъ имѣлъ и имѣю быть судьбою своею довольнымъ, и что я всего меньше могъ не только тогда, но и въ первые годы моего супружества того предвидѣть, что Провидѣнію Господню угодно было совершенное удовлетвореніе тогдашнимъ вожделѣніямъ сердца моего произвесть и осчастливить тѣмъ меня не тогда, а предоставить оное дальнѣйшему, предбудущему и тому времени, когда имѣть я буду уже дѣтей, и въ нихъ во всѣхъ, а особливо въ дарованномъ мнѣ отъ онаго сынѣ, доставить мнѣ наконецъ то въ полномъ совершенствѣ, чего желала тогда вся внутренность души моей, то-есть совершенное во всемъ важнѣйшемъ подобіе самому себѣ, и такого друга, собесѣдника и во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ соучастника, какого я себѣ только желать могъ и который вмѣстѣ съ сестрами своими, доставивъ мнѣ несмѣтныя тысячи минутъ пріятныхъ и блаженныхъ въ жизни, служитъ и нынѣ утѣшеніемъ мнѣ при старости моей и дѣлаетъ и самые поздніе дни мои блаженными,—и за что за все не могу я довольно возблагодарить Господа.

Возвращаясь теперь къ повѣствованію моему, скажу, что какъ хозяйкою во время сего приближающагося торжества, быть въ домѣ моемъ назначалъ я тетку мою, Матрену Ивановну Аникѣеву, и не находилъ никого способнѣе къ тому оной, ибо мнѣ хотя и весьма хотѣлось, чтобъ находилась при томъ и сестра моя Травина, но ей за болѣзнію своею быть ко мнѣ никакъ было не можно, а поелику помянутая тетка жила всѣхъ прочихъ ближе, то и послалъ я за нею за нѣсколько дней до свадьбы. А какъ она не отреклась нимало ко мнѣ пріѣхать, и охотно согласилась на мою просьбу, чтобъ быть въ сіе время вмѣсто матери моей хозяйкою въ моемъ домѣ; то и принялись мы съ сею милою и любезною старушкою приготовлять и запасать все, что нужно было къ сему великому для меня празднику, также совѣтовать о томъ, кого и кого пригласить намъ къ сему случаю и какъ лучше расположить намъ все сіе дѣло.

Всѣ изъ нашихъ мнѣ знакомыхъ сосѣдей приглашены были къ сему празднику. Но знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ былъ тотъ же дядя мой г. Каверинъ, о которомъ я упоминалъ прежде. Онъ съ женою своею и сосѣдъ мой, господинъ Ладыженскій также съ женою, были наизнаменитѣйшіе мои гости. Однако были и нѣкоторые другіе. Сверхъ того присутствовалъ при томъ и дядя мой родной, Матвѣй Петровичъ. Старикъ же генералъ, дѣдъ мой, непохотѣлъ никакъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, хотя и былъ къ тому убѣдительно и приглашаемъ. Но я того на немъ и не взыскивалъ, потому что онъ никуда почти не

ѣздилъ со двора, и могъ бы намъ при семъ случаѣ надѣлать болѣе связи, нежели удовольствія.

Впрочемъ, для сдѣланія праздника сего колико можно лучшимъ, порядочнѣйшимъ и веселѣйшимъ; то не только запаслись мы нужною провизіею и конфектами, но выпросили, не помню у кого, хорошаго повара, также достали и музыку. Сію выпросили мы у господина Трусова, мужа сосѣдки моей, Натальи Ивановны. А чтобъ не стыдно мнѣ было пріѣхать къ церкви, то не помню также отъ кого, выпросилъ и досталъ я себѣ на это время двумѣстную карету. Словомъ, мы не упустили ничего, что только можно было намъ съ теткою сдѣлать и приготовить къ сему случаю.

Наконецъ, Ивановна моя должна была то и дѣло переѣзжать то отъ насъ въ домъ къ невѣстѣ, то отъ нихъ къ намъ и совѣщаться о томъ, когда именно быть нашей свадьбѣ и гдѣ совершаться сему таинственному и священному обряду; и какъ съ обѣихъ сторонъ всѣ нужныя приуготовленія къ тому были сдѣланы, то и не стали мы долѣе медлить, но назначили къ тому 4-е число мѣсяца іюля и согласились съ обѣихъ сторонъ, чтобъ бракосочетанію быть въ стоящей на дорогѣ и на половинѣ почти разстоянія отъ нихъ и отъ меня, посторонней церкви въ селѣ Гатницахъ, и чтобъ обрядъ сей совершать отцу Иларіону, какъ моему духовнику.

Какимъ образомъ все сіе происходило, о томъ разскажу я въ письмѣ послѣдующемъ, ибо сіе увеличилось бы чрезъ то падъ мѣру. Итакъ, окончивъ оное, скажу, что я есмь, и прочая.

МОЯ СВАДЬБА.

Письмо 116-е.

Любезный пріятель! Наконецъ приступаю я къ повѣствованію вамъ исторіи того дня, который былъ наиважнѣйшимъ въ моей жизни,—того самаго дня, въ которой сдѣлался я уже женатымъ мужемъ, и который никогда не выдетъ у меня изъ памяти.

Во весь оный былъ я равно какъ въ нѣкакомъ чадѣ и туманѣ, и отъ разныхъ душевныхъ движеній въ такомъ смущеніи, что всѣхъ подробныхъ и мелкихъ произшествій, бывшихъ въ сей день, вовсе не упомню и не могу никакъ всѣ ихъ, видѣнныя какъ во снѣ, описать вамъ такъ, какъ бы хотѣлось. Одно то только мнѣ памятно, и памятно очень, что весь праздникъ сей былъ хотя изрядный, но болѣе простъ, нежели великолѣпенъ. Не было при ономъ не только ничего чрезвычайнаго, но еще многаго и недоставало къ тому, чтобъ быть ему порядочному и такому, какіе обыкновенно бываютъ при такихъ случаяхъ.

Причиною тому былъ не я и не моя тетка, также и не скупость моя. Провизіи всякой и другихъ вещей приготовлено и запасено было множество; но недоставало людей, которые могли-бъ сдѣлать при томъ лучшія распоряженія и расположить все сіе дѣло такъ, чтобъ было мнѣ непостыдно. Не было ни кого, кто-бъ могъ быть при томъ добрымъ хозяиномъ и распорядителемъ. Людей было хотя много, но все на большую часть—старые, послѣднихъ обыкновеній незнающіе, да и неспособные. Изъ молодыхъ же не было и не случилось ни единаго человѣка, которому-бъ можно было быть шаферомъ, или хоть нѣсколько потанцовать. А то музыка хотя и была, но для единаго только слуха. Словомъ, свадебька была самая простая дворянская, и не съ пышной руки и не мотовская. Но ежели здраво разсудить, то такая была и здоровѣе и для обѣихъ сторонъ соединена была съ меньшими хлопотами и затрудненіями.

Гости, приглашенные мною къ сему торжеству, съѣхались ко мнѣ еще наканунѣ того дня, какъ быть свадьбѣ,—и довольно рано, ибо всѣмъ хотѣлось видѣть, какъ привезутъ приданое. И какъ погода тогда стояла наилучшая іюльская, то весь вечеръ проводили мы въ саду, гуляя въ ономъ и слушая играющихъ вол-

торнистовъ, ибо музыка была къ намъ уже привезена, и мы восхотѣли ею попользоваться. И это было въ первый еще разъ, что раздавался звукъ музыкалическихъ инструментовъ въ моемъ саду и окрестностяхъ моего жилища.

Въ самое то время, какъ мы помянутымъ образомъ въ саду гуляли и занималися музыкою, возвѣщено намъ было, что показались везущіе приданое. Всѣ мы бросились тогда изъ сада въ хоромы и спѣшили приттить туда прежде ихъ пріѣзда, дабы видѣть весь порядокъ наблюдаемаго при томъ обыкновеннаго обряда.

Приданое было хотя очень незнаменитое, въ какомъ и не было никакой надобности, поелику невѣста шла за меня со всѣмъ своимъ достаткомъ,— да и самаго платья, по молодости ея, нельзя было готовить многаго; однако привезли оное по обыкновенію на нѣскольких цугахъ и вносили какъ кровать, такъ и все прочее, при зрѣніи сбѣжавшагося народа, по обычаю, на коврахъ и церемоніально. Для поставленія кровати съ обыкновеннымъ ея занавѣсомъ, отвели мы тотъ наугольный покоецъ, въ которомъ я до того времени сыпалъ; и какъ присланные люди оную поставили и наитишь снарядили; то угостивъ и одаривъ ихъ по обыкновенію, отпустили мы ихъ обратно и уже довольно поздно ночью, и по отъѣздѣ ихъ спѣшили и сами взять скорѣй покой себѣ.

Послѣдующій затѣмъ и достопамятный день встрѣтилъ я съ особыми чувствіями. Увидѣвъ чистое и прекрасное восходящее солнце, вздохнувъ, сказалъ я самъ себѣ къ нему:

«Въ послѣдній разъ, будучи холостымъ, вижу я тебя, о солнце, восходящимъ! Еще прежде нежели ты опустишься за горизонтъ, присоединюсь уже я къ мужамъ женатымъ, и въ завтрашній день буду видѣть восходъ твой уже перешедъ въ состояніе иное... О, буду ли я въ ономъ счастливъ? И будетъ ли будущая подруга моя помогать мнѣ веселиться такъ много тобою и твоимъ утреннимъ свѣтомъ, какъ много веселился я тобою, будучи холостымъ, и въ свободномъ состояніи.

Первая мысль сія повлекла тотчасъ за собою многія и другія, и я вскочивъ и накинувъ на себя легкое утреннее платье, побѣжалъ въ садъ, и уклонившись отъ людей, палъ ницъ на землю предъ невидимымъ Господомъ и Отцомъ своимъ небеснымъ, и принося ему за все обыкновенныя свои благодаренія, просилъ его на колѣняхъ о ниспосланіи на меня благословенія своего въ сей толико важный для меня день, и о томъ, чтобъ онъ былъ ко мнѣ милостивъ.

Едва я успѣлъ возвратиться изъ сада, какъ сказано мнѣ было, что пришолъ уже священникъ съ своимъ причтомъ для служенія всенощной. Былъ то отецъ Иларіонъ съ братомъ своимъ, дьякономъ Иваномъ и его дѣтьми. Мы тотчасъ начали служеніе и отслужили, не только всенощную, но потомъ и молебенъ съ водосвятіемъ и весь домъ окропленъ былъ освященною водою. Никогда почти не маливался я съ такимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, какъ въ сей разъ; но и было о чемъ молиться.

Обѣдъ былъ у насъ ранній и не слишкомъ церемоніальный, а послѣ обѣда и начали мы тотчасъ собираться и располагать время такъ, чтобъ намъ отъ церкви возвратиться можно было не позже и не ранѣе сумерекъ. Меня нарядили и убрали, какъ водится, однако не съ пышной руки и не такъ, какъ бы какого петиметра. Наконецъ, какъ все было уже готово, то поставленъ былъ по обыкновенію посреди комнаты столъ съ образомъ и хлѣбомъ и солью. За оный посадили меня и всѣхъ, ѣхавшихъ со мною въ церковь.

По возстаніи изъ-за стола и по принесеніи послѣднихъ молитвъ Господу, благословляемъ былъ я образомъ вмѣсто отца,—дядею моимъ Матвѣемъ Петровичемъ, а вмѣсто матери—теткою Матреною Ивановною. Слеза, капнувшая изъ глазъ моихъ, смочила тогда самую икону, съ которою, по обыкновенію, еще старинному, поѣхалъ впередъ помянутый

духовникъ мой. Я послѣдовалъ за нимъ и, сѣвши съ дядею Захарьемъ Ѳедоровичемъ въ карету, ѣхалъ во всю дорогу, самъ себя почти не помня отъ волнующихся въ душѣ моей разныхъ мыслей и пристрастій. Погода случилась тогда наипрекраснѣйшая и день самый ясный, тихій и жаркій.

Мы пріѣхали къ церкви еще довольно рано, и тутъ не было еще никого. Обрядъ требовалъ, чтобъ невѣстѣ пріѣзжать послѣ и чтобъ жениху неинако какъ нѣсколько времени дожидаться оной въ церкви, и сіе обыкновеніе наблюдалось какъ-то отъ самой древности. Каковы были для меня сіи минуты, а особливо та, въ которую увидѣли мы показывающіеся съ горы экипажи невѣсты моей и другіе съ нею бывшіе, того описать и изобразить никакъ я не могу, а довольно, когда скажу, что во все сіе время сердце у меня было далеко не на мѣстѣ и трепетало такъ сильно, что въ ту минуту, когда сказали намъ, что подъѣхали они уже къ входу церковному, хотѣло оно изъ меня власно какъ выпрыгнуть.

Наконецъ введена была въ церковь и невѣста, и вошли и всѣ пріѣхавшіе съ нею мущины и женщины. Взоры мои устремились натурально тотчасъ на ту, которая чрезъ нѣсколько минутъ долженствовала соединиться со мною неразрывными узами. И какъ она мнѣ въ сей разъ отмѣнно хороша и столь пріятною показалась, каковою она мнѣ никогда еще до того не была; то сіе ободрило меня очень, и я бодро и охотно пошелъ за ведущимъ меня на средину церкви. Но тутъ, неуспѣли насъ обоихъ поставить рядомъ и начать обрядъ бракосочетанія, какъ мало по малу смущаясь мыслями, пришелъ я въ такое замѣшательство мыслей и кровь во мнѣ взволновалась столь сильно, и я въ такомъ находился безпорядкѣ, что я дрожалъ тогда такъ, какъ-бы отъ лихорадки или отъ мороза, хотя было тогда въ церкви и очень еще жарко. И состоянія, въ какомъ находился я во все время, покуда отправлялся сей священный и таинственный обрядъ, не въ силахъ я никакъ изобразить словами моими. Я былъ внѣ себя и самъ себя почти не помнилъ.

Совершаемъ былъ оный помянутымъ духовникомъ моимъ, отцемъ Иларіономъ, со всею важностію и степенностію, каковая была сему духовному мужу свойственна и какой требовало и самое существо сего обряда. По окончаніи онаго прочтено было намъ небольшое и обыкновенное въ семъ случаѣ поученіе. Когда же все кончилось и я поцѣловалъ въ первый разъ невѣсту свою такъ, какъ уже жену свою: то возгремѣли со всѣхъ сторонъ поздравленія и начались взаимныя рекомендаціи между всѣми въ новое родство и знакомство другъ съ другомъ вступившими. И минуты сіи были для меня восхитительны! Съ меня свалилась тогда власно какъ нѣкая гора съ плечъ и я сдѣлался уже веселѣе и отважнѣе.

По окончаніи сего обряда и обыкновеннаго при томъ этикета, поѣхали мы домой и спѣшили колико можно ѣздою, чтобъ успѣть доѣхать еще засвѣтло и за нѣсколько минутъ прежде прочихъ. Во весь сей обратный путь былъ я уже гораздо веселѣе и спокойнѣе въ мысляхъ. Я чувствовалъ въ себѣ нѣкакое облегченіе и власно какъ новую жизнь, и не однажды говорилъ самъ себѣ:

«Ну, слава Богу. Какъ бы то ни было, но дѣло теперь уже кончилось и я теперь уже женатый мужъ!... Теперь не станетъ меня уже болѣе мучить нерѣшимость и сомнительства прежнія. Неразрѣшимый узелъ уже связанъ и теперь остается только просить Бога, чтобъ онъ благословилъ сей нашъ бракъ своею святѣйшею десницею и не отвергъ насъ обоихъ отъ лица своего, но продолжалъ прежнія свои ко мнѣ щедроты и милости. Далѣе должно мнѣ помышлять уже о томъ, какъ бы довольнымъ быть симъ со мною произшествіемъ, о которомъ увѣренъ я, что не могло никакъ произойтить и совершиться безъ воли и соизволенія на то моего Бога. А всходствіе того и должно мнѣ съ сего времени

уже стараться принаравливать себя ко всему и ко всему, и какъ ко времени, такъ и къ обстоятельствамъ, въ какихъ я впредь находиться буду, несмотря каковымъ бы имъ быть ни случилось и быть всѣмъ довольнымъ, чтò-бъ ни воспослѣдовало со мною!»

Тако самъ съ собою говоря и размышляя, проводилъ я все время при обратной своей ѣздѣ отъ церкви. Мы пріѣхали домой дѣйствительно въ самыя сумерки, такъ что насъ встрѣтили уже съ огнемъ и всѣ комнаты мои освѣщены были множествомъ огней. Валторны встрѣчали насъ своимъ звукомъ уже издалека, а не успѣли мы пріѣхать и я, принявъ изъ коляски молодую свою жену, подвесть ее къ крыльцу, гдѣ при входѣ въ домъ встрѣчалъ насъ дядя и тетка съ образомъ и хлѣбомъ и солью, и не успѣли мы къ первому приложиться, а послѣдній принять и поцѣловать и древній сей похвальный обрядъ кончить, какъ при входѣ нашемъ въ покои загремѣла музыка и не преставала играть разныя симфоніи, покуда не окончился весь вечерній столъ, за который тотчасъ насъ и посадили.

Столъ сей набранъ и приготовленъ былъ не въ залѣ, а въ угольной и той комнатѣ, гдѣ я прежде сего живалъ и которую въ прежнюю свою бытность въ деревнѣ распачкивалъ разными фигурами, но которая тогда обита была уже обоями и прибрана лучше. И какъ столъ поставленъ былъ глаголемъ, то и оказалось въ ней довольно простора для помѣщенія гостей всѣхъ.

Мы во весь ужинъ, по глупому старинному обыкновенію, ничего не ѣли, да и прочіе ѣли мало. Кушаньевъ настряпано и приготовлено было хотя и очень много и болѣе нежели сколько еще надобно было; но какъ тогда не было еще въ обыкновеніи кушанья обносить кругомъ лакеямъ въ соусникахъ и блюдахъ, а все надлежало кому-нибудь изъ сидящихъ за столомъ раздавать; то за бездѣлкою стало дѣло,—что кушанье раздавать было некому. Изъ стариковъ никому не хотѣлось принять на себя сію коммиссію, а помоложе, и такого, кто-бъ могъ сію должность взять на себя, никого не было и не случилось; итакъ, уже кое-какъ и кое-кѣмъ было дѣло сіе совершаемо, и я размучился въ прахъ съ досады, примѣтя и видя сей безпорядокъ, но которому пособить былъ не въ состояніи, да и перемѣнить было нечѣмъ.

По окончаніи ужина тотчасъ повели насъ за такъ-называемые сахары или за столъ, установленный конфектами и другими всякаго рода фруктами и вареньями. Сей столъ приготовленъ былъ въ тогдашней моей жилой и лучшей угольной комнатѣ, ибо въ комнаткѣ, или другой угольной поставлена была кровать. Тутъ подчиваны мы были кофеемъ и конфектами, а потомъ отведена была невѣста въ спальню и раздѣваема была боярынями, которыя возвратясь оттуда и распрощавшись съ нами, возвратились всѣ въ прежнюю столовую комнату, изъ которой между тѣмъ вынесены были столы и сдѣланъ былъ просторъ желаемый.

Ничто мнѣ тогда такъ досадно не было, какъ извѣстное древнее и наиглупѣйшее наше обыкновеніе, наблюдаемое еще и понынѣ при множайшихъ бракосочетаніяхъ, но начинающее нынѣ мало-по-малу выходить изъ обычая; а именно, чтобъ всѣмъ ночующимъ тутъ въ домѣ гостямъ не спать, а въ скукѣ дожидаться иногда по нѣскольку часовъ, покуда можно будетъ имъ новобрачнымъ принесть свои поздравленія.

Глупое и досадное сіе обыкновеніе почиталось такъ свято, что и помыслить было не можно о преступленіи онаго, какъ много ни желалъ я того. Въ особливости же хотѣлось мнѣ сего для того, чтобъ доставить скорѣе покой незнакомымъ и новымъ гостямъ своимъ, которымъ, за дальностію ихъ домовъ, ѣхать было уже некуда, а всѣмъ надлежало ночевать у меня же въ домѣ.

И хорошо, что въ сей разъ такъ случилось, что гостямъ не долгое время принуждено было сидѣть молча и провождать время свое въ скукѣ, и что, за

препровожденіемъ цѣлаго почти часа въ посѣщеніи новобрачной всѣми гостьми, во взаимныхъ поздравленіяхъ, при опоражниваніи всѣми, по обыкновенію, покала съ напитками, и въ изъявленіи всеобщей радости и прочихъ, бываемыхъ при такихъ случаяхъ обрядовъ,— осталось еще довольно времени къ тому, чтобъ всѣмъ и выспаться и взять отдохновеніе.

Между тѣмъ какъ въ домѣ моемъ происходило сіе брачное пиршество и весь оный наполненъ былъ такимъ множествомъ народа, какого никогда въ немъ до того не бывало; мать жены моей, сдѣлавшаяся тогда уже моею тещею, для скорѣйшаго объ насъ и обо всемъ узнанія, и чтобъ быть къ намъ ближе, переѣхала послѣ насъ изъ Калединки, откуда невѣста отпускаема была къ вѣнцу, почевать въ Ченцовскій заводъ, къ общей нашей знакомкѣ Ивановнѣ.

Тутъ нашелъ я ее на другой день, пріѣхавши по утру по обыкновенію благодарить ее за содержаніе и воспитаніе своей дочери и для приглашенія ея къ намъ на обѣдъ или такъ-называемый княжой пиръ, на который она пріѣхала вслѣдъ почти за мною. И съ сего времени мы уже не разставались никогда съ нею, но она, сдѣлавшись общею нашею семьянинкою, къ особливому счастію обоихъ насъ съ женою и дѣтей нашихъ, жила всегда уже съ нами и живетъ еще и понынѣ и пріобрѣла къ себѣ отъ меня такое почтеніе и уваженіе, что я всегда не инако ее себѣ почиталъ, какъ своею родною матерью.

Помянутый княжой пиръ былъ уже не только порядочнѣе, но и живѣе и веселѣе предслѣдовавшаго ужина. Всѣ гости сдѣлались уже другъ другу знакомѣе и между всѣми господствовала радость и удовольствіе. Музыка гремѣла опять во все продолженіе стола, равно какъ и во все послѣобѣденное время, которое препровождено было всѣми безъ скуки и весело.

Мы старались угостить колико можно лучше всѣхъ гостей своихъ и не отпустили никого изъ нихъ отъ себя, не упросивъ почевать еще у насъ ночь. И они разъѣхались не прежде какъ послѣ обѣда, уже на третій день, и разстались съ нами съ удовольствіемъ и пожеланіями намъ всѣхъ благъ и благополучнаго супружества. Мы же, съ своей стороны, въ особливости довольны были тѣмъ, что никакое противное и досадное произшествіе не помутило общей нашей радости и удовольствія во все время брачнаго сего пиршества, и что и самая погода была наилучшая.

Симъ образомъ кончилось наше пиршество и я сдѣлался мужемъ женатымъ, вступилъ со многими, до того совсѣмъ незнакомыми людьми въ новое родство и знакомство, и перешелъ совсѣмъ въ иной и отъ прежняго отмѣнный образъ жизни. Моя прежняя одинокая и уединенная жизнь кончилась и я нажилъ себѣ уже семейство, которое было хотя невелико, но все уже былъ я не одинъ какъ прежде.

И какъ съ сего времени пошло уже все иное, то дозвольте и мнѣ дальнѣйшее повѣствованіе о случившихся со мною произшествіяхъ начать съ письма послѣдующаго, а теперешнее симъ окончить, и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

СВАДЕБНЫЕ ВИЗИТЫ.

Письмо 117-е.

Любезный пріятель! Начиная теперь описывать вамъ исторію моей жизни съ того времени, какъ я женился, скажу вамъ, что по окончаніи брачнаго пиршества и по разъѣздѣ гостей, мое первѣйшее дѣло было то, чтобъ вмѣстѣ съ молодою своею женою объѣздить всѣхъ, бравшихъ въ брачномъ пиршествѣ нашемъ соучастіе и одолжившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ и принести имъ нашу общую благодарность; также, чтобъ познакомить новыхъ семьянинокъ своихъ короче съ моими родственниками и сосѣдями, а между тѣмъ и самому спознакомиться ближе съ матерью жены своей, также и съ самою ею.

Какъ всѣхъ болѣе одолжила меня при

семъ случаѣ тетка моя Матрена Ивановна; то первѣйшее наше попеченіе было о томъ, чтобъ угостить ее колико можно лучше и отпустить отъ себя, осыпавъ нашими благодареніями. Она пробыла у насъ всѣхъ прочихъ гостей долѣе, и поѣхала отъ насъ уже на четвертый день послѣ свадьбы. Не преминули мы также съ обѣихъ сторонъ возблагодарить и нашу Ивановну за всѣ ея труды, хлопоты и старанія, и возблагодарили ее не только словами, но и дѣломъ. И добродушная сія старушка была по смерть свою нами очень довольна, и съ сего времени, не только бывала очень часто въ нашемъ домѣ, но и гащивала у насъ иногда по нѣскольку дней сряду, и мы ей всегда были очень рады, и жена моя, позабывъ скоро всю свою прежнюю на нее досаду, стала любить ее столько же, сколько любила прежде.

Послѣ того и прежде всѣхъ свозилъ я новыхъ сотоварищей своихъ къ превосходительному сосѣду и дѣду своему, престарѣлому генералу, и познакомилъ ихъ съ онымъ. Онъ принялъ ихъ съ обыкновенными своими притворными ласковостями и показался имъ по благопріятству своему сущимъ ангеломъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ далеко не таковъ былъ.

Дядѣ моему родному, Матвѣю Петровичу, принесли мы также свое благодареніе, и сей не преминулъ угостить насъ обѣдомъ, и былъ выборомъ моимъ такъ доволенъ, что по кончину свою отзывался всегда хорошо, какъ о женѣ моей, такъ и тещѣ. Онѣмѣвшая и жалкая его жена изъявляла намъ также свои ласки своими жестами и давала знать, что она одобряетъ мой выборъ. Другой дядя мой, Захарій Ѳеодоровичъ Каверинъ, не позабытъ былъ также отъ насъ, и мы принесли ему въ домѣ его также наши благодаренія за всѣ его труды и принимаемое имъ соучастіе, какъ въ свадьбѣ, такъ и въ сговорѣ нашемъ.

Такимъ же образомъ свозилъ я ихъ и къ любезному сосѣду своему, господину Ладыженскому и познакомилъ ихъ короче, какъ съ нимъ, такъ и съ женою его. Сей домъ сдѣлался намъ съ сего времени еще знакомѣе и дружелюбнѣе прежняго, и согласіе и дружба между обоими нашими домами господствовало безпрерывно во все достальное теченіе дней моихъ и продолжается и до нынѣ, хотя тогдашніе хозяева онаго находятся уже давно въ царствѣ мертвыхъ, а живетъ уже въ семъ домѣ одинъ изъ сыновей его и мой крестникъ.

Что касается до другого моего ближняго сосѣда, господина Іевскаго, то въ женѣ его, Дарьѣ Семеновнѣ, нашла теща моя близкую себѣ сродственницу. Она доводилась ей внучатная сестра и была ей издавна знакома. Такимъ же образомъ сродни ей былъ и сосѣдъ мой господинъ Лихаревъ, Алексѣй Игнатьевичъ, жившій неподалеку отъ меня въ деревнѣ Нижней Городнѣ и ко мнѣ ѣзжавшій.

Побывавъ у всѣхъ тутошныхъ своихъ родныхъ и сосѣдей, поѣхали мы такимъ же образомъ развозить визиты свои по родственникамъ и знакомымъ жены и тещи моей, которые сдѣлались тогда вкупѣ и моими. И какъ всѣ они жили ближе къ дому тещи и жены моей, нежели къ моему; то переѣхали мы на сіе время въ сей старинный домъ ихъ, и оттуда уже стали разъѣзжать по домамъ онымъ.

Въ сей разъ разсмотрѣлъ я сей домъ и родину жены моей уже короче и обстоятельнѣе, и узналъ ближе относящіяся до онаго обстоятельствы. Я нашелъ его очень небольшимъ и по всѣмъ отношеніямъ своимъ малозначущимъ. Былъ онъ самый старинный, маленькій, ветхій и тѣсный домикъ со дворомъ ему приличнымъ и такимъ же. Позади сего находился хотя нарочито обширный, но на половину только засажденный, а на другую зарослой синнникомъ другою дичью садъ, который былъ такого рода, какой могъ только быть у женщины, правящей домомъ.

Теща моя была хотя и не совсѣмъ не охотница до садовъ, а любила цвѣты и вообще всѣ произрастенія, занималась охотно сѣяніемъ, сажденіемъ и содержаніемъ первыхъ и попеченіями о вторыхъ:

однако все была женщина,—а сего было уже и довольно. Но съ сего времени препоручила она все попеченіе о семъ садѣ мнѣ и предала его совершенно въ мою волю, что мнѣ было и не противно, потому что я получилъ чрезъ то предметъ, которымъ могъ я во всѣ праздные и досужные часы заниматься, и чрезъ то не допускать себя до чувствованія скуки.

Первый свадебный визитъ сдѣлали мы теткѣ жены моей, Матренѣ Васильевнѣ Арцыбашевой. Изъ всѣхъ тамошнихъ родныхъ была она къ нимъ родствомъ и дружелюбіемъ всѣхъ ближе. Она жила въ деревнѣ своей Калединкѣ, отстоящей неподалеку отъ того села, гдѣ мы вѣнчались. И какъ селеніе сіе было на дорогѣ отъ нашего дома къ Коростину, то заѣхали мы къ ней еще туда ѣдучи. Она не больше какъ за годъ до того лишилась мужа своего, Андрея Аврамовича, родного брата тещи моей, имѣла тогда у себя трехъ дѣтей,—двухъ дѣвочекъ и одного мальчика, но которыя всѣ были еще очень малы. Меньшая дочь ея, Александра, что нынѣ за г. Крюковымъ, Львомъ Савичемъ, была еще въ колыбели. Сынъ, Петръ, еще на рукахъ, а и большая дочь, Прасковья, что нынѣ за г. Кислинскимъ, Васильемъ Ивановичемъ, сходила тогда только-что съ рукъ и говорить начинала.

Домикъ у ней былъ также очень маленькій и гораздо еще меньше коростинскаго, однако изрядненькій и веселенькій, и подлѣ онаго добрый плодовитый садъ съ хорошими плодами. Тетка, будучи очень ласковою и разумною госпожею, приняла насъ очень благопріятно и угощала всячески. Она всѣмъ поведеніемъ и поступками своими вперила въ меня къ себѣ истинное почтеніе, и я могу сказать, что я во всю жизнь почиталъ и любилъ ее искренно и былъ ею всегда доволенъ. Но и она любила насъ искренно, какъ родныхъ, а особливо меня, и я съ самаго начала какъ-то имѣлъ счастіе сдѣлаться ей угоднымъ.

Неподалеку отъ ней жилъ еще одинъ ихъ родственникъ, господинъ Селиверстовъ, Сергѣй Петровичъ, и хотя онъ у насъ и не былъ на свадьбѣ; однако мы не преминули у него побывать, ибо тещѣ моей хотѣлось ему меня показать и его со мною познакомить. Человѣкъ онъ былъ уже не молодой и дряхлый, имѣлъ превеликую семью и дѣтей множество.

Кромѣ сего жила неподалеку отъ ней еще другая небогатая вдова, бывшая также имъ въ родствѣ, изъ фамиліи Хотяинцовыхъ, а по имени Катерина Алексѣевна, съ дочерью своею Авдотьею Андреевною, бывшею потомъ за двумя мужьями, Ферапонтовымъ и Перхуровымъ. Съ сею я также тогда познакомился, и о сей упоминаю я болѣе для того, что помянутая дочь ея, будучи тогда еще очень молодою, живала потомъ по многому времени у насъ въ домѣ, и почти воспитываясь въономъ, дѣлала женѣ моей компанію и увеличивала собою почти наше семейство, и мы пребываніемъ ея у насъ всегда были очень довольны.

Изъ Калединки, продолжая путь, заѣзжали мы къ старику г. Недоброву, Василью Тихоновичу. О семъ любимомъ и почитаемомъ родственникѣ ихъ имѣлъ я уже случай упоминать вамъ. Онъ былъ самый тотъ добродушный и умный старичокъ, у котораго въ домѣ видѣлъ я въ первый разъ жену мою, и съ которымъ уже съ тогдашняго времени сдѣлался знакомымъ. Онъ принялъ насъ въ сей разъ наиблагопріятнѣйшимъ образомъ и угостилъ такъ, что мнѣ пріятно было быть у него въ домѣ; и какъ онъ и жена его, такая-жъ добренькая и добродушная старушка, какъ и онъ, полюбили меня скоро въ особливости, и я всегда пріязнію и дружбою ихъ такъ доволенъ, что и они всегда были и у меня наипріятнѣйшими гостями, и сіе согласіе и дружба между нашими домами продлилась до самой ихъ кончины, которая къ сожалѣнію воспослѣдовала немногіе спустя годы послѣ моей женитьбы.

По пріѣздѣ-жъ въ Коростино за первый долгъ почли мы отвезть также визитъ свой къ ближайшему ихъ сосѣду и родственнику, Ивану Алексѣевичу Колюбаки-

ну—человѣку доброму, но крѣпкому на ухо. Онъ жилъ въ одномъ селѣ съ нашими и только чрезъ улицу отъ нашего двора и имѣлъ изрядный домикъ и не старую еще жену, жившую съ моими въ великой дружбѣ. Мнѣ-жъ въ особливости знакомъ былъ по службѣ братъ его родной, Кириллъ Алексѣевичъ—самый тотъ, съ которымъ я стоялъ вмѣстѣ на караулѣ въ Рогервикѣ и съ которымъ, возвращаясь, сыграли мы надъ княземъ Мышецкимъ на квартирѣ комедію. Сей домъ какъ до того, такъ и послѣ во всегдашнее время, былъ намъ благопріятенъ и дружелюбенъ и сосѣдями сими были мы довольны.

Кромѣ сего былъ тутъ же въ селѣ и за рѣчкою и другой еще домикъ, съ живущею въ немъ вдовою старушкою и тою Аграфеною Ивановною, о которой я имѣлъ уже случай упоминать. Она была также нашимъ съ родни и жила прежде съ тещею моею въ отмѣнномъ и тѣсномъ дружествѣ; но тогда было между ими небольшое несогласіе, и, что удивительнѣе всего,—то за меня.

Старушкѣ сей что-то приди охота разбивать наше сватовство, и не только не знавши меня въ глаза, корить и хулить меня всячески, но и женѣ моей, которая любила ее очень съ самаго малолѣтства, внушать обо мнѣ не только самыя невыгоднѣйшія мнѣнія, но съ пути ее сбивать еще и обѣщаніями сыскать ей другого, несравненно лучшаго и богатѣйшаго жениха, и говорила уже ей о какомъ-то Хитровѣ. А всѣмъ тѣмъ и надѣлала она очень много пакостей, и впечатлѣнія, произведенныя ею въ нѣжномъ и мягкомъ умѣ и сердцѣ жены моей, производили дѣйствія, которыя примѣтны были даже и по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ сего времени. Словомъ, старушкою сею ни теща моя, ни я не имѣли причины быть довольными. Однако я, хотя не тогда, а послѣ, презрѣвъ все сіе, возобновилъ и съ нею прежнее знакомство и заставилъ и ее себя почти насильно любить и почитать. Старушка сія жила послѣ того по смерть свою въ Тульскомъ монастырѣ, въ которомъ была она наконецъ игуменьею. Но характеръ ея былъ во всю жизнь не изъ лучшихъ и похвальнѣйшихъ.

Изъ села Коростина ѣздили мы потомъ въ село Луковицы, для отвезенія своего визита и благодарности господину Арсеньеву, Василью Васильевичу, какъ бывшему у насъ также на свадьбѣ и бравшемъ во всемъ дѣлѣ нашемъ соучастіе. Поелику былъ онъ помянутой тетки жены моей, Матрены Васильевны, родной братъ; то и жили наши какъ съ нимъ, такъ и съ женою его, Афимьею Никитичною, боярынею умною и ласковою, въ особливомъ дружелюбіи, и я могу сказать, что и симъ домомъ былъ я всегда доволенъ. Они меня также полюбили и любили даже по смерть свою, хотя мы и жили послѣ уже въ отдаленности другъ отъ друга и не такъ часто видались, какъ тогда. А въ то время ѣзжали мы къ нимъ всякій разъ, когда ни случалось намъ бывать въ Коростинѣ, а и они бывали у насъ не только тамъ, но пріѣзжали къ намъ не одинъ разъ и въ Дворяниново; а по нихъ сдѣлались мы послѣ того знакомыми и съ другими господами Арсеньевыми, какъ-то: Иваномъ Михайловичемъ и братомъ его, Михаиломъ Михайловичемъ, въ особливости же съ другимъ роднымъ же братомъ Матрены Васильевны и извѣстнымъ всей Россіи по высокому и великому своему росту, Дмитріемъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, служившимъ тогда въ кавалергардахъ и знавшимъ меня еще ребенкомъ, поелику онъ въ молодости своей служилъ у отца моего въ полку адъютантомъ и изъ онаго взятъ былъ тогда въ лейбъ-компанію.

Оттуда-жъ ѣздили мы наконецъ и въ другую сторону и за большую дорогу изъ Москвы въ Тулу, гдѣ жила родная и меньшая сестра тетки жены моей, Анна Васильевна, бывшая въ замужствѣ за небогатымъ дворяниномъ, господиномъ Крюковымъ, Борисомъ Ивановичемъ. Они жили въ деревнѣ Каменки, неподалеку отъ Вашаны, гдѣ живутъ и понынѣ, и были оба намъ также рады и угощали насъ дружелюбнѣйшимъ образомъ. Но къ сему

дому не лежало у меня тогда какъ-то сердце, несмотря, что они къ намъ всегда ласкались и не было между нами никакого несогласія.

Не то особливый и оригинальный характеръ сего г. Крюкова, не то досадная и никому непріятная склонность жены его — къ пересмѣханію и переговариванію всѣхъ, кто былъ не по ея вкусу, а особливо не такъ безъ ума, безъ памяти обожалъ московскія моды, какъ она,—была тому причиною, что мы хотя въ разсужденіи близкаго родства съ теткою Матреною Васильевною, да и самаго дружелюбія къ намъ, и не рѣдко къ нимъ ѣзжали, но никогда не отправлялись въ путь къ нимъ съ дальнею охотою, но часто случалось, что жена моя, побывавъ у нихъ, не одинъ разъ потомъ утирала слезы, и всякій разъ, какъ ни случалось туда ѣхать, не проходило безъ многихъ вздоховъ и огорченій. Вотъ, что можетъ производить окаянная охота къ пересмѣханію другихъ и къ пустословному судаченью! Не любовь къ себѣ и почтеніе, а только ненависть навлекать она отъ всѣхъ на человѣка можетъ. Совсѣмъ тѣмъ, и какъ бы то ни было, но я не могу и на сей домъ, а особливо въ разсужденіи самого себя, пожаловаться. Они любили и почитали меня всегда, а я также любилъ ихъ, какъ и всѣхъ прочихъ.

Впрочемъ, по случаю знакомства съ симъ домомъ сдѣлались мы впослѣдствіи времени знакомы съ нѣкоторыми и другими дворянскими домами въ тамошнемъ околоткѣ, какъ-то: съ живущимъ неподалеку отъ нихъ генераломъ, Иваномъ Алистарховичемъ Ежелинскимъ, и женою его, Настасьею Гавриловною,—людьми очень хорошими и современемъ сдѣлавшимися къ намъ отмѣнно благопріятными, какъ о томъ упомяну я въ свое время; вовторыхъ съ Михаиломъ Ивановичемъ Крюковымъ, роднымъ братомъ помянутаго г. Крюкова. Съ симъ человѣкомъ я только возобновилъ тогда знакомство, ибо были мы съ нимъ и до того и очень давно уже знакомы, потому что служилъ онъ еще при отцѣ моемъ въ нашемъ полку капитаномъ, и меня зналъ еще ребенкомъ. Знакомство наше съ симъ домомъ продолжается еще и понынѣ, и въ ономъ живетъ уже нынѣ сынъ его, Егоръ Михайловичъ, женившійся на сестрѣ зятя моего Шишкова и сдѣлавшійся чрезъ то намъ въ сватовствѣ.

Третій домъ, съ которымъ мы впослѣдствіи времени въ тамошнемъ краю познакомились, былъ господина Хрущева, Ивана Ѳомича, которое знакомство продолжается и понынѣ; но какъ тогда, такъ и послѣ было не короткое и не совсѣмъ близкое, однако всегда дружелюбное, недавно же возобновившееся вновь по случаю близкаго родства его съ меньшимъ зятемъ моимъ, Пестовымъ.

Кромѣ всѣхъ сихъ, современемъ, и по случаю также женитьбы моей, свелъ я знакомство и дружбу съ нѣкоторыми домами и въ сторонѣ, совсѣмъ противоположной симъ, и въ окрестностяхъ рѣки Оки и города Серпухова.

Въ самомъ семъ городѣ находилась одна милая, престарѣлая и весьма почтенная старушка изъ фамиліи господъ Арцыбашевыхъ, и весьма тещею моею любимая и почитаемая. Она живала у ней въ малолѣтствѣ и тогда, какъ училась еще грамотѣ. Звали ее Катериною Богдановною. Жила она въ дѣвичьемъ монастырѣ и была боярыня стариннаго вѣка, но умная и столь ласковая, что я ее съ перваго раза полюбилъ и возъимѣлъ къ ней почтеніе, продолжавшееся до самой ея кончины, и могу сказать, что и она насъ любила и мы бывали всегда у ней пріятные гости, когда ни случалось намъ бывать у ней въ Серпуховѣ.

Она имѣла у себя двухъ дочерей и невѣстку, оставшуюся послѣ умершаго въ молодости сына. Первая изъ дочерей ея, Авдотья Назарьевна, была въ замужствѣ за Глѣбовскимъ, а вторая, Анна,—за господиномъ Афросимовымъ, Аѳанасьемъ Левонтьевичемъ, старикомъ милымъ, любезнымъ и почтеннымъ. Намъ оба сіи дома сдѣлались въ Москвѣ знакомы, а особливо послѣдній, и старикъ сей любилъ меня отмѣнно до

самой своей кончины, и я пріязнію его былъ очень доволенъ.

Что касается до ея невѣстки, то сія съ обоими своими малолѣтными дѣтьми, а ея внучатами, жила въ селѣ Пущинѣ, неподалеку отъ Дворянинова и на самомъ берегѣ Оки рѣки,—была вдова еще молодая; называлась Натальею Петровною и была тещѣ моей очень знакома, почему знакомою сдѣлалась и мнѣ, и мы нерѣдко ѣзжали къ ней и она къ намъ,—и дружелюбіемъ и знакомствомъ дома сего былъ я также очень доволенъ.

Третій домъ былъ также родственника жены моей, а вкупѣ и моего собственнаго, Дмитрія Ивановича Арцыбашева, и находился въ селѣ Лужкахъ, за рѣкою Окою и немного повыше села Пущина. Съ симъ домомъ также основали мы знакомство и дружбу, и знались по самую кончину хозяина, — который доводился мнѣ внучатный братъ,—воспослѣдовавшей чрезъ немногіе годы. Однако симъ дружелюбіе и знакомство домовъ нашихъ не пресѣклось, но продолжалось и при оставшей женѣ его, Татьянѣ Яковлевнѣ.

Наконецъ, четвертый домъ былъ хотя всѣхъ далѣе и за нѣсколько верстъ за рѣкою Окою, но дружелюбнѣе другихъ многихъ. Жила въ немъ одна добродушная старушка, считавшаяся теткою моей тещи. Но не столько она была важна, какъ оба ея сыновья, Иванъ и Аѳанасій Аѳанасьевичи Арцыбашевы. Оба они служили въ арміи, были въ прусской войнѣ и продолжали и тогда еще служить.

Первый изъ нихъ былъ хозяиномъ дома, и будучи тещѣ моей съ малолѣтства знакомъ, и учась почти вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ, былъ къ ней во всю жизнь свою, а по ней и къ намъ расположенъ очень хорошо. Онъ былъ наилучшимъ ея совѣтникомъ при случаѣ сватовства моего и нерѣшимости ея въ разсужденіи отдачи за меня дочери своей, и совѣтовалъ ей нимало тѣмъ не медлить. Словомъ, человѣкъ сей скоро приобрѣлъ и отъ меня къ себѣ любовь и почтеніе, и я любилъ и почиталъ его по самую его смерть. А не менѣе обязанъ я дружбою и любовію его брата. Оба они не только любили, но и одолжали меня при нѣкоторыхъ случаяхъ своими услугами. Итакъ, хотя и не часто, но ѣзжали мы и съ сей домъ, такъ какъ и они у насъ временемъ бывали.

Вотъ весь почти кругъ тогдашняго нашего стараго и новаго знакомства, и мы дѣлили свое время, живучи въ Дворяниновѣ и въ Коростинѣ и разъѣзжая то къ тѣмъ, то къ другимъ изъ помянутыхъ своихъ родныхъ и знакомцевъ; временемъ же приглашая ихъ и къ себѣ и угощая въ которомъ-нибудь изъ помянутыхъ обоихъ домовъ нашихъ.

Между тѣмъ спознакомливался и свыкался я часъ отъ часу болѣе и съ молодою своею женою и тещею. Но въ разсужденіи первой свычка наша шла какъ-то очень очень медленными стопами. Я, полюбивъ ее съ перваго дня искреннею супружескою любовію, сколько ни старался къ ней съ своей стороны ласкаться, и какъ ни пріискивалъ и ни употреблялъ все, что только могъ, чѣмъ бы ее забавить, увеселить и къ себѣ тѣснѣе прилѣпить можно было; но успѣхъ имѣлъ въ томъ очень малый. Она казалась имѣть характеръ самый хладнокровнѣйшій, и ко всему тому нимало нечувствительною,—и сіе ея природное свойство простиралось даже до того, что въ самый прошпективическій ящикъ съ картинами, производящій всѣмъ невидавшимъ его еще никогда толь великое удовольствіе, смотрѣла она съ совершеннымъ хладнокровіемъ, и онъ жену мою, несмотря на всю ея молодость, нимало не веселилъ, и не примѣтно было въ ней ни малаго къ такимъ вещамъ любопытства.

Не находилъ и не примѣчалъ я также въ ней ни малѣйшей склонности и охоты къ читанію книгъ и ко всему, до наукъ относящемуся. Не видно было и того, чтобъ она и къ садамъ могла быть когда-нибудь охотница, и чтобъ ее и въ нихъ что-нибудь особливое веселило, но она смотрѣла на все съ равнодушіемъ совершеннымъ.

Но что всего важнѣе, то и къ самому себѣ не могъ я отъ ней ни малѣйшихъ взаимныхъ и такихъ ласкъ и привѣтли-

вости, какія обыкновенно молодыя жены оказываютъ и при людяхъ и безъ нихъ, мужьямъ своимъ. Нѣтъ, сего удовольствія не имѣлъ я въ жизни! И хотя было все сіе мнѣ и очень, очень непріятно, но какъ все оное приписывалъ я тогда наиглавнѣйше тогдашней ея молодости, а не природному ея свойству, то и переносилъ все то прямо съ философическимъ твердодушіемъ и не роптала на судьбу свою нимало, и тѣмъ паче, что не совсѣмъ еще лишался надежды увидѣть и получить современемъ то, чего тогда въ ней недоставало. Напротивъ того утѣшался тѣмъ, что многое изъ того, чего искалъ и желалъ я въ женѣ своей, находилъ я въ моей тещѣ, а ея матери, и чрезъ самое то не совсѣмъ лишался тѣхъ душевныхъ удовольствій, какихъ полученія домогался я чрезъ женитьбу.

Я упоминалъ уже, что главнѣйшее мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ чрезъ женитьбу нажить себѣ такого товарища, съ которымъ могъ бы я раздѣлять всѣ свои душевныя чувствованія и всѣ радости и утѣхи въ жизни, и которому могъ бы я сообщать обо всемъ свои мысли, заботы и попеченія, и могъ пользоваться его совѣтами и утѣшеніями. Однимъ словомъ, который бы бралъ во всемъ относящемся до моей жизни искреннее соучастіе, и помогалъ мнѣ прямо носить бремя оной. А все сіе и находилъ, и такого себѣ товарища и нажилъ я въ особѣ моей богоданной матери.

Она была такъ умна, что я могъ разговаривать съ нею обо всякихъ матеріяхъ, а притомъ такъ любопытна во всѣхъ частяхъ, что всегда слушивала меня съ удовольствіемъ, и я могъ относиться къ ней во всемъ и предавать на апробацію ея все и все. Кромѣ сего имѣла она довольную охоту къ садамъ и находила въ украшеніяхъ оныхъ великое для себя удовольствіе. Къ самымъ красотамъ натуры не была она совсѣмъ нечувствительною. А что всего лучше и всего для меня пріятнѣе было, то любила и сама читать книги и слушать другихъ, когда ей читали, и слушивала не только съ любопытствомъ, но и съ желаемымъ вниманіемъ. А какъ была сверхъ того очень хорошаго нрава и самаго благороднаго и похвальнаго поведенія и любви и почтенія достойнаго характера, то и получилъ я въ ней такого товарища, какого желала наиболѣе душа моя.

Я могъ адресоваться къ ней всегда и со всѣмъ, что ни относилось какъ до литературы и до наукъ, такъ и до художествъ, а наконецъ до самыхъ садовъ и другихъ частей сельскаго домоводства, и ожидать отъ ней желаемаго одобренія, или, когда въ чемъ надобно было, искренняго совѣта. Получалъ ли я откуда и отъ кого ни есть новую какую-нибудь книжку; то было мнѣ кому сообщить о томъ свою радость, было кому взять въ ней соучастіе, было мнѣ съ кѣмъ ее почитать и посудить объ оной! Удавалось ли мнѣ когда самому сочинить или перевесть что-нибудь; то было кому то прочесть и у кого спросить, хорошо ли то или нѣтъ, и было кому чрезъ одобреніе свое меня побуждать и поощрять къ дальнѣйшимъ такимъ предпріятіямъ. Вздумывалось ли мнѣ когда что разрисовать или что-нибудь нарисовать вновь; то было кому работу свою показать, и ожидать отъ кого себѣ похвалы и одобренія. Случалось ли что-нибудь особое, новое, важное или любопытное услышать или узнать; то было къ кому спѣшить о томъ разсказывать и съ кѣмъ о томъ поговорить и посудачить.

Въ садахъ ли находилъ я себѣ что-нибудь въ особливости пріятное, меня занимающее и увеселяющее; то было кому сообщать радость и удовольствіе свое, и быть увѣреннымъ, что возмется въ нихъ соучастіе. Удавалось ли мнѣ когда что-нибудь въ нихъ вновь затѣять, выдумать, или сдѣлать; то было кого звать и съ кѣмъ ходить того смотрѣть и тѣмъ любоваться. Случалось ли дождаться, либо всхода, либо разцвѣтанія какого-нибудь новаго, у насъ небывалаго и намъ обоимъ еще неизвѣстнаго цвѣточнаго или какого иного произрастенія; то было къ кому мнѣ бѣгивать и

спѣшить сказывать свое о томъ удовольствіе и звать кого смотрѣть оное. А такимъ же образомъ и въ прочихъ частяхъ экономіи сельской, случалось ли мнѣ что новое выдумать, или открыть, или увидѣть, или сдѣлать, или еще только затѣять: то было съ кѣмъ о томъ поговорить, подумать и посовѣтовать или все показать и спросить о его мысляхъ, или съ кѣмъ чѣмъ-нибудь хорошему и въ особливости полезному порадоваться и повеселиться.

Однимъ словомъ, былъ у меня человѣкъ, которому могъ я все и все сообщать, и который могъ брать во всемъ относящемся до меня, и какъ въ пріятныхъ, такъ и въ самыхъ непріятныхъ вещахъ и произшествіяхъ живѣйшее и искреннѣйшее соучастіе. А сего съ меня было и довольно: ибо сего только мнѣ холостому и не доставало, сего только я добивался. Сіе я и нашелъ въ моей тещѣ, расположившейся жить всегда неразлучно съ нами и быть въ домѣ моемъ до совершеннаго возраста жены моей полною хозяйкою. А все сіе и помогло мнѣ съ великодушіемъ сносить всѣ примѣчаемые недостатки жены моей, и не такъ тѣмъ огорчаться, какъ бы сталъ тогда, еслибъ не случилось и человѣка, могущаго собою замѣнять оныя. А какъ жизнь ея, по особливому счастію для меня, для жены и самыхъ дѣтей моихъ, продлилась до самаго вечера дней моихъ, и продолжается къ удовольствію нашему и понынѣ; то и была причина быть мнѣ женитьбою своею довольнымъ и благодарить Бога, и мнѣ оставалось только умѣть пользоваться симъ новымъ къ себѣ благодѣяніемъ божескимъ.

Но какъ письмо мое непримѣтно увеличилось, то дозвольте мнѣ оное на семъ мѣстѣ перервать, и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

УПРАЖНЕНІЯ И ѢЗДА ВЪ ТАМБОВЪ.

Письмо 118-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ я помянутымъ образомъ съ женою своею развозилъ визиты и спознакомливался съ ея родными и знакомыми, да и самъ съ нею мало по малу свыкался, не упускалъ я заниматься и деревенскою экономіею, равно какъ и литературою. Ко всему тому хотя я и гораздо уже меньше имѣлъ времени, нежели прежде, когда былъ я холостымъ и сидѣлъ наиболѣе дома; однако, сдѣлавшись и женатымъ, и вошедъ въ обширнѣйшую связь съ множайшими людьми, не отставалъ я никакъ отъ прежнихъ своихъ склонностей и охоты, но посвящалъ имъ всѣ праздные часы и минуты, какія только могъ я отрывать и находить отъ прочихъ моихъ упражненій.

Въ сельскомъ домоводствѣ становился я часъ отъ часу болѣе знающимъ; ибо, съ одной стороны, прилежное читаніе иностранныхъ и всѣхъ экономическихъ книгъ, какія только мнѣ попадались въ руки, и замѣчанія и выписки изъ оныхъ всего того, что могло быть и у насъ употребляемо, — а съ другой стороны самая опытность и дѣйствительное упражненіе во всѣхъ разныхъ частяхъ сельскаго домоводства,—доставляло мнѣ со всякимъ днемъ новыя о вещахъ понятія и побуждали предпринимать къ усовершенствованію онаго разные опыты; а все сіе нечувствительно и вперило въ меня уже и довольную охоту къ экономіи и къ разнымъ частямъ ея.

Но изъ всѣхъ сихъ ни которая не привязывала и не прилѣпляла меня къ себѣ такъ сильно, какъ садоводство. Ибо какъ сады по существу своему давали пищу и уму и сердцу моему, и доставляли мнѣ не только чувственныя и тѣлесныя, но и самыя душевныя удовольствія; то всего болѣе и прилежнѣе занимался я ими и чрезъ самое то сдѣлался нечувствительно къ нимъ охотникомъ.

Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что я не только видѣлъ уже изрядный успѣхъ во всѣхъ своихъ съ садами дѣлахъ и предпріятіяхъ, но начиналъ уже и пользоваться плодами трудовъ своихъ. Всѣ посажденныя мною въ первую осень и послѣдующую затѣмъ весну деревья уже переболѣли, и въ сей годъ на-

чали уже порядочно рость, шпалеры получили уже свой видъ и вошли въ стрижку. Цвѣтники великолѣпствовали уже множествомъ цвѣтовъ. Питомникъ мой наполненъ былъ уже довольнымъ количествомъ маленькихъ всякаго рода плодовитыхъ деревцовъ, ибо я не только всякой годъ сѣялъ почки и сажалъ лѣсные пеньки изъ лѣса и прививалъ къ нимъ прививки, но выдумалъ способъ умножать количество сихъ запасныхъ деревцовъ отдергиваніемъ силою и сажаніемъ на гряды тѣхъ молодыхъ и маленькихъ отрослей, которыя выростаютъ подлѣ пней и главныхъ стволовъ большихъ плодовитыхъ деревъ и кои я назвалъ отрывками. И какъ сихъ отрослей нашелъ я въ садахъ моихъ великое множество, какъ подлѣ яблоней, такъ подлѣ сливъ и вишень, то и насадилъ я ими въ питомникѣ своемъ цѣлыя грядки, и всѣмъ тѣмъ не только занимался съ удовольствіемъ особымъ, но дѣйствительно и веселился; ибо всякая самимъ собою выдуманная и произведенная бездѣлушка меня радовала чрезвычайнымъ образомъ и доставляла мнѣ не одну а многія пріятныя минуты въ жизни.

Но ничто такъ много меня въ сей годъ не увеселяло, какъ новонасажденный садъ мой. Я видѣлъ его уже припявшимся и вступившимъ въ порядочный ростъ свой, а нѣкоторыя деревцы пришли уже съ цвѣтомъ и плодомъ первымъ. Не могу изобразить, какъ много увеселяли меня сіи первые начатки ожидаемаго впредь изобилія плодовъ и съ какимъ удовольствіемъ, и какъ часто хаживалъ я смотрѣть сіи первые плоды, растущіе на новопосажденныхъ деревцахъ. И съ какими пріятными чувствіями испытывалъ я оныя съ обѣими семьянинками своими! По счастію случилось такъ, что были всѣ они хорошихъ вкусовъ и величины довольной. Сіе увеличивало удовольствіе мое болѣе, ибо я, льстясь безсомнѣнною надеждою, что и всѣ таковы же будутъ, не могъ тому довольно нарадоваться и тѣмъ навеселиться.

Но въ осень сего года не удалось мнѣ ничего почти въ садахъ моихъ сдѣлать, или произвесть что-нибудь знаменитое. Случилась мнѣ нечаянная отлучка отъ дома въ даль на довольно долгое время; а она мнѣ въ томъ и помѣшала. И какъ дѣло, подавшее къ отлучкѣ сей поводъ, имѣло по себѣ великія и на всю мою жизнь простиравшіяся послѣдствія; то за нужное нахожу разсказать объ оной въ нѣкоторой подробности.

Какъ новая наша императрица, по вступленіи своемъ на престолъ, принялась не одними словами, но и самымъ дѣломъ за поправленіе всѣхъ недостатковъ и злоупотребленій въ своемъ государствѣ и не упускала изъ вида и вниманія своего ничего, что только могло относиться и служить къ поправленію онаго; то между прочимъ обратила она вниманіе свое и на лѣса и другія земли, принадлежащія казнѣ и находящіяся въ разныхъ мѣстахъ государства.

Они находились въ великомъ небреженіи и многія изъ нихъ захвачены сосѣдственными дворянами во владѣніе, а въ другихъ, что лежали ихъ несмѣтныя тысячи десятинъ впустѣ и никѣмъ и никогда съ самаго начала свѣта еще необработанными; но что и изъ сихъ сосѣдственные дворяне много неправильно захватили въ свое владѣніе. И какъ восхотѣла она и въ семъ пунктѣ и казнѣ пріобрѣсть выгоду и всѣмъ подданнымъ оказать милость и преподать средство къ правильному пріобрѣтенію себѣ помянутыхъ и нужныхъ для нихъ земель и лѣсовъ государственныхъ, чрезъ покупку оныхъ изъ казны, то и повелѣла она для предварительнаго узнанія, гдѣ и гдѣ такія земли и лѣса есть, сколько ихъ и кѣмъ завлаженò, и кому и кому они надобны,—издать строгій указъ, чтобъ всѣ тѣ, кои завладѣли государственными лѣсами и землями, неотмѣнно бы объявили о себѣ въ учрежденную особо и нарочно для того коммиссію о засѣкахъ, съ точнымъ показаніемъ, кто и сколько именно гдѣ завладѣлъ казенными лѣсами и землями, и желаетъ ли кто купить себѣ какъ оныя, такъ и изъ

прочихъ впустѣ лежащихъ казенныхъ земель, и сколько именно.

Сей указъ, по особливости своей и по строгости предписанія произвелъ великое волненіе и колебаніе умовъ во всемъ государствѣ, ибо какъ написано было въ ономъ: «что ежели кто, имѣя у себя въ завладѣніи такія земли, не объявитъ, и послѣ о томъ узнано будетъ, то у таковыхъ описаны будутъ ихъ деревни и половина ихъ взята будетъ въ казну, на государя, а другая отдана будетъ доносителю о утаившемъ, и продажи впредь никогда уже не учинится». А такихъ людей, у коихъ земли и лѣса были въ завладѣніи, находилось въ государствѣ превеликое множество; то всѣ сіи и перетревожились тѣмъ до чрезвычайности.

Къ числу сихъ принадлежали и мы съ дядею, Матвѣемъ Петровичемъ. У обоихъ у насъ находилась лучшая наша степная деревня, лежащая тогда въ Шадскомъ уѣздѣ за Тамбовомъ, точно въ такихъ обстоятельствахъ. Людей у насъ у обоихъ было тамъ довольно, а купленой и крѣпостной земли такъ мало, что и на квасъ оной было недостаточно. У меня было ее по крѣпостямъ только 10 четвертей, а у дяди вовсе ничего не было; въ распашкѣ же у обоихъ насъ было ее довольно. Ибо какъ подлѣ самой нашей тамбовской тамошней деревни находилась какая-то пустая и великаго пространства степь, простиравшаяся въ длину болѣе нежели на 40, а въ ширину около 30 верстъ; то и распахивали наши крестьяне вмѣстѣ со многими и другими степь сію ежегодно, сколько кто былъ въ силахъ, ибо вся она почиталась государственною и никому непринадлежавшею, и какъ къ тому никто изъ насъ не имѣлъ права, то и подходили мы всѣ подъ указъ вышеупомянутый.

Обстоятельство сіе смущало насъ обоихъ съ дядею чрезвычайнымъ образомъ и подавало поводъ ко многимъ и частымъ у насъ съ нимъ о томъ разговорамъ; и какъ оба мы боялись, чтобъ не учиненъ былъ отъ кого-нибудь на насъ доносъ, что мы владѣемъ казенною землею, и чтобъ намъ не потерять чрезъ то своей лучшей деревни; то почитали самою необходимостію то, чтобъ намъ подать о завладѣніи своемъ въ помянутую коммиссію объявленіе. А поелику намъ ни числа сей завладѣнной земли, ни положенія мѣстъ, ни всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ было неизвѣстно, ибо не только я никогда тамъ еще не бывалъ, но и дядѣ моему за отдаленностію никогда еще тамъ бывать не случалось; то для лучшаго узнанія всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ и положили мы съ дядею, не медля нимало, туда на короткое время съѣздить.

Итакъ, собравшись въ сей путь и снабдивъ себя всѣмъ нужнымъ на дорогу, распрощались мы съ своими родными и пустились въ сей дальній путь съ моимъ дядею, и, чтобъ веселѣе намъ было ѣхать, то согласились мы съ нимъ ѣхать въ одной коляскѣ. Путешествіе сіе было для насъ тѣмъ интереснѣе, что вся та страна, куда мы ѣхали, была мнѣ еще совершенно незнакома и наши степи извѣстны мнѣ были до того только по одному имени, а видать ихъ никогда еще не случалось.

Поелику домашнимъ моимъ хотѣлось проводить насъ до своей деревни, села Коростина, и тамъ прожить все то время, покуда мы проѣздимъ, то расположились мы въ сей разъ ѣхать чрезъ Тулу, а не прямою дорогою чрезъ Засѣку. Но какъ въ Тулѣ не имѣли мы никакого дѣла, то въ городѣ семъ мы только что почевали и его почти не видали, ибо по утру рано продолжали свой путь прямѣйшею дорогою на Епифань.

Не успѣли мы переѣхать рѣку Шадъ въ селѣ Куракинѣ, какъ и увидѣлъ я тутъ въ первый разъ степныя наши черныя и толикимъ плодородіемъ одаренныя земли и тѣ, почти окомъ необозрѣваемыя равнины, какими преисполнены наши степные уѣзды. Первый городъ, попавшійся намъ на дорогѣ, былъ Епифань.

Мы, недоѣхавши до оной, заѣзжали напередъ въ свою епифаньскую деревнишку и ночевали въ оной. Сія лежала по сю сторону сего города верстъ за 12, на

рѣчкѣ Люторичѣ, и мы въ ней также никогда еще не бывали. Селеніе сіе нашли мы превеликое, но свое участіе въ ономъ только самое маленькое. У меня было только два двора, а и у дяди столько-жъ. Совсѣмъ тѣмъ, по добротѣ тамошнихъ земель, доставляла она намъ довольно хлѣба.

Переночевавъ въ оной, пріѣхали мы въ помянутый городъ Епифань, который былъ тогда и показался мнѣ маленькимъ и ничего незначущимъ степнымъ городкомъ, нестоющимъ никакого уваженія. Отъ него пробирались мы разными селами и деревнями прямо на Ранибургъ, мѣсту, довольно извѣстному въ нашей исторіи и достопамятному тѣмъ, что принадлежало оно нѣкогда князю Меньшикову и что была тутъ въ старину земляная крѣпость, разбиваемая и закладываемая самимъ великимъ нашимъ государемъ Петромъ Первымъ; въ новѣйшія же времена содержалась въ семъ зȁмкѣ несчастная фамилія герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, Антона Ульриха, подъ арестомъ.

Мнѣ насказано было невѣдомо что о семъ зȁмкѣ; но я нашелъ только маленькую и развалившуюся почти земляную крѣпость и внутри оной нѣсколько каменныхъ, развалившихся и раскрытыхъ зданій наипрекраснѣйшей архиектуры, и подлѣ сего зȁмка, на прекрасномъ положеніи мѣста, построенную нарочитой величины слободу или простое село съ церковью посрединѣ.

Намъ случилось въ семъ мѣстѣ обѣдать, а ночевать довелось въ одномъ глухомъ мѣстѣ посреди лѣса, гдѣ былъ одинъ только прескверный постоялый дворишко, называемый Хоботъ. И какъ мы наслышались, что мѣсто сіе было воровато, то расположились ночевать на лугу, неподалеку отъ двора сего, и тутъ едва-было не лишились всѣхъ своихъ лошадей въ ночь сію. Не успѣла она покрыть насъ своимъ мракомъ, какъ и пожаловали къ намъ воры, и начали-было лошадей нашихъ хватать; но по счастію услышано было то караульщикомъ. Оный встревожилъ и разбудилъ насъ всѣхъ, а сіе и спасло лошадей нашихъ. Воры, испужавшись нашего крика и нашихъ ружей, изъ которыхъ начали мы готовиться по нихъ стрѣлять, оставили насъ и ушли, а мы на другой день и доѣхали благополучно до города Козлова, который былъ почти лучшенькимъ изъ всѣхъ тамошнихъ степныхъ городовъ, но въ сравненіи съ нынѣшнимъ его состояніемъ, ничего тогда еще незначущимъ.

Отъ сего мѣста надлежало намъ своротить въ сторону. Неподалеку отъ сего города, въ правой сторонѣ отъ него находилась одна изъ принадлежащихъ женѣ и тещѣ моей деревень, и мнѣ хотѣлось въ ней побывать и ее видѣть.

Было это превеликое однодворческое село, называемое Ендовищемъ; но жена моя имѣла въ немъ только небольшое участіе, а другою, таковою-жъ частію владѣлъ дядя ея и родной братъ отца ея, Александръ Григорьевичъ Каверинъ. И какъ сей имѣлъ тутъ домъ и настоящее свое жилище, и мнѣ нужно было познакомиться съ столь близкимъ родственникомъ, то и пристали мы у него.

Онъ былъ намъ очень радъ, и неотпустилъ насъ отъ себя во весь послѣдующій день. Я нашелъ его тутъ порядочно живущаго. Домъ у него было изрядной и немалой, и семейство имѣлъ онъ превеликое. Было у него три сына и двѣ дочери. Самъ же онъ былъ женатъ уже на другой женѣ, и не очень еще старой, и имѣлъ достатокъ изрядный. Ласками и благопріятствомъ своимъ привязалъ онъ меня къ себѣ очень, и я не скучалъ бы пробыть у него хотя бы и долѣе, хотя и имѣлъ онъ тотъ скучный характеръ, что всѣмъ на свѣтѣ былъ недоволенъ и на все про все жаловался.

Непреминулъ я также осмотрѣть и жениныхъ крестьянъ и принять ихъ въ свою власть и распоряженіе. Дворовъ и всѣхъ ихъ было немного, и жили они, хотя не богато, однако я деревенькою сею былъ очень доволенъ. Она кормила и поила до сего времени мою тещу и жену и была у нихъ лучшенькою и хлѣбною, а слу-

чилась и мнѣ очень кстати, потому что была на дорогѣ отъ моей шадской или тамбовской деревни, и могла всегда служить перепутьемъ.

Наконецъ, осмотрѣвъ все, что надобно было и познакомившись съ дядею, поѣхали мы далѣе, и, возвратясь опять въ Козловъ, пустились чрезъ ту обширную и окомъ необозрѣваемую равнину, которая лежитъ позадь Козлова, орошается текущею чрезъ ее рѣкою, польнымъ Воронежемъ и простирается до славнаго села, Лысыхъ-горъ и другой рѣки Хмѣлевой. Это была первая степь, которую случилось мнѣ въ жизни видѣть и мы смотрѣли съ особливымъ любопытствомъ какъ на ее, такъ въ особливости на старинный преогромный валъ, который былъ сдѣланъ и насыпанъ въ древности для загражденія имъ россійскихъ предѣловъ отъ набѣговъ татаръ, и который, начинаясь отъ помянутой рѣки, польнаго Воронежа, продолжался до рѣки Цны верстъ на 60 и болѣе, и составлялъ порядочную линію; имѣлъ съ наружной стороны двойной, хотя и не очень глубокій ровъ и кой-гдѣ выпуски, или реданты, а въ иныхъ мѣстахъ—бастіоны.

Городъ Тамбовъ, въ который мы на другой день пріѣхали, показался намъ нарочито изряднымъ степнымъ городомъ, хотя и имѣлъ одну только тогда длинную улицу, но церквей было въ немъ нѣсколько, а лучшее зданіе составлялъ домъ архіерейскій, построенный на самомъ берегѣ рѣки Цны, и довольно великолѣпно и замысловато. Былъ онъ со всѣми своими церквами, оградою и башнями, хотя деревянный, но мы обманулись и сочли его сперва каменнымъ: такъ хорошо онъ былъ сдѣланъ и раскрашенъ.

Подъ симъ городомъ, переѣхавши рѣку Цну, должны мы были проѣзжать славный Ценской лѣсъ, лежавшій при берегахъ рѣки Цны и простиравшійся на нѣсколько сотъ верстъ въ длину, а въ ширину неодинаково, гдѣ на 20, гдѣ на 30, и болѣе и менѣе верстъ. И какъ онъ весь состоялъ изъ строельнаго сосноваго старинняго лѣса, то и составлялъ тогда сущее сокровище государственное, и былъ тогда хоть и рѣдокъ, но въ состояніи еще довольно хорошемъ. Мы ѣхали чрезъ сей боръ почти цѣлыя сутки, ибо какъ почва подъ нимъ была песчаная и притомъ неровная; то принуждены будучи переѣзжать съ одного песчанаго холма на другой, не ѣхали, а тащились по пескамъ глубокимъ, и насилу къ ночи доѣхали до села Разсказъ, находившагося за симъ лѣсомъ и подлѣ самаго онаго.

Ночевавши въ семъ славномъ въ тамошнихъ окрестностяхъ селѣ, пустились мы опять чрезъ преужасную, и самую уже ту окомъ необозрѣваемую и ковыломъ поросшую степь, которая прикасалась однимъ бокомъ къ тамошней нашей деревнѣ и впослѣдствіи времени сдѣлавшеюся очень славною и достопамятною. Почти цѣлыя сутки принуждены мы были также чрезъ ее за дурнотою узкихъ степныхъ дорогъ ѣхать, и не прежде въ деревню свою пріѣхали, какъ уже передъ вечеромъ.

Мы нашли ее прямо степною деревнишкою, составленною не изъ дворовъ, а изъ хибарокъ, утопшею въ навозѣ и на половину раскрытою, и имѣли великій трудъ приискать себѣ гдѣ-нибудь получше крестьянскую избенку, гдѣ бы намъ пристать было можно. Во всемъ селеніи не было ни одной порядочной, а на господскихъ нашихъ дворахъ того меньше. Тутъ находились такія лачужки, въ которыя не входить, а влѣзать надлежало. Словомъ, вся деревня сія была у насъ хотя наилучшенькая, но за отдаленностію въ превеликомъ до того небреженіи и требовала во всѣхъ частяхъ великаго себѣ поправленія. Но какъ мы тогда не за тѣмъ туда пріѣхали, а только для узнанія о степи и жить тамъ долго совсѣмъ не имѣли надобности; то и расположились мы въ одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ, и на другой же день приступили къ своему дѣлу.

Мы сѣли верхами на лошадей и съ наилучшими и разумнѣйшими изъ крестьянъ поѣхали осматривать нашу степь. Ѣздили почти цѣлый день, объѣздили

множество мѣстъ, утомили глаза свои смотрѣніемъ на необозримую ровную степь, усѣянную только безчисленнымъ множествомъ стоговъ сѣна, и не нашли и не узнали ничего, кромѣ только того, что видѣли повсюду степь, поросшую ковыломъ и съ начала свѣта никѣмъ еще не паханную и не обработанную. А косили только на ней траву пріѣзжающіе изъ разныхъ мѣстъ и самыхъ отдаленныхъ селеній разные люди, безъ всякаго права и дѣлежа, но гдѣ кому прежде захватить и округу себѣ окосить случалось.

Желаніе наше было узнать, покуда и до которыхъ собственно мѣстъ простиралась дачная земля той округи, въ которой деревня наша имѣла свое поселеніе, и съ которыхъ собственно мѣстъ начиналась самая степь, которую, какъ не состоящую ни у кого во владѣніи, не могли мы инако почитать, какъ казенною или государственною. Но самаго сего никто изъ всѣхъ нашихъ тамошнихъ крестьянъ не зналъ и намъ показать былъ не въ состояніи.

Мы старались разспрашивать о томъ у нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ сосѣдей; но и тѣ столько же знали, сколько и мы и наши крестьяне. А всѣ только твердили, что степь эта государева, и что большая часть нашихъ распашныхъ земель распахана изъ оной; но до котораго мѣста простиралась наша дачная земля, того никто изъ всѣхъ нашихъ сосѣдей, съ которыми намъ удавалось видѣться, не зналъ и указать намъ не могъ. Къ вящему неудовольствію нашему и сосѣдей сихъ случилось быть тогда въ домахъ очень мало, а потому хорошенько и разспросить о томъ было не у кого.

Въ сей неизвѣстности будучи, долго не знали мы и не могли сами съ собою согласиться въ томъ, что намъ дѣлать и какъ показать лучше. Но какъ при всемъ томъ то было всего достовѣрнѣе, что у насъ земли находилось вдесятеро больше, нежели сколько слѣдовало намъ по крѣпостямъ, и вся оная распахана вмѣстѣ и черезполосно съ сосѣдями нашими изъ оной степи; то и рѣшились мы съ дядею показать на обумъ, что завладѣли мы изъ сей государственной земли—я сто, а дядя 75 десятинъ и что желаемъ купить не только ее, но и сверхъ того, чтобъ намъ продано было — мнѣ 500, а дядѣ 300 десятинъ. А чтобъ продажа сія могла произведена быть сколько-нибудь для насъ выгоднѣе, то по особливому счастію вздумалось намъ въ показаніи нашемъ и приурочить тѣ мѣста, гдѣ мы болѣе завладѣли и гдѣ себѣ купить желаемъ. И какъ противъ самаго нашего жила случился простирающійся далеко въ степь превеликій и длинный буеракъ, съ отрогами, извѣстные подъ именами—ближняго, средняго и дальняго Ложечнаго и Голой Яруги; то свое завладѣніе и приурочилъ я сими буераками, а дядя такимъ же образомъ приурочилъ свое завладѣніе Крестовою Яругою, которую почелъ онъ для себя выгоднѣйшею.

Сіе приурочиваніе, учиненное почти не нарочнымъ образомъ, послужило намъ потомъ въ превеликую пользу и доставило намъ великое преимущество предъ другими сосѣдями, которые въ показаніяхъ своихъ о завладѣнныхъ ими земляхъ сего не сдѣлали; а безъ всякаго приурочиванія, упоминали только глухо, что они завладѣли столько и желаютъ купить себѣ столько-то десятинъ. А что того хуже, то, жадничая захватить какъ можно болѣе земли и льстясь надеждою, что продаваться она будетъ очень дешево, и не дороже, какъ по гривнѣ за десятину, показывали несравненно множайшее число въ завладѣніи, нежели сколько они дѣйствительно завладѣли, а для покупки еще того множайшее количество, такъ что иные доходили даже до безстыдства и показывали въ завладѣніи у себя до нѣсколько тысячъ десятинъ, и тѣмъ не только все дѣло испортили, но и себя запутали въ такія сѣти, изъ которыхъ послѣ не знали, какъ и выдраться.

Что касается до насъ, то мы, не будучи къ неправильнымъ пріобрѣтеніямъ такъ жадны какъ они, и положивъ съ самаго начала иттить прямою дорогою и

ничего на себя не наклепывать и ничего не утаивать, показали почти дѣйствительно столько, сколько было у насъ въ завладѣніи, и положивъ сіе на мѣрѣ, и пустились съ дядею въ обратный путь въ свои домы.

Насъ провели въ сей разъ до Тамбова иною уже дорогою, а именно чрезъ село Коптево и Кузменки, и избавили чрезъ то отъ песковъ сыпучихъ за селомъ Разсказами. Изъ Козлова же разсудили мы заѣхать опять въ Ендовище, къ дядѣ жены моей. Но какъ онъ въ самое то время находился въ жениной деревнѣ, селѣ Яркахъ, верстъ за 30 оттуда; то желая съ нимъ видѣться и о земляхъ стенныхъ посовѣтовать, расположились мы ѣхать къ нему туда, и были имъ угощены тамъ еще болѣе нежели въ прежнемъ домѣ. Оба они съ женою его, Лукерьею Яковлевною, были намъ очень рады и продержали насъ у себя болѣе сутокъ.

Совсѣмъ тѣмъ сей заѣздъ сдѣлалъ намъ во всемъ нашемъ обратномъ путешествіи великую разстройку; ибо какъ мы чрезъ то нарочито уже удалились отъ города Козлова, то и не совѣтовали намъ въ него возвращаться обратно, а предлагали другую и прямѣйшую дорогу въ Епифань черезъ городокъ Доброй. И хотя сія дорога была намъ вовсе незнакома; однако мы дали себя уговорить избрать оную, и переправившись подъ селомъ Яркомъ черезъ рѣку Воронежъ, пустились къ Доброму. Но вѣдали бы, лучше сей кратчайшій путь себѣ не избирали, ибо былъ онъ намъ не только безпокойнѣе и затруднительнѣе, но и убыточнѣе.

Сперва будучи принуждены пробираться сквозь превеликій, густой, обширный боръ и ѣхать въ одномъ мѣстѣ болѣе версты по узкой, глубокой и водою наполненной дорогѣ и изломали-было всю свою коляску, а пріѣхавъ въ городъ Данковъ и переѣзжая тутъ рѣку Донъ по высокому, но самому скверному узкому плетневому мосту, не только лишились одной изъ своихъ лошадей, но и сами настращались притомъ до чрезвычайности.

Лошадь сія была припряжная и на самой почти серединѣ рѣки провалилась ногами сквозь мостъ, и начавъ биться, свалилась съ моста и повисла такъ, что чуть-было не стащила совсѣмъ за собою и коляску съ нами, и мы дѣйствительно полетѣли-бъ прямо въ Донъ, еслибъ не спасла насъ расторопность кучера, который, увидя такую очевидную опасность, восхотѣлъ лучше пожертвовать лошадью, нежели насъ подвергнуть бѣдствію, и для того, выхвативъ ножъ, перерѣзалъ постромки у свалившейся лошади и далъ ей упасть совсѣмъ подъ мостъ и ушибиться хотя до смерти, но насъ оставить съ покоемъ на мосту.

Не могу и понынѣ забыть, какъ сильно я тогда испужался и какъ досадовалъ самъ на себя, что послушался дяди и не вышелъ вонъ изъ коляски прежде еще въѣзда на мостъ: ибо на мосту, по узкости онаго, учинить сего было не можно,— и какъ, наконецъ, обрадовался и благодарилъ Бога, когда свезли насъ кое-какъ уже съ моста и я себя на противномъ берегѣ рѣки увидѣлъ. Но не меньше моего настращался и самъ мой дядя, и заклялся впредь чрезъ сей городишко никогда не ѣздить, такъ чувствительна была ему потеря его лошади, ибо она случилась не моя, а ему принадлежавшая.

Изъ сего степного и въ самомъ дѣлѣ пакостнаго и ничего незначущаго городка, пробрались мы прямо въ епифаньскую нашу деревню, а изъ сей въ Тулу. Изъ Тулы уговорилъ я дядю заѣхать въ женину деревню, гдѣ я узналъ, что найдемъ обѣихъ моихъ боярынь, и старшую и молодую.

Какъ я въ ѣздѣ сей препроводилъ болѣе мѣсяца, то возвращеніе въ домъ и свиданіе съ молодою моею женою было мнѣ въ особливости пріятно, и я съ неизъяснимымъ удовольствіемъ ѣхалъ во всю дорогу изъ Тулы до села Коростина, или паче началъ уже веселиться будущимъ свиданьемъ еще и до самаго пріѣзда въ Тулу. Обѣ семьянинки мои, которыхъ мы нашли здоровыми, были возвращеніемъ нашимъ очень обрадованы и старались угостить спутника моего у себя

какъ можно лучше. На другой день поѣхали мы всѣ уже вмѣстѣ въ Дворяниново, гдѣ не мѣшкавъ ничего, и отправили мы объявленіе свое въ коммиссію о засѣкахъ.

Въ Дворяниновѣ нашелъ я у себя домъ уже гораздо просторнѣйшій и спокойнѣйшій передъ прежнимъ. Внутреннее расположеніе комнатъ было въ немъ опять передѣлано, и употреблено къ тому время моего отсутствія. Сіе было ему уже третье, и послѣднее превращеніе, и поводъ къ тому подало то обстоятельство, что у насъ не было ни переднихъ сѣней, ни теплаго зала, и безъ нихъ боялись мы, чтобъ намъ зимою не зябнуть. Къ томужъ и не было у насъ ни одной большой комнаты, гдѣ-бъ можно было намъ съ гостьми обѣдать. Въ бывшей до того залѣ хоть бы и сложить печь, но какъ она имѣла стеклянныя двери прямо на дворъ, то и мудрено-бъ было ее нагрѣвать.

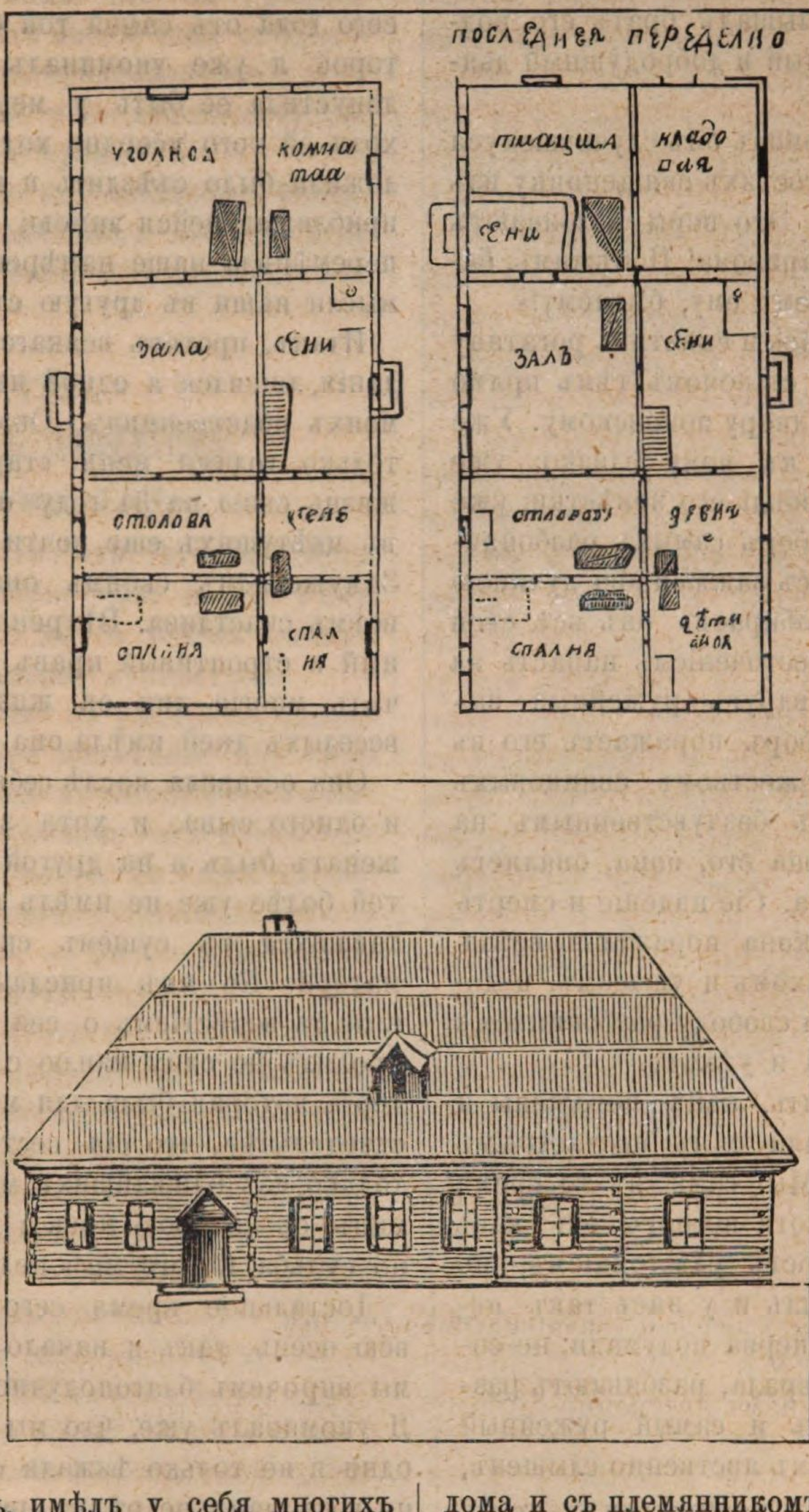
Итакъ, хотя мнѣ и стоило труда придумать средство, чѣмъ бы тому всему пособить было можно; однако я выдумалъ, и оное состояло въ томъ, что я въ залѣ велѣлъ скласть печь, а стеклянныя на дворъ двери опять задѣлать и превратить по прежнему въ окошко, сдѣлавъ только оное и оба другія побольше противъ прежняго. Чрезъ сіе и получилъ я залу теплую и соединенную съ прочими покоями тѣснѣе; а для входа въ нее изъ сѣней заднихъ прорубили дверь. Для переднихъ же сѣней отдѣлилъ я часть прежней нашей угловой и жилой комнаты и, отгородивъ оныя толстыми досками, превратилъ я самое то окно, подъ которымъ нѣкогда висѣла моя колыбель, въ надворную дверь. Изъ достальной же части сей старинной комнаты сдѣлали мы ткацкую, а комнатку превратили въ кладовую. А чрезъ все то и получили всѣ надобности, и были у насъ—переднія сѣни, зала, гостиная, спальня моя, спальня матушкина и дѣвичья, и недоставало одного только кабинета для меня и дѣтской комнаты. Но сихъ послѣднихъ у меня еще не было, а кабинетомъ служила мнѣ, по нуждѣ, уже самая гостиная комната. Тутъ были у меня книги и тутъ я писывалъ и работалъ. Словомъ, чрезъ сіе превращеніе нажили мы себѣ покой, и могли уже безъ нужды въ хоромахъ своихъ жить, покуда построили себѣ новыя и просторнѣйшія. А чтобъ потомки мои могли видѣть, какъ расположенъ былъ у меня домъ и прежде и послѣ сего послѣдняго превращенія, то приобщилъ я для любопытства имъ при семъ планы.

Всю сію передѣлку распорядилъ и велѣлъ я сдѣлать безъ себя, почему и нашелъ я ее уже готовою и мнѣ оставалось только вновь комнаты оправить и поприбрать, и всѣмъ тѣмъ поспѣшить, чтобъ можно было мнѣ въ приближающійся день имянинъ моихъ дать пиръ всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ и накормить ихъ въ новомъ своемъ и тепломъ уже залѣ. И какъ меня посѣтили въ сей день новые мои родные и знакомцы, а приглашены были и старые, также и всѣ ближніе сосѣди; то и былъ у меня въ сей день праздникъ, уже несравненно знаменитѣйшій и лучшій, нежели во всѣ предслѣдующія предъ тѣмъ годы, ибо были у меня въ сіе время уже хозяйки и во всемъ могъ наблюдаемъ быть уже лучшій порядокъ.

Симъ образомъ окончилъ я свой двадцать шестой годъ жизни, и въ двадцать седьмой годъ вступилъ уже мужемъ женатымъ и въ перемѣнившемся уже совсѣмъ образѣ и родѣ жизни. Домъ мой сдѣлался уже не таковъ, какъ былъ прежде, но оживотворялся всякой день множайшими людьми, а окончилось и самое прежнее мое уединеніе. Ко мнѣ начали уже пріѣзжать чаще и множайшія гости, а и мы также не рѣдко ѣзжали по гостямъ, ибо было къ кому ѣздить и кого у себя угощать. Кромѣ всего того живали у насъ всегда какія-нибудь знакомыя дѣвушки для компаніи женѣ моей и помогали намъ препровождать время, и мы были всегда съ людьми и такъ, что я почти не помню, когда бы мы за столъ садились только трое, а всегда у насъ бывалъ кто-нибудь; а сіе и придавало дому моему много живности.

Вскорѣ послѣ именинъ моихъ и въ томъ же еще октябрѣ мѣсяцѣ перетревожены мы были однимъ рѣдкимъ и несчастнымъ произшествіемъ, случившимся у насъ на погостѣ. Какъ приходскій нашъ попъ и много разъ упоминаемый мною, отецъ Иларіонъ, имѣлъ у себя многихъ злодѣевъ, а сверхъ того и славился богатствомъ, котораго въ самомъ дѣлѣ ни мало не имѣлъ; то и собралась цѣлая ватага изъ его враговъ и вздумала подъ видомъ разбойниковъ разгромить домъ его ночнымъ временемъ, и самого его замучить и убить до смерти.

Злодѣйская партія сія и вломилась дѣйствительно въ домъ его подъ 24-е число сего мѣсяца. Но по особливому счастію отца Иларіона не случилось тогда быть дома и съ племянникомъ его усыновленнымъ, а была дома одна только жена сего племянника его и наслѣдника. И сія бѣдная принуждена была претерпѣть отъ нихъ сущее страданіе. Ее измучили и изувѣчили сіи бездѣльники, допытываясь

денегъ, но которыхъ вовсе въ домѣ не было. Одной женщинѣ удалось какъ-то выскочить изъ избы и вскарабкавшись на кровлю, закричать: «разбой! разбой!» И какъ случилось сіе съ вечера и не очень поздно, такъ что всѣ еще не спали; то несчастіе восхотѣло, чтобъ крикъ сей прежде всѣхъ услышалъ братъ его родной, нашъ любезный и добродушный дьяконъ.

— «Ахти!» возопилъ онъ случившемуся у него тогда въ гостяхъ священнику изъ села Савинскаго. Это воры разбиваютъ конечно брата Ларивона! Побѣжимъ, батюшка, и поможемъ ему, бѣдному!»

И вмигъ одѣвшись и схвативъ рогатину побѣжалъ вмѣстѣ съ попомъ тѣмъ прямо чрезъ огородъ къ двору поповскому. Уже подбѣгаютъ они къ нему близко; уже слышатъ визгъ и вопль его невѣстки; уже видятъ сквозь заборъ самыхъ разбойниковъ, бѣгавшихъ съ зажженною лучиною по двору; уже собираетъ онъ всѣ свои силы, дабы съ ожесточеніемъ напасть на злодѣевъ: какъ вдругъ ружейный выстрѣлъ сквозь заборъ поражаетъ его въ самую грудь множествомъ свинцовыхъ пуль и повергаетъ безчувственнымъ на землю, а у товарища его, попа, опаляетъ лицо отъ выстрѣла. Сіе паденіе и смерть добродушнаго дьякона поражаетъ всѣхъ собравшихся страхомъ и ужасомъ, и доставляетъ время и свободу разбойникамъ сскочить со двора и уѣхать.

Нельзя изобразить, какъ поражены и перепуганы мы были симъ несчастнымъ произшествіемъ. Мы сами въ то время еще не спали; и хотя погостъ отъ насъ и болѣе двухъ верстъ разстояніемъ, но крикъ слышенъ былъ и у насъ такъ явственно, что мы сперва подумали, не содѣда ли моего, генерала, разбиваютъ разбойники. Наконецъ и самый ружейный выстрѣлъ былъ намъ явственно слышенъ, но намъ и въ мысль не приходило, чтобъ оный былъ такъ пагубенъ нашему дьякону, котораго всѣмъ намъ было жаль до безконечности, ибо онъ былъ всѣми нами очень любимъ за его добросердечіе.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ сего печальнаго произшествія получили мы извѣстіе и о другомъ такомъ же, но болѣе до меня касающемся печальномъ произшествіи, а именно: что Всемогущему угодно было прекратить дни меньшой моей сестры Марѳы Тимоѳеевны Травиной. Она скончалась 18-го ноября сего года отъ самой той болѣзни, о которой я уже упоминалъ, и которая не допустила ее быть у меня на свадьбѣ, хотя ей того усердно хотѣлось. Мы положили-было съѣздить и побывать у ней приближающейся зимою; но кончина ея перемѣнила наше намѣреніе и обратила мысли наши въ другую сторону.

Итакъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, лишился я одной изъ ближайшихъ моихъ родственницъ. Она была осьмью только годами меня старѣе и кончила жизнь свою на 34 году отъ рожденія и въ цвѣтущихъ еще почти своихъ лѣтахъ. Замужствомъ своимъ она была не совсѣмъ счастлива. Вѣтренный, непостоянный и строптивый нравъ ея мужа огорчалъ многіе дни ея жизни желчію, и веселыхъ дней имѣла она мало въ жизни.

Она оставила послѣ себя трехъ дочерей и одного сына, и хотя зять мой послѣ женатъ былъ и на другой женѣ, но дѣтей болѣе уже не имѣлъ кромѣ сихъ оставшихся въ сущемъ сиротствѣ послѣ матери. Ко мнѣ присланъ былъ нарочный съ извѣстіемъ о сей кончинѣ, и я пролилъ не одну каплю слезъ о сей потерѣ, которая была для меня тѣмъ чувствительнѣе, что сія сестра была одна только изъ ближайшихъ моихъ родственницъ, съ которою могъ я видаться чаще; но судьба и того мнѣ недозволила.

Достальное время сего года и какъ всю осень, такъ и начало зимы провели мы впрочемъ благополучно и безъ скуки. Я упоминалъ уже, что мы рѣдко бывали одни и не только ѣзжали сами кое-куда, но и къ намъ не рѣдко пріѣзжали гости. Всего же чаще видались мы и бывали вмѣстѣ съ теткою жены моей, госпожею Арцыбашевою и не только живали у ней, но и она у насъ не рѣдко гащивала по нѣскольку дней сряду. И какъ была она

боярыня умная и любила всѣхъ насъ безпритворно, то никогда намъ съ нею было не скучно; а что всего для меня пріятнѣе было, то и она столь же охотно, какъ и теща моя, слушивала меня читающаго имъ какія-нибудь пріятныя книги, и я могъ съ обѣими ими съ удовольствіемъ провождать многіе часы въ пріятныхъ разговорахъ, приправляемыхъ шутками и издѣвками, и съ пріятностію дѣлить съ ними свое время.

Но какъ письмо мое слишкомъ увеличилось, то съ окончаніемъ исторіи 1764 года окончу я и оное, и скажу вамъ, что я есмь и прочее.

1765.

ѢЗДА ВЪ ЦИВИЛЬСКЪ.

Письмо 119-е.

Любезный пріятель! Начало 1765-го года было въ исторіи моей жизни тѣмъ достопамятно, что мы съ онымъ начали собираться въ дальнее путешествіе.

Я упоминалъ уже въ предслѣдующемъ письмѣ, что сперва намѣреніе мое было съѣздить сею зимою къ сестрѣ моей въ Кашинъ, но какъ нечаянная ея кончина намѣреніе сіе уничтожила; то стали мы помышлять о направленіи путешествія своего въ другую сторону—и либо во Псковъ къ старшей сестрѣ моей Прасковьѣ Тимоѳеевнѣ, либо на Низъ въ предѣлы древняго Казанскаго царства, гдѣ находился тогда одинъ знаменитѣйшій и ближній родственникъ жены моей, а именно родной ея дѣдъ и отецъ тещи моей, Аврамъ Семеновичъ Арцыбышевъ.

Сей, сѣдинами покрытый и уже жизнь свою оканчивающій, почтенный старецъ жилъ въ одномъ изъ тамошнихъ низовыхъ городковъ, Цивильскѣ, и владѣлъ деревнями второй жены своей, съ которою имѣлъ онъ у себя многихъ и взрослыхъ дѣтей. Теща же моя и умершій братъ ея, а мужъ Матрены Васильевны, были отъ первой его жены, умершей въ молодыхъ еще лѣтахъ.

Съ симъ-то старичкомъ хотѣлось намъ видѣться, и тѣмъ паче, что теща моя имѣла къ нему безпредѣльное почтеніе, котораго онъ былъ и достоинъ, и ѣзжала къ нему на Низъ почти ежегодно для свиданія, какъ съ нимъ, такъ и съ родною его сестрою, такою-жъ старушкою, каковъ былъ онъ самъ, и которая, по смерти второй жены его, жила съ нимъ вмѣстѣ и управляла его домомъ вмѣсто хозяйки и тещу мою, оставшую отъ матери въ младенчествѣ, воспитывала вмѣсто матери, и потому была въ особливости ею любима.

Къ воспріятію путешествія сего на Низъ въ сію зиму побуждала насъ наиболѣе престарѣлость сего толь близкаго родственника, а того паче собственное его и усердное желаніе насъ видѣть и меня узнать лично прежде своей кончины, ожидаемой имъ ежегодно. Въ женидьбѣ моей имѣлъ и онъ нѣкоторое соучастіе и теща моя никакъ бы не рѣшилась выдать за меня дочь свою въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, еслибъ не получила дозволенія на то отъ сего почтеннаго старца, совѣтовавшаго ей нимало не раздумывать, а приступать скорѣе къ дѣлу, почему имѣлъ я и самый долгъ побывать у него и принесть ему, за все его доброе обо мнѣ мнѣніе, свою благодарность; а глубокая его старость побудила насъ и поспѣшить сею ѣздою и предпріять ее въ самую сію зиму. Ѣзду же во Псковъ, къ сестрѣ моей—отложить до зимы предбудущей.

Съ нами вмѣстѣ расположилась съѣздить туда къ нему и помянутая тетка жены моей, а его невѣстка, Матрена Васильевна Арцыбышева. Какъ мужъ ея и старшій изъ всѣхъ его сыновей, Андрей Аврамовичъ съ небольшимъ только за годъ до того умеръ и онъ не видалъ еще послѣ смерти его и ее и дѣтей ея, а своихъ внучатъ; то и хотѣлось ей къ нему съѣздить и показать ему сихъ птенцовъ, оставшихся послѣ отца еще въ сущемъ младенчествѣ; а мы сотовариществу ея были и рады.

Какъ путешествіе сіе было не близкое и надлежало намъ препроводить въ ономъ почти всю зиму или по крайней мѣрѣ

мѣсяца два, то начали мы готовиться къ тому еще съ начала зимы; а не успѣлъ установиться путь и наступить 1765-й годъ, какъ, дождавшись рожественскаго мясоѣда и препроводивъ святки у себя въ домѣ, на третій день послѣ Крещенья и пустились мы въ сей вояжъ дальній.

Поелику путь нашъ лежалъ чрезъ Москву, то, пріѣхавъ въ оную, не преминули мы запастись всѣмъ нужнымъ на дорогу, а сверхъ того—побывать у обоихъ дядьевъ моихъ—Матвѣя Петровича, пріѣхавшаго въ нее давно для обыкновеннаго зимованья въ оной, и Тараса Ивановича Арсеньева, который меня женатаго еще не и видалъ и былъ посѣщеніемъ моимъ и показаніемъ ему жены моей очень доволенъ.

Препроводивъ нѣсколько дней въ семъ столичномъ городѣ, въ которомъ былъ я тогда уже пятый разъ по пріѣздѣ въ отставку, не стали мы долѣе медлить, а пустились въ свой путь далѣе по дорогѣ володимірской; и какъ мы ѣхали компаніею и было съ нами много людей и четыре повозки, а притомъ не имѣли никакой нужды надмѣру ѣздою своею спѣшить; то ѣхать намъ было не только не скучно, но такъ еще весело, что я и понынѣ еще не могу позабыть сего путешествія, и возвращаясь мыслями и воображеніями своими въ тогдашнія времена, нерѣдко и нынѣ еще утѣшаюсь пріятностями онаго и напоминаніемъ того, что насъ тогда въ особливости веселило.

Сіи удовольствія происходили отъ разныхъ причинъ и обстоятельствъ. Во-первыхъ: ѣхать намъ было очень хорошо и покойно. Мы не преминули снабдить себя теплыми и покойными зимними возками. Въ одномъ изъ нихъ ѣхалъ я съ женою, въ другомъ наши вдовушки съ старшею дѣвочкою тетки Матрены Васильевны, въ третьемъ—меньшія ея дѣти съ женщинами, а четвертая повозка была съ поваромъ и ея сбруею и харчемъ, и мы ѣхали такъ тепло, что во всю дорогу не видали нужды.

Во-вторыхъ: дороги во все путешествіе были большія и многолюдныя, и къ особливому нашему удовольствію, еще и гладкія и неизрытыя такими ухабами, какъ бываетъ то съ тульскою дорогою, по которой ѣдучи, не бываешь иногда ни единой минуты спокойнымъ и сердце устаетъ даже отъ безпрерывнаго зампранія. А къ вящему удовольствію нашему и погоды случились спокойныя и самыя лучшія зимнія и такія, которыя называлъ я умными, то-есть не слишкомъ холодныя и не слишкомъ теплыя, и тихія.

Въ-третьихъ: квартиры находили мы себѣ всегда спокойныя, теплыя и добрыя и не нуждались ими во всю дорогу. И какъ становились мы всегда вмѣстѣ и на одной квартирѣ, то на всякомъ ночлегѣ былъ у насъ власно какъ нѣкакій пиръ. Тотчасъ заводились тутъ у насъ чаи и кофеи, а потомъ обѣды и ужины. И какъ тетка моя была въ особливости веселаго нрава и у меня безпрерывно были съ нею шутки и издѣвки; то не успѣемъ бывало пріѣхать на квартиру, какъ и начнутся у насъ смѣхи и хохотанья; а потомъ примемся либо играть въ карты, либо въ тавлеи, либо читать что-нибудь, ибо я не преминулъ и на дорогу запастись книгами, и я читывалъ ихъ не только на квартирахъ, но и дорогою, лежучи въ возкѣ своемъ.

Въ-четвертыхъ: въ пропитаніи своемъ и въ пищѣ не имѣли мы ни малѣйшей нужды, ибо не только ѣхали чрезъ такія мѣста, гдѣ все нужное доставать было можно, но не преминули и изъ домовъ своихъ запастись всею нужною для дороги провизіею. А чтобъ меньше имѣть хлопотъ съ вареньемъ и приуготовленьемъ себѣ ужиновъ и обѣдовъ, то наварили однажды себѣ добрыхъ вкусныхъ и хорошихъ щей и наморозили ихъ цѣлую кадочку. А такимъ же образомъ запаслись мы многими начиненными, свареными и замороженымн желудками и сливками. Итакъ, всякій разъ по пріѣздѣ на квартиру нужно только было нарубить изъ кадочки нѣсколько щей и въ горшкѣ или въ кастрюлѣ растаять и разогрѣть, а желудокъ для того-жъ

положить въ хозяйскіе щи,—какъ и получали мы уже вкусныя и сытныя два блюда, умалчивая о прочихъ, какъ-то: о жареныхъ, ветчинѣ, окрошкахъ, хлѣбенномъ и лакомствахъ, чѣмъ всѣмъ запаслись мы съ избыткомъ заблаговременно. Словомъ, дорога сія была намъ тогда такъ сытна, что я не помню, когда-бъ въ иное время я такъ много и сытно ѣдалъ, какъ въ тогдашнее.

Наконецъ: въ-пятыхъ, и что всего для меня было пріятнѣе, то на всякой верстѣ встрѣчались съ зрѣніемъ моимъ новые и до того невиданные еще предметы. Въ странѣ сей никогда еще мнѣ до того бывать не случалось, и потому всѣ мѣста были для меня новы и совсѣмъ незнакомы. И какъ нерѣдко встрѣчались съ нами мѣстоположенія наипрекраснѣйшія, то я, какъ любитель красотъ натуры, не могъ на нихъ иногда довольно насмотрѣться и ими налюбоваться.

Мы ѣхали тогда чрезъ старинные и славные въ исторіи нашей города—Володиміръ и Муромъ, также славную слободу Вязники и городокъ Гороховецъ, которые всѣ не имѣли никакого сравненія съ нашими бѣдными степными городами и были нхъ во всемъ лучше. А переѣхавъ подлѣ славнаго и огромнаго села Избылецъ рѣку Оку и оставивъ Нижній Новгородъ въ лѣвѣ, спустились мы на славную нашу рѣку Волгу и ѣхали оною мимо Василя-Сурска и Кузьмодемьянска до самаго знаменитаго города Чебоксара, а отъ сего мѣста повернули уже въ право, и поѣхали въ Цивильскъ.

Всѣ помянутыя мѣста и города привлекали на себя мое вниманіе и на многія изъ нихъ не могъ я довольно насмотрѣться. Но нигдѣ не имѣлъ я столько удовольствія, какъ во время ѣзды самою Волгою. Тутъ величественные и прямо пышные и великолѣпные ея нагорные берега, представляя собою всякую минуту новые перемѣнные и другъ предъ другомъ красивѣйшіе предметы, увеселяли несказанно весь мой духъ и очаровывали собою зрѣніе.

Я смотрѣлъ и не уставалъ ежеминутно смотрѣть на страшные утесы и скалы сихъ превысокихъ и крутыхъ береговъ ея, дивился и не могъ надивиться никогда разнообразности сихъ громадъ, составленныхъ изъ камней и глинъ разноцвѣтныхъ и увѣнчанныхъ вверху, а не рѣдко и при подошвахъ своихъ деревьями родовъ различныхъ.

Во многихъ мѣстахъ были они самыя огромныя, прежившія уже многіе вѣка и не столько растущія, какъ отъ престарѣлости уже висящія надъ безднами и пропастьми ужасными. Въ другихъ казались еще молодыми и придающими собою берегамъ симъ особливую красу и великолѣпіе. Индѣ увѣнчивали они собою самые верхи сихъ исполиновъ ужасныхъ, индѣ украшали уступы сихъ береговъ красивыхъ, а иныя, покрывая собою самые низы и острова прибрежные, носили на себѣ признаки насилія, дѣлаемаго имъ льдами; въ каждую весну и половодь многія изъ нихъ заливаются и покрываются совсѣмъ полою водою и у многихъ остаются однѣ только верхушки, водою непонятыя.

Ко всѣмъ симъ разнообразнымъ зрѣлищамъ присовокуплялись и другія, еще того пріятнѣйшія. Всѣ берега сіи усѣяны были множествомъ большихъ и малыхъ селеній, придающими имъ не только живость, но и вящее великолѣпіе. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ село Лысково и Работки были такъ велики, что походили на города самые, и какъ множество церквей съ ихъ колокольнями, такъ и цѣлые почти лѣса изъ раскрашенныхъ мачтъ струговыхъ, придавали имъ еще болѣе красы. Во всѣхъ сихъ большихъ селахъ мы останавливались и либо обѣдывали, либо ночевали на прекрасныхъ и спокойныхъ квартирахъ и не имѣли нигдѣ во все продолженіе путешествія сего ни малѣйшей остановки и огорченія.

Наконецъ, 23-го генваря доѣхали мы до того мѣста, куда ѣхали. Маленькій то былъ, но изрядный низовый городокъ, составленный изъ нѣсколькихъ каменныхъ и изрядныхъ церквей и множества деревянныхъ небольшихъ домиковъ, въ числѣ которыхъ было и довольно изряд-

ныхъ. Но домъ дѣда жены моей отличался отъ всѣхъ, какъ величиною своею, такъ и всѣмъ прочимъ, потому что онъ былъ дворянскій, а не купеческій, какъ прочіе.

Мы нашли старика и старушку, сестру, его насъ ни мало не ожидавшихъ и потому болѣе пріѣзду нашему обрадовавшихся. Оба они не могли насмотрѣться на насъ и не знали гдѣ насъ посадить и какъ угостить лучше. Старикъ былъ хотя при самомъ позднемъ вечерѣ дней своихъ, но довольно еще въ силахъ и довольно бодръ, и не успѣлъ меня увидѣть, какъ и полюбилъ уже Это счастіе имѣлъ я во всю жизнь мою, что меня всѣ старики отмѣнно любливали. Но не менѣе полюбилъ и я его и съ самой первой минуты получилъ къ нему почтеніе, котораго онъ какъ по разуму, такъ и по добродушію и благопріятству своему былъ и достоинъ. Онъ былъ старинныхъ службъ, служилъ въ пѣхотномъ Ингерманландскомъ полку и находился уже давно въ отставкѣ сперва маіоромъ, а потомъ, по случаю, что былъ въ Саратовѣ у дѣла, надворнымъ совѣтникомъ.

Изъ всѣхъ многихъ дѣтей его не было тогда при немъ никого. Старшій изъ сыновей, называвшійся Васильемъ и дослужившійся уже до полковничьяго чина, находился тогда въ службѣ, а жена его жила за нѣсколько сотъ верстъ отъ него за рѣкою Волгою въ деревняхъ своихъ. А младшіе оба, которыхъ звали Александромъ и Сергѣемъ, находились также въ службѣ и оба были холостые и въ отсутствіи. Другая же дочь его, Елизавета, находившаяся замужемъ за тамошнимъ дворяниномъ господиномъ Горинымъ, жила съ мужемъ своимъ также не близко. Итакъ, не было никого съ нимъ кромѣ помянутой его сестры, Прасковьи Семеновны Нелюбохтиной, старушки добренькой и благопріятной.

Мы прогостили у милыхъ и любезныхъ старичковъ сихъ болѣе мѣсяца, и время сіе провели довольно весело. Старики наши любимы были не только всѣми городскими жителями, но и всѣми сосѣдственными дворянами, и потому бывалъ онъ рѣдко безъ людей; а ѣзжали и мы съ нимъ кое-куда по гостямъ, какъ въ городѣ, такъ и по уѣзду и вездѣ по немъ принимались съ особливою ласкою и благопріятствомъ. Но никѣмъ мы такъ довольны не были, какъ господиномъ Аркатовымъ, однимъ богатымъ и знаменитымъ тамошнимъ дворяниномъ. Онъ жилъ неподаку отъ города, имѣлъ большой домъ, и, будучи старику нашему очень друженъ, видался съ нимъ всѣхъ прочихъ чаще и не одинъ разъ угощалъ насъ у себя обѣдами.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего восхотѣлось спутницамъ моимъ, а особливо тещѣ моей, побывать у младшей сестры своей, помянутой госпожи Гориной, Елисаветы Аврамовны, и съ нею повидаться. Обстоятельство, что, за нездоровьемъ мужа ея и другими случившимися препятствіями, не можно было ей самой къ намъ пріѣхать, побудило насъ всѣхъ самимъ къ нимъ въ деревню съѣздить. Они жили отъ Цивильска-за нѣсколько десятковъ верстъ разстояніемъ, и будучи намъ очень рады, угощали насъ наилучшимъ образомъ и продержали у себя болѣе сутокъ. Я нашелъ въ хозяйкѣ боярыню еще молодую и пріятную, но, какъ увѣряли меня, не слишкомъ счастливую своимъ мужемъ, имѣвшимъ характеръ не изъ самолучшихъ. Однако онъ обошелся со мною очень благопріятно и казалось, что также меня полюбилъ, а особливо за охоту мою къ книгамъ, до которыхъ и онъ былъ отчасти охотникъ.

Я имѣлъ удовольствіе найтить оныхъ у него довольное количество, и между прочимъ такія, которыя мнѣ до того были неизвѣстны, и какъ нѣкоторыя изъ нихъ любопытенъ я былъ очень прочесть, а особливо Фишерову исторію Сибирскую и Крашенинниково описаніе нашей Камчатки; то, по изъявленіи желанія моего къ тому, и ссудилъ онъ меня охотно ими для прочтенія во время пребыванія моего въ Цивильскѣ; а чрезъ то и получилъ я не только пріятное для себя занятіе въ

праздные часы, но и случай спознакомиться съ сими восточными и знаменитыми частями нашего государства и получить объ нихъ понятіе. И я читалъ ихъ съ такою жадностью и любопытствомъ, что успѣлъ обѣ ихъ прочесть и возвратить ему съ моею благодарностью.

Впрочемъ, при сихъ разъѣздахъ по гостямъ имѣлъ я случаи насмотрѣться всѣмъ тамошнимъ обыкновеніямъ и обрядамъ, имѣющимъ нѣкоторую особливость отъ нашихъ. Дома дворянскіе строились тамъ почти всѣ въ два этажа или жила, и вездѣ принуждено были всходить въ верхній и жилой этажъ по крутымъ лѣстницамъ. И дѣлалось сіе, какъ увѣряли меня, наиболѣе для предосторожности отъ разбойниковъ, чтобъ имъ не такъ было легко взбираться на верхъ и удобнѣе было отъ нихъ обороняться. А въ другихъ домахъ, къ удивленію моему, находилъ я на крыльцахъ по два претолстыхъ улья пчелъ, поставленные по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей, и тутъ безъ всякой защиты зимующіе, и не могъ странному обыкновенію сему довольно надивиться.

Впрочемъ, разъѣзжая симъ образомъ по гостямъ, принужденъ я былъ вездѣ терпѣть превеликія къ себѣ приступы съ подносами и неотступныя убѣжденія и просьбы о выпоражниваніи рюмокъ и стакановъ вмѣстѣ съ прочими гостями. Сіе обыкновеніе господствовало тогда еще очень сильно во всей тамошней сторонѣ, и сіе безпрерывное поднашиваніе разныхъ напитковъ было мнѣ всего досаднѣе. Будучи совсѣмъ неохотникомъ къ питью и не пивая никогда отъ роду крѣпкихъ напитковъ, — отговаривался я сколько могъ отъ оныхъ; но видя, что тѣмъ ни мало не успѣвалъ, а производилъ только великое неудовольствіе, принужденъ былъ наконецъ согласиться на то, чтобъ мнѣ по крайней мѣрѣ подносили на ряду съ прочими, но не разные напитки, какъ имъ, но одинъ только медъ, который я сколько-нибудь, но могъ еще пить и чрезъ то дѣлать имъ превеликое удовольствіе. Странные по истинѣ люди!!

Между тѣмъ какъ мы симъ образомъ у стариковъ нашихъ жили и вмѣстѣ съ ними по гостямъ разъѣзжали, отлучалась отъ насъ помянутая тетка жены моей и ѣздила вмѣстѣ съ тещею моею за рѣку Волгу, въ гости къ помянутой невѣсткѣ стариковой, женѣ Василья Аврамовича. И какъ она жила не близко, то препроводили онѣ болѣе недѣли въ семъ путешествіи. Въ сіе отсутствіе ихъ чуть-было не подвергся я великому бѣдствію.

Однажды вздумалось какъ-то старикамъ нашимъ велѣть истопить баню и уговорить меня сходить въ оную. Я хотя никогда не любилъ и не охотникъ былъ до бани, и хаживалъ въ оныя по одному только разу въ годъ, но тутъ не захотѣлось мнѣ сдѣлать неудовольствіе любезному старику своему, а особливо старушкѣ, уговаривавшей меня къ тому усильно. Но что-жъ? Не успѣлъ я войтить въ баню и нѣсколько минутъ полежать на полкѣ для потѣнія, какъ голова моя пошла кругомъ, и я вмигъ лишился ума и памяти и такъ, что меня безчувственнаго вынесли уже вонъ и насилу оттерли снѣгомъ: такъ скоро и сильно угорѣлъ я въ оной!

Никогда ни прежде, ни послѣ того не случалось мнѣ такъ сильно угорать, и такой бѣды со мною! Я находился тогда на одну пядень отъ смерти. Ибо какъ тоже самое воспослѣдовало и съ человѣкомъ, бывшимъ со мною въ банѣ, то никто о томъ не зналъ не вѣдалъ, и обоимъ бы намъ чисто умирать, еслибъ, по особливому счастію, не случилось заглянуть въ баню ненарочно еще одному человѣку, и насъ безъ чувствъ и безъ памяти лежащихъ увидѣть. Всѣ перестращены были невѣдомо какъ симъ случаемъ, а я всѣхъ больше, и съ того времени получилъ еще сильнѣйшее отвращеніе отъ бани.

Вскорѣ послѣ того, и предъ самымъ уже почти отъѣздомъ нашимъ изъ мѣстъ тамошнихъ, подвергся-было я другому и опаснѣйшему еще бѣдствію. Случилось сіе въ самые послѣдніе дни масляницы, и, ни то отъ того, что мы во всю оную безпрерывно ѣздили по гостямъ и ни одного дня не сидѣли дома, но перебывали почти

у всѣхъ тамошнихъ именитѣйшихъ купцовъ и чиноначальниковъ городскихъ, и вездѣ меня морили безпрестанно питьемъ меда и мучили неотступными о томъ просьбами, а что того хуже, то въ иныхъ мѣстахъ насильно почти поили медомъ съ подбавливаніемъ въ него тайно крѣпкихъ напитковъ; ни то отъ того, что во всемъ тамошнемъ городѣ свирѣпствовала тогда опасная перевалка, и множество людей лежало больными горячкою, а нѣкоторые и умирали, и весь воздухъ зараженъ былъ ядовитыми отъ больныхъ испареніями; но какъ бы то и отчего бы ни было, но я въ самый послѣдній день масляницы такъ занемогъ, что свалился въ ногъ, и всѣ не сомнѣвались въ томъ, что воспослѣдуетъ со мною горячка.

Нельзя изобразить, какъ перетревожены были тѣмъ всѣ мои дорожные товарищи. Время пришло ѣхать и отправляться въ обратный путь, а я въ самое оное занемогъ, и занемогъ такъ, что головы не поднималъ, и всѣ того и ждали, что я слягу въ постель. Жаръ превеликій жегъ меня немилосердо и всѣ признаки были начинающейся горячки. Что было тогда имъ дѣлать? На самыхъ старнковъ была тогда забота превеликая. Какъ они, такъ и всѣ не знали, что имъ тогда начать со мною; но я разрѣшилъ тотчасъ всѣ ихъ сумнительства, сказавъ имъ прямо, чтобъ они везли меня скорѣе вонъ изъ сего города, и что я не хочу никакъ долѣе въ ономъ оставаться, и хоть дорогою-бъ случилось и умереть, но везли-бъ меня неотмѣнно домой: такъ сильно испужался я сей болѣзни и такъ много опасался, чтобъ не умереть тутъ, въ чужой и дальней сторонѣ.

Такимъ образомъ, хотя и опасно было меня везть больного въ дорогу, но, видя столь усильное мое того хотѣнье, принуждены были спутницы мои на то согласиться, и на другой день великаго поста, распрощавшись съ добродушными старичками, и положивъ меня въ жару и изнеможеніи уже отъ болѣзни въ возокъ, повезли меня изъ города обратно въ свою сторону. Желаніе мое выѣхать скорѣе изъ сего опаснаго города было такъ велико, что я ждалъ-недождался покуда изъ него выѣхали и перекрестился нѣсколько разъ, увидѣвъ себя уже внѣ онаго и въ полѣ.

Но что-жъ воспослѣдовало?—Не успѣли мы нѣсколько верстъ отъѣхать, какъ я, лежучи въ жару и почти въ безпамятствѣ, услышалъ вдругъ стоявшаго за возкомъ человѣка чхнувшаго. Какъ изстари у насъ у всѣхъ затвержено, что чханіе больному человѣку полезно и всегда хорошимъ будто признакомъ бываетъ, то позавидовалъ я тогда чхнувшему человѣку и сталъ желать, чтобы и со мною случилось тоже.

— «Ну, еслибъ такъ-то и мнѣ случилось чхнуть—мыслилъ и говорилъ я тогда самъ себѣ — какъ бы это хорошо было! Но вотъ ко мнѣ чохъ не приходитъ».

Въ самую сію минуту попадись нечаянно мнѣ на глаза одна торчавшая съ боку изъподъ пуховика сѣнинка, и вдругъ приди мысль и охота вытащить ее и поковырять концомъ оной у себя въ носу и испытать, не могу ли я насильно возбудить въ себѣ чханіе. Ненарочный опытъ сей мнѣ и удался весьма счастливо: я чхнулъ и такъ обрадовался тому, что перекрестился и благодарилъ за то Бога. Потомъ повторилъ я оный еще разъ, и до тѣхъ поръ щекоталъ сѣнинкою въ носу, покуда не чхнулъ вторично. Болѣе сего не сталъ я сего дѣлать. Показалось мнѣ, что голова моя заболѣла отъ того еще болѣе; итакъ, я перестал. Но какъ неописанно удивился и обрадовался я, когда по прошествіи немногихъ минутъ послѣ того, почувствовалъ я, что жаръ во мнѣ примѣтно уменьшился, пульсъ не такъ крѣпко, часто и сильно бился, и мнѣ какъ-то уже легче стало.

— «Ахъ батюшки мои! возопилъ я самъ въ себѣ тогда въ мысляхъ: уже не чханіе ли произвело во мнѣ сію скорую и удивительную перемѣну? Ей-ей! продолжалъ я—и чуть ли не отъ того? Чханье производитъ во всей внутренности нашей особливаго рода революцію и власно какъ нѣкакого рода ударъ и на пол-секунды останавливаетъ даже всю кровь, въ ея бѣгѣ и движеніи. И почему знать, можетъ быть самая сія полу-секундная ос

тановка, по законамъ движенія, дѣлаетъ уже великое уменьшеніе въ скорости ея движенія; а какъ отъ сей скорости движенія оной происходитъ и жаръ самый, то натурально, долженъ уже уменьшится и оный нѣкоторымъ градусомъ.»

Симъ образомъ заключалъ я, и чѣмъ болѣе о томъ мыслилъ, тѣмъ вѣроятнѣйшею казалась мнѣ моя догадка и побуждала меня повторить еще сей опытъ. Я тотчасъ отыскалъ опять свою сѣнинку, и ну опять легохонько ковырять въ ноздряхъ и щекотить ею внутренность оныхъ. И стараніе мое было опять не тщетно. Я чхнулъ опять одинъ разъ, повторилъ сіе, а потомъ опять пересталъ. Отъ сего повторительнаго чханія жаръ мой еще того болѣе уменьшился, и чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлалось мнѣ такъ легко, что я почти не чувствовалъ себѣ жара и тягости, и къ превеликому удовольствію всѣхъ моихъ спутниковъ, при пріѣздѣ на ночлегъ, вышелъ изъ возка самъ и былъ почти совершенно здоровымъ.

Я не преминулъ разсказать имъ о нечаянномъ своемъ опытѣ, и онѣ дивились тому, но не хотѣли никакъ его уважить столько, сколько казался мнѣ онъ уваженія и особливаго внриманія достойнымъ. Онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, и нечаянное произшествіе сіе, какъ могущее обратиться въ пользу всему человѣческому роду, достойно записано быть въ лѣтописяхъ и исторіи медицинской.

Въ послѣдующія потомъ времена не преминулъ я повторять сей опытъ несмѣтное множество разъ какъ надъ собою, такъ и надъ многими другими, и всегда производилъ онъ наивожделѣннѣйшее дѣйствіе, и многократная опытность доказала мнѣ, что нужно только не запускать болѣзни, и не давать жару слишкомъ увеличиваться, но захватывать его тогда, когда оный только что зачинается; и какъ скоро голова заболитъ и пульсъ станетъ скоро и сильно биться, то и надобно уже спѣшить производить въ себѣ чханіе и не болѣе двухъ разъ однимъ пріемомъ, а повторять то минутъ черезъ десять. Наконецъ узналъ я, что и производить сіе чиханіе всего удобнѣе и скорѣе можно свернутою трубочкою и съ заверченнымъ концомъ бумажкою. Ибо таковая, будучи всунута въ ноздри и тамъ излегка ворочаема, возбуждаетъ зудѣніе и производитъ чохъ.

Такимъ образомъ, нечаянная и напугавшая меня и всѣхъ насъ моя болѣзнь вреда мнѣ не причинила, а послужила поводомъ и случаемъ къ открытію весьма важному и полезному.

Впрочемъ обратное наше путешествіе. было намъ хотя уже не таково сытно какъ прежнее, по причинѣ наступившаго великаго поста и самой первой недѣли онаго,—однако довольно весело и пріятно, Дни были уже тогда болѣе, погода теплѣе, дороги лучше, а и рыбы могли мы доставать себѣ повсюду довольно и дешевою при томъ цѣною.

Въ селѣ Избыльцѣ, на рѣкѣ Окѣ, славящемся своими садами, накупили мы не только множество тамошнихъ прекрасныхъ и вкусныхъ яблокъ, но и самыхъ почекъ или яблоновыхъ сѣмянъ, которыя по пріѣздѣ домой тотчасъ зарылъ я въ землю, а весною посѣявъ получилъ цѣлую грядку почекъ, изъ которыхъ многія, будучи разсажены по мѣстамъ и выросши большими, довольствуютъ и веселятъ меня и понынѣ прекрасными и вкусными своими плодами, ибо вышли отъ нихъ многія оригинальныя и хорошія породы яблокъ.

Въ пригородѣ Вязникахъ случилось намъ стоять на такой квартирѣ, гдѣ дѣлалися простые мѣдные оклады къ образамъ, продаваемые такъ дешево, и я съ любопытствомъ разспрашивалъ мастеровъ о всемъ производствѣ работы сей.

Въ другомъ изъ тамошнихъ большихъ селъ, во время обѣда удивилъ насъ хозяинъ предложеніемъ своимъ, не угодно-ли намъ горчицы къ приправливанію ѣствъ нашихъ. «Очень хорошо,—сказали мы: когда есть у тебя такъ подавай!» и любопытны были очень видѣть, какая-бъ такая была у него горчица. Но какъ удивились мы, когда подалъ онъ намъ деревянную стамушку съ натолченнымъ мелко и просѣяннымъ стручковымъ дикимъ перцемъ.

— «Такъ это-то твоя горчица, сказали мы усмѣхнувшись. Покорно благодаримъ за нее; но это кушай ты самъ, ежели можешь, а мы къ ней непривычны: она слишкомъ горька и ѣдка.»

Симъ образомъ ѣхали мы обратно въ свои предѣлы и провели опять въ путешествіи семъ болѣе недѣли, и доѣхали наконецъ до Москвы благополучно. Но я-таки не избѣжалъ отъ нѣкотораго для себя огорченія во время ѣзды сей.

На одной рукѣ моей, и что всего досаднѣе, на самомъ наружномъ сгибѣ локтя сядь чирей, и въ немногіе дни такъ увеличился, что я отъ него ночи двѣ вовсе спать не могъ, а дорогою онъ меня невѣдомо какъ мучилъ и безпокоилъ. Болѣзни сей я хотя и часто подверженъ былъ въ моей молодости, но никогда не имѣлъ на себѣ такого страшнаго и мучительнаго чирья, котораго о величинѣ можно было по тому судить, что стержень его, который вынутъ былъ изъ онаго по созрѣніи, величиною былъ съ орѣхъ простой. Но по счастію успѣлъ онъ созрѣть, прорваться и почти совсѣмъ зажить до шестого моего тогда пріѣзда въ Москву, гдѣ ожидало меня другое и весьма огорчившее меня произшествіе.

Тутъ нашелъ я дядю своего Матвѣя Петровича лежащаго больнымъ, и болѣзнь его была такого рода, что я не надѣялся уже, чтобъ онъ отъ ней выздоровѣлъ, но почиталъ ее почти за вѣрное ведущею его ко гробу. Сіе огорчило меня очень, ибо я любилъ искренно сего близкаго родственника своего. Но онъ опечалилъ меня еще болѣе, сказавъ, что между тѣмъ покуда я ѣздилъ въ Цивильскъ, а именно февраля 10-го дня, преселился въ царство мертвыхъ и другой дядя мой, Тарасъ Ивановичъ Арсеньевъ.

Сіе извѣстіе поразило меня тѣмъ болѣе, что я сего милаго и любезнаго своего родственника оставилъ при отъѣздѣ своемъ совершенно здоровымъ и въ такихъ еще лѣтахъ, что не можно было никакъ ожидать столь скоро его кончины. Но злая горячка не разбираетъ ни лѣтъ, ни здоровья, но низводитъ во гробъ и старыхъ и молодыхъ и крѣпкихъ и слабыхъ, и здоровыхъ и нездоровыхъ. Оставшая послѣ его жена, Катерина Петровна, была въ самое то время на сносѣхъ беременна, какъ онъ скончался, и кончина его произвела столь великое дѣйствіе и имѣла столь великое на нее вліяніе, что она вскорѣ послѣ того родила сына, у котораго на одной рукѣ не было нѣсколькихъ пальцевъ. Сей сынъ ея живъ еще и по нынѣ и весь свой вѣкъ руку сію принужденъ носить въ перчаткѣ. Вотъ что могутъ производить жестокія печали во время беременности женщинъ.

Мы какъ ни спѣшили возвращеніемъ своимъ въ домъ, но за долгъ почли побывать у сей до крайности огорченной и лежавшей тогда еще отъ родовъ въ постелѣ нашей родственницы, и нашли ее въ жалкомъ положеніи; она разсказывала намъ со вздохами о кончинѣ дяди и о несчастіи, случившемся съ ея новорожденнымъ и единымъ только сыномъ, и брали въ огорченіи ея истинное соучастіе.

Повидавшись съ нею и исправивъ прочія надобности, какія имѣли въ семъ столичномъ городѣ, не стали мы долѣе въ ономъ медлить, но поспѣшили окончить свое путешествіе, и въ 7-й день мѣсяца марта возвратились въ свой домъ благополучно.

Но насъ встрѣтили и тутъ такимъ извѣстіемъ, которое огорчило насъ вновь и очень много. Одной изъ приданыхъ женщинъ, перевезенной съ мужемъ ея, ткачемъ, къ намъ въ деревню и женщинѣ молодой и изрядной, вздумалось что-то лишить самой себя жизни. Ее нашли удавленною на своемъ поясу, и никто не зналъ, да и послѣ никогда не узнали, что-бъ собственно побудило ее къ такому пагубному предъпріятію: ибо не было ей ни отъ кого ни малѣйшей изгоны и она любима была не только мужемъ, но и всѣми нами.

Симъ образомъ кончили мы свое дальнее путешествіе, а вмѣстѣ съ нимъ дозвольте мнѣ кончить и письмо сіе, достигшее уже давно до своей величины опре-

дѣленной, и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

ПЕЧАЛЬНЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Письмо 120-е.

Любезный пріятель! Тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятый годъ былъ какъ-то почти весь для меня не очень счастливъ, но знаменовался многими печальными и огорчительными для меня произшествіями. О трехъ изъ нихъ я разсказалъ уже вамъ въ письмѣ предслѣдующемъ, а о прочихъ разскажу въ теперешнемъ.

Не успѣли мы возвратясь домой порядочно еще въ домѣ осмотрѣться, какъ начали озабочивать насъ появившіяся въ домѣ у насъ горячки. Сія болѣзнь, мало по малу размножаясь, усилилась наконецъ такъ, что произошла въ домѣ у насъ всеобщая перевалка, и я съ каждымъ днемъ трепеталъ, чтобъ не забралась она и къ намъ въ хоромы и не добралась бы до самихъ насъ, что наконецъ воспослѣдовало и дѣйствительно. Уже начали занемогать служившіе при насъ люди, уже лежали и они почти всѣ и уже дошла наконецъ очередь и до насъ.

Самъ я однажды осовѣлъ и началъ уже разгораться и вѣрно бы слегъ также какъ и прочіе, еслибъ не помогло мнѣ чханіе. Ибо упомянутымъ въ предслѣдующемъ письмѣ опытомъ своимъ не преминулъ я тотчасъ воспользоваться, какъ скоро почувствовалъ въ себѣ первую головную боль, соединенную съ жаромъ и скорымъ и сильнымъ біеніемъ пульса. И къ особливому удовольствію моему былъ, оный и въ сей разъ столько же успѣшенъ какъ и тогда: и жаръ и головная боль тотчасъ у меня миновала, какъ скоро принудилъ я себя раза два чхнуть. А симъ образомъ цѣлыхъ три раза уничтожалъ я въ себѣ жаръ и разрывалъ начинающуюся уже болѣзнь. И однажды она такъ-было уже усилилась, что я слегъ-было почти въ постелю: однако нѣсколько разъ повторенное чиханіе не допустило ее усилиться, и я благополучно-таки отъ ней отдѣлался. А такимъ же образомъ отчхались отъ ней и всѣ другіе, которые могли только сіе дѣлать.

Но къ несчастію было такихъ мало, и только двое—а именно, моя только теща и слуга мой Аврамъ; а прочимъ какъ я ни указывалъ и какъ ихъ ни старался уговаривать, чтобъ они научились производить въ себѣ чханье, но не могъ никакъ имѣть въ томъ успѣха. Всѣ они не могли или не хотѣли никакъ научиться, а отъ того и принуждены были вытерпливать и переносить тогдашнюю жестокую болѣзнь, и въ числѣ ихъ и самая жена моя.

Сія занемогла у насъ на самое вербное воскресенье, и какъ горячка была жестокая, то всѣ мы, а особливо я и мать ея поражены были крайнею о томъ печалью. Одно только то подкрѣпляло насъ и ободряло надеждою, что болѣзнь сія была хотя жестокая, но никто не умиралъ оною, но всѣ вставали и выздоравливали отъ ней благополучно. А сіе къ неописанному нашему удовольствію воспослѣдовало тогда и съ нею.

Я не могу и по нынѣ позабыть того, какъ мнѣ ее жаль было, и какъ много обрадовался я и какое удовольствіе ощущалъ тогда, какъ ей нѣсколько полегчѣло и когда похотѣлось ей ѣсть грушъ моченыхъ. Мы принуждены были посылать всюду и искать оныхъ, и по счастію привезли къ намъ ихъ изъ села Каверина, гдѣ были онѣ отысканы: и она не успѣла ихъ наѣсться, то и начала власно какъ оживать и отъ своей болѣзни освобождаться. Совсѣмъ тѣмъ вся святая недѣля была у насъ въ сей годъ, по причинѣ болѣзни жены моей, очень не весела, но мы рады были уже, что ей полегчало и миновала вся опасность, и сіе услаждало уже сколько-нибудь наше бывшее до того огорченіе.

Не успѣли мы сію незгоду перенесть и болѣзни въ домѣ моемъ съ наступленіемъ весны пресѣчься, и я только что началъ пріятностями обновившейся натуры веселиться, какъ получилъ вдругъ изъ Москвы поразительное извѣстіе, что дядя мой Матвѣй Петровичъ очень бо-

ленъ, что нѣтъ никакой надежды къ его выздоровленію, и что желаетъ онъ прежде кончины своей меня еще видѣть— что было тогда дѣлать?... Я принужденъ былъ, оставя все, велѣть запрягать лошадей и скакать въ Москву, чтобъ застать дядю живого. По счастію и удалось мнѣ пріѣхать еще благовременно, и застать его не только живымъ, но въ состояніи еще говорить со мною.

Онъ лежалъ въ домѣ шурина своего, Данилы Степановича Павлова, тамъ гдѣ онъ и до того былъ, и пріѣздомъ моимъ былъ такъ обрадованъ, что встрѣтилъ меня текущими изъ глазъ его послѣдними радостными слезами.

«Помилуетъ тебя Богъ!» сказалъ онъ, простирая слабыя руки свои для объятія меня, «что ты меня, стараго человѣка, не оставилъ, и не отрекся при концѣ жизни моей сдѣлать мнѣ того удовольствія, чтобъ тебя, друга моего, видѣть и въ послѣдній разъ съ тобою проститься лично».

Я сталъ-было на сіе ему говорить, чтобъ онъ такъ еще о своей жизни не отчаявался, но что еще не всей надежды мы лишены, и Богъ можетъ быть еще и помилуетъ и его подниметъ. Но онъ, пресѣкши рѣчь мою, на сіе сказалъ:

«Нѣтъ, мой другъ, не для чего и вамъ и мнѣ сею пустою надеждою льститься. Болѣзнь моя не такова, и я вижу и чувствую самъ, что она окончаетъ жизнь мою и меня разлучитъ уже на вѣкъ съ вами, друзьями моими. Слабость и изнеможеніе мое часъ отъ часу уже увеличивается, и я того и смотрю, какъ испущу духъ мой».

Онъ и дѣйствительно былъ тогда уже очень слабъ и таялъ какъ воскъ. Его еще до меня исповѣдали и причастили, и особоровали уже и масломъ, и мы всѣ видѣли, что жизнь его не могла уже продлиться долго. Онъ самъ твердилъ то почти ежеминутно и мнѣ говорилъ:

«Уже не уѣзжай мой другъ отсюда, а подожди конца моего: онъ скоро будетъ. И тогда отвези трупъ мой въ деревню и погреби его тамъ, гдѣ покоятся прахи предковъ нашихъ».

Я слушалъ слова сіи съ текущими изъ глазъ ручьями слезъ горячихъ, и обѣщалъ ему охотно все то исполнить, чего онъ отъ меня требовалъ. Наконецъ какъ сталъ я его спрашивать, не вздумаетъ ли онъ еще чего-нибудь приказать мнѣ; то, вздохнувъ, сказалъ онъ мнѣ:

— «Ничего больше, какъ только поручаю тебѣ, другу моему, обоихъ дѣтей моихъ въ родственную любовь, и прошу о неоставленіи ихъ. Будь имъ вмѣсто отца, люби ихъ и не оставляй во всѣхъ нуждахъ и дѣломъ и совѣтами своими».

— Хорошо! сказалъ я на сіе: съ моей стороны я готовъ сіе дѣлать, и вы въ томъ не можете сомнѣваться; но стали-бъ только они меня любить и совѣтовъ моихъ слушать.

— «О, какъ того не дѣлать! сказалъ онъ. Они должны то дѣлать и тебя, моего друга, любить и слушаться. Потомъ подозвалъ меньшаго сына своего, который тогда былъ при немъ, и взявъ его за руку сказалъ: «слушай Гаврило! заклинаю тебя и брата твоего — скажи это ему, когда пріѣдетъ и ты его увидишь—чтобъ вы любили и почитали вотъ брата вашего и во всемъ его слушались. Дурного онъ вамъ не присовѣтуетъ никогда и обидъ отъ него вамъ ожидать не можно: не такой онъ человѣкъ».

— Конечно, конечно, подхватилъ я: и въ этомъ пунктѣ можете вы, дядюшка, быть спокойными. Потомъ сказывалъ онъ мнѣ, что жена его обѣщалась ему, не брать у нихъ седьмой своей указной части, что и сама она, сидючи подлѣ его, подтвердила мнѣ мановеніемъ рукъ своихъ.

Я благодарилъ ее за сіе и самъ въ себѣ подумалъ: «смѣшно бы и было если-бъ ты и похотѣла сію часть взять себѣ, а не грѣшно-бъ было и изъ своего имѣнія удѣлить что-нибудь пасынкамъ своимъ. Племянники и наслѣдники твои безъ того богаты и пребогаты!» Однако сего по скупому характеру ея и требовать было никакъ не можно.

На другой день моего пріѣзда блеснулъ-было маленькій лучъ надежды, что дядя мой можетъ быть еще оправится

и встанетъ. Ему полегчѣло нѣсколько и онъ попросилъ ѣсть и, казалось, ѣлъ съ довольнымъ апетитомъ. Сіе побудило тотчасъ господъ Павловыхъ предложить, чтобъ послать опять за лечившимъ его штабъ-лекаремъ Генишемъ, и, какъ человѣкъ животолюбивъ, то не воспротивился тому и дядя. Одному мнѣ только сего нехотѣлось, ибо я почиталъ его безнадежнымъ и не думалъ, чтобъ въ состояніи уже было помочь ему какое-нибудь человѣческое искусство. Однако, какъ мнѣ не хотѣлось въ томъ спорить и иттить противъ желанія и самого дяди моего, къ тому-жъ подумалъ я, чтобъ несогласіе мое не почли неблаговременною скупостію; то не воспротивился и я тому. И такъ тотчасъ отправленъ былъ гонецъ за господиномъ штабъ-лекаремъ, котораго хозяева почитали не инако какъ наравнѣ съ Иппократомъ, такъ много увѣрены они были о его искусствѣ; почему, не успѣли завидѣть его входящаго въ двери, какъ бѣжали къ нему на встрѣчу и съ радостію разсказывали о перемѣнѣ, произшедшей съ моимъ дядею, и просили приложить стараніе и употребить все искусство свое къ подкрѣпленію больного.

— «Карашо, карашо», сказалъ имъ на сіе штабъ-лекарь, и спѣшилъ осязать пульсъ у больного, который былъ такъ уже слабъ, что съ трудомъ его ощупать было можно. «О, карошъ! карошъ! возопилъ онъ: перемѣна добра. Нада скорѣй дать ему микстурка для подкрѣпленья натуръ. Пожалуй-тъ бумагъ и перо, мой тотчасъ напишитъ».

Бумага тотчасъ подана была и онъ, усѣвшись съ важною осанкою, нахваталъ цѣлую страницу и написавъ превеликій рецептъ, сказалъ: «Ну вотъ! пошли-тъ скорѣй въ Варварска аптекъ: тамъ только есть эта вещи».

Въ мигъ по приказанію его было исполнено и гонецъ въ Варварскую аптеку отправленъ; ибо кто смѣетъ воспротивиться предписаніямъ докторскимъ! Между тѣмъ покуда слугѣ отсчитывали деньги и его отправляли, господинъ штабъ-лекарь восхотѣлъ и хозяевамъ и намъ всѣмъ сдѣлать одолженіе и продолжить присутствіе свое у насъ еще на нѣсколько минутъ времени, а при томъ и не потребовать выпить у хозяина рюмку водки и закусить оную сыромъ и другими подаваемыми ему вещами. Наконецъ, посидѣвъ нѣсколько минутъ и разсказавъ по-своему о новостяхъ городскихъ, поднялся онъ ѣхать и, взявъ безъ всякаго отрицанія всовываемый ему въ руки полуимперіалъ, распрощался съ нами и ушелъ. Но я не преминулъ, вышедши вслѣдъ за нимъ, спросить у него по-нѣмецки, что онъ о больномъ думаетъ, и попросить его, чтобъ онъ сказалъ мнѣ мнѣніе свое откровенно.

— «Что иное сказать мнѣ вамъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ усмѣхнувшись,—кромѣ того, что онъ не доживетъ никакъ до сегодняшняго вечера и чрезъ нѣсколько часовъ отправится въ путь свой».

Остолбенѣлъ я сіе услышавъ и отворотясь отъ него съ презрѣніемъ, какъ отъ безсовѣстнѣйшаго человѣка, неустыдившагося и при такой достовѣрности близкой кончины взять еще пять рублей за сей пріѣздъ, несмотря что ему за лѣченіе его болѣе ста рублей уже передавано было.—«Негодный ты человѣкъ», сказалъ я смотря вслѣдъ ему, и плюнулъ. Но досада моя на него и негодованіе увеличилось еще несказанно больше, когда возвратился посыланный въ аптеку человѣкъ и привезъ съ собою превеликій штофъ наболтанной изъ разныхъ веществъ микстуры. Я спѣшилъ скорѣе прочесть надпись о употребленіи сего лекарства; но какъ же удивился, увидѣвъ что предписывалось давать больному только чрезъ каждые два часа по одной столовой ложкѣ и что заплачено за то семь рублей».

— Ахъ ты сукинъ сынъ! возопилъ я, сіе увидѣвъ: есть ли въ тебѣ Богъ и хоть одна искра совѣсти и стыда? Не бездѣльникъ ли ты и каналья сущій. Самъ говоришь, что до вечера никакъ не доживетъ, а выписалъ столь дорогое лекарство, и такое еще множество, что, принимая симъ образомъ по ложкѣ, на цѣлый мѣсяцъ его станетъ. За то ли пла

тимъ мы вамъ такъ дорого и осыпаемъ васъ золотомъ, чтобъ вамъ насъ такимъ явнымъ и безстыднымъ образомъ грабить. Злодѣи вы сущіе!

Но досада моя увеличилась еще болѣе, когда давъ первый пріемъ лекарства сего умирающему почти моему дядѣ, узнали мы, что оно несносно было горько и такъ противно, что не только больному, но и здоровому его ко рту принесть было не можно. И какъ дядя съ превеликою нуждою первую ложку и даже съ самымъ страданіемъ принялъ, то не допустилъ я уже никакъ госпожу Павлову давать ему другую.

— Помилуйте! говорилъ я ей: когда этотъ злодѣй не имѣетъ никакого соболѣзнованія и ни стыда ни совѣсти, такъ хоть вы уже умилосердитесь надъ умирающимъ и не мучьте его безъ всякой пользы этимъ проклятымъ омегомъ, и дайте ему по крайней мѣрѣ умереть спокойно.

— «Да что-жъ намъ съ этимъ лекарствомъ дѣлать? спросила она: вѣдь заплачены за него деньги».

— На голову ему, сукину сыну, вылить, сказалъ я:—этому нѣмчурѣ безсовѣстному, или насильно-бы заставилъ его самого выпить, когда онъ такой нечестивецъ!... Не прогнѣвайтесь сударыня, продолжалъ я говорить, что я вашего любимаго врача такъ ругаю: онъ истинно достоинъ того.

Тогда разсказалъ я ей то, что онъ мнѣ о дядѣ сказывалъ. А предсказаніе его дѣйствительно и сбылось, и дядя мой въ тотъ же еще день, и не доживъ до вечера, скончался.

Симъ образомъ лишился я и сего послѣдняго моего ближняго родственника и пролилъ искреннюю, горячую слезу о его потерѣ. Каковъ онъ ни былъ, но я любилъ его чистосердечно и почиталъ какъ должно почитать родного дядю. Онъ былъ хотя младшій братъ отцу моему и имѣлъ почти природную чахотку, отъ которой и умеръ, но прожилъ гораздо долѣе отца моего и достигъ до глубокой почти старости.

Сей долговременной жизни причиною можетъ быть была всегдашняя его воздержность. Во весь свой вѣкъ не пивалъ онъ горячихъ и крѣпкихъ напитковъ, и не былъ ниоднажды во всю жизнь свою пьянымъ, а и въ прочемъ велъ онъ себя очень умѣренно и воздержно. Что касается до дарованіевъ его, то по тогдашнему вѣку былъ онъ довольно ученъ и уменъ и имѣлъ о многихъ вещахъ свѣдѣнія. Въ особливости-же свѣдущъ онъ былъ въ законо-искусствѣ, что и произвело въ немъ уже нѣсколько непомѣрную охоту къ приказнымъ дѣламъ и хлопотамъ. Въ сихъ находилъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни даже удовольствіе, и живучи по зимамъ въ Москвѣ, нескучалъ почти ежедневно таскаться по коллегіямъ и по другимъ судебнымъ мѣстамъ. А такую же непомѣрную склонность имѣлъ онъ и къ бережливости. Совсѣмъ тѣмъ оставилъ послѣ себя дѣтямъ не великое богатство, и наличное число денегъ не простиралось даже и до тысячи рублей.

Какъ скоро испустилъ онъ свое послѣднее дыханіе, то я въ тотъ-же часъ принялъ на себя попеченіе какъ о погребеніи его, такъ и объ оставшемъ его сынѣ и бывшихъ съ нимъ въ Москвѣ пожиткахъ.

Сіи послѣдніе собралъ я всѣ и запечаталъ, а къ перевезенію тѣла его къ себѣ въ деревню сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. А какъ кончина его воспослѣдовала мая 14-го дня, и въ такое время, когда дни были уже теплые, то приуготовленіемъ гроба и всего прочаго спѣшили мы денно и нощно и съ такою ревностію, что чрезъ сутки могли мы вынесть тѣло въ церковь, и, тамъ отпѣвъ, закупорить и засмолить гробъ и отправить его для погребенія въ деревню. И какъ для тогдашняго тепла нужно было поспѣшить и ѣздою самою, то отправился и самъ я для препровожденія онаго; а по привезеніи, нимало не медля, съ обыкновенною церемоніею и погребъ его подъ церковью и рядомъ съ покойною моею матерью, что приходилось подъ самымъ амвономъ.

Всѣ мои родные и всѣ ближніе сосѣди присутствовали при семъ печальномъ об-

рядѣ и вмѣстѣ со мною проводили гробъ его на мѣсто, гдѣ приготовлена и кирпичемъ выкладена была для его могила. И тамо покоится и по нынѣ прахъ его въ близкомъ сосѣдствѣ съ прахомъ моей матери и прочихъ нашихъ предковъ.

По окончаніи сего обряда первымъ своимъ дѣломъ почелъ я увѣдомить старшаго его сына о семъ печальномъ произшествіи, и до пріѣзда его вступить въ управленіе его деревнями; ибо младшій его братъ былъ еще очень молодъ и къ тому еще неспособенъ. Сего взялъ я до того времени къ себѣ и сожалѣлъ крайне, что онъ уже уросъ отъ того, чтобъ можно было его чему-нибудь поучить, и стараніями своими сколько-нибудь наградить сдѣланное въ воспитаніи его великое упущеніе. Однако-жъ что было только можно, то все я учинилъ и былъ ему сколько-нибудь полезенъ.

Пересказавъ вамъ о семъ произшествіи, разскажу теперь вкратцѣ и о томъ, какъ проведено мною и прочее время сего года. И какъ не помню я, чтобъ во все оное произошли со мною какія-нибудь важныя и особливаго примѣчанія достойныя произшествія, то и скажу вообще, что прожилъ я все лѣто, осень и первую половину зимы сего года въ мирѣ, тишинѣ и вожделѣнномъ благоденствіи. И какъ по сдѣланной съ самаго младенчества моего привычкѣ къ трудолюбію и безпрерывной дѣятельности, не оставлялъ я того-же и въ сіе лѣто и осень; то и были всѣ дни и часы мои заняты разными и безпрерывными упражненіями, и такъ что я за ними и не видалъ, какъ протекъ или паче пролетѣлъ весь сей періодъ времени.

Сіи упражненія были почти такія же, какъ и въ минувшее лѣто. То занимался я сельскою экономіею и садоводствомъ, которое становилось мнѣ часъ отъ часу милѣе и любезнѣе; то упражнялся въ рисованіи и малеваніи картинъ разныхъ и украшалъ ими стѣны своего дома; то сотовариществовалъ столяру своему въ производствѣ имъ разныхъ работъ и моихъ затѣевъ въ дѣйство; то занимался своими книгами и литературою, и либо читалъ, либо переводилъ, либо сочинялъ, либо переписывалъ что-нибудь. Когда-же все сіе сколько-нибудь утомляло; то для отдохновенія ухаживалъ въ сады или въ рощи или въ ближнія и окружающія селеніе мое мѣста, дабы тамъ на свободѣ и удалясь отъ всѣхъ дѣлъ и заботъ, свободнѣе можно было мнѣ веселиться красотами и пріятностями натуры, которая никогда мнѣ ненаскучивала, но всегда и со всякимъ днемъ предлагала мнѣ новыя услуги.

Но сколько ни занимался я всѣми сими упражненіями, однако не забывалъ и того, чтобъ продолжать дружбу и знакомство свое какъ съ старыми, такъ и съ новыми своими знакомцами и родными. Мы ѣзжали какъ къ нимъ, такъ нерѣдко и они насъ посѣщали и пробывали у насъ иногда сутокъ по двое и по трое. И какъ при всѣхъ такихъ случаяхъ были всегдашніе поводы къ гулянью по садамъ, то сіе поощряло меня отчасу болѣе къ приведенію садовъ своихъ въ лучшее совершенство. И какъ такихъ знакомыхъ умножалось часъ отъ часу больше, для которыхъ стоило что-нибудь затѣвать и предпринимать труды новые; то и не зналъ я почти въ томъ усталости, но находилъ еще для себя наилучшее удовольствіе въ оныхъ.

Къ числу сихъ новыхъ знакомцевъ, съ коими спознался я въ теченіе сего лѣта, принадлежали въ особливости три дома. Два изъ нихъ были княжескіе, а третій хотя дворянскій, но лучше сихъ обоихъ княжескихъ. Изъ сихъ одинъ былъ князя Горчакова и столько мнѣ близкій, что если-бъ хотѣть, то можно-бъ было хоть всякій день съ живущими въ немъ видѣться.

Съ симъ княземъ, котораго звали Павломъ Ивановичемъ и который владѣлъ того сельцомъ Котовымъ, имѣлъ я уже и до того нѣкоторое, однако не гораздо близкое, знакомство, и причиною тому было невеликое сходство нашихъ характеровъ между собою. Но въ сей годъ какъ-то сдѣлалось у насъ съ нимъ знакомство короче и между обоими нашими

домами возстановилось дружество и болѣе потому, что оба мы съ нимъ были люди не старые, и оба женаты недавно, и оба на молодыхъ женахъ. Онъ былъ немногимъ чѣмъ меня постарѣе, да и женился года за два прежде меня. И какъ оба они съ женою были люди средняго разбора и во всемъ не слишкомъ дальноваты и княжескій титулъ только на себѣ носили, а всего меньше были его достойны; то и можно намъ было съ ними знакомиться, и какъ въ пословицѣ говорится, водить хлѣбъ-соль между собою.

Что касается до другого княжескаго дома, то былъ оный уже нѣсколько сего подалѣе, и верстъ за десять отъ моего жилища, а именно въ селѣ Татарскомъ. Имъ владѣлъ тогда князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконской, человѣкъ такъ-же весьма добрый, безхитростный, но прямодушный и такой, съ которымъ можно-бъ было съ удовольствіемъ обходиться, если-бъ по особливому несчастію не подверженъ онъ былъ тому гнусному и постыдному пороку или слабости, которая столь многихъ умныхъ людей дѣлаетъ иногда хуже скотовъ самыхъ и презрительными предъ лицемъ всего свѣта.

Онъ былъ также еще не старъ и намъ почти ровестникъ, и женатъ также недавно. Мы познакомились съ нимъ по князѣ Горчаковѣ, съ которымъ онъ былъ знакомъ и къ нему ѣзжалъ часто. Тутъ мы увидѣлись съ нимъ въ первый разъ, и сего было довольно. Оба они съ женою насъ полюбили, и тотчасъ сведена была между нами дружба, и условленось видаться колико можно чаще.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни довольны были мы дружествомъ и пріязнію и ласками обѣихъ сихъ княжескихъ фамилій, а особливо ласками обѣихъ молодыхъ княгинь, рѣзвящихся и игравшихъ всегда съ моею женою, которая обѣихъ ихъ была моложе; однако частыя свиданія съ ними стали скоро мнѣ уже нѣсколько и скучноваты становиться, и тѣмъ паче, что мнѣ не всегда съ удовольствіемъ можно было подлаживать людямъ опьянившимся и забывавшимъ иногда самихъ себя, но я иногда и не радъ бывалъ, наѣхавши князя Волконскаго въ такомъ состояніи и не знавалъ какъ отъ него и отдѣлаться.

И какъ оба они были люди праздные, неимѣющіе никакихъ занятій, но скучающіе всегда временемъ и желавшіе провождать его въ безпрерывныхъ съѣздахъ, свиданіяхъ и компаніяхъ и восхотѣвшіе даже того, чтобъ намъ видѣться ежедневно и въ томъ другъ съ другомъ чередоваться—и одинъ день провождать у князя Волконскаго, другой у князя Горчакова, а третій у меня,—мнѣ-жъ сего ни достатокъ мой, ни склонности, ни прочія обстоятельства никакъ не дозволяли; то и отклонилъ я отъ себя такое предложеніе и оставилъ ихъ однихъ переѣзжаться другъ съ другомъ и время свое провождать въ сотовариществѣ съ рюмками и бутылками и гаркающими людьми. А самъ довольствовался свиданіями съ ними изрѣдка, а прочее время хотѣлъ лучше дѣлить съ своими книгами и другими и такими сосѣдями, которыхъ характеры подходили къ моему сколько-нибудь ближе, или по крайней мѣрѣ не такъ много контрастировали, какъ ихъ, съ моимъ характеромъ.

Къ числу сихъ, и преимущественно предъ всѣми прочими, принадлежалъ новый мой знакомецъ и сдѣлавшійся потомъ хорошимъ моимъ пріятелемъ и наилучшимъ моимъ сосѣдомъ, Иванъ Григорьевичъ Полонскій. Онъ жилъ верстъ съ 14 отъ насъ въ сторону къ Окѣ рѣкѣ, въ деревнѣ Зыбникѣ и былъ человѣкъ хотя достаточный, но очень добрый. Домъ его и образъ жизни почитался тогда наилучшимъ и знаменитѣйшимъ во всемъ нашемъ околоткѣ, къ тому-жъ и чинъ имѣлъ онъ хорошій и довольно знаменитый. Служивъ многіе годы въ гвардіи, отставленъ онъ былъ изъ ней полковникомъ, и пріѣхалъ въ сіе мѣсто жить не задолго только до сего времени съ своею женою, которую одну только онъ и имѣлъ, ибо дѣтей у него не было, а былъ въ живыхъ только еще отецъ, но который жилъ не съ нимъ, а особливымъ домомъ.

О семъ сосѣдѣ своемъ я наслышанъ былъ уже давно и давно мнѣ съ нимъ, такъ какъ и ему со мною, познакомиться хотѣлось, но до сего времени не было къ тому случая. А въ сей годъ спознакомились и увидѣлись мы съ нимъ въ первый разъ въ домѣ сосѣда моего, Александра Ивановича Ладыженскаго, и первая минута нашего свиданія сдѣлала насъ между собой пріятелями. Съ самой оной онъ полюбилъ меня, а я его, и мы столкнулись такъ хорошо, что были потомъ неразрывными между собою друзьями по самый конецъ его жизни.

Я нашелъ въ немъ человѣка, не только большой свѣтъ знающаго и въ ономъ почти всю жизнь свою жившаго, и многими знаніями одареннаго, но что всего для меня пріятнѣе было, и охотника до книгъ и до чтенія, и при всемъ томъ очень дружелюбнаго, ласковаго, добросердечнаго, въ обхожденіи пріятнаго и довольно веселаго человѣка.

Книгъ имѣлъ онъ у себя нарочитое собраніе, а что всего удивительнѣе, то великое множество изъ нихъ, писанныхъ его рукою. Будучи съ молоду великимъ писакою, любилъ онъ какъ-то въ особливости упражняться въ писаніи и не скучивалъ списывать цѣлыя превеликія книги,—и я нашелъ у него собраніе наилучшихъ въ тогдашнее время романовъ, списанныхъ симъ образомъ его рукою и переплетенныхъ порядочно. А всего пріятнѣе для меня было то, что можно было не только говорить и разсуждать съ нимъ обо всемъ и обо всемъ съ удовольствіемъ, но было что у него и перенимать.

Препроводивъ всю жизнь свою въ Петербургѣ и насмотрѣвшись всего, жилъ онъ и въ деревнѣ порядочно; имѣлъ въ домѣ приборы, какіе были тогда въ употребленіи, лучшіе; столъ былъ у него хорошій и весь образъ жизни не столько деревенскій, какъ городской, однако умѣренный и порядочный. Самая жена его, женщина такая-жъ толстая, каковъ былъ и самъ онъ, была однако боярыня хотя свѣтская и модная и нѣсколько напыщенная спѣсью и величавостью, но умная и къ намъ очень ласковая и благопріятная. И оба они полюбили какъ меня, такъ и тещу и жену мою такъ, что мы сдѣлались скоро ими очень довольными и домъ сей почитали наилучшимъ изъ всѣхъ прочихъ.

Начало сему знакомству учинилъ я, какъ младшій, и, спознакомившись съ нимъ въ домѣ г. Ладыженскаго, рѣшился къ нему вскорѣ послѣ того съ женою и тещею моею съѣздить. Не могу и понынѣ позабыть тѣхъ минутъ, въ которые въѣзжали мы къ нему впервые на дворъ, и съ какими чувствіями приближалась къ крыльцу ихъ жена моя, для которой, по молодости ея, было очень дико входить впервые въ незнакомый и во всемъ предъ нашимъ увышенный и преимущественный домъ. Но какъ г. Полонскій и жена его насъ всѣхъ и при семъ первомъ уже случаѣ такъ обласкали, что мы сдѣлались очарованными ими; то полюбила скоро ихъ и сама жена моя и ѣзжала къ нимъ въ домъ охотно.

Мы пробыли тогда у нихъ до самаго вечера, и г. Полонскій не только старался угостить насъ какъ можно лучше, но водилъ меня показывать мнѣ и новозаведенный садъ свой. И какъ я увидѣлъ, что садъ сей заведенъ былъ у него превеликій и регулярный и что онъ также, какъ и я, къ садамъ былъ охотникъ; то сіе меня еще болѣе къ нему привязало. Одного только мнѣ всегда было жаль, что онъ, будучи очень дебёлъ, по тягости своей не могъ такъ много вездѣ ходить, какъ я, и не могъ мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать сотоварищества. Однако сей недостатокъ замѣнялъ онъ довольно ласкою и дружествомъ своимъ ко мнѣ и пріятностію разговоровъ, а не менѣе и самою услужливостію намъ при всѣхъ случаяхъ, къ чему побуждало его и самого наиболѣе то, что и онъ находилъ во мнѣ лучшаго для себя и такого сосѣда, съ которымъ можно было ему и поговорить, и безъ скуки, а съ удовольствіемъ провождать свое время.

Не успѣли мы у него впервые побывать, какъ не замедлилъ и онъ отплатить намъ за нашъ визитъ своимъ собственнымъ. Мы старались угостить его также, сколько могли лучше, и оказываемое имъ всему видѣнному и найденному у меня въ домѣ и въ саду одобреніе, привязало меня къ нему еще больше, и съ того времени начали мы переѣзжаться и видаться довольно часто. И какъ насталъ день моихъ имянинъ, то былъ онъ у меня первѣйшимъ и лучшимъ гостемъ, чего онъ былъ и достоинъ, и не только у меня обѣдалъ, но и ночевалъ за позднотою времени. Что-жъ касается до насъ, то мы ночевывали у него всякій разъ, какъ къ нему ни пріѣзжали; а особливо въ осеннее и зимнее время, и они никогда насъ отъ себя не отпускали поздно, и были тѣмъ въ особливости довольны, что мы съ ними пріѣздами не считались, но бывали у нихъ гораздо чаще нежели они у насъ, чего мы за тягостію ихъ уже и не взыскивали.

Теперь кстати къ сему упомяну я вамъ и о прежнемъ своемъ пріятелѣ и другѣ, Иванѣ Тимоѳеевичѣ Писаревѣ, котораго я, сколько мнѣ помнится, около сего времени лишился. Съ симъ человѣкомъ, съ которымъ прежде сего былъ я такъ друженъ, я съ самаго того времени, какъ онъ поступилъ со мной не слишкомъ чистосердечно, почти уже не видался, или видѣлся только однажды въ Москвѣ, да и то только вскользь, потому что находился онъ тогда уже въ жалкомъ состояніи. Ибо вскорѣ послѣ тогдашняго нашего свиданія, при которомъ онъ противъ меня нѣсколько погрѣшилъ, имѣлъ онъ несчастіе помѣшаться нѣсколько въ умѣ своемъ.

Богу извѣстно отъ чего произошла съ нимъ сія жалкая перемѣна. Нѣкоторые говорили, что произошло сіе будто отъ излишняго его читанія книгъ священныхъ и духовныхъ; другіе утверждали, что причиною тому былъ какой-то скитавшійся монахъ, съ которымъ онъ имѣлъ несчастіе спознакомиться и сдружиться и который сбилъ его съ пути истиннаго и подалъ къ тому поводъ, что онъ сбился и помѣшался нѣсколько въ умѣ, а особливо въ заключеніяхъ и мысляхъ о вещахъ, касающихся до таинствъ и догматовъ вѣры, которое помѣшательство простиралось до того, что я, имѣвъ случай однажды видѣть его въ Москвѣ и говорить съ нимъ съ часъ времени, ужаснулся даже, услышавъ отъ него совсѣмъ вздорныя и ни съ чѣмъ несообразныя мысли. А такою-жъ галиматьею наполнилъ онъ и одно послѣднее письмо свое, писанное ко мнѣ послѣ того времени и хранившееся у меня долго. А сіе и удалило меня отъ него еще болѣе, такъ что я уже не имѣлъ ни малѣйшей охоты возобновлять съ нимъ прежняго знакомства; но скоро потомъ услышалъ, что онъ и самую жизнь свою пресѣкъ несчастнымъ образомъ, переѣзжая гдѣ-то рѣку на плоту, обернувъ голову свою въ халатъ, бросился въ воду и самъ себя утопилъ.

Такой-то несчастный конецъ получилъ сей прежній мой пріятель, и какъ онъ въ лучшее его время искренно меня любилъ, да и я къ нему приверженъ былъ нелицемѣрнымъ дружествомъ; то и понынѣ еще съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ вспоминаю о семъ несчастномъ человѣкѣ.

Упомянувъ о новыхъ своихъ знакомствахъ, возвращусь теперь паки къ своимъ прочимъ упражненіямъ, и скажу, что при всѣхъ сихъ разъѣздахъ по гостямъ, не упускалъ я пещись и о своемъ домоводствѣ. Въ ономъ съ каждымъ днемъ становился я болѣе свѣдущимъ. Съ одной стороны иностранныя экономическія сочиненія, читаемыя мною прилежно, а съ другой ежедневная во всемъ практика и опытность доставляли мнѣ множайшія отчасу во всѣхъ частяхъ свѣдѣнія. И какъ я и всѣ экономическія дѣла производилъ не слѣпо и не совсѣмъ по старинному шлендріану, но соединялъ съ любопытными опытами, примѣчаніями и записками,

то доставляли и они мнѣ много пріятныхъ удовольствій.

Но никоторая часть меня такъ много не веселила, какъ относящаяся до садоводства. Съ садами своими я въ теченіи сего лѣта имѣлъ много занятія и дѣла, и въ лѣтнее время почти не выходилъ изъ оныхъ. Одно изъ наиглавнѣйшихъ дѣлъ съ ними было то, что я и всю достальную часть ближняго къ дому сада превратилъ въ регулярную, и разбивъ всю оную по плану разными косыми и прямыми дорожками въ множество косяковъ и куртинокъ, нѣкоторые изъ нихъ засадилъ въ осень сего года разными деревьями и кустарниками, а чего не успѣлъ въ осень сего года, то оставилъ до предбудущаго. Новый же мой плодоносной садъ приносилъ уже мнѣ часъ отъ часу болѣе удовольствія. Въ сей годъ было въ немъ уже болѣе плодовъ и всѣ шпалеры получили уже свой видъ и были въ хорошемъ состояніи.

Что-жъ касается до литературныхъ моихъ упражненій, то и оными не оставлялъ я заниматься временно и посвящалъ имъ всѣ праздныя мои минуты, а особливо въ осеннее и зимнее время и длинные вечера. Въ сіи въ особливости занимались мы чтеніемъ новыхъ книгъ, которыми насъ въ множествѣ одолжилъ новый нашъ знакомецъ, Иванъ Григорьевичъ Полонскій. И сколько пріятныхъ минутъ ни доставляли онѣ и мнѣ и моей тещѣ, съ которою мы сидя вмѣстѣ читывали и не рѣдко въ томъ по нѣскольку часовъ препровождали; совсѣмъ тѣмъ не въ одномъ чтеніи и съ сей стороны я упражнялся, но временно испытывалъ и въ сей годъ силы и способности свои въ сочиненіяхъ родовъ разныхъ.

Иногда сочинялъ и писывалъ я что-нибудь экономическое, въ другое время что-нибудь сатирическое, а иногда углублялся въ философическія и нравоучительныя сочиненія. Къ первымъ принадлежали нѣкоторыя мелочныя примѣчанія и записки, послужившія мнѣ потомъ матеріалами къ другимъ и важнѣйшимъ сочиненіямъ; ко вторымъ нѣкоторыя изъ тѣхъ писемъ, кои собраны, переписаны и переплетены у меня въ особой книжкѣ; и изъ числа сихъ было въ особливости большое мое письмо о модѣ, сочиненное мною, какъ теперь помню, въ жениной деревнѣ Коростинѣ, а къ послѣднимъ принадлежала Дѣтская моя философія.

О сей книгѣ я уже имѣлъ случай упомянуть, что я началъ ее сочинять, будучи еще холостымъ; но какъ я тогда не окончилъ и самой еще первой части оной—она же отмѣнно полюбилась всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ, которымъ я ее показывалъ и изъ ней кое-что прочитывалъ:— то сіе побудило меня приняться за продолженіе оной, къ чему я и отрывалъ нѣсколько времени въ теченіи сего года.

Въ сихъ-то многоразличныхъ упражненіяхъ препроводилъ я и сей 1765-й годъ, и имѣлъ и въ теченіи онаго много счастливыхъ минутъ и удовольствій. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежало въ особливости то, что я узналъ, что съ мѣсяца августа жена моя сдѣлалась беременною первымъ ребенкомъ, и что Всемогущему угодно было благословить ее и плодородіемъ. Не могу изобразить, какія особыя чувствованія имѣлъ я при первомъ узнаніи сей перемѣны, съ женою моею произшедшей, и тогда когда она мнѣ о томъ впервые сказала. Была она мнѣ и до того уже довольно мила, а съ сего времени сдѣлалась милѣе и дороже,— и мысль, что я скоро буду отцемъ, растрогивала всю душу мою и наполняла ее нѣкоторымъ особымъ ощущаніемъ пріятнымъ.

Вотъ все, что могъ я упомнить и сказать о произшествіяхъ, случившихся со мною въ теченіи 1765-го года. Но съ сего времени впредь, можетъ быть, исторія моя будетъ нѣсколько основательнѣе и подробнѣе, потому что съ началомъ будущаго тысяча семьсотъ шестьдесятъ-шестого года началъ я вести всѣмъ произшествіямъ, случившимся со мною, ежедневныя записки, и продолжалъ оныя до самаго почти нынѣшняго времени. Слѣдовательно изъ нихъ, какъ изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, могу я почерпать

уже болѣе и разсказывать обо всемъ не по одной памяти, какъ прежде, но съ лучшимъ обо всемъ основаніемъ и достовѣрностію.

Между тѣмъ съ окончаніемъ сего года окончу я и сіе письмо, и вкупѣ одиннадцатое собраніе оныхъ, и скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ
одиннадцатой части.
сочинена въ февралѣ 1801 года,
переписана въ декабрѣ 1805 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XII.

(Сочинена 1802, переписана 1805, въ Дворяниновѣ).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ И ПО ЖЕНИТЬБѢ.

1766.

Письмо 121-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію происшествій, бывшихъ со мною въ теченіе 1766-го года, скажу вамъ вообще, что сей годъ ознаменованъ былъ въ жизни моей многими и довольно важными происшествіями. Имѣлъ я въ оный много удовольствій, но посѣщенъ былъ и нѣкоторыми неудовольствіями, огорченіями и печалями, изъ которыхъ иныя были весьма для меня чувствительны. Не отлучался я хотя отъ дома ни въ какія дальнія и долговременныя отлучки, однако нельзя же сказать, что и сидѣлъ все дома и чтобъ не было и отлучекъ, и довольно иногда отдаленныхъ. Сихъ такъ было много, что я, вздумавъ пересчитать при концѣ года изъ любопытства всѣ тѣ дни, въ которые меня не было дома, удивился насчитавъ ихъ почти цѣлую сотню, слѣдовательно цѣлую почти треть года.

Произошло сіе отъ того, что ни въ который почти годъ мы такъ много по гостямъ не разъѣзжали, какъ въ сей, и всѣ оные дни провели мы въ помянутыхъ разъѣздахъ. А нельзя сказать, чтобъ и у насъ никого не бывало; но при помянутомъ счисленіи съ такимъ же удивленіемъ насчиталъ я почти столько же дней и такихъ, въ которые къ намъ пріѣзжали гости и мы дома провели ихъ съ чужими и посторонними людьми.

Но какъ количество обоихъ ихъ ни велико, однако не думайте, чтобъ столь многіе разъѣзды по гостямъ и пріѣзды къ намъ гостей отвлекли меня отъ домашней экономіи и прочихъ дѣлъ. Ахъ нѣтъ! любезный пріятель! но годъ сей напротивъ того можно почесть дѣятельнѣйшимъ въ моей жизни, и я не помню, чтобъ когда-нибудь предпринималъ я такъ много разныхъ дѣлъ и занимался столь многоразличными упражненіями, какъ въ теченіе сего года. Вы удивились бы истинно, еслибъ разсказать вамъ что и что, и какіе разные опыты предпринималъ я въ разсужденіи хлѣбопашества, и другихъ частей домоводства и сколько навели мнѣ хлопотъ и заботъ и одни огородныя и цвѣточныя произрастенія!

Такъ случилось, что всѣ знакомцы,

друзья и сосѣди мои, власно какъ напрерывъ другъ предъ другомъ, старались доставлять мнѣ все, что кто только имѣлъ изъ сѣмянъ и произрастеній такихъ, какихъ у меня еще не находилось. А иные выписывая оныя и покупая дорогою цѣною, не хотѣли даже сами у себя ихъ садить и сѣять, а присылали ко мнѣ, будучи увѣрены, что у меня они лучше не пропадутъ, нежели у самихъ ихъ. Такое предубѣжденіе имѣли они о моемъ любопытствѣ и отмѣнной обо всемъ старательности. И какъ количество всѣхъ ихъ было превеликое, всѣ же они мнѣ какъ новому и молодому эконому были совсѣмъ еще незнакомы и со всѣми надлежало познакомливаться, узнавать ихъ натуру и свойство, и какъ лучше ихъ садить, сѣять и размножать, то судите сами сколько одни сіи должны были меня занимать!.. Но за то доставили они мнѣ несмѣтное множество и удовольствій и пріятныхъ минутъ въ жизни. Когда же присовокупить къ тому и то, что никакъ не отставалъ я и отъ литературы, какъ любимѣйшаго своего упражненія, но посвящалъ ей многіе праздные часы и минуты, а сверхъ того имѣлъ я много и совсѣмъ особыхъ дѣлъ и занятій, то усмотрите сами, что я не всуе назвалъ его дѣятельнѣйшимъ.

Однако я пойду по порядку и возвратясь къ нити прежняго повѣствованія, буду разсказывать вамъ что зачѣмъ происходило.

Не успѣлъ сей годъ начаться, какъ небольшое, но нужное дѣльцо принудило меня съѣздить на короткое время въ Москву и побывать уже восьмой разъ въ семъ столичномъ нашемъ городѣ. Не нарочно случилось мнѣ узнать, что одинъ старичокъ, изъ живущихъ у насъ въ сосѣдствѣ небогатыхъ дворянъ, продавалъ небольшую свою землянную дачку въ Чернскомъ уѣздѣ и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я имѣлъ маленькую деревушку; и какъ была она очень малоземельна, то хотя и не было у меня наличныхъ денегъ, но напротивъ того я самъ нуждался ими, ибо и всѣ доходы мои въ тогдашнія времена были еще очень-очень невелики, но мнѣ не хотѣлось никакъ упустить сей земельки; но я отыскавъ сего добраго старичка, уговорилъ его продать мнѣ ее не за дорогую цѣну и съ обожданіемъ еще нѣкотораго количества денегъ, и для сей-то земли и покупки ѣздилъ я тогда съ старичкомъ симъ, котораго звали Васильемъ Матвѣевичемъ Молчановымъ, въ Москву, ибо крѣпости писать нигдѣ, кромѣ сего столичнаго города было не можно.

Но кто-бъ могъ думать тогда, что сія малозначущая и кратковременная ѣзда моя въ Москву назначена была благодѣтельствующею мнѣ моею судьбою для произведенія мнѣ, хотя еще отдаленной, но превеликой пользы, и пользы такой, которая бы имѣла на всю мою предбудущую жизнь, и всѣ мои обстоятельствы, наивеличайшее вліяніе. И могъ ли я тогда думать и воображать, что возвращусь изъ поѣздки сей повидимому хотя съ одною только бездѣлкою, но бездѣлка сія послужитъ потомъ поводомъ и побужденіемъ мнѣ къ такому предпріятію, которое отдаленнымъ образомъ положило первое основаніе не только всего поправленія состоянія и достатка моего, но и безчисленнымъ счастливымъ и благополучнымъ днямъ въ жизни моей, и не только доставила мнѣ весьма выгодное мѣсто, но и сдѣлала имя мое всему государству съ доброй и такой стороны извѣстнымъ, что я имѣлъ потомъ лестное и пріятное удовольствіе видѣть, что весьма многіе и именитые люди желали и искали случая меня видѣть и узнать лично; заочно же и по одному имени меня весьма многіе знали и почитали.—Ахъ, любезный пріятель! сколь мало знаемъ и въ состояніи мы усматривать сокровенные пути и слѣды, которыми ведетъ насъ Провидѣніе для доставленія намъ чего-нибудь важнаго и имъ намъ предназначаемаго, и сколь непримѣтны иногда намъ тѣ средствы, которыя оно къ тому употребляетъ!!!

Примѣръ мой можетъ служить сему яснымъ доказательствомъ. Помянутая бездѣлка или паче средство, употребленное

Промысломъ Господнимъ къ положенію основанія къ великимъ перемѣнамъ и произшествіямъ въ моей жизни, состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ одной небольшой книжкѣ, доставленной мнѣ нечаяннымъ образомъ въ руки.

Благодѣтельной судьбѣ моей угодно было, чтобъ однажды идучи по площади, предъ рядами въ Москвѣ находящейся, повстрѣчался я не нарочно съ однимъ человѣкомъ, носящимъ ее для продажи, и получившимъ оную можетъ быть отъ такого человѣка, которому была она совсѣмъ не по вкусу и ненадобна, и чтобъ по любопытству своему и охотѣ къ книгамъ, я на нее взглянулъ, вмигъ полюбилъ, почелъ для себя очень нужною и въ ту же минуту сторговалъ и купилъ себѣ оную.

Теперь не сумнѣваюсь, что вы очень любопытны узнать, какого бы рода была сія книга, которую я и понынѣ еще храню у себя, какъ нѣкакимъ важнымъ монументомъ.—Она была экономическая и составляла первую часть Трудовъ нашего экономическаго общества, и только-что изданная тогда въ свѣтъ и вышедшая въ Петербургѣ изъ печати.

Я и понынѣ не могу еще довольно надивиться тому, какъ могла она такъ скоро прислана быть въ Москву и попасться въ продажу носящему и дойтить до рукъ моихъ. Не прежде какъ въ самомъ семъ году была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый мѣсяцъ, какъ я купилъ ее, и мы не только объ ней, но и о учрежденіи самого экономическаго общества не имѣли еще ни малѣйшаго слуха, знанія и понятія.

Но какъ бы то ни было, но книжка сія и однимъ своимъ титуломъ ввергнула меня въ превеликое любопытство. Многимъ другимъ неизвѣстно было, что̀ такое экономическое общество, и могла книжка сія показаться тарабарскою грамотою, а мнѣ, начитавшемуся уже довольно иностранныхъ экономическихъ сочиненій, было дѣло сіе извѣстное. И какъ о экономическихъ обществахъ въ иныхъ земляхъ и о всѣхъ ихъ установленіяхъ имѣлъ я уже довольное понятіе, то увидѣвъ изъ книжки сей, что и у насъ такое-жъ учредилось, да еще и именитое и взятое самою императрицею въ особое покровительство, вспрыгался я почти отъ радости, и съ превеликою жадностію и вниманіемъ началъ читать все въ ней напечатанное: и удовольствіе мое усугубилось еще больше, когда увидѣлъ я, что и у насъ, по примѣру иностранныхъ, приглашалися къ сообщенію обществу экономическихъ своихъ замѣчаній всѣ живущіе въ деревняхъ дворяне, равно какъ и другіе всякаго званія люди, и что для проложенія имъ къ тому удобнѣйшаго путя приложено было при концѣ сей книжки и 65 вопросовъ, такого существа и о такихъ матеріяхъ, о которыхъ не мудрено и не трудно было всякому отвѣтствовать, буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономіи имѣлъ понятіе, и сколько-нибудь умѣлъ писать и владѣть перомъ.

Самое сіе и побуждало меня болѣе прилѣпляться къ сему предложенію въ особливости. Я помышлялъ уже и ѣдучи дорогою домой о томъ, не можно ли мнѣ на сіе требуемое соотвѣтствіе отважиться; а какъ возвратился въ домъ, то не выходило сіе у меня почти изъ ума и тѣмъ паче, что я чувствовалъ самъ себя довольно въ силахъ къ соотвѣтствованію на всѣ оные вопросы.

Совсѣмъ тѣмъ, прежде неотважился я никакъ пуститься на такое у насъ совсѣмъ еще необыкновенное дѣло, не повидавшись, не переговоривъ и не посовѣтовавъ о томъ напередъ съ другомъ и сосѣдомъ моимъ Иваномъ Григорьевичемъ Полонскимъ. И какъ сей почтенный и меня искренно любившій сосѣдъ, не только того не отсовѣтовалъ, но паче еще болѣе меня къ тому побуждалъ, давая совѣтъ, чтобъ тѣмъ ни мало и не мѣшкать, дабы другіе въ томъ меня не предупредили; то и приступилъ я тотчасъ къ сему дѣлу и расположился не только отвѣтствовать на всѣ заданные отъ общества вопросы, но приобщить

всѣмъ нашимъ земледѣльческимъ орудіямъ и рисунки.

Теперь признаюсь, что сколь знанія мои, относящіяся до сельскаго домоводства, ни были довольно еще обширны, но во многихъ пунктахъ былъ я все еще не совершенно свѣдущъ, такъ что для объясненія и оныхъ принужденъ былъ брать прибѣжище къ старику своему Ѳомичу, прикащику, и призвавъ его къ себѣ о многомъ разспрашивать и пересказываемое имъ брать себѣ въ замѣчаніе.

Усачу сему было сіе крайне пріятно, и я и понынѣ не могу еще забыть, какъ онъ, стоючи въ комнатѣ моей у притолки, и спрятавъ обѣ руки свои въ рукава овчиннаго своего тулупа, такъ какъ въ муфту, съ нѣкакимъ особымъ и внутреннее удовольствіе изъявляющимъ видомъ, разсказывалъ мнѣ вопрошавшему его, что зналъ и вѣдалъ, и власно какъ гордился всѣми свѣдѣніями своими.

Но какъ бы то ни было, но я въ немногіе дни сочинилъ всѣ мои отвѣты и сочинилъ такъ хорошо, что пріятель мой, которому возилъ я ихъ показывать, не только не выкинулъ изъ нихъ ничего, но расхваливъ, совѣтовалъ мнѣ скорѣе переписывать и отсылать, чтó я и учинилъ, и дѣломъ симъ такъ поспѣшилъ, что въ началѣ мѣсяца марта были они отъ меня въ Петербургъ уже и отправлены. По счастію отъѣзжалъ, около сего времени, меньшой мой двоюродный братъ Гаврила Матвѣевичъ записываться въ службу; почему и поручилъ я ему свое сочиненіе, прося, чтобъ пакетъ сей отдать въ Москвѣ на почту.

Сіе было первѣйшее начало переписки моей съ экономическимъ обществомъ и первое мое съ нимъ заочное знакомство, которое послужило мнѣ послѣ того въ толикую пользу. Я приложилъ къ сочиненію моему не только прекрасный и съ отмѣнною прилежностію выработанный рисунокъ, изображающій здѣшнія земледѣльческія орудія; но приобщилъ еще и особое письмо съ означеніемъ мѣста, откуда оно отправлено и расположилъ все сочиненіе мое такъ, что необходимо должно было оно экономическому обществу понравиться и вперить ему обо мнѣ, и о способностяхъ и свѣдѣніяхъ моихъ хорошее и выгодное мнѣніе; а сіе и воспослѣдовало дѣйствительно, какъ то вы сами послѣ увидите.

Первымъ послѣдствіемъ отъ сего моего новаго дѣла было то, что сколько до сего я ни прилежалъ къ сельской экономіи, но съ сего времени охота моя увеличилась вдвое. Я власно какъ предчувствуя, что судьба предназначила меня быть современемъ знаменитымъ экономическимъ писателемъ, и что мнѣ доведется писать много и обо многомъ, началъ не только входить во всѣ части сельской экономіи съ наивозможнѣйшимъ вникновеніемъ и прилежностію, и для удостовѣренія себя во всемъ предпринимать многоразличные опыты, но и все узнанное и примѣченное записывать для себя въ особую книжку, назвавъ ее «Экономическимъ магазиномъ» власно такъ, какъ бы предвидѣлъ, что нѣкогда буду я въ и печать издавать журналъ подъ симъ именемъ.

При сихъ экономическихъ затѣяхъ и упражненіяхъ ничто мнѣ такъ не досаждало, какъ наша чрезполощина или то обстоятельство, что жилъ я въ деревнѣ не одинъ, а съ другими владѣльцами, и какъ полевая земля, такъ и всѣ другія угодья были у насъ въ общемъ владѣніи и не въ раздѣлѣ, а пашенная земля раздѣлена была подесятинно и владѣніе оною перемѣшано чрезвычайнымъ образомъ.

Сіе приносило съ собою то досадное слѣдствіе, что мнѣ и съ собственными своими пашнями ничего особливаго предпріять было не можно, а съ лугами и лѣсами и подавно, какъ съ принадлежащими всѣмъ вообще, ничего особливаго, хотя бы и хотѣлъ, сдѣлать было не можно. Словомъ, я связанъ былъ съ сей стороны по рукамъ и по ногамъ и не только не зналъ чѣмъ сему злу пособить, но и непредвидѣлъ и впредь никакихъ къ тому способовъ. Ибо хотя я старался всячески преклонять важнѣйшаго совладѣльца и сосѣда своего, старика генерала, къ раздѣлу, когда не земли, такъ прочихъ

угодьевъ, а особливо лѣсовъ нашихъ, такъ какъ мы и раздѣлили уже одинъ заказъ называемый Шестунихою. Но сей престарѣлый, старый воинъ всего меньше о томъ помышлялъ, и хотя наружно и казался быть на то согласнымъ, но происходило то отъ сроднаго ему нечистосердечія и лукавства, и я легко могъ усматривать, что у него сего раздѣла и на умѣ не было.

Съ симъ престарѣлымъ, оригинальный характеръ имѣющимъ родственникомъ моимъ произошло около самаго сего времени одно странное, рѣдкое и такое произшествіе, которое всѣхъ насъ своею особливостью удивило, и было власно какъ нѣкакимъ предзнаменованіемъ тому, что ему не долго жить осталось и что сей годъ будетъ ему въ особливости бѣдственнъ.

Въ одну мартовскую ночь, когда всего меньше такого произшествія ожидать было можно, забрался жадный и голодный волкъ въ его овчарню и похозяйствовалъ такъ хорошо надъ его овцами, что цѣлыхъ три десятка ихъ перерѣзавъ, положилъ на мѣстѣ, и самъ послѣ того успѣлъ благополучно скрыться и уйтить изъ деревни. Насъ всѣхъ поразило такое необыкновенное произшествіе, и удивляло тѣмъ паче, что скотской его дворъ былъ внутри самаго жила и почти подъ самыми окошками хозяина, и въ такомъ мѣстѣ, куда бы казалось волку никоимъ образомъ отважиться и забраться было не можно.

Въ помянутыхъ литературныхъ упражненіяхъ, а болѣе всего въ чтеніи разныхъ, а особливо иностранныхъ экономическихъ книгъ, прошла вся достальная часть зимы, и у меня замѣчено было въ мысляхъ столько новыхъ дѣлъ для весны и лѣта, что я съ нетерпѣливостью дожидался вскрытія первой.

Наиболѣе занимался я тогда мыслями о лѣсахъ, ибо начитавшись довольно въ сочиненіяхъ иностранныхъ о томъ, какъ съ ними обходятся они, какъ дѣлятъ на множество частей и рубятъ не безъ разбора, какъ у насъ, а срубаютъ ежегодно по части; и какъ метода сія мнѣ очень полюбилась и казалась быть очень полезною, то хотѣлось мнѣ невѣдомо какъ учинить тоже и съ своими лѣсами и рощами, состоящими въ непосредственномъ моемъ владѣніи; а всходствіе того и раздѣливъ ихъ на планахъ на множество разныхъ частей, ожидалъ я съ нетерпѣливостью сошествія снѣга, чтобъ раздѣлъ сей на части произвесть и въ натурѣ, а потомъ чтобъ первыя части тотчасъ уже и вырубить; что я дѣйствительно и учинилъ. И какъ скоро снѣгъ сошелъ, то раздѣливъ часть свою въ Шестунихѣ на тридцать частей, первую изъ нихъ и вырубилъ; а такимъ же образомъ вырубилъ я части и въ рощахъ своихъ здѣшней и калитинской.

Другое дѣло, которое я тотчасъ по вскрытіи весны началъ, состояло въ снабденіи ближняго сада своего какою-нибудь рубленою бесѣдкою, и въ приданіи ему чрезъ то красы особой. Мѣсто подъ нее было у меня давно уже избрано и назначено. Оно было самое лучшее и то, гдѣ теперь красуется на горѣ мой «храмъ удовольствія», но тогда было оно пусто и далеко не таково просторно, какъ теперь. А бесѣдка на семъ мѣстѣ срублена была самая та осмиугольная, которая цѣла еще и понынѣ, но стоитъ уже на иномъ мѣстѣ и украшаетъ собою всю нижнюю и наилучшую часть моего сада.

Не могу изобразить, сколь много заботъ, хлопотъ, но вкупѣ и удовольствіевъ произвела собою мнѣ сія бесѣдка. Я постарался послѣ ее раскрасить и какъ можно лучше убрать по тогдашнему времени; а кстати уже поправилъ и плотину сажелки подлѣ сего мѣста находившейся, и сдѣлавъ ее регулярною, усадилъ ее внизу въ два ряда самыми тѣми лозами, которыя и понынѣ еще существуютъ и покрываютъ тѣнію своею ту прекрасную сидѣлку, которая подъ плотиною находится передъ фонтаномъ.

Но и кромѣ сихъ множество другихъ и разныхъ дѣлъ дожидалися уже вскрытія весны и сошествія снѣга; и не успѣла она вскрыться, какъ и начались безпрерывныя почти надворныя дѣла и упражненія разныя. То

сады, то поля, то рощи, то пруды, то другія части усадьбы занимали меня ежедневно, и не проходило ни одного дня, въ который бы, находясь дома, не занимался я разными упражненіями, а вкупѣ не веселился красотами натуры. И сколь многія пріятныя минуты и счастливые часы не препровождены были въ теченіе весны сей, и за всѣ ихъ обязанъ я наиболѣе своимъ садамъ и книгамъ.

Наконецъ седьмому числу мая назначено было доставить мнѣ новое великое и до сего времени неизвѣстное удовольствіе. Я упоминалъ вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, что жена моя давно была уже беременна, а сего числа разрѣшилась она бременемъ и я сдѣлался отцемъ. Не могу вамъ довольно изобразить, какова была моя радость при рожденіи сего первенца изъ всѣхъ дѣтей моихъ; съ какимъ особымъ чувствіемъ принималъ я отъ всѣхъ поздравленія и какъ пріятно было мнѣ, когда меня отцемъ называли.

Но сказать надобно и то, что удовольствіе сіе не даромъ мнѣ досталось. Жена моя мучилась ровно трое сутокъ симъ первымъ ребенкомъ и дошло до того, что мы всѣ находились объ ней въ совершенномъ отчаяніи и не думали никакъ ей въ живыхъ остаться. О, сколько вздоховъ и теплѣйшихъ молитвъ не произнесено было мною къ небесамъ! и съ какимъ уничиженіемъ и усердіемъ молился я Всемогущему!—но съ какою же живѣйшею благодарностію и повергъ я себя и къ стопамъ Его, когда достигъ до ушей моихъ первый крикъ родившагося сына. Я не вспомнилъ себя отъ радости, и удовольствіе мое было таково, что оное только чувствовать можно, изобразить же словами неудобно.

Перваго сего сына нашего назвали мы Дмитріемъ, и рожденіе его почитали столь важнымъ, что не успѣлъ онъ родиться, какъ и разослали мы всѣхъ своихъ людей во всѣ стороны извѣщать о семъ, не только всѣмъ своимъ роднымъ, но и ко всѣмъ своимъ знакомымъ, такъ какъ бы о какомъ важномъ происшествіи. Многіе изъ нашихъ родныхъ и друзей дѣйствительно тѣмъ интересовались и не преминули тотчасъ пріѣхать къ намъ съ своими поздравленіями.

Но никто не бралъ столько соучастія въ сей радости, какъ тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбышева и любезный мой сосѣдъ и другъ Иванъ Григорьевичъ Полонскій. Оба они и давно уже назвались сами и обѣщались быть воспріемниками отъ купели сего малютки, и 14-го числа мая дѣйствительно насъ тѣмъ одолжили. День сей былъ прямо для насъ торжественный и всѣ любившіе насъ болѣе прочихъ удостоили насъ въ оный своимъ посѣщеніемъ; но за всю мою хлѣбъ-соль и возможнѣйшее угощеніе, чуть-было меня шутя не уморили.

— Какъ это? спросите вы, и какимъ это образомъ?—А вотъ какъ и по какому случаю. Всѣмъ моимъ друзьямъ и пріятелямъ было какъ-то не совсѣмъ вѣроятно, чтобъ я дѣйствительно ничего не пилъ и никогда кромѣ одного случая въ Ковнахъ пьянъ не бывалъ, а всѣ какъ-то думали они, что я притворничаю и взвожу на себя неправду, что будто бы мнѣ пить никакъ было не можно.

Находясь въ такихъ мысляхъ и желая въ томъ удостовѣриться, сдѣлали они противъ меня заговоръ и положили принудить меня неотмѣнно напиться когда-нибудь пьянымъ. И какъ сей случай казался имъ къ тому наиудобнѣйшимъ, то и сказано мнѣ безъ всякихъ шутокъ отъ господина Полонскаго, что онъ дѣйствительно и никакъ крестить моего сына не пойдетъ, если я не дамъ обѣщаніе напиться при семъ случаѣ пьянымъ. Сперва почитая сіе одною шуткою, отговаривался я смѣючись, но какъ увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ того и неотмѣнно отъ меня требуютъ, то и принужденъ былъ я дать сіе обѣщаніе, а они непреминули постараться, чтобъ обѣщаніе сіе было и выполнено.

И не успѣлъ крестильный пиръ воспріять своего начала, какъ и сдѣлано было мнѣ помянутое предложеніе.

Что было мнѣ тогда дѣлать? Хоть и не хотѣлось, но принужденъ былъ на то пу-

ститься; и наслышавшись, будто-бы человѣку легче если онъ напьется пьянъ какимъ-нибудь однимъ напиткомъ, а не разными, просилъ ихъ хотя сіе мнѣ дозволить. И какъ они на то согласились, то избравъ одно бѣлое виноградное вино, и чередовался съ ними, пьющими разные другіе напитки. Но и оно такъ скоро меня опьянило, что я чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлался совершеннымъ дуракомъ и шутомъ, началъ всему смѣяться, хохотать и врать околесную, самъ не зная что и смѣшить тѣмъ всѣхъ гостей у меня бывшихъ. Но сіе все было еще сносно и хорошо; я хотя дурачился, хохоталъ, вралъ, но ничего не было дурного и оскорбительнаго, и можетъ быть, и кончилось бы все сіе ничѣмъ, еслибъ не вздумалось гостямъ моимъ принудить меня выпить еще стаканъ аглицкаго пива.

Я отговаривался сколько могъ, представляя имъ, что я не только пить, но не могу терпѣть и его запаха; но всѣ мои отговорки и упрашиванья не помогли, но еще пуще поощряли ихъ настоять на то. Итакъ, принужденъ я былъ сдѣлать имъ и сіе удовольствіе, но пивцо сіе меня уже и доконало. Не успѣлъ я его выпить, какъ и вздурилась во мнѣ вся внутренная, произошла мучительная тоска и наконецъ такая страшная рвота, какую не производитъ никакое и рвотное; и какъ начинала она меня болѣе двадцати разъ мучить и довела до самаго изнеможенія, то не только перетревожились, но натрусились и перепугались и всѣ мои гости и не знали уже сами, что со мною дѣлать!

И съ сего времени полно имъ меня принуждать дѣлать въ питьѣ имъ компанію. Они увидѣли въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ пить не годилось, и стали меня всегда уже причислять къ классу дамъ, чѣмъ я былъ и доволенъ. А случай сей хотя былъ мнѣ и труденъ, но какъ самая рвота мнѣ и помогла, то я скоро послѣ того и поправился.

О произшествіи семъ упомянулъ я для того, что оно было единственное во всю мою жизнь, и потому въ особливости достопамятно. Ибо хотя былъ я два раза пьянъ во все теченіе моей жизни, но умышленно и произвольно только сей одинъ разъ, а въ первый случилось то нечаянно въ польскомъ городкѣ Ковнахъ, какъ о томъ упоминалъ я въ свое время.

Другою достопамятностію, случившеюся сею весною, можно почесть дѣланный мною тотъ славный опытъ, который доказалъ, что овесъ несравненно лучше и выгоднѣе сѣять гораздо мельче обыкновеннаго, и что на хорошей землѣ урожай таковому можетъ превосходить всякое вѣроятіе; ибо у меня отъ посѣяннаго въ саду на грядкѣ мелко и не глубже какъ на палецъ, овса дѣйствительно родилось отъ одного зерна 2197 зеренъ. Количество такое, которое всѣхъ насъ удивило и подавало поводъ къ заключенію, что впередъ будутъ у насъ овсы лучше родиться противъ обыкновеннаго. Однако опытность и время доказало, что все сіе великолѣпное открытіе, по худобѣ нашихъ полевыхъ земель, не произвело мнѣ ни малѣйшей пользы; но мы, несмотря на оное, остались при прежней методѣ, и овсы при прежнемъ своемъ ничего незначущемъ урожаѣ.

А столь же малую пользу произвели и всѣ прочіе дѣланные мною въ сію весну опыты съ разными хлѣбами, и вся польза состояла только въ томъ, что я въ сихъ занятіяхъ съ особливымъ удовольствіемъ проводилъ свое время.

Не успѣлъ настать іюнь мѣсяцъ, какъ я обрадованъ былъ до чрезвычайности нечаяннымъ и совсѣмъ неожидаемымъ полученіемъ письма отъ экономическаго общества изъ Петербурга. Какъ такихъ повсемѣстныхъ почтъ тогда еще не было, какія учреждены у насъ нынѣ, то письмо сіе прислано было въ кoширскую воеводскую канцелярію, а оттуда съ нарочнымъ ко мнѣ доставлено. Было оно благодарительное отъ имени всего общества за присланное отъ меня сочиненіе, и въ самомъ существѣ своемъ хотя ничего незначило, но для меня въ тогдашнее время казалось невѣдомо какъ важнымъ.

Я кичился тѣмъ, власно какъ великимъ какимъ приобрѣтеніемъ, и поставлялъ себѣ то за великую честь, что самъ президентъ того общества, и первая тогда знаме-

нитѣйшая въ государствѣ особа удостоила меня своею перепискою. Президентомъ симъ былъ тогда у нихъ графъ Орловъ, самый тотъ Григорій Григорьевичъ, который такъ меня любилъ въ Кёнигсбергѣ, и который, сдѣлавшись фаворитомъ государскимъ, игралъ тогда знаменитѣйшую ролю въ Россіи и, безъ всякаго сумнѣнія, всего меньше обо мнѣ думалъ и помнилъ. Но какъ для общества весьма нужны были корреспонденты, а особливо такіе какъ я, и надобно было повсюду ихъ отыскивать и всячески ихъ поощрять къ дальнѣйшей съ собою перепискѣ, то имъ самимъ я былъ очень нуженъ; почему и не мудрено, что они тогда ко мнѣ написали нѣсколько строкъ и въ оныхъ, изъявивъ свое удовольствіе о присылкѣ моихъ отвѣтовъ, изъявили желаніе свое о томъ, чтобъ и впредь сообщаемо было отъ меня все мнѣ извѣстное.

Но какъ бы то ни было, но я полученіемъ письма сего былъ крайне доволенъ, и, по сродному всѣмъ любославію, непреминулъ показывать его всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ такъ, какъ бы сокровище какое.

Но не успѣлъ я еще отъ радости сей опомниться, какъ другое важное и также совсѣмъ нечаянно полученное извѣстіе и письмо всю мою радость прервавъ, погрузило меня напротивъ того въ печаль и огорченіе превеликое. Пришли нарочные ходаки изъ Пскова, и принесли мнѣ такое извѣстіе, котораго неожидаемость привела меня даже въ изумленіе и поразило какъ громовымъ ударомъ. Зять мой господинъ Неклюдовъ увѣдомлялъ меня, что Всемогущему угодно было прекратить вѣкъ жены его, а моей старшей сестры Прасковьи Тимоѳеевны; и 19-е числа марта былъ послѣдній день ея жизни, а 26-го числа того-жъ мѣсяца предано было и тѣло ея землѣ въ ихъ приходской церквѣ.

Не могу изобразить какъ жаль мнѣ было сестры сей. Она была мнѣ старшая, и я любилъ и почиталъ ее наравнѣ съ матерью и былъ ей въ жизнь свою многимъ обязанъ, да и она любила меня отмѣнно, и не одна слеза выкатилась у меня изъ глазъ при узнаніи о ея кончинѣ. Она была еще очень не стара, жила только 41 годъ и скончалась почти на ногахъ и въ совершенной памяти, и сколько могъ я судить, то смерти ея причиною была обструкція, сдѣлавшаяся въ правомъ боку и наконецъ прорвавшаяся.

Но какъ бы то ни было, но я чрезъ смерть ея лишился тогда и послѣдней своей близкой и кровной родственницы, и остались только въ живыхъ дѣти отъ обѣихъ сестеръ. Отъ сей одинъ только сынъ, а отъ меньшой сынъ и три дочери, изъ которыхъ старшую, Надежду, взяла-было къ себѣ покойница сестра, съ тѣмъ, чтобъ ее и выдать замужъ съ своимъ приданымъ, и какъ она по добротѣ ея нрава, характера и всего поведенія любила ее какъ дочь родную, то осиротѣла тогда и сія бѣдняжка, и для ей ударъ сей былъ еще чувствительнѣе, нежели и для самого меня. Она принуждена была потомъ возвратиться въ домъ отца своего, женившагося уже на другой женѣ, и жить съ молодою мачихою и меньшими сестрами.

Впрочемъ достопамятенъ былъ сей мѣсяцъ и нѣкоторыми вещами до экономіи относящимися. Около самаго сего времени завелъ я у себя прекрасные цвѣты, пестрые ирисы. Ѣздивши однажды въ гости за Серпуховъ къ тамошнимъ роднымъ жены моей, нашелъ я ихъ въ лѣсахъ тамошнихъ и перенесъ ихъ оттуда въ цвѣтники свои, чего они, по всей справедливости, были и достойны. Они и понынѣ еще украшаютъ собою цвѣтники мои и не посрамили бы и самые царскіе; а время и опыты научили меня какъ ихъ удобнѣе и размножать можно.

Другое и важное экономическое предпріятіе, произведенное мною около сего времени, было пренесеніе хлѣбнаго гумна моего на то мѣсто, гдѣ оное нынѣ находится. До сего времени находилось оно посю сторону прудовъ и прямо за воротами; овины были въ такой близости отъ двора, что не одинъ разъ при горѣніи оныхъ подвергались мы опасности, чтобъ отъ нихъ не потерять всего дома. Итакъ, отчасти для избавленія себя отъ сей опасности, а отчасти и для расширенія новаго и боль-

шого сада своего тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было гумно и хлѣбникъ, а улицу тѣмъ, гдѣ стояли овины и были половни и сараи, перенесъ я все гумно и хлѣбникъ за пруды на полевую землю и назначилъ мѣсто какъ подъ гумно, такъ и для риги и молотильнаго сарая, котораго до сего времени у насъ не было. И сіе было первое распространеніе усадьбы моей за пруды и вершину.

Третье и того еще важнѣйшее дѣло состояло въ подачѣ челобитной въ межевую канцелярію о продажѣ мнѣ земли въ моей шадской деревнѣ, что нынѣ лежитъ въ Тамбовской губерніи. О сей землѣ разсказывалъ уже я вамъ первѣйшія подробныя обстоятельствы недавно; но какъ она и покупка оной имѣетъ великое вліяніе во многія произшествія жизни моей, и мнѣ нерѣдко объ ней впереди говорить будетъ надобно, то и про теперешнюю подачу челобитной разскажу вамъ обстоятельнѣе.

Побудило меня къ тому то обстоятельство, что въ концѣ минувшаго года изданъ былъ тотъ славный манифестъ о межеваньѣ, который произвелъ во всемъ государствѣ толь великое потрясеніе умовъ, и всѣхъ владѣльцевъ деревенскихъ заставилъ такъ много мыслить, хлопотать и заботиться о всѣхъ своихъ земляныхъ дачахъ и владѣніяхъ. Повелѣно было размежевать всѣ земли въ государствѣ, и учреждены были межевыя канцеляріи и конторы; составленъ цѣлый межевой корпусъ изъ землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, и какъ всѣмъ имъ поступать и что дѣлать—предписаны формы и подробнѣйшія наставленія, въ сочиненныхъ для того и обнародованныхъ межевыхъ инструкціяхъ.

Важность сего новаго дѣла была такъ велика, что у всѣхъ сельскихъ и деревенскихъ жителей объяты были всѣ умы помышленіями и разговорами объ ономъ. И какъ межеваніе сіе долженствовало тотчасъ и начаться, и около сего времени и дѣйствительно уже производилось въ Московской губерніи и въ уѣздахъ къ оной принадлежащихъ, и въ ближнемъ къ намъ городѣ Серпуховѣ учреждена была межевая контора, то всѣ начинали уже готовиться къ оному и снабжать себя всѣми нужными къ тому свѣдѣніями и вещами.

Какъ помянутыя межевыя инструкціи, а особливо канцелярская и конторская, составляли книгу, которою всякій запастись или по крайней мѣрѣ прочесть старался, то легко можете заключить, что непреминулъ и я не только запастись оною, какъ скоро она вышла, но и нѣсколько надъ нею посидѣть и поштудировать, для узнанія всего написаннаго въ ней, и для предварительнаго полученія обо всемъ межевомъ дѣлѣ надлежащаго понятія. А при семъ-то случаѣ увидѣлъ я, что непозабыты были никакъ и наши степныя впустѣ лежащія земли, но ихъ всѣ велѣно было канцеляріи московской распродать, какъ завладѣвшимъ оными, такъ и другимъ охочимъ людямъ.

Повелѣніе сіе сколько однихъ обрадовало, столько другихъ опечалило и привело въ задумчивость. Цѣна назначенная симъ землямъ была совсѣмъ не такая, какой всѣ ожидали, но вмѣсто гривны за десятину, какъ всѣ полагали и думали, опредѣлено и за самую впустѣ-лежащую и никѣмъ невладѣемую землю, брать по рублю за десятину, а съ строевымъ лѣсомъ по три рубля; а за завлаженную не иначе какъ тройную цѣну, то-есть за пашенную и луговую по 3 рубля, а съ лѣсомъ по девяти рублей. Цѣна, показавшаяся тогда всѣмъ чрезвычайною, хотя въ самомъ дѣлѣ была и она весьма еще малая и умѣренная.

Но какъ бы то ни было, но всѣ показавшіе, изъ единой ненасытной жадности въ завладѣніи своемъ многія тысячи десятинъ, тогда ахнули и не знали что дѣлать. Доводилось инымъ платить по нѣскольку десятковъ тысячъ, и хорошо, если кому было за что, и земли столько у нихъ въ завладѣніи было, сколько ими показано. Но многіе наклепывали на себя чего не бывало и долженствовали теперь платить многія тысячи понапрасну.

Точно сіе случилось тогда съ нѣкоторыми изъ сосѣдей моихъ въ шадской

или тамбовской деревнѣ. Что-жъ касается до меня, то хотя и мнѣ доводилось заплатить не малую и до нѣсколька сотъ рублей простирающуюся сумму; но какъ она все еще было для меня сносная, то я радовался по крайней мѣрѣ, что поступилъ не по примѣру жадныхъ сосѣдей моихъ и не навлекъ самъ на себя несноснаго бремени, а напротивъ того сталъ помышлять о томъ, какъ бы скорѣе воспользоваться сею государскою милостію и получить ту землю себѣ въ покупку.

Худое состояніе всѣхъ моихъ небольшихъ деревнишекъ, крайняя малоземельность во всѣхъ оныхъ и малое количество доходовъ, получаемыхъ тогда и со всѣхъ ихъ, которые въ послѣдній годъ простирались только до 480 рублей, суммы ничего почти незначущей, заставляли меня спѣшить помянутою покупкою, дабы чрезъ то, хотя ту степную деревню снабдить довольнымъ количествомъ земли и сдѣлать ее доходнѣйшею. А о томъ же самомъ помышлялъ и братъ мой Михайла Матвѣевичъ, находившійся въ сіе время уже дома и въ отставкѣ.

По особливому счастію находился тогда при первомъ членѣ межевой канцеляріи, генералѣ Штофельнѣ, одинъ нашъ родственникъ, господинъ Арцыбышевъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ. И какъ онъ былъ въ особливомъ у него кредитѣ, то и хотѣлось намъ воспользоваться симъ случаемъ и чрезъ его основать сію покупку. Сіе и удалось намъ произвесть въ дѣйство. Мы списались о томъ съ нимъ и онъ увѣдомилъ насъ, когда намъ можно было подать о продажѣ намъ сей земли челобитную. И сіе-то прошеніе подали мы чрезъ его въ сіе время въ межевую канцелярію, расположивъ оную сообразно съ прежнимъ нашимъ объявленіемъ въ коммиссію о засѣкахъ.

Наконецъ, четвертою достопамятностію сего времени было то, что я, будучи ободренъ благоволеніемъ, оказаннымъ мнѣ экономическимъ обществомъ и благосклоннымъ принятіемъ посланнаго моего къ нимъ сочиненія, рѣшился приступить къ сочиненію втораго и отъ самого уже себя, и матерію къ тому избралъ относящуюся до лѣсовъ и до рубки оныхъ частями. Побудило меня къ тому наиболѣе то, что я не только о лѣсахъ начитался въ иностранныхъ книгахъ въ особливости довольно, но предпринималъ уже и нѣкоторые опыты съ ними, слѣдовательно могъ составить нѣкотораго рода систематическое и довольно полное сочиненіе о лѣсахъ и основать оное отчасти на теоріи, а отчасти на практикѣ самой. И сіе-то важное и можно сказать прямо полезное сочиненіе начато было мною въ концѣ мѣсяца іюня.

Вотъ все, что происходило со мною въ теченіе первой половины сего года, и вы согласитесь со мною въ томъ, что періодъ времени сей былъ довольно знаменитъ въ моей жизни. Теперь слѣдовало бы повѣствовать о томъ, что происходило со мною далѣе; но какъ письмо мое уже слишкомъ увеличилось, и мнѣ давно пора была его окончить, то дозвольте мнѣ отложить то до письма послѣдующаго, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь и проч.

Письмо 122-е.

Любезный пріятель! Вторая половина 1766-го года началась для меня небольшою отлучкою отъ дома, узнаніемъ незнакомыхъ мѣстъ и сведеніемъ новаго знакомства со многими до того неизвѣстными дворянами. Поводомъ ко всему тому и къ ѣздѣ въ Веневскій уѣздъ, гдѣ никогда еще не случалось мнѣ бывать, была одна свадьба.

У тетки жены моей, да и у самой ей была одна родственница незамужняя изъ фамиліи Арцыбышевыхъ, по имени Надежда Аѳанасьевна. За сію дѣвушку, довольно намъ всѣмъ знакомую и всѣми нами любимую, отыскался около сего времени женихъ изъ числа небогатыхъ веневскихъ дворянъ, изъ фамиліи Кислинскихъ, а по имени Андрей Ефремовичъ.

Какъ родители помянутой дѣвушки, будучи также людьми небогатыми, весьма любили и почитали тетку жены моей и самую мою тещу, которой отецъ ея Аѳанасій

Ивановичъ доводился внучетный братъ, то просили они всѣхъ насъ помочь имъ въ семъ случаѣ, и не только проводить невѣсту въ помянутый уѣздъ, но и быть на свадьбѣ сей, съ невѣстиной стороны мнѣ отцемъ, а теткѣ Матренѣ Васильевнѣ матерью посажеными. Долгъ родства да и самой дружбы воспретилъ намъ отказать имъ въ сей просьбѣ, но мы паче съ охотою готовы были оказать имъ сію услугу. Итакъ, мы всѣ и цѣлою компаніей и ѣздили въ то село, гдѣ женихъ имѣлъ свое жительство.

Оно лежало въ Веневскомъ уѣздѣ, и намъ для квартированія до свадьбы отведенъ былъ особый домъ господина Бурцова, а оттуда мы и отпускали невѣсту къ олтарю. Какъ отецъ новобрачнаго былъ хотя небогатый дворянинъ, но добрый человѣкъ и самый старый драгунъ и добрый воинъ, то и свадьба сія была хотя непышная, но изрядная. Было гостей и народа довольно, ибо всѣ сосѣдственные дворяне его любили, и мы угощаемы были очень хорошо и такъ, что мы съ удовольствіемъ проводили тѣ дни, которые у нихъ пробыли.

И я имѣлъ удовольствіе узнать при семъ случаѣ многихъ веневскихъ дворянъ и свесть съ ними знакомство, какъ-то съ господами: Максимовымъ, Кислинскимъ, Змѣевыми, Крюковыми, Солнцевыми и нѣкоторыми другими. Но какъ жительство ихъ было отъ меня не такъ близко, то и остались они только знакомцами, кромѣ новобрачнаго Андрея и брата его Ивана Ефремовича Кислинскихъ, которые, сдѣлавшись намъ уже не чужими, продолжали и послѣ съ нами знакомство и дружбу.

Не успѣли мы съ сей свадьбы возвратиться, какъ попали тотчасъ на другую. Старикъ, сосѣдъ мой, генералъ отдавалъ падчерицу свою, а мою прежнюю невѣсту Елизавету Даниловну Миткову, за господина Албычева, молодого и очень хорошаго офицера изъ стоявшаго въ Коширѣ полку, по имени Александра Андреяновича.

Свадьба сія была хотя къ намъ и ближе, но мы не имѣли въ ней такого соучастія, какъ въ прежней, и болѣе потому, что свадьба сія была не церемоніальная, а почти за просто по причинѣ недомоганія да и хотѣнія старика хозяина. Совсѣмъ тѣмъ имѣлъ я при семъ случаѣ удовольствіе узнать и полюбить новобрачнаго, который сдѣлался потомъ мнѣ пріятелемъ, но къ сожалѣнію жилъ недолго, и вмѣсто его былъ мнѣ уже другомъ братъ его родной, Алексѣй Андреяновичъ Албычевъ, какъ о томъ упомянется впослѣдствіи.

Въ концѣ сего мѣсяца окончилъ я свое сочиненіе о лѣсахъ, и не успѣлъ сего великаго и въ праздные часы, остающіеся отъ другихъ моихъ упражненій, производимое дѣло кончить, какъ обрадованъ былъ опять присылкою ко мнѣ изъ экономическаго общества превеликаго пакета.

Я не зналъ, что̀-бъ такое это было, но распечатавъ увидѣлъ, что было вновь напечатанная вторая часть Трудовъ общества, въ прекрасномъ кожаномъ переплетѣ, при письмѣ отъ секретаря общества подполковника Андрея Андреевича Нартова, въ которомъ писалъ онъ ко мнѣ, что общество, признавъ сочиненіе мое о Коширскомъ уѣздѣ полезнымъ и достойнымъ напечатанія, помѣстило оное во второй части Трудовъ своихъ и оную въ знакъ благодарности ко мнѣ посылаетъ.

Сіе было первое письмо, писанное ко мнѣ отъ г. Нартова, который послѣ сдѣлался мнѣ такъ полезнымъ. Оно прислано было опять отъ генерала-прокурора князя Вяземскаго къ коширскому воеводѣ, а отъ сего съ нарочнымъ ко мнѣ солдатомъ. Вотъ сколько околичностей требовалось тогда для таковыхъ пересылокъ.

Теперь не въ состояніи я никакъ описать вамъ того чувствованія удовольствія, съ какимъ разсматривалъ и читалъ я въ первый еще разъ напечатанное свое сочиненіе. Признаюсь, что для меня весьма пріятна была та минута, въ которую въ первый разъ увидѣлъ я свое имя напечатаннымъ. Мысль, что сдѣлается оно чрезъ то всему отечеству извѣстнымъ и нѣкоторымъ образомъ останется безсмертнымъ и увѣковѣчится, ласкало очень сильно моему самолюбію и

вперяло уже нѣкоторое особое о себѣ мнѣніе. Я кичился тѣмъ и побуждался еще болѣе мыслить о своемъ второмъ сочиненіи и о томъ, какъ бы его скорѣе переписать набѣло и отправить въ Петербургъ. Чтожъ касается до помянутаго перваго, то было оно безъ всякой переправки напечатано, а приобщенъ былъ къ нему и самый мой рисунокъ, выгравированный точьвъ-точь и очень искусно.

Сколько доволенъ былъ я симъ неожидаемымъ произшествіемъ, столько же обрадованы были тѣмъ и обѣ мои семьянинки, а особливо моя теща. Но я непреминулъ тотчасъ свозить книжку сію для показанія и прочтенія и другу моему, Ивану Григорьевичу Полонскому. И сей въ радости и удовольствіи моемъ воспринималъ искреннее соучастіе, и поздравляя меня съ сдѣланіемъ имени и способностей моихъ извѣстными, какъ другъ, совѣтовалъ мнѣ продолжать переписку мою съ обществомъ и дѣлаться ему чрезъ то отчасу знакомѣе, говоря, что сіе не только сдѣлаетъ мнѣ честь, но и общество экономическое, составленное изъ столь знаменитыхъ людей, можетъ быть впредь къ чему-нибудь мнѣ пригодится. Что впослѣдствіи времени и дѣйствительно воспослѣдовало.

Наступившій за симъ августъ мѣсяцъ принесъ съ собою опять одно важное произшествіе въ нашей фамиліи.

Болѣзнь старика сосѣда моего, генерала, такъ усилилась, что угрожала пресѣченіемъ его жизни, и какъ никто въ томъ уже не сомнѣвался, то прислали намъ сказать, чтобъ мы пришли съ нимъ проститься. Мы тотчасъ и побѣжали туда и нашли его дѣйствительно въ такой уже слабости и изнеможеніи, что спѣшили его не только исповѣдать и причастить, но и особоровать масломъ и тѣмъ приготовить его совсѣмъ къ отшествію на тотъ свѣтъ. Онъ и преселился туда на другой день послѣ сего, то-есть 3-го августа, дѣйствительно.

Я не могу сказать, чтобъ мнѣ сего престарѣлаго родственника моего слишкомъ жаль было. Онъ поступками и характеромъ своимъ не приобрѣлъ какъ-то отъ меня ни особой любви, ни почтенія, а сомнѣваюсь, чтобъ кто-нибудь иной любилъ его искренно. Странный, удивительный и даже оригинальный его характеръ приносилъ уже то съ собою, и онъ былъ таковъ, что я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ имѣлъ во всю жизнь свою у себя хотя одного искреннаго друга. Однако не могу сказать, чтобъ видѣлъ я отъ него что-нибудь и худое и имѣлъ причину за то его ненавидѣть; а по всему тому и сожалѣлъ я о немъ такъ, какъ сожалѣть должно о пресѣченіи жизни такого родственника, который чиномъ своимъ дѣлалъ честь нашей фамиліи, а сверхъ того былъ въ оной и старшій.

Какъ по смерти его не осталось уже никого изъ рода нашего старѣе меня, то я, сдѣлавшись чрезъ то главою и начальникомъ всего нашего маленькаго рода, взялъ на себя попеченіе о его погребеніи, а особливо потому, что сына его, котораго одного онъ только и имѣлъ, не было тогда дома, а находился онъ въ службѣ и служилъ въ гвардіи капраломъ.

Мы созвали къ сему случаю всѣхъ его ближнихъ родственниковъ и погребли его чинъ чиномъ, и какъ надобно и непостыдно было для такого чиновника, и положили его подъ церковью рядомъ съ покойною его первою, и едвали не отъ него жизнь потерявшую женою, противъ амбона нѣсколько влѣво, выстлавъ могилу его, по обыкновенію, кирпичемъ.

Прочее время сего мѣсяца достопамятно было тѣмъ, что занимался я въ оное дѣланіемъ себѣ домашней деревянной астролябіи съ ромбами. Выдѣлка сія была моя собственная и была очень удачная; мнѣ удалось смастерить прекрасную и очень вѣрную астролябію, въ которой одна только стрѣлка была купленная, а прочее все было домашнее; и она такъ была удобна и неубыточна, что я, во время издаванія мною «Экономическаго магазина», увѣковѣчилъ даже ее сообщеніемъ свѣту не только подробнаго описанія, но даже самаго рисунка оной. Приближающееся межеванье и хотѣніе снять всѣ свои земли

предварительно на планъ и измѣрить аккуратно, было къ труду сему мнѣ побужденіемъ.

Другое замѣчанія достойное было то, что около сего времени у сосѣда моего, Александра Ивановича Ладыженскаго, родился тотъ второй сынъ его Иванъ, съ которымъ нынѣ судьба довела меня жить въ сосѣдствѣ и въ дружбѣ и коего пріязнію я очень доволенъ. И какъ всѣхъ дѣтей крестилъ у него уже я, то былъ и сему его сыну воспріемникомъ вмѣстѣ съ женою г. Полонскаго, Анною Алексѣевною.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, во все праздное время занимался я переписываніемъ набѣло второго моего сочиненія, назначеннаго для отсылки въ Экономическое общество, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностью, что оное у меня къ 2-му числу сентября и поспѣло. И такъ, я и отправилъ оное въ Москву, съ поѣхавшимъ туда, для своихъ нуждъ однимъ заводскимъ нѣмцемъ, и. случилось сіе въ самый тотъ день, въ который я за 4 года до сего пріѣхалъ изъ службы жить въ деревню.

Не успѣлъ я сіе дѣло кончить, какъ новое произшествіе обратило къ себѣ всѣ мои мысли и вниманіе. Въ Тарусской уѣздъ присланъ былъ уже землемѣръ и началъ межевать, а какъ въ семъ уѣздѣ находилась деревенька тещи моей, или паче принадлежащая всѣмъ намъ, по названію Волнино, и была еще не межевана, а на ней почти прежде бывшее и такъ-называемое Шуваловское межеванье остановилось, и потому очередь должна была очень скоро дойтить и до нашей деревни, то надобно было мнѣ самому туда ѣхать, войтить во всѣ обстоятельствы, спознакомиться въ первый разъ съ межеваньемъ, и учинить все нужное въ пользу деревни нашей. Какъ деревня сія принадлежала хотя одной моей тещѣ, но земляная дача была вообще у ней съ невѣсткою ея, Матреною Васильевною, то обѣ онѣ снабдили меня вѣрющими письмами, и поручили мнѣ сіе ихъ общее дѣло въ полную волю.

Мнѣ и удалось начать и произвесть оное болѣе нежели съ вожделѣннымъ успѣхомъ, но и стоило оно мнѣ немалыхъ трудовъ и хлопотъ. Я, пріѣхавъ туда и объѣхавъ всю дачу, нашелъ обстоятельствы самыя скверныя. Дачка наша сама по себѣ хотя и не была еще межевана, но обмежеванными уже сосѣдственными другими дачами была почти вся кругомъ окружена такъ, что оставался только малѣйшій и не болѣе какъ только саженъ на десять длины клочекъ не пройденный межею и необмежеваннаго мѣста. И сіе-то узенькое мѣсто стоило только тогда пройтить новому землемѣру.

Сіе бы впрочемъ и хорошо, и намъ бы меньше трудовъ стоило при межеваньѣ, еслибъ съ тѣмъ другого и крайне досаднаго обстоятельства, а именно того, что дача наша была очень неполна и по измѣренію оказалось, что недоставало въ ней точно цѣлой половины противъ числа крѣпостей нашихъ на оную. А что всего хуже, то никто изъ жителей тамошнихъ не зналъ, куда она дѣлась и по какому случаю ее такъ много убыло, и гдѣ бы намъ ее при тогдашнемъ межеваньѣ отыскивать было надобно?

Но сей послѣдній вопросъ не трудно было рѣшить. Оставался только, какъ выше упомянуто, маленькій промежутокъ недомежеванной земли съ близълежащимъ селомъ Хомяковымъ. Итакъ, искать ли, или не искать, оставалось только въ Хомяковской дачѣ, ибо другія всѣ были уже замежеваны и чрезъ рубежъ перейтить было уже не можно. Но была-ль или нѣтъ въ Хомяковской дачѣ примѣрная и излишняя земля, которою бы нашу дачу наполнить было можно, о томъ никто не зналъ и не вѣдалъ.

При такихъ смутныхъ и дурныхъ обстоятельствахъ долго не зналъ я, что мнѣ дѣлать, но наконецъ другого не нашелъ, какъ воспользоваться помянутыми маленькими воротцами, допускающими сколько-нибудь входъ въ постороннюю дачу, и заспоривъ въ ономъ мѣстѣ отхватить споромъ набумъ изъ хомяковской дачи такое количество, какое могло-бъ достаточно быть для наполненія недостатка въ нашей дачѣ, и учинить сіе прямо на-

удачу и въ надеждѣ, что авось-либо найдется тамъ множество примѣрной земли и будетъ чѣмъ имъ съ нами подѣлиться.

Въ семъ намѣреніи и старался уже я не упустить самаго того пункта времени, какъ землемѣръ придетъ къ нашей дачѣ и къ помянутымъ воротамъ. По особливому счастію случилось такъ, что землемѣръ сей былъ нѣмецъ, и человѣкъ очень добрый, по имени Христофоръ Егоровичъ, а по прозванію господинъ Унферцагтъ. Онъ не успѣлъ меня увидѣть, не успѣлъ узнать и услышать, что я говорю по-нѣмецки и очень хорошо, какъ и полюбилъ уже меня и сдѣлался мнѣ пріятелемъ, и потому и далъ мнѣ волю спорить и отводить заспоренное мѣсто какъ я хочу. А сею благосклонностію воспользуясь, и заспорилъ я на помянутомъ мѣстѣ и отхватилъ отъ Хомяковскихъ болѣе полутораста десятинъ земли и на большую часть съ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ. Сіе послѣднее сдѣлалъ я по той необходимости, что вся земля Хомяковской дачи, лежащая въ смежности къ сему мѣсту, была подъ лѣсомъ.

Споръ сей многимъ казался совсѣмъ нескладнымъ, и не только кому иному, но и самимъ мужикамъ нашимъ, и я признаюсь, что и самъ я былъ не лучшаго объ немъ мнѣнія. Однако, онъ удался противъ чаянія всѣхъ, лучше нежели кто могъ думать и ожидать. Ибо какъ по измѣренію Хомяковской дачи оказалось въ ней земли такое великое множество противъ крѣпостей въ излишествѣ, что и за наполненіемъ нашей, и за всѣмъ удовлетвореніемъ по закону, оставалось еще много лишней, которую слѣдовало отрѣзать на государя; то какъ стали насъ потомъ по обыкновенію мирить, то самая необходимость и опасеніе, чтобъ не потерять множайшаго количества, принудила Хомяковскихъ со мною помириться и добровольно отдать мнѣ все то количество, сколько я требовалъ и даже и съ лѣсомъ. Но надобно сказать, что и я поступилъ въ семъ случаѣ довольно къ нимъ снисходительно и въ уваженіи лѣса согласился взять земли гораздо меньше, нежели сколько-бъ мнѣ по законамъ получить было можно. Чѣмъ они будучи довольны, подали тогда-же обще со мною о томъ полюбовную сказку.

Нельзя изобразить, какъ удивились всѣ наши тамошніе мужики неожидаемому сему и толь скорому и легкому пріобрѣтенію и сколь высокое мнѣніе получили о моемъ искусствѣ. Но признаюсь, что и самъ я очень былъ тѣмъ обрадованъ и доволенъ успѣхомъ, превзошедшимъ и собственное мое ожиданіе; что-жъ касается до обѣихъ владѣтельницъ, тетки и моей тещи, то радость о томъ была ихъ чрезмѣрная: и они превозносили меня до небесъ своими похвалами.

Но не успѣли Хомяковскіе сего сдѣлать, и я не имѣлъ еще времени землю сію принять въ свое владѣніе, какъ нѣкакой злой духъ подстрекнулъ ихъ нарушить добрую вѣру и совѣсть, и вздумать уступленный мнѣ помянутый лѣсъ, котораго болѣе ста десятинъ было, срубить. Они, выждавъ меня оттуда и въ мое отсутствіе нагнали множество народа, и ну! рубить лѣсъ и возить въ свою деревню.

Ко мнѣ прискакали тотчасъ гонцы о томъ съ извѣстіемъ, и я, досадуя на сихъ вѣроломныхъ и недовольныхъ моимъ снисхожденіемъ, поскакалъ тотчасъ въ Серпуховъ въ межевую контору, и употребилъ все что только могъ къ снисканію себѣ защиты и удовлетворенія по законамъ, и довелъ ихъ наконецъ до того, что они раскаялись въ своемъ глупомъ предпріятіи и просили меня уже изъ милости дѣло сіе и просьбу на нихъ оставить, и брались удовлетворить меня полюбовно всѣмъ, что мнѣ было надобно; чѣмъ я былъ и доволенъ, и будучи самъ не охотникъ до хлопотъ по приказнымъ дѣламъ, охотно на то согласился и дѣло сіе кончилъ съ ними миролюбиво и съ довольною для себя выгодою.

Совсѣмъ тѣмъ, не безъ трудовъ и не безъ хлопотъ обошлось мнѣ при производствѣ сего межевого дѣла. Я принужденъ былъ нѣсколько разъ ѣздить и въ Тарусу и въ Серпуховъ, и хлопотать съ

межевыми въ межевой конторѣ и съ городскими по воеводской канцеляріи. Но за то и доставилъ мнѣ сей случай въ обоихъ сихъ мѣстахъ много новаго знакомства.

Въ Тарусѣ случились тогда находиться при должностяхъ дальніе родственники тещи моей, Петръ Михайловичъ Недобровъ и Петръ Сергѣевичъ Селиверстовъ, съ которыми свелъ я при семъ случаѣ короткое знакомство, и у перваго при всѣхъ моихъ пріѣздахъ въ Тарусу я квартировалъ.

Кромѣ сихъ, къ особливому удовольствію моему, не только спознакомился, но и свелъ даже дружбу съ живущимъ неподалеку отъ Тарусы довольно зажиточнымъ дворяниномъ, Осипомъ Васильевичемъ Гурьевымъ, человѣкомъ добрымъ, любопытнымъ, великимъ охотникомъ до садовъ и до экономіи и дальнимъ моимъ и жениными родственникомъ. Я давно уже, наслышавшись объ немъ, искалъ случая спознакомиться съ симъ домомъ короче, но до сего времени не было къ сему удобнаго случая. А въ сіе время бывали мы нѣсколько разъ у него съ межевщиками и съ тарусскими господами и гащивали иногда у него дни по два, по случаю псовой охоты, къ которой онъ былъ приверженъ и увеселялъ гостей своихъ нерѣдко звѣриною ловлею, ѣздя съ ними вмѣстѣ на поле.

При напоминаніи о семъ приходитъ мнѣ на память и то, какъ-было отъ сей проклятой охоты, чуть-было я не сломилъ себѣ головы. Съ того времени, какъ маленькаго меня чуть-было до смерти не убила лошадь при ѣздѣ за зайцами, хотя и ненавидѣлъ я сію охоту, но тутъ не могъ никакъ отговориться, чтобъ не ѣхать вмѣстѣ съ хозяиномъ и со всѣми гостями на поле, и когда не для травли зайцевъ, такъ по крайней мѣрѣ, чтобъ быть зрителемъ, какъ другіе травить станутъ. Почему и выпросилъ себѣ лошадь посмирнѣе и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ мнѣ отнюдь не скакать, а быть только зрителемъ; но статочное-ли дѣло?—Проклятая охота сія кажется и произведена на свѣтъ для того, чтобъ людямъ, выходя изъ самихъ себя, терять умъ и память и дѣлаться хуже скотовъ безсмысленныхъ!

Я сколько ни философствовалъ, ѣдучи въ сей разъ на поле и какъ ни старался о томъ, чтобъ поставили меня, какъ неимѣющаго у себя собакъ, гдѣ-нибудь въ укромонномъ и такомъ мѣстечкѣ, гдѣ-бъ могъ я только быть издали зрителемъ ихъ гоньбы и скаканья, но вся моя философія вспыхнула и исчезла какъ дымъ, какъ скоро увидѣлъ я предъ собою зайца!—Проклятая скотина!...

На меня-таки и прямо подъ мою лошадь скоса и надобно было ему выскочить, какъ начали ихъ вездѣ по кустамъ ихъ шарить. И тутъ единой секунды и единаго воззрѣнія на него довольно было къ тому, чтобъ лишить меня всего разсудка и довесть до того, что я, забывъ себя и забывъ все на свѣтѣ и всѣ опасности, забывъ и то, что у меня не было ни собаки, ни пистолета и ничего кромѣ одного прутика въ рукахъ, а закричавъ и завопивъ, какъ съумасшедшій, бросился и поскакалъ безъ ума безъ памяти въ слѣдъ за побѣгшимъ отъ меня прочь зайцемъ и поскакалъ такъ, какъ родясь еще никогда не скакивалъ, и тѣмъ паче, что имѣлъ подъ собою и лошадь издавна къ тому приученую.

Но ежели-бъ спросить меня тогда, зачѣмъ и съ какимъ намѣреніемъ поскакалъ я тогда за зайцемъ: поймать что-ли я его хотѣлъ, но чѣмъ? руками что-ли, или лошадью хотѣлъ стоптать? то устыдился-бъ я самъ себя и захохоталъ бы своему безумію, и не зналъ бы что сказать. Равно какъ и теперь истинно не знаю и не понимаю, какъ въ единый мигъ могла взойтить на меня такая блажь, что я безъ памяти поскакалъ самъ не зная куда и зачѣмъ? и до тѣхъ поръ скакалъ покуда прискакалъ къ престрашной, преглубокой и такой крутой водороины, что слетѣвъ въ нее стремглавъ, въ тотъ же бы мигъ отправился на тотъ свѣтъ, еслп-бъ по особливому счастію, приученая къ такимъ случаямъ лошадь, прискакавъ къ сей страшной рытвинѣ и не болѣе какъ

на пядень отъ нее, вдругъ не остановилась. И тогда только, увидѣвъ предъ собою очевидную пагубу и бездну, опомнился я и перекрестясь, самъ своему безумію постыдился.

Съ того времени полно мнѣ было ѣздить съ ними на поле за охотой, и сколько они меня ни упрашивали, но я откланивался имъ, и хотѣлъ охотнѣе оставаться дома и гулять по прекраснымъ его садамъ или заниматься разговорами съ хозяйкою и ея дочерьми, которыя всѣ были превеликія экономки и до всего охотницы.

Что касается до Серпухова, то тамъ по сему же случаю и долженъ будучи иногда дни по три и болѣе проживать, познакомился я не только съ межевыми конторскими, но и съ самыми городскими и полковыми, ибо тогда случилось тутъ стоять Черниговскому полку, въ которомъ служилъ родственникъ нашъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ, у котораго я обыкновенно и квартировалъ въ сіи пріѣзды.

Полковникомъ былъ тогда въ семъ полку Иванъ Александровичъ Заборовскій, а главными въ межевой конторѣ гг. Брянчаниновъ и Софоновъ. У всѣхъ я ихъ, равно какъ и у воеводы г. Дурнова и его товарища бывалъ и со всѣми, при помощи помянутаго родственника моего, спознакомился и многихъ знакомство обратилось мнѣ послѣ въ пользу.

Въ помянутыхъ происшествіяхъ прошелъ почти весь сентябрь мѣсяцъ, но межевыя хлопоты и въ оный еще не окончились, но мнѣ досталось похлопотать и въ октябрѣ мѣсяцѣ и даже и въ самомъ ноябрѣ, и въ семъ послѣднемъ, ѣздивши въ Серпуховъ, перебираться съ великою опасностью чрезъ Оку, во время самаго ея замерзанія. И хотя хлопоты сіи мнѣ и понаскучили, но я получилъ отъ нихъ сугубую пользу. Во-первыхъ ту, что спознакомился короче со всѣмъ межеваньемъ и сдѣлался по сей части уже болѣе другихъ знающимъ. Во-вторыхъ, ту, что получилъ не малое себѣ пріобрѣтеніе и въ особливости ту пользу, что могъ всю вновь примежеванную къ тарусской нашей деревнѣ землю отдать актомъ на часть теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, а самъ остался уже одинъ владѣльцемъ въ деревнѣ Волниной. Примежеванной же лѣсъ мы напередъ сообща продали на срубку, а тетка продала потомъ и всю часть свою, и купили у ней ее тѣже хомяковскіе жители, отъ которыхъ она была отмежевана, чѣмъ и кончилось все сіе дѣло ко взаимному и общему всѣхъ насъ удовольствію.

Что касается до мѣсяца октября, то оный ознаменовался наиболѣе возвращеніемъ изъ Петербурга въ домъ новаго сосѣда моего, и сына умершаго генерала, Матвѣя Никитича. Я старался сколько могъ преклонить его къ себѣ въ дружество, и успѣхъ имѣлъ въ томъ нарочито изрядный. Онъ хотя и заимствовалъ нѣсколько изъ характера отца своего, однако все былъ лучше, откровеннѣе и чистосердечнѣе и обходился со мною и братьями моими дружески и какъ добрымъ сосѣдямъ надобно было, такъ что я не могъ ни въ чемъ на него тогда жаловаться. Сверхъ того имѣлъ онъ и самъ во мнѣ нужду и надобность.

Послѣ покойника осталась вторая жена, а его мачиха, и съ нею надлежало ему развестись и въ наслѣдствѣ раздѣлаться. Но какъ онъ, по молодости и неопытности своей, не могъ самъ войтить въ сіе дѣло, то и просилъ онъ меня войтить въ оное, и развести его съ мачихою, на что я охотно и согласился и мнѣ посчастливилось развесть ихъ такъ, что они съ обѣихъ сторонъ остались довольными. А мачихѣ его я такъ тѣмъ услужилъ, что она поступила далѣе и согласилась всю полученную ею на седьмую часть земляную дачу, кромѣ людей, продать намъ съ братьями за весьма сходную цѣну, и тѣмъ насъ очень одолжила.

Не успѣлъ я сего важнаго дѣла въ пользу сосѣда своего кончить, какъ, пользуясь его къ себѣ довѣріемъ и благосклонностію, восхотѣлъ я его преклонить и къ полюбовному раздѣлу съ нами всѣхъ

нашихъ лѣсовъ и отхожихъ пустошей, словомъ, всего, что только раздѣлить было можно. Обстоятельство, что я имѣлъ у себя астролябію и при помощи оной могъ акуратнѣйшимъ образомъ всѣ оныя снять на планъ, и вычисливъ сколько въ нихъ земли и всякихъ угодьевъ, разчислить и разрѣзать оныя наиточнѣйшимъ образомъ всѣмъ по числу дачъ, и увѣреніе, что я ни въ чемъ не сфальшивлю и во всемъ томъ раздѣлѣ поступлю наичестнѣйшимъ образомъ, и побудило его какъ и обоихъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, Михайлу и Гаврилу Матвѣевичей на предложеніе и желаніе мое согласиться.

А какъ мнѣ хотѣлось ковать желѣзо покуда было оно горячо, и пользуясь ихъ согласіемъ, учинить тому раздѣлу и начало, то и согласились мы начать оной раздѣленіемъ того небольшого лѣсочка, который находится подлѣ самой нашей деревни; выросъ по крутому косогору высокаго берега рѣки Скниги и извѣстенъ былъ издревле подъ именемъ Удерева, и какъ лѣсъ въ ономъ не вездѣ былъ равенъ, то и положили мы оный весь напередъ срубить и раздѣливъ срубленный лѣсъ между собою, раздѣлить потомъ и находящуюся подъ нимъ землю.

Все сіе и произвели мы въ теченіе октября мѣсяца и прежде еще наступленія имянинъ моихъ. И не успѣли мы помянутымъ образомъ лѣсокъ сей весь сообща срубить, и лѣсъ раздѣливъ развесть по дворамъ, какъ обновивъ астролябію свою и снялъ я тотчасъ мѣсто сіе на планъ; а потомъ, разчисливъ сколько изъ онаго каждому изъ насъ доводилось по числу дачъ, разрѣзалъ на столько частей и предложилъ, чтобъ для лучшаго безпристрастія кинуть жеребій гдѣ кому достанется, что все и учинено было. Когда же мы получили чрезъ покупку всю седьмую часть отъ Софьи Ивановны: то пасынокъ ея поступилъ далѣе и согласился всю свою часть въ Удеревѣ промѣнять намъ на седьмую часть изъ его Шестунихи, которую, по силѣ покупки, получить намъ отъ него слѣдовало, а чрезъ то и остался онъ отчужденнымъ на вѣкъ отъ Удерева, а мы раздѣлили оное уже одни съ братьями. По удачномъ же окончаніи сего раздѣла приступилъ я тотчасъ къ сниманію на планъ и прочихъ нашихъ лѣсныхъ угодьевъ, а особливо въ пустошѣ Шаховой.

Помянутый раздѣлъ Удерева былъ послѣднимъ дѣломъ въ 28-й годъ моей жизни, ибо въ слѣдующій затѣмъ день наступилъ уже мнѣ двадцатьдевятый годъ.

Я праздновалъ по обыкновенію и въ сей годъ свои имянины и гостей было у меня довольно. Впрочемъ сей день ознаменовался тремя достопамятными случайностями: во-первыхъ тѣмъ, что службу у насъ и въ церквѣ совершалъ въ первый разъ еще нашъ молодой попъ Евграфъ, усыновленный племянникъ отца Иларіона, которому онъ и уступилъ при жизни своей мѣсто. Во-вторыхъ тѣмъ, что сдѣлался у насъ-было въ сей день пожаръ: загорѣлась-было кухня, но мы ее удачно и скоро потушили. А въ-третьихъ, наконецъ, что пріѣзжалъ къ намъ въ сей день, въ первый еще разъ изъ Тарусы новый мой пріятель, Осипъ Васильевичъ Гурьевъ, со всѣмъ своимъ семействомъ и прогостилъ у меня трое сутокъ. Мы препроводили сей день довольно весело и всѣ гости кромѣ немногихъ у меня ночевали.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, свирѣпствовала въ селеніи нашемъ сильная оспа, и наконецъ зашла и къ намъ во дворъ, а въ концѣ мѣсяца октября заразила и нашего малютку. Болѣзнь его сперва озаботила, а потомъ и огорчила насъ всѣхъ чрезвычайнымъ образомъ; ибо мы вскорѣ и уже при самомъ началѣ болѣзни его увидѣли, что оспа его была дурная и опасная. Она и похитила у насъ сего первенца къ великому огорченію его матери. Я и самъ хотя пожертвовалъ ему нѣсколькими каплями слезъ, однако перенесъ сей случай съ нарочитымъ твердодушіемъ: философія моя помогла мнѣ много въ томъ, а надежда имѣть вскорѣ опять удовольствіе видѣть у себя дѣтей, ибо жена моя была опять беременна, помогла намъ чрезъ ко-

роткое время и забыть сіе несчастіе, буде сіе несчастіемъ назвать можно. Мы погребли его въ тотъ же день, подлѣ олтаря съ правой стороны и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ и внуки моей Екатерины.

Всю достальную часть осени сего года, а отчасти и первые мѣсяцы наставшей потомъ зимы проводилъ я на большую часть въ разъѣздахъ отчасти по межевымъ дѣламъ въ Серпуховъ и въ Тарусу, отчасти по гостямъ и знакомымъ, а особливо новымъ, которыхъ было въ сей годъ довольно. Не упускалъ однако я имѣть попеченіе и о домашнемъ, и въ праздное осеннее время занимался кое-какимъ мелкимъ строеніемъ, помышляя уже вкупѣ и о новомъ домѣ, который затѣвалъ я въ мысляхъ себѣ строить. Ветхость и мализна прежняго начинала мнѣ уже нѣсколько скучать. Итакъ, прожектированъ былъ новому дому не только планъ, но я поступилъ и далѣе, и въ праздные длинные осенніе и зимніе вечера смастерилъ и прекрасную разборную модель оному, устроивъ ее такъ хорошо, что всѣ ей дивились и съ любопытствомъ разсматривали.

Занимался я также въ осеннее время и своими садами; когда же наступившая стужа не дозволяла болѣе время свое провождать на воздухѣ, а принуждала сидѣть въ теплѣ, тогда книги и литература была моимъ занятіемъ. Я провождалъ время свое и провождалъ съ удовольствіемъ отчасти въ чтеніи, отчасти въ писаніи чего-нибудь. Сіе послѣднее было издавна моимъ любимѣйшимъ и такимъ упражненіемъ, которое мнѣ послѣ трудовъ почти отдохновеніемъ служило. Въ сей разъ занимала меня наиболѣе моя «дѣтская философія», ибо какъ она всѣмъ читавшимъ ее въ особливости нравилась и всѣ превозносили ее похвалами, то сіе побудило меня не только переписать ее набѣло, но приступить и къ продолженію сего моего сочиненія; въ чемъ и препроводилъ я нѣсколько времени.

Наконецъ наступленіе нашего деревенскаго праздника, Николина дня, отвлекло меня на нѣсколько дней отъ моихъ литературныхъ упражненій. Мнѣ хотѣлось и въ сей годъ поступить по примѣру нашихъ предковъ и отпраздновать оный не одному, а съ пріятелями моими и знакомыми; въ особливости же хотѣлось мнѣ въ сей день поподчивать и угостить у себя тарусскихъ межевыхъ въ благодарность за ихъ къ себѣ благосклонность. Они пріѣзжали ко мнѣ изъ Тарусы, взявъ въ проводники себѣ г. Гурьева, котораго опять имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя въ домѣ въ соотвѣтствіе его угощеніямъ меня и всѣмъ оказаннымъ ко мнѣ ласкамъ. И какъ и кромѣ ихъ было у меня и другихъ гостей довольно, то провели мы сіе время очень весело, и я заключилъ празднество сіе небольшимъ фейерверкомъ, которымъ снабдилъ меня изъ Серпухова дядя жены моей и мой другъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ.

Сіе было послѣднее сколько-нибудь достопамятное произшествіе въ семъ годѣ, ознаменовавшимся толь многими произшествіями; а что воспослѣдовало послѣ, о томъ предоставляю говорить въ моихъ будущихъ письмахъ. Сіе же симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ и прочая.

1767.

Письмо 123-е.

Любезный пріятель! Сколько изобиленъ былъ 1766-й годъ разными до меня касавшимися произшествіями, столько тощъ и скуденъ былъ напротивъ того послѣдующій за нимъ 1767-й годъ. Въ оный происходило столь мало важныхъ и прямо до меня относящихся произшествій, что я могъ бы его почти совсѣмъ миновать или на короткихъ только словахъ вамъ сказать, что я и его препроводилъ благополучно и живучи въ миломъ сельскомъ своемъ уединеніи и удаленіи отъ большого свѣта такъ хорошо, что я и не видалъ почти какъ онъ протекъ, и еслибъ не продолжаема была мною начатая съ прошедшаго года ежедневная всѣмъ произшествіямъ записка, то не могъ бы даже и вспомнить всѣхъ сколько-нибудь замѣчанія

достойнѣйшихъ произшествій, случившихся въ теченіе сего года какъ со мною, такъ и съ моими домашними.

Не имѣлъ я себѣ никакихъ особливыхъ и важныхъ радостей и удовольствій во все продолженіе онаго, но не было и никакихъ особливыхъ и важныхъ огорченій и непріятностей такихъ, которыя бы могли нарушать то спокойствіе дней моихъ, которымъ я безпрерывно почти наслаждался, и наслаждаясь онымъ ощущалъ въ знатномъ градусѣ то истинное блаженство жизни, за которымъ толь многіе гоняются, но толь немногіе находятъ.

Помогало мнѣ въ томъ наиболѣе то, что я не перемѣнялъ никакъ прежняго образа жизни и поведенія своего, а продолжалъ жить по прежнему. Не давалъ себя мучить ни любославію, ни властолюбію, ни самолюбію съ корыстолюбіемъ; а былъ и старался быть довольнымъ тѣмъ что имѣлъ, не роპталъ на судьбу, для чего не имѣлъ я множайшаго; не сѣтовалъ на то, для чего тысячи другихъ людей были меня знатнѣе и богатѣе, но всего меньше о томъ помышляя, измѣрялъ паче счастіе свое жребіями тѣхъ множайшихъ еще людей, кои меня несравненно еще бѣднѣе и несчастнѣе!! Утѣшался тѣмъ, что я былъ еще въ тысячи вещахъ ихъ счастливѣе и при всемъ небогатствѣ своемъ не только наѣдался и высыпался не менѣе, какъ и самые богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди, но духомъ несравненно еще ихъ спокойнѣе и веселѣе былъ.

Я жилъ не завидуя никому и ни въ чемъ, не домогался ничего надмѣру, а того паче съ неправдою; обходился со всѣми дружелюбно, просто, безхитростно, чистосердечно, откровенно, ласково и снисходительно, и за то былъ всѣми любимъ и почитаемъ добрымъ человѣкомъ, а сіе для меня было всего дороже. И какъ я старался всегда и всѣмъ быть довольнымъ, то и не терпѣлъ я ни въ чемъ дальняго недостатка, и былъ съ сей стороны уже счастливъ.

Но сіе счастіе увеличивало еще несказанно привычка не сидѣть никогда безъ дѣла и безъ всякаго упражненія, ибо безпрерывное занятіе себя чѣмъ-нибудь любопытнымъ и веселымъ, какъ, напримѣръ, лѣтомъ садами и увеселеніями красотами и прелестьми натуры и предприниманіемъ тысячи разныхъ любопытныхъ дѣлъ и упражненій, а осенью и зимою чтеніемъ, рисованіемъ, писаніемъ или дѣланіемъ и мастереніемъ чего-нибудь, доставляло мнѣ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ и прямо счастливыхъ, и я не зная никогда скуки, велъ самую счастливую и столь веселую деревенскую жизнь, что не желалъ никакой лучшей!!

Вотъ краткое изображеніе исторіи сего года; а впрочемъ наизнаменитѣйшимъ и прямо до меня относящимся произшествіемъ было то, что въ мартѣ мѣсяцѣ сего года разрѣшилась жена моя вторично бременемъ, и въ сей разъ родила мнѣ уже дочь и самую ту, которая многіе годы утѣшала меня отмѣнною ко мнѣ своею ласкою и любовію, доставляла мнѣ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ въ жизни и была старшею изъ всѣхъ дѣтей моихъ, достигшихъ до возраста совершеннаго. Произошло сіе въ 27-й день помянутаго мѣсяца, ввечеру, и мы назвали ее Елисаветою.

Я былъ ей столько же радъ, какъ прежде и сыну и былъ весьма удаленъ отъ того, чтобъ, по примѣру многихъ другихъ отцевъ, досадовать или роптать на судьбу для чего произвела она не сына, а дочь, но почиталъ все даяніемъ божескимъ, почему и хотѣлъ-было также сдѣлать и крестильной ея пиръ какъ можно лучшимъ; но бывшая въ самое то время половодь и распутица не допустила почти никого къ намъ пріѣхать и были только прежніе кумовья: другъ мой Иванъ Григорьевичъ Полонскій и тетка Матрена Васильевна Арцыбышева, съ которыми мы праздникъ сей и отпраздновали.

Другое было то, что я чуть-было однажды не схлебнулъ горячки прежестокой. Случилось сіе въ октябрѣ мѣсяцѣ и въ началѣ моего 30-го года. Я три дня почти уже лежалъ, и всѣ думали, что будетъ горячка, но я благополучно и въ сей разъ оточхался и отпился травами. Впро-

чемъ же во все теченіе года сего былъ здоровъ, хотя былъ онъ крайне нездоровый.

Самое начало онаго ознаменовалось повсемѣстною переналкою и все почти государство было больно кашлемъ, головною болью и ломомъ. Однако нельзя сказать, чтобъ было много умирающихъ. Отъ сей болѣзни не освободилась даже и жена моя, но отдала ей долгъ вмѣстѣ съ прочими.

Проводилъ я сей годъ наиболѣе въ сотовариществѣ сосѣда своего и брата двоюроднаго, Михаила Матвѣевича. Онъ въ прошедшемъ еще году, испросивъ себѣ отставку отъ военной службы, пріѣхалъ къ намъ жить въ деревню и по пріѣздѣ тотчасъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему раздѣлиться съ меньшимъ своимъ братомъ Гаврилою Матвѣевичемъ, собиравшимся только иттить въ службу. Важное сіе дѣло некому было иному произвесть, кромѣ меня. Покойный дядя мой, а ихъ отецъ препоручилъ обоихъ ихъ мнѣ въ попеченіе и заклиналъ ихъ слушать и почитать меня какъ отца. Я и старался сколько могъ долгъ сей выполнить; акакъ и они дѣлали мнѣ въ семъ случаѣ довѣріе и оба о томъ просили, то охотно и приступилъ я къ сему важному и для обоихъ ихъ нужному дѣлу.

Произвесть сіе не таково было легко, какъ сперва казалось. Оба они были характеровъ не весьма хорошихъ, а что того хуже, разныхъ и несогласныхъ. Оба корыстолюбивы, оба рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы. Оба завидливы, оба воспитанные просто, безъ малѣйшаго образованія душъ и просвѣщенія, и потому неимѣющіе никакихъ благородныхъ склонностей и правилъ. И какъ судя по симъ ихъ свойствамъ, я могъ легко предвидѣть, что въ состояніи они будутъ о всякой мелочи спорить и браниться, ежели предварительно не употребить нужной къ тому предосторожности, то я не упустилъ сего изъ виду и избралъ къ тому слѣдующій особый путь.

Какъ одному изъ нихъ надлежало оставаться въ отцовскомъ домѣ, а другому выходить вонъ и строиться на новомъ мѣстѣ, и никто изъ нихъ охотою на сіе не шелъ, то присовѣтовалъ я имъ предать сей важный пунктъ жребію. Но прежде киданія онаго и покуда никто изъ нихъ не будетъ еще знать, кому изъ нихъ выходить вонъ, условились бы они и согласились во всемъ, что и что именно тому дать, кому по жребію достанется выходить на новое мѣсто, и какія выгоды долженъ онъ получить предъ остающимся въ прежнемъ домѣ.

Цѣль моя притомъ была та, что какъ они еще не знали кому выходить доведется, то будетъ каждый изъ нихъ, опредѣляя выгоды отходящему самъ себѣ, прочить, слѣдовательно въ назначеніи помянутыхъ выгодъ поступать станетъ наибезпристрастнѣйшимъ образомъ. А такимъ же образомъ уговорилъ я ихъ кидать жребій и обо всемъ прочемъ, о чемъ было только можно; но прежде киданія жеребья также все надвое справедливѣйшимъ образомъ разверстывать. А сія предосторожность и произвела мною желаемое и то, что они при посредствѣ моемъ и разверстались во всемъ, и уравняли все и даже самыя бездѣлки и мелочи такъ хорошо, что оба остались и мною и жребіемъ своимъ совершенно довольными.

Сей жеребій кидали они торжественно у меня въ домѣ при всѣхъ случившихся у меня гостяхъ; ибо случилось сіе въ самый день имянинъ жены моей, 18-го марта. И какъ досталось въ отцовскомъ домѣ остаться меньшому, а старшему отходить и строиться на новомъ мѣстѣ, то мы въ тотъ же день по приглашенію и ѣздили всѣ въ домъ къ новому хозяину для поздравленія его съ отцовскимъ домомъ.

Теперь, не ходя далѣе, остановлюсь я на минуту и разскажу вамъ одно смѣшное произшествіе, доказывающее сколь нужна при раздѣлахъ такая предосторожность, какую употребилъ я при раздѣлѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ.

Они всѣмъ и всѣмъ, что разровнено и записано было на бумагѣ и предварительно обоими ими скрѣплено—были довольны и ни о чемъ изъ всѣхъ важныхъ вещей не

было у нихъ ни малѣйшаго спора. Но какимъ-то случаемъ упустили всѣ мы одну повидимому сущую бездѣлку изъ примѣчанія, или лучше сказать, всѣ объ ней совершенно позабыли. Бездѣлка сія не иное что была, какъ маленькій хмѣльникъ, находившійся въ углу одного изъ садовъ ихъ. Сей хмѣльникъ вышелъ какъ-то у всѣхъ насъ изъ головы и мы совсѣмъ объ немъ позабыли, и потому въ раздѣльной не сказали о томъ ни слова.

Но какую важность могъ составлять бездѣльный и ничего незначущій хмѣльникъ сей? Не всего ли кажется легче можно было имъ его раздѣлить, и размѣривъ пополамъ дать одному свою половину выкопать... Но статочное ли дѣло, и таковы ли были братцы и характеры ихъ!... Но бездѣлка сія въ состояніи была ихъ не только разсорить, но такъ разгорячить и довесть до такого безпамятства и непростительнаго дурачества, что они не только разругались, но даже влѣпились другъ другу въ волосы, и ну другъ друга таскать вповолочку на самомъ хмѣльникѣ этомъ, въ то время, когда старшій по наступленіи весны пришелъ въ садъ, и сталъ половину хмѣля себѣ выкапывать, а другой, которому показалось что онъ беретъ много, сталъ ему спорить и не давать онаго.

Вотъ до чего доводитъ людей, не имѣвшихъ добраго воспитанія и чуждыхъ всякаго просвѣщенія, пылкость страстей! Все произошло отъ того, что оба они были рьяны и неуступчивы, что не сказали напередъ мнѣ о томъ и не призвали меня для размѣренія бездѣльнаго хмѣльника сего. А по сему судя, чего бы не могло произойтить между ними, еслибъ не употреблено было мною помянутой предосторожности въ другихъ и важнѣйшихъ вещахъ?

Я, услышавъ о томъ, и смѣялся, и хохоталъ, и досадовалъ на обоихъ сихъ героевъ и не преминулъ гораздо потазать ихъ обоихъ за такую непростительную глупость, которой они сами потомъ стыдились; но надобно сказать, что и поводъ къ тому подалъ наиболѣе самъ хмѣль. Оба они были съ-молоду съ нимъ какъ-то знакомы, и едва не оба они были тогда на девятомъ взводѣ. Но какъ бы то ни было, но хмѣль сей и отмстилъ обоимъ имъ за сію сдѣланную ими на себѣ неблагопристойность. Оба они черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того и во гробъ пошли отъ излишней приверженности къ сему произрастенію.

Но я возвращусь къ прежнему и скажу вамъ далѣе, что по случаю раздѣла сего получилъ и я себѣ небольшую выгоду.

Все то мѣсто, которое занимаетъ нынѣ пятый изъ моихъ садовъ и такъ-называемый З а о в р а ж н ы й или М а р ь и н с к о й садъ или все то мѣсто, которое изстари называлось К л и н о м ъ и лежитъ въ лѣвой сторонѣ дома моего за оврагомъ, дошло только въ сіе время посредствомъ промѣна въ мое владѣніе. А до того времени было оно не мое, а большая часть онаго состояла во владѣніи сихъ братьевъ моихъ, а маленькая часть книзу клиномъ была у насъ съ ними общая. Но какъ одному изъ нихъ надлежало вновь строить себѣ домъ и за тѣснотою ихъ усадьбы вытить за Архаровскую-вершину и поселиться по конецъ Удерева, которое мѣсто одно только къ тому было способнымъ, но въ самомъ томъ мѣстѣ за Архаровскою-вершиною имѣлъ я молодую березовую рощу, насажденную покойною матерью моею на цѣлой полудесятинѣ; то и согласились мы сдѣлать промѣнъ, и чтобъ мнѣ отдать имъ ту мою рощу подъ поселеніе двора, а имъ отдать мнѣ свою рощу на клину, которой также была полдесятины. Но какъ ихъ роща была старѣе моей, то положено было, чтобъ имъ половину рощи своей срубить и воспользоваться лѣсомъ; что все мы и учинили, и съ того времени и состоитъ сіе мѣсто у меня во владѣніи, но которымъ я только нынѣ начинаю прямо пользоваться, превращая его въ садъ особаго рода.

Впрочемъ, не успѣлъ сей раздѣлъ кончиться, какъ и началъ Михайла Матвѣевичъ на новомъ своемъ мѣстѣ строиться и проворилъ такъ хорошо, что къ осени

поспѣлъ у него не только дворъ, но и самыя хоромы.

Сіи построилъ онъ совсѣмъ новыя по сдѣланному мною плану, и были они изрядныя. А такимъ же образомъ помогъ я ему расположить и дворъ и садъ предъ домомъ, на уступѣ горы удеревской, и всѣ мы имѣли удовольствіе на Михайловъ день въ ноябрѣ обѣдать у него въ новомъ домѣ, какъ въ день имянинъ его.

Хотѣлось-было намъ очень и женить сего молодца въ сіе лѣто; но сіе желаніе наше было безуспѣшно. Онъ хотя и не отрекался отъ женитьбы и самъ зналъ, что ему жениться было надобно, но въ выборѣ себѣ невѣсты былъ слишкомъ ужъ разборчивъ. Все ему хотѣлось найтить невѣсту богатую и хорошую, но таковая какъ-то не отыскивалась, а на тѣхъ, которыя согласны были за него вытить, ему не хотѣлось. Нѣкоторыя пріѣзжали даже къ намъ, чтобъ ему себя показывать, но ему были онѣ неугодны. Словомъ, сколько мы ему ни предлагали невѣстъ и невѣстъ очень хорошихъ и для его выгодныхъ, но онъ, по обыкновенію всѣхъ жениховъ, болѣе о себѣ и о достоинствахъ своихъ думалъ, нежели сколько надлежало, и потому слушать никого въ семъ пунктѣ не хотѣлъ, а избраніе невѣсты предоставлялъ собственному своему выбору и разсудку.

Что касается до меньшого его брата, то сей записывался въ этотъ годъ въ службу въ семеновскій гвардейскій полкъ, но службу несъ очень мало, но то и дѣло отпрашивался въ отпуски и пріѣзжалъ жить вмѣстѣ съ нами въ деревню.

Не таковъ напротивъ того былъ другой мой сосѣдъ, Матвѣй Никитичъ, сынъ умершаго генерала. Сей отправился еще съ начала года продолжать свою гвардейскую службу въ Петербургѣ и несъ ее какъ надобно во все теченіе сего года. Деревню же свою при отъѣздѣ поручилъ мнѣ въ смотрѣніе и управленіе, и мы съ нимъ только что переписывались.

Еще весною сего года находился я въ великомъ опасеніи о себѣ, чтобъ не выбранъ я былъ въ депутаты въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Важное сіе, громкое и славное дѣло основывалось въ сей годъ и императрица наша нарочно для сего пріѣзжала въ Москву.

Повелѣно было во всѣхъ уѣздахъ всего государства выбрать къ сему сочиненію новыхъ законовъ разумнѣйшихъ и способнѣйшихъ дворянъ депутатами и снабдить ихъ отъ всего дворянства инструкціями, а для порядочнѣйшаго всего того производства выбрать напередъ дворянамъ въ каждомъ уѣздѣ себѣ предводителя. А по всему тому и опасался я, чтобъ каширскимъ господамъ дворянамъ не вздумалось въ помянутые депутаты выбрать меня, какъ способнѣйшаго къ тому и могущаго лучше всѣхъ другихъ исправить сію должность.

Мѣсто сіе было хотя сопряженное съ честію и такое, въ которое многіе ужасно добивались, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованьемъ, а отчасти другими выгодами. Но мнѣ какъ-то не хотѣлось войтить въ сіе дѣло.

Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію.

И дабы въ томъ лучше успѣть, то не хотѣлъ я даже и показать себя господамъ коширскимъ дворянамъ и умышленно на съѣздъ ихъ для сихъ выборовъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно. И слѣдствіе оказало, что я поступилъ и благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей императрицы, и что и самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ,

которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, несмотря ни мало способны-ли они къ тому были или неспособны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералажъ, что принуждено было все сіе дѣло остановить и оставить до другоговремени. И какъ у насъ выбраны были въ предводители г. Юшковъ, бывшій нѣкогда въ Москвѣ губернаторомъ, а въ депутаты нѣкто г. Масловъ, то и остался я спокойнымъ и очень былъ радъ, что сія буря меня миновала.

Все сіе происходило весною въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, а въ іюлѣ имѣли мы еще нѣкоторое дѣло съ княземъ Горчаковымъ, занимавшее меня нѣсколько дней сряду и мыслями и трудами, но окончавшееся также ничѣмъ.

Сему близкому нашему сосѣду и кёнигсбергскому еще моему знакомцу случилось пріѣхать въ сіе лѣто въ сосѣдственную къ намъ деревню свою Злобино вмѣстѣ съ женою своею, и пробыть тутъ нѣсколько дней. Какъ онъ съ нами обослался и мы къ нему не одинъ разъ ѣздили и принимаемы и угощаемы были очень ласково, да и самъ онъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; то при свиданіяхъ сихъ дошелъ у насъ съ нимъ разговоръ о земляныхъ нашихъ дачахъ, перемѣшанныхъ между собою и о томъ, не можно-ль бы намъ было какъ-нибудь поразмѣняться оными? Ибо надобно знать, что князь сей имѣлъ въ дачахъ нашихъ небольшую частичку, купленную у господъ Хотяинцовыхъ, и какъ сія небольшая частичка, вышедшая изъ нашего рода, по какому-то приданству разбросана была по маленькимъ клочкамъ по всей нашей дачѣ и была намъ какъ чирей на глазу, да и князю неспособна и еще болѣе нежели намъ; то и предложилъ онъ намъ, не согласимся ли мы всѣ сіи его разбросанныя по разнымъ мѣстамъ частички измѣривъ взять себѣ, а ему толикое-жъ число намѣрить и отрѣзать къ одному мѣсту изъ сосѣдственной къ нему пустоши нашей Хмыровой.

Таковой промѣнъ хотя и былъ болѣе выгоденъ ему, нежели намъ, однако мы, поговоря между собою съ братьями, на предложеніе его и согласились. Князь тѣмъ былъ очень доволенъ и просилъ меня и братьевъ моихъ, которыхъ привозилъ я къ нему для сего, съѣздить съ нимъ и осмотрѣть и назначить то мѣсто, гдѣ бы ему отрѣзать землю сію къ одному мѣсту, что мы охотно и учинили; и объѣздивъ съ нимъ верхами всю нашу пустошь Хмыровскую, съ общаго согласія и назначили тотъ уголъ, гдѣ бы ему отрѣзать, а возвратясь къ нему въ домъ и отобѣдавъ стали счислять всѣ его разбросанные клочки, которыхъ набралось во всѣхъ пустошахъ и угодьяхъ до 48 десятинъ съ четвертою долею. Но какъ для точнѣйшаго намѣриванія такого же количества нужно было прилежащую къ дачамъ его часть пустоши нашей Хмыровой снять на планъ, то и прошенъ я былъ княземъ принять на себя сей трудъ, на что охотно согласясь, оба послѣдующіе дни я надъ тѣмъ и трудился.

Но что-жъ изъ всего того вышло? Не успѣлъ я сію немалую-таки работу кончить, какъ и поѣхалъ съ братьями моими къ князю въ безсомнѣнной надеждѣ, что дѣло сіе мы въ тотъ день кончимъ, и что князь вѣрно назначенную на планѣ отрѣзку аппробуетъ. Но князь хотя и аппробовалъ оную, но вдругъ удивилъ меня до чрезвычайности, сказавъ, что хотя онъ и охотно соглашается на сей промѣнъ, но не прежде къ тому приступить намѣренъ, какъ рѣшивъ съ нами споръ о его Неволочи.

Сіе было такъ мною неожидаемо и составляло такую для меня задачу, что я отъ удивленія онѣмѣлъ и не зналъ, что сказать ему на сіе въ отвѣтъ. Неволочь сія не имѣла никакого съ симъ промѣномъ соотношенія, а это было совсѣмъ другое дѣло. Подъ симъ названіемъ находился въ дачахъ княжихъ одинъ старинный лѣсъ въ смежствѣ съ нашею пустошью Шаховою и совсѣмъ въ другой сторонѣ и за нашею церковью.

Никто не запомнитъ, чтобъ принадлежалъ сей лѣсъ когда-нибудь нашимъ предкамъ и чтобъ завлаженъ былъ у насъ пред-

ками князей Горчаковыхъ; а сколько память всѣхъ въ живыхъ находящихся людей достигала, то находился онъ всегда во владѣніи князей Горчаковыхъ. Но какимъ-то случаемъ удалось покойному дядѣ моему Матвѣю Петровичу открыть, по стариннымъ выписямъ и крѣпостямъ, что сей лѣсъ, по древнимъ межевымъ признакамъ и живымъ урочищамъ, долженствовалъ принадлежать намъ, а не князьямъ Горчаковымъ, и что описанные признаки и урочищи были еще такъ видимы и примѣтны, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ лѣсъ сей, лежащій между двухъ буераковъ и содержащій въ себѣ десятинъ до шестидесяти, не принадлежалъ когда-нибудь къ нашей пустоши Шаховой.

Помянутый дядя мой, увидѣвъ и узнавъ сіе и будучи до приказныхъ дѣлъ отмѣнный охотникъ, вознамѣрился еще за нѣсколько лѣтъ до кончины своей испытать, не можно ли оной намъ получить опять во владѣніе наше. И хотя и онъ ни отъ кого и ни подъ какимъ видомъ узнать не могъ, по какому случаю и когда именно отошелъ онъ во владѣніе князьямъ Горчаковымъ, однако рѣшившись показать на удачу, что оной лѣсъ предками князей Горчаковыхъ насильно у насъ завлаженъ, подалъ уже давно па отца сего князя о семъ лѣсѣ исковую челобитную и старался всячески привлечь князя съ собою въ судъ. Но какъ сему того не хотѣлось и онъ всячески отъ того отбывалъ, дядя же мой, будучи непомѣрно скупъ, не хотѣлъ много тратиться и дѣлу сему жертвовать многими убытками, то такъ сіе при жизни стариковъ и осталось, и оба оставили сіе дѣло рѣшить намъ, какъ ихъ наслѣдникамъ.

И о семъ-то дѣлѣ и Неволочи князь тогда упомянулъ и хотѣлъ, чтобъ мы при случаѣ предпринимаемаго тогда въ земляхъ съ нимъ промѣна, оставили бы и сіе якобы совсѣмъ пустое и предкомъ нашимъ неправильно предпріятое дѣло и отказались бы отъ нашего требованія на его Неволочь.

Не могу изобразить, какъ удивилъ онъ меня симъ своимъ и нами нимало неожидаемымъ требованіемъ. Дѣло сіе было совсѣмъ другого рода и не только не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ сему размѣну, но составляло и особливую важность.

Я хотя и не входилъ въ оное по сіе время, но отъ покойнаго дяди такъ много наслышанъ былъ объ ономъ, и онъ такъ мнѣ натвердилъ о всей справедливости нашей претензіи, что и я уже никакъ не сомнѣвался въ томъ, что сей лѣсъ слѣдуетъ намъ и что намъ долго-ли или коротко, а получить его себѣ, а особливо при приближающемся межеваніи будетъ легко и можно; а потому и отлагалъ дѣло сіе только до межеванья, и какъ по всему сему дѣло сіе не составляло такой бездѣлки, которою бы пренебрегать и швыряться можно было, то странно было мнѣ, что князь сочелъ насъ уже столь глупыми и недальновидными, что возмечталъ себѣ возможность убѣдить насъ дѣло толикой важности оставить изъ единаго къ нему уваженія и власно какъ бы въ благодарность за промѣнъ въ землѣ, который для самого его былъ несравненно выгоднѣе и полезнѣе нежели намъ, или короче сказать, поводить насъ за носъ, какъ нѣкакихъ дурачковъ и послѣ надъ самими нами-жъ посмѣяться.

Я внутренно хохоталъ и досадовалъ на то, что его сіятельству вздумалось сыграть съ нами такую комедію, и на предложеніе его отвѣтствовалъ такъ, что онъ легко могъ видѣть, что онъ попалъ не на дурака, а что-нибудь-таки разумѣющаго; и поелику главная его цѣль была, подъ видомъ размѣна, уничтожить помянутое озабочивавшее самого его дѣло, и сіе ему не удалось, то не восхотѣлъ онъ и размѣниваться уже съ нами и землею, что и подало поводъ что мы, не сдѣлавъ ничего, и разстались съ нимъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Сіи были наизнаменитнѣйшія происшествія въ теченіе сего года; что-жъ касается до экономическихъ и достойнѣйшихъ изъ нихъ сколько-нибудь замѣчанія дѣлъ, то состояли они только въ томъ, что вычистилъ я одинъ изъ старинныхъ своихъ прудовъ, а именно верхній, нынѣ

называемый баннымъ, который отъ долготы времени весь заплылъ иломъ; также построилъ молотильный сарай и ригу или избу сушильную. Въ поляхъ же и садахъ предпринималъ опять множество разныхъ опытовъ.

Въ сихъ послѣднихъ привелъ я въ сей годъ въ лучшее состояніе предъ прежнимъ свой цвѣтникъ, наполнивъ его множествомъ новыхъ и лучшихъ цвѣтовъ, которыхъ сѣменами снабдилъ меня другъ мой, господинъ Полонскій; а приводя часъ отъ часу въ лучшее состояніе свои здѣшніе сады, не преминулъ нѣсколько постараться о садахъ и въ другихъ моихъ деревняхъ: Калитинѣ и Коростинѣ, и бывая въ обоихъ ихъ въ сіе лѣто по нѣскольку разъ, поправлялъ сады въ нихъ прививаніемъ и разсадкою разныхъ деревъ. Словомъ, я и сей годъ занимался всѣми частями сельскаго домоводства и всѣ оныя старался столько приводить въ лучшее состояніе, сколько былъ въ силахъ и сколько дозволяли мнѣ обстоятельствы.

Совсѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобъ попеченіе о экономіи удерживало меня отъ выѣздовъ, но я и въ сей годъ далеко былъ отъ того удаленъ, чтобъ сидѣть запершись дома. Но напротивъ того рѣдкая недѣля проходила, чтобъ мы куда не ѣздили или чтобъ къ намъ кто не пріѣзжалъ; а было нѣсколько разъ и довольно отдаленныхъ и многіе дни продолжавшихся отлучекъ отъ дома. А именно, еще при началѣ сего года зимою ѣздилъ я съ обоими братьями моими на короткое время для разныхъ мелкихъ надобностей въ Москву, и это было уже въ девятый разъ, что я былъ въ сей столицѣ, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, употребилъ оные отчасти на исправленіе своихъ нуждъ и покупки, а отчасти на разъѣзды по всѣмъ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, случившимся тогда въ Москвѣ.

Бывалъ я также не одинъ разъ для межевыхъ дѣлъ въ Серпуховѣ. Возилъ обѣихъ моихъ старушекъ, тещу и тетку, въ тарусскую деревню для показанія имъ вновь пріобрѣтенной и примежеванной земли, и для сдѣланія распоряженій въ ней. Былъ цѣлыхъ три раза въ жениной деревнѣ и въ послѣдній разъ праздновалъ въ ней праздникъ Покрова Богородицы. Также ѣздили мы подъ Каширу навѣщать милую и любезную мою старушку тетку, Матрену Ивановну Аникѣеву; а ѣзжали мы также не одинъ разъ и за Оку рѣку для свиданія съ нашими тамъ живущими родными и знакомцами.

Количество сихъ послѣднихъ умножилось въ сей годъ довольно новыми, и я едва успѣвалъ дѣлать имъ соотвѣтственные визиты. Что-жъ касается до прежнихъ моихъ друзей и знакомцевъ, то дружба съ ними продолжаема была далѣе и становилась отъ-часу твердѣйшею.

Наконецъ присовокупить надобно и то, что, несмотря на всѣ разнообразныя занятія и частыя отлучки отъ дома, не разставался я никакъ съ литературою, но она и въ сей годъ была моимъ главнѣйшимъ и любимѣйшимъ упражненіемъ, которому посвящаемы были мною всѣ праздные часы и минуты, а особливо въ зимнее и осеннее время, въ которое мысли не такъ развлекаемы были разнообразными предметами, какъ весною и лѣтомъ.

Прочтено было и въ сей годъ мною множество книгъ, а не гуляло и перо. Упражненіе сего было троякое и состояло отчасти въ переписываніяхъ набѣло, отчасти въ переводахъ, а отчасти въ сочиненіяхъ. Набѣло переписывалъ я свою «Дѣтскую философію» и нѣкоторыя другія свои мелкія сочиненія. Переводилъ славный Фильдинговъ романъ «Амалія или образецъ супружеской любви», и какъ книга сія была нарочито велика и состояла изъ четырехъ частей, то трудился надъ переводомъ симъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Но къ сожалѣнію сей трудъ сдѣлался почти тщетнымъ, ибо какъ оказалась она уже переведенною и напечатанною, то подосадовавъ на то, потерялъ я охоту и къ начатому переписыванію своего перевода, и онъ остался еще и до нынѣ невыправленнымъ и непереписаннымъ.

Чтожъ касается до сочиненій, то было оно экономическое и по порядку третье, назначенное для отсылки въ Экономическое

Общество, и содержало въ себѣ примѣчанія о хлѣбопашествѣ и дѣланныхъ мною опытахъ. Побуждало меня къ сему сочиненію то, что и второе мое сочиненіе о лѣсахъ удостоено было также обществомъ печати и я имѣлъ удовольствіе получить отъ него и 4-ю часть Трудовъ ихъ, въ которой напечатана была первая половина сочиненія моего. Книжка сія прислана была ко мнѣ опять такимъ-же образомъ при письмѣ отъ Общества, подписанномъ президентомъ и обоими секретарями, но 3-ю и 5-ю часть принужденъ я былъ уже себѣ купить въ Москвѣ, изъ коихъ въ послѣдней напечатана была и вторая часть сочиненія моего о лѣсахъ.

Наконецъ разскажу вамъ смѣшное, чѣмъ занимался я при концѣ сего года. Нерѣдкое играніе въ карты съ пріѣзжающими къ намъ гостями, а особливо въ зимніе и осенніе вечера, но играніе не мотовское, а для единаго препровожденія времени, побудило меня къ одному особливому предпріятію и въ семъ случаѣ. Мнѣ прискучила уже трисетная игра, которая была тогда единая въ модѣ и которою всѣ и всѣ занимались, и по любопытству своему восхотѣлось и тутъ что-нибудь особливое затѣять и выдумать.

Находилась въ библіотекѣ моей одна нѣмецкая книга, въ которой описаны были разныя игры въ карты, употребляемыя въ Европѣ, и между прочимъ такія, которыя у насъ были еще совсѣмъ неизвѣстны, какъ напримѣръ гишпанская реверсисъ, аглинской вискъ, итальянская тароки. Со всѣми сими восхотѣлось мнѣ нашихъ русскихъ познакомить и переучить играть въ оныя; и для того ну-ка я ихъ переводить, и что для самого меня было непонятное, самъ отъ себя дополнять и передѣлывать. Успѣхъ и соотвѣтствовалъ трудамъ моимъ и желанію.

Я переучилъ всѣхъ своихъ знакомцевъ играть въ реверсисъ, и игра сія забавностію своею всѣмъ полюбилась. Такимъ же образомъ научилъ я ихъ играть и въ вискъ, хотя совсѣмъ не такъ, какъ она нынѣ играется, но и съ нѣкоторыми отмѣнами. Но не такъ скоро и легко можно было мнѣ сдѣлать тоже и съ тароками. Ибо какъ прекрасная и веселая игра сія играется особыми картами и число оныхъ гораздо болѣе обыкновенныхъ, и такихъ картъ у насъ не было, то сіе обстоятельство и дѣлало остановку. Однако затѣйливость моя помогла мнѣ и въ семъ случаѣ.

Я, доставъ себѣ нѣсколько колодъ такихъ картъ, которыхъ задники были бѣлыя, а не пестрыя, придѣлалъ самъ къ нимъ все недостающее число картъ и украсилъ ихъ столь прекрасными рисуночками, что не уповаю, чтобъ и настоящія тароки были такъ хороши и красивы какъ мои; а сдѣлавъ симъ образомъ совсѣмъ новыя карты, и переучилъ знакомыхъ своихъ играть и въ сію игру и она, какъ новостію своею, такъ и отмѣнною забавностію, такъ всѣмъ полюбилась, что мы не одинъ вечеръ препроводили играя въ нее въ громкихъ смѣхахъ и хохотаньяхъ, и всѣ ею были очень довольны.

Симъ окончу я мое повѣствованіе о произшествіяхъ въ 1767 годъ, а въ будущемъ письмѣ пойду далѣе и разскажу вамъ, что происходило со мною и въ послѣдующемъ за симъ тридцатомъ году моей жизни, а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнности моего къ вамъ расположенія, остаюсь и прочая.

1768.

Письмо 124-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ пересказыванію вамъ того, что происходило со мною въ 1768 году, скажу, что сей тридцатый годъ жизни моей, а шестой по пріѣздѣ въ отставку, былъ паки изобиленъ разными и довольно важными произшествіями, относящимися какъ до меня лично, такъ и до фамиліи моей, почему и расположился я разсказывать вамъ все и все по порядку теченія времени.

Итакъ, начиная съ перваго мѣсяца, скажу, что годъ сей встрѣтили мы очень весело и не дома, а у тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой въ деревнѣ ея Калединкѣ. Какъ были мы не одни, а было еще нѣсколько гостей, то всѣ мы встрѣтили его съ веселіемъ, разными

играми, смѣхами и шутками. И могу сказать, что и всѣ святки въ сію зиму провели мы отмѣнно весело.

Изъ всѣхъ ихъ не было ни одного дня, въ который бы мы одни находились дома, но либо мы были въ гостяхъ, либо у насъ гости и что ни день, то новыя, а вкупѣ новыя затѣи и новый родъ увеселеній, почему мы и не видали какъ и прошли оныя.

Не успѣли сіи святки пройтить, какъ и началъ я готовиться къ путешествію въ Москву. Въ сей годъ требовала ѣзды моей въ сей столичный городъ не одна, а многія и важныя нужды.

Во-первыхъ, по случаю бывшаго въ сей годъ рекрутскаго набора, надобно было отвезть туда и поставить мнѣ рекрута, ибо Москва была тогда нашимъ губернскимъ городомъ.

Во-вторыхъ, у тещи моей или паче у жены моей не оконченъ былъ еще совершенно раздѣлъ съ ея дядею, а тещи моей деверемъ, Александромъ Григорьевичемъ Кавеpинымъ, братомъ покойнаго тестя моего.

Раздѣлъ сей хотя и былъ уже давно учиненъ, но по сіе время былъ онъ домашній, а не утвержденъ судебнымъ порядкомъ, и самое сіе надлежало сдѣлать и воспользоваться пребываніемъ помянутаго дяди жены моей тогда въ Москвѣ. О чемъ у насъ съ нимъ было и условленось.

А третья и важнѣйшая нужда была та, чтобъ внесть въ межевую канцелярію деньги за степную шадскую землю, которую наконецъ уже опредѣлено было намъ продать, и о которой я увѣдомлялъ васъ прежде.

Сей покупки мы съ братьями давно уже возжделѣли, и не успѣли услышать, что по поданному отъ насъ давно уже прошенію резолюція вышла, и землю продать намъ велѣно, и что продажа землямъ уже началася, какъ и положили ѣхать въ Москву и кончить сіе дѣло, и 12-го января я туда и отправился.

Въ сей разъ, который былъ уже десятый, прожилъ я въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ и сперва одинъ, а потомъ подъѣхала ко мнѣ и жена моя; ибо по раздѣлу съ дядею нужно было и ея присутствіе для допроса въ вотчинной коллегіи.

И такъ какъ скоро отдавъ рекрута, довелъ я дѣло свое съ дядею до конца, то и отписалъ къ женѣ, чтобъ она пріѣхала для окончанія и допроса, который и произведенъ былъ въ старинной церквѣ Николы Гостунскаго, стоявшей въ Кремлѣ противъ самыхъ приказовъ или предлинныхъ и высокихъ палатъ, построенныхъ въ древности на самомъ ребрѣ горы къ Москвѣрѣкѣ, и въ которыхъ тогда всѣ суды и приказы находились.

Помянутая же церковь въ особливости достопамятна потому, что въ оной издревле всѣхъ женщинъ и госпожъ секретари обыкновенно допрашивали, также и тѣмъ, что въ оной обыкновенно бывали всѣмъ невѣстамъ и женихамъ смотры.

Дѣло сіе совсѣмъ окончено было не прежде, какъ уже въ началѣ февраля мѣсяца, а до того времени успѣлъ я внесть въ межевую канцелярію деньги за землю и получить на ее владѣнный указъ, а помогъ тоже учинить и обоимъ моимъ братьямъ.

Итакъ, въ сей годъ впервыя получили мы право къ овладѣнію помянутою землею и помянутымъ указомъ, служащимъ намъ вмѣсто крѣпости, велѣно было намъ означеннымъ въ ономъ проданымъ количествомъ земли, мнѣ 350, а братьямъ 250 десятинъ, владѣть до прибытія въ тамошніе края землемѣровъ спокойно, а по прибытіи оныхъ та земля долженствовала быть намъ отмежевана.

При производствѣ всѣхъ сихъ трехъ дѣлъ, было мнѣ хотя и не-безъ хлопотъ, но оныя усладжены были по крайней мѣрѣ не только возжделѣннымъ успѣхомъ, но и многими пріятностьми. Все время пребыванія моего въ сей разъ въ Москвѣ проводилъ я очень весело, и не было ни одного дня, который бы я весь препроводилъ одинъ и вкупѣ на своей квартирѣ.

Стояли мы въ сей разъ въ домѣ у тетки моей, Катерины Петровны Арсеньевой, и какъ бывали и къ ней частые пріѣзды, да и сама она не рѣдко выѣзжала со

двора, разъѣзжая по своимъ роднымъ и пріятелямъ, то важивала и насъ почти всегда съ собою; а въ другія времена ссужала насъ своими лошадьми и каретою, для ѣзды по нашимъ роднымъ и пріятелямъ, которыхъ находилось-таки въ Москвѣ тогда довольно.

Всѣ наши деревенскіе сосѣди и знакомцы находились тогда въ Москвѣ; со всѣми ими мы по нѣскольку разъ видались, съ другомъ же нашимъ господиномъ Полонскимъ и очень часто; кромѣ того бывали мы въ домѣ почтеннаго и любезнаго старика Аѳанасья Левонтьевича Офросимова, зятя старушки Катерины Богдановны Арцыбышевой. Онъ былъ тогда главнымъ судьею въ судномъ приказѣ, и будучи старикомъ веселымъ, издѣвочнымъ и очень умнымъ, полюбилъ меня очень за мое любопытство и степенство.

Домъ госпожи Глѣбовской, его свояченицы, также господина Давыдова, брата тетки Катерины Петровны, и домъ прежняго знакомца моего господина Павлова были не рѣдко нами посѣщаемы, и въ семъ послѣднемъ всегда вечера препровождали мы въ танцахъ и рѣзвостяхъ. Ибо какъ дѣти у него учились танцовать и была небольшая музыка, то я и радъ былъ сей оказіи для возобновленія старинной моей охоты къ танцованію.

Сверхъ того не было ни одного собора и достопамятнаго мѣста, въ которомъ бы мы съ женою не побывали. Сію возила наиболѣе по всѣмъ симъ мѣстамъ, любезная наша старушка тетка Матрена Ивановна, а я съ моей стороны не оставилъ, чтобъ не свозить ее въ театръ и дать ей о сихъ зрѣлищахъ понятіе. На ономъ играна была тогда трагедія Хоревъ, и какъ она еще въ первый разъ отъ роду театръ тогда видѣла, то не могла зрѣлищу сему насмотрѣться и довольно имъ налюбоваться. Словомъ, мы заѣздились и запраздновались въ Москвѣ такъ, что и не видали, какъ прошелъ весь мясоѣдъ и наступила масляница; и какъ отъ сей и подавно ѣхать изъ Москвы было не можно, то препроводили мы и всю ее въ Москвѣ, и заговѣвшись и исправивъ всѣ наши нужды и поѣхали уже домой.

Тутъ нашли мы у себя небывалаго еще никогда у насъ и незнакомаго мнѣ, но родного гостя. Былъ то меньшой родной братъ тещи моей, Сергѣй Аврамовичъ Арцыбышевъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до того къ ней и насъ уже съ нею дожидавшійся. Ибо она во все сіе время оставалась дома для малютки моей дочери.

Онъ заѣхалъ къ намъ ѣдучи тогда изъ службы въ отставку и къ престарѣлому отцу своему на Низъ, и я былъ ему очень радъ и скоро съ нимъ сдружился. Былъ онъ молодой и очень хорошій человѣкъ, и прожилъ тогда съ нами нѣсколько времени. Но къ сожалѣнію это было впервыя и въ послѣднія, что я его видѣлъ, ибо онъ уѣхавъ, послѣ того на Низъ, тамъ женился и тамъ послѣ того чрезъ нѣсколько времени въ цвѣтущихъ лѣтахъ своего возраста и умеръ.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего изъ Москвы, снабдили мы себя первою еще каретою, купивъ ее за 50 рублей у друга нашего, господина Полонскаго. Несмотря на сію малую цѣну, была она еще изрядная, четвероместная, раззолоченная по тогдашнему обыкновенію и обитая внутри алымъ трипомъ. О семъ упомянулъ я для того, чтобъ тѣмъ доказать, какъ каретъ тогда было еще мало, какъ они были дешевы, а деньги дороги, и какъ не ставилъ тогда никто еще въ стыдъ себѣ ѣздить въ четвероместныхъ вѣнскихъ колясках.

Сосѣдъ мой г. Ладыженскій купилъ себѣ карету еще того дешевле и, заплативъ только 30 рублей за нее, наѣздился въ ней довольно. Вотъ каковы были тогда времена!!

Наступившій вскорѣ послѣ того мѣсяцъ мартъ ознаменовался двумя произшествіями. И во-первыхъ, нечаяннымъ полученіемъ опять изъ Экономическаго Общества претолстаго пакета съ книжкою. Для меня присылка сія была тѣмъ неожидаемѣе, что я не думалъ, чтобъ такъ скоро могло напечатано быть мое по-

слѣднее сочиненіе, отправленное къ нимъ въ концѣ прошедшаго года. Но сколь удивленіе мое было велико, когда распечатавъ пакетъ нашелъ въ немъ не только 7-ю часть Трудовъ Общества, присланную ко мнѣ при письмѣ, но притомъ и согнутый кусокъ пергамента.

— «Ба! ба! ба! это что такое?—сказалъ я, и спѣшилъ скорѣе смотрѣть и читать оный.

Былъ то печатный дипломъ съ большою восковою печатью, данный мнѣ отъ Общества въ удостовѣреніе, что ему угодно было избрать и сдѣлать меня своимъ сочленомъ, о чемъ я никогда не помышлялъ и чего всего меньше добивался. Но его собственный интересъ былъ въ томъ, чтобъ умножить количество членовъ своихъ людьми, способными быть имъ сотрудниками. Таковыми избираніями въ свои сочлены они людей власно какъ неволею уже заставливали трудиться и брать въ трудахъ ихъ соучастіе.

Выдумка по истинѣ особая и довольно замысловатая! Избираемый, поставляя то себѣ за особливую честь, готовъ былъ иногда за то надрывать силы свои въ трудахъ и сочиненіяхъ, а за все то въ награду пользовался одною только химерическою и такою честію, которая, какъ послѣ оказалось, по существу своему ничего не значила и не приносила никому ни въ какихъ случаяхъ ни малѣйшей пользы, хотя тогда о томъ совсѣмъ еще инако думали и почитали то невѣдомо чѣмъ.

Въ дипломахъ сихъ хотя и упоминалось, что избранный силою онаго признается участникомъ въ трудахъ и во всѣхъ членамъ Общества опредѣленныхъ и впредь опредѣляемыхъ правахъ и преимуществахъ; но если спросить, въ чемъ же бы такомъ состояли сіи правы и преимуществы? то на сіе сказать бы ему было нечего, ибо ихъ въ самомъ дѣйствіи никакихъ особыхъ не было.

Сіе впослѣдствіи само собою и оказалось, и члены Экономическаго Общества сдѣлались въ толь маломъ уваженіи въ нашемъ отечествѣ, что каждый изъ нихъ не только не помышлялъ о томъ, чтобъ тѣмъ кичиться и величаться, но паче нѣкоторымъ образомъ стыдился еще симъ званіемъ.

Оттого ли сіе произошло, что члены сего полезнаго Общества съ самаго начала не удостоены отъ монархини какимъ-нибудь особымъ отличіемъ, или извѣстною какою-нибудь выгоду приносящею привилегіею, а должны были довольствоваться тѣмъ единымъ пустымъ и ничего незначущимъ именемъ, что находятся будто подъ особымъ покровительствомъ монархини, а въ самомъ дѣлѣ никакимъ такимъ покровительствомъ не пользуясь;—или оттого, что Общество, впослѣдствіи времени, надѣлало уже слишкомъ много членовъ и насовало въ сословіе свое всякаго званія людей достойныхъ того и недостойныхъ, или отъ иныхъ какихъ причинъ—того уже я не знаю.

Но какъ бы то ни было, но меня произшествіе тогда нарочито порадовало. Я хотя уже и тогда ясно видѣлъ все существо дѣла и усматривалъ довольно, что званіе члена Экономическаго Общества не составляло ни чина, ни придавало почести какой особливой, но веселился по крайней мѣрѣ тѣмъ, что многіе иные совсѣмъ инако о семъ думали, и были такіе, которые мнѣ въ томъ даже и завидовали, думая, что мнѣ званіе сіе принесетъ невѣдомо какія пользы, въ чемъ они нѣкоторымъ образомъ и не обманулись; ибо хотя не тогда, а послѣ оно мнѣ очень пригодилось.

Не менѣе моего обрадовались сему и обѣ мои семьянинки, равно какъ и всѣ болѣе прочихъ насъ любившіе родные и пріятели. Я непреминулъ имъ о семъ сообщить, и всѣ меня съ полученіемъ диплома и помянутаго званія поздравляли и въ удовольствіи моемъ брали искреннее соучастіе.

Другое произшествіе было то, что въ концѣ сего мѣсяца возвратился въ домъ и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ Болотовъ, выпросившись на нѣсколько времени въ отпускъ. И какъ случилось,

что въ это время были и оба братья мои въ домахъ у себя, то и была тогда еще впервые почти вся наша фамилія на лицо и въ соединеніи; а что всего пріятнѣе, то всѣ мы, яко сочлены оной, находились тогда съ совершенномъ между собою согласіи и дружбѣ.

Завидное сіе согласіе и старался я всячески и колико мнѣ только было можно поддерживать, и для самаго того нерѣдко даже снисходилъ къ нѣкоторымъ слабостямъ и недостаткамъ ихъ, и по пословицѣ говоря, не всякое лыко въ строку ставилъ, но иное и мимо глазъ пущалъ. Но какъ всѣ они были люди молодые, худо воспитанные и не только необработанные, но и необтесанные, составляли сущихъ неучей, а притомъ были и характеровъ еще разныхъ и не весьма хорошихъ, но со многими слабостьми соединенныхъ, то трудно было мнѣ очень съ ними ладить и къ нимъ прикраиваться. Совсѣмъ тѣмъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ доволенъ, что всѣ они имѣли ко мнѣ уваженіе и меня, какъ старшаго и начальника фамиліи почитали.

Пользуясь какъ симъ, такъ и частыми съ ними свиданіями и началъ-было я съ самаго начала прилагать стараніе о преклоненіи всѣхъ ихъ къ полюбовному между нами раздѣлу всѣхъ нашихъ земляныхъ дачь и угодій и такъ, какъ гдѣ наиспособнѣе было; и поелику они всѣ съ перваго начала объявили на то свое согласіе, то и положили-было мы начать съ самыхъ ближнихъ полей, окружающихъ наше селеніе; и когда нельзя было смѣшавъ всѣ оныя раздѣлить на четверо, то и положили развестись по крайней мѣрѣ къ однимъ мѣстамъ въ каждомъ полѣ.

Всходствіе того не успѣла весна вскрыться, какъ и взялъ я на себя трудъ исходить самъ всѣ поля; нарисовать положеніе всѣхъ десятинъ и клочковъ земли на бумагѣ, составить особые роды и спеціальнѣйшіе всѣмъ полямъ планы, дабы тѣмъ удобнѣе было намъ на бумагѣ разверстоваться къ однимъ мѣстамъ; но всѣ труды мои обратились въ ничто.

Уже хотѣли мы дѣйствительно, хотѣли мы начинать дѣлить то поле, что за рѣкою и къ погосту, какъ вдругъ заспорь самый младшій и упрямѣйшій и едва ли не глупѣйшій изъ сочленовъ нашихъ, и тѣмъ самымъ и остановилъ на сей разъ все сіе дѣло къ крайней моей досадѣ и огорченію.

Впрочемъ съ самымъ началомъ весны лишились мы одной престарѣлой женщины, носившей на себѣ нашу фамилію, а именно мачихи братьевъ моихъ и второй жены дяди Матвѣя Петровича. Будучи давно уже въ параличѣ, жила она нѣсколько лѣтъ безъ языка и скончалась наконецъ въ апрѣлѣ сего года въ Москвѣ, въ домѣ брата своего г. Павлова, сдѣлавъ пасынкамъ своимъ только ту милость, что не взяла изъ имѣнія ихъ слѣдующей ей по законамъ седьмой части.

Другое непріятное произшествіе произошло въ самое тоже время и со мною, и настращало меня чрезвычайно.

Однажды, при началѣ самой весны и когда въ садахъ былъ еще замерзлый снѣгъ или такъ-называемый настъ, вышелъ я въ садъ, и ходючи по крѣпкому насту, осматривалъ всѣ деревья и по обыкновенію со всѣми ими, какъ съ знакомцами своими, здоровкался.

Тутъ увидѣлъ я что-то на одномъ сукѣ, и какъ оный былъ такъ высокъ, что рукою мнѣ его достать было не можно, то вспрыгнулъ я для достанія его, но какъ опустился внизъ, то подломись подо мною весь настъ на подобіе льда, и я отъ удара сего вдругъ почувствовалъ, что въ животѣ моемъ власно какъ что-нибудь оторвалось; и тотчасъ такъ заболѣлъ у меня правый бокъ подошкою, что я съ нуждою дошелъ до хоромъ и не зналъ что дѣлать. И какъ боль сія не проходила и во весь послѣдующій день, то перетрусился я впрахъ, думая что я вѣрно скачкомъ своимъ что-нибудь повредилъ въ груди моей и боялся, чтобъ не воспослѣдовало какихъ-нибудь вредныхъ слѣдствій. Но благодарить Бога, сего не исполнилось, а болѣзнь моя дни черезъ три миновалась благополучно.

Какъ сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ

съ тѣмъ и пріѣхалъ изъ полку въ отпускъ, чтобъ ему жениться и просилъ въ томъ нашего вспоможенія, то и старались мы съ самаго начала пріискать ему невѣсту и назначили къ тому дочь сосѣдки и родственницы нашей, госпожи Іевской, овдовѣвшей между тѣмъ временемъ. Но госпожѣ сей что-то не разсудилось отдать дочь свою за онаго. Она отказала, и онъ пріискалъ уже самъ себѣ, или паче при вспоможеніи тетки своей, старушки Варвары Матвѣевны, другую невѣсту изъ фамиліи господъ Хотяинцовыхъ и въ исходѣ апрѣля на ней и помолвилъ.

Мы очень тому были рады и я охотно согласился ему по желанію его помогать при семъ случаѣ какъ совѣтами своими во всемъ, такъ и распоряженіями при свадьбѣ, которую и съиграли мы въ маѣ мѣсяцѣ какъ водится и довольно церемоніально и порядочно. Онъ пригласилъ къ тому всѣхъ своихъ родныхъ, и какъ всѣхъ гостей было довольно, то мы почти цѣлую недѣлю въ сіе время были очень веселы.

Молодую нашу сосѣдку звали Анною Николаевною. Она была дочь Николая Селиверстовича и Марины Аѳанасьевны Хотяинцовыхъ, и дѣвушка простая деревенская, небогатая, да и не имѣвшая никакихъ особливыхъ достоинствъ, а притомъ и не дородная. Но какъ мила была она жениху, то никому и нужды не было въ томъ ему отсовѣтовать и тѣмъ паче, что и самъ онъ не имѣлъ никакихъ дальнихъ достоинствъ кромѣ того, что онъ былъ генеральскій сынъ.

Не успѣлъ жениться сей мой ближній сосѣдъ, какъ захотѣлось послѣдовать примѣру его и другому, то-есть, брату моему Михайлѣ Матвѣевичу и поспѣшить съ сборами своими и тѣмъ паче, что имѣлъ онъ у себя уже домъ и было куда привесть жену молодую. И какъ всѣ извѣстныя здѣсь и предлагаемыя невѣсты были не по его вкусу, то при случаѣ отъѣзда брата своего Гаврилы Матвѣевича въ Петербургъ для несенія настоящей службы, и пустился онъ для пріисканія себѣ невѣсты въ Москву, говоря, что ему тамъ тотчасъ найдутъ свахи.

Онѣ и дѣйствительно ему тотчасъ нашли; но за то такова была и невѣста и семейство. Отецъ ея былъ секретаремъ полицейскимъ и произошелъ Богъ знаетъ изъ какихъ людей, и прозывался Стахѣевымъ, мать же была сущая шлюха. А отъ такихъ людей можно ли требовать было хорошаго воспитанія и дочери.

Сія была хотя и получше лицемъ новой нашей сосѣдки, но всего меньше походила на московскую дѣвушку и достоинствъ имѣла столь мало, что я не нахожу ни одного о которомъ стоило бы упомянуть. Словомъ, она была очень очень не изъ дальнихъ, а самая простая худовоспитанная дѣвушка и при томъ и не слишкомъ также богатая, и все ея приданое состояло въ небольшой деревенькѣ въ Тарусскомъ уѣздѣ. Звали ее Марьею Петровною. И братъ мой такъ обрадовался сей находкѣ, что въ одинъ мигъ и не давъ намъ знать, тамъ въ Москвѣ на ней и помолвилъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, подвержены мы были въ деревнѣ превеликой опасности отъ грозы.

Взошла однажды съ западной стороны ужасная туча и громовой ужасный ударъ чуть-было не попалъ въ наши хоромы, и сажени на три или на четыре отъ нихъ попалъ въ стоявшую въ саду и передъ самыми окнами моей спальни большую грушу, и разгромилъ ее до самаго корня.

Мы на-смерть были онымъ перепуганы, и я никогда еще не слыхивалъ въ такой близости и столь сильнаго громового удара. Весь воздухъ вокругъ хоромъ и въ самыхъ оныхъ наполнился сѣрнымъ запахомъ и пораженіе было столь сильное, что щепы и осколки летѣли даже чрезъ хоромы и находимы были на дворѣ.

Но каково сіе произшествіе для насъ было ни страшно, но произвело двѣ пользы. Первую ту, что я съ того времени меньше сталъ бояться грозы, нежели сколько баивался до того времени. Вторую ту, что коренья сей громомъ раздробленной груши произвели отъ себя на-

другое же лѣто цѣлый лѣсокъ молоденькихъ грушекъ.

Ихъ выросло тутъ нѣсколько сотенъ и всѣ онѣ росли въ такомъ стѣсненіи, что я принужденъ былъ ихъ разсаживать, а чрезъ то и послужило мѣсто сіе власно какъ магазиномъ для всѣхъ моихъ нынѣшнихъ грушъ, и всѣ тѣ, которыя и понынѣ насыщаютъ и наслаждаютъ вкусъ мой мелкими и съ виду хотя совсѣмъ простыми и дикими, но по улежаніи очень вкусными грушками, и которыхъ всякой годъ родится у меня множество, суть потомки сей раздробленной громомъ груши. На самомъ же томъ мѣстѣ ростетъ теперь та, которую назвалъ я, на память имени моей матери, Мавринькою, и которая недавно начала приносить грушки, сладостію и пріятнымъ своимъ запахомъ и вкусомъ превосходящія всѣ прочіе сорты грушъ, находящіеся въ садахъ моихъ.

Вскорѣ послѣ сего воспослѣдовало и бракосочетаніе моего братца. Онъ возвратился изъ Москвы, невѣсту также привезли въ наши предѣлы, и свадьба была у насъ въ Дворяниновѣ іюля 13-го дня, и при сей попеченіе обо всемъ долженъ былъ имѣть опять я; и мы съиграли и сію свадьбу порядочнымъ образомъ и какъ у добрыхъ людей водится.

Людей и гостей было довольно, а какъ достали мы и музыку и было на балѣ довольно дѣвушекъ и молодыхъ госпожъ, ибо приглашены были къ тому и всѣ изъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, то мы и на сей свадебкѣ потанцовали и повеселились.

Одно только мнѣ не нравилось, а именно новые мои сваты господинъ Стахѣевъ съ его женою, и все семейство и родня новобрачной. Все обхожденіе и поведеніе ихъ походило болѣе на купеческую или паче на подъяческую руку, нежели на дворянскую стать; но сего перемѣнить было уже не можно, но мы принуждены были оставаться довольными тѣмъ, что есть и утѣшаться тою мыслію, что они не будутъ жить вмѣстѣ съ братомъ и съ нами.

По окончаніи сего празднества, продолжавшагося нѣсколько дней и всѣхъ обыкновенныхъ при томъ визитовъ и контръвизитовъ, отправился я со всѣмъ моимъ семействомъ въ ближній, по особливостію своею достопамятный вояжъ.

Давно уже не былъ я у многихъ моихъ знакомцевъ и родныхъ какъ съ своей стороны, такъ и съ жениной, и весьма многимъ долженъ я былъ взаимнымъ пріѣздомъ за ихъ къ себѣ посѣщеніе. И такъ, собравшись въ сіе время, поѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ ихъ объѣздить однимъ разомъ, и мы дѣйствительно были въ цѣлыхъ двѣнадцати домахъ въ Алексинскомъ, и Каширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ и объѣздили множество верстъ, сдѣлали превеликій кругъ и препроводили въ томъ болѣе двухъ недѣль времени.

По исполненіи сего долга, провелъ я весь августъ мѣсяцъ въ домашней экономіи, въ уборкѣ съ полей хлѣба и въ самыхъ свиданіяхъ съ новобрачными моими сосѣдями. Новыми нашими родственницами и сосѣдками были мы нарочито довольны. Обѣ ласкалися сколько онѣ умѣли къ женѣ моей и тещѣ, и мы не рѣдко съѣзжались вмѣстѣ то у меня, то у Матвѣя Никитича, то у Михаила Матвѣевича, и время свое провождали то въ гуляньѣ, то въ играхъ и увеселеніяхъ деревенскихъ, а иногда вмѣстѣ съ ними ѣзжали и къ своимъ сосѣдямъ.

Наконецъ, по наступленіи мѣсяца сентября начали мы съ братомъ Михаиломъ Матвѣевичемъ собираться въ дальнее путешествіе, въ нашу степную шадскую деревню; обоимъ намъ была одинакая и ровная нужда. Надобно было ту землю, которая продана была намъ изъ межевой канцеляріи, означить, обмѣрить и взять въ свое владѣніе. И намъ давно бы и даже съ весны надлежало туда обоимъ ѣхать, но его сватовство и свадьба остановила и его и меня отъ сей ѣзды, и мы отложили ее уже до осени, которую и почитали мы къ тому и наудобнѣйшимъ еще временемъ.

И такъ какъ скоро поубрались мы сколько-нибудь съ важнѣйшимъ хлѣбомъ и наступилъ сентябрь мѣсяцъ, то и отправились мы съ нимъ въ сей путь, который описанъ мною въ самое тоже время съ та-

кою подробностію, что составилась изъ того цѣлая книжка. И какъ случилось во время путешествія сего довольно и такого, о чемъ не излишнимъ почитаю упомянуть и въ исторіи моей, то учиню сіе въ письмѣ послѣдующемъ и нарочно къ тому посвященномъ; а теперешнее симъ окончавъ, скажу вамъ, что я есмь и проч.

ВТОРАЯ ѢЗДА ВЪ ТАМБОВСКУЮ ДЕРЕВНЮ.

Письмо 125-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ сообщить теперь все достопамятное о путешествіи нашемъ въ шадскую нашу деревню, и приступая къ краткому описанію сей вторичной ѣзды моей туда, скажу, что отправились мы туда 7-го числа сентября мѣсяца. Всѣ домашнія мои, равно какъ и молодая жена Михаила Матвѣевича провожали насъ до Ченцовскаго завода, и тутъ, въ домѣ любезной нашей старушки Ивановны, угощавшей всѣхъ насъ чаемъ и чѣмъ только могла, распрощались мы съ ними и поѣхали на своихъ лошадяхъ и съ довольнымъ числомъ людей и повозокъ.

Ѣхать расположились мы туда не чрезъ Тулу, а прямо изъ дома на Хотушъ, Корники и Епифань, путемъ, съ которымъ я, послѣ, по частой ѣздѣ моей къ дочери, гораздо короче познакомился; но тогда въ первой разъ еще ѣхалъ. Намъ насказано было невѣдомо что о засѣкѣ и о рѣчкѣ Осетрѣ; однако мы проѣхали и переѣхали ихъ благополучно, и пріѣхали въ епифанскую нашу деревню на третій день еще рано.

Ѣдучи чрезъ часть Бобриковской волости и чрезъ село Каменку и деревню Смородину, нимало я себѣ тогда не воображалъ, что нѣкогда будутъ мѣста и селеніи сіи состоять въ моихъ повелѣніяхъ и я съ ними короче познакомлюсь, а тогда любовался я только огромностію сихъ жилищъ и порядкомъ поселенія ихъ.

Въ епифанской деревнѣ мы тогда только-что отдохнули и пробыли половину сутокъ, но не мѣшкая болѣе пустились далѣе, и ѣхали въ сей разъ чрезъ Епифань и селенія Красное, Архангельское, Дриски, Дивилки, Змѣево, Рановы-верхи, Муравеино и городокъ Ранибургъ.

На сей дорогѣ не случилось съ нами ничего особливаго. Я любовался только прекрасными мѣстоположеніями сперва въ городѣ Епифанѣ и красивымъ его соборомъ, а потомъ въ селѣ Архангельскомъ, принадлежавшемъ тогда вдовѣ Толстой. Рѣдко гдѣ можно найтить другое подобное сему и выгодное и красивое положеніе мѣста.

Селеніе сіе расположено низко, въ преглубокой и широкой извившейся долинѣ, по берегу протекающей по ней прекрасными и пышными изгибами рѣки Табалы, окруженной рощицами, и видно во всемъ пространствѣ и обширности своей, какъ на ладонѣ, къ противолежащей и привысокой горы, на верху которой, и власно какъ надъ деревнею, стоялъ господскій домъ и изрядная каменная церковь, окруженная сзади прекрасною и высокою дубовою рощею. Дорога, прошедъ сквозь рощу сію, идетъ подлѣ самаго сего дома и церкви, и путешественникъ имѣетъ удовольствіе видѣть предъ собою глубоко внизу все селеніе и любоваться особливостію и красою положенія мѣста.

Въ селѣ Муравеинѣ не могъ я довольно надивиться несчетному почти множеству хлѣбныхъ скирдовъ, которыми набиты были два хлѣбника. Многіе изъ нихъ были такъ стары, что совсѣмъ развалились и ни къ чему уже не годны сдѣлались. Любопытствуя узнать, кому-бъ угодно было такъ хозяйствовать и чье было превеликое село сіе, услышали мы, что принадлежало оно какому-то генералу князю Щербатову. Въ Раненбургѣ мы сей разъ не останавливались и проѣхали оное мимо, и я только что взглянулъ на мѣста, гдѣ нѣкогда происходили важныя произшествія.

Изъ города Козлова поворачивали мы также вправо и заѣзжали въ мою деревнишку. Тутъ были мы опять у дяди жены моей, Александра Григорьевича Каверина, и застали его почти на дорогѣ отъѣзжавшаго въ свою каширскую де-

ревню. Написавши съ нимъ къ домашнимъ своимъ письма и переночевавъ у своихъ мужиковъ, пустились мы далѣе и безъ всякихъ особливыхъ произшествій пріѣхали въ Тамбовъ, а оттуда, пробравшись сквозь Ценской лѣсъ, а потомъ чрезъ Разсказовскую степь, доѣхали благополучно и до своей деревни.

Мы нашли ее въ сей разъ весьма въ худомъ состояніи; отъ двухлѣтняго сряду неурожая хлѣба, мужиченки наши, которые и безъ того не такъ, какъ другіе добрые люди были, очень, очень поопустились. Всѣ дворы были у нихъ раскрыты, а навозъ накопленъ подъ самыя пелены бывшихъ кровель.

Какъ ни время, ни обстоятельствы не дозволяли мнѣ еще велѣть тамъ построить какую-нибудь горенку для пріѣзда, а было все еще прежнее развалившееся почти строеніе; то расположившись въ сей разъ остановиться на моемъ господскомъ дворѣ, принуждены уже мы были довольствоваться такою квартирою, какую нашли себѣ въ избенкѣ моего рябого и долговязаго прикащика.

Сію должность отправлялъ тогда послуживецъ и походный слуга мой Яковъ, опредѣленный въ оную почти съ самаго моего пріѣзда въ отставку и болѣе потому, что я на вѣрность его могъ смѣло полагаться, хотя впрочемъ былъ онъ и не весьма дальновидный и мудрый человѣкъ; и какъ по случаю бывшей тогда очень вѣтренной и холодной погоды и ту всю вынесло, то имѣли мы въ сію ночь ночлегъ очень худой и непріятный.

Однако жилище наше и въ послѣдующіе дни было только теплѣе, а не спокойнѣе; ибо таковою ей быть было не можно. Я не помню почти, чтобъ я во все продолженіе моей военной службы гдѣ-нибудь имѣлъ столь худую квартиру, и принужденъ былъ такъ долго въ ней жить, какъ въ тогдашней. Словомъ, она была такова, что я не за излишнее почелъ помѣстить здѣсь, для любопытства, самое то описаніе оной, которое учинилъ я тогда, живучи въ ней, въ письмѣ къ одному пріятелю. Вотъ оно:

«Квартира наша (писалъ я) дальняго безпокойства намъ не дѣлаетъ. О! ежелибъ посмотрѣли вы, любезный пріятель! какой великолѣпный видъ имѣетъ она снаружи!... Со смѣху-бъ вы надсѣлись. Въ нашихъ мѣстахъ овчарни почти лучше. Избушка съ небольшимъ только въ сажень, закопченная не только снутри, но и снаружи. Бревенья почти всѣ согнили. Тамъ дыра индѣ свѣтится, въ иномъ мѣстѣ кошки лазаютъ; двери вышиною немногимъ болѣе аршина, да и та раскололась на двое, наполнена дирами и при всякомъ раствориваніи увеселяетъ слухъ нашъ музыкою, не то-то что пріятною, а особливо необыкшему и нѣжный слухъ имѣющему человѣку.

«Печь занимаетъ собою большую часть избы, изъ худыхъ непослѣдняя; заслонка деревянная расколотая. Полъ хоть воскомъ натирай, такъ гладокъ, нѣтъ мѣста, гдѣ бы аршинную скамью прямо поставить было можно. Вы можете изъ сего о равнинѣ онаго заключить, что я по крайней мѣрѣ разъ пятьдесятъ днемъ спотыкаюсь. Вы знаете, что я охотникъ взадъ и впередъ ходить по комнатѣ и не могу долго сидѣть. Здѣсь хоть тѣсно, но привычка къ тому тянетъ, но лишь ступлю какъ нога въ яму, другая въ другую. Однимъ словомъ нельзя полу быть глаже. Хотя и позабылъ еще то сказать, что грязи на немъ съ добрый вершокъ наросло и все маленькими кучками...

«Столъ у насъ изрядный съ пузушкомъ, хотя правду сказать очень не великъ и въ случаѣ обѣда великое дѣлаетъ утѣсненіе. Тарелка съ противопоставленною тарелкою стыкается, а блюдцы станови въ боки, не прогнѣвайся! Къ несчастію неустановишь его прямо. Вотъ и теперь, какъ я сіе пишу, все качается. Пузо его составляетъ у насъ шкафъ или хранилище, или какъ хочешь назови. Тутъ у насъ чашки, тутъ у насъ соль, чайникъ, сахаръ и вся прочая мелочь, ибо полочки не важивалось.

«Стульца у насъ ни одного не бывало, а и скамейка весьма въ хиломъ состояніи находящаяся. Три раза уже ее чи-

нили. Лишь хотятъ ее поднять, какъ ножки выпадываютъ. Двѣ лавки награждаютъ сей недостатокъ, хотя, правду сказать, заняты онѣ у меня книгами и бумагами, ибо сѣсть нельзя, не только узки, но такъ высоки, что ногами съ нихъ до земли не достанешь.

«Что еще осталось?... да,... какая у насъ прекрасная каравать. Я сплю, какъ хозяинъ, на коникѣ, довольно широкомъ, а братъ, у котораго своя изба того хуже, и который стоитъ вмѣстѣ со мною, принужденъ имѣть каравать перемѣнную. Лишь только вечеръ, то изволь столъ нашъ маршировать на другое мѣсто, а скамейка подмащиваться къ лавкѣ. Скрыночки, ларчики и шкатулки наши служатъ подмостками. По утру маршируютъ опять всѣ вещи на прежнія мѣста, а постеля на постелю и составляй одну.

«Что касается до свѣта, то у насъ ни свѣтло, ни темно. Давно было приказано прорубить красное окошко. Оно у насъ и есть, только жаль, что не велико, да вмѣсто окончины натянута кожуринка какая-то на лучокъ, а такимъ же образомъ и маленькое окошечко въ переднемъ углѣ кожуринкою заслонено.

«Потолокъ нашъ таковъ, какого лучше требовать не можно. Ежели бы сметать всю ту крупную и черную дрянь, которая съ него на постели и на всѣ мѣста навалится, то думаю, что съ добрый бы гарнецъ набралось.

«Вотъ вамъ описаніе худой стороны нашего степного жилища. Описаніе же съ доброй стороны будетъ короче. Ибо ежели почесть что хорошимъ, такъ одно то, что мы холода не терпимъ, а чаще безпокоитъ насъ жаръ. Кромѣ сего имѣетъ она въ себѣ еще то качество, что у насъ здѣсь всякій вечеръ музыка, только танцовать некому. Какое это множество живетъ здѣсь музыкантовъ и какими разными голосами слухъ нашъ увеселяютъ! Съ непривычки можно бы скучить, однако мы уже привыкли. Впрочемъ надобно знать, что ихъ здѣсь два рода. Одни поютъ все басами, и симъ мы не очень рады, иногда насъ безпокоятъ уже слишкомъ, а другіе дышкантами и альтами и другъ съ другомъ на перекличку. Я дозволяю имъ по волѣ забавляться, и доволенъ тѣмъ, что они не летаютъ, ибо признаюсь, что боюсь и не люблю сихъ гадкихъ насѣкомыхъ. Вы можете догадаться, что я говорю о сверчкахъ и мухахъ, которымъ здѣсь родъ и изобиліе, а особливо первыхъ, во всѣхъ углахъ въ запуски другъ предъ другомъ гаркающихъ.

«Еще скажу вамъ, что имѣетъ квартира наша въ себѣ нѣчто особливое, служащее къ увеселенію нашему. Подъ печкою живутъ у насъ два кролика: одинъ бѣленькой, а другой пестрый, бѣлое съ чернымъ. Какіе это воры! И какіе проворные звѣрки! Всякую почти минуту выходятъ изъ-подъ печки въ два отверстія и выманить ихъ тотчасъ можно: лишь только кинь арбузныхъ корокъ—превеликіе охотники, но поймать не думай пожалуй. Ни однажды ихъ еще не захватили, хотя всякой день о томъ стараемся. Самые плуты и очень смѣшны...

«Вотъ какова была наша тогдашняя квартира; но привычка чего не дѣлаетъ. Въ немногіе дни мы къ ней привыкли и она насъ не безпокоила.

«Въ разсужденіи стола мы были довольны, ибо былъ съ нами поваръ и провизіи всякой довольно. Братъ мой жаловался только не одинъ разъ, что ему скучно, но то и не удивительно. Человѣкъ, не привыкши къ упражненіямъ, скуку прогоняющимъ, подверженъ всегда сему бремени ихъ отягощающему. Но что касается до меня, то я не ощущаю и здѣсь скуки, ибо привыкнувши всегда въ чемъ-нибудь упражняться, прогонялъ скуку и тутъ безпрерывными и разными упражненіями и занятіями, и когда не было никакого иного дѣла, то взятыя съ собою книги, перо и бумага не допускали меня никакъ чувствовать скуки».

Но я заговорился уже о постороннемъ, а о дѣлѣ вамъ ничего еще не сказывалъ. Вы изъ прежняго моего письма знаете уже, что главнымъ предметомъ ѣзды нашей была купленная нами изъ межевой канцеляріи земля, и главное наше жела-

ніе состояло въ томъ, чтобъ намѣривъ себѣ такое количество, сколько намъ продано, оную обмѣрить и очертить такъ, чтобъ никто намъ уже не мѣшалъ владѣть оною въ силу указа.

Всходствіе чего, не успѣли мы пріѣхать и расположиться, какъ первѣйшее мое стараніе было узнать отъ своихъ, что думаютъ и говорятъ о землѣ нашей тамошніе сосѣди, которымъ нельзя не знать уже о нашей покупкѣ. Вѣсти, которыя при семъ вопрошаніи я отъ всѣхъ услышалъ, были для меня совсѣмъ неожидаемы и весьма непріятны.

Увѣдомляли насъ, во-первыхъ, что всѣ наши тамошніе сосѣди дивятся, какимъ образомъ купили мы государеву землю тамъ, гдѣ ея нѣтъ, ибо-де тѣ урочищи лежатъ внутри округи тамошнимъ жителямъ произведенной въ дачу, и тутъ нѣтъ никакой пустопорожней государевой земли.

Во-вторыхъ, что самыя тѣ урочищи, гдѣ мнѣ произведена продажа и которыя мѣста я дикопорожжею и кавыломъ порослою землею назвалъ, всѣ почти послѣ того времени и послѣ изданія манифеста и вопреки оному, нагло завлажены не только тамошними помѣщиками, но и изъ другихъ деревень жителями, и что осталось тутъ уже очень мало кавыльной земли, и которая еще есть, такъ и та вся небольшими клочками лежитъ внутри захваченныхъ и очерченныхъ мѣстъ.

Въ-третьихъ, что самое то мѣсто въ дальнемъ ложечномъ, гдѣ я вознамѣривался завести себѣ и при будущемъ переводѣ изъ другихъ деревень людей особую поселить деревеньку, однимъ нашимъ захвачено постороннимъ сосѣдомъ и онъ сдѣлалъ тутъ въ послѣдніе годы хуторъ, и насъ выгналъ и вытѣснилъ совсѣмъ.

Въ-четвертыхъ, что самый сей сосѣдъ, по фамиліи Рахмановъ и по имени Степанъ Мироновичъ, очень силенъ, имѣлъ тамъ двѣ великія деревни, и насъ повсюду наглостію и многолюдствомъ своимъ обижаетъ, отнимаетъ у всѣхъ насильно земли и луга, и что наши, по малолюдству своему, противиться ему не могутъ. Жалостный примѣръ тогдашняго бѣднаго состоянія нашего отечества, а особливо тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто былъ сильнѣе, тотъ былъ и правъ и сила его за законъ поставлялася.

Сіи и подобныя тому другія обстоятельствы, разсказываемыя тогда мнѣ умнымъ человѣкомъ, моимъ прикащикомъ и другими людьми, привели меня въ превеликое размышленіе. Я предвидѣлъ, что произойдутъ для меня великія хлопоты, повстрѣчаются многія препятствія и что мнѣ мудрено будетъ съ сосѣдями раздѣлываться. Къ вящему несчастію, нашелъ я въ доставленномъ мнѣ въ одномъ спискѣ съ выписи и окружной всей тамошней дачи, что о помянутыхъ ложечныхъ буеракахъ, о коихъ я просилъ, было въ ней упомянуто, и что они едвали и въ самомъ дѣлѣ не внутри ли дачной земли и описанной округи были, и что я едвали не сдѣлалъ великой ошибки, назвавъ сіе мѣсто государевою землею.

Все сіе приводило меня въ великое замѣшательство и смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ поступить и какъ за это дѣло приняться, и принужденъ былъ цѣлый вечеръ читать и штудировать межевую инструкцію, гдѣ многія сколько полезныя, столько и неполезныя для себя обстоятельствы увидѣлъ. Наконецъ нашелъ я себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что велѣно такимъ владѣльцамъ, кои поселились въ однодворческихъ селеніяхъ и имѣютъ земли купленныя до запретительнаго въ 1727 году указа, имъ то купленное число отмежевать безденежно, а сверхъ того, ежели останется по намѣрѣ отъ однодворцевъ, намежевать и имъ земли по пропорціи душъ и взять съ нихъ деньги за распашную по тройной и за пустую по одинакой цѣнѣ.

На семъ пунктѣ и на томъ обстоятельствѣ, что купчая моя стара и дѣйствительна, и основалъ я свою надежду, а недоумѣвалъ только, какъ мнѣ исправить себѣ погрѣшность въ межевой канцеляріи, буде до того дойдетъ дѣло. Одно то только меня подкрѣпляло въ надеждѣ, что я самыми моими сосѣдями утверж-

дать стану, что сія земля государева дикая, ибо они равномѣрно показали, что владѣютъ государевою дикою землею, а владѣніе ихъ вмѣстѣ съ моими.

Предположивъ все сіе, началъ я помышлять о томъ, какимъ бы образомъ поступить тогда, и положилъ употреблять и волчій ротъ и лисій хвостъ, то-есть, сколько можно добромъ убѣждать здѣшнихъ сосѣдей, чтобъ они мнѣ дозволили гдѣ-нибудь взять къ одному мѣсту покупную землю устрашая ихъ всѣми невыгодными для нихъ въ межевой инструкціи упомянутыми обстоятельствами, и что буде не согласятся добровольно меня удовольствовать, то я принужденъ буду по неволѣ навесть имъ превеликія хлопоты, и что необходимо будетъ большое слѣдствіе. Съ другой стороны льстить бы имъ, что оставлю ихъ съ покоемъ, не возьму всѣхъ лучшихъ угодій и землями кое-гдѣ обмѣняюсь и вмѣсто ихъ дамъ имъ свою, и все сіе для того, чтобъ мнѣ гдѣ-нибудь можно было прильнуть къ степи и къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ вздумается селеніе сдѣлать.

Препроводивъ вечеръ и большую часть ночи въ таковыхъ размышленіяхъ, возобновилъ я разговоръ мой о землѣ и въ послѣдующее утро, съ моимъ прикащикомъ и съ другими начальниками и стариками. Прикащикъ мой былъ человѣкъ умный, кричать очень умѣлъ, но слова его были не очень связны, да и на дѣлѣ былъ онъ далеко не таковъ, какъ на словахъ. Онъ не успѣлъ примѣтить мое недоумѣніе, какъ въ одобреніе мое сказалъ:

— «Какъ не взять намъ!.. молчите сударь! Повидайтесь съ Соймоновымъ да съ Иваномъ Силичемъ и не трусьте только. Они всѣ дрянь и трусы!»

Вотъ что говорилъ мой прикащикъ и сія умная голова! Подошелъ къ тому же времени и прежній мой дворяниновскій прикащикъ Грибанъ, жившій уже тутъ у дѣтей своихъ съ нѣкотораго времени по отставкѣ, обросшій тогда уже бородою, посѣдѣвшій и одряхлѣвшій такъ, что и узнать его не было способа. Съ нимъ я также началъ о семъ говорить, но толку столько-жъ; но чего было и требовать отъ нихъ. Они не въ состояніи были никакъ проникнуть во всю важность сего дѣла и потому судили обо всемъ посвоему.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, ходилъ уже посыланный къ господину Тараковскому сказывать о моемъ пріѣздѣ. Это былъ самый ближній и въ одномъ со мною селеніи живущій и самый тотъ сосѣдъ, котораго прикащикъ мой называлъ Иваномъ Силичемъ.

Сей человѣкъ былъ уже мнѣ знакомъ. Я видѣлъ его въ прежнюю мою тамъ бытность. Но какъ онъ въ сіи годы нѣсколько моихъ приобижалъ и однажды даже побилъ моего прикащика, слѣдовательно имѣлъ я причину быть имъ нѣсколько недовольнымъ; то и не зналъ я, какъ мнѣ съ нимъ въ сей разъ обойтиться, и по краткомъ размышленіи положилъ не оказывать ему никакого неудовольствія, а подписать къ нему лису, дабы можно было отобрать ихъ мнѣнія. Посыланной мой возвратясь сказывалъ, что онъ давно меня ждалъ и изъявлялъ радость свою о моемъ пріѣздѣ, и хотѣлъ самъ заѣхать ко мнѣ съ поля.

Но не успѣли мы съ братомъ, вышедши изъ своей конуры, нѣсколько по деревнѣ походить и осмотрѣть оную вскользь, возвратиться, какъ глядимъ и нашъ Иванъ Силичъ въ двери.

Я принялъ его съ обыкновенною учтивостію, и онъ оказывалъ себя очень низкимъ. Поговоривъ нѣсколько о постороннихъ вещахъ, довелъ я нечувствительно рѣчь до того, зачѣмъ я туда пріѣхалъ. Сказываю ему, что я купилъ землю и намекаю, что надобно будетъ мнѣ ее брать. Иванъ Силичъ мой тотчасъ въ гору!

— «Какая здѣсь земля?.. Здѣсь дикой земли вовсе нѣтъ... Земля здѣсь все наша дачная... Какую вы купили мы не знаемъ... и почему дикою степью называете, мы не вѣдаемъ», и такъ далѣе.

Досадно мнѣ было все сіе слышать, однако я далъ ему время выговорить все, чѣмъ они повидимому меня встрѣтить готовились. И погодивъ немного, сказалъ

ему съ холодною кровью, что мнѣ все равно, дикая ли она или дачная, ибо мнѣ все дадутъ и я свое получу вѣрно. А не совѣтовалъ бы имъ утверждать и называть ее дачною землею, для того, что сіе обратится имъ не гораздо въ пользу, въ разсужденіи того, что у нихъ у всѣхъ купчія недѣйствительныя, и они много чрезъ то потеряютъ. Однимъ словомъ, я началъ вытерживать имъ все что зналъ, къ ихъ устрашенію, изъ межевой инструкціи.

И тогда мало-по-малу началъ мой Иванъ Силичъ становиться мягче, а я примѣтивъ сіе сталъ болѣе подпускать ласку и вытерживать, что я не такой человѣкъ, чтобъ хотѣлъ вводить людей въ замѣшательство и радъ бы былъ, еслибъ они развелись со мною полюбовно... А какъ онъ мнѣ худой въ семъ случаѣ успѣхъ предвозвѣщалъ, то я опять сталъ изображать ему опасности, которыя для нихъ произойтить могутъ, если они со мною не раздѣлаются, ибо я по силѣ указа долженъ буду тотчасъ объявить, кто тою проданною землею владѣетъ и кто завладѣлъ ею уже послѣ манифеста, и что съ ними за то поступлено будетъ по узаконенію.

Наконецъ спросилъ я его, почему-жъ бы они и сами называли ее дикою землею? Тутъ хотѣлъ-было онъ запереться, но я обличилъ его и въ устрашеніе сказалъ, будто я имѣю съ ихъ объявленія и копію. Симъ и другими тому подобными ухватками довелъ я наконецъ до того, что онъ сталъ обходиться со мною повѣреннѣе и быть ко мнѣ гораздо снисходительнѣе.

Я унялъ его у себя тогда обѣдать, а послѣ обѣда возобновилъ опять разговоръ свой о землѣ, приискалъ всѣ благопріятствующія мнѣ, а имъ непріятныя мѣста въ межевой инструкціи, читалъ и толковалъ ему оныя; и какъ при семъ случаѣ примѣтилъ, что они инструкцію сію совсѣмъ еще почти не знали, то сталъ еще болѣе всѣмъ возможнымъ нагонять на него страхъ и опасеніе, и вскорѣ до того довелъ, что мой Иванъ Силичъ началъ задумываться и смущаться, а наконецъ изъявлять нѣкоторое согласіе и на полюбовный разводъ и говорить, что можетъ быть сосѣди и согласятся, а повидался-бъ я съ Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ Соймоновымъ, ибо его земли тамъ наиболѣе, и тужилъ, что другихъ сосѣдей не было тогда дома. Короче сказать, кончилось тѣмъ, что я усмотрѣлъ, что они сами не знаютъ что дѣлаютъ и нѣсколько потрушиваютъ.

Посидѣвши у меня, сталъ г. Тараковскій неотступно звать насъ къ себѣ. Мы согласились и поѣхали. Онъ угощалъ насъ всячески, былъ очень снисходителенъ и долго насъ не отпустилъ. Тутъ не говорили мы уже ничего о землѣ; но какъ намъ надлежало ѣхать, то къ удивленію подавалъ онъ мнѣ самъ случай видѣться съ г. Сомойновымъ, и звалъ насъ къ себѣ на утріе обѣдать сказывая, что будетъ и Соймоновъ, чему я очень былъ радъ и быть къ нему обѣщался.

Пріѣхавши домой услышалъ я, что онъ тотчасъ послѣ насъ поскакалъ къ Соймонову. И не сомнѣвался, что тутъ и мое дѣло имѣло участіе и что у нихъ будетъ происходить совѣтъ, а жалѣлъ только, что у Ивана Силича была уже излишняя чарка въ головѣ.—Человѣкъ онъ былъ изрядный, не очень богатъ, вдовой, имѣлъ дочь и двухъ дѣтей и всѣ они такъ избалованы, что я прибилъ бы и ихъ и самого отца; жилъ онъ по степному, ни худо, ни хорошо, но домикъ по достатку своему имѣлъ изрядный.

На утріе, прежде отъѣзда на обѣдъ къ г. Тараковскому, разсудилъ я употребить ту предосторожность, чтобы объѣздить напередъ и осмотрѣть самому всю землю и все положеніе мѣстъ, дабы тѣмъ надежнѣе могъ я обо всемъ трактовать съ господами сосѣдями и не дать имъ себя въ чемъ-нибудь обмануть. И потому, вставши поранѣе и сѣвши съ братомъ и прикащикомъ моимъ на лошадей, поѣхали мы осматривать землю и успѣли до обѣда еще всю ее осмотрѣть и сдѣлать всѣ нужныя замѣчанія.

Ѣзда сія послужила мнѣ въ великую пользу и успокоила во многихъ сумнительствахъ, ибо я нашелъ совсѣмъ иное,

нежели что себѣ воображалъ по сказкамъ мужичьимъ.

А именно: во-первыхъ то, что владѣнія жителей деревни нашей, въ томъ числѣ и моихъ, занимали обширныя и весьма великія поля, такъ что хотя-бъ всѣмъ на души намежевать, такъ бы еще осталось.

Во-вторыхъ, что ежели-бъ счислить одну землю владѣнія моего, разбросанную по разнымъ мѣстамъ, то почти ее одной слишкомъ будетъ то число, сколько мною куплено.

Въ-третьихъ, что всѣ тѣ мѣста, гдѣ мнѣ надобно взять, почти всѣ подъ моимъ владѣніемъ, а постороннихъ мало.

Въ-четвертыхъ, что кавыла еще много непаханнаго въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ взять можно и въ моей чертѣ и округахъ.

Однимъ словомъ я усмотрѣлъ, что хотя-бъ они мнѣ и никакого удовольствія не сдѣлали, такъ я и тою землею доволенъ буду, которою тогда владѣлъ.

Получивъ сіе утѣшеніе, поѣхалъ я уже съ веселѣйшимъ сердцемъ къ дожидающемуся насъ г. Тараковскому и жадничалъ увидѣть славнаго ихъ г. Соймонова и спознакомиться съ нимъ. Однако онъ не бывалъ, отговорился болѣзнію. Досадно мнѣ сіе было, однако не долго думая, рѣшился я въ тотъ же день самъ къ нему ѣхать и подговорилъ съ собою и г. Тараковскаго. Итакъ, отобѣдавъ у него одни, и прямо по степному, всѣ вмѣстѣ туда и отправились.

Господинъ Соймоновъ жилъ въ деревнѣ Бѣляевѣ, версты съ три отъ насъ за рѣкою Пандою. Мы не успѣли пріѣхать къ рѣкѣ, какъ увидѣли самого его идущаго съ людьми ловить рыбу. Итакъ, остановились его дожидаться.—«Что то за Соймоновъ—думалъ и говорилъ я самъ себѣ:— посмотримъ славнаго въ здѣшнемъ околодкѣ и богатаго человѣка.»

Соймоновъ пришелъ и обошелся съ нами безъ дальнихъ церемоній, узналъ моего брата, служившаго съ нимъ въ Польшѣ. Потомъ спрашивалъ, куда мы? Мы отвѣчали что къ нему. Онъ зоветъ къ себѣ и воротился съ нами. И тогда увидѣлъ я, что славны бубны за горами, а какъ ближе—такъ лукошки.

Былъ онъ человѣкъ маленькій, похожъ на курочку и очень-очень не изъ прыткихъ. Домикъ у него былъ степной, покрытый соломою, состоялъ изъ горенки съ комнаткою, и уборцы въ немъ по середнему, хотя и видно было, что жилъ изрядно и видалъ какъ люди живутъ.

Какъ скоро сѣли, то появилось первое степное подчиванье: водка и арбузъ, и приказано было подать горячаго, то-есть, чаю. Жена его была на рыбной ловлѣ и не возвратилась съ нами, а только поцѣловалась на полѣ.

Вскорѣ разговоръ нашъ сдѣлался общій и поознакомившись было сидѣть намъ весело, и мы всѣ не молчали. Г. Соймоновъ былъ не глупъ и можно было съ нимъ обходиться. Мы просидѣли у него до вечера, но говорили все о постороннемъ; но наконецъ довелъ я матерію и о землѣ и, къ удовольствію моему, услышалъ, что г. Соймоновъ и самъ желаетъ землями поразмѣняться.

Онъ былъ не храбрѣе Тараковскаго, и предлагалъ даже самъ, чтобъ всѣмъ намъ съѣздить въ степь и назначивалъ даже къ тому послѣдующій день. Легко можно заключить, что я сему былъ очень радъ.

Итакъ, разстались мы, какъ добрые пріятели, а познакомились между тѣмъ и съ возвратившеюся домой и его женою. Она была барыня молоденькая, тутошная уроженка, одѣта какъ голанка и очень мудрено: въ байковомъ платьицѣ, очень короткой юбкѣ, а того короче шушунъ; поворачивалась какъ куколка, и была ему ровня и боярынька средняго класса.

Возвратившись домой и занявшись ввечеру писаніемъ своего журнала, между тѣмъ какъ братъ мой разговаривалъ съ премудрою головою, моимъ прикащикомъ, услышалъ я нѣчто такое, что побудило меня до слезъ почти смѣяться. И какъ сіе можетъ служить доказательствомъ уму и разсудку моего долговязаго прикащика и грубому невѣжеству и глупо-

сти нашего подлаго народа, то разскажу вамъ сіе смѣшное происшествіе.

Разговоръ у нихъ былъ тогда о скотскомъ падежѣ, свирѣпствовавшемъ въ тогдашнее время во всемъ тамошнемъ околоткѣ, и въ томъ числѣ и въ самомъ нашемъ селеніи; и прикащикъ мой божился ему тяжкою клятвою, что тамъ недавно смерть коровью видѣли, и братъ мой былъ такъ недальновиденъ, что ему въ томъ и вѣрилъ. Что-жъ касается до меня, то я, услышавъ сіе, покатился со смѣха, и переставъ писать и захохотавъ, спросилъ:

— Какая-жъ она, эта смерть коровья?

— «Право, судырь, видѣли! отвѣчалъ сурьезно мой прикащикъ. Андросъ везъ хлѣбъ съ поля, и она бѣжитъ-бѣжитъ по нашей рощѣ и тотчасъ разсыпалась, какъ скоро Андросъ ее увидѣлъ.

— Ха! ха! ха!

— «Нѣтъ сударь, что вы смѣетесь? съ дѣвчонкою нашею встрѣтилась она, совсѣмъ-таки наткнулась на нее, и перепугала ее на смерть.

— Того еще лучше! да какая же она?

— «Вся бѣлая, отъ ногъ до головы. Бѣжитъ, бѣжитъ и очень рѣзво!

— Да чтожъ, она человѣкъ что-ли?

— «Нѣтъ судырь, а ноги у ней коровьи а голова бычачья!—вотъ ажно какая!»

— Ну, ну, что далѣе?

— «А что, судырь? попытаться бы коровъ-то въ землю отъ мора сажать».

— Какъ это? ха! ха! ха!

— «А вотъ какъ, судырь. Вырылъ бы яму глубокую и туда бы ихъ заперъ, и воду бы къ нимъ изъ вершины пропустилъ, сдѣлавъ внизу узенькій проходецъ; а чтобъ земля не обваливалась, подставилъ бы подпоры, и сдѣлалъ бы ясли, а передъ дверьми натыкалъ бы пикъ, такъбы смерть и накололась».

— Ха! ха! ха! перестань пожалуй врать и говорить такую околесную, ты мнѣ только писать мѣшаешь.

Вотъ какой премудрый разсудокъ имѣлъ мой прикащикъ, и удивительно ли, что онъ и жилъ въ такой прекрасной и опрятной комнатѣ, какова была наша квартира.

Симъ окончу я сіе мое письмо и предоставивъ продолженіе повѣствованія моего письму послѣдующему, между тѣмъ остаюсь вашъ и прочая.

СТЕПНЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Письмо 126-е.

Любезный пріятель! Повидавшись помянутымъ образомъ съ обоими моими ближними сосѣдями и условившись съ ними ѣхать въ поле, за нужное почелъ я прежде ихъ ко мнѣ пріѣзда выправиться хорошенько, сколько земли было у меня дѣйствительно во владѣніи господской и крестьянской, дабы знать сколько въ прибавокъ мнѣ себѣ отмѣрить и взять надобно. Тутъ, по точной перепискѣ и счисленіи, открылось для меня совсѣмъ странное неравенство, что крестьяне владѣли вдвое противъ моего и что въ завладѣніи всей было около полутораста десятинъ.

Между тѣмъ пришелъ ко мнѣ староста господина Молчанова, сосѣда деревенскаго-жъ, имѣющаго вмѣстѣ съ нами владѣніе, но отсутственнаго; и какъ мнѣ и съ нимъ надлежало разводиться, то радъ я былъ сему случаю и говорилъ ему о томъ. Но что и чего можно было отъ мужика требовать: «Не смѣю безъ господина!» да и все тутъ, и что я ему ни говорилъ, но онъ ничего не понималъ и понять не могъ.

Не успѣлъ я помянутое счисленіе кончить, какъ увидѣли уже ѣдущихъ къ намъ господина Соймонова съ Тараковскимъ. Меня сіе очень удивило, ибо я ждалъ ихъ послѣ обѣда, а они пріѣхали по утру и хотѣли-было ѣхать въ поле до обѣда; но какъ былъ уже двѣнадцатый часъ, то унялъ я ихъ обѣдать.

Обѣдъ нашъ былъ заѣзжій, однако по случившейся рыбѣ довольно изрядный, и мнѣ было не стыдно. Отобѣдавъ и напившись чаю, поѣхали мы наконецъ на поле, взявъ съ собою и старосту Молчанова, какъ участника немаловажнаго.

По пріѣздѣ въ тѣ мѣста, гдѣ по совѣту всѣхъ моихъ мнѣ взять было другихъ мѣстъ сходнѣе и выгоднѣе, сталъ я

отъ нихъ требовать и показывать мѣсто, гдѣ бы они мнѣ отвели землю къ одному мѣсту и свои бы куски промѣняли. Г. Соймоновъ былъ почти посредникомъ, ибо его земель тутъ не было. А какъ случились тутъ земли распаханныя и завлаженныя самовольно Тараковскимъ, Молчановыми и нѣкоторыми помѣщиками изъ села Трескина, то г. Тараковскій не очень на предлагаемый обмѣнъ соглашался, а отводилъ другое и самое то мѣсто, гдѣ отрѣзалъ и захватилъ себѣ Рахмановъ, хотя меня отбоярить на самое спорное мѣсто, и чтобъ я отнималъ у Рахманова и съ нимъ хлопоталъ и бранился.

Мнѣ показалось сіе очень удивительно. Я представлялъ требованію моему причины, слался на г. Соймонова въ справедливости оныхъ. Сей былъ моего мнѣнія и бралъ мою сторону, ибо былъ человѣкъ не глупый и разсудительный. Послѣ чего поѣхали мы далѣе, ѣздили, останавливались во многихъ мѣстахъ, говорили, кричали, бранились, но ничѣмъ не могъ я г. Тараковскаго привесть въ разсудокъ. Онъ наладилъ только все свое и болѣе ничего, а потому и разъѣхались мы ничего почти не сдѣлавъ, а только проѣздивъ цѣлый день по полю.

Досадуя на глупое и совсѣмъ безразсудное упорство Тараковскаго съ товарищи и предусматривая, что добромъ ничего сдѣлать съ ними было не можно, положилъ я, несмотря на нихъ, вымѣрить и отрѣзать себѣ тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось, и тѣ ихъ пашни и земли, которыя случатся въ моей округѣ, оставить въ ихъ владѣніи, ибо силою отнять мнѣ было не можно, а вмѣсто ихъ взять такое же число далѣе въ степь, ибо другого дѣлать не оставалось, а притомъ положилъ удаляться колико можно отъ Рахманова.

Сей побочный сосѣдъ былъ мнѣ всѣхъ прочихъ страшнѣе. Всѣ сказывали мнѣ объ немъ, что подобнаго ему обидчика во всемъ свѣтѣ не найдешь, и что будучи богатъ и людьми силенъ, ворочалъ онъ во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ какъ чортъ въ болотѣ, и отнималъ земли у всѣхъ, гдѣ бы какая ему ни полюбилась, и никто не могъ найтить на него нигдѣ ни суда, ни расправы. А по всему тому и не хотѣлось мнѣ имѣть съ нимъ дѣла, а оставлялъ ихъ съ нимъ ссориться и браниться какъ хотятъ.

Впрочемъ, во время помянутаго разъѣзжанія по полямъ и смотря на нихъ и на распашныя земли, не могъ я надивиться завистливости и любостяжанію тамошняго народа и ужасному въ распашкѣ земель безпорядку. Всякій захватывалъ болѣе и далѣе сколько могъ, но какъ-же?... Очертивъ себѣ превеликую округу, и распахавъ въ ней лоскутокъ, считаетъ, что вся округа уже его, и никто у него ее не трогай и въ его округу не ходи, хотя бы онъ ее и въ двадцать лѣтъ распахать былъ не въ состояніи.

Такія очерченныя округи были не только у всякаго господина, но и у всякаго мужика особыя. Но того было еще не довольно, что они симъ образомъ все поле испестрили, и была тутъ и пашня, и покосъ, и кавылъ, и яровое, и рожь и все вмѣстѣ; но несмотря на всю строгость дѣлаемаго законами запрещенія, лѣзли все еще далѣе въ степь, и гдѣ-таки кому вздумалось, тамъ посреди степи и ну пахать, а чрезъ то и испещрена была сія ближняя степь ужаснымъ образомъ.

Предпріявъ помянутое намѣреніе, не сталъ я долѣе медлить, чтобъ не жить тамъ по пустому, но составивъ нѣкоторый родъ межевой команды своей для ношенія астролябіи и прочей межевой сбруи, пустился съ братомъ и прикащикомъ на сію работу.

Мы препроводили въ семъ измѣреніи и сниманіи на планъ ситуаціи того мѣста нѣсколько дней сряду, и работа сія была мнѣ въ сей разъ не только трудна, но крайне скучна и безпокойна. Во-первыхъ оттого, что астролябія была у меня неправская и не совсѣмъ тогда еще исправленная, а люди все незнающіе и необыкшіе.

Во-вторыхъ, что и погода власно какъ нарочно случись въ тѣ дни самая скверная, холодная, вѣтреная, перемѣшанная

иногда съ дождями и снѣгомъ, мглою и самымъ градомъ; что все работѣ межевой не только мѣшало, но иногда совсѣмъ ее останавливало.

Въ-третьихъ, оттого, что сперва былъ братъ боленъ, а тамъ и самъ я цѣлый день прострадалъ жестокимъ поносомъ, повредивъ желудокъ свой арбузами и тамошними дурными водами, и насилу отъ него отдѣлался.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, отъ сдѣлавшейся нечаянно ошибки.

Однажды, записывая на абрисѣ ромбы, записалъ я градусъ 69, отдалъ я бумагу сію носить своему Бабаю, а онъ, не давъ времени написаннымъ цифрамъ засохнуть, согнулъ ее и такъ хорошо, что изъ числа 9 сдѣлалось 2. И сія бездѣлка навела мнѣ множество хлопотъ и сдѣлала то, что труды цѣлаго дня пропали по пустому и я принужденъ былъ вновь перемѣривать и вездѣ искать ошибки, и насилу-насилу открылъ ее.

Но какъ бы то ни было, но я все желаемое кончилъ, земли довольное пространство положилъ на планъ и на ономъ все то количество, которое мнѣ и брату моему было надобно, намѣрилъ и къ отрѣзкѣ назначилъ, и оставалось отрѣзку сію произвесть въ натурѣ. Но сіе хотѣлось мнѣ произвесть не одному и не тайкомъ, а торжественно при постороннихъ людяхъ, которыхъ и положилъ я собрать, пригласивъ къ тому же времени и моихъ сосѣдей.

Сколько я симъ дѣломъ ни поспѣшалъ, но неожиданное обстоятельство принудило меня онымъ на нѣсколько дней поостановиться.

Лишь только хотѣлъ я посылать за сосѣдями, какъ услышалъ, что ихъ никого дома нѣтъ, что всѣ они уѣхали къ пріѣхавшему въ тѣ предѣлы г. Лунину и не прежде возвратятся, какъ дни чрезъ три.

Этотъ Лунинъ былъ одинъ изъ ближнихъ тамошнихъ сосѣдей, человѣкъ знатный, находящійся еще въ штатской службѣ, служившій въ вотчинной коллегіи главнымъ и притомъ очень богатый.

Всѣ тамошніе мелкіе дворянчики вѣровали въ него, какъ въ идола и не успѣли услышать о его пріѣздѣ, какъ всѣ къ нему на поклонъ и поскакали, а какъ не пріѣзжалъ еще и г. Рахмановъ, съ которымъ мнѣ хотѣлось также очень видѣться и говорить, и прикащикъ ожидалъ его съ часу-на-часъ и для того ко мнѣ ѣхать не соглашался, то и рѣшился я всѣхъ ихъ дождаться и тогда уже съ лучшимъ основаніемъ приступить къ дѣлу.

Во все сіе праздное время занимался я разными экономическими распоряженіями, размѣриваніемъ своей усадьбы, назначеніемъ мѣстъ, гдѣ поселиться вновь переведенцамъ, которыхъ хотѣлъ перевесть туда изъ другихъ деревень, и въ прочемъ тому подобномъ, и все сіе помогло мнѣ и сіе время препроводить безъ дальней скуки.

Въ одинъ вечеръ изъ сихъ дней имѣлъ я особливое удовольствіе и обрадованъ былъ до чрезвычайности, но чѣмъ?.. О томъ надобно мнѣ пересказать вамъ самыми тѣми словами, какими описывалъ я тогда произшествіе сіе моему пріятелю:

«Угадайте (говорилъ я въ письмѣ своемъ къ нему), какая бы это была радость! Объ закладъ ударюсь, что вы не отгадаете!... Ежели думаете, что я землю получилъ, такъ совсѣмъ не то: о землѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. Сосѣди мои еще не бывали и три дня еще не будутъ. Всѣ ѣздятъ и празднуютъ по гостямъ. Чтожъ бы такое?.. Вы не угадаете, хотя-бъ прибавить еще, что радость моя была полная и удовольствіе совершенное. Я имѣлъ вчера и сегодня то въ рукахъ, чего желалъ долгое время. Во мнѣ совершилось или удовлетворилось одно желаніе, которымъ я уже давно мучился, то какъ же не радоваться?

«Однако прошу не углубляться въ мысли: сколько-бъ вы ни стали мыслить и думать, но вамъ никакъ не отгадать, а лучше разскажу вамъ все дѣло и заставлю и васъ посмѣяться.

«Вчера легли мы съ братомъ спать. Я поставилъ свѣчу себѣ въ головы и читаю книгу; братъ мой ворочается и поправ-

ляется, чтобъ спокойнѣе заснуть; но вдругъ какъ меня удивилъ! Въ единый мигъ скокъ-таки съ постели и съ одѣяломъ своимъ, и растянулся на полу!— Что-бы это такое надъ нимъ сдѣлалось?— Вы, думаю, дивитесь сему, но вы удивитесь еще болѣе, когда скажу, что я вмѣсто того, чтобъ испужаться, самъ ему послѣдовалъ, самъ также съ постели вскочилъ въ чемъ мать родила, бросилъ книгу и свѣчу, и ну по горницѣ или по избушкѣ своей прыгать и бѣгать.

— «Господи! скажете вы, не съума ли вы оба сошли, и не подѣялось ли вамъ чего?

«Нѣтъ мой другъ! право нѣтъ. Мы оба въ цѣломъ разумѣ были и такъ какъ теперь, только по васъ слово, сдѣлались на минуту маленькими ребятками!

«Кролики, сударь, жившіе у насъ подъ печкою, которыхъ мы такъ усердно поймать хотѣли, но никакъ и никогда поймать не могли, вышли въ сей разъ изъ-подъ печки и удалились отъ своей лазейки. Братъ, примѣтивъ сіе, вскочилъ и одѣяломъ своимъ заткнулъ имъ лазейку, а я, вскочивъ, бросился ихъ ловить; и какое же удовольствіе имѣлъ, когда наконецъ поймалъ одного изъ нихъ, а именно бѣленькаго.

«Я взялъ его за ушки, поднесъ къ свѣчкѣ, смотрѣлъ, гладилъ его, любовался и веселился симъ прекраснымъ звѣрочкомъ съ цѣлую четверть часа.—О воръ! попался ты намъ! говорилъ я ему и повторялъ нѣсколько разъ: вотъ ужо мы тебя! ужъ дадимъ тебѣ переполоскъ! Перестанешь отъ насъ бѣгать! Цѣлыхъ двѣ недѣли мы тебя ловимъ!...

«Однако угрозы наши были ему не опасны; мы, налюбовавшись имъ до сыта, дали ему опять свободу, и тогда съ какою же радостію нырнулъ онъ въ свою лазейку. А мы положили ловить чернаго, который гораздо былъ проворнѣе и смѣлѣе, и нырнувъ подъ одѣяло продрался. И я доволенъ былъ тѣмъ, что онъ ушелъ, ибо тѣмъ подалъ мнѣ случай другой разъ подобнымъ тому образомъ минуты двѣ-три повеселиться.

«Это было сегодня послѣ обѣда. Сижу я съ попомъ, который у насъ обѣдалъ, и говорю. И разсудите, сколь велико было во мнѣ желаніе поймать сего плутишку, что сидитъ со мною посторонній человѣкъ, а увидѣвъ его удалившагося отъ своей лазейки, вдругъ какъ съумасшедшій вскочилъ, бросился къ печи и тулупомъ своимъ заткнулъ дырку и насилу насилу поймалъ его за ножку. Чуть было не ускользнулъ, такой воръ!

«Попъ мой, думаю, удивился моему поступку, но что мнѣ до того нужды! Я взялъ-таки и налюбовался имъ еще того больше. Онъ былъ гораздо лучше бѣлаго. Я посадилъ его на столъ, держалъ долгое время, кормилъ его яблочками и онъ у меня ихъ кушалъ, а потомъ наконецъ далъ я ему свободу, ибо какъ увеселилъ меня онъ, такъ хотѣлось мнѣ и ему сдѣлать освобожденіемъ удовольствіе».

Теперь, продолжая мою исторію, скажу, что около 28 сентября начали обстоятельствы мои приближаться къ окончанію. Сосѣди мои начали собираться и посыланные провѣдывать привезли извѣстіе, что пріѣхалъ и Тараковскій, и Соймоновъ, и наконецъ Рахмановъ.

Я не преминулъ къ первому отправить тотчасъ моего прикащика для узнанія вѣстей относительно до г. Лунина. Но сей привезъ мнѣ извѣстіе, что Тараковскій скачетъ опять къ Лунину съ своими крѣпостьми; что Лунинъ самъ купилъ 1,000 десятинъ, но дивится, какъ я самъ хочу межевать; что Тараковскій самъ уже говоритъ, что онъ виноватъ предъ государемъ и хочетъ также покупать землю, а наконецъ проситъ меня, чтобъ я отрѣзкою земли помѣшкалъ еще дни три, покуда уѣдетъ Лунинъ.

Хорошо, думалъ я, однако это будетъ долго, а я повидаюсь между тѣмъ лучше съ Рахмановымъ; и тотчасъ запрегши лошадей, къ нему съ братомъ поѣхалъ. Но заѣхавъ къ живущему на дорогѣ г. Соймонову услышалъ, что слухъ о пріѣздѣ Рахманова проврался, и что онъ еще дѣйствительно не пріѣзжалъ и никто точно не знаетъ, когда онъ будетъ.

Сіе перемѣнило мои мысли и я, досадуя на такую проволочку, рѣшился приступить къ отрѣзкѣ земли себѣ безъ нихъ, а самъ собою, и не долго думая начать то съ послѣдующаго утра. Сіе мы на утріе дѣйствительно и учинили. Но чтожъ! Не успѣли мы выѣхать съ братомъ и съ людьми начать проводить и назначать линіи, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ мой староста и съ нимъ какой-то господской человѣкъ изрядно одѣтый, и чей же? г. Рахманова, присланный отъ самого его сказать мнѣ о своемъ пріѣздѣ и звать меня къ себѣ, чтобъ поговорить о землѣ.

Что было мнѣ тогда дѣлать?.. принужденъ былъ перестать межевать, ибо мнѣ съ нимъ необходимо надобно было видѣться и положить на словѣ, гдѣ между нами межѣ быть, и согласится ли онъ такъ, какъ я назначилъ, чего однако я не надѣялся, ибо отрѣзалъ изъ черты его очень много. По крайней мѣрѣ радъ я былъ, что онъ наконецъ пріѣхалъ и разрѣшитъ все мое сумнѣніе.

Такимъ образомъ, отпустивъ человѣка и сказавъ, что я буду, поскакалъ я искать брата и насилу его нашелъ въ степи и поѣхалъ съ нимъ домой, а отобѣдавъ и отправились мы къ сему нововыѣзжему.

Г. Рахмановъ жилъ отъ насъ не близко и имѣлъ село превеликое, съ однодворцами вмѣстѣ, но я отъ роду такой дурной усадьбы и положенія мѣста не видывалъ какъ сіе.

Село это сидитъ въ лощинѣ по косогору и очень дурно и тѣсно, хотя прикрыто прекраснымъ по буграмъ лѣсомъ. Насилу, насилу мы взъѣхали по грязи на гору къ его хоромцамъ, построеннымъ также на косогорѣ и въ прескверномъ мѣстѣ и незначущимъ ничего.

Г. Рахмановъ принялъ насъ съ надутою гордостію и пышностію; а хотя бы и не имѣлъ сего пристрастія, такъ бы толстой его корпусъ и взрачной станъ придалъ бы ему пышность. Мы скоро дошли въ разговорахъ до земли. Рахмановъ мой въ гору и въ гору ужасную! «Земля дачная, окруженная окружною и настоящая окружная у него, а дикой земли вовсе нѣтъ», да и только всего!

Но это пѣсенька была первая у всѣхъ тамошнихъ господъ; но я скоро усмотрѣлъ, что Рахмановъ былъ не дуракъ и что сосѣдъ сей важнѣе всѣхъ прочихъ. Онъ началъ представлять резоны, и резоны его были справедливые и никто еще изъ тамошнихъ столь важно о сей окружной не говорилъ, какъ онъ. Зналъ же онъ и все то, что въ инструкціи о земляхъ написано и твердилъ, что здѣшнія пустыя степи почтутъ примѣрными. Далѣе говорилъ онъ, что купить въ ней было мнѣ не можно, и что онъ самъ просилъ о продажѣ, но ему будто затѣмъ и непродано, что земля тутъ дачная, и онъ просилъ будто о продажѣ въ другомъ мѣстѣ.

Мы прокричали съ нимъ съ добрые полчаса и я ни мало не уступалъ, но совсѣмъ тѣмъ привелъ онъ меня въ великое сумнѣніе; ошибка моя была мнѣ очень явна и состояла въ томъ, что при просьбѣ о землѣ въ межевой канцеляріи назвалъ я ее дикою и въ дачахъ небывалою, почему она мнѣ и продана.

Приведенъ будучи симъ въ великое замѣшательство, замолчалъ я на часокъ, чтобъ подумать, какія бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ принять мнѣ лучшія мѣры. Въ единый мигъ пробѣгъ я мыслями всѣ слѣдствія, могущія произойтить въ разныхъ случаяхъ.

Помышлялъ о томъ, чѣмъ бы и какъ исправить свою ошибку въ межевой, думалъ о испрошеніи для отмежеванія мнѣ проданной земли своекоштнаго землемѣра; помышлялъ о спорахъ, какіе произойдутъ при семъ случаѣ и какъ тѣмъ еще болѣе все дѣло испортить можно, и не усматривалъ ничего лучшаго, какъ избрать среднюю дорогу а именно: чтобъ объ ошибкѣ своей молчать, межевщика не брать, а владѣть землею по прежнему до прибытія землемѣровъ и распахивать ее уже смѣлѣе. Но чтобъ владѣть до того времени спокойнѣе, то усматривалъ ту необходимость, что вести мнѣ надобно себя посмирнѣе и стараться получить

ласкою землю къ одному мѣсту, гдѣбъ то ни было, хотя бы то и съ нѣкоторою уступкою было.

Не успѣлъ я все сіе перемыслить, какъ г-нъ Рахмановъ, успокоившись отъ своего разгоряченія и пыховъ, и сдѣлавшись смирнѣе и снисходительнѣе, сказалъ: что я дачу свою получу тогда, какъ межевать станутъ, а теперь владѣлъ бы я тѣмъ что имѣю. Я обрадовался сему и, привязавшись, началъ клеить свое дѣло. Ибо съ сей минуты говорили мы уже все ласково и хорошо. Онъ уже соглашался, чтобъ я бралъ и отводилъ землю. Но тутъ сдѣлался вопросъ, будетъ ли онъ моею межею доволенъ?

Чего я опасался, то и сдѣлалось. Онъ былъ крайне тѣмъ недоволенъ, что я такъ близко къ его хутору подъѣхалъ, и требовалъ неотмѣнно по свою черту, самимъ имъ отъ единой жадности къ захватыванію проведенной; ибо сіе мѣсто было совсѣмъ не противъ его дачной земли, а противъ нашей, а онъ захватилъ только насильно у насъ одинъ логъ, извѣстный подъ названіемъ Дальнаго-Ложечнаго, и нашедъ тутъ родникъ и воду, поселилъ хуторъ.

Я видѣлъ ясно всю несправедливость и наглую только жадность къ землѣ съ его стороны, и потому хотя мнѣ и весьма не хотѣлось ему сдѣлать толь великой уступки и дать ему чрезъ то отбить меня совсѣмъ отъ помянутаго Дальнаго-Ложечнаго, которое именно мнѣ продано, и гдѣ самому мнѣ селеніе завесть хотѣлось; но видя, что мнѣ съ симъ тузомъ, какъ съ добрымъ мериномъ, не сладить, оказалъ себя сколько-нибудь склоннымъ и на его предложеніе, и тогда и онъ, будучи доволенъ, хотѣлъ самъ выѣхать и положить между нами межу.

Я былъ и сему уже радъ, по крайней мѣрѣ была бы межа достовѣрная и мнѣ гдѣ-нибудь распахивать бы уже смѣлѣе было можно; но горевалъ я только о томъ, что выѣздъ сей назначалъ онъ не прежде какъ чрезъ 7 дней, и насилу убѣдилъ его обѣщать выѣхать чрезъ день послѣ того времени.

Симъ кончилось наше тогдашнее свиданіе и мы разстались, какъ уже добрые пріятели.

Во время обратной нашей ѣзды случилось съ нами одно смѣшное происшествіе, которое неизлишнимъ будетъ разсказать для того, чтобъ дать случай вамъ посмѣяться.

Ѣдучи еще къ г-ну Рахманову, видѣли мы преужасное стадо дикихъ гусей, сидящее на ровномъ лугу при берегахъ рѣки Панды. Было ихъ такое множество, какого я отъ роду не видывалъ, и безошибочно можно было сказать, что находилось ихъ тутъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Весь обширный лугъ казался отъ нихъ не инако, какъ вспаханною землею, и какъ мы ихъ вспугнули, то затмилось даже солнце отъ густоты ихъ огромнаго стада. Намъ хотѣлось хоть одного изъ нихъ застрѣлить, и мы не одинъ разъ посылали бывшаго съ нами братнина егеря поляка, но они были такъ осторожны, что онъ не могъ никакъ къ нимъ подкрасться.

Но какъ поѣхали мы назадъ, то было уже такъ поздно, что не успѣли мы доѣхать до рѣки Панды, какъ совсѣмъ уже смерклось, и тогда увидѣли мы опять небольшое стадо гусей, слетѣвшее съ поля и одного гуся отставшаго отъ нихъ и бѣгущаго пѣшкомъ.

— Ахъ! конечно это подстрѣленный! — закричалъ мой братъ:

— Подстрѣленный, сударь! — говорилъ кучеръ.

— Право знать подстрѣленный — говорилъ прикащикъ, стоявшій позади.

Словомъ всѣ утвердили, что такъ, и тотчасъ опредѣлили, чтобъ ловить подстрѣленнаго гуся. И тогда я закричалъ: «стой! стой!» а братъ кричалъ: «Побѣгай, побѣгай Яковъ», и Яковъ побѣжалъ ловить гуся. Заходитъ ему впередъ, гусь бѣгаетъ... заходитъ ему въ бокъ, онъ прочь бѣжитъ.

— Охъ, ему одному не поймать, закричалъ братъ: побѣгу-ка я къ нему на помощь, двое скорѣе поймаемъ!

— «Побѣги братецъ!» говорю я, и бра-

тецъ мой полетѣлъ, а за нимъ ну-ка и я тудаже для компаніи.

Уже мы ловить, уже бѣгать, то туда то сюда, то впередъ, то взадъ—не дается намъ гусь; запыхались, замучились, не одинъ разъ въ темнотѣ спотыкались и падали, и насилу, насилу наконецъ поймали. Но чтожъ?... Вмѣсто мнимаго сокровища оказалось, что гусь былъ дворный и отнюдь не дикой!

Господи, какая была тогда досада на самихъ себя и какъ потомъ смѣялись мы тому, что всѣ мы четверо такъ грубо обманулись, и всѣ измучились попустому, а выигралъ болѣе всѣхъ нашъ кучеръ. Онъ просидѣлъ на козлахъ и разиня ротъ съ нами не бѣгалъ.

Какъ по условію нашему надлежало мнѣ цѣлыхъ двое сутокъ дожидаться нашего съѣзда, и сіе время еще долѣе продлилось по случаю заѣхавшихъ къ Рахманову гостей и его задержавшихъ; то употребилъ я сіе праздное и для брата моего очень скучное время на разныя экономическія распоряженія, а въ достальное праздное время описывалъ положеніе и самую исторію тамошнихъ мѣстъ, между прочимъ же и на свиданіе съ ближнимъ сосѣдомъ своимъ, г-мъ Тараковскимъ.

Сей удивилъ меня премѣненіемъ всѣхъ своихъ со мною поступокъ, и побывавъ у Лунина, вмѣсто прежняго казоканья сдѣлался такъ смиренъ, какъ овечка и такъ ласковъ, такъ снисходителенъ, такъ сговорчивъ и на все согласенъ, что я даже удивился, и будучи крайне тѣмъ доволенъ, ласкалъ себя пріятною надеждою, что мы разведемся съ нимъ и въ землѣ порядочно и какъ надобно. Но за доставленное мнѣ сіе краткое удовольствіе, заплатилъ же онъ мнѣ съ лихвою другимъ своимъ со мною обращеніемъ, которое по особливости онаго и достойно того, чтобъ я описалъ оное вамъ въ подробности, и по примѣру прежнему, тѣми-же точно словами, какими описывалъ я происшествіе сіе тогда въ письмѣ къ моему пріятелю. Вотъ оно:

«Скажу вамъ, любезный другъ! что я весь сегоднешній день принужденъ былъ просидѣть подъ карауломъ и терпѣть крайнюю скуку. Однако не ошибитесь въ заключеніяхъ и не подумайте чего-нибудь дѣйствительно худого; нѣтъ мой другъ! а я былъ въ гостяхъ и такихъ гостяхъ, гдѣ мнѣ были еще чрезвычайно рады.

«Но совсѣмъ тѣмъ сидѣть мнѣ было тутъ такъ весело, что принужденъ былъ употребить всю философическую терпѣливость и искать отъ самой сей высокой и драгоцѣнной науки себѣ утѣшенія.

«Причиною тому было то, что хозяинъ того дома, гдѣ я сегодня обѣдалъ, впалъ въ нѣкоторый родъ энтузіастическаго изступленія, или нѣкоторый родъ болѣзни, которой, по примѣчаніямъ моимъ, здѣшніе дворяне въ особливости и часто подвержены бываютъ. Дѣйствіе ея состоитъ въ томъ, что человѣкъ приходитъ вдругъ въ нѣкоторый родъ изступленія и начинаетъ дѣлать всякія неистовствы и присутствующихъ мучитъ разными образами.

«Къ вящему несчастію продолжилось сіе изступленіе его до самаго моего отъѣзда, въ которое время весь домъ его былъ встревоженъ и досталось отъ него всѣмъ кто тутъ ни былъ, и въ томъ числѣ не освобожденъ былъ и я отъ нѣкотораго рода мученія. Но что всего страннѣе, то мученія сіи дѣланы были всѣмъ разныя и неодинакія. У иныхъ принуждены были терпѣть мученіе ноги, у иныхъ руки, у иныхъ горло, а у иныхъ все тѣло. Мое-же состояло въ томъ, что онъ принимался нѣсколько разъ меня душить и однажды чуть-было не задушилъ, такъ крѣпко притиснулъ меня своими руками. А сверхъ того щеки мои и теперь еще саднѣютъ отъ небритой и жосткой его бороды, которою кололъ онъ въ нихъ какъ желѣзною щеткою.

«Если вы не догадываетесь, что вся сія аллегорія значитъ, то для изъясненія загадки сей скажу вамъ, что все дѣло состояло въ томъ, что хозяинушка нашъ былъ на подгулѣ съ радости, видя у себя такихъ гостей, съ которыми онъ, по увѣреніямъ стократнымъ, въ наисовершен-

нѣйшемъ дружествѣ жить желаетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ими и не гораздо доволенъ.

«Былъ то не кто иной, какъ другъ нашъ, г-нъ Тараковскій. Будучи у меня въ сіе утро, не только не хотѣлъ никакъ остаться у меня обѣдать, но привязался къ самимъ намъ съ братомъ съ такими неотступными просьбами, чтобъ ѣхать съ нимъ обѣдать къ нему, и вмѣстѣ съ нимъ и его дѣтьми расхлебать уху, которая у него самая свѣжая и только-что изъ воды, что мы принуждены были на то согласиться, и сѣвши на лошадей вмѣстѣ съ нимъ къ нему и поѣхали.

«И тутъ-то не успѣли мы пріѣхать, какъ онъ чарочка по чарочкѣ и рюмочка по рюмочкѣ, но наконецъ такъ пріятель нашъ понабрался, что сѣвши обѣдать не умѣлъ ни одного слова выговорить, а только бормоталъ халдейскимъ языкомъ, котораго никто изъ насъ не разумѣлъ.

«И Боже мой! какое представлялось мнѣ тогда и послѣ обѣда во весь день зрѣлище! Ежели-бъ можно, намалевалъ бы вамъ все на картинѣ для изображенія всей гадкости сего порока, ибо перомъ изобразить того никакъ не можно; однако опишу вамъ хотя малую часть сего смѣшного и скучнаго для меня позорища.

«Но прежде скажу вамъ нѣсколько словъ о его обѣдѣ. Хотя пріѣхали мы уже часу въ первомъ, однако принуждены были болѣе часа его дожидаться. Сіе было уже хорошимъ предвозвѣстіемъ доброму и сытному обѣду; ибо другого не оставалось заключить, что онъ, по множеству рыбы, еще не готовъ былъ. И въ сіе-то время прохаживались у него взадъ и впередъ рюмки.

«За какое счастіе почиталъ я тогда для себя, что я не пью водки, а то бы конечно и я въ такую-жъ бы болѣзнь впасть принужденъ былъ. Однако совсѣмъ тѣмъ принужденъ былъ дѣлать компанію вишневкою, но и ту по счастію не принуждалъ онъ меня пить болѣе того, сколько я самъ выпью. Впрочемъ самое лучшее до обѣда состояло въ томъ, что онъ поставилъ передъ насъ одно превеликое яблоко, на стеклянномъ блюдечкѣ, прекраснѣйшаго вкуса.

«Наконецъ загремѣли тарелки и появилась сборщица въ премудреномъ сарафанѣ; ибо надобно знать, что должность тафельдекера, и казначея, и кравчаго, и управителя, а можетъ быть и самой хозяйки, или еще что-нибудь и далѣе отправляла одна молодая и собою гладкая баба въ мудреномъ верхнемъ одѣяніи. Она одѣта была какъ водится въ юбкѣ, въ кокошникѣ и въ рубахѣ съ манжетами, но сверху надѣтъ бѣлый суконный короткой сарафанъ, съ короткими рукавами по локоть и въ стану столь широкій, что можно бы въ него помѣстить еще одного человѣка. Сія казначея и повѣренная особа собрала съ превеликою проворностію, при вспоможеніи одной дѣвки, на столъ и поставила кушанья довольно. Но посмотримъ какія они были!

«Первое блюдо содержало нарѣзанную ломтиками и облитую конопнымъ масломъ рѣдьку, съ присовокупленнымъ къ тому лукомъ, нарѣзаннымъ кружками. Второе имѣло въ себѣ вяленыхъ подлещиковъ съ оголившимися почти ребрами. Третье—тертый горохъ такой черный, какъ лучше требовать было не можно. Четвертое—вареную и изрѣзанную ломтиками рѣпу. Въ сихъ четырехъ блюдахъ состояла вся первая и холодная перемѣна.

«Горячее было того мудренѣе. Славная его рыба была величины огромной: самая большая изъ нихъ была не меньше какъ въ цѣлый вершокъ длиною. Нельзя сказать, чтобъ не было рыбы многой, ста два-три находилось ихъ въ блюдѣ и была бы ушица изрядная, еслибъ не подсыпано было туда-же просяной крупицы или пшенца и тѣмъ все дѣло не изгажено. Другое горячее блюдо содержало въ себѣ вареные какимъ-то особливымъ образомъ грибы, а третье щи съ сомомъ. Жаркое было на двухъ блюдахъ. На одномъ жареные подлещики, которые были всего кушанья получше, а на другомъ великое множество давичныхъ маленькихъ рыбокъ на сковородѣ, а всѣмъ тѣмъ и бить челомъ.

«Хотя обѣдъ сей былъ и не лучше моего, но едва ли не гораздо хуже, однако я голоденъ не былъ, ибо, по благости Господней, былъ я во всю мою жизнь не приморщикъ и могъ наѣдаться всякаго кушанья; но бѣдный больной нашъ не съѣлъ ни одного куска хлѣба. Впрочемъ сидѣло насъ за столомъ шестеро: мы съ братомъ, да хозяинъ, да тетка его, старушка старенькая, да двѣ дѣвушки дочери хозяйскія, ибо онъ былъ вдовъ и жены недавно лишился.

«Не успѣли мы встать изъ-за стола и дамы наши въ другой покой удалиться, какъ и начались объятія.

— «Другъ ты мой сердечный!.. Я вамъ сердечно радъ... Ей-ей радъ!» Тутъ послѣдовалъ поцѣлуй не гораздо мнѣ пріятный для вышеупомянутаго колонья бородою и едва-было не воспослѣдовавшимъ задушеньемъ.—Сядемъ-ка сюда на каравать!.. Дунька!.. а Дунька! подай-ка намъ сюда столикъ... подай арбузъ!»

«Столикъ подали и арбуза нарѣзаннаго тарелку. Не успѣло сего воспослѣдовать, какъ вздумалось другу нашему насъ повеселить и позабавить. Но еслибъ дозволяла благопристойность, то двадцать разъ поклонился-бъ я ему, еслибъ онъ сію забаву отставилъ, ибо она состояла въ крикѣ, свистѣ и пляскѣ бабъ, дѣвокъ, мужиковъ и всякаго вздора, до чего я такой охотникъ, что хоть бы вовѣкъ не видать. Но что было дѣлать! Тогда принужденъ былъ терпѣть и насильно забавляться, ибо казалось дурно оказывать хозяину неудовольствіе, а особливо толь откровенно обходящемуся. Но сіе бы я уже согласился кое-какъ терпѣть, еслибъ повторяемыя его объятія не прибавляли къ тому скуки. Я жался къ углу на коровати, и пятился отъ него отчасу далѣе, дабы хотя мало поотдалиться отъ такого ласковаго человѣка; но старанія мои были тщетны.

— «Другъ ты мой сердечный!.. поцѣлуемся-ка... Люби меня, какъ я тебя!

— Хорошо! хорошо! говорю ему, а самъ наровлю далѣе; однако помогало сіе мало. Но чѣмъ далѣе я отдвигался, тѣмъ ближе подвигался онъ ко мнѣ, и погодя немного опять за тожъ.

— «Другъ ты мой задушевный!.. пьянъ я, голубчикъ!... пьянъ! скажи ты мнѣ чистосердечно, пьянъ-ли я?

— Пьянъ... пьянъ! - говорю ему.

— «Ну, сударикъ, поцѣлуемся же!..»

«Не было уже мочи терпѣть далѣе сіи поцѣлуи, и я не зналъ что уже и дѣлать. По счастію моему пѣвицъ показалось ему какъ-то мало, и потому, не удовольствуясь кричаньемъ и многократнымъ приказываніемъ своей Дунькѣ, посылать бабъ и дѣвокъ, всталъ онъ самъ, чтобъ ихъ повытаскать изъ комнатки.

«Не успѣлъ я отъ него свободиться, какъ бѣгомъ съ постели долой, и сѣлъ себѣ на просторѣ въ стулѣ. Тутъ думалъ я, что буду по крайней мѣрѣ отъ него терпѣть мученья меньше, что мнѣ и удалось. Онъ хотя и не рѣдко ко мнѣ подхаживалъ и по прежнему и кололъ, и давилъ и мучилъ, однако мнѣ все не таково уже было, ибо показалось ему, что всѣ худо пѣли и худо плясали, и надобно было самому ему подавать, шатаяся, тому примѣры. А сіе и удаляло его отъ меня на нѣсколько минутъ времени.

«Дочери его принуждены были также дѣлать компанію, и на бо̀льшую онъ мнѣ то и дѣло жаловался, что плясать не умѣетъ; меньшая же была по его мыслямъ, ибо плясала такъ, какъ ему хотѣлось. Обѣ онѣ были дѣвушки изрядныя, но жалки безъ матери и воспитаніе очень худое имѣя. Бо̀льшая была уже невѣста, и, по приказанію отца, принуждена была то и дѣло подносить гостямъ напитки, и тутъ-то дошло-было у насъ до разрыва столь тѣснаго дружества нашего. Не выпилъ я всей рюмки вишневки

— «Другъ ты мой сердечный! выпей всю».

— Не хочу воля твоя... не стану.. хоть, ты сердись, хоть бранись, а я знаю свою пропорцію, и ни для кого ее не преступлю!

«И тутъ-то началъ-было онъ вздорить, и потому принужденъ я былъ еще немного выпить, чѣмъ по счастію и удовольствовался. И опять пошла у насъ съ нимъ

дружба и опять «поцѣлуемся мой другъ»!. Насилу, насилу дождался я чаю; по счастію былъ онъ хорошъ, и я напился его довольно. Послѣ чая вздумалось ему перемѣнить явленіе. Не было, по мнѣнію его, довольно еще плясано и пѣто.

— «Гдѣ мой Ларка?.. Ларка! а Ларка... побѣгите за нимъ.»—Ларка пришелъ.— «Ну-ка братъ, встрехнись хорошенько».

»И подлинно уже встрехнулся. Задрожали даже окошки и зажужжало въ ушахъ, а свистомъ своимъ едва меня не оглушилъ. Радъ я, радъ былъ, когда телепень сей пересталъ. Но тутъ другое навязалось на меня горе. Привязался ко мнѣ Ванюшка - голубчикъ, любимый сынокъ моего друга сердечнаго! пристала ко мнѣ Кулюшка - голубка, любимая дочка пріятеля вѣрнаго. Одинъ говоритъ: «дядюшка, а дядюшка! сдѣлай мнѣ козлика!» а другая туда-жъ за нимъ:—«И мнѣ такого-жъ!

«То-то были завидныя дѣти! Боже! всякаго сохрани отъ таковыхъ. Ванюшка былъ лѣтъ пяти или шести, одѣтъ въ какую-то фуфайченку, безъ портокъ, и во весь день то кривлялся, то кричалъ, то вѣшался на отца, то пялился на кровать, то валялся и кувыркался на оной. И все это куда какъ хорошо.

— «Поди ко мнѣ Ванюшка! поди голубчикъ! мошенникъ ты! воръ ты самый».— И ну его цѣловать.

«Дочка Кулюшка была немного постарѣе и кривлялась еще лучше брата своего, а въ вѣшаньѣ ему не уступала. Вездѣ шарятъ, вездѣ лазаютъ... все хватаютъ. Растворили шкафъ, сыскали сахарницу, раскрыли ее, и милый сынокъ закричалъ: «Батя! а батя! я раскрылъ.»—Охъ! хорошо сударикъ, возьми себѣ».—И симъ-то любезнымъ дѣткамъ попадись какъ-то на глаза рѣпа.—«Батя! а батя, рѣпа!»— и тащатъ къ нему оную.—«Подай, любезное дитятко, сюда!.. нарѣзать что-ли вамъ? подайте ножъ».—Покуда подавали ножъ, покуда собирался онъ рѣзать, покуда рѣзалъ, ибо рѣзанье происходило медленно, кусокъ на столъ, а другой на полъ, время между тѣмъ много прошло, и я минутъ десять былъ спокоенъ. Но вскорѣ послѣ того началось новое мученье.

«Приступили оба ко мнѣ съ просьбами: дѣлай я имъ изъ рѣпы козликовъ! дѣлай, да и только всего, не отстаютъ отъ меня. Что ты изволишь? Не могъ никакъ отдѣлаться и принужденъ былъ вырѣзать имъ двѣ лошадки, и тѣмъ насилу, насилу отъ нихъ отдѣлался. И какъ мнѣ все сіе слишкомъ уже наскучило, то поднялся-было я ѣхать. Но статочное ли дѣло?—Развѣ браниться!—Не успѣю я встать, какъ меня схватитъ и поцѣлуя три сряду:

— «Братецъ, сиди!.. сударикъ. посиди! Ну, что тебѣ дома! дѣлать теперь нечего.»

«Что дѣлать, принужденъ былъ опять садиться. Лучше посижу, думаю въ себѣ, только освободилъ бы онъ меня отъ поцѣлуевъ своихъ. Наконецъ стало уже поздно становиться. Я не посмотрѣлъ ни на что, и почти съ бранью съ нимъ разстался и насилу уговорилъ его отпустить себя.

«Вотъ вамъ описаніе тогдашняго угощенія и препровожденія моего времени. Вы зная меня можете сами заключить, сколь весело мнѣ было, будучи трезвымъ, сидѣть между пьяныхъ и съ ними разговаривать. Признаюсь, что иногда со смѣху помиралъ смотря на все сіе. Но спасибо, на меня и не досадовали; но какъ бы то ни было, но въ праздныя минуты упражнялся я и тогда въ дѣлѣ, а именно чистилъ арбузную корку, крошилъ изъ ней и изъ рѣпной кожи сухарики, а въ самомъ дѣлѣ между тѣмъ размышлялъ о слабостяхъ человѣческихъ и благодарилъ Бога, что онъ сохранилъ меня отъ слабостей сему подобныхъ».

Но я записался уже въ сей разъ и заговорился о бездѣлкахъ, такъ что и позабылъ, что письмо мое давно уже превзошло свои предѣлы и мнѣ его давно пора кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

РАЗВОДЪ СЪ ЗЕМЛЕЮ.

Письмо 127-е.

Любезный пріятель! Наполнивъ послѣднее письмо мое все почти одними бездѣлками, надобно же разсказать вамъ

теперь и дѣло. Какъ г. Рахманоъв обѣщалъ выѣхать въ поле въ послѣдующій день, то проснувшись радовался я, что была опять прекраснѣйшая погода, но страшился, не происходило-ли въ прошедшій день подобнаго тому-жъ у г. Рахманова въ домѣ, что было у г. Тараковскаго.

Извѣстно было мнѣ, что не только поѣхавшіе къ нему тогда гости любили также тѣшиться и забавляться, какъ г. Тараковскій, но что и хозяинъ не рѣдко впадалъ въ болѣзнь тому подобную; и такъ завѣрное почти полагалъ, что ежели гости у него ночевали, то всѣ они были тогда съ похмѣлья, а потому и боялся, чтобъ сіе не удержало опять г. Рахманова отъ ѣзды на поле.

И я во всемъ томъ ни мало не обманулся. Посыланный къ нему человѣкъ привезъ къ намъ извѣстіе, что всѣ гости и тогда еще были у Рахманова и что наканунѣ того дня была у нихъ прямо веселая компанія, такъ что и тогда еще лежали почти всѣ въ лежку отъ того, и г. Рахмановъ велѣлъ просить, чтобъ я его въ семъ случаѣ извинилъ, и обѣщалъ уже навѣрное выѣхать на утріе.

Не могу изобразить, какъ мнѣ и брату моему было тогда на него досадно, и какъ бранили мы тогда и его и всѣхъ гостей его, и все ихъ куликанье и бражничество. Уже жили мы цѣлую почти недѣлю по пустому и для одного сего Рахманова, и упускали чрезъ то наилучшее время къ обратной ѣздѣ въ свои домы.

Досада моя была такъ велика, что мнѣ не хотѣлось ни за какое дѣло приняться, а потому, чтобъ не такъ было скучно, то, почти противъ хотѣнія своего, согласился въ этотъ день опять ѣхать къ приславшему насъ звать къ себѣ опять обѣдать г. Тараковскому, котораго нашли мы лежавшаго даже въ постели и насилу вставшаго отъ похмѣлья. Мы пробыли у него весь сей день, и тѣмъ охотнѣе, что онъ не былъ уже таковымъ, какъ въ прошедшій день, но въ полномъ и совершенномъ своемъ разумѣ.

Наконецъ наступилъ и послѣдующій важный и рѣшительный день. Судьба восхотѣла сдѣлать его власно какъ нарочно со всѣхъ сторонъ для насъ труднымъ. Самая погода перемѣнилась, и изъ прекрасной сдѣлалась самою скверною, холодною, вѣтреною, пасмурною и ненастною.

Я остолбенѣлъ почти увидѣвъ сіе, и услышавъ шумъ и свистъ вѣтра еще ночью при просыпаніи, ибо думалъ, что въ сей день сія дурная погода къ выѣзду на поле не допуститъ г. Рахманова.

— «Понесетъ ли его нелегкая! — думалъ и говорилъ братъ мой—этого бушму и брюхана, въ такую дурную погоду!»

Я самъ былъ такого же мнѣнія и не спѣшилъ ни мало одѣваться и готовиться къ ѣздѣ въ поле. Но всѣ мы въ сей разъ въ заключеніяхъ своихъ обманулись. Г. Рахмановъ былъ въ сей разъ такъ честенъ, что сдержалъ свое слово, и несмотря на всю дурную погоду выѣхалъ.

Сперва сказали-было намъ, что онъ вовсе не поѣдетъ; и сіе такъ меня вздурило, что я, разбранивъ и разругавъ его заочно, положилъ самъ собою все кончить и послалъ прикащика нѣкоторыя недорѣзанныя черты дочерчивать, а сами расположились уже за непогодою въ поле въ сей день не ѣздить; но какъ же насъ встревожили и удивили другіе, прибѣжавшіе сказать, что Рахмановъ уже со двора выѣхалъ и въ степь отправился.

— «Давай, давай, скорѣе! закричали мы—одѣваться, сѣдлай скорѣе лошадей!» И какъ по дурной погодѣ и по короткости времени было тогда не до уборовъ, то сѣлъ я въ тулупѣ, въ какомъ ходилъ, на лошадь, надѣвъ на себя только фуфайку и сверху епанчу и укутавшись сколько могъ лучше отъ стужи; а въ такомъ же убранствѣ былъ и мой братъ и слуга третій съ нами тогда только поѣхавшій, ибо за короткостъю времени и за отсутствіемъ прикащика и взять множайшихъ людей съ собою было некогда и некого.

Теперь опишу я вамъ сіе достопамятное наше съ Рахмановымъ свиданіе и бывшую съ симъ алчнымъ и гордымъ человѣкомъ раздѣлку; и опишу все происходившее у насъ подробнѣе, для того,

чтобъ вы могли усмотрѣть всю дурноту характера сего человѣка, также послѣ увидѣть, какъ судьба восхотѣла его наказать за его ненасытство и за наглое насъ, а особливо меня, притѣсненіе, и удивиться тому, что онъ всѣми тогдашними своими наглостями и стараніями присвоить себѣ совсѣмъ беззаконнымъ образомъ степь, вмѣсто мнимой себѣ пользы основывалъ только мнѣ превеликую и совсѣмъ даже мною никогда неожидаемую выгоду и заботился и трудился тогда самъ не зная о чемъ и для кого.

Однако какъ сіе не прежде произошло, какъ по прошествіи многихъ лѣтъ и уже послѣ его смерти, и о семъ услышите вы послѣ; то теперь возвратимся со мною и поѣдемъ вмѣстѣ, горе свое мыкать, въ степь для раздѣлки съ гордо-пышнымъ, алчнымъ и наглымъ богачемъ.

Вѣтръ былъ преужасный и притомъ рѣзкій и весьма холодный, и погода пасмурная и самая дурная. Мы не успѣли выѣхать за рощу, какъ почувствовали всю ея суровость, и разъ сто сказали съ братомъ изрядное словцо г. Рахманову заочно; а съ другой стороны и спасибо говорили, что по крайней мѣрѣ выѣхалъ. Но какъ то ни было, но мы пріѣхали наконецъ на спорное мѣсто, но тутъ не нашли еще никого, а увидѣли только вдали двухъ верховыхъ.

Дождавшись оныхъ къ себѣ усмотрѣли мы, что были то два однодворца, наперсники и любимцы г. Рахманова: оба моты, оба мошенники, оба врали и шутники, и оба находящіеся въ милости у Рахманова и всегда его забавляющіе. Отъ нихъ услышали мы, что Рахмановъ дѣйствительно выѣхалъ, и находится уже въ своемъ хуторѣ, построенномъ имъ года за два до того нагло въ нашей Ложечной-вершинѣ, и что они отставали отъ него для ловли зайца. А тотчасъ послѣ сего и пріѣхалъ къ намъ и человѣкъ отъ Рахманова звать насъ къ нему, куда мы тотчасъ и поѣхали.

Г. Рахмановъ выѣхалъ на свиданіе сіе съ великою помпою и штатомъ, въ одноколкѣ или паче колесницѣ, запряженной шестью дорогими лошадьми, а сверхъ того была у него заводная, верховая, дорогая лошадь, убранная вся въ золотѣ и въ гасахъ. Самъ онъ, дожидавшійся насъ въ избушкѣ, убранъ былъ также въ мундирѣ гвардейскомъ и очень по-лѣтнему. Впрочемъ примѣтно было очень, что дѣло было съ похмѣлья и онъ исковеркался и изломался.

Онъ принялъ насъ съ учтивостію и подчивалъ водкою и вишневкою, а самъ для насъ выпилъ чарку водки. И тогда представилось мнѣ страшное и удивительное зрѣлище. Не успѣлъ онъ выпить, какъ начало его мучить и коверкать, и ровно такъ, какъ-бы находился онъ въ припадкѣ. Дивился и не зналъ я, что о семъ думать и тѣмъ паче, что продолжалось сіе съ добрую четверть часа. Наконецъ кончилось тѣмъ, что его вырвало и онъ намъ разрѣшилъ сію загадку, сказавъ, что сіе всегда съ нимъ бываетъ, какъ скоро онъ одну чарку послѣ обѣда или съѣвъ только одинъ кусокъ хлѣба выпьетъ, а не ѣвши хоть десять, такъ ничего.

Послѣ сего началъ онъ намъ разсказывать, кто у него были гости и какъ они съ ними много пили.—«Повѣрите-ли? говорилъ онъ, иныхъ такъ и волочили безъ памяти».—Изрядная похвальба! думалъ я самъ въ себѣ, а ты небось, другъ, таковъ же былъ!!!

Поговоря кой о чемъ и обогрѣвшись, согласились мы начинать свое дѣло. Онъ сѣлъ на своего коня богато убраннаго, котораго пошедшій дождь мочилъ тогда очень хорошо, и одѣвшись въ холодный плащъ поѣхалъ, послѣдуемъ будучи множествомъ верховыхъ людей; а мы въ своемъ смиренномъ видѣ потащились также и выѣхали на спорное мѣсто.

Но прежде нежели начну вамъ описывать все наше происхожденіе, разскажу вамъ сколько насъ было. У г. Рахманова при боцѣ былъ, во-первыхъ, его воръ прикащикъ, плутъ, какого болѣе быть не можно. Во-вторыхъ, человѣкъ шесть верховыхъ лакеевъ; въ-третьихъ, старосты со всѣхъ деревень съ бородами; въ-чет-

вертыхъ, наконецъ, оба помянутые шуты, вертящіеся около его какъ дьяволы. Съ нашей же стороны былъ я только самъ-третей, какъ выше упомянуто; ибо по несчастію не было со мною и моего прикащика, который далеко отъ того мѣста чертилъ землю и мнѣ въ скорости за нимъ послать было некогда и некого. По счастію зналъ я уже самъ всѣ мѣста и обстоятельствы.

Не успѣли мы такимъ образомъ выѣхать, какъ начался у насъ тотчасъ споръ. Онъ началъ утверждать свою окружную, а я ее оспоривать; но что можно было съ такимъ человѣкомъ сдѣлать, который надутъ былъ своею силою, объятъ безпримѣрною завистью и который насильно хотѣлъ черное сдѣлать бѣлымъ.

— «Это не дикая степь, а покосъ въ нашей дачной окружной!» — да и вотъ тебѣ на!—хотя мы дѣйствительно на некошенномъ ковылѣ и ни мало на покосъ не похожемъ мѣстѣ стояли; и мы что ни говорили, но всѣ наши слова были какъ въ стѣну бросаемый горохъ. Уже я чего и чего не дѣлалъ: и досадовалъ, и смѣялся, и кричалъ и доводилъ доводами, но ничто не помогало. Однимъ словомъ, не говори ему ничего о покупкѣ, а говори о полюбовномъ разводѣ. Купить здѣсь нельзя да и только всего. Что ты изволишь?— «Хорошо!» говорю ему, а самъ въ себѣ думаю, быть хотя и уступить, но развестись бы только съ симъ бѣшенымъ и вздорнымъ человѣкомъ.

Мы простояли на томъ мѣстѣ и прокричали съ полчаса цѣлые. Вѣтеръ и дождь былъ сильный и мы принуждены были стоять спиною отъ онаго, ибо прямо стоять возможности не было. Наконецъ, усмотрѣвъ я, что по пустому кричать нечего, предложилъ чтобъ начать разводиться.

— «Хорошо! сказалъ онъ: изволь показывать вашъ отводъ».

Тогда сталъ я показывать ему свои вѣхи и говорить, что для его хутора останется мѣста еще довольно. Но статочное ли дѣло, чтобъ его ненасытнымъ глазамъ показалось довольно. Однимъ словомъ, гдѣ было сто саженъ тутъ безъ стыда и совѣсти и насильно дѣлалъ онъ только двадцать, и ты и не помышляй его увѣрить о противномъ. «Тѣсно, да и только всего; твердилъ только, что у него дачи много и спрашивалъ сколько ее у меня? Какъ скоро упоминалъ я ему о покупкѣ, онъ опять начиналъ бѣситься. Наконецъ спрашиваю его, гдѣ-жъ бы былъ его отводъ? Тогда велѣлъ онъ вести своему прикащику, и мы поѣхали за нимъ.

Онъ довелъ до своей черты, сдѣланной самовольно минувшею только весною, и которою чертою отхватилъ онъ нѣсколько нашихъ пашень. Я началъ ему выговаривать объ оныхъ и изображать, что это первый примѣръ въ государствѣ, чтобъ купленную уже и такую землю, за которую деньги заплачены, отнимать нахальствомъ. Не успѣлъ я сего выговорить, какъ Рахмановъ мой вспыхнулъ, какъ порохъ, и заблевалъ огнемъ и пламенемъ.

— «Не хочу, сударь, отводить когда такъ; что ты за межевщикъ, наставилъ себѣ вѣхъ! великая диковинка! посмотрю я на нихъ! Отыму, сударь, по самое и Среднее-Ложечное! поди проси на меня! ничего не сдѣлаешь!»

И тутъ чуть-было я всего дѣла не испортилъ, ибо сами разсудить можете, что такой случай всякаго разсердить могъ. У меня закипѣло у самого тогда сердце и я хотѣлъ-было также вспыхнуть. Однако успѣлъ еще опамятоваться и взять прибѣжище къ философическимъ правиламъ и средствами, которымъ я изъ ней научился, тотчасъ потушилъ въ себѣ огонь воспламенившійся. Между тѣмъ какъ онъ пыхалъ и вертѣлся на своей лошади и назадъ уже поѣхалъ, имѣлъ я время собрать свои мысли и принять лучшія мѣры.

Я молчалъ покуда прошло все пламя, а потомъ началъ ему говорить, что надлежало, дабы не оставить всего моего намѣренія втунѣ и не привесть себя въ бо́льшія хлопоты, и насилу насилу его уломалъ и преклонилъ къ тому, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, показалъ свой от-

водъ; ибо вѣдалъ, что когда поѣдемъ, то дѣло будетъ лучше и тихимъ образомъ можно будетъ раздѣлаться, ибо я усматривалъ, что жаромъ и крикомъ ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

Отводъ его по счастію былъ въ томъ мѣстѣ, по которое и я и сперва уступить ему былъ намѣренъ, буде до сего дѣло дойдетъ, то-есть, отводилъ онъ его прежнею чертою. По счастію не продолжалась она далеко въ степь, а брошена такъ.

По пріѣздѣ къ сему концу сдѣлался опять споръ, куда иттить далѣе. Моя линія и мнѣніе клонилось гораздо вправо, а его алчные и ненасытные замыслы были, чтобъ иттить прямо противъ чертъ, не удовольствуясь тѣмъ, что и безъ того находилось во владѣніи его изъ сей степи тысячъ до пяти или болѣе десятинъ, которыя онъ безъ малѣйшаго права, а единою наглостію и усиліемъ захватилъ и себѣ присвоилъ.

Хотѣлось ему захватить ее еще того болѣе, отбить у насъ всѣ верховыя ложечнаго буерака, и всѣ мѣста годныя къ поселенію, и сдѣлаться одному властелиномъ сей обширной и окомъ необозрѣваемой степи; а потому и захватывалъ онъ у насъ всѣ почти такъ-называемые переды или мѣста противъ нашего селенія, въ степи лежащія и тѣмъ, буде-бъ можно, преградить намъ совершенно входъ въ оную степь и сдѣлать дальнѣйшее распространеніе нашихъ пашенныхъ земель въ оную невозможнымъ.

И какъ до того допустить его никоимъ образомъ было не можно, то напало на меня тогда новое горе и я не зналъ, какъ бы въ томъ ему воспрепятствовать, а потому и начался-было тутъ у насъ съ нимъ опять споръ; однако я, не допуская его до жара, уговорилъ его ѣхать напередъ моею линіею, и сказывая ему, что она скоро поворотится влѣво, поѣхалъ самъ по оной, и спасибо поѣхалъ и онъ за мною, ибо я старался какъ можно удалить его отъ плута его прикащика, отъ котораго все зависѣло.

Доѣхавши до поворота, показываю я ему оный и говорю: что для его степи много еще останется; но тутъ-то было на меня опять горе. Ему казалось мало, да и только всего. Алчность его была безпримѣрная и ненасытная! Проговоря и прокричавъ опять нѣсколько времени на семъ мѣстѣ, вздумалъ я употребить хитрость и постараться довести его до конца моей линіи, ибо заключалъ, что когда мы удалимся, то легко можно будетъ ему въ пространномъ и окомъ необозрѣваемомъ полѣ обмануться, а мнѣ мѣста сіи были уже болѣе знаемы, ибо я побродилъ по онымъ и по плану все зналъ. И какъ линія моя была еще не прочерчена, а пробита одними колушками, то я ведя, ведя его по оной, нечувствительно свернулъ немного вправо въ томъ умыслѣ, что если онъ хотя и далѣе просить будетъ влѣво, такъ не много будетъ убытка.

Не доѣзжая до конца остановились мы у одного стога, которыхъ множествомъ вся сія обширная степь была наполнена, и начали говорить, и ей! ей! съ цѣлый часъ мы тутъ прокричали, и по большой части все о постороннемъ и ненадобномъ. Вѣтръ и гололедка и снѣгъ, пошедшій въ то время, помогъ мнѣ тогда много. Стужа его пронимала, каковъ онъ ни жиренъ былъ. Мы же, будучи въ шубахъ, не озябли, а терпѣли только нужду наши лицы.

Мое главное намѣреніе было уговорить его ласкою, чтобъ онъ взялъ по сіе мѣсто, и я вымышлялъ все, чѣмъ только могъ его къ тому преклонить; но мѣшалъ и надоѣдалъ мнѣ одинъ только его прикащикъ, такой плутъ, что насильно называлъ нѣкоторые указываемые вдали стога сѣна, принадлежащими будто-бы сосѣдямъ ихъ караваенскимъ однодворцамъ, хотя были они совсѣмъ не ихъ; а я спорилъ въ томъ, хотя въ самомъ дѣлѣ и самъ не зналъ чьи они были. Онъ представлялъ въ свидѣтели караваинскаго однодворца, бывшаго тогда съ нами; но по моему счастію не зналъ онъ и самъ, чьи они и принужденъ былъ, въ угожденіе Рахманову, вывертываться неопредѣлительными терминами. По счастію подъ-

ѣхалъ ко мнѣ мой прикащикъ: онъ подтвердилъ мои слова, и я тѣмъ много убѣдилъ Рахманова.

Наконецъ калякая, калякая, всѣ мы озябли. Шуты шутили и принуждали насъ къ совершенію и окончанію нашего дѣла. Я предлагалъ тоже; Рахмановъ озябъ и поѣхалъ наконецъ влѣво, чтобъ отвесть покуда онъ въ сію сторону взять хотѣлъ. Тутъ доѣхали мы до конца моей линіи, которая была не близко, ибо я отвелъ его вправо далеко.

Онъ, минуя его, ѣхалъ далѣе и я боялся уже, чтобъ онъ далече не заѣхалъ. Но, по счастію моему, не успѣлъ онъ саженъ пятидесяти отъ моего пункта отъѣхать, какъ попалась ему маленькая вершинка на глаза. Она показалось ему удобнымъ мѣстомъ, могущимъ служить между нами живымъ урочищемъ, и для того остановясь тутъ, требовалъ онъ по сіе мѣсто, власно такъ, какъ бы онъ имѣлъ на всю степь сію наивеличайшее право.

Я разсмѣялся тогда самъ въ себѣ его ошибкѣ, ибо со всѣми своими замыслами захватилъ онъ изъ моей округи не болѣе десятинъ трехъ; почему и не имѣлъ я причины долго ему въ томъ спорить, а почему и кончили мы сіе дѣло согласясь, чтобъ провесть отъ моего поворота на то мѣсто прямую линію, и чтобъ сія линія была между нами межею. Онъ приказалъ о томъ своему прикащику и былъ притомъ такъ снисходителенъ, что велѣлъ отпахать мнѣ и землю, сколько ее моими было въ захваченной имъ округѣ разодрано.

Такимъ образомъ развелся я съ симъ наглымъ, вздорнымъ и безпокойнымъ моимъ сосѣдомъ и радъ былъ, что сстался отъ него спокоенъ, ибо на прочихъ и своихъ внутреннихъ и чрезполосныхъ сосѣдей я тогда мало уже смотрѣлъ. Всѣ они казались мнѣ тогда противъ его маловажными. Къ тому-жъ доволенъ я былъ и тѣмъ, что мнѣ работать болѣе было не для чего, ибо измѣренныя и очерченныя мои мѣста остались всѣ въ своей силѣ.

По окончаніи сего и помирившись, поѣхали мы какъ добрые пріятели назадъ, и отъѣхавши немного остановились у стога, чтобъ погрѣться отъ самой погоды и отъ снѣга; послѣ чего распрощавшись и поѣхали по домамъ: я въ свою хижину, чтобъ отогрѣться и помышлять уже о томъ, какъ бы скорѣе убираться и въ свояси, а онъ на свой хуторъ, чтобъ съ торжествомъ возвратиться въ свое село.

Но, о! сколь мало зналъ онъ тогда, что̀ воспослѣдуетъ впредь со всѣми тѣми землями, которыя онъ тогда такъ жадно и нагло захватывалъ въ свою власть, и какъ судьба накажетъ дѣтей его за всѣ дѣлаемыя имъ тогда наглости и насилія!!! Не сталъ бы онъ такъ много веселиться одержаннымъ тогда, по мнѣнію своему, надо мною верхомъ и такъ много торжествовать свою побѣду!

Послѣ сего не осталось мнѣ другого дѣла, какъ собрать сотскихъ и десятскихъ и постороннихъ людей, и объявя прочесть имъ свой указъ для вѣдома, а потомъ повидаться съ другомъ моимъ г-мъ Тараковскимъ, и убираться въ путь свой. Все сіе и сдѣлалъ я въ наступившій послѣ того день, и народа набралась ко мнѣ толпа превеликая. Я, сыскавъ изъ нихъ одного грамотнаго, заставилъ его читать указъ мнѣ данный на проданную мнѣ землю. Всѣ они сказали: «хорошо, мы слышимъ и будемъ знать и вы де намъ пожалуйте отдавайте луга въ наймы».

Сіе меня сколько-нибудь веселило. А какъ и г. Тараковскій, съ которымъ я въ тотъ же день видѣлся, тоже говорилъ и на все былъ согласенъ и даже и землями со мною промѣняться обѣщалъ, то удовольствіе мое было еще совершеннѣе, такъ что я, кончивъ все дѣло, на утріе, что было 5-го числа октября, въ путь свой и отправился съ веселымъ духомъ.

Итакъ, вотъ какое окончаніе получило тогда сіе дѣло. Признаюсь, что успѣхъ въ ономъ былъ далеко не таковъ великъ, каковымъ я ласкался и какого ожидалъ. Весь важный разводъ мой съ Рахмановымъ ничего почти не значилъ, а утвердилъ только нѣкоторымъ образомъ его во владѣніи захваченнымъ имъ сильно

наилучшимъ и такимъ мѣстомъ въ степи тамошней, которое всего болѣе было кстати къ намъ, и въ которомъ только и можно было заводить какіе-нибудь хуторы и селенія, ибо тутъ одна только и была съ водою помянутая вершина, называемая «Дальнимъ-Ложечнымъ»; а ее всю онъ себѣ и захапалъ, и лишилъ насъ чрезъ то впредь всѣхъ выгодъ.

Тутъ, какъ выше упомянуто, былъ сперва у меня хуторокъ, но онъ согнавъ, сдѣлалъ свой и большой хуторъ; а въ послѣдующее потомъ время, какъ упомянется впредь, населилъ тутъ и цѣлую деревню, и хотя послѣ и принужденъ былъ онъ ее свести, потерявши всю захваченную имъ изъ степи многочисленную землю, но черта, сдѣланная тогда между нами, служитъ и понынѣ еще межею между его владѣніемъ и землями деревни нашей, и въ честь ему можно сказать, что онъ съ того времени никакъ и ни на шагъ черту свою не переступалъ, а дрался только безъ памяти далѣе въ степь; но тамъ-то послѣ и обжегся.

Такимъ образомъ съ его стороны остался я уже съ покоемъ; но что касается до другихъ и внутреннихъ моихъ чрезполосныхъ сосѣдей, непосмѣвшихъ тогда и глазъ своихъ показать, то сіи мнѣ болѣе хлопотъ, досадъ и неудовольствій надѣлали, нежели я тогда отъ нихъ думалъ и ожидалъ.

Они въ послѣдующее за симъ время не только не захотѣли меня оставить спокойно владѣть намѣренною и очерченною мною себѣ степною дикою землею, хотя я ихъ земель ни мало не трогалъ, и степи для нихъ и безъ сего клочка осталось великое множество, но были такъ глупы и безсовѣстны, что самого меня еще утѣсняли, и всего меньше имѣя право распахивать вновь землю, вмѣсто того чтобъ, по силѣ строгаго въ манифестѣ повелѣнія, чтобъ оставлять и завладѣнныя до манифеста земли, они всякій годъ умножали оныя и надрывались другъ предъ другомъ захватываніемъ земли вновь въ свое владѣніе; и были въ семъ случаѣ такъ алчны и ненасытны, что не посовѣстились распахивать и раздирать землю въ самой моей чертѣ, и, по оплошности и слабости моего прикащика, такъ ее испестрили своими клочками, что я, пріѣхавши чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того опять, ажно ахнулъ, и увидѣлъ, что всѣ мои тогдашніе труды, измѣреніи и работа была по пустому и не принесла мнѣ ни малѣйшей пользы, а успокоила только всѣхъ ихъ отъ Рахманова съ потеряніемъ наилучшихъ выгодъ.

Но какъ бы то ни было, но тогда не можно было всего того никакъ предвидѣть; а потому и поѣхалъ я въ тѣхъ мысляхъ, что хотя успѣхъ имѣлъ я въ томъ, не совсѣмъ вожделѣнный, однако что удалось мнѣ сдѣлать въ пользу свою уже много, ибо думалъ, что черта моя такъ и останется, и что я могу съ землею сею дѣлать все, что мнѣ угодно.

Братъ мой не менѣе моего былъ доволенъ, и болѣе моего былъ еще радъ, что мы окончили сіе дѣло. Его давно уже подмывало, и ему болѣе еще моего хотѣлось ѣхать домой, и никто такъ много и часто о погодахъ не говорилъ, какъ онъ. Но правду сказать, сіе одно и было почти за нимъ дѣло; ибо во всѣхъ описанныхъ трудахъ и хлопотахъ моихъ былъ онъ мнѣ весьма худымъ помощникомъ, и служилъ мнѣ болѣе въ путешествіи семъ товарищемъ нежели сотрудникомъ. Но отъ него, по неспособностямъ его ни къ чему, и требовать дальнѣйшаго было не можно.

Теперь слѣдуетъ разсказать вамъ о обратной нашей ѣздѣ и о возвращеніи въ домъ; но какъ матеріи сей наберется на цѣлое почти письмо, то я назначу къ тому послѣдующее, а теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ОБРАТНАЯ ѢЗДА ВЪ ДОМЪ.

Письмо 128-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, хотя не сдѣлавъ себѣ никакой важной пользы, однако что-нибудь произведя, отправились мы съ братомъ домой, и поспѣшали отъѣздомъ своимъ тѣмъ паче,

что погода становилась уже дурна и появляющіеся уже часто морозы и снѣжокъ устрашали насъ скорымъ настаніемъ зимы. Итакъ, хотя и тогда лежалъ еще послѣдній снѣжокъ и не сошелъ, но мы не стали уже сошествія онаго дожидаться, а пустились въ путь свой, и чтобъ теплѣе было ѣхать, то согласились ѣхать вмѣстѣ въ моей коляскѣ.

Мы поѣхали до Тамбова совсѣмъ другою уже дорогою, отчасти для избѣжанія песковъ въ лѣсу Ценскомъ, а отчасти для того, чтобъ заѣхать къ одному моему дальнему и незнакомому мнѣ еще родственнику, живущему почти на самой дорогѣ. Былъ онъ изъ фамиліи Бабиныхъ, и доводился онъ мнѣ дядя внучетный, а звали его Михаиломъ Петровичемъ. Какъ мнѣ никогда еще его видать не случалось, то хотѣлось мнѣ къ нему заѣхать и съ нимъ познакомиться.

Ѣдучи туда и переѣзжая поперегъ всю нашу степь, имѣлъ я досугъ заняться мыслями о всѣхъ произшествіяхъ, случившихся въ сіе мое въ степной деревнѣ пребываніе, и вообще обо всей связи дѣлъ и произшествій, относящихся до покупной моей земли.

При семъ разсматриваніи всего происходившаго усматривалъ я нѣчто особливое, а именно: что я во многихъ случаяхъ дѣлалъ многія и повидимому важныя ошибки; но что всѣ сіи ошибки обратились мнѣ потомъ въ особливую и великую пользу, и власно такъ, какъ бы мнѣ ихъ необходимо и нарочно дѣлать надлежало. Сіе принуждало меня признаваться, что было тутъ нѣкакое невидимое руководство, управлявшее тайнымъ образомъ моими дѣлами, и обращающее все въ мою пользу. И какъ все сіе приписывалъ я никому иному, какъ Богу, сему всегдашнему моему покровителю, то и возсылалъ духомъ изъ глубины сердца моего достойную ему за то благодарность.

Теперь, прежде разсказыванія о нашемъ заѣздѣ къ моему родственнику, разскажу вамъ объ одномъ зрѣлищѣ, какое мнѣ въ жизнь мою случилось только однажды тогда видѣть, и которымъ я не могъ довольно налюбоваться.

Было оно натуральное, но прямо пышное, прекрасное и величественное. Во весь день ѣхали мы при мрачномъ небѣ, но ввечеру, предъ самымъ пріѣздомъ въ домъ къ моему родственнику, и въ самое то время, какъ проѣзжали мы его прекрасныя и высокія рощи, широкою между ними прогалиною, случилось небу, внизу подлѣ горизонта, проясниться и выкатившемуся изъ-подъ верхнихъ густыхъ тучъ солнцу освѣтить вдругъ снизу всѣ мрачныя облака, укрывавшія тогда все небо, и представить ихъ зрѣнію власно какъ въ горящемъ видѣ.

Сіе и одно составило уже прямо величественное и великолѣпное зрѣлище. Но сего было еще не довольно; но въ самое тоже время случилось, что пошелъ густой снѣгъ крупными хлопьями, и какъ мы ѣхали прямо на западъ и противъ сіяющаго солнца, то всѣ сіи снѣжинки представились намъ не инако, какъ золотыми или какъ жаръ горящими, и весь идущій снѣгъ казался наивеликолѣпнѣйшимъ золотымъ или огненнымъ дождемъ; и зрѣлище сіе было столь рѣдкое и удивительное, что я смотрѣлъ на оное даже съ восхищеніемъ и не могъ довольно на оное насмотрѣться.

Не успѣло солнце, опустившись за горизонтъ, лишить насъ сего утѣшенія, какъ и доѣхали мы уже до дома моего родственника. Онъ принялъ насъ ласково, и узнавъ кто мы таковы, былъ намъ очень радъ, и не только унялъ ночевать, но не отпустилъ и на другой день безъ обѣда.

Онъ жилъ тутъ весьма не худо, и такъ, какъ бы богатому и достаточному дворянину жить бы надобно было. Я удивился нашедъ у него прекрасный домъ, построенный и убранный порядочнымъ образомъ и совсѣмъ не по степному. Усадьба его была преизобильная, крестьянъ множество, хлѣба полно гумно, а и въ скотѣ великое изобиліе. Самъ же онъ составлялъ нѣкоторой отрывокъ прежнихъ, старыхъ, добрыхъ людей, однако не отставалъ и отъ нынѣшняго свѣта.

Онъ принялъ и угощалъ насъ такъ, какъ дозволялъ ему его достатокъ и мнѣ всего пріятнѣе было, что я наѣлся тутъ и въ первые еще тѣмъ годомъ прекраснаго винограда. Жену имѣлъ онъ вторую и очень еще не старую, и она была также боярыня изрядная и ласковая.

На другой день до обѣда водилъ онъ насъ показывать намъ вновь построенную предъ воротами у себя церковь, и я не могъ довольно надивиться прекрасному расположенію и деревянной архитектурѣ, какъ внутренней, такъ и наружной.

Церковь сія имѣла не только снаружи изрядный и особливый видъ, но и вунтри украшена была съ особливымъ и очень хорошимъ вкусомъ. А особливо полюбился мнѣ иконостасъ, писанный мастеромъ доказывающимъ о себѣ, что имѣлъ вкусъ хорошій.

Я хвалилъ все, что видѣлъ и хвалилъ чистосердечно. А болѣе всего нравилось мнѣ то, что вездѣ, какъ въ домѣ такъ и въ церквѣ я видѣлъ все домашнее и свидѣтельствующее, что хозяинъ былъ великій охотникъ до художествъ, чего хотя и не могъ я ожидать съ наружнаго вида.

Описавъ все достохвальное въ разсужденіи сего моего родственника, не могу умолчать и о нѣкоторыхъ пристрастіяхъ, которымъ онъ былъ подверженъ.

Сей старикъ зараженъ былъ особливою и удивительною страстію, состоящею въ томъ, чтобъ имѣть у себя военныхъ людей. Онъ удивилъ меня признаваясь, что находитъ въ томъ величайшее увеселеніе и не тужитъ о томъ коштѣ, котораго они стоютъ.

Выбравши семь человѣкъ наилучшихъ людей, обмундировалъ онъ ихъ въ гусарское платье и не только снабдилъ ихъ всѣмъ, что до гусара принадлежитъ, но служа самъ въ кавалеріи, і обучилъ ихъ всей гусарской экзерциціи. Однимъ словомъ, гусары его были въ самой формѣ и на конѣ и отправляли порядочно службу: стояли у него на часахъ, ѣздили за нимъ въ конвоѣ, обучалися, стрѣляли и имѣли фрунтъ предъ его окнами, также особливый построенный для себя кордегардъ и конюшню. По обѣимъ сторонамъ крыльца подѣланы были будки для часовыхъ, а третья у воротъ.

Сіи гусары приходили къ нему репортовать и онъ приказывалъ имъ что надобно. Онъ не преминулъ и мнѣ представить ихъ во всей формѣ и приказалъ стрѣлять и экзерцироваться, и требовалъ моей апробаціи. Я принужденъ былъ сказать ему «хорошо», однако не упустилъ спросить: чего бы они всѣ стоили?—Сіе немного его посмутило. Утаить было нельзя, что стоили они многихъ денегъ, и онъ старался уже прикрыть шалость сію тѣмъ, что находитъ въ томъ величайшее удовольствіе, и для того убыткомъ симъ жертвуетъ охотно.

Такую же суетность примѣтилъ я въ немъ и въ другомъ случаѣ. Онъ отдалъ людей учиться играть на трубахъ, чтобъ всякій день въ двѣнадцать часовъ играли они у него на колокольнѣ вмѣсто курантовъ, а по утрамъ и по вечерамъ протрубливали передъ фрунтомъ его зарю. Я усмѣхнулся услышавъ о томъ повѣствованіе, и хотя также сказалъ «хорошо», но думалъ совсѣмъ иное.

Но ничѣмъ онъ такъ меня не увеселилъ, какъ открывъ шкафъ и показавъ мнѣ немалое число французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, принадлежащихъ его сыну, и далъ мнѣ дозволеніе всѣ ихъ пересмотрѣть. И я признаюсь, что въ пересматриваніи ихъ нашелъ я болѣе для себя увеселенія, нежели въ смотрѣніи на его гусаръ похвальныхъ, ибо были книги сіи весьма хорошія и достойныя примѣчанія.

Итакъ, препроводивъ у него безъ мала сутки довольно весело, ибо былъ онъ человѣкъ умный и можно было съ нимъ обо всемъ говорить, и распрощавшись съ нимъ, поѣхали мы далѣе и на другой день доѣхали и до Тамбова.

Ѣдучи чрезъ сей городъ, веселился я опять зрѣніемъ на великолѣпное и красивое зданіе архіерейскаго дома и монастыря, но вкупѣ при томъ не могъ

безъ внутренней досады воспоминать о томъ, какими мерзостьми сіе святилище было наполнено. Я наслышался о томъ отъ помянутаго родственника и отъ нѣкоторыхъ другихъ людей, и не могъ сперва никакъ тому повѣрить, покуда не услышалъ о томъ подтвержденія отъ другихъ многихъ.

Боже мой! какое мздоимство господствовало тогда въ семъ мѣстѣ: всему положена была цѣна и установленіе. Желающій быть попомъ долженъ былъ неотмѣнно принесть архіерею десять головъ сахару, кусокъ какой-нибудь парчи и кой-чего другого, напримѣръ гданской водки или иного чего.

Всѣ сіи нужныя вещи и товары находились и продавались просителямъ въ домѣ архіерейскомъ и служили единственно для прикрыванія воровства и тому, чтобъ подъ видомъ приносовъ можно было обирать деньги. Келейникъ его продавалъ оныя и бралъ деньги, которыя потомъ отдавалъ архіерею, а товары бралъ назадъ для вторичной и принужденной продажи.

Всякому посвящающемуся въ попы становилась поставка не менѣе какъ во 100, въ дьяконы 80, въ дьячки 40, въ пономари 30 рублей, выключая то, что безъ десяти рублей келейникъ ни о комъ архіерею не докладывалъ, а совсѣмъ тѣмъ отъ него все зависѣло. Однимъ словомъ, они совсѣмъ стыдъ потеряли и безстыдство ихъ выходило изъ предѣловъ. Съ самыхъ знакомыхъ и такихъ, которыхъ почиталъ себѣ друзьями, не совѣстился архіерей брать, и буде мало давали, то припрашивалъ.

Совсѣмъ тѣмъ бывшаго тогда архіерея хвалили еще за то, что онъ не таковъ золъ былъ, какъ бывшій до него Пахомій. Тогдашній по крайней мѣрѣ не дрался, а отсылалъ винныхъ молиться въ церкви, а прежній былъ самый тиранъ и драчунъ, и объ немъ разсказывали мнѣ одинъ странный анекдотъ.

Случилось быть въ его время въ мѣстечкѣ Ранебургѣ одному богатому и ульевъ до 300 пчелъ имѣющему попу и опредѣленному туда самимъ синодомъ. Архіерей, пріѣхавши въ епархію, тотчасъ объ немъ пронюхалъ и надобно было его притащить, надобно было помучить. Къ несчастію сего бѣдняка вздумалось ему поупрямиться, онъ счелъ себя не подъ командою архіерейскою и не хотѣлъ по двумъ посылкамъ ѣхать и везть къ нему свою ставленную. Архіерей велѣлъ притащить его силою и до тѣхъ поръ его мучилъ плетьми и тиранилъ, покуда не вымучилъ изъ него 500 руб. и не разорилъ его до конца.

Но сего еще не довольно; но онъ на сіи деньги сдѣлалъ себѣ богатое платье и хвасталъ всему свѣту, что это платье упрямаго попа. А симъ и подобнымъ сему образомъ обходился онъ и съ прочими своими подчиненными, и тѣмъ помрачалъ всю славу, которой достоинъ былъ за основаніе и построеніе великолѣпнаго онаго архіерейскаго дома и монастыря, которымъ Тамбовъ украшался въ особливости.

Но какъ говорится въ пословицѣ, что каковъ попъ таковъ и приходъ, то всходствіе того не лучше архіерея были и гражданскіе начальники. Мнѣ и объ нихъ разсказывали странныя и удивительныя дѣла, а особливо о бывшемъ до того воеводѣ Коломнинѣ, который былъ такой мздоимецъ, что самая смерть не могла уменьшить въ немъ алчности его къ деньгамъ.

Разсказывали, что въ то время, когда лежалъ онъ уже при самой смерти боленъ, принесли къ нему подписывать одну квитанцію, и онъ, не въ состояніи уже будучи говорить, давалъ знакъ руками, что онъ безъ взятка подписать не велитъ, и до тѣхъ поръ сего не сдѣлалъ, покуда не положили ему на грудь рубля; и не успѣлъ онъ сего сдѣлать и тотъ съ квитанціею выттить, какъ закричали, что воевода умеръ.

Преемникъ его г. Масаловъ былъ еще лучше его. Сей, между прочимъ, употреблялъ слѣдующія къ обогащенію своему средствы. Какъ скоро приведутъ вора или разбойника, то не водя въ канцелярію, призоветъ его къ себѣ, распроситъ

его откуда онъ, кто въ тѣхъ деревняхъ богатые и заживные мужики и жители, и сихъ людей велитъ ему оговорить, обѣщая самого за то его освободить. Воръ то и сдѣлаетъ и воевода, призвавъ его къ себѣ, и выпуститъ его другимъ крыльцомъ на волю, а тѣхъ бѣдныхъ людей разоритъ и ограбитъ до основанія.

Къ вящему несчастію случилось въ его бытность быть частымъ рекрутскимъ наборамъ, подававшимъ ему наилучшій случай воровать и наживаться, а особливо отъ однодворцевъ и дворцовыхъ крестьянъ. Не успѣетъ кто привесть рекрута, какъ, содравъ съ него хорошую кожурину и обобравъ, отпускалъ его домой, а на мѣсто его другого представлять приказывалъ. И вотъ до какой крайности дошелъ онъ однажды отъ сего своего неистовства и какой славный оставилъ по себѣ примѣръ дьявольской хитрости сихъ беззаконниковъ и піявицъ.

Въ одномъ какомъ-то дворцовомъ большомъ селѣ случилось пасть жеребью на сына одного богатаго мужика, котораго жители того села и схватили. Отецъ, жалѣя сына, тотчасъ бросился къ воеводѣ и просилъ, чтобы онъ его помиловалъ. Воевода говоритъ: «что дашь?»—Сто рублей, милостивый государь! только помилуй и избавь.—«Хорошо! сказалъ воевода, сынъ твой въ солдатахъ не будетъ! поди съ покоемъ».

Между тѣмъ мужики схваченнаго привозятъ въ городъ, несмотря на всѣ воеводскіе происки и употребленныя къ отвращенію того хитрости и средствы. Отецъ, узнавъ о томъ, бѣжитъ опять, упадаетъ къ ногамъ воеводы и проситъ помилованія! — «Хорошо! хорошо! говоритъ воевода: я тебѣ уже сказалъ, что дѣло будетъ сдѣлано, давай только сто рублей.»—Мужикъ деньги изъ-запазухи и воеводѣ въ руки, а онъ тотчасъ и послалъ сыскать тѣхъ мужиковъ и приказываетъ привесть схваченнаго къ себѣ. Мужики и отдачики, будучи не глупы и зная уже примѣры, къ нему его не повели, а сказали напрямки, что воевода и такъ уже десять человѣкъ у нихъ выпустилъ, и что имъ у воеводы дѣлать нечего, а они представятъ его въ присутственное мѣсто.

Воевода послалъ въ другой, послалъ въ третій разъ, но мужики не ведутъ и не слушаются. Что оставалось ему дѣлать? Но вотъ какую хитрость онъ выдумалъ. Призываетъ отца и говоритъ ему: «не бойся, я сдѣлаю; поди къ сыну и скажи ему, что когда приведутъ его въ канцелярію и я стану его спрашивать, то не говорилъ бы онъ ничего, а какъ стану его бранить, то бранилъ бы онъ самого меня».

Сіе дѣйствительно и сдѣлалось. Какъ скоро привели въ канцелярію рекрута и по обыкновенію раздѣли, то не говорилъ онъ ничего, какъ скоро воевода началъ спрашивать. И тогда воевода, будто разсердившись, закричалъ: «что ты, сукинъ сынъ, дуракъ што ли ты, что не говоришь!» — А рекрутъ закричалъ самъ: «Самъ ты што ли дуракъ, сукинъ сынъ, кривой воевода!»—И тогда воевода вспыхнулъ, взбѣсился и возопилъ—«вонъ! вонъ! вонъ! что это такое, какого это безумнаго привели, и гдѣ отдачики?» и ни съ другого слова и не принимая никакихъ оправданій, ну-ка отдачиковъ пороть плетьми и мучить, и такимъ образомъ рекрута освободилъ, отдачиковъ перепоролъ и сто рублей съ отца сдулъ, и тѣмъ сдѣлалъ странный образецъ, чему и по нынѣ смѣются и говорятъ, что нѣкогда мужикъ разругалъ воеводу въ присутствіи, однако онъ того не взыскивалъ.

О бывшемъ же тогда, какъ я ѣхалъ, воеводѣ господинѣ Бабкинѣ хотя подобныхъ дѣлъ было не слышно, а говорили только, что онъ охотникъ былъ ѣздить по богатымъ однодворцамъ Христа славить, и получалъ въ подарокъ отъ нихъ за то жеребятъ рублей въ полтораста, и прочее тому подобное.

Вотъ какія шильничества и дѣла происходили въ тамошнихъ степныхъ уѣздахъ. Ни страха Божія, ни боязни, ни стыда, ни совѣсти не было. Самыя присылаемыя для изслѣдованія ихъ коммиссіи ихъ не устрашали, и они боялись ихъ покуда еще

не бывали, а какъ пришлютъ, то было легче, ибо сало есть и подмазать есть чѣмъ, чтобъ колесо катилось плавно и не скрипѣло.

Но всего удивительнѣе то, что городъ сей и послѣ, и по открытіи даже намѣстничествъ тѣмъ же самымъ былъ славенъ. Нигдѣ такихъ безпорядковъ не происходило, нигдѣ такъ часто губернаторы перемѣняемы не были, и нигдѣ столько слѣдствій и коммиссій не было, какъ въ ономъ. Словомъ, онъ съ сей стороны въ особливости несчастенъ.

Но я удалился уже отъ нити своего повѣствованія; теперь возвращаясь къ оному, о дальнѣйшемъ путешествіи своемъ вообще скажу, что оно было хорошо. Мы ѣхали благополучно, имѣли труда и безпокойствъ меньше нежели мы думали, по случаю перемѣнившейся погоды; не имѣли во все продолженіе онаго никакихъ особыхъ приключеній. Ѣхали опять чрезъ Козловъ, Ранибургъ, Епифань и Тулу, и наконецъ, 12 октября, благополучно возвратились въ свои домы, и были очень обрадованы нашедъ всѣхъ своихъ домашнихъ здоровыми и благополучными.

Симъ образомъ кончилось сіе наше дальнее путешествіе, а вмѣстѣ съ онымъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Письмо 129-е.

Любезный пріятель! Первѣйшее мое попеченіе по возвращеніи въ домъ было о перевозкѣ достального заготовленнаго для строенія новаго себѣ дома лѣса. Онъ сплавленъ былъ уже давно съ рѣки Угры, Окою къ Серпухову и лежалъ тутъ на берегу. Отъѣзжая въ степь, поручилъ я домашнимъ моимъ какъ можно о перевозкѣ его стараться, что ими и учинено было, и я засталъ уже самое малое количество онаго неперевезеннымъ.

Сей-то остатокъ хотѣлось мнѣ скорѣй перевезть, также и нанять для распилки онаго пильщиковъ и сею же осенью оный заложить, дабы весною тѣмъ ранѣе можно было начать строить. Все сіе и успѣлъ я еще въ томъ же октябрѣ сдѣлать: лѣсъ перевезли, пильщики наняты, а и хоромы новые заложены были 21-го числа октября мѣсяца.

Между тѣмъ покуда сіе происходило, не преминулъ я объѣздить всѣхъ моихъ ближнихъ сосѣдей и со всѣми ими по нѣскольку разъ видаться, а 17-го числа сего мѣсяца, какъ въ день имянинъ моихъ, посѣтили они меня и мы начали осенніе вечера провождать въ частыхъ между собою свиданіяхъ, и я былъ съ сей стороны сосѣдомъ своимъ, Матвѣемъ Никитичемъ, въ сіе время доволенъ. Напротивъ того всѣ мы не таковы были довольны молодою женою брата Михаила Матвѣевича.

Она все что-то удалялась отъ насъ и не хотѣла никакъ прикраиваться къ обычаямъ и обыкновеніямъ нашимъ; а мы того меньше къ ея обычаямъ и дурнымъ привычкамъ, происходившимъ отъ дурного и самого подъяческаго воспитанія. Словомъ, чрезъ короткое время увидѣли мы, что была она намъ худая семьянинка, ибо всѣ ея родные не стоили ничего и были прямо подъяческой, да и дурной еще породы.

Кромѣ сего въ концѣ сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить изъ Экономическаго Общества книжку, содержащую въ себѣ VIII часть Трудовъ онаго. Оно прислало мнѣ оную, какъ къ своему уже сочлену и опять при письмѣ отъ г. Нартова, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что и оба послѣднія посланныя отъ меня сочиненія Обществомъ одобрены и опредѣлено ихъ напечатать. Сіе порадовало меня въ особливости, ибо я, не получая долго никакого объ нихъ извѣстія, начиналъ уже думать, что они обществу не понравились. Сіе же увѣдомленіе стало побуждать меня къ продолженію трудовъ и сочиненіевъ моихъ и далѣе впередъ.

Послѣдующій за симъ ноябрь мѣсяцъ ознаменовался болѣе болѣзнію моей дочери. Бѣдненькая больна была сперва страшнымъ и даже съ кровавымъ изверже-

ніемъ сопряженнымъ и ее до самой крайности доведшимъ кашлемъ. Мы всѣ отчаялись уже о ея жизни и почитали ее погибшею. Не могу вспомнить безъ содраганія, какъ чувствительна была намъ тогда болѣзнь сія, и къ несчастію еще долговременная, и какъ много она насъ огорчала и озабочивала. Истинно не знаю, какъ она уже спаслась отъ оной; а не успѣла она отъ сего кашля нѣсколько освободиться, какъ должна была переносить уже другую болѣзнь, называемою лапухою, но къ неописанному обрадованію нашему избавилась она и отъ оной.

Во-вторыхъ, достопамятно было то, что около сего времени все наше государство гремѣло славою и занималось разговорами о проявившемся въ Петербургѣ русскомъ лекарѣ Ерофеевичѣ, вылечивающемъ всѣхъ съ преудивительнымъ успѣхомъ, такъ что возмечтали объ немъ уже и Богъ знаетъ что, и почитали его уже сущимъ Эскулапомъ.

Слава его чрезъ самое короткое время сдѣлалась такъ громка, что обратились и поскакали къ нему со всѣхъ сторонъ и краевъ Россіи страждущіе разными болѣзнями, и многіе дѣйствительно получали отъ него великое облегченіе. Самый другъ мой г. Полонскій собирался къ нему въ сію зиму ѣхать, и также полечиться отъ своей толстоты и водяной болѣзни, чувствуемой имъ у себя въ ногахъ.

Словомъ, врачъ сей обожаемъ былъ почти всѣми и составлялъ около сего времени феноменъ необыкновенный, и потому не за излишнее почелъ я помѣстить здѣсь нѣкоторое ближайшее объ немъ извѣстіе и анекдоты, слышанные мною отъ очевидцевъ, а особливо отъ шадскаго сосѣда моего г. Соймонова, ѣздившаго къ нему съ сестрою своею для леченія оной, и сдѣлать сіе для того, что легко статься можетъ, что иныхъ извѣстій объ немъ не останется нигдѣ. И вотъ что разсказывалъ мнѣ объ немъ помянутый г. Соймоновъ:

«Ѣздилъ я, государь мой, лечиться съ сестрою своею. Я былъ очень боленъ. Сосѣди мои могутъ засвидѣтельствовать, сколь я былъ слабъ и въ какомъ худомъ состояніи находился. Одышка превеликая, весь истончалъ, ничего не ѣлъ, однимъ словомъ былъ при дверяхъ смерти. Сестра моя была еще того слабѣе и хуже, а сверхъ того свело у ней еще и ногу и всѣ лекари не могли ей ничѣмъ помочь.

«Пріѣхавши въ Петербургъ, старался я квартиру нанять поближе къ нему. Нельзя сказать, сколь много наполнено было то мѣсто больными постояльцами и сколь квартиры были дороги; ибо всякій старался быть ближе, потому что его замучили призываніями, а притомъ ему и недосужно было разъѣзжать, ибо онъ самъ приготовлялъ всѣ лекарствы. Я былъ налегкѣ, совсѣмъ тѣмъ малая квартира моя стоила мнѣ по 20 рублей на мѣсяцъ; однако какъ я ни близко былъ, но не могъ его къ себѣ залучить, и принужденъ былъ кое-какъ самъ до него добрести.

«Живетъ онъ на Васильевскомъ острову, во второй линіи, въ маленькомъ домикѣ государевомъ, гдѣ онъ жилъ прежде уже шесть лѣтъ, какъ опредѣленный лекарь при академіи къ малолѣтнымъ. Пришедши къ нему нашелъ я его сидящаго на маленькой скамеечкѣ и упражняющагося въ переливаніи лекарствъ изъ склянокъ въ скляночки. Половина горницы завѣшена была холстиною. Тамъ два ученика перебирали травы, ибо лечитъ онъ все ботаническими лекарствами: и капли, и порошки и мази все у него изъ травъ и все самъ дѣлаетъ, а травы рвутъ бабы около Петербурга и онъ говоритъ, что ихъ вездѣ много.

«Обо мнѣ было къ нему рекомендательное письмо отъ одного моего родственника, ему знакомаго. Сіе письмо лежало у него на лавкѣ еще нечитанное, ибо онъ дѣйствительно грамотѣ не умѣетъ. Онъ не старался его для того читать, что пріятель мой, котораго я съ письмомъ къ нему посылалъ, ему обо мнѣ уже сказывалъ. Я пришедъ говорю ему:

— Василій Ерофеичъ!

— «Что?»

— Получили-ль вы письмо отъ моего брата?

— «Да вотъ оно: я его еще не читалъ».

— Да вѣдь оно обо мнѣ писано.

— «Такъ сказывай же, чѣмъ ты боленъ!

«Не успѣлъ я ему начать сказывать, какъ человѣкъ двадцать вдругъ начали также разсказывать ему свои болѣзни. А онъ все упражнялся въ своей работѣ и ничего не говорилъ. «Кой чортъ», думалъ я самъ въ себѣ. Но не успѣлъ я ему разсказать, какъ подаетъ онъ мнѣ скляночку съ каплями.

— «Вотъ эти капельки принимай по двѣ чайныхъ ложечки въ красномъ винѣ, да поди вонъ туда, возьми травки, пей вмѣсто чаю». Въ самое то время закричалъ онъ ученикамъ: «Дайте ему травы вмѣсто чаю», и они уже знали какую давать. Вотъ все, что происходило тогда у насъ съ нимъ при первомъ свиданіи.

«На сихъ капляхъ и на травѣ держалъ онъ меня двѣ недѣли, и я долженъ былъ только сказывать ему о перемѣнахъ, происходившихъ со мною. Капли очень горькія и слабительныя, дѣйствуютъ очень хорошо, трава же пить очень пріятна и отъ удушья. Отъ сего только могъ я чрезъ недѣлю уже выходить, одѣваться и обуваться въ сапоги и повсюду ѣздить.

«Я ходилъ къ нему всякой день, по два раза; потомъ далъ онъ мнѣ потовые порошки, бѣленькіе и очень солоны. Я долженъ былъ принять ихъ въ банѣ въ тепломъ духу, и не успѣлъ принять, какъ преужасный потъ сдѣлался, отчего я власно какъ переродился. Наконецъ на отдѣлку далъ онъ мнѣ декокта, такъ какъ полпиво, очень хорошо и чтобъ пить въ жажду, и симъ образомъ въ два мѣсяца совсѣмъ меня вылечилъ».

Къ сестрѣ же своей могъ онъ насилу его дозваться. Онъ нашелъ въ ней застарѣвшую лихорадку, и сказалъ, что надобно выгнать ее наружу, что́ и сдѣлалъ. Не успѣлъ онъ дать ей нѣсколько лекарствъ, какъ ее трепать начало. «Ну! говорилъ онъ, — пускай повеселится». Послѣ того далъ порошокъ и она тотчасъ пропала. Всего удивительнѣе было то, что онъ пульса вовсе не щупаетъ, а схватилъ только сестру его за руку и сказалъ: «Охъ! какъ ты слаба, какъ тряпица». Однимъ словомъ, надобно было только описать ему, чѣмъ кто боленъ, и того было довольно.

Еще сказывалъ мнѣ г. Соймоновъ, что онъ дѣйствительно очень простъ и самый подлецъ, незнающій никакихъ церемоній. «Мой государь!» и то по-низовскому, да и только всего. Грамотѣ умѣетъ только жена его, которая разбираетъ и записки; а какъ онъ отъ безпрестанной ѣзды боленъ былъ, то она составляла капли.

Думать надлежало, что лечилъ онъ болѣе китайскими лекарствами, полагая ихъ по малой долѣ въ здѣшнія изъ травъ составляемыя, а подлость лечилъ здѣшними, и все по памяти. Собою былъ онъ мужичокъ маленькій и плѣшивенькой, на головѣ не было почти волосъ, однако кудерки волосковъ въ десятокъ, и тѣ напудрены; ходилъ въ офицерскомъ зеленомъ мундирѣ, ибо какъ онъ вылечилъ графа Орлова, котораго вылечкою онъ наиболѣе и прославился, то данъ ему чинъ титулярнаго совѣтника.

О происхожденіи своемъ разсказывалъ онъ самъ, что онъ сибирякъ, родомъ изъ Иркутска, изъ посадскихъ; зашелъ въ Китай съ караваномъ и тамъ, оставшись по охотѣ своей учиться лекарскому искуству, и былъ фельдшеромъ. По возвращеніи своемъ оттуда отданъ былъ въ рекруты и бывъ фельдшеромъ, опредѣлился чрезъ Бецкаго къ академіи, отъ котораго, также и отъ графа Сиверса рекомендованъ онъ былъ графу Орлову.

О леченіи сего Орлова разсказывалъ онъ самъ слѣдующее. Лекари и доктора находили въ немъ какія-то судороги и другія лихія болѣсти, но какъ онъ призванъ былъ, то сказалъ онъ, что это все пустое, а только застарѣлая лихорадка; было также удушье, какъ у г. Соймонова, и почти точно такая же болѣзнь.

Какъ спросили его, можетъ-ли онъ вылечить, то сказалъ онъ: «для чего! только

какъ лечить: по-китайски или по-русски?» Удивился графъ сему вопросу и спрашивалъ, что это значитъ?—«А то, мой государь! въ Китаѣ ежели взяться лечить, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, завтра же повѣсятъ; а ежели лечить по-русскому, то дѣлать частые пріѣзды и выманивать болѣе денегъ, а ты человѣкъ богатый и отъ тебя можно поживиться нашему брату лекарю».

Радъ былъ графъ, слыша на какихъ кондиціяхъ онъ его лечить хочетъ. Тотчасъ послано было за братьями и согласились, чтобъ графъ далъ себя лечить Ерофеичу тайкомъ отъ докторовъ,

Сперва давалъ онъ ему тѣже капли и траву; но какъ по крѣпкой натурѣ его онъ тѣмъ не пронялся, то чтобъ ее переломить, далъ рвотнаго; и какъ его повычистило, то далъ онъ опять каплей, и тутъ-то его уже прямо вынесло. Потомъ, положивъ его въ постелю, велѣлъ лежать и давъ ему потового, а самъ велѣлъ двѣ печи жарить и заперъ его въ комнатѣ заснувшаго. Проснувшись, лежалъ онъ какъ въ морсу. Потъ всю постель смочилъ и онъ вскочилъ какъ встрепанный и тотчасъ въ зеркало, и не узналъ самъ себя; дивится и говоритъ, что онъ власно какъ переродился.

У Сиверса же вылечилъ онъ сына, бывшаго нѣсколько лѣтъ въ разслабленіи. Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ дѣла знатныя, однако были и недовольные имъ; но онъ и самъ говоритъ, что нѣтъ такого лекаря, который бы всѣхъ вылечивать могъ, по крайней мѣрѣ лекарства его никому не вредятъ и болѣзни худшею не дѣлаютъ. Впрочемъ напередъ онъ ничего за трудъ не биралъ, а былъ доволенъ тѣмъ, что дадутъ, лечилъ же всякія болѣзни какія бы они ни были.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о семъ рѣдкомъ врачѣ г. Сой моновъ; а теперь разскажу вамъ другую исторію о вылеченной имъ удивительнымъ образомъ одной госпожи въ Петербургѣ.

Сія госпожа, будучи на сносѣхъ беременна и очень больна, впала въ обморокъ. Докторъ, лечившій ее, почелъ ее совершенно умершею, и какъ и изъ прочихъ никто въ томъ не сомнѣвался, то по обыкновенію обмывъ ее, одѣли и положили на столъ, покуда гробъ поспѣетъ. По счастію случилось пріѣхать туда одному ихъ родственнику.

Сей, возъимѣвъ нѣкоторое сумнѣніе, уговорилъ хозяевъ послать за Ерофеичемъ, на что и докторъ согласился, хотя посрамить его и надъ нимъ посмѣяться. Ерофеича привезли. Онъ говоритъ, что хотя и ему кажется она мертвою, однако не полагается онъ на свое мнѣніе, но хочетъ ближе и точнѣе дѣло изслѣдовать, и для того проситъ, чтобъ всѣ вышли и остался бы одинъ мужъ, да докторъ да двѣ женщины.

Симъ велѣлъ онъ ее раздѣть и потомъ щупалъ подъ лѣвою мышкою, да противъ сердца, и держалъ палецъ нѣсколько времени. Наконецъ говоритъ, что хотя и кажется ему, что она еще жива, но хочетъ удостовѣриться въ томъ еще однимъ опытомъ, и для того просилъ, чтобъ обождали его до второго часа, а онъ съѣздитъ за потребными вещами. Докторъ внутренно смѣялся его словамъ и положилъ нарочно ждать второго часа.

Наконецъ пріѣхалъ г-нъ Ерофеичъ. Онъ велѣлъ опять всѣмъ выттить и при докторѣ и мужѣ обнажилъ все тѣло и положилъ на все брюхо пластырь; потомъ просилъ, чтобъ дали ему вѣрные часы, которые положивъ безпрестанно смотрѣлъ, и не успѣла настать та минута, которая ему была надобна, какъ тотчасъ пластырь скинулъ и увидѣвъ его дѣйствіе, поздравлялъ мужа съ неумершею еще женою.

Натурально, можно заключить, что мужъ обрадованъ былъ симъ извѣстіемъ; но противное дѣйствіе произвело оно въ докторѣ Сей бѣсился сіе слышавъ и не могъ утерпѣть, чтобъ не смѣяться, слышавъ увѣреніе Ерофеича, что она черезъ полчаса имъ по рюмкѣ водки поднесетъ. Однако тотъ, не взирая на то, приступилъ къ своей операціи.

Онъ обрѣзалъ всѣ пузыри, натянутые пластыремъ и оставилъ голое тѣло; потомъ, намазавъ другой пластырь прило-

жилъ и сталъ потомъ разговаривать съ докторомъ. Но какой мудреный вопросъ онъ ему предложилъ:

— Что, ваше превосходительство, — сказалъ онъ ему: — можно ли пустить кровь изъ желудка?

— «Не знаю, отвѣчалъ его превосходительство докторъ, а самъ разсмѣялся.— У насъ изъ желудка крови не пускаютъ, да можно-ли сему и статься».

— А вотъ посмотрите, мой государь! я ее пущу; и вскорѣ потомъ пластырь съ брюха принялъ, и тотчасъ кровь изъ тѣла пошла какъ-бы изъ жилы.

Онъ далъ ей столько течь, сколько было надобно, потомъ, приложивъ третій пластырь, ее унялъ.

И не успѣлъ сего сдѣлать, какъ госпожа вдругъ стала оказывать въ себѣ знаки жизни, и вскорѣ потомъ промолвила: «Подайте пить».

— «Вотъ, мой государь, не правду-ли я говорилъ, что она насъ станетъ подчивать» — ибо какъ сталъ ее класть на постелю, то просилъ Ерофеичъ, чтобъ пожаловала она хотя придержала подносъ съ рюмками, ибо онъ сіе обѣщалъ. Вмѣсто благодарности за то обѣщаетъ онъ, что она благополучно разрѣшится отъ своего бремени, что и сдѣлалось.

Но представьте-жъ себѣ, каково было тогда доктору. Мало ежели сказать, что было ему стыдно, но онъ безсомнѣнно проклиналъ тотъ часъ, въ который ему ожидать сего времени вздумалось. Словомъ, Ерофеичъ перебѣсилъ всѣхъ лекарей и докторовъ и оставилъ по себѣ ту славу, что и по нынѣ все государство пьетъ травникъ, составленный съ его травами и называемый «Ерофеичемъ».

Теперь, возвращаясь къ продолженію исторіи моей, скажу, что въ томъ же еще ноябрѣ мѣсяцѣ начали распространяться повсюду слухи о начинающейся у насъ войнѣ съ турками, и о движеніи всѣхъ полковъ, и выступленіи изъ обыкновенныхъ ихъ квартиръ въ южныя провинціи нашего государства. Сіе власно какъ оживотворило паки все государство и сдѣлалось всеобщею матеріею разговоровъ. Всѣ начали не о чемъ иномъ говорить, какъ о войнѣ съ турками, поляками, а иные прибавляли къ тому, что и съ пруссаками, и какихъ и какихъ слуховъ тогда не было, и чего и чего не говорили.

Между тѣмъ услышали мы также и о великой отважности тогдашней нашей монархини и приказаніи привить къ себѣ оспу. Мы удивились тому, но вкупѣ и радовались, что операція сія кончилась благополучно. А не успѣлъ наступить декабрь мѣсяцъ, какъ многіе полки дѣйствительно пошли большою тульскою дорогою, въ близости насъ идущею, а ѣдущими генералами и другими знатными особами она, такъ сказать, запружена была.

Повсюду на станціи велѣно было выставить обывательскихъ лошадей, ибо обыкновенныхъ почтовыхъ оказалось уже слишкомъ мало, и для лучшаго распоряженія оныхъ пріѣзжалъ даже на заводъ Ведминской и нѣсколько времени тутъ жилъ и самъ нашъ тогдашній коширскій воевода г-нъ Посевьевъ. И какъ мнѣ сего человѣка давно короче знать хотѣлось, то, при семъ случаѣ, познакомился я съ нимъ короче, и онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ и дѣлилъ со мною время въ дружескихъ и пріятныхъ разговорахъ.

Онъ былъ человѣкъ умный, свѣдущій о многомъ и любопытный. Итакъ, онъ радъ былъ мнѣ, а я ему, и тѣмъ паче, что могъ отъ него ежедневно почти слышать не только все происходившее на большой дорогѣ, но и всѣ новыя вѣсти.

Но никогда пріѣздъ его ко мнѣ не былъ такъ для меня интересенъ, какъ въ день храмового нашего праздника, 6-го декабря. Онъ не только умножилъ собою число всѣхъ бывшихъ у меня въ сей день и довольно многихъ гостей, но былъ еще первымъ и лучшимъ моимъ гостемъ. Тогда воеводы несравненно болѣе уважались, нежели всѣ нынѣшніе судьи, исправники и городничіе.

Онъ привезъ къ намъ въ сей день множество новыхъ вѣстей, какъ о проходящихъ полкахъ, такъ и дѣлаемыхъ повсюду страшныхъ и великихъ приуготовленій къ

войнѣ; о выступленіи въ походъ уже всей арміи; о удвоенномъ рекрутскомъ наборѣ; о умноженіи лошадей на станціяхъ, и до 140 на каждой; о назначеніи командирами армій князя Голицына и Румянцова; о изданномъ уже о войнѣ манифестѣ; о посажденіи турками нашего резидента въ Едикуль; о происходившей въ Польшѣ дѣйствительной войнѣ и кровопролитіи, и прочая, и прочая. Словомъ, разныхъ вѣстей тогда и сколько справедливыхъ, столько-же и ложныхъ конца не было, и мы готовились каждый день къ узнаванію чего-нибудь новаго.

Препроводивъ весело нашъ праздникъ въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ своими сосѣдями, званы мы были 9-го числа и ѣздили къ г-ну Полонскому на имянины жены его. Торжество было пышное, собраніе довольно многолюдное и увеселенія разнаго рода.

Я наслушался и тутъ превеликому множеству новыхъ вѣстей о тогдашнихъ произшествіяхъ, но недоволенъ только былъ бывшимъ тутъ однимъ гостемъ изъ сосѣдей г-на Полонскаго. Всякій разъ, какъ ни случалось ему подгулять, дѣлался онъ неотвязнымъ и имѣющимъ дурную привычку бить все по рукамъ и дергать слушателя, и сей надоѣлъ мнѣ тѣмъ до чрезвычайности.

Возвратившись домой, началъ я около сего времени продолжать сочиненіе «Дѣтской моей философіи». Всеобщее одобреніе первой ея части и похвала отъ всѣхъ ей приписываемая, побудила меня къ начатію сочиненія второй части сей книги.

Около половины сего мѣсяца имѣлъ я у себя одного новаго и весьма пріятнаго для меня гостя. Былъ то никогда еще небывавшій у меня г-нъ Колюбакинъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

Какъ онъ былъ человѣкъ довольно обращавшійся въ свѣтѣ, имѣющій со многими знатными людьми связи и знакомство, и притомъ знающій, любопытный и такой человѣкъ, съ которымъ можно было обо всемъ говорить; то по предварительному увѣдомленію отъ него, что онъ ко мнѣ будетъ, ожидалъ я его къ себѣ уже нѣсколько дней съ великою нетерпѣливостью и тѣмъ паче, что онъ обѣщалъ мнѣ привезть манифестъ о войнѣ и многія другія любопытныя и важныя бумаги.

Поелику онъ былъ уже мнѣ знакомъ, то радъ я былъ ему очень и старался угостить его всячески. Онъ препроводилъ у меня весь тотъ день и ночевалъ, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться.

Онъ привезъ мнѣ не только манифестъ, но и росписаніе всѣмъ арміямъ и приуготовленіямъ и насказалъ мнѣ вѣстей съ три короба; но ни которыя такъ не были интересны, какъ носящійся повсюду слухъ, что по случаю составленія вновь прибавочныхъ полковъ и цѣлыхъ корпусовъ и по недостатку довольнаго числа офицеровъ, нужныхъ для командованія оныхъ, не только приглашаютъ всѣхъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и опредѣляютъ опять въ службу съ нѣкоторыми для нихъ выгодами; но что будто въ случаѣ недостатка хотятъ и всѣхъ отставныхъ дворянъ пересматривать и годныхъ еще къ службѣ, когда добровольно не захотятъ, опредѣлять и неволею въ оную.

Сей слухъ былъ для меня не только интересенъ, но и поразителенъ. У меня зашевелилось даже сердце при услышаніи сего, ибо какъ въ семъ случаѣ легко могло дойтить и до меня, мнѣ же, какъ привыкшему уже въ деревнѣ жить и вкусившему пріятность и блаженство сей жизни, уже никакъ и ни для чего не хотѣлось уже съ нею разстаться; то озабочивался я и очень много симъ слухомъ, ибо натурально заключалъ, что по молодости, здоровью, достатку и знаніямъ моимъ весьма трудно мнѣ будетъ отъ службы отдѣлываться, а особливо если будетъ къ тому нѣкоторое принужденіе. Но какъ слухъ сей былъ еще недостовѣрнымъ, то я симъ однимъ и мыслію, что можетъ быть сіе и неправда, сколько-нибудь еще и утѣшался.

Гость сей недолго у меня пробылъ, но поспѣшая отъѣздомъ, не хотѣлъ даже дожидаться настоящаго обѣда, такъ что мы принуждены были приготовить для его обѣдъ ранній, и отъѣздъ сей случился очень кстати. Ибо не успѣлъ я его проводить

со двора, какъ жена моя, бывшая уже давно на сносѣхъ, начала мучиться родами.

Я перетревоженъ былъ симъ случаемъ до безконечности, и тѣмъ паче, что было сіе противъ всякаго чаянія и ожиданія, и всѣ думали и считали, что ей еще недѣли двѣ или три носить надлежало, почему не случилюсь тогда даже и самой ея матери, а моей тещи дома. Но она безъ всякаго опасенія, за нѣсколько до сего дней, поѣхала къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, у которой въ самое сіе время лежалъ сынъ въ оспѣ, и находилась въ Калединкѣ.

Но какъ бы то ни было, но всѣ въ мнѣніяхъ своихъ обманулись и жена моя въ девятомъ часу вечера, къ неописанному обрадованію моему, дѣйствительно разрѣшилась отъ своего бремени благополучно, произведя на свѣтъ и въ сей разъ мнѣ сына.

Я не могу изобразить, какъ обрадовался я и какъ благодарилъ Бога, что даровалъ мнѣ, вмѣсто умершаго, сего другого мальчишку. Мы назвали его Степаномъ, и какъ ни поздно было, но того-жъ часа отправили въ Калединку нарочнаго съ увѣдомленіемъ о семъ къ его бабкѣ, а по утру разосланы были и къ другимъ нашимъ друзьямъ и сосѣдямъ люди съ извѣщеніемъ о томъ же.

Особливаго примѣчанія при семъ произшествіи было достойно то, что я за день до того все оное, какъ на яву, во снѣ видѣлъ, а именно, что жена моя нечаянно родила при мнѣ и родила сына, какъ точно и совершилось.

Теща моя не успѣла о томъ услышать, какъ обрадовавшись чрезвычайно, тотъ-же часъ къ намъ полетѣла, а вмѣстѣ съ нею пріѣхала любившая такъ много насъ и тетка; а не преминули также и всѣ сосѣди у насъ перебывать и по обыкновенію поздравить насъ съ новорожденнымъ. Но я растревоженъ былъ на третій день сдѣлавшимся въ родильницѣ жестокимъ жаромъ и даже самымъ бредомъ.

Опасаясь, чтобъ не произошла инфламація въ маткѣ и не лишила меня ее, не зналъ я что дѣлать и чѣмъ сей бѣдной помогать; но спасибо, припарка ромашкою съ молокомъ и нѣкоторыя другія употребленныя вспомогательныя средствы помогли и меня опять успокоили, а къ особливому обрадованію моему полегчѣло и дочери и она стала оправляться.

Крестинами сего новорожденнаго мы не очень спѣшили, отчасти для того, что родильница все еще была нездорова и оправлялась очень худо, а наиболѣе желая дождаться мясоѣда, и не прежде крестили какъ на другой день Рожества. Восприемниками отъ купели были прежніе: другъ мой Иванъ Григорьевичъ Полонскій и тетка Матрена Васильевна, и мы и сей крестильный пиръ отправили какъ водится и гостей у насъ было-таки не мало, и притомъ довольно весело.

Симъ кончился почти 1768-й годъ, ибо въ достальные немногіе дни сего года не произошло ничего въ особливости примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что я, по причинѣ начинающейся войны, рѣшился въ первый еще разъ отъ роду взять себѣ московскія газеты и послалъ за оныя деньги въ Москву. Но какая была разница между тогдашними газетами и нынѣшними, равно какъ между тогдашнею и нынѣшнею цѣною онымъ. Тогда онѣ не болѣе стоили пяти рублей съ полтиною, но за то и газеты были—подлинно газеты.

Другое случившееся въ сіи дни было то, что я вновь перетревоженъ былъ помянутымъ слухомъ объ отставныхъ, который не только не уничтожался, но увеличивался такъ и насказываемо было столь много, что я почиталъ его уже совершенно вѣрнымъ; и того и смотрѣлъ, чтобъ не пріѣхали и ко мнѣ съ повѣсткою изъ города, чтобъ ѣхать въ Москву и явиться въ военную коллегію, такъ какъ говорили, будто уже многихъ въ другихъ, особливо степныхъ уѣздахъ выслали.

Но чего и чего тогда уже не говорили и не насказывали за вѣрное. Нынѣ, читая записки о тогдашнихъ слухахъ, не могу довольно надивиться тому, какъ хотѣлось людямъ выдумывать сущія не-

былицы и распускать въ народъ слухи, неимѣвшіе ни малѣйшаго основанія.

Третье было то, что я во всѣ сіи дни имѣлъ дѣло съ пріѣзжавшими ко мнѣ изъ дальнихъ степныхъ деревень обозами и duракомъ моимъ шадскимъ прикащикомъ, который насказалъ мнѣ и Богъ знаетъ что о славѣ, какая будто носилась вездѣ тамъ о моемъ межеваньѣ; а все было пустое.

Впрочемъ, не оставили мы, чтобы не видаться въ сіи дни кое съ кѣмъ изъ сосѣдей въ ихъ домахъ и съ ними непрепровождать святокъ по стариннымъ обрядамъ и обыкновеніямъ, такъ какъ и окончилъ я сей годъ не у себя въ домѣ, а у кума и друга своего Ивана Григорьевича, къ которому заѣхалъ бывши въ гостяхъ у Товарова, къ которому я званъ былъ на имянины къ его матери.

Симъ образомъ окончился и 1768 годъ, проведенный мною отчасти дома, а отчасти въ путешествіяхъ, но довольно хорошо и благополучно и въ безпрерывныхъ почти упражненіяхъ.

Упражненія мои, какъ изъ вышеупомянутаго видно, были разныя, и то экономическія, то литеральныя. Въ разсужденіи сихъ послѣднихъ замѣчанія достойно было то, что я много начиналъ сочинять вновь книгъ, но ни одной почти не сочинилъ и не кончилъ, а ежели что сдѣлалъ, такъ описалъ и ранжировалъ всю свою библіотеку, но которая около сего времени была и вся еще очень и очень не велика, и число всѣхъ книгъ простиралось только до 660 книгъ. Какая разница предъ нынѣшнею, и что значила она тогда и что нынѣшняя!

Наконецъ замѣтить надобно, что я никогда такъ много не упражнялся въ переплетаніи книгъ, какъ въ сей годъ. Не только своихъ, но и чужихъ переплелъ множество, и въ работѣ сей находилъ для себя превеликое удовольствіе. Но каковы мои переплеты были, о томъ спрашивать нечего. Но говорится въ пословицѣ «на безлюдьи и сидни въ честь», а такъ было тогда и со мною, и за неимѣніемъ лучшаго и искуснѣйшаго переплетчика и то было уже хорошо. Люди и тѣмъ были довольны.

Наконецъ, вообще можно сказать, что я и сей годъ препроводилъ счастливо и такъ весело, что деревенская жизнь часъ отъ часу становилась мнѣ пріятнѣе и драгоцѣннѣе, и я такъ ею и состояніемъ своимъ былъ доволенъ, что не помышлялъ ни о какихъ чинахъ и достоинствахъ въ свѣтѣ.

А симъ окончу я и письмо сіе, довольно уже увеличившееся, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

1769.

Письмо 130-е.

Любезный пріятель! Начало 1769-го года достопамятно для насъ было смертію двухъ особъ, которыя мнѣ были любезны. 6-го числа генваря кончила наконецъ долговременную свою жизнь старушка Варвара Матвѣевна Темирязева, сестра покойнаго дѣда моего Никиты Матвѣевича и самая та, отъ которой наслышался я о предкѣ нашемъ Еремѣѣ Гавриловичѣ. Она жила болѣе 90 лѣтъ. Старушка была добрая и мы всѣ ее любили и почитали. А 12-го числа того же мѣсяца умеръ внучетной братъ мой, Дмитрій Ивановичъ Арцыбышевъ, и сего мнѣ еще болѣе жаль было, нежели старушки.

Былъ онъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ своего вѣка, но очень толстъ и тяжелъ, и водяная болѣзнь лишила его жизни. Какъ онъ былъ очень милый и добрый человѣкъ и насъ любилъ, то и мы всѣ любили его искренно и жалѣли о рановременной смерти его. Мы погребли его со слезами у приходской ихъ церкви въ селѣ Лушкахъ, а удалось мнѣ проститься съ прахомъ и старушки бабки моей при погребеніи ее въ селѣ Заглухинѣ.

Проводили мы также съ сожалѣніемъ въ началѣ сего мѣсяца и друга моего, Ивана Григорьевича Полонскаго, въ Петербургъ и желали, чтобъ получилъ онъ отъ Ерофеича себѣ облегченіе.

Въ концѣ же мѣсяца сего перетревожены мы были умножившимися повсюду кругомъ насъ смертоносными горячками

также свирѣпствующею повсюду оспою и кремъ. Какъ сами по себѣ, такъ и для дѣтей своихъ мы такъ были симъ перетревожены и озабочены, что помышляли уже о томъ, чтобъ уѣхать жить въ Коростино, и тѣмъ паче, что дочь моя около сего времени не только освободилась уже совсѣмъ отъ своей болѣзни, но начала уже и ходить сама о себѣ, что̀ веселило насъ до чрезвычайности, ибо дѣти были тогда намъ въ великую еще диковинку.

Впрочемъ, первый мѣсяцъ сего года прошелъ въ безпрерывныхъ почти разъѣздахъ по гостямъ и угащиваніи у себя къ намъ пріѣзжавшихъ. Давно уже такъ много ихъ не бывало и я тѣмъ былъ очень доволенъ, но довольнѣе еще уничтожившимся слухомъ объ отставныхъ и тѣмъ, что оной оказался ложнымъ.

Напротивъ того достопамятно было то, что при началѣ сего года сдѣлалось-было въ Москвѣ и вездѣ такое оскуденіе соли, что продавали ее почти только фунтами, и цѣна ей была уже гривенъ по осьми, а въ степяхъ и слишкомъ по 2 рубля пудъ покупалась. Но по счастію продолжилось сіе недолго: ее подвезли и цѣна возстановилась прежняя.

Степныя наши мѣста не отъ одной сей дороговизны въ соли стонали, но и отъ поставки провіанта въ Украйну. Казна платила хотя и за провозъ и за хлѣбъ деньги, но несмотря на то обращалось сіе въ великое отягощеніе тамошнимъ краямъ, по причинѣ разныхъ злоупотребленій и прижимокъ притомъ бывшихъ, и потому никому не хотѣлось самому туда ѣхать, а сдавали подрядчикамъ и платили дорогою цѣною.

Еще носилась около сего времени одна странная исторія не только о безчеловѣчіи, но и о сущемъ варварствѣ одной нашей дворянской фамиліи, жившей въ здѣшнемъ уѣздѣ и дѣлающей пятно всему дворянскому корпусу.

Сей господинъ отдавалъ одну дѣвку въ Москву учиться плесть кружева. Дѣвка скоро переняла и плела очень хорошо; но какъ возвратилась домой, то отягощена была отъ господъ уже слишкомъ сею пустою и ничего незначущею работою, и принуждена была всякій вечеръ по двѣ свѣчи просиживать. Сіе подало поводъ къ тому, что она ушла прочь въ Москву и опять къ мастерицѣ своей; но ее отыскали и посадили въ желѣзы и въ стуло, и заставили опять плесть.

Чрезъ нѣсколько времени освобождена она была по просьбѣ одного попа, который ручался въ томъ, что она не уйдетъ. Но какъ дѣвка сія была только 17-ти лѣтъ и опять трудами отягощена слишкомъ, то отважилась она опять уйтить; но, по несчастію, опять отыскана и уже заклепана въ кандалы наглухо, а сверхъ того надѣта была на ее рогатка, и при всемъ томъ принуждена была работать въ стулѣ, кандалахъ и рогаткѣ, и днемъ плесть кружева, а ночевать въ приворотней избѣ подъ карауломъ и ходить туда босая.

Сія строгость сдѣлалась наконецъ ей несносною и довела ее до такого отчаянія, что она возложила сама на себя руки и зарѣзалась; но какъ горло не совсѣмъ было перерѣзано, то старались сохранить ея жизнь, но разрубая топоромъ заклепанную рогатку еще болѣе повредили, такъ что она цѣлыя сутки была безъ памяти. Совсѣмъ тѣмъ не умерла она и тогда, но жила цѣлый мѣсяцъ, и хотя была въ опасности, но кандалы съ нее сняты не были и она умерла наконецъ въ нихъ, ибо рана, начавъ подживать, завалила ей горло.

Вотъ какой звѣрскій и постыдный примѣръ жестокосердія человѣческаго! и на толь даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними такъ безчеловѣчно. И какъ дѣло сіе было скрыто и концы съ концами очень удачно сведены, то и остались господа безъ всякаго за то наказанія.

Мы содрогались услышавъ исторію сію и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ изверговъ, такъ что не желали даже съ симъ домомъ имѣть и знакомства никогда.

Далѣе записано у меня, что я въ сей мѣсяцъ крестилъ съ тещею моею нынѣш-

няго нашего дьякона **Петра**, сына бывшаго тогда нашего попа **Евграфа**; также въ исходѣ онаго выдумалъ и самъ сдѣлалъ прекрасный деревянный замóкъ съ шестью колесами.

Замокъ сей былъ очень курьёзенъ. На колесахъ онаго, вертящихся кругомъ, изображены были литеры и изъ оныхъ можно было чрезъ вертѣніе набирать до 4,000 разныхъ словъ и именъ, но отпирало его только одно слово, и слово сіе было «**фофонъ**». Съ того времяни стали дѣлать въ Тулѣ замки сего рода и желѣзные, но все глупые и не столь замысловатые.

Наконецъ, 15-го числа сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить чрезъ Серпуховъ свои газеты, и какъ это было въ первый разъ, то я обрадовался имъ какъ бы какой превеликой находкѣ. Но радость сія скоро превратилась въ досаду, ибо какъ тогда не было еще такой порядочной почты по всѣмъ мѣстамъ какъ нынѣ, то пересылка оныхъ происходила не только медленно, но весьма неисправно, и я то и дѣло принужденъ былъ видѣть посылаемыхъ за ними въ Серпуховъ людей, возвращающихся съ пустыми руками и досадовать на почту и на газетировъ.

Сколь ни мало было въ генварѣ произшествій достойныхъ замѣчанія, но февраль былъ еще того скуднѣе оными. Въ теченіи всего онаго не произошло почти ничего важнаго кромѣ того, что я нанялъ плотниковъ рубить новый себѣ домъ, да въ концѣ онаго получилъ опять письмо изъ Экономическаго Общества съ IX-ою частію Трудовъ онаго, и имѣлъ удовольствіе видѣть въ оной оба мои послѣднія сочиненія напечатанныя.

Письмецо сіе было самое коротенькое, но книги прислано было ко мнѣ цѣлыхъ 13 экземпляровъ, власно какъ бы въ награду за труды мои и чтобъ могъ я оныя раздарить моимъ знакомымъ. Награда сія была хотя слишкомъ мала, но я по нуждѣ былъ и оною доволенъ, и самымъ тѣмъ побуждался и далѣе заниматься подобными тому-жъ экономическими сочиненіями.

Впрочемъ имѣли мы удовольствіе въ теченіи сего мѣсяца видѣть ближайшаго моего сосѣда и двоюроднаго брата, Гаврилу Матвѣевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга въ домъ свой, а напротивъ того другого сосѣда, Матвѣя Никитича, провожали въ Петербургъ на службу.

Наконецъ, какъ въ исходѣ сего мѣсяца случилось быть въ сей годъ масляницѣ; то, по молодости своей и по охотѣ съ малолѣтства къ катанью, вздумалось мнѣ порѣзвиться и сдѣлать для катанья порядочную гору. Она сдѣлана была деревенская, безъ всякихъ коштовъ.

Я велѣлъ на нижнемъ своемъ прудѣ расчистить ледъ и избравъ отлогій, но довольно высокій и крутой берегъ, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у меня известковыя ямы, улили весь оный и такъ, что гора была наипрекраснѣйшая. И мы закатались на ней впрахъ не только сами мущины, но сотоварищество намъ въ томъ дѣлали и самыя боярыни какъ наши, такъ и пріѣзжавшія къ намъ въ гости.

Самыя старушки, какъ, напримѣръ, теща и тетка моя Матрена Васильевна, дозволили мнѣ нѣсколько разъ скатить себя съ горы на салазкахъ. Словомъ, я не помню, чтобы когда-нибудь во всю жизнь мою я такъ весело масляницу, а особливо послѣдній день оной препроводилъ, какъ въ сей разъ. И какъ гостей у насъ случилось много, то катались мы въ сей день до самаго поздняго вечера и даже при огняхъ, которыми гору свою мы освѣтили, и кончили оный прямо хорошо и весело.

Съ начала марта сдѣлалась-было у насъ половодь: сошелъ весь снѣгъ и вскрылась-было совсѣмъ весна. Явленіе сіе было необыкновенное, однако продолжалось сіе недолго и мы должны были опять покидать колесы и приниматься за прежнія сани, и настоящая половодь не прежде была какъ подъ Благовѣщеніе.

Въ сей мѣсяцъ начали плотники рубить мои хоромы, а я съ людьми заготовлять каменья подъ фундаментъ подъ стѣны, которыя основаны были на толстыхъ дубовыхъ столбахъ.

Копали мы оные прямо противъ хоромъ въ вершинѣ и вытаскивали оные къ хоромамъ, при помощи ворота, по намощенному вкось чрезъ вершину изъ досокъ мосту, по которому втаскивалась особаго рода плоская телѣга или почти родъ саней, нагруженныхъ множествомъ камней.

Машину сію выдумали мы сами съ столяромъ и она помогла намъ очень много. И какъ каменьевъ нашли мы превеликое множество, лежащихъ въ горѣ стѣною, власно какъ складенною изъ тесаныхъ камней, то съ малымъ трудомъ наломали и натаскали ихъ множество.

Были также подряжены и гвоздье, и какая дьявольская разница между цѣнами тогдашними и нынѣшними: тогда двутесные не дороже были двухъ рублей, а однотесные 80 копѣекъ.

Еще достопамятно, что въ теченіе сего мѣсяца продалъ я въ коширской деревнѣ своей Бурцовой, приданой покойной моей бабки, наконецъ и самую землю брату Гаврилѣ Матвѣевичу. Итакъ, сія деревня совсѣмъ вышла изъ моего владѣнія, ибо крестьяне переведены были уже давно въ шадскую деревню.

Имѣли мы также удовольствіе видѣть опять и сосѣда нашего Матвѣя Никитича, возвратившагося совсѣмъ нечаянно изъ Петербурга, чрезъ что собрались мы опять всѣ вмѣстѣ, и вся фамилія наша находилась тогда въ Дворяниновѣ.

Что касается до упражненій моихъ, то во всѣ послѣдніе зимніе мѣсяцы занимался я наиболѣе разрисовываніемъ красками печатныхъ картинокъ, вырѣзанныхъ изъ книгъ, и разрисовалъ ихъ множество. Всѣ онѣ и понынѣ украшаютъ мои стѣны, а иныя въ эстампной и портретной книгѣ.

Однако не гуляло и перо мое; работалъ я много и онымъ; но кромѣ пьесы о телѣжкѣ навозной, назначенной для Экономическаго Общества, не сочинено мною ничего особливаго, но начиналъ я многое, а сдѣлалъ мало. Впрочемъ занимался я также и переводами, и трагедія «Вольнодумъ» переведена въ сіе время.

Наконецъ въ концѣ сего мѣсяца огорчены мы были всѣ, а особливо теща моя, печальнымъ извѣстіемъ, что смерть похитила и третьяго ея брата, Александра, въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ, на Низу. И какъ старикъ отецъ ея, а жены моей дѣдъ, остался съ однимъ только своимъ меньшимъ сыномъ, Сергѣемъ, то приглашалъ онъ тещу мою, чтобы она къ нему въ Цивильскъ пріѣхала жить, но чего однако намъ да и самой ей не очень хотѣлось.

Начало весны провели мы весело и благополучно и видались почти всякой день съ своими сосѣдями, а особливо въ святую недѣлю, бывшую въ сей годъ въ исходѣ апрѣля, которая была для насъ тѣмъ веселѣе, что у Матвѣя Никитича родила жена въ оную перваго ему сына и были у него сборныя крестины, и по случаю сему и множество гостей, которые всѣ перебывали и у насъ. Вмѣстѣ съ другими крестилъ и я его сына съ дѣвушкою Пестовою, Марьею Михайловною.

Впрочемъ, не успѣла весна вскрыться, какъ принялся я опять за милые и любезные сады свои и всякій день занимался въ нихъ множествомъ работъ и дѣлъ вешнихъ. Мы садили и пересаживали разныя деревья, прививали прививки, сѣяли разныя цвѣточныя и огородныя сѣмена, чистили и прибирали все, а особливо цвѣтники, до которыхъ я въ особливости былъ охотникъ.

Въ самую сію весну завелъ я наиболѣе всѣ разные роды вишень, которыя и понынѣ сады мои наполняютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получилъ я отъ Товарова изъ Прончищева, а другія и самыя тѣ алыя мелколистныя и плодородныя, изъ которыхъ нынѣ въ садахъ моихъ ростутъ цѣлые лѣсочки, отъ Незнанскаго попа Егора.

Также въ самую сію весну насажена изъ липъ та короткая прекрасная крытая дорога въ ближнемъ моемъ саду, подлѣ воротъ на улицу, которая и понынѣ увеселяетъ меня своею густотою и великостью. Въ теченіе прошедшихъ съ того времени 34-хъ лѣтъ разрослась и выросла

она превеликою. Въ сіе время имѣлъ я уже и планы садамъ моимъ, но далеко не такіе совершенные, какъ нынѣ.

Кромѣ сего имѣли мы въ сіе время съ сосѣдями своими небольшую сдѣлку въ разсужденіи Удерева и луговъ подъ Шестунихою, и многими клочками, по согласію другъ съ другомъ, размѣнялись.

Въ началѣ мая убавилось опять наше деревенское близкое сосѣдство однимъ человѣкомъ. Братъ Гаврила Матвѣевичъ поѣхалъ опять въ Петербургъ на службу, ибо какъ онъ ни старался, но ему не отсрочили. Мы же, оставшіеся, провели общій нашъ деревенскій праздникъ отмѣнно весело. Гостей у всѣхъ насъ было множество, мы только и знали, что переходили съ ними другъ къ другу.

Въ особливости же было у меня всѣмъ весело, по причинѣ круглыхъ качелей, бывшихъ у меня. Да и кромѣ сего во весь сей мѣсяцъ какъ-то въ особливости и такъ много у меня погостилось, что мы рѣдкій день проводили безъ гостей, или сами у кого чтобъ не были.

Между тѣмъ хоромы мои продолжали строиться и съ такимъ успѣхомъ, что въ сей мѣсяцъ успѣли ихъ уже и покрыть, а мы между тѣмъ подвели подъ нихъ и фундаментъ каменный.

Прочія-жъ упражненія мои въ праздные часы состояли въ срисовываніи съ натуры цвѣтовъ разныхъ, расцвѣтающихъ у меня въ садахъ и цвѣтникахъ, которыя картинки и понынѣ у меня цѣлы и украшаютъ отчасти стѣны въ моихъ хоромахъ.

Наидостопамятнѣйшимъ-же произшествіемъ сего времени было солнечное и очень видное затмѣніе, случившееся 24-го мая. Я примѣчалъ оное съ величайшимъ вниманіемъ и имѣлъ случай примѣтить тогда въ солнцѣ шесть маленькихъ черныхъ пятнушковъ, въ разномъ положеніи между собою и подвинувшихся къ вечеру совсѣмъ въ другое мѣсто, что нѣкоторымъ доказательствомъ было тому, что солнце вертится вокругъ своей оси.

Въ продолженіе іюня мѣсяца занимался я наиболѣе строеніемъ: какъ старинный конскій и скотскій дворъ находился подлѣ самыхъ новыхъ и уже плотниками отдѣланныхъ хоромъ и надлежало его перенесть куда-нибудь въ иное мѣсто, то разсудилось мнѣ перенесть его въ рощу за вершину и на самое то мѣсто, гдѣ находятся теперь людскіе огороды.

Итакъ, надобно было вырубить ту часть рощи, и строеніе оное туда перевозить и ставить; предъ хоромами-жъ ровнять и планировать мѣсто, для назначаемаго тутъ большого цвѣтника, которая работа произведена однимъ садовникомъ съ ребятишками.

Изобрѣтенная мною садовая о двухъ колесахъ телѣжка, употребляемая и по нынѣ съ особливою выгодою и пользою, въ томъ имъ много поспѣшествовала. А какъ и хоромы осталось только внутри отдѣлывать, то начиналъ я уже и о украшеніи внутренности оныхъ помышлять и цѣлыхъ семь дней употребилъ самъ на намалеваніе одной большой картины на подобіе тканаго ковра, съ историческими изображеніями, каковыми хотѣлось мнѣ обить и убрать всѣ стѣны моего зала, которая и понынѣ еще цѣла и украшаетъ собою стѣну въ залѣ и служитъ памятникомъ тогдашнихъ моихъ трудовъ и малеванья.

Между сими упражненіями не оставляли мы по прежнему видаться съ своими сосѣдями и знакомцами, и какъ у себя ихъ угощать, такъ и самимъ къ нимъ ѣздить.

Бывшій въ началѣ мѣсяца сего Троицынъ день провели мы очень весело, будучи въ гостяхъ у г. Гурьева, въ Тарусскомъ уѣздѣ. Собраніе гостей было многочисленное. Добрые сіи люди были всѣми любимы, и никому, по особому гостепріимству, ихъ не было у нихъ скучно. Не могу и понынѣ позабыть, какъ были мы въ сей день тамъ веселы, какъ танцовали, бѣгали, рѣзвились, гуляли по садамъ, по рощамъ и забавлялись разными деревенскими играми, и какъ смѣялись и хохотали при одномъ приключеніи, случившемся съ бывшими тамъ въ гостяхъ съ молодыми барышнями.

Случилось это на другой день праздника. Сыну и дочерямъ хозяйскимъ взду-

малось подговорить ихъ иттить съ ними погулять подъ гору на берегъ рѣки Оки, гдѣ имѣли они прекрасную рощу, и тамъ на лодкѣ по рѣкѣ покататься. Онѣ согласились на то охотно. Но не успѣли онѣ приттить къ рѣкѣ и сѣсть въ лодку, какъ вдругъ поднялась превеликая буря съ проливнымъ дождемъ, и гуляющія подверглись отъ того превеликой опасности, а того болѣе перестращались.

Съ превеликою нуждою и насилу-насилу удалось имъ привалить опять къ берегу, и тогда, позабывъ гулянье, спѣшили онѣ домой; но какъ разстояніе было не близкое и болѣе версты, то всѣ онѣ бѣгучи не только перемучились и устали, но всѣ съ головы до ногъ отъ проливного и крупнаго дождя обмокли.

Мы, мужчины, съ ними тогда не ходили, а оставались съ хозяиномъ дома, и сперва сами опасности ихъ напугались, но послѣ надсѣлись со смѣху, видя ихъ бѣгущихъ безъ памяти домой и укрывающихся отъ дождя чѣмъ кому попало. Иная бѣжала въ людской шляпѣ, другая въ епанчѣ, иная обвязавъ голову платкомъ, иная чѣмъ попало и такъ далѣе. Смѣху-то! хохотанья! конца истинно не было!

Вскорѣ за симъ долженъ я былъ съѣздить еще за Серпуховъ, въ Малоярославецкій уѣздъ, для межеванья. У тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой была тамъ деревня Новики, и какъ пришло туда межеванье и произошли споры отъ дачъ княгини Дашковой, то просила меня тетка съѣздить въ сію деревню и взять сіе межеванье подъ свою опеку. И какъ мнѣ не хотѣлось отказать ей въ сей просьбѣ, то я туда и ѣздилъ, и учинилъ тамъ все что только было мнѣ можно.

Насмотрѣвшись и тутъ всего происходящаго при межеваньѣ и получая часъ-отъ-часу множайшее понятіе объ ономъ, предвидѣлъ я, сколь великая надобность для всякаго владѣльца была въ томъ, чтобъ знать напередъ вѣрно все количество владѣемой имъ земли, дабы располагаясь по тому можно было такъ уже и поступать при межеваньѣ.

А какъ такого-жъ межеванья скоро ожидали мы уже и у себя, а изъ всѣхъ изъ насъ никто не зналъ сколько у насъ земли дѣйствительно во владѣніи, и примѣръ-ли въ ней противъ дачъ будетъ или недостатокъ, то сіе начинало меня уже очень озабочивать и побуждать мыслить о томъ, какъ бы мнѣ всю дачу и земли свои предварительно вымѣрить и узнать точное количество земли въ нихъ.

Сіе не инако можно было учинить, какъ чрезъ снятіе всей дачи на планъ. Къ снятію-же сему потребна была необходимо астролябія. Сію хотя и имѣлъ я у себя домашнюю, но какъ шадское измѣреніе, при которомъ она употреблена была, доказало мнѣ, что она весьма еще несовершенна, и съ нею только намучишься довольно, а дѣла не сдѣлаешь, потому что она удобна была къ снимавію на планъ одними только углами, при чемъ малѣйшая невѣрность и неакуратность могла все дѣло портить, то и сталъ я думать и помышлять о томъ—нельзяль-бы смастерить себѣ иную, лучшую и надежнѣйшую, и такую, которая-бы снабжена была и компасомъ, и которою бы можно было землю снимать и по румбамъ.

По счастію мнѣ и удалось придумать какъ сіе сдѣлать, и изобрѣсть такого рода астролябію, которая по дешевизнѣ своей и особому сложенію достойна была особливаго замѣчанія. Обрадуясь сей выдумкѣ, приступилъ я тотчасъ къ дѣлу. И оба мы съ замысловатымъ столяромъ своимъ были столь прилежны, что въ немногіе дни и смастерили себѣ такую астролябію, какой лучше требовать было не можно.

Вся она сдѣлана была дома и вся и съ штативомъ своимъ, кромѣ стрѣлки, не стоила мнѣ ни копейки, а дѣйствовала такъ вѣрно и такъ хорошо, что я не желалъ имѣть лучшей и былъ ею очень доволенъ. Стрѣлкою къ ней снабдилъ меня другъ мой г. Гурьевъ, доставъ ее для меня отъ межевщиковъ.

Не успѣлъ я снабдить себя симъ нуж-

нымъ инструментомъ, какъ приступилъ дѣйствительно къ снятію всей своей дачи и разныхъ частей ея на планъ и занимался тѣмъ во все праздное время, которое я имѣлъ въ теченіе іюня мѣсяца; по время къ тому и досуга имѣлъ не много.

Такъ случилось, что мнѣ многіе дни надлежало быть отъ дома въ отлучкѣ и заниматься премножествомъ межевыхъ настоящихъ хлопотъ, по просьбѣ такого человѣка, которому нельзя было въ томъ отказать, и которому и самъ я за удовольствіе поставлялъ помогать и жертвовать всѣми приобрѣтенными мною въ сихъ дѣлахъ знаніями и способностями, а именно:

Возвратился около самаго сего времени другъ и наилучшій сосѣдъ мой, Иванъ Григорьевичъ Полонскій, изъ Петербурга. Онъ ѣздилъ, какъ выше упомянуто, туда лечиться у Ерофеича и вылечившись пріѣхалъ теперь назадъ и тотчасъ прислалъ ко мнѣ съ увѣдомленіемъ.

Я тотчасъ полетѣлъ къ сему любезному для меня человѣку и обрадованъ былъ очень, нашедъ его несравненно въ лучшемъ состояніи предъ прежнимъ.

Онъ показывалъ мнѣ списанный нарочно портретъ съ сего славнаго врача и разсказывалъ множество всякой всячины объ немъ, и какъ вмѣстѣ со мною съѣхались и многіе другіе его сосѣди и знакомцы, то весь тотъ день провели мы очень весело.

Не успѣлъ г. Полонскій возвратиться въ домъ, какъ озабоченъ былъ досадными хлопотами; съ одной стороны приближалось къ дачамъ его и начиналось почти межеванье, при которомъ, по запутанности обстоятельствъ съ дачами и землями его сопряженныхъ, предусматривалъ онъ многія для себя и непріятныя хлопоты, при которыхъ нужна была великая расторопность, да и практическое въ межевыхъ дѣлахъ знаніе, въ какомъ былъ ему недостатокъ; а съ другой стороны иныя необходимыя нужды и обстоятельствы требовали паки его отъ дома отсутствія и принуждали немедленно ѣхать въ Москву, и потомъ еще и далѣе въ шуйскія свои деревни.

Все сіе такъ его стѣсняло, что онъ не зналъ что дѣлать и другого не находилъ, какъ просить меня, какъ своего друга, помочь ему въ сей нуждѣ и принять всѣ хлопоты по его межеванью на себя, и чтобъ мнѣ собою замѣнить его собственное присутствіе. И какъ онъ былъ о знаніи и честности моей удостовѣренъ, то ввѣрялъ мнѣ всю судьбу своихъ дачъ и хотѣлъ быть всѣмъ доволенъ, что я ни сдѣлаю.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ можно было мнѣ не принять сего предложенія и отговориться? Напротивъ того я самъ былъ еще радъ, что имѣлъ случай услугами и трудами своими возблагодарить ему за всю его ко мнѣ дружбу и благопріятство и доказать тѣмъ, сколь искренно и нелестно я люблю онаго, а желалъ только, чтобъ въ стараніяхъ моихъ имѣлъ я успѣхъ вожделѣнный.

И подлинно, не успѣлъ я возвратиться къ себѣ въ домъ, а г. Полонскій уѣхать въ Москву, какъ и прислала жена его ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я пріѣзжалъ какъ можно скорѣй къ ней для межеванья. Я и поскакалъ тотчасъ къ ней верхомъ и вступилъ въ порученное мнѣ дѣло. Но, о! сколько хлопотъ навело оно мнѣ!...

Продолжилось оно съ разными переѣздами болѣе двухъ недѣль сряду. Нѣсколько разъ принужденъ я былъ къ ней пріѣзжать, и бросая всѣ собственныя свои дѣла и нужды, проживать у ней иногда дни по два и по три, и не только таскаться ежедневно съ утра до вечера по полямъ, и по горамъ и буеракамъ, но терпѣть и скуку, и досаду и самое безпокойство отъ жаровъ и солнца, а не одинъ разъ отъ бурь и проливныхъ дождей, захватывавшихъ насъ въ полѣ.

Но всего того было не довольно, но обстоятельствы дачъ и земель его были дѣйствительно такъ спутаны и такъ сумнительны, что я принужденъ былъ употреблять все свое знаніе и все искусство

и наивозможнѣйшую расторопность и даже самыя иногда тончайшія хитрости къ спасенію его земель отъ захватыванія посторонними, и къ недопущенію до споровъ и тому подобнаго.

И какъ дѣло долженъ былъ имѣть я не съ однимъ, а со многими и разными владѣльцами, острившими на земли г. Полонскаго свои зубы, а притомъ съ двумя хитрыми землемѣрами, то и принужденъ я былъ при многихъ случаяхъ извиваться ужемъ и жабою, употреблять и волчій ротъ и лисій хвостъ; не одинъ разъ вставать до свѣта, трудиться надъ бумагами, черченіемъ и вычисленіями до полуночи; скакать безъ памяти изъ одного мѣста въ другое, разъѣзжать по всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ сосѣднимъ домамъ; бывать совсѣмъ въ непріятныхъ для меня компаніяхъ, и иныхъ упрашивать, другихъ уговаривать, инымъ предлагать умышленные совѣты и всѣхъ, кого надобно было, разными средствами наклонять къ тому, что мнѣ было надобно, и радовался по крайней мѣрѣ тому, что всѣ сіи хлопоты и труды не были тщетными; но мнѣ удалось не только спасти всѣ земли, находившіяся во владѣніи у г. Полонскаго, изъ коихъ онъ многія почиталъ за потерянныя, но доставить ему еще нѣкоторыя вновь во владѣніе и тѣмъ превзойтить всѣ его чаянія и ожиданія, а при всемъ томъ и обоихъ землемѣровъ, изъ коихъ одинъ былъ г. Хвощинскій, а другой г. Рославлевъ, сдѣлать себѣ хорошими друзьями.

Всѣ сіи хлопоты такъ меня заняли, что я во все теченіе іюня мѣсяца, кромѣ обыкновенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, успѣлъ только разбить и основать большой цвѣтникъ предъ окнами новаго дома.

Наконецъ, ознаменовался сей мѣсяцъ двумя печальными произшествіями, случившимися въ теченіе онаго.

Первое была жалкая кончина одной недальней родственницы тещи моей, г-жи Вяткиной, сестры Ивана Аѳанасьевича Арцыбышева. Она была вдова и жила съ своею дочерью, милою и любезною дѣвушкою, бывшею уже невѣстою, въ своей коломенской деревнѣ, и такъ была несчастна, что собственные ея люди, подъ видомъ разбойниковъ, вломились къ ней въ домъ и истиранивъ звѣрски, убили ее и съ дочерью безчеловѣчнымъ образомъ, злясь на нее за то, что она къ нимъ нѣсколько строга была, и которыхъ намъ очень жаль было.

А вторая — состояла въ переселеніи въ вѣчность нашей милой и любезной Ивановны, той доброй и услужливой старушки-нѣмки, живущей въ Ченцовѣ, которая такъ много любила насъ и нами была любима, и играла при сватовствѣ моемъ ролю свахи. Она умерла отъ старости и болѣзни, и намъ ее такъ жаль было, какъ родную. Обѣ мои семьянинки проводили ее на вѣчное жилище, и оросили гробъ ея своими слезами, а меня не случилось тогда дома.

Впрочемъ замѣчу, что сему лѣту власно какъ назначено было быть мнѣ училищемъ землемѣрію и межевымъ дѣламъ, ибо ни въ который годъ я такъ много онымъ не занимался, какъ въ сей.

Не успѣлъ я помянутыя межевыя дѣла по дачамъ г. Полонскаго кончить, какъ возвратясь домой, и сначала августа вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ Матвѣемъ Никитичемъ, принялся плотнѣе уже за сниманіе всей своей дачи на планъ.

Нѣсколько дней сряду проходили мы съ нимъ по обширнымъ нашимъ полямъ и лѣснымъ угодьямъ и имѣли довольно труда, покуда обошли съ инструментомъ по всей окружной межѣ.

При сей работѣ сколько былъ я доволенъ сотовариществомъ помянутаго сосѣда своего, раздѣлявшаго со мною всѣ труды и безпокойства, столько досадовалъ на брата своего Михаила Матвѣевича, неходившаго ни однажды съ нами и покоившагося дома.

Я не успѣлъ еще всего обхода моего наложить на бумагу, какъ такія же хлопоты отвлекали меня въ другую сторону.

Прискакали ко мнѣ изъ каширской моей деревни Калитино, съ извѣщеніемъ отъ живущей тамъ старушки нашей родственницы и сосѣдки, Марѳы Маркеловны Ба-

кѣевой, о томъ, что межеванье настаетъ, и съ просьбою, чтобъ не оставилъ я и ихъ при семъ случаѣ.

И какъ дѣло сіе касалось сколько до нее, столько-жъ и до самого меня, то не долго думая, и подхватя свою астролябію и всю межевую сбрую про запасъ, поскакалъ я туда на другой день по утру.

Но пріѣхавъ нахожу, что межевщикъ еще до нашихъ дачъ не дошелъ, и какъ и вся дача сей деревни была небольшая, то и восхотѣлъ я симъ случаемъ воспользоваться и для узнанія, есть ли въ нашемъ владѣніи столько земли, сколько по дачамъ слѣдуетъ или оной болѣе или менѣе, предпріялъ скорѣе всю оную вымѣрить.

Тотчасъ все нужное было приготовлено: вся межевая команда набрата и я, забравъ вѣхи и инструментъ, полетѣлъ въ поле и давай скорѣе обходить; и не жалѣя трудовъ такъ поработалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ всю ее обошелъ.

Но какой же смѣхъ произошелъ при томъ. Не успѣлъ я начать обходить бокъ къ дачамъ села Грызлова, какъ мужики сего села, пахавшіе въ то время за рѣкою землю, и увидѣвъ меня и мои вѣхи, также и моихъ людей, бывшихъ въ красныхъ и синихъ камзолахъ и въ шляпахъ, заключили что это межевщикъ, который и въ самомъ дѣлѣ въ тотъ день неподалеку отъ того мѣста находился.

Итакъ, почитая меня дѣйствительно за межевщика, и не видя при мнѣ своихъ повѣренныхъ, пришли отъ того въ превеликое замѣшательство, и не долго думая, ну-ка скорѣй выпрягать изъ сохъ лошадей и скакать въ свое село для извѣщенія о томъ своихъ сельскихъ повѣренныхъ.

Сіи услышавъ о томъ перетревожились того болѣе. Они взбаламутили всѣхъ, и сами повскакавъ на лошадей, ну-ка безъ памяти скакать и поспѣшать ко мнѣ, а за ними и сами господа въ однихъ даже халадахъ, и не до лошадей уже, а пѣшкомъ бѣжать. Прибѣжали, прискакали и нашли совсѣмъ не то, и мнѣ ажно стыдно и дурно было, что я ихъ такъ безъ умысла перетревожилъ.

Какъ про запасъ взялъ я съ собою и инструментъ чертежный и бумаги, то окончивши обходъ, спѣшилъ я положить оной на бумагу, и по связаніи фигуры скорѣе все количество исчислить; и какъ же ахнулъ и удивился увидѣвъ, что въ ней ровнехонько цѣлой половины не доставало.

Что было тогда дѣлать? надлежало ее гдѣ-нибудь отыскивать, но гдѣ, и какимъ образомъ? Сколько ни разспрашивалъ я у всѣхъ, не завладѣлъ ли кто въ старину нашими землями, но никто не могъ сказать мнѣ ничего. Я къ Маркеловнѣ. Спрашиваю ее, но и та ни отъ кого, даже отъ предковъ своихъ о томъ не слыхала, а тоже говорила какъ и прочіе, что всѣ землями владѣли спокойно и ни съ кѣмъ споровъ не было.

Горе тогда было на меня превеликое. Думаю я, что ежели такъ оставить, то недостатокъ земли на вѣкъ пропадетъ, и если ее отыскивать, то отыскивать при семъ случаѣ надобно, но у кого, того я самъ не зналъ. Наконецъ рѣшился на томъ, чтобъ велѣть заспорить со всѣми на удачу, ибо думалъ, что если найдется у кого примѣрная земля, то мы ее получимъ, а ежели не найдется, то такъ тому и быть, ибо вѣдалъ, что отъ того бѣды никакой не будетъ.

Предприявъ сіе намѣреніе и распорядилъ я все дѣло такъ, какъ надобно, и давъ всѣмъ повѣреннымъ наставленіе, гдѣ и какимъ образомъ заспорить и отводить, сталъ спокойно дожидаться межевщика, а между тѣмъ сдѣлалъ другое дѣло.

Въ деревнѣ сей было у меня два небольшіе сада: одинъ прадѣдовскій, старый и совсѣмъ уже издыхающій, а другой молодой, вновь разводимой. Въ обоихъ ихъ были тогда яблоки и другіе плоды поспѣвшими. Итакъ, ну-ка я ихъ обирать, ну-ка укладывать и отправлять къ себѣ въ домъ въ Дворянининово.

А между тѣмъ приближался и къ нашимъ калитинскимъ дачамъ межевщикъ, и я успѣлъ еще и съ нимъ видѣться и

вмѣстѣ съ нимъ пройтить нѣсколько линій къ намъ прикосновенныхъ, ибо онъ межевалъ тогда не насъ, а другія съ нами смежныя дачи, такія мѣста, гдѣ мнѣ споры заводить было не можно. А какъ до нашей дачи дѣло еще не доходило, то давши нужныя наставленія, поспѣшалъ я домой, дабы вслѣдъ за своими домашними ѣхать въ Алексинскую женину деревню, ибо между тѣмъ какъ все вышеупомянутое происходило и я двое сутки въ Калитинѣ пробылъ, поѣхали онѣ для нѣкоторой надобности въ Тулу съ тѣмъ, чтобъ оттуда проѣхать въ Коростино, а и мнѣ бы тамъ съ ними съѣхаться.

Но пріѣхавши домой нашелъ я столько нуждъ и столько дѣлъ для исправленія, что нельзя было никакъ въ тотъ день ѣхать. Надобно было принять и прибрать высушенные орѣхи, которыхъ въ сей годъ родилось у насъ превеликое множество; надобно было прибрать также великое множество посбитыхъ, бывшею незадолго до того ужасною бурею, съ яблоней яблокъ; надобно было поспѣшить снять достальные поспѣвшіе яблоки, чтобъ вѣтры не обили послѣднихъ; надобно было отправить слугу, присыланнаго отъ г-жи Полонской съ письмомъ отъ мужа ея ко мнѣ, въ которомъ сей другъ приносилъ мнѣ за труды и хлопоты мои безконечныя благодаренія; надобно было угощать еще пріѣзжавшихъ ко мнѣ въ гости съ завода нѣмцевъ и прочее тому подобное.

Итакъ, не прежде какъ съ утра на другой день пустился я въ свой путь, и ѣхалъ съ такою поспѣшностію, что засталъ еще своихъ необѣдавшихъ въ Коростинѣ. Онѣ только-что возвратились изъ Тулы и хотѣли-было уже ко мнѣ ѣхать, но я остановилъ ихъ, ибо хотѣлось мнѣ изъ тамошняго сада поснять всѣ поспѣвшіе яблоки, а между тѣмъ повидался я съ тамошнимъ неугомоннымъ и глухимъ сосѣдомъ, господиномъ Колюбакинымъ, Иваномъ Алексѣевичемъ, и поговорить съ нимъ полюбовную рѣчь, и его пристыдить и усовѣстить въ дѣлаемыхъ намъ по тамошней деревнѣ глупыхъ притѣсненіяхъ и обидахъ, къ чему онъ былъ не рѣдко наклоненъ, хотя впрочемъ былъ изрядный человѣкъ.

Наконецъ переломавши и тамъ всѣ дѣла, какъ лутошки, поѣхали мы обратно въ милое и любезное мое Дворяниново, и завезя на дорогѣ къ матери, гостившую у насъ около сего времени, Авдотью Андреевну Хотяинцову, что нынѣ г-жа Перхурова, завернули на часокъ и въ Калединку, въ домъ отсутственной тетки Матрены Васильевны, бывшей тогда въ степной своей деревнѣ.

Тутъ видѣлъ я также страшное пораженіе, учиненное послѣднею бурею въ садахъ ея, и не могъ безъ сожалѣнія смотрѣть на превеликія кучи наипрекраснѣйшихъ плодовъ ея сада, обитыхъ вѣтромъ. И возвратились наконецъ въ свой домъ наканунѣ Успеньева дня, поспѣшая къ сему дню, въ который обѣщалась къ намъ быть и вмѣстѣ съ нами разговѣться госпожа Полонская.

Симъ кончу я сіе письмо, а вкупѣ и 12-е собраніе оныхъ, и предоставивъ повѣствованіе о прочемъ дальнѣйшему продолженію моихъ писемъ, остаюсь вашъ и прочая.

Конецъ
второйнадесять части.

Сочинена 1802, а переписана въ 1805 году въ декабрѣ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIII.

(1802).

ВЪ ДВОРЯНИНОВѢ.

(Начата октября 30, кончена ноября 5-го 1805).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ.

1769.

Письмо 131-е.

Любезный пріятель! Какъ въ предслѣдующемъ моемъ письмѣ я еще всю исторію 1769 года не докончилъ, и довелъ ее только до половины августа и остановился на томъ, что мы, возвратясь изъ Алексинской своей деревни въ Дворяниново, собирались на Успеньевъ день угощать у себя, обѣщавшую къ намъ быть и вмѣстѣ съ нами въ сей день разговѣться, госпожу Полонскую; то, продолжая теперь съ сего времени свою исторію, скажу, что помянутая госпожа къ намъ дѣйствительно тогда и пріѣзжала, и мы, возвратившись въ сей день отъ обѣдни, нашли ее уже у себя, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ намъ, совсѣмъ неожидаемо, и господиномъ Гурьевымъ съ сыномъ.

Какъ она домашнихъ моихъ съ того времени еще не видала, какъ я у ней былъ и хлопоталъ такъ много по межеванію, то увидѣвши ихъ, первыя ея слова были объ ономъ, и какихъ, и какихъ благодареній не насказала она имъ за меня. Истинно ажно было стыдно слушать все сіе, и я ушелъ въ другую комнату.

Препроводивъ съ сими милыми и любезными намъ гостями сей день очень весело, и проводивъ ихъ отъ себя, принялся я на другой день за пріятнѣйшее для меня упражненіе, а именно за сниманіе яблокъ со всего моего новаго, молодого и мною вновь насажденнаго большого сада.

Въ ономъ родилось въ сей годъ плодовъ уже довольно, и какъ они всѣ поспѣли, то хотѣлось мнѣ всѣ ихъ скорѣе снять и не допустить до того, чтобъ обиты были они также вѣтромъ и бурею. И какое удовольствіе было для меня видѣть ихъ въ кучахъ, яко награду уже за труды и старанія мои. Я не могъ наглядѣться и налюбоваться оными, а особливо наилучшими изъ нихъ породами, какихъ было таки-довольно.

Другое мое занятіе было въ предприниманіи одного опыта. На нѣкоторыхъ тюльпанахъ моихъ родились и убережены были въ сей годъ сѣмяна въ ихъ капсюлькахъ.

Нашедъ въ книгахъ, что можно ихъ сими сѣмянами размножать, и хотя медленно, но имѣть при томъ ту выгоду, что произойдутъ многіе новые и оригинальные роды, восхотѣлось мнѣ предпринять съ ними сей опытъ и посѣять оные на

особой грядочкѣ. Сіе я въ сіе время и учинилъ, и не раскаявался впослѣдствіи въ семъ предпріятіи.

Я дожидался, правда, ихъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Но за то имѣлъ удовольствіе видѣть не только превеликое множество у себя тюльпановъ, но и дѣйствительно происшедшіе отъ нихъ многіе новые и совсѣмъ оригинальные роды, изъ которыхъ иные были очень хороши, и наградили меня съ лихвой за долгое ихъ ожиданіе и за всѣ хлопоты, какія я имѣлъ съ ними въ сіи годы, пересаживая ихъ съ мѣста на мѣсто, и всякій годъ выкапывая и разбирая.

Впрочемъ, не успѣлъ я отъ прежнихъ моихъ трудовъ и послѣднихъ поѣздокъ моихъ еще хорошенько отдохнуть, какъ навязались на меня новыя хлопоты. Прискакали безъ души звать меня опять на межеванье и я принужденъ былъ, опять оставя все, туда ѣхать. Но какъ исторія ѣзды сей въ подробности описана была мною тогда въ письмѣ къ пріятелю и описана такъ, что вы, читая ее, можетъ быть не однажды усмѣхнетесь; то и помѣщу я ее здѣсь точно тѣми словами, какими я ее тогда описывалъ.

«Скажите мнѣ,—писалъ я тогда къ своему пріятелю,—не можете ли вы мнѣ дать судъ на нынѣшнія обстоятельствы?

«Межевыя дѣла меня совсѣмъ замучили. Недавно принужденъ я былъ цѣлую недѣлю и болѣе за чужими дѣлами прохлопотать и проволочиться. Послѣ того ѣздилъ въ свою деревнишку, тамъ снималъ планъ, и исчислялъ, и хлопоталъ, а оттуда, приѣхавъ, не успѣлъ съѣздить въ свое Коростино и послѣ того маломальски съ духомъ собраться, какъ вчера, гляжу, опять кто-то верхомъ на дворъ, и мнѣ сказываютъ, что изъ Каверина староста приѣхалъ.

— «Такъ! уже право такъ! закричалъ я; это уже опять межеванье! я и не обманулся. Староста приходитъ и говоритъ, что межа до нихъ дошла, и что сдѣлалось у нихъ въ одной пустоши сумнительство и, кланяяся, проситъ, чтобъ пріѣхалъ къ нимъ я и не оставилъ ихъ въ теперешней нуждѣ.

«Что было мнѣ дѣлать! Дѣло это было совсѣмъ не мое. Въ этомъ Каверинѣ не имѣю я никакого участія, а только имѣетъ большое учавстіе дядя родной жены моей, Александръ Григорьевичъ Каверинъ.

«Онъ просилъ меня, чтобъ прислать къ нему въ Козловъ, когда дойдетъ межеванье до нихъ и хотѣлъ самъ пріѣхать. Къ нему давно уже и послали, но онъ еще не бывалъ. Подъемы тяжелые, а изъ Козлова не скоро-таки и доѣдешь.

«Итакъ, хоть дома крайніе были недосуги, однако хотѣлось мнѣ сдѣлать ему въ этомъ случаѣ услугу и туда съѣздить, и посмотрѣть, дабы не могло чего-нибудь проронено быть.

«Такимъ образомъ, сѣвши сегодня ранехонько въ свою одноколочку, поскакалъ я туда. Туманъ былъ преужасный и холодновато. Чуть-было дорогой не ошибся и не заблудился. Подъѣзжая къ Балыматову, наѣхалъ я брата своего Михайла Матвѣевича. Онъ также на бѣломъ своемъ конѣ ѣхалъ на межеванье и позади его полякъ, съ пипкою во рту.

— Что, братъ, не затѣмъ ли и ты, зачѣмъ и я, ѣдешь.

— «Да, братецъ, Хвощинской присылалъ, чтобъ я ѣхалъ въ Волохово, для разбирательства нашего спора».

— Хорошо братецъ! Поѣзжай и ломай дѣла, какъ лутошки, а я ѣду въ Каверино, за чужое хлопотать.

«Въ самое то время гляжу, смотрю, скачетъ Раевскаго повѣренный, самый тотъ, съ которымъ мнѣ по Каверину дѣло имѣть надобно будетъ.

— Ты что, другъ мой?

— «Я, сударь, къ вамъ было-ѣхалъ, засвидѣтельствовать вѣрющее письмо.»

— Хорошо! Да гдѣ взять чернилъ и пера, здѣсь поле.

— «Ну, сударь, такъ и быть.»

«Потомъ разспрашиваю я у него о тамошнихъ обстоятельствахъ, онъ мнѣ ихъ сказываетъ, и я могъ нѣкоторымъ образомъ заключить, что у нихъ на умѣ.

«Разставшись съ ними, продолжалъ я свой путь и наконецъ доѣхалъ до Каверина. Староста дядинъ первый мнѣ въ глаза; сказываетъ мнѣ, что межеванья у нихъ сегодня не будетъ и что межевщикъ межуетъ въ другомъ мѣстѣ.

— Хорошо, говорю я, такъ намъ же лучше. Мы между тѣмъ объѣздимъ вашу землю и посмотримъ рубежи. Ну, сказывай же мнѣ, есть-ли у тебя крѣпости и знаешь-ли сколько за вами дачи?

— «Крѣпостей, сударь, у меня никакихъ нѣтъ, а и сколько дачи, гдѣ мнѣ, сударь, знать, знаетъ про то баринъ.»

— Ну, слава Богу! закричалъ я; когда ты не знаешь, а мнѣ, постороннему человѣку, подавно неизвѣстно. Поѣхать, знать, къ Ивану Өедоровичу. Онъ человѣкъ старый, давнишній здѣшній житель и помѣщикъ. Онъ знаетъ.

— «Хорошо, сударь», говоритъ староста. А другой мужикъ подхватилъ: «Ну то-то, сударь, голова умная! тутъ-то толку-то добьетесь!»

«Изрядная рекомендація, думаю я самъ въ себѣ, однако велѣлъ старостѣ за собою приходить на дворъ къ Ивану Өедоровичу, и поѣхалъ.

Иванъ Өедоровичъ человѣкъ былъ мнѣ знакомый, извѣстный хлопотунъ и скороговоръ, мужичокъ маленькій, старенькій, рябенькій, худенькій, но совсѣмъ тѣмъ изо всѣхъ живущихъ тутъ, господъ Кавериныхъ едва ли не богатѣйшій и въ дачахъ села сего наибольшее участіе имѣющій. Но Ивана моего Өедоровича дома нѣтъ, онъ у сосѣда, однако побѣжали за нимъ.

«Бѣжитъ мой Иванъ Өедоровичъ и съ нимъ сосѣдъ его, молодецъ Каверинъ же Михайла Өедоровичъ.

— «Милостивый мой государь, милостивый государь, замучилъ я тебя! много, много одолженъ; чѣмъ отслужить?» и понесъ симъ образомъ далѣе разсказы мнѣ точить; а я будто для его пріѣхалъ! Ну хорошо! Михайла Өедоровичъ тотчасъ откланялся, спѣшитъ ѣхать, гулять съ какими-то товарищами подъ Зарайскъ— а что дома дѣлается, до того нужды нѣтъ, а и мнѣ не было нужды.

«Не успѣли мы остаться, какъ Иванъ мой Өедоровичъ хлопотать, суетиться. «Малый! малый! яблокъ подай! грушъ, дуль! Дуракъ! не тѣхъ яблокъ. Подай какого-нибудь наливца, столикъ сюда... тарелку»... и такъ далѣе.

«Хорошо, думаю я самъ въ себѣ, дуль я у тебя поѣмъ; но я вѣдь еще не обѣдалъ, посмотрю, накормишь ли ты меня? Правда, подаютъ яблоки и до обѣда, а обѣдать еще и рано, девятый только часъ. Еще успѣется, думаю въ себѣ, а между тѣмъ поговорить что-нибудь.

— Ну, Иванъ Өедоровичъ, говорю я ему, я не за тѣмъ пріѣхалъ, а что у васъ межеванье?

— «Да, отецъ мой межеванье! вотъ плутъ, такой, сякой! Не могъ ничего достать. Самый криводушникъ, этакой души не привидано. Я человѣкъ старый!.. Мы разбранились... я рожь сжалъ... ничего не знаю». И симъ образомъ занесъ чепуху преужасную.

«Что это такое? думаю я самъ въ себѣ, въ этомъ толку не будетъ. Однако вышло наружу такое обстоятельство, которое меня думать заставило, а именно: что онъ недавно съ дядею Александромъ Григорьевичемъ въ степной деревнѣ поссорился ужасно и бранитъ его немилосердо. И такъ было мнѣ дурно, что я къ нему пріѣхалъ. Однако дача у нихъ общая и владѣніе чрезполосное, и я принужденъ былъ о ихъ ссорѣ позабыть, а добиваюсь только у него о наступающемъ межеваньѣ. Но у Ивана моего Өедоровича не то на умѣ. По старой привычкѣ одно слово другое погоняетъ: тарата, тарата, тарата, а слушать нечего.

«Нетерпѣливость меня наконецъ взяла, говорю уже ему не путнымъ образомъ: «пожалуй, оставь все постороннее, станемъ о дѣлѣ говорить».

— «Ну отецъ мой; ну отецъ мой!

— Ну! отецъ твой! скажи-ка ты мнѣ, гдѣ межевщикъ теперь?... Когда будетъ межевать здѣсь?... Видѣлся-ли ты, сударь, съ нимъ?... Какой споръ былъ у васъ съ

Раевскими?... Сколько у васъ дачи?.. сколько пустошей?... есть-ли окружная?

Эти вопросы затмнили у него все понятіе; онъ прежде говорилъ скоро, а тутъ удвоилъ еще словъ поспѣшность. Татата, татата, татата и вышло наконецъ, что всего того онъ не знаетъ и такъ какъ бы онъ не тутошный владѣлецъ былъ и межеванье отъ него еще за сто верстъ было.

— Боже мой! сказалъ я, что это за владѣльцы! Не знаютъ сами своей дачи и ничего, однимъ словомъ, не вѣдаютъ.

— Какъ это вамъ не стыдно! продолжая, говорю я, люди вы старые, вѣкъ изжили дома, а по сю пору дачи у васъ невыписаны. «Вотъ тотъ виноватъ, то сёсь виноватъ».—Нѣтъ, говорю я, всѣ вы виноваты; да по крайней мѣрѣ изготовились ли вы къ межеванью?... Есть ли у васъ повѣренные? Даны ли имъ вѣрющія письмы? поданы ли сказки?

— «Нѣтъ».

— Такъ! я уже знаю, что нѣтъ, да чего же вы ждете?

— «Да на что мнѣ повѣреннаго и вѣрющее письмо? Я самъ дома».

— Вотъ то-то хорошо, говорю я ему, самъ по межамъ вездѣ и таскайся.

— «Да какъ его написать? я не знаю.»

— Вотъ такъ-то лучше скажи, говорю я ему. Такъ сыщи-ка лучше бумажки и садись, напиши, а я тебѣ буду сказывать и послѣ засвидѣтельствую.

Между тѣмъ какъ мы съ нимъ все сіе говорили, пришелъ старикъ другого сосѣда, повѣренный Андрея Ивановича Каверина. Тотъ не успѣлъ войтить, какъ мнѣ въ ноги.

— «Сдѣлай, батюшка, милость, избавь меня отъ увѣчья».

— Что такое? спрашиваю я у него.

Онъ опять мнѣ въ ноги, и опять сдѣлай я надъ нимъ, бѣднымъ, милость, а то уже ему въ бокъ нѣсколько ударовъ досталось. Вышло наконецъ, чтобъ написать ему сказку.

Повѣрите-ль, истинно сжалился я на бѣднаго старика, который по справедливости всѣхъ ихъ тутъ былъ умнѣе, и говорю:—вотъ у меня сказка есть, списывайте съ нея.

— «Хорошо батюшка. Да кто намъ ее напишетъ?»

Я спрашиваю, нѣтъ-ли какого писца? однако не тутъ-то было. Что мнѣ оставалось дѣлать? Охъ вы! вы, вы! сказалъ я тогда, и положилъ самъ уже имъ написать сказку.

Насилу нашли бумаги, насилу перо, насилу чернила.

Между тѣмъ покуда я писалъ, принудилъ я хозяина своего одѣваться и говорю, чтобъ онъ ѣхалъ со мною въ поле. Безпрекословно онъ тогда уже моему приказанію слѣдовалъ, послалъ за лошадьми и самъ сталъ одѣваться.

Написавъ сказку, собрался хозяинъ мой писать вѣрющее письмо. Я принужденъ былъ ему отъ слова до слова сказывать, и какъ бы то ни было, но наконецъ мы съ нимъ написали, хотя, правду сказать, писецъ онъ не изъ прыткихъ и много на то походитъ, какъ пословица лежитъ: «набродилъ какъ курица». Но это не мѣшало. Надлежало тогда ѣхать въ поле, и мы собирались....

Между тѣмъ шелъ уже двѣнадцатый часъ, и былъ уже въ исходѣ. Я еще всетаки не обѣдалъ, а у хозяина моего и на умѣ не было меня накормить, а согрѣлъ только для меня чаю и напоилъ.

Что это такое? думаю я, неужели у насъ все еще утро? или онъ уже вечеромъ почитаетъ? Совсѣмъ тѣмъ вижу я, что онъ меня въ плотную отбояриваетъ.

Разговорились про груши, онъ навязываетъ на меня грушъ. Тотчасъ ихъ подали, тотчасъ велѣлъ завязать и велѣлъ моему малому отдать, власно какъ бы я уже совсѣмъ домой ѣхалъ, а того власно какъ бы и не слыхалъ, что я велѣлъ изъ одноколки своей лошадь выпречь и осѣдлать, и что одноколка моя у него дома остается.

Но у меня не то на умѣ было, а думаю, что у него конечно не готовлено обѣдать, что между тѣмъ, покуда мы будемъ ѣздить, обѣдъ у него изготовятъ, и для того вооружился уже терпѣніемъ, и

не говорю ему ничего о обѣдѣ. Но послушайте, что наконецъ вышло. Однако разскажу вамъ напередъ наше путешествіе.

Иванъ мой Ѳедоровичъ сѣлъ на сѣраго коня, я на своего старика виноходца, старикъ повѣренный дядинъ за нами и слуги также, и поѣхали себѣ изъ деревни. Не успѣли мы выѣхать за дворы на поле, какъ и началъ путеводитель мой хвастать.

— «Вотъ, отецъ мой! говоритъ мнѣ, посмотрите-ка на каверинскую дачу, вотъ какая она! и сталъ указывать во всѣ стороны.—Это вотъ все она, это каверинское, это наше. Есть чѣмъ помянуть дѣдушку Илью Агаѳоновича, оставилъ по себѣ память; есть чѣмъ повеселиться, отецъ мой!»

— Все это хорошо, отвѣтствую я ему, все это изрядно; но оставимъ это, а поведите меня по рубежу, и въ тѣ мѣста, гдѣ къ вамъ межеванье коснулось и гдѣ я слышалъ, что у васъ сумнительное обстоятельство есть.

— «Изволь, отецъ мой, изволь!»

Но со всѣмъ изволеніемъ своимъ ведетъ меня совсѣмъ въ другую сторону, и завелъ бы Богъ знаетъ куда, если-бъ уже давичный старикъ не вступился и ему не сказалъ: «не туды, сударь, изволите вести.»

— «Да куда-жъ, да куда-жъ, б... кинъ сынъ? Поведи-же ты!»

— «Извольте сударь; сюда, да вотъ туда ѣхать. Тамъ надобно намъ Андрею Тимоѳеевичу показать».

Радъ я былъ сему старику и велѣлъ ему вести и сталъ уже у него обо всемъ разспрашивать, а Ивану Ѳедоровичу далъ уже волю, что хочетъ говорить. И тутъ-то, еслибъ можно было все упомнить, что̀ и какимъ образомъ онъ говорилъ, цѣлую-бы книгу можно-бъ было написать, а совсѣмъ тѣмъ все такое, что до тогдашнихъ обстоятельствъ нимало не касалось: все только любовался величиною дачи, и всякое мѣстечко указывалъ, что это все каверинское владѣніе, и, ей-ей, разъ сто повторилъ онъ это.

— «Вотъ, отецъ мой, есть чѣмъ полюбоваться! Что б... кинъ сынъ межевщикъ мнѣ сдѣлаетъ! Посмотритка онъ, пожалуй. Я его поведу; я ему покажу, любуйся себѣ, пожалуй, есть гдѣ прогуляться».

Нельзя было, чтобъ мнѣ, слыша все сіе, нѣсколько разъ хохотать не приниматься, а особливо увидѣвъ, что онъ, при всемъ своемъ хвастовствѣ и знаніи рубежей, столько же ихъ зналъ, сколько я, будучи постороннимъ человѣкомъ и пріѣхавши въ тѣ мѣста впервые отъ роду. Словомъ, онъ дивился самъ даже, когда старикъ сталъ отводить свое владѣніе и, при удивленіи моемъ, для чего онъ не знаетъ, искренно мнѣ признался, что онъ самъ тамъ никогда не бывалъ.

Но какъ бы то ни было, но мы продолжали свой путь; а между тѣмъ старался я разспрашивать и изъ словъ мужичьихъ выбирать и доходить самъ до настоящаго порядка; и признаюсь, что для меня была это не малая коммиссія и насилу, насилу могъ я добраться.

Тогда-то уже пошелъ я какъ по лѣстницѣ, и сталъ уже самъ имъ все толковать и о собственныхъ ихъ дачахъ имъ порядокъ сказывать. Признались они всѣ, что я такъ и дѣло говорю, и затвердили, что самъ Богъ принесъ меня къ нимъ для наставленія, а безъ того-бъ они этого ничего не знали.

Но тутъ оставалась для меня еще коммиссія, а именно: какъ бы имъ натолковать, коимъ образомъ имъ при межеваньѣ поступить, чего не проронить, и чего остерегаться; ибо самому мнѣ при межеваньѣ быть было не можно. Но дѣло сіе превосходило всѣхъ ихъ понятіе, и я принужденъ былъ изыскивать новые роды изъясненіевъ, какимъ бы образомъ имъ все нужное въ голову вложить.

О, сколько разъ принужденъ я былъ при томъ смѣяться, досадовать и сердиться; ибо начну говорить и толковать Ивану Ѳедоровичу, но Иванъ Ѳедоровичъ не въ ту сторону ѣдетъ. Не зная ничего о нынѣшнихъ межевыхъ дѣлахъ, бранитъ

только межевщика, не хочетъ на его смотрѣть.

— «Б...кинъ онъ сынъ, да гдѣ ему? да кто у меня возметъ?» да и только всего.

Ты ему говори азъ, а онъ твердитъ буки, да вѣди. Поговорю, поговорю, да брошу, начну говорить старику, начну дядину повѣренному. Сіи по крайней мѣрѣ слушаютъ, но будучи мужики не скоро понять могутъ.

Горе меня беретъ. Примусь опять Ивану Өедоровичу толковать, начну опять твердить прежнюю азбуку. Уже бранюсь, уже велю ему молчать, велю только слушать и говорю уже прямо, что онъ все чепуху мелетъ, а слушалъ бы, что я говорю. И насилу, насилу помогъ мнѣ Богъ вложить имъ въ разумъ все нужное и растолковать. И тогда-то имѣлъ я поводъ къ чрезвычайному смѣху, а вотъ какой:

Не успѣлъ мой Иванъ Өедоровичъ понять и увидѣть, какія предосторожности имъ имѣть надобно, какъ покачавъ головою, сказалъ:

— «Ну! такъ не уѣду же я никуда, а надобно мнѣ самому при томъ быть».

— Ха, ха, ха! закричалъ я сіе услышавъ. А развѣ ты лызу дать хотѣлъ? То-то бы право хорошо было.

Признался онъ мнѣ, что то у него на умѣ было и что сіе дурачество онъ дѣйствительно учинить хотѣлъ, однако давалъ мнѣ клятву и обѣщаніе, чтобъ быть при межеваньѣ и никуда не отлучаться.

Между тѣмъ, покуда мы симъ образомъ ѣздили, началъ уже день къ вечеру приближаться, ибо мы объѣздили болѣе десяти верстъ. Старикъ мой иноходецъ такъ бѣдный усталъ, что болѣе иттить не могъ, и сталъ почти въ пень останавливаться, да и самого меня голодъ гораздо пронималъ.

Воля ихъ, а мнѣ уже и ко двору хотѣлось, но Иванъ мой Өедоровичъ ведетъ далѣе: хочется ему, чтобъ я и всю ихъ дачу объѣхалъ. Но я, зная, что еще столько же будетъ ѣздить и что не объѣдешь и вплоть до самаго вечера, говорю ему, что уже почти пять часовъ послѣ полудни, а мнѣ еще въ Калитинѣ для нужды быть надобно, и воля его, а домой пора ѣхать.

Итакъ, что дѣлать? принужденъ онъ былъ по неволѣ домой ѣхать со мной. На дорогѣ думаю я, что у него обѣдъ вѣрно готовъ, а буде нѣтъ, то уже безъ стыда скажу, что я еще не обѣдалъ и ѣсть хочу.

Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось, и приготовленнаго обѣда у него и въ завѣтѣ не раживалось. Вздурился ажно я, пріѣхавши и узнавъ сіе и говорю ему уже почти съ досадою.

— Воля твоя, Иванъ Өедоровичъ! мнѣ ѣсть хочется, ты хоть не подчиваешь, а накорми меня, я еще не обѣдалъ.

— «Охъ! такъ, отецъ мой, такъ! Я знаю, что ты еще не кушалъ; но чѣмъ мнѣ тебя, чѣмъ, отецъ мой, подчивать! Малый!... а малый!...

Малый пришелъ: малаго въ рожу. Малый ушелъ. Онъ опять ко мнѣ.

— «Отецъ ты мой! Охъ, чѣмъ мнѣ тебя подчивать? рыбы, вотъ я не ловилъ... Малый! бестія малый! хромая бестія! хромая!»

Малый другой пришелъ, малаго въ щеку, малаго въ другую; малый и тотъ бѣгу яся. Выступила хромая дѣвчонка лѣтъ десяти, вся ощипанная, оборванная, тѣлогрѣйка на ней съ большой бабы, таскается по земи.

— «Бестія хромая! гдѣ ты живешь? вели грибовъ подать».

Что это такое? думалъ я, и стоялъ въ величайшемъ изумленіи, ибо не зналъ, что думать. Позабылъ-ли онъ, что нынѣ не постный день, а четвергъ? Да какъ ему позабыть, неужли онъ самъ не ѣстъ и ему ничего не готовили? Однако положилъ, что онъ конечно позабылъ, и сталъ выдумывать средство ему напомнить. И насилу довелъ до того, что онъ самъ сказалъ, что сегодня четвергъ.

И тогда-то началась новая комедія: опять криченья, опять призывы малыхъ, опять пощечины, опять криченье, чтобъ цыпленка закололи. Вздурился я сіе услышавъ, и не было во мнѣ болѣе терпѣнія.

— Нѣтъ, Иванъ Өедоровичъ, воля твоя

мнѣ ѣсть хочется. Цыпленка твоего мнѣ дожидаться некогда, ты меня чѣмъ-нибудь инымъ поскорѣе накорми.

— «Да чѣмъ-же, отецъ мой, мнѣ тебя накормить?»

— Ну, есть ли у тебя хлѣбъ? говорю ему.

— «Есть, отецъ мой».

— Такъ дай же мнѣ ты хлѣба; да нѣтъ-ли молока! я до молока охотникъ,» хотя въ самомъ дѣлѣ я его очень мало ѣмъ. Побѣжалъ мой Иванъ Ѳедоровичъ скорѣе подавать велѣть. Но со всѣми суетами принужденъ я былъ болѣе часа дожидаться, покуда намъ собрали обѣдать; но въ чемъ бы вы думали между тѣмъ время проводили? въ разговорахъ. Да въ какихъ?—весьма въ удивительныхъ: Иванъ Ѳедоровичъ разсказывалъ мнѣ свои несчастія, а именно о ветчинѣ.

— «Вотъ, отецъ мой! говорилъ онъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись, какая бѣда со мною сдѣлалась. Ветчины я доброй продалъ шесть пудъ, а тушь зимою превеликихъ множество, иныя въ два, иныя въ три пуда были, такія были чистыя и хорошія. Оставилъ, отецъ мой, про себя; но вотъ, плутъ, бездѣльникъ солилъ мало, а я велѣлъ ее подъ кровлю подлѣ окошекъ повѣсить, упоздалъ соленьемъ, отецъ мой! Итакъ, все съ кровли капало на ветчину, потомъ сняли ее, положили въ анбаръ; я поѣхалъ въ козловскую деревню и велѣлъ ее безъ себя по 3 копѣйки фунтъ распродать. Но посмотримъ, черви по вершку въ ней выросли и кто продавалъ, такъ ветчиной его прибили, и радъ былъ по 3 полушки взять. Теперь сталъ вовсе безъ ветчины, а барановъ для того не бью, что въ двѣ недѣли его не съѣмъ».

Очень хорошо, думаю я самъ въ себѣ, хорошъ ты молодецъ, а еще славишься богатымъ; знать мнѣ у тебя сытому быть; изрядная напередъ объ обѣдѣ рекомендація. Каковъ-то обѣдъ будетъ?

Однако, каковъ онъ ни былъ, но я наѣлся до сыта, ибо хотя мясного и духа не было, но по счастію были давичные грибы вареные, скоромные, о которыхъ я заключалъ, что они постные, и я наѣлся ихъ довольно. Сверхъ того успѣли еще сдѣлать яичницу; итакъ, принужденъ я былъ имѣть сегодня обѣдъ монашеской, все яичное и молочное.

Отобѣдавъ, простился я съ нимъ и поѣхалъ на часокъ въ Калитино, а оттуда уже почти ночью пріѣхалъ домой...

Вотъ исторія тогдашняго дня, и вотъ какіе старые хрычи и скряги важивались у насъ тогда въ сосѣдствѣ.

Совсѣмъ тѣмъ не думайте, чтобъ онъ былъ бѣдный человѣкъ. Ахъ, нѣтъ! Домъ у него былъ изрядный и достатокъ хоть бы куда. Нынѣ владѣетъ симъ имѣніемъ сынъ его, который хотя несравненно его лучше, но все есть и въ немъ нѣчто наслѣдственное отъ отца. Хлопотунъ и онъ превеликій, и при всей своей старости летаетъ то и дѣло и въ степь, и въ Москву, какъ двадцатилѣтній, и экономіею своею нажилъ себѣ хорошій достатокъ. Но сей по крайней мѣрѣ знается съ людьми и угощаетъ далеко уже гостей не по-отцовскому. Мы сами къ нему и онъ къ намъ ѣздитъ и нельзя сказать, чтобъ мы пріязнію его не были и довольны. Но правду сказать, что съ того времени перемѣнились во всемъ много всѣ наши нравы и обычаи.

Симъ окончу я сіе письмо, ибо какъ разсказывать мнѣ надобно тотчасъ и о другомъ нѣсколько похожемъ на то путешествіи, то отложу то до письма будущаго, а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочая.

(Писано октября 31-го, 1802 .)

Письмо 132-е.

Любезный пріятель! Утрудившись помянутою ѣздою, я еще и не отдохнулъ прямо отъ бывшаго безпокойства, какъ проснувшемуся мнѣ на другой день сказывали, что изъ Новикова пріѣхали опять за мною для межеванья.

«Господи! думалъ я, опять межеванье, долго-ли это будетъ! Таскаютъ меня всюду и всюду, какъ повивальную бабку. Но что дѣлать! дѣло тамъ тёткино, она поручила мнѣ его, и просила очень, и я

уже основалъ оное; итакъ, хоть не радъ, а поѣдешь. Подавай сюда мужика».

— Ну! что братъ за мною?—«За вами, государь». И ну точить мнѣ балы, городить чепуху сущую и насказалъ мнѣ столько опасностей, что я за необходимое почелъ тотчасъ поспѣшать туда ѣхать и велѣлъ въ тотъ же моментъ коляску и лошадей готовить.

Сію не успѣли еще запречь, какъ въ двери Михайло Матвѣевичъ, и сказываетъ мнѣ, что на утріе будутъ межевать Калитино мое.

— Не вправду ли, говорю я, и ахъ, какая бѣда! и за Серпуховъ скакать надобно, и тутъ оставить никакъ нельзя. Что дѣлать! Но правда ли братецъ?

— «Мнѣ такъ сказывали.

— Однако, семъ я пошлю и провѣдаю и удостовѣрюсь въ томъ напередъ совершенно. Рубашка къ тѣлу ближе кафтана; за чужими дѣлами свое не упускать стать!

Итакъ, давай скорѣе за перо, давай писать къ межевщику и спрашивать, и ну посылать человѣка верхомъ и приказывать скакать безъ памяти.

Но какъ онъ ни поспѣшалъ, но не прежде ко мнѣ возвратился, какъ уже послѣ обѣда; а мужику между тѣмъ велѣлъ я ѣхать домой и сказать, что ежели не будетъ своего межеванья, то я тотчасъ къ нимъ туда отправлюсь.

Посланный и дѣйствительно привезъ мнѣ извѣстіе, что будетъ оно тутъ не прежде, какъ недѣли чрезъ двѣ, и что братцу моему хорошохунько солгали. И такъ нечего долѣе медлить, запрягай опять лошадей и ступай!

Но что-жъ! не успѣлъ я выѣхать и начать подъѣзжать къ первой деревнѣ, Ярославцовой, какъ гдѣ ни возьмись престрашная туча съ грозою и проливнымъ дождемъ.

«Батюшки мои! что дѣлать?» говорю я почти безъ души, ибо былъ около сего времени превеликимъ еще въ случаѣ грозы трусомъ, да и нынѣ не могу еще почесть себя совершеннымъ героемъ, а особливо не люблю быть во время оной въ дорогѣ.

— «Погоняй лошадей и спѣши скорѣе скорѣе въ деревню.»

Не успѣли мы прискакать въ Ярославцово и вбѣжать въ первую избенку, какая ни попалась на встрѣчу, какъ и началась потѣха. И такая страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, что я отъ страха закрылъ даже всѣ окны въ избушкѣ и сидѣлъ въ духотѣ и въ темнотѣ, безъ ума, безъ памяти и только-что крестился. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, молнія за молніей, а дождь лилъ такой, что впрахъ бы насъ перемочилъ, еслибъ мы не ускакали въ деревню. Симъ образомъ сидѣть я часъ, сидѣть другой и ждать, чтобъ туча прошла и громъ угомонился; но туча не проходитъ, продлилась до самаго вечера.

Горе на меня превеликое. «Что дѣлать? говорю, не доѣдешь и до Городни и по этакой грязи, а здѣсь въ такой близости отъ дома, какъ ночевать и платить по пустому за постой и кормъ лошадиной. Семъ возвращусь домой, и переночевавъ спокойно, завтре какъ свѣтъ пущусь уже въ дорогу».

Говорю то людямъ, они говорятъ тоже: итакъ, ну-ка мы назадъ, домой! Ну-ка скакать, чтобъ застать ужинъ, и удивили впрахъ своихъ домашнихъ неожидаемымъ своимъ возвращеніемъ.

Но по утру, вставъ уже со свѣтомъ вдругъ и напившись только чаю, пустился я въ свою дорогу. И какъ ѣхать большой дорогой было очень грязно, то въ Серпуховъ не прежде (пріѣхалъ), какъ послѣ полудня.

Тутъ жилъ въ сіе время нѣкто г. Дьяконовъ, по имени Иванъ Григорьевичъ, бывшій до того городскимъ секретаремъ, но сдѣлавшійся потомъ дворяниномъ и по нѣкоторымъ отношеніямъ, а особливо по близкому родству его съ славнымъ Князевымъ, законодателемъ межевымъ и сочинителемъ межевой инструкціи, довольно всѣмъ извѣстный и мнѣ отчасти знакомый.

Какъ сей человѣкъ имѣлъ у себя въ

близости теткиныхъ Новиковъ деревню, и мнѣ съ нимъ, какъ съ смежнымъ съ Новиками помѣщикомъ, надлежало въ земляхъ разводиться и имѣть дѣло, то нужно было мнѣ съ нимъ повидаться; но поздность времени убѣдила меня, сего не сдѣлавъ, поспѣшить въ тотъ же день доѣхать до Новиковъ, куда и доѣхалъ я часу въ четвертомъ.

Тутъ нашелъ я обстоятельствы со всѣмъ неожидаемыя мною и къ досадѣ узналъ, что во мнѣ не было уже никакой нужды, да и присылка была за мною почти попустому. Мужикъ нагородилъ мнѣ совсѣмъ не то и повѣренный теткинъ, осмотрѣвшись, уже тужилъ, что послалъ и хотѣлъ посылать уже другого, чтобъ я не ѣздилъ.

Подосадовалъ я и подосадовалъ на сіе очень; но какъ воротить того, было уже не можно, то забившись въ такую даль, не хотѣлось мнѣ ѣхать домой не сдѣлавъ тутъ чего-нибудь; и потому, разспрося объ обстоятельствахъ и нашедъ, что главные споры еще не разрѣшены, но находились уже гораздо въ лучшемъ положеніи, предпріялъ я повидаться съ Дьяконовымъ и поговорить о томъ, какъ намъ съ нимъ развестися.

Мнѣ сказывали, что и самъ онъ желалъ со мной видѣться, и для того хотѣлъ меня ждать въ Серпуховѣ, чтобъ вмѣстѣ со мною ѣхать въ деревню Неботово, гдѣ самый тотъ споръ находился.

Горе на меня тогда напало, и я тужилъ уже, что къ нему не заѣхалъ; но чтобъ поправить дѣло, то вздумалъ того момента послать къ нему въ Серпуховъ сказать, что я пріѣхалъ и чтобъ пріѣзжалъ и онъ.

Посланный возвратился уже передъ вечеромъ и привезъ извѣстіе, что Дьяконовъ съ утра уже поѣхалъ въ свою деревню и тамъ ночуетъ.

Не зналъ я, что мнѣ тогда было дѣлать, ѣхать ли туда къ нему въ тотъ же вечеръ, или ночевать въ Новикахъ; но боясь, чтобъ онъ наутріе опять не уѣхалъ, рѣшился ѣхать къ нему въ тотъ же часъ, съ теткинымъ повѣреннымъ, и мы съ нимъ туда и отправились.

Дорога была хотя недальная, но такая скверная, какой я отъ роду не видывалъ: кочка на кочкѣ, калдобина на калдобинѣ, и коляска моя только-что хрустѣла и съ боку на бокъ кланялась.

Сіе нагнало на меня превеликую скуку; ибо кромѣ того, что я дурныхъ дорогъ очень не любилъ, было уже и поздно. Солнце садилось уже за лѣсъ, а я ѣхалъ ночевать безъ зву къ человѣку, который былъ мнѣ только вскользь знакомъ, и отъ котораго опасался такого же угощенія, какъ и отъ господина Каверина, и подъяческая его природа наводила на меня сіе опасеніе.

Съ великимъ трудомъ и насилу-насилу выбились мы изъ лѣса, но не успѣли подъѣхать къ Неботову, какъ отъ повстрѣчавшейся съ нами бабы услышали вѣсти, которыя меня еще болѣе встревожили.

Сказывала она намъ, что тутъ Дьяконова не только еще не было, но и никто не зналъ, когда онъ и будетъ.

Въ пень я сталъ сіе услышавъ, ибо ночь уже застигла, а назадъ возвращаться далеко, а притомъ по такой дорогѣ, которую я тысячу разъ проклиналъ. Однако полагая, что Дьяконовъ куда-нибудь заѣхалъ и ночевать туда будетъ, согласился я на предложеніе его повѣреннаго, чтобъ остаться ночевать тутъ и расположиться въ его хоромахъ.

Но не успѣли еще почти лошадей моихъ выпрячь, какъ гляжу, смотрю, скачетъ въ коляскѣ и мой Дьяконовъ съ сыномъ. Радъ я невѣдомо какъ ему, и успокоился духомъ. Онъ благодарилъ меня за пріѣздъ и старался угостить совсѣмъ не по-каверински, а сколько могъ наилучшимъ образомъ.

Мужикъ былъ онъ умный, знающій и умѣющій съ нами, дворянами, обращаться какъ надобно. Мы просидѣли съ нимъ почти до полуночи и занимались разными разговорами, ибо съ нимъ говорить было нескучно и обо всемъ можно. Наконецъ, поужинавъ, отвелъ онъ мнѣ особливый

покоецъ для ночлега, чѣмъ я былъ и доволенъ.

Но что-жъ? не успѣлъ я въ уединенной своей и спокойной комнаточкѣ съ закрытыми ставнями окошкомъ уснуть, разоспаться, какъ въ самую полночь взойди опять превеликая туча съ престрашною грозою, проливнымъ дождемъ и вихремъ. Сей послѣднiй, отхвативъ ставню отъ моего окна, ударилъ ее съ такою силою объ стѣну и произвелъ такой стукъ, что я вскочилъ ажно пробудившись.

Но разсудите, какимъ ужасомъ я поразился, когда въ самое то время, какъ я лишь только очнулся и глаза продралъ, ужасная молнiя освѣтила всю мою комнату, и въ тотъ же почти мигъ престрашный громовой ударъ послѣдовалъ за нею.

Могу сказать, что я прямо тогда испужался и сонъ ушелъ отъ меня далеко. Я укутался сколько могъ подъ свой тулупъ, чтобъ не видать молнiи; но она такъ была велика, что не можно было никакъ укрыться. Громъ же гремѣлъ безпрерывно, ударъ слѣдовалъ за ударомъ, а буря была такая, что я трепеталъ и боялся, чтобъ вихромъ неопрокинула и всѣхъ высокихъ хоромъ, гдѣ я находился.

Однако все сiе благополучно кончилось, хотя и продлилось болѣе двухъ часовъ, и я опять насилу-насилу уснулъ, чтобъ досыпать оставшую часть ночи.

Я проснулся очень рано и хотя ночью и долго не спалъ, но имѣлъ ту привычку, что когда есть какая забота и дѣло, то никогда не засыпался. Итакъ, вставъ при восхожденiи солнца и видя, что всѣ въ домѣ еще спали, обулся самъ и занялся читанiемъ случившейся со мною въ карманѣ книжки. Однако любопытство мое скоро все вниманiе мое обратило къ другимъ предметамъ.

Увидѣлъ я, что на уступѣ печи въ большой горницѣ накладено было нѣсколько камней. Подивился я сему зрѣлищу, но удивленiе мое еще увеличилось, когда, подошедъ, нашелъ, что сiи камушки принадлежали къ рѣдкостямъ натуральнымъ и достойны были быть въ наилучшихъ натуральныхъ кабинетахъ.

Могу признаться, что я никогда не уповалъ найтить такiя вещи въ такомъ домѣ и у такого человѣка. Но какъ бы то ни было, но я залюбовался ими впрахъ, чего они были и достойны.

Состояли они въ разныхъ окаменѣлостяхъ и другихъ игралищахъ натуры. Были тутъ между прочимъ и прорости кремневыя, и столь прекрасныя кристаллизацiи, какихъ мнѣ до того и видать еще не случалось.

Но достопамятнѣе всѣхъ былъ камень, казавшiйся составленнымъ быть изъ слѣпившихся шмелиныхъ вощинъ съ такою точностiю, что почесть его можно было окаменѣлымъ шмелинымъ сотомъ; ибо не только лунки, но даже и медъ въ нихъ былъ видѣнъ.

Я невѣдомо какъ любовался зрѣнiемъ на сiи чудеса натуры, и послѣ спрашивалъ у хозяина, гдѣ Богъ ему послалъ такiя рѣдкости, и къ удивленiю услышалъ, что выкопаны они тутъ же въ деревнѣ изъ земли при случаѣ копанiя пруда.

Между тѣмъ какъ хозяинъ вставалъ, одѣвался и поилъ меня чаемъ, располагалъ я въ мысляхъ, что̀ мнѣ въ тотъ день дѣлать и предпринимать, и наконецъ положилъ, поговоря съ Дьяконовымъ о спорахъ, взять на себя трудъ съѣздить къ межевщику, находившемуся тогда въ принадлежащемъ княгинѣ Дашковой селѣ Троицкомъ на Пратвѣ, дабы тамъ не только поговорить съ троицкими, не согласятся-ли они на чёмъ-нибудь помириться, но въ особливости, чтобъ посмотрѣть планъ и узнать точнѣе споры и количество земли въ нихъ.

Такимъ образомъ стали мы съ Дьяконовымъ говорить о землѣ. Онъ требовалъ по своему отводу, не отъискивая уже своего недостатка, ста десятинъ, но съ троицкими что дѣлать, мы не знали.

Наконецъ пришелъ повѣренный Протасова, у котораго былъ еще небольшой споръ съ Дьяконовымъ. Я старался ихъ помирить, и дошло до того, чтобъ выѣхать самимъ посмотрѣть то мѣсто въ натурѣ.

Мы тотчасъ туда и поѣхали, и тамъ

удалось мнѣ споръ сей разорвать уговоривъ обѣ стороны сдѣлать другу другу нѣкоторую уступку.

Радъ я былъ, сдѣлавъ такое хорошее начало и съ охотою ѣхалъ въ Троицкое, надѣясь и тамъ въ чемъ-нибудь успѣть.

Разстояніе было хотя не малое, однако я успѣлъ пріѣхать туда такъ рано, что засталъ межевщика еще у обѣдни. Я тотчасъ туда къ нему, и съ особливымъ удовольствіемъ отслушалъ обѣдню.

Церковь была огромная, каменная и соотвѣтствовала довольно великолѣпію каменнаго дома или паче за̀мка, выстроеннаго тутъ княгинею.

Сія знаменитая и во всемъ свѣтѣ довольно извѣстная особа имѣла тутъ дачи превеликія и украсила церковь великолѣпнымъ иконостасомъ, и снабдила ученымъ и очень хорошимъ попомъ и пѣвчими.

Послѣ обѣдни пошелъ я къ межевщику, стоявшему тутъ въ службѣ, гдѣ и начали мы съ повѣренными княгини говорить о разрѣшеніи спора. И тогда-то имѣлъ я случай видѣть и надивиться тому, какъ знатность господъ и мзда ослѣпляетъ людей и отдаляетъ ихъ отъ дѣланія справедливости.

Господинъ межевщикъ, который по имяни назывался Иванъ Михайловичъ Тихменевъ, будучи повидимому слишкомъ княгинею задобренъ, держалъ уже въявъ ея сторону и былъ не межевщикъ, а ея повѣренный.

Я просилъ его показать мнѣ планъ, и взглянувъ на оный, тотчасъ увидѣлъ всѣ обстоятельствы и къ немалому удивленію усмотрѣлъ, что заспоренное нами мѣсто было уже слишкомъ велико и предвидя, что все оное имъ отдать будетъ несносно, приступилъ скорѣе къ дѣлу и требовалъ половины, и взявъ линейку, назначилъ имъ линію, покуда я хочу и сколько наугадъ для меня и слишкомъ довольно быть казалось.

Какъ я не болѣе того числа требовалъ, сколько они сами за годъ до того отдавали, то ради были повѣренные троицкіе и соглашались почти на томъ положить; какъ межевщикъ, увидѣвъ, что въ кускѣ семъ болѣе надлежащаго мнѣ числа, сдѣлалъ препятствіе. Взялъ планъ, тотчасъ кусокъ сей вымѣрилъ, и сказалъ, что имъ безъ управителя помириться не можно.

Вздурился я тогда, и еслибъ можно, за криводушіе и лесть его разбилъ бы сего негоднаго человѣка. Но что было дѣлать, другого не оставалось, какъ согласоваться со временемъ и употребить тамъ и лисій хвостъ, гдѣ волчьему рту дѣйствовать не можно.

Итакъ, началъ я имъ толковать свою справедливость и будто я имъ еще уступку дѣлаю; а съ другой стороны представлять собственную ихъ опасность, буде дойдетъ дѣло до канторы и въ требованіи своемъ уже совсѣмъ несговорчивымъ сдѣлался, ибо такъ и надлежало. Итакъ, отложили миръ до пріѣзда управителя и хотѣли тогда прислать съ увѣдомленіемъ.

Такимъ образомъ, приведя дѣло и тутъ на хорошую степень, поѣхалъ я назадъ въ Неботово, ибо обѣщалъ быть къ Дьяконову обѣдать. Тутъ разсказалъ я ему все и все, и отобѣдавъ, поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Серпуховъ, ибо болѣе желать мнѣ было нечего.

Дьяконовъ былъ мною очень доволенъ и старался оказывать возможнѣйшее пріятство, и всячески убѣдивъ заѣхать къ нему и въ Серпуховѣ, разными угощеніями задержалъ меня такъ долго, что я принужденъ былъ въ Серпуховѣ остаться ночевать и употребить достальное время на свиданіе съ воеводою и другими моими знакомыми.

Возвратившись домой уже на другой день, получилъ отъ сей поѣздки себѣ тѣ двѣ выгоды, что, во-первыхъ, услужилъ тѣмъ теткѣ, которая стараніемъ моимъ и успѣхомъ сего дѣла была очень довольна; во-вторыхъ, снискалъ дружбу отъ Дьяконова и его сына, который былъ тогда хотя еще мальчикъ лѣтъ 16-ти, учившійся математикѣ, но будучи послѣ межевымъ судьей въ тамбовской межевой конторѣ, подъ имянемъ Иванова, мнѣ очень, очень пригодился.

Возвратясь въ домъ, нашелъ я своихъ

хотя благополучными, но привезъ съ собою для тещи своей непріятное извѣстіе, услышанное мною въ Серпуховѣ, а имянно, что родитель ея лишился наконецъ и старушки сестры своей родной и воспитательницы ея, Прасковьи Семеновны Нелюбохтиной, которую она да и всѣ мы любили очень, и какъ она считала ее себѣ вмѣсто матери, то огорчена она была очень симъ извѣстіемъ.

Что касается до меня, то по пріѣздѣ своемъ домой принялся я опять за прежнія свои упражненія и дѣла, и днемъ занимался оными и смотрѣніемъ, какъ клали въ хоромахъ моихъ печи, а по вечерамъ, собравшись, всѣ сматривали и наблюдали мы теченіе бывшей около сего времени небольшой кометы; а черезъ два дни послѣ того обрадованъ былъ опять полученіемъ изъ Экономическаго Общества пакета съ книжкою и письмомъ.

Въ сей разъ прислана была ко мнѣ десятая часть, такъ какъ къ члену; но, читая приложенное письмо, удивился я дѣланнымъ мнѣ отъ Общества предложеніемъ, чтобъ я взялъ на себя трудъ и рѣшилъ бы заданную отъ Общества задачу.

Задача сія задана была имъ еще въ минувшемъ году и состояла въ томъ, чтобъ написать наказъ или наставленіе управителю или прикащику, коимъ образомъ управлять ему деревнями въ небытность господина, и обѣщана была въ награжденіе за лучшее сочиненіе медаль въ 35 червонныхъ; и я можетъ-бы и въ то время покусился испытать, не могу-ли я того написать, но какъ срокъ присылки сочиненій сихъ назначенъ былъ февраля 1-го числа 1769 г., я же книжку съ объявленіемъ получилъ уже поздно, и при самомъ уже истеченіи срока сего, то и отложилъ я о томъ попеченіе.

Нынѣ же писало ко мнѣ Общество, что въ минувшій годъ оно желаемаго наказа ни отъ кого не получило, что я въ то время могъ предвидѣть, ибо иностраннымъ сей вопросъ рѣшить не было возможности, а надобно россійскому; а изъ сихъ не надѣялся я, чтобъ сыскался кто охотникъ.

Итакъ, принуждено было общество отсрочить еще на годъ и награжденіе удвоить. Но не надѣясь можетъ быть и въ сей разъ получить, приглашало меня къ принятію сего труда на себя, изъясняясь, что оно довольно опытовъ видѣло о моей способности и знаніи въ экономическихъ дѣлахъ.

Таковое предложеніе, щекотавшее нѣсколько мое честолюбіе, было мнѣ тогда непротивно, такъ что я и тужилъ почти о томъ, что съ цѣлый годъ къ нимъ ничего не посылалъ и не писалъ; и хотя сочиненіе таковое требовало многаго думанья, и попеченія и труда, однако будучи помянутымъ предложеніемъ къ тому поощренъ, я не только положилъ непремѣнно къ нимъ писать, но съ самаго того дня началъ помышлять и о планѣ сему сочиненію.

Вскорѣ послѣ сего, въ бытность мою въ гостяхъ у сосѣда моего, Матвѣя Никитича, случилось мнѣ слышать нѣчто не только удивительное, но совсѣмъ почти невѣроятное, а именно: о пропаданіи младенцевъ во время родовъ женщинъ.

Исторію сію разсказывала одна его родственница, госпожа Темирязева, Татьяна Михайловна, которая жива еще и понынѣ и увѣряла за свято, что случилось сіе недавно, а именно:

У одной бабы мужъ по какой-то причинѣ ушелъ, заворовался и убитъ. Жена его, оставшись брюхатою, все плакала, билась и кляла младенца во утробѣ, говоря, что онъ якобы на отцову голову зародился.

Какъ наступило время родить, то видитъ она во снѣ, будто бы родила она сына и что пришла старуха и у ней его унесла. Проснувшись, удивилась она, увидѣвъ, что она дѣйствительно родила, но ребенка не было, и не могли его никакъ отыскать, но онъ сгибъ и пропалъ.

Не могъ я никакъ исторіи сей вѣрить, и мнѣ казалась она не только невѣроятною, но совсѣмъ нескладною и невозможною; но всѣ увѣряли меня, что такихъ случаевъ бываетъ очень много, а особливо приводили примѣръ съ одною

знакомою имъ боярынею, съ которою самою сіе будто бы дѣйствительно случилось.

А помянутая госпожа Темирязева разсказывала исторію еще того чуднѣе, о которой увѣряла, что покойная свекровь ея помнила, а именно:

У одного неподалеку отъ Тулы жившаго помѣщика пропало симъ образомъ семь ребенковъ. Не успѣетъ жена его собраться родить, какъ всѣ заснутъ и сама она заснетъ также сномъ наикрѣпчайшимъ. И въ самое то время она родитъ и ребенокъ пропадетъ и куда дѣнется, никто не знаетъ.

Сей помѣщикъ, видя такое несчастіе, не зналъ наконецъ, что думать, ибо всѣ о семъ разное говорили и толковали; но какъ всѣ почти единогласно утверждали, что происходитъ это отъ какого-нибудь волшебства, то положилъ онъ искать противъ того помощи отъ такихъ же колдуновъ.

Въ близости той деревни, гдѣ жила помянутая госпожа Темирязева, есть мельница; на сей мельницѣ былъ тогда мельникъ, отецъ тогдашняго мельника, весьма волшебствомъ своимъ прославившійся. Однимъ словомъ, всѣ почитали его наивеличайшимъ докою.

Къ сему-то мельнику предпріялъ помянутый господинъ свое прибѣжище въ то время, какъ жена его восьмого ребенка родить сбиралась.

Онъ пріѣхалъ къ нему самъ и убѣдилъ его ѣхать къ себѣ и быть при родахъ. Однако сей мужикъ не сталъ дожидаться родовъ, всѣ просьбы и старанія того дворянина о удержаніи его при себѣ не имѣли успѣха. Онъ сказалъ, что ему быть не для чего, а довольно если исполнено будетъ все, что онъ прикажетъ.

Сіи приказанія его, данныя имъ самому господину въ тайнѣ, состояли только въ томъ, чтобъ самому ему не отлучаться ни на пядень въ то время, когда жена его рожать станетъ; что увидитъ онъ вышедшую въ то время изъ-подъ кровати черную, большую собаку, у которой бы онъ, поймавъ, обрубилъ обѣ переднія лапы, и тогда будетъ все благополучно.

Ужаснулся дворянинъ, сіе услышавъ, и тѣмъ болѣе убѣждать сталъ мужика остаться, представляя, что онъ можетъ тогда сей собаки испужаться и она его повредить можетъ. Однако мужикъ увѣрялъ, что она вреда не сдѣлаетъ ему никакого, а онъ бы только ее ловилъ и то сдѣлалъ.

Что мужикъ говорилъ, то и сдѣлалось. Какъ скоро госпожа собралась родить, то всѣ разошлись и напалъ на всѣхъ сонъ. Мужъ наблюдалъ уже сіе время и не отходилъ отъ жены ни пяди. Наконецъ заснула и самая жена его.

И въ самое то время видитъ онъ превеликую черную собаку, вышедшую изъ-подъ кровати, и прямо къ нему идущую. Затрепеталъ онъ тогда отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Однако, собравшись съ духомъ и призвавъ Бога въ помощь, бросился онъ на нее, схватилъ и обрубилъ обѣ лапы, а потомъ выбросилъ собаку за окно.

Не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ жена его очнулась и тотчасъ родила благополучно сына. Радость тогда была неописанная сего дворянина. Онъ тотчасъ разбудилъ всѣхъ, созвалъ людей и крестьянъ и разсказалъ имъ все происхожденіе; показывалъ имъ лапы, которыя отрубилъ онъ у собаки, поилъ ихъ всѣхъ на радости, и въ томъ препроводилъ всю ночь.

Примѣчанія достойно было при томъ, что всѣ люди пришли, а не было одной только старухи мамы. Господа спрашивали объ ней, куда она дѣвалась, но никто того не зналъ, и даже самые сыновья ея не вѣдали; но сіе такъ до утра и оставили.

По утру надобно было смотрѣть за окномъ собаку; но какъ всѣ удивились, когда, пришедъ на то мѣсто, никакой собаки не нашли, а только одно окровавленное мѣсто; однако былъ кровавый слѣдъ, по сему слѣду пошли ее искать— слѣдъ шелъ прямо къ пункѣ сына мамина.

Но какое было всѣхъ бывшихъ при томъ удивленіе, когда въ помянутой пун-

кѣ, или клѣтѣ, вмѣсто мнимой собаки нашли самую маму съ обрубленными руками.

Такимъ образомъ открылось, что всѣ прежнія пропажи младенцевъ происходили отъ ней. Она сама въ томъ призналась, и сыскали всѣхъ семерыхъ, которые были у ней высушены и спрятаны въ коробкѣ.

Какъ все сіе весьма особливое было дѣло, то тотчасъ донесено было о томъ въ городѣ; дѣло было изслѣдовано и сія старуха казнена въ Тулѣ, по обыкновеніямъ тогдашняго времени, наимучительнѣйшею смертію: она была сперва колесована, а потомъ ее четвертовали.

Вотъ какую странную исторію случилось мнѣ тогда слышать. Я помѣстилъ ее здѣсь не для того, чтобъ я ей вѣрилъ, ибо она слишкомъ невѣроятна и имѣетъ весьма много признаковъ несправедливости; но для доказательства, какія нелѣпыя басни носились еще у насъ въ народѣ, и что были люди, которые имъ вѣрили и почитали за истину.

Къ окончанію августа мѣсяца возвратился наконецъ и другъ мой господинъ Полонскій, и какъ онъ былъ около сего времени имянинникъ, то по обыкновенію своему сдѣлалъ пиръ и пригласилъ на оный всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей, а въ томъ числѣ и насъ, и мы препроводили сей день у него очень весело.

Господинъ Товаровъ опять всѣхъ насъ странными своими поступками до слезъ смѣяться заставилъ. О благодареніяхъ господина Полонскаго мнѣ я уже и не упоминаю. Онѣ были очень чувствительны, но немногословны, и онъ твердилъ только, что надобно благодарить сердцемъ, а не словами.

Что касается до произшествій, бывшихъ со мною въ теченіи послѣдующаго за симъ сентября мѣсяца, то всѣ онѣ въ особливой подробности описаны мною въ особой книжкѣ, образомъ современной исторіи, почему излишнимъ было-бы здѣсь и упоминать объ оныхъ; однако для связи съ прочими упомяну только о достопамятнѣйшихъ изъ оныхъ, и то только вкратцѣ.

Еще въ самый первый день онаго прислали-было за мною опять изъ Каверина, чтобъ я ѣхалъ для межеванья; но я очень благодаренъ былъ, что и прежде, вступаясь въ чужое спасенье, и самъ измучился, и всѣхъ людей и лошадей съ голоду переморилъ и замучилъ.

— Недосугъ! сказалъ я въ сей разъ уже напрямки имъ. Недосугъ мнѣ ѣхать, пускай сами какъ хотятъ разбираются, а наставленіе отъ меня имъ уже дано...

Да и въ самомъ дѣлѣ ѣхать мнѣ было крайне недосужно. Я долженъ былъ каждый часъ смотрѣть за печниками и другими людьми, отдѣлывающими мои новыя хоромы.

Какъ сею отдѣлкою мы очень поспѣшали, то заняты были у всѣхъ руки и даже самъ я находилъ множество себѣ дѣлъ; но мнѣ болѣе всѣхъ и хотѣлось уже скорѣе перейтить въ оный. Однако какъ мы ни спѣшили, но продлилось сіе почти до 20-го числа сего мѣсяца.

Между тѣмъ были ко мнѣ и изъ другихъ мѣстъ присылки и пріѣзды по межевымъ дѣламъ. Въ особливости же достопамятно было письмо, полученное мною изъ Москвы отъ кумушки и сосѣдки моей Натальи Ивановны, которую какъ по фамиліи назвать я не вѣдаю. По природѣ она была Ладыженская, но теперь Богъ знаетъ чѣмъ себя дѣлала.

Сидючи лѣтъ сорокъ въ дѣвушкахъ, будучи самовластною госпожею изряднаго имѣньица, живучи съ покоемъ въ сельцѣ своемъ Сенинѣ и перебиравши лѣтъ 20 жениховъ, вышла наконецъ замужъ за нѣкоего г. Трусова и сдѣлалась г-жею маіоршею.

Но супружество сіе что-то ей не понравилось, но поживъ съ годъ или менѣе въ ономъ, вздумала она разсупружиться, а что всего смѣшнѣе, изъ боярыни сдѣлаться опять дѣвушкою.

Она отъ мужа ушла, жила въ Москвѣ своимъ домомъ и старалась весь свѣтъ увѣрить, что она не Трусова, а по преж-

нему Ладыженская и нехотя никакъ и слышать о Трусовѣ, и подписывалась даже вездѣ и во всемъ Ладыженскою.

И отъ сей-то чудной дѣво-боярыни и г-жи Трусо-Ладыженской получилъ я письмо о межеваньѣ; ибо какъ мы съ нею были по землямъ сосѣди, то и просила она, чтобъ развестись съ нею полюбовно и не входить въ споры. «Матушка ты моя! отвѣтствовалъ я ей, съ радостью и превеликою готовъ, а не вели ты только своимъ здорить».

На другой день послѣ сего увидѣлъ я пріѣхавшаго опять ко мнѣ изъ Новиковъ. Ну, сказалъ я, конечно опять за мною; однако въ сей разъ я обманулся, и не угадалъ. Былъ то самый теткинъ повѣренный и ѣхалъ уже домой, окончавши наиудачнѣйшимъ образомъ все дѣло.

Господъ Троицкихъ я въ послѣдній разъ такъ нагонялъ, что не успѣлъ я уѣхать, какъ рѣшились они отдать все и все, чего я ни требовалъ, и кончили тѣмъ всѣ споры и дѣло. Я очень радъ былъ, что услуга моя теткѣ сдѣлалась чрезъ то совершенною.

Въ этотъ же день имѣлъ я и другое еще удовольствіе. Въ саду у меня не были еще груши обиты; онѣ въ первый еще годъ родились сильны, и я веселился отрѣзая ихъ самъ, и любовался великимъ множествомъ падающихъ и производящихъ на землѣ собою стукъ особый.

Сіе увеселеніе усугубилось еще и тѣмъ, что при семъ снманіи находилось и все семейство мое. Всѣ мы хотѣли тѣмъ веселиться, всѣ упражнялись въ подбираніи сихъ пріятныхъ и любимыхъ мною плодовъ сихъ.

Самая дочь моя дѣлала намъ въ томъ сотоварищество, но какова мала ни была, но подбирала и суетилась тутъ же. И какъ веселился я тогда ею! Я смотрѣлъ съ восхищеніемъ на сіи ея младенческія старанія и благодарилъ Бога, что имѣю уже у себя дочь, въ которой примѣтна уже была нѣкоторая частичка разума, подававшая надежду, что она не глупа будетъ.

Что касается до моего сына, то и онъ былъ тутъ же съ своею кормилицею. Онъ былъ любезный ребенокъ. Мы звали его Чопкою и любя всѣ до крайности, не спускали почти съ рукъ своихъ.

Вслѣдъ за симъ настало 3-е число сентября, день достопамятный въ исторіи моей жизни: въ оный за 7 лѣтъ до того пріѣхалъ я изъ службы для жительства въ деревню. И какъ сей день былъ мнѣ очень памятенъ, то препроводилъ я и въ сей годъ его съ особыми и такими чувствіями, которыя достойны того, чтобъ описать ихъ и здѣсь такъ точно, какъ изображалъ я ихъ тогда, на бумагѣ, въ письмѣ къ пріятелю.

«Сегодня минуло мнѣ ровно семь лѣтъ (говорилъ я), какъ я живу уже въ деревнѣ своей, по удаленіи себя отъ свѣта и изъ службы. Когда это прошло сіе время! Боже мой! Какъ скоро течетъ человѣческая жизнь! Какъ быстро текущая вода, уходитъ она внизъ и назадъ не возвращается. Минута за минутою гонится, часъ за часомъ идетъ и день за днемъ слѣдуютъ и не останавливаются ни на минуту.

«Какія бы гдѣ произшествія ни происходили, но времени ни до чего дѣла нѣтъ ни для чего оно не остановится, но бѣжитъ, или паче летитъ наискорѣйшимъ образомъ и спѣшитъ въ неизмѣримое море вѣчности.

«Вотъ въ какое короткое время и сколько лѣтъ прошло!... Цѣлыхъ уже семь лѣтъ живу я въ своей деревнѣ!... Когда они прошли? истинно я ихъ почти не видалъ.

«Но что́ бы тому причиною было, что они мнѣ такъ непримѣтны были?... Несчастія-ли какія или горести, или иное что тому подобное?... Ахъ! нѣтъ, сего я не могу сказать. Я все сіе время благополучно проводилъ и проводилъ такъ, какъ только могла желать душа моя.

«Великій Боже! какими щедротами твоими были преисполнены сіи дни мои! Какія многія и незаслуженныя милости ты мнѣ оказывалъ! По-истинѣ, безъ радостныхъ слезъ и безъ чувствія наинѣжнѣйшей благодарности всего вспомнить не могу. Довольно-ли, что могу сказать, что всѣ желанія мои исполнялись и часто

еще исполненіе оныхъ все мое чаяніе превосходило, ибо что бы такое было еще не получено, чего желалъ я?

«Всего болѣе желалъ я получить спокойную жизнь и вырваться изъ узъ большого свѣта. И вотъ не только я ее получилъ, но семь уже лѣтъ ею наслаждался.

«Еще желалъ я, чтобъ былъ здоровъ, и вотъ, могу сказать, что сіи семь лѣтъ я въ вожделѣнномъ здоровьѣ препроводилъ. Не благость-ли сія божеская, и не его-ли было покровительство? Ниоднажды я боленъ не былъ, выключая небольшіе припадки, кои за ничто почесть можно.

«Еще желалъ я получить себѣ въ жизни товарища, и вотъ я получилъ семейство, какого лучше желать не могу.

«Желаніе богатства никогда мною не господствовало и я не мучился сею страстью, а единственно желалъ только имѣть умѣренной и такой достатокъ, чтобъ могъ безъ дальней нужды спокойную жизнь вести; я то теперь и съ лихвою еще имѣю. Доходы мои хотя и не гораздо велики, но съ меня ихъ довольно, и нужды дальней, да и никакой я не видалъ, а впредь уповаю на щедроту того-же Подателя.

«Желаніе наслѣдія, то-есть дѣтей, хотя во мнѣ и было, ибо всякой человѣкъ натурально къ тому склоненъ; но какъ обстоятельствы касающіяся до сего пункта мнѣ довольно свѣдомы, то предавалъ я сей пунктъ на волю моего Создателя; однако вотъ имѣю нынѣ двухъ дѣтей, дарованныхъ его десницею. Дочери моей уже третій годъ, а сыну скоро годъ минетъ. И повѣрители-ли, я болѣе бы и не желалъ, еслибъ только Всевышній соблаговолилъ ихъ возрастить, а паче всего сдѣлать хорошими дѣтьми! Но что о семъ пунктѣ говорить, онъ въ руцѣ Господни всегда былъ и будетъ.

«Такимъ образомъ всѣ мои извѣстныя желанія совершились. Но кромѣ сего мало-ли что я такого получилъ, чего не искалъ и что единственнымъ дарованіемъ божескимъ сверхъ заслугъ моихъ почитаю.

Одно сіе, что я повсюду хорошее имя, безъ всякаго старанія моего, получилъ' довольно уже для меня. Вездѣ меня хвалятъ, всѣ любятъ и дружбы моей ищутъ. Многіе хорошіе люди стараются меня видѣть и узнать... Чего это для меня стóитъ!

«Съ другой стороны ни-думано ни-гадано и нечаяннымъ почти образомъ сдѣлался я не только во всемъ своемъ уѣздѣ, но во всемъ государствѣ извѣстнымъ человѣкомъ. Труды нѣсколькихъ доставили мнѣ славное имя и честь неожидаемую.

«Одно славное и великое Общество, составленное изъ людей сколько знатныхъ, столько и ученыхъ, признало меня за достойнаго ихъ сотоварищемъ быть, и безъ всякаго моего исканія, своимъ сочленомъ меня сдѣлало и дипломомъ удостоило. По истинѣ обстоятельство сіе важно и пунктъ примѣчанія достойный въ моей жизни.

«Но что мнѣ далѣе говорить? Однимъ словомъ, всѣ дѣла и начинанія мои имѣли успѣхъ и успѣхъ неожидаемый. Многажды я самъ даже дивился, что изъ начинаемыхъ мною дѣлъ выливалось совсѣмъ иное и гораздо лучшее, нежели я думалъ и себѣ представлялъ; не особливое ли сіе божеское благословеніе и не должно ли мнѣ за то благодарить моего Создателя?..»

Вотъ что чувствовалъ и какъ говорилъ и мыслилъ я тогда, и какъ мыслилъ и во все теченіе моей жизни; но я возвращусь къ нити моего повѣствованія.

Чрезъ немногіе дни послѣ того случилось мнѣ опять слышать нѣчто странное и удивительное, и такое, о чемъ для любопытства не за излишнее почелъ сообщить вамъ. Слышалъ я оное отъ старика попа нашего, почтеннаго и степеннаго отца Иларіона.

Бѣднякъ сей находился тогда въ горести и недоумѣніи великомъ: будучи недавно совсѣмъ выжженъ, не смѣлъ почти строиться вновь, и не смѣлъ для того, что товарищъ его, нашъ другой попъ, съ которымъ была у него вѣчная и наслѣдственная вражда и ссора, разглашалъ будто вездѣ, что не успѣетъ онъ построиться, какъ опять сожженъ будетъ.

Я уговаривалъ сколько могъ его, чтобы онъ не смотрѣлъ на то, а если онъ въ самомъ дѣлѣ того опасается, то совѣтовалъ ему построиться какъ возможно ближе къ его двору, дабы въ случаѣ пожара и собственный его дворъ подверженъ былъ опасности отъ сгорѣнія. Но попъ мой никакъ не соглашался на то, особливо не хотѣлъ отнюдь строиться на иномъ и новомъ мѣстѣ, а того паче на улицѣ.

Тогда любопытенъ я былъ узнать, что̀-бъ тому была причина; но какъ же удивился, услышавъ отъ сего впрочемъ толико умнаго и почтеннаго старца такое, чего я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно, что не хочетъ строиться на новомъ мѣстѣ изъ опасенія, чтобъ товарищъ его чего не наворожилъ на ономъ.

— Помилуй, батюшка! захохотавъ, сказалъ я: какъ это возможно! и какъ вамъ не стыдно такъ суевѣрничать! Вамъ бы еще насъ отвращать отъ того надлежало, а вы сами что дѣлаете!]

— «Такъ, — сказалъ онъ: это я самъ знаю; но что дѣлать, когда неволя приводитъ къ такой слабости и заставляетъ вѣрить? Я уже видѣлъ надъ собою примѣръ, довольно мнѣ сіе доказывающій».

Любопытенъ я былъ слышать, что̀-бъ такое съ нимъ случилось, и вотъ что разсказывалъ онъ мнѣ по моей о томъ просьбѣ.

— «Случилось мнѣ, милостивый государь (говорилъ онъ), однажды новыя ворота становить. Выкопавши подъ вереи ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить, и отложили дѣло сіе до другого дня. Но между тѣмъ люди добрые ночью спроворили и съиграли надъ воротами моими шутку. Не успѣли мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя иттить ни одна скотина: бѣгала кругомъ, ревѣла, а въ вороты вогнать никоимъ образомъ ни одну было не можно.

«Господи помилуй! говоримъ мы, что за диковинка и что за чудо? Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобъ я, вырывши вереи, опять посмотрѣлъ бы, что̀ закопано подъ ними. Сперва-было я тому не повѣрилъ, однако наконецъ принужденъ былъ сдѣлать по его совѣту. И что̀-жъ бы думали вы, милостивый государь, мы нашли подъ ними?... Зарытую человѣческую кость».

— Это удивительно, сказалъ я, рѣчь его перервавши: но кто-жъ бы зарылъ сію кость?

— «Точно попъ Иванъ, мой товарищъ, сказалъ онъ. Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, какъ надобно.»

Удивительна мнѣ и невѣроятна была сія исторія; однако онъ увѣрялъ, что она была въ самомъ дѣлѣ, и присовокуплялъ къ тому, что онъ для самаго того опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться, ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ, и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ.

Не зналъ я, что на все сіе сказать тогда уже моему гостю, а за лучшее почелъ оставить его при его мысляхъ, а чудился только, что такія бредни и суевѣрія господствовали у насъ еще въ народѣ, и что самые попы отъ нихъ освобождены не были. Но какъ бы то ни было, но оба сіи старика не только прожили весь свой вѣкъ въ враждѣ непримиримой, но и померли въ оной.

Но чѣмъ же и кончилось все? тѣмъ, что оба дома ихъ перевелись совершенно, и непріятель его какъ ни семьянистъ былъ, но не осталось послѣ его ни одного потомка, а всѣ нынѣшніе наши церковнослужители происходятъ отъ убитаго, нашего добродушнаго и ни съ кѣмъ изъ нихъ нессорившагося дьякона.

Еще случилась со мною около сего времени та неожидаемость, что отсутствующій ближній сосѣдъ мой, князь Горчаковъ, владѣлецъ Котовской препоручалъ мнѣ деревню сію въ смотрѣніе и, преда-

вая въ полный произволъ мой всѣхъ своихъ крестьянъ, просилъ меня убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ ихъ сѣчь, и бить, и наказывать, сколько мнѣ угодно, за ихъ шалости и проступки.

Но какъ всѣ крестьяне его были самимъ имъ такъ избалованы, что не было и шва въ нихъ и я предусматривалъ, что мнѣ съ ними всякой день доведется драться и хлопотать, а къ сему я такой охотникъ былъ, что не хотѣлъ бы и съ своими имѣть никогда хлопотъ и ссоръ сему подобныхъ; то учтивымъ образомъ отклонилъ я отъ себя сіи чужія хлопоты, и благодарилъ его только за дѣлаемое мнѣ довѣріе, оставляя впрочемъ самому ему хлопотать съ сими негодяями.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то окончавъ оное симъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Октября 26 д. 1805 г.).

Письмо 133-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ все упомянутое мною въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ вамъ происходило, производилась у меня въ новопостроенномъ моемъ домѣ безпрерывно внутренняя работа, ибо какъ наступала уже осень, то хотѣлось мнѣ скорѣе всю внутреннюю и необходимую на первый случай отдѣлку кончить, чтобъ успѣть перейтить въ оный жить до наступленія стужи осенней.

Итакъ, клали мы въ нихъ печи, и вездѣ, гдѣ было нужно, умазывали и законопачивали, и трудовъ и хлопотъ при всемъ томъ имѣли довольно. Но какъ бы то ни было, но мы успѣли къ половинѣ сентября всѣ оныя кончить и довесть до того, что 19-го числа сего мѣсяца могли уже и перейтить въ оный.

Теперь, не ходя далѣе, дозвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ о семъ моемъ новомъ домѣ.

Онъ былъ хотя несравненно болѣе, и огромнѣе, и лучше хоромъ моихъ старинныхъ; однако не изъ самопышныхъ и большихъ домовъ, а сообразный съ тогдашними моими обстоятельствами и очень умѣреннымъ моимъ достаткомъ, и принадлежалъ къ числу небольшихъ дворянскихъ домиковъ, и простыхъ смиренныхъ и не пышныхъ обиталищъ деревенскихъ.

Вся величина его простиралась не болѣе 30-ти аршинъ въ длину, а 18 въ ширину, а и вышина его была очень умѣренная, ибо тогда не было еще въ обыкновеніи драться слишкомъ въ высоту, и дѣлать высокія внутреннія комнаты; но взамѣнъ недостатка огромности старался я сдѣлать его колико можно спокойнѣйшимъ и теплѣйшимъ.

И какъ строилъ и располагалъ его не архитекторъ, а самъ я, и такъ какъ умѣлъ и сколько доставало моего знанія и искусства, то безъ дальняго наблюденія архитектурныхъ правилъ, которыхъ строгое наблюденіе нерѣдко дѣлаетъ многіе дома весьма безпокойными, старался я болѣе о снабденіи его всѣми нужными потребностями, какія къ спокойному обитанію деревенскихъ домовъ необходимо надобны.

А всходствіе того и расположилъ я его такъ, чтобъ онъ сообразенъ былъ не столько съ пышною городскою и богатыхъ людей жизнью, сколько съ деревенскою, простою и удаленною отъ всѣхъ пышностей и излишнихъ затѣевъ и забобоновъ, заводящихъ многихъ изъ нашихъ братьевъ, небогатыхъ дворянъ, иногда въ превеликіе и совсѣмъ напрасные убытки.

Совсѣмъ тѣмъ и несмотря на его мализну, были въ немъ всѣ нужныя въ дворянскихъ деревенскихъ домахъ комнаты: были въ немъ лакейская, зала, гостинная, спальня, уборная, столовая, дѣтская, дѣвичья и для меня спокойный кабинетъ, а другой особый покоецъ и для моей тёщи. А сверхъ того выгадалъ я мѣстечко для буфета, гардеробца и довольно просторной кладовой, также двухъ сѣней, заднихъ и переднихъ, съ нужными мѣстами; и всѣ помянутыя комнаты связалъ между собою такъ, чтобъ можно было въ нихъ и запросто спокойно жить, и имѣть нѣсколько комнатъ и для гостей всегда чи-

стыхъ и прибранныхъ, а сверхъ того была бы и та еще выгода, чтобъ по малоимѣнію дровъ, и для сбереженія оныхъ, въ зимнее время залу не было-бъ нужды и топить ежедневно, но она могла-бъ оставаться и безъ топки во всю почти зиму; ибо комнаты расположены были такъ, что можно было и безъ ней обходиться.

Какъ расположеніе комнатъ въ семъ домѣ моемъ многимъ тогда въ особливости нравилось, то для любопытства и опишу я оное немногими словами.

Съ крыльца, сдѣланнаго на одномъ краю дома, съ лица, первый входъ былъ въ небольшія сѣнцы, снабденныя тремя выходами; одни двери изъ нихъ были въ садъ, другія въ нужникъ, а третьи въ длинную и узкую прихожую, или лакейскую; чрезъ сію проходъ былъ прямо въ довольно просторную залу, снабденную особою печью и шестью окнами, и имѣющую въ боку у себя небольшой буфетецъ, а другія двери въ гостинную.

Сія была хотя не весьма пространна, но довольна покойна, и изъ нея входъ былъ въ спальню, украшенную альковомъ и довольно просторную, такъ что и она могла служить другою гостинною; а другими дверьми и маленькимъ скрытымъ и короткимъ коридорцемъ связана она была съ столовою, или паче сказать, жилою и тою довольно просторною комнатою, въ которой мы наиболѣе жили и имѣли свое ежедневное пребываніе.

Какъ всѣ помянутыя три комнаты, тоесть, зала, гостинная и спальня были парадныя, то и содержаны онѣ были во всегдашней чистотѣ и убранствѣ, и я постарался впослѣдствіи времени снабдить ихъ всѣми нужными мебелями, и украсить сколько можно было лучше.

Таковую-жъ почти парадную комнату составляла и маленькая уборная, примыкающая бокомъ къ спальнѣ и снабденная покойною лежанкою и также разными украшеніями.

Самую столовую, или жилую нашу комнату не преминулъ я также со временемъ прибрать и украсить особыми, самимъ мною на холстѣ писанными обоями, и болѣе для того, что она въ зимнее время служила намъ вмѣсто залы, и была проходною изъ лакейской въ гостинную.

Какъ окны изъ сей комнаты простирались на дворъ, то и была сопряжена съ нею та выгода, что можно было изъ нея все происходящее на дворѣ видѣть; а сверхъ того, какъ она съ одной стороны связана была съ моимъ кабинетомъ, а съ другой съ просторною дѣвичьею, изъ которой проходъ былъ въ дѣтскую и въ нашу спальню, также выходъ въ заднія сѣни, а изъ сихъ въ кладовую и на другое заднее крыльце; то сцѣпленіе сіе для житья было въ особливости спокойно.

Что касается до дѣтской, то она расположена была на другомъ краю дома, и отъ ней отгорожена помянутая уборная, также маленькая коморка, служившая спальнею моей тёщи.

Наипріятнѣйшею же изъ всѣхъ для меня комнатою былъ помянутый выше сего мой кабинетъ. Онъ былъ довольно просторенъ свѣтелъ, имѣлъ особую небольшую печку и оттого такъ тепелъ, что я всегда былъ имъ очень доволенъ, и никогда на стужу не жаловался; и какъ окны его простирались также на дворъ и были подлѣ самаго передняго крыльца, то имѣлъ и я ту выгоду, что могъ всегда видѣть все происходящее на дворѣ, а сверхъ того и довольно простора для помѣщенія въ немъ всей моей тогдашней не весьма еще большой и многочисленной библіотеки.

Таково было расположеніе моего дома. Что-жъ касается до мѣста, то избралъ я подъ оный самое лучшее и наивыгоднѣйшее во всей моей усадьбѣ.

Было оно на самомъ верхнемъ ребрѣ той крутой, высокой и прекрасной горы, подъ которою внизу излучиною и прекраснымъ изгибомъ протекала рѣка Скнига.

Сія, образуя теченіемъ своимъ въ семъ мѣстѣ огромное полукружіе, катила струи свои чрезъ многіе каменистые броды, и производила тѣмъ всегда тихій и пріятный шумокъ, а многими и гладкими своими плесами, помотами, также каменистыми осыпями своими, и покрытыми прекрасною

зеленью берегами и по косинѣ излучистой горы растущимъ лѣсочкомъ, производила для глазъ пріятнѣйшее зрѣлище, которое дѣлалось отъ того еще прелестнѣйшимъ, что внизу и вплоть подлѣ рѣки за оною находилось собственное селеніе нашей деревни и крестьянскіе дворы, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ внизу и по холмамъ въ пріятномъ безпорядкѣ, а за собою имѣли наши хлѣбныя поля, простирающіяся отъ самой рѣки, вдоль отлогою и часъ отъ часу возвышающеюся отлогостію и косиною.

Что касается до горы, то была она тогда хотя наибезобразнѣйшая, но довольно крутая и саженъ на 20 или болѣе вертикально возвышенная, и при всемъ безобразіи своемъ довольно способная къ обдѣлкѣ, такъ что я съ малымъ трудомъ могъ послѣ всю ее обработать и наихудшее и безобразнѣйшее во всей усадьбѣ мѣсто преобразить совсѣмъ и превратить въ наилучшее и красивѣйшее.

На сей-то натурально прекрасной горѣ и въ самомъ почти средоточіи помянутаго, рѣкою образуемаго полукружія избралъ я мѣсто для моего новаго дома; и оно было такъ высоко и въ такомъ прекрасномъ и выгодномъ положеніи, что изъ оконъ дома моего видима была великая обширность мѣстъ, украшенная полями, лѣсами, рощами и вдали многими селеніями и нѣсколькими церквами, и видъ былъ столь прекрасной, что я и по нынѣ еще не могу красотами онаго довольно налюбоваться.

Несмотря на все сіе, мѣсто сіе было до того у предковъ моихъ совсѣмъ въ пренебреженіи. Они, имѣя какъ-то привычку и любя домами своими прятаться и строить ихъ въ такихъ мѣстахъ, откуда бы имъ въ окна, кромѣ двора своего, никуда было не видно, избрали и въ здѣшнемъ селеніи подъ домъ наихудшее и скучнѣйшее мѣсто; а сіе занято было тогда огородомъ, овощникомъ и скотскими дворами и челядними.

Но я все оное сломалъ, и опроставши оное, воздвигъ тутъ свои новыя хоромишки; и какъ случилось самое мѣсто тутъ косогористо, то подъ весь нагорный фасъ подвелъ изъ камня своего довольно высокій фундаментъ и чрезъ то придалъ дому своему изъ-подъ горы видъ гораздо возвышеннѣйшій, а все оставшее мѣсто передъ нимъ на ребрѣ горы обработалъ террасами и на верхнемъ довольно просторномъ расположилъ регулярный и красивый цвѣтникъ и засадилъ его множествомъ разныхъ цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ.

Случившуюся же подлѣ самыхъ хоромъ съ боку и на самой горѣ старинную небольшую сажелку обработалъ сколько можно было лучше, и бывшій за оною старинный верхній садъ соединилъ съ нижнимъ, бывшимъ издревле на косинѣ горы, предъ домомъ находящейся, и распространивъ сей послѣдній, присоединилъ съ нимъ и всю пустую часть горы сей и современемъ обработавъ все сіе мѣсто, превратилъ въ садъ аглинской и украсивъ оный современемъ множествомъ водъ и другихъ садовыхъ украшеній, превратилъ въ наилучшее изъ всей моей усадьбы.

Теперь не могу я довольно изобразить того, съ какимъ удовольствіемъ переходилъ я въ сей новый домъ, и съ какимъ усердіемъ старался я все въ ономъ учреждать и располагать для своего въ немъ пребыванія.

Нѣсколько дней употреблено было на переноску всѣхъ вещей, изъ стараго домишка въ сей новый, и на устанавливаніе всѣхъ мебелей, книгъ и картинъ для украшенія его комнатъ.

Наконецъ, какъ все было готово, то помянутаго 19-го сентября 1769-го года, и какъ теперь помню, подъ вечеръ, перешли мы съ обыкновенными при такихъ случаяхъ обрядами въ оный, и въ тотъ-же вечеръ подняли образа изъ церкви и воздали Господу торжественное благодареніе, отслуженіемъ всенощнаго бдѣнія, освященіемъ воды и окропленіемъ оною всѣхъ комнатъ.

Удовольствіе, съ какимъ препроводилъ я первый сей вечеръ въ новомъ своемъ тепломъ, свѣтломъ и спокойномъ кабинетѣ, было неизобразимо. Я вошелъ въ него

какъ въ рай и не могъ всѣмъ и всѣмъ довольно налюбоваться.

Чувствія же душевныя, какія я при семъ случаѣ ощущалъ, не могу я никакъ изобразить довольно, а скажу только, что вся душа моя пылала тогда наичувствительнѣйшею благодарностью ко Творцу моему за то, что онъ помогъ мнѣ, при всемъ моемъ маломъ достаткѣ и въ такое короткое время, соорудить себѣ такой спокойный и хорошій домъ, строеніе котораго воображалъ я себѣ власно, какъ нѣкакою неудобьпереходимою и великою горою, и не надѣялся великое дѣло сіе совершить и въ три года.

Но Всемогущему угодно было пособить мнѣ перейтить гору сію съ трудомъ очень сноснымъ, и великое дѣло сіе совершить въ теченіе одного лѣта, и притомъ съ столь малымъ коштомъ, что я не могу и понынѣ еще тому надивиться, что онъ весь обошелся тогда такъ дешево.

Ибо хотя построенъ онъ былъ изъ прекраснаго толстаго сосноваго лѣса и покрытъ былъ двойнымъ тесомъ, имѣлъ 23 окна, двѣ кафленыя и три кирпичныя расписныя печи, строенъ былъ наемными плотниками, но совсѣмъ тѣмъ, кромѣ мебелей, обошелся онъ тогда мнѣ не болѣе какъ въ 540 рублей, которой суммы нынѣ мало-бъ было на заплату за одну срубку таковаго дома, но чему причиной была тогдашняя всему дешевизна, а дороговизна денегъ.

Нынѣ же, если-бъ строить точно такой же домъ, то мало-бы было и трехъ тысячъ къ тому, вотъ какая перемѣна произошла во всемъ съ того времени.

Продолжая теперь мое повѣствованіе далѣе, скажу, что, переночевавъ наиспокойнѣйшимъ образомъ въ семъ новомъ своемъ домѣ, положили мы на утріе сдѣлать, на первый случай, маленькое новоселье, ибо большое отлагали мы до приближающихся моихъ имянинъ, и пригласить къ себѣ на обѣдъ только ближнихъ нашихъ деревенскихъ сосѣдей, да духовенство.

Но какъ обрадовались мы, когда возвратясь изъ церкви, куда мы какъ для случившагося тогда воскреснаго дня, такъ и для благодаренія Богу ѣздили, нашли у себя пріѣхавшаго къ намъ ненарочно друга моего г. Полонскаго съ женою. Онъ совсѣмъ не зналъ еще о переходѣ нашемъ и былъ очень радъ, что могъ присутствіемъ своимъ усовершенствовать къ удовольствію нашему сей маленькій и первый въ новомъ домѣ праздникъ, а потому и провели мы сей день отмѣнно весело.

Одинъ только изъ ближнихъ моихъ сосѣдей, Матвѣй Никитичъ причинилъ мнѣ нѣкоторое неудовольствіе тѣмъ, что не хотѣлъ никакъ взять въ праздничкѣ семъ съ нами соучастіе.

Сей человѣкъ напустилъ, около сего времени, на себя нѣкакую блажь, засѣлъ себѣ какъ бирюкъ дома, и не хотѣлъ никуда и не только въ даль, но и ко мнѣ ѣздить, сколь часто мы его къ себѣ ни приглашали.

Для меня, какъ дѣлавшаго ему многія услуги и одолженія, а притомъ чистосердечно его любившаго, было сіе въ особливости прискорбно и тѣмъ паче, что я не могъ никакъ добраться до истинной тому причины, и не зналъ, одичалости ли его и странному характеру то приписывать, или потаенной какой на меня злобѣ и неудовольствію, скрываемой съ сроднымъ ему лукавствомъ.

Всего удивительнѣе было то, что жена его ѣзжала къ намъ всегда и довольно часто, но онъ напротивъ того, всегда, когда ни зывали мы съ братомъ его къ себѣ, отклонялъ ѣзду свою подъ предлогомъ разныхъ и явно выдумываемыхъ невозможностей, препятствіевъ и недосуговъ, чему мы сперва не могли довольно надивиться, а послѣ довольно насмѣяться и въ смѣхѣ не инако его называли, какъ дюкомъ.

Какъ осень сего года была у насъ безпорядочная, и погоды въ сентябрѣ и октябрѣ были на большую часть самыя скверныя, мѣшающія заниматься всѣми надворными работами, то, будучи принужденъ большую часть времени сидѣть въ теплѣ, занимался я въ сіе время раз-

ными литеральными и другими упражненіями.

Мое первое дѣло по переходѣ въ новый домъ было то, что я, засѣвъ въ свой новый кабинетъ, началъ сочинять помянутый наказъ управителю, доставившій потомъ мнѣ такъ много чести, и готовить его для отсылки въ Общество Экономическое. А между тѣмъ какъ было заготовлено уже у меня сочиненіе объ удобреніи земель, то, переписавъ набѣло, отправилъ я оное въ Петербургъ.

Съ другой стороны занимался я чтеніемъ присланныхъ мнѣ отъ г. Полонскаго и такихъ книгъ, какихъ мнѣ до того читать не случалось. Онъ вскорѣ послѣ перехода моего въ новый домъ уѣхалъ на зиму въ Москву, и не успѣлъ туда пріѣхать, какъ и прислалъ ко мнѣ болѣе 40 книгъ разныхъ и доставилъ мнѣ чрезъ то удовольствіе превеликое; всѣ онѣ были любопытныя и чтенія достойныя.

Третье дѣло, которымъ я въ своемъ новомъ домѣ занимался, состояло въ превеликомъ гвазданьѣ съ картофелемъ, родившимся у насъ въ сей годъ въ довольномъ множествѣ.

До сего не знали мы, какъ приготовлять изъ него самую бѣлую муку, и я нѣсколько дней занимался испытаніями до сего пункта относящимися; и какъ всѣ опыты мои были очень удачны, то и рѣшился я описать всѣ оные и, сочинивъ особое сочиненіе о томъ, доставить также современемъ въ Общество.

Кромѣ сего, пользуясь свѣтлостью своего кабинета и довольнымъ просторомъ въ немъ, занимался я въ праздное время и живописною работою, также и рисованьемъ сухими красками, и мнѣ въ первый разъ случилось нарисовать ими портретъ съ живого человѣка и нарочито похожій.

Максимъ мой, который нынѣ бородатымъ уже старикомъ, былъ тогда мальчикомъ лѣтъ десяти и прислуживалъ намъ въ хоромахъ. Съ него-то вздумалось мнѣ списать портретъ сухими красками, и какъ оный нарочито удался, то сіе возродило во мнѣ желаніе написать съ него во всемъ его тогдашнемъ ростѣ, масляными красками на доскѣ, обрѣзную статуйку.

И дѣло сіе удалось мнѣ тогда сдѣлать такъ удачно, что какъ статуйка сія поставлена была у меня въ углу въ лакейской, то многіе изъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ гостей обманывались и, почитая ее живымъ мальчикомъ, кликали его и приказывали снимать съ себя шубы и прочее, такъ много походилъ онъ на живого человѣка. Легко можно заключить, что мы въ такихъ случаяхъ не могли ошибкамъ таковымъ довольно насмѣяться, и налюбоваться статуйкою сею.

Наконецъ наступилъ октябрь мѣсяцъ и съ онымъ то 7-е число онаго, въ которое я за 31 годъ до сего времени родился.

Я праздновалъ по обыкновенію моему и въ сей годъ сей день, втайнѣ и душевно принося благодаренія мои Господу за всѣ его милости и щедроты, оказанныя мнѣ какъ во всѣ прожитыя лѣты, такъ и въ претекшій послѣдній годъ, и прося его о покровительствѣ себя и въ новый годъ моея жизни.

А какъ вскорѣ послѣ того наступило и 17-е число, т.-е. день моихъ имянинъ, и сей день назначенъ былъ какъ для торжествованія онаго, такъ и настоящаго новоселья въ моемъ новомъ домѣ; то приглашены были нами къ сему дню всѣ наши друзья, знакомцы и сосѣди, бывшіе тогда въ домахъ своихъ, и хотя многимъ изъ отдаленности за случившеюся тогда дурною погодою пріѣхать было невозможно, однако гостей было довольно, и какъ всѣ они были друзья и пріятели и обходились съ нами безъ дальнихъ этикетовъ, то и провели мы съ ними сей день и вечеръ очень весело и не оставили ни единой изъ всѣхъ деревенскихъ забавъ, игръ и увеселеній, которыя бы не употребили для своего увеселенія.

А особливо увеселялъ насъ собою сосѣдъ и кумъ мой господинъ Ладыженскій; а былъ тутъ же и пріѣхавшій въ наше сосѣдство для межеванья г. межевщикъ Лыковъ, по имени Борисъ Сер-

гѣевичъ, съ которымъ при семъ случаѣ я впервые познакомился и сдружился.

Къ умноженію же моего удовольствія я въ сей день получилъ изъ Экономическаго Общества еще одну часть Трудовъ онаго, которая была 11-ая по порядку.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я удовольствіе всѣхъ моихъ родныхъ однофамильцевъ видѣть опять собравшихся воедино.

Пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга и меньшой мой двоюродный братъ, Гаврила Матвѣевичъ, отпущенный въ отпускъ по мартъ мѣсяцъ, и какъ онъ былъ человѣкъ молодой, насъ искренно любилъ и жилъ всѣхъ прочихъ ближе, то мы и имѣли удовольствіе видать его очень часто у себя и не рѣдко не только провождающаго цѣлые дни, но и ночующаго.

Но не могли мы жаловаться съ сей стороны и на старшаго его брата, Михайлу Матвѣевича. Оба они съ женою посѣщали насъ очень нерѣдко, а наконецъ кое-какъ довели мы и четвертаго нашего деревенскаго сосѣда г. Дюка до того, что онъ сталъ къ намъ, хотя далеко не такъ часто какъ другіе, ѣздить.

Въ особливости помогла много къ тому случившаяся съ нимъ болѣзнь, которая едва-было не лишила его жизни. Онъ находился при самой крайности отъ опаснаго нарыва въ горлѣ, и мы хотя всячески старались ему помогать, но лишались и сами уже всей надежды къ спасенію его; но по счастію онъ прорвался, и чрезъ то спасся онъ отъ смерти.

А какъ я во время болѣзни его всѣмъ, чѣмъ могъ, ему помогалъ и посѣщалъ его почти всякой день, то въ благодарность за то перемѣнилъ и онъ нѣсколько свое противъ насъ поведеніе и сталъ къ намъ чаще ѣздить. Онъ въ самое сіе время былъ изъ службы отставленъ съ чиномъ подпоручика.

Частыя сіи посѣщенія обоихъ моихъ братьевъ, также и сего родственника, а не менѣе и другихъ ближнихъ нашихъ сосѣдей, какъ-то гг. Ладыженскихъ и Іевскихъ, а въ тогдашнее время и двухъ въ Нарышкинской волости находившихся межевщиковъ, помянутаго Лыкова и товарища его г. Сумарокова, малаго молодого и любезнаго; частыя свиданія со всѣми ими въ домахъ нашихъ и въ Сенинѣ, куда всѣ мы также не рѣдко ѣзжали, вольное, непринужденное и дружеское между всѣми упражненіе и препровожденіе времени всякій разъ въ разныхъ увеселительныхъ играхъ и рѣзвостяхъ позволительныхъ были поводомъ къ тому, что мы всю осень сего года провели отмѣнно весело и пріятно, и я не помню, чтобъ когда въ иное время игрывалъ я такъ много въ карты, какъ въ сію осень и зиму.

Однако не подумайте, чтобъ игры наши были азартныя или убыточныя. О, нѣтъ! отъ всѣхъ таковыхъ были всѣ мы весьма далеко удалены, а всѣ наши игры были невинныя, забавныя, безденежныя и подающія поводъ только къ смѣхамъ и шуткамъ.

Мы игрывали всего чаще въ тароки, которую игру ввелъ я въ употребленіе и сдѣлалъ особыя для того карты и переучилъ всѣхъ играть въ оную. Она была очень веселая и всѣхъ насъ чрезвычайно веселила и такъ всѣмъ полюбилась, что съ особливою охотою садились за нее.

Въ домѣ же у Ладыженскаго наилучшая была игравъ «семь листовъ» по полушкѣ, до которой игры былъ онъ отмѣнный охотникъ, а въ удовольствіе его игрывали и мы съ нимъ въ оную.

Кромѣ сего нерѣдко игрывали мы въ реверситъ и трисетъ; виста же и бостона тогда было еще неизвѣстно.

Когда же наиграемся какой игрѣ досыта, тогда начинали играть въ фанты, а иногда въ самыя жмурки, и въ томъ непримѣтно проводили длинные осенніе и зимніе вечера, и я такъ ко всѣмъ играмъ симъ разохотился, что выдумывалъ даже совсѣмъ новыя и никѣмъ до того еще не употребляемыя карточныя и другія игры.

Но за всѣмъ симъ не отставалъ я ни мало и отъ прежнихъ своихъ и лучшихъ занятій, но всякой разъ, когда не было никого у насъ и мы были дома, не давалъ ни одной минуты проходить тщетно, но по привычкѣ своей всегда чѣмъ-нибудь

занимался и либо читалъ что-нибудь, либо писалъ, либо рисовалъ и гваздался съ красками.

Въ семъ послѣднемъ упражненіи занимался я всего болѣе въ сію осень и множайшія картины, писанныя масляными красками, имѣющіяся у меня въ домѣ, были произведеніями сего періода времени.

Впрочемъ достопамятно, что въ началѣ ноября мѣсяца сего года чуть-было я самъ не занемогъ горячкою.

Произошло сіе ни то отъ простуды при разъѣздахъ моихъ по гостямъ, ни то отъ другихъ причинъ; но какъ бы то ни было, но сдѣлавшійся великой жаръ съ головною болью и сильнымъ біеніемъ пульса предвозвѣщалъ настоящую горячку, но по счастію помогло мнѣ и въ сей разъ принужденное чиханіе: я прибѣгъ къ сему давно уже мнѣ извѣстному спасительному средству и употребленіе онаго прервало тотчасъ болѣзнь мою.

Еще достопамятно было то, что мы въ концѣ сего мѣсяца познакомились вновь съ одною знаменитою нашею сосѣдкою, г-жею генеральшею Щербининою.

Мы ѣздили къ ней въ Якшино, по ея приглашенію, и были пріемомъ и ласкою ея весьма довольны; но я возвратился отъ нея съ печальнымъ духомъ, ибо услышалъ отъ нея, какъ отъ псковской помѣщицы, о зятѣ моемъ г-нѣ Неклюдовѣ весьма непріятныя вѣсти, а именно, что онъ лишился будто разума.

Сіе огорчило меня чрезвычайно; я сожалѣлъ объ немъ искренно, а того больше о его малолѣтномъ сынѣ, моемъ племянникѣ, сдѣлавшемся чрезъ то сущимъ сиротою.

Послѣдній мѣсяцъ 1769 года былъ для меня какъ-то не весьма благопріятенъ: еще въ самомъ началѣ онаго перетревожены были мы до чрезвычайности сдѣлавшимся-было у насъ пожаромъ.

Въ черной горницѣ, построенной въ самой близости подлѣ хоромъ, треснула какъ-то задняя стѣна печи, и хотя былъ тутъ и широкій запечекъ, засыпанный землею, но стѣна отъ печи загорѣлась; но по счастію усмотрѣли то довольно рано и успѣли бывшее уже пламя залить и не допустить огню взять силу.

За симъ и по отпраздрованіи обыкновеннаго нашего никольскаго праздника, препровожденнаго нами со множествомъ неожиданныхъ гостей отмѣнно весело и пріятно, занемогъ-было я опять, но уже не тѣмъ, а грудью.

Болѣзнь сія началась сперва небольшою болью въ груди, но чрезъ немногіе дни такъ усилилась, что я опасался, чтобъ не сдѣлалась въ груди инфламація, или плерезія, которой и начальные признаки уже всѣ были.

Произошло сіе ни то отъ простуды, ни то отъ многаго около сего времени писанія на столѣ низкомъ и на креслахъ высоконькихъ... Поводомъ ко многому и натужному писанію сему было, во-первыхъ, сдѣланное мнѣ чрезъ пріятеля моего, г-на Колюбакина, предложеніе, чтобъ отдать въ печать давничной мой переводъ Зульцеровъ: «Разсужденіе о дѣлахъ естества».

Ему онъ очень полюбился и онъ, будучи въ Москвѣ, говорилъ тамъ о томъ со многими и писалъ ко мнѣ, чтобъ я, переписавъ оный почище и покрупнѣе, присылалъ къ нему.

Итакъ, сею-то перепискою я тогда занимался, и отъ безпрерывнаго нагибанія грудь свою такъ натрудилъ, что принужденъ былъ работу и намѣреніе сіе оставить; а какъ между тѣмъ сочиненіе сіе, вмѣстѣ съ «Разговорами о красотѣ натуры», переведено было иными и въ Петербургѣ уже печаталось, то и случилось сіе кстати, ибо всѣ труды мои пропали-бъ тщетно.

Во-вторыхъ, вздумалось мнѣ около сего времени сочинить самому «Исторію о святой войнѣ», выбирая изъ разныхъ имѣющихся о томъ у меня нѣмецкихъ книгъ, и какъ я, начавъ ее, по обыкновенной моей нетерпѣливости и надъ сею работою много трудился, то и сіе для груди моей было также накладно.

Но отъ того-ли, или отъ чего иного, но болѣзнь моя продлилась нарочито дол-

го, и съ нѣкоторыми перемежками во весь почти декабрь мѣсяцъ, почему и принужденъ я былъ все сіе время сидѣть почти дома, а давать боярынямъ только однѣмъ разъѣзжать по гостямъ и сосѣдямъ, а самъ препровождалъ уже дома кое въ чемъ время.

И какъ писать мнѣ было не можно, то занимался уже болѣе читаніемъ книгъ разныхъ, однако не оставлялъ и начатой «Исторіи о святой войнѣ», и будучи самъ не въ состояніи писать, диктовалъ ее одному изъ двухъ своихъ мальчиковъ, который сколько-нибудь писалъ получше.

Но, късожалѣнію, и сей трудъ мой былъ безполезный. Я хотя современемъ и сочинилъ всю ее, но мнѣ не удалось съ нею ничего сдѣлать, и одна часть оной у меня пропала, а другая въ богородицкой пожаръ сгорѣла, слѣдовательно и пропали всѣ труды мои относительно до нея по пустому.

Таковую-жъ неудачу имѣлъ я въ сдѣланномъ мнѣ предложеніи объ отданіи въ печать и другихъ моихъ сочиненій, какъ-то «Дѣтской философіи», «Универсальной моей исторіи», «Нравоучительныхъ сочиненій» и перевода предики Іерусалимовой.

Пріѣзжавшій къ намъ о праздникѣ одинъ московскій попъ, родственникъ нашимъ попамъ, увидѣвъ оныя у меня, убѣдилъ меня просьбою, чтобъ я ввѣрилъ ему ихъ, для показанія въ Москвѣ его родственникамъ, могущимъ поспѣшествовать ихъ напечатанію; но всѣ онѣ только въ Москву прокатались и ничего изъ того не вышло, да и выттить не могло.

Не имѣлъ я также успѣха въ желаніи моемъ повидаться съ племянницами моими Травиными, живущими въ Кашинѣ съ отцомъ своимъ.

Я посылалъ по наставшему зимнему путю нарочнаго даже человѣка въ Кашинъ съ письмами и съ просьбою къ зятю моему, чтобъ онъ отпустилъ ихъ ко мнѣ, къ празднику Рожеству Христову погостить и повидаться, но сей упругой человѣкъ несогласился на то, а сказалъ, что онъ пришлетъ ихъ послѣ; итакъ, не могъ я имѣть и сего удовольствія.

Кромѣ сего озабочивалъ насъ около сего времени очень рекрутскій многочисленный наборъ; ибо какъ втеченіе сего лѣта началась и горѣла уже въ полномъ пламени первая турецкая война, то требовалось много рекрутъ и мы принуждены были оныхъ давать и разставаться съ наилучшими работниками, а сіе много уменьшало удовольствіе, которое имѣли мы, получая извѣстія о побѣдахъ, и о взятіи Хотина и Бендеръ. Кромѣ того не радовала насъ и чрезвычайная дешевизна хлѣбовъ, бывшая въ сію зиму.

Далѣе озабочивало меня еще одно досадное обстоятельство: тетка жены моей, г-жа Арцыбышева, подбивала всячески тёщу мою, чтобъ обѣимъ имъ съѣздить еще разъ сею зимою въ Цивильскъ, къ находящемуся еще въ живыхъ, но престарѣлому дѣду жены моей, Авраму Семеновичу Арцыбышеву. Но мнѣ не хотѣлось никакъ отпустить тёщу свою въ такой дальній путь и для слабаго ея здоровья, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, и я не зналъ, чѣмъ бы разрушить сіе пустое предпріятіе.

Но по счастію, полученное отъ старика сего письмо сдѣлало то, чего не могъ я сдѣлать. Ибо какъ онъ ихъ нимало къ себѣ не звалъ, а жаловался только на крайній недородъ въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣба, то отдумали онѣ сами туда ѣхать и тёща моя расположилась только съѣздить въ Москву для свиданія съ одною пріѣзжею изъ тамошнихъ мѣстъ госпожею, въ чемъ и я ей уже не воспрепятствовалъ.

Наконецъ насталъ у насъ праздникъ Рожества Христова, но оный былъ для меня не очень веселъ, потому что грудная моя боль отъ прилежнаго питья разныхъ лекарственныхъ травъ хотя и гораздо пооблегчилась, но около Рожества опять такъ возобновилась, что я не къ состояніи былъ на праздникъ даже въ церкви съѣздить, да и всѣ первые дни святокъ просидѣлъ и наиболѣе одинъ дома; ибо боярыни мои разъѣзжали кой-

куда по сосѣдямъ. Одинъ только меньшой мой двоюродной братъ помогалъ мнѣ провождать время.

И знаете-ли въ чемъ я упражнялся въ сіи святые вечера, въ тѣ дни, когда никого у насъ не было?—Истинно въ смѣшномъ: приди мнѣ охота сочинять особаго рода, въ стихахъ, разныя загадки, и я сочинилъ ихъ съ цѣлый десятокъ, и довольно смѣшныхъ и курьезныхъ, и мнѣ досадно и жаль, что онѣ всѣ у меня по разнымъ случаямъ распропали.

Но какъ я ни былъ еще слабъ, однако услышавъ о пріѣздѣ друга моего, г-на Полонскаго, изъ Москвы въ деревню, восхотѣлось мнѣ къ нему съѣздить и съ нимъ повидаться.

Онъ былъ намъ чрезвычайно радъ, надавалъ мнѣ опять множество разныхъ книгъ для читанія и насказалъ намъ множество новыхъ вѣстей, какъ о тогдашнихъ военныхъ происшествіяхъ, такъ и объ усилившихся въ государствѣ нашемъ около сего времени разбояхъ.

Говорили, что въ одинъ сей годъ было болѣе 170 дворянскихъ домовъ и фамилій разбито и что между оными около 100 человѣкъ находилось изъ наслѣдниковъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе.

Наконецъ, 30-го числа декабря проводили мы тёщу свою, поѣхавшую въ Москву на короткое время, и я остался одинъ дома съ дѣтьми моими, ибо до Серпухова поѣхала съ ней и жена моя съ своею теткою, а я въ послѣдній день сего года почувствовалъ опять боль въ груди, а сверхъ того ввечеру подхватила меня и лихорадка самая; итакъ, окончилъ я сей годъ не очень хорошо.

Но какъ письмо мое довольно уже увеличилось, то симъ окончу я и оное, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

(Октября 27, 1805 г.).

Письмо 134-е.

Любезный пріятель! Въ концѣ предслѣдующаго къ вамъ письма упомянулъ я, что я ввечеру послѣдняго дня 1769 года занемогъ лихорадкою.

Теперь, продолжая повѣствованіе мое далѣе и начиная разсказывать вамъ, что случилось со мною въ теченіи 1770-го года, скажу, что помянутая болѣзнь моя была хотя неважная и непродолжительная, и болѣе меня настращавшая, нежели стоившая уваженія, однако сдѣлала то, что я первый день сего новаго года принужденъ былъ сдѣлать для себя великою пятницею; ибо какъ по всѣмъ признакамъ заключалъ я, что болѣзнь моя произведена перемѣною пищи и происходила отъ испорченнаго желудка; то, не запуская въ даль и не давая ей усилиться, спѣшилъ я употребить обыкновенное и извѣстное мнѣ въ такихъ случаяхъ лекарство, а именно: взять прибѣжище къ наистрожайшей діэтѣ и говѣнью и чрезъ постъ усмирить опять свой желудокъ, и для того во весь сей день ничего не ѣлъ, и день новаго года, посреди святокъ, сдѣлалъ великимъ постомъ; а сверхъ того старался я опять сколько можно чаще чрезъ чиханіе дѣлать волнующейся во мнѣ крови въ скоромъ движеніи ея остановки, а все сіе и помогло мнѣ очень много и при семъ случаѣ.

Жаръ и слабость во мнѣ хотя и продолжалась во весь тотъ день, однако я радъ тому былъ, что болѣзнь не увеличивалась и, часъ отъ часу уменьшаясь, втеченіи немногихъ дней совсѣмъ изчезла, такъ что къ Крещенью сдѣлался я опять здоровымъ совершенно.

Теперь, не ходя далѣе, разскажу вамъ, съ какими чувствіями началъ я сей новый годъ и въ какихъ обстоятельствахъ находился я при наступленіи онаго. Все сіе можете вы яснѣе усмотрѣть изъ записки о томъ въ журналѣ моемъ сего года, какія имѣлъ я обыкновеніе дѣлать при началѣ каждаго года; она была слѣдующая:

«Въ разсужденіи самого себя (писалъ я тогда) могу сказать, что прежняя благополучная и спокойная жизнь, которою я, уже нѣсколько лѣтъ живучи въ деревнѣ, наслаждался, по благости Господней, продолжалась безъ перемѣны и понынѣ

Весь минувшій годъ проводилъ я по его милости благополучно и вожделѣннѣйшимъ образомъ; во всѣхъ житейскихъ, какъ необходимыхъ, такъ и побочныхъ нуждахъ и потребностяхъ не имѣлъ я никакого оскудѣнія и недостатка, ибо что касается

«Во-первыхъ, до здоровья, то благодарю моего Бога, во весь минувшій годъ и уже нѣсколько лѣтъ не былъ я подверженъ никакой важной болѣзни; малые же припадки, которые кое-когда случались, по справедливости не стоили того, чтобъ ихъ назвать болѣзнями. Всемогущая десница сохранила меня отъ всѣхъ золъ, могущихъ случиться.

«Другая потребность въ жизни нашей состоитъ въ пищѣ и питіи. О! въ разсужденіи сего пункта и подавно невозможно мнѣ ни въ чемъ пожаловаться. Я доволенъ и предоволенъ былъ въ томъ, и не только никогда не вставалъ голоднымъ изъ-за стола своего, но жилъ и роскошнѣе еще нежели надлежало. Зиждитель натуры снабдилъ меня съ немалымъ избыткомъ вещами къ тому потребными; а что всего пріятнѣе, то я тысячу разъ имѣлъ утѣшеніе услаждать свой вкусъ такими вещами, кои заводимы, воспитываемы и возращаемы были собственными руками моими.

«Третьею потребностью, по справедливости, можно почесть наше платье и одежду. Въ разсужденіи сего пункта мнѣ уже конечно молчать надобно, ибо я въ томъ не только нужды не терпѣлъ, но паче много имѣлъ утѣшенія, одѣваяся въ такія вещи, кои дома у меня, и что̀ того еще важнѣе, отчасти стараніями, отчасти собственными трудами любезныхъ моихъ помощницъ дѣланы были.

«Четвертою потребностью въ жизни можно почесть наше пристанище и жилище. Въ семъ пунктѣ я также не жаловаться, но хвалить и благодарить моего Создателя долженъ. Его помощію созиздилъ я себѣ новый домъ и такой, какого нечаялъ я никогда у себя имѣть, хотя покой имѣлъ и до того, но теперь имѣю его еще больше и лучше.

«Пятою потребностью — достатокъ-ли почесть? Такъ я и въ разсужденіи сего пункта сказать могу, что и въ томъ не имѣлъ я оскудѣнія. Былъ я хотя не богатъ и доходы имѣлъ хотя небольшіе, и они были хотя меньше прошлогоднихъ, но я доволенъ былъ тѣмъ и нимало не помышлялъ о жалобахъ на то.

«Шестою вещію, нужною въ жизни человѣческой, ежели почесть увеселенія, то я оныхъ имѣлъ столько, сколько, такъ сказать, желала душа моя. Всякій день приносилъ мнѣ новыя увеселенія и утѣхи. По благости Господней я никакихъ важныхъ печалей и огорченій не имѣлъ, а маленькія вещицы, тревожущія иногда духъ нашъ, можно-ли считать чѣмъ-нибудь?

«Седьмою вещію, если почесть обхожденіе или обращеніе съ людьми, то и съ сей стороны я ни въ чемъ пожаловаться не могу; ибо что касается до постороннихъ, то, по благости Господней, всѣ знающіе меня продолжали меня по прежнему любить и почитать, а сверхъ того имѣлъ я нѣсколько разъ наипріятнѣйшее удовольствіе слышать, что повсюду говорили обо мнѣ не дурное, а хорошее, и что многіе вновь знакомства со мною искали или желали.

«Кромѣ того имѣлъ я удовольствіе нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ кое-чѣмъ услужить и обязать ихъ болѣе къ себѣ дружбою; а не меньше того и тѣмъ былъ доволенъ, что нѣкоторыхъ неправо и безвинно на меня сердившихся, успокоилъ и обратилъ опять къ себѣ въ дружбу и теперь такихъ не имѣю.

«Въ разсужденіи-жъ ближайшихъ къ себѣ особъ я совершенно былъ доволенъ. Богомъ дарованная мнѣ мать съ одной, а жена съ другой стороны оказывали мнѣ все, чего я только могъ требовать отъ родственниковъ толь ближнихъ. Любовь, почтеніе, услуги, взаимное угожденіе и нелицемѣрное дружество были вещи, коимъ видѣлъ я отъ нихъ ежедневные опыты, и потому и самъ неинако какъ взаимно ихъ любить и почитать былъ долженъ.

«Наконецъ послѣднимъ пунктомъ если

почесть наслѣдіе, то хотя сей пунктъ и всего меньше меня тревожить долженъ, но я и въ разсужденіи онаго былъ доволенъ. Дѣти, дарованныя мнѣ отъ Всевышняго, были во весь минувшій годъ здоровы и благополучны; какъ цвѣточки и молодыя произрастенія, начинали они часъ отъ часу отъ земли подниматься.

«Дочь моя, Елизавета, научилась уже ходить, а теперь учится и говорить; а сынъ, Степанъ, или какъ мы его обыкновенно называли Чопъ нашъ, старается также у сестры своей перенимать ходить, и къ удовольствію нашему всѣхъ насъ уже и онъ знаетъ.

«Оба они тысячу утѣхъ приносятъ намъ, и тысячу разъ заставляли себя брать на руки и цѣловать и смѣяться невиннымъ своимъ дѣлишечкамъ. Выростутъ-ли сіи цвѣтки и будутъ-ли цвѣсти, не знаю? Это въ руцѣ Божіей! а излишнее-бы было, еслибъ хотѣть за завѣсу будущей неизвѣстности и прежде времени чѣмъ-нибудь крушиться.

«Обо всемъ томъ разсуждая, не знаю чего-бы мнѣ желать болѣе оставалось, и о чемъ-бы могъ изъявить какое неудовольствіе; но паче безпристрастно признаюсь, что я малъ и недостоинъ тѣхъ милостей, которыми Творецъ меня удостоить соблаговолилъ, и будучи не въ состояніи его достойно за то возблагодарить, хвалю и превозношу только святое имя его.

«Въ разсужденіи-жъ сотоварищей моихъ въ жизни могу также сказать, что и онѣ многія причины имѣютъ быть судьбою своею довольными. Единое только слабое и нездоровое состояніе нашей общей съ женою матери, яко той особы, которая поведеніемъ своимъ насъ по неволѣ заставляетъ себя любить и почитать, дѣлаетъ намъ многія иногда смутныя минуты. О малыхъ же моихъ ребятишкахъ ничего еще сказать не можно. Они находились въ невиннѣйшемъ еще періодѣ своей жизни.

«Вотъ въ какомъ состояніи находились обстоятельствы при началѣ сего года; что же воспослѣдуетъ втеченіе его, того не знаю; но меня сіе и немного тревожитъ. Я знаю то, что все будетъ дѣлаться по волѣ моего Создателя, а онъ мой Богъ, Господь, а что всего утѣшительнѣе, Отецъ благій и милостивый!»

Вотъ что и какъ чувствовалъ я въ тогдашнее время; но теперь обращусь къ продолженію своего повѣствованія.

Сколь скучновата была мнѣ первая половина святокъ, по причинѣ моего недомоганія и отлучекъ моихъ домашнихъ, столь весела напротивъ того вторая и остальная часть оныхъ.

Всѣ сіи дни проводили мы съ людьми и со множествомъ разныхъ гостей, пріѣзжавшихъ со всѣхъ сторонъ къ намъ, ибо на другой день сего года возвратились къ намъ изъ Серпухова жена моя со своею теткою и привезли съ собою и Наталью Петровну Арцыбышеву, небывавшую у насъ давно уже.

Пріѣзжалъ къ намъ въ сіи дни и сосѣдъ нашъ котовской, князь Павелъ Ивановичъ Горчаковъ и многіе другіе обоего пола гости; и какъ много бывало и дѣвицъ и другихъ молодыхъ людей, то мы провели достальные святки въ разныхъ играхъ, смѣхахъ и забавахъ отмѣнно весело. А въ пятый день возвратилась къ намъ и теща моя изъ Москвы, съѣздивши въ сей путь благополучно.

Несмотря на всю кратковременность ея отлучки были мы ей очень рады. Она ѣздила въ Москву и трудъ сей предпринимала единственно изъ любви къ престарѣлому ея родителю, и желая отъ пріѣзжей изъ тамошнихъ мѣстъ одной знакомой ей госпожи узнать и распросить подробнѣе о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до сего старца.

И мы не могли безъ огорченія слушать того, что она намъ объ немъ, по возвращеніи своемъ, разсказывала; ибо не можно было, чтобъ не сожалѣть о семъ добромъ и честномъ старикѣ, претерпѣвшемъ тогда, такъ сказать, предъ самымъ окончаніемъ своей жизни толь многія горести и печали и такую великую во всѣхъ обстоятельствахъ своихъ перемѣну.

Всю молодость и лучшія свои лѣты препроводилъ онъ въ вожделѣннѣйшемъ

состоянiи, нажилъ многихъ достойныхъ дѣтей, получилъ достатокъ, былъ всѣми любимъ и жилъ спокойно. Одинъ сынъ былъ уже маiоромъ, другой полковникомъ, а и достальные два были уже офицерами; дочери его пристроены были къ мѣсту. Однимъ словомъ, все было хорошо.

Но какъ скоро состарѣлся, то печали, равно какъ согласясь, на него напали. Прежде всего умеръ у него большой сынъ въ лучшемъ цвѣтѣ своей жизни. Это былъ мужъ Матрены Васильевны; но сей уронъ былъ еще нѣсколько сносенъ. Но въ короткое время послѣ того лишился онъ и другого сына, бывшаго въ молодости своей уже полковникомъ и одареннаго отмѣнными достоинствами.

Многiя другiя хлопоты присовокупились къ тому, и все сiе въ состоянiи было тронуть его чувствительно; но онъ перенесъ и то, призвалъ въ домъ къ себѣ и послѣднихъ сыновей, чтобъ ихъ поженивъ, ими при старости веселиться.

Но не успѣлъ женить третьяго и съ нимъ годъ времени пожить, какъ и сей о корень, а къ умноженiю огорченiя его и жена, оставшаяся послѣ онаго, сдѣлалась негодною и только стыдъ и безчестiе его фамилiи наносящею.

Такимъ образомъ остался только одинъ и послѣднiй сынъ; сего онъ также женилъ, но и тутъ была удача не велика. Жена была хотя постоянна, но не имѣла ни къ мужу, ни къ свекру почтенiя и съ нею не могутъ сладить. И въ семъ-то состоянiи находился онъ тогда.

Частые неурожаи хлѣба, падежи скотскiе и другiя несчастiя присовокуплялись къ тому и тревожили духъ старикова еще болѣе. Да и намъ всѣмъ былъ онъ такъ жалокъ, что мы въ послѣднихъ письмахъ своихъ просили его и звали къ себѣ, чтобъ онъ, оставя все, прiѣхалъ сюда къ намъ окончить жизнь свою спокойно и благополучно.

На другой день послѣ Крещенья было у насъ опять и въ другой уже разъ въ сiю зиму сѣверное сiянiе, и въ сей разъ было оно нѣкакого особаго рода.

Все небо покраснѣло такъ, какъ въ случаѣ зарева отъ большого пожара, и весь снѣгъ казался красноватымъ; но особливость при томъ была та, что въ южной сторонѣ небо было бѣлѣе и такъ какъ бы поднималась заря, чему бы въ самомъ дѣлѣ надлежало на сѣверѣ быть.

Мы со всѣми случившимися тогда у меня многими гостьми выходили тогда смотрѣть сего особливаго феномена, которое называли тогда особымъ небеснымъ знаменiемъ и народъ простой все твердилъ, что сiе было къ войнѣ кровавой, которая у насъ тогда съ турками и дѣйствительно продолжалась.

Вскорѣ за симъ случилось у насъ въ домѣ одно особливое, странное и такое произшествiе *)..........

(Окт. 28 д. 1805 г.).

Письмо 135-е.

Любезный прiятель! Продолжая теперь мое повѣствованiе, далѣе скажу вамъ, что вскорѣ послѣ описаннаго въ послѣднемъ письмѣ романическаго произшествiя имѣлъ я весьма непрiятную для себя, но необходимую коммиссiю.

Меньшой мой двоюродный братъ и ближайшiй мой сосѣдъ прибѣжалъ ко мнѣ однажды и жаловался, что онъ не можетъ никакъ сладить съ братомъ своимъ въ разсужденiи отдачи рекрута; что онъ явную ему оказываетъ несправедливость и нарушаетъ договоръ, бывшiй у него съ нимъ о поставкѣ рекрутовъ погодно и чередуясь другъ съ другомъ и просилъ меня, чтобъ я, какъ старшiй и начальникъ всей нашей фамилiи, вступился за него и погонялъ бы братца его, за скверную его привычку опоражнивать уже слишкомъ часто и непомѣрно рюмки и стаканы, чему онъ наиболѣе все зло приписывалъ; ибо когда онъ въ цѣломъ умѣ и памяти, то все почти съ нимъ сдѣлать можно, но когда голова его наполнится чадами бахусовыхъ продуктовъ, то никто съ нимъ не говори: сдѣлается

*) Окончанiе письма (стр. 157—182 рукоп), какъ заключающее въ себѣ какую-то неладную семейную подробность, лѣтъ 30-ть тому назадъ уничтожено одною изъ госпожъ Болотовыхъ. М. С.

такимъ упрямымъ своенравнымъ вздорливымъ, что ни въ чемъ съ нимъ сладить невозможно.

Къ сожалѣнію, скверная и гнусная сія привычка его всѣмъ намъ давно была уже извѣстна, и я всегда и досадовалъ и искренно сожалѣлъ о такой слабости сего своего близкаго родственника, а особливо слыша неоднократно, что вездѣ, гдѣ ни случалось ему бывать въ гостяхъ и натянуться до сыта, дѣлывалъ такія дурачествы и становился такъ мерзокъ, что служилъ всѣмъ посмѣшищемъ и предметомъ презрѣнія. И какъ больно было мнѣ очень слышать все сіе о семъ моемъ однофамильцѣ и родственникѣ, то собирался я уже давно погонять и потазать его за то хорошенько, а особливо видя, что дѣлываемыя ему дружескія о томъ напоминанія нимало не дѣйствовали.

Итакъ, рѣшился я наконецъ исполнить сей непріятный для меня долгъ и, пригласивъ его къ себѣ, учтивымъ образомъ и не раздражая, такъ его нагонялъ и такъ растрогалъ, что какъ сначала онъ ни казокался, но наконецъ совсѣмъ опѣшѣлъ и онѣмѣлъ и, усовѣстившись, не только сдѣлалъ все въ разсужденіи брата своего, чего требовала справедливость, но нарочитое долгое время послѣ того былъ гораздо воздержнѣе прежняго, чему всѣ мы и порадовались искренно.

Какъ между тѣмъ я отъ болѣзни моей оправился совершенно, то съ половины января пустились-было мы въ большой разъѣздъ по многимъ и разнымъ гостямъ, въ Алексинскомъ и Тульскомъ уѣздѣ живущимъ, и намѣрены были многіе знакомые и дружескіе намъ домы объѣздить однимъ разомъ, такъ какъ мы то нерѣдко дѣлывали.

Но въ сей разъ не удалось намъ своего намѣренія исполнить, ибо не успѣли мы пріѣхать въ Калединку, къ теткѣ жены моей, г-жѣ Арцыбышевой, какъ напали на меня многіе съ убѣдительнѣйшею просьбою о принятіи на себя новой коммиссіи и о вспоможеніи одной ея ближней сосѣдкѣ въ крайней ея нуждѣ.

Была то госпожа Хотяинцова, и не только ей недальняя родственница, но и намъ по женѣ моей не чужая, и нужда, въ которой нужно ей было мое вспоможеніе, была слѣдующая;

Она имѣла у себя одну только дочь, дѣвушку уже въ сіе время взрослую и очень изрядную; живучи почти съ малолѣтства все по чужимъ домамъ и домамъ хорошимъ, павыкла она такъ всему свѣтскому обращенію, что мы всѣ ее любили и съ удовольствіемъ принимали ее у себя, когда случалось имъ къ намъ пріѣзжать или оставаться гостить на нѣсколько времени. У насъ у самихъ нерѣдко она, и особливо въ малолѣтствѣ, по нѣскольку мѣсяцевъ гащивала и мы всегда бывали ею довольны.

Сей дѣвушкѣ случилось попасться на глаза алексинскому городовому секретарю г. Ферапонтову, мужику уже вдовому, немолодому, дряхлому, очень неуклюжему во всемъ, но весьма достаточному и богатому.

Какъ была она недурна собою, а притомъ жива, умна и вертлява, то плѣнись дурачина сей ея пригожествомъ и, несмотря на всю неравность ни въ лѣтахъ, и во всемъ вздумалъ за нее свататься и положилъ неотмѣнно на ней жениться, еслибъ только она пошла за него и ее отдали.

Дѣвушка не хотѣла сначала о томъ и мыслить, но не такъ думала ея мать и ближайшіе родственники, и какъ была она очень недостаточна и одинока, то почитали сіе выгодною для нея партіею и убѣдили наконецъ и самую дѣвушку склониться выттить за сего престарѣлаго адониса. И тогда дали онѣ только что свое слово и назначили, чтобъ чрезъ день послѣ онаго, быть въ домѣ у г-жи Хотяинцевой сговору.

Но какъ не имѣла она изъ мужчинъ никого у себя ближняго родного, а съ женихомъ хотѣли быть многіе знаменитые люди, то и убѣдили всѣ меня принять на себя всѣ гостепріимныя при семъ случаѣ хлопоты и распоряженія, и отправлять при семъ сборномъ сговорѣ въ домѣ ея должность хозяина.

По любви ихъ къ намъ и взаимно на-

шей къ нимъ я охотно на то и согласился; но сговоръ сей чуть-было не сталъ мнѣ очень дорого.

Будучи принужденъ переѣзжать нѣсколько разъ изъ дома въ домъ и для скорости въ санкахъ пошевенкахъ и притомъ въ домашнихъ хлопотахъ выходить нерѣдко съ открытою головою на дворъ, простудилъ я оную и чуть-было не нажилъ долговременной головной болѣзни. Это было первое, а во-вторыхъ, подвергся-было крайней опасности и чуть-было при одномъ случаѣ не убился до смерти.

Случилось это въ домѣ г-на Селиверстова, у котораго намъ надобно было тогда побывать. Я, пріѣхавши къ нему и переступя съ крыльца въ сѣни, по пологости и скользкости въ нихъ, такъ хорошо осклизнулся, что не могъ устоять на ногахъ, но полетѣвъ стремглавъ, попалъ самымъ вискомъ объ острую желѣзную скобу въ притолкѣ дверной и убился такъ, что она даже вспухла.

Но великая была милость Господня, что ударъ попалъ не въ самое опаснѣйшее въ вискѣ мѣсто, но на пол - вершка отъ онаго, а притомъ былъ негораздо силенъ. Словомъ, Всемогущій сохранилъ меня явно въ семъ случаѣ отъ превеликаго бѣдствія и опасности.

Но все сіе однако не помѣшало мнѣ исправить свою коммиссію; мы сговорили, какъ надобно, нашу Авдотью Андреевну, и угостили всѣхъ пріѣзжавшихъ гостей безпостыдно, и я при семъ случаѣ имѣлъ удовольствіе познакомиться и даже сдружиться съ бывшимъ тогда въ Алексинѣ воеводою, г. Тиличеевымъ и многими другими, до того мнѣ незнакомыми людьми.

Не успѣли мы сего дѣла кончить, какъ нажитая вновь головная болѣзнь прогнала меня опять восвояси. Я поспѣшалъ возвратиться въ домъ для вспомоганія себѣ, чѣмъ знали, и спасибо продолжалась она не очень долго, и становленіе ногъ въ тепловатую воду съ брошенною въ нее солью освободило меня совершенно отъ оной.

Вскорѣ за симъ обрадованы были пріѣздомъ къ намъ старшей племянницы моей Травиной, Надежды Стахеевны, изъ Кашина. Отецъ ея сдержалъ наконецъ свое слово и данное намъ обѣщаніе, но отпустилъ изъ трехъ ее только одну, но за то съ дозволеніемъ остаться у насъ гостить на долго, чѣмъ мы въ особливости были довольны.

Дѣвушка сія была уже совершеннаго возраста и прелюбезная; она представляла собою совершенный портретъ покойной моей родительницы, а своей бабки и, будучи на нее очень похожа, имѣла притомъ нравъ изящный и такія качества и свойства, что заставливала всѣхъ любить себя и почитать.

Какъ у отца ея было ихъ три дочери, то покойная старшая моя сестра взялабыло ее къ себѣ и хотѣла ее тамъ у себя пристроить къ мѣсту и выдать замужъ; но какъ кончина ея до того не допустила, то возвратилась она къ отцу въ домъ, женившемуся между тѣмъ на другой женѣ, и бѣдняжка сія рада была, что она удалилась отъ своей мачихи и отпущена была къ намъ для житья.

Такимъ образомъ получили мы въ сіе время четвертаго себѣ семьянина, и были тѣмъ и сообществомъ ея очень довольны. Она дѣлала не только боярынямъ моимъ, но иногда и самому мнѣ компанію, ибо была охотница читать книги и можно было съ нею говорить обо многомъ; и какъ она была ко мнѣ очень ласкова и всѣхъ насъ любила искренно, то и мы всѣ любили ее, какъ бы дочь свою родную.

Теперь разскажу я вамъ, любезный пріятель, одно смѣшное приключеніе, случившееся со мною вскорѣ послѣ пріѣзда къ намъ помянутой племянницы и заставлю можетъ быть васъ раза два усмѣхнуться.

Жилъ отъ насъ неподалеку и верстъ только за десять одинъ очень небогатый дворянинъ, человѣкъ еще молодой, но всѣми нами любимый и почитаемый. Какъ былъ онъ очень искателенъ и ко всѣмъ намъ ѣзжалъ очень часто и съ своею женою, то и принимали мы его всегда какъ-

бы родного и были ласкою и пріязнью его очень довольны, и я въ соотвѣтствіе ему и своимъ благопріятствомъ крестилъ у него всегда дѣтей съ женою г-на Полонскаго.

У сего хотя недостаточнаго, но добрѣйшаго и любезнаго нашего сосѣда, родилась около сего времени еще одна дочь. И какъ ее опять мнѣ съ г-жою Полонскою крестить надлежало, то убѣдительно званы мы были всѣ на сіи крестины къ г-ну Рудневу.

Боярынямъ моимъ, не помню, что-то такое помѣшало сдѣлать ему пріѣздомъ своимъ удовольствіе, но мнѣ какъ надлежало необходимо ѣхать, то и полетѣлъ я въ Полозово.

Сперва предлагали-было мнѣ люди, чтобъ ѣхать намъ туда въ городовыхъ саняхъ, въ какихъ въ сіи времена обыкновенно всѣ еще ѣзжали, когда куда надобно было налегкѣ ѣхать, и представляли, что парами для сдѣлавшагося отъ бывшей не задолго до того великой оттепели просова ѣхать никакъ было не можно; но какъ я только-что освободился тогда отъ своей болѣзни и никуда еще послѣ того времени не выѣзжалъ, то боясь, чтобъ опять не простудиться, опровергнулъ я всѣ ихъ предложенія и велѣлъ готовить возокъ, въ которомъ мы обыкновенно всѣ ѣзжали и который былъ довольно просторный и теплый, и мое счастье было, что я сіе вздумалъ.

Итакъ, отправился я себѣ въ сей путь. Дорога была въ самомъ дѣлѣ очень просовиста, однако ѣхать все было можно; совсѣмъ тѣмъ, боясь, чтобъ въ вершинѣ за селомъ Бузуковымъ необгрязнуть, рѣшился я ѣхать отъ сего села до хотунской дороги большою дорогою, и ѣхалъ еще впервые отъ роду симъ прогалкомъ.

Но не успѣли мы на помянутую хотунскую дорогу взъѣхать, какъ понесло насъ такъ швырять, что я началъ уже и проклинать оную тысячу разъ. Этакой проклятой дурной дороги отъ роду я не видывалъ. Таки-ухабъ на ухабѣ и рытвина за рытвиною, и одна вдоль, другая поперегъ, третья накось, и то въ ту сторону, то въ другую, и я принужденъ былъ въ просторномъ возкѣ своемъ только что изъ края въ край и изъ угла въ уголъ попрыгивать и покачиваться.

Но могъ ли я себѣ тогда вообразить, что самую сію, тогда проклинаемую, дорогу я чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того любить и благословлять стану?

Какъ бы то ни было, но наконецъ, своротивъ съ сей дороги вправо, пріѣхалъ я въ Полозово. Хозяинъ былъ мнѣ очень радъ, а особливо потому, что многихъ гостей не будетъ, а вскорѣ послѣ меня пріѣхали и Полонскіе, привезя съ собою и брата г-жи Полонской, Николая Алексѣевича Ладыженскаго, чему въ особливости я радъ былъ, ибо съ симъ человѣкомъ мнѣ весьма было нескучно; и мы заговорились съ нимъ, какъ съ свѣдущимъ человѣкомъ, впрахъ о тогдашнихъ политическихъ и военныхъ произшествіяхъ и набольшую часть времени своего въ сихъ разговорахъ проводили.

Между тѣмъ происходили крестины и послѣ оныхъ крестильный обѣдъ. Послѣ онаго посидѣли мы еще нѣсколько и все было хорошо; но скоро начали мы нѣсколько тревожиться.

Время приближалось уже къ разъѣзду по домамъ, а мы за разговорами того и не видали, что погода на дворѣ сильно перемѣнилась и начинала несть ужасная вьюга и мятель.

— «Какъ быть? говоримъ мы между собою; не лучше ли намъ посидѣть съ полчаса еще времени, авось-либо поутихнетъ».

Всѣ согласились на то; однако мятель не унималась, но несла часъ отъ часу еще пуще прежняго.

— «Что дѣлать? говоримъ мы наконецъ: знать не переждать намъ этой погоды, а ѣхать время, вечеръ уже почти наступаетъ».

— «Конечно такъ!» сказали всѣ, ибо всѣмъ намъ было извѣстно, что по мализнѣ дома хозяйскаго и по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ ночевать намъ тутъ никакъ было не можно, да были мы и не унимаемы.

Итакъ, распрощавшись съ хозяиномъ, сѣли мы и поѣхали; но что-жъ тогда воспослѣдовало съ нами? На дворѣ казалось намъ худо, а какъ выѣхали въ поле, такъ и хуже того. Однимъ словомъ, такая ужасная мятель, что ни зги было не видно.

«Эхъ! думалъ я тогда и говорилъ самъ себѣ: какъ это намъ ѣхать? и что это за бѣда! Если-бъ можно было, то ни изъ-чего бы не поѣхалъ, но готовъ бы тутъ какъ-нибудь ночевать».

Не успѣли мы нѣсколько десятковъ саженъ отъ двора отъѣхать, какъ не видно было намъ ничего ни впередъ, ни назадъ. Возокъ г. Полонскаго, ѣхавшій впереди, пропалъ у насъ изъ глазъ, а назади не видно было уже и деревни. Мысль, чтобъ не заблудиться и не попасть куда въ вершину, начинала меня уже безпокоить.

Я прикликалъ человѣка, стоявшаго позади возка, и говорилъ ему: «не лучше ли намъ воротиться»? но онъ говорилъ: «доѣдемъ, судырь, не для чего ворочаться». Но мы съ нимъ еще говорили, какъ поглядимъ, форрейтеръ нашъ, умный мой человѣкъ Бабай, который и тогда былъ еще очень не великъ, уже въ другую сторону проскакалъ, уже видимъ подлѣ себя кусты, которыхъ прежде вовсе не было.

— Ба! закричалъ я тогда: куда это вы меня завезли, не туда!

Кучеръ, котораго я за ревомъ вѣтра насилу доклικался, признался, что ошиблись и бранилъ Бабая, хотя самъ не умнѣе или еще глупѣе его былъ.

Кучеромъ случился тогда быть у меня умной мой человѣкъ Антонъ Артамоновичъ, человѣкъ очень недальновидный, и разсудка самаго темнаго и короткаго. Но какъ бы то ни было, но меня сіе уже и гораздо трогало.

Мятель несла отъ часу сильнѣе и занесла меня и въ возкѣ уже совсѣмъ, а мы добрымъ порядкомъ уже своротили въ цѣликъ и ѣхали, сами не зная куды. Я уже охалъ, горевалъ и боялся, чтобъ не заблудиться.

О! сколько разъ желалъ я уже тогда, чтобъ попасть на упомянутую прежде сего прескверную хотунскую дорогу, уже и она мнѣ сдѣлалась тогда мила до чрезвычайности, но что наконецъ и удалось намъ по желанію.

Нельзя изобразить, какъ обрадовался я, когда мы взобрались на оную, ибо утѣшалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что, несмотря на всю жестокую мятель, намъ дорогу сію за превеликими ея рытвинами, ухабами и буграми потерять будетъ не можно.

Людцы мои не успѣли на нее взъѣхать, какъ и поскакали что ни есть мочи, жестокость вьюги ихъ къ тому побуждала; и я какъ ни боялся по худымъ дорогамъ ѣздить, и какъ возокъ мой съ бока на бокъ ни качался и ни попрыгивалъ, однако я, сжавъ сердце, уже молчалъ и далъ волю скакать какъ хотятъ.

Но не успѣли мы съ версту симъ образомъ отскакать, какъ новое явленіе глазамъ моимъ представилось: лошади остановились и не знаю что-то въ упряжкѣ нашей испортилось и требовало поправленія. Кучеръ мой полѣзъ съ козелъ, чтобъ поправить, но бултыхъ на землю.

Я удивился сему случаю, но удивленіе мое еще увеличилось, когда увидѣлъ, что онъ и встать почти не можетъ. Я подозвалъ его къ себѣ, спрашиваю туда-ли мы ѣдемъ и не ушибся-ли онъ; но гляжу, смотрю у слуги моего языкъ почти не ворочается...

— Слава Богу! воскликнулъ тогда я: одно къ одному! Изрядно ты, дружокъ, накушался, да и очень кстати на теперешную погоду смотря.

Однимъ словомъ, слуга мой былъ пьянъ и не могъ взойтить самъ на козлы. Я кликалъ другого, стоявшаго на запяткахъ и приказывалъ помочь ему сѣсть, но гляжу, смотрю, и тотъ не многимъ чѣмъ лучше кучера.

— Ну! то-то право, хорошо! воскликнулъ я, оба пьяны! И Господи, какою досадою воспылалъ тогда я и на нихъ и на кума своего, господина Руднева, и какъ проклиналъ то глупое обыкновеніе, чтобъ поить людей гостиныхъ!

Совсѣмъ тѣмъ дѣло на шутку не походило. Находился я тогда въ чистомъ полѣ, въ которомъ отъ мятели на сажень было ничего не видно, время было позднее и почти сумерки, а людцы мои пьяные... Одна была надежда на дурную дорогу, и какъ былъ я тогда радъ уже оной! Я позабылъ тогда про всю опасность, чтобъ не простудиться: раскрылъ одно окно и не спускалъ уже глазъ и съ оной.

Казалось мнѣ, что они и съ ней собьются. Какъ туда ѣхали, казалась одна дорога, а тутъ проявилось ихъ много: иная вкось, иная впоперегъ, иная рядомъ, и все такія-жъ большія, и Богъ ихъ знаетъ, откуда онѣ взялись, или въ темнотѣ мнѣ такъ казались.

Трясусь я смотря на сіе, опасаясь, чтобъ они съ прямой не сбились. Чего я опасался, то и сдѣлалось. Отскакавши версты съ двѣ, услышалъ я, что ворчитъ мой пьяный кучеръ, что не туда мы ѣдемъ, и что проѣхали дорогу и надлежало-бы ѣхать влѣво.

Не успѣлъ я сего услышать, какъ испужавшись, началъ кричать, чтобъ остановились; но слуги мои не слышатъ, а скачутъ во всю пору. Я кричать, еще кричать во все горло, но крикъ мой за ужаснымъ свистомъ и шумомъ вѣтра до нихъ не доходилъ.

Нечего мнѣ было уже дѣлать, высунулъ изъ окошка голову и кричу, что есть мочи; но знать мятель и вьюга была хороша, что и тогда позади стоявшій человѣкъ не могъ ничего услышать, но по счастью свалилась съ меня шапка и ее подхватилъ вѣтеръ и понесъ по снѣгу.

Сего не можно уже было стоявшему позади не увидѣть. Онъ насилу докликался кучеру, а кучеръ форрейтеру, чтобъ остановиться. Радъ я невѣдомо какъ былъ, что остановились и не тужилъ уже ни мало о томъ, что шапка моя и снаружи и снутри обвалялась объ снѣгъ, но спрашиваю кучера туда ли мы ѣдемъ.

— «Нѣтъ... нѣтъ... не туда... не туда», ворчалъ онъ.

— Да куда-жъ? спрашиваю я.

— «Я самъ не знаю куда!»

— Да гдѣ-жъ настоящая-то дорога?

— «Вонъ... вонъ... тамъ... вонъ тамъ проѣхали... надобно бы влѣво ѣхать, но мы теперь свернемъ и поѣдемъ туда!»

Я подозвалъ стоящаго на запяткахъ, тотъ также сомнѣвался и говорилъ, чтобъ своротить.

— Да, кланяюсь я вамъ, говорилъ я имъ, нужно намъ только въ цѣликъ съѣхать, такъ мы уже и пропали, а мнѣ кажется, что мы по той ѣдемъ.

Какъ и въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ причину заключать, что мы ѣдемъ гдѣ надобно, во-первыхъ, потому, что я съ самаго начала ѣзды нашей примѣтилъ вѣтръ, откуда онъ тогда дулъ, что почитаю всегда лучшею и надежною примѣтою, и видѣлъ тогда, что онъ къ намъ съ той же стороны дулъ, какъ мы прежде ѣхали.

Во-вторыхъ, боялся я сдаваться влѣво, а хотѣлось мнѣ болѣе вправо, ибо по извѣстному мнѣ положенію мѣста надлежало вправѣ быть неподалеку волостной деревни Балыматовой, а влѣвѣ лежали пространныя и обширныя поля и не находилось далече никакого жила, и тамъ бы мы могли скорѣе всего запутаться.

Итакъ, несмотря на всѣ представленія пьянаго моего кучера, что мы заѣдемъ Богъ знаетъ куда, велѣлъ я ѣхать тою дорогою, на которой мы находились, думая, по крайней мѣрѣ, что сія большая дорога куда-нибудь насъ приведетъ.

Итакъ, послѣ окончанія сего совѣта поскакали мы опять. Отскакавши нѣсколько, захотѣлось мнѣ спросить, что не видать ли какихъ признаковъ; но кликать, кликать, но недокличусь я никакъ своего Абрама. Уже я и голову, снявъ напередъ шапку, чтобъ опять не уронить, высовывалъ, и кричалъ, но Абрамъ мой не слышитъ.

— «Господи! что за диковинка!» и думаю я, уже тутъ ли онъ? Кличу кучера, и докликавшись, спрашиваю: «тутъ ли Абрашка»?

— «Нѣту! нѣту его! говоритъ мой Фалалеюшка кучеръ, оглянувшись.

— Да гдѣ-жъ онъ дѣлся?

— «Не знаю!

— Да что-жъ ты скачешь?

— «Инъ постоять?

— Ну, инъ постой, сказалъ я тогда, не могши утерпѣть, чтобъ при всей своей досадѣ не разсмѣяться; и горе меня и смѣхъ пронималъ.

Однако дѣло на шутку не походило. Человѣкъ пропалъ и его не видать было, и какъ я раздосадованъ ни былъ, но мнѣ жаль было его и я боялся, чтобъ онъ, пьяный, не могъ замерзнуть, и потому рѣшился-было тутъ стоять и его дожидаться. Но по счастію скоро увидѣли мы, что онъ бѣжитъ и насъ догоняетъ, но на дорогѣ то и дѣло, что стремглавъ падаетъ.

— За чѣмъ такимъ отсталъ! спрашиваю я.

— «Да рукавицу свою уронилъ».

— Да поднялъ ли ты ее? спросилъ я, увидѣвъ, что онъ одну руку грѣетъ дыханіемъ.

— «Гдѣ судырь! какъ понесло вѣтромъ, я гналъ, гналъ и не могъ догнать!»

— Да какъ-же? говорю, она пропадетъ!

— «Такъ и быть! отвѣтствовалъ онъ, гдѣ ее уже искать? далече; я насилу и васъ, судырь, догналъ».

— Вижу я, говорилъ я, и велѣлъ ѣхать далѣе.

Не успѣли мы еще отъѣхать нѣсколько, какъ опять что-то въ упряжкѣ испортилось и кучеръ мой лѣзетъ опять съ козелъ. Я кричу, чтобъ онъ сидѣлъ, но никакъ судырь, онъ слишкомъ усерденъ, знай себѣ лѣзетъ. Но схожденіе его таково-жъ было неудачно, какъ и прежде: баробкался, баробкался, погляжу, полетѣлъ чрезъ голову.

Тутъ началось новое карабканье, чтобъ встать; но не скоро-то дѣло сдѣлалось: гдѣ-то встали мы на колѣнки, гдѣ-то встали подниматься на ноги, а между тѣмъ съ молодца скочила кругленькая его шапка и ее какъ шарикъ понесло вѣтромъ въ сторону по насту.

Уже отнесло ее саженъ на десять, а онъ не могъ еще собраться за нею побѣжать; насилу, насилу я его за нею протурилъ, и тутъ-то истинная была комедія!...

Довольно, я не могъ утерпѣть, чтобъ не хохотать и не смѣяться: Антонъ мой за шапку—шапка отъ него; онъ хочетъ ухватить—вмѣсто того чрезъ голову; покуда встанетъ, покуда опять за нею побѣжитъ, а шапку опять вѣтеръ несетъ, да несетъ, и она опять отъ него сажени на три удаляется.

Насилу, насилу догналъ онъ ее; но лишь только хотѣлъ ухватить, какъ опять чебурахъ, яко прославися, и истинно разъ пять онъ симъ образомъ падалъ и насилу уже какъ-то Богъ помогъ ему ее ухватить.

— «Экая злодѣйка»! мурчалъ онъ и побрелъ по снѣгу къ намъ, а я подхватилъ и сказалъ:

— Экая злодѣйка рюмка, какихъ бѣдъ ты намъ начудотворила; садись-ка, садись и ступай далѣе.

По счастью нашему пронесло тогда снѣжную большую тучу и небо прояснилось на нѣсколько минутъ, и мятель сколько-нибудь стала поменьше. Я говорю по счастію, потому что мы тогда увидѣли себя вблизи подлѣ деревни Баламытовой и узнали, что мы съ дороги настоящей не сбились.

Но вскорѣ понесла опять ужасная мятель, но я уже не боялся, надѣясь, что уже не далече до большой московской дороги, которую потерять уже было не можно, а ежеминутно только ожидалъ, что возокъ мой полетитъ на бокъ; ибо на всю дурноту дороги и ухабьо несмотря мы скакали, какъ по самой хорошей.

Наконецъ доѣхали мы благополучно до московской дороги. Но тутъ было на меня опять горе: не зналъ я куда ѣхать, ибо отъ того мѣста можно было тремя дорогами домой ѣхать; но прямо не было ни слѣдинки, направо чрезъ Бузуково хорошо бы, но отъ села сего была до насъ дорожка самая малая и очень блудливая, полевая и очемъ перегальнѣ версты на три простирающемся, не могъ я безъ ужаса вспомнить.

Наконецъ пришло мнѣ въ голову, чтобъ

ѣхать совсѣмъ въ другую сторону, т.-е. влѣво и на заводы. Сюда было хотя гораздо далѣе, но по крайней мѣрѣ, думалъ я, что тамъ прудами и чрезъ заводы мы ошибиться не можемъ, а какова не мѣра, такъ можемъ гдѣ-нибудь на заводѣ и ночевать.

Кучеръ мой такъ былъ умёнъ, что позабывъ куда ѣхать: на право-ли, на лѣво-ли, и безъ моего приказанія велѣлъ ѣхать налѣво.

— Умница дорогой! кричалъ я тогда: уже и того не помнишь, въ которой сторонѣ домъ? однако ступай, ступай уже туда!

Итакъ, поѣхали мы на заводъ; дорога была чрезвычайно гладка и я сидѣлъ въ возкѣ, сжавши свое сердце, ибо отъ скорой ѣзды того и смотрѣлъ, что меня опрокинутъ.

Уже въ сумерки самыя глубокія пріѣхали мы на Ведьмино. Тогда жалки мнѣ стали мои люди; всѣ обмерзли, какъ Эолы и для того хотѣлъ-было заѣхать на часокъ къ знакомому нѣмцу, чтобъ ихъ обогрѣть. Однако какъ показалось мнѣ, что поутихло, то раздумалъ и поѣхалъ далѣе.

Но не успѣли мы въѣхать въ Саламыково, какъ оборвалось, такъ сказать, небо, и то-то можно было сказать, что ни зги тогда не видать было.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричалъ я, некуда далѣе ѣхать! заѣзжай къ прикащику саламыковскому.

Итакъ, заѣхали мы грѣться. Прикащикъ мнѣ радъ, тотчасъ грѣть для меня чай и обогрѣлъ онымъ и прежде не отпустилъ, покуда не прояснилось опять и мятель бить вовсе перестала.

Я невѣдомо какъ радовался тогда тому, что съ покоемъ доѣду до дома. Однако и тутъ на дорогѣ потеряли-было мы совсѣмъ и кучера своего.

Никто не видалъ въ темнотѣ, какъ онъ свалился у насъ съ козелъ и форрейтеръ знай себѣ скачетъ. Насилу, насилу докричались, чтобъ остановился и подождалъ, покуда придетъ наше дитятко и усядется на прежнее мѣсто.

Послѣ сего доѣхали мы уже до дома благополучно, а симъ образомъ и кончился сей достопамятный вояжъ мой, въ которой, на всѣ досады несмотря, я ни однажды не сердился, ибо зная, что все сердце мое тогда не помогло бы, а только меня обезпокоило, не далъ ему волю, а смѣялся только глупости людей своихъ, отлагая наказаніе за то до слѣдующаго дня; но по благодушію моему они и отъ того избавились, а я только покричалъ, побранился и потазалъ ихъ, валяющихся у ногъ моихъ и просившихъ прощенія.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то остановясь на семъ мѣстѣ, скажу, что я есмь и прочее.

(Октяб. 29 д. 1805).

Письмо 136-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ путешествовалъ, заѣзжала къ моимъ домашнимъ изъ Москвы наша Авдотья Андреевна съ матерью, и посидѣвъ немного, уѣхали домой.

Мнѣ сказывали боярыни мои, что нельзя человѣку быть болѣе въ радостяхъ, какъ была сговоренная сія тогда дѣвушка, а единственно оттого, что накупила себѣ на жениховы денежки нарядовъ болѣе нежели на полторы тысячи. Вотъ что можетъ производить въ молодыхъ людяхъ суетность и чрезмѣрная приверженность къ нарядамъ и уборамъ!

Пробыли они у насъ въ сей разъ такъ мало потому, что спѣшили пріѣхать домой; ибо какъ положено было у нихъ свадьбѣ быть въ тотъ же еще мясоѣдъ, а шла тогда уже пестрая недѣля и оставалось очень немного дней, то спѣшили онѣ, чтобъ воспользоваться сколько-нибудь оными и успѣть сдѣлать къ свадьбѣ всѣ нужныя приуготовленія.

Мы не только приглашены, но усильно упрошены были быть на оной, и я долженъ былъ опять готовиться играть на ней знаменитѣйшую съ ихъ стороны ролю. Почему на другой же день принуждены

и мы были отправляться въ Калединку, а потомъ и далѣе на свадьбу.

Я уже горевалъ, чтобъ не было опять такой же негодной погоды и не успѣлъ проснуться, какъ первое мое слово было, какова погода? сказываютъ мнѣ, что есть мятель.

— Такъ! возопилъ я: давно уже не было! и горюю, какъ ѣхать. Но по счастію стало утихать и до обѣда еще проведрилось и возстановилась прекрасная и тихая погода.

Радъ я тому невѣдомо какъ былъ и соглашался уже охотно ѣхать. Итакъ, отобѣдавъ дома и сѣвъ со всѣми моими госпожами въ возокъ, поѣхали мы туда, и какъ не застали никого въ Калединкѣ, то проѣхали прямо въ домъ къ невѣстѣ въ ея Мухановку.

Тамъ нашли мы полны горницы боярынь и всѣ онѣ заняты были работою, всѣ шили и готовили приданое. Наши взяли тотчасъ въ томъ же соучастіе и засимъ, просидѣвъ у нихъ долго, возвратились мы ночевать въ Калединку уже ночью.

На утріе не успѣли мы встать, какъ сказываютъ намъ, что женихъ пріѣхалъ. Онъ заѣхалъ къ намъ уже отъ невѣсты для соглашенія о томъ, гдѣ быть вѣнчанью и прочему.

Условились, чтобъ вѣнчаться имъ въ ближайшемъ оттуда селѣ Березовки, чѣмъ въ особливости были довольны всѣ наши барышни, ибо чрезъ то могли и онѣ всѣ церемонію сію видѣть. И какъ свадьбѣ положено было быть на утріе, а ввечеру сего дня надлежало отпускать въ городъ къ жениху приданое, то, проводивъ жениха и отобѣдавъ, спѣшили мы ѣхать для отпуска онаго въ Мухановку.

Но сколь удивленіе наше было велико, когда мы, пріѣхавъ туда, нашли странную комедію и обѣихъ хозяекъ въ превеликой ссорѣ. Дочка не знаю что-то неугодное молвила своей матушкѣ, а матушка вспылила и на дочку оборвалась-таки совсѣмъ: мечетъ, и рветъ и проклинаетъ ее въ тартарары.

Мы всѣ стали въ пень и не знали, что дѣлать; время было уже гораздо за полдень, надобно было еще много убирать и укладывать, а вмѣсто того хозяйки вздумали здорить и браниться. Мы говорить, чтобъ онѣ все сіе оставили и что теперь не такое время, но у хозяюшекъ нашихъ ушей нѣтъ. Одна пыхаетъ, и взадъ и впередъ ходитъ и дуется, а другая и въ усъ не дуетъ.

Досадно намъ сіе ужасно было всѣмъ, но пособить не знали чѣмъ. То возьмусь я, то тетка жены моей, то моя теща обѣихъ ихъ уговаривать, но онѣ никого не слушаютъ.

Наконецъ говорю я, зачѣмъ же мы пріѣхали и что намъ дѣлать, не лучше-ли подать лошадей и домой ѣхать?

Симъ нѣсколько мы ихъ устрашили, однако не могли онѣ скоро усмириться и не ладили до тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ братъ тетки жены моей, Василій Васильевичъ Арсеньевъ съ женою. Тогда-то, по увѣщанію моему, старуха-мать поутихла и тогда только начали убирать, укладывать и отпускать приданое, что все порядочно и произведено было въ дѣйство.

Приданое отправили мы на трехъ цукахъ въ возкахъ и на двухъ саняхъ и уже въ самыя сумерки. Сами же, посидѣвъ тутъ нѣсколько, поѣхали ночевать въ Калединку, ибо оная была только версты двѣ отъ Мухановки.

На утріе 7 числа февраля, какъ въ день назначенный для свадьбы, начали мы уже съ самаго утра готовиться и собираться, и я съ г. Арсеньевымъ имѣлъ дружескій споръ о томъ, кому изъ насъ обоихъ быть отцемъ посаженымъ у невѣсты: онъ упиралъ на меня, а мнѣ хотѣлось, чтобы онъ былъ.

Итакъ, принимались мы разъ пять спорить и кончили тѣмъ, что согласились кинуть жеребій или помѣриться. Итакъ, досталось ему, чему я очень былъ радъ, равно какъ предчувствуя, что послѣ тѣмъ буду болѣе еще доволенъ.

Пообѣдавши дома, поѣхали мы всѣ въ Мухановку, и тамъ товарищъ мой г. Арсеньевъ заспорилъ-было опять и не хо-

тѣлъ принять на себя коммиссіи быть отцемъ посаженымъ; но какъ приступили къ нему, какъ къ старѣйшему противъ меня, о томъ всѣ съ просьбою и сама невѣста просила его о томъ убѣдительнѣйшимъ образомъ и даже со слезами, то согласился онъ наконецъ взять на себя сію ролю.

Не успѣли мы сего кончить, а боярышни убрать невѣсту, какъ передъ вечеромъ прискакалъ къ намъ алексинскій подъячій съ извѣстіемъ, что женихъ съ поѣздомъ къ церкви уже отправился и велѣлъ насъ просить, чтобъ и мы пріѣзжали скорѣе и невѣста подписала обыкновенный обыскъ.

Тутъ напало на насъ съ господиномъ Арсеньевымъ новое горе, по обстоятельству, что бракъ сей былъ для насъ нѣсколько сумнительнымъ; жениху случалось когда-то съ невѣстою нашею крестить и они были кумовья между собою, а потому ни одинъ попъ не отваживался вѣнчать ихъ.

Женихъ принужденъ былъ для сего ѣздить нарочно къ архіерею въ Коломну просить разрѣшенія, и архіерей по просьбѣ его хотя и дозволилъ, однако указа не далъ, а было только письмо отъ секретаря консисторскаго; въ обыскѣ же было сказано глухо, что никакого родства противнаго правиламъ святыхъ отцевъ не было, и надлежало оной не только жениху и невѣстѣ подписать, но засвидѣтельствовать и всему поѣзду, слѣдовательно и намъ; но намъ сего учинить не хотѣлось, потому люди мы были посторонніе и намъ не хотѣлось ввязываться въ дѣло, которое могло возъимѣть какія-нибудь послѣдствія. Итакъ, согласились мы упорствовать до самой крайности и подписаться развѣ тогда, какъ будетъ требовать того уже самая необходимость.

Изготовившись совсѣмъ, поѣхали мы всѣ къ церкви, которая была ихъ приходская, и пріѣхали къ ней почти уже ночью. Женихъ съ поѣздомъ своимъ насъ тутъ давно уже дожидался, а сіе и послужило очень много въ нашу пользу, ибо за позднимъ временемъ шумѣть и спорить было некогда и мы нашли попа уже въ облаченіи, который при насъ тотчасъ и вышелъ и началъ свое священнодѣйствіе.

Намъ сказывали, что попъ сей хотѣлъ-было дать тягу и то-то бы удивилъ, если-бъ сіе сдѣлалъ, ибо свадьба бы тѣмъ разорвалась, или принуждено-бъ было отложить ее до Ѳоминой недѣли.

Онъ, сочтя время, что свадьба скоро будетъ и предъ самымъ тѣмъ сѣлъ въ сани и куда-то поскакалъ уже, но по счастію попался въ глаза женихову поѣзду. Воевода алексинскій, бывшій тутъ предводителемъ, тотчасъ его остановилъ и, посадя къ нему на сани своего человѣка, привезъ къ церкви, и не знаю уже, какъ-то они его уговорили, чтобъ обвѣнчалъ, но какъ бы то ни было, но при насъ никакого спора не было и мы очень рады и довольны были тѣмъ, что избавились отъ подписки.

Церковь и весь погостъ набитъ былъ смотрителями. Село сіе было монастырское и думать надобно, что въ церквѣ у нихъ никогда еще такой свадьбы не бывало, почему и собрался весь народъ для смотрѣнія сей церемоніи; а не мало было и дворянства въ церквѣ.

Съ жениховой стороны былъ помянутый воевода Тиличеевъ и съ нимъ еще господа: Корсаковъ, Селиверстовъ, Безсоновъ и еще нѣкоторые; а съ нашей мы съ г. Арсеньевымъ и множество боярынь, отчасти бывшихъ въ поѣздѣ и провожавшихъ невѣсту, отчасти пріѣхавшихъ смотрѣть, ибо какъ разстояніе было не велико отъ Мухановки и Калединки, то ѣздили къ церквѣ смотрѣть и всѣ дѣвушки и дѣвицы. Однимъ словомъ, свадьба была великолѣпная.

Ночь уже совершенная наступила, какъ окончилось вѣнчанье и для того зажжены были факалы и поѣхали съ оными.

Ѣхать намъ до Алексина верстъ 15 или болѣе, и мы принуждены были ѣздою своею нѣсколько поспѣшать, чтобъ не опоздать слишкомъ.

Мы увидѣли городъ Алексинъ за нѣсколько верстъ; зарево отъ зажженныхъ огней, которыми онъ освѣщенъ былъ, вид-

но было уже издалека. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ свѣтлѣе было намъ ѣхать и я признаюсь, что любовался симъ родомъ неубыточной иллюминаціи, состоящей въ единомъ зажиганіи разстановленныхъ по дорогѣ смоляныхъ бочекъ.

Домъ жениховъ можно было почесть наилучшимъ во всемъ этомъ недавно выгорѣвшемъ городѣ и насъ встрѣтили съ волторнами.

Мы нашли уже тутъ, по обыкновенію, все въ готовности и сѣли тотчасъ за столъ. Принималъ молодыхъ нѣкто бригадиръ Веригинъ, который, будучи у жениха отцемъ посаженымъ, и игралъ при столѣ первую ролю при обыкновенныхъ свадебныхъ обрядахъ.

Отужинавши, пошли мы, по обыкновенію, за сахары, и тутъ, выпивъ по чашкѣ кофею, распрощались съ невѣстою и боярыни увели ее отъ насъ; а вскорѣ послѣ того, проводивъ туда и жениха и пожелавъ ему счастливой ночи, поѣхали мы тотчасъ прочь.

Для ночеванія назначена была намъ заблаговременно квартира въ домѣ городского офицера, Золотова, и хотя ѣхать до него было очень недалече, однако мы всѣ въ прахъ настращались.

Проклятая рѣчка и ужасно крутая вершина Мордовка, которую намъ переѣзжать надлежало, была тому причиною. Съѣздъ былъ очень дуренъ, къ тому-жъ дорога такъ осклизла, что людямъ держать возки никакъ было не можно и повозки катились, какъ некованныя.

Къ вящему несчастью дорога была коса къ буераку и потому возки наши чуть-было не извалились въ самую пропасть и мы всѣ впрахъ перекричались. Совсѣмъ тѣмъ переправились мы благополучно и, приѣхавъ къ Золотову, расположились тутъ ночевать, нашедъ тутъ уже и мать невѣстину, приѣхавшую послѣ насъ изъ Мухановки.

Сколь порядочное было свадьбы нашей начало, столь напротивъ того окончаніе оной соединено было съ нѣкоторыми замѣшательствами. Во весь послѣдующій день все какъ-то у насъ не ладилось. По утру приѣзжалъ къ намъ, по обыкновенію, молодой благодарить тещу и звать всѣхъ насъ къ себѣ обѣдать.

Мы, дождавшись перваго часа, и поѣхали себѣ благополучно, но крайне удивились, не нашедъ въ домѣ у молодыхъ никого съ жениховой стороны.

Жена товарища моего, г. Арсеньева, будучи боярынею умною, но въ такихъ случаяхъ очень щекотливою и съ наровою и игравшая роль матери посаженой, сочла то великою обидою и презрѣніемъ ее и всей нашей стороны.

Но подлинною причиною было то, что госпожа бригадирша Веригина, какъ знаменитѣйшая съ жениховой стороны дама, изволила занемочь и не хотѣла на княжой пиръ ѣхать; а для ей не поѣхалъ и ея супругъ, а для сего не ѣхалъ и воевода, и какъ чрезъ то весь свадебный пиръ разстроивался, то молодой принужденъ былъ ѣхать еще къ нимъ и упрашивать убѣдительно, и насилу уговорилъ. Они приѣхали всѣ, кромѣ одной бригадирши.

Г-жа Арсеньева не могла утерпѣть, чтобъ не изъявить чувствительности своей женѣ воеводской, какъ второй дамѣ, но тѣмъ дѣла не поправила, а подала поводъ къ дальнѣйшимъ дамскимъ сплетнямъ и къ тому, что и воеводша дѣлала ей нѣкоторые выговоры.

Совсѣмъ тѣмъ обѣдъ происходилъ порядочно, но послѣ обѣда бригадиръ ушелъ отъ насъ, ни съ кѣмъ не простившись, а за нимъ принужденъ былъ ѣхать и воевода.

Однако сей опять возвратился и переѣзжалъ во весь день взадъ и впередъ, то домой, то опять къ намъ и такъ было во весь день какъ-то не очень весело, и мы затѣвали сами скоро послѣ того ѣхать и велѣли уже подавать лошадей. Но молодые и воевода упросили насъ остаться ночевать и мы хотя долго отговаривались, но наконецъ согласились, а не успѣли мы остаться, какъ и начались у насъ танцы.

Случившійся тутъ какой-то капельмейстеръ игралъ на скрипкѣ, и мы съ воеводшею и прочими танцовали, и протан-

цовали часу до десятаго. Однако я танцовалъ не гораздо много по причинѣ, что отвлекало меня нѣчто другое и любопытнѣйшее.

Я нашелъ тутъ одного офицера, пріѣхавшаго только-что изъ главной арміи въ отставку, и я съ нимъ наиболѣе занимался и говорилъ объ арміи и военныхъ тогдашнихъ происшествіяхъ и обстоятельствахъ.

Напослѣдокъ имѣла наша сторона опять нѣкоторое неудовольствіе. Воевода не сталъ тутъ ужинать, но поѣхалъ домой для больной своей тетки, госпожи бригадирши, а съ нимъ и всѣ гости.

Итакъ, остались мы почти одни, отужинали почти запросто и, переночевавъ въ домѣ у молодыхъ, на другой день ранехонько возвратились во-свояси.

Симъ образомъ кончили мы сіе дѣло и съиграли тогда свадебку. Возвратясь же въ Калединку и поѣздивъ кое-гдѣ тутъ по гостямъ, въ середу возвратились въ свой домъ и успѣли захватить еще кончикъ масляницы и препроводили достальную часть оной съ друзьями и сосѣдями своими очень весело.

Что касается до нашихъ новобрачныхъ, то жили они довольно хорошо и Авдотья наша Андреевна благопріятствовала намъ и по замужествѣ также, какъ и прежде, и намъ не одинъ разъ случалось бывать у нихъ въ домѣ и ею, какъ уже хозяйкою, быть угощиваемымъ.

Но жизнь мужа ея, которому пособила она поопростать свои сундуки и карманы, недолго продолжилась. Чрезъ немногіе годы послѣ того онъ, по дряхлости своей, кончилъ жизнь, а жена его, слюбившись съ нѣкакимъ г. Перхуровымъ, вышла за онаго замужъ; но симъ вторымъ супружествомъ была не очень счастлива. Наконецъ, какъ мужъ ея былъ племянникомъ г. Кашкину, то это время, когда былъ сей тульскимъ намѣстникомъ, случилось и ей въ Тулѣ играть знаменитую ролю, и мы сами пользовались при семъ случаѣ ея благопріятствомъ и дружбою. Но по смерти г. Кашкина лишилась скоро она и своего второго мужа и сдѣлалась опять свободною, живетъ и понынѣ въ своей Мухановкѣ бездѣтною вдовою.

Возвращаясь теперь къ повѣсти моей скажу, что весь послѣдующій за симъ великій постъ и достальную часть нашей зимы провели мы нарочито хорошо и благополучно, и важныхъ происшествій съ нами почти никакихъ не было.

По обыкновенію своему всѣ мы въ первую недѣлю говѣли, а потомъ начались у насъ опять кое-куда разъѣзды и съ друзьями и пріятелями нашими свиданіи. Изъ сихъ въ особливости достопамятно было свиданіе съ живущимъ въ Федешовѣ генераломъ Иваномъ Алистарховичемъ Кислинскимъ.

Сей человѣкъ знакомъ былъ мнѣ отчасти еще по Пруссіи, гдѣ онъ въ Мемелѣ былъ комендантомъ, а какъ онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ г. Крюковымъ и сестрою тетки жены моей, то не рѣдко случай доводилъ видать намъ жену его съ дочерьми въ семъ домѣ, у которыхъ всегдашнею ласкою, оказываемою къ моей тещѣ и женѣ, были мы всегда довольны.

Но совсѣмъ тѣмъ до сего времени не было у насъ съ его домомъ короткаго знакомства, а въ сей разъ случившаяся небольшая намъ до него нуждица побудила насъ къ нему ѣхать и подала поводъ къ сведенію съ нимъ ближайшаго знакомства.

Нуждица помянутая была особаго рода: въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ у него была у насъ жены моей деревенька, общая съ разными другими помѣщиками и въ ней купленное у одной госпожи давно, и прежде еще женитьбы моей одно усадебное мѣсто, но не получено было на нее порядочной купчей, а было только своеручное письмо.

А какъ помянутому господину Кислинскому случилось незадолго до того купить у оной госпожи всю ея часть, то опасались мы, чтобъ не вышло у насъ съ нимъ о помянутой усадебной землѣ, на которой сидѣлъ у насъ уже крестьянскій дворъ, какихъ-нибудь непріятностей, и мы всѣ очень тѣмъ озабочивались и рѣшились съѣздить къ нему и, признав-

шись откровенно въ неимѣніи еще купчей, поговорить съ нимъ о семъ смутномъ обстоятельствѣ.

Г. Кислинскій принялъ насъ очень ласково и благопріятно, и поступилъ въ разсужденіи онаго дѣла такъ, какъ только можно было требовать отъ умнаго, честнаго и добраго человѣка, и уничтожилъ все наше сомнѣніе искреннимъ увѣреніемъ насъ, что онъ никакой претензіи на насъ имѣть не будетъ и обезпечилъ насъ съ сей стороны совершенно, чѣмъ мы очень были довольны.

И съ сего времени началось у насъ съ его домомъ ближайшее и то знакомство, которое послѣ обратилось не только въ дружество, но и родство самое, какъ о томъ упомяну я въ свое время.

Впрочемъ, съ началомъ великаго поста проводили мы ближайшаго нашего сосѣда и меньшого нашего двоюроднаго брата опять на службу въ Петербургъ, и онъ поѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему иттить въ выпускъ, чего однако мы ему не совѣтовали.

Такимъ же образомъ поѣхаль-было въ Петербургъ и другой нашъ сосѣдъ, Матвѣй Никитичъ, но, доѣхавъ до Москвы, раздумалъ и возвратился назадъ.

Между тѣмъ во все праздное время не преставалъ я продолжать заниматься литературою, и какъ къ писанію сдѣлалъ я уже привычку и часъ отъ часу находилъ въ томъ болѣе удовольствія, то и въ сіе время многіе дни и часы употребилъ на сіе упражненіе.

Я переписалъ и отослалъ въ Петербургъ шестое свое экономическое сочиненіе «О картофелѣ и дѣланіи изъ него муки», продолжалъ сочинять «Наказъ управителю», собралъ и умножилъ знатнымъ числомъ нѣкоторыя сочиненныя до того нравоучительныя правила и составилъ изъ нихъ особую книжку, а другую подъ именемъ «Театра куріозностей» составилъ изъ разныхъ записокъ о всякихъ извѣстныхъ мнѣ хитростяхъ и любопытныхъ вещицахъ, и старался всѣмъ тѣмъ укомплектовать мою библіотеку и довесть ее до 700 книгъ, въ которое число недоставало только немногихъ.

Впрочемъ достопамятно, что около сего времени получилъ я первоначальную мысль о написаніи систематической книги «О благополучіи человѣческой жизни», отъ которой мысли впослѣдствіи времени и имѣлъ мой «Путеводитель» свое происхожденіе.

Съ другой стороны занимался я цвѣточными произрастеніями. Охота моя до нихъ увеличивалась съ каждымъ годомъ, и какъ многія изъ нихъ содержались у меня въ зимнее время въ горшкахъ и нѣкоторыя были мнѣ не коротко еще извѣстны, то доставляли и онѣ мнѣ не одну пріятную минуту, а особливо при своемъ разцвѣтаніи, котораго иногда дожидался я съ великою нетерпѣливостью и получалъ при томъ удовольствіе превеликое.

Но не прошелъ постъ сей и безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Съ одной стороны напугала-было насъ моя теща, занемогши вдругъ весьма сильно и такъ, что мы даже боялись, чтобъ ее не лишиться; но по счастію продолжалось сіе недолго, и мы успѣли помочь ей кровопусканіемъ и разными другими средствами.

Съ другой стороны досталось и мнѣ на свой пай помучиться нѣсколько дней сряду наижесточайшею зубною болѣзнію.

Болѣзни сей подверженъ я былъ издавна и почти съ самаго малолѣтства и рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ она меня не посѣтила, но въ сей разъ она прямо, такъ сказать, вздурилась.

Всѣ употребляемыя до того и мнѣ извѣстныя средства не хотѣли помогать нимало и я не зная, наконецъ, что съ ними дѣлать и находясь отъ нестерпимой боли въ самой крайности, согласился на совѣтъ, чтобъ послать на Ченцовскій заводъ къ одной старухѣ, о которой меня давно уже увѣряли, что она лечитъ зубную болѣзнь отмѣнно хорошо; но она удивила меня, сказавъ посланному, что для леченья надобно ей видѣть мѣсяцъ, а какъ тогда было туманно, то говорила она, что надобно мнѣ будетъ помучиться

еще дни два, покуда прояснится и небо будетъ чисто.

Признаюсь, что такого рода леченія я до того еще и не слыхивалъ, а особливо дивился тому, что она хотѣла лечить меня заочно; но по счастію, сдѣлавшаяся въ щекѣ опухоль и прорвавшійся на деснахъ нарывъ, пресѣкъ на сей разъ мое страданіе.

Наконецъ съ приближающимся окончаніемъ поста приближалось уже и окончаніе нашей зимы, бывшей въ сей годъ очень дурною и непостоянною.

Уже начинались мало по малу тали отъ пригрѣванія солнца и появлялися первые герольды и превозвѣстники весны, то-есть вешнія птицы.

И какъ для меня время сіе наипріятнѣйшее во всемъ годѣ и я чувствую всегда отмѣнную при томъ пріятность, то и въ сей годъ не упустилъ я воспользоваться тѣми пріятными и восхитительными для меня минутами, какія можетъ доставлять намъ то блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями натуры, которому научился я уже такъ давно и въ бытность свою еще въ Пруссіи и которому обязанъ я безчисленными пріятными минутами въ жизни.

Итакъ, какъ скоро только можно было выходить въ садъ и на прекрасной горѣ моей посѣщать всѣ обнажающіеся отъ снѣга холмики и бугорки, какъ спѣшилъ я уже на оные, привѣтствовалъ ихъ всѣми ласками, разговаривалъ мысленно и изустно съ приближающеюся и наступающею уже весною, воображалъ себѣ всѣ будущія ея разнообразныя прелести и утѣшался ими мысленно и душевно такъ, какъ бы уже существующими уже дѣйствительно, и продолжалъ утѣшать себя сими невинными увеселеніями почти ежедневно.

Когда же наступила у насъ половодь, бывшая въ сей годъ у насъ въ послѣдній день мѣсяца марта, то утѣшеніямъ моимъ конца не было. Я по нѣскольку разъ въ день выбѣгалъ на ребро прекрасной горы своей любоваться милою и любезною своею Скнигою рѣкою.

Ни въ которое время въ году не бываетъ она такъ хороша и зрѣнія достойна, какъ въ сіе половодное, а особливо когда случится быть половоди большой и дружной и такой, какая была у насъ въ сей годъ.

Превеликое разлитіе водъ ея и получаніе вида рѣки большой и быстрой; сплываніе разнообразныхъ и гдѣ большихъ, гдѣ малыхъ икръ, или льдинъ ея; спираніе оныхъ на мѣстахъ мелкихъ и узкихъ; страшный шумъ, дѣлаемый продирающеюся сквозь оныя водою; составляющіеся чрезъ то огромныя заводи и пруды, и паки вдругъ уничтожающіеся отъ прорванія ледяного оплота; быстрое несеніе сихъ икръ внизъ по прорвавшейся водѣ; бѣганіе ребятишекъ по берегамъ вслѣдъ оныхъ и произносящихъ радостныя восклицанія; ловленіе другими и старѣйшими людьми рыбы; радость и всеобщая суета прибрежныхъ жителей, видимая съ горы... представляли для глазъ такіе предметы, которымъ довольно насмотрѣться и коими довольно налюбоваться, а особливо въ красный и ясный день невозможно. Въ сіе время одни брызги, производимыя продирающеюся сквозь стѣснившіяся икры водою, представляютъ уже преузорочное для глазъ зрѣлище!

Какъ съ сею половодью окончился у насъ и великій постъ и наступила у насъ и весна и святая недѣля, то предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе о томъ, какъ мы ее проводили, письму будущему, теперечнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Октяб. 30 дня 1805).

Письмо 137-е.

Любезный пріятель! День пасхи праздновали мы по старинному обыкновенію и такъ, какъ праздновали его наши предки.

Продолжавшаяся еще половодь и сдѣлавшаяся отъ сошедшаго уже совсѣмъ снѣга повсемѣстная ростополь, сколь многіе ни предполагала, намъ препоны

къ ѣздѣ къ своей приходской церквѣ, однако мы всѣ оные не уваживъ, и хотя съ превеликимъ трудомъ и кое-какъ и кое на чемъ, поѣхали наканунѣ еще сего дня въ село наше, и переѣхавъ по сдѣланной на скорую руку на Гвоздевкѣ гати, доѣхали еще туда засвѣтло и, по старинному обыкновенію, ночевавъ, хоть и съ безпокойствомъ, въ домѣ у попа, отслушали завтреню вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, а потомъ и обѣдню; но отъ церкви переѣзжали уже рѣку въ деревнѣ, хотя вода была такъ еще глубока, что доставала по самыя дроги нашей коляски.

Отобѣдавъ съ одними попами и отдохнувъ, провели мы день сей хотя одни, ибо никто изъ деревенскихъ сосѣдей къ намъ не пріѣхалъ, но довольно весело.

Сперва усѣлись-было мы со всею семьею играть въ кадриль, но прекраснѣйшая погода выгнала насъ скоро изъ хоромъ. День случился тогда самый ясный и погода теплая и самая вешная. Снѣгу почти нигдѣ было уже не видно и одни только вершины кой-гдѣ бѣлѣлись. Напротивъ того натура хотя и не начинала еще облекаться въ зеленую свою одежду и весна господствовала только въ комнатахъ; однако, несмотря на то, всѣ мѣста представлялись уже очамъ въ иномъ и пріятнѣйшемъ видѣ.

Поля, имѣющія сокрытую въ нѣдрахъ своихъ всю надежду земледѣльца, являли остатокъ прежней зелени своей и веселили сердце поселянина. Они, взирая на оныя, радовались духомъ видя, по своему нарѣчію, «корешекъ довольно надежный.»

Любитель садовъ имѣлъ и могъ уже находить тысячи предметовъ, ему увеселеніе доставляющихъ. Сіе я довольно испыталъ собственною своею опытностью.

Какъ еще ни грязно было въ садахъ, но я не могъ утерпѣть, чтобъ всѣ ихъ не обѣгать и не посѣтить всѣ любимѣйшія мѣста въ нихъ. Они едва освободились только тогда отъ зимняго своего бѣлаго покрывала и всѣ, такъ сказать, напрерывъ другъ предъ другомъ призывали меня къ себѣ и требовали, чтобъ я каждое изъ нихъ посѣтилъ, и осмотрѣлъ всѣ-ли онѣ цѣлы, всѣ-ль здоровы и все ли благополучно перенесли всю минувшую суровость зимы жестокой.

Индѣ встрѣчали собою зрѣніе мое яблони и груши, и веселили уже нѣкоторыми признаками будущаго ихъ въ сей годъ изобилія цвѣта, а можетъ быть и плодовъ самыхъ. Въ другомъ мѣстѣ долженъ я былъ пробираться къ грядкамъ, имѣющимъ въ себѣ что-нибудь сокрытое. Я веселился, находя ихъ въ добромъ и надежномъ состояніи.

Одни только гвоздички, сіи нѣжныя и чужеземныя произрастенія, представились мнѣ въ несчастномъ и печальномъ видѣ. Хищные земляные звѣрки похитили у нихъ всѣ ихъ листья и повредили такъ, что они отъ того погибнуть были должны.

Напротивъ того тюльпанныя грядочки и мѣста увеселяли собою и духъ и зрѣніе мое. Сіи раннія и прекрасныя произрастенія, несмотря на всю еще суровость тогдашняго воздуха и не взирая на то, что никакая еще травка не начинала оживать, стремились уже вонъ, равно какъ изъявляя свое мужество и презираніе всей будущей еще стужи и морозовъ.

Всѣ они вылѣзли уже тогда изъ земли, сокрывающей въ нѣдрахъ своихъ луковицы ихъ и коренья, и свернувшись еще листочками своими, либо желтѣлись, либо краснѣлись.

Я не могъ смотрѣть на нихъ безъ удовольствія особливаго и обойтись безъ того, чтобъ ихъ, по обыкновенію своему, не приласкать и съ новымъ появленіемъ на свѣтъ не привѣтствовать.

Въ другихъ мѣстахъ призывали меня къ себѣ розены и грѣцкіе орѣхи. Стараніе садовника раскутало ихъ отъ духоты, и свободило отъ зимняго покрова и защиты. Казалось, что всѣ они веселились, начиная дышать опять свободнымъ воздухомъ на просторѣ.

Индѣ звала меня къ себѣ скороспѣшная сиринга, для утѣшенія зрѣнія моего своими раздувающимися уже почками, а въ другомъ мѣстѣ прекрасные пер-

венцы весны и цвѣтущія уже ягодки очаровывали собою мое зрѣніе и заставляли веселиться. Однимъ словомъ, все уже начинало власно какъ помышлять о будущемъ своемъ великолѣпіи и все производило любителю натуры садовъ и уединенія пріятное увеселеніе.

Съ другой стороны, по случаю тогдашняго праздника весь народъ казался погруженнымъ въ нѣкоторой особой и невинной родъ веселія и удовольствія.

Тамъ виденъ былъ старецъ, вышедшій изъ своей хижины, въ которой препроводилъ онъ всю зиму, какъ въ заточеніи, боясь показаться на стужу. Онъ стоялъ опершись на костыль свой и глоталъ свѣжій и пріятный воздухъ въ себя и имъ власно какъ оживотворялся.

Индѣ играла молодость между собою и невинными утѣхами забавлялась. Повсюду видимы были небольшія кучки и круговенки и малыхъ и взрослыхъ, катающихъ яйцы или біющіяся ими. Самые такіе, которые пережили уже большую половину вѣка своего и приближались уже къ старости, дѣлали сообщество съ ними и занимались съ малолѣтными дѣломъ, которое не инымъ чѣмъ, какъ невинною игрушкою почесть можно.

У меня предъ окнами была цѣлая толпа сихъ веселящихся. Я велѣлъ для лучшаго увеселенія ихъ сдѣлать имъ особливаго рода лунку, чѣмъ они крайне были довольны.

Самыя боярыни наши не могли усидѣть въ сей день въ хоромахъ, но вышли и въ первый еще разъ посѣтили сады мои, или мѣста въ нихъ обсохшія.

Бесѣдка моя на горѣ начинала уже быть обитаемою и лишаться пустоты своей, а ввечеру принуждены мы были коекакъ сдѣлать для нихъ проходъ къ круглымъ моимъ качелямъ въ саду, и мы съ ними обновили сіе лѣто, покачавшись на оныхъ.

Съ сего-же дня начали мы и ужинать не при наемномъ свѣтѣ, но еще засвѣтло. Казалось, что и сіе сопряжено было съ нѣкакимъ особымъ удовольствіемъ.

Симъ образомъ провели мы сей первый день святой недѣли хотя одни и безъ гостей, но довольно весело; изъ прочихъ же дней не было ни одного, въ которой бы не было кого у насъ или мы у кого; и когда за распутицею не можно еще было никуда вдаль ѣздить, то переходили и переѣзжали мы изъ дома въ домъ своей деревни и употребляли всѣ роды забавъ для удовольствія и увеселенія своего.

Во вторникъ были у насъ, по старинному обыкновенію, образа и весь дворъ наполненъ былъ народомъ, ибо тогда было еще обыкновеніе, что съ образами хаживали не по утрамъ однимъ, а во весь день и образа даже ночевывали внѣ церкви и гдѣ случится, и народа всегда слѣдовала превеликая толпа за оными; и какъ они въ господскихъ домахъ долго и по цѣлому дню пробывали, то послѣ угощенія всѣхъ сихъ годичныхъ гостей, производимы были на дворахъ разныя игры и въ разныхъ мѣстахъ катанія яицъ. И день таковой обыкновенно бывалъ очень веселъ.

Въ середу же были они у моего брата Михаила Матвѣевича и всѣхъ насъ угощалъ онъ у себя, а въ четвергъ происходило все сіе у Матвѣя Никитича, и мы всѣ были у него и также веселились; а въ пятницу ѣздили мы съ братомъ въ Сенино, къ Александру Ивановичу Ладыженскому, верхами, ибо ни на чемъ иномъ ѣздить было еще не можно и вода такъ была еще велика, что мы съ трудомъ и верхами переѣзжали; а оттуда проводилъ онъ насъ до нашей деревни и у насъ во всѣхъ домахъ дни два пропраздновалъ; а симъ образомъ нечувствительно и съ удовольствіемъ и провели мы всю сію недѣлю.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ время свое въ праздности и однихъ увеселеніяхъ и забавахъ препровождали, натура была не такова нерадива, но, дѣйствуя и работая каждую минуту, въ немногіе сіи дни произвела великую во всемъ перемѣну.

Вся земля нетолько уже обсохла, но начинала уже и одѣваться зеленью, во

всѣхъ произрастеніяхъ начиналъ уже сильно дѣйствовать сокъ.

Многія изъ нихъ готовились уже распуститься и одѣвать себя листомъ, и какъ сіе время было высочайшее и наиудобнѣйшее для вешней садки въ садахъ, то по увеличивающейся съ каждымъ годомъ охотѣ моей къ садамъ, горѣлъ я уже нетерпѣливостью и вожделѣніемъ, чтобъ скорѣй прошли гулящіе дни и можно было приняться за вешнія работы и не упустить сего нужнаго, но весьма краткаго періода времени тщетно.

И потому не успѣла пройтить и кончиться святая недѣля, какъ и принялся я за мои сады и какъ за чищеніе, охоливаніе и прибираніе всего въ нихъ, такъ и за посадку въ нихъ разныхъ деревъ и кустарниковъ, и занимался тѣмъ не только ежедневно, но почти всякій часъ и съ такою ревностью, что не желалъ уже, чтобъ въ сіе время кто-нибудь ко мнѣ пріѣзжалъ и отрывалъ меня отъ работъ сихъ, почему ни въ которое время такъ мало ни бывалъ я радъ онымъ, какъ въ сіе; а того досаднѣе были мнѣ случающіяся иногда въ такія времена необходимыя отлучки отъ дома и разъѣзды по гостямъ.

Въ сихъ упражненіяхъ и безпрерывныхъ почти садовыхъ работахъ препроводилъ я всю Ѳомину недѣлю и не отлучался почти никуда отъ дома, а отказывая напрямки всѣмъ подзывавшимъ меня къ себѣ.

Сіе случилось въ особливости съ кумомъ моимъ г. Ладыженскимъ; сему вздумалось прислать звать меня къ себѣ въ понедѣльникъ еще обѣдать. Присланный нашелъ меня въ саду и только-что разработавшаго и не успѣлъ мнѣ посольства своего проговорить, какъ, захохотавъ, возопилъ я:

— Статошное-ли это дѣло, братецъ! Такое ли теперь время, чтобъ разъѣзжать? гуляютъ теперь одни только лежебоки и тунеядцы, а экономамъ теперь на мунуту отлучаться некогда. Поклонись, братецъ, Александру Ивановичу и скажи, что ей-ей-де, батюшка, мнѣ не возможно и недосугъ, да ты и самъ, мой другъ, видишь, что я по самую шею занятъ дѣлами и я ни для кого теперь не отлучусь отъ дома.

А симъ образомъ отбояривалъ я нерѣдко безъ дальнихъ церемоніаловъ и другихъ; но никто мнѣ такъ досаденъ не бывалъ, какъ наши госпожи боярыни, когда случалось, что онѣ въ нужныя такія времена подзывали куда-нибудь ѣхать въ гости, и когда не доставало способовъ отклонить чѣмъ-нибудь таковыя ѣзды и неблаговременныя отлучки, а принуждено противъ хотѣнія и для сдѣланія имъ единственно удовольствія, бросая и покидая все, съ ними ѣхать.

Въ субботу или въ послѣдній день сей недѣли, между прочими дѣлами, имѣлъ я удовольствіе обновить въ первый разъ новопостроенную въ саду у меня и самую ту осмиугольную бесѣдку, которая и понынѣ еще, хотя уже на другомъ мѣстѣ, существуетъ.

Она поспѣла около сего времени совсѣмъ, и обновленіе маленькаго сего увеселительнаго храмика состояло въ уединенномъ чтеніи въ ней «Платоновой богословіи», которая книга мнѣ въ особливости тогда полюбилась; вкупѣ съ симъ соединилъ я и увеселеніе себя тогдашними красотами натуры, которая часъ отъ часу становилась уже прелестнѣе.

Пріятности весны умножались уже съ каждымъ часомъ, все начинало уже тогда развертываться. Смородина была уже зеленехонька, въ цвѣтникѣ цвѣли уже самые ранніе луковочные цвѣты, звѣзды; они цвѣли у меня еще въ первый разъ и я никогда ихъ до того не видывалъ, и какая была для меня радость, когда я ихъ нечаянно цвѣтущіе увидѣлъ.

Прекрасные маленькіе голубые гіацинтики, цвѣтки весьма любимые мною, готовы были также къ разцвѣтанію и вмѣстѣ съ прочими, также вылѣзающими изъ земли цвѣточными произрастеніями, меня увеселяли; а погода случилась тогда такая хорошая и пріятная, что я въ сей день по нѣскольку разъ посѣщалъ каждое мѣсто и не могъ пріятнымъ вешнимъ

воздухомъ довольно надышаться и препроводилъ весь сей день на воздухѣ.

Но въ послѣдующій за симъ день напротивъ того занятъ я былъ совсѣмъ другого рода и важнѣйшими суетами. Положено было у насъ, чтобъ въ сей день, по приглашенію тётки жены моей, ѣхать въ Калединку, но вдругъ получаемъ мы извѣстіе, что будетъ къ намъ къ вечеру г-нъ Полонскій.

Сіе насъ остановило, а не успѣли мы, съѣздивши къ обѣднѣ, отобѣдать, какъ сказываютъ намъ, что ѣдетъ карета. Мы не сомнѣвались, что былъ то г-нъ Полонскій, однако въ томъ обманулись. Это были наши алексинскіе молодые, пріѣхавшіе къ намъ съ свадебнымъ визитомъ.

Гостей сихъ мы давно уже дожидались и они насилу, насилу собрались къ намъ пріѣхать. Они обрадовали насъ своимъ пріѣздомъ, но вкупѣ навлекли и хлопоты; ибо какъ они еще не обѣдали, то принуждены мы были суетиться о томъ, чтобъ ихъ скорѣе накормить.

Они сказывали намъ, что вмѣстѣ съ ними хотѣлъ-было къ намъ быть и алексинскій воеводскій товарищъ, г-нъ Солнцевъ, человѣкъ мнѣ совсѣмъ незнакомый, но о которомъ сказывали они мнѣ, что онъ, наслышавшись много обо мнѣ и читая сочиненія моего книги, несказанное желаніе имѣетъ со мною познакомиться и просилъ ихъ, чтобъ они меня съ нимъ познакомили.

Признаюсь, что сіе пріятно было мнѣ слышать, ибо сіе щекотило нѣкоторымъ образомъ мое самолюбіе и я таковому гостю очень бы былъ радъ.

По накормленіи моихъ гостей и посидѣвъ съ ними, повелъ-было я г-на Ферапонтова въ свой садъ для показанія ему всѣхъ достопамятностей въ ономъ; но не успѣли мы съ нимъ въ садъ войтить, какъ гляжу бѣжитъ ко мнѣ отъ сосѣда моего Матвѣя Никитича слуга его Самойла.

— Что такое и зачѣмъ? спросилъ я.

— «Матвѣй-де Никитичъ приказалъ кланяться и донесть вамъ о своей радости, что Богъ даровалъ ему сына».

— Слава, слава Богу! возопилъ, обрадуясь, сіе услышавъ. Вотъ новая отрасль маленькой нашей фамиліи; радуюсь душевно и дай Богъ ему вырость великимъ. Но какъ, братецъ, его назвали?

— «Не знаю, отвѣтствуетъ мнѣ слуга: но дитя очень худъ и приказали васъ просить, чтобъ пожаловали какъ можно скорѣе для принятія его отъ купели, послали уже и за попомъ давно».

Сіе привело меня въ превеликое нестроеніе; не хотѣлось мнѣ оставить и просьбы родственника сего втунѣ и тѣмъ паче, что хотѣлось мнѣ его тѣмъ обязать и одолжить, но нельзя было и гостя небывалаго оставить. Но что дѣлать, думаю я, что на меня не прогнѣвается, а это нужда законная. Итакъ, говорю слугѣ, что буду, а прибѣжалъ бы онъ мнѣ сказать, какъ попъ придетъ.

Не успѣлъ я его отпустить и продолжалъ еще безпокоиться о томъ мыслями, какъ приходятъ ко мнѣ въ садъ обоихъ братьевъ моихъ старосты, требовать резолюцію о наемной ихъ землѣ съ нѣсколькими человѣками наемщиковъ.

Я, занятъ будучи инымъ дѣломъ, говорю имъ, что мнѣ теперь не время съ ними хлопотать и чтобъ шли они къ Михайлу Матвѣевичу.

— «Мы были уже у него, отвѣтствовали они мнѣ: но братецъ занемогъ и очень боленъ и прислалъ насъ къ вамъ».

— Вотъ еще новость! воскликнулъ я, давно-ли онъ занемогъ?

— «Со вчерашняго дня, и боленъ очень».

Что было тогда дѣлать, принужденъ былъ прохлопотать и съ ними нѣсколько времени; но едва только я кончилъ сіе дѣло, какъ прибѣгаетъ безъ души опять Самойла и говоритъ, чтобъ я пожаловалъ скорѣе, что попъ уже пришелъ и дитя очень худъ.

Что тогда оставалось дѣлать? я принужденъ былъ просить гостя своего, чтобъ на мнѣ не взыскалъ, что я на короткое время отлучуся, и какъ онъ самъ меня къ тому побуждалъ, то побѣжалъ я благимъ матомъ туда.

Я нашелъ тамъ и дѣйствительно всѣхъ въ великой горести и печали и дитя почти умершее, и какъ все было уже готово, то мы и начали его крестить съ дочерью г-жи **Темирязовой**, **Прасковьей Васильевной**, случившеюся тогда у нихъ въ домѣ. Но я могу сказать, что крестины сіи были со грѣхомъ пополамъ и я истинно не знаю, живого или мертваго ребенка мы тогда крестили.

По крайней мѣрѣ не видалъ я ни одного признака жизни, а говорили только, что онъ изрѣдка будто рыгалъ, а дыханія не было; но когда въ холодную воду его погрузили, то скончалось оно совершенно, не могши перенесть такого удара и попъ совершилъ уже дальнѣйшій обрядъ и мѵропомазаніе по единому увѣренію, что жилки будто-бы еще бились, однако сего было вовсе непримѣтно, и дитя было мертво.

Такимъ образомъ фамилія и родъ пашъ умножился-было въ сей день новою отраслью, но и опять оной лишился. Мы тогда несчастіе сіе по молодости лѣтъ отцевыхъ ни мало не уважили.

Но могъ-ли я тогда вообразить себѣ, что отрасль сія была гораздо важнѣе и что она была самая послѣдняя на суку, поколѣніе сего дома составляющаго и что съ ребенкомъ симъ пресѣклось все мужское поколѣніе сего стариннаго и знаменитѣйшаго дома нашей фамиліи и все стяжаніе онаго перейдетъ современемъ въ посторонній и другой родъ и фамилію.

Произошло несчастіе сіе отъ того, что мать повредила себя, ѣздивши за три дни до того на тряскихъ дрожкахъ къ Михайлѣ Матвѣевичу, и къ тому-жъ пристала къ ней жестокая горячка и она сама находилась тогда въ такой опасности, что мы опасались о ея жизни.

Гости у насъ въ сей разъ не ночевали, а поѣхали въ Милино, и мы, проводивъ ихъ, спѣшили навѣстить нашихъ болящихъ; боярыни поѣхали навѣщать бѣдную родильницу, а мы съ **Надеждою Андреевною**, моею племянницею, пошли навѣщать Михайлу Матвѣевича, и нашли его дѣйствительно очень больнымъ и не шутя занемогшимъ, и, по всѣмъ признакамъ, горячкою. Итакъ, оба наши сосѣдственные домы посѣщены были тогда печалями.

Что же касается до г-на Полонскаго, то онъ къ намъ въ сей день не бывалъ и мы прождали его напрасно.

На утріе не стали мы уже далѣе отлагать ѣзды своей въ Калединку, но послѣ бѣда въ путь сей отправились, боярыниовсѣ въ коляскѣ, а я, для лучшаго простора, въ одноколкѣ. Мы взяли въ сей разъ съ собою и малютку дочь нашу **Елисавету**, которая въ сіе время уже все почти говорила, и это былъ первый ея выѣздъ изъ родительскаго дома въ гости.

Чтобъ не скучно было мнѣ ѣхать, то вздумалъ я дорогою дѣлать дѣло, которое исполнить давно собирался, а именн вымѣрить наиточнѣйшимъ образомъ разстояніе между моею деревнею и Калединкою, въ которую мы такъ часто ѣзжали; что я и исполнилъ и нашелъ, что она гораздо отъ насъ далѣе, нежели мы думали. Мы полагали не болѣе 18, а оказалось ровно 24 версты.

Образъ измѣренія сего изобрѣтенъ былъ самимъ мною, и какъ онъ самый легкій, неубыточный и удобный для всякаго и безъ малѣйшей остановки въ ѣздѣ можетъ въ лѣтнее время производимъ быть въ дѣйство, то и упомяну я объ ономъ обстоятельнѣе.

Все дѣло состояло въ томъ, что я вымѣрялъ ободъ задняго колеса моей одноколки вершками, и на число сіе раздѣлилъ число вершковъ въ четвертѣ верстѣ; вышедшее изъ сего дѣленія число означало, сколько разъ долженствовало колесо мое обернуться въ четверти верстѣ, и какъ оно было 60, то, посадивъ мальчика за одно со мною, велѣлъ безпрестанно смотрѣть на колесо и, считая каждое обращеніе его, насчитывать 60 разъ и тогда закричать **разъ**, дабы я могъ услышать и замѣтить разы сіи ножемъ на палочкѣ зарубкою; а чтобы удобнѣе ему было считать, то къ одной

спицѣ того колеса привязанъ былъ клочекъ красненькаго суконца, и какъ 4 зарѣзанныхъ мною зарубки составляли версту, то и могъ я видѣть гдѣ каждая верста начиналась и оканчивалась и мѣста сіи замѣчать въ умѣ своемъ.

Родъ измѣренія сего такъ мнѣ полюбился, что я послѣ того многія разстоянія симъ образомъ вымѣрялъ и измѣрялъ помянутымъ образомъ колесо у моей кареты, которое обращается еще медленнѣе и не болѣе 55 разъ въ четверти верстѣ, а вмѣсто зарѣзыванія на палочкѣ загибалъ каждый разъ на рогаточкѣ, нарѣзанной изъ карты, какія употреблялись при играніи въ трисетъ. Для удобнѣйшаго же считанія можно придѣлывать къ колесу и пружинку, которая бы при каждомъ обращеніи щелкала.

Въ Калединкѣ пробыли мы въ сей разъ не болѣе однихъ сутокъ, но, оставивъ тёщу мою тамъ, возвратились обратно.

Не успѣлъ я пріѣхать, какъ мое первое попеченіе было распровѣдать о состояніи больныхъ нашихъ; но бѣднымъ имъ нимало не легчало, а становилось часъ отъ часу хуже. Оба они больны были жестокими горячками, свирѣпствовавшими тогда надъ многими въ нашей деревнѣ.

Обстоятельство сіе меня очень смущало и огорчало и тѣмъ паче, что болѣзни сіи были прилипчивыми; слѣдовательно и частыя посѣщенія больныхъ могли быть бѣдственны и опасны.

Однако, несмотря на то, я отваживался нѣсколько разъ посѣщать оныхъ и въ разсужденіи брата моего очень боялся, чтобъ онъ не умеръ; ибо скоро дошло до того, что принуждено было его исповѣдать и причастить, а наконецъ сдѣлался такъ труденъ, что особоровали его и масломъ.

Но по счастію превозмогла еще болѣзнь его молодость и натура. Чрезъ нѣсколько дней ему полегчело и онъ отъ болѣзни своей освободился, а выздоровѣла также и несчастная родильница.

Къ усугубленію огорченій моихъ, въ сіе время, получилъ я, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Калединки, еще одно печальное извѣстіе о кончинѣ внучатнаго дяди моего, Захарья Ѳедоровича Каверина.

Добрый и искренно мною любимый и почитаемый родственникъ, заслуживающій по добродушію своему лучшую участь, нежели какую онъ имѣлъ: препроводилъ всю свою жизнь въ военной службѣ, дослужился наконецъ до полковничьяго ранга и, получивъ отставку, ѣхалъ уже въ небогатый свой домишко и разогнанную безпутною и безпримѣрно злою женою его деревнишку провождать вечеръ дней своихъ въ сельскомъ уединеніи.

Но смерть пресѣкла дни его во время путешествія сего власно, какъ желая свободить его отъ тѣхъ безчисленныхъ досадъ и огорченій, какія онъ могъ бы имѣть, живучи въ деревнѣ.

Но какъ бы то ни было, но какъ онъ меня искренно и много любилъ, то я очень сожалѣлъ о потеряніи сего своего родственника, котораго праху желаю и понынѣ ненарушимаго покоя.

Наконецъ и самъ я подверженъ былъ около сего времени двумъ опасностямъ: во-первыхъ, чуть-было самъ не занемогъ горячкою и отъ того настращался очень, но по счастію удалось мнѣ опять чиханіемъ не допустить болѣзнь до усиленія, а прервать ее въ самомъ началѣ.

Во-вторыхъ, чуть-было не выкололъ себѣ глаза, отъ чего спасла меня невидимо всемогущая десница моего Бога.

Случилось сіе въ одинъ день, когда производились у меня въ саду многія работы: я, бѣгая для осматриванія оныхъ то въ то мѣсто, то въ другое, набѣжалъ однажды на конецъ небольшого, но остраго и сухого древеснаго сука такъ хорошо, что онъ воткнулся даже мнѣ въ лицо повыше брови и на палецъ только шириною отъ глаза.

Итакъ, не легко-ль бы я могъ потерять глазъ, еслибъ не отвратилъ сего несчастія отъ меня благодѣтельный и пекущійся о благѣ моемъ промыслъ Господень? О, какъ благодарилъ я за то моего Бога!

Но письмо мое достигло до обыкно-

венной своей величины; итакъ, прервавъ на семъ мѣстѣ свое повѣствованіе, скажу вамъ, что я есмь и прочая.

(Октяб. 31 дня 1805).

Письмо 138-е.

Любезный пріятель! Съ мѣсяцемъ маіемъ наступила у насъ весна совершенная, и какъ мы были всѣ около сего времени совершенно здоровы, то, пользуясь хорошею и пріятною вешнею погодою и частыми свиданіями съ друзьями своими и сосѣдями, провели мы всю первую половину сего мѣсяца очень весело.

Я почти во все время сіе не выходилъ изъ сада и занимался тысячами разныхъ дѣлъ, сколько такихъ, коихъ требовала самая необходимость, а не менѣе происходящихъ отъ разныхъ затѣй и новыхъ какихъ-нибудь выдумокъ и предпріятій, относящихся до украшенія садовъ моихъ.

Наиглавнѣйшимъ изъ сихъ было приготовленіе мѣста подъ фонтанъ, который чрезвычайно хотѣлось мнѣ по близости хоромъ своихъ сдѣлать. Но какъ назначалъ я мѣсто подъ него на берегу, подлѣ самой находящейся предъ домомъ на горѣ сажелки, то хотѣлось мнѣ сдѣлать къ нему отъ дома спокойный и красивый входъ и сдѣлать бассейнъ его изъ дома видимымъ; но какъ для сего надобно было разрывать много глинистый высокій берегъ, то и занимались мы нѣсколько дней сею работою, которая кромѣ сего доставила мнѣ и другое удовольствіе.

Мы нашли въ сей глинѣ великое множество разноцвѣтныхъ и особыхъ камушковъ, которыми я такъ прельщался, что набралъ ихъ цѣлую коллекцію и сдѣлался въ семъ случаѣ натуралистомъ.

Но ничто такъ много не доставило мнѣ удовольствія, какъ одинъ выкопанный тутъ круглый кремень, въ которомъ по расколоченіи его нашли мы проросъ, или столь прекрасную кристаллизацію, что незнающимъ можно было почесть камушки сіи гранеными брильянтами, на какіе они и дѣйствительно походили.

Мы всѣ не могли довольно налюбоваться ясности, чистотѣ, регулярности натуральныхъ граней и самой игрѣ сихъ блестящихъ камушковъ и начудиться сей игрѣ натуры.

И какъ наковыряли мы и изъ внутренней пустоты кромѣ сего нѣсколько десятковъ и изъ нихъ нѣкоторые были довольно крупны, а иные мелки, а изъ живущихъ на заводахъ у насъ нѣмцевъ случилось быть одному золотыхъ дѣлъ мастеромъ, то изъ любопытства и для достопамятности велѣлъ я изъ нихъ сдѣлать перстень, и оный былъ такъ хорошъ, что жена моя могла носить на себѣ оный, и мнѣ очень было его жаль, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего бездѣльники украли его у насъ вмѣстѣ съ ларчикомъ.

Впрочемъ до фонтановъ я былъ такой охотникъ, и нетерпѣливость моя видѣть скорѣе у себя какой-нибудь была такъ велика, что мнѣ вздумалось даже изъ единой, такъ сказать, рѣзвости, между тѣмъ покуда помянутое мѣсто подъ порядочный фонтанъ готовили, смастерить себѣ маленькій, миніатюрный и ничего мнѣ не стоившій.

И какъ предпріялъ я сіе въ такое время, когда боярыни мои ѣздили въ гости и употребилъ къ тому не болѣе двухъ часовъ, то не можно изобразить сколь великій сюрпризъ сдѣлалъ я имъ, моимъ хозяйкамъ и теткѣ жены моей, случившейся тогда быть вмѣстѣ съ ними.

Онѣ не могли довольно налюбоваться имъ и надивиться моей выдумкѣ и тому, что я успѣлъ въ такое короткое время смастерить сію игрушку, въ особливости же утѣшалась имъ моя племянница, и мы нерѣдко сиживали вмѣстѣ съ нею и любовались хотя тонкимъ, но нарочито высокимъ и прекраснымъ біеніемъ онаго.

Но не менѣе утѣшались имъ и всѣ гости, бывшіе у насъ 9-го мая, какъ въ день вешняго деревенскаго нашего праздника.

Сихъ противъ чаянія и ожиданія моего съѣхалось со всѣхъ сторонъ и набралось такое множество, что я не могъ помѣстить даже всѣхъ въ моемъ залѣ, и принуждено было приготовить другой столъ въ побочной комнатѣ, и какъ по-

года случилась тогда самая благопріятная, и они почти всѣ у меня ночевали, то день и вечеръ и послѣдующее даже утро препроводили мы отмѣнно весело и занимались не только разными увеселительными играми, но и гуляньями въ садахъ моихъ и качаньемъ на качеляхъ въ ономъ, и всѣ разъѣхались отъ меня не инако, какъ съ великимъ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ сего случилась мнѣ отъ дома моего отлучка и ѣзда на нѣсколько дней въ такія мѣста, гдѣ никогда еще мнѣ бывать не случалось.

Имѣли мы одного, хотя не близкаго родственника жены моей, живущаго въ калужскихъ окрестностяхъ, а именно: г. Карпова, Петра Михайловича.

Какъ онъ былъ человѣкъ не старый, очень затѣйливый и любопытный и къ намъ всегда очень ласкался, да и былъ у насъ въ послѣдній разъ о праздникѣ, изъявляя при томъ усердное желаніе, чтобъ и мы у него когда-нибудь побывали; то и рѣшились мы къ нему съѣздить, а особливо при случившейся тогда ѣзды сосѣда нашего г. Ладыженскаго въ тамошнія мѣста, для богомолья въ Калужку къ тамошнему явленному образу.

Сему образу хотѣлось давно и самимъ боярынямъ моимъ помолиться; и такъ было сіе и съ сей стороны кстати, къ тому же убѣждалъ насъ къ сему путешествію г. Ладыженскій, хотѣвшій ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Мы отправились въ сей путь 22-го числа мая, и какъ время сіе было наилучшее и пріятнѣйшее во всемъ годѣ и ѣхали мы цѣлою компаніею и на дорогѣ заѣзжали кое-куда въ гости, то провели мы въ ѣздѣ сей хотя болѣе недѣли, но безъ скуки и пріятно.

Первый нашъ заѣздъ былъ въ Калединку. Тутъ застали мы еще обѣдъ, а послѣ обѣда хотѣли-было ѣхать, но тетка убѣдила насъ остаться ночевать и отпраздновать съ нею вмѣстѣ случившійся на утріе Троицынъ-день.

Итакъ, мы тутъ ночевали, были въ Никитинѣ у обѣдни и, отобѣдавъ, на другой день поѣхали далѣе, и какъ ѣхать надобно намъ было чрезъ Алексинъ, то намѣрены мы были въ сей день ѣхать ночевать въ городѣ семъ у новаго нашего родни г. Ферапонтова.

Онъ былъ намъ очень радъ и старался угостить всячески; и какъ пріѣхали мы къ нему еще довольно рано, то и имѣлъ я случай познакомиться тутъ съ помянутымъ г. Солнцевымъ. Онъ прибѣжалъ къ намъ тотчасъ, какъ скоро узналъ о нашемъ пріѣздѣ, и мы подружились съ нимъ съ перваго взгляда и провели нѣсколько часовъ въ пріятныхъ разговорахъ. Онъ былъ очень хорошій, любопытный и такой человѣкъ, съ которымъ не скучно было быть вмѣстѣ.

Намѣреніе наше было въ слѣдующій день отправиться, какъ свѣтъ, въ путь свой далѣе; но не то сдѣлалось, что думали: воспослѣдовала нечаянная и досадная остановка. Мы приказываемъ запрягать лошадей, а намъ сказываютъ, что некого, и что лошади наши всѣ пропали.

— Какъ! закричалъ я, встревожась чрезвычайно: и куда они дѣлись?

— «Стерегли ихъ ночью въ лѣсу, говорятъ мнѣ, и они отчего-то шарахнулись и Богъ знаетъ, куда брызнули всѣ; не осталось ни одной.»

— Ахъ какая бѣда! возопилъ я, чтобъ не распропали онѣ еще у насъ, и что намъ тогда будетъ дѣлать?

— «Можетъ быть и найдутъ, отвѣчали мнѣ: побѣжали и поскакали повсюду искать ихъ, авось-либо и отыщутъ.

Совсѣмъ тѣмъ горе тогда напало на всѣхъ насъ, и мы не знали что дѣлать; но по счастію около полудни ихъ нечаянно нашли и привели къ намъ; а мы между тѣмъ отслушали обѣдню и принуждены были у г. Ферапонтова остаться обѣдать, и послѣ обѣда ходили смотрѣть построенную имъ каменную церковь и на колокольнѣ часы, а послѣ того не стали мы уже медлить, но, переѣхавъ подъ городомъ на паромѣ рѣку Оку, отправились въ свой путь.

Мы ѣхали весь день и спѣшили, желая доѣхать въ тотъ же день до г. Карпова, но за преужасными дурными го-

рами не могли никакъ поспѣть, а принуждены были ночевать на полѣ въ колaскахъ.

Поутру поѣхали мы далѣе и приѣхали къ г. Карпову ещё очень рано, однако его не застали дома, онъ только что уѣхалъ въ Калугу; но по счастію жена его была дома и послала тотчасъ за нимъ.

Онъ возвратился къ намъ уже послѣ обѣда и былъ приѣздомъ нашимъ очень обрадованъ и старался насъ всячески угостить.

Какъ съ охотникомъ до садовъ проговорили мы съ нимъ наиболѣе объ нихъ, равно какъ и о другихъ матеріяхъ, и провели день сей безъ скуки, а на другой—спѣшили мысъ ѣздить въ Калужку и Калугу и поѣхали туда такъ рано, что застали еще обѣдню.

Отслушавъ оную и отслуживъ свои молебны, пообѣдали мы по дорожному въ колясках и поѣхали изъ сего болѣе славнаго, нежели знаменитаго села въ Калугу.

Городъ сей, который я до того еще не видывалъ, показался мнѣ и тогда довольно уже изряднымъ, и находилось въ немъ довольно каменныхъ домовъ и ряды изрядные; но въ сравненіи съ нынѣшнимъ его состояніемъ былъ онъ тогда ничего незначущимъ.

Мы, искупивъ въ рядахъ, что было намъ надобно, зашли въ дѣвичій монастырь къ одной родственницѣ нашей, г-жъ Ходыревой, съ которою тещѣ моей хотѣлось видѣться и, просидѣвъ у нея до вечерень, поѣхали обратно въ Сварожню, къ г. Карпову, ночевать; ибо отъ него до Калуги было только 12 верстъ разстояніемъ, почему и успѣли мы приѣхать еще въ сумерки.

Ввечеру сдѣлалъ г. Карповъ для насъ потѣху, палилъ изъ своихъ пушекъ и кидалъ изъ мортиръ гранаты, и мы вечеръ сей провели очень весело.

Въ послѣдующій день положили мы пуститься въ обратный путь и отпросились у г. Карпова очень рано поутру. Онъ снабдилъ меня разными сѣменами и горшкомъ съ виноградомъ, и я пріязнію его и ласкою былъ очень доволенъ.

Мы обѣдали на дорогѣ въ славныхъ Кошурскихъ горахъ, при берегахъ рѣки Оки, а къ вечеру и довольно еще рано доѣхали до Алексина, такъ что я успѣлъ еще побывать у г. Солнцева и просидѣть у него нѣсколько часовъ.

Ночевали же мы опять у г. Ферапонтова, а на другой день поѣхали мы уже прямо большою серпуховскою дорогою; въ свою деревню возвратились благополучно и довольно еще рано.

Не успѣлъ я симъ образомъ путешествіе сіе кончить, какъ необходимость заставила меня, оставивъ и сады и все прочее, садиться за столъ и приниматься за другое и важнѣйшее дѣло.

Мнѣ насказали столько о приближающемся со всѣхъ сторонъ къ намъ межеваньѣ, что я началъ опасаться, чтобъ не застигло оное меня не совсѣмъ еще къ нему приготовившимся.

И какъ общее и дѣйствительное количество земли въ нашихъ дачахъ было мнѣ еще неизвѣстно, то озабочивался я очень тѣмъ, что у меня не вся еще дача положена была на планъ и на ономъ измѣряна; въ минувшее лѣто хотя обошелъ я и всю ее вокругъ съ инструментомъ, но какъ-то не успѣлъ я тогда положить всѣ обходы мои на планъ, да и не зналъ сомкнется-ли онъ еще или нѣтъ.

Итакъ, ну-ка я приниматься скорѣе за бумагу, циркули и карандаши и оканчивать сіе дѣло; ну-ка сидѣть и трудиться надъ тѣмъ наитщательнѣйшимъ образомъ и не вставая съ мѣста и трудиться такъ, что я въ тотъ же день сіе дѣло кончилъ и имѣлъ неописанное удовольствіе видѣть, что планъ мой сомкнулся наивожделѣннѣйшимъ образомъ и чрезъ самое оказалось, что самодѣльщинка моя, домашняя астролябія была хорошохунька и могла служить вмѣсто лучшей аглинской, чѣмъ я чрезвычайно былъ доволенъ.

Теперь осталось только весь огромный планъ сей разбить, по обыкновенію, въ треугольники и оные для узнанія количества всей земли измѣрить и исчислить; но сіе сдѣлать было не бездѣлка, и я какъ ни трудился надъ тѣмъ, но въ

одинъ день не могъ того никакъ сдѣлать, но принужденъ былъ сидѣть надъ тѣмъ цѣлыхъ два дни.

Когда же дошло дѣло до общаго сложенія площадей всѣхъ треугольниковъ, то не могу изобразить, съ какими разными и безпокойными душевными движеніями производилъ я сіе послѣднее дѣло.

Неописанная нетерпѣливость мучила меня узнать: примѣръ-ли будетъ въ нашей дачѣ или недостатокъ? Съ коликимъ вожделѣніемъ желалъ я послѣдняго, или по крайней мѣрѣ того, чтобъ дача была полная, съ толикимъ страхомъ и боязнію опасался перваго; ибо извѣстное то было дѣло, что при тогдашнемъ межеваньѣ всѣ дачи, имѣвшія примѣры, подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ и сопряжены бывали съ безконечными хлопотами, а напротивъ того, всѣ имѣющія недостатки выигрывали. Словомъ, примѣръ былъ мнѣ такъ страшенъ, что я даже боялся и помыслить объ ономъ.

Но увы! чего я опасался, то и совершилось. Послѣдняя черта черкнута, дѣло кончено и роковой ударъ воспослѣдовалъ и поразилъ меня такъ, что закипѣла во мнѣ вся кровь, вострепеталось сердце и я остолбенѣлъ отъ изумленія! Холодный потъ прошибъ даже все тѣло мое, и я нѣсколько секундъ не могъ опомниться и собраться съ духомъ.

Словомъ — оказалось, что дача наша была не только полная, но было въ ней и множество еще примѣрной земли, и число оной простиралось даже до 400 десятинъ, количество несоставлявшее безделки, но весьма по невеликости и всей дачи и чрезвычайно важное и такое, что, въ случаѣ потерянія всего сего примѣра, могли-бъ мы потерпѣть неописанный убытокъ и во всемъ нашемъ хозяйствѣ страшную разстройку и даже разореніе.

Что было тогда дѣлать? истинно нѣсколько минутъ, или паче часовъ не зналъ я, что дѣлать и какъ быть, и что при такомъ обстоятельствѣ предпринимать лучше?

Наконецъ, по многомъ думаніи и гаданіи, остановился на томъ, чтобъ, во-первыхъ, сокрыть важное сіе открытіе, буде-бъ можно, во глубинѣ одного только своего сердца; но какъ сего было никакъ нельзя сдѣлать, то открыть тайну сію однимъ только развѣ моимъ деревенскимъ сосѣдямъ, какъ главнѣйшимъ въ дачѣ нашей соучастникамъ, да и тѣмъ неинако, какъ взявъ напередъ съ нихъ клятву, чтобъ они никому того не сказывали, но сохранили-бъ тайну въ сердцахъ своихъ за свято.

Во-вторыхъ, выдумывать заблаговременно всѣ удобовозможные способы къ удержанію за собой и спасенію сего толь важнаго излишества земли и употреблять оные смотря по будущимъ обстоятельствамъ межеванья, и такъ, какъ оныя требовать будутъ.

Вообще же всѣмъ симъ приближающимся межеваньемъ ни мало не шутить, но уважая оное по достоинству, имѣть бдительное за всѣми произшествіями око и сообразно съ оными располагать всегда и свои мѣры.

Положивъ сіе за нужное и необходимое, почелъ я поприготовить сколько-нибудь къ тому-жъ и обоихъ моихъ сосѣдей, т.-е. брата своего Михайлу Матвѣевича и Матвѣя Никитича, ибо третій нашъ сосѣдъ находился тогда въ Петербургѣ.

И для того, на другой же день послѣ того, пригласилъ я ихъ обоихъ къ себѣ, и затворившись съ ними въ своемъ кабинетѣ для тайной съ ними конференціи, сталъ показывать имъ свой планъ и исчисленіе, и какъ они, любопытствуя, спросили «чтó по оному выходитъ», то сказалъ я имъ:

— Что, братцы! дѣло наше очень худо! Но я вамъ прежде не скажу, покуда вы не дадите мнѣ святѣйшей клятвы никому того и ни подъ какимъ видомъ не сказывать, что вы теперь услышите, и не давать даже и вида никакого, а всего паче не проговариваться о томъ предъ людьми своими. Собственная наша и общая всѣхъ насъ польза необходимо того требуетъ.

— «Очень хорошо! сказали они, уди-

Hamlet

вившись такому предверію: мы готовы въ томъ поклясться и какъ вамъ угодно побожиться; но чтожъ-бы такое было?»

— А вотъ то, мои друзья, что предстоитъ намъ при межеваньѣ превеликая опасность, чтобъ не потерять намъ превеликое множество земли! Дача наша не только полна, но вотъ, посмотрите, сколько въ ней еще излишней земли и примѣра.

Сказавъ сіе, показалъ я имъ смѣту и исчисленіе. Они ахнули, оное увидѣвъ, и говорили, что они никакъ того не ожидали и не повѣрили-бъ, если-бъ кто иной имъ о томъ сталъ сказывать.

— «Но какъ намъ быть? спросили они потомъ, и что дѣлать?»

— А то, отвѣчалъ я имъ, чтобъ знать о семъ надобно однимъ только намъ, а отъ прочихъ скрывать то наивозможнѣйшимъ образомъ, а напротивъ того вездѣ давать тонъ и твердить, что во всѣхъ нашихъ дачахъ и пустошахъ недостатокъ еще великій. А между тѣмъ, при всемъ будущемъ межеваньѣ, не дремать и не сморкать носъ лѣвою рукою, а употреблять всѣ средства, какія только можно, къ сохраненію и удержанію своего примѣра. Но сіе, пожалуйте, предоставьте уже мнѣ, какъ болѣе васъ всѣ межевыя дѣла вѣдающему; я вѣрно не премину учинить все, что только возможно будетъ и не упущу ничего изъ примѣчанія, а вы мнѣ только помогайте распровѣдываніями своими и дѣлайте то, что я вамъ приказывать когда стану.

— «Очень хорошо, братецъ, сказали они мнѣ, мы готовы все то дѣлать, что вы намъ приказывать станете, и охотно вамъ во всемъ помогать, а постарайтесь только пожалуйте».

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили тогда мы на семъ тайномъ между собою совѣтѣ, и я, взявъ съ нихъ клятву и настроивъ въ чемъ было надобно, отпустилъ ихъ отъ себя; но признаюсь, что не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ, что они далеко не такъ важно вступились въ сіе дѣло, какъ того я отъ нихъ ожидалъ, и по малому свѣдѣнію своему межевыхъ дѣлъ, далеко оное не такъ уважали, какъ было надобно.

Но не успѣлъ настать послѣдующій за симъ день, какъ, гляжу, бѣгутъ они ко мнѣ сообщать разные дошедшіе до нихъ уже межевые слухи; они сказывали мнѣ что всѣ наши сосѣди, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, грызутъ на земли наши зубы и хотятъ отхватывать у насъ ее со всѣхъ сторонъ. Волостные, сказываютъ, ждутъ, не дождутся межевщика, говорили они мнѣ, и только и твердятъ, что хотятъ вездѣ и со всѣми спорить и отхватывать.

Съ другой стороны, сказываютъ, Хитровъ грызетъ зубы на наше Щиголево, а князь Горчаковъ на сихъ дняхъ самъ прискакалъ сюда для межеванья, и говорятъ, что и въ усъ не дуетъ о томъ, чтобъ уступить намъ Неволочь, но говоритъ и твердитъ, что-то о Хмыровѣ нашемъ и будто не слѣдуетъ намъ эта пустошь; а и прочіе сосѣди, сказываютъ, также мурзятся.

Выслушавъ все сіе отъ нихъ, говорю я имъ:

— Вотъ видите, братцы, сами, какая страшная туча поднимается на насъ, буде все то правда; однако страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ и не все то перенять, что по рѣкѣ плыветъ. Многое изъ сего, можетъ быть, и неправда, однако и презирать совсѣмъ всѣ слухи таковые негодится, и я благодарю васъ за сообщеніе мнѣ оныхъ; а впрочемъ поглядимъ-посмотримъ, иному-то можетъ и не удастся ничего сдѣлать, а чтобъ не наплясался и самъ отъ кого-нибудь; шеи-же и мы своей не протянемъ самопроизвольно!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ ободрялъ тогда я ихъ, а самъ въ себѣ не то думалъ; но слухи сіи болѣе меня тревожили и смущали, нежели могли они примѣтить. Словомъ, межеванье такъ меня озабочивало, что съ сего времени у меня съ ума почти не сходило, и я помышлялъ объ немъ болѣе нежели о чемъ прочемъ, и часто за нимъ не шли и сады мои на умъ мнѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ межеванье меня

ни занимало, но мнѣ предлежало другое еще и также необходимое дѣло: не оконченъ былъ еще сочиняемый мною «наказъ управителю» по желанію Экономическаго Общества, и надобно было поспѣшить окончаніемъ его, дабы успѣть переписать его набѣло и послать въ Петербургъ такъ, чтобы онъ туда могъ приттить до наступленія еще августа мѣсяца.

Итакъ, по окончаніи помянутаго дѣла, принялся я за сіе, и все остающееся мнѣ отъ садовъ праздное время сталъ употреблять на оное.

Въ прибавокъ къ сему, навязались тогда на меня еще новыя и совсѣмъ постороннія хлопоты.

Въ Харьковской губерніи и во всемъ тамошнемъ краю былъ тогда губернаторомъ нѣкто Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, самый тотъ, котораго съ женою мы за нѣсколько времени до сего познакомились и къ ней верстъ 12 отъ насъ отстоящую деревню Якшино ѣздили.

Сему украшенному орденами вельможѣ и весьма доброму человѣку, наслышавшемуся обо мнѣ отъ жены своей, вздумалось препоручить мнѣ сію деревню свою въ смотрѣніе и просить меня о принятіи на себя труда имѣть объ ней попеченіе. О семъ писалъ онъ ко мнѣ уже за нѣсколько предъ симъ временемъ, и какъ я тогда попримолкъ, то около сего времени получилъ я отъ него вторичное письмо, наполненное мнѣ похвалами и убѣдительнѣйшими о томъ просьбами.

Что было тогда дѣлать? Съ одной стороны льстило сіе моему самолюбію и было очень не противно, а съ другой весьма мнѣ не хотѣлось ввязываться въ чужія дѣла и хлопоты, а особливо въ тогдашнее время, когда и у самого всѣ часы заняты были дѣлами и недосугами многими.

Однако, подумавъ о томъ нѣсколько и разсудивъ, что услугу оказать знатному такому человѣку не худо, и что можетъ быть и самъ онъ мнѣ впередъ годится, рѣшился на желаніе его согласиться и вступилъ въ сіе надзираніе надъ его деревнею. И какъ оное требовало, чтобъ временно я лично ѣзжалъ въ сіе селеніе и тамъ входилъ во всѣ домашнія распоряженія, то въ послѣдующія времена я не одинъ разъ и бывалъ въ сей деревнѣ и занимался разными хлопотами, и г. Щербининъ былъ стараніями моими очень доволенъ и, пріѣзжая однажды сюда, благодарилъ меня очень за мои труды и полюбилъ меня много; но бременемъ симъ отягощенъ былъ я не очень долго.

Но смерть похитила у насъ сего добраго генерала и почтенія достойнаго вельможи, и ему не удалось ничѣмъ взаимно мнѣ за хлопоты и труды мои услужить, и вся польза, полученная мною отъ него, состояла въ томъ, что, въ бытность свою здѣсь, подѣлился онъ со мною присланными тогда къ нему изъ Харькова прививочными яблоновыми черенками, и я завелъ у себя сію породу украинскихъ яблокъ; и какъ они получены были изъ Харькова, то и назвалъ ихъ харьковскими, хотя впрочемъ называются онѣ въ торговлѣ титовскими, а въ Тулѣ палцыгскими.

Съ наступленіемъ мѣсяца іюня, имѣлъ я удовольствіе видѣть и вторую мою работу вчернѣ оконченною и «наказъ» мой сочиненнымъ, также обнять брата моего Гаврилу Матвѣевича, возвратившагося изъ Петербурга.

Я очень былъ радъ, что подъѣхалъ онъ къ сему времени и межеванью, и ласкался надеждою получить отъ него себѣ какое-нибудь вспоможеніе; ибо онъ былъ хотя моложе прочихъ, но рачительнѣе, проворнѣе и смысленнѣе нежели они оба.

Я не преминулъ сообщить ему также свою тайну и взять съ него также клятву о неоткрываніи оной никому, и онъ далъ мнѣ ее охотно.

Не успѣло сего произойтить, какъ и коснулось уже дачъ моихъ межеванье, однако не здѣшнихъ, а Калитинскихъ, въ Каширскомъ уѣздѣ, и я принужденъ былъ нѣсколько недѣль ѣздить туда почти ежедневно и хлопотать по межеванью.

Ибо какъ межеванье никогда не приходило такъ дружно, чтобъ вдругъ нача-

лось и вдругъ-бы однимъ разомъ и окончилось, а ко всякой дачѣ сперва по нѣскольку разъ прикасалось только бочкомъ, при обмежеванiи дачъ смежныхъ и сосѣдственныхъ, и по окончанiи всѣхъ тѣхъ и нерѣдко чрезъ долгое время послѣ того доходила, наконецъ, и до ней очередь, и она обмежевывалась совершенно. То подобное тому случилось и съ сею моею дачею: нѣсколько разъ межеванье оной начиналось и опять пресѣкалось, то-есть при обмежевыванiи сосѣдственныхъ дачъ.

И какъ по извѣстному мнѣ въ дачѣ моей великому недостатку необходимость заставляла меня связать ее со всѣми сосѣдственными дачами спорами, то принужденъ былъ я всякiй разъ, когда ни прикасалось къ моей дачѣ межеванье, туда безъ души скакать, терпѣть труды и безпокойствы, провождать на вѣтрѣ и на жару многiе дни и часы, и нерѣдко въ тщетномъ и всего досаднѣйшемъ пустомъ чего-нибудь ожиданiи; а потомъ хлопотать съ сосѣдями и межевщиками, заводить противъ воли и хотѣнiя со всѣми сосѣдями и единственно для того споры, что неоткроется-ли гдѣ въ сосѣдственныхъ дачахъ примѣрная земля и недостатокъ мой не могъ ли-бъ награжденъ быть изъ оныхъ, и въ намѣренiи, чтобъ въ противномъ случаѣ отъ всѣхъ своихъ споровъ отказаться и оные паки уничтожить.

Извиняться въ томъ предъ сосѣдьми необходимостью производить споры сiи, ни мало съ ними не ссорясь и не бранясь, а шутя и смѣяся съ ними и съ межевщикомъ, который случился тогда быть человѣкъ очень добрый и мнѣ знакомый, а именно самый тотъ г-нъ Хвощинскiй, съ которымъ я имѣлъ уже дѣло, и который былъ послѣ въ Тамбовѣ губернскимъ прокуроромъ и мнѣ всегда благопрiятствовалъ.

И какъ межевщикъ сей давалъ во всемъ мнѣ совершенную волю, и я дѣлалъ, что хотѣлъ, то, проводивъ въ сихъ разъѣздахъ, спорахъ и разныхъ межевыхъ хлопотахъ весь почти iюнь мѣсяцъ, отсталъ отъ всѣхъ другихъ почти дѣлъ и впрахъ измучился.

Но чѣмъ бы, вы думали, награжденъ я былъ за всѣ сiи многочисленныя хлопоты и труды?—ничѣмъ инымъ, какъ только неизреченною досадою на самого себя, что я былъ, при всей бдительности своей, такъ неостороженъ, что при семъ случаѣ, не узнавъ брода сунулся въ воду, и всѣмъ тѣмъ дѣло свое испортилъ, или по крайней мѣрѣ всѣ хлопоты и труды свои потерялъ попустому.

Ибо дѣйствительно вышло наконецъ, что я всѣ сiи споры предпринималъ попустому и безъ всякой для себя пользы, почему и принужденъ былъ всѣ оные опять оставить и уничтожить, а остаться при границахъ прежняго своего владѣнiя и при всемъ своемъ оказавшемся недостаткѣ.

Причиною всему тому была не столько ошибка моя, сколько одно особое обстоятельство, которое мнѣ было въ точности неизвѣстно и въ заключенiяхъ моихъ о которомъ я ужасно какъ обманулся, да и не обмануться не могъ никакъ по случайному стеченiю всего въ семъ дѣлѣ.

Я вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ упоминалъ, что дача сiя была у меня еще въ прошломъ году измѣрена, снята инструментомъ на планъ и акуратно исчислена, и я не наугадъ заключалъ о своемъ недостаткѣ, а казалось съ достовѣрностью совершенною; ибо по крѣпостямъ моимъ слѣдовало намъ, съ сосѣдкою Мареѳою Маркеловною, имѣть земли на 100 четвертей, а ее и половины столько не было.

Но дача сiя была какъ-то въ старину раздѣлена на двѣ половины, и одна половина слѣдовала намъ, а другая другимъ двумъ гг. Бакѣевымъ, Тихону Васильевичу и Силѣ Борисьевичу. Половинами сими и владѣли мы розно, да и писаны онѣ въ писцовыхъ книгахъ половинами; итакъ, чтó иное можно было заключать, что и ихъ половина была точно такая-жъ, какъ и наша, а особливо, когда при обходѣ своей половины, ибо ихъ измѣривать мнѣ было не можно, видѣлъ я по

глазомѣру, что и у нихъ столь-же земли во владѣніи, сколько у насъ было.

Но что-жъ вышло? Не успѣлъ межевщикъ всю дачу нашу обмежевать, какъ по обыкновенію сталъ требовать, чтобъ всѣ мы подавали ему о количествѣ слѣдуемой намъ по крѣпостямъ земли свѣдѣнія....

Я тотчасъ свое приготовилъ, но какъ долженствовало его сообщить съ такимъ же и отъ другихъ господъ Бакѣевыхъ, то посылаю я къ повѣреннымъ ихъ сказывать, чтобъ они свѣдѣніе писали, или приносили ко мнѣ свои крѣпости для написанія онаго.

Но какъ я вздурился отъ досады, когда они, явясь ко мнѣ, сказываютъ, что имъ писать свѣдѣнія своего не съ чего; что у нихъ крѣпостей нѣтъ, что онѣ у ихъ господъ въ Москвѣ, что они много уже разъ о присылкѣ ихъ къ господамъ писали, но они все еще къ нимъ ихъ не присылали.

Господи, какъ мнѣ тогда досадно было на сихъ господъ ихъ! Я хотя за вѣрное полагалъ, что и по ихъ крѣпостямъ надобно и въ другой половинѣ дачи столько-же быть сколько у насъ, т. е. 100 четвертей; однако надлежало въ томъ удостовѣриться крѣпостями.

— Да что-жъ они тамъ думаютъ и спятъ? закричалъ я, и по сю пору прислать не могутъ, а кажется Тихонъ Васильевичъ и самъ еще сенатскій секретарь и знаетъ, какъ это надобно!

— Богъ ихъ знаетъ! отвѣтствовали повѣренные мнѣ.

Но какъ крѣпости ихъ были необходимо надобны и надобны вскорѣ, то другого не нашелъ я, какъ написать письмо о томъ къ Тихону Васильевичу и велѣть послать оное къ нему съ нарочнымъ человѣкомъ въ Москву.

Но вообразите себѣ, чтó изволилъ господинъ сей написать въ отвѣтъ о томъ къ своимъ повѣреннымъ! Онъ предписывалъ только имъ, чтобъ они ни въ какіе споры и ни съ кѣмъ не входили (хотя сіе было уже слишкомъ поздно, ибо споры всѣ были сдѣланы), о себѣ же говорилъ, что онъ ни съ кѣмъ ссориться не хочетъ, а крѣпости-де привезетъ съ собою мать его, которая нынѣшнимъ лѣтомъ въ деревню будетъ.

Господи! какъ я тогда взбѣшенъ былъ, и какъ мысленно ругалъ г. Бакѣева, неразсудившаго нимало того, что межевщику не ждать-же было стать пріѣзда его матушки, которая, Богъ знаетъ, когда еще съ Москвы съѣдетъ, и до тѣхъ поръ дѣла своего не дѣлать.

Побранивъ и поругавъ его въ мысляхъ, думалъ я, что другого не оставалось мнѣ тогда дѣлать, какъ, сѣвши въ коляску, скакать самому въ Серпуховъ въ межевую контору и тамъ, въ имѣющихся въ ней спискахъ съ писцовыхъ книгъ, выправиться самому, сколько четвертей въ другой половинѣ сельца Калитина, которая была у нихъ во владѣніи, дабы, удостовѣрившись въ томъ, можно было смѣло и безъ крѣпостей подать свѣдѣніе. Итакъ, недолго думая, велѣлъ я запречь лошадей и въ Серпуховъ поѣхалъ.

Но не помню, чтобъ когда-нибудь ѣзда мнѣ была такъ скучна, досадна и во всемъ неудачна, какъ въ сіе время; и первое было уже то, что я, за прибылою въ рѣкѣ Окѣ водою, съ превеликимъ трудомъ чрезъ ее переправился и чуть-было не перепортилъ всѣхъ лошадей своихъ, взводя на паромъ оныхъ: такъ худа и опасна была пристань.

Далѣе; какъ въ Серпуховѣ надлежало мнѣ дни два или три пробыть, то, пріѣхавъ туда, не зналъ я гдѣ пристать; приставали мы въ иное время всегда въ женскомъ монастырѣ у старушки, родственницы нашей, Катерины Богдановны; но въ сей разъ не хотѣлось мнѣ ее собою отяготить и обезпокоить, но и въ другомъ мѣстѣ я и не смѣлъ стать, боясь, чтобъ она за то не осердилась, да и не зналъ гдѣ. Итакъ, присталъ противъ хотѣнія своего у ней.

Я не засталъ старухи дома: у нихъ въ монастырѣ былъ тогда праздникъ, Ивановъ день, и она была въ гостяхъ у своей сосѣдки.

— «Ну, то-то, право хорошо! воскликнулъ я тогда, о семъ услышавъ. Я и по-

забылъ, что сегодня праздникъ и что не найду никого ни въ канцеляріи городской, ни въ межевой конторѣ, въ которыхъ обоихъ мѣстахъ надобно было мнѣ тогда побывать. И зачѣмъ это я сегодня сюда поѣхалъ? Но такъ ужъ и быть, когда перемѣнить того не можно!»

Повидавшись со старухою, пошелъ я напередъ въ канцелярію воеводскую, и не нашелъ въ ней ни собаки: одинъ только часовой со шпагою, да пьяный подъячій, спящій на лавкѣ.

Видя, что тутъ выправляться о надобномъ мнѣ дѣлѣ и толку искать было не у кого, пошелъ я далѣе въ межевую контору и думаю, что и тамъ не лучшая будетъ удача.

Однако, я въ семъ мнѣніи очень обманулся, и тутъ счастіе послужило мнѣ уже больше, почти-жъ все къ неудовольствію одному.

Я засталъ тутъ двухъ подъячихъ, но изъ которыхъ одинъ былъ самый тотъ, котораго-бъ мнѣ искомъ искать было надобно, ибо у сего самаго и были тѣ писцовыя книги на рукахъ, въ которыхъ мнѣ о Калитинской дачѣ справиться надлежало. Обласкавшись съ нимъ, говорю я ему:

— Не можно ли справиться съ писцовою книгою объ одной дачкѣ?

— «Для чего, и извольте! сказалъ онъ, и тотчасъ досталъ изъ сундука книгу и приискалъ мнѣ по алфавиту Калитинскую дачу.

Но вообразите, сколь велико было изумленіе и смущеніе мое, а вкупѣ досада и неудовольствіе мое, когда я тутъ противъ всякаго чаянія и ожиданія увидѣлъ, что въ помянутой другой половинѣ сельца Калитина написано было не сто, а только сорокъ четвертей земли дачной! Я обомлѣлъ даже отъ сей неожидаемости и не хотѣлъ даже вѣрить глазамъ своимъ.

— «Боже мой! возопилъ я потомъ самъ въ себѣ: что это такое? и какая ужасная ошибка, по незнанію сего, мною сдѣлана! Теперь вижу я, что всѣ мои хлопоты и труды дѣланы были тщетно и споры затѣваемы и производимы были совсѣмъ по пустому. Посему вижу я, что дача наша вообще полная, и что нѣтъ въ ней никакого недостатка, и вся недостающая земля не у чужихъ, а по всему видимому у внутреннихъ сосѣдей моихъ во владѣніи находится. И мнѣ, если хотѣть, то у нихъ ее отыскивать надобно и просить для сего на свой коштъ землемѣра; но чего это будетъ стоить и не обойдется-ли она мнѣ въ куплю? А къ тому-жъ, Богу извѣстно, какимъ образомъ вошла она имъ во владѣніе, и какъ никогда у насъ съ ними ни споровъ, ни челобитья не было, а владѣли и мы и они издревле спокойно; то почему знать, не сдѣлано-ли было между предками нашими, какъ ближними между собою родными, какой сдѣлки, или полюбовнаго между собою раздѣла и уравненія, а не даромъ ни отъ кого не было на нихъ просьбы?»

Мысль сія казалось мнѣ отчасу вѣроятнѣйшею и побудила меня наконецъ воскликнуть: «А! когда такъ, то къ чему мнѣ нарушать покой праха моихъ предковъ и разрушать то, что они сдѣлали и можетъ быть клятвами то утвердили. Нѣтъ! нѣтъ! да не будетъ сего никогда! Лучше, хотя со стыдомъ, откажусь отъ всѣхъ споровъ и останусь опять при владѣніи прежнемъ, нежели предпріиму что-нибудь во вредъ моимъ родственникамъ недальнымъ и почтеннымъ».

Симъ образомъ говоря самъ съ собою въ мысляхъ, и тѣмъ много досаду и смущеніе свое уменьшивъ, сталъ я далѣе выправляться о количествѣ дачной земли пустоши Ермаковой, ввернувшейся въ средину нашей Дворяниновской дачи, принадлежащей сосѣду моему князю Горчакову, Павлу Ивановичу и при сниманіи и измѣреніи нашихъ дачъ само по себѣ измѣрившейся.

Пустошь сія мализною своею и извѣстнымъ уже мнѣ наличнымъ въ ней числомъ земли наводила на меня сумнѣніе, и я боялся, чтобъ не было въ ней недостатка, и не претерпѣть-бы намъ чего отъ оной въ случаѣ спора отъ Котовскихъ, а посему и хотѣлось мнѣ объ ней также выправиться.

Но въ какое изумленіе приевла она и меня, когда, приискавъ ее, увидѣлъ я, что въ ней надлежало быть земли дѣйствительно гораздо больше, нежели сколько по исчисленію моему оказалось.

— «Ахти! говорилъ я самъ въ себѣ: вотъ и тутъ бѣда и открытіе непріятное! Но о семъ надобно мнѣ помолчать и сокрыть тайну сію въ одномъ своемъ сердцѣ до поры до времени».

Получивъ такъ мало утѣхи въ межевой конторѣ, и съ опечаленнымъ духомъ прошелъ я изъ оной къ воеводѣ, и какъ онъ былъ знакомъ и мнѣ былъ радъ, то просидѣлъ я у него всю оставшую почти часть того дня.

Онъ жаловался мнѣ, что его безвинно смѣняютъ и переводятъ въ Клинъ, и я изъявлялъ искреннее о томъ мое сожалѣніе.

Наконецъ говорю я ему о своемъ дѣлѣ и нуждѣ, которая состояла въ томъ, что нельзя-ли ему освободить и отдать мнѣ на росписку одного крестьянина моего, попавшемуся по одному бездѣльному случаю подъ караулъ и содержащемуся въ его канцеляріи; но онъ мнѣ сказалъ, что сего имъ сдѣлать не можно, а отошлютъ они его въ Коширу и что тамъ ужъ его на росписку отдадутъ и выпустятъ.

— «Вотъ какая бѣда! и тутъ неудача! говорилъ я самъ въ себѣ... Но нѣтъ, постой, пойду и повидаюсь съ Дьяконовымъ; онъ мнѣ знакомъ и друженъ, и, будучи секретаремъ, дѣлаетъ, что хочетъ. Авосьлибо онъ для меня это сдѣлаетъ».

Воевода унимать меня ужинать, но я не туда. «Недосугъ, батюшка, говорю, есть еще кой-какія нуждицы исправить».

Итакъ, распрощавшись съ нимъ и пошедъ отъ него, зашелъ въ ряды, купилъ что было мнѣ надобно и бѣгомъ почти побѣжалъ на ту сторону за Нару, къ Дьяконову, для того, что было уже поздно и мнѣ чтобъ успѣть приттить въ монастырь, прежде нежели запрутъ оный.

Но иттить было неблизко, даль такая ужасная, а грязь и топь того больше. Насилу, насилу дошелъ до него; но не досада-ли новая! Сказываютъ мнѣ, что его дома нѣтъ.

— «Фу, какая пропасть! говорю я. Куда ни сунься, вездѣ неудача! День-же такой случись!.. но нечего дѣлать, иттить въ монастырь и поспѣшать покуда не заперли, а то и ночевать будетъ негдѣ».

Однако я пришелъ довольно еще рано и нашелъ старуху, съ готовымъ и накрытымъ уже столомъ, меня дожидающуюся. Я извинялся ей, что заставилъ ее себя ждать; но она, любя меня, мнѣ то охотно отпустила.

Чтобъ не обременить и не обезпокоить ее, то спать расположился я на дворѣ въ своей коляскѣ; но надобно-жъ было и тутъ произойтить еще одной досадѣ. Людцовъ моихъ догадало поставить коляску очень близко и подлѣ самыхъ лошадей нашихъ, и сіи проклятыя не дали мнѣ во всю ночь спать: то и дѣло надобно было имъ тереться о коляску и меня будить.

«О! проклятыя! говорилъ и твердилъ я, просыпаясь разъ десять. На ту пору и васъ здѣсь взгомозило». А услышавъ, что бьютъ на колокольнѣ часы, и ихъ ругнулъ, говоря:—«вотъ и вы еще тутъ-же и власно какъ въ запуски съ лошадьми спать мнѣ не давать согласились!» Словомъ, давно уже я такой безпокойной ночи не имѣлъ.

Проводивъ, или прождавъ кое-какъ ее, спѣшилъ я по утру ѣхать домой, но добродушная, милая и почтенная старушка, хозяйка моя, не хотѣла никакъ отпустить меня безъ завтрака, и я нехотя принужденъ былъ на то согласиться.

Пріѣхавши же къ рѣкѣ, нашелъ я превеликую толпу народа и каретъ, телѣгъ и кибитокъ несмѣтное множество.

— «Что такое?» спрашиваю я, и мнѣ сказываютъ, что канатъ порвался, и затѣмъ остановка сдѣлалась. «Господи! говорилъ я: надобно-жъ и тутъ еще чему-нибудь быть!»

— И горе напало на меня превеликое; но какъ жданье на перевозѣ всего скучнѣе, то увидѣвъ, что стоитъ почтовый паромъ, велѣлъ перевезть себя на ономъ, и пріѣхалъ домой еще довольно рано.

Тутъ не долго медля, но въ тотъ же еще день, потуживъ еще разъ о тщетности своихъ хлопотъ и трудовъ, написалъ я общее свѣдѣніе и отослалъ къ повѣреннымъ въ Калитино съ нарочнымъ, приказавъ имъ оное межевщику подать, и когда будетъ, по обыкновенію, преклонять ихъ къ прекращенію споровъ, охотно отъ нихъ отказаться и, всѣ ихъ уничтожа, объявить, что мы желаемъ остаться при прежнемъ своемъ владѣніи, какъ спокойные дѣти отечества.

Не успѣлъ я симъ образомъ сжить съ рукъ своихъ калитинское свое межеванье и получивъ отъ него единственно ту пользу, что послужило оно мнѣ хорошимъ межевымъ училищемъ, какъ принялся за другое давно начатое, но неоконченное дѣло, меня дожидавшееся, а именно: за переписываніе набѣло сочиненнаго Наказа для прикащика и управителя, какимъ образомъ управлять ему въ небытность господина деревнями.

И какъ оный противъ чаянія вылился довольно великъ и пространенъ, а предписано было, чтобъ онъ помѣщенъ былъ не болѣе какъ на шести листахъ бумаги, то принужденъ я былъ переписывать его, какъ можно мельче, и имѣлъ не малый трудъ для умѣщенія его въ предписанные предѣлы и, приобщивъ къ нему нужныя формы и таблицы для разныхъ экономическихъ записокъ, подписалъ вмѣсто имени однимъ избраннымъ изъ священнаго писанія приличнымъ къ содержанію его стишкомъ, а имя свое, написавъ на особой цидулкѣ и запечатавъ оное въ особомъ маленькомъ конвертцѣ съ надписаніемъ на ономъ такого-же девиза, спустилъ наконецъ сей корабль на воду 24-го числа мѣсяца іюня, т.-е. отправилъ оный въ Москву къ другу моему г. Полонскому, дабы онъ препроводилъ его далѣе по почтѣ въ Петербургъ, и остался въ ожиданіи, что̀ отъ него воспослѣдуетъ, не заботясь слишкомъ много о томъ, будетъ-ли признанъ онъ лучшимъ изо всѣхъ, или не будетъ, и удостоюсь-ли я за то обѣщаннаго награжденія или нѣтъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ и произшествіяхъ прошелъ весь іюнь мѣсяцъ, и какъ сей пунктъ времени приличенъ и къ прерванію сего моего нарочито увеличившагося письма, то покончу я оное, сказавъ вамъ, что я есмь и про̀чая.

(Ноября 1 дня 1805).

Письмо 139-е.

Любезный пріятель! Теперь, продолжая мое повѣствованіе, дошелъ я до наидостопамятнѣйшаго періода времени во всей тогдашней моей первой деревенской жизни, а именно до того мѣсяца іюля 1770 года, въ который началось межеванье, и мы размежевывались съ волостными или съ деревнями, принадлежащими гг. Нарышкинымъ, Льву и Александру Александровичамъ; и какъ межеванье сіе, по разнымъ своимъ обстоятельствамъ и произшествіямъ, достойно подробнаго описанія, какъ для любопытнаго свѣдѣнія вамъ, а болѣе въ пользу и въ память моимъ потомкамъ, до которыхъ сіе дойтить можетъ; то и разскажу я обо всемъ происходившемъ хотя не въ такой подробности, какъ описалъ я въ тогдашнемъ моемъ журналѣ, однако такъ, что можно будетъ получить о томъ довольное понятіе.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ размежевка сія началась и производилась съ нами уже въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца, то напередъ вкратцѣ перескажу вамъ, что̀ случилось въ оной до того времени.

Мѣсяцъ сей съ самаго начала своего былъ какъ-то для меня непріятенъ и преисполненъ нѣкоторыми досадами и непріятностями. Еще въ самый первый день онаго произошла у меня съ семьянинками моими хотя небольшая и ничего незначущая, но крайне для меня непріятная размолвка.

Случилось это въ самый обѣдъ. Неуспѣли мы сѣсть за столъ, какъ и начали онѣ дѣлать по домашнимъ дѣламъ нѣкоторыя взысканія и говорить: для чего посю пору еще того, для чего другого было не сдѣлано.

Къ таковымъ и на большую часть пус-

тымъ и неосновательнымъ взыскиваніямъ на мнѣ сдѣлана уже ими была за нѣсколько времени, равно какъ небольшая привычка. Однако я не много на то смотрѣлъ, хотя признаюсь, что они меня всегда трогали; но въ сей разъ показались они мнѣ какъ-то досаднѣе нежели въ иное время.

Я не могъ утерпѣть, чтобъ не промолвить нѣсколькихъ словъ, кои сочтены колкими, и за нихъ разсерженось, и весь почти день провожденъ въ слезахъ и безмолвіи.

Мнѣ было сіе очень удивительно, ибо я далеко не столь великую проступку сдѣлалъ, чтобъ могла она ихъ гораздо тронуть. Однако я жалѣлъ уже, что и говорилъ; ибо миръ, и сладчайшій покой и единодушіе, какимъ мы всегда наслаждались, не столь мнѣ непріятенъ былъ, чтобъ похотѣлъ я нарушать его для причинъ столь маловажныхъ.

Но какъ пособить тому было уже не можно, то возъимѣлъ уже прибѣжище къ терпѣнію и хотѣлъ, чтобъ все сіе утихло само собою; а чтобъ дать волю утихать сердцу, ушелъ послѣ обѣда въ поле для точнѣйшаго осматриванія одного оврага, или вершины, наводящей на меня при будущемъ межеваньѣ великое сумнѣніе, и который назывался Грибовскимъ оврагомъ и раздѣлялъ землю нашу въ Хмыровской пустоши съ волостною. И чтобъ лучше обо всемъ потолковать, то пригласилъ иттить съ собою и моихъ ближнихъ сосѣдей, и обошелъ съ ними всю оную пустошь.

Не успѣлъ я къ несовсѣмъ еще успокоившимся боярынямъ моимъ возвратиться, какъ новое произшествіе встревожило духъ мой. Приходитъ ко мнѣ прикащикъ г. Казаринова изъ Болотова, пріѣхавшій только изъ Тулы, и сказываетъ отъ него, чтобъ я по Алексинской моей деревнѣ имѣлъ предосторожность...

— «Ба! что это такое? возопилъ я, не новыя-ли какія тамъ произошли проказы? и не сдѣлалось-ли опять чего досаднаго?» Я разспрашивалъ человѣка, но не могъ ничего узнать болѣе.

Сіе встревожило меня очень и тѣмъ паче, что я не зналъ, чего бы собственно и для чего опасаться. Посовѣтуя о томъ съ домашними, другого не нашли мы, какъ послать того-же часа туда человѣка съ извѣстіемъ и приказаніемъ, чтобъ остерегались сами, не вѣдая чего.

Между тѣмъ какъ сіе происходило и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ еще у меня находился, сказываютъ намъ, что къ нему указъ изъ Коширы присланъ и что солдатъ у его воротъ дожидается.

— «Слава Богу, закричали мы: это конечно указъ о твоей отставкѣ и произведеніи въ чинъ; поздравляемъ тебя, голубчикъ, побѣгай домой поскорѣе и сообщи намъ извѣстіе».

Онъ не сомнѣвался и самъ въ томъ, и тотчасъ побѣжалъ. Но что-жъ вылилось? Солдатъ пришелъ отъ него ко мнѣ, и пакетъ былъ не къ нему, а ко мнѣ изъ Экономическаго Общества съ книжкою.

Но какъ я удивился, когда по распечатаніи увидѣлъ въ немъ не 12-ую часть, которой я давно ожидалъ, а 13-ую съ приложеннымъ письмомъ, которымъ увѣдомляли меня, что посланныя мною въ собраніе сочиненія о картофелѣ апробованы и печатаются уже въ 14-й части, а о 12-й я уже и не зналъ: ни-то она ко мнѣ послана, ни-то нѣтъ, ни-то пропала.

Легко можно заключить, что присылка сія произвела во мнѣ хотя не такую радость, какъ въ первый разъ, однако все была радостна и пріятна; но помянутое замѣшательство не допустило мнѣ удовольствіе отъ того прямо чувствовать.

Однако въ послѣдующій день, хотя съ трудомъ и нѣкоторымъ для себя насиліемъ, (удалось) всю бурю сію утишить и къ вечеру возстановить опять прежній миръ, согласіе и спокойствіе, чѣмъ и былъ я очень доволенъ.

Еще не успѣло послѣ сего и двухъ дней пройтить, какъ новое произшествіе всѣхъ насъ огорчило и перетревожило. Всѣ мы, вставъ, начали-было сей день препровождать очень весело, какъ вдругъ видимъ, что идетъ по двору чей-то чужой человѣкъ.

Надежда Андреевна, племянница моя, первая узнавъ, что былъ то ихъ человѣкъ, воскликнула: «Ахъ, это нашъ человѣкъ изъ Кашина!» и власно, какъ предчувствуя предстоящую себѣ печаль, смутилась чрезвычайно и не зная, что принесетъ ей сія неожидаемая присылка, блѣднѣла и нѣмѣла вся.

Она и имѣла къ тому справедливую причину, хотя оной еще и не знала; ибо человѣкъ сей привезъ ей печальное извѣстіе, что отецъ ея, а мой зять Андрей Ѳедоровичъ Травинъ лишился жизни.

Нельзя изобразить, сколь много тронуло и какъ сильно поразило ее сіе нечаянное и весьма горестное для нея извѣстіе. Облившись слезами, упала она безъ памяти и находилась почти весь день безчувственною.

Всѣ наши утѣшенія, всѣ уговариванія и все, что̀ мы ни говорили, не имѣло ни малаго дѣйствія. Она не слушала и не принимала ничего, не хотѣла ни пить ни ѣсть, и утопала только въ слезахъ и воздыханіяхъ.

Можно сказать, что извѣстіе сіе и насъ всѣхъ много перетревожило. Хотя по персональности намъ и не очень было его жаль, потому что былъ онъ для нихъ худой отецъ; однако, сколь ни худо было симъ несчастнымъ дѣтямъ при немъ и сколь ни мало могли они отъ него какого добра надѣяться, но безъ него обстоятельствы для нихъ сдѣлались и того еще хуже.

Осталось тогда послѣ его ихъ три дѣвки и всѣ невѣсты, да братъ по тринадцатому году; а сверхъ того, имѣли они на рукахъ у себя его вторую жену и весьма недоброхотную для себя мачиху. Изъ сродниковъ же ближе меня никого у нихъ не было, но и я, будучи въ такой отдаленности, что̀ могъ тогда съ ними сдѣлать?

Совсѣмъ тѣмъ видѣлъ я, что по всѣмъ обстоятельствамъ долженъ былъ тогда я имѣть объ нихъ главную опеку и попеченіе; а сіе самое и приводило меня въ крайнее нестроеніе, и тѣмъ паче, что всѣ сосѣди и тамошніе ихъ родные писали ко мнѣ, чтобъ я немедленно туда ѣхалъ защищать ихъ отъ мачихи и оказывать имъ во всемъ свое вспоможеніе.

Я самъ зналъ, что требовала того отъ меня самая необходимость, и конечно бы немедленно и поѣхалъ, еслибъ съ другой стороны неудерживали меня извѣстныя межевыя обстоятельствы; ибо, при такихъ сумнительствахъ и при приближающемъ столь скоро межеваньи. можно-ль было мнѣ на часъ отлучиться?

Итакъ, все сіе смущало меня чрезвычайно; а какъ съ другой стороны и Надеждѣ Андреевнѣ, какъ старшей тогда изъ всѣхъ дѣтей, необходимо надлежало тогда ѣхать скорѣе въ свой домъ для принятія на себя хозяйства, то не понималъ я, какъ мнѣ отпустить ее одну домой; а если-бъ дожидаться ей до того, покуда минуетъ межеванье, такъ было-бъ сіе очень долго.

Итакъ, по всему тому, не знали мы что тогда дѣлать и весь тотъ день провели въ смутныхъ о томъ размышленіяхъ и разговорахъ. Наконецъ положили, чтобъ на утріе мнѣ съѣздить къ межевщику и освѣдомиться отъ него обстоятельнѣе, когда и скоро ли онъ насъ межевать станетъ, и буде еще нескоро, то-бъ ѣхать мнѣ скорѣе въ Кашинъ.

Итакъ, въ послѣдующій день, вставъ и одѣвшись поранѣе, поскакалъ я на Ведминскій заводъ, гдѣ тогда межевщикъ нашъ имѣлъ главное свое пребываніе.

Былъ то помянутый г. Лыковъ, молодецъ, любившій погулять, попить, повеселиться, а притомъ любившій набивать карманъ, и искусство сіе разумѣвшій довольно. Онъ занимался тогда формальнымъ межеваніемъ Нарышкинской волости и, начиная отъ Дурнева, обошелъ уже большую половину оной.

Я нашелъ его едва только проснувшимся и началъ съ нимъ тотчасъ о томъ говорить; но онъ не сказалъ мнѣ ни того, ни сего, потому что онъ самъ не зналъ, скоро-ли онъ дойдетъ до смежства волостной земли съ нами; а говорилъ только, что мнѣ тогда никакъ нельзя отлучиться отъ дома и, что легко статься можетъ,

что недѣли чрезъ полторы онъ и до насъ дойдетъ.

Услышавъ все сіе и пріѣхавъ домой, сталъ я съ домашними моими думать, какъ быть и что́ дѣлать. Препятствіе, недозволяющее мнѣ отлучиться, было очевидно и неопровергаемо, и потому совѣтовали и разсуждали мы болѣе о томъ, тогда-ли намъ отправлять Надежду Андреевну, или ей меня дожидаться. Наконецъ положили, что отправить ее тогда-жъ и какъ можно скорѣе; а чтобъ не одной ей ѣхать, то теща моя восприяла на себя трудъ проводить и отвезть ее туда, чѣмъ и былъ я крайне доволенъ.

Такимъ образомъ, собравши, какъ могли скорѣе, въ путь и снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отправили мы обѣихъ путешественницъ сихъ въ Кашинъ и лишились собесѣдницы своей, которою мы были очень довольны, да и она такъ-было къ намъ привыкла и насъ полюбила, что при отъѣздѣ не могла здѣшнихъ мѣстъ безъ пролитія слезъ оставить.

По отъѣздѣ ихъ и оставшись только съ женою, принялся я до наступленія межеванья опять за прежнія свои садовыя и литературныя упражненія; ибо по сдѣланной привычкѣ не могъ пробыть и одного часа безъ дѣла, а ходилъ либо въ сады и тамъ что-нибудь затѣвалъ, предпринималъ и дѣлалъ, либо садился за столъ и въ кабинетѣ своемъ что-нибудь читалъ, или писалъ на бумагѣ. Но частые и безпрерывные почти пріѣзды къ намъ около сего времени гостей дѣлали мнѣ въ томъ великую остановку.

Въ сіе время случилось мнѣ видѣть одного изъ знаменитѣйшихъ сосѣдей моихъ, а именно живущаго въ смежномъ съ дачами нашими селѣ Домнинѣ г-на Хитрова, Николая Александровича. Съ симъ человѣкомъ хотѣлось мнѣ свести давно уже знакомство, но какъ жена у него была барыня свѣтская, гордая, чиновная и особливаго характера, то боярыни наши какъ-то не охотно хотѣли между собою знакомиться и дружиться; почему и въ сей разъ не поѣхали къ брату моему Михайлу Матвѣевичу, у котораго Хитровымъ случилось быть, и куда приглашены были и мы, а принужденъ былъ я иттить одинъ уже туда обѣдать.

Я нашелъ въ Хитровѣ человѣка очень хорошаго, разумнаго и охотника до экономіи, и мы все время проговорили съ нимъ не умолкая и разстались, полюбивъ другъ друга. Я звалъ-было его къ себѣ, но онъ отговорился невозможностію

Впрочемъ, во время сего свиданія, случилось у насъ смѣшное произшествіе. Взойди послѣ обѣда престрашная туча съ громомъ и молніею. Хитрова жена чрезвычайно боялась грома, я также былъ не смѣльчакъ въ разсужденіи сего пункта; но при всемъ своемъ страхѣ не могъ утерпѣть, чтобъ не смѣяться, смотря на г-жу Хитрову и на странныя ея восклицанія и крики при каждомъ разѣ, когда сверкала молнія и гремѣлъ громъ.

Что касается до предметовъ нашихъ разговоровъ, то наиболѣе говорили мы о межеваньѣ, къ обоимъ намъ уже скорыми шагами приближающемся.

Онъ былъ также землями своими смеженъ съ волостными, и сказывалъ намъ, что слыша, что волостные вездѣ, гдѣ ни межевались, производили со всѣми сосѣдями превеликіе споры и у всѣхъ и дѣльно и недѣльно, а болѣе наглѣйшимъ образомъ отхватывали себѣ земли, боялся и онъ также, чтобъ они и у него не отхватили спорами чего-нибудь, такъ какъ они уже хвалились заблаговременно.

Всѣ таковые слухи были для насъ очень непріятны: мы заключали изъ того навѣрное, что межевщикъ ими очень позадобренъ, и что дѣлаютъ они все сіе не по его ли наущенію и дозволенію; ибо извѣстное то было дѣло, что межевщики, во всѣхъ таковыхъ спорахъ, находили свои интересы и пользовались отъ обѣихъ сторонъ прибытками. Г-нъ Лыковъ же былъ намъ съ сей стороны очень подозрителенъ, ибо былъ онъ прямо на таковскую руку.

Впрочемъ, радъ я очень былъ, отъ г-на Хитрова услышавъ, что онъ съ нами спорить никакъ былъ не намѣренъ, также что спорныя наши съ княземъ Горчако-

вымъ урочищи есть упомянутыя и въ его крѣпостяхъ.

Что касается до сего другого и знаменитѣйшаго нашего сосѣда и давнишняго соперника, князя Горчакова, владѣльца сельца Злобина, то былъ онъ въ сіе время уже генераломъ и особа гордая, надменная и нѣкакого страннаго характера.

Онъ прикосновенъ былъ дачами своими къ нашимъ дачамъ въ двухъ мѣстахъ, а сверхъ того имѣлъ еще маленькое участіе и въ самыхъ нашихъ Дворяниновскихъ дачахъ.

И какъ еще у отца его съ покойнымъ дядею моимъ Матвѣемъ Петровичемъ было одно, многіе годы продолжавшееся и по сіе время еще нерѣшенное судное дѣло объ одномъ кускѣ принадлежащаго ему стариннаго лѣса, называемаго Неволочью, въ разсужденіи которой покойный дядя отыскалъ какъ-то неоспоримыя почти доказательствы по живымъ урочищамъ, что оный принадлежать долженъ намъ, и дѣло сіе продлилось и не рѣшено было единственно за чрезвычайною скупостію моего дяди; то князь, сынъ его и тогдашній владѣлецъ Неволочи, опасаясь опять возобновленія сего дѣла, которое-бы смертію дяди моего поостановилось и замолкло, и не сомнѣваясь въ томъ, что мы будемъ спорить, нарочно для сего самъ съ Москвы съѣхалъ и жилъ въ сіе время уже давно въ своемъ Злобинѣ и на досугѣ вымышлялъ всякаго рода способы, чѣмъ бы насъ повредить при межеваньѣ, а паче всего острилъ зубы на сосѣдственную къ нему нашу пустошь Хмырово и, какъ молва носилась, грозился какъ-то у насъ ее отнять.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ онъ мнѣ былъ знакомъ по службѣ и по Кёнигсбергу и былъ мнѣ далеко не такъ страшенъ, какъ волостные, то хотѣлось мнѣ съ нимъ видѣться; но какъ унизить себя предъ нимъ и къ нему ѣхать безъ приглашенія не хотѣлось, то искалъ я случая увидѣться съ нимъ въ общей нашей приходской церкви, что́ мнѣ и удалось и еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ іюнѣ. И какъ свиданіе сіе было у насъ странное и отчасти достопамятное, то и опишу я оное такъ, какъ описалъ, въ тотъ же день, въ тогдашнемъ моемъ журналѣ.

Было сіе 6-го іюня, что я, услышавъ, что онъ будетъ къ обѣднѣ, восхотѣлъ и самъ туда-же съѣздить не столько для богомолья, сколько для того, чтобъ видѣться съ княземъ, будущимъ моимъ по межеванью соперникомъ.

Признаюсь, что нетерпѣливо хотѣлъ я видѣть, ка̀къ онъ со мною обойдется, а притомъ повеселиться непомѣрною его спѣсью и напыщеніемъ. Я дѣйствительно и ѣздилъ, и его высокопревосходительство и княжеское сіятельство увидѣть удостоился, и могу прямо сказать, что онъ прямой князь, бо все въ немъ замѣшано было на гордости и превозношеніи.

Уже и первое самое было то, что ему, по всему видимому, насъ хорошенько у церкви проторить себя и ждать заставить; онъ соблаговолилъ не прежде какъ въ двѣнадцатомъ уже часу возымѣть свой великолѣпный выѣздъ изъ сельца Злобина.

Собравшійся къ церкви народъ ждалъ, ждалъ, но наконецъ, наскучивъ, сталъ уже расходиться по домамъ. Братъ Михайла Матвѣевичъ, который не спрося броду сунулся въ воду, прождалъ его также часа два и, наскучивъ, уѣхалъ въ Савинское къ обѣднѣ.

Но меня онъ не обманулъ. Я, заключая напередъ, что онъ рано не пріѣдетъ и что, можетъ быть, изъ пышности захочетъ нарочно насъ проторить, поѣхалъ хотя въ обыкновенное время, но, заѣхавъ къ Матвѣю Никитичу, просидѣлъ у него до самаго того времени, какъ увидѣли ѣдущаго его по полю, а тогда поѣхалъ уже и я. Итакъ, князь былъ уже въ церкви, какъ мы пріѣхали.

Онъ стоялъ, напыщенный спѣсью, на моемъ мѣстѣ; былъ до сего гордъ, былъ гордъ, а тогда уже изъ рукъ вонъ! Я сталъ позади его, и хотя онъ довольно могъ слышать, что я позади его стою, однако онъ стоялъ, какъ столбъ вкопанной и во всю обѣдню не только назадъ,

но и на сторону не оборотился. Итакъ, мы съ нимъ и не здоровкались.

Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я внутренно хохоталъ такой глупой надменности, и нарочно вопреки тому дѣлая, не задиралъ его и ему не кланялся, а хотѣлъ видѣть, что воспослѣдуетъ далѣе.

Наконецъ, выходитъ попъ съ антидоромъ; князь не пошелъ къ нему, и я также. Итакъ, не видались мы и тутъ съ нимъ. И какъ казалось мнѣ, то не хотѣлось ему и вовсе со мною видѣться, ибо какъ скоро отошла обѣдня и молебенъ, то пошелъ его сіятельство прикладываться къ иконамъ, дабы я, между тѣмъ, вышелъ изъ церкви.

Однако я не таковъ былъ глупъ, а остался ждать, покуда совершитъ онъ свою набожную церемонію, которую производилъ онъ съ такою важностію, что во время оной не взглянулъ ни однажды на народъ и на меня. Но какъ кончилось сіе, то необходимо надобно было уже намъ видѣться и ему иттить мимо меня.

Я поклонился ему по старинному нашему знакомству, а онъ первымъ словомъ спросилъ меня, ѣздилъ ли я въ Петербургъ? Удивилъ онъ меня симъ вопросомъ, ибо я такого страннаго нимало не ожидалъ.

— Нѣтъ, сказалъ я ему, у меня и на умѣ не бывало.

— «Мнѣ сказали, подхватилъ онъ: да кто-жъ это ѣздилъ, Ладыженскій что-ли?

— Да, сказалъ я, Ладыженскій ѣздилъ, и онъ вамъ, небось, сказывалъ.

Послѣ сего перваго явленія, спросилъ онъ меня:

— «Что ты такъ худъ сталъ?»

— Никакъ! говорю я; а все таковъ же!

Третій вопросъ былъ слѣдующій:

— «Гдѣ ты былъ, какъ я пріѣхалъ? Мнѣ сказали, что тебя не было дома».

— Да, сказалъ я, я ѣздилъ кой-куда на сихъ дняхъ.

Симъ весь разговоръ нашъ въ церкви тогда кончился. Онъ остался съ попомъ бесѣдовать и брать просфиры, а мы вышли и остановились на крыльцѣ. Онъ, вышедши, началъ аллегорію говорить о нищихъ и разспрашивать чьи они; а я увидѣвъ, что сошла между тѣмъ и княгиня, жена его, подошелъ къ ней, по старинному знакомству, поцѣловаться, ибо тогда обыкновеніе еще было цѣловаться.

Она по добродушію своему обошлась со мною очень ласково, спросила, все-ли мы здоровы и благополучны и какъ увеселяемся деревенскою жизнію, и прочее, и я на все отвѣтствовалъ такимъ же ласковымъ и благопріятнымъ тономъ.

Между тѣмъ, съ нетерпѣливостію ожидалъ я, не пригласитъ ли меня князь къ себѣ, однако у него и на умѣ того не было; а я тому былъ и радъ, ибо, въ такомъ случаѣ, принужденъ бы я былъ къ нему ѣхать. Такимъ образомъ кончилось наше свиданіе. Князь съ помпою поѣхалъ домой, а мы также.

Далѣе и кстати, разскажу вамъ еще объ одномъ своемъ сосѣдѣ, съ которымъ я около сего же времени случайно познакомился. Былъ то живущій въ деревнѣ Дубачинѣ г. Селивановъ, по имени, Алексѣй Ѳедоровичъ.

О семъ человѣкѣ наслышался я уже издавна, что онъ былъ мудраго и особаго характера, чрезвычайный охотникъ до собакъ, до птицъ всякаго рода, имѣлъ весь домъ наполненный ими и велъ странную и уединенную жизнь. И мнѣ давно уже хотѣлось изъ единаго любопытства его видѣть, ибо впрочемъ, какъ онъ ни къ кому не ѣзжалъ, то не лестно было и его знакомство. Но около сего времени, какъ случилось въ селеніи у него стоять межевщику Хвощинскому, и мнѣ надобно было у него побывать, то согласились мы съ нимъ къ сему чудаку сходить.

И что-жъ нашли мы у него? Вся передняя и довольно просторная комната наполнена была у него разнаго рода собаками: были тутъ борзыя, были лягавыя и разныхъ другихъ родовъ, и большія и малыя.

Всѣ онѣ подняли такой лай и отъ всѣхъ ихъ была такая вонь, что мы принуждены были почти заткнуть свои уши и ноздри при прохожденіи сквозь сію комнату, бо-

ясь, чтобъ не оглушить себя и не задохнуться.

За сею слѣдовала другая, столь-же просторная, но ничѣмъ не лучшая. Сія вся загромождена была несмѣтнымъ множествомъ клѣтокъ: иныя изъ нихъ висѣли въ окошкахъ и въ такомъ множествѣ, что затемняли собою всю комнату; другими унизаны были всѣ стѣны; третьи висѣли съ потолока; а иныя и крупнѣйшія помѣщены были въ углахъ и въ простѣнкахъ, на полу и подлѣ стѣнъ, и во всѣхъ ихъ такое множество и малыхъ и большихъ птицъ, и производили онѣ пѣніемъ и щекотаніемъ своимъ такой громъ и шумъ, что не можно было слышать голоса говорящаго вблизи человѣка. А какъ и сіи животныя не производили отъ себя благовонія пріятнаго, то не могъ я, чтобъ не пожать плечми и не подивиться человѣку, провождающему жизнь въ таковомъ многочисленномъ сообществѣ разныхъ животныхъ, и обоняя всякій день ужасное зловоніе, отъ нихъ происходящее.

Въ самыхъ комнатахъ хозяйскихъ ничѣмъ почти было не лучше: онѣ всѣ были закоптѣлыя, мрачныя и наискучнѣйшія; а согласовались съ тѣмъ и всѣ приборы.

Самъ хозяинъ былъ уже немолодыхъ лѣтъ и жилъ также не весьма прибористо. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ насъ кофеемъ, но кофеемъ такимъ, какого хуже я отъ роду не пивалъ; а все сіе въ совокупленіи своемъ имѣло столь мало прелестей, что мы рады-рады были, когда вырвались изъ сей вонючей и вредной атмосферы на чистый надворный воздухъ и, говоря между собою, не могли довольно надивиться образу жизни сего впрочемъ довольно достаточнаго человѣка, но о которомъ г. Хвощинскій сказалъ такое слово, которое мнѣ очень полюбилось; а именно, онъ, говоря о г. Селивановѣ, сказалъ, «что, братецъ, у него ничего нѣтъ, да и самого его нѣтъ.»

Но не симъ, а совсѣмъ другимъ образомъ угостилъ у себя я сего любезнаго и добраго землемѣра, посѣтившаго меня чрезъ нѣсколько дней послѣ того.

Отъ меня совсѣмъ съ другими мыслями онъ поѣхалъ, и могу сказать, что онъ мнѣ не только тогда, но и многіе годы спустя, когда случалось видать мнѣ его въ Тамбовѣ, оказывалъ, какъ бы родной какой, всевозможныя ласки и благопріятствы.

Тогда же обязалъ онъ меня очень поданіемъ мнѣ многихъ искреннихъ и дружескихъ совѣтовъ, въ разсужденіи приближающагося къ намъ межеванія, и наставленіями какъ поступить при ономъ, ибо ему я во многомъ открылся.

Отъ г. Лыкова же совѣтовалъ онъ мнѣ брать возможнѣйшія осторожности и всего меньше вѣрить всѣмъ его ласкамъ, наружнымъ благопріятствамъ и лебезенью; но не такъ отзывался о помощникѣ его, второкласномъ землемѣрѣ г. Сумароковѣ, котораго хвалилъ онъ мнѣ и говорилъ, что онъ малый добрый, знающій честь и благородство, и все сіе, какъ намъ послѣ самая опытность доказала, была точная правда.

Наконецъ, скажу вамъ объ одной смѣшной, но полезной выдумкѣ, которую случилось мнѣ около сего времени сдѣлать.

Родилась у меня въ сей годъ озимая пшеница очень хороша; но какъ посѣяна она была близко подлѣ усадьбы, то напади на нее воробьи и въ такомъ множествѣ, что мы не знали, что дѣлать и какъ ихъ отогнать, ибо и стрѣляли, и чего не дѣлали, но ничто не помогало: остервенились проклятые и вредъ причиняли великій, и тогда выдумалъ я оное средство, а именно:

Я смастерилъ чучелы, похожія очень на живыхъ летущихъ ястребовъ, сшивъ ихъ изъ тряпицъ и картузной бумаги и раскрасивъ подъ натуру. Сіи чучелы поцѣпилъ я на длинныхъ шнурахъ и распетлялъ между двухъ высокихъ тычинъ, такъ что они видъ имѣли летѣнія, и далъ имъ въ придѣланные когти по живому привязанному воробью; и какъ чучелы сіи безпрерывно надъ пшеницею колебалися вѣтромъ и казались летящими, то сіе такъ устрашило воробьевъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ показать и

глаза, и намъ удалось симъ образомъ спасти свою пшеницу.

Какъ вскорѣ за симъ и началось уже наше межеванье, то хотя бы и слѣдовало мнѣ приступить теперь къ описанію всѣхъ происшествій, при томъ бывшихъ; но какъ безъ предварительнаго увѣдомленія, въ какихъ обстоятельствахъ находились въ сіе время наши дачи, многое будетъ для васъ темно и непонятно, то дозвольте мнѣ напередъ изъяснить вамъ оныя.

Обстоятельствы нашихъ земель были такъ спутаны и находились въ такихъ замѣшательствахъ, что я со всѣмъ моимъ въ межевыхъ дѣлахъ приобрѣтеннымъ знаніемъ часто, при размышленіяхъ объ нихъ, самъ не зналъ, къ чему пристать своими мыслями и которое изъ многихъ намѣреній выбрать и принять лучше и полезнѣе, для желаемаго удержанія оныхъ за собою во всей цѣлости.

Ибо какъ устрашалъ меня не одинъ оказавшійся великой примѣръ, но и во многихъ мѣстахъ спутанныя и недовольно ясно въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ описанныя живыя урочищи и примѣты, могущія послужить сосѣдственнымъ спорщикамъ въ великую пользу, а намъ во вредъ; то зная, что при тогдашнемъ межеваньѣ весьма важны были и живыя урочищи и могли многимъ помогать приобрѣтать себѣ земли, то, не полагаясь во многомъ на собственное свое знаніе, совѣтовалъ о многихъ сумнительствахъ и съ господами знакомыми себѣ межевщиками. Но какъ и ихъ совѣты и мнѣнія не о всѣхъ были одинакія и одни толковали такъ, а иные инако, такъ что иногда приходилъ я оттого еще въ пущее замѣшательство мыслей. Наиглавнѣйшее состояло въ слѣдующемъ:

Всѣ наши земли состояли, по несчастію, не изъ одной, а изъ осьми разныхъ дачъ и пустошей, которыя хотя и были между собою смежны, но собственныхъ границъ между оными и того, до котораго мѣста простиралась одна и съ котораго собственно начиналась другая, того не только я, но и никто изъ престарѣлыхъ здѣшнихъ старожиловъ не зналъ въ точности, а знали только вообще мѣста, гдѣ которая лежала.

Но какъ всѣ оныя сообщить въ одну дачу никоимъ образомъ было не можно, потому что не во всѣхъ ихъ равное число владѣльцевъ находилось, а въ иныхъ было ихъ болѣе, а въ другихъ менѣе, а всѣ таковыя законами повелѣвалось не сообщать во-едино, а размежевывать порознь; то и не зналъ я, гдѣ показывать имъ внутреннія границы, да и идучи по окружной межѣ не видалъ, гдѣ показывать имъ началы и гдѣ окончанія.

Собственная дача сельца нашего Дворянинова лежала на рѣкѣ Скингѣ, по обѣимъ оной сторонамъ, и была сама по себѣ очень невелика, и половина оной лежала по теченію сей рѣки вправо или къ востоку, а другая по лѣвую сторону, или къ западу, и окружена была она отчасти своими, отчасти посторонними землями.

Съ западной и сѣверной стороны окружала ее сперва церковная земля, а потомъ земля смежнаго сельца Котова. За нею и съ восточной стороны примыкала къ ней пустошь наша Хмырово, а за сею волостная земля г-дъ Нарышкиныхъ.

Съ южной же стороны и за рѣкою Скингою и Гвоздевкою примыкала къ ней пустошь наша Гвоздево, а за сею на западъ земля деревни Трухиной или Болотовой.

Владѣльцевъ въ сей дачѣ было тогда пятеро: четверо насъ да князь Горчаковъ, имѣвшій въ ней маленькую частичку... И въ разсужденіи собственно сей дачи не ожидалъ и почти не опасался я споровъ, ибо съ волостными разграничивала насъ на большую часть одна писцовая Яблоновская вершина, а съ котовскими писцовая же рѣчка Трудавецъ. Однако какъ были прогалки и не по живымъ урочищамъ, то могли споры заводить съ нами и тѣ и другіе.

Вторую дачу составляла помянутая пустошь Хмырово, простирающаяся отъ Дворяниновской земли въ сѣверную сторону далече, и даже до самой рѣчки Трещ-

ни и за оную, и содержала въ себѣ земли довольное множество.

Она окружена была со всѣхъ почти сторонъ землями чужими, и примыкала къ ней сперва земля деревни Котовой, потомъ земля деревни Злобиной, самой той, гдѣ находился тогда владѣлецъ ея, горделивой мой князь Горчаковъ.

Далѣе за сею и за рѣчкою Трешнею, приткнулась къ ней концомъ земля деревни Городни, а за сею, и на великое пространство и даже до Дворяниновской земли, прилегала къ ней бокомъ земля волостная, отдѣляющаяся отъ ней отчасти живымъ писцовымъ урочищемъ, называемымъ Грибовскимъ оврагомъ, отчасти полевою межею.

Въ разсужденіи сей пустоши опасался я уже болѣе споровъ какъ отъ волостныхъ, такъ и отъ князя Горчакова по Злобину. Сколько слухи до насъ доходили, то грозились волостные отхватить отъ насъ бо́льшую часть пустоши, утверждая, что будто бы Грибовской верхъ не тотъ, который мы называемъ, а другая вершина въ этой же пустоши, по несчастію, находившаяся, и такое-же точно положеніе имѣвшая, но лежавшая только ближе къ Злобину.

Князь также твердилъ и хотѣлъ насъ совсѣмъ изъ пустоши выгнать. А какъ владѣльцы въ сей пустоши были самые тѣже, какъ и въ Дворяниновской, и посему должна она была совокуплена быть съ нею, то и наводило сумнѣніе на меня то обстоятельство, что, въ случаѣ спора, могла и Дворяниновская дача подвергнуться опасности.

Третью дачу составляла пустошь Гвоздево, лежащая за рѣчкою Гвоздевкою и прилегающая внутренними боками къ землѣ Дворяниновкѣ, Болотовской и пустоши Голенинки, а наружнымъ бокомъ къ волостной землѣ и къ рѣчкѣ Скингѣ или паче къ заводскому Елкинскому пруду.

Въ сей пустоши находилось уже шесть владѣльцевъ, и кромѣ насъ и князя имѣлъ еще небольшое участіе нѣкто Казариновъ, что̀ послѣ во владѣніе досталось г-ну Огаркову, а потому и должна была она отмежевана быть особо.

Въ разсужденіи сей пустоши, казалось бы, и не было причины опасаться мнѣ споровъ, ибо она вся почти окружена была живыми писцовыми урочищами, а гдѣ не было ихъ, тамъ была видима еще старинная межа съ прежними межевыми ямами; а сверхъ того по сей пустоши имѣли мы на волостныхъ законную претензію.

Помянутый ихъ Елкинскій заводскій прудъ запруженъ былъ на общей у насъ съ ними землѣ, и они за берегъ нашъ плачивали намъ встарину по сту рублей денегъ ежегодно; но какъ заводъ перевелся, то платить перестали, а прудъ все остался существующимъ. Итакъ, можно было и намъ съ ними еще о прудѣ законно спорить, почему и былъ я съ сей стороны почти спокоенъ.

Четвертую дачную землю составляла пустошь Голенинка, лежавшая за пустошью Гвоздевою въ углу къ волостной землѣ, и прилегающая однимъ бокомъ къ ней, а другимъ къ дачной землѣ деревни нашей Болотовой, а третьимъ къ лежащей за ними нашей пустоши Щиголевой.

Въ сей пустоши хотя я и братья мои владѣнія не имѣли, а имѣлъ только нѣкоторое участіе Матвѣй Никитичъ, главные же владѣльцы были Казариновъ и Ладыженскіе; однако какъ и она связана была съ нашими землями, то надобно было и объ ней хлопотать.

Пятую дачную землю составляла помянутая и самая отдаленнѣйшая отъ насъ пустошь Щиголева, лежащая по конецъ всѣхъ нашихъ земель и бокомъ къ землямъ села Домнина, г-на Хитрова, а прочими боками своими примыкала къ землямъ нашимъ деревни Болотовки и пустоши Шаховой; но гдѣ она съ ними разграничивалась, того никто не зналъ и не вѣдалъ.

Въ сей пустоши владѣльцами были мы да Ладыженскіе; Казаринова же и князя не было. И какъ она нигдѣ живыхъ урочищъ не имѣла и бокъ ея къ Домнину былъ описанъ такъ двоесмысленно и

неясно, что я какъ огня опасался спора отъ Хитрова, и готовился уже уступить ему десятинъ двадцать, ежели-бъ онъ заспорилъ.

Шестую дачную землю составляла прикосновенная къ ней пустошь Шахова. Сія проклятая пустошь наводила на меня болѣе всѣхъ сумнѣнія и была главнѣйшимъ предметомъ всѣхъ моихъ стараній, вымысловъ и заботъ.

Она лежала бокомъ отчасти къ Домнинской, а болѣе къ землѣ князя Горчакова, отдѣленной отъ ней рѣчкою Язовкою. И какъ самое верховье сей рѣчки было сумнительное, то отъ самаго того и произошелъ, лѣтъ за 15 до того, у дяди моего съ княземъ Горчаковымъ споръ и исковое челобитье о лѣсѣ его, называемомъ Неволочью, находящемся въ верховьѣ сей рѣчки и прилегающемъ къ сей пустоши и обширностію десятинъ до 60 простирающемся.

Сей споръ, о которомъ упоминалъ я вамъ уже и прежде, не можно намъ было никакъ оставить, ибо описанныя въ писцовыхъ книгахъ живыя урочищи и старинныя межевыя ямы, до нынѣ еще видимыя, гласили явно и почти неоспоримо въ нашу пользу.

Почему, хотя-бъ мнѣ, при открытомъ великомъ въ земляхъ нашихъ примѣрѣ, и не весьма хотѣлось сей споръ при межеваньѣ возобновлять и производить, дабы не приумножить тѣмъ еще больше количество излишней земли, которую и безъ того не зналъ я какъ сохранить; но принуждала меня къ тому самая необходимость, ибо братья мои и слышать о томъ не хотѣли, чтобъ отъ сего спора отстать и даже сердились на меня при единомъ намеканіи моемъ о томъ стороною.

Седьмую дачную землю составляла небольшая пустошь Воронцова, прилегающая къ помянутой Шаховой однимъ бокомъ, а другимъ къ землямъ князя Горчакова, деревни Матюшиной, третьимъ къ пустошѣ Ермаковой, принадлежавшей котовскимъ съ сосѣдомъ моимъ Матвѣемъ Никитичемъ, а четвертымъ къ землямъ деревни Болотовой.

Но какъ пустошь сія, отдѣленная отъ чужихъ земель хотя неоспоримыми живыми урочищами, принадлежала только тѣмъ же владѣльцамъ какъ и Шахова, а именно намъ и Казаринову, то и должна была по законамъ соединена быть съ оною воедино.

Наконецъ, осьмою дачною землею была земля деревни нашей Трухиной или Болотовой, въ которой было шесть помѣщиковъ, а именно: четверо насъ, Болотовыхъ, да Казариновъ, да Ладыженскіе и которыя земли лежали посреди всѣхъ нашихъ дачъ, между Дворяниновскою, Гвоздевскою, Голенинскою, Щиголевскою, Шаховскою, Воронцовскою и Ермаковскою землею. Но, по всей ея окружности, неизвѣстно было мнѣ, гдѣ находились ея точные предѣлы, а столько же мало знали о томъ и всѣ наши старожилы.

Кромѣ сихъ 8-ми большихъ дачныхъ земель, имѣли мы еще маленькій клочокъ отхожаго Гвоздевскаго луга, лежащаго за нашею церковью подлѣ рѣчки Язовки и совсѣмъ отъ нашихъ земель отдѣленную.

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ находились наши земли. Я тысячу разъ благодарилъ самъ себя, что я всѣ оныя снялъ и положилъ на планъ заблаговременно, съ аккуратнѣйшею внутренною ситуаціею, и чрезъ то приведенъ былъ въ состояніе заблаговременно и на планѣ тамъ внутреннія границы и смежности всѣмъ онымъ землямъ назначить, гдѣ по разсмотрѣнію моему было приличнѣе.

Чтожъ касается до помянутаго примѣра, оказавшагося при измѣреніи на планѣ во всей дачѣ или земляхъ нашихъ вообще, то намѣренъ я былъ разсчислить оный по пропорціи четвертной дачи на всѣ оныя земли и пустоши, дабы никому не было обидно, и всѣ получили-бъ въ ономъ участіе.

Но не такъ воспослѣдовало, какъ я думалъ и, заблаговременно располагая, на планѣ своемъ назначивалъ.

Но о семъ разскажу я вамъ впередъ въ свое время; а теперь, какъ письмо сіе уже увеличилось слишкомъ, то дозвольте

мнѣ оное кончить и сказать вамъ что я есмь, и прочая.

(Ноября 5 дня 1805 года).

Письмо 140-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь, наконецъ, къ описанію происходившаго межеванья, скажу, что начальное было только по прикосновенности, а не формальное наше, ибо формально межевалась тогда Нарышкина волость, а не мы, слѣдовательно и коснулось оно, въ сей разъ, до насъ однимъ только бокомъ.

Приближилось оно къ намъ при обходѣ волости со стороны отъ Квакина, и волостные должны были размежевываться съ пустошми нашими: Голенинкою и Гвоздевою, а потомъ съ Дворяниновскою и Хмыровскою дачею... и дошло собственно до насъ еще въ концѣ іюля мѣсяца, а именно 22-го числа онаго.

Межевалъ насъ съ волостью помянутый землемѣръ г. Лыковъ, человѣкъ казавшійся по наружности очень добрымъ, къ намъ ласковымъ, дружелюбнымъ и благопріятнымъ; но, какъ послѣ оказалось, былъ онъ лукавый, скрытый, корыстолюбивый, безчестный и негодный человѣкъ.

Какъ мы съ нимъ сдѣлались давно и тогда еще знакомы, какъ онъ былъ далеко еще отъ насъ, и онъ къ намъ очень часто ѣзжалъ, и мы его во все это время поили и кормили, какъ добрую свинью, и всячески угощать и всѣмъ и всѣмъ служить ему старались; то и не ожидали мы никакъ, чтобъ онъ посягнулъ на насъ какими-нибудь злодѣйствами и неправдами и тѣмъ паче, что онъ всегда прикрывалъ себя непроницаемою личиною притворства и наружною къ намъ ласкою, благопріятствомъ и усердіемъ, и умѣлъ сіе такъ хорошо дѣлать, что я хотя и зналъ, что онъ угощенъ былъ досыта волостными, но побожиться бы за него былъ готовъ, что онъ никакъ не въ состояніи, забывъ честь совсѣмъ и все благородство, изъ бездѣльной корысти продать насъ волостнымъ и поступить съ нами такъ бездѣльнически, какъ поступилъ онъ при тогдашнемъ случаѣ.

Мы хотя всячески къ нему ласкались и всегда старались ему всѣмъ, чѣмъ могли, прислуживать; однако какъ онъ за день до начала межеванья былъ имянинникомъ, то, не сомнѣваясь, что онъ въ сей день сдѣлаетъ для насъ обѣдъ и всѣхъ насъ къ себѣ позоветъ, изготовили-было ему приличные къ сему дню и добрые подарки.

Однако онъ сего не сдѣлалъ, и не допустила его до того либо скупость, ибо жилъ онъ очень скупо, либо совѣсть; ибо, въ самое то время, ковали они съ волостными начальниками и повѣренными злые противъ насъ ковы и составляли всевозможныя ухищренія и замыслы ко вреду нашему. А посему и остались всѣ наши подарки дома; что было и очень кстати, потому что они пропали-бъ по пустому и ничего бы въ пользу нашу не подѣйствовали.

Между тѣмъ какъ мы званья отъ межевщика дожидались, услышали мы, что волостные мужики все ходили около нашего Гвоздевскаго заказного лѣса, отыскивали какія-то ямы, посматривали мѣста, гдѣ имъ иттить отводомъ при межеваньѣ.

Досадно намъ сіе всѣмъ было, и мы послали того часа людей, чтобъ ихъ стараться изловить, какъ-бы непріятельскихъ подзорщиковъ и шпіоновъ, а послѣ обѣда и сами туда съ братьями поѣхали.

Не успѣли мы туда пріѣхать, какъ сказываютъ намъ, что поймали волостного мужика съ нарубленнымъ воровски въ нашемъ заказѣ лѣсомъ.

— «О! о! закричали тогда мои братья, вотъ мы ему ужо дадимъ!» а я себѣ на умѣ: «не таково, не таково строго!» и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, что́ съ нимъ дѣлать.

Ко мнѣ, какъ къ главному всей нашей стороны начальнику, представили его какъ плѣнника, и онъ только и зналъ, что валялся у меня у ногъ и просилъ помилованія; что и было у меня на умѣ сдѣлать, ибо я хотя и могъ-бы тогда поступить съ

нимъ, какъ съ воромъ и его не только жестоко наказать, но послѣ отослать и въ городъ; но какъ я и въ прочее время не такой былъ драчунъ и забіяка, а тогда и подавно не хотѣлось мнѣ раздражать волостныхъ и тѣмъ болѣе подавать на себя повода ко враждѣ: разсудилъ я его только постращать, будто бы хотимъ его сѣчь, а послѣ отсылать связаннаго въ городъ, а наконецъ оказалъ будто ему милость и, пожалѣвъ старости его, отпустилъ безо всего и не сдѣлавъ ему никакого оскорбленія.

Итакъ, 21-го еще числа іюля, какъ наканунѣ того дня, въ который началось самое межеванье съ нами, получилъ я отъ повѣреннаго моего, ходившаго всякій день при межевщикѣ, увѣдомленіе, что межевщикъ уже подошелъ очень близко къ нашей дачѣ и на утріе будетъ межевать волость съ Хитровымъ.

Сіе насъ всѣхъ перетревожило, ибо можно было заключить, что въ этотъ день дойдетъ уже и до нашей земли. Итакъ, поднялись у насъ сборы, хлопоты и криченья: «давай скорѣе лошадей! готовь скорѣе ѣсть! сбирайтесь всѣ! посылай работныхъ! вели везть столбы!» и такъ далѣе.

Мы всѣ, Болотовы, будучи тогда дома, согласились выѣхать на межу: Матвѣй Никитичъ со мною въ одноколкѣ, а братья въ своей, ибо тогда ни дрожекъ, ни линеекъ въ употребленіи еще не было.

Отобѣдавъ дома, поѣхали мы тотчасъ за Квакинской лѣсъ къ Пахомову, гдѣ межа остановилась. Мы увидѣли уже издалека вѣхи и народъ, однако его еще не было, а нашли мы тутъ г. Хитрова. Онъ вывезъ нѣсколько возовъ столбовъ, и бѣлыхъ и черныхъ, и окруженъ былъ народомъ. Волостные также его очень тревожили, похваляясь вездѣ, что отхватятъ отъ него десятинъ тысячу, и онъ не зналъ, что съ ними и дѣлать.

Мы прождали межевщика часа полтора или болѣе; онъ все пировалъ у волостного управителя, но наконецъ выѣхалъ и онъ и началъ межевать.

Всѣ ожидали, что будетъ тогда споръ съ Хитровымъ, однако, противъ чаянія всѣхъ, пошли безспорно по старому владѣнію, чѣмъ Хитровъ чрезвычайно былъ доволенъ, а можетъ быть имѣлъ и причину радоваться.

Я, видя сіе, сказалъ самъ себѣ: «вотъ со мною, проклятые, симъ образомъ не разведутся! Но что дѣлать! такъ и быть!»

Подумавъ симъ образомъ, пошли мы съ братьями напередъ къ тому мѣсту, гдѣ у насъ съ ними межа начнется, и стали ихъ дожидаться, думая безсомнѣнно, что они тотчасъ начнутъ съ нами споръ.

Но по счастію. всѣ повѣренные и начальные люди волостные были пьяненьки и не много поспутались; а я умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и отвесть ихъ отъ зачатія спора въ томъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ было-бъ очень худо, а для нихъ полезно, и которое они немного прозѣвали.

По крайней мѣрѣ радъ я былъ тому, что они первую линію протянули съ нами безспорно. Тутъ, думаю я, что они начнутъ споръ, однако, гляжу, идутъ они и другую и третью линію безспорно, да и такъ еще, что нѣсколько и изъ своего владѣнія уступали.

Не могу изобразить, какъ доволенъ я былъ и какъ обрадовался-было я толь благому началу; но радость моя продлилась не долго.

Уже на третьемъ пунктѣ они остановились и поставивъ вѣху совсѣмъ въ нашемъ владѣніи и далеко отъ рубежа, хотѣли-было уже начинать споръ. Но тутъ гдѣ ни возьмись дождь и пошелъ пресильный; а какъ въ самое то время и оба повѣренные волостные что-то между собою неполадили и побранились, то и стали они просить межевщика, чтобъ въ тотъ день болѣе не межевать и, остановивъ межеванье, дать имъ время одуматься, обѣщая, что они такъ конечно не пойдутъ, какъ они вѣху поставили.

Я не зналъ тогда, послушаться ли ихъ просьбы, или убѣждать межевщика, чтобъ онъ продолжалъ межевать далѣе. Однако подумавъ, что можетъ быть они одумают-

ся хотя было это и нестаточное дѣло, согласился на то, чтобъ тутъ перестать.

Итакъ, прошли мы съ ними въ сей день только три линіи и съ полверсты, межуя еще только пустошь Голенинку съ волостью, и межеванье отложено до понедѣльника, т.-е. до 26-го числа іюля.

Я звалъ межевщика къ себѣ и онъ согласился ѣхать и, посидѣвъ у меня, заѣзжалъ къ Матвѣю Никитичу, и мы оба старались его употчивать, какъ можно лучше, и поили какъ свинью; и между прочимъ проговаривали опять о берегѣ прудовомъ, но онъ по прежнему обыкновенію тянулъ все въ сторону волостныхъ и не входилъ нимало во всѣ мои неоспоримыя и справедливыя доказательствы... Я досадовалъ тогда на сіе внутренно и за особое несчастіе себѣ поставлялъ, что получили мы въ немъ такого межевщика негодяя.

Въ послѣдующее затѣмъ воскресенье, какъ наканунѣ того дня, въ который надлежало начинаться опять межеванью, вздумалось нашимъ боярынямъ всѣмъ, собравшись гурьбою, съѣздить къ межевщиковой женѣ въ Ченцово, гдѣ они тогда стояли, въ гости, ибо она давно ихъ къ себѣ приглашала. Онѣ уговорили меня ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Самого межевщика мы не застали дома, онъ уѣхалъ въ Саламыково, къ тамошнему прикащику пить; но жена его была дома, а скоро пріѣхалъ и онъ, ибо она за нимъ тотчасъ послала.

По лукавству своему притворился онъ, будто бы былъ очень радъ нашему посѣщенію, а въ самомъ дѣлѣ желалъ лучше, чтобы мы къ нему не пріѣзжали.

Но какъ бы то ни было, однако онъ первымъ словомъ началъ мнѣ сказывать радостное извѣстіе, что наканунѣ сего дня былъ въ Ченцовской половинѣ у волостныхъ сходъ, что говорили на немъ, какъ со мною разводиться, читали писцовыя книги и положили, чтобъ со мною не спорить до самой рѣки Скинги.

Извѣщеніе сіе обрадовало меня чрезвычайно, почему и сидѣлъ у него я уже повеселѣе; а вскорѣ послѣ того подошелъ туда-же и Ченцовскій надзиратель и повѣренный, беззубый Лобановъ.

Тотъ также мнѣ намекнулъ, что они, авось-либо, какъ-нибудь добредутъ до Скинги безспорно. Итакъ, я внутренно веселился сему отзыву и радовался, что Богъ на разумъ ихъ наставилъ; ибо для меня великая-бъ была подмога, если-бъ они со мною хотя-бъ въ одномъ мѣстѣ не спорили.

Напротивъ того, о саламыковскомъ прикащикѣ и повѣренномъ другой половины сказывалъ мнѣ межевщикъ, что сей неотмѣнно со мною въ пустоши Хмыровой спорить хочетъ.

И какъ сей споръ былъ мнѣ уже давно предсказанъ, то я о семъ уже и не такъ тужилъ, вѣдая, что отъ сего прикащика, какъ злого и пренегоднѣйшаго человѣка, ничего добраго ожидать было не можно, и потому почиталъ сей споръ уже необходимымъ.

Такимъ образомъ, находясь между страхомъ и надеждою, пріѣхалъ я домой уже поздно, и сообща товарищамъ моимъ помянутое радостное извѣщеніе, обрадовалъ ихъ тѣмъ чрезвычайно.

Увѣреніе сіе почиталъ я столь справедливымъ и достовѣрнымъ, что какъ въ послѣдующій день начали мы собираться ѣхать на межу, то не велѣлъ я брать съ собою и столбовъ черныхъ, а повезти одни бѣлые и въ надеждѣ, что станутъ проѣзжать межи сохами, велѣлъ взять съ собою и оныя.

Но прежде приступленія къ описанію самого межеванья волостныхъ съ нами, разскажу вамъ обо снѣ, какой я въ ночь сію видѣлъ:

«Мнѣ снилось, что я вижу у себя множество серебряныхъ денегъ и, удивляясь новости и гладкости ихъ, сталъ ихъ обтирать и вдругъ увидѣлъ, что были онѣ фальшивыя и натертыя только ртутью».

Проснувшись, удивился я сему сновидѣнію и признаюсь, что поразился онымъ не мало, ибо снамъ я хотя и никогда не вѣрилъ и мало объ нихъ помышлялъ; однако было у меня какъ-то издавна заримѣчено, что всегда, когда ни виды-

валъ я во снѣ деньги, послѣдовали вскорѣ затѣмъ, и всего чаще въ самый тотъже еще день, произшествія какія-нибудь важныя и непріятныя.

А въ сей разъ, желая лучше въ томъ удостовѣриться, пріискалъ еще въ одной нѣмецкой обо снахъ книжкѣ деньги, и увидѣвъ, что и тутъ сказано, что серебряныя значутъ важныя и сурьезныя дѣла, подумалъ, самъ съ собою говоря: «вотъ какое вранье! какимъ быть важнымъ дѣламъ, когда волостные не хотятъ спорить!»

Однако послѣдствіе доказало, что сонъ мой сбылся наиточнѣйшимъ образомъ и не только въ разсужденіи видѣнныхъ денегъ, но и самой фальшивости оныхъ, какъ все то окажется въ свое время.

Теперь, начиная повѣствовать о собственномъ межеваньѣ волостныхъ съ нами, скажу, что не успѣли мы подъѣхать къ Шестунихѣ нашей, какъ пастухи сказывали намъ, что волостные прикащики съ мужиками разъѣзжали во все то утро около Шестунихи и осматривали мѣста въ нашихъ дачахъ. Извѣстіе сіе привело меня въ великое сомнѣніе.

— «Кой-же чортъ! говорили мы между собою: уже не передумали-ли они опять и не хотятъ-ли начинать споры?»

Товарищи мои въ томъ почти уже не сумнѣвались; а я самъ хотя и былъ между страхомъ и надеждою, однако сумнительныя мысли почти тотчасъ въ голову.

Незнаніе, какъ они поведутъ и опасеніе, чтобъ не повели они въ сумнительныхъ мнѣ мѣстахъ, такъ чтобъ несправедливый ихъ отводъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ писцовыми книгами и чтобъ мы не подверглись чрезъ то опасности потерять великое количество земли и такъ какъ бы повелъ я, будучи на ихъ мѣстѣ, меня очень тревожило.

Въ особливости же наводило на меня то обстоятельство сомнѣніе, что въ Гвоздевской нашей пустоши находились многія и разныя вершины, называющіяся нынѣ совсѣмъ уже не такъ, какъ назывались нѣкоторыя и порубежныя въ древнія времена. И какъ имъ можно было выбирать изъ нихъ любыя и называть прежними названіями, то боялся я, чтобъ они не выбрали такой, которая мнѣ была опасна.

Сверхъ того упоминалась въ писцовыхъ книгахъ одна порубежная дорожка, которой въ натурѣ никакой не было, и я опасался, чтобъ не назвали они ею большую проѣзжую дорогу, идущую отъ Елкина чрезъ всю Гвоздевскую пустошь и чтобъ чрезъ то, съ видомъ вѣроятности, не отхватили они у насъ множества земли.

Словомъ, я находилъ столь многія и опасныя сумнительствы, что полагалъ уже предварительно въ мысляхъ, чтобъ въ случаѣ, ежели заведутъ они гдѣ-нибудь опасный споръ, то лучше уступать имъ иногда по небольшому количеству десятинъ, нежели допускать до большого спора.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ сборному мѣсту, тѣмъ болѣе увеличивалось мое сумнѣніе; волостные мужики шатались вездѣ по нашимъ землямъ, и наконецъ наѣхали и самого надзирателя ихъ, ѣздящаго и осматривающаго положенія мѣстъ.

— Здорово! здорово! говоримъ ему, а у самихъ не то на умѣ, и говоримъ между собою:—«вотъ лихая болѣсть его уже носитъ; знать уже конечно дурное на умѣ, а то ему ѣздить-бы тутъ было не для чего».

Пріѣхавши на сборное мѣсто, нашли мы толпу народа, но межевщика еще и въ появѣ не было. Намъ первое огорчительное зрѣлище представилось въ черныхъ столбахъ, привезенныхъ волостными вмѣсто ожидаемыхъ бѣлыхъ.

Наши тотчасъ сіе уже пронюхали, и братъ Гаврила Матвѣевичъ съ горестію ко мнѣ прибѣжалъ и говорилъ:

— «Братецъ! вѣдь черные, а не бѣлые столбы проклятые-то привезли; знать хотятъ спорить!»

— Ну что-жъ дѣлать? сказалъ я ему, унять не можно.

Итакъ, готовились мы уже къ спору, о которомъ не было сумнѣнія, ибо нашли мы волостныхъ мужиковъ совсѣмъ въ другомъ расположеніи нежели мы чаяли.

Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я употре-

бить все свое краснорѣчіе, чтобъ ихъ уговорить. Я представлялъ имъ смирное и согласное до сего времени сосѣдство; ласкалъ и обѣщалъ имъ и впредь оное; грозилъ вѣчною ссорою, ежели они нынѣ противъ всей справедливости насъ обижать похотятъ; приступалъ къ нимъ непутнымъ дѣломъ; выбиралъ самыхъ стариковъ и говорилъ имъ слѣдующимъ образомъ:

— «Ну, мой другъ! ты уже въ гробъ смотришь, тебѣ уже немного жить остается! Скажи по совѣсти и какъ тебѣ предъ Богомъ явиться: владѣли-ли вы когда-нибудь въ семъ мѣстѣ? и были-ли когда-нибудь у насъ здѣсь съ вами споры?»

Нечего было тогда симъ говорить: они признавались, что никогда не владѣли, и что никогда ни ссоръ, ни споровъ не было и что мною довольны, равно какъ и предками нашими.

— «Ну, для чего-жъ, подхватилъ я, вы теперь на задоръ идете и ссору начинать хотите, которой никогда не бывало; для чего дѣлаете вы вѣчную вражду, которой мы никогда не желали и нынѣ не желаемъ? Я ли къ вамъ во владѣніе вступаю? я-ли васъ обижать хочу? и не вы-ли сами, не зная для чего, противъ всей правды и невинно насъ обижать предпринимаете?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ старался я ихъ уговаривать, но они были глухи и подобны нечувствительнымъ пнямъ. Я сіе вѣдалъ, и потому не для того и говорилъ, чтобъ ихъ убѣдить надѣялся, но хотѣлъ пристыдить ихъ совѣсть, чтó и подлинно производило ожидаемое дѣйствіе.

Старики бранили молодыхъ, что отъ нихъ всѣ сіи затѣи, а они никогда не хотѣли браниться и извинялись тѣмъ, что не ихъ была воля. Тогда, оставя ихъ, приступалъ я къ ихъ отводчикамъ, которые были самые плуты и выбраны къ тому, какъ удальцы изъ всей волости.

— «Скажите, пожалуйте! говорилъ я имъ, почему вы взяли себѣ въ голову и почему утверждаете, что это ваша земля? Не видите-ли писцовыхъ ямъ, которыя по нашей межѣ и понынѣ цѣлы, кто ихъ копалъ? мы-ли или межевщикъ? и когда мы у васъ завлаживали?»

Нечего имъ было говорить, и они предъявляли одинъ только и крайне смѣшной предлогъ, состоящій въ томъ: для чего-де прежній межевщикъ не прямо, а все кривулинами шелъ?

Нельзя было, чтобъ сему ихъ глупому оправданію не смѣяться, и для того, смѣючись, говорилъ я съ горести:

— «Для чего ты, мой другъ, тогда не родился и межевщику не сказалъ: «для чего ты не сдѣлаешь циркуля и всю нашу волость кружкомъ и яичкомъ не очертишь?» Однимъ словомъ, они были нѣмы и наполнены только завистью и злостью.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, подъѣхали волостные прикащики. Тутъ начался у насъ разговоръ совсѣмъ о другой матеріи. Имъ нажаловались мужики о бывшемъ въ лѣсу съ пойманнымъ мужикомъ произшествіи, также о бывшей наканунѣ того дня на Хмыровскомъ полѣ сумятицы, поводомъ къ которой было слѣдующее.

Между тѣмъ, какъ мы наканунѣ сего дня ѣздили съ боярынями въ Ченцово къ межевщику, братья мои оставались дома. Не знаю, какъ-то провѣдали они, что у насъ за дворами по Хмыровскому и Яблоновскому полю ходятъ волостные мужики, и осматриваютъ и мѣряютъ землю.

Они, воспылавъ досадою, бросились туда и гонялись за мужиками, а вскорѣ за симъ прибѣжалъ и Матвѣй Никитичъ, имѣя при себѣ человѣкъ съ тридцать; и дошло-было до драки, однако ничего не было, хотя съ обѣихъ сторонъ множество народа съ дубьемъ уже сбѣжалось.

Мужики волостные нажаловались, что наши сняли будто съ одного шляпу, а я, въ Шестунихѣ, снявъ съ мужика рубашку, водилъ будто по всему лѣсу; и наглость ихъ такъ была велика, что они въ глаза упрекали сею, по мнѣнію ихъ, дурною поступкою.

Досадно мнѣ тогда чрезвычайно было, что сіи бездѣльники за мою же добродѣтель меня же бранятъ, почему и говорилъ: «Жаль-же мнѣ, что я такъ былъ

великодушенъ и пойманнаго мужика въ лѣсу съ накраденымъ моимъ лѣсомъ не выпоролъ, пускай же бы они говорили».

Потомъ разсказалъ я прикащикамъ порядокъ всего происшествія, но сіи господа были съ мужиками одного почти помёта, а особливо саламыковскій, который подалъ тогда мнѣ поводъ еще къ вящей на него досадѣ, и наияснѣйшимъ образомъ далъ о себѣ знать, что онъ былъ наивеличайшій плутъ и бездѣльникъ; а вотъ какимъ образомъ сіе происходило.

Между тѣмъ, какъ мы о помянутыхъ происшествіяхъ считались, братъ мой Гаврило Матвѣевичъ, по молодости и пылкости своей, разгорячившись и грозя мужикамъ, проболтнулъ:

— «Посмотрю-ка я, какъ-то волостные ко мнѣ въ дачу съ сего времени толкнутся, и дуракъ я буду, ежели не укакошу кого-нибудь, кто мнѣ попадется въ руки!»

Прикащикъ саламыковскій, прислушавъ сіе и будучи самая ехидна, подхватилъ сіе слово и тотчасъ началъ являть понятымъ:

— «Слушайте, господа понятые! говорилъ онъ: вотъ господинъ хочетъ убить до смерти человѣка, было бы вамъ это извѣстно!»

Досадно мнѣ сіе чрезвычайно было; однако я съ минуту времени молчалъ и далъ время ему пораззѣваться и тѣмъ наказалъ Гаврилу Матвѣевича за неосторожность, который въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно струсился.

Наконецъ, не могъ я болѣе вытерпѣть и сносить поношеніе, которое дѣлалъ такой бездѣльникъ моему толь близкому родственнику. Я вступился и напустилъ самъ на прикащика.

— Изъ чего ты это заключилъ? съ превеликимъ сердцемъ сказалъ я сему ябеднику, что онъ хочетъ убить до смерти человѣка? И какъ ты смѣешь трогать такъ благороднаго человѣка?... Что такое значитъ «укакошить?» Еще я не знаю, почему бы это значило убить? Какошить, какошить: да это надобенъ еще лексиконъ, и развѣ по-твоему это значитъ убіеніе? а по-моему это ничего не значитъ, и слово совсѣмъ не-русское.

Дурно было тогда прикащику, ибо нашла коса на камень, и онъ, видя неминучую, тотчасъ сплылъ, и пересталъ о семъ говорить. Однако я съ сего времени получилъ весьма худое о семъ негодномъ и даже опасномъ человѣкѣ мнѣніе.

Вскорѣ за симъ пріѣхалъ нашъ и межевщикъ и спрашиваетъ у меня: какова погода? я отвѣтствовалъ ему съ горестію что очень дурная, и что хотятъ спорить.

— «Какъ это, братецъ! подхватилъ онъ рѣчь: они не хотѣли спорить».

— Ну, хотѣли-ли или не хотѣли вчера, говорю я, а теперь хотятъ!...

Я ожидалъ, что межевщику будетъ сіе досадно, и что онъ непреминетъ ихъ уговаривать. Однако весьма въ томъ обманулся, у него того и на умѣ не было.

По подлой своей душѣ, раболѣпствуя уже слишкомъ волостнымъ, не посмѣлъ онъ имъ сказать и единаго словечка, а поспѣшалъ снимать скорѣе румбъ, приказывая имъ ставить вѣху, и продолжать далѣе.

Досадно мнѣ тогда до чрезвычайности было на межевщика, ибо сіе доказало мнѣ, что вчерашнія его слова были только одинъ обманъ, выдуманный наиглупѣйшимъ образомъ, власно какъ бы насмѣхъ намъ, и я такъ тогда на него въ духѣ злился, что растерзалъ бы его, если-бъ было можно, за такую подлость.

Итакъ, первая волвенка положена была въ кузовъ. Я объявилъ съ своей стороны на неправильный ихъ отводъ споръ, и оный вкратцѣ записали и пошли по ихъ отводу.

Нелегкая занесла ихъ чрезвычайно далеко въ сторону лѣвую: они нацѣлили прямо на нашъ заказъ Шестуниху и пошли чрезъ кустарникъ, прорубая просѣку.

По окончаніи первой линіи думалъ я, что они свернутъ вправо въ вершину, но не тутъ-то было; они продолжали иттить прямо и все на нашу Шестуниху.

Удивился я сей неожидаемости и несообразному ни съ чѣмъ ихъ отводу; но, усматривая вкупѣ, что у нихъ на умѣ

было заспорить и захватить къ себѣ и нашъ заказъ, смутился оттого духомъ. Но, скрывъ смущеніе свое и досаду во глубинѣ сердца своего, а принявъ спокойный видъ, подступилъ я къ межевщику и дружески прошу его, и прошу усильно, не можно-ли ему уговорить ихъ, чтобъ они моего лѣса не заспорили.

Но отъ сего подлеца и бездѣльника не было, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока; онъ не отворилъ и рта и не сказалъ имъ и единаго слова.

Сіе взбѣсило меня еще болѣе; я ругнулъ его мысленно, но все сіе нимало не пособляло. Совсѣмъ тѣмъ, питался я тогда еще надеждою, что они повернутъ вправо и прямо въ Голенинскую вершину, подлѣ Шестунихи, и думалъ, что они лѣса не захватятъ, и предпринималъ уже въ мысляхъ уступить имъ въ семъ случаѣ все захваченное ими и довольно обширное мѣсто. Но скоро увидѣлъ, что и сія моя надежда была пустая; они уткнулись прямо въ средину лѣса и хотѣли иттить сквозь оной.

Таковая безстыдная и глупая наглость вздурила и смутила меня еще больше, и не знаю какъ-то очень чувствительно, когда симъ образомъ, противъ всей справедливости и безъ малѣйшаго резона, отхватываютъ родную землю.

Будучи въ великомъ нестроеніи и крайнемъ безпокойствіи духа, не зналъ я, что при сей совершенной неожидаемости дѣлать; однако остановилъ я ихъ при входѣ въ Шестуниху и просилъ, чтобъ въ полевой запискѣ записать, что на томъ мѣстѣ земля пустоши Голенинки кончилась и началась—пустоши Гвоздевой.

Между тѣмъ, какъ сіе записывали, пришелъ мнѣ въ голову одинъ хорошій аргументъ для опроверженія ихъ отвода, а именно: что по писцовымъ книгамъ, земля пустоши Гвоздевой должна начало прикосновенности своей къ Соломенной волости имѣть по рѣчкѣ; а они сдѣлали ее тогда въ лѣсу и на ровномъ мѣстѣ, что совсѣмъ несогласно было съ писцовыми книгами.

Обрадовался я сему чрезвычайно, и на сердцѣ у меня нѣсколько повеселѣло. Однако не говорилъ я имъ ничего, боясь, чтобъ они погрѣшность свою не исправили; но далъ только обинякамн знать, что они начали изрядно путаться.

Сіе нѣсколько ихъ смутило. Прикащикъ то и дѣло уѣзжалъ отъ насъ впередъ и уговаривалъ отводчиковъ, чтобъ они повернули вправо; однако самъ Богъ ожесточилъ сердца ихъ и хотѣлъ, чтобъ они еще болѣе путались. Никто изъ нихъ не хотѣлъ слушать совѣтовъ прикащика, но они, закуся бороды, лѣзли отчасу далѣе влѣво.

Что касается до меня, то я, записавъ, что это писцовой лѣсъ и называется Шестуниха, и принудивъ противниковъ моихъ тоже объявить, далъ имъ волю вести далѣе и боялся только, чтобъ они внутри Шестунихи не свернули вправо косою просѣкою.

Наконецъ пришли мы въ средину лѣса и я ожидалъ, куда они поведутъ. По счастію какъ-то не потрафили они поставить вѣху тамъ, гдѣ можетъ быть хотѣли, и чрезъ то потеряли боковую просѣку и не знали куда уже изъ лѣса выттить.

Посовавшись туда и сюда, не знали они что дѣлать и повели уже прямо просѣкою тою, которая шла чрезъ Шестуниху; и какъ тутъ пришлось имъ иттить по отвершку, то остановилъ я ихъ тотчасъ и требовалъ, чтобъ ихъ спросили, какой это отвершекъ; и какъ симъ вопросомъ я ихъ смутилъ, то одному изъ повѣренныхъ ихъ вздумалось тогда подступить впервые ко мнѣ и сказать, чтобъ я самъ ничего не говорилъ, а предоставилъ-бы говорить моимъ повѣреннымъ.

Сего я давно и заблаговременно дожидался и для того напередъ уже о томъ съ межевщикомъ условился, чтобъ онъ мнѣ не возбранялъ говорить, сказывая ему, что въ противномъ случаѣ я самъ запишусь, и онъ принужденъ былъ по неволѣ говорить мнѣ дозволить. Почему окрысился я тотчасъ на ихъ повѣреннаго и принудилъ его молчать. Наконецъ, не зная какъ ему назвать сей отвершекъ,

назвалъ онъ его отвершкомъ изъ рѣчки Гороховки.

Удивился и обрадовался я сіе услышавъ, ибо чрезъ то они сами себя спутали ужасно, и весь свой отводъ тѣмъ испортили. И потому, сказавъ и записавъ только, что этотъ отвершекъ изъ рѣчки не Гороховки, а изъ Гвоздевки, а рѣчка Гороховка съ своимъ отвершкомъ осталась далеко позади, далъ имъ волю иттить далѣе.

Симъ образомъ въ другой разъ спутались они изряднымъ образомъ, и другая для меня опасность миновалась благополучно.

Но оставалось еще великое для меня сомнѣніе, чтобъ они, дошедъ симъ отвершкомъ до рѣчки Гвоздевки, не пошли бы вверхъ оною и далѣе въ Медвѣцкой врагъ, и ожидалъ съ нетерпѣливостію, что наконецъ выдетъ.

Вышедши изъ Шестунихи, не преминулъ я велѣть въ полевой запискѣ записать, что они отводъ свой ведутъ чрезъ самое то мѣсто, гдѣ въ древности сидѣло сельцо Гвоздево, и что я свидѣтельствуюсь въ томъ находящимися по обѣимъ сторонамъ того отвершка погребными и овинными ямами, кои и по нынѣ видны, и что сіе ясно несправедливость ихъ отвода доказовало.

Сіе ихъ опять смутило, и обстоятельство, что я всякій шагъ оспориваю, заставило ихъ болѣе думать. Но краткость времени и замѣшательство мыслей произвело то, что они вмѣсто того, чтобъ какимъ-нибудь образомъ погрѣшность свою исправить, путались отчасу больше. И вмѣсто того, чтобъ, какъ я опасался, иттить имъ рѣчкою вверхъ вправо, они ударились прямо чрезъ ее и на поле.

«Слава Богу! воскликнулъ я тогда самъ въ себѣ: путайтесь друзья мои; когда путаться, такъ ужъ путаться! Писцовая межа чрезъ рѣчку никогда не переходила. На что этого лучше?»

Совсѣмъ тѣмъ все еще я опасался, чтобъ они не пришли на Казюминъ верхъ, а оттуда на Савинъ и не назвали-бъ первый писцовымъ Медвѣдкинымъ, а второй отъѣзжимъ верхомъ. Однако, не говоря имъ ни слова, сдѣлалъ только оговорку объ рѣчкѣ Гвоздевкѣ и далъ имъ волю иттить, куда хотятъ.

Ихъ дернула опять нелегкая съ поля влѣво и опять къ рѣчкѣ Гвоздевкѣ. И тогда отлегнуло у меня на сердцѣ, ибо миновалась и послѣдняя моя опасность и я видѣлъ, что, несмотря на все ихъ умничанье и злодѣйскіе замыслы и многократные, можетъ быть, совѣты съ самимъ межевщикомъ, спутались они наивождѣлѣннѣйшимъ образомъ и такъ, какъ лучше требовать было не возможно. Довольно, что я смѣялся уже надъ ними и не только я, но и всѣ; да и сами они признавались, что очень изрядно спутались.

Дошедъ вторично до рѣчки Гвоздевки, стали мы съ межевщикомъ полудновать. Къ намъ вынесли изъ двора пирогъ круглый и кой-какихъ напитковъ, и мы поѣли себѣ, между тѣмъ, покуда они послѣднюю линію устанавливали, и прикащики взадъ и впередъ поскакивали и умничали.

Поѣвши, пошли мы внизъ рѣчкою Гвоздевкою такъ, какъ они вели до самой рѣки Скинги, и вышли на Скингу ниже пруда и бучила.

Тогда-то уже подхватилъ я ловкимъ мастерствомъ соперниковъ моихъ, и въ великомъ торжествѣ началъ надъ ними насмѣхаться, какъ всему ихъ глупому и ни съ чѣмъ несообразному отводу, такъ въ особливости тому, что они забрели въ такое мѣсто, которое не можно уже имъ отбить отъ меня никоимъ образомъ.

Послѣ чего записалъ я въ полевую записку предлинное объявленіе о наймѣ ими нашего берега и прочемъ. И какъ сіе всего болѣе доказало всю глупость и несообразность ни съ чѣмъ ихъ отвода, то усмотрѣли они сами, что сдѣлали очень дурно.

Но какъ пособить тому было уже не можно, то, собираясь въ кучки, перешептывали только между собою и винили другъ друга; а особливо ѣлъ себѣ руки злодѣй саламыковской прикащикъ, что онъ поступилъ такъ глупо и позабылъ

про свою среднюю порубежную дорожку, которая не выходила у него изъ ума, хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не значила.

Между тѣмъ какъ все сіе тутъ на горкѣ происходило, вышли всѣ наши боярыни за гумно Матвѣя Никитича, смотрѣть на нашу толпу народа; и какъ день тогда оканчивался, то положили на семъ мѣстѣ межеванье того дня кончить.

Я какъ ни золъ былъ на межевщика, но какъ съ симъ бездѣльникомъ браниться было не можно, то звалъ его къ себѣ; но онъ не поѣхалъ, а сказавъ намъ, чтобъ мы на утріе выѣзжали поранѣе, дабы успѣть до обѣда обойтить по нашему отводу, обѣщалъ быть къ намъ обѣдать, съ чѣмъ мы тогда и разстались.

Мы заѣхали съ межи къ Матвѣю Никитичу и нашли тутъ всѣхъ нашихъ боярынь, ожидающихъ насъ съ нетерпѣливостью. Мы сообщили имъ извѣстіе о бывшемъ спорѣ, и о наглости и безумствѣ волостныхъ, и вмѣстѣ съ ними смѣялись.

Но правду сказать, что было то хотя и весело, что они спутались и чрезъ то подали намъ лучшій способъ ихъ оспорить; однако все еще неизвѣстно было, какъ дѣло кончится, а извѣстный мнѣ примѣръ не преставалъ меня тревожить.

Ввечеру хотѣлось мнѣ съ превеликою нетерпѣливостію узнать, сколько было земли въ заспоренномъ волостными мѣстѣ, и какъ я всѣ румбы и мѣру линій записывалъ для себя, то прежде не легъ спать, покуда не наложилъ сего спора на своемъ планѣ и не исчислилъ; и тогда со вздохомъ увидѣлъ я, что они у насъ въ сей день до 260 десятинъ и почти всю Гвоздевскую пустошь отхватили своимъ споромъ.

По утру на другой день выѣхали мы уже ранѣе; однако принуждены были межевщика долго (ждать); въ сей день надлежало по порядку отводить намъ свой отводъ, начиная съ того мѣста, гдѣ начался первый споръ.

Еслибъ не измѣрена была и неизвѣстна мнѣ наша дача, и не вѣдалъ я о своемъ примѣрѣ, то легко-бы могъ я впасть въ искушеніе и съ досады на волостныхъ заспорить и у нихъ земли столько-же или еще больше, и тѣмъ испортить все дѣло и надѣлать такія-же глупости.

Но я, вѣдая обстоятельствы, оставилъ всѣ такіе замыслы съ покоемъ, а повелъ по межѣ и границамъ тогдашняго владѣнія и довольствовался только утвержденіемъ отвода своего всѣми писцовыми живыми урочищами и ямами и дѣлая вездѣ, гдѣ нужно было, пространныя въ доказательство своей правды, а неправды волостныхъ оговорки.

Словомъ, я производилъ отводъ сей такъ порядочно и доказывалъ все такъ хорошо, что всѣ бывшіе тутъ понятые люди видѣли ясно мою справедливость, да и сами волостные не знали уже, что говорить противъ правды.

Они хотя и дѣлали кой-гдѣ возраженія, но возраженія ихъ были самыя бѣдныя и пустыя. Саламыковской же змѣй скрежеталъ зубами и уѣхалъ съ досады прочь, не хотя видѣть правды, которая была неопровергаема. Словомъ, мы вездѣ и такъ много писали, что межевщикъ даже скучилъ: а подъячій признавался, что онъ нигдѣ такихъ споровъ не видывалъ.

— «Но что дѣлать! говорилъ я, не я тому причиною, а волостные, а шеи протянуть мнѣ имъ не хочется».

Словомъ, за многимъ писаніемъ не прежде мы обводъ свой кончили и примкнули ко вчерашнему пункту подлѣ бучила, какъ часа съ три уже за полдни.

Тутъ сдѣлалась у насъ изрядная комедія: бездѣльникъ саламыковской прикащикъ по ябедничеству своему вздумалъ-было исправить сдѣланныя въ предслѣдующій день ошибки и погрѣшности, соединя всѣ забытыя имъ и отдаленныя мѣста въ одинъ пунктъ, и занесъ-было такую нескладную ахинею, что не только мы всѣ, но и самъ межевщикъ не могъ утерпѣть, чтобъ не захохотать и не поднять его на смѣхъ.

— «Ха! ха! ха! закричали мы всѣ: что это такое ты, братъ, вздумалъ, это уже всего нескладнѣе; и, упустя время, въ лѣсъ по малину не ходятъ».

Нечего тогда было дѣлать сему негодному человѣку; онъ, вздохнувъ, только говорилъ: «О, средняя порубежная дорожка! ты съ ума у меня нейдешь; но быть уже такъ, когда дѣло испорчено». Сказавъ сіе, спѣшилъ онъ перейтить скорѣе рѣку Скингу и поставить на той сторонѣ бѣлый столбъ.

Мы не знали, не станутъ-ли они и тутъ спорить, но онъ увѣрялъ, что до Дворяниновскаго верха, за моимъ дворомъ и садомъ, пойдетъ безспорно по прежнему владѣнію, какъ и дѣйствительно провелъ одну линію вверхъ порубежнымъ Яблоновскимъ верхомъ безспорно.

Ему хотѣлось иттить далѣе, но какъ давно пора была обѣдать, и мы видѣли, что проѣхала къ намъ и межевщица, то, переставъ межевать, поѣхали мы съ межевщикомъ ко мнѣ обѣдать.

Мы застали боярынь у себя уже въ собраніи, но онѣ уже давно пообѣдали и сѣли съ нами только для компаніи.

Не успѣли мы отобѣдать, какъ пошелъ пресильной дождь, а посему и принуждены были отложить дальнѣйшее межеваніе до утрева.

Я просилъ межевщика, чтобъ онъ у меня ночевалъ, и какъ онъ на то согласился, то провели мы весь остатокъ того дня въ разныхъ забавахъ и старалися угостить межевщика всячески.

Но сего подлеца ничѣмъ было удобрить не можно, онъ отъ волости слишкомъ былъ задобренъ, и по всему видимому милостыня была довольно велика.

Поутру, въ послѣдующій день, спѣшилъ межевщикъ ѣхать на межу, чтобъ успѣть до обѣда что-нибудь сдѣлать и поспѣшить къ обѣду къ брату Михайлѣ Матвѣевичу, который пригласилъ и насъ всѣхъ съ нимъ вмѣстѣ.

Такимъ образомъ поѣхали мы всѣ, собравшись, на то мѣсто, гдѣ остановились, чтó было подлѣ Елкинской мельницы. Прикащикъ заводской уже тутъ давно насъ дожидался, и вся межевая команда была въ собраніи.

Тутъ, при самомъ началѣ, опять сдѣлался-было у насъ съ волостными, коихъ алчности и попонаровкѣ межевщика пустой хотя, но крайне досадный споръ о томъ, какъ иттить порубежною вершиною: протокомъ-ли, или берегомъ?

И мы прокричали и проговорили о томъ съ часъ времени, и насилу сладили и пошли безспорными линіями до самой почти нашей Дворяниновской вершины.

Но съ самой сей, или еще немного не доходя до оной, и началъ саламыковской повѣренный объявлять и записывать свой споръ, которой намъ давно уже былъ отъ него предвозвѣщенъ.

И какъ онаго мы ожидали, то, не удивляясь тому, дали волю ему писать, что хотѣлъ; но удивился я услышавъ упоминаніе его о томъ, будто-бы отъ господъ Нарышкиныхъ было на насъ въ завладѣніи тутъ землею челобитье, чего никогда не бывало, и онъ лгалъ безстыднѣйшимъ образомъ.

Кромѣ сего смутило меня еще одно, также совсѣмъ неожидаемое явленіе и обстоятельство. Какъ по записаніи имъ спора сталъ межевщикъ по обыкновенію спрашивать всѣхъ понятыхъ, знаютъ-ли они чья та земля? то одинъ изъ нихъ, старичишка пренегодный, выдавшись, сказалъ:

— «Не знаемъ судырь, чья, а слыхали только, что тутъ гдѣ-то есть Грибовскій врагъ.

Слово сіе поразило меня, какъ громовымъ ударомъ, и испужало чрезвычайно, ибо ятот часъ могъ догадаться, что молвлено сіе слово не случайно и не просто, но что произошло сіе отъ новаго и потаеннаго какого-нибудь злодѣйскаго кова, сдѣланнаго противъ меня нашими злодѣями.

Ибо какъ было то совсѣмъ не натурально, чтобъ постороннему и живущему въ отдаленныхъ мѣстахъ старичишку знать, какіе у насъ тутъ есть овраги и упоминать о Грибовскомъ, когда никто еще объ ономъ не говорилъ и не спрашивалъ; то другого не оставалось заключать, что бездѣльный старичишка сей былъ отъ противниковъ нашихъ втайнѣ подкупленъ и настроенъ къ тому, чтобъ онъ подтвер-

дилъ своимъ показаніемъ тогда, когда рѣчь дойдетъ о Грибовскомъ врагѣ.

А какъ сей Грибовскій и далече еще отъ сего мѣста отстоящій и порубежный у насъ съ волостными врагъ былъ для насъ великой важности, и я тотчасъ могъ тогда предусматривать, что на умѣ у нихъ есть назвать симъ именемъ какую-нибудь другую вершину или оврагъ.

И какъ мнѣ довольно было извѣстно, какую великую важность составляютъ, при такихъ случаяхъ, объявленія глупыхъ и нерѣдко мошенниками подкупаемыхъ понятыхъ, и что законами велѣно на показаніи ихъ утверждаться; то бездѣльный старичишка сей сдѣлался мнѣ очень страшнымъ.

Но, по особливому счастію для насъ, проболтался онъ помянутымъ образомъ о томъ преждевременно, а сіе и испортило все дѣло, и разрушило всѣ злодѣя моего замыслы и ковы. Ибо всѣ тогда догадываясь, также какъ и я, что тутъ кроются блохи, на старика закричали, что онъ не то говоритъ, о чемъ спрашиваютъ, а тѣмъ самымъ и сбили мужика сего долой съ пахвей, и онъ принужденъ былъ сказать тоже, что сказали другіе, то-есть, что онъ того, чья сія земля, не знаетъ.

Какъ, между тѣмъ, время обѣдать давно уже настало, и къ намъ хозяйка Михайлы Матвѣевича неоднажды присылала уже зватыхъ; то мы, по записаніи спора, не стали долѣе медлить и поѣхали обѣдать, а послѣ обѣда, спѣша домежевать Хмырово, не сталъ межевщикъ долго сидѣть, къ тому-жъ и намъ хотѣлось скорѣе видѣть судьбу и сомнѣніе свое разрѣшеннымъ. Итакъ, поѣхали мы опять межевать.

Мы нашли заводскаго прикащика уже на мѣстѣ, и онъ, во все сіе время, вымышлялъ и совѣтовалъ съ плутами мужиками, гдѣ-бы имъ лучше вести.

Однако, совсѣмъ тѣмъ Богъ спуталъ ихъ и въ семъ мѣстѣ, и они сдѣлали ошибку, разстроившую всѣ ихъ затѣи.

Всѣ сумнительныя обстоятельствы сего спора и все то, что можно-бъ было имъ въ свою пользу употребить было мнѣ довольно извѣстно. Я зналъ, что имъ можно было споръ свой сдѣлать очень имовѣрнымъ и основательнымъ, а потому онъ меня болѣе всего и тревожилъ.

Ктому-жъ, по несчастію, въ границахъ пустоши Хмыровской, на самомъ томъ Грибовскомъ врагѣ, были уже и въ старину, при прежнихъ межеваньяхъ, споры; но тогда спорили только о верховьи онаго, называя Грибовскимъ верхомъ одинъ вышедшій изъ него отвершекъ. И если-бъ вздумали волостные и въ сей разъ сдѣлать тоже, то намъ тогда хоть добровольно пришлось-бы отдавать имъ десятинъ 40 наилучшей земли.

Но, по моему счастію, такого малаго количества для алчныхъ глазъ моихъ соперниковъ было слишкомъ мало; они не могли быть тѣмъ довольны, а имъ захотѣлось получить земли болѣе и отнять у меня двѣ трети, или почти всю пустошь Хмыровскую, а для того и вздумали они Грибовскимъ оврагомъ назвать совсѣмъ другую и такую вершину, которая никогда имъ не бывала.

Почему и повели они прямо на верховье той вершины, но чрезъ самое то и спутались; ибо они того не знали, что, идучи тутъ, перерѣжутъ они совсѣмъ пустошь нашу Хмыровскую и коснутся Горчаковской Злобинской земли. Что они дѣйствительно и сдѣлали и тѣмъ меня чрезвычайно обрадовали, ибо я никакъ себѣ не воображалъ, чтобъ могли они сдѣлать такую непростительную ошибку и такой проступокъ, который могъ все ихъ дѣло испортить.

Такимъ образомъ, дождавшись, какъ они опасное для меня мѣсто, а именно вышеупомянутый сумнительный отвершекъ миновали, и увидѣвъ, что взошли они на дорогу и къ границамъ Злобинской земли, остановилъ я тотчасъ ихъ, сказавъ, что влѣвѣ пошла уже не моя земля, и для того спросили-бъ у волостныхъ: чья она, и записали-бъ.

Сего возраженія соперникъ мой нимало не предвидѣлъ и не ожидалъ и, спутавшись, не зналъ что сказать.

Но какъ незнаніе его, которымъ онъ извинялся, не могло быть принято, и я принуждалъ неотступно сказать чья земля; то сколько ни вилялъ, но принужденъ былъ наконецъ сказать, что это земля князя Горчакова.

Тогда, разсмѣявшись, сказалъ я, что болѣе сего я не требую и не желаю: извольте записать, что эта земля князя Горчакова, сельца Злобина, съ которою волость никогда и смежною не бывала.

Ошибка сія была въ самомъ дѣлѣ столь грубая и чрезвычайная, что мнѣ дорогобы ее купить надлежало, ибо она могла служить мнѣ великимъ аргументомъ для опровerженія ихъ спора.

Я примѣтилъ, что даже и самому межевщику было то очень нелюбо, а злодѣя моего все сіе такъ смутило и всѣ мысли его привело въ замѣшательство, что онъ вмѣсто того, чтобъ погрѣшность свою стараться скорѣе чѣмъ-нибудь исправить, онъ, пошедши съ сего мѣста вдоль дорогою и смежномъ съ Горчаковскою землею, дѣло свое тѣмъ еще болѣе испортилъ; что мнѣ было и наруку, ибо я боялся, чтобъ онъ съ самаго того мѣста, гдѣ я его смутилъ, не повернулъ вправо.

Такимъ образомъ, прошедъ саженъ со сто и поровнявшись противъ находящейся вправѣ вершинки, которую хотѣлось ему назвать и сдѣлать Грибовскимъ врагомъ, повернулъ прямо въ нее.

Приближаясь къ оной, трепеталъ я духомъ, чтобъ не спросили понятыхъ, какая эта вершина, и вышепомянутый сумнительный старичишка приводилъ меня въ ужасъ; и сомнѣніе мое увеличилось еще болѣе, какъ увидѣлъ я, что злодѣй мой невѣдомо какъ домогался того, чтобъ спросили понятыхъ, какая это вершина.

Но по моему счастію, или можетъ быть такъ Богъ захотѣлъ, межевщикъ, будучи тогда не въ духѣ и недовольнымъ, ему сказалъ: «Чего, братецъ, спрашивать, почему имъ знать?» а злодѣй мой по счастію не сталъ и усиливать. Итакъ, мы благополучно и прошли ея начало, записавъ только обостороннія объявленія, а именно: что по словамъ волостного повѣреннаго называлась она Грибовскимъ врагомъ, а по нашимъ, что она такъ никогда не называлась.

Дошедши сею вершиною до рѣчки Трешни, надлежало намъ тутъ споръ кончить, потому что за рѣкою Трешнею въ гору хотѣлъ онъ иттить безспорно и примкнуть къ починному пункту и бѣлому столбу.

Тутъ имѣлъ я причину самъ заспорить у нихъ клокъ земли, но, подумавъ и побоявшись своего примѣра, сіе намѣреніе оставилъ и записалъ только одно объявленіе, ихъ удивившее, согласился иттить безспорно, и тѣмъ тогда сіе и кончилось.

Какъ случилось окончанію сему быть еще довольно рано, но для нашего отвода время въ тотъ день не доставало; то вздумали мы проѣхать въ Сенино къ г-ну Ладыженскому, зная, что поѣхали туда и всѣ наши боярыни, которыя, желая видѣть какъ межуютъ, выѣзжали послѣ обѣда къ намъ на межу и, посмотрѣвъ, проѣхали въ Сенино.

Какъ вздумали, такъ и сдѣлали, и пріѣхавши къ г-ну Ладыженскому, успѣли еще просидѣть и прорѣзвиться цѣлый вечеръ; и какъ хозяинъ не отпустилъ насъ безъ ужина, то возвратились домой уже ночью, и межевщикъ ночевалъ у Михайлы Матвѣевича.

Въ послѣдующій день хотѣли-было мы окончить свое межеванье съ волостными, ибо оставалось только пройтить нашъ отводъ по спорному мѣсту, однако сего не сдѣлалось.

Пошедшій сильно дождь согналъ насъ съ межи, куда-было мы и выѣхали уже, а по стекшимся обстоятельствамъ продлилась остановка сія до самаго послѣдняго числа іюля мѣсяца.

Наконецъ настало 31-ое число іюля, день достопамятный окончаніемъ нашего межеванья съ волостью и бывшими въ оной произшествіями.

Я приготовилъ уже изрядныя рацеи, которыя-бы мнѣ говорить въ опроверженіе отвода волостныхъ и въ утвержденіе своего собственнаго, и съ нетерпѣливостію дожидался межевщика и съ нимъ

вкупѣ моихъ злодѣевъ, и насилу-насилу наконецъ они выѣхали.

Злодѣй мой находился тутъ-же, напоенъ злобою, отъ которой трясся у него ажно подбородокъ. Истинно, я такого злого человѣка отъ роду моего не видывалъ.

Неуспѣли мы начать межевать, какъ злодѣй мой и началъ извергать свой ядъ и опровергать нашъ отводъ ложными своими документами. Но какъ, при семъ случаѣ, нашла коса на камень, то не осталось ни одно слово его паки безъ опроверженія.

Сіе подало поводъ опять ко многому писанію, которое межевщику такъ уже наскучило, что онъ уходилъ впередъ и насъ оставлялъ и не слушалъ.

Въ сихъ спорахъ и взаимныхъ другъ друга опроверженіяхъ дошли мы благополучно до настоящаго нашего порубежнаго Грибовскаго врага.

По приближеніи къ сему проклятому и сумнительному врагу трепеталъ я духомъ, не зная, что̀ послѣдуетъ въ ономъ. Ожидаемое вопрошаніе объ ономъ понятыхъ меня крайне тревожило.

Подозрѣвая, что злодѣй мой одного изъ нихъ, а именно помянутаго старичишку подкупилъ, опасался я, чтобъ сей негодяй не сказалъ, что это не Грибовскій врагъ; и опасеніе мое было такъ велико, что я принужденъ былъ употребить репресаліи и хитрость противъ хитрости, а именно: я велѣлъ заблаговременно и поутру еще, въ тотъ день, людямъ своимъ изъ-подъ руки уговорить понятыхъ, чтобъ они сказали объ оврагѣ семъ самую сущую правду и польстили-бы волостнымъ.

Люди, которымъ поручена была сія коммисія, поступили еще далѣе; они, подчивая возможнѣйшимъ образомъ понятыхъ виномъ и пирогами, обѣщали тайно тому отъ меня награжденія, кто изъ нихъ скажетъ, что это подлинно Грибовскій врагъ, такъ какъ онъ и дѣйствительно былъ онымъ.

Вотъ какія бываютъ обстоятельствы! Принуждено было невѣдомо какъ домогаться того, чтобъ только правду сказали! Но какъ-бы то ни было, но по счастію моему нашлись изъ нихъ такіе, которые намъ услугу сію учинить и обѣщали. Мнѣ пересказано было тотчасъ сіе, и я хотя радовался тому, однако, не будучи еще совершенно въ томъ удостовѣренъ, колебался духомъ.

Итакъ, находился я тогда между страхомъ и надеждою, когда пришли мы въ Грибовскій оврагъ. Насъ тотчасъ стали спрашивать, что это за вершина и, записавши спорныя наши объявленія, стали по обыкновенію допрашивать о томъ и понятыхъ.

Злодѣй мой, какъ сатана, уже тутъ вертѣлся и домогался всячески. чтобъ сіе допрашиваніе было предпринято.

Видно было по всему, что надежда его на старичишку была безсомнѣнна; однако по счастію моему, а можетъ быть Богу такъ было угодно, попался онъ самъ въ тотъ ровъ, который для меня ископалъ. Ибо не успѣли спросить о томъ понятыхъ, какъ тотчасъ одинъ изъ нихъ, выступя, сказалъ: что онъ знаетъ подлинно, что это настоящій Грибовскій врагъ.

Я думаю, жесточайшій громовой ударъ не устрашилъ бы такъ моихъ злодѣевъ, и не привелъ бы ихъ въ такое смятеніе и замѣшательство, какъ сіе противъ всякаго ихъ чаянія выговоренное слово. Они всего меньше сего ожидали. Напротивъ того злодѣй мой, какъ самая сатана, кивалъ и махалъ своему старичишкѣ, напоминая ему, чтобъ онъ сказалъ по обѣщанію.

Но не чудное-ли сплетеніе обстоятельствъ?.. Сей подкупленный имъ старичишка, по счастію моему, былъ глухъ и не слыхалъ, о чемъ тутъ рѣчь идетъ и чего спрашиваютъ, и потому ничего тогда не сказалъ; а тотъ, который мнѣ въ пользу сказалъ, случился быть такой, который въ самомъ дѣлѣ зналъ, что это Грибовскій врагъ, потому что ему случилось однажды цѣлую ночь проблудить въ немъ съ однимъ волостнымъ мужикомъ, о чемъ провѣдалъ я уже послѣ.

Итакъ, нечаянное сіе объявленіе произвело тотчасъ во всемъ собраніи вели-

кую тревогу. Ехидна моя помертвѣла вся отъ злости со всѣмъ своимъ змѣинскимъ приборомъ. Они возопіяли всѣ во множествѣ голосовъ, какъ сумасшедшіе:

— «Какъ это? Какъ?.. Почему ему знать? Борисъ Сергѣевичъ! Борисъ Сергѣевичъ! Что это такое?» и т. д.

Господинъ межевщикъ, будучи злодѣемъ моимъ совсѣмъ обольщенъ, и для бездѣльной корысти промѣнивая своего брата дворянина на мужика, былъ всегдашнимъ ихъ покровителемъ.

Онъ находился тогда, какъ вышеупомянутое произошло, въ небольшомъ отъ насъ отдаленіи, ибо, оставивъ насъ писать, что̀ мы хотимъ, ушелъ отъ насъ прочь, сѣлъ на роспуски и игралъ съ своею собакою. Но крикъ и вопль моихъ злодѣевъ скоро достигъ до его ушей, и при тогдашнемъ-то случаѣ болѣе всего и явно доказалъ уже онъ намъ, сколь много держалъ онъ сторону волостныхъ, и какую подлую имѣлъ онъ душу.

Онъ не успѣлъ услышать, что одинъ понятой называетъ Грибовскимъ врагомъ, какъ, сломя голову, бросился къ намъ въ кучу и заревѣлъ:

— «Ба! ба! ба! Кто это называетъ? кто? Чей такой и откуда? Становитесь всѣ рядомъ, и сказывай всякій по порядку, знаетъ-ли, или нѣтъ!»

Я смотрѣлъ на все сіе съ крайнимъ удивленіемъ и не могу изобразить то изумленіе, какимъ поразилъ меня сей его поступокъ.

Вся кровь во мнѣ воспылала отъ досады и негодованія. Я того и смотрѣлъ и полагалъ уже почти за достовѣрное, что они собьютъ моего честнаго понятого, да и нельзя было инако и думать; ибо не только межевщикъ, но и прикащики со всѣми своими подъячими кричали, и вопили, и приступали къ понятому и хотѣли его, такъ сказать, безъ соли съѣсть.

Однако, по счастію моему, ничего они ему не сдѣлали: мужикъ сталъ твердо въ томъ, что это Грибовскій врагъ и говорилъ, что онъ чрезъ него ѣзжалъ и знаетъ подлинно; а на него смотря принужденъ былъ и подкупленный волостными старичишка молчать и невѣдѣніемъ отговориться.

Итакъ, всѣми неправдами и кое-какъ слова понятого записали, и я въ немаломъ уже удовольствіи шелъ далѣе оканчивать свой отводъ, который и успѣли мы еще до захожденія солнечнаго кончить.

И тогда межевщикъ былъ такъ безстыденъ, что и послѣ такого поступка поѣхалъ ночевать къ Михайлѣ Матвѣевичу, а я спѣшилъ домой, чтобъ возблагодарить понятого за его услугу, и отпустилъ его отъ себя довольнымъ.

Симъ образомъ кончилась тогда размежевка наша съ волостными, и хотя они въ обоихъ своихъ отводахъ спутались чрезвычайно, и мнѣ удалось порядочнымъ образомъ всѣ ихъ показанія оспорить и опровергнуть; но какъ все дѣло было еще симъ далеко не кончено, а оставалось ожидать, какъ меня съ ними посудятъ въ межевой конторѣ, то не могъ еще я ничего заключать о предбудущемъ.

Но паче, зная о своемъ великомъ примѣрѣ и о томъ, что легко могла контора всѣ мои доказательствы и не уважить и, буде захочетъ, учинить все въ пользу волостныхъ, все еще опасался, чтобъ не лишиться намъ всей нашей примѣрной земли и тѣмъ паче, что волостные въ обоихъ мѣстахъ почти точно такое число десятинъ у насъ и отвели своими спорными отводами, сколько было у насъ излишнихъ.

Но что воспослѣдовало, о томъ узнаете вы изъ послѣдующаго за симъ впредь моего повѣствованія, въ свое время. А между тѣмъ, какъ сіе мое письмо уже слишкомъ увеличилось и давно превзошло обыкновенные свои предѣлы, да и все теперешнее тринадцатое собраніе оныхъ достигло до своей пропорціи и величины; то, предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ произшествіяхъ предбудущему времени, сіе съ дозволенія вашего теперь кончу, сказавъ, что я есмь навсегда вашъ и прочая.

Конецъ
тринадцатой части.

Сочинена и писана прямо набѣло дней въ 10 и болѣе, въ 1805 году.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIV.

Сочинена 1807, начата ноября.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, А ВЪ ОСОБЛИВОСТИ-ЖЪ БЫВШАГО МЕЖЕВАНЬЯ.

1770.
(1807).
Письмо 141-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ предслѣдующихъ письмахъ начало нашего межеванья и всѣхъ произшествій, бывшихъ при отмежеваніи дачъ и земель нашихъ отъ Нарышкинской Соломенной волости, приступлю я теперь къ описанію продолженія онаго.

Оное далеко еще тѣмъ не кончилось, о чемъ упоминаемо было въ моемъ послѣднемъ письмѣ, но главнѣйшее дѣло было еще впереди, и до нашей собственно дачи межеванье еще и не доходило; а оно коснулось только еще до насъ побочнымъ образомъ, при случаѣ обхода кругомъ всей помянутой волости, и какъ обходъ сей самымъ тѣмъ и кончился, то и слѣдовало уже межевщику приниматься за насъ и обходить наши земли, къ чему онъ и располагался приступить нимало не медля.

Споръ, произведенный волостными, сколь ни былъ наглъ и несправедливъ, и съ какими погрѣшностьми съ ихъ стороны онъ сопряженъ ни былъ, но наводилъ на меня великое сумнѣніе, и тревожилъ духъ мой чрезвычайно.

Превеликой примѣръ, имѣющійся во всей нашей дачѣ вообще, и великая опасность, могущая послѣдовать отъ того для насъ, въ случаѣ если окажется во всей волости недостатокъ, устрашалъ меня сильно и заставливалъ безпрестанно помышлять о томъ, нѣтъ ли какого еще способа отъ зла, угрожающаго насъ, избѣжать, и спасти нашу примѣрную землю.

При многократныхъ размышленіяхъ о томъ другого средства я не находилъ, кромѣ того, чтобъ испытать воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что не во всѣхъ нашихъ дачныхъ земляхъ и пустошахъ владѣльцы были одни и тѣже, но въ иныхъ было ихъ больше, а въ другихъ меньше, а притомъ и владѣніе имѣли они не во всѣхъ, въ разсужденіи пропорціи, единоравное количество.

И какъ, по силѣ межевыхъ узаконеній, долженствовало всѣ наши пустоши и деревенскія дачи, по причинѣ помянутаго неравнаго числа владѣльцевъ, размежевывать и обходить каждую особо, а не соединять ихъ всѣхъ въ одну дачу и округу, то и помышлялъ я въ то время, когда станутъ обходить изъ нашихъ дачъ и пустошей каждую порознь, симъ случаемъ воспользоваться.

И поелику показаніе границы между оными зависѣть будетъ собственно отъ меня, ибо въ натурѣ ихъ никакихъ не было и они никому изъ всѣхъ нашихъ жителей были неизвѣстны, и я могъ ихъ назначать гдѣ мнѣ заблагоразсудится; то и располагался я всѣмъ тѣмъ дачамъ и пустошамъ, кои прикосновенны соб-

ственно къ землямъ волостнымъ, границы заднія отводить и назначать такъ, чтобъ количество земли въ тѣхъ особенныхъ дачкахъ и пустошахъ было гораздо меньше, нежели сколько надлежало въ нихъ быть по писцовымъ книгамъ, слѣдовательно оказался-бъ въ нихъ недостатокъ или по крайней мѣрѣ не было бы въ нихъ ни примѣра, ни недостатка; а всю примѣрную землю замышлялъ я включить въ заднія и съ волостною землею несмежныя пустоши, ибо симъ однимъ средствомъ, естлибъ только оно удалось, можно было спасти всѣ примѣрныя земли.

Но вопросъ былъ, удастся ли мнѣ сіе сдѣлать, и не воспрепятствуютъ ли мнѣ въ томъ соперники волостные?

Извѣстно мнѣ было то довольно, что имъ всего легче сіе учинить, естьли они будутъ осторожны и не прозѣваютъ; ибо имъ стоило только объявить, что я землю перепускаю изъ пустоши въ пустошь, какъ и подверглись бы онѣ всѣ общему измѣренію, и вся моя затѣя разрушилась чрезъ то совершенно. И я не сомнѣвался, что задаренной отъ нихъ межевщикъ сдѣлать сіе ихъ и надоумитъ, естлибъ и сами они не догадались; а сіе и заставливало меня со страхомъ и трепетомъ ожидать начало собственнаго нашего межеванья.

Сіе и воспослѣдовало гораздо скорѣе, нежели я желалъ и ожидалъ; ибо какъ помянутый волостной споръ всѣ мои мысли разстроилъ; то и хотѣлось уже мнѣ, чтобъ начало сего межеванья не такъ скоро воспослѣдовало, дабы я могъ имѣть сколько-нибудь времени сообразиться съ мыслями, гдѣ границы пустошамъ согласно съ помянутымъ намѣреніемъ показывать и отводить, и успѣть отводчикамъ своимъ назначить и самые пункты, гдѣ имъ становить вѣхи.

Но на ту бѣду межевщикъ нашъ сдѣлался уже слишкомъ ревностенъ и усерденъ, и вмѣсто того, чтобъ взять себѣ отдохновеніе, онъ не хотѣлъ медлить и одного дня; и естьлибъ послѣ дня, въ который волостное межеванье кончилось, не случилось быть воскресенью и празднику Происхожденію честныхъ древъ, то онъ на другой же бы день къ тому приступилъ, и за праздниками только отсрочилъ до понедѣльника, или 2 августа.

Итакъ, имѣли мы одинъ только день отдыха и свободный, но день такой, въ которой, по случаю праздника, мнѣ ничего сдѣлать было не можно да и некогда.

Сей день былъ и кромѣ сего достопамятенъ тѣмъ, что въ оный нечаяннымъ и принужденнымъ почти образомъ началось порядочнымъ образомъ наше знакомство съ сосѣдомъ моимъ, господиномъ Хитровымъ, Николаемъ Александровичемъ.

Сей любезный человѣкъ давно уже желалъ со мною познакомиться и подружиться короче, а неменьше того и я того же самаго желалъ, а тогда и самыя межевыя обстоятельства требовали того, чтобъ мнѣ постараться свести съ нимъ дружбы, дабы по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ отвратить споръ съ дачами села его Домнина, о которомъ также былъ слухъ не мало меня смущавшій; ибо по причинѣ примѣрной земли всѣ споры, гдѣ-бъ они ни случились, были для меня страшны. Но какъ бы то ни было, но сей день сдружилъ меня съ нимъ самъ собою.

Господину Хитрову случилось пріѣхать къ брату моему Михайлѣ Матвѣевичу, а какъ и я тутъ же былъ, то сіе вторичное свиданіе и познакомило насъ съ нимъ болѣе и произвело то, что онъ самъ назвался иттить ко мнѣ вмѣстѣ съ бывшими тутъ же межевщиками.

Не могу забыть, какъ онъ, вошедши ко мнѣ въ залу, сказалъ: «Ну, теперь могу себя ласкать дружествомъ и знакомствомъ такого любезнаго сосѣда». А я увѣрялъ его, что онъ не обманывается, и былъ внутренно самъ радъ сему новому и для меня нужному знакомству.

Онъ увѣрялъ меня о своей искренней и нелицемѣрной дружбѣ и ко мнѣ приверженности, а я дѣлалъ ему такія же увѣренія и взаимныя обѣщанія, искать его къ себѣ любви и дѣлаться ей достойнымъ, въ чемъ мы и сдержали даваемыя другъ другу обѣщанія; ибо съ того времени по самую смерть любили мы другъ

друга и были между собою хорошими пріятельми.

Тогда же въ особливости было мнѣ пріятно то, что онъ при случаѣ повѣстки, дѣлаемой отъ межевщика, что онъ въ последующій день насъ съ нимъ размежевывать станетъ, неоднократныя дѣлалъ увѣренія, что у насъ не будетъ никакого спора, и что мы разойдемся полюбовно, по старому владѣнію; а мнѣ того одного только и хотѣлось.

Но не въ такомъ лестномъ видѣ были дѣла съ другой стороны, или въ разсужденіи другого моего сосѣда, его превосходительства князя Горчакова.

Съ нимъ я также, въ сей день будучи у обѣдни, видѣлся и ласкался-было надеждою, что мы и съ нимъ о чемъ-нибудь поговоримъ, но въ надеждѣ своей очень обманулся. Онъ не удостоилъ меня ни однимъ словечкомъ, а я и незаикнулся также, «сошлись два лука и оба туги».

Кромѣ сего обрадованы мы были въ сей день возвращеніемъ домашнихъ моихъ изъ Серпухова, съ которыми возвратилась изъ Кашина и теща моя, а съ нею пріѣхала ко мнѣ и племянница моя Любовь Андреевна.

Наутріе должно было начаться формальному межеванью нашей деревни. Я, вставши поутру, спѣшилъ заставать межевщика, ночевавшаго у Михайлы Матвѣевича; однако сей господинъ былъ не слишкомъ поворотливъ, и за нимъ всегда поспѣть было можно. Меня захватилъ еще гость, г. Лихаревъ, пріѣзжавшій ко мнѣ по утру горевать о своемъ межеваньѣ и просить совѣта; но я, проводивъ и его, успѣлъ еще застать межевщика не уѣхавшаго на межу, и вмѣстѣ съ нимъ туда поѣхалъ, гдѣ нашли мы все межевое собраніе въ готовности и между прочими и самого господина Хитрова насъ тутъ дожидающагося.

Не успѣли мы сойтить съ своихъ дрожекъ и лошадей, и поздоровкаться со всѣми тутъ бывшими дворянами, какъ межевщикъ и спѣшилъ приступить къ дѣлу. Но при первомъ его словѣ произошло тутъ такое произшествіе, которое и понынѣ не знаю чему приписать, простотѣ ли или умышленности землемѣра, или дѣйствію судьбы, пекущейся объ насъ и распоряжающей все въ нашу пользу?

Но какъ бы то ни было, но произшествіе было странное, удивительное и всего меньше нами ожидаемое, и состояло въ томъ, что землемѣръ на первомъ шагѣ сдѣлалъ непростительную погрѣшность и въ дѣлѣ своемъ грубую ошибку. Словомъ, онъ сталъ дѣлать совсѣмъ не то, что ему, по всѣмъ межевымъ узаконеніямъ и предписаніямъ, дѣлать бы надлежало.

Всей командѣ межевой назначено было собраться на томъ пунктѣ, гдѣ волостная земля къ намъ впервые прикоснулась и именно на смежности трехъ земель, волостной, нашей и домнинской, принадлежащей г. Хитрову.

При сдѣланномъ вопросѣ, какія изъ нашихъ земель тутъ начинаются, приурочили мы въ семъ пунктѣ смежство обѣихъ нашихъ пустошей, Щиголевой и Голенинки. А какъ сіи пустоши принадлежали разнымъ владѣльцамъ, то, по законамъ межевымъ и по порядку вездѣ наблюдаемому, слѣдовало ему начать съ сего пункта отмежевывать пустошь Голенинскую, какъ связавшуюся споромъ съ волостью, отъ всѣхъ прочихъ нашихъ пустошей, поелику мы далеко не всѣ въ сей пустоши имѣли участіе; но онъ вмѣсто того предпринималъ размежевывать насъ съ Хитровымъ и иттить совсѣмъ въ противную сторону, кругомъ пустоши Щиголевой.

Признаюсь, что я хотя тотчасъ усмотрѣлъ сію погрѣшность, но какъ она служила мнѣ въ пользу, то я не почелъ себѣ за долгъ упомянуть объ оной или остеречь его, ибо бывшіе тутъ повѣренные волостные того и смотрѣли, чтобъ я чего не схитрилъ; однако со всею своею хитростію ничего они тогда не сдѣлали, и мы, пользуясь сею ошибкою, и пошли тогда благополучно занимать всю нашу дачу въ одну округу, и они таскались съ нами не говоря ни одного слова.

Размежевка насъ съ г. Хитровымъ шла съ вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ, ибо дѣ-

лающіяся между отводчиками и людьми нашими небольшія несогласицы старались мы напрерывъ другъ предъ другомъ прекращать уступками. И всего смѣшнѣе было то, что г. Хитровъ боялся меня, и чтобъ я у него чего незаспорилъ, а я того еще болѣе боялся его и чтобъ онъ не произвелъ спора, а потому и расходились мы вездѣ хорошохонько и безъ всякаго спора.

Какъ поровнялись мы противъ самаго села Домнина, то г. Хитровъ увидѣвъ, что жена межевщикова, съ моею невѣсткою, пріѣхали уже къ нему въ село, сталъ насъ всѣхъ приглашать къ себѣ обѣдать, на что мы охотно и согласились. Итакъ, я со всѣми своими дворяниновскими сосѣдями и обѣдалъ еще въ первый разъ у сего нашего знаменитаго сосѣда.

Послѣ обѣда застигъ насъ превеличайшій дождь и помѣшалъ-было ѣхать межевать; однако мы, переждавъ оный, поѣхали и успѣли въ тотъ же еще день домежевать весь прикосновенный бокъ съ Хитровымъ, и дойтить до спорнаго пункта съ княземъ Горчаковымъ.

Тутъ хотѣлось-было мнѣ остановиться и подумать, спорить ли или нѣтъ; но какъ было уже поздно и межевщикъ спѣшилъ иттить далѣе, то принуждены мы были, не думая долго, записать съ княземъ Горчаковымъ извѣстный и старинный нашъ споръ, при которомъ случаѣ не могли мы довольно насмѣяться глупой запискѣ возраженія отъ княжова повѣреннаго.

Записываніемъ сего съ обѣихъ сторонъ спора продлилось время такъ долго, что при окончаніи оной наступила уже совершенная ночь. Тогда г. Хитровъ сталъ насъ всѣхъ уговаривать, чтобъ мы поѣхали ночевать по близости къ нему, на что мы всѣ охотно и согласились, ибо домой ѣхать было далеко.

Ввечеру разговаривали мы о записанномъ мною спорѣ, и г. Хитровъ разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ онаго; и какъ я ему все разсказалъ, то почиталъ онъ дѣло наше справедливымъ, и желалъ, чтобъ мы получили искомое. А поелику споръ сей былъ особливаго примѣчанія достоинъ, то хотя въ предслѣдующихъ письмахъ и упомянулъ я объ ономъ въ нѣкоторой подробности, но въ пользу потомковъ моихъ почитаю за нужное объяснить оное здѣсь обстоятельнѣе.

Сей споръ нашъ съ княземъ Горчаковымъ былъ объ кускѣ земли, величиною десятинъ въ пятьдесятъ и однимъ лѣсомъ поросшемъ мѣстѣ, лежащемъ между нашею пустошью Шаховою, его деревнею Матюшиною и Алексинскимъ уѣздомъ.

Положеніемъ своимъ было мѣсто сіе между двухъ верховьевъ одной маленькой рѣчки и составляло, такъ сказать, островъ. Рѣчка Язва, составляющая изстари границу между нашими дачами и княжими, въ верховьѣ своемъ проистекала изъ двухъ402 буераковъ или вершинъ, и самое сіе обстоятельство было поводомъ и основаніемъ всего спора.

Мы называли одно изъ помянутыхъ верховьевъ рѣчкою Я з в о ю, а княжіе называли другое, а къ несчастію изъ обоихъ теченіе воды было ровное и можно было и то и другое почесть верховьемъ.

Лѣтъ за двадцать до того времени назадъ не было о сей рѣчкѣ никакого спора, мы владѣли по ту вершину, которую называли княжіе рѣчкою Язвою и владѣніемъ своимъ были довольны. Но я не знаю, какимъ-то нечаяннымъ случаемъ попался дядѣ моему, покойному М а т в ѣ ю П е т р о в и ч у, списокъ съ Алексинскаго городового рубежа, идущаго черезъ и пересѣкающаго оба помянутые отвершка.

Читая оной, вдругъ увидѣлъ онъ, что тамъ рѣчкою Язвою названа совсѣмъ не та вершина, которую тогда всѣ называли а другая гораздо далѣе, первая же названа Ш а х о в с к и м ъ в е р х о м ъ. Изъ сего за вѣрное заключилъ онъ, что всѣмъ островомъ между обѣими сими вершинами конечно князья Горчаковы у насъ завладѣли, и не долго думая подалъ исковую челобитную.

Князь, отецъ нынѣшняго, будучи человѣкъ богатый, и притомъ самъ дѣловецъ, находилъ средство убѣгать отъ суда, а дядя мой хотя и очень жарко началъ и довелъ до того, что князь принужденъ былъ всѣ пашни, находящіяся на томъ

островѣ, кнуть; однако, будучи чрезвычайно скупъ, не могъ долгое время продолжать сіе дѣло съ желаемымъ успѣхомъ, и оставилъ намъ оканчивать сіи хлопоты и претензію, которая справедлива-ль или нѣтъ, о томъ самъ Богъ вѣдаетъ.

Правду сказать, дѣло сіе остановилъ князь болѣе нѣкоторою своею хитростію, а именно: онъ видя, что ему отъ суда не отбѣгать, подалъ вдругъ на насъ супротивную исковую челобитную, якобы мы у него такимъ же образомъ насильно завладѣли въ пустоши Хмыровой, и чрезъ то дядя мой его въ Коширу, а онъ его въ Москву къ суду требовалъ, что и причиною тому было, что дядя мой, дѣло свое бросивъ, положилъ ждать межеванья.

Но, о, какъ бы мы счастливы были, естьлибъ онъ въ то время употребилъ всѣ нужныя усилія къ окончанію сего дѣла! тогда могъ бы онъ получить все желаемое, а при межеваньѣ повстрѣчалось съ нами уже гораздо болѣе затрудненій.

Но какъ бы то ни было, но онъ умеръ, не окончавъ сего дѣла, а мы, послѣдуя ему, ожидали съ покоемъ межеванья; и какъ оное настало, то и слѣдовало намъ оное оканчивать и возвращать всѣ наши протори и убытки.

Признаюсь, что почиталъ сіе дѣло до того безсомнительнымъ и не много озабочивался симъ споромъ; но получивъ о объ ономъ своей свѣдѣніе, сталъ инако уже числѣ земли думать.

Выступленіе изъ границъ своего владѣнія было для насъ дѣломъ весьма опаснымъ и предосудительнымъ, а съ другой стороны споръ княжой и его на насъ челобитье казалось мнѣ страшнѣе медвѣдя.

Я легко могъ заключать, что естьли онъ всходствіе своего челобитья заспоритъ въ Хмыровѣ, и если въ сельцѣ его Злобинѣ явится недостатокъ, въ чемъ я по малой обширности его дачи почти не сомнѣвался, то принуждены мы будемъ недостатокъ сей не только изъ своей примѣрной земли наполнить, но заплатить еще ему и завладѣнныя деньги. Для самаго того и хотѣлъ и не хотѣлъ я спорить; но какъ помянутымъ образомъ споръ былъ уже мною записанъ, то принужденъ былъ вступать въ дѣло.

Разговорившись съ Хитровымъ, къ немалому удовольствію моему услышалъ я, что и въ его крѣпостяхъ обѣ первыя вершины такимъ же образомъ названы Шаховыми верхами, а третья рѣчкою Язвою, какъ мы ихъ называли. И какъ мнѣ крайне восхотѣлось крѣпости сіи видѣть, то и просилъ я г. Хитрова показать мнѣ оныя, и онъ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что тотчасъ, отыскавъ, мнѣ ее отдалъ.

Состояла она въ выписи съ городовой межи; и какъ она была формальная, съ надлежащею скрѣпою, то бумажку сію почиталъ я крайне для себя важною и нужною потому, что у меня была только копія, а самой выписи мы не имѣли.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ сдѣлалась между нами маленькая въ разсужденіи положенія мѣстъ разногласица, и господину Хитрову оное не такъ коротко было извѣстно какъ мнѣ, то положили мы съ нимъ чтобъ на утріе вставъ поранѣ, вмѣстѣ всѣ сіи мѣста объѣздить и осмотрѣть въ натурѣ, дабы намъ послѣ не разбиться въ словахъ, ибо онъ намѣренъ былъ тоже верховье называть рѣчкою Язвою, которое я утверждаю.

Итакъ, въ слѣдующій день встали мы съ нимъ ранехонько, и одѣвшись поѣхали только трое, онъ да я, да староста его верхами рекогносцировать мѣста, которыя завоевать мнѣ хотѣлось. Но лишь только начали мы подъѣзжать къ лѣсу на спорномъ мѣстѣ, извѣстному подъ названіемъ Неволочи, какъ противъ всякаго чаянія увидѣли на той сторонѣ рѣчки Язвы и самого сіятельнаго князя, разъѣзжающаго такимъ же образомъ въ препровожденіи своихъ гусаръ и мѣста сіи осматривающаго.

Посмѣявшись тому, что мой споръ такъ рано его превосходительство поднялъ, не знали мы, что дѣлать: далѣе ли къ нему ѣхать, или остановиться; но какъ нѣсколько постоявъ и покружившись на одномъ мѣстѣ, сталъ чрезъ рѣчку переѣзжать къ намъ, то разсудили мы за луч-

шее вернуться домой и послали на спорное мѣсто только старосту, сказать, буде князь спроситъ, что это ѣздилъ г. Хитровъ для показанія которыя десятины сѣять, что и дѣйствительно было.

Возвратившись въ Домнино, будили мы спавшаго еще землемѣра, и спѣшили скорѣе ѣхать на межу, сказывая, что князь уже на межѣ и насъ дожидается. Но совсѣмъ нашимъ поспѣшеніемъ мы не прежде какъ чрезъ три часа выѣхали, ибо хозяйка вздумала насъ еще накормить и мы порядочно почти пообѣдали; что и случилось весьма кстати, ибо безъ того было бы намъ тошно лихо.

Наѣвшись и напившись до сыта, поѣхали мы наконецъ на межу, и на самое то мѣсто, гдѣ въ навечеріи того дня записанъ былъ мною споръ, то-есть у перваго Шахова верха. Тутъ надлежало мнѣ начинать отводить мой спорный отводъ, а княжимъ разводиться по алексинскому рубежу съ домнинскими. Но повѣренные княжіе не смѣли безъ повелѣнія его ничего дѣлать, а поскакали тотчасъ за нимъ.

Онъ находился тогда посреди своей Неволочи, гдѣ, какъ мы послѣ увидѣли, была для его сіятельства разбита палатка; и мы вскорѣ послѣ того увидѣли самого его къ намъ съ пышностію ѣдущаго.

Межевщикъ никогда еще его не видывалъ, и потому, желая оказать ему, какъ генералу, почтеніе, подбѣжалъ-было къ нему съ своимъ нижайшимъ поклономъ; но какъ увидѣлъ, что князь не только не сошелъ съ своего коня, но сталъ обходиться съ нимъ чрезвычайно гордо, то, преставъ его уважать, приступилъ къ своему дѣлу.

Князь не долго мѣшкалъ, но опрокинулся на меня и сталъ мнѣ гордо выговаривать, для чего я завожу споръ. Выговоръ его былъ для меня весьма чувствителенъ, но я, скрѣпивъ сердце, отвѣтствовалъ ему учтиво и дружелюбнымъ образомъ, говоря, что дѣлаю сіе противъ своего хотѣнія и по самой необходимости и болѣе потому, что въ дѣлѣ семъ я не одинъ участникъ, и что сверхъ того не можно намъ отстать отъ сего давничнаго спора въ разсужденіи волостныхъ, заспорившихъ у самихъ насъ множество земли.

Долго мы тутъ съ нимъ проговорили и наконецъ, не согласясь ни въ чемъ, пошли далѣе. Мы всѣ шли пѣшкомъ, а князь ѣхалъ подлѣ насъ верхомъ и разводился самъ съ Хитровымъ; по пришествіи-жъ къ настоящей рѣчкѣ Язовкѣ, ужаснулся онъ услышавъ, что и домнинскіе и татарскіе, согласно со мною, называли ту рѣчку Язовкою, чего онъ никакъ не ожидалъ.

Я написалъ тутъ превеликую въ подтвержденіе моего спора и показанія оговорку, а онъ отвѣтствовалъ противъ того самъ. Тутъ распрощались мы съ Хитровымъ, который по причинѣ, что его земля осталась позади, отъ насъ отсталъ, а я повелъ свой отводъ кругомъ Неволочи.

Пришедши къ самому устью, гдѣ обѣ вершины стекаются и откуда рѣчка Язва внизъ была уже безспорная, началъ князь много говорить къ утвержденію, что его рѣчка имѣетъ болѣе теченія; также приговаривалъ, чтобъ я сказалъ, какая была земля налѣвѣ, и говорилъ, что она не Шаховская, а какая то—онъ знаетъ, но теперь говорить еще о томъ не хочетъ.

Я догадывался къ чему сіе клонилось, однако не имѣлъ причины принуждать его далѣе объясняться, ибо отъ того произошла-бъ для меня великая опасность; но паче радовался духомъ, что князь умничаньемъ и молчаніемъ своимъ упускалъ наилучшій къ произведенію замысла своего случай.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: домогаясь узнать, отчего бы въ нашихъ дачахъ, а особливо въ самыхъ сихъ мѣстахъ былъ у насъ примѣръ, добирался я понемногу изъ старинныхъ писемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы тогда называли пустошь Шахово, были въ старину еще нѣкакія пустоши, а именно пустошь Малаховская, пустошь Красная, пустошь Малая Неволочка, пустошь Котелъ и еще нѣкоторыя; но думать надобно, что онѣ предками и стариками нашими во время писцовъ утаены, и всѣ включены въ одну пустошь Шахово.

Обстоятельство сіе было мнѣ потому

извѣстно, что при бывшемъ спустя лѣтъ съ 50 послѣ писцовъ межеваньѣ пустоши Ермаковой, принадлежавшей князьямъ Горчаковымъ, прикосновенной однимъ бокомъ къ пустоши нашей Воронцовой, предки сихъ же князей Горчаковыхъ, бывшіе всегда нашими непріятелями, объявляли, что та наша пустошь не Воронцова, а пустошь Малаховка и другія, о которой-де отъ ихъ и челобитье къ государю имѣется.

Въ подтвержденіе сего служило и то, что старики наши, въ прикрытіе своей утайки, при бывшемъ три года послѣ писца откащикѣ, велѣли ему написать въ пустошахъ Шаховѣ, Воронцовѣ и Гвоздевѣ поверстнаго лѣса двѣ версты вдоль и на версту поперекъ, котораго въ писцовыхъ книгахъ совсѣмъ не упоминалось, и какъ думать надобно, то они послѣ съ князьями Горчаковыми какимъ-нибудь домашнимъ образомъ раздѣлались и оною утаенною землею подѣлились, и можетъ быть при тогдашнемъ же случаѣ дошла до ихъ рукъ спорная Неволочь.

Всему тому служили и тогдашнія слова княжія подтвержденіемъ, ибо онъ упоминалъ о какой-то домашней сдѣлкѣ и о сихъ пустошахъ, только не называя оныхъ и не приказывая и мужикамъ говорить, что все приводило меня въ немалое безпокойство и я какъ сначала, такъ и тогда не радъ былъ, что связался съ нимъ споромъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, перемѣнилась погода и пошелъ сильный дождь, но мы принуждены были продолжать межеванье, ибо князь присутствіемъ своимъ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ. Всѣ мы перемокли, всѣ устали впрахъ, ибо не можно было при немъ ни сѣсть, ни отдохнуть, ни посмѣяться, ни побалагурить по обыкновенію.

Самому межевщику присутствіе его было крайне непріятно; онъ злился на него за непомѣрную гордость, и пошептомъ проклиналъ его всячески. Совсѣмъ тѣмъ нечего было дѣлать, князь не отставалъ отъ насъ ни на минуту, и ходилъ и мокъ съ нами вмѣстѣ.

Смѣшно было только то, что онъ дивился мнѣ и всѣмъ намъ, какъ мы не ѣвши такъ долго терпимъ, не вѣдая того, что мы уже пообѣдали. Но какъ бы то ни было, но онъ, цѣлый день не ѣвши и не пивши, съ нами пробылъ, и отзывался, что сей день ему такъ труденъ, что хотябъ было то и подъ Бендерами, а мы только взглядывали другъ на друга и улыбались.

По окончаніи нашего спорнаго отвода, пошли мы съ нимъ внизъ по теченію рѣчки межеваться безспорно. Но какъ сталъ я назначать конецъ пустоши Шаховой и начало пустоши Воронцовой, то онъ оспорилъ и говорилъ, что Воронцово начинается еще далѣе.

Сіе меня встревожило. Холодный потъ оросилъ чело мое, и въ груди встрепетало сердце: ибо я того и смотрѣлъ и ждалъ, что онъ возобновитъ показаніе своихъ предковъ и станетъ называть тѣ пропавшія пустоши; и для того, подходя къ сумнительной для меня воронцовской вершинѣ, попросилъ тихонько межевщика, чтобъ онъ тутъ сдѣлалъ межеванью въ тотъ день окончаніе, и пересталъ межевать, и межевщикъ въ семъ случаѣ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что охотно желаніе мое выполнилъ, и межевать пересталъ; а сіе и припудило насъ разъѣхаться и не допустило князя до замышляемаго имъ объясненія.

Какъ межеванье наше было на нѣсколько дней отсрочено, то на утріе, проводивъ пріѣзжавшаго ко мнѣ и у меня ночевавшаго гостя, и отпустивъ тещу свою въ Дятлово, гдѣ у госпожи Іевской начиналось свадебное дѣло, принялся за циркуль и транспортиръ, и началъ все оспоренное мною мѣсто, по запискамъ своимъ всѣхъ линій и румбовъ, накладывать на планъ, и по исчисленію нашолъ, что было въ немъ 55 десятинъ, а въ послѣдующій за симъ 5-й день августа, положилъ я на досугѣ объѣздить всю внутренность нашихъ дачъ, дабы можно было заблаговременно назначить границы пустошамъ и позамѣтить для себя нужныя мѣста.

На другой день послѣ сего былъ у насъ извѣстный праздникъ Преображенія Господня, и я, будучи у обѣдни, имѣлъ случай видѣть опять соперника моего князя, который казался мнѣ часъ отъ часу горделивѣйшимъ, и не удостоилъ меня ни единымъ словомъ.

По возвращеніи домой, имѣлъ я неожидаемое удовольствіе узнать отъ заѣзжавшаго ко мнѣ второкласснаго землемѣра г. Сумарокова, Александра Никифоровича, что на утріе начнется у насъ опять межеванье, но что уже не г. Лыковъ, а онъ будетъ домежевывать дачу нашу.

Сія неожидаемость обрадовала меня чрезвычайно, ибо какъ землемѣръ сей былъ малый очень добрый и мнѣ друженъ, то готовъ я былъ съ нимъ ѣхать всюду межеваться, поелику не онъ, а я могъ быть всему главною пружиною.

Совсѣмъ тѣмъ не былъ я и въ сей день освобожденъ отъ заботъ и безпокойства, и имѣлъ важную причину четырехъ вещей опасаться: во-первыхъ, чтобъ князь не объявилъ возраженія о пустошахъ, и не назвалъ бы Воронцовскую вершину Малаховскою; во-вторыхъ, боялся я чрезвычайно, чтобъ по пустоши Ермаковой, которую въ сей день межевать надлежало, котовскіе не завели со мною спора и боялся болѣе потому, что въ сей пустоши былъ у меня снятъ планъ, и мнѣ по измѣренію оной извѣстно было, что въ ней десятинъ около сорока не доставало, слѣдовательно, боялся я, чтобъ въ случаѣ произведеннаго отъ нихъ спора непринуждено намъ было заблаговременно съ ними мириться и имъ сей недостатокъ изъ своихъ дачъ наполнять.

Въ-третьихъ, устрашали меня живущіе при церкви нашей и церковною землею владѣющіе бездѣльники бобылишки. Сіи, не зная ничего не вѣдая, приняли намѣреніе спорить со мною и съ пустошью Ермаковскою. Слухи о томъ доходили до меня вѣрные и мнѣ сказывали, что они осматривали уже и мѣста, и хотѣли неотмѣнно спорить.

Споръ отъ самихъ ихъ собственно былъ мнѣ не страшенъ, потому что въ церковной землѣ былъ излишекъ; но я для того сихъ споровъ ихъ боялся, что они, связавшись со мною и съ пустошью Ермаковскою, свяжутъ и меня съ оною, и я принужденъ буду наполнять Ермаковскую пустошь, или по крайней мѣрѣ уйдетъ въ нее весь примѣръ церковной земли, который хотѣлось мнѣ сберечь для наполненія имъ великаго недостатка нашего отхожаго луга, находившагося за церковью.

Въ-четвертыхъ, и всего болѣе страшился я княжова спора по пустоши Хмыровой, о которомъ я нимало не сумнѣвался, но считалъ за вѣрное, что онъ воспослѣдуетъ, потому что отъ князя имѣлась на насъ въ подачѣ о томъ исковая челобитная.

Ктому-жъ я его задралъ, а сверхъ того имѣлъ онъ и потому наивеличайшій резонъ спорить, что по глазомѣру не сомнѣвался въ томъ, что въ прикосновенной къ сей пустоши дачи сельца его Злобина будетъ недостатокъ.

Вотъ коликихъ опасностей долженъ я былъ въ одинъ день страшиться; я предварялъ о томъ нѣкоторымъ образомъ и межевщика, и просилъ о вспоможеніи въ нужномъ случаѣ, а между тѣмъ, однако, заготовлялъ замѣчанія о томъ, что говорить на межѣ, и чѣмъ защищаться, утѣшаясь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что межевщика имѣлъ по сердцу, въ которой надеждѣ и не обманулся. Межеванье, противъ всякаго чаянія моего, происходило въ сей день съ такимъ вожделѣннымъ успѣхомъ, какого я и воображать себѣ не отваживался.

Первое, что меня обрадовало, было то, что мы, пріѣхавши на межу, увидѣли, что тутъ самого князя не было, и услышали, что его и не будетъ.

Я очень тому радъ былъ, ибо глупаго его повѣреннаго я не боялся, а опасался только не дана ли ему письменная инструкція; однако, по счастію, и того не было.

Увидѣвъ сіе, спѣшилъ я, чтобъ скорѣй иттить и миновать помянутую сумнитель-

ную вершину, и мы прошли ее благополучно; итакъ, страхъ мой о Малаховской пустоши изчезъ, и опасность миновалась совершенно.

Потомъ стали мы разводиться съ котовскими по пустоши Ермаковской. Тутъ употреблялъ я все, что могъ къ тому, чтобъ они не заспорили; и для того въ уравненіе земли и рубежа не много хлопоталъ, но дѣлалъ имъ вездѣ маленькія уступочки, чѣмъ котовскіе мои сосѣди были и довольны, боясь, по счастію моему, сами того, чтобъ я у нихъ не заспорилъ, ибо думали, что у нихъ великой примѣръ будетъ.

Къ тому-жъ, я заблаговременно употребилъ хитрость и приласкался чрезъ письмы ко владѣльцу ихъ, князю Павлу Ивановичу, такъ что его удачно усыпилъ, и онъ не велѣлъ нигдѣ спорить. Симъ образомъ избѣжалъ я благополучно и сей второй опасности.

Подходя потомъ къ церковной землѣ, примѣтилъ я, что бобыли хотятъ насъ встрѣтить своимъ споромъ.

Сіе меня встревожило и я принужденъ былъ поспѣшить какъ можно скорѣе провесть межевщика мимо сего опаснаго мѣста и загородить оставшія ворота; и по счастію, мнѣ и удалось произвесть сіе желаемымъ образомъ. Повѣренной бобыль былъ мужикъ непроворный, и прозѣвалъ удобнѣйшій къ тому случай, и сталъ упустя время подавать сказку.

При семъ случаѣ сдѣлалъ мнѣ межевщикъ великое одолженіе, промедливъ приниманіемъ сказки, подъ видомъ сумнительства и не хотя будто имѣть съ ними дѣла до тѣхъ поръ, покуда дошли уже до церковной земли.

Тогда было мнѣ уже легче; къ тому-жъ, обрадовался я узнавъ, что бобыли не со мною, а только съ Ермаковскими хотѣли спорить; но, по счастію, ни того, ни другого спора не было, и мы размежевались и съ церковною землею хорошохонько.

Такимъ образомъ миновала благополучно и третья опасность, и остался одинъ князь-генералъ, котораго я какъ огня боялся.

Сердце во мнѣ вострепетало, когда мы, размежевавшись съ котовскими вездѣ, безспорно приближались ко злобинской землѣ, гдѣ спора ожидалъ я безсомнѣнно. И я такъ былъ въ томъ удостовѣренъ, что вознамѣривался уже благовременно, въ случаѣ ежели князь заспоритъ, подумавши отказаться отъ Неволочи.

Между тѣмъ какъ мы, подходя къ сему мѣсту, размежевывались безспорно съ котовскими, имѣлъ я неожидаемую досаду отъ котовскаго повѣреннаго, который такъ былъ глупъ, какъ скотина, и мы съ нимъ о самыхъ бездѣлицахъ, объ уравненіи межи прокричали невѣдомо сколько.

Наконецъ дошли мы до Хмыровской пустоши и примкнули къ черному столбу, поставленному волостными въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ прежде я упоминалъ, сдѣлали они наивеличайшую погрѣшность и пересѣкли совсѣмъ споромъ своимъ нашу дачу.

Тутъ опять мнѣ посчастливилось чрезвычайно. Злодѣй мой прикащикъ волостной самъ уже осмотрѣлся, что онъ сдѣлалъ дурно и для того хотѣлъ-было опять какія-то тутъ дѣлать каверзы, и мнѣ было-бы то очень досадно; но, по счастію моему, его тогда съ нами не было, и ему было недосужно: видно, что самъ Богъ началъ меня отъ него защищать.

Итакъ, мы безъ него благополучно ту важную межу и прикосновенность котовской земли утвердили, и черные столбы выкинувъ, поставили бѣлые.

Миновавъ сіе важное мѣсто, приткнулись тотчасъ мы ко злобинской землѣ. Я надѣялся застать тутъ самого князя: однако возрадовался увидя, что его нѣтъ, а того болѣе примѣчая, что у нихъ никакихъ приуготовленій къ спору не было, а твердили они только, что князь приказывалъ ничего своего не уступать.

Совсѣмъ тѣмъ сдѣлалось-было помѣшательство. Время клонилось уже къ самому вечеру и солнце было на закатѣ. Повѣренные злобинскіе просили межевщика, чтобъ онъ отложилъ межеванье до другого дня; но какъ мнѣ тогда каждая минута была дорога, и мнѣ хотѣлось ко-

вать желѣзо покуда оно было горячо, то-есть межеваться безъ князя: то шепнулъ я межевщику, знающему довольно мою нужду и надобность, чтобъ онъ не переставалъ, а спѣшилъ бы какъ можно домежевать оставшую дистанцію.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано!—межевщикъ мой не пошелъ, а полетѣлъ, а я, чтобъ меньше было остановки, и чтобъ заслѣпить глаза злобинскимъ, началъ вездѣ дѣлать уступки: гдѣ на борозду, гдѣ на пол-осминника, и межу, и ямы клалъ все на своей землѣ, не жалѣя оной.

Злобинскіе мои тѣмъ такъ были довольны, что надавали мнѣ тысячи благословеній, а я самъ въ себѣ думалъ и говорилъ: «не спорьте только, мои друзья, а я за бездѣлицы радъ не стоять, теряйте только большое». Межевщикъ мой только усмѣхался, видя мое проворство, уловку и желаемую удачу, а я съ каждою минутою власно, какъ на вершокъ прирасталъ.

Но едва-было, едва не разрушилась вся моя лестная надежда. Вдругъ заговорили, что самъ князь ѣдетъ!

— «Экое горе! вскричалъ я тогда самъ въ себѣ: что́-бы ему еще немного погодить!» а уже немного оставалось, однако было еще довольно мѣста, гдѣ спорить. «Быть такъ! думалъ я самъ себѣ, брошу ему бездѣлицу, естьли немного заспоритъ, а избѣгу только спора.»

Но не то сдѣлалось, что я думалъ и чего ожидалъ. День сей на то пошелъ, чтобъ мнѣ быть въ совершенномъ удовольствіи.

Князь мой не только чтобъ затѣвать и начинать споръ, но, будучи въ сей разъ совершеннымъ агнцомъ, въ одномъ мѣстѣ самъ безъ просьбы хорошій лоскутъ земли мнѣ прибавилъ и мы развелись съ нимъ, какъ водою разлились.

Признаюсь, что я самъ себѣ не вѣрилъ и не понималъ, откуда бы происходило такое его смиреніе, а для меня неожидаемое благополучіе и удача, и благодарилъ только Всевышняго, что онъ, противъ чаянія моего, избавилъ меня отъ наиопаснѣйшаго во всемъ межеваньѣ для меня обстоятельства.

Такимъ образомъ, затворивши ворота со всѣхъ сторонъ въ свою дачу и окончивъ межевать уже ночью, въ полномъ удовольствіи поѣхалъ я домой съ межевщикомъ ужинать.

Съ княземъ распрощались мы какъ пріятели и я надавалъ ему тысячи благословеній; а правду сказать, имѣлъ къ тому и причину.

Глазомѣръ мой меня не обманулъ, и въ его злобинской дачѣ, какъ я послѣ узналъ, дѣйствительно десятинъ около пятидесяти недоставало, которыми принуждены-бъ мы были не только поплатиться, но заплатить и завладѣнныя деньги.

Доискиваясь причины тому, для чего онъ не спорилъ, услышалъ маніемъ я, что онъ сперва и хотѣлъ-было спорить, но увидѣвъ, что волостные большую часть хмыровской пустыши къ себѣ прихватили споромъ, заключилъ, что ему уже не осталось тутъ спорить.

Итакъ, волостные помогли мнѣ въ томъ своимъ споромъ, и изъ мнимаго худа, по особливому распоряженію благодѣтельныхъ намъ судебъ, вышло для насъ неожидаемое и великое добро, какъ вы послѣ о томъ обстоятельнѣе услышите.

Такимъ образомъ, пріѣхавъ домой, привезъ я домашнимъ моимъ радостное извѣстіе о благопріятномъ и, сверхъ всякаго чаянія, удачномъ разводѣ со всѣми нашими сосѣдями.

И какъ мы нашли тутъ и семействы моихъ деревенскихъ сосѣдей и ближнихъ родственниковъ, насъ съ межи дожидавшихся, то всѣ они обрадованы были тѣмъ до безконечности и всѣ непрерывъ благодарили межевщика за оказанное намъ съ его стороны вспоможеніе. И какъ товарищи мои не менѣе довольны были и мною и всѣми моими объ общей дачѣ стараніями, то благодарили они и меня, и не могли довольно выхвалить всего моего проворства и уловокъ, признаваясь, что безъ меня принуждены-бъ были они пить горькую чашу и что они при всемъ межеваньѣ семъ были только свидѣтеля-

ми и ничего собственно сами не дѣлали и ничему хорошему успѣху не поспѣшествовали.

А не менѣе и я радъ былъ, что имѣлъ случай имъ всѣмъ услужить. Итакъ, ужинъ въ сей день былъ у насъ очень веселый, и день сей былъ прямо достопамятнымъ для всѣхъ соучастниковъ въ нашихъ дачахъ.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ теперь на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Ноября 19, 1807).

Письмо 142-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ предслѣдующемъ письмѣ межеванье нашихъ дачъ, или паче обойденіе вокругъ оныхъ и отдѣленіе ихъ отъ посторонних владѣній, скажу теперь вамъ, что симъ межеванье наше далеко еще не кончилось, но предлежали намъ еще многія хлопоты и въ разсужденіи онаго заботы.

Кромѣ того, что оставалась еще маленькая луговая отдѣленная дачька, лежащая за церковью, необойденною и неотмежеванною, самыя наши разныя пустоши внутри дачи не были еще разрѣзаны и отдѣлены другъ отъ друга.

Произошло сіе, какъ я вамъ уже упоминалъ, отъ погрѣшности межевщика или паче оттого, что ему хотѣлось скорѣе нашу дачу обойтить кругомъ, дабы по положеніи на планъ можно было по исчисленію узнать, сколько у насъ всей земли вообще было, и съ тѣмъ сообразуясь принимать мѣры и къ примиренію насъ съ волостными, которымъ онъ, будучи ими задаренъ, толико благопріятствовалъ.

Можетъ быть, думалъ онъ устрашить насъ огромностію дачи и великостію числа всей земли и чрезъ то удобнѣе преклонить насъ къ уступкѣ волостнымъ заспоренной земли.

Однако, попалъ онъ не на такихъ людей, которые бы слѣпо дали ему водить себя за носъ, но которые разумѣли и сами сколько-нибудь всѣ межевыя дѣла и уставы. И потому, продолжая объ ошибкѣ его молчать и принявъ видъ, будто бы я совсѣмъ оной не примѣтилъ, ожидалъ я, что, по окончаніи помянутаго обхода кругомъ нашей дачи, онъ предприметъ и нашу ли внутренность будетъ размежевывать, или обратится куда въ иную сторону.

По надлежащему, надлежало бы ему приступить къ первому и стараться какъ можно скорѣе ошибку свою исправить, чего и надлежало тогда ожидать.

Но какъ удивился я услышавъ, что межеванье опять на нѣсколько дней отсрочивалось и что г. Лыковъ разъѣзжалъ только по гостямъ, давалъ себя вездѣ угощать и подчивать, а не предпринималъ ни того, ни другого, и ни самъ не межевалъ, ни своего помощника, помянутаго второкласснаго землемѣра г. Сумарокова не заставливалъ.

Болѣе десяти дней продолжалось таковое его бездѣйствіе, и мы, находясь въ безпрерывномъ ожиданіи, не знали что о томъ и думать и заключать, и внутренно досадовали на межевщика за сію почти непростительную медленность.

Болѣе же всѣхъ была она мнѣ чувствительна, ибо домашнія мои обстоятельствы привлекали меня въ другое мѣсто и требовали неотмѣнно скораго отсутствія моего отъ дома.

Племянница моя, Травина, прислала ко мнѣ около сего времени нарочнаго человѣка изъ Кашина съ увѣдомленіемъ, что мачиха ихъ пріѣхала уже въ Кашинъ, и невѣдомо какъ просила, чтобъ я поспѣшилъ къ нимъ своимъ пріѣздомъ для сдѣлки съ нею, въ разсужденіи слѣдуемой ей къ полученію указной части изъ имѣнія умершаго моего зятя, а ихъ отца, и которую часть племянницамъ моимъ у ней купить хотѣлось.

Итакъ, надлежало мнѣ неотмѣнно туда съѣздить; но какъ можно было мнѣ отлучиться при тогдашнихъ обстоятельствахъ и при неоконченномъ еще межеваньѣ, и отъѣхать въ самый критической пунктъ времени?

Признаюсь, что призывъ сей меня очень смущалъ, будучи весьма неблаговременнымъ. Но мы не успѣли еще собраться съ духомъ, какъ глядимъ, смотримъ, прискакалъ другой гонецъ изъ Кашина, и племянница всѣми святыми умоляла меня, чтобъ я поспѣшилъ какъ можно скорѣй своимъ пріѣздомъ.

Она писала ко мнѣ, что мачиха ихъ была у нихъ въ домѣ, что несетъ пыль непомилованную и не хочетъ никакъ продавать имъ своей части, и дала имъ сроку только на десять дней до моего пріѣзда, и что самое сіе побудило ее послать ко мнѣ еще нарочнаго и просить, чтобъ я поспѣшилъ къ нимъ для самого Бога.

Что мнѣ было тогда дѣлать? Могу сказать, что находился я въ крайнемъ замѣшательствѣ и проклиналъ межевщиковъ, гуляющихъ столь долго и насъ недомежевающихъ.

Совсѣмъ тѣмъ ѣхать мнѣ было еще никакъ не можно, ибо предстоящее и ожидаемое всякой день размежеваніе пустошей такъ было важно, что безъ себя оставить и препоручить оное никому было никоимъ образомъ не можно.

Въ сей крайности другого неоставалось мнѣ, какъ въ тотъ же день приниматься за перо и писать въ Кашинъ письмы, и я занимался тѣмъ почти цѣлую ночь, ибо писать надобно было ко многимъ.

Къ племянницамъ своимъ писалъ я, что всячески постараюсь скорѣе въ путь отправиться, и что можетъ быть въ недѣлю всѣ свои дѣла кончу и къ нимъ выѣду.

Къ мачихѣ ихъ писалъ наиубѣдительнѣйшее письмо, чтобъ взяла терпѣніе и меня подождала; а ко всѣмъ ихъ милостивцамъ и сосѣдямъ писалъ также съ убѣдительною просьбою, чтобъ они въ случаѣ, если мачиха меня недождется, не оставили ихъ своимъ вспоможеніемъ.

Но не одно сіе меня еще удерживало, но было и другое обстоятельство, меня останавливавшее.

Случилось такъ, что около самаго сего времени надобно было пріѣхавшей ко мнѣ съ тещею моею изъ Кашина средней племянницѣ моей, Любови Андреевной, занемочь у меня горячкою, и находиться отъ ней въ самой опасности; а сверхъ того, случилось и другихъ больныхъ въ домѣ моемъ множество, такъ, что не осталось ни одной почти дѣвки въ самыхъ хоромахъ здоровою, а много и людей было больными, и я трепеталъ духомъ боясь, чтобъ не занемочь и самому при такихъ повальныхъ болѣзняхъ.

Итакъ, отправивъ въ Кашинъ письмы, расположился я ожидать продолженія межеванья, доколѣ только будетъ можно, а между тѣмъ, чтобъ не терять празднаго времени по пустому, употребить все оное въ пользу.

И какъ въ дачахъ нашихъ не вся ещё внутренняя ситуація была у меня снята на планъ, а сіе было крайне нужно, то, во-первыхъ, принялся я за сіе нужное дѣло и препроводилъ въ томъ нѣсколько дней сряду.

Во-вторыхъ, какъ межеванье долженствовало скоро дойтить и до села Тулеина, въ которомъ я вмѣстѣ съ другими владѣльцами имѣлъ наивеличайшее участіе, а количество наличной земли въ семъ селѣ не было мнѣ еще извѣстно, то рѣшился я и ее снять предварительно на планъ, и измѣривъ узнать, полная ли въ ней дача, или есть лишекъ или недостатокъ?

И какая досада была для меня, когда, снявъ сію дачку па планъ и измѣривъ, увидѣлъ, что и въ ней около 50 десятинъ оказывалось примѣру.

— «Боже мой! говорилъ я самъ себѣ, куда ни кинь, такъ клинъ; надобно-жъ и тутъ случиться излишку, и предстоять также опасности!»

Мнѣ сіе тѣмъ было непріятнѣе, что доходили до меня слухи, что и по сей деревнѣ нѣкоторые изъ сосѣдей замышляли производить ссоры.

Итакъ, сталъ я бояться, чтобъ не потерять и тутъ сей примѣрной земли и почиталъ и для сего межеванья присутствіе мое необходимо нужнымъ; а сіе прибавило мнѣ еще болѣе горя.

Въ-третьихъ, какъ споръ съ волост-

ными не выходилъ у меня ни на минуту изъ ума, и чѣмъ болѣе я объ немъ помышлялъ, тѣмъ опаснѣйшимъ онъ мнѣ казался, то пришло мнѣ на мысль, не могло-ль бы мнѣ въ семъ опасномъ случаѣ послужить сколько-нибудь въ пользу, естьли я отнесусь объ ономъ письменно къ самому ихъ господину, и представивъ всю наглость и явную несправедливость его отводчиковъ и повѣренныхъ, а свою справедливость, попрошу о собственномъ разсмотрѣніи сего дѣла, и приказаніи оставить насъ, какъ добрыхъ и всегда мирно съ его волостными жившихъ сосѣдей, въ покоѣ?

Мысль сія показалась мнѣ хотя сначала и странною и намѣреніе не обѣщающее хорошаго и вѣрнаго успѣха, однако какъ она мнѣ нравилась, то восхотѣлось мнѣ предпріять сіе дѣло хотя на удачу и въ томъ мнѣніи, что если-бъ оно и не удалось мнѣ по желанію, такъ по крайней мѣрѣ ничего худшаго отъ того воспослѣдовать не можетъ.

Итакъ, подумавъ и погадавъ о томъ дни два, рѣшился я наконецъ къ сему дѣлу приступить, и болѣе для того, чтобъ послѣ самому на себя не досадовать, для чего я не испыталъ сего сдѣлать.

«Почему знать, говорилъ я самъ себѣ: можетъ быть и удастся, и ежелибъ удалось, то какъ бы хорошо; а ежели и не удастся, такъ бѣда не велика! пропадутъ только мои труды да потеряю я гривны двѣ-три, за письмо. заплаченныя на почтѣ».

Но не успѣлъ я приступить къ дѣлу, какъ явились затрудненія, едва-было не уничтожившія все мое намѣреніе, а именно сдѣлался вопросъ, какъ писать къ такому большому боярину, какимъ былъ тогда у насъ господинъ Нарышкинъ?

Никогда не имѣлъ еще случая съ такими большими господами и вельможами переписываться, а особливо о такомъ критическомъ дѣлѣ, каково было мое!

Словомъ я не зналъ, какъ и приступить къ тому. Однако, подумавши, отважился написать какъ умѣлъ и какъ Богъ на разумъ наставилъ, но признаюсь, что занимался тѣмъ нѣсколько дней сряду, и отеръ не одну каплю пота съ чела своего, вымышляя, какъ-бы написать убѣдительнѣе и лучше, а при томъ и не унижая себя предъ нимъ слишкомъ.

Я изобразилъ ему въ возможной краткости, по наияснѣйшимъ образомъ все дѣло, и не только приобщилъ краткую выписку изъ всѣхъ нашихъ крѣпостей и документовъ, но для лучшаго объясненія всего дѣла сочинилъ и маленькій примѣрной планецъ всѣмъ мѣстоположеніямъ и приложивъ оное, убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ о разсмотрѣніи сего дѣла и о возможномъ къ намъ снисхожденіи.

Словомъ, я употребилъ къ тому все свое знаніе и искусство, и по изготовленіи всего отправилъ оное въ Петербургъ по почтѣ.

Но вѣдалъ бы, сего лучше и не дѣлалъ! Послѣдствіе оказало, что труды мои были совсѣмъ тщетны и хотя я и понынѣ не знаю, удостоилъ ли сей господинъ письмо мое прочтеніемъ или нѣтъ: но то по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что не только я не получилъ никакого на то отвѣта, но и къ начальникамъ волостнымъ не было ничего о томъ писано.

Итакъ, думать было можно, что вельможа сей почелъ себя слишкомъ увышеннымъ предъ такими дворянами, какихъ составляли мы, чтобъ удостоить просьбы ихъ какого-нибудь вниманія.

Признаюсь, что тщетное ожиданіе мое и неудача была тогда мнѣ нѣсколько чувствительна и досадна; но какъ я почти и предвидѣлъ, что воспослѣдуетъ сіе, а не другое, то скоро въ томъ и утѣшился, а сталъ уже пристальнѣе помышлять о употребленіи всѣхъ возможныхъ средствъ къ своему защищенію и къ уничтоженію всѣхъ затѣевъ моихъ противниковъ.

Кромѣ сего, какъ времени въ промежуткѣ семъ было много свободнаго, то по привычкѣ своей не терять изъ онаго ни одного часа по пустому, занимался я еще нѣсколько дней особливымъ дѣломъ, а именно:

Мнѣ пришла однажды мысль отвѣдать

сочинить нѣкоторый родъ экономическаго журнала. Обстоятельство, что мнѣ извѣстно было множество экономическихъ вещицъ, о которыхъ не безполезно было сообщить своимъ согражданамъ, и что не можно было никакъ сообщить всѣ ихъ въ Экономическое Общество, побуждало меня и въ тогдашнее уже время испытать, не можно-ли сообщить ихъ соотечественникамъ моимъ, образомъ журнала, какіе многіе издаются въ земляхъ чуждыхъ.

И какъ мысль сія мнѣ отмѣнно полюбилась, то я тогожъ часа приступилъ къ первому опыту и, занимаясь тѣмъ нѣсколько часовъ, успѣлъ написать первые два листочка, и что всего страннѣе, то тогдажъ еще придалъ симъ листкамъ названіе «Сельскаго жителя», власно какъ предчувствуя, что нѣкогда доведется мнѣ въ самомъ дѣлѣ издавать журналъ такой подъ симъ именемъ, и чрезъ него сдѣлаться всему отечеству своему извѣстнымъ и полезнымъ.

Но какъ тогда все предпріятіе сіе было пустое и производимое для единаго препровожденія времени; то при сихъ двухъ первыхъ листкахъ, которые и понынѣ у меня цѣлы и тогда мнѣ очень нравились, все дѣло и осталось, и я за разными другими упражненіями и не продолжалъ онаго далѣе.

Кромѣ сего, успѣлъ я въ сіе время и еще одно дѣльцо сдѣлать. Въ садахъ моихъ поспѣли около сего времени яблоки и груши, коихъ въ сей годъ родилось довольно; итакъ, не упустилъ я и сего изъ вида, но въ превеликомъ удовольствіи препроводилъ дни два въ сниманіи оныхъ и въ прибираніи къ мѣсту.

Но и за всѣмъ симъ оставалось еще довольно времени къ свиданію съ сосѣдями и къ препровожденію цѣлыхъ дней въ сообществѣ и собесѣдованіи съ оными.

Намъ удалось въ сіе время побывать у новаго своего пріятеля и дружелюбнаго сосѣда г. Хитрова, и угощать и самого его у себя и чрезъ то увеличить наше знакомство; а пріѣзжали къ намъ многіе и другіе гости. А сверхъ того удалось мнѣ не только видѣть, но и цѣлый день просидѣть и съ соперникомъ моимъ генераломъ княземъ Горчаковымъ.

Случилось сіе въ Сенинѣ у сосѣда моего, г. Ладыженскаго. Онъ звалъ насъ къ себѣ къ празднику Фрола и Лавра, и какъ услышалъ я, что будетъ у него и сей князь, то и поѣхалъ я къ нему тѣмъ охотнѣе, что мнѣ давно хотѣлось быть съ нимъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ и посмотрѣть, какъ онъ со мною въ компаніи обойдется и станетъ ли говорить что о межеваніи, или нѣтъ.

Такимъ образомъ ѣхалъ я туда съ крайнею нетерпѣливостію и, наконецъ, сподобился видѣть его сіятельство и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

Мы провели съ нимъ весь день, противъ всякаго чаянія моего, какъ пріятели, въ безпрерывныхъ и пріятныхъ разговорахъ. Онъ охотникъ былъ разсказывать военныя дѣла и бывшія съ нимъ произшествія, а я любилъ оныя слушать.

Итакъ, говорили мы все о войнѣ, и хотя ждалъ я съ нетерпѣливостію, не начнетъ ли онъ говорить о нашемъ межеваньѣ и спорѣ; однако, къ крайнему удивленію моему, не упомянулъ онъ о томъ ни единымъ словомъ и мы разстались съ нимъ дружелюбно, но не говоря о томъ ничего.

А по крайней мѣрѣ наслышался я отъ него о множествѣ неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ войны тогдашней, и свиданіе сіе, а можетъ быть и мое снисходительное и дружелюбное съ нимъ обращеніе, помогло много и къ послѣдовавшему послѣ того примиренію и полюбовной съ нимъ въ разсужденіи спора нашего сдѣлкѣ, о чемъ перескажу вамъ впредь въ свое время.

По отъѣздѣ князя проѣхали мы съ женою изъ Сенина въ Дятлово, къ госпожѣ Іевской, Дарьѣ Семеновнѣ, и ея сестрѣ, и нашли тамъ тещу мою и обѣихъ хозяекъ въ превеликихъ суетахъ.

У нихъ заводилась тогда свадьба. За старшую дочь госпожи Іевской сватался женихъ, и на тѣхъ дняхъ надлежало быть сговору. И какъ теща моя была ей близкая родственница, то и помогала она имъ

въ приуготовленіяхъ, обыкновенныхъ въ таковыхъ случаяхъ.

Наконецъ, по долговременномъ и нетерпѣливомъ ожиданіи, проснулось опять наше межеванье, и намъ учинена повѣстка, чтобъ всѣ собрались 20 числа августа на нашъ погостъ.

Я не зналъ что начнетъ межевщикъ межевать: наши ли разрѣзывать пустоши, Ермаковскую ли, иль церковную землю, или иную какую?

Но какъ удивился я, когда г. Лыковъ пріѣхавъ туда объявилъ, что станетъ въ тотъ день межевать совсѣмъ не наши земли, а дачу деревни Матюшиной, принадлежащей князю Горчакову, и тотчасъ туда и поѣхалъ.

Досадно было мнѣ, что пустоши наши оставались и тогда въ забвеніи; но какъ перемѣнить того было не можно, и настоять на то не было причины, то хотя до Матюшинскаго межеванья и не было мнѣ никакой нужды, но надѣясь, что тамъ будетъ и Хитровъ, какъ смежный владѣлецъ и я могу съ нимъ видѣться, вздумалъ и самъ туда же ѣхать.

Мы нашли тамъ самого князя насъ дожидавшагося, а вскорѣ послѣ того пріѣхалъ и г. Хитровъ и началось межеванье.

Тутъ имѣлъ я случай видѣть, что и у господина Лыкова есть голосъ и гдѣ ему надобно, тамъ умѣлъ и уговаривать и отвращать споры.

И тогда мы, усмѣхавшись, говорили между собою: «вотъ это знать не съ волостными, какъ у насъ. Тамъ языкъ прилипъ къ гортани, а здѣсь и велерѣчіе проявилось».

У князя было два спора съ татарскими и савинскими, и мы за ними проваландались не ѣвши и не пивши почти до вечера.

Наконецъ, наскучивъ, поѣхали домой, оставивъ князя хлопотать съ савинскими. И я, видя что межеванье нашихъ пустошей откладывалось въ долгой ящикъ, пріѣхавъ домой сталъ уже помышлять о ѣздѣ своей въ Кашинъ и приказывать дѣлать всѣ нужныя къ тому приготовленія.

Наутріе сдѣлалась ненастная погода, почему и думалъ я, что въ сей день межеванья не будетъ. Однако въ томъ обманулся и послѣ обѣда услышалъ, что межевщикъ выѣхалъ на межу. И какъ зналъ я, что онъ въ сей день прикоснется къ церковной землѣ, а мнѣ была тутъ въ разсужденіи отхожаго нашего луга нуждица, то выѣхалъ и я на межу.

Я нашелъ опять князя, размежевающагося съ котовскими и савинскими и дошелъ вмѣстѣ съ ними до церковной земли, гдѣ произошло нѣчто смѣшное. Наши попы подрались-было съ ермаковскими и былъ у нихъ превеликій шумъ и о самой бездѣлкѣ.

Мы пріѣхали уже поздно домой и завезли съ собою межевщика. Тутъ нашли мы тетку жены моей, госпожу Арцыбышеву, пріѣхавшую къ намъ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать на сговоръ къ госпожѣ Іевской, которая и ей была родня.

День къ сему назначенъ былъ слѣдующій; но какъ случившееся въ оной проливное ненастье не допустило жениха въ тотъ день пріѣхать, то отложенъ былъ сговоръ до другого дня, въ которой мы, собравшись, туда и поѣхали.

Ѣзда сія была хотя не дальная, но мы имѣли труда и безпокойствъ множество. Причиною тому было то, что отъ бывшихъ въ тѣ дни сильныхъ дождей вода на рѣчкѣ нашей такъ разлилась, какъ въ половодь, и въ обыкновенныхъ мѣстахъ переѣхать ее было никакъ не можно; почему и принуждены мы были объѣзжать кругомъ на Елкинскій заводъ, и ѣхать самою пропастною грязью на Савинское.

Между тѣмъ не одно сіе меня безпокоило и озабочивало, но и то, что я не зналъ, не будетъ ли въ сей день опять межеванья, и для того послалъ на заводъ спросить о томъ землемѣра. Посланный догналъ меня на дорогѣ ѣдущаго въ Дятлово, и сказалъ, что въ сей день будутъ межевать церковную землю и пустошь Ермакову.

Сіе извѣстіе привело меня въ великое замѣшательство. Я не зналъ, на сговоръ ли мнѣ ѣхать или остаться для межеванья: и то и другое было нужно. Тамъ не было никого изъ мужчинъ кромѣ меня, кому бы быть главою и предводителемъ, а и тутъ безъ себя не хотѣлось мнѣ оставить и потерять землю, которую бы мнѣ получить было можно.

Обстоятельство сіе было слѣдующее: къ церковной землѣ прикасались съ одной стороны нашъ отхожій лугъ, а съ другой—пустошь Ермакова. Въ обѣихъ сихъ прикосновенныхъ дачкахъ, по измѣренію моему, былъ великій недостатокъ, а въ церковной землѣ десятинъ десятокъ лишнихъ.

Итакъ, хотѣлось мнѣ, чтобъ симъ излишкомъ наполнить сколько было можно нашъ лугъ, и я боялся, чтобъ не упустить его въ Ермаково; итакъ надобно было мнѣ спроворить, чтобъ у Ермакова съ церковною землею спора не было, а связаться бы споромъ съ нею намъ только.

Въ семъ случаѣ и можно было мнѣ получить весь излишекъ, который и дѣйствительно произошелъ отъ того, что церковники и бобыли изстари нашъ лугъ мало по малу распахивали и чрезъ то его чрезвычайно уменьшили.

Къ тому-жъ и попы уже соглашались оный мнѣ добровольно отдать, и болѣе для того, чтобъ не было въ церковной землѣ никакого примѣра и бобылямъ не было никакого предлога оставаться жить на оной, и они охотнѣе стали-бъ проситься на переселеніе ихъ въ другія казенныя земли и селенія, по примѣру прочихъ.

Но какъ всему тому ермаковскіе споромъ своимъ могли сдѣлать помѣшательство, то для самаго того и нужно было мнѣ неотмѣнно быть при семъ межеваньѣ; но я долго не зналъ что мнѣ дѣлать, продолжать ли свой путь въ Дятлово, или воротиться къ межеванью?

Наконецъ, рѣшился я послѣдовать гласу дружества и родства и ѣхать къ госпожѣ Іевской, а на погостъ послалъ человѣка, снабдивъ его нужными наставленіями, и доволенъ былъ послѣ, что сіе сдѣлалъ; ибо межеванье церковной земли въ тотъ день не было, а обмежевали только Ермаковскую пустошь, и къ удовольствію моему безспорно.

Въ Дятловѣ нашелъ я всѣхъ занимющихся приготовленіями къ сговору, но жениха еще не было, и его только ждали ежеминутно. Сдѣлавшаяся отъ дождей превеликая грязь, и по рѣчкамъ и ручьямъ вездѣ сущее половодье, наводило на насъ опасеніе, что онъ не будетъ.

Однако онъ преодолѣлъ всѣ трудности и къ намъ въ надлежащее время пріѣхалъ; съ нимъ были двѣ его сестры и еще изъ сосѣдей и пріятелей его нѣкто господинъ Н е д о б р о в ъ, по имени Александръ Ивановичъ.

Мы встрѣтили и приняли ихъ съ обыкновенными учтивостями, и женихъ, котораго я еще въ первый разъ видѣлъ, показался мнѣ человѣкомъ смирнымъ, не изъ далекихъ, и принадлежащимъ къ роду людей среднихъ; но и дѣвушка-невѣста была ему по плечу и не изъ бойкихъ, и потому была ровня.

Онъ былъ степной и имѣющій изрядный достаточекъ дворянинъ, изъ фамиліи Ч е л ю с к и н ы х ъ. Но какъ бы то ни было, но мы, посидѣвъ и поговоривъ немного, приступили къ дѣлу, и его съ Изоею Семеновною сговорили.

Теперь разскажу я вамъ нѣчто смѣшное, случившееся тогда со мною.

Какъ время между сговоромъ и ужиномъ продлилось нарочито долго, то долгъ повелѣвалъ мнѣ занимать гостей нашихъ во все сіе время разговорами.

Итакъ, адресовался я сперва къ жениху; но какъ онъ былъ молодецъ неговорливой, то, оставя его бесѣдовать по обыкновенію съ его невѣстою, обратился я къ его товарищу, господину Недоброву, но въ семъ нашелъ уже истиннаго бирюка.

Отъ роду своего невидывалъ я такого несловоохотливаго человѣка и признаюсь, что силъ моихъ уже не доставало пріискивать средствы къ заведенію его въ разговоръ.

О чемъ ни начну говорить, онъ не от-

вѣтствуетъ. Я начну о войнѣ тогдашней: онъ слушаетъ такъ, какъ-бы былъ не русскій и никакого участія въ томъ не имѣлъ.

Поговорю, поговорю и увидѣвъ, что онъ не внимаетъ, перестану, и начну другую матерію.

Зачинаю говорить о экономіи деревенской; но онъ и сіе такъ слушаетъ, какъ бы былъ совсѣмъ не деревенской житель, и какъ бы ни до чего ему нужды не было.

— «Боже мой! думалъ я самъ въ себѣ: что за диковинка?—до чего-жъ бы онъ былъ охотникъ? — Молчи! начну о приказныхъ дѣлахъ, авось-либо онъ ихъ любитъ».

Но не тутъ-то было, ему они и въ голову не лѣзли и онъ вовсе и въ рѣчь объ нихъ не вступалъ.

— «Ну, вотъ тебѣ на! думалъ я; но это куда уже ни шло, о семъ говорить и самъ я охотникъ по середнему».

Итакъ, погодя немного, вздумалъ я завесть рѣчь о псовой охотѣ, хотя самъ не разумѣлъ ни аза въ глаза въ разсужденіи оной и всего меньше способенъ былъ брать соучастіе въ сихъ премудрыхъ разговорахъ. Но оказалось, что онъ и до ней охотникомъ не бывалъ.

— «Господи!» думаю я: о чемъ же такомъ мнѣ говорить съ симъ удальцомъ... Молчи, начну о лошадяхъ, хотя самъ ничего о сей матеріи не знаю, будучи до нихъ совсѣмъ не охотникомъ». Но онъ и тутъ только отмалчивался.

Я объ садахъ, онъ сапитъ только.... Я о томъ, я о другомъ, но не тутъ-то было, молчитъ мой товарищъ да и только всего.

Наконецъ нечего мнѣ было иного дѣлать, какъ такимъ же образомъ замолчать, что я дѣйствительно и сдѣлалъ, и мы истинно просидѣли часа два не говоря ни слова. Но по счастію моему, скоро накрыли на столъ и мы пошли за него садиться.

Послѣ ужина поднялись-было они ѣхать, но вдругъ очутилась у насъ противъ всякаго чаянія музыка и довольно еще изрядная: она была г-жи Казариновой, жившей въ той же деревнѣ. И ахъ! какъ мнѣ тогда было жаль, что некому было танцовать со мною.

Я звать гостей, но сохрани насъ Господи! Статочное ли дѣло, чтобъ намъ на то пуститься. Я звать барынь и барышень, но тѣ съ однимъ со мною не пошли; итакъ, поплясали мы только немного и потомъ разстались. Они поѣхали ночевать къ помянутой сосѣдкѣ, а мы остались у хозяекъ.

Какъ въ слѣдующій день дошла уже очередь до церковной земли и она должна была межеваться: то, вставши ранёхонько, спѣшилъ я туда ѣхать и не остался съ гостями обѣдать и по вчерашнему играть опять въ молчанку, но самъ себѣ говорилъ:—«Богъ съ вами, государи мои! Ликуйте одни какъ хотите, а мнѣ не до васъ, а спѣшить надобно на межу!»

Я засталъ межевщика у себя въ деревнѣ, расположившагося обѣдать у моего сосѣда. Итакъ, отобѣдавши всѣ вмѣстѣ и поговоривъ о томъ, какъ бы лучше размежеваться намъ съ церковною землею, поѣхали мы на межу.

Тутъ, при помощи землемѣра, удалось мнѣ окончить сіе дѣло такъ, какъ только желать было можно. Попы согласились отдать весь примѣръ въ нашъ лугъ, а мы согласились промѣнять имъ весь свой лугъ, который имъ былъ болѣе кстати, нежели намъ, и взять вмѣсто его слѣдующее количество пахатной земли въ другомъ мѣстѣ, а именно подлѣ Трудавца и въ смежности къ нашимъ дачамъ.

И какъ надлежало о семъ по обыкновенію подать намъ всѣмъ отъ себя къ межевщику полюбовную сказку, то была она тотчасъ написана и приготовлена, и какъ нами, такъ и попами, а что всего важнѣе, и самыми бобылями подписана; и поелику симъ все дѣло сіе и утвержденнымъ сдѣлалось, то попроворилъ я, чтобъ намъ земля сія тогда же была и отмежевана и тѣмъ все дѣло сіе формально было окончано.

Бобыли, увидѣвъ, что отмежевывается намъ земли гораздо болѣе, нежели какъ они думали, схватились, но сіе было уже поздно, и дѣлать имъ было уже нечего, почему такъ все и осталось.

И я могу сказать, что мнѣ и въ мысль

не приходило, чтобъ дѣло сіе могло такъ скоро и удачно кончиться. А потому, будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ, нимало о томъ не тужилъ, (что) набѣгавшіе тучками дожди насъ нѣсколько разъ мочить принимались.

Такимъ образомъ окончилъ я благополучно и сіе дѣльцо, удерживавшее меня вмѣстѣ съ прочими отъ ѣзды въ Кашинъ. Я зазвалъ тогда межевщика съ межи къ себѣ, и мы пріѣхали домой еще засвѣтло. Подлѣ воротъ дожидалась и встрѣтила меня другая радость, и сей день назначенъ былъ къ тому, чтобъ имѣть мнѣ удовольствіе!

Стоялъ солдатъ изъ Коширы и подавалъ мнѣ пакетъ запечатанный. Я тотчасъ догадался, что былъ онъ изъ Экономическаго Общества, и въ томъ не обманулся. Это была XIV часть «Трудовъ» онаго, которое Общество по обыкновенію ко мнѣ прислало.

Я любопытенъ былъ очень видѣть, что въ письмѣ было написано, и раздернувши пакетъ нашелъ, что писано было ко мнѣ, что я въ посылаемой книгѣ найду оба мои сочиненія «о картофелѣ», напечатанныя, за которыя, поблагодаривъ, выхваляли господа члены мое усердіе и труды въ экономіи, и побуждая впредь писать и трудиться, ласкали обѣщаніемъ, что Общество меня за то конечно возблагодаритъ.

Все сіе было, натурально, мнѣ весьма пріятно; но какъ далѣе увѣдомляемо было, что сочиненіе мое «о удобреніи земель» еще въ комитетѣ и не апробовано; то симъ послѣднимъ извѣщеніемъ произвели они во мнѣ маленькое и всѣмъ сочинителямъ свойственное неудовольствіе. Ибо я, обманываясь тогда въ заключеніи, что конечно оно не одобрится, готовился предварительно уже терпѣть отъ того досаду, почему, смущаясь воображеніемъ, симъ себя утѣшая говорилъ:

«Ну! чтожъ, бѣда невелика! одобрится хорошо, а не одобрится, такъ можно и плюнуть. Трудовъ моихъ было довольно, а благодарности существительной еще очень мало; можно и перестать писать, ежели до чего дойдетъ дѣло».

Въ послѣдующій за симъ день межевалась Котовская дача, и какъ мнѣ тамъ дѣлать было нечего, то я въ сей день на межу и не ѣздилъ, а провелъ оный въ домѣ, досадуя на межевщиковъ, что они пустошьми нашими такъ долго медлятъ и объ нихъ власно какъ позабыли. Но я обманулся въ своемъ мнѣніи.

На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ помянутый второклассный землемѣръ г. Сумароковъ и удивилъ извѣщеніемъ, что господинъ Лыковъ уѣхалъ межевать Новашану, а въ тутошнихъ мѣстахъ все поручилъ окончить ему, но что онъ ни подъ какимъ видомъ не вступитъ въ размежеваніе нашихъ пустошей, ибо надобно знать, что г. Лыковъ погрѣшность свою наконецъ усмотрѣлъ и не зналъ уже, какъ приступить къ сему дѣлу и поправить оное.

Сіе повергло меня въ новую заботу и безпокойство. Я видѣлъ, что размежевки сей мнѣ долго не дождаться, а въ Кашинъ ѣздою неотмѣнно поспѣшать надобно, и потому не зналъ что дѣлать.

Г. Сумароковъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать, обѣщая безъ меня не межевать и дождаться моего пріѣзда, а и о Лыковѣ увѣрялъ, что онъ безъ меня межевать не станетъ.

Итакъ, хотя и не хотѣлось, по принужденъ я былъ слѣдовать сему совѣту и пуститься на отвагу; а просилъ только сего добродушнаго землемѣра о неоставленіи меня по Тулеинской дачѣ своимъ вспоможеніемъ, ибо боялся, чтобъ мнѣ не лишиться тамъ моей примѣрной земли, что весьма легко могло статься по причинѣ недостатка въ тамошней церковной землѣ, которою завладѣли савинскіе; и землемѣръ далъ мнѣ обѣщаніе исполнить все возможное, въ чемъ по добродушію своему и сдержалъ слово.

Итакъ, рѣшился я чрезъ два дни послѣ того отправиться въ свой путь, и началъ въ оный тогда же собираться. Но тутъ долго не зналъ я, одному ли туда ѣхать или, какъ прежде думали, взять съ собою и жену мою.

Но какъ, съ одной стороны, отъ продолжавшихся тогда частыхъ дождей дороги сдѣлались чрезвычайно грязны и въ большомъ экипажѣ ѣхать было трудно, а съ другой, по умножившимся въ домѣ у меня болѣзнямъ, не было ни одной здоровой дѣвки, которую бы ей съ собою взять было можно, а сверхъ того и племянница моя все еще была больна; то къ удовольствію моему и сочли всѣ брать мнѣ жену съ собою за невозможное, и я рѣшился ѣхать уже одинъ и налегкѣ въ путь свой.

Въ сихъ суетахъ получилъ я еще новую заботу. Пріѣхалъ нарочной гонецъ изъ шадской нашей деревни съ увѣдомленіемъ, что и тамъ межевщикъ приближается, и чтобъ я и туда ѣхалъ.

Сіе навалило на меня новое горе: однако, какъ ѣхать туда никоимъ образомъ было не можно, къ тому-жъ и звали не слишкомъ усильно, а сверхъ того ѣхалъ туда и безъ того братъ мой Гаврила Матвѣевичъ, то препоручилъ я ему сію коммисію, и на случай пріѣзда землемѣра далъ нужныя во всемъ наставленія, а другое такое-жъ наставленіе и письменную, такъ сказать, инструкцію оставилъ сосѣду своему Матвѣю Никитичу, въ разсужденіи размежевки нашихъ пустошей, на случай если противъ чаянія межевщикъ захочетъ безъ меня межевать наши пустоши.

И распорядивъ симъ образомъ всѣ свои дѣла, не сталъ долѣе медлить, но распрощавшись съ своими домашними и предавъ всѣ свои дѣла въ произволъ судьбы, въ предпринимаемый путь и отправился.

Сіе путешествіе мое и все, случившееся со мною во время сей ѣзды въ Кашинъ опишу я вамъ въ послѣдующихъ письмахъ, а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, окончу увѣреніемъ, что я есмь вашъ и прочая.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКВУ.

Письмо 143-е.

Любезный пріятель! Вознамѣрившись описать вамъ въ семъ письмѣ путешествіе свое въ Кашинъ, предпріятое тогда еще въ первый разъ въ лѣтнее время, начну тѣмъ, что какъ дорога отъ Москвы до Кашина въ тогдашнее время для путешествующихъ не совсѣмъ была безопасна, но бывали иногда отъ бездѣльниковъ въ разныхъ мѣстахъ шалости, грабежи и разбои: то, отъѣзжая въ сей путь, не преминулъ я запастись множайшими людьми и нужнымъ для всякаго случая оружіемъ.

Всѣхъ насъ было пятеро: я, да двое слугъ, да два повозчика, ибо отправлялся я на двухъ повозкахъ.

Для себя избралъ я маленькую дорожную и самую легкую покоевую коляску, а другая повозка была съ нашею дорожною провизіею, и самая та, на которой пріѣхалъ ко мнѣ изъ Кашина посланный.

Чтобъ придать обоимъ моимъ слугамъ нѣкоторый видъ военныхъ людей, то одѣлъ я ихъ въ красные камзолы съ рукавами и синими обшлагами и воротниками, и препоясалъ замшевыми портупеями, съ привѣшенными на бедрахъ ихъ старинными палашами.

Въ семъ одѣяніи походили они уже нѣсколько, когда не на полевыхъ, такъ по крайней мѣрѣ гарнизонныхъ солдатъ и могли глупыми и незнающими людьми почитаемы быть таковыми.

Кромѣ сего не преминули мы запастись ружьями и пистолетами, и надѣлать къ нимъ нѣсколько патроновъ съ пулями.

Въ путь сей отправился я 28-го числа августа послѣ обѣда, и отъѣзжая готовился заблаговременно къ чувствованію скуки и досадъ многихъ. Ничто и по нынѣ для меня такъ не скучно и не досадно, какъ путешествовать по грязной и трудной дорогѣ, а тогда точно и была такая.

Бывшіе до того частые дожди и продолжавшіяся по нѣскольку дней сряду ненастьи произвели и на малыхъ дорогахъ вездѣ грязь превеликую; а чего должно было ожидать на большой тульской въ Москву дорогѣ, которой, какъ извѣстно, нѣтъ многолюднѣе во всемъ государствѣ нашемъ.

Въ ожиданіи своемъ я и не обманулся. Не успѣли мы въ деревнѣ Ярославцовѣ

взъѣхать на сію большую дорогу, какъ и возчувствовали всю дурноту оной.

Она была чрезвычайно грязна и такъ дурна, что мы съ трудомъ могли ѣхать, поспѣшить же никакъ было не можно. Итакъ, далѣе не могли мы никакъ въ сей день доѣхать, какъ до большого села Липецъ, и были довольны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что насъ не мочило съ верху, ибо погода начинала понемногу перемѣняться и облака понемногу соединялись уже въ густыя тучки.

Чтобъ не допустить себя мучить скукѣ, при медленной и безпокойной ѣздѣ грязною дорогой, расположился я уже съ самаго начала, для меньшаго чувствованія оной, возъимѣть прибѣжище къ любимому моему и толь нужному для человѣковъ искусству увеселяться красотами натуры и положеніемъ мѣстъ, и занимать себя колико можно такими мыслями, которыя могли-бъ недопускать меня чувствовать скуку.

Всходствіе чего и учинилъ тому тотчасъ начало, какъ скоро начала скука и досада ко мнѣ появляться, и употребилъ для прогнанія оной помышленія о самой сей дорогѣ.

Я привелъ себѣ на память все, что я нѣкогда читалъ о всѣхъ произшествіяхъ, бывшихъ въ прежнія времена въ мѣстахъ тутошнихъ; преселялся помышленіями въ вѣка протекшіе и углубляясь въ воображенія различныя, говорилъ съ самою сею дорогою, или паче самъ съ собою примѣрно слѣдующимъ образомъ:

«О путь!... путь великій и знаменитый! сколь многія вѣка существуешь ты уже здѣсь и сколь многія сотни тысячъ людей видѣлъ ты ѣдущихъ и идущихъ? Сколь безчисленными тяжкими повозками были обременяемы и коликимъ множествомъ колесъ были разсѣкаемы мягкіе хребты твои! Колико претерпѣваешь ты и нынѣ еще отъ нихъ ежедневно!.. Какія глубокія язвы и раны видны на тебѣ повсюду произведенныя! О, какъ великъ и широкъ ты! И сколь многими людьми посѣщаешься ты въ нынѣшнія времена ежедневно!...

«Но были нѣкогда времена, въ которыя не было здѣсь и самой малѣйшей тропинки, но свистѣлъ только отъ вѣтровъ высокій бурьянъ, по мѣстамъ симъ въ глуши и дичи растущій. Единый только топотъ отъ быстрыхъ коней претерпѣвалъ ты временемъ отъ татаръ, набѣгавшихъ нерѣдко на отечество наше и разорявшихъ оное до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекаетъ Ока, сія рѣка многоводная и служившая такъ долго защитою бѣдному отечеству нашему отъ сихъ народовъ варварскихъ и дикихъ.

«Коль много зла претерпѣвали предки наши, живущіе въ мѣстахъ сихъ отъ сихъ грабителей жестокихъ! Можетъ быть не одинъ разъ видѣлъ ты ихъ на себѣ посѣкаемыхъ остріемъ мечей ихъ и слышалъ стонъ и вой увлекаемыхъ ими въ плѣнъ женъ и дѣвицъ съ собою, и орошаемъ былъ слезами текущими изъ очей ихъ.

«Вотъ селеніе, сидящее на тебѣ, которое и понынѣ служитъ памятникомъ, что нѣкогда были въ мѣстахъ сихъ окопы, носившіе званіе городковъ, въ которыхъ живали люди, отваживающіеся преселяться за Оку и въ коихъ однихъ находили они нѣкоторое спасеніе себѣ отъ набѣговъ разорителей сихъ.

«Вонъ, тамъ и понынѣ еще видны остатки древнихъ окоповъ и высокихъ валовъ, ограждавшихъ маленькія селенія ихъ и тѣ высокіе курганы, на которыхъ станавливали стражи для примѣчанія татаръ и благовременнаго securityванія всѣмъ жителямъ знать, чтобъ они и сами скорѣе сбѣгались и скотъ свой сгоняли въ окопы сіи и тутъ вооружались для отпора врагамъ и разорителямъ симъ.

«Можетъ быть, не одинъ разъ проливаема была самая кровь предковъ нашихъ на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты лежишь теперь, путь широкой, и хребты твои напояемы были оною. Не тщетно и понынѣ селенія здѣсь называются «городнями». По всему видимому, живали здѣсь люди отъ самой уже древности, и многіе роды ихъ перемѣнились съ того времени, какъ здѣсь первые обитатели жить начали».

Симъ или подобнымъ сему образомъ го-

ворилъ я самъ съ собою проѣзжая деревню Городню, на большой дорогѣ сидящую. Большой и широкой оврагъ, посреди котораго протекаетъ тутъ рѣчка Городенка, подавала мнѣ поводъ къ мыслямъ, что въ тогдашнія времена можетъ быть и онъ, будучи крутоберегимъ, служилъ нѣкоторою преградою татарамъ, и тѣмъ паче, что за нимъ видимые и понынѣ еще лѣса были можетъ быть тутъ и въ древности и при томъ обширные и непроходимые, а въ промежуткахъ между ими на поляхъ находились оные окопы на высокихъ и крутыхъ берегахъ оврага сего.

Самые сіи лѣса, мимо которыхъ проѣзжалъ я далѣе, подавали мнѣ поводъ къ помышленіямъ, что и они, можетъ быть, нѣкогда служили наилучшимъ и надежнѣйшимъ убѣжищемъ предкамъ нашимъ отъ татаръ при набѣгахъ ихъ.

«Можетъ быть, говорилъ я: не одинъ разъ живали они по нѣскольку дней и недѣль въ глубокихъ оврагахъ, посреди лѣсовъ сихъ находящихся, скрываясь со страхомъ и трепетомъ отъ губителей ихъ и дожидаясь обратнаго ихъ отшествія!»

Обращаясь опять къ дорогѣ и бесѣдуя въ мысляхъ съ нею, говорилъ я:

«Да и тогда, когда ты существовать здѣсь начала, какъ невелика ты была, доколѣ въ новѣйшія времена не сограждена была Тула. Съ того времени, можетъ быть, сдѣлалась ты сколько-нибудь болѣе, когда началъ существовать сей городъ и служить защитою отъ татаръ.

«И съ того времени сколько войскъ, и сколько разъ проходило здѣсь по тебѣ и конныхъ и пѣшихъ, сколько разъ стенала ты отъ тяжести огнедышущихъ орудій, везомыхъ по тебѣ? Сколь много разъ, и сколь многіе путешествовали по тебѣ здѣсь взадъ и впередъ, древніе обладатели сихъ мѣстъ и праотцы владѣльцевъ нынѣшнихъ! Сколько разъ видала ты ѣхавшихъ по себѣ самыхъ князей и государей, владѣвшихъ отечествомъ нашимъ!

«Не одинъ разъ, можетъ быть, летѣлъ по тебѣ какой-нибудь удѣльной князь съ дружиною своею вслѣдъ другихъ товарищей своихъ, поспѣшавшихъ на войну, или для обороны отечества отъ татаръ, приближавшихся къ мѣстамъ симъ.

«Легко статься можетъ, что и ближнее ко мнѣ и на тебѣ сидящее селеніе Ярославцово названіе сіе получило въ древности отъ какого-нибудь владѣтельнаго князя Ярослава, съ которымъ что-нибудь особливое въ семъ мѣстѣ случилось.

«Не одинъ разъ, можетъ быть, и самые праотцы и предки собственнаго моего рода ѣзжали по тебѣ и сматривали также на всѣ мѣста сіи и положенія оныхъ. Но взиралъ-ли-то кто изъ нихъ на васъ, милыя мѣста, съ такими-жъ чувствіями и помышленіями, какъ я теперь?!!!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ упражняясь и не видалъ я, какъ приближались мы къ помянутому селу Липецамъ, получившему можетъ быть названіе сіе оттого, что нѣкогда стоялъ тутъ огромный липовой лѣсъ, косою времени истребленный.

Тутъ открылись вдругъ дальновидныя положенія мѣстъ и представилось взорамъ моимъ множество новыхъ и прелестныхъ предметовъ, привлекавшихъ напрерывъ мое вниманіе къ себѣ.

Широкой и огромной долъ и синѣющіеся за нимъ вдали лѣса, видимые съ высоты холма того, гдѣ мы тогда ѣхали, преисполнили сердце мое нѣкакимъ удовольствіемъ, а сребристая многоводная Ока, извивающаяся величественно вдоль по оному и катящая внизъ струи свои, освѣщаемыя мѣстами вечернимъ солнцемъ, восхищали зрѣніе.

Многіе высокіе холмы и возвышенные бугры, увѣнчанные лѣсочками, вмѣстѣ съ полями хлѣбными разныхъ видовъ, испещряли всѣ нагорные и высокіе берега величественной рѣки сей и кривизнами и мысами своими, выдающимися вдали другъ изъ-за друга, придавали мѣстоположеніямъ симъ еще болѣе красоты; а нѣсколько селеній, видимыхъ на нихъ вдали и сельскіе въ нихъ храмы увеличивали великолѣпіе оныхъ, а особливо бѣлѣющіеся вдали храмы и зданія города Серпухова.

Никогда, никогда не проѣзжалъ я мѣ-

ста сіи не утѣшаясь красотою оныхъ, и никогда не могъ налюбоваться ими довольно. Наконецъ и самое село то, въ которое мы тогда ночевать поспѣшали, подало мнѣ поводъ къ размышленіямъ различнымъ.

При самомъ даже въѣздѣ въ него повстрѣчавшійся съ зрѣніемъ обширный садъ, окруженный нѣсколькими рядами престарѣлыхъ березъ и другихъ высокихъ деревъ, и обнесенный рѣшетчетою оградою, предвѣщалъ нѣчто величественное впереди; а представившійся вскорѣ потомъ зрѣнію нашему каменный сельскій храмъ, и прямое насажденіе липъ стригомыхъ, ведущее къ каменному едва примѣтному дому, и воздвигнутое насупротивъ онаго чрезъ дорогу обширное зданіе съ нѣкакою башенкою надъ собою, вмѣщавшее въ себѣ конскій заводъ, увеселяло зрѣніе наше.

Принадлежало обширное село сіе тогда еще графамъ Головкинымъ, бывшимъ нѣкогда толь знаменитыми вельможами въ отечествѣ нашемъ, и помянутый домъ воздвигнутъ былъ тутъ для спокойнаго пребыванія ихъ при пріѣздахъ въ село сіе; но все находилось уже и тогда въ примѣтномъ упадкѣ, клонящемся къ запустѣнію.

И самый храмъ, при въѣздѣ въ село стоящій и лучшую красу ему придающій, не имѣлъ дальнаго великолѣпія, и достопамятенъ былъ тѣмъ только, что изъ среды служителей его произошелъ тотъ изъ первосвященниковъ нашихъ, который такъ славился уже и тогда отмѣннымъ краснорѣчіемъ своимъ, и нося на себѣ имя славнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, дѣлалъ собою красу всему духовенству нашему.

Всегда, когда ни случалось мнѣ проѣзжать мимо храма сего и взглядывать на хижины, стоящія подлѣ онаго, не проходило безъ того, чтобъ не сказалъ я самъ себѣ: «Вотъ здѣсь, вотъ въ сихъ мѣстахъ и хижинѣ, подобной симъ, родился тотъ великій мужъ, который и понынѣ такъ славенъ умомъ, краснорѣчіемъ и великостію сана своего!!»....

Шумъ отъ блѣянія овецъ, и разные крики, и мычаніе бѣгающаго по улицѣ и вбѣжавшаго только въ село съ полей многочисленнаго скота, и призываніе насъ жителями онаго напрерывъ другъ предъ другомъ къ ночеванію у себя, пресѣкъ всѣ умственныя разглагольствія мои, и я спѣшилъ приказывать избрать гдѣ-нибудь избу получше для ночлега своего.

Будучи до садовъ охотникомъ и вѣдая, что всѣ почти жители села сего были таковыми-жъ и что многіе изъ нихъ торговали прививными и почковыми яблонками и получали себѣ на томъ довольные прибытки, не могъ я довольно наговориться о томъ съ хозяиномъ того двора, гдѣ мы ночевать остановились, и я наслышался отъ него обо многомъ до того мнѣ неизвѣстномъ.

А всего болѣе слушалъ съ удовольствіемъ разсказы его о господскомъ тутошнемъ садѣ, расположенномъ за домомъ по горѣ, о красотѣ онаго, о многихъ прудахъ и сажелкахъ, находящихся въономъ, также о разныхъ бесѣдкахъ, и самомъ гротѣ сдѣланномъ въ немъ, гдѣ графъ, живая въ семъ селѣ иногда по нѣскольку недѣль, нерѣдко бралъ себѣ отдохновеніе, и слушая сіе жалѣлъ, что не удалось мнѣ все сіе никогда видѣть.

На утріе, вставъ довольно рано и спустившись тутъ съ извѣстной высокой горы, продолжали мы путь свой по низкому, ровному и гладкому берегу рѣки къ городу Серпухову.

Тутъ внизу не было тогда еще того селенія, которое находится нынѣ, а украшался берегъ рѣки обширною и прекрасною рощею изъ деревъ высокихъ, которой нынѣ и слѣдовъ почти непримѣтно, а единые только пни свидѣтельствуютъ о существованіи оной тутъ во времена прежнія.

Подъѣзжая къ переправѣ чрезъ Оку нашли мы величественную рѣку сію отъ бывшихъ до того дождей такъ наводнившеюся, что всѣ пристани и помосты водою были поломаны и плавали по оной, и переправа сдѣлалась отъ того труднѣйшею.

Тогда не было еще чрезъ ее того плывучаго моста, который нынѣ толико облегчаетъ всѣмъ переѣздъ чрезъ оную, и за который всѣ мы должны благодарить великую Екатерину, повелѣвшую существовать всегда оному.

Колико вѣковъ до того прошло, а никому изъ обладателей Россіи не приходило на мысль или паче не удавалось произвесть сіе нужное дѣло, и облагодѣтельствовать тѣмъ толь многія тысячи путешествователей всегдашнихъ.

Какъ переправляться иначе было намъ не можно, какъ на паромѣ, а симъ за поврежденіемъ пристаней къ берегу подъѣзжать было не можно; то принуждены мы были дожидаться, покуда перевозчики ихъ опять помостятъ и вооружиться до того времени терпѣніемъ.

Чтобъ ожиданіе сіе сдѣлать для себя менѣе чувствительнымъ, то занялся я опять многоразличными помышленіями, относящимися болѣе до рѣки, передомною быстрыя свои струи катящей.

Я воображалъ себѣ опять тѣ древнія времена, когда широкая и многоводная сія рѣка служила вмѣсто стѣны и наилучшею оградою и оплотомъ отечеству нашему отъ набѣговъ татарскихъ.

«О! сколько разъ, говорилъ я самъ въ себѣ: доходили сіи грабители до береговъ сихъ и паивали здѣсь струями сими лошадей своихъ!—Сколько разъ трепетала Москва отъ набѣговъ сихъ и прибрежные зарѣчные жители со страхомъ и трепетомъ сматривали на шатры и станы ихъ, разбиваемые на сихъ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ поемныхъ. И понынѣ видимы еще неподалеку отсюда превеликіе холмы и бугры, насыпанные ими на могилахъ умиравшихъ начальниковъ и вельможъ ихъ, и останутся на вѣкъ памятниками тогдашняго бѣдственнаго состоянія Россіи».

Далѣе, увидя плывущіе струга, говорилъ я: — «Сколько громадъ таковыхъ и колико сокровищъ пренесла ты, рѣка многоводная, и приносишь и понынѣ по хребтамъ своимъ изъ однихъ мѣстъ въ другія отдаленныя отсюда, и доставляешь ими пищу и снѣди цѣлымъ милліонамъ народа.

«Но были времена, въ которыя едвали и лодочка какая плавала по тебѣ, и ты многія сотни лѣтъ текла здѣсь, никѣмъ будучи невидима и не посѣщаема.

«Сколь многія тысячи людей питаешь ты рыбами и поишь струями своими, и сколько напротивъ того и погубляешь ты смертныхъ въ полыньяхъ, при вешнихъ страшныхъ разлитіяхъ твоихъ и при другихъ случаяхъ; у сколь многихъ женъ похитила ты мужей, а у отцевъ дѣтей ихъ! И понынѣ не проходитъ еще года, въ который бы не погибало множество людей въ тебѣ, а то-же безсомнѣнно будетъ случаться и въ грядущія времена».

Таковыми и подобными симъ размышленіями занимался я во все время, покуда приготовляли пристани, и мы переправлялись потомъ чрезъ рѣку сію.

Все сіе задержало насъ такъ долго, что мы не могли далѣе въ сіе утро уѣхать какъ до Серпухова, и тутъ принуждены были остановиться обѣдать и кормить лошадей своихъ.

Видъ стариннаго города сего и разныхъ въ немъ зданій подалъ мнѣ также поводы къ размышленіямъ особымъ.

При самомъ уже въѣздѣ въ оный любовался я величественнымъ видомъ монастыря Высоцкаго, представшимъ взору моему посреди широкаго отверстія между двухъ густыхъ и высокихъ лѣсовъ, украшавшихъ собою холмъ сей уже многія столѣтія и видѣвшихъ праотцевъ нашихъ.

Не менѣе того утѣшался я красивостію другого такого-жъ сограждения, за рѣкою Нарою, подъ большимъ сосновымъ боромъ предками воздвигнутаго, и дивился усердію и особливой охотѣ древнихъ россіянъ къ созиданію сихъ памятниковъ набожности ихъ.

Первый изъ нихъ и понынѣ еще разрушающая все рука времени пощадила отъ разрушенія; въ немъ и понынѣ еще обитаютъ черноризцы, посвятившіе жизнь свою возсыланію безпрерывныхъ моленій ко Творцу всѣхъ тварей.

Множество другихъ храмовъ, возвы-

шающихся высоко сверхъ крововъ другихъ домовъ, служили таковыми-жъ памятниками приверженности къ вѣрѣ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ жителей сего города.

Весь онъ, будучи построенъ по изгибистому и неровному косогору, представлялъ нѣкоторый родъ красиваго амфитеатра, и бѣлѣющіеся въ разныхъ мѣстахъ остроконечные верхи колоколень съ блестящими ихъ златыми крестами придавали ему отмѣнную красу.

Совсѣмъ тѣмъ внутренность его далеко несообразна была съ наружною красотою.—Ежели сравнить тогдашнія его кривыя, дурныя, грязныя и крайне безпокойныя улицы съ нынѣшними широкими, ровными и прямыми и тогдашнія на большую часть мизирныя хижины обитателей съ нынѣшними, уже гораздо лучшими и порядочнѣйшими, то можно сказать, что нынѣ не походитъ онъ самъ на себя, а особливо верхнею и проѣзжею частію онаго.

Тогда проѣздъ чрезъ оный былъ самый безпокойный, надлежало спускаться подъ гору и ѣхать низомъ, и подлѣ самыхъ стѣнъ старинной каменной крѣпости, построенной на крутомъ мысу высокаго холма, окруженнаго глубокимъ буеракомъ и рѣчкою Серпейкою.

Навислыя уже отъ ветхости и грозящія ежеминутнымъ паденіемъ, производили страхъ и трепетъ въ проѣзжающихъ мимо оныхъ; множество вывалившихся изъ стѣнъ огромныхъ камней лежали разбросанные по косинѣ крутой горы сей, и многіе подлѣ самой дороги, и казалось, что въ каждую минуту готовы таковые-жъ, скатившись съ горы, раздробить проѣзжихъ.

Совсѣмъ тѣмъ никогда не проѣзжалъ я мимо сей твердыни древней безъ особливыхъ чувствованій. Служила она незабвеннымъ памятникомъ искусству древнихъ при созиданіи городовъ своихъ, и я не могъ довольно надивиться тому, съ какимъ искусствомъ умѣли предки наши сограждать высокія башни и стѣны твердынь своихъ изъ каменьевъ дикихъ и величины огромной и связывать ихъ такъ крѣпко растворомъ известковымъ.

Самое избираніе мѣстъ къ тому и замысловатое укрѣпленіе кривыхъ входовъ въ нихъ не менѣе меня удивляло.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ тѣсны и малы они тогда были! Не болѣе какъ немногія сотни людей могли въ нихъ жить и помѣщаться, и что̀ могло значить такое малое количество? Рука времени разрушила уже и тогда на половину всю твердыню сію и угловыя башни имѣли уже столь великія разсѣлины, что угрожали ежеминутно паденіемъ.

Но сіе было и не удивительно: болѣе двухъ сотъ лѣтъ тогда уже минуло съ того времени, какъ воздвигнуты были сіи стѣны и башни при славномъ нашемъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Но древность города сего простиралась гораздо далѣе; болѣе нежели за 400 лѣтъ до того упоминаемо уже въ лѣтописяхъ о его существованіи, и два раза былъ онъ разоряемъ и опустошаемъ до основанія: въ первый разъ отъ татаръ, а другой отъ литовцевъ, и было время, что былъ сей городъ столицею и мѣстопребываніемъ одного стариннаго россійскаго князя, по имени Владиміра Андреевича Донского, по прозванію Храбраго.

Было сіе за 300 лѣтъ до того, и въ самое сіе время основанъ былъ и помянутый монастырь Высоцкой, славнымъ у насъ въ древности святымъ мужемъ Сергіемъ чудотворцемъ, который призыванъ былъ нарочно для основанія онаго симъ княземъ, и оставилъ тутъ ученика своего Аѳанасія игумномъ первымъ.

Кромѣ сего и другой предметъ привлекалъ къ себѣ мое вниманіе тогда. Подъѣзжая къ крѣпости сей, надлежало проѣзжать мимо фабрикъ парусинныхъ, которыми сей городъ въ особливости славился. Было ихъ тутъ семь, и болѣе 600 человѣкъ занимались денно и ночно въ приуготовленіи сихъ тканей, толико нужныхъ для морскихъ ополченій не только нашихъ, но и чуждыхъ народовъ.

Превеликое множество выработывается и сотыкается ихъ на 160-ти станахъ еже-

годно, и знатная часть изъ нихъ отправляется въ иностранныя государства, и на всѣхъ моряхъ и океанахъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, и даже въ отдаленныхъ краяхъ Америки влекутъ онѣ плывучія громады по хребтамъ морей синихъ, и бѣлѣются на оныхъ.

Помышляя обо всемъ томъ съ особымъ удовольствіемъ, смотрѣлъ я на безчисленное множество мотовъ пряжи, сушимой при бѣленіи оной на сограждеіяхъ особыхъ и помышлялъ о томъ, сколь многимъ городскимъ и уѣзднымъ жителямъ доставляли фабрики сіи пропитаніе.

Не успѣли мы, покормивъ лошадей, выѣхать изъ сего города, какъ, переѣзжая пространныя равнины, окружающія оный, преселился я опять мыслями въ времена протекшія и съ особливымъ вниманіемъ смотрѣлъ на равнины сіи, видѣвшія нѣкогда всю почти Россію на себѣ.

Я воображалъ себѣ то, что происходило тутъ за 170 лѣтъ до того времени и съ удовольствіемъ напоминалъ, какъ славный нашъ царь Годуновъ, будучи обманутъ ложными слухами о нашествіи и приближеніи татаръ, имѣлъ тутъ въ собраніи болѣе двухсотъ тысячъ воинства россійскаго для отпора отъ нихъ и защиты отечества; и присутствуя самъ, съ пышностію и особымъ великолѣпіемъ принималъ пословъ татарскихъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ и потомъ нѣсколько дней сряду все войско угощалъ на равнинахъ сихъ въ шатрахъ пиршествами на посудѣ драгоцѣнной и приличнымъ достоинству и пышности его образомъ, и сдѣлалъ чрезъ то поля сіи на вѣкъ достопамятными.

Я воображалъ себѣ, какъ испещрены были поля сіи тогда повсюду кущами и шатрами и усѣяны несмѣтнымъ множествомъ народа; какъ курились повсюду днемъ дымы голубые и по ночамъ свѣтились огни ясные, и какъ толпился повсюду народъ и воины вѣковъ прежнихъ и какой гулъ раздавался всюду отъ движенія криковъ и разглагольствія ихъ...

Симъ и подобнымъ сему образомъ занимаясь разными мыслями и увеселяясь повсюду встрѣчающимися новыми видами и красотами натуры, продолжали мы свое путешествіе по дурной и отчасу хуже становящейся дорогѣ, и доѣхали еще довольно рано до знаменитаго села Лопасны.

Тутъ принуждены мы были переправляться чрезъ протекающую сквозь его и тогоже имени рѣку на скверномъ плотишкѣ.

Сдѣлавшееся отъ дождей великое наводненіе въ сей рѣкѣ, разорвало бывшій до того тутъ пловучій мостъ, и какъ она была тогда не только велика, но и чрезвычайно быстра, то имѣли мы много труда и даже самую опасность при переправѣ на плоту.

Совсѣмъ тѣмъ, переправившись на плоту кое-какъ, могли бы мы ѣхать еще далѣе; но какъ при проѣздѣ чрезъ большое и чрезвычайно грязное село сіе испортились подъ харчевою повозкою моею колеса то принуждены мы были остановиться тутъ ночевать и подъ повозку купить новыя колеса, которыхъ по счастію нашли мы множество продаваемыхъ, ибо село сіе даже славилось дѣланіемъ и продажею колесъ.

Въ немъ находился и тогда уже огромный каменный домъ, придававшій, вмѣстѣ съ каменною церковью, селу сему красу немалую. Въ особливости же любовался я красивыми сажелками и прудами, обсаженными стриженными березками, которыя и понынѣ украшаютъ село сіе, принадлежащее одному изъ любимцевъ Екатерины Великой, пользовавшагося всѣхъ прочихъ короче ея къ себѣ любовію.

Переночевавъ въ семъ селѣ, въ послѣдующій день встали мы очень рано, но поспѣшить ѣздою никоимъ образомъ было не можно: дорога была такъ дурна и тяжела, что я никогда еще таковою ее не видывалъ.

Бывшая до того отъ ненастья страшная грязь отъ перемѣнившейся погоды начала густѣть, но отъ самаго того дорога сдѣлалась еще хуже. Колесы съ трудомъ могли вертѣться и изъ одной

колесовины попадать то и дѣло въ другую глубочайшую, и я принужденъ былъ къ утѣшенію себя употреблять всю свою философію.

Къ вящему несчастію захрамѣла у насъ одна лошадь и мы съ трудомъ доѣхали до знаменитаго села Молодей, которое далеко не имѣло еще тогда такихъ украшеній, какія имѣетъ нынѣ, и не принадлежало еще господину Кроткому, сему славному эконому и по особому странному случаю вдругъ разбогатѣвшему человѣку.

Проѣхавъ сіе село и стараясь дотащиться кормить лошадей до Кутузова, не ѣхали, а съ ноги на ногу брели мы, чрезъ ославившееся въ древности и между сими селеніями обширное Юшенское поле.

Сіе хотя не было уже тогда таково страшно, каково бывало оно въ старину нашимъ предкамъ, проѣзжавшимъ оное всегда со страхомъ и трепетомъ, но пустота мѣста, находящіеся по сторонамъ вблизи густые лѣса и мысль, что въ претекшія времена не одинъ разъ обагрялись мѣста сіи и самая дорога невинною человѣческою кровію, проливаемою разбойниками, недававшими почти никому проѣзда, и что не одинъ разъ лишался тутъ отецъ своего сына, а жена любимаго мужа—производила въ душѣ нѣкое особое чувствіе, вливающее и тогда нѣкоторый ужасъ и опасеніе, хотя расчищенныя поля и поселенная посреди деревня давно уже сдѣлали сіи мѣста безопасными.

Отдохнувъ и выкормивъ лошадей въ Кутузовѣ и пустившись далѣе, имѣли мы много труда, покуда доѣхали до знаменитаго села Пахры, переименованнаго послѣ Подольскомъ.

Никому тогда не приходило еще и въ мысли, что нѣкогда, и чрезъ немногіе годы послѣ того будетъ село сіе городомъ; но видъ онаго и тогда былъ немногимъ чѣмъ хуже нынѣшняго и настоящій видъ города едва ли ему скоро получить можно!

Тутъ принуждены мы были опять съ превеликимъ страхомъ переправляться на плоту чрезъ рѣку, чрезъ сіе селеніе текущую, довольно великую и такое-жъ имя на себѣ носящую.

Такого спокойнаго пловучаго моста на ней тогда еще не было, какъ нынѣ, и всѣ проѣзжіе должны были переѣзжать на плоту и отъ всегдашняго пьянства перевозчиковъ подвергаться иногда великой опасности.

Стоящій на берегу кабакъ поглощалъ всѣ получаемыя ими за перевозъ деньги, и былъ всему злу причиною. Сами мы нашли перевозчиковъ мертво-пьяными, и настращались переѣзжая съ ними сію довольно широкую рѣку.

По счастію помогъ намъ много при томъ одинъ сѣвской купецъ, съѣхавшійся съ нами въ Кутузовѣ и кормившій лошадей вмѣстѣ. И какъ онъ вмѣстѣ съ нами потащился, то и услужилъ намъ показавъ и объѣздную дорогу отъ Пахры до Молодецъ, которая была гораздо лучше большой и не такъ грязна какъ оная.

Самое сіе помогло къ тому, что до селенія сего доѣхали мы довольно еще рано, и не захотѣвъ тутъ останавливаться, отважились пуститься до деревни Битецъ.

Но отвага сія была неблаговременна и я раскаялся въ томъ скоро, ибо разстояніе между обоими сими селеніями было немалое; и какъ мы оное должны были переѣзжатъ большою дорогою, то нашли мы ее въ семъ мѣстѣ столь дурною, что принуждены были тащиться шагомъ.

Между тѣмъ день непримѣтно приходилъ къ окончанію и мы посреди пути сего обмеркли; а какъ повсюду была молва, что около сихъ мѣстъ бываютъ отъ воровъ и шалости, да и положеніе мѣстъ было къ тому удобно, то начали мы нѣсколько уже и потрушивать и стараться поспѣшать какъ можно.

Я то и дѣло понукалъ своего кучера, чтобъ понуждалъ онъ лошадей напрягать всѣ силы ихъ къ ѣздѣ скорѣйшей; но самое сіе и надѣлало намъ много вреда.

Привыкнувъ къ своимъ, хотя недорогимъ, но крѣпкимъ лошадямъ и надѣяся на нихъ, и не помышлялъ я того, что не

таковы были другія, бывшія съ нами и самыя тѣ, которыя присланы были съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ звать меня изъ Кашина, и что онѣ по нѣжности своей такого усильнаго труда перенесть были не въ состояніи, и узналъ, но уже поздно, что онѣ отъ надсаду такъ разбились, что по пріѣздѣ нашемъ въ Битцы, уже ночью, мы не могли ихъ стащить съ мѣста.

Въ скверной сей деревнишкѣ, славящейся издавна обманчивою мѣною лошадей, производимою жителями съ проѣзжими, не успѣли мы расположиться, какъ и явились къ намъ хитрецы и обманщики и начали производить свое гнусное рукомесло.

Мы притворились, будто ничего не знаемъ о ихъ плутняхъ, и дали имъ волю дѣлать что хотятъ, дабы тѣмъ болѣе посмѣяться.

Обманы сіи производили они хотя многоразличными образами, но наиболѣе слѣдующимъ: одинъ притворяется быть должникомъ, а другой взыскивающимъ съ него долгъ свой и отнимающимъ у него за то съ великою суровостію лошадь.

Притворный должникъ, охая и плача, прибѣгаетъ къ проѣзжимъ, жалуется имъ на свое несчастіе и тужитъ, что принужденнымъ находится разстаться съ своимъ животомъ, т.-е. доброю своею и надежною лошадью, и готовъ бы ее лучше иному кому, а не своему гонителю доставить въ руки.

Таковою уловкою убѣждаетъ онъ незнающихъ проѣзжихъ къ жалости и къ тому, чтобъ они съ нимъ помѣнялись лошадью и ему что-нибудь придали, и симъ образомъ въявь почти ихъ обманываютъ и промѣниваютъ имъ негоднѣйшую лошадь на хорошую и получаютъ еще множество денегъ въ придачу.

И сколько смѣшныхъ исторій не бываетъ въ сей негодной деревнишкѣ. Часто случалось, что иная проѣзжая боярынька отъ сожалѣнія, видя утѣсняемаго и даже біемаго мнимаго должника, или льстясь получить лучшую себѣ лошадь, закладывала и свое платье и другія вещи, для полученія взаймы для придачи такому обманщику, и послѣ усматривала, что была обманута въявь, и вмѣсто доброй лошади получила пренегоднѣйшую тварь.

А точно такимъ образомъ вознамѣрились-было они и насъ обманывать и вымѣнить у насъ приставшихъ лошадей; но мы, посмѣявшись внутренно ихъ пронырствамъ и уловкамъ, кончили тѣмъ, что самихъ ихъ одурачили, объявя, что намъ всѣ плутни ихъ извѣстны, и чтобъ они убиралися скорѣе со двора.

Особливаго примѣчанія было достойно, что въ промыслѣ семъ упражнялись наиболѣе не тутошніе жители, а пріѣзжіе издалека и проживающіе тутъ нарочно для сего долгое время, и что продолжалось сіе многіе годы, покуда селеніе сіе слишкомъ уже тѣмъ ославилось. Тогда, оставивъ, переѣхали они совсѣмъ въ другія мѣста, на большой же дорогѣ лежащія, гдѣ никто объ нихъ еще не вѣдалъ, и не престаютъ и понынѣ еще такимъ же образомъ обманывать неосторожныхъ и зажиточныхъ проѣзжихъ.

Выкормивъ лошадей и давъ имъ гораздо отдохнуть, продолжали мы въ слѣдующее утро путь свой далѣе и выѣхали изъ селенія сего не рано, а дождавшись уже свѣта.

Опасность отъ воровъ, гнѣздившихся въ сихъ мѣстахъ, внушила намъ сію предосторожность. Къ тому-жъ какъ разстояніе оттуда до Москвы было уже не велико, то и надѣялись пріѣхать еще очень рано, однако въ томъ изрядно обманулись.

Дорога чѣмъ ближе была къ Москвѣ, тѣмъ становилась хуже, а лошади мои отчасу слабѣе, и намъ въ ѣздѣ въ сей день была такая неудача, какой со мною никогда еще не случалось. Одна лошадь хромала и не могла вовсе почти иттить, а другая такъ разбилась, что стала въ пень и мы, часа два стоючи въ грязи, не могли ее съ мѣста сдвинуть.

Признаться надобно, что минуты сіи были для меня очень непріятны и я, позабывъ тогда всю свою философію и всѣ

утѣшительныя размышленія, мучился только досадою и прискорбіемъ душевнымъ.

Однако попавшій мнѣ на глаза, и тогда еще стоявшій четвероугольный невысокій столбъ съ находящимися на немъ на чугунныхъ, въ него вставленныхъ, доскахъ надписьми, служившій памятникомъ бывшимъ въ старину въ Москвѣ стрѣлецкимъ бунтамъ и означавшимъ мѣсто, гдѣ они, казненные, были зарыты, обратилъ все мое вниманіе къ себѣ, и преселивъ мысли мои въ тогдашнія смутныя времена, подалъ поводъ къ размышленіямъ многимъ и особымъ.

Наконецъ показалась намъ Москва, сія древняя столица и обиталище нашихъ государей, и величественнымъ и торжественнымъ видомъ своимъ привлекла все мое вниманіе къ себѣ.

Утро случилось тогда ясное, и я, по всегдашнему обыкновенію своему, не могъ зрѣніемъ па безчисленной сонмъ высокихъ башень и блестящихъ куполовъ и главъ храмныхъ довольно налюбоваться.

Признаюсь, что видъ великаго города сего съ сей стороны мнѣ въ особливости всегда пріятенъ и едвали не самый лучшій. Душа, при воззрѣніи на таковое обширное обиталище безчисленнаго множества смертныхъ, чувствуетъ нѣчто особливое, и въ какомъ бы расположеніи до того ни была, но вдругъ поражается имъ сильно и охотно вдается въ размышленія различныя.

А всходствіе того и я, какъ ни раздосадованъ былъ дурнотою дороги, но не могъ преминуть, чтобъ при первомъ и лучшемъ узрѣніи сего великаго обиталища не велѣть остановитъся и до тѣхъ поръ стоялъ, покуда глаза мои насытились зрѣніемъ, а мысли и душа напоились удовольствіемъ довольнымъ.

Вскорѣ послѣ того при подъѣздѣ къ селенію, извѣстному подъ именемъ Разстани, занимался я паки помышленіями о томъ, чѣмъ мѣсто сіе было достопамятно и отъ чего получило названіе сіе.

Двѣ дороги изъ Москвы расходились въ семъ мѣстѣ въ разныя стороны: одна на Коширу, другая въ Серпуховъ; обѣ были большія, обѣ многолюдныя, и до сего мѣста обыкновенно провожаемы бывали отъѣзжающіе вдаль родственники и друзья московскими жителями.

«О, сколько нѣжныхъ и отъ искренняго сердца проистекающихъ слезъ,—говорилъ я самъ себѣ:—пролито на сихъ мѣстахъ чувствительными и любящими другъ друга душами! Сколько вздоховъ испущено изъ сердецъ, и сколько людей видѣли друзей своихъ въ послѣдній разъ и разставались съ ними на вѣкъ въ мѣстахъ здѣшнихъ!

«Не одинъ разъ, можетъ быть, иную чадолюбивую мать, отпускавшую единороднаго сына своего на службу или на войну, въ обморокѣ и въ слезахъ утопающую отвозили изъ мѣстъ сихъ обратно въ Москву».

«Не одинъ разъ, можетъ быть, иная, выданная въ замужство въ отдаленныя мѣста и отъѣзжая туда, разставалась здѣсь въ послѣдній разъ съ милыми родными своими и орошала землю слезами, изъ глазъ ея текущими; и не одинъ разъ разставались здѣсь и любовники счастливые и несчастные, и провожали зрѣніемъ милыхъ друзей своихъ, покуда холмы сіи скрывали повозки ихъ отъ зрѣнія оныхъ!...»

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы потомъ къ городу, тѣмъ видимыя окрестности и мѣста подавали мнѣ множайшіе поводы къ размышленіямъ и побуждали не одинъ разъ самому себѣ говорить:

«О, чего и чего не происходило въ древнія и претекшія времена на поляхъ, путяхъ и холмахъ сихъ! и сколь многимъ произшествіямъ были вы, всѣ видимыя мною мѣста, свидѣтелями безмолвными. Не одинъ разъ всѣ вы обременяемы были безчисленными ополченіями народовъ чуждыхъ и своихъ, и по холмамъ симъ раздавался гулъ отъ шума, производимаго ими и безчисленными конями ихъ!

«Не одинъ разъ видѣли вы на себѣ несмѣтныя орды татаръ самыхъ, приходившихъ изъ странъ дальнихъ, и приводившихъ праотцевъ жителей мѣстъ сихъ въ и ужасъ. страхъ

«Не одинъ разъ влекомы были самые обладатели града сего въ плѣнъ къ себѣ варварами сими, и со вздохами и слезами взирали въ послѣдній разъ на любезную родину свою!

«Сколько разъ происходили на самыхъ сихъ мѣстахъ битвы и сраженія страшныя, и земля сія обагряема и напояема была кровію праотцевъ нашихъ и народовъ чуждыхъ и иноплеменныхъ!

«Колико праховъ и сотлѣвающихъ костей лежатъ сокрытыми въ нѣдрахъ вашихъ, жившихъ нѣкогда людей и на мѣстахъ сихъ жертвовавшихъ жизнію за отечество!

«Колико погибшихъ въ несчастныя времена, когда свирѣпствовала язва въ мѣстахъ здѣшнихъ.

«Сколько разъ ѣзжали цари и государи наши въ самыя древнія времена и новѣйшія, по мѣстамъ симъ и по самой дорогѣ этой, взадъ и впередъ, бывая въ любимомъ ими обиталищѣ сельскомъ, отстоящемъ отсюда вблизи, и достопамятнымъ на вѣкъ рожденіемъ въ немъ нашего Петра Великаго.

«Колико разъ тѣшились они на поляхъ сихъ звѣриною и птичьею ловлею; сколько разъ проѣзжалъ по мѣстамъ симъ оный великій и безпримѣрный монархъ, преобразившій такъ чудно Россію и сдѣлавшій ее извѣстною во всемъ свѣтѣ; какъ утѣшался онъ нѣкогда, какъ во время юности своей входилъ съ сей стороны и по самому пути сему съ тріумфомъ въ Москву, овладѣвъ Азовомъ и ведя съ собою плѣнными враговъ предковъ своихъ!...»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ и не видалъ я, какъ доѣхали мы до самой заставы и въѣхали наконецъ въ Москву.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ повѣствованіе о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи предоставить письму будущему, а теперечнее кончить, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноябр. 23 1807 г.).

Письмо 144-е.

Любезный пріятель! Въ предслѣдовавшемъ письмѣ описалъ я вамъ путешествіе мое отъ дома до Москвы. Отпустите мнѣ, если наскучилъ и отяготилъ я васъ своими разглагольствіями. А теперь опишу вамъ пребываніе мое въ Москвѣ и ѣзду дальнѣйшую, но стану пересказывать уже все короче.

Какъ въ Москвѣ не располагался я въ сей разъ долго медлить, то пріѣхавъ въ оную спѣшилъ я исправить скорѣе всѣ надобности, какія имѣлъ, дабы скорѣе отправиться въ дальнѣйшій путь.

Квартира для меня была въ ней новая и готовая. Другъ мой г. Полонскій взялъ съ меня клятву, чтобъ, будучи въ Москвѣ, нигдѣ индѣ не останавливаться, какъ въ его домѣ; однако я присталъ напередъ мимоѣздомъ и на часокъ въ домѣ сосѣда моего Матвѣя Никитича, бывшемъ при самомъ въѣздѣ въ Москву, и одѣвшись тутъ, велѣлъ повозкамъ своимъ ѣхать прямо въ домъ къ г. Полонскому, а самъ, желая скорѣе исправить свои нужды, пошелъ пѣшкомъ въ городъ и ряды.

Идучи чрезъ Кремль, сей древній замокъ, въ коемъ живали наши древніе цари и государи, и проходя чрезъ самое древнее обиталище ихъ, не могъ, чтобы остановясь, не полюбоваться нѣсколько минутъ старинною и особенною архитектурою, тогдашнимъ временамъ свойственною, а при томъ вообразивъ себѣ все происходившее въ сихъ мѣстахъ во времена предковъ нашихъ, нельзя было, чтобъ вздохнувъ, самому себѣ не сказать:

«Боже мой! чего и чего не происходило въ сихъ мѣстахъ, и какимъ и какимъ произшествіямъ и даже самымъ страшнымъ и ужаснымъ сценамъ не были зданія сіи нѣкогда свидѣтелями?...»

Тысячи мыслей толпились тогда вдругъ въ моей головѣ, изъ всѣхъ тѣхъ, какія имѣлъ при читаніи исторіи временъ претекшихъ о всѣхъ произшествіяхъ, бывшихъ въ древности въ Россіи, и нѣкое

содроганіе потрясало тогда всю мою душу и производило въ ней чувствованія особыя, и такія, которыя изобразить трудно.

Поровнявшись съ славною нашею Ивановскою колокольнею, возвышающею златую главу свою такъ много выше прочихъ, увидѣлъ я часть разломаннаго древняго огромнаго зданія, гдѣ отправлялись всѣ наши суды и расправы.

«А! возопилъ я тогда внутренно въ душѣ моей: это мѣсто назначается для новаго чуда въ свѣтѣ, для зданія такого, которое было бы наиславнѣйшее въ свѣтѣ и прямо достойнымъ великихъ обитателей своихъ!»

И какъ время ни было для меня тогда коротко и драгоцѣнно, но я не могъ никакъ утерпѣть, чтобъ не зайтить на самое опростанное мѣсто и посмотрѣть подлинно ли оно такъ хорошо и красиво, какъ о томъ молва носилась; и могу сказать, что красота и пышность сего мѣста превзошла все мое воображеніе.

Какъ вся замоскворѣцкая часть сего великаго города видима была оттуда, какъ на ладони, то мѣсто сіе казалось оттуда какъ-бы вдвое выше, нежели каково было оно въ натурѣ и я не могъ какъ имъ, такъ и видомъ протекающею мимо его Москвы-рѣки довольно налюбоваться и признавалъ, что для замышляемаго созиданія тутъ обиталища государей не можно было избрать лучшаго мѣста.

«Но, ахъ! воскликнулъ я далѣе: совершиться ли оно когда-нибудь и увидимъ ли мы его здѣсь существующимъ! Для зданія такого многаго времени, трудовъ и иждивенія потребно и не будетъ ли во всемъ томъ недостатка?»

Въ тогдашнее время дѣлалась только модель сему дворцу, но и сія стоила многихъ тысячъ, и я власно какъ предчувствовалъ, что изъ всего великаго предпріятія сего наконецъ ничего не выдетъ.

Прошедъ Ивановскую площадь, наполненную всегда множествомъ каретъ и народа, спѣшилъ я итти въ ряды, гдѣ накупивъ что мнѣ было надобно, спѣшилъ я забѣжать въ книжную лавку, бывшую тогда у Воскресенскихъ воротъ и спросить, нѣтъ ли въ ней XII-й части «Трудовъ» нашего Экономическаго Общества; ибо какъ часть сія какъ-то не была ко мнѣ прислана, то хотѣлось мнѣ имѣть ее у себя отчасти для выполненія моего собранія, отчасти для узнанія, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь особливаго.

Услышавъ, что она есть, обрадовался я чрезвычайно, и какъ она была ни мала, а цѣна за нее довольно велика, но я съ превеликою охотою заплатилъ все требуемое, и спѣшилъ потомъ на Поварскую къ г. Полонскому, котораго и засталъ я съ женою только-что вставшихъ и одѣвающихся.

Оба они были мнѣ очень рады, и отведя мнѣ особую комнату для квартированія, не менѣе радовались и тому, что сдѣлавшаяся нечаянная въ продолженіи пути моего остановка воспрепятствовала мнѣ въ тотъ же день, по желанію моему, въ дальнѣйшій путь отправиться.

Остановка сія произошла отъ лошадей, или паче отъ коновала, призваннаго для сдѣланія вспоможенія онымъ. Въ особливости озабочивала меня одна изъ оныхъ, которая совсѣмъ уже легла и не вставала съ мѣста, и господинъ врачъ сихъ животныхъ предписалъ намъ дать ей въ тотъ день покой и отнюдь въ оный не ѣздить.

Итакъ, принужденъ я былъ все достальное время того дня пробыть въ Москвѣ, и время сіе провождено было очень весело.

У господина Полонскаго жили тогда тутъ съ ними вмѣстѣ обѣ его свояченицы и родная его племянница. Всѣ сіи дѣвушки учились тогда танцовать и играть на фортопіанахъ, и оба учители пріѣзжали при мнѣ и учили оныхъ; а ввечеру надсадилъ насъ со смѣху одинъ живописецъ, дѣлавшій разныя проказы и дававшій волю надъ собою шутить и балагурить; а къ ужину пріѣзжину пріѣзжала еще одна дѣвушка, госпожа Софонова, и мы просидѣли и просмѣялись очень долго: но за то ночь была мнѣ не весьма спокойна.

Мнѣ всю ее не дали уснуть досадныя блохи: ихъ было такое множество въ от-

веденномъ мнѣ покоѣ, что какъ я ни крѣпокъ, и какъ меня онѣ всегда очень мало безпокоятъ, но въ сей разъ дали себя прямо узнать и почувствовать, и я отъ роду нигдѣ и никогда такого пропастнаго множества ихъ не видалъ.

Въ послѣдующій день, что̀ было сентября 1 числа, какъ я ни старался ранѣе выѣхать, но не прежде могъ сіе учинить, какъ уже послѣ обѣда.

Остановилъ меня все коновалъ леченіемъ моей лошади: но со всѣмъ его врачеваніемъ принужденъ я былъ оставить ее попраздновать въ Москвѣ, а продолжалъ путь на пяти оставшихъ.

Отправляясь въ сіе путешествіе, хотя и запасся я обыкновеннымъ своимъ дорожнымъ упражненіемъ, то-есть книгами, но въ сей разъ была со мною такая, которую мнѣ нетерпѣливо прочесть хотѣлось, а именно вновь купленная въ Москвѣ экономическая.

Желалось мнѣ прочесть ее наиболѣе для того скорѣй, что въ ней находился «наказъ», сочиненный управителю господиномъ Вульфомъ, и прочтеніе сего наказа было для меня потому въ особливости интересно, что за нѣсколько до сего времени посланъ былъ отъ меня такой же наказъ, сочиненный по поводу учиненнаго всѣмъ, съ обѣщаніемъ награжденія за лучшее золотою медалью, приглашенія, и котораго о судьбѣ я былъ еще неизвѣстенъ.

Итакъ, не успѣлъ я изъ Москвы выѣхать, какъ принялся тотчасъ за него, и къ удовольствію своему увидѣлъ, что г. Вульфъ въ «наказѣ» своемъ схватывалъ одни только верхушки, и что мой былъ несравненно его лучше и превосходнѣе.

Сіе начинало льстить меня надеждою, что авось-либо мой удостоится обѣщаннаго награжденія, а сіе натурально и веселило меня нѣкоторымъ образомъ.

Какъ о дорогѣ отъ Москвы до Кашина носилась повсюду молва не очень хорошая, и всѣ говорили, что она не смирна: то не только ѣхали мы съ осторожностію, посматривая всюду и всюду по сторонамъ и впередъ, но и желали имѣть какихъ-нибудь и спутниковъ; а сіе желаніе наше и совершилось.

Не успѣли мы выѣхать изъ Москвы, какъ и съѣхались съ одною боярынею, госпожею Селиверстовою, ѣдущею также въ Кашинъ. Я-было очень радъ былъ сему сотовариществу, ибо признаюсь, что весьма не люблю ѣздить по дорогамъ, на коихъ всякую минуту находишься въ опасности отъ нападенія разбойниковъ.

Но госпожѣ сей что-то не угодно было съ нами съютиться, но она то отставала отъ насъ назади, то насъ объѣзжала и опереживала, а вмѣстѣ съ нами ѣхать долго никакъ не хотѣла; но я былъ и тому уже радъ.

Какъ погода тогда установилась изрядная и ѣхать можно было открывшись, то ѣдучи симъ путемъ еще впервые лѣтомъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ я на всѣ мѣстоположенія, и хотя были они совсѣмъ отмѣнныя отъ нашихъ открытыхъ мѣстъ, и наиболѣе ровныя и лѣсистыя, но будучи не безъ естественныхъ и имъ свойственныхъ красотъ, увеселяли довольное мое зрѣніе.

Во многихъ мѣстахъ, а въ особливости по близости Москвы, наѣзжали мы отчасти на саженныя, отчасти прорубленныя сквозь лѣса аллеи, ведущія къ домамъ великолѣпнымъ загороднымъ; а въ другихъ наѣзжали цѣлыя рощицы, составленныя изъ деревъ стриженыхъ, что удивляло и веселило меня въ особливости.

Первое селеніе, повстрѣчавшееся съ нами на сей дорогѣ, была деревня Лихоборы, разстояніемъ отъ Москвы верстъ съ восемь. Она сидѣла на небольшой рѣчкѣ, которую переѣзжали мы въ бродъ по песчаному дну, и была довольно изрядная.

Отъѣхавши отъ оной нѣсколько верстъ прекрасною, ровною и гладкою дорогою, видѣли мы вблизости отъ дороги, въ лѣвой сторонѣ, огромной домъ съ великолѣпнымъ позади регулярнымъ садомъ. Стриженыя дороги и шпалеры, видимыя вдали въ соединеніи съ домомъ, представляли для глазъ прекрасное зрѣлище, и я любовался онымъ довольно.

Проѣхавши сіе мѣсто, скоро пріѣхали мы во второе селеніе на дорогѣ, небольшую деревеньку, называемую Лупихи, имѣвшую въ названіи своемъ нѣчто подозрительное.

Она отстояла верстъ 7 отъ Лихоборъ и дорога до ней была изрядная и наиболѣе все полями. Неподалеку отъ сей видѣли мы въ лѣвой сторонѣ другое село какого-то знатнаго господина, окруженное прелестнымъ мѣстоположеніемъ, которымъ я не могъ довольно налюбоваться.

Сперва представился зрѣнію моему длинный и широкій водоемъ, похожій болѣе на прекрасное озерко, какимъ я сперва и почелъ, нежели на прудъ.

Съ лѣвой и дальней отъ насъ стороны окруженъ онъ былъ прекрасною рощею, сидящею на такомъ низкомъ положеніи мѣста, что она казалась выросшею изъ воды сего прекраснаго водоема. Самые берега покрыты были зеленью травянистою, а въ рощѣ видны были повсюду прекрасныя лужайки, разбросанныя между густыхъ кулигъ древесныхъ.

Я, ѣдучи вдоль сего искусствомъ произведеннаго озера, не спускалъ глазъ съ него и съ находящейся за нимъ помянутой прекрасной рощи, которую не успѣли мы миновать, какъ при концѣ оной увидѣли знатное село Виноградово, съ великолѣпнымъ и огромнымъ каменнымъ домомъ, который мѣсту сему придавалъ еще болѣе красы и пышности.

Кромѣ сего, въ окрестностяхъ сего села случилось мнѣ впервые еще видѣть межи между десятинами, подѣланныя столь широкими, что на нихъ въ телѣгахъ ѣздить можно было.

Я удивился тогда сей странной экономіи и не зналъ чтó-бы это значило, но послѣ увидѣлъ, что и у многихъ знатныхъ и богатыхъ господъ вводима была сія излишность въ употребленіе.

Вскорѣ послѣ того и отъѣхавъ версты четыре отъ прежней, пріѣхали мы въ третью и небольшую деревнишку на дорогѣ; а за нею, проѣхавъ уже въ сумерки еще одну маленькую деревушку, поспѣли ночевать въ село Хлѣбниково, куда и успѣли благовременно еще доѣхать.

Село сіе, составляющее пятое селеніе на сей дорогѣ, сидѣло на рѣкѣ Клязьмѣ, текущею отсюда въ Володимірскую провинцію и имѣвшей тутъ свое верховье.

Селеніе сіе находилось по ту сторону сей рѣки, выстроено на ровномъ и низкомъ мѣстѣ, было нарочито велико и принадлежало графамъ Шереметевымъ.

Ночевавъ въ семъ селѣ, на утріе продолжали мы свой путь далѣе и ѣхали болѣе уже бугристыми и неровными мѣстами чрезъ деревенки Капустино, Еремино, Шолохово, Сухарево, Хорево и Черную.

Всѣ онѣ были маленькія и незаслуживающія никакого вниманія. Одно только Еремино удивило меня особливымъ и до того никогда еще невиданнымъ предметомъ.

Будучи квадратно построенною, имѣла она внутри себя порядочный четвероугольный редутъ. Я никакъ не могъ догадаться сначала, чтó-бъ это значило и былъ такъ любопытенъ, что нарочно вышедъ изъ коляски, пошелъ смотрѣть оный.

Но какимъ поразился я удивленіемъ, нашедъ во внутренности онаго одну только воду и узнавъ, что сей четвероугольный высокій валъ составлялся единственно изъ земли выкопанной въ семъ мѣстѣ при копаніи сего пруда совсѣмъ на ровномъ мѣстѣ.

Тогда было сіе для меня очень удивительно, но послѣ видя, что за Москвою и многія другія селенія, за недостаткомъ родниковъ, рѣчекъ и ручьевъ, имѣютъ обыкновеніе снабжать себя симъ образомъ водою, пересталъ тому удивляться.

Проѣхавши верстъ съ 20-ть, пріѣхали мы въ большое село Игнатово, въ которомъ обыкновенно всѣ проѣзжіе останавливаются, либо обѣдать, либо ночевать; но какъ намъ показалось кормить лошадей еще рано, то продолжали мы путь свой далѣе и доѣхали кормить до небольшой и почти разоренной деревнишки Подосинки.

Какъ погода была тогда наивождѣлѣн-

нѣйшая и лучшая для уборки съ полей хлѣбовъ, то весь народъ былъ въ полѣ, и мы нашли въ деревнѣ сей всѣ дворы запертые и насилу могли достать купить себѣ, что было надобно.

Выкормивши лошадей, пустились мы далѣе, и какъ дорога была гориста, то принуждены мы были то съ горы спускаться, то подниматься опять на гору, и чѣмъ болѣе приближались мы къ городу Дмитрову, тѣмъ мѣстоположенія были гористѣе, выше и тѣмъ прекраснѣе.

Всѣ горы и поля покрыты были богатою жатвою, а по сторонамъ всюду и всюду видны были между горъ и на нихъ селы и деревни; но на самой дорогѣ было только одно селеніе: знаменитая деревня Свистуха, славная тѣмъ, что позади оной находилась прекрутѣйшая и превысокая гора, съ которой не инако какъ съ трудомъ спускаться было можно. Была она тутъ по случаю протекающей между горъ и очень низко тутъ изрядной рѣчки, чрезъ которую былъ немалой мостъ.

На берегу сей рѣчки наѣхали мы товарищей или спутниковъ своихъ, кормящихъ тутъ своихъ лошадей; а переѣхавши мостъ принуждены мы были на такую-жъ высокую гору подниматься.

До города Дмитрова было еще отъ сего мѣста верстъ 9-ть и ѣзда была все горами, съ горы на гору, и мы то взъѣзжали на высочайшія мѣста, съ которыхъ во всѣ стороны было далеко видно, то опускались въ глубокіе вертепы и долины. Однако дорога проложена была вездѣ по мѣстамъ хорошимъ, и взъѣзды и съѣзды были отлогіе и спокойные.

Сверхъ того и ѣхать чрезъ сіи мѣста было отмѣнно весело: повсюду по сторонамъ видно было множество селъ и деревень, и на всякомъ почти шагу представлялись взорамъ новые виды и прекрасныя положенія мѣстъ, такъ что безпрестанно можно было любоваться. Наконецъ, взъѣхавъ на одну гору, увидѣли мы и самый городъ Дмитровъ, къ которому принадлежали всѣ сіи окрестности.

Городъ сей принадлежалъ и тогда къ губерніи Московской и отстоялъ отъ Москвы 62 версты. Онъ имѣлъ положеніе свое посреди глубокой, ровной и обширной долины, окруженной вдали высокими горами.

Окружностію своею казался онъ не гораздо великъ, но имѣлъ довольно жила́ и церквей около десяти, изъ которыхъ нѣкоторыя были каменныя и довольно изрядныя. Изъ прочихъ же зданій мало было въ немъ каменныхъ хорошихъ и знаменитыхъ, а большая часть была деревянныя, очень, очень посредственныя, ограждающія узкія, неслишкомъ порядочныя и по причинѣ низкаго положенія очень грязныя улицы. Двѣ рѣки, Яхрома и Нетека стекаются въ семъ мѣстѣ и протекаютъ чрезъ сей городъ.

Кромѣ сего, видна была въ правой сторонѣ старинная и построенная при подошвѣ довольно высокой горы земляная и довольно просторная крѣпостца; также находился тутъ и мужеской Борисоглѣбскій монастырь, окруженный каменною оградою.

Какъ городъ сей принадлежалъ къ числу старинныхъ россійскихъ городовъ и основанъ былъ слишкомъ за 600 лѣтъ до того времени, то, подъѣзжая, взиралъ я съ особливымъ любопытствомъ на всѣ окрестности его, и на рѣку, текущую чрезъ сію равнину, и вспомнивъ все, что мнѣ о семъ городѣ изъ исторіи было извѣстно, съ нѣкакимъ чувствіемъ самъ себѣ говорилъ:

«Вонъ, тамо, и вѣрно въ семъ мѣстѣ расположено было и стояло нѣкогда войско несчастнаго изгнанца изъ Кіева, великаго князя Георгія, сына Владиміра Мономаха, и тамо-то, находясь съ супругою своею на брегахъ сей рѣки Яхромы, обрадованъ онъ былъ рожденіемъ сына своего Димитрія, и въ достопамятность произшествія сего далъ онъ повелѣніе о построеніи въ этомъ мѣстѣ сего города, и назвалъ оный его именемъ.

«Вотъ! далѣе говорилъ я: и ты, селеніе, нынѣ такъ маловажное, было нѣкогда обиталищемъ и даже столицею нѣкоторыхъ князей россійскихъ, изъ коихъ иные даже великими назывались! и ты

претерпѣло также многія бѣды и напасти и видѣло многія несчастія.

«Не успѣло ты еще такъ сказать обостроситься, какъ первый владѣлецъ твой, рожденный на сихъ мѣстахъ, владычествуя надъ тобою, принужденъ уже былъ вести войну съ враждебнымъ Святославомъ, княземъ Черниговскимъ и видѣть все сіе свое обиталище отъ него выжженнымъ.

«Лѣтъ со сто послѣ того славной Батый, князь татарской, при нашествіи своемъ на Россію разорилъ тебя на ряду съ прочими городами, а чрезъ 50 лѣтъ послѣ того Дюдень, другой татарскій князь и нечестивецъ, опустошилъ и разорилъ тебя до основанія; а за 150 лѣтъ до сего претерпѣли жители твои толикое зло отъ повѣтрія морового, что цѣлыхъ два года всѣ храмы твои были безъ службы божественной.

«Вотъ сколько несчастій претерпѣлъ и ты въ древности, но за то съ того времени былъ уже ты во всегдашнемъ покоѣ и оставалось тебѣ только богатѣть и процвѣтать съ каждымъ годомъ отчасу болѣе»...

И въ самомъ дѣлѣ городъ сей какъ ни малъ былъ, но довольно славился своими промыслами и торгами и находилось въ ономъ множество фабрикъ и заводовъ.

Изъ первыхъ въ особливости знамениты были мишурныя и позументныя, коихъ количество въ городѣ и уѣздѣ простиралось до 100; а изъ заводовъ въ особливости славился заведенной, за 3 года до того въ сельцѣ Вербильцовѣ, фарфоровый аглинскимъ купцомъ Гарнеромъ, которой послѣ сдѣлался такъ знаменитъ, что дѣлаемая на ономъ посуда въ добротѣ малымъ чѣмъ уступала саксонской и во всей Россіи вошла въ употребленіе.

Кромѣ промысловъ и торговли разными продуктами, въ особливости славился сей городъ произведеніемъ великаго множеству рѣпчатаго лука, которымъ засаживались превеликіе огороды и производилась немалая торговля.

Впрочемъ разсказывали мнѣ жители, что находились въ немъ многіе купцы, имѣющіе великой капиталъ, простирающійся до нѣсколько десятковъ тысячъ, чего бы по невзрачности и необширности сего города, неимѣющаго въ себѣ и 2 тысячъ жителей, и ожидать было не можно.

Какъ въ сей городъ пріѣхали мы еще очень рано, то не хотѣлось мнѣ въ немъ остановиться ночевать; почему, искупивши что намъ было надобно, и снабдивъ себя овсомъ, продолжали мы свой путь далѣе, спѣша доѣхать ночевать до села Орудьева, отстоящаго отъ Дмитрова верстъ десять.

На дорогѣ до сего села не было ни одного жила, кромѣ одной деревушки въ сторонѣ, до котораго мѣста ѣзда была все дмитровскимъ доломъ или болотомъ, простирающимся въ длину на нѣсколько десятковъ верстъ, и дорога была песчана и наполнена множествомъ гатей.

На сіе достопамятное мѣсто не могъ я смотрѣть безъ сожалѣнія, что оно не осушено было лучше тогдашняго, ибо хотя на немъ и росла трава, однако худо; а могло бы все сіе обширное мѣсто превращено быть въ наипрекраснѣйшіе и величайшіе луга и приносить государю гораздо болѣе дохода, ибо оное и при нынѣшнемъ худомъ своемъ состояніи отдавалось изъ казны въ наемъ за 2,000 р. ежегодно.

Поровнявясь противъ помянутой въ сторонѣ лежащей деревушки, поднялись мы на гору и поѣхали опять высокими мѣстами. Однако дорога все еще была песчана и не такова весела, какъ прежде.

Мы принуждены были ѣхать все перелѣсками, покуда пріѣхали наконецъ въ село Орудьево, къ которому мы по отлогой горѣ спустились.

Мы пріѣхали въ него уже ночью, и для того остановились тутъ ночевать. Я проводилъ весь вечеръ въ разговорахъ съ хозяиномъ о экономическихъ матеріяхъ, и слышалъ многіе недостатки въ тамошней экономіи, которые могли съ малымъ трудомъ исправлены быть.

Ночевавши въ помянутомъ селѣ, отправились мы 3-го числа далѣе. Дорога и мѣстоположенія становились отчасу отмѣннѣе; сперва ѣхали мы чрезъ обширное бо-

лото по мостамъ и гатямъ, при концѣ котораго находился монастырь, а тамъ горами и песками, и все уже болѣе лѣсомъ.

Первое селеніе наѣхали мы отъѣхавши верстъ шесть: это была деревня Жуково, ничѣмъ не знаменитая.

Отсюда ѣхали мы все большимъ лѣсомъ, гдѣ дорога была хотя ровная, но песчана, а мѣстами мостиста и грязна даже до деревни Васиной, отстоящей 7 верстъ отъ Жуковой.

Сей переѣздъ былъ очень скученъ, а притомъ и не безопасенъ: ворамъ было тутъ наиудобнѣйшее мѣсто водиться, да и самая деревня сія окружена была лѣсомъ, которымъ и послѣ надобно было верстъ 5 ѣхать; однако въ сей разъ не видали мы никого, какъ ни посматривали по всѣмъ сторонамъ, проѣзжая сумнительный лѣсъ сей.

Тутъ доѣхали мы до границъ Кашинскаго уѣзда, который отдѣлялся отъ Дмитровскаго рѣкою Дубною, на берегу которой въ Кашинскомъ уже уѣздѣ сидѣла немалая деревня Вотря, гдѣ приткнулся угломъ и Суздальской уѣздъ.

Хотя было еще нѣсколько рановато, однако мы, переправившись тутъ на плоту чрезъ помянутую рѣку, остановились кормить лошадей и обѣдать, и я тутъ чуть-было не покинулъ хромавшую кашинскую лошадь.

Послѣ обѣда продолжали мы свой путь далѣе и ѣхали все безпрерывнымъ лѣсомъ. Деревень на дорогѣ было хотя немало, но всѣ онѣ были малозначущія и сидящія посреди лѣса и только маленькія поля кругомъ себя имѣющія. Почему и перескажу я одни только ихъ названія; онѣ были слѣдующія: Ростовцы, Гнилиша, Григорьево, Росаденки, Карачуново, Сотское и село Квашнино.

Въ семъ послѣднемъ остановились мы ночевать; оно было небольшое и недавно предъ тѣмъ опустошенное пожаромъ и тогда вновь строившееся.

Я принужденъ былъ тутъ ночевать въ коляскѣ по причинѣ, что на квартирѣ моей, равно какъ и во всѣхъ дворахъ, было преужасное и такое множество пруских мелкихъ таракановъ, что они вездѣ и вездѣ ползали какъ мухи, а я къ нимъ естественное имѣю отвращеніе.

Какъ позади сей деревни надлежало намъ проѣзжать сквозь длинный и большой лѣсъ и ѣхать наиопаснѣйшимъ мѣстомъ изъ всей дороги: то заблаговременно помышляли мы о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ и ночевали тутъ съ немалымъ опасеніемъ, а ночью и сдѣлалась у насъ тревога, которая перестращала-было всѣхъ насъ чрезвычайно, но кончилась смѣхомъ.

Къ намъ пристань одинъ замосковскій мужикъ, ѣдущій также въ Кашинъ съ оброкомъ къ господину. Ночуя тутъ, спалъ онъ подлѣ моей коляски и тележенки своей, на улицѣ. Тутъ пропади у него его лошадь.

Боже мой! какое поднялъ онъ оханье и туженье, когда, проснувшись, не увидѣлъ своей лошади.—«Ихъ! братцы! закричалъ онъ вскочивъ безъ памяти: у меня увели лошадь!» И тотчасъ бросился ее искать.

Мы сами подумали, что съ бездѣльничали сіе тутошніе жители, но скоро узнали, что мы напрасно ихъ въ мысляхъ поклепали.

Лошадь нашлась. Она, сорвавшись, пошла добывать себѣ лучшаго корма и кушала въ поповомъ огородѣ капусту. Какая это была радость у мужика, когда онъ нашелъ ее, и какими словами не приголюбливалъ онъ оную.

Дождавшись свѣта, зарядивъ свое ружье и пистолеты, приготовивъ пули и все нужное къ оборонѣ, пустились мы въ помянутый лѣсъ, называемый Башаринской, о которомъ и о бываемыхъ въ немъ шалостяхъ по всей дорогѣ слухъ носился.

Сперва проѣхали мы версты за двѣ отъ Квашнина сидящую на дорогѣ деревеньку Смёнки, а потомъ пустились уже въ лѣсъ, простирающійся въ длину болѣе нежели на 14 верстъ, и дѣйствительно опасной и самой способной для воровъ.

Дорога шла безпрерывнымъ лѣсомъ и все изгибами и кривизнами; почему и ѣхали мы не безъ опасности и то и дѣло

кругомъ озираясь и во всѣ стороны поглядывая и примѣчая.

Но какъ случилась она тогда хороша и въ ѣздѣ такъ спора, что мы могли бѣжать на рысяхъ, то въ часъ времени и переѣхали мы болѣе половины онаго не видавъ ничего; но тутъ повстрѣчайся съ нами прохожій и насъ догадало его спросить, нѣтъ ли чего впереди, и смирно ли въ лѣсу.

— «Богъ-ста знаетъ, отвѣчалъ онъ намъ: какіе-то люди шатаются, но можетъ быть и добрые, кто ихъ знаетъ! А не худо быть вамъ и осторожными».

Всѣ мы измѣнились въ лицѣ, сіе услышавъ и едва имѣли столько духа, чтобъ спросить еще: а далеко-ли онъ ихъ видѣлъ и сколько ихъ?

— «Видѣлъ-ста я ихъ недалеко, отсюда съ версту только, а сколько ихъ, не считалъ; человѣкъ пять-шесть мнѣ показалось, а можетъ-ста и болѣе ихъ было!»

Сіе перетревожило насъ еще того болѣе. Всѣ спутники мои, небывавшіе отъ роду ни въ какихъ опасностяхъ, перетрусились въ прахъ и до того, что едва духъ переводили и слово могли вымолвить.

Я старался всячески ихъ ободрять говоря, что можетъ быть то и не воры, а такъ какіе-нибудь люди, а хотя бы были то и дѣйствительно воры, такъ вѣрно, увидя насъ и оружіе наше, почтутъ насъ людьми военными и не отважутся никакъ напасть на насъ; къ тому-жъ насъ и не такъ мало, чтобъ имъ со всѣми нами скоро сладить можно было, а нужно только намъ окрыситься и не струсить и не обробѣть противъ ихъ.

Сими и подобными сему уговариваніями ободрилъ и подкрѣпилъ я ихъ сколько-нибудь, а между тѣмъ на всякій случай и распорядилъ, что кому дѣлать и предпринимать въ случаѣ нападенія.

Кучеру приказалъ я ударить тогда по лошадямъ и стараться недопускать схватить ихъ, и въ нужномъ случаѣ кидать ворамъ въ глаза сухой песокъ, приготовленной нарочно для того въ шляпѣ, полную горсть для ослѣпленія оныхъ.

Одному изъ слугъ велѣлъ по нихъ вмѣстѣ со мною стрѣлять и по выстрѣлѣ бить ихъ прикладомъ; другому рубить палашемъ по рукамъ ихъ, а заднему велѣлъ обороняться рогатиною для того запасенною, и такъ далѣе.

Распорядивъ симъ образомъ все и призвавъ Бога въ помощь, пустились мы впередъ, и не успѣли съ версту отъ того мѣста отъѣхать, какъ и дѣйствительно увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ впереди нѣсколькихъ людей, шатающихъ подлѣ лѣса и переходящихъ отчасти дорогу.

Въ тогдашнемъ страхѣ почли мы ихъ навѣрное недобрыми людьми, и не успѣли ихъ зазрить, какъ ободривъ вновь людей и подъѣзжая еще къ нимъ, выстрѣлилъ я изъ одного изъ пистолетовъ своихъ, чтобъ дать ворамъ знать, что ѣдемъ мы не съ голыми и пустыми руками, и тотчасъ потомъ зарядилъ его опять съ пулею; а изъ людей велѣлъ одному приготовить и держать въ рукахъ свое ружье, а другому обнажить палашъ свой и въ сей позиціи подъѣзжая къ нимъ, кучеру приударить по лошадямъ.

И тогда, не знаю уже, видъ ли нашъ, или количество людей, или выстрѣлъ учиненный мною заблаговременно, или приготовленное оружіе удержало бездѣльниковъ сихъ въ предѣлахъ и власно какъ оковало.

Всѣ они стояли подлѣ лѣса опершись ни то на дубины, ни то на рогатины свои, и смотрѣли только на насъ мимо ихъ скачущихъ, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился и пошевелиться; а мы, проскакавъ мимо ихъ и болѣе ничего уже не видавъ, скоро послѣ того и доѣхали до находящейся позади лѣса сего и при концѣ онаго деревни Башариной, которая была довольно велика; однако мы ее проѣхали и, отъѣхавъ еще версты двѣ, остановились кормить лошадей въ селѣ Бѣлгородкѣ, ибо для находящихся впереди песковъ намъ не кормя лошадей далѣе ѣхать не хотѣлось. Тутъ собрались мы наконецъ

съ духомъ и радовались, что удачно спаслись отъ опасности насъ угрожавшей.

Помянутое село Бѣлгородокъ сидитъ на самомъ уже берегѣ славной и великой нашей рѣки Волги, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ съ сей стороны втекаетъ въ нее рѣчка Хотша.

Само по себѣ село сіе никакого примѣчанія недостойно, но по близости его находится какого-то господина другое село, съ каменною церковью и огромнымъ господскимъ домомъ.

Помянутая церковь стояла на самомъ берегу рѣки Волги и имѣя вокругъ себя прекрасную каменную ограду, дѣлала великолѣпный видъ, и казалась издали быть городомъ, или какимъ прекраснымъ монастыремъ.

Выкормивъ лошадей и пообѣдавъ сами, переправились мы подъ симъ селомъ чрезъ рѣчку Хотшу на плоту. Отъ бывшаго паводка и наводненія рѣки Волги была и она вдесятеро больше противъ обыкновеннаго, и мы не безъ труда чрезъ нее переправились.

Ѣзда отъ помянутаго села была уже вдоль по берегу Волги, боромъ и лѣсами, довольно гориста и чрезвычайно песчана и тяжела.

Сими глубокими песками принуждено намъ было ѣхать около 15-ти верстъ до того мѣста, гдѣ намъ черезъ Волгу перебираться долженствовало, и на сей дорогѣ наѣзжали мы многія на берегу оной сидящія деревни, какъ-то: деревня Никулино, Растрятино, Ляушкино.

Но какъ ни дурна была дорога, но мы къ перевозу пріѣхали еще довольно рано, и надѣялись убраться далеко за Волгу; однако въ надеждѣ своей обманулись.

Мы не застали парома на тутошнемъ берегѣ, а былъ онъ на сопротивномъ и перевощики не скоро къ намъ его перевели; мы сколько ни кричали, но принуждены были часа три дожидаться и не прежде переѣхали какъ уже въ сумерки, да и то по счастію помогъ намъ въ томъ кашинскій воеводскій товарищъ г. Копыловъ.

Ему случилось въ самое то время ѣхать съ той стороны для осматриванія дорогъ, и онъ принудилъ перевощиковъ себя перевесть. Итакъ, мы съ нимъ тутъ съѣхались вмѣстѣ.

Онъ, увидѣлъ меня, подослалъ тотчасъ спросить, кто таковъ я, и услышавъ узналъ, что я самый тотъ, котораго въ Кашинѣ давно дожидаются; и какъ ему хотѣлось со мною поговорить, то взошелъ онъ со мною на паромъ и мы съ нимъ тотчасъ познакомились.

Человѣкъ былъ онъ уже немолодой, а притомъ простой и добрый; итакъ, не трудно было къ нему прикроиться и съ нимъ сладить.

Я не преминулъ съ нимъ переговорить обовсемъ нужномъ, относящемся до того дѣла, за которымъ я въ Кашинъ ѣхалъ, и онъ былъ такъ добродушенъ, что вызвался самъ мнѣ все разсказывать.

Онъ увѣдомилъ меня, что мачиха племянницъ моихъ находится еще въ Кашинѣ и съ нетерпѣливостію меня дожидается, и совѣтовалъ всячески уговаривать ее продать свою седьмую часть, обѣщая торговать ее самъ, буде она намъ продавать ее не станетъ.

Я былъ очень радъ, что попался мнѣ на первой встрѣчѣ нужный и такой человѣкъ, который мнѣ впредь можетъ очень пригодиться, и сія встрѣча предвѣщала мнѣ нѣчто хорошее.

Распрощавшись съ симъ господиномъ пустились мы на паромѣ чрезъ Волгу: она отъ бывшаго наводненія была еще очень велика и такъ быстра, что паромъ снесло далеко внизъ, ибо онъ ходилъ тутъ не на канатѣ, а на греблѣ. По счастію былъ тогда небольшой вѣтерокъ съ верху и волненія не было, а потому и переѣзжать было не опасно.

Не успѣлъ я переѣхать чрезъ рѣку, какъ гляжу другая коляска мнѣ на встрѣчу, и въ ней одна госпожа ѣдущая на перевозъ. Это была госпожа Попова, Татьяна Матвѣевна, родственница покойнаго моего зятя.

Сія также, подославъ спросить обо мнѣ, желала со мною видѣться и говорить;

итакъ, познакомился я и съ оною, и мы поговорили съ нею нѣсколько.

Всѣ меня незнаючи знали, а я никого не зналъ и не вѣдалъ. Всѣ меня просили, чтобъ я не оставилъ моихъ племянницъ, а меня и безъ того долгъ тѣмъ обязывалъ. Однако обѣими встрѣчами сими былъ я очень доволенъ.

Какъ переправились мы чрезъ Волгу въ самые почти уже сумерки, то некуда было ѣхать далѣе, но мы принуждены были расположиться ночевать тутъ же на берегу, въ находящемся тутъ славномъ селѣ Медвѣдицкомъ, называющимся симъ именемъ потому, что сидѣло при устьѣ рѣки Медвѣдицы.

Сія глубокая и немалая рѣка протекала сквозь Кашинскій уѣздъ и впадала подлѣ самого села сего въ Волгу. Самое село и находящійся въ немъ господскій домъ и многія знатныя деревянныя зданія представляли съ рѣки видъ очень хорошій. Мы наѣхали тутъ множество струговъ, идущихъ вверхъ съ ядрами, а иные съ желѣзомъ.

Какъ въ минувшую ночь тараканы принудили меня спать на дворѣ и проводить ночь безпокойно, то тутъ употребилъ я осторожность, и велѣлъ поискать для себя такой квартиры, гдѣ бы не было сихъ досадныхъ насѣкомыхъ.

Однако сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Всѣ люди мои принуждены были долго по всѣмъ дворамъ бѣгать и вездѣ находили и тутъ превеликое ихъ множество, и насилу-насилу нашли; и хотя я и долго принужденъ былъ стоять и дожидаться, но за то и получилъ квартиру очень хорошую, у богатаго мужика, бывшаго во время семилѣтней войны съ купцами въ Пруссіи и живущаго тутъ въ бѣлой избѣ и очень изрядно. Итакъ, спалъ я въ сію ночь спокойно.

Ночевавши въ селѣ Медвѣдицкомъ, встали мы ранѣе обыкновеннаго и спѣшили окончить свое путешествіе, ибо оставалось уже сдѣлать одинъ только переѣздъ до дома моихъ племянницъ.

Мы располагались-было ѣхать вдоль по рѣкѣ Медвѣдицѣ, но хозяинъ намъ отсовѣтовалъ, а говорилъ, чтобъ мы ѣхали лучше большою дорогою; которому совѣту мы и послѣдовали и своротили уже на 16-й верстѣ влѣво.

Тутъ надлежало намъ ѣхать мимо одной деревни, гдѣ жилъ одинъ мой старинный знакомецъ, спослуживецъ однополчанинъ и бывшій мой капитанъ, Иванъ Ѳедоровичъ Коржавинъ.

Мнѣ восхотѣлось къ нему заѣхать и съ нимъ повидаться, и какъ былъ онъ мнѣ чрезвычайно радъ, то просидѣлъ я у него часа полтора, напился чаю, и наговорился съ нимъ досыта обо всякой всячинѣ.

Напоминаніе претекшихъ временъ и того, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ служили и горемыкали, было наиглавнѣйшимъ предметомъ нашихъ разговоровъ. А какъ былъ онъ и племянницамъ моимъ друженъ и живалъ съ покойнымъ зятемъ моимъ всегда въ дружбѣ, то поговорили мы и о ихъ обстоятельствахъ и онъ охотно соглашался, по просьбѣ моей, и съ своей стороны помогать въ чемъ будетъ возможно.

Разставшись съ нимъ, ѣхали мы уже недолго, и наконецъ имѣли удовольствіе пріѣхать въ село Веденское, гдѣ жили мои племянницы, благополучно.

Но какъ письмо мое нарочито уже увеличилось, то о дальнѣйшемъ разскажу вамъ въ письмѣ будущемъ; а теперешнее окончивъ, скажу, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 145-е.

Любезный пріятель! Теперь по порядку надобно мнѣ вамъ разсказать о пребываніи моемъ въ кашинскихъ предѣлахъ и обо всемъ тамъ происходившемъ.

Пріѣхавъ въ домъ моихъ племянницъ не нашли мы никого изъ хозяевъ дома.

Самъ большой или паче малолѣтной хозяинъ находился въ городѣ Бѣжецкѣ у учителя, а изъ племянницъ моихъ большая, какъ хозяйка, поѣхала въ бѣжецкую ихъ деревню, а меньшая въ лежащее неподалеку село Зобкино къ госпожѣ Калычовой, лучшей пріятельницѣ и покровительницѣ моихъ племянницъ, боярынѣ очень почтенной и добродушной.

Но по счастію и равно какъ нарочно случилось въ тотъ день и не задолго предомною, пріѣхать къ нимъ въ домъ одной старинной моей знакомкѣ Лукерьѣ Михайловнѣ, бѣдненькой, но крайне веселаго и шутливаго нрава старушкѣ-дворянкѣ, жившей часто у моихъ племянницъ въ домѣ для компаніи, и какъ не однажды и меня она въ прежнюю бытность въ Кашинѣ до слезъ отъ смѣха доводила, то была она мнѣ очень знакома и я, обрадовавшись ее увидѣвъ, закричалъ:

— Ахъ! другъ ты мой сердечный! Лукерья Михайловна! Какъ я радъ, что вижу тебя въ живыхъ и въ добромъ здоровьѣ! Все ли ты хорошо поживаешь, и все ли еще всего на свѣтѣ боишься?

— «Слава, слава Богу, батюшка! отвѣтствовала крайне мнѣ обрадовавшаяся старуха. Насилу, насилу мы тебя, друга моего вѣрнаго, винограда зеленаго, дождалися. Но чуръ! слышишь чуръ, не стращать меня опять по прежнему!»

— Добро, добро — подхватилъ я: это увидимъ; а ежели и постращаемъ немножко, то какъ быть... Но скажи-ка ты мнѣ, куда ты хозяекъ-ка подѣвала?

— «Вотъ тотчасъ, тотчасъ, батюшка, одна пріѣдетъ, я уже послала за нею; а и другая не замедлится. Сядьте-ко, батюшка! небось ты усталъ съ дороги, а вы, дѣвушки, готовьте чай скорѣе».

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ я. А ты скажи-ка мнѣ, другъ мой, Лукерья Михайловна, не было-ли опять съ тобой какой бѣдушки?

— «О! какъ не быть, подхватила она; съ ума-было недавно, батюшка, рехнулась, такая на меня напасть случилась. И что ужъ говорить, бѣды такой со мною отъ роду не бывало!»

— А что-жъ такое, моя милая! нельзя ли намъ сообщить?

— «Чего, батюшка! Однажды какъ гостила я здѣсь и спала, помстись мнѣ въ полночь самую, что вонъ въ церкви здѣшней будто благовѣстятъ къ завтрени. Я таки не долго думая, вскочила и накинувъ на себя платьишко, черкъ къ церкви, такая окаянная, не разбуди на ту пору никого, а одна одинехонько по старой своей привычкѣ. Вы знаете, отецъ мой, что я, грѣшница, люблю ходить къ завтренямъ и молиться».

— Это не худое дѣло, Лукерья Михайловна! сказалъ я:

— «Такъ, батюшка; но слушайте-ка, что случись со мною... Прихожу къ церкви, вхожу подъ колокольню, нахожу дверь въ церкви незапертую; отворяю ее и вхожу въ трапезу и дверь затворяю за собою хорошохонько; но вдругъ не вижу никого въ церкви и ни одной свѣчи горящей предъ образами, а покажись мнѣ только въ сѣверныя двери огонекъ горящій въ олтарѣ... Думаю: а! это конечно пономарь пришелъ только еще одинъ, и тамъ свѣчки зажигаетъ.

«Итакъ, успокоившись тѣмъ, стала я, батюшка, по обыкновенію святымъ образамъ, хоть въ темнотѣ, молиться. Но какъ никто изъ олтаря не выходилъ, и не слышно было никакого шума и шороха, то приди мнѣ въ голову закричать: «Кто въ церкви?»

«Я удивилась, что никто мнѣ не отвѣтствовалъ; но подумавъ, что пономарь, узнавъ меня по голосу, нарочно притаился и надо мною шутитъ: кричу въ другой разъ: «слышь, кто въ церкви?» — Но какъ и на сіе никто не отвѣчалъ, то стала тогда находить на меня уже оторопь.

«Вы знаете, батюшка, что я всего на свѣтѣ боюсь; однако я имѣла столько еще духа, что закричала еще разъ и того еще громче: кто въ церкви? Но какъ и на сіе не было ни отвѣта, и ни слуху,

ни духу, ни послушанія, то морозъ подралъ меня уже по кожѣ.

«Однако я все-таки еще думаю, что бездѣльникъ пономаришка надомною издѣвается, какъ то иногда за нимъ и важивалось, и закричала опять: «ну чтожъ такое, право? шутите-ли вы что-ли надо мною? и что-жъ это за шутка? и въ досадѣ пошла сама, чтобъ заглянуть въ сѣверныя двери въ олтарь.

«Но что-жъ, батюшка, какъ я вдругъ тогда оторопѣла, когда, поровнявшись противъ дверей, увидѣла, что вмѣсто показавшагося мнѣ огня былъ то свѣтящій прямо въ волковое олтарное окно мѣсяцъ, которому при закатѣ онаго случилось приттить прямо противъ онаго, и увидѣла, что въ олтарѣ никого не было.

«Всѣ члены мои тогда во мнѣ вострепетали, а въ голову, по пужливости моей, полѣзло и Господи что! Мнѣ вообразились тогда и мертвецы-то, и все и все на свѣтѣ; и тогда, не долго думая, бросилась я благимъ матомъ бѣжать изъ церкви въ темную трапезу.

«Но чтожъ, батюшка! надобно-жъ было на ту бѣду второпяхъ бѣжать мнѣ такъ близко подлѣ входа въ трапезу, что зацѣпись я, окаянная, платьемъ своимъ за высунувшійся конецъ одной низкой и очень лѣпко стоящей у стѣны полки, съ наставленными на ней мужицкими образами. Я обмерла тогда, испужалась! мнѣ помстилось тогда, что ухватилъ меня либо мертвецъ, либо духъ какой.

«Итакъ, не долго думая, ровъ-таки я, что было мочи, и сорвала тѣмъ со стѣны всю полку, и они загремѣли упадая на земь. Это перестращало меня еще того болѣе, и вообразись мнѣ и Богъ знаетъ что.

«Я, одурѣвъ даже отъ страха и испуга и въ безпамятствѣ завопивъ: ай! ай! ай! бросилась въ трапезу искать дверей, но второпяхъ не могла въ темнотѣ найтить оныхъ и стала шаркать руками по стѣнамъ. И вообрази себѣ, отецъ мой! какъ въ трапезѣ всѣ стѣны установлены были сплошь на полкахъ образами, то шаркая по онымъ въ темнотѣ, сорвала я еще одну полку, и образа полетѣли съ превеликимъ стукомъ, одинъ за другимъ, на полъ, и одинъ изъ нихъ попади мнѣ въ голову, а другой въ спину.

«Сіе доканало меня совершенно, ибо какъ мнѣ и въ умъ тогда не приходило, чтобъ были то образа, а воображалось, что меня ловятъ, хватаютъ и бьютъ, то я до того закричалась: ай! ай! ай! Христосъ воскресъ! святъ, святъ, святъ! и до того настращалась, что безъ памяти упала на полъ и не помню уже ничего, какъ прибѣжалъ въ церковь услышавшій мой крикъ попъ съ пономаремъ, и нашли меня безгласною, лежащую на полу, и какъ меня вытащили на улицу, и привели въ память.

«Вотъ, батюшка, какое было на меня безгодье, а всему причиною былъ этотъ пономаришка: позабудь какъ-то проклятый запереть дверь замкомъ, а затворилъ только такъ, выходя изъ церкви, оную».

Легко можете себѣ вообразить, что я никакъ не могъ слушать сей повѣсти не надсѣдаясь со смѣха до слезъ.

— Ну! нечего сказать, говорилъ я: претерпѣла же ты, другъ мой, Лукерья Михайловна! ужъ прямо претерпѣла бѣдушку; но жаль, что не случилось на ту пору меня въ церкви, а то бы еще въ добавокъ ухнулъ и тѣмъ тебя еще болѣе испужалъ.

«Чего добраго, и ой-то хорошо, отвѣчала она;—но вотъ наша и хозяйка».

И подлинно мы въ самое то время увидѣли въѣзжающую на дворъ карету и удивились, увидя выходящихъ изъ ней не одну, но обѣихъ моихъ племянницъ; ибо такъ случилось, что возвратилась и старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, изъ Бѣжецка и обѣ онѣ уже ѣхали домой и съ посланнымъ повстрѣчались на дорогѣ.

Свиданіе мое съ племянницами было такое, какое никакому живописцу на картинѣ изобразить не можно. Нелицемѣрная ихъ обѣихъ ко мнѣ любовь, а особливо меньшой, которая меня почти не знала, была неописанна.

Онѣ не вѣрили почти сами себѣ, что

я у нихъ и прыгали, такъ сказать, съ радости думая, что избавились онѣ уже тогда отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Ласковость и услужливость ихъ была чрезвычайна и я не въ состояніи никакъ изобразить оную.

Мы провели весь остатокъ того дня въ безпрерывныхъ разговорахъ; онѣ разспрашивали меня, а я ихъ—обовсемъ до ихъ обстоятельствъ относящемся; послѣ чего ходили мы прогуливаться въ садъ и рощу, а ввечеру пригоговлена была для меня баня, хотя я до ней нимало не былъ охотникъ и хаживалъ очень рѣдко.

Какъ обстоятельствы ихъ были таковы, что мнѣ къ дѣлу не инако можно было приступить, какъ посовѣтовавъ напередъ съ тутошними наилучшими и имъ благопріятствующими сосѣдями, а изъ сихъ всѣхъ важнѣй былъ нѣкто господинъ Баклановскій, по имени Алексѣй Семеновичъ, дворянинъ по тамошнему мѣсту знаменитый и бывшій умершему зятю моему двоюроднымъ братомъ; то сожалѣлъ я услышавъ, что его не было въ то время дома, и онъ куда-то отъѣхалъ. А мнѣ наиболѣе и хотѣлось съ нимъ напередъ видѣться и посовѣтовать, какія мѣры принимать намъ лучше въ разсужденіи пребывающей тогда въ городѣ Кашинѣ ихъ мачихи.

Однако мы не преминули въ тотъ же день послать объ немъ провѣдать; а поѣхала на нѣсколько дней куда-то и помянутая ближняя сосѣдка и лучшая благодѣтельница ихъ, госпожа Калычова.

Расположившись дожидаться ихъ возвращенія, послѣдующій день употребилъ я на разное: во-первыхъ, побывалъ въ церкви, посѣтилъ гробы обоихъ моихъ толь близкихъ родственниковъ, сестры родной и ея мужа, и заставилъ возслать о душахъ ихъ обыкновенныя ко Творцу всѣхъ тварей моленія.

Присутствуя при семъ не могъ я воздержаться отъ слезъ и вздоховъ, и занимался печальными помышленіями о рановременной смерти сестры моей и о неизвѣстности дленія нашей жизни.

«Увы! говорилъ я самъ себѣ въ мысляхъ:—кто-бъ могъ думать, чтобъ столько уже лѣтъ сотлѣвалъ въ семъ мѣстѣ прахъ того человѣка, который былъ ко мнѣ такъ близокъ и любилъ меня такъ много; воображалъ-ли я себѣ въ послѣднюю мою здѣсь бытность, что я при будущемъ и теперечнемъ сюда пріѣздѣ найду сестру мою уже во гробѣ сотлѣвающею? Но ахъ! знаю-ли я и о себѣ что-нибудь? можетъ быть и самъ я уже очень близокъ къ таковой же участи и земля готовится принять и меня уже въ свои нѣдра!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ возвратившись въ домъ и не хотя ни минуты терять времени понапрасну, принялся я тотчасъ за дѣла и сталъ разсматривать крѣпости, счислять дачи и переписывать людей и все ихъ недвижимое имѣніе, дабы получить о томъ понятіе, и занимался тѣмъ до самой ночи.

Между тѣмъ возвратился и посыланной къ г. Баклановскому съ извѣстіемъ, что онъ дома и велѣлъ насъ звать къ себѣ. Я обрадовался тому очень, но вкупѣ не весьма доволенъ былъ перепадающими слухами, подававшими поводъ къ нѣкоторымъ сумнительствамъ на сего господина; однако я по обыкновенію своему рѣшился смотрѣть, что окажетъ время.

Такимъ образомъ, по утру на другой день начали мы собираться къ г. Баклановскому. Какъ онъ мнѣ былъ еще незнакомъ, то не зналъ я какъ лучше мнѣ къ нему ѣхать, къ обѣду ли или послѣ обѣда?

Жилъ онъ отъ дому племянницъ моихъ не очень близко и болѣе 20 верстъ, и какъ къ обѣду ѣхать къ нему, какъ къ незнакомому человѣку, казалось мнѣ дурно, а и къ самой ночи не очень ладно, то за лучшее почли мы ѣхать къ нему ни къ обѣду, ни къ ночи, а поранѣе дома позавтракавъ, чтобъ въ нужномъ случаѣ можно было въ тотъ же день и домой возвратиться.

Ѣдучи къ нему, не могъ я довольно налюбоваться красотой и положеніемъ мѣстъ въ сей части Кашинскаго уѣзда

Мѣста сіи были совсѣмъ отъ нашихъ отмѣнныя и столь ровныя, что ровнѣй ихъ быть было не можно: не было ни одной горки, ни одного холма, ни одной лощины и вершины. Земля же была повсюду хлѣбородная, покрытая богатою жатвою.

Селъ, и деревень и господскихъ домовъ видимо было повсюду множество такое, что все обширное протяженіе всего пространнаго и горизонтальнаго поля казалось ими усѣяно. Однѣ только рощицы скрывали нѣкоторыя отъ зрѣнія; но и тѣ, будучи прекраснѣйшія отъемныя и равно какъ нарочно насѣянныя и насажденныя, придавали только мѣстамъ симъ наивящшую красоту и великолѣпіе.

Каждая деревня, изъ коихъ ни одна не походила на наши, имѣла поля свои особые и кругомъ огороженные, и въ виду и близости у себя двѣ или три деревенки.

Селенія сіи были хотя небольшія, но довольно хорошія и прибористо построенныя, и въ каждой почти выкопанной посреди прудокъ, снабжающій оную водою. Словомъ, все походило на нѣкакой натуральный красивый садъ или паркъ аглинской, и я во всю дорогу не могъ довольно налюбоваться и навеселиться.

Какъ мы ни спѣшили, но пріѣхали въ Белеутово или то селеніе, гдѣ жилъ г. Баклановской, не гораздо уже рано. Я нашелъ тутъ все противное моему ожиданію и воображенію.

Г. Баклановскаго казалось мнѣ, что я негдѣ видалъ, но не имѣлъ случая знать, а ему также лицо мое было знакомо. И какъ былъ онъ человѣкъ весьма хорошихъ свойствъ, здраваго разума и охотникъ до наукъ и художествъ, то мы скоро другъ съ другомъ сладили и сдружились. Онъ былъ мнѣ очень радъ и ни подъ какимъ видомъ не отпустилъ насъ отъ себя въ тотъ день, а особливо для того, что въ послѣдующій день былъ у него годовой праздникъ.

Итакъ, оставшись у него ночевать, провели мы всю оставшуюся часть дня и весь вечеръ въ безпрерывныхъ разговорахъ о матеріяхъ разныхъ.

Сіи между такими людьми, какъ мы, были неисчерпаемы и г. Баклановской, любя говорить, особливо по вечерамъ, не преставалъ ни на минуту; а мнѣ то было и кстати.

Я не уступалъ ему въ томъ нимало и радъ былъ, что сей случай не только познакомилъ меня съ нимъ короче, но и подалъ ему поводъ даже полюбить меня и получить весьма хорошее обо мнѣ мнѣніе.

Такимъ образомъ праздновали мы въ послѣдующій день у г. Баклановскаго его праздникъ, и я имѣлъ случай видѣть тутъ многихъ кашинскихъ дворянъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться.

Мы ѣздили съ хозяиномъ, какъ уже съ пріятелемъ, вмѣстѣ къ обѣдни въ село Кожино, гдѣ было множество господъ и госпожъ, и между прочими и сослуживецъ мой г. Коржавинъ, и гостей у господина Баклановскаго было множество, болѣе 30-ти человѣкъ сидѣло насъ за столомъ, и я имѣлъ счастіе всѣмъ имъ какъ-то полюбиться.

Послѣ обѣда хотѣли-было мы ѣхать домой, но полюбившій меня г. Баклановскій не отпускалъ, а уговаривалъ, чтобъ остаться и въ тотъ день у него ночевать; а какъ и мнѣ хотѣлось съ нимъ о нашемъ дѣлѣ поболѣе поговорить, то и согласился я на то охотно, а съ нами вмѣстѣ остался ночевать и г. Коржавинъ, и намъ было очень нескучно.

Въ послѣдующій день поѣхали мы уже рано домой. Между тѣмъ возвратился посыланный въ Кашинъ для провѣдыванія о мачихѣ, съ которою намъ надлежало имѣть дѣло, и привезъ извѣстіе, что она находится въ Кашинѣ, и тѣмъ очень довольна что я пріѣхалъ скоро; также сказывали намъ, что возвратилась домой и госпожа Калычова.

Услышавъ о семъ согласились мы тотчасъ къ ней ѣхать и тѣмъ паче, что мнѣ хотѣлось очень видѣть сію госпожу, о которой наслышался я отъ племянницъ моихъ такъ много хорошаго.

Катерина Өедоровна приняла меня очень ласково и пріятно, а и взрослый, но холостой еще сынъ ея, котораго зва-

ли Θедоромъ Андреевичемъ, обошелся со мною очень хорошо.

Я нашелъ тутъ домъ совсѣмъ отмѣнный отъ дома г. Баклановскаго и обхожденіе совсѣмъ другого рода. Вмѣсто того, что тамъ было все болѣе по-деревенски и безъ дальнихъ затѣевъ и церемоніаловъ, тутъ, напротивъ того, все было по-московски, все прибористо, щеголевато и хорошо и всѣ порядки и обхожденія совсѣмъ инаково, нежели въ томъ углѣ, гдѣ жилъ г. Баклановской и гдѣ все было смѣшано еще нѣсколько съ стариною.

Сама госпожа была уже лѣтъ за 50, но пріятнѣйшая, добронравная и почтенная старушка. Она знала меня уже отчасти, ибо я видалъ ее въ прежнюю мою бытность въ Кашинѣ; но въ сей разъ имѣлъ я какъ-то особливое счастіе ей понравиться и она была мною очень довольна и обходилась со мною какъ родная.

Сына ея я до сего времени еще не зналъ, но мы спознакомились и сдружились съ нимъ также скоро. Онъ былъ малый молодой, учившійся, умѣвшій по-французски и охотникъ до поэзіи и наукъ свободныхъ.

Онъ пригласилъ меня въ свои комнаты, которыя онъ имѣлъ особыя, гдѣ говорили мы съ нимъ по-французски и онъ читалъ мнѣ даже съ восторгомъ нѣкоторыя изъ стихотвореній славнаго французскаго сатирика Боало, въ которыхъ находилъ онъ отмѣнный вкусъ. Я не преминулъ сдѣлать ему объ нихъ нѣкоторыя замѣчанія и далъ знать, что они мнѣ довольно знакомы.

Препроводивъ нѣсколько времени въ томъ, играли мы потомъ съ нимъ въ биліардъ, который имѣлъ онъ въ своихъ комнатахъ. Въ сію любимую мною игру не игралъ я уже около десяти лѣтъ и съ самаго отъѣзда изъ Кёнигсберга, ибо тогда рѣдко гдѣ они въ домахъ бывали, и къ удовольствію моему узналъ, что я не совсѣмъ еще ее позабылъ. Словомъ, мы провели съ нимъ нѣсколько часовъ довольно пріятно.

Госпожа Калычова не отпустила насъ никакъ безъ ужина; итакъ, возвратились мы домой уже ночью, гдѣ нашли пріѣхавшаго изъ Бѣжецка и настоящаго хозяина, то-есть моего племянника.

Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось видѣть сего будущаго моего воспитанника и ученика, и онъ невѣдомо какъ радъ былъ меня увидѣвъ.

Такимъ образомъ сдружился я съ обоими домами, которымъ надлежало помогать мнѣ въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Я не преминулъ поговорить съ ними обо всемъ; но какъ мы всѣ не знали точнаго намѣренія мачихи, то и не могли ничего положить, а назначили день, въ который бы намъ всѣмъ съѣхаться и пригласить къ переговорамъ мачиху.

Въ послѣдующій день, во ожиданіи срочнаго и будучи одни дома, на досугѣ экзаменовалъ я моего племянника. Мальчикъ онъ былъ еще небольшой, имѣлъ понятія не совсѣмъ острыя, однако и не совсѣмъ тупыя и способности весьма средственныя. Въ Бѣжецкѣ началъ-было онъ учиться по-нѣмецки, но я нашелъ, что зналъ онъ еще очень мало.

Наконецъ насталъ срочный и тотъ день, въ которой рѣшилась судьба моей коммисіи, или въ которой имѣли мы переговоръ съ мачихой моихъ племянницъ.

Было сіе 11-го числа сентября мѣсяца. Мы пригласили всѣхъ къ себѣ обѣдать, и прежде всѣхъ пріѣхала мачиха съ одною изъ своихъ родственницъ, потомъ госпожа Калычова съ сыномъ, тамъ г. Баклановской съ женою и сыномъ; а пообѣдавши, мы и приступили къ дѣлу.

Переговоры продолжались долго, и мачиха была боярыня хотя и не изъ бойкихъ, но долго не могли мы ничего успѣть.

Къ намъ подъѣхалъ и г. Коржавинъ, и старался также помогать намъ уговаривать нашу упрямицу, сколько было въ его силахъ, и мы не прежде какъ чрезъ нѣсколько часовъ насилу ее уговорили, чтобъ она согласилась всю свою часть и претензію племяннику и племянницамъ моимъ продать и взять за все деньги, и довольно умѣренное количество и не болѣе какъ 950 рублей, но съ тѣмъ, чтобъ и пошлины были наши.

Симъ образомъ дѣло наше получило свое основаніе, и мы положили свидѣться еще въ послѣдующій день у г. Баклановскаго и условиться о сдѣлкѣ.

Окончавъ сіе по желанію, унимали мы было мачиху у себя ночевать; но какъ она не согласилась, то и разъѣхались всѣ, кромѣ г. Коржавина, съ которымъ, переночевавши и на другой день отобѣдавъ, поѣхали мы всѣ въ Белеутово, чтобъ видѣть опять тамъ мачиху.

Г. Баклановской былъ намъ радъ и мы хотя нашли у него мачиху, но въ сей день обстоятельствы не дозволили намъ трактовать о нашемъ дѣлѣ, и мы принуждены были отложить то до послѣдующаго утра и остаться опять ночевать у него.

Тутъ имѣли мы съ нимъ опять множество разговоровъ, а особливо въ его башнѣ. Онъ, будучи женатъ на дочери придворнаго садовника, иностранца, имѣлъ у себя прекрасной регулярной садъ со множествомъ разныхъ произрастеній, и въ немъ превысокую башню о множествѣ этажей, составляющую нѣкоторой родъ китайской пагоды.

Въ сіе-то любимое свое убѣжище завелъ онъ насъ съ г. Коржавинымъ, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться и я налюбоваться дальновидностію съ высоты сего высокаго зданія, и видимыми съ него многими прекрасными окрестностями. А въ такихъ же пріятныхъ разговорахъ провели мы и весь вечеръ.

На утріе былъ у насъ съ нимъ въ кабинетѣ его общій совѣтъ о томъ, на какомъ основаніи оставить мнѣ своихъ племянницъ, въ разсужденіи ихъ домоводства, а съ мачихою условились мы съѣхаться чрезъ день послѣ того въ Кашинѣ для написанія записи.

При отъѣздѣ подарилъ мнѣ г. Баклановской нѣсколько эстамповъ и сѣмянъ садовыхъ, какихъ у меня не было, и ссудилъ нѣкоторыми книгами на подержаніе. А не успѣли мы пріѣхать домой, какъ узнали, что была присылка за нами отъ госпожи Калычовой, къ которой мы, пообѣдавъ дома, тотчасъ и поѣхали.

Госпожа Калычова была очень довольна нашимъ послушаніемъ и пріѣздомъ. У ней нашли мы цѣлое собраніе. Былъ у ней меньшой ея зять г. Барковъ, съ ея дочерью Анною, также и пріѣхавшая съ Москвы старшая ея дочь, г-жа Змѣева, и еще нѣкто г. Фаминдынъ.

Препроводивъ весь сей день у ней съ удовольствіемъ и отъужинавъ, хотѣли-было мы ѣхать домой, но страшная гроза, остановивъ, принудила насъ остаться у ней ночевать; и какъ я спалъ въ комнатѣ ея сына и опять имѣлъ съ нимъ множество разговоровъ, то сей случай познакомилъ насъ еще больше, и онъ меня очень полюбилъ.

Какъ на утріе случилось быть празднику Воздвиженія честнаго креста, то старушка не отпустила никакъ насъ отъ себя безъ обѣда. Мы отправили въ сіе утро меньшую племянницу мою въ Угличъ для заниманія денегъ, ибо своихъ у нихъ не было, а послѣ обѣда пріѣзжалъ къ намъ кашинскій секретарь, и мы переговорили съ нимъ о записи.

Я очень радъ былъ услышавъ отъ него, что намъ все свое дѣло можно было скоро и легко кончить въ Угличѣ; итакъ, возвратились мы домой уже къ вечеру и съ удовольствіемъ.

По утру въ слѣдующій день, взявъ малолѣтнаго племянника своего, поѣхалъ я очень рано съ нимъ въ Кашинъ, ибо въ сей день условились мы съ г. Баклановскимъ съѣхаться туда и писать записи.

Городъ сей случилось мнѣ въ сей разъ впервые еще видѣть. Онъ показался мнѣ не очень великъ, а городкомъ средственнымъ, построеннымъ на высокихъ неровныхъ и кривыхъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ нарочитой величины рѣчки Кашенки, протекающей сквозь сей городъ кривыми изгибами и верстъ за 7 отъ города впадающей въ рѣку Волгу.

Совсѣмъ тѣмъ церквей и монастырей было въ немъ довольно. Первыхъ насчиталъ я—каменныхъ и деревянныхъ 25, а послѣднихъ 3. Но всѣ они были не весьма великолѣпны. Самые соборы, изъ которыхъ въ одномъ мнѣ быть случилось,

ничего дальняго не имѣли кромѣ только, что въ одномъ хранимы были мощи древней княгини тверской Анны, жены князя Михаила, лишеннаго за 450 лѣтъ до того въ Ордѣ жизни.

Что касается до прочихъ зданій, то не было тогда никакихъ отмѣнно знаменитыхъ, но все простыя, выстроенныя по горамъ и косогорамъ, и по кривымъ и дурнымъ улицамъ.

Впрочемъ не было тогда въ семъ городѣ ни фабрикъ, ни другихъ какихъ отмѣнныхъ заведеній, кромѣ того, что славился онъ во всей Россіи бѣлилами, съ отмѣннымъ искусствомъ тутъ дѣлаемыми и по всей Россіи разводимыми и которыя почитались наилучшими.

Кромѣ сего славны были и кашинскія такъ-называемыя бесѣдки или калачи особливаго и такого устроенія, какого нигдѣ въ другихъ мѣстахъ нѣтъ; и я не могъ довольно надивиться, какъ хочется людямъ при печеніи оныхъ имѣть столь многіе труды, потребные къ сплетенію такого множества мелкихъ витушекъ или плетешковъ, которыми вся плоская ихъ поверхность сверху укладывается. Разсказывали мнѣ, будто они имѣютъ то удивительное свойство, что они нечерствѣютъ; однако я худо тому вѣрилъ, какъ совсѣмъ не натуральной вещи.

Мы пріѣхали прямо въ такъ-называемый Каблуковъ монастырь, и отслушавъ немъ обѣдню, а между тѣмъ подъѣхалъ и г. Баклановской съ г. Коржавинымъ, и мы вмѣстѣ съ ними пошли въ воеводскую канцелярію, куда вызывали и мачиху, но она не поѣхала никакъ.

Итакъ, вмѣстѣ съ воеводскимъ товарищемъ обѣдали мы у игумена Ѳеодосія, гдѣ написавъ черную запись, ѣздили уже послѣ обѣда сами къ упрямой мачихѣ, и рады были, что наконецъ она ее апробовала.

Но тутъ было на насъ другое горе. Не могли мы никакъ отыскать подъячего, у котораго на рукахъ была гербовая бумага, и принуждены отложить то до послѣдующаго утра. И какъ г. Баклановской пригласилъ насъ ѣхать къ нему ночевать, а напередъ заѣхать въ Дмитровской монастырь къ строителю Кесарію, который былъ ему отмѣнно друженъ; то мы туда и поѣхали, но гости сіи были мнѣ очень непріятны.

Была у нихъ тутъ по своей вѣрѣ изрядная попойка, и какъ принуждали неотступно и меня брать въ томъ соучастіе, то, ненавидя душевно сіе гнусное и старинное обыкновеніе, не радъ былъ, что и попался въ сію компанію и насилу-насилу товарищей своихъ оттуда вызвалъ.

Переночевавъ опять вмѣстѣ съ г. Коржавинымъ въ Белеутовѣ, ѣздили мы на другой день вторично въ Кашинъ и насилу кончили первое наше дѣло съ мачихою, и написали крѣпостную запись въ залогъ вѣрности даннаго ею слова совершить купчую какъ скоро будетъ можно. Непостоянство нрава сей госпожи и неизвѣстность, скоро ли сыщемъ мы занять деньги, насъ къ тому принудило.

Послѣднее обстоятельство наводило на меня особую заботу и я боялся, чтобъ оно не задержало меня долѣе, нежели сколько я хотѣлъ, въ предѣлахъ кашинскихъ. Нѳ, по счастію, возвратившаяся изъ Углича племянница моя обрадовала насъ увѣдомленіемъ, что она деньги занять нашла, и оныя ей вѣрно обѣщаны.

И какъ тогда оставалось только совершить купчую и для сего съѣздить съ мачихою въ сей провинціальный городъ, то и приступили мы къ ней о томъ съ просьбою; а поелику и самой ей хотѣлось скорѣй кончить сіе дѣло и получить въ руки деньги, то согласилась и она безъ дальняго замедленія туда вмѣстѣ съ нами отправиться.

Итакъ, собравшись и поѣхали мы въ сіе недальнее путешествіе, ибо городъ сей отстоялъ отъ Кашина не далѣе какъ на 40 верстъ.

Оный случилось мнѣ тогда также въ первый разъ еще видѣть, и онъ, несмотря на всю свою древность, показался мнѣ немногимъ чѣмъ лучше Кашина. Онъ сидѣлъ на самомъ берегу славной нашей рѣки Волги, на ровномъ мѣстѣ и окру-

женъ съ одной стороны густою высокою рощею и былъ довольно обширенъ.

Я насчиталъ въ немъ болѣе 25-ти церквей и нѣсколько монастырей; но что̂ такое составлялъ онъ въ сіе время противъ того, что былъ онъ въ древности, когда окружность его простиралась до 24 верстъ, а вдоль и поперекъ его не менѣе 5-ти верстъ, и когда было церквей болѣе 150-ти и однихъ монаховъ болѣе 2,000 человѣкъ, а число жителей простиралось до 30-ти тысячъ, вмѣсто того, что въ сіе время было ихъ съ небольшимъ только 5 тысячъ человѣкъ!

Вѣдая отчасти изъ исторіи обо всемъ, что происходило въ древнія времена съ симъ городомъ, не могъ я, чтобъ при подъѣзжаніи къ нему не заняться разными объ немъ помышленіями и мысленными разглагольствіями съ самимъ собою.

«И здѣсь,—говорилъ я: обитало нѣкогда великое множество смертныхъ; и сіе мѣсто было такъ долгое время обиталищемъ многихъ другъ за другомъ слѣдовавшихъ удѣльныхъ князей россійскихъ, изъ коихъ иные счастливую, а другіе несчастную жизнь провождали. Владѣльцы и государи сіи были хотя небольшіе, но имѣли также свои дворы и также своихъ приближенныхъ и вельможей!

«И сіе обиталище толь многихъ тысячъ народа не спаслось отъ хищныхъ и злодѣйскихъ рукъ литовцевъ, разорявшихъ за 200 лѣтъ до сего столь чувствительно отечество наше! Не пощадили они и сіе несчастное мѣсто, и кровь предковъ лилась ручьями и обагрила всю землю въ обиталищѣ семъ! Всѣхъ жителей истребили они мечемъ своимъ почти до единаго и домы ихъ превратили въ пепелъ.

«Въ сіе-то мѣсто сосланъ былъ нѣкогда несчастный и послѣдній остатокъ нашего древняго царскаго дома, и тутъ, коварствомъ славнаго Годунова, стремившагося тогда на престолъ Россійскаго Царства, въ жертву принесенъ властолюбію его несчастный младенецъ, имѣвшій только 7 лѣтъ отъ своего рожденія.

«Посреди бѣлаго дня, по предательству мамки, пораженъ онъ былъ сообщниками тайныхъ дѣлъ его, ножемъ въ горло, и безжалостно умерщвленъ къ неописанному прискорбію царицы, матери его, вмѣстѣ съ нимъ сосланной и здѣсь жившей.

«И здѣсь орошаема была земля слезами матери сей сугубо несчастной и раздавался стонъ и вопль отъ гражданъ, долженствовавшихъ терпѣть наказаніе за чужія вины и беззаконія, и разставаясь съ милою родиною своею, переселяться въ отдаленныя страны сибирскія!

«О времена! времена и нравы! какъ много перемѣнились съ того времени, и какое спокойствіе водворяется нынѣ въ миломъ отечествѣ нашемъ вмѣсто прежнихъ смутныхъ и безпокойныхъ временъ».

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ въѣхали мы въ такъ-называемую Псарню или знаменитую слободу, отдѣленную отъ города рѣкою Волгою, а переправившись тутъ чрезъ рѣку сію, и въ самой городъ.

Пребываніе наше въ ономъ не продолжалось болѣе двухъ сутокъ, ибо какъ нужно было только совершить купчую, то и кончили мы дѣло сіе скоро, и вручивъ деньги мачихѣ, и раздѣлались съ нею совершенно.

Окончивъ благополучно сіе главное дѣло, сталъ я поспѣшать своимъ возвращеніемъ назадъ въ Веденское, и за поспѣшностію сею не имѣлъ времени и осмотрѣть всѣ достопамятности, находящіяся въ семъ городѣ, а паче всего находящійся и понынѣ еще въ цѣлости тотъ маленькій о двухъ жилахъ каменный со сводами домикъ, гдѣ жилъ несчастный царевичъ Дмитрій, съ своею матерью, и о коемъ разсказывали мнѣ, что стѣны въ немъ росписаны живописными священными изображеніями; и мнѣ очень жаль было, что не удалось видѣть самолично сего знаменитаго монумента древности.

О нетлѣнномъ-же тѣлѣ сего невинно убіеннаго царевича сказывали мнѣ, что оно многіе годы спустя послѣ того и во дни уже царя Василья Ивановича Шуйскаго, перенесено изъ тутошней

придворной церкви въ московскій Архангельскій соборъ.

Такимъ-же образомъ не удалось мнѣ побывать и въ соборѣ и видѣть тамъ находящіеся мощи князя Романа, жившаго тутъ безъ мала за 500 лѣтъ до того времени; и я едва успѣлъ взглянуть на высокій земляной валъ, составлявшій нѣкогда самую тутъ крѣпость и довольно еще и тогда видимой. Мнѣ показался онъ саженъ въ 5 вышиною, а ровъ, видимый еще и понынѣ, 2 саженъ; но пространство всей крѣпости простиралось съ небольшимъ только на полверсты окруженіемъ.

Но кромѣ сего находился въ семъ городѣ и другой валъ, которымъ окруженъ весь нынѣшній городъ, простирающійся верстъ на пять въ окруженіи и примыкающій обоими концами своими къ рѣкѣ Волгѣ.

По возвращеніи своемъ въ село Веденское и по успокоеніи съ сей стороны моихъ племянницъ, приступилъ я къ разнымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Я входилъ во всѣ подробности сколько было можно, и препроводивъ въ томъ нѣсколько дней, не сталъ долѣе мѣшкать; но поспѣшая возвращеніемъ во свояси, объѣздилъ съ племянницами своими всѣхъ ихъ пріятелей и сосѣдей, и поручивъ ихъ покровительству оныхъ и распрощавшись съ ними, пустился въ обратный путь, взявъ съ собою и малолѣтнаго ихъ брата для воспитанія и обученія его всему, чему научить я былъ въ состояніи.

Племянницы мои, при безчисленныхъ благодареніяхъ за трудъ, предпріятой для ихъ и за оказанное имъ вспоможеніе, провожали насъ на нѣсколько верстъ и разставаясь съ слезами, обѣщали пріѣхать къ намъ по наступленіи зимы.

Описаніемъ обратнаго моего путешествія не буду уже обременять васъ, любезный пріятель, а коротко только скажу, что ѣзда наша въ сей разъ была благоуспѣшная, спокойнѣе и лучше.

Погодѣ случилось быть тогда прекрасной и мы, не видавъ никакой нужды и не претерпѣвъ никакого зла и остановки, доѣхали въ немногіе дни до Москвы; а и тутъ пробывъ самое короткое время, повидавшись съ другомъ моимъ г. Полонскимъ, искупивши все, чтó было нужно въ деревню, пустились мы далѣе, и въ началѣ октября, и за нѣсколько еще дней до своихъ имянинъ, къ которымъ мнѣ домой поспѣть хотѣлось, пріѣхалъ благополучно въ свою деревню и обрадовалъ своихъ домашнихъ, дожидавшихся меня уже давно съ нетерпѣливостію.

Но какъ письмо мое получило уже свойственную себѣ величину, то окончивъ на семъ пунктѣ и оное и сказавъ вамъ, что я есмь всегда относительно къ вамъ тѣмъ же, остаюсь вашъ и прочая.

(Дек. 10, 1807).

Письмо 146-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдовавшихъ трехъ письмахъ всю ѣзду мою въ кашинскіе предѣлы, пойду теперь далѣе и буду разсказывать, чтó происходило со мною въ достальное время сего года.

Къ особому удовольствію моему, при возвращеніи своемъ въ домъ нашелъ я всѣхъ домашнихъ своихъ здоровыми, и въ числѣ ихъ и самую племянницу мою выздоровѣвшую отъ болѣзни; а что всего пріятнѣе для меня было, и межевыя дѣла въ хорошемъ положеніи.

Межеванье въ отсутствіе мое хотя и продолжалось, но межевали все не наши, а прочія, неподалеку отъ насъ лежащія селенія и дачи; а между прочимъ и дачу деревни моей Тулеиной, въ разсужденіи которой съ удовольствіемъ услышалъ я, что обмежевана она безспорно, и вся примѣрная въ ней земля не подверглась чрезъ то опасности. Что-жъ касается до нашихъ пустошей, то до нихъ въ отсутствіе мое не касались и онѣ все еще оставались неразмежеванными.

Какъ вскорѣ послѣ пріѣзда моего наступилъ день моего рожденія и имянинъ, и мнѣ наступилъ 33-й годъ отъ рожденія, то послѣдній праздновалъ я пó обыкновенію приглашеніемъ къ себѣ всѣхъ на-

шихъ друзей и сосѣдей и сдѣланіемъ для нихъ деревенскаго пира; и было ихъ въ сей разъ довольное количество въ собраніи.

Отпраздновавъ сей праздникъ, принялся я за сады свои и старался все оставшееся осеннее время употребить въ пользу произведеніемъ въ нихъ кое-какихъ дѣлишекъ, сколько могли мнѣ дозволять погоды; но наступившіе вскорѣ послѣ того морозы положили предѣлъ и симъ осеннимъ трудамъ моимъ, и обратили вниманіе мое къ другимъ и важнѣйшимъ предметамъ.

Поелику морозы и осеннія непогоды сдѣлали и продолженію межеванья остановку, то господа землемѣры, по обыкновенію своему, принялись за сочиненіе обмежеваннымъ землямъ плановъ и за исчисленіе всѣхъ оныхъ, а потомъ за примиреніе всѣхъ споровшихъ между собою; а по сему порядку скоро дошло дѣло и до меня, хотя и не по тутошнимъ дачамъ, а по калитинской, по которой, какъ я вамъ уже пересказывалъ прежде, связался, по несчастію, я съ сосѣдями споромъ, и которыя до сего времени еще рѣшены не были.

Сіе обстоятельство подаетъ мнѣ поводъ разсказать вамъ объ одномъ сколько досадномъ, столько, съ другой стороны, и смѣшномъ произшествіи, случившемся со мною.

Я уже упоминалъ вамъ, что споры, заведенные мною, были по калитинской дачѣ по случаю ошибки въ мнѣніи о количествѣ числа четвертей въ нашихъ дачахъ, неудачны и таковы, что я раскаявался, но уже поздно, что я завелъ оные.

Вмѣсто многаго и завѣрно полагаемаго недостатка въ нашей дачѣ, оказывалось, что въ ней дача была полная или имѣющая еще нѣсколько излишка, и что по сему другого не оставалось кромѣ того, чтобъ мнѣ отъ споровъ отказаться.

Сіе и совѣтовалъ мнѣ тамошній межевщикъ г. Хвощинской. Онъ, приславъ въ концѣ октября ко мнѣ нарочнаго съ письмомъ, предлагалъ мнѣ, чтобъ я прислалъ сказку, и чрезъ оную отказался отъ своего спора и болѣе потому, что у всѣхъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми я заспорилъ, оказались въ дачахъ недостатки, слѣдовательно къ полученію мнѣ земли не было ни малѣйшей надежды. Но какъ мнѣ самому хотѣлось видѣться и поговорить съ межевщикомъ, то и расположился я къ нему въ началѣ ноября самъ съѣздить.

Квартировалъ онъ тогда въ Маломъ Грызловѣ, и я, пріѣхавъ къ нему, засталъ у него противъ чаянія моего множество народа и между прочими обоихъ господъ Милоховыхъ и г. Руднева; а вскорѣ потомъ пріѣхалъ и Михайла Алексѣевичъ Пестовъ, главный мой по спорамъ соперникъ.

Признаюсь, что ѣдучи къ межевщику было у меня и то и сё на умѣ. Я давно уже тужилъ и раскаявался, что ошибкою и безъ всякой пользы и на свою голову надѣлалъ споровъ, однако утѣшался тѣмъ, что проступокъ сей учинилъ нечаянно и совсѣмъ невиннымъ образомъ. Совсѣмъ тѣмъ, явившійся у всѣхъ сосѣдей недостатокъ озабочивалъ и безпокоилъ меня много.

Въ дачѣ Калитинской по изчисленію моему хотя не было большого примѣра, однако все опасался я, чтобъ межевщики не намѣрили десятинъ 5 или 6 лишнихъ, въ которомъ случаѣ примѣра сего мнѣ необходимо лишиться было должно.

Правда, убытокъ сей былъ не великъ, однако какъ онъ собственно отъ моей невинной погрѣшности происходилъ, то стыдъ былъ для меня важнѣе всего, а при томъ не хотѣлось мнѣ невиннымъ образомъ ввесть въ тоже и сосѣдку свою и соучастницу въ дачахъ, Марѳу Маркеловну. А потому, ѣдучи дорогою, и находился я между страхомъ и надеждою и напередъ уже полагалъ, чтобъ въ случаѣ нужды уступить хотя своихъ родныхъ нѣсколько десятинъ, а не довесть сосѣдку свою до убытка; однако не зналъ я еще, сколько межевщиками найдено у меня примѣра и узнать сіе хотѣлось мнѣ очень.

Межевщикъ былъ мнѣ радъ по обыкновенію, ибо могу сказать, что всѣ они были ко мнѣ какъ-то благопріятны. Онъ принялъ отъ меня приготовленную и уже дома написанную отрицательную сказку и былъ тѣмъ очень доволенъ, а особливо потому, что я учинилъ тѣмъ предпринимаемому имъ миротворенію хорошее начало.

Совсѣмъ тѣмъ досадно было мнѣ, что при людяхъ не можно было мнѣ у него спросить, сколько земли по ихъ исчисленію нашлось въ калитинской дачѣ, а притомъ и страшился и спросить о томъ, боясь услышать противное.

Посидѣвъ немного, приступилъ онъ къ миротворенію всѣхъ насъ, спорщиковъ, ибо онъ для того въ сей день всѣхъ повѣренныхъ и созвалъ, чтобъ ихъ мирить; а буде тутъ не помирятся, то везти бы ихъ съ собою въ тотъ же день въ Серпуховскую контору, дабы она ихъ мирила прежде обыкновеннаго суда.

Сперва началъ онъ стараться разорвать споръ у глѣбовскихъ съ полозовскими. Въ обѣихъ сихъ дачахъ были недостатки, однако г. Пестовъ, какъ владѣлецъ глѣбовской, не хотѣлъ никакъ оставить своего спора и требовалъ отъ полозовскихъ половину заспореннаго имъ мѣста, а сіи не имѣли причины ему давать.

Итакъ, проговорили они очень долго и ничего не сдѣлали, и г. Пестовъ доказалъ о себѣ, что онъ въ разсужденіи раздѣлки былъ самый негодный и несговорчивый человѣкъ.

Потомъ дошло дѣло до моего съ нимъ спора. Межевщикъ встрѣтилъ его тѣмъ, что я жертвую ему своимъ споромъ и просилъ, чтобъ и онъ велѣлъ подписать мою сказку, увѣряя, что у насъ у обоихъ оказалось равномѣрно недостатка по четыре десятины.

Услышавъ о семъ, нимало мною не ожидаемомъ недостаткѣ, не зналъ я, что́ думать и вправду ли межевщикъ то говорилъ или нарочно, ибо я думалъ, что у меня примѣръ будетъ; но какъ говорилъ онъ сіе важнымъ и не шутливымъ образомъ, то заключалъ я, что онъ можетъ быть, благопріятствуя мнѣ, такъ мало въ дачѣ моей вычислилъ и понатянулъ немного, что, какъ извѣстно, и учинить имъ всегда было можно.

Но какъ бы то ни было, но на сердцѣ у меня тогда отлегнуло и я, по пословицѣ говоря, не много уже г. Пестова страшился, который недостаткомъ своимъ будучи надменъ, хотѣлъ насъ всѣхъ пожрать и требованіями своими невѣдомо какъ кичился.

Мнѣ онъ заблаговременно сказалъ, что нельзя ему никакъ, не взявъ ничего, со мною помириться, и требовалъ отъ меня по меньшей мѣрѣ 20 десятинъ.

Удивился я сему смѣшному и нелѣпому требованію, и будучи уже удостовѣренъ, что онъ и въ конторѣ отъ меня ничего не получитъ, не много ему кланялся.

Межевщикъ сколько могъ убѣждалъ его просьбою, чтобъ онъ старика (такъ называлъ онъ меня) не таскалъ въ Серпуховъ, увѣряя, что онъ меня по пустому свозитъ; но Михайло мой Алексѣевичъ не туда, а въ гору, а только и твердитъ: «дай 20 или по крайней мѣрѣ 10 десятинъ». Наконецъ по долговременномъ уговариваніи, сказалъ: «ну вотъ, послѣднее слово, по двѣ десятины на брата, то-есть 6 десятинъ, и теперь не говори мнѣ никто болѣе».

Досадно мнѣ было невѣдомо какъ, видя такого упругаго и несговорчиваго человѣка; но нечего было дѣлать, и я принужденъ уже былъ отмалчиваться.

Наконецъ, какъ мнѣ межевщикъ сталъ говорить, не могу ли я сдѣлать ему хоть маленькой какой уступочки, то рѣшился-было я дать ему изъ своей собственной земли двѣ десятины, еслибъ только онъ избавилъ меня отъ ѣзды въ Серпуховъ, куда мнѣ, какъ пріѣхавшему туда на одинъ часъ, безъ денегъ, безъ мундира, безъ постели и рубахи, ѣхать очень не хотѣлось.

Но статочное ли дѣло! г. Пестовъ не туда, и сколько межевщикъ ни увѣрялъ и ни уговаривалъ его, но онъ не хотѣлъ и слушать, а твердилъ только свои 6 десятинъ.

Видя сіе, сказалъ я наконецъ: «Когда

такъ и когда ѣхать мнѣ необходимо въ Серпуховъ, такъ тамъ не дамъ тебѣ и ничего».

— «Дѣльно, подхватилъ межевщикъ и онъ самъ станетъ о томъ послѣ тужить».

Послѣ чего, улуча свободную минуту, спросилъ я у межевщика тихонько, подлинно ли недостаетъ въ дачѣ моей 4 десятины, и какъ онъ меня увѣрилъ, что дѣйствительно такъ, то и не сталъ я болѣе говорить и рѣшился сдѣлать имъ компанію и ѣхать съ ними въ Серпуховъ, ибо признаюсь, что мнѣ тогда и отдаваемыхъ 2 десятинъ очень жаль было.

Итакъ, пообѣдавъ всѣ вмѣстѣ у межевщика, отправились мы во градъ Серпуховъ превеликою ватагою, и ѣхать намъ было очень не скучно.

Сидѣли мы почти всѣ вмѣстѣ въ коляскѣ Пестова и безпрерывно разговаривали и чему-нибудь смѣялись. Мысль, что ѣхали мы тогда, какъ говорятъ объ однодворцахъ и новогородцахъ, на одной повозкѣ судиться и рядиться, въ особливости развеселяла духъ мой.

Я внутренно тому хохоталъ и смѣялся, но въявь нехотя сему упрямцу и честолюбцу покоряться, ничего болѣе о землѣ говорить не начиналъ.

Напротивъ того г. Пестовъ не одинъ разъ мнѣ повторялъ: «эй воротись; въ Серпуховѣ и половину примѣру дашь!» но я, будучи уже о дѣйствительности недостатка увѣренъ, смѣялся только сему его требованію и въ отвѣтъ ему либо вовсе ничего не говорилъ, либо отвѣчалъ: «Ну! такъ уже и быть, братецъ! отдавать такъ отдавать, и когда поѣхали такъ уже ѣхать, и что̀ уже о томъ говорить».

Наконецъ пріѣхали мы уже въ Серпуховъ и какъ было уже очень поздно, то насилу нашли квартиру и стали всѣ вмѣстѣ на простомъ постояломъ дворѣ.

Какъ вечера тогда были уже длинные и осенніе, то скучно намъ было, и мы не знали въ чемъ препроводить намъ время.

Картъ съ нами не было, а сверхъ того хотя бы и можно было выдумать что-нибудь для прогнанія скуки, но я внутренно сердился и досадовалъ на г. Пестова а чрезъ то скучно было и всѣмъ.

Наконецъ, не стерпя болѣе самъ скуки, вздумалъ я имъ предложить играть въ кидалку игру, въ которую мы часто иногда дома игрывали и которая была очень забавна.

На полу, подлѣ одной стѣны, начерчивалось мѣломъ два полукружія, одно маленькое и такое, чтобъ въ ономъ могла только улечься маленькая табакирка, и въ ономъ изображалось число 9,—а другое кругомъ онаго поболѣе. Сіе послѣднее раздѣлялось поперечными чертами на 8 отдѣленій, и въ оныхъ изображались мѣломъ числы слѣдующимъ порядкомъ: начиная отъ стѣны 8, 6, 4, 2, 1, 3, 5, 7.

Послѣ чего каждой игрокъ клалъ по условію на тарелку или въ какое судно по сколько-нибудь денегъ въ общую сумму или банкъ, напримѣръ, по гривнѣ, и всѣ по порядку, отступя нѣсколько шаговъ на другой край комнаты, кидалъ въ сіи полукружія поочереди мѣднымъ пятакомъ, и буде кто попадалъ въ оныя, то и бралъ изъ банка столько копѣекъ, на какомъ числѣ ляжетъ пятакъ; а буде кто не попадалъ, или попадалъ, но пятакъ отпрыгивалъ и выкатывался вонъ, такой ничего не бралъ и не приставлялъ. Буде же кто такъ былъ счастливъ, что попадалъ въ число 9 и пятакъ легъ весь или на большую часть въ семъ маленькомъ полукружкѣ, то сей бралъ весь банкъ.

Когда же въ продолженіи игры, за безпрерывнымъ выбираніемъ изъ него, оставалось денегъ уже мало и кидавшій попадалъ въ число множайшее, напримѣръ, оставалось бы только 2 копѣйки, а онъ попалъ въ 6 или 8, то сколько выходило лишнихъ, столько онъ самъ приставлялъ въ банкъ, напримѣръ, 4 или 6; а самое сіе и дѣлало игру сію забавною и составляло душу оной.

Итакъ, тотчасъ отысканъ былъ мѣлъ, начерчены на полу круги и цифры, и началось дѣло. Скоро игра сія полюбилась всѣмъ чрезвычайно, и мы, оставя всѣ досады, проиграли весь вечеръ и были очень веселы.

Потомъ, когда на то пошло, то сыска-

ны были и карты. Сіи досталъ намъ гдѣ-то хозяинъ; но какъ были они не карты, а картишки, то сдѣлался вопросъ, какъ и во что играть? Для иной игры онѣ не годились, иную не всѣ знали, въ иную не всѣ хотѣли; итакъ, и въ семъ случаѣ долженъ былъ я что-нибудь выдумывать и предлагать и я не долго думая сказалъ:

— «Молчите, ребята! станемъ-ка играть такъ, какъ люди не играютъ. Вотъ колода, пускай она лежитъ опрокинутою, а мы, поставивъ по скольку-нибудь въ ставку денегъ, станемъ поочереди вскрывать по одной картѣ, и кому случится вскрыть червонную кралю, тотъ и бери всѣ деньги, а кто вскроетъ какую-нибудь изъ прочихъ червей, тотъ приставь копѣйку».

— «Ладно!» закричали всѣ, и давай играть. Итакъ, было и тутъ довольно смѣха, а всего болѣе насмѣшило насъ то, что хозяинъ, стоючи подлѣ насъ и смотря на игру нашу, вдругъ захохотавши сказалъ: «Экая-ста игра, прямая-ста Акулинка!»

Названіе сіе червонной крали намъ очень полюбилось, мы начали сами тому хохотать и прозвали ее и сами Акулиною, и проиграли и въ сію игру долго и насмѣялись довольно.

Наконецъ, дошло дѣло уже и до ужина. Сей былъ у насъ странной, безъ тарелокъ, и безъ вилокъ, а рѣзали и брали все руками. По счастію, случилось съ Пестовымъ жареное мясо, а безъ того были-бъ мы всѣ голодны.

Поужинавши стали мы помышлять о томъ, на чемъ бы намъ спать. Постеля была у одного только межевщика, а у насъ у всѣхъ ничего не было. Соломы въ городѣ взять было негдѣ; нечего было иного дѣлать: купили сѣна и настлали намъ епанчи, а постелю мы всѣ себѣ въ головы; итакъ, по самому походному обыкновенію изряднехонько ночь повалкою на полу и проспали.

Поутру, одѣвшись, начали мы опять говорить о землѣ, и не ходя еще въ контору мириться. Сперва мирился г. Пестовъ съ полозовскими помѣщиками, г. Рудневымъ и Милоховыми, и сіи насилу укланяли и упросили его, чтобъ онъ споръ свой, учиненной въ ихъ дачу, покинулъ и остался при прежнемъ владѣніи. Потомъ сталъ онъ со мною говорить; но какъ онъ отъ своего требованія не отступалъ, то я и говорить болѣе почелъ за излишнее; итакъ, пошли мы всѣ въ контору.

Судей тогда никого не случилось въ городѣ, и самъ главной изъ нихъ г. Брянчиновъ уѣхалъ въ Москву; итакъ, привелъ насъ межевщикъ къ секретарю Маркову, сему доброму и праводушному старичку, о которомъ я давно много хорошаго наслышался.

И подлинно я не могъ довольно налюбоваться его характеромъ. Онъ говорилъ правду какъ рѣзалъ, и какъ дошло до моего дѣла, то онъ безъ дальнихъ околичностей г. Пестову сказалъ: «И не говори судырь про это! а изволь-ка писать сказку; здѣсь тебѣ ничего не дадутъ, а вы останетесь при прежнемъ владѣніи».

Нечего было тогда г. Пестову дѣлать, и онъ принужденъ былъ согласиться и мы всѣ внутренно смѣялись, что онъ остался въ стыдѣ и не умѣлъ брать двухъ десятинъ, которыя я ему давалъ-было, а мое торжество было велико. Я выросъ такъ сказать на вершокъ и не могъ скрыть удовольствія своего о моей побѣдѣ, ибо дѣло кончилось гораздо лучше, нежели я себѣ воображать могъ.

Такимъ образомъ окончивъ сіе дѣло, сходилъ я въ ряды и въ монастырь повидаться съ старушкою, почтенною нашею знакомкою, а потомъ, пообѣдавъ, поѣхали мы опять всѣ вмѣстѣ въ Грызлово; и я возвратился домой уже поздно, проѣздивъ въ Серпуховъ по крайней мѣрѣ не по пустому и не даромъ.

Возвратившись домой принялся я за обыкновенныя свои осеннія литературныя упражненія, и занялся около сего времени сочиненіемъ спеціальной россійской карты Китайскому государству; но выпавшій 5-го числа ноября снѣгъ и наставшая зима отвлекла меня отъ оныхъ и подала поводъ опять къ разъѣздамъ и къ свиданіямъ съ друзьями нашими и сосѣдями

и къ разнымъ съ ними занятіямъ, а особливо въ длинные тогдашніе вечера.

Какъ оба межевщика наши жили все еще на заводѣ и къ намъ ѣзжали очень часто, то для нихъ собирались обыкновенно и всѣ наши сосѣди другъ къ другу; и какъ всѣ мы были на большую часть люди не старые, то всегда съѣзды и компаніи наши были пріятны и мы вечера провождали очень весело.

Мы обыкновенно принимались тотчасъ за карты и играли то въ ту, то въ другую игру, и какъ игрывали мы болѣе для увеселенія, то которая изъ нихъ была веселѣе и подавала намъ болѣе поводовъ къ смѣхамъ, та для насъ была и пріятнѣе; когда же наскучивали карты, то принимались мы играть въ фанты.

Относительно до сихъ придумалъ и ввелъ въ употребленіе я также много новостей и все для того, чтобъ были они забавнѣе и веселѣе; когда-жъ случалось пріѣзжать къ намъ и дѣвушкамъ съ молодыми боярынями, то должна была иногда и скрипица моя подавать имъ поводъ къ плясанію, а иногда и къ танцамъ, и такъ далѣе.

Въ сихъ пріятныхъ и почти ежедневныхъ сельскихъ занятіяхъ и невинныхъ увеселеніяхъ и не видали мы, какъ прошло нѣсколько дней вновь наставшей зимы; а вскорѣ за симъ завелись у насъ въ сосѣдствѣ опять свадебныя дѣла.

У живущаго неподалеку отъ насъ въ деревнѣ Средней Городни, незажиточнаго дворянина и жены моей дальнаго родственника, г. Лихарева, по имени Алексѣя Игнатьевича, была дочь на возрастѣ; за нее сватался также небогатый и молодой дворянинъ изъ фамиліи Волосатовыхъ. И какъ партія казалась сходная и они рѣшились дѣвушку за него отдать, то по назначеніи дня къ сговору приглашены мы были, какъ ближніе родственники, на оный и упрашиваемы помочь имъ въ семъ случаѣ всѣмъ возможнымъ, на что мы охотно и согласились.

Но, о! далась намъ сія свадебка! Было тутъ много всякой всячины, почему не за излишнеее почитаю разсказать вамъ объ ней подробно.

Какъ сговоръ назначенъ былъ въ самой михайловъ день, то-есть 8 ноября, то вмѣсто того, чтобъ праздновать сей день у брата Михаила Матвѣевича на имянинахъ, поѣхалъ я съ женою своею къ г. Лихареву.

Намъ надлежало поспѣшать туда къ обѣду, однако мы, какъ знали, дома порядочно позавтракали, ибо сговоромъ продолжилось дѣло до самаго почти вечера, и мы обѣдали почти уже при огнѣ. Впрочемъ и сговоръ сей былъ намъ не очень уже пріятенъ.

Женихъ былъ человѣкъ молодой, служившій въ гвардіи капраломъ, и самой сущій гвардіонецъ или прямѣе сказать удалой молодецъ. Гвардія наша какъ-то рѣдко производила тогда хорошихъ людей и нравы у молодыхъ болѣе портила, нежели исправляла. — Словомъ, онъ мнѣ съ самаго начала не очень показался. И самые первые его и предводителей его, изъ коихъ одинъ другого былъ удалѣе, поступки непредвозвѣщали мнѣ ничего хорошаго.

Съ нимъ было товарищей двое: одинъ нѣкто г-нъ Нечаевъ, по имени Ѳома Ивановичъ, человѣкъ немолодой, простой, недальнихъ замысловъ, отставной драгунской офицеръ; а другой истинно не знаю кто такой, а только знаю, что былъ того еще старѣе, того еще простѣе, того незамысловатѣе и бѣднѣе, въ овчинной шубѣ покрытой зеленымъ солдатскимъ сукномъ. Вотъ вся его свита, сторона и предводители, и отъ такихъ людей можно-ль было ожидать чего хорошаго и порядочнаго.

Съ нашей же стороны было-таки изрядное собраніе. Былъ я съ женою, былъ г. Ладыженскій съ женою, была еще одна госпожа, свояченица хозяйская, и у насъ все было какъ водится къ сговору приготовлено, но все пошло какъ-то не ладно.

Женихъ пріѣхалъ какъ-то не во́время и очень еще рано, такъ что невѣста не начинала еще и одѣваться; итакъ, при-

нужденъ онъ былъ нѣсколько часовъ дожидаться.

Въ сіе время не могли мы никакъ усадить жениха. Будучи очень зябокъ, стоялъ онъ все у печи и шалберилъ совсѣмъ не кстати и такъ, какъ жениху въ такомъ случаѣ нимало не пристало. Разговоры же и поступки его съ нареченнымъ тестемъ были мнѣ очень удивительны.

Однако какъ бы то ни было, однако наконецъ сговорили мы ихъ и обѣдали потомъ порядочно и какъ водится. Но удивительно было только то, что женихъ ничѣмъ не дарилъ невѣсту, да и вовсе на ее не смотрѣлъ и ничего съ нею не говорилъ, однимъ словомъ, и не походило на то, чтобъ онъ женихъ былъ.

Послѣ стола было намъ таковожъ скучно, какъ и до обѣда; говорить было не съ кѣмъ, а вмѣсто музыки догадало г. Нечаева заставить бывшаго тутъ попа пропѣть что-нибудь; а тотъ, будучи тому радъ, и ну орать съ картавымъ своимъ сыномъ, а г-нъ Ладыженскій имъ подтягивать.

Признаюсь, что сего рода увеселенія въ компаніяхъ совсѣмъ для меня неприличными и всего скучнѣйшими казались, а особливо некстати было пѣть на сговорѣ. Итакъ, я, удалившись, въ скукѣ сидѣлъ подлѣ печки и грѣлся между тѣмъ, какъ ходили рюмки. Однако все сіе шлотаки такъ и сякъ, но наконецъ женихъ все подгадилъ.

Вышедши въ другую половину снесло ихъ съ нареченнымъ тестемъ, и они начали говорить о рядной и о подпискѣ оной. Женихъ не хотѣлъ подписывать прежде, покуда не женится, а тесть тѣмъ былъ недоволенъ. Итакъ, слово за слово и дошло у нихъ до крупнаго.

Мы также человѣкъ по человѣку собрались туда-же, и скоро крупной разговоръ сдѣлался общимъ. Я какъ ни былъ въ такихъ случаяхъ молчаливъ, однако не могъ вытерпѣть, чтобъ тутъ же не вмѣшаться, а особливо когда женихъ, оставя всю благопристойность въ семъ случаѣ, вралъ нелѣпую и хотѣлъ сдѣлать всѣхъ насъ несмыслями, а одного себя умнымъ.

Итакъ, принуждены мы были ему доказывать, что мы не пѣшки, и что и онъ на насъ не на дураковъ напалъ. Сей вздоръ продолжался болѣе часа и доходило-было до хорошей брани, и наконецъ разстались ни на чемъ и не очень гладко, такъ что мы и не знали что послѣдуетъ послѣ.

Проводивъ жениха, спѣшили мы ѣхать домой, и досадовали, что помянутый вздоръ продержалъ насъ до ночи. Ѣхать намъ было хотя недалеко, но очень дурно, а притомъ было чрезвычайно холодно и морозно.

Мы пріѣхали на саняхъ, и какъ должны мы были при переѣздѣ чрезъ рѣчку Трешню спускаться съ прескверной и крутой горы, и чрезъ самую ее перебираться на весьма скверномъ и безпокойномъ переѣздѣ, то по случаю беременности моей жены, озабочивался я очень ея положеніемъ и боялся, чтобъ она себя неповредила; однако мы переправились и доѣхали до своей деревни благополучно.

Тутъ разсудилось намъ заѣхать на вечеръ къ имянинннику; но какъ сказали намъ, что нѣтъ никого дома и хозяева со всѣми гостьми своими уѣхали къ Матвѣю Никитичу, то проѣхали и мы туда и тамъ замѣнили въ скудѣ проведенный день провожденіемъ вечера очень весело въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ, гдѣ наконецъ мы и ужинали.

Превеликая стужа, соединенная съ ужасною мятелью, принудила насъ оба послѣдующіе дни проводить дома, а меня заняли продолженіемъ перевода «Путешествія въ Китай», г. Нейгофа, начатаго уже за нѣсколько до сего времени. Между тѣмъ, собирались мы ѣхать на помянутую свадьбу, которой положено было быть вскорѣ.

Сія свадьба приближалась къ намъ какъ гора нѣкая, и я могу сказать, что никогда не ѣзжалъ я съ такою неохотою какъ въ сей разъ, не для того, что были они люди небогатые, но для того, что женихъ-то казался быть безпутнымъ; а и о самомъ тестѣ не знали мы какъ су-

дить, и потому другого и ожидать было не можно, кромѣ вздора и безпутицы, а къ тому-жъ, и крайняя дурнота погоды умножала до того смущеніе, что помышляли уже мы о томъ, чтобъ и отказаться. Но пріѣхавшая къ намъ невѣстина мать и съ слезами насъ для самого Бога просящая, чтобъ ее въ семъ случаѣ не оставить, принудила насъ согласиться на ея просьбу, и не только дать слово самимъ на утріе ѣхать для провожденія невѣсты къ церкви, но и дать ей въ тотъ же еще день, для отвоза приданаго, людей и женщину, долженствующую отправлять при томъ должность такъ-называемой барской барыни.

Такимъ образомъ въ послѣдующій день надлежало намъ на свадьбу сію ѣхать. Погода была и въ сей день наискврернѣйшая: превеликая мятель соединена была съ жестокою стужею и съ сильнымъ вѣтромъ; словомъ такая, какой хуже быть не можно и въ какую выбитые со двора не ѣздятъ. Истинно, какъ говорится, рубль бы отъ души далъ, чтобъ только не ѣздить; но какъ миновать было никакъ не можно, то съ самаго утра начали мы собираться въ сей путь, и горевали съ женою какъ быть и какъ ѣхать.

Мы пріѣхали часу въ одиннадцатомъ въ Городню, и нашли уже тамъ приглашеннаго къ тому же г-на Ладыженскаго, упражнявшагося съ хозяиномъ въ считаніи денегъ.

На сговорѣ условленось было, чтобъ отецъ далъ нѣкоторую сумму наличныхъ денегъ, и тутъ встрѣченъ я былъ непріятнымъ извѣстіемъ, что бѣднякъ г. Лихаревъ какъ ни метался всюду и всюду для отысканія помянутыхъ денегъ, но не могъ никакъ отыскать всего количества и что недоставало еще 60 рублей въ ту сумму, которую намъ съ собою взять надлежало по договору.

Обстоятельство сіе было для меня тѣмъ непріятнѣе и сумнительнѣе, что всѣмъ намъ было извѣстно то, что женихъ именно отзывался, что онъ ни въ полушкѣ болѣе 20-ти рублей въ долгъ не повѣритъ.

Итакъ, предвидѣлъ я и не сомнѣвался, что въ церкви произойдетъ сумятица, а потому и не хотѣлось мнѣ крайне ѣхать, и я дѣйствительно не поѣхалъ бы, естьлибъ было можно. Но какъ приданое было уже услано и не ѣхать никакъ было не можно: то съ общаго совѣта положили мы, приготовить и взять въ недостающемъ числѣ отъ отца вексель въ той надеждѣ, что по крайней мѣрѣ уговоримъ жениха, когда не тестю, такъ намъ повѣрить.

Итакъ, сыскавъ перо и бумагу, посадили мы господина Руднева за столъ и велѣли писать вексель.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, подъѣхала къ намъ приглашенная къ тому-жъ хозяиномъ г-жа Звягина съ сыномъ.

Госпожу сію звали Анною Игнатьевною, и мнѣ хотя случалось ее нѣсколько разъ видать, но знакомства съ нею не было, а сына ея я впервой разъ еще тогда видѣлъ. Его звали Егоромъ Ивановичемъ и былъ онъ человѣкъ молодой гвардейской офицеръ и малой доброй.

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему приумноженію нашей компаніи, а особливо, что съ нами была почтенная и такая боярыня, которая умѣла говорить и въ нужномъ случаѣ требованія уважить. Съ сыномъ же ея мы тотчасъ познакомились и сочлись еще роднею, а именно, что женѣ моей доводился онъ правнучетной братъ. Но сдружило насъ не столько сіе, какъ то, что мы нравами были нѣсколько между собою сходны.

Пріѣздъ сей госпожи былъ мнѣ и по другимъ двумъ обстоятельствамъ весьма пріятенъ, во-первыхъ, что привезла она съ собою еще 25 рублей денегъ, и хозяинъ прыгаючи почти отъ радости сообщилъ намъ о томъ извѣстіе; и какъ не доставало тогда только 15-ти рублей, ибо въ 20-ти рубляхъ хотѣлъ женихъ уже вѣрить: то и думали мы всѣ, что неужели будетъ онъ такъ безсовѣстенъ, что намъ всѣмъ и въ пятнадцати рубляхъ не повѣритъ.

Во-вторыхъ, и что всего для меня бы-

ло пріятнѣе, то жена моя могла тогда отъ сей трудной, безпокойной, и по тогдашнему дурному путю, ей въ разсужденіи беременности ея небезопасной поѣздки избавиться, ибо было тогда и кромѣ ей кому съ нами ѣхать, на что послѣ нѣсколькихъ затрудненій всѣ были и согласны и ей остаться дозволили.

Между тѣмъ приближалось время уже къ вечеру и мы, пообѣдавъ тутъ, спѣшили ѣхать; но совсѣмъ тѣмъ не могли прежде отправиться, какъ уже въ сумерки, такъ что не успѣли еще доѣхать до большой дороги, какъ совсѣмъ уже смерклось.

Теперь разсудите, каково было намъ ѣхать темною ночью и по самой скверной дорогѣ. Совсѣмъ тѣмъ ѣхать намъ было не скучно: всѣ мы четверо, то-есть я, г. Звягинъ, Рудневъ и г. Ладыженскій сѣли въ одинъ возокъ, а невѣста съ госпожами ѣхала въ другомъ, и какъ говорится въ пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, то было тогда то-же почти и съ нами.

Ѣзда была какъ ни безпокойна, но какъ съ нами былъ г. Ладыженскій, то шутливый и веселый его нравъ веселилъ насъ всѣхъ и заставливалъ безпрерывно хохотать и смѣяться, и чрезъ то менѣе чувствовать непріятности съ путешествіемъ симъ сопряженныя.

Ѣзда наша продолжалась большою тульскою дорогою на немалое разстояніе, ибо положено было вѣнчать въ одномъ волостномъ селѣ Егорьѣ, неподалеку отъ Азаровки находящемся, куда ѣдучи какъ ни старалися мы спѣшить, но не прежде могли приѣхать, какъ уже очень поздно и часу въ десятомъ вечера.

Первая наша забота была, чтобъ узнать тутъ ли и приѣхалъ ли женихъ. И какъ намъ сказали, что онъ давно уже тутъ и насъ у попа въ домѣ дожидается, то имѣя нужду съ нимъ прежде переговорить, пошли мы къ нему; и тогда началась такая комедія, какой я во всю жизнь не видалъ и не уповалъ видѣть, и которую изобразить точно перо мое далеко не въ состояніи.

Господина жениха застали мы въ переднемъ углу спящаго, и по разбуженіи ломающагося, вихляющагося и, какъ казалось, о нескоромъ нашемъ пріѣздѣ въ крайнемъ неудовольствіи находящагося.

Свита его состояла изъ двухъ только человѣкъ: одинъ былъ молодчикъ молоденькій г. Хрущовъ, Ѳедоръ Гавриловичъ, а другой прежній стариченца г. Барщовъ. Первый изъ нихъ порядочнымъ образомъ раздѣвшись спалъ, и сталъ при насъ только одѣваться, а второго сначала мы и не видали.

Поздоровкавшись, начали мы тотчасъ говорить, чтобъ приступить къ дѣлу; но не успѣли сказать, что деньги не всѣ, и что мы въ 35-ти рубляхъ привезли вексель, какъ женихъ нашъ въ гору, и предчувствіе мое совершилось во всей мѣрѣ.

Онъ не только въ 35-ти рубляхъ, но ни въ одной полушкѣ не хотѣлъ нареченному своему тестю вѣрить. Мы такъ, мы сякъ, но онъ не туда. Наконецъ дошло до того, что онъ и векселю тестеву въ 20-ти рубляхъ не хотѣлъ вѣрить, а требовалъ отъ Ладыженскаго, чтобъ онъ далъ ему вексель на себя, а мы бы всѣ засвидѣтельствовали и поручились.

Мы говорить, чтобъ онъ и въ 15-ти рубляхъ повѣрилъ, но не тутъ-то было. Онъ не хотѣлъ никакъ вѣрить. Мы всѣ уже ручались въ томъ и хотѣли дать ему уже вексель на себя, но онъ ничему не вѣрилъ, такая шаль неслыханная и дуралей неизобразимой!

Какъ ни у кого изъ насъ денегъ не случилось и помянутыхъ 15-ти рублей взять было негдѣ, то при таковомъ неслыханномъ жениховѣ упрямствѣ и невѣріи другого не оставалось, какъ ѣхать отъ церкви съ невѣстою прочь; но мы не успѣли о томъ промолвить, какъ глядимъ, началъ попъ собираться ѣхать.

Досадно намъ тогда невѣдомо какъ было, и поелику намъ въ самомъ дѣлѣ прочь ѣхать не хотѣлось, то хотя и озлились мы на жениха нашего за его неуваженіе ко всѣмъ намъ и глупѣйшее невѣріе, однако положили еще разъ испытать и употребить къ уговариванію его всѣ усилія.

Но что мы ни говорили и хоть часа два съ нимъ провозились, но не могли ничего сдѣлать. Поговоримъ и побранимъ его, да пойдемъ къ боярынямъ, сидящимъ у дьячка, горевать и ругать заочно жениха; а между тѣмъ другой ругалъ его въ глаза, но онъ не смотрѣлъ и на то нимало, былъ какъ сущій столбъ и нимало на всѣ наши убѣжденія не склонялся.

Наконецъ, какъ мы уже хотѣли совсѣмъ ѣхать и стали требовать назадъ приданаго, то насилу-насилу изволилъ согласиться повѣрить до послѣдующаго дня, и то одному только г. Звягину подъ строжайшій вексель.

Что было дѣлать? принужденъ былъ тотъ писать оный. Но того было еще недовольно, и онъ требовалъ, чтобъ мы всѣ въ поручительствѣ подписались. Досадно было намъ все сіе чрезвычайно, и мы на зло ему сего уже не сдѣлали и его не послушались.

Такимъ образомъ, уговоривъ нашего быка, велѣли мы принесть деньги. Большая половина была ихъ мѣдныхъ, однако онъ не только безъ счету не хотѣлъ принимать, но и считать никому не повѣрилъ кромѣ самого себя.

Итакъ, началъ ихъ считать, а мы между тѣмъ досадовали и только его бранили, ибо и за симъ считаньемъ принуждены были долгое время еще мѣшкать.

Наконецъ, увидѣлъ онъ, что дурно и что дурачество его уже изъ границъ выходило, не сталъ болѣе считать, и повѣрилъ подъ поручительствомъ нашимъ и запечатавъ мѣшки, отдалъ слугѣ, а самъ, по требованію нашему, подписалъ рядную.

Я находился при семъ въ превеликомъ страхѣ, чтобъ онъ не испортилъ рядной и не написалъ въ ней чего ненадобнаго, ибо писалъ онъ не то, что ему сказывали, и на всякомъ словѣ долго думалъ.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ подписалъ и мы рады были, что дѣло кончено, и повели раба Божія къ боярынямъ, чтобъ повидаться съ невѣстою, или послушать новыхъ ругательствъ, что и случилось въ самомъ дѣлѣ.

Госпожа Звягина, будучи боярыня хватъ, подлинно его отхватала: слова «бестія», «с...нъ сынъ» и другія тому подобныя, принужденъ онъ былъ слышать въ глаза ему говоренныя. Но какъ бы то ни было, но мы пошли наконецъ въ церковь, и рады были, что приходило дѣло къ окончанію и вся комедія кончилась.

Однако всѣ мы въ томъ крайне обманулись и нимало того не думали, что оставалось намъ еще одну и самую лучшую сцену видѣть.

Уже поставили ихъ рядомъ, уже началъ священникъ священный обрядъ, уже обручилъ ихъ кольцами, и уже надлежало имъ становиться на подножье — какъ вдругъ женихъ нашъ началъ что-то бормотать объ рядной.

Не былъ-ли онъ глупецъ самой величайшій! Самъ онъ ее подписалъ и при самомъ при немъ взяли мы ее къ себѣ какъ водится; но тутъ вдругъ встрянулся онъ ее, и говорилъ для чего она не у него?

Мы, примѣчая его бормотанье, взглядывали только другъ на друга и шептали отъ превеликаго удивленія. «Батюшки мои! говорилъ я своимъ товарищамъ: не новое-ли какое дурачество онъ затѣваетъ, и что это такое?»

Г. Ладыженскій, какъ старшій изъ всѣхъ насъ, подошедъ ко мнѣ шепталъ мнѣ: «Уйду я съ рядною въ алтарь, пускай же онъ меня тамъ ищетъ». Мы отвѣтствовали ему: уйди и спрячься.

Но мы еще симъ образомъ между собою шутили, какъ между тѣмъ женихъ поднялъ уже сущій мятежъ и кричалъ попу, чтобъ онъ вѣнчать переставалъ, и что онъ болѣе вѣнчаться не хочетъ.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, каково намъ было видѣть и слышать сіе новое, странное, неслыханное и глупое явленіе: всѣ мы захохотали во все горло, и отъ смѣха не знали, что говорить. Однако скоро смѣхъ нашъ миновался. Женихъ нашъ сдѣлался совершеннымъ уже скотомъ, и требовалъ, чтобъ мы неотмѣнно отдали рядную ему.

«Что это такое? говорили мы ему: что

ты затѣваешь, и слыханное-ли это дѣло, чтобъ рядной быть у тебя! На чтожъ она писана, на чтожъ и подписывалъ ты ее, чтобъ не быть ей у твоего нареченнаго тестя!»

Но, что мы ни говорили, ничто не помогало. Женихъ ревѣлъ какъ быкъ и никому подъ ладъ не давался. Мы его увѣрять, что это такъ водится во всемъ свѣтѣ, что рядная остается въ родѣ, но онъ и не помышлялъ намъ въ томъ вѣрить: но кинулъ свѣчу и не хотѣлъ безъ того вѣнчаться.

И тутъ-то произошла сущая комедія. Мы всѣ разсердились чрезвычайнымъ образомъ, и кричали, бранили, ругали его какъ негоднаго человѣка; попъ вструсился: ну ризы съ себя скидывать долой, ну тащить стихарь съ дьякона, а немного погодя, ну опять надѣвать, опять совать ему свѣчу въ руки. Тотъ не беретъ, а кричитъ и вопитъ. Попъ опять ризы долой; и однимъ словомъ, эта была не свадьба, а комическое зрѣлище, достойное представлено быть на театрѣ.

Долго сіе и истинно съ часъ почти продолжалось, и мы такъ разсердились, что вышли изъ предѣловъ.

Госпожа Звягина едва въ обморокъ отъ крика не упала, и насилу успѣли ей принесть воды; невѣста обливалась слезами, я расхрабрился и приступалъ къ жениху уже непутнымъ дѣломъ. Но все не помогало: это былъ пень, неимѣющій стыда ни въ одномъ глазѣ.

Наконецъ другого намъ не оставалось, какъ взять невѣсту за руку и вести изъ церкви вонъ. И какъ съ нею мы къ сей крайности приступили, то тогда-то уже насилу-насилу товарищи его уговорили дурака.

Но болѣе убѣдило его, какъ думаю, то, что мнѣ вздумалось ему грозить, что онъ не только намъ всѣмъ безчестье заплатитъ, но и приданое все по подписанной рядной, и столько сколько написано въ ней, отдастъ.

Итакъ, согласился наконецъ нашъ женихъ, да и насъ всѣхъ его свита упросила, чтобъ мы гнѣвъ свой преложили на милость, и дѣло бы окончили.

Мы послушались какъ-бы нехотя и дозволили вѣнчать, ругая между тѣмъ его немилосердымъ образомъ: и онъ во все продолженіе вѣнчанья только плакалъ и слезы текли у него изъ глазъ ручьями.

Однако и тутъ дѣлалъ онъ разныя дурачества и, во-первыхъ, ставши на подножье невѣстѣ сказалъ:—«Да!—еслибъ я это вѣдалъ, такъ хотя-бъ было за тобою пять тысячъ, такъ бы тебя не взялъ».— И можно-ли чему глупѣе быть сего?

Во-вторыхъ,какъ стали перепоемъ поить, то вдругъ женихъ нашъ не сталъ выпивать достальнего и говорилъ: «развѣ вы меня подавить хотите!» Но какъ бы то ни было, но наконецъ обвѣнчали.

Мы такъ были злы на него, что еслибъ только можно было, то кинули-бъ невѣсту и, навязавъ ему ее на шею, всѣ уѣхали; но какъ нельзя было того сдѣлать, то поѣхали всѣ къ нему въ твердомъ намѣреніи, чтобъ отнюдь у него не ночевать, а ѣхать прочь, чего ради и выпросили себѣ квартиру въ домѣ г. Хрущова, который тутъ былъ.

Пріѣхавъ въ домикъ къ жениху нашли мы изрядный во всемъ порядокъ и такой, какого мы никогда не ожидали. Столъ былъ у него по обыкновенію уже готовъ, и насъ встрѣтили какъ надобно; женихъ нашъ былъ какъ бы въ воду опущенный и ничего не говорилъ.

Поужинавши кое-какъ и по отведеніи бракосочетавшихся по обыкновенію въ браутскамеру, стали собираться ѣхать; но какъ было уже очень поздно, то вдругъ, желая скорѣе покоя, перемѣнили мнѣніе и осталися ночевать тутъ.

Мы, мужчины, ушли, выпросивъ себѣ постели, въ людскую избу, а боярыни ночевали въ хоромахъ. Правда, ночлегъ былъ намъ не то что хорошъ: спали мы всѣ на неровномъ полу повалкою, но отъ такой свадьбы можно-ль было и ожидать лучшаго, когда и на хорошихъ нерѣдко послуживому ночуютъ.

Въ послѣдующій день, то-есть на княжой пиръ ни думано ни гадано было у

насъ новое явленіе. Женихъ нашъ власно какъ переродился, сдѣлался совсѣмъ не тотъ и человѣкъ, не только какъ человѣкъ, но еще и изрядный, и мы всѣ имъ сдѣлались довольны. Таковъ сдѣлался учтивъ, таковъ ласковъ, таковъ веселъ, что лучше желать и требовать было не можно, на что смотря и вся компанія была очень весела и радостна.

Всѣ не только у него остались обѣдать, но многіе, по неотступной просьбѣ молодыхъ хозяевъ, и еще ночевать ночь.

Княжой пиръ происходилъ какъ водится и всѣ были довольны. Однимъ словомъ, какъ наканунѣ было слишкомъ ненастно и смутно, такъ на утріе слишкомъ ведрено и ясно, и веселости до того простирались, что и до обѣда уже, по деревенскому обыкновенію, была скачка и пляска.

Меня унимали также хозяева и пріѣхавшій туда же тесть и теща ночевать у нихъ еще ночь. Но я спѣшилъ домой для ожидаемыхъ къ себѣ гостей, весьма драгоцѣнныхъ и любезныхъ и не могъ желанія всѣхъ выполнить.

Итакъ, распрощавшись со всѣми, а особливо съ г-жею Звягиною и ея сыномъ, съ которымъ мы въ особливости при семъ случаѣ сдружились, поѣхалъ я домой.

Симъ-то образомъ сыграли мы сію свадебку, которая странностію своею была такъ для меня достопамятна, что я и понынѣ, проѣзжая большою тульскою дорогою, неподалеку отъ сей деревни въ виду въ лѣвой сторонѣ подлѣ Руднева находящейся, не могу никакъ, чтобъ не вспомнить оной и напомнивши все бывшее не посмѣяться.

Женившійся живъ и понынѣ, но я его почти ни однажды послѣ того времени не видалъ, а слышу только, что и вся жизнь его была не то-то что хороша и похвальна.

Но я заговорился уже, и мнѣ пора давно перестать и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 12 дня 1807 года).

Письмо 147-е.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего письма упомянулъ я, что я съ свадьбы поспѣшалъ домой въ ожиданіи къ себѣ драгоцѣнныхъ и любезныхъ гостей. Теперь разскажу вамъ, кто таковы они были.

Во время отсутствія моего и ѣзды въ Кашинъ, случилась тещѣ моей нечаянная изъ дома отлучка. Отецъ ея, а дѣдъ родной жены моей, Аврамъ Семеновичъ Арцыбышевъ писалъ изъ Цивильска къ ней и къ невѣсткѣ своей, Матренѣ Васильевнѣ, что какъ дни его приближаются къ окончанію, а здѣшнее имѣніе не совсѣмъ еще было утверждено его внуку, сыну помянутой госпожи Арцыбышевой, и ему хотѣлось прежде кончины своей въ здѣшнія мѣста пріѣхать и дѣло сіе сдѣлать, то предлагалъ онъ ей, чтобъ она сама къ нему въ Цивильскъ за нимъ пріѣхала и пригласила-бъ съ собою и родственника ихъ, Ивана Аѳанасьевича Арцыбышева, а буде-бъ можно было и дочь свою, а мою тещу; а сія охотно на то и согласилась.

Итакъ, всѣ они и отправились тогда въ сей дальній низовой путь и взявъ съ собою старика, благополучно около самаго сего времени возвратились, но за Окою рѣкою, неставшею еще тогда, принуждены были прожить нѣсколько дней въ Серпуховскомъ уѣздѣ у помянутаго нашего родственника. И какъ въ послѣднюю стужу стала и Ока и мы услышали, что чрезъ ее начали ѣздить, то и ждали мы ихъ къ себѣ ежедневно, и я, пріѣхавъ домой, дѣйствительно уже и нашелъ ихъ у себя въ домѣ пріѣхавшими.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ пріѣздомъ къ намъ сихъ гостей любезныхъ. Почтенному старичку сему, который такъ ласково и благопріятно угощалъ меня у себя въ Цивильскѣ, никогда еще въ домѣ у меня быть не случалось, и я въ особливости былъ радъ его пріѣзду и старался угостить его всячески,

Несмотря на всю свою глубокую старость, былъ онъ нарочито еще въ силахъ и довольно крѣпокъ, чѣмъ мы въ особливости были довольны; и какъ онъ во все пребываніе свое въ предѣлахъ тутошнихъ располагался жить не у насъ въ домѣ, а у своей невѣстки и внучатахъ въ Калединкѣ, то и просили мы его погостить у насъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, въ которые старались мы доставить ему возможнѣйшія удовольствія, а потомъ проводили его сами до Калединки и тамъ нѣсколько дней пробыли.

По возвращеніи домой, несмотря на испортившійся по случаю превеликой оттепели путь, предлежала мнѣ другая дорога.

Возвратился около сего времени изъ Москвы другъ мой, г. Полонскій, и надобно было у него побывать.

Я ѣздилъ къ нему одинъ, ибо за дурнотою дороги жену взять никакъ было не можно.

Осень у насъ въ сей годъ была самая дурная и непостоянная. Напавшій снѣгъ отъ оттепели и дождей опять сошелъ, и мы принуждены были опять таскаться на колесахъ; послѣ чего послѣдовали опять морозы, опять выпалъ снѣгъ и опять сходилъ, и такая безпорядица продолжалась во весь ноябрь мѣсяцъ, и всѣ ѣзды коекуды, а особливо въ Калединку были намъ крайне отяготительны.

Во все сіе время не произошло со мною ничего особливаго. Я занимался болѣе своими литературными упражненіями, а 27-го числа сего мѣсяца случилось со мною нѣчто смѣшное и забавное, о чемъ вскользь упомянуть почитаю за излишнее.

Въ сей день по утру сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и занимался переводомъ, какъ вдругъ вижу, что пріѣхалъ на дворъ гость парою и въ негоднѣйшихъ санишкахъ; къ удивленію моему остановился онъ посреди двора, и сошедъ съ саней, шелъ къ хоромамъ пѣшкомъ въ кирейкѣ, подбитой овчиною, покрытой краснымъ солдатскимъ сукномъ и препоясанной офицерскою шпагою.

Вышедши въ лакейскую, не могъ я узнать кто-бъ такой это былъ, но какъ онъ бормоталъ, что ѣдетъ на заводъ и далѣе къ г. Полонскому и разсудилъ мимоѣздомъ ко мнѣ заѣхать, то покажись мнѣ, что былъ то одинъ нѣсколько знакомый мнѣ родственникъ г. Ладыженскаго, я и принялъ его какъ должно было. Но какъ привелъ его въ столовую, то увидѣлъ, что былъ то не онъ, а человѣкъ совсѣмъ мнѣ незнакомой.

Сталъ я въ пень и не зналъ, что мнѣ дѣлать и какъ съ нимъ обойтиться, ибо, принявши его какъ знакомаго, совѣстно мнѣ было его спросить кто онъ таковъ. Между тѣмъ бормоталъ и говорилъ онъ такъ, какъ бы надобно какому необтесанному нѣмцу, и всѣ поступки его были совсѣмъ странные, что меня еще болѣе удивило.

Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ требовалъ, чтобъ лошадямъ его дали овса и поддѣлали подъ санки его поддѣлки.

Усмѣхнулся я сему требованію и говорю: «хорошо, все это будетъ сдѣлано», а между тѣмъ горя нетерпѣливостію узнать кто-бъ это былъ таковъ.

По счастію извѣстилъ онъ меня самъ уже о томъ, кто онъ таковъ, а именно, что зовутъ его Андреемъ Михайловичемъ, что прозывается онъ г. Пушкинъ; что братъ онъ Николаю Михайловичу; что сей отнялъ у него его лакея и что теперь ѣздитъ онъ по всему міру крещеному на чужихъ лошадяхъ, на чужомъ коштѣ и въ чужомъ платьѣ, однимъ словомъ былъ сущій волокита, и проживалъ гдѣ день гдѣ два, и вездѣ служилъ вмѣсто шутика.

«Хорошъ! хорошъ!» говорилъ я самъ себѣ сіе услышавъ и будучи до такихъ людей неохотникомъ, былъ я ему не очень радъ и спѣшилъ какъ бы скорѣе его отъ себя спровадить, и для того велѣлъ скорѣе уже накрывать на столъ; но какъ подъѣхала къ обѣду г-жа Ладыженская, Авдотья Александровна, то началась у насъ тогда сущая комедія.

Я до того ни мало и не зналъ, что госпожа сія имѣла искусство съ симъ родомъ людей особливымъ образомъ и такъ

обходиться, что всякому должно со смѣху надсѣдаться; итакъ, тотчасъ и начала она надъ нимъ шутить и шпынять съ такимъ искусствомъ, что я замучился дѣлая себѣ принужденіе, чтобъ при гостѣ не хохотать и принужденъ былъ уходить вонъ, чтобъ нахохотаться по волѣ.

Наконецъ, гостю моему мой пріемъ и угощеніе такъ полюбилось, что захотѣлось ему и ночевать у насъ. Но какъ мнѣ сего не гораздо хотѣлось, то великаго труда стоило уговорить его продолжать свое путешествіе къ г. Полонскому, и я принужденъ былъ дать ему проводника до Зыбинки, и невѣдомо какъ радъ былъ, сживъ съ рукъ такого неожидаемаго друга и пріятеля.

Вскорѣ послѣ того при начавшемся декабрѣ приближался нашъ годовой праздникъ. Мы затѣвали-было праздновать его порядочнымъ образомъ, и я нарочно прибралъ-было свой кабинетъ къ сему времени и расписалъ въ немъ обои и печку; но такъ случилось, что изъ сосѣдей и пріятелей нашихъ никому почти быть было не можно: иные были въ отлучкѣ, иной самъ былъ имянинникъ, иной боленъ.

Итакъ, думали мы, что будетъ у насъ только помянутый почтенный старичокъ, дѣдъ жены моей съ его невѣсткою, Матреною Васильевною; но противъ чаянія и въ самый праздникъ наѣхало и набралось столько гостей, что намъ ихъ и за столомъ усадить было негдѣ, и досталось даже другой горницѣ; и мы весь сей день провели весело, и многіе гости у насъ даже и ночевали и провели и другой день у насъ въ разныхъ увеселительныхъ упражненіяхъ.

А на вечеръ всѣ мы ѣздили къ сосѣду моему Матвѣю Никитичу, куда при насъ подъѣхалъ и родственникъ его, Василій Панфиловичъ Хвощинскій, который не успѣлъ меня увидѣть, какъ при всемъ обществѣ началъ поздравлять меня съ полученіемъ золотой медали въ награжденіе за лучшее сочиненіе предъ всѣми прочими «наказа для управителя», увѣряя, что онъ читалъ о томъ самъ публикацію въ газетахъ.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе меня крайне обрадовало и тѣмъ больше, чѣмъ было неожидаемѣе; ибо я такъ мало надѣялся, что пересталъ уже и ждать, а всего менѣе думалъ, чтобъ публиковано было о томъ въ газетахъ.

Всѣ сосѣди и гости, случившіеся тогда тутъ, поздравляли меня съ сей оказанною мнѣ честію и я принималъ съ тѣмъ бòльшимъ удовольствіемъ сіи поздравленія, что утѣшала меня та мысль, что сей случай сдѣлаетъ имя мое всему государству извѣстнымъ и спознакомитъ со всѣмъ ученымъ свѣтомъ.

Отпраздновавъ помянутой праздникъ, всѣ послѣдующіе потомъ дни проводилъ я по привычкѣ моей въ безпрерывныхъ и разныхъ упражненіяхъ, сколько мнѣ разъѣзды по гостямъ и угащиванія у себя часто пріѣзжавшихъ гостей дозволяло.

Я занимался наиболѣе въ сіе время отчасти въ разномъ рисованіи, отчасти въ разныхъ выдумкахъ вещицъ, служащихъ къ увеселенію.

Частое свиданіе съ сосѣдями и всегдашнее провожденіе съ ними времени въ разныхъ играхъ подавало мнѣ къ тому поводъ, и все шло хорошо, весело и пріятно; какъ вдругъ въ половинѣ сего мѣсяца поражены мы были нечаянно такимъ извѣстіемъ, которое всѣхъ насъ и огорчило, и озаботило и заставило позабыть на время всѣ наши забавы и удовольствія.

Привезъ оное намъ сосѣдъ нашъ г. Хитровъ, и состояло оно въ томъ, что въ старушкѣ-Москвѣ нашей было нездорово, и что оказывается моровая язва.

Сіе было еще самое первое извѣстіе о семъ ужасномъ несчастіи, которому вскорѣ послѣ сего подверглась сія столица.

Сказывалъ онъ намъ сіе хотя не совсѣмъ за достовѣрное и почиталъ болѣе самъ сіе за одни враки; но какъ за нѣсколько уже времени носились слухи, что язва или такъ тогда называемая чума давно уже свирѣпствовала въ Кіевѣ, и что распространяясь часъ отъ часу болѣе, дошла уже и до Сѣвска, то судили мы, что весьма легко дойтить заразѣ и

до Москвы и быть кѣмъ-нибудь туда завезенной. Сверхъ того и пріѣзжіе изъ Москвы сказывали и разглашали повсюду, что въ оной всѣ ѣдятъ чеснокъ и оный при себѣ въ предосторожность отъ повѣтрія носятъ.

Какъ несчастія сего никто тогда еще не испытывалъ и о чумѣ сей никто прямого понятія не имѣлъ, и зло сіе всѣми воображаемо было несравценно величайшимъ и пагубнѣйшимъ, то помянутое извѣстіе смутило всѣхъ насъ чрезвычайно, погрузило духъ нашъ въ уныніе и преисполнило сумнительствами и опасеніемъ.

Всѣ мы твердили только, что естьли въ Москвѣ язва дѣйствительно оказалась, или окажется, то вѣрно не замедлитъ посѣтить и насъ, и мы, живучи почти на большой дорогѣ, всего легче можемъ также подвергнуться сему несчастію; а сіе и нагоняло на насъ предварительно страхъ и ужасъ. И наше счастіе еще было, что извѣстіе сіе было не совсѣмъ еще тогда достовѣрно, и мы льстились надеждою, что можетъ быть то еще и неправда.

Такимъ образомъ, хотя извѣстіе сіе сначала и чрезвычайно насъ испугало, но несовершенная достовѣрность онаго скоро насъ опять поуспокоила, и мы въ надеждѣ, что то неправда, скоро все сіе и позабыли.

Сверхъ того, чрезъ день послѣ того особливое и радостное для меня произшествіе обратило всѣ мысли мои на другое. Сей день былъ однимъ изъ достопамятнѣйшихъ въ моей жизни. Въ оный получилъ я посланную ко мнѣ изъ Экономическаго Общества большую золотую медаль, которую присуждено мнѣ дать за мое сочиненіе: «Наказа для управителя, какъ ему управлять, въ небытность господина, деревнями».

Какъ она была еще первая изъ полученныхъ мною и притомъ съ вырѣзаніемъ на ней моего имени, то не могу изобразить, какъ много я и все мое семейство оною было обрадовано, и сколь много всѣ мы ее вдоль и поперегъ пересматривали и о изображеніяхъ на ней разсуждали.

Была она довольно велика, составлена изъ 35-ти червонцевъ, ибо обѣщанное награжденіе раздѣлено было между двумя рѣшившими задачу сію единоравно хорошо: мнѣ и господину Рычкову.

Чтожъ касается до изображенія, то на одной сторонѣ былъ грудной портретъ Императрицы Екатерины, какъ основательницы Экономическаго Общества, а на другой изображено было самое сіе Общество въ видѣ женщины, сидящей на снопахъ подъ пальмовымъ деревомъ и увѣнчанной вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и колосьевъ. Въ одной рукѣ держала она меркуріевъ жезлъ, а въ другой, распростертой насредину медали, вѣнокъ сплетенный изъ колосьевъ крупною надписью вверху надъ нимъ «за труды воздаяніе», а въ низу «Анд. Тим. Болотову октября 9 дня 1770 году»; вдали же видно вспаханное поле, съ человѣкомъ пашущимъ оное плугомъ.

Впрочемъ сдѣлана она была изъ самаго чистаго золота 93 пробы, была вѣсомъ въ 28½ золотниковъ; стемпель же вырѣзанъ высокою и хорошею работою г. Гассомъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ медаль сія была для меня вещь весьма достопамятная и такая, которая не только мнѣ, но и всему моему роду и потомкамъ нѣкоторую честь приносить можетъ.

Она уже и тогда надѣлала во всемъ уѣздѣ нашемъ много шума, весь уѣздъ зналъ уже о томъ изъ публикаціи въ газетахъ; и какъ дѣло сіе было совсѣмъ новое и до того никому еще медалей не давалось, то, натурально, всѣ обманывались въ разсужденіи награжденія сего чрезвычайно и почитали оное несравненно величайшимъ и важнѣйшимъ, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ было, и потому вездѣ и вездѣ были о томъ разговоры, а знакомые и пріятели мои другъ предъ другомъ непрерывъ поздравляли меня съ онымъ.

Чтожъ касается до моихъ подданныхъ, то я не могу довольно изобразить того удовольствія, которое я имѣлъ видя всѣхъ ихъ безпритворную о томъ радость. Вся-

кой изъ нихъ нарочно приходилъ ко мнѣ, поздравлялъ меня съ полученіемъ, по ихъ нарѣчію, государевой милости и просилъ, чтобъ показать имъ сію ими никогда невиданную вещь, и желалъ, чтобъ я получилъ еще болѣе; изъ посторонних же дворянъ не было и безъ завистниковъ.

Такимъ образомъ, по милости Господней, получилъ я награжденіе, которое въ ученомъ свѣтѣ приносило мнѣ великую честь, а не менѣе пріобрѣло и всеобщую похвалу; а всего важнѣе было то, что чрезъ сей случай сдѣлалось имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и какъ послѣ я услышалъ, то было въ то время, когда она мнѣ опредѣлена, разговариваемо обо мнѣ и за столомъ у великаго князя.

Впрочемъ, при пересылкѣ медали сей ко мнѣ, произошло смѣшное произшествіе. Поручена была пересылка оной тогдашнему генералу-прокурору князю Вяземскому, Александру Алексѣевичу, какъ сочлену нашего Общества. Сей поручилъ прокурору своему, Ивану Ивановичу Вердеревскому, переслать ее къ нашему воеводѣ, Степану Степановичу Посевьеву.

Сей, посылая пакетъ съ письмомъ и съ ящичкомъ, въ которомъ была она вдѣлана, къ сему воеводѣ, надписалъ на ономъ, что тутъ находится медаль. Сіе подало поводъ видѣвшимъ оный пакетъ думать, что медаль сія прислана къ нашему воеводѣ, которые и принялись его съ тѣмъ поздравлять; почему, отправляя ко мнѣ пакетъ Общества съ нарочнымъ, и писалъ онъ ко мнѣ смѣючись о семъ произшествіи и благодаря, что онъ моими трудами нѣсколько времени пользовался, поздравлялъ меня съ полученіемъ оной.

Кромѣ сего былъ помянутый день достопамятенъ для меня и тѣмъ, что въ оный ввечеру приведена было одна вновь мною выдуманная и нѣсколько времени дѣлаемая увеселительная игра къ окончанію, чего я съ превеликою нетерпѣливостію дожидался.

Мы не преминули тотчасъ ее испытать, и какъ она оказалась очень забавною и всѣмъ понравилась въ особливости, то и сіе доставило мнѣ много удовольствія.

Новая игра сія состояла изъ осьмиугольнаго равносторонняго ящичка, имѣвшаго въ ширину 14, а въ вышину съ небольшимъ 2 вершка; въ каждой изъ сихъ 8 сторонъ сдѣлано было по 4 домика или канурки, по величинѣ шарика въ сей игрѣ употребляемаго, шириною въ вершокъ или меньше и почти квадратные, такъ что кругомъ всего ящика было 32 таковыхъ домика сдѣлано.

На половинѣ изъ сихъ домиковъ, сдѣланныхъ сверху закрытыми, написаны были вверху спереди нумера одни по красной землѣ желтою, а другіе по черному грунту бѣлою краскою. Первые означали выигрыши, а вторые проигрыши а прочіе 16 домиковъ пустые, и ни выигрыша, ни проигрыша не доставляющіе.

Для соблюденія между ими равновѣсія перемѣшаны они наилучшимъ образомъ такъ, что подлѣ выигрышнаго находился всегда пустой,— а подлѣ его проигрышной, а тамъ опять пустой и такъ далѣе; а при томъ такъ, чтобъ не приходилось никогда двухъ большихъ выигрышей сряду, а всѣхъ было 8 выигрышей начиная съ 1 по 8, и 8 проигрышей.

Наиглавнѣйшая цѣль состояла въ выдуманіи особаго средства кидать и попадать въ домики сіи небольшимъ и пропорціональнымъ противъ ихъ шарикомъ, но такъ, чтобы выигрыши и проигрыши не зависѣли ни отъ умѣнья игрока, ни отъ проворства и замысловатости его, по единственно отъ удачи и счастія. Сіе было для меня наиглавнѣйшимъ затрудненіемъ, однако мнѣ удалось придумать прекрасное и всѣмъ желаніямъ моимъ соотвѣтствующее средство, а именно:

Я сдѣлалъ посреди ящичка сего круглое и какъ жерновъ на веретенѣ такъ лежащую дощечку, чтобъ ее, ухвативъ за ручку, можно было завертѣть, и чтобъ положенной въ то время на середину оной шарикъ могъ скатиться въ мигъ съ ней и попасть въ которой-нибудь изъ помянутыхъ домиковъ. Но чтобъ онъ сильно могъ ею быть брошенъ, то оста-

вилъ въ центрѣ довольную и такую пустоту, въ которую бы полагаемой шарикъ могъ просторно умѣститься; достальное мѣсто разгородилъ я образомъ звѣзды на 8 равныхъ частей маленькими на ребро приклеенными дощечками, а къ одному мѣсту придѣлалъ къ краю маленькую рѣзную ручку съ распростертымъ указательнымъ пальцемъ, простирающимся почти вплоть по самые домики, дабы ручка сія при переставаніи окружнаго вертенія дощечки могла какой-нибудь домикъ указывать.

Все сіе и произвело успѣхъ вожделѣнный, ибо когда, схватя либо за сію ручку, либо за которую-нибудь изъ дощечекъ, вернешь посильнѣе сей кружокъ, то онъ вертится очень скоро и сильно; а когда въ сіе время насредину его въ помянутое отверстіе положишь шарикъ, то оный тотчасъ концомъ которой-нибудь перегородки зацѣпливался и бросаемъ былъ кружкомъ въ помянутыя конурки какъ бы рукою.

Въ игру сію можно было играть многоразличнымъ образомъ, и не только двумъ рука на руку, но тремъ, четыремъ и болѣе человѣкамъ, на партіи, на призы, и въ банки, и въ фанты или службы, и къ чему ее ни употреби, она ко всему была способна.

Ежели играютъ въ нее двое рука на руку въ деньги, то платятъ они другъ другу выигрыши и проигрыши. Ежели играютъ многіе, то вертятъ по порядку и всякій выигрыши свои получаетъ отъ послѣдующаго за нимъ, а тотъ отъ другого, равно какъ и проигрыши тѣмъ же платятъ.

При играніи въ банкъ, становятъ всѣ игроки поскольку-нибудь денегъ на блюдечко, а потомъ вертятъ по порядку и разыгрываютъ оный и проигравшіе приставляютъ, а выигравшіе берутъ; или становитъ одинъ изъ игроковъ банкъ, а прочіе всѣ вертятъ и либо отъ него берутъ, или ему платятъ, сколько кому доводиться будетъ.

Кромѣ сего, для игранія рука на руку въ партіи сдѣланы были сверху домиковъ, ко всякой изъ 8-ми сторонъ, по нѣскольку дирочекъ со втыкаемыми въ нихъ 4 крупненькими и 10 поменьше колочками, дабы сими можно было каждому при вертѣніи и попаданіи въ домики свои числы сими колочками маркировать, и кто прежде наберетъ 50, тотъ и выигрывалъ.

Для игранія же въ службы означены всѣ домики другими цифрами, начиная съ 1 по 32 или по 24, изъ которыхъ каждому нумеру присвоена въ написанной нарочно для того книжкѣ особая служба, и у кого при вертѣніи противъ котораго нумера ручка остановится, тотъ и долженъ исправлять ту службу.

Кромѣ сего можно было и еще кое-какъ играть въ сію игру, и она могла употребляема быть на все про все, и какъ при всемъ томъ все зависѣло отъ счастія и никому ни малѣйшаго чего схитрить было не можно, то и назвалъ я ее санмалисомъ, чтò значило безхитростною или правдивкою.

Нельзя изобразить, какъ она сначала всѣмъ полюбилась и какъ много разъ принимались мы въ нее играть при нашихъ съѣздахъ для препровожденія времени.

Я распестрилъ и росписалъ ее разными красками и для спокойнѣйшаго въ нее игранія сдѣланъ былъ особый четвероугольный столъ, въ которой ящикъ сей вставливался и покрывался потомъ сверху столовою доскою шахматною, и она цѣла у меня еще и понынѣ.

Изобрѣтеніе сей новой забавной игры было весьма подстать тогдашнему времени, о которомъ вообще сказать можно, что было оно такое, какого веселѣе не было еще никогда въ Дворяниновѣ и едва ли когда-нибудь и впредь будетъ.

Находилось насъ 4 дома въ семъ маленькомъ селеніи, и хозяева во всѣхъ ихъ были люди молодые, семьянистые и жившіе другъ съ другомъ въ совершенномъ согласіи и обхожденіе между собою имѣвшіе прямо простое, безъ всякихъ чиновъ и дальнихъ затѣевъ; а потому и одни они съ семействами своими и моимъ семей-

ствомъ въ собраніи могли уже составлять довольное общество.

Но кромѣ ихъ было тогда много и постороннихъ, бравшихъ въ съѣздахъ, времяпрепровожденіяхъ и всегдашнихъ невинныхъ забавахъ и увеселеніяхъ нашихъ всегдашнее и частое соучастіе.

Кромѣ г. Ладыженскаго съ своею семьею и г. Руднева, ѣзжавшихъ къ намъ не рѣдко, бывали очень часто у насъ и оба землемѣра, жившихъ все еще на заводѣ, изъ которыхъ одинъ былъ женатый; а наконецъ и самый Хитровъ не рѣдко бывалъ у насъ и у моихъ сосѣдей, умалчивая о домѣ тетки жены моей, г-жи Арцыбышевой, пріѣзжавшей къ намъ очень часто и у насъ по нѣскольку дней гостившей.

И какъ при каждомъ съѣздѣ не теряли мы почти ни одной минуты времени, но принимались тотчасъ за разныя забавы и игранія, то въ веселыя карточныя, то въ иныя игры, сопряженныя съ рѣзвостями и смѣхами и хохотаньемъ; то и бывали всегда наши съѣзды отмѣнно веселы и забавны и мы такъ къ играмъ симъ, особливо карточнымъ, привыкли, что истинно снились онѣ намъ даже во снѣ и намъ уже скучно безъ нихъ было.

При такихъ частыхъ съѣздахъ и всегдашнихъ забавахъ и увеселеніяхъ и не видали мы, какъ прошелъ почти весь послѣдній мѣсяцъ сего года и первая наша зима, ибо въ сей годъ имѣли мы ихъ двѣ или болѣе.

Помянутый установившійся порядочный зимній путь не успѣлъ нѣсколько недѣль или паче дней постоять, какъ южные вѣтры намчали къ намъ опять такое тепло съ многократными и сильными дождями, что около Рожества Христова сошелъ до́ чиста весь нашъ снѣгъ и не только обнажилась до́ чиста вся наша земля, но сдѣлалась даже самая половодь и повсюду такая грязь, что мы принуждены были приниматься за колесы и на самый праздникъ Рожества Христова ѣздили къ церкви въ колыскахъ и каретахъ, а на третій день послѣ Рожества прошла отъ того даже самая Ока-рѣка, и разлилась подъ часовню самымъ большимъ разливомъ: произшествіе до того никогда небывалое и почти неслыханное.

Сей безпорядокъ въ натурѣ какое помѣшательство ни дѣлалъ намъ въ нашихъ свиданіяхъ, однако мы не переставали и въ самое дурнѣйшее время и непогоды продолжать наши съѣзды и увеселенія, а особливо при наступленіи святокъ.

Въ сіи не проходило истинно ни одного дня, въ которой не было бы у насъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ съѣзда, и чтобъ вездѣ, по пословицѣ говоря, пиръ не стоялъ горою. Словомъ, мы въ прахъ тогда зарѣзвились и завеселились, равно какъ предчувствуя, что вскорѣ за симъ настанутъ времена горестныя и печальныя.

Какъ въ самомъ концѣ сего мѣсяца и года настала у насъ опять стужа, налетѣли снѣга, и возстановилась опять зима, то въ самый послѣдній день сего года поѣхалъ я со всѣмъ своимъ семействомъ въ Калединку, чтобъ вмѣстѣ съ теткою и любезнымъ нашимъ старичкомъ и такъ сказать всего семейства нашего патріархомъ начать препровождать новый годъ. Съ нами вмѣстѣ согласился туда же ѣхать и сосѣдъ нашъ Матвѣй Никитичъ съ женою.

Мы пріѣхали туда уже въ сумерки, и какъ случилось намъ хозяевъ не застать дома, ѣздившихъ также къ сосѣдямъ въ гости, то во ожиданіи пріѣзда ихъ, напившись чаю, принялись мы и тутъ за обыкновенныя наши рѣзвости и забавы и провели не только до хозяевъ, но и по возвращеніи оныхъ домой, весь вечеръ очень весело, а особливо занимаясь нововыдуманною мною игрою въ карты, соединенною съ службами.

Но самый конецъ года сего настращалъ-было меня очень. За часъ до ужина, какъ мы перестали играть въ фанты и дѣти усѣлись играть въ реверенсъ, заболѣла у меня вдругъ и чрезвычайно голова.

Сіе меня встревожило очень и до того, что я даже нѣсколько и трухнулъ, по причинѣ, что домъ тёткинъ наполненъ былъ тогда больными, а что̀ того хуже, то и въ самыхъ хоромахъ находились

больные, и мы были въ томъ же покоѣ, гдѣ лежала больная дочь ея.

Сего обстоятельства я, ѣдучи къ нимъ, крайне боялся, и потому не успѣла начать болѣть у меня голова, какъ не долго думая принялся я тотчасъ къ обыкновенному своему и почти надежному въ такихъ случаяхъ вспомогательному средству, а именно: къ принужденію себя невольно посредствомъ щекотанія, производимомъ въ носу свернутою бумажкою, чиханію, что̀ и помогло мнѣ очень скоро.

Симъ образомъ окончили мы тысяча семьсотъ семидесятый годъ, годъ по многимъ отношеніямъ весьма достопамятный и особливаго замѣчанія достойный.

Ибо, во-первыхъ, достопамятенъ онъ былъ самыми рѣдкими и странными явленіями и происшествіями въ натурѣ. Во все теченіе лѣта происходили у насъ странныя погоды, соединенныя съ вредными упадающими на хлѣбъ туманами и росами, отчего и урожай онымъ въ сей годъ былъ очень плохъ; а осенью, какъ выше упомянуто, зима у насъ наставала нѣсколько разъ, и даже дошло до того что въ декабрѣ сошелъ весь снѣгъ и на самый праздникъ Рожества Христова взломало уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оку-рѣку, что надѣлало не только великое помѣшательство и остановку во всѣхъ транспортахъ, но погноило и перепортило всѣ и мяса, и причинило безконечные убытки.

Во-вторыхъ, достопамятенъ онъ былъ важными и великими происшествіями въ свѣтѣ. У насъ продолжалась тогда война съ турками, и самый сей годъ ознаменовался неслыханными и невѣроятными почти побѣдами надъ ними на сухомъ пути и на морѣ.

Въ самый оный разбитъ ихъ визирь съ многочисленною арміею графомъ Румянцовымъ при Кагулѣ; взяты у нихъ, по жестокой и кровопролитной осадѣ, Бендеры—Панинымъ, а графомъ Орловымъ разбитъ и сожженъ весь ихъ флотъ въ Архипелагѣ при Чесмѣ. Однимъ словомъ, мы изумили и удивили тогда весь свѣтъ своими побѣдами и возвели себя на самую вышнюю степень славы и величія.

А съ другой стороны достопамятенъ онъ былъ пріѣздомъ къ намъ брата короля прусскаго, славнаго принца Гейнриха, который, будучи въ Москвѣ, равно какъ сглазилъ бѣдную сію старушку: ибо съ самаго того времени и начали въ ней свирѣпствовать жестокія болѣзни и внѣдрилось въ Москву моровое повѣтріе, которое свирѣпствовало уже во всей силѣ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, и нагоняло на всѣхъ на насъ неописанный страхъ и ужасъ и тѣмъ очень много уменьшали наши радости о побѣдахъ.

Въ-третьихъ, достопамятенъ сей годъ былъ и относительно до самого меня многими важными происшествіями, какъ-то: описаннымъ выше сего межеваньемъ всѣхъ владѣніевъ моихъ, въ Каширскомъ уѣздѣ, и бывшими при томъ многими хлопотами и волокитами.

Во-вторыхъ кончиною зятя моего г-на Травина и воспріятіемъ надъ оставшими дѣтьми его опекунства, которое хотя и не было такое формальное, какія ввелись у насъ послѣ того въ обыкновеніе, но все занимало и озабочивало меня много.

Въ-третьихъ, ѣздою моею въ Кашинъ и привезеніемъ сына его къ себѣ для воспитанія, и обученія.

Въ-четвертыхъ, многими болѣзнями и переналками, бывшими въ моемъ домѣ, но отъ которыхъ собственно мы, благодаря Промыслу Господню, избавились.

Въ-пятыхъ, прославленіемъ имени моего во всемъ государствѣ чрезъ удачное рѣшеніе заданной задачи и полученіе за то золотой медали, которыя тогда были въ великой еще диковинкѣ.

Въ-шестыхъ, многими выдумками и изобрѣтеніями моими, въ теченіи сего года учиненными, и многими другими обстоятельствами.

Впрочемъ, по благости Господней, препроводилъ я сей годъ со всѣми ближними родными моими въ совершенномъ здоровьѣ и во всякомъ благополучіи. Всѣ мы были здоровы, веселы, покойны.

всѣмъ довольны; а болѣе сего, чего можно было желать въ свѣтѣ лучшаго?

Дѣти мои часъ отъ часу возрастали, и подавали съ каждымъ годомъ лучшую о себѣ надежду. Дочь моя Елисавета вступила уже тогда на четвертый годъ, умѣла уже все говорить и была милымъ и любезнымъ ребенкомъ; а и сыну моему Степану пошелъ уже третій годъ, онъ умѣлъ уже ходить и въ состояніи былъ доставлять намъ тысячи удовольствій и утѣхъ невинныхъ.

Симъ окончу я и сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 15 дня 1807.)

1771.

Письмо 148-е.

Любезный пріятель! Начиная описывать вамъ въ семъ письмѣ нашъ несчастный 1771 годъ, скажу прежде всего, что при началѣ онаго я со всѣмъ моимъ семействомъ находился, по особливой милости Господней къ намъ, въ вожделѣнномъ благополучіи.

Всѣ мы были здоровы, всѣмъ довольны и веселы и ничего намъ не доставало къ благополучію нашему, а оставалось только умѣть онымъ пользоваться и его чувствовать: искусство, которое къ сожалѣнію не всякій смертный знаетъ и которое всего важнѣе и драгоцѣннѣе въ свѣтѣ.

Годъ сей начали мы препровождать, какъ я прежде упоминалъ, въ Калединкѣ, находясь вмѣстѣ со всѣми тогда ближними родными въ домѣ у тетки Матрены Васильевны, и у обѣдни въ сей день были въ селѣ Никитинѣ, гдѣ я имѣлъ случай спознакомиться съ господиномъ Шеншинымъ, владѣльцемъ сего села, который зазвалъ насъ всѣхъ къ себѣ на перепутье.

Отобѣдавши же дома смолвились мы, старѣйшіе, съѣздить въ Хотманово къ старинному моему по Москвѣ знакомцу г. Давыдову, гдѣ нашли и многихъ другихъ людей, и съ ними провели весь день до самаго почти ужина.

Но мнѣ сей день былъ не очень веселъ по причинѣ, что не съ кѣмъ было тутъ и ни о чемъ разумномъ говорить, а упражнялись господа въ премудрыхъ разговорахъ о псахъ смердящихъ.

Хозяинъ, будучи до нихъ и до звѣриной ловли смертельный охотникъ и нашедъ такого же въ г. Шеншинѣ, не переставалъ ни на минуту объ нихъ объ однихъ говорить, и въ томъ въ одномъ провели все время.

Каково-жъ при такихъ ораторахъ быть было мнѣ, ненавидящему духомъ сію охоту, и не находящемъ въ разговорѣ о семъ предметѣ ни малѣйшаго удовольствія, и немогущему какъ тогда, такъ и во всю жизнь довольно надивиться тому, какъ господа сіи могутъ находить столько предметовъ или паче сказать сущихъ ничего незначущихъ бездѣлицъ, и не только никакого вниманія, но и самаго слушанія недостойныхъ вещей къ пересказыванію другъ другу, и тому съ какимъ удивительнымъ вниманіемъ и примѣчаніемъ другіе говорящаго слушаютъ.

Не одинъ разъ, смотря на такихъ говоруновъ, съ душевнымъ соболѣзнованіемъ говаривалъ я самъ себѣ:

«О, когдабъ господа сіи хотя бы десятою долею такого вниманія удостоивали разговоры о вещахъ важныхъ и до существеннаго благополучія ихъ относящихся! Но нѣтъ! къ таковымъ не льнетъ у нихъ ухо, а тотчасъ появляется скука и зѣвота. И удивительное прямо дѣло, какъ прилѣплены многіе къ сей охотѣ и какъ всего жаднѣе къ разговорамъ объ ней и ненасытны въ оныхъ! Истинно, еслибъ послѣдовать и вѣрить системѣ Пиѳагоровой, такъ можно бы почесть, что души ихъ находились прежде либо въ зайцахъ, либо въ собакахъ и по смерти ихъ переселились въ тѣлеса господъ сихъ».

Какъ насъ уняли-было ужинать, то было бы мнѣ еще скучнѣе провождать длинной вечеръ въ единомъ безмолвіи и въ слушаніи такихъ премудростей, для меня непостижимыхъ; но по счастію прислали къ намъ изъ Калединки нарочнаго съ увѣдомленіемъ, что пріѣхалъ къ теткѣ

еще одинъ интересной и никогда еще у ней небывалой гость, и сіе принудило насъ тотчасъ ѣхать туда, гдѣ и удалось мнѣ по крайней мѣрѣ вечеръ сего дня провесть весело, въ разныхъ играхъ и разговорахъ, но лучшихъ уже предъ тѣми, съ пріѣзжимъ незнакомцемъ.

Гость сей былъ самый ближній намъ родственникъ, и сынъ родного брата дѣда жены моей, слѣдовательно ей внучетной, а тещѣ моей, двоюродной братъ.

Былъ онъ изъ той же фамиліи Арцыбышевыхъ, по имени Николай Григорьевичъ, и какъ ему никогда еще у насъ тутъ бывать не случалось и я въ первой еще разъ его видѣлъ: то всѣ мы пріѣзду его были очень рады, а я всѣхъ больше, потому что нашелъ въ немъ человѣка хотя молодого, но знающаго нѣмецкій языкъ, охотника до наукъ и художествъ и при томъ отмѣнно любопытнаго.

Съ такимъ человѣкомъ не долго было мнѣ сдруживаться. Мы проговорили съ нимъ весь вечеръ о книгахъ и о прочемъ, и разговоры о томъ заняли насъ такъ много, что мы и легши спать продолжали оные и почти всю ночь не спали; ибо ему хотѣлось весьма многое знать и онъ многія знакомыя мнѣ вещицы не только слушалъ съ отмѣннымъ вниманіемъ, но даже записывалъ у себя въ записной книжкѣ.

Другое удовольствіе мое въ сей день было то, что я былъ опять совершенно здоровъ и не чувствовалъ болѣе ни малѣйшей головной боли; и помогло мнѣ и въ сей разъ удивительно чиханіе.

А всего пріятнѣе для меня и для всѣхъ насъ было то, что, по увѣренію г. Шеншина, моровое повѣтріе въ Кіевѣ начало утихать или паче утихло уже совсѣмъ, а до Мценска, какъ намъ прежде сказывали, никогда и не доходило.

О, какъ радовали насъ тогда всѣ такіе утѣшительные слухи и съ какою готовностію и охотою мы всѣмъ имъ вѣрили, и сколь напротивъ того огорчали насъ тому противные, которыхъ къ несчастію случалось намъ иногда уже гораздо болѣе слышать нежели первыхъ.

Въ послѣдующій день, возвращаясь домой и ѣдучи чрезъ Ченцово, вздумали мы заѣхать къ одному знакомому нѣмцу, пріѣхавшему на самыхъ тѣхъ (дняхъ) изъ Москвы; но вѣдали бы лучше и не заѣзжали.

Онъ смутилъ насъ огорчительнымъ извѣстіемъ, что въ Москвѣ дѣйствительно уже язва началась въ гошпиталѣ, и что скоро ни въ Москву впускать, ни изъ Москвы никого выпускать не станутъ; что весь гошпиталь обставленъ караулами и знатные всѣ начали изъ Москвы разъѣзжаться.

Какъ сіе было еще первое достовѣрное о внѣдрившейся въ Москву чумѣ извѣстіе, нами тогда полученное, то смутило и огорчило оно насъ до чрезвычайности и тѣмъ паче, что я собирался посылать въ Москву съ обозомъ и не зналъ тогда, что дѣлать, и ни то посылать, ни то нѣтъ; а племянницы мои, собиравшіяся уже въ обратной путь и долженствующія неминуемо ѣхать чрезъ Москву, съ ума даже сходили отъ огорченія.

Но какъ все еще намъ тому не хотѣлось совсѣмъ вѣрить, то услышавъ, что также на тѣхъ дняхъ возвратился изъ Москвы ѣздившій опять туда сосѣдъ и другъ мой г. Полонскій, то и положили мы нарочно къ нему для достовѣрнѣйшаго узнанія обо всемъ съѣздить и у него разспросить обстоятельнѣе.

Итакъ, проводивъ заѣхавшаго къ намъ изъ Калединки новаго моего знакомца и родственника отъ себя, поѣхали мы всѣ къ г. Полонскому; но, увы! не обрадовалъ и онъ насъ, а только пуще еще огорчилъ подтвержденіемъ и съ своей стороны помянутаго нами слышаннаго извѣстія.

Онъ разсказывалъ намъ, что чума оказалась дѣйствительно въ гошпиталѣ и еще въ одномъ домѣ въ Лефортовой слободѣ, отъ одного пріѣзжаго изъ арміи въ отставку офицера, умершаго тутъ отъ ней съ обоими своими слугами и лечившимъ его лекаремъ.

Далѣе сказывалъ онъ намъ, что какъ

гошпиталь тотчасъ окруженъ былъ кордономъ и не стали ни въ него, ни изъ него никого пускать, а къ императрицѣ тотчасъ отправленъ съ извѣстіемъ о томъ нарочной курьеръ, и все это сдѣлалось гласно, то произшествіе сіе всю Москву крайне перетревожило, и что всѣ знатные и къ должностямъ непривязанные люди тотчасъ ускакали изъ Москвы и разъѣхались по деревнямъ.

Первый учинилъ сіе графъ Петръ Борисьевичъ Шереметевъ, прочіе же всѣ ухватились за чеснокъ и деготь и оные при себѣ носили и нюхали, а первый и ѣли во всѣхъ ѣствахъ.

Онъ показывалъ намъ тогдашніе московскіе ароматнички, сдѣланные на подобіе черепаховыхъ наперниковъ, въ которыхъ въ одномъ концѣ вставлена скляночка наполненная чистымъ дегтемъ, а въ другомъ толченый чеснокъ, и сказывалъ, что вся Москва тогда говорила, что отъ вещицъ таковыхъ зависитъ жизнь каждаго; а потому и бросились всѣ ихъ покупать и мастеровые не успѣвали для всѣхъ ихъ заготовлять. Но, увы! когда-бъ они дѣйствительно такъ важны и спасительны были и люди не такъ много на такія бездѣлицы полагались!!

Другою и самою спасительною вещію почитался славной въ старину уксусъ, такъ-называемой «четырехъ разбойниковъ». Проворные и догадливые французы не преминули тотчасъ всклепать на себя, что они умѣютъ сей уксусъ составлять, и тотчасъ начали продавать оный и обирать множество денегъ за самой простой виноградной уксусъ; а на ихъ вѣкъ и дураковъ, вдающихся въ явной обманъ, въ Москвѣ было очень много.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ извѣстіемъ симъ ни настращалъ насъ г. Полонскій, но съ другой стороны и поутѣшилъ тѣмъ, что какъ зло сіе еще не распространилось, а къ недопущенію того употребляются всѣ предосторожности; то при наступленіи тогдашней стужи и морозовъ надѣются всѣ, что она поукротится и не дойдетъ ни до какого дальнаго несчастія, а сіе и ободрило насъ нѣсколько.

Но неуспѣли мы возвратиться домой и нѣсколько поуспокоиться духомъ, какъ принесло къ намъ савинскаго попа съ святою водою, и сей возмутилъ опять весь духъ нашъ до чрезвычайности сказавъ, что онъ, будучи на тѣхъ дняхъ въ Серпуховѣ, навѣрное слышалъ, что повѣтріе моровое есть уже въ Боровскѣ, и что изъ сего города выѣздъ и въѣздъ въ него запрещенъ.

Холодной потъ прошибъ изъ чела моего при услышаніи сего извѣстія и я, вздохнувъ, самъ себѣ сказалъ: «Боже великій, что это будетъ, ежели сіе правда? Боровскъ отъ насъ очень недалеко и за Серпуховомъ тутъ и есть!»—Но какъ дни чрезъ два услышали мы, что это совсѣмъ соврано и неправда, то опять успокоились духомъ, и бранили только выдумщиковъ, распускающихъ такіе ложные слухи.

Чрезъ день послѣ того отправились всѣ племянницы мои опять во свояси и мы проводили ихъ въ сей путь, пожелавъ, чтобъ они Москву проѣхали благополучно. Я снабдилъ ихъ всѣми нужными наставленіями, какъ имъ однѣмъ жить и что наблюдать болѣе, отпустилъ, одаривъ всѣхъ ихъ платками и другими вещами.

Вскорѣ послѣ сего случилось нѣчто относящееся до нашего межеванья и нѣчто такое, что насъ сперва было-обрадовало, а потомъ опять смутило и огорчило.

Какъ споръ у насъ съ волостными не былъ еще разрѣшенъ и не дѣлано было и самаго перваго приступа къ начальному обыкновенному миротворенію, и господа межевщики все сіе время занимались сочиненіемъ плановъ, исчисленіемъ оныхъ и собираніемъ ото всѣхъ свѣдѣній о числѣ дачъ, и все сіе около сего времени было кончено: то любопытны мы чрезвычайно были знать, сколько во всей волости земли въ натурѣ и примѣръ-ли у нихъ противъ писцовыхъ дачъ или недостатокъ оказывается?

Въ самое сіе время однажды поутру присылаетъ ко мнѣ сосѣдъ мой, Матвѣй Никитичъ и сообщаетъ пріятнѣй-

шее для меня извѣстіе, что у волостныхъ нашлось 16 тысячъ десятинъ примѣру и что былъ на заводѣ управитель ихъ Апуринъ и приказалъ, чтобъ они не доходили до конторы, а со всѣми полюбовно помирились.

Я обрадовался-было сему чрезвычайно, но радость сія продолжалась недолго; въ тотъ же еще день пріѣхалъ къ намъ межевщикъ и разрушилъ всю нашу радость обстоятельнѣйшимъ извѣщеніемъ, что въ волости нашлось дѣйствительно земли 17,640 десятинъ, но не примѣрной, а всей наличной.

Я ахнулъ сіе услышавъ, ибо никакъ не воображалъ, чтобъ въ волости было такъ мало земли наличной, а думалъ, что у нихъ по меньшей мѣрѣ тысячамъ сороку десятинъ быть надобно.

Но какъ при вопросѣ о ихъ примѣрѣ извинился межевщикъ незнаніемъ и сказалъ только, что будто онъ слышалъ, что по крѣпостямъ не болѣе имъ слѣдуетъ, какъ 12,000, то сіе опять меня нѣсколько поободрило и я опять остался на нѣсколько дней между страхомъ и надеждою.

А какъ онъ тоже подтвердилъ, бывши у насъ опять чрезъ нѣсколько дней присовокупляя, что не подаютъ они все еще свѣдѣнія, а сказывали ему, что пахатной земли выбрали они только до 9,000 десятинъ, и такъ, чаятельно, будетъ у нихъ примѣру десятинъ тысячи три; сверхъ того увѣрялъ онъ меня, что не показано у нихъ въ крѣпостяхъ никакихъ поверстныхъ лѣсовъ: то все сіе меня радовало, а непріятно было мнѣ слышать, что для подаванія свѣдѣнія присланъ отъ управителя опять прежній мой недругъ Щепотевъ.

Вслѣдъ за симъ обрадованъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ отъ племянника моего г. Неклюдова, изъ псковскихъ предѣловъ. Жена его, находившаяся тогда въ деревнѣ, прислала ко мнѣ полтора четверика настоящей аглинской ржи, выписанной ими нарочно изъ Англіи для завода и увѣдомляла, что мужъ ея находился тогда въ Петербургѣ и служилъ въ провіантскомъ штатѣ въ командѣ у г. Хомутова.

Но сколько обрадованъ я былъ симъ извѣстіемъ и полученіемъ сей давно мною желаемой ржи, столь же много и растревоженъ и перестращенъ былъ въ тотъ же день нечаяннымъ произшествіемъ, случившимся у насъ въ деревнѣ.

Къ брату моему Михайлѣ Матвѣевичу пріѣхалъ на тѣхъ дняхъ тесть его, г. Стахѣевъ, изъ Москвы, и не успѣлъ пріѣхать, какъ занемогши тутъ чрезъ самое короткое время и умеръ.

Я ахнулъ, о семъ услышавъ; ибо тотчасъ возъимѣлъ подозрѣніе, не захватилъ-ли онъ въ Москвѣ страшной болѣзни, ибо въ тогдашнее время все наводило опасеніе, и всѣ такія скорыя смерти приводили въ сомнѣніе.

Словомъ, меня такъ много сей случай настращалъ, что я усумнился даже итти навѣщать огорченныхъ тѣмъ его дѣтей и не зналъ какъ бы увернуться, чтобъ не быть и при погребеніи онаго.

Но по счастію пріѣхали къ намъ наши калединскіе родные съ старичкомъ почтеннымъ, собравшіеся съѣздить за Серпуховъ къ родственнику нашему, Ивану Аѳанасьевичу; и какъ они стали подзывать и меня ѣхать вмѣстѣ съ собою, то хотя мнѣ и не весьма хотѣлось въ сіи дальніе и скучные гости ѣхать, но для избѣжанія отъ присутствія при погребеніи Стахѣева охотно на то согласился.

Итакъ, 19-го сего мѣсяца пустились мы въ сіе недальнее путешествіе, которое двумя произшествіями было нѣсколько примѣчанія достойнымъ.

Во-первыхъ тѣмъ, что я, будучи въ Серпуховѣ и ночуя въ монастырѣ у почтенной старушки Катерины Богдановны, не могъ довольно налюбоваться обхожденіемъ ея и разговорами у ней съ старичкомъ, дѣдомъ жены моей.

Оба они были на краю гроба, оба были съ малолѣтства знакомы и жили, какъ родственники, во всякое время въ дружбѣ и пріязни, но обоихъ ихъ отдаленность мѣстъ и обстоятельствы разлучили на долгое время, такъ что они нѣсколько

десятковъ лѣтъ не видались; а тогда, при глубочайшей старости увидѣвшись, не могли довольно между собою наговориться и мило было смотрѣть на всѣ оказываемыя ими другъ другу ласки и, несмотря на всю старость, ихъ шутки и издѣвки.

Второе происшествіе состояло въ крайне неудачномъ и досадномъ обратномъ путешествіи изъ гостей сихъ домой.

Находясь въ деревнѣ г. Арцыбышева, въ Воскресенкахъ, положили мы ѣхать назадъ уже не чрезъ Серпуховъ, а пробраться прямо лѣсами на Лужки и Пущино и заѣхать къ живущимъ тутъ родственникамъ нашимъ той же фамиліи Арцыбышевыхъ; ибо старичку нашему, находясь въ предѣлахъ здѣшнихъ, у всѣхъ побывать хотѣлось.

Итакъ, отправившись оттуда, имѣли мы много труда покуда доѣхали и до Лужокъ. Ѣхать принуждены мы были все перелѣсками узкими дорогами и почти самымъ цѣликомъ. Но какъ бы то ни было, но до Лужковъ доѣхали, и тутъ у обрадованной хозяйки ночевали. Но какъ въ послѣдующій день поѣхали оттуда въ Пущино обѣдать, то и началось наше горе.

Гдѣ ни возьмись буря и мятель, и такая скверная погода, какая случается очень рѣдко; но какъ переѣздъ былъ тутъ не дальній, то и думали мы, что до Пущина какъ-нибудь доѣдемъ, а тамъ располагались обѣдать и ночевать у хозяйки.

Но не то сдѣлалось!—Въ Пущино какъ-нибудь мы таки-доѣхали, но тутъ вдругъ сказываютъ намъ, что хозяйки нѣтъ дома, и что она уѣхала въ Серпуховъ и пробудетъ тамъ нѣсколько дней.

Господи! Какая была тогда для насъ досада. Тутъ остаться было не можно, у хозяйки все было заперто и ничего не было, да безъ нея и не хотѣлось намъ тутъ и оставаться: но вопросъ былъ: какъ быть и куда ѣхать обѣдать? Ибо чтобъ ѣхать до моего, верстъ за 15 оттуда отстоящаго дома, и въ такую страшную и дурную зимнюю погоду въ такую даль пуститься, о томъ и мыслить было не можно.

Долго мы о семъ думали и не знали что дѣлать. Наконецъ предложилъ я, чтобъ заѣхать къ живущему верстъ пять или меньше оттуда другу моему г. Полонскому. Но какъ старичку нашему не былъ онъ знакомъ, а теткѣ никакъ заѣзжать къ нему не хотѣлось по причинѣ, что жена его была ей какъ-то не по вкусу, то долго останавливало насъ сіе. Но наконецъ, при преувеличивающейся часъ отъ часу болѣе мятели, принуждены они были на то согласиться.

Но сей путь былъ хотя не дальній, но дался намъ такъ, что мы его долго помнили. Дорога была туда самая маленькая полями, и вся занесена такъ мятелью, что ее едва можно было видѣть. Люди наши, позахватившіе въ Пущинѣ нѣсколько въ лобъ, гдѣ ихъ по усердію знакомцы попотчивали, всѣ перезябли не на животъ, а на смерть, и едва-было не потеряли совсѣмъ и слѣдъ дорожный.

Къ вящему несчастію надлежало намъ проѣзжать сквозь экономическую деревню Балково и пробираться тѣснымъ и на половину сугробами занесеннымъ проулкомъ. Тутъ попали мы въ такую трущобу и тѣсноту, что насъ сломали-было совершенно.

Возокъ нашъ, въ которомъ мы ѣхали, былъ почти совсѣмъ на боку. Въ немъ переколотили всѣ стекла, а у кучера голову было-оторвало, такъ хорошо прижаты мы были къ плетню, за который мы имъ зацѣпивъ принуждены были совсѣмъ остановиться.

Что было дѣлать? Мы принуждены были съ теткою Матреною Васильевною, боявшеюся и безъ того крайне всего дурного въ пути и безъ памяти тогда кричавшею, кое-какъ выдираться и вылѣзать изъ возка, и въ прахъ перемокли и иззябли. И насилу-насилу возокъ свой кое-какъ высвободили и до Зыбинки, гдѣ жилъ г. Полонскій, доѣхали; но и тутъ учинилась-было съ нами бѣда.

Какъ стали отворять ворота, то вихрь отхвати половину щита воротнаго, и онымъ такъ хватило въ нашъ возокъ, что посыпались и достальныя стеклы, а стоявшаго

позади камердинера моего, Бабая, чуть-было до смерти имъ не задавило.

Но за то гостепріимные и пріѣздомъ нашимъ обрадованные хозяева обогрѣли, накормили и успокоили насъ совершенно. Они не отпустили уже никакъ насъ въ тотъ день отъ себя, и мы все достальное время сего дня и вечеръ провели съ удовольствіемъ.

Возвратившись домой и проводивъ отъ себя любезныхъ своихъ гостей, принялся я за новое и давно уже замышляемое сочиненіе одной экономической пьесы для отсылки въ Экономическое Общество.

Начитавшись въ нѣмецкихъ книгахъ о такъ-называемомъ копельномъ хозяйствѣ при раздѣленіи полей на многія части въ мекленбургскихъ областяхъ и прельщаясь тѣмъ, давно уже помышлялъ я о томъ, не можно-ли и у насъ подражать ихъ примѣру, и раздѣлять на такомъ же основаніи поля на 7 участковъ или полей. И какъ я при размышленіи и дѣлаемыхъ смѣтахъ чѣмъ болѣе дѣло сіе разсматривалъ, тѣмъ множайшія усматривалъ пользы, могущія отъ того проистекать: то рѣшился я изобразить всѣ мысли мои о томъ на бумагѣ и представить на разсмотрѣніе Обществу.

Успѣхъ въ сочиненіи семъ превзошелъ мое чаяніе и ожиданіе и пьеса вылилась такъ хорошо, что я ею не могъ довольно налюбоваться; а произошло только нѣчто странное, удивительное и такое при сочиненіи оной, что я и понынѣ не могу забыть того.

Однажды, какъ сочиняя оную, сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и исписалъ уже первую страницу одиннадцатаго листа, какъ вдругъ пріѣхали ко мнѣ гости.

Я, оставивъ все какъ писалъ на своемъ столѣ, вышелъ въ лакейскую ихъ встрѣчать, и проводивъ въ спальню къ бoярынямъ, побѣжалъ опять въ свой кабинетъ для прибранія бумагъ и чтобъ начеркнуть новую попавшуюся мнѣ въ самое то время мысль на оной.

Но что-жъ? Я глядь, анъ помянутаго послѣдняго и на половину исписаннаго листа на столѣ уже не было. Я смотрѣть не завалился ли онъ куда? я искать подъ столомъ и подъ креслами, я искать по всему полу, я рыть всѣ бумаги на столѣ, я смотрѣть не завалился онъ какъ между оныхъ; но его нигдѣ не отыскивалось.

«Господи! говорю: да куда-жъ онъ дѣлся? не утащилъ ли кто?» Я спрашивать, не входилъ ли кто безъ меня въ кабинетъ? Но какъ всѣ меня свято и клятвенно увѣряли, что никто и ни одна душа не входила да и некогда было и входить, поелику мое отсутствіе не продолжалось болѣе двухъ или трехъ минутъ, то сіе удивило меня еще болѣе.

Словомъ, я не понималъ куда онъ дѣлся, и не могъ чтобъ не продолжать искать его; но мы хоть цѣлыя сутки всюду и всюду его искали, но не могли никакъ отыскать, и листъ мой сгнилъ да пропалъ, и я принужденъ былъ уже вновь его писать. И по счастію случилось такъ, что я могъ все опять припомнить и написать почти слово въ слово съ пропавшимъ, о которомъ и понынѣ не знаю куда онъ дѣлся.

Около сего же времени случилась со мною та неожидаемость, что владѣлецъ лежащей неподалеку отъ меня въ сосѣдствѣ деревни Якшиной, генералъ Щербининъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Харьковѣ, навалилъ на меня смотрѣніе за сею его деревнею.

Я получилъ тогда отъ него письмо съ наиубѣдительнѣйшею о томъ просьбою: и какъ мнѣ ни нехотѣлось, но не могъ отъ того отговориться и принужденъ былъ удовольствовать его желаніе.

Впрочемъ, занимался я еще около сего времени особливаго рода упражненіемъ.

Наслышавшись отъ помянутаго выше сего молодого нашего родственника, г. Арцыбышева, охотника до наукъ и художествъ, какъ шлифуются всякаго рода каменья, восхотѣлось мнѣ по данному мнѣ отъ него рисунку смастерить себѣ шлифовальный домашній станокъ и испытать сіе дѣло.

Я и произвелъ все съ желаемымъ успѣхомъ и доставъ трепела и наждаку, испытывалъ на свинцовыхъ и оловянныхъ вертящихся кругахъ шлифовать пестрые

кремешки и другіе находимые мною хорошенькіе камушки, и имѣлъ въ томъ успѣхъ вожделѣнной, а удовольствія отъ того премногое множество.

Въ сихъ упражненіяхъ прошелъ весь первой мѣсяцъ сего года; при наступленіи-жъ втораго настала у насъ въ сей годъ масляница, но сію случилось мнѣ проводить какъ-то отмѣнно невесело. Причиною тому былъ наиболѣе г. Арцыбышевъ, къ которому ѣздили мы за Серпуховъ въ гости.

Какъ онъ былъ всѣми нами любимъ за его услужливость и благопріятство, и во многихъ случаяхъ неоставленія; былъ же онъ такихъ лѣтъ, что ему давно-бъ, давно пора жениться, и старушка мать его того только и желала и о томъ одномъ и помышляла, то приди охота теткѣ нашей, Матренѣ Васильевнѣ, сватать за него одну невѣсту и прилагать всѣ возможнѣйшія старанія къ убѣжденію его жениться.

Она совѣтовала о томъ съ нами, также съ своимъ свекромъ, какъ главою и начальникомъ всей фамиліи Арцыбышевыхъ; и какъ всѣ одобрили ея намѣреніе и невѣстѣ въ самое то время случилось быть въ селѣ Луковицахъ у брата моей тетки, то и положено было немедля приступить къ дѣлу.

Для самаго того и поѣхали мы всѣ въ Калединку, а за женихомъ послали нарочнаго и писали къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ пріѣхать къ намъ туда какъ можно скорѣй.

Но несмотря на всѣ наши усильныя о томъ просьбы, онъ какъ-то слишкомъ позамедлился и принудилъ насъ нѣсколько дней тщетно и съ великимъ нетерпѣніемъ его дожидаться; а самое сіе и подало поводъ къ тому, что я принужденъ былъ всѣ лучшіе дни масляницы нашей прожить безъ всякаго дѣла и почти въ уединеніи и въ скукѣ съ одними стариками, а притомъ по одному особливому случаю имѣть нѣкоторую досаду и неудовольствіе, а именно:

Во время сего нашего пребыванія въ Калединкѣ принесло туда въ гости г-на Хвощинскаго, Василья Панфиловича. Сей знакомецъ нашъ имѣлъ тогда ссору и какое-то дѣло съ другимъ и также намъ знакомымъ дворяниномъ г-мъ Крюковымъ, Степаномъ Александровичемъ, отцемъ нынѣшняго друга моего Александра Степановича, и ему по дѣлу сему нужно было для чего-то особливаго письменное свидѣтельство въ томъ, что онъ цѣлый годъ дома былъ и въ Москву не ѣздилъ.

Свидѣтельство сіе было у него заготовлено и ему хотѣлось, чтобъ я подписалъ оное. Но какъ обстоятельство сіе не было мнѣ достовѣрно извѣстно, а болѣе сумнительно, къ тому-жъ оба они были мнѣ равные знакомцы и пріятели и мнѣ подписаніемъ моимъ не хотѣлось, вопервыхъ, утвердить несовсѣмъ мнѣ достовѣрное дѣло, а сверхъ того не хотѣлось подать повода и Крюкову меня ругать и бранить, да и многимъ другимъ произвесть неудовольствіе; то, будучи просьбами убѣждаемъ, не зналъ я что мнѣ дѣлать и долго находился власно какъ въ тискахъ; но наконецъ рѣшился повиноваться гласу истины и благоразумія и просить его, чтобъ онъ меня отъ таковой подписки уволилъ, на что̀ онъ наконецъ, хотя съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ на меня, и согласился, но мнѣ правда и честь была дороже его досады.

Что-жъ касается до нашего сватовства, то было оно неудачно. Женихъ нашъ хотя наконецъ и пріѣхалъ и мы ѣздили всѣ съ нимъ смотрѣть невѣсту, и хотя сія была согласна за него выттить и была для его выгодная партія, да и онъ говорилъ, что и ему она непротивна; но совсѣмъ тѣмъ дѣло наше не сладилось, и все больше отъ неревностнаго хотѣнія жениха жениться или паче оттого, что Провидѣнію Господню неугодно было, чтобъ онъ когда-нибудь былъ женатъ; какъ и дѣйствительно онъ хотя и дожилъ потомъ до глубокой старости, но умеръ неженатымъ и все имѣніе его досталось въ чужія руки.

Мы подосадовали тогда на него, но принуждены были ни съ чѣмъ возвратиться назадъ и я радъ былъ, что удалось мнѣ

посиѣть хотя къ самому послѣднему дню масляницы. Но и тутъ другая также непріятность помѣшала мнѣ сей день препроводить такъ весело, какъ хотѣлось.

При возвращеніи домой и ѣдучи чрезъ Ченцовскій заводъ, и мимо квартиры межевщика Сумарокова, вздумалось мнѣ заѣхать къ нему и спросить не знаетъ ли онъ, сколько волостные дѣйствительно въ поданномъ свѣдѣніи своемъ показали дачной земли?

И какъ же срѣзалъ онъ меня, и какимъ смущеніемъ взволновалъ всю душу мою сказавъ, что показали они, что слѣдуетъ имъ по крѣпостямъ слишкомъ 18,000 десятинъ и что имъ за всѣми ихъ спорами не достаетъ еще болѣе тысячи десятинъ.

Я ахнулъ сіе услышавъ и холодной потъ проникъ изъ всего тѣла моего; ибо извѣстіе сіе было для меня совсѣмъ неожидаемо, а всѣ мы думали и за вѣрное полагали до того, что у нихъ много будетъ примѣрной земли: а тутъ вдругъ проявился недостатокъ и столь еще великой.

Я не понималъ откуда-бъ онъ взялся и хотя не сомнѣвался почти, что они прилгали, но совсѣмъ тѣмъ тревожило меня сіе обстоятельство гораздо и гораздо, потому что угрожало потерею весьма многаго количества земли.

Но какъ нечего было дѣлать, то оставалось только дожидаться послѣдующаго за тѣмъ четверга, въ которой день назначено было всѣмъ повѣреннымъ явиться къ межевщику для обыкновеннаго миротворенія. А посему, хотя и старался я въ заговѣны кое-чѣмъ себя развеселить, но недостатокъ волостной не выходилъ у меня съ ума и смущалъ всѣ мои мысли и помышленія, и всѣ мои увеселенія напоялъ жолчью.

Наконецъ наступилъ помянутой страшной для меня четвергъ, въ которой надлежало и намъ пріѣхать къ Лыкову на заводъ и подать о числѣ дачъ своихъ свѣдѣніе.

Признаюсь, что приближеніе дня сего тревожило меня очень: мысль, что онъ будетъ рѣшительной, приводила меня въ смущеніе; въ особливости же долго не зналъ я, какъ лучше подать свѣдѣніе, и показать ли въ немъ свой сумнительной поверстной лѣсъ или не показывать. Но наконецъ, для услышаннаго недавно извѣстія о недостаткѣ въ волости земли, за необходимое почелъ оной наудачу показать.

Итакъ, собравшись съ сосѣдями поѣхали мы всѣ вмѣстѣ на заводъ къ г-ну Лыкову, какъ старшему землемѣру, долженствовавшему мирить насъ.

Мы навѣрное полагали, что будетъ тутъ множество дворянъ, но въ томъ обманулись. Изъ сихъ самихъ не было никого, а была только превеликая толпа глупыхъ и ничего несмыслящихъ повѣренныхъ, сущихъ глухихъ тетеревей.

Мы пробыли тутъ весь день и ничего не сдѣлали. Межевщикъ былъ человѣкъ непроворной и вялой и все дѣло шло не такъ, какъ въ людяхъ. Словомъ, дошло до того, что я принужденъ былъ вступиться въ чужое спасенье и вмѣсто его быть миротворителемъ, и мнѣ дѣйствительно удалось многихъ преклонить къ миролюбивѣйшимъ мыслямъ.

Что-жъ касается до насъ, то не имѣли мы дѣла, потому что волостные еще свѣдѣнія своего о землѣ не подавали. Сіе меня сначало удивило, но послѣ обрадовался я услышавъ, что у нихъ есть примѣрецъ, что свѣдѣніе они хотя и подали, но какъ въ ономъ наврали много излишняго, то межевщикомъ было не принято, а онъ велѣлъ переписать и показать правду, а чрезъ то и пошло наше дѣло еще въ отсрочку.

Возвратясь съ успокоеннымъ опять нѣсколько духомъ домой, продолжали мы достальные дни первой недѣли говѣть и молиться Богу. По наступленіи же субботы не знали мы, къ какому попу иттить намъ на духъ.

Прежняго нашего духовника, добраго и почтеннаго отца Иларіона уже не было, онъ отошелъ къ своимъ предкамъ и у насъ попомъ былъ усыновленный имъ племянникъ его Евграфъ; и хотя сей былъ

и молодъ еще, но мы рѣшились наконецъ итти къ нему на духъ.

По исправленіи сего долга христіанскаго принялся я за переписываніе набѣло сочиненной мною экономической пьесы, и за шлифованье на станкѣ своихъ камней.

Въ сихъ упражненіяхъ и въ угощеніяхъ многихъ пріѣзжавшихъ къ намъ около сего времени гостей, и собственныхъ койкуда разъѣздахъ проводилъ я нѣсколько дней сряду.

Между тѣмъ имѣлъ я неописанное удовольствіе отъ полученія одной давно желаемой книги, а именно Цынкова «Экономическаго лексикона». Посылаемый въ Москву человѣкъ привезъ мнѣ ее и нѣкоторыя другія.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ онюю, и съ какимъ рвеніемъ ее пересматривалъ и какое удовольствіе имѣлъ, находя въ оной безконечное множество разныхъ вещей, весьма нужныхъ для свѣдѣнія моего при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и книга сія впослѣдствіи времени мнѣ очень пригодилась.

Отъѣздъ обоихъ братьевъ моихъ въ Москву въ послѣдній день сего мѣсяца подалъ мнѣ случай отослать съ ними на почту помянутую сочиненную мною пьесу: «О раздѣленіи полей», въ Экономическое Общество. Сочиненіе сіе хотя мнѣ и очень нравилось и всѣ читавшіе оное хвалили, но не зналъ я, каково оно покажется Экономическому Обществу, отъ котораго давно уже дожидался присылки 15-й части и не очень доволенъ былъ тѣмъ, что они се ко мнѣ не присылали.

Въ сихъ разныхъ препровожденіяхъ времени и не видалъ я, какъ протекъ и весь февраль мѣсяцъ и наступилъ мартъ, котораго я, по причинѣ приближавшагося съ каждымъ днемъ разрѣшенія жены моей отъ бремени, съ обыкновеннымъ смущеніемъ дожидался.

Но какъ письмо мое довольно уже велико, то предоставивъ повѣствованіе о семъ весьма для меня достопамятномъ мартѣ мѣсяцѣ письму будущему, симъ сіе кончу и скажу, что есмь вашъ и проч.

(Декабря 17 дня 1807.)

(7-го марта).

Письмо 149-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ одно изъ достопамятнѣйшихъ произшествій въ моей жизни, а именно рожденіе моего сына Павла, чрезъ котораго благоугодно было Всемогущему доставить мнѣ безчисленное множество удовольствій въ жизни, и за одареніе которымъ всегда благодарилъ, и не престаю и понынѣ благодарить моего Господа, и почитаю то особенною его къ себѣ милостію.

Случилось сіе въ началѣ марта мѣсяца. Жена моя уже 5-го числа онаго почувствовала въ себѣ близкое приближеніе разрѣшенія своего отъ бремени; и какъ матери ея, а моей тещѣ восхотѣлось около самаго сего времени съѣздить въ Калединку для свиданія съ старичкомъ ея родителемъ, съ которымъ она давно не видалась, и она за часъ только до того отъ насъ уѣхала, то обстоятельство сіе увеличило несказанно мое смущеніе и то крайнее безпокойство духа, каковымъ обыкновенно страдалъ я всякой разъ при такихъ критическихъ минутахъ времени.

Я не зналъ что мнѣ тогда съ женою дѣлать, если она прежде возвращенія ея родить соберется; тогда не было еще нигдѣ въ городахъ иностранныхъ и искусныхъ повивальныхъ бабокъ, которыя нынѣ введены въ обыкновеніе, и наши братья сельскіе дворяне незаботились о выписываніи и привозѣ оныхъ къ себѣ въ домы и теряніи на нихъ по нѣскольку сотъ рублей денегъ, а по примѣру своихъ предковъ, довольствовались и пробавлялись своими домашними и какія у кого случались бабками; слѣдовательно и положиться было не на кого.

Несмотря на то, жена уговорила меня въ послѣдующій день съѣздить къ другу нашему г. Полонскому, съ которымъ я, по вторичномъ его возвращеніи съ Москвы, еще не видался.

Я не хотѣлъ-было никакъ на то отважиться, чтобъ отъѣхать отъ ней въ такое опасное время; но какъ она увѣрила меня, что по всѣмъ признакамъ родитъ она не прежде какъ развѣ ввечеру того дня, и я могу къ тому времени возвратиться, то и рѣшился я на отвагу въ сей недальній путь пуститься. И какъ меня во время бытности тамъ власно, какъ что подмывало, то и сократилъ я возможнѣйшимъ образомъ мое пребываніе и пріѣхалъ домой еще рано до вечера.

Между тѣмъ жена моя часъ отъ часу болѣе жаловалась на обыкновенные въ такихъ случаяхъ припадки, что́ смущало и меня отчасу больше и тѣмъ паче, что не возвращалась еще изъ Калединки и теща моя; но по счастію въ сумерки пріѣхала и она.

Теперь опишу я всѣ произшествія при сихъ родахъ точно тѣми словами, какими описалъ я все сіе достопамятное произшествіе тогда въ журналѣ того года:

«Мы поужинали (писалъ я тогда) прежде обыкновеннаго времени, дабы дать покой домашнимъ и произвесть желаемую тишину во всемъ домѣ, и имѣли много труда скрыть отъ всѣхъ приближеніе родовъ жены моей.

«Не успѣли мы лечь спать, какъ жена моя и начала чувствовать обыкновенныя муки, кои продолжались долго и привели насъ въ великое смущеніе.

«Я препроводилъ все сіе время власно какъ на величайшей каторгѣ и прямо можно сказать, находился между сномъ и бдѣніемъ, и страдая наивеличайшимъ безпокойствомъ душевнымъ.

«Наконецъ въ самую полночь или нѣсколько за полночь, на 7-е число, обрадовалъ насъ Всевышній благополучнымъ разрѣшеніемъ жены моей отъ бремени. Она родила мнѣ сына, котораго положили мы назвать по имени святого того дня, Павломъ.

«Достопамятно, что въ самое время рожденія его случилось рѣдкое явленіе въ натурѣ, а именно сѣверное сіяніе. Началось и составлялось оно въ самую ту минуту и сдѣлалось довольно велико.

«Я, будучи тогда въ неописанной радости, и увидѣвъ оное вышедши на крыльцо, счелъ сіе хорошимъ предзнаменованіемъ и самъ себѣ въ восхищеніи сказалъ:

«Смотри пожалуй какой случай: уже не просіяетъ ли и сынъ мой, ежели живъ будетъ, чѣмъ-нибудь на Сѣверѣ? Но ахъ! — продолжалъ я самъ себѣ говорить: я бы всего болѣе желалъ, чтобъ былъ онъ добродѣтеленъ и любилъ бы своего Создателя! Вотъ первое чего я желаю новорожденному моему сыну, вѣдая довольно, что когда сіе будетъ, то будетъ онъ благополученъ!»

Сими точно словами описалъ я въ дневномъ журналѣ того года сіе произшествіе и тогдашнее мое разсужденіе и желаніе, и ахъ! какъ хорошо сіе послѣ и совершилось въ свое время.

Впрочемъ, для любопытнаго свѣдѣнія потомкамъ его, замѣчу я здѣсь, что родился онъ въ деревнѣ нашей Дворяниновой, въ хоромахъ посреди самой нашей спальни и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ нынѣшнихъ хоромахъ дверь изъ гостинной въ спальню; что при рожденіи онаго была теща моя Марья Аврамовна, да принимавшая его бабка Алена Никитична, жена бывшаго въ прежнія времена дядьки моего Артамона, да нѣмка, Ивановнина дочь Алена, а послѣ я.

Такимъ образомъ, по благости Господней получилъ я тогда себѣ еще сына. И сколь много рожденіемъ онаго я ни былъ обрадованъ, но духъ мой расположенъ былъ такъ, что я въ журналѣ своемъ къ вышеупомянутымъ словамъ присовокупилъ слѣдующія слова:

«Будетъ ли онъ живъ, того не знаю, равно какъ и желать, и не желать того не могу довольно; это зависитъ отъ воли Господней, и онъ пусть дѣлаетъ, что ему будетъ благоугодно!»

Всѣ послѣдующіе за симъ дни провели мы въ безпрерывныхъ угощеніяхъ пріѣзжавшихъ по обыкновенію къ женѣ моей на родины, для одаренія новорожденнаго серебромъ и золотомъ.

И было всѣхъ ихъ довольно много, ибо

кромѣ нашихъ родныхъ калединскихъ, дѣдушки и тетушки, и здѣшнихъ, пріѣзжали къ намъ дядя жены моей, Александръ Григорьевичъ Каверинъ съ женою, г. Полонскій съ женою, г. Ладыженскій съ женою и г-жа Ферапонтова съ матерью.

Но крестить его за разными обстоятельствами какъ-то поумедлили, и крещенъ онъ не прежде какъ 20 числа, слѣдовательно безъ мала чрезъ двѣ недѣли послѣ рожденія.

Воспріемниками отъ купели были, вопервыхъ, мои прежніе кумовья, другъ мой г. Полонскій и тетка жены моей Матрена Васильевна Арцыбышева. Вовторыхъ, старѣйшіе изъ всѣхъ тогда въ жизни пребывающихъ родныхъ нашихъ: прадѣдъ его, любезной нашъ старичокъ Авраамъ Семеновичъ Арцыбышевъ, и бабка его, дочь сего почтеннаго старца, а моя теща Марья Аврамовна; крестили же его въ домѣ посреди нашей гостинной.

Сей крестильной пиръ случился у насъ тогда на самое вербное, но гостей какъто было немного, и кромѣ кумовьевъ былъ только г. Ладыженскій съ женою, землемѣръ Сумароковъ и братъ Гаврила Матвѣевичъ.

Между тѣмъ достопамятно было, что въ теченіе помянутыхъ двухъ недѣль произошли въ домѣ моемъ и со мною нѣкоторыя замѣчанія достойныя произшествія.

Во-первыхъ, въ пятой день послѣ рожденія сына моего имѣлъ я удовольствіе получить изъ Петербурга и ту 15-ю часть «Трудовъ» Общества, которой я такъ давно дожидался и въ полученіи которой уже совсѣмъ было-отчаявался.

Въ оной нашелъ я сочиненіе мое «О удобреніи земель» также напечатаннымъ, которое было уже осьмое изъ произшедшихъ до того времени отъ меня.

Во-вторыхъ, что на другой день послѣ сего получилъ я съ газетами поэму «Любовь», которую господину неизвѣстному сочинителю угодно было одарить насъ всѣхъ, получающихъ газеты, и для меня было сіе тѣмъ пріятнѣе, что оная власно какъ предвозвѣщала, что новорожденной сынъ мой будетъ всѣми знающими его любимъ. А въ слѣдующій затѣмъ день, то-есть 14-го марта, произошло у меня въ домѣ одно весьма рѣдкое произшествіе.

Одному изъ пѣтуховъ нашихъ вздумалось войтить не въ свое дѣло и снести яйцо; и какъ яйцы сего рода случилось мнѣ тогда еще впервые видѣть, то не могли мы оному довольно надивиться.

Оно было нарочито велико, но не совсѣмъ кругло, а продолговато, и къ одному концу узко и совсѣмъ почти остро, и загнувшись немного въ сторону, какъ будто винтикомъ. Что касается до скорлупы, то была она нѣсколько потонѣе обыкновенной и не такъ бѣла, а немного красновата. Я не преминулъ его тогда же свѣсить, и нашелъ, что вѣсу въ немъ было съ четвертью золотникъ.

Въ-третьихъ, достопамятно было то, что въ промежуткѣ сего времени происходило у насъ по межевымъ дѣламъ миротвореніе съ княземъ Горчаковымъ по спору о его Неволочи. Самого князя при томъ не случилось, а имѣли мы дѣло съ его повѣреннымъ, который былъ изрядный и неглупый малый.

Онъ протестовалъ противъ насъ, да почти и дѣльно, въ неправильномъ показаніи поверстнаго лѣса; но какъ при съѣздѣ нашемъ къ межевщику предложилъ я, что есть-ли князю жаль своей Неволочи и не хочетъ разстаться съ симъ лѣсомъ, то не угодно-ли ему съ нами помѣняться и вмѣсто ей выттить совсѣмъ изъ нашего владѣнія и дачъ, и уступить намъ тотъ маленькой участокъ, которой онъ въ нихъ имѣетъ.

Сіе предложеніе повѣреннаго княжова неожидаемостію своею такъ поразило, что онъ даже тому обрадовался и казался быть на то очень согласнымъ, но отдавалъ намъ только не всю часть, а половину оной; но какъ мы на то не соглашались, то отправилъ онъ нарочнаго съ извѣстіемъ о томъ въ Москву къ князю.

и отложено дѣло сіе до полученія отъ него отвѣта.

Итакъ, дѣло сіе получило гораздо лучшее начало, нежели какого я ожидалъ, и я могъ уже ласкаться надеждою, что мы съ княземъ раздѣлаемся миролюбно.

Напротивъ того волостные опять растревожили мой духъ подачею такого свѣдѣнія, въ которомъ написано было ихъ дачной земли такъ много, что надлежало явиться у нихъ недостатку, толико для насъ бѣдственному и опасному.

Четвертое было то, что при случаѣ посылки около сего времени въ Москву, отправилъ я цѣлую партію такихъ книгъ изъ моей библіотеки, въ которыхъ не было мнѣ дальней надобности, для промѣны оныхъ на иныя лучшія, новѣйшія и мнѣ надобнѣйшія. Знакомство, сведенное съ тогдашнимъ книгопродавцемъ Ридигеромъ, подало мнѣ къ тому поводъ, а дѣло сіе и получило успѣхъ вожделѣнный.

Наконецъ, замѣчанія достойно, что въ самый день крестинъ моего сына родилась во мнѣ превеликая охота къ хмѣлеводству, о которой части до того я всего меньше помышлялъ; а тогда, читая по утру одно новѣйшее датское экономическое сочиненіе, нашелъ въ немъ описаніе новаго хмѣлеводства, такъ имъ прельстился, что положилъ непремѣнно къ оному приступить, какъ скоро настанетъ весна; и не только сдѣлалъ сіе дѣйствительно, но получивъ чрезъ то слѣдъ къ новымъ и дальнѣйшимъ выдумкамъ, такъ сію часть разработалъ, что въ состояніи былъ потомъ писать о хмѣлеводствѣ въ Экономическое Общество и надѣлалъ сочиненіемъ симъ множество въ государствѣ шума и славы, и выдумкѣ моей подражанія. Но я возвращусь къ тому времени, на которомъ я остановился, то-есть къ крестинамъ моего сына.

Окрестивъ его на вербное, принялись мы опять за наши межевыя дѣла, и какъ повѣренной княжой получилъ уже отъ господина своего отвѣтъ и князь почти на все, кромѣ небольшой прибавки, соглашался, ибо мы, вѣдая, что ему и не можно было всей части своей за Неволочь отдать, предлагали ему 12 десятинъ для прирѣзанія изъ нашихъ дачъ къ его Злобину, а онъ требовалъ 25; то по поводу сему и было у насъ для трактованія о семъ дѣлѣ собраніе.

Я собралъ къ себѣ всѣхъ нашихъ старостъ и повѣренныхъ и пригласилъ къ тому же и сосѣда своего Матвѣя Никитича; началъ съ ними совѣщаться, какъ бы намъ раздѣлаться лучше съ княземъ, и какъ повѣренной его требовалъ уже 20 десятинъ и никакъ не хотѣлъ брать меньше, то мы, поговоривъ и посовѣтовавъ между собою, и согласились наконецъ сіе количество князю къ Злобинской его землѣ изъ своей прирѣзать, а онъ уступилъ бы намъ всѣ свои разбросанные по нашимъ дачамъ клочки и участки, которыхъ набиралось втрое болѣе противъ количества сего.

Итакъ, дѣло сіе положили мы совсѣмъ уже на мѣрѣ и почти кончили, какъ вдругъ сказали мнѣ, что въ самое то время возвратился съ Москвы и братъ мой Михайла Матвѣевичъ.

Обрадовавшись сему, послалъ я тотчасъ къ нему звать его къ себѣ, оканчивать вмѣстѣ съ нимъ сіе дѣло, ибо вѣдая упорный и дурной его нравъ, хотѣлъ, чтобъ онъ лично имѣлъ въ томъ участіе.

Онъ тотчасъ къ намъ и явился. Но не успѣли мы ему пересказать всего дѣла и начать переговоры, какъ Михайла нашъ Матвѣевичъ въ гору, и не зная ни уха ни рыла, и такъ сказать, ни аза въ глаза, спорилъ и не хотѣлъ никакъ на помянутыхъ условіяхъ мириться.

Мы съ Матвѣемъ Никитичемъ такъ, мы сякъ, но не тутъ-то было; несетъ себѣ чепуху и нелѣпицу, и оконченному почти совсѣмъ дѣлу, ни дай ни внеси, дѣлалъ остановку и помѣшательство.

Господи! какъ мнѣ тогда на него досадно было и болѣе потому, что спорить былъ онъ мастеръ и охотникъ, и болѣе получать ему очень хотѣлось; а какъ къ дѣлу, такъ мы съ нимъ за дверью и тогда хлопочи и убычься я одинъ, а онъ въ сторонѣ.

А для самаго того и старался я его всячески уговаривать; но какъ онъ никакъ недавался подъ ладъ, то нечего было дѣлать, принуждены были наконецъ отказать и отпустить ни съ чѣмъ повѣреннаго.

Не могу вспомнить какъ досадно было мнѣ сіе его неблаговременное нехотѣніе и съ какимъ прискорбіемъ приступилъ я къ сей необходимости.

Я разбранился почти съ нимъ по отпускѣ повѣреннаго, и такъ былъ недоволенъ, что бросилъ бы, еслибъ можно было, все сіе дѣло и оставилъ бы сего глупаго упрямца одного хлопотать.

Но какъ для собственнаго своего участія въ семъ дѣлѣ не могъ я сего сдѣлать, да и вѣдалъ, что онъ въ состояніи былъ только спакостить и испортить все оное, а поправлять и отвѣтствовать я же долженъ буду, то принялся я вновь его, и непутнымъ уже дѣломъ, уговаривать; и насилу-насилу уломали мы его, и государикъ нашъ склонился. И тогда ну-ка мы посылать скорѣе за повѣреннымъ и звать его обратно, и по счастію догнали его скоро и онъ возвратился.

Итакъ, положили мы на словѣ, ударили по рукамъ, и условились написать черную полюбовную о семъ соглашеніи сказку, и чтобъ послать ее на разсмотрѣніе къ князю, которую въ тотъ же часъ и начеркалъ я, какъ мнѣ разсудилось лучше, и оную въ тотъ-же день въ Москву къ князю и отправили.

Достальные дни страстной недѣли и самое Благовѣщенье, случившееся тогда въ великую пятницу, провели мы дома, и я во всѣ сіи дни занимался особымъ дѣломъ.

Изъ Москвы привезли ко мнѣ множество, вымѣненныхъ на старыя, новыхъ книгъ; и какъ многія изъ нихъ были безъ переплету, то по недостатку переплетчика принялся я самъ ихъ складывать и переплетать, сколько умѣлось, дабы ихъ спокойнѣе читать было можно, и занялся тѣмъ во все сіе праздное время.

Между тѣмъ приближился и праздникъ пасхи. Сему случилось въ сей годъ быть 27-го марта, и была тогда у насъ не только совершенная еще зима и путь ни мало еще не трогался; но въ самую ночь подъ сей великій праздникъ была такая мятель, что поѣхавшіе ночью къ завтрени проплутали и вмѣсто церкви иной проскакалъ въ Болотово, иной попалъ въ Трудавецъ, что́ случилось и съ моими сосѣдями, непохотѣвшими такъ, какъ мы, подражать нашимъ предкамъ и ночь сію препроводить на погостѣ, ночуя у попа въ домѣ. Мятель сія продолжалась и во весь первый день пасхи. Однако мы провели его и всю святую недѣлю нарочито весело.

Но она была бы намъ еще веселѣе, естьлибъ привезенныя, или паче, страшныя вѣсти не возобновили прежнихъ нашихъ горестныхъ чувствованій и не наполнили сердца наши вновь страхомъ и ужасомъ. Ибо пріѣзжіе разсказывали намъ уже за достовѣрное, что въ Москвѣ моровая язва открылась уже совершенно и начинаетъ усиливаться; что вымерла уже вся суконная фабрика у каменнаго моста, и что язва и въ другихъ частяхъ города открылась; что сіе принудило все бывшее въ Москвѣ дворянство уѣзжать съ великимъ поспѣшеніемъ изъ города и разъѣзжаться по деревнямъ своимъ, и что всѣ дороги наполнены были экипажами оныхъ.

Нельзя довольно изобразить, какъ перетревожены мы были всѣми сими извѣстіями. Мы горевали при свиданіяхъ нашихъ и твердили только напрерывъ другъ предъ другомъ: «Ахъ! великій Боже! что съ нами бѣдными будетъ, когда пагубное сіе зло распространится и до насъ? куда намъ тогда дѣваться, и что дѣлать?

Совсѣмъ тѣмъ, сдѣлавшаяся вскорѣ послѣ того половодь и вскорѣ за нею наступившая весна, занявъ мысли наши множествомъ вешнихъ дѣлъ, поуспокоила опять нѣсколько сердца наши.

Я препроводилъ весь апрѣль мѣсяцъ въ многоразличныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ; болѣе же всего занимали меня сады мои. Въ нихъ завелъ

я впервые тогда хмѣльники новоманерные, а нижній свой садъ началъ обработывать разными уступами и усаживать оные плодовитыми деревьями и кустарниками. А между тѣмъ не оставлялъ видаться и съ сосѣдями своими и разъѣзжать временно по гостямъ, изъ которыхъ недальнихъ разъѣздовъ былъ одинъ нѣсколько примѣчанія достоинъ.

Тетка наша, г-жа Арцыбышева, жившая до того въ маленькомъ и тѣсномъ домикѣ, расположилась съ началомъ сей весны начать строить себѣ порядочной и большой домъ.

Планъ оному былъ у насъ съ нею давно уже сдѣланъ, и какъ приготовлены были и всѣ потребные къ тому матеріалы, то просила она меня, чтобъ я къ ней пріѣхалъ и помогъ ей разбить и заложить домъ сей, и кстати-бы и садъ ея, и превратить въ регулярной.

Просьбы сей нельзя было никакъ не послушать, и какъ случилось сіе при самомъ началѣ весны и въ такое время, когда не можно было ни на чемъ ѣхать, то, желая ей услужить, рѣшился я ѣхать къ ней даже верхомъ. Но сія ѣзда не только меня въ прахъ измучила, но чуть-было не повергла меня въ болѣзнь самую.

Измучившись и отъ верховой ѣзды, какой никогда почти столь дальной не имѣлъ, и уставши въ прахъ при разбиваніи дома и сада, а того паче будучи принужденъ за темнотою ночевать у ней на дворѣ; ни то отъ того, ни то простудившись, получилъ я порядочную и довольно сильную лихорадку, и съ трудомъ уже возвратился домой, и тутъ насилу чрезъ нѣсколько дней оправился и отъ ней освободился.

Наконецъ, 23-го числа сего мѣсяца кончили мы и спорное свое дѣло по Неволочи съ княземъ Горчаковымъ. Посыланная къ нему черная наша сказка привезена была уже обратно съ нѣкоторою переправкою. Онъ не соглашался никакъ взять меньше 25-ти десятинъ, и мы сколько ни упирались и сколько ни говорили между собою, но наконецъ, желая кончить сіе дѣло и выжить его изъ своего внутренняго сосѣдства, согласились уже и сіе число дать и ударивъ по рукамъ, переписали и подписали сказку и подали ее въ сей день межевщику; чѣмъ все сіе дѣло благополучно и съ немалою для насъ выгодою и кончено.

Въ послѣдній же день сего мѣсяца распрощались мы съ сожалѣніемъ съ пріѣхавшимъ къ намъ проститься второклассным землемѣромъ господиномъ Сумароковымъ, отъѣзжавшимъ совсѣмъ отъ сихъ мѣстъ.

Намъ было его, какъ искренняго пріятеля нашего, очень жаль, ибо на него мы во многомъ полагали надежду, а на товарища его господина Лыкова худо надѣялись.

Сей вскорѣ послѣ сего и подтвердилъ намъ поступками своими не весьма выгодное о себѣ мнѣніе. Не успѣлъ настать май мѣсяцъ, какъ онъ и предпріялъ мирить насъ съ волостными и назначилъ къ тому 5-е число сего мѣсяца, что случилось тогда быть на самое Вознесенье. И какъ день сей былъ для насъ по всѣмъ произшествіямъ въ оный весьма достопамятнымъ, то, заимствуя изъ своего тогдашняго журнала, и опишу я все происхожденіе сего миротворенія подробнѣе.

Итакъ, не успѣлъ настать оный день, какъ побывавъ у церкви и отобѣдавъ дома, собравшись и поѣхали всѣ мы, дворяниновскіе помѣщики, къ межевщику, въ Саламыковской заводъ, гдѣ онъ имѣлъ свою квартиру.

Какъ случилось сему дню быть крайне ненастному, то ѣдучи туда, отъ проливного и холоднаго дождя такъ мы перемокли и иззябли, что принуждены были заѣхать въ Ченцовѣ къ одной намъ знакомой нѣмкѣ обогрѣваться.

У межевщика нашли мы обоихъ повѣренныхъ отъ волости; одинъ изъ нихъ съ половины Александра Александровича, былъ прежній Ченцовской такъ - называемый надзиратель, Лобановъ, а дру-

гой, съ половины Льва Александровича, совсѣмъ новой, нѣкакой московской житель, служившій въ конюшенной канцеляріи, по имени Никандра Савичъ, а по прозвищу Пестовъ.

Сему человѣку поручено было отъ Нарышкина разводиться съ сосѣдями. Я его тогда еще въ первой разъ видѣлъ, и онъ показался мнѣ знающимъ человѣкомъ, а притомъ самымъ іезуитомъ, и удалѣе еще прежняго ихъ повѣреннаго Щепотева.

Сперва мирили волостныхъ съ ходынкинскими и агаринскими, а потомъ дошло дѣло и до насъ.

Межевщикъ развернулъ нашъ планъ и показалъ все свое исчисленіе, дабы увѣрить насъ въ вѣрности онаго; а потомъ, для удостовѣренія насъ въ подлинности показаннаго въ свѣдѣніи волостномъ количества дачной ихъ земли, приказалъ имъ предъявить подлинную писцовую книгу, данную волости отъ стариннаго и общаго писца князя Булата Мещерскаго за собственнымъ подписаніемъ онаго. Какъ въ оной всѣ волостныя 44 деревни и превеликое множество пустошей описаны были особенно и во всей подробности, то составилась изъ того толстая и превеликая книга, переплетенная въ порядочной старинной переплетъ.

— «Ну, вотъ, государи мои! сказалъ намъ межевщикъ: извольте смотрѣть сами и хоть всю ее читайте, отъ доски до доски, или свѣрьте общую показанную на концѣ сумму и число всей пашенной земли и угодьевъ съ свѣдѣніемъ, поданнымъ отъ волостныхъ. Вотъ вамъ и свѣдѣніе ихъ».

Что оставалось тогда намъ дѣлать? Казалось, что межевщикъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чего отъ него могли мы только требовать. И какъ о томъ, чтобъ всю книгу читать, по величинѣ ея, и помыслить было не можно; то я, взявъ свѣдѣніе и сравнивъ оное съ общею суммою и количествомъ земли, означеннымъ при концѣ книги, которое мѣсто было у нихъ приискано и замѣчено, увидѣлъ, что въ свѣдѣніи не прибавлено было ничего. И какъ было оно такъ велико, что выходило дѣйствительно въ волостной землѣ двухъ тысячъ земли недостатка, то при разсмотрѣніи ономъ сердце во мнѣ въ такомъ было волненіи, что хотѣло равно какъ выскочить.

При такихъ обстоятельствахъ не зналъ я что сказать, когда спросилъ меня межевщикъ, что я теперь думаю? Ибо могло-ль притти мнѣ и въ мысль тогда, что подъ всею сею наружною услужливостію скрывалось адское коварство и криводушіе сего толь много нами обласканнаго, и столь дружески съ нами обходившагося бездѣльника землемѣра?

Могъ ли я подумать что по милости его предлагаема мнѣ была тогда совершенная пасть и сущая отрава, долженствующая произвесть намъ вредъ и убытокъ весьма чувствительной, и отъ котораго спасла насъ потомъ уже сама невидимая десница благодѣтельствующаго намъ Промысла Господня, какъ о томъ послѣ въ свое время упомянется. А тогда нельзя было никакъ и подумать и малѣйшаго возымѣть подозрѣнія, чтобъ скрывался тутъ какой-нибудь обманъ; но я по праводушію своему и попалъ, по пословицѣ говоря, какъ сомъ въ вершу, и повѣривъ всему тому, не зналъ, что сказать межевщику вопрошающему меня.

Сей же криводушникъ, возложивъ на себя тогда личину дружества, и желая еще болѣе смутить и оглумить меня въ тогдашнемъ замѣшательствѣ, схватилъ меня за руку и отведя въ другую комнату, сталъ какъ доброй совѣтовать мнѣ недопускать спора нашего отнюдь до конторы, а помириться какъ-нибудь съ волостными.

— «Сами вы знаете, говорилъ онъ мнѣ: можно-ли вамъ съ такимъ большимъ примѣромъ, какой въ вашихъ дачахъ оказывается, показаться въ контору. Не легко-ли вы тамъ всего его лишиться можете? и не лучше-ли здѣсь хоть отдать имъ, проклятымъ, сколько-нибудь да помириться?»

— То такъ, батюшка! отвѣчалъ я ему:

но мы не совсѣмъ вѣдь еще размежеваны и пустоши не разрѣзаны, и почему знать, можетъ быть въ прикосновенныхъ къ волости земляхъ столько примѣра и не окажется, сколько вы теперь во всей вообще вычислили.

Бездѣльникъ сей усмѣхнулся сіе услышавъ, и подхвативъ рѣчь мою, сказалъ:

— «Да неужли думаете вы, чтобъ они такъ глупы были и допустили васъ перепустить изъ пустоши въ пустошь землю? Нѣтъ, братецъ! эту штуку они очень знаютъ и ихъ трудно будетъ обмануть. Впрочемъ воля ваша, а мой згадъ, чѣмъ скорѣй къ миру тѣмъ лучше».

Что оставалось тогда на сіе говорить? Я не сомнѣвался нимало, что самъ же онъ во всемъ ихъ надоумитъ и наставитъ и другого не находилъ, какъ прикраивать себя къ обстоятельствамъ времени и его, какъ друга и пріятеля, просить, чтобъ по крайней мѣрѣ помогъ онъ намъ по силѣ и возможности своей при семъ миротвореніи и уговорилъ волостныхъ взять съ насъ, колико можно меньше.

— «О, въ этомъ можете вы, сказалъ онъ мнѣ: совершенно на меня положиться, и я по ласкѣ и дружбѣ вашей ко мнѣ все употреблю, что только мнѣ будетъ возможно».

И дѣйствительно, начавъ потомъ насъ мирить и услышавъ, что повѣренные полѣзли въ гору и требовали всего заспореннаго мѣста, сталъ ихъ, какъ добрый, всячески уговаривать, чтобъ помирились они съ нами на условіяхъ какихъ-нибудь сходнѣйшихъ.

Мы прокричали и проговорили тогда съ ними истинно часа три, и не прежде какъ по многомъ преніи и уговариваніи межевщикомъ и ихъ и насъ, наконецъ согласились на томъ, чтобъ пожертвовать имъ и дать на каждую половину по 30 десят.: Пестову изъ пустоши нашей Хмыровой, подлѣ рѣчкѣ Трешни, а Ченцовскому надзирателю изъ пустоши Гвоздевой за Елкинскимъ заводомъ.

Пожертвованіе сіе сколь ни было намъ прискорбно, больно и чувствительно, но мы тогда радовались еще, что волостные согласились взять въ сравненіи съ 400 десятинами количество ничего почти незначущее; а притомъ утѣшало насъ нѣсколько и то, что и землю сію предлагали мы имъ въ мѣстахъ самыхъ худшихъ изъ всѣхъ нашихъ дачъ, и ничего почти не стоющую, а особливо лежащую въ отдаленности отъ насъ за рѣчкою Трешнею, не только голую глину, но изрытую всю столь многими водороинами, что мы называли мѣсто сіе «воробьевскими горами», и никогда почти хлѣба на ней за всегдашнимъ неурожаемъ не сѣвали. И потому спѣшили уже сами, чтобъ скорѣе написать полюбовныя сказки.

Сіе можетъ бы и учинили мы тогда-же и помирились совершенно, естьлибъ не восхотѣлось ченцовскому повѣренному увидѣть весь отдаваемой ему нами клокъ земли напередъ въ натурѣ, и не вздумалось ему подбить къ тому же и Пестова, и потому просить землемѣра отложить то дѣло до утрева.

Не могу изобразить, какъ досаденъ былъ мнѣ тогда сей щербатой надзиратель ченцовской и съ какимъ неудовольствіемъ поѣхали мы домой, будучи принуждены дать имъ слово выѣхать въ послѣдующій день на поле и согласиться показать имъ всю отдаваемую имъ землю въ натурѣ.

Но, ахъ! какъ часто досадуемъ мы на то, чему бы надлежало намъ радоваться! Изъ послѣдствія оказалось, что самая сія нечаянная остановка произошла не по слѣпому случаю, а по устроенію благодѣтельствующихъ намъ судебъ и для нашей же пользы и выгоды, какъ о томъ упомянется послѣ въ свое время.

Итакъ, по условію, на другой день и выѣхали мы поутру въ поле, но не нашедъ еще никого, принуждены были дожидаться долгое время, и наскучивъ тщетнымъ ожиданіемъ посылали провѣдывать; и какъ посланный привезъ намъ извѣстіе, что межевщикъ будетъ послѣ обѣда, и намъ тогда дастъ знать, то мы хотя и подосадовали, но поѣхали и сами домой обѣдать. Но и послѣ обѣда нѣсколько часовъ прождали мы присылки, и насилу-

насилу прислали они намъ сказать, что поѣхали. Тогда, ни мало немедля, бросившись на лошадей, поскакали и мы на Гвоздевское поле за Елкинскій заводъ.

Я встрѣтилъ ихъ противъ такъ-называемаго Савина-верха и упросилъ ченцовскаго надзирателя, чтобъ онъ согласился на ихъ половину взять наиболѣе земли тутъ, около Савина-верха, а подлѣ-бъ пруда немного, на что онъ и согласился.

Послѣ сего пріѣхали мы къ плотинѣ и начали говорить о прудѣ. Мы прокричали и проторговались тутъ часа три, и нельзя было безсовѣстнѣе быть волостныхъ и повѣреннаго ихъ, помянутаго надзирателя ченцовскаго.

До сего времени почиталъ я его добрымъ, смирнымъ, простымъ и прямодушнымъ человѣкомъ, почему и оказывалъ ему всегда благопріятство, когда случалось ему бывать у меня съ нѣмцами; но тогда узналъ я, что былъ онъ самый негодный и глупый человѣкъ, и что ничего нѣтъ хуже, какъ имѣть съ глупымъ человѣкомъ дѣло.

Они недовольны были тѣмъ, что мы, будучи самою необходимостью принуждаемы, уступали имъ самый родной берегъ рѣки, за который сами они намъ въ старину оброкъ плачивали, но хотѣли загородить у насъ и весь выгонъ и отбить насъ даже отъ бучила, нужнаго намъ для ловленія рыбы; и насилу-насилу могли дураковъ усовѣстить, и наконецъ положили на мѣрѣ покуда имъ взять, и назначили мѣсто.

Но тутъ явись новое помѣшательство! негодяй щербатой или паче беззубой повѣренной ихъ сказалъ, что онъ хотя и соглашается такъ взять, но безъ управителя своего не смѣетъ, а отпишетъ напередъ къ нему въ Москву и спросится.

Господи! какъ мнѣ тогда на сего негодяя было досадно! Но какъ нечего было дѣлать и мы всѣмъ тѣмъ провели время до самаго вечера, и въ Хмырово ѣхать было некогда, то принуждены были отложить прочее до утрева, а всѣхъ ихъ противъ хотѣнія зазвать къ себѣ и стараться еще всячески угостить, дабы при томъ можно было еще обо всемъ поговорить, что мы и непреминули учинить.

Главнѣйшее наше стараніе было о томъ, чтобъ уговорить саламыковскаго повѣреннаго, Пестова, взять отъ насъ меньше 30-ти десятинъ, или по крайней мѣрѣ взять сіе число за рѣчкою Трешнею на упомянутой выше сего Воробьевой горѣ, и учинить сіе стоило намъ великаго труда.

Къ несчастію мѣшалъ намъ и при семъ случаѣ умница мой, братецъ Михайла Матвѣевичъ. Нагнавъ въ голову себѣ совсѣмъ неблаговременно множество лишняго виннаго чада, забаработилъ онъ у насъ опять совсѣмъ не кстати, и только кричалъ: «не даю ничего, а ѣду самъ въ Петербургъ, ѣду къ господамъ Нарышкинымъ!»

Мы такъ, мы сякъ уговаривать его, но не тутъ-то было, несетъ только вздоръ и околесную и никакъ подъ ладъ не давался: я, да я! да и только всего!

Господи! какъ досаденъ мнѣ былъ тогда этотъ человѣкъ! Наконецъ, какъ мы истощили уже всѣ силы и не могли никакъ его уломать, то принужденъ я былъ рѣшиться, несмотря на него, продолжать свое дѣло, и согласиться на тридцати десятинахъ, и былъ доволенъ уже и тѣмъ, что онъ соглашался взять наши Воробьевы горы, а достальное, буде чего въ нихъ не достанетъ, по сю сторону рѣчки Трешни.

Съ ченцовскимъ же повѣреннымъ условились мы, чтобъ наутріе то мѣсто подлѣ Елкинскаго пруда, которое мы ему отдавали, напередъ снять на планъ и вымѣрить, дабы ему о томъ основательнѣе можно было своего управителя увѣдомить. И какъ межевщикъ обѣщалъ прислать для сего измѣренія ученика, то на томъ мы въ сей день и разстались.

Итакъ, поутру на другой день поѣхалъ я къ сосѣду своему Матвѣю Никитичу, чтобъ, позавтракавъ, съ нимъ вмѣстѣ ѣхать для помянутаго измѣренія, а между тѣмъ послали и за Михайлою Матвѣевичемъ, который и пришелъ, но по несчастію хвативши опять рюмку другую лишнюю.

Боже мой, какъ рвался я тогда досадою на него, и какъ ругалъ и бранилъ его въ душѣ моей, что онъ и въ такомъ

важномъ случаѣ, когда люди дѣло дѣлаютъ, не могъ себя никакъ повоздержать отъ проклятой своей привычки.

Совсѣмъ тѣмъ, хотя онъ и побарабошилъ, но требованія его были уже совсѣмъ иныя. Онъ говорилъ только, что поѣдетъ въ Петербургъ просить Нарышкиныхъ изъ милости, и требовалъ отъ насъ, чтобъ мы ему всю ту землю отдали, которую отдаемъ теперь Нарышкинымъ и которую хотѣлъ онъ выхлопотать.

Услышавъ сіе не могъ я, чтобъ внутренно не смѣяться тому, вѣдая суетность словъ его и будучи удостовѣренъ въ томъ, что ничему тому не бывать, соглашался подписать и руками и ногами обѣщаніе свое отдать ему землю, естьли онъ ее выхлопочетъ: но теперь бы только онъ приступилъ бы вмѣстѣ съ нами къ миру и не мѣшалъ бы дѣлу.

Полученное извѣстіе, что ученикъ пріѣхалъ, окончило сіе наше преніе и мы, поѣхавъ туда, нашли тамъ и самого ченцовскаго надзирателя, восхотѣвшаго-было опять каверзить, и требовалъ новой прибавки. Но мы не соглашались уже прибавлять ни на волосъ и принудили его остаться на вчерашнемъ и приступить къ дѣлу, которое и заняло насъ довольно времени; по окончаніи же онаго, желая скорѣй сдѣлать всему дѣлу конецъ и какое-нибудь рѣшеніе, поѣхали мы къ межевщику.

Но тамъ нашли мы новое замѣшательство: дурневскіе мужики, которымъ отдаваемая нами въ Хмыровѣ земля долженствовала достаться, безъ насъ приступили къ своему повѣренному Пестову и насказали ему невѣдомо что о нашихъ Воробьевскихъ горахъ, говоря что эта земля ни къ чему не годная, и что имъ она даромъ ненадобна. Симъ сбили они Пестова съ пахвей и произвели то, что онъ перемѣнилъ свое слово и требовалъ всѣ 30 десятинъ по сю сторону Трешни.

Боже мой, какъ это было для насъ досадно; на сей сторонѣ дать намъ никакъ не хотѣлось, а пособить было нечѣмъ. Словомъ, мы вздумали-было уже все дѣло бросить и иттить въ контору.

Но вдругъ вздумалось мнѣ сказать ему двѣ вещи: во-первыхъ, что бралъ-бы онъ любое, либо 30 десятинъ съ Воробьевскими горами, либо 20 десятинъ по сю сторону рѣчки; во-вторыхъ, что естьли пойдемъ мы въ контору, то въ случаѣ, естьли станутъ рѣзать, то отрѣжемъ все къ ченцовской половинѣ, а на ихъ половину не достанется ничего.

Сіе слово заставило его задуматься и сдѣлаться сговорнѣйшимъ. Межевщикъ старался его всячески уговорить и присовѣтовалъ послать за дурневскими мужиками, коихъ и принуждены мы были ждать до вечера.

Между тѣмъ хотѣлось мнѣ и съ ченцовскими переговорить и положить также на словѣ. Но какъ Лобановъ, отъ насъ отставши, заѣхалъ въ гости и хоть за нимъ посылали, но пріѣхалъ не скоро, то провели мы все сіе время въ посторонныхъ разговорахъ. Пестовъ былъ неглупъ и можно было говорить съ нимъ обо всемъ.

Въ сихъ разговорахъ нечувствительно дошли мы до садовъ, и какъ я примѣтилъ, что былъ онъ превеликій до нихъ охотникъ, но ничего не зналъ: то, пользуясь симъ случаемъ, началъ я ему точить балы и все что зналъ ему разсказывать. Симъ удалось мнѣ его такъ очаровать, что онъ былъ чрезвычайно доволенъ и радъ бы былъ проговорить со мною о томъ невѣдомо сколько, еслибъ пріѣхавшіе мужики и Лобановъ не помѣшали.

Тутъ начался у насъ опять торгъ и крикъ: но Пестовъ держалъ уже очевидно мою сторону и самъ убѣждалъ мужиковъ, и подозвавъ, показывалъ имъ на планѣ то мѣсто.

Мы проговорили очень долго, и наконецъ насилу-насилу ударили по рукамъ, и я втеръ имъ въ руки свои Воробьевы горы, и былъ тѣмъ доволенъ.

Окончавши съ нимъ началъ я съ Лобановымъ дѣло. Сему не хотѣлось намъ дать сколько тѣмъ, а сколько-нибудь выворотить за прудъ; но сего учинить не было никакой возможности. Онъ былъ

упрямъ какъ чортъ и безсмысленъ какъ скотъ, и ничего съ нимъ сдѣлать было не можно.

До самой ночи мы прокричали и ничего еще не положили. Но наконецъ принуждены мы были согласиться и сему дать тридцать десятинъ, и онъ обѣщалъ писать о томъ къ управителю.

Разставшись на семъ, пріѣхали мы домой уже ночью; и какъ хотѣлось мнѣ желѣзо ковать покуда оно было еще горячо, то поутру спѣшилъ я написать скорѣй къ саламыковскимъ повѣреннымъ полюбовную сказку и послать ее на заводъ.

Они тамъ прибавили кое-что, и велѣли переписать, и подписавши къ нимъ прислать; а сіе мы тотчасъ и сдѣлали, а межевщикъ, получа ее, вмѣстѣ съ повѣреннымъ и поѣхалъ тогда въ Москву и повезъ ее съ собою.

Симъ-то образомъ кончилось тогда наше миротвореніе; однако не думайте, чтобъ на томъ осталось. Нѣтъ! любезный пріятель! происходило еще много до послѣдняго окончанія межеванья и было много совсѣмъ неожидаемаго и страннаго, о чемъ разскажу я вамъ въ свое время; а теперь дозвольте мнѣ сіе слишкомъ увеличившееся письмо кончить и сказать, что я есмь и прочая.

(Декабря 19 дня 1807 г.).

Письмо 150-е.

Любезный пріятель! Продолжая мое повѣствованіе скажу вамъ, что на другой день послѣ помянутаго соглашенія съ волостными въ разсужденіи ихъ спора, случилось быть нашему вешнему годовому деревенскому празднику, въ который и посѣтили меня кое-кто изъ нашихъ сосѣдей.

И день сей достопамятенъ былъ тѣмъ, что сосѣдъ и кумъ мой г. Ладыженскій, будучи у меня съ старшимъ своимъ сыномъ Никитою, оставилъ его жить у меня и кой-чему учиться, а особливо ариѳметикѣ и рисованью, чему я уже за нѣсколько времени учинилъ съ нимъ начало. Ибо какъ мальчикъ сей былъ отъ натуры неглупъ и понятенъ, то хотѣлось мнѣ тѣмъ услужить своему сосѣду, а притомъ и самому ему знаніями своими доставить какую-нибудь пользу.

Итакъ, съ сего времени началъ онъ у меня жить и вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ кой-чему учиться. Въ семъ же послѣднемъ далеко не находилъ я тѣхъ способностей, какія желалъ чтобъ въ немъ были.

Послѣдующіе засимъ достальные дни мѣсяца мая провелъ я наиболѣе въ разныхъ садовыхъ занятіяхъ и работахъ, и сады мои въ сію весну получили много кой-какихъ обновокъ и приходили часъ отъ часу въ лучшее состояніе. Слава объ нихъ распространялась всюду и всюду.

Между тѣмъ, не оставлялъ я видаться съ сосѣдьми и разъѣзжать самъ кой-куда по гостямъ; но особливаго и примѣчанія достойнаго во весь сей мѣсяцъ ничего не произошло, кромѣ того, что у сосѣда моего Матвѣя Никитича въ концѣ сего мѣсяца родилась дочь его Ѳедосья, самая та, которая, оставшись изъ всѣхъ его дѣтей въ живыхъ, нынѣ моею сосѣдкою и владѣетъ всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ.

Какъ всѣхъ его дѣтей крестилъ я, то былъ и сей его дочери воспріемникомъ вмѣстѣ съ дочерью господина Хвощинскаго, Ольгою Васильевною, а самъ онъ съ тещею хозяина былъ первымъ кумомъ.

Вскорѣ засимъ наступилъ мѣсяцъ іюнь, въ которой въ Москвѣ такъ уже усилилась язва, что изъ опасенія, чтобъ она не распространилась всюду и всюду, принуждено было помышлять о недопусканіи выѣзжать изъ оной всѣхъ. Однако предпріятіе сіе было уже слишкомъ поздно, и многіе успѣли уже развезть зло сіе во многія другія мѣста.

Но что касается до тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы жили, то не было еще въ окрестностяхъ нашихъ ни малѣйшаго слуха объ оной, а потому и были мы еще спокойны, а смущались только одними слухами о Москвѣ.

Я съ моей стороны всю первую половину сего мѣсяца провелъ безвыходно

почти въ садахъ моихъ и занимался въ нихъ, кромѣ другихъ разныхъ дѣлъ, въ особливости вновь насажденнымъ своимъ хмѣлемъ и разноманерными переніями онаго.

Также не было дня, въ которой бы не испытывалъ я составлять изъ разныхъ цвѣтовъ разныхъ домашнихъ красокъ. И какъ мнѣ иные изъ нихъ очень удавались, то и чувствовалъ отъ того превеликое для себя удовольствіе. Напротивъ того, вторую половину сего мѣсяца занимался болѣе межевыми хлопотами и раздѣлами земли, а именно:

Во-первыхъ, надлежало намъ всѣмъ, дворяниновскимъ владѣльцамъ, раздѣлить между собою всю отмежеванную намъ церковную землю вмѣсто отхожаго нашего луга. Для сего надлежало мнѣ снять ее всю аккуратнѣе на планъ, и расчисливъ сколько кому доводилось, кидать съ сосѣдями жеребій и потомъ въ натурѣ ее разрѣзать; что все и произвелъ я 14-го числа надлежащимъ порядкомъ.

Во-вторыхъ, уступленная нами князю Горчакову земля не была еще, согласно съ нашею полюбовною сказкою, отрѣзана; итакъ, дошло наконецъ дѣло и до ней, и господинъ межевщикъ насилу-насилу собрался кончить сіе дѣло и утвердить межу въ Шаховѣ, уничтожа нашъ дѣланный споръ въ Неволочи. Сіе произведено было 15-го числа сего мѣсяца.

Въ-третьихъ, надобно намъ было всю доставшуюся намъ часть князя Горчакова, или всѣ находившіеся во владѣніи его разные разбросанные клочки принять во владѣніе и ихъ всѣ, измѣривъ, разверстать и раздѣлить между собою.

Самое и сіе долженъ былъ не кто иной, какъ я же производить, и сосѣди мои помогли мнѣ въ томъ очень мало. Всякой изъ нихъ любилъ только брать да спорить, а дѣло дѣлать былъ не въ состояніи; итакъ, я и за симъ принужденъ былъ нѣсколько дней пропластаться.

Вскорѣ послѣ того таковая-жъ надобность потребовала побывать мнѣ въ нашемъ Каверинѣ за Вашаною. Находилось и тамъ десятинъ около сорока примежеванной къ намъ отъ другихъ владѣльцевъ земли, которая не была еще раздѣлена между нами, разными владѣльцами.

И какъ никто изъ нихъ не умѣлъ и не могъ дѣла сего произвесть такъ порядочно и основательно какъ я, то просили они меня принять сей трудъ на себя; и я принужденъ былъ туда для сего ѣздить, пробыть тамъ нѣсколько дней, бродить по полю съ своимъ домашнимъ инструментомъ, и имѣть довольно-таки хлопотъ по сему дѣлу: ибо нѣкоторымъ изъ нихъ хотѣлось неправильно получить болѣе, нежели сколько имъ слѣдовало или взять часть свою на любкахъ, а не по жеребью.

Итакъ, надобно было самому мнѣ къ нимъ разъѣзжать и ихъ къ справедливѣйшему раздѣлу уговаривать, въ чемъ мнѣ наконецъ и удалось.

Наградою же за сей трудъ послужило мнѣ только то, что я увеличилъ знакомство съ домомъ г. Кислинскаго и сосѣда его г. Крюкова, Степана Александровича, ибо по дѣлу сему принужденъ я былъ бывать у нихъ по нѣскольку разъ.

А не успѣлъ я, возвратившись изъ сего маленькаго путешествія домой, еще отдохнуть, какъ другая такая-жъ надобность принуждала меня съѣздить въ Калитино.

Туда пріѣхалъ, наконецъ, давно нами ожидаемой внутренній сосѣдъ нашъ Тихонъ Васильевичъ Бакѣевъ. Съ симъ надлежало намъ пораздѣлаться нѣсколько съ землею.

Явившійся въ такъ-называемой половинѣ его противъ дачь великій излишекъ, а въ нашей половинѣ великій недостатокъ, побуждалъ насъ съ Мареою Маркеловною требовать отъ него, чтобъ онъ съ нами, не входя въ судебныя дѣла, поуровнялся землями и намъ сколько-нибудь своего излишка отдалъ.

И какъ онъ былъ человѣкъ умной и разсудительной, то увидѣвъ справедливость нашего требованія, не оказалъ онъ и самъ дальнаго отъ полюбовной сдѣлки

отвращенія, а просилъ только насъ добромъ, чтобъ мы сколько-нибудь были противъ его снисходительны; а самое сіе убѣдило и насъ не гнаться за всѣмъ его великимъ излишкомъ, а довольными остаться тѣмъ, что онъ уступилъ намъ островъ между двухъ вершинъ, состоящій десятинахъ въ 15-ти или нѣсколько болѣе, чѣмъ и кончили мы миролюбно и сіе дѣло.

Окончавши сіе дѣло, и проводивъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ около сего времени многихъ и разныхъ гостей, лишь только принялся-было я за свои садовыя и другія дѣла, какъ гляжу опять кашинскій мужикъ на дворъ съ письмами отъ племянницъ моихъ и отъ господина Баклановскаго. Всѣ они увѣдомляли меня, что и тамъ дошло до нихъ межеванье и просили меня, чтобъ я къ нимъ для онаго пріѣхалъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, матушки мои, сказалъ я, прочитавъ сіи письмы: у самого еще собственное межеванье на рукахъ, такъ не можно мнѣ никакъ отлучиться; оно поважнѣе гораздо вашего! У васъ дѣло обойдется можетъ быть и безъ споровъ дальныхъ, а мое дѣло находится еще въ критическомъ положеніи и кончится еще Богъ знаетъ чѣмъ».

Ибо въ самомъ дѣлѣ съ того времени, какъ межевщикъ взялъ у насъ сказку, ничего по оному не происходило, и мы не знали даже и того, подписали-ли ее волостные или нѣтъ; и межевщикъ хотя часто у насъ по прежнему обыкновенію бывалъ, но ничего не сказывалъ, да и не заводилъ никогда и рѣчи о межеваньѣ, и мы не знали, что̀-бъ тому было причиною, а сами разспрашивать о томъ не почитали за нужное.

Пустоши же наши и тогда все еще оставались неразмежеванными и господинъ межевщикъ и не помышлялъ о томъ, отлагая можетъ быть дѣло сіе до того времени, какъ кончимъ мы миръ свой съ волостными совершенно.

При такихъ обстоятельствахъ не сталъ я долго медлить, но въ тотъ же еще день, написавъ письмы въ Кашинъ, увѣдомлялъ племянницъ своихъ, что мнѣ при тогдашнихъ сумнительныхъ обстоятельствахъ отъ дома отлучиться никакъ не можно; ибо кромѣ межеванья и самое опасеніе отъ моровой язвы, о которой часъ отъ часу распространялись болѣе слухи, и удерживало меня дома и не дозволяло никакъ отлучиться отъ онаго, умалчивая о томъ, что мнѣ и чрезъ Москву въ такое опасное время ѣхать ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлось, ибо собственная жизнь дороже мнѣ была всѣхъ тамошнихъ ихъ межеваньевъ, которое и въ самомъ дѣлѣ не сопряжено было ни съ какою опасностію, ибо самимъ имъ въ споры входить не было никакой причины, а не слышно было, чтобъ кто и изъ посторонних хотѣлъ заводить съ ними о земляхъ споры.

Сверхъ того, имѣли онѣ у себя изъ людей своихъ одного малаго, весьма умнаго и приказныя дѣла очень знающаго, и на котораго можно было смѣло положиться и надѣяться, что онъ ничего не упуститъ, итакъ, чтобъ они меня не ожидали, а межевались бы сами, какъ ихъ Богъ на разумъ наставитъ; человѣка же ихъ не преминулъ я снабдить всѣми нужными для всякаго случая наставленіями, а сверхъ того просилъ убѣдительнѣйше и знакомца своего, а ихъ дядю, г. Баклановскаго, о неоставленіи ихъ въ нужномъ случаѣ совѣтами и приказаніями своими.

По отправленіи обратно сего пріѣзжавшаго и Москву далеко кругомъ уже объѣзжавшаго мужика, принялся я за прежнія свои садовыя и кабинетныя упражненія.

Сіи составляли въ сіе время наиболѣе въ писаніи нѣкотораго рода экономическаго журнала или записокъ обо всемъ, что̀ мнѣ относительно до экономіи новаго чрезъ опыты узнать и въ полезности чего удостовѣриться случилось. И какъ къ запискамъ симъ приобщалъ я всегда, гдѣ надобно было, и рисуночки, то и составились впослѣдствіи времени изъ того три прекрасныя книжки, которыя цѣлы у меня еще и понынѣ и хра-

нятся въ библіотекѣ моей подъ заглавіемъ «Плоды празднаго времени!»

Въ сихъ безпрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я, какъ прошелъ весь іюнь и начался іюль мѣсяцъ. Сѣнокосное время, которое, по причинѣ занятія всѣхъ людей покосомъ, отвлекло меня нѣсколько отъ садовъ, но за то давало болѣе свободы разъѣзжать по гостямъ.

Впрочемъ, при самомъ началѣ мѣсяца сего обрадованъ я былъ присылкою опять ко мнѣ, чрезъ нарочнаго солдата изъ Коширы, XVI-й части «Трудовъ» нашего Общества, и имѣлъ удовольствіе видѣть въ сей части и увѣнчанный «наказъ» мой, напечатанный вмѣстѣ съ таковымъ же, сочиненнымъ господиномъ Рычковымъ, моимъ въ награжденіи соучастникомъ, ибо обѣщанное награжденіе раздѣлено намъ съ нимъ пополамъ.

Сей хотѣлось мнѣ давно уже видѣть и потому и дожидался я сей части съ нетерпѣніемъ, и очень доволенъ былъ увидѣвъ, что «наказъ» господина Рычкова далеко отсталъ отъ моего своею полезностію.

Весь іюль мѣсяцъ провели мы хорошо и благополучно и на бо́льшую часть съ людьми. Рѣдкій день проходилъ, въ которой не было-бъ у меня гостей или мы куда не ѣздили-бъ.

То было и дѣло, что либо тотъ гость на дворъ, то другой, или самимъ надобно было ѣхать къ кому-нибудь изъ друзей нашихъ и сосѣдей, и не только вблизи, но и въ самую даль, напримѣръ, за Оку или за Алексинъ. Словомъ, давно не было у насъ такъ гостисто, какъ въ сіе время.

Въ особливости же часто ѣзжали мы въ Калединку, для свиданія съ почтеннымъ старичкомъ нашимъ, жившимъ у своихъ внучатъ, и провождающимъ время свое болѣе въ молитвахъ и уединеніи.

Однако не рѣдко таскали мы и его кой-куда съ собою, а по нѣкоторымъ надобностямъ ѣздилъ онъ въ сіе время и въ Москву, и несмотря на всю явную опасность возвратился къ намъ благополучно.

Между тѣмъ маленькій новорожденный мой сынъ продолжалъ жить, но былъ какъ-то не очень здоровъ въ сіе время, и мы не чаяли ему быть даже и живому; прочія же дѣти часъ отъ часу возрастали и я обоими ими не могъ довольно налюбоваться, а особливо своею большою дочерью, которая дѣлалась милымъ и любезнымъ ребенкомъ.

Впротчемъ, въ теченіе сего мѣсяца занимался я обыкновенными окулаціонными прививками.

У меня былъ уже изрядный питомникъ и я не только въ ономъ прививалъ множество прививковъ, но ѣздилъ даже въ свое Калитино и принявшись пристальнѣе и за тамошній садъ, бывшій въ сіе лѣто со множествомъ плодовъ, прививалъ яблони.

Что касается до межевыхъ дѣлъ, то они и въ теченіе сего мѣсяца почивали, а получилъ я только извѣстіе изъ шадской или тамбовской деревни о прибытіи и въ тамошнія мѣста землемѣра, отъ котораго должна была зависѣть участь покупной моей дикой земли.

Ко мнѣ прислали оттуда съ извѣстіемъ симъ нарочнаго. Сіе меня хотя и озаботило нѣсколько, однако обстоятельства были таковы, что мнѣ не было еще причины поспѣшать туда своею ѣздою.

Наступившій потомъ мѣсяцъ августъ провели мы весь такимъ же почти образомъ, какъ и іюль и всѣ были довольно еще спокойны.

Слухи о моровомъ повѣтріи хотя и продолжались, однако мы, попривыкнувъ уже ихъ слышать, не слишкомъ ими уже тревожились и тѣмъ паче, что вблизи насъ не было еще нигдѣ и слѣдовъ сего несчастія.

Итакъ, продолжали мы спокойно провождать дни свои въ занятіяхъ экономическихъ и въ свиданіяхъ съ своими родными, друзьями и знакомцами и разъѣзжали безъ всякаго опасенія всюду и всюду.

Я занимался около сего времени прежними литературными упражненіями, а какъ между тѣмъ поспѣли въ садахъ моихъ яблоки, которыхъ въ сей годъ было довольно, то въ концѣ сего мѣсяца

занялся я собираніемъ оныхъ и укладываніемъ ихъ по пблкамъ въ особыхъ чуланахъ, сдѣланныхъ нарочно для сего на чердакѣ, и занятіе сіе было для меня, какъ охотника до садовъ, въ особливости пріятное.

Посреди самаго сего занятія встревоженъ я былъ нечаяннымъ приглашеніемъ насъ къ ѣздѣ нарочито дальней.

Самому тому нашему родственнику г. Арцыбышеву, Ивану Аѳанасьевичу, —котораго въ прошедшую зиму хотѣлось-было намъ всѣмъ женить и съ которымъ мы ѣздили въ Луковицы смотрѣть невѣсту, но дѣло наше тогда не состоялось и кончилось ничѣмъ,—вздумалось около сего времени самому уже свататься за другую невѣсту изъ фамиліи господъ Назарьевыхъ.

Нѣкто изъ знакомыхъ его, г. Воронинъ, жившій за Коширою въ сосѣдствѣ невѣстина отца, былъ основателемъ сего дѣла, и приглашалъ нашего Ивана Аѳанасьевича пріѣхать къ нему для смотрѣнія сей невѣсты; а какъ ему одному ѣхать не хотѣлось, то и просилъ онъ, во-первыхъ, почтеннаго нашего старичка съ Матреною Васильевною, а потомъ и насъ всѣхъ, чтобъ съ нимъ туда съѣздить.

Мнѣ весьма-было не хотѣлось въ такой дальній путь тащиться, и въ такое время на нѣсколько дней отлучаться отъ дома, но нельзя было не удовлетворить просьбы и желанія стариковъ нашихъ и не согласиться съ ними ѣхать; итакъ, принужденъ уже я былъ поспѣшить обираніемъ своихъ поспѣвшихъ яблокъ, и кончивши сіе дѣло пустился съ ними въ путь.

Мы поѣхали сперва въ Серпуховъ, и повидавшись тамъ опять съ почтенною старушкою въ монастырѣ, продолжали путь свой въ Воскресенки, гдѣ жилъ нашъ женихъ съ матерью, и какъ до сего мѣста было не близко, то пріѣхали туда уже на закатѣ солнца.

Хозяева намъ были очень рады; но вдругъ услышали мы нѣчто такое, что привело насъ въ великое нестроеніе и равно какъ предвозвѣщало, что и въ сей разъ не бывать пути ни въ чемъ и мы едвали не попустому проѣздимъ.

Хозяинъ сказывалъ намъ, что за часъ только до нашего пріѣзда получилъ онъ письмы изъ Москвы, по которымъ необходимо надобно ему тотчасъ и для самой крайней нужды ѣхать въ Москву.

Господи! какъ намъ сіе тогда досадно было. Мы, заѣхавши въ такую даль, не знали что тогда дѣлать: назадъ ѣхать намъ не хотѣлось, а жить тамъ и дожидаться его возвращенія того болѣе. Положили уговаривать его, чтобъ онъ отложилъ свою ѣзду въ Москву, а особливо въ такое сумнительное и опасное время, какое тогда было; но онъ никакъ не соглашался.

Мы провели весь вечеръ въ совѣщаніяхъ, но ничего не сдѣлали; наконецъ, по наступленіи другого дня, видя непреоборимое его хотѣніе, несмотря на всѣ опасности, ѣхать въ Москву, дали на то свое согласіе, а сами расположились ѣхать уже безъ него къ господину Воронину и его тамъ уже дожидаться.

Но при самомъ уже нашемъ отъѣздѣ вдругъ перемѣнилось все дѣло: мать его начала плакать, мы его тѣмъ упрекать, онъ осердился и вдругъ перемѣнивъ мысли, вознамѣрился съѣздить въ Серпуховъ и тамъ объ Москвѣ спросить и ѣхать потомъ съ нами.

Обрадовавшись сему, согласились мы уже охотно пробыть у него весь тотъ день и ночевать еще ночь въ Воскресенкахъ; а онъ, съѣздивши въ Серпуховъ, узналъ, что ѣзда его въ Москву не только была бы сопряжена съ крайнею опасностію, но по обстоятельствамъ дѣла совсѣмъ пустая и напрасная. «Вотъ! сказали мы: не нашимъ-ли сталось и неправду-ли мы говорили?»

Итакъ, наутріе отправились мы уже очень рано въ свое путешествіе, желая однимъ днемъ поспѣть къ господину Воронину; но ѣхать намъ было не близко.

Мы продолжали свой путь по берегу Оки-рѣки и покормивъ въ Прилукахъ лошадей, пріѣхали еще не поздно въ Коширу; тутъ переправившись на паромѣ

чрезъ Оку, продолжали свой путь далѣе и не прежде къ г. Воронину пріѣхали, какъ уже ночью.

Въ послѣдующій день ѣздили мы въ домъ къ г. Назарьеву смотрѣть невѣсту, и дѣвушка сія намъ всѣмъ полюбилась чрезвычайно; но какъ возвратившись къ нашему хозяину, стали спрашивать жениха, то не могли добиться отъ него никакого толку, и заключали, что чуть ли не расположенъ онъ вовсе ни на комъ не жениться.

Сіе было всѣмъ намъ крайне досадно, ибо намъ очень хотѣлось, чтобъ сія дѣвушка была въ нашемъ семействѣ и за нимъ; всходствіе чего принялись мы вновь его уговаривать, и насилу добились до того, что онъ согласился на то, чтобъ послали къ невѣстѣ въ домъ спрашивать, какого они объ насъ мнѣнія и понравились ли мы имъ. Всходствіе того, заготовили мы письмо для отсылки онаго на утріе съ человѣкомъ, и провели весь тотъ вечеръ съ спокойнѣйшимъ духомъ и въ разговорахъ наиболѣе о семъ дѣлѣ.

Тутъ особливаго замѣчанія достойно было то, что какъ мнѣ вздумалось на досугѣ и для единаго любопытства загадать о успѣхѣ нашего сватовства геомантическимъ пунктированіемъ, то къ удивленію выходило все дурное и не предвѣщало никакого добраго успѣха. Мы подивились и посмѣялись только тому и положили ожидать, что̀ окажетъ время, и послѣ увидѣли, что геомантія моя не солгала, а сказала слишкомъ правду.

Отправленный человѣкъ съ письмомъ возвратившись привезъ намъ такой отвѣтъ, который не знали мы чѣмъ почесть: отказомъ ли или приказомъ; объявлено, что женихомъ всѣ были довольны, но желали вѣдать о его достаткѣ.

Тутъ женихъ нашъ пошелъ въ гору, и ни для кого не хотѣлъ объявить, сколько у него денегъ, а оттого и произошла всему дѣлу остановка.

Не могу и понынѣ безъ смѣха и досады вспомнить тогдашняго нестроенія нашего, и какъ мы нѣсколько часовъ провели въ разныхъ совѣщаніяхъ между собою, и какъ говорили мы отдѣляясь то по два, то по три въ кучки, то всѣ опять совокупно.

Наконецъ присудили послать звать невѣстина отца къ себѣ обѣдать. Онъ къ намъ и пріѣзжалъ, но сколько ни было и тогда говорено, но ничего не сдѣлано: ибо съ одной стороны хотѣлось многое знать, а съ другой были слишкомъ упрямы.

Изъ всего того предусматривалъ я уже напередъ, что дѣлу никакому не бывать, и что сбудется предсказаніе моего пунктированія, которое удивительнымъ образомъ не одинъ, а много разъ сказывало въ такихъ случаяхъ правду. А сіе и совершилось дѣйствительно: всѣ наши переговоры не рѣшили ничего и дѣло, къ особливому огорченію нашему, не получило никакого основанія.

Мы съ женою въ тотъ же еще день, отставъ отъ прочихъ, положили заѣхать къ почтенной и любезной старушкѣ теткѣ моей, госпожѣ Аникѣевой, имѣвшей жилище свое оттуда неподалеку, которая была намъ чрезвычайно рада, и послѣдній разъ угощала насъ тогда у себя въ своей жизни.

Переночевавъ у ней, пустились мы уже прямо домой и съѣхавшись съ нашими товарищами, ночевали еще у г. Воронина и потомъ возвратились благополучно въ свое Дворяниново, досадуя только на то, что, по пословицѣ говоря: «ѣздили ни по что, привезли ничего», и что имѣли хотя много трудовъ и безпокойствъ, а того болѣе досадъ, но всѣми ими ничего не сдѣлали,—и господинъ Арцыбышевъ остался неженатымъ.

Вотъ все что̀ происходило въ теченіи августа, сего мѣсяца, который былъ послѣдній для насъ мирный и покойный, ибо послѣдующій за симъ былъ самый тотъ, въ которой началось уже то крайне смутное время, которое опишу я въ послѣдующихъ за симъ письмахъ; а теперешнее симъ окончивъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ

четвертой на десять части.

(Декаб. 20 1807).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА
ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: VIII, IX, X, XI, XII, XIII и XIV

съ 1760 — 1771 гг.

стр.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1760—1761.

LXXXIII. **Исторія войны.**—Приготовленія къ новой кампаніи.—Критическое положеніе прусскаго короля.—Распредѣленіе военныхъ силъ.—Успѣхи австрійцевъ. – Увлеченіе австрійскаго предводителя Лаудона.—Замедленіе русской арміи. — Осада Дрездена.—Военная хитрость Фридриха II.—Осада Кольберга.—Побѣды пруссаковъ и французовъ. 5

LXXXIV. **Берлинская экспедиція.** — Походъ къ Берлину.—Графъ Тотлебенъ.—Положеніе Берлина.—Осада.—Сдача Берлина.—Капитуляція.—Купецъ Гоцковскій. — Контрибуція. — Размолвка Тотлебена съ Ласси. — Разоренія и грабежи. — Шарлотенбургъ.—Ошибки русскихъ.—Оставленіе ими Берлина.—Сраженіе при Торгау 17

LXXXV. **Перемѣна армейскаго командира.**—Радость при извѣстіи о взятіи Берлина. – Досада. – Отозваніе Салтыкова.—Фельдмаршалъ гр. А. Б. Бутурлинъ.—Увеселенія.—Казенная лотерея.—Назначеніе Корфа полицмейстеромъ въ Петербургъ.—Пріятельская вечеринка. — Новый губернаторъ—В. И. Суворовъ.—Рекомендація обо мнѣ Суворову.—Водосвятіе.—Перемѣны во многомъ.—Хозяйскій столъ.—Прощаніе съ Корфомъ.—Требованіе меня въ армію. — Нерѣшимость Суворова.—Спущеніе меня.—Сборы къ отъѣзду 28

LXXXVI. **Образочекъ св. Анны.**—Нечаянность.—Скупость Суворова.—Рисованіе мною образка на финифти.—Обѣдъ у Суворова.—Разговоръ о наукахъ.—Изученіе философіи.—Приверженность смолоду къ закону.—Сумнительство мое въ вѣрѣ. — Предика.—Утвержденіе себя въ законѣ . . 47

LXXXVII. **Книги.** – Сочиненіе Зульцера о природѣ.—Первое мое сочиненіе.—Моя библіотека.—Судовщикъ.—Отправленіе книгъ въ Россію.—Правленіе В. И. Суворова.—Его семья.—Секретная коммиссія. — Исторія гр. Гревена 66

LXXXVIII. **Исторія войны 1761 года.**—Предположенія о мирѣ.—Приготовленія къ новой кампаніи.—Планы Маріи-Терезіи. – Дѣйствія прусскаго короля.—Открытіе кампаніи.—Дѣйствія французовъ. — Походъ русской арміи.—Арестъ Тотлебена. —Пьянство Бутурлина. — Выступленіе русскихъ изъ Познани.—Соединеніе ихъ съ австрійцами. — Критическое положеніе Фридриха II. — Находчивость его. —

стр.
Медленность русскихъ. — Нерѣшительность ея предводителей. — Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. — Отступленіе русской арміи. — Торжество пруссаковъ. — Взятіе Швейдница австрійцами. — Гнѣвъ Маріи-Терезіи на Лаудона. — Заговоръ барона Варкотча противъ прусскаго короля . . 95

LXXXIX. **Кольбергская экспедиція.** — Походъ Румянцева къ Кольбергу. — Замедленіе русскаго флота. — Укрѣпленіе пруссаками Кольберга. — Взятіе Румянцевымъ Бѣлгарда и Кеслина. — Осада Кольберга. — Битва при Пуетминѣ. — Разбитіе пруссаковъ. — Смерть Долгорукова. — Отбитіе у пруссаковъ обоза. — Взятіе Кольберга. — Плѣнные пруссаки. — Чтеніе книгъ духовнаго содержанія. 113

XC. **Послѣднее время моей жизни въ Кенигсбергѣ.** — Кончина императрицы Елисаветы. — Горесть подданныхъ. — Перемѣна губернатора въ Кёнигсбергѣ. — Прощаніе съ Суворовымъ. — Рекомендація обо мнѣ гр. Панину. — Опять требованіе въ полкъ. — Неожидаемость. — Переписка съ Балабинымъ. — Назначеніе меня адъютантомъ къ Корфу. — Увольненіе меня отъ прежней должности. — Приготовленія къ отъѣзду въ Петербургъ. — Поступокъ квартирныхъ хозяевъ. — Прощаніе съ друзьями. — Отъѣздъ. — Размышленія по поводу оставленія Кёнигсберга. — Опасность на гафѣ. — Городъ Митава. — Въѣздъ въ Россію. — Встрѣча съ пріятелемъ. — Въѣздъ въ въ Петербургъ 126

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Исторія моей петербургской службы.

1762.

XCI. **Въ Петербургѣ.** — Генеральскіе штаты. — Разсужденія. — Расположеніе на квартирѣ. — Свиданіе съ Балабинымъ. — Пріемъ отъ генерала. — Первая коммиссія. — Обѣдъ у Корфа. — Новые товарищи. — Слухи въ народѣ о кончинѣ императрицы Елисаветы. — Характеръ императрицы 150

стр.
XCII. **Императоръ Петръ III.** — Избраніе его наслѣдникомъ шведскаго престола. — Назначеніе наслѣдникомъ престола россійскаго. — Воспитаніе. — Характеръ. — Вступленіе въ масонскую ложу. — Приверженность къ прусскому королю. — Образъ жизни. — Причина ссылки Бестужева. — Вступленіе на престолъ. — Отношенія къ Екатеринѣ II. — Связь съ гр. Е. Р. Воронцовой. — Первыя дѣянія по вступленіи на престолъ. — Поклоненіе Фридриху Великому. — Ропотъ подданныхъ. — Перемиріе съ Пруссіей 163

XCIII. **Петербургская служба.** — Новые мундиры. — Пріятельское одолженіе. — Князь Н. Ю. Трубецкой. — Ѣзда съ Корфомъ. — Дворецъ. — Обѣденный столъ. — Гр. М. И. Воронцовъ. — Разъѣзды по Петербургу. — Утомленіе. — Отдыхъ. 175

XCIV. **Празднованіе Пасхи.** — Приготовленія къ празднику. — Отдѣлка Зимняго Дворца. — Расчистка луга. — Переѣздъ государя въ новый дворецъ. — Съѣздъ при дворѣ. — Графиня Е. Р. Воронцова. — Обѣдъ во дворцѣ. — Послѣобѣденные отдыхи. — Придворные куртаги. — Разъѣзды съ генераломъ. — Частыя коммиссіи. — Поступки государя. — Куреніе имъ табаку. — Забавы. — Трудности моей адъютантской службы 190

XCV. **Заговоръ.** — Поѣздки Корфа къ Волчковой. — Ропотъ противъ Петра III. — Тайныя собесѣдованія у императрицы. — Опасенія. — Свиданія съ гр. Г. Г. Орловымъ. — Старанія его привлечь меня въ число заговорщиковъ. — Уклоненіе мое отъ этого . 210

XCVI. **Окончаніе войны съ Пруссіей.** — Первые совѣтники Петра III. — Положеніе прусскаго короля. — Радость его при извѣстіи о вступленіи на престолъ Петра III. — Перемиріе. — Знаменитѣйшія дѣянія Петра III. — Миръ съ Пруссіей. — Торжество по этому случаю. — Фейерверкъ 224

XCVII. **Народный ропотъ.** — Условія

стр.

мира съ Пруссіей. — Приготовленія къ войнѣ съ Даніей. — Волненія въ народѣ.—Опасенія.—Требованіе Корфа къ государю. — Лишеніе его штата.—Просьба моя объ отставкѣ.—Отказъ. — Совѣтъ. 235

XCVIII. **Надежда на Бога.** — Молитва. — Напоминанія объ Яковлевѣ.— Свиданіе и разговоръ съ Яковлевымъ. — Совѣтъ и обѣщаніе помощи. — Просьба къ Корфу. — Отвѣтъ генерала. — Военная коллегія. — Повытчикъ.—Требованіе меня на смотръ въ военную коллегію.—Полученіе отставки.—Радость моя.—Прощаніе съ Яковлевымъ.—Прощаніе съ Корфомъ и друзьями. — Выѣздъ изъ Петербурга 248

XCIX. **Революція 1762 г.** — Размышленія при оставленіи Петербурга.— Пріѣздъ къ сестрѣ.—Описаніе революціи.—Причины революціи.—Намѣреніе Петра III заключить императрицу въ монастырь.—Увѣдомленіе о томъ государыни. — Бѣгство ея въ Петербургъ. — Провозглашеніе императрицей. — Недоумѣніе народа. — Слухи о смерти Петра III. — Присяга Екатеринѣ.—Изданіе манифеста.—Судьба дяди государя. — Невѣдѣніе Петра о случившемся. — Цидулка.—Поѣздка государя въ Кронштадтъ.—Встрѣча его въ Кронштадтѣ.—Арестъ коменданта. — Критическое положеніе Петра.—Переписка его съ Екатериной.—Отреченіе отъ престола.—Заключеніе. — Смерть и погребеніе . . 265

C. **Въ гостяхъ у сестры.** — Родственная ласка. — Мысль о женитьбѣ. — Смотрѣніе невѣсты.—Результаты сватовства. — Новоселье. — Путешествіе въ Москву.—Конскій падежъ.—Новгородъ. — Встрѣча съ бывшимъ сослуживцемъ. — Москва. — Покупка книгъ. — Отъѣздъ въ деревню. . . . 283

стр.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Въ Дворяниновѣ.

Исторія моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще и въ особенности періода оной до женитьбы.

1762—1763.

CI. **Вступленіе. Первый день въ деревнѣ.**—Чувства мои при приближеніи къ родному дому.—Вступленіе въ домъ.— Встрѣча отъ дворовыхъ. – Первыя впечатлѣнія. — Дядька. — Непрошенная гостья. — Первое посѣщеніе. — Родственники и сосѣди. — Осмотръ усадьбы 299

CII. **Состояніе моего дома и деревни.**— Устройство дома. — Господскія зданія.—Дворы, пруды и сады. — Планъ усадьбы. — Перечисленіе деревень. . 315

CIII. **Свиданіе съ родными и ѣзда въ Москву.**—Доходы съ моихъ деревень.— Свиданіе съ генераломъ. — Странная женитьба. — Пріемъ отъ генерала. — Ѣзда въ Москву. — Свиданіе съ дядей.—Возвращеніе въ деревню.—Насажденіе сада. — Погрѣшности. — Покупка яблонокъ. 331

CIV. **Сосѣди и именины.** — Тульскіе помѣщики. — Нѣмцы - заводчики. — Первый пріемъ гостей. — Разговоры о женитьбѣ.—Г. Писаревъ. Поѣздка къ нему. — Свадьбы дворовыхъ. — Сборы въ Москву. — Болѣзнь. — Пріѣздъ въ Москву 347

CV. **Московская первая жизнь.**—Первое мое знакомство съ свѣтскимъ обращеніемъ. — Московскіе знакомые. — В. Н. Бакѣевъ и его семья. — Домъ княгини Долгоруковой. — Сватовство. — Смотръ невѣстъ. — Сновидѣніе.—Смѣшное происшествіе съ попомъ. 362

CVI. **Ѣзда въ Кашинъ и маскарадъ.**— Выѣздъ изъ Москвы. — Впечатлѣніе, произведенное на меня дѣвицею Бакѣевой.—Свиданіе съ сестрой.—Болѣзнь сестры.—Кашинскіе помѣщики и помѣщицы. — Возвращеніе въ Мо-

стр.

скву. — Уличный маскарадъ въ Москвѣ. — Воспоминаніе объ Орловѣ. — Философствованіе. — Выѣздъ изъ Москвы 384

CVII. **Деревенская жизнь и упражненія.** — Рубка лѣса. — Пріѣздъ дяди въ деревню. — Половодь. — Наслажденіе природой. — Изученіе сельской экономіи. — Первая передѣлка хоромъ. — Устройство сада. — Дядя Серега-Косой. — Образъ жизни въ деревнѣ. — Упражненія въ рисованіи 395

CVIII. **Происшествія критическія.** — Мое одиночество. — Слѣдствія одиночества. — Пріѣздъ кн. Долгорукихъ и Бакѣевыхъ въ деревню. — Сердечныя волненія. — Частыя поѣздки къ Бакѣевымъ. — Любовь. — Препятствія къ женитьбѣ. — Равнодушіе ко мнѣ г-жи Бакѣевой. — Моя нерѣшимость. — Принятіе у себя Долгорукихъ и Бакѣевыхъ. — Разговоръ съ прикащикомъ. — Разрушенныя надежды. — Отъѣздъ Бакѣевыхъ. — Философія Крузія 412

CIX. **Начальное сватовство.** — Смотрѣніе невѣсты. — Слѣдствіе смотринъ. — Сваха Ивановна. — Другая невѣста. — Деревенскія занятія. — Пріѣздъ брата Михаила. — Рисованіе красками. — Чтеніе. — Сочиненіе «Дѣтской философіи». — Свиданіе съ Писаревымъ . . 432

CX. **Конецъ прусской войны.** — Миръ Пруссіи съ Россіей. — Намѣреніе Фридриха II овладѣть Швейдницомъ. — Стойкость австрійцевъ. — Извѣстіе о вступленіи на престолъ Екатерины II. — Побѣды пруссаковъ надъ австрійцами. — Причина заключенія мира Екатериною II съ Фридрихомъ Великимъ. — Польза и вредъ Семилѣтней Войны для русскихъ. — Ходъ войны послѣ мира съ Россіей. — Осада Швейдница. — Французскіе инженеры. — Австрійскій фельдмаршалъ Даунъ. — Дѣйствія французовъ. — Поводы къ общему примиренію. — Заключеніе Губертсбургскаго мира. — Послѣдствія Семилѣтней Войны 447

стр.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей деревенской жизни по отставкѣ вообще, и въ особливости моей женитьбы.

1764—1765.

CXI. **Первое свиданіе.** — Мысли о женитьбѣ. — Сновидѣніе особое. — Уговоръ съ нѣмкою. — Зовъ къ смотру. — Приготовленія. — Неожиданный гость. — Бесѣды съ Писаревымъ о сватовствѣ. — Отговариваніе меня. — Смотрины. — Невѣста 459

CXII. **Новое сватовство.** — Размышленія мои послѣ смотра. — Притворство. — Предложеніе мнѣ другой невѣсты. — Открывшійся обманъ Писарева. — Разговоръ со свахой. — Слухи о моемъ колдовствѣ 477

CXIII. **Пріѣздъ неожидаемой и пріятной гостьи.** — Свиданіе съ старшей сестрой. — Радость моя. — Извѣстія о младшей сестрѣ. — Совѣтъ. — Посѣщеніе отца Илларіона. — Коммиссія, данная ему мною. — Предложеніе мнѣ еще невѣсты. — Отказъ мой. — Поѣздка сестры къ невѣстѣ. — Отзывъ ея о моей невѣстѣ. — Прощаніе съ сестрою навсегда 493

CXIV. **Сватовство и сговоръ.** — Формальное предложеніе. — Полученіе согласія. — Назначеніе дня сговору. — Мое затрудненіе по недостатку совѣтниковъ. — Покупка подарковъ. — Поправка дома. — Ѣзда на сговоръ. — Домъ невѣсты. — Смятеніе духа. — Гроза. — Сговоръ. — Послѣдующій день. — Поѣздки къ невѣстѣ. — Равнодушіе ея ко мнѣ. — Смущеніе мое. — Размышленія о женитьбѣ 509

CXV. **Приуготовленія къ свадьбѣ.** — Поѣздка въ Москву. — Покупки. — Приближеніе свадьбы. — Мое волненіе. — Свадебныя приготовленія. — Послѣднія распоряженія 526

CXVI. **Моя свадьба.** — Канунъ свадьбы. — Привозъ приданаго. — Чувства мои передъ свадьбой. — Молитва. — Благословеніе меня образомъ. — По-

стр.

ѣздка въ церковь.—Совершеніе брачнаго обряда. — Свадебный ужинъ. — Княжой пиръ 535

CXVII. **Свадебные визиты.** — Разъѣзды по гостямъ.—Новые родные.— Новыя знакомства.—Характеръ моей жены.— Теща 544

CXVIII. **Упражненія и ѣзда въ Тамбовъ.**—Сельская экономія.—Садоводство.—Первые плоды.—Коммиссія о лѣсахъ. — Указъ о лѣсахъ и земляхъ. — Поѣздка въ Тамбовскую деревню.—Городъ Раненбургъ.—Конокрады.—Тамбовъ.—Опасность въ Данковѣ. — Возвращеніе домой. — Передѣлка дома.—Разбой. — Убіеніе дьякона.—Смерть сестры. 557

CXIX. **Ѣзда въ Цивильскъ**. 1765 г.— Дѣдъ жены.—Сборы къ путешествію.— Пребываніе въ Москвѣ.—Пріятность путешествія.—Ѣзда Волгой.—Городъ Цивильскъ. — Обморокъ въ банѣ. — Повальная горячка въ Цивильскѣ.— Выѣздъ изъ города. — Нечаянное открытіе. — Обратное путешествіе. — Возвращеніе домой. — Самоубійство дворовой женщины 577

CXX. **Печальныя происшествія.** — Болѣзни въ домѣ.—Извѣстіе о болѣзни московскаго дяди.—Поѣздка въ Москву.—Послѣдніе дни жизни дяди.— Бездѣльничество врачей.—Смерть дяди.—Перевезеніе тѣла въ деревню.— Погребеніе.—Заботы объ оставшемся послѣ дяди сынѣ. — Новыя знакомства. — Дружба съ Полонскимъ. — Судьба постигшая Писарева. — Мои литературныя упражненія.—Болѣзнь жены 593

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ и по женитьбѣ.

1766–1769.

CXXI. **Моя дѣятельность.** — Занятія по дому.—Работы въ саду.—Восьмая поѣздка въ Москву. — Покупка первой части «Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества».—Чтеніе книги

стр.

и сочиненіе отвѣтовъ. — Посылка отвѣтовъ въ Общество. — Происшествіе съ волкомъ.—Украшеніе сада.—Рожденіе сына. — Крестины. — Опьяненіе. — Полученіе письма изъ Вольно-Экономическаго Общества. — Смерть сестры Прасковьи. — Манифестъ о межеваніи. — Сочиненіе о лѣсахъ . . . 611

CXXII. **Хлопоты.** — Двѣ свадьбы. — Веневскіе помѣщики. — Окончаніе сочиненія о лѣсахъ.—Полученіе второй части «Трудовъ Экономическаго Общества».—Первыя мои сочиненія въ печати.—Смерть Никиты Болотова.— Домашняя астролябія. — Крестины у Полонскаго. — Волнинское межеваніе. — Опасность на охотѣ. — Новый сосѣдъ. — Раздѣлъ лѣса. — Оспа. — Смерть сына. — Престольный праздникъ. 630

CXXIII. **Раздѣлъ братьевъ.** 1767 г.— Приготовленія къ раздѣлу.—Характеры братьевъ.—Киданіе жребія.—Исторія съ хмѣльникомъ.—Поселеніе брата Михаила. — Коммиссія для составленія проекта новаго уложенія.—Дѣло съ кн. Горчаковымъ. — Разъѣзды. — Увеселенія, игры и выдумки 646

CXXIV. **1768 годъ.**—Встрѣча новаго года.—Поѣздка въ Москву.—Покупка земли.—Первая карета.—Избраніе меня въ члены Экономическаго Общества. — Собраніе всей нашей фамиліи. — Смерть тетки. — Паденіе. — Свадьбы. — Гроза. — Сборы къ ѣздѣ въ Тамбовъ 662

CXXV. **Вторая ѣзда въ Тамбовскую деревню.** — Новая дорога. — Городъ Епифань. — Пребываніе въ Болотовкѣ. — Сосѣди. — Обида отъ Рахманова.—Свиданіе съ сосѣдомъ.—Осмотръ земли. — Знакомство съ Соймоновымъ.—Смѣшное происшествіе—разсказъ крестьянина 675

CXXVI. **Степныя происшествія.** — Осмотръ земли съ сосѣдомъ.—Споръ.— Измѣреніе земли. — Тамбовскіе помѣщики.—Угощеніе г. Тараковскаго. . 690

CXXVII. **Разводъ съ землею.** — От-

стр.

срочка. — Поѣздка въ степи. — Раздѣлъ земли. — Окончаніе межеванія . 708

CXXVIII. **Обратная ѣзда въ домъ.** — Обратный путь. — Великолѣпное зрѣлище. — Въ гостяхъ у М. П. Бабина. — Тамбовскіе архіереи и воеводы. 720

CXXIX. **Домашняя жизнь.** — Закладка новаго дома. — Письмо отъ Нартова. — Болѣзнь дочери. — Лекарь Ерофеичъ. — Первое прививаніе оспы. — Война съ турками. — Именины. — Новый гость. — Слухи о требованіи въ полкъ отставныхъ офицеровъ. — Рожденіе сына Степана. — Крестины. — Моя библіотека. — Переплетаніе книгъ. 729

CXXX. **1769 г. Разныя происшествія.** — Смерть бабушки и брата. — Повальныя болѣзни. — Дороговизна соли. — Жестокость помѣщиковъ. — Деревянный замокъ. — Первыя газеты. — Катанье съ горъ. — Приступленіе къ постройкѣ дома. — Продажа деревни. — Переводъ трагедіи «Вольнодумъ». — Крестины у брата Матвѣя. — Работы въ садахъ. — Размежеваніе съ кн. Дашковой. — Астролябія. — Зыбинское межеванье. — Убіеніе помѣщицы Вяткиной. — Смерть Ивановны. — Межеваніе въ Калитинѣ. — Поѣздка въ Коростино. — Буря. 744

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще.

1769—1770.

CXXXI. **Деревенская жизнь.** — Гости. — Опытъ съ тюльпанами. — Ѣзда въ Каверино. — Каверинское межеваніе. — Каверинскіе помѣщики 763

CXXXII. **Хлопоты съ межеваньемъ.** — Зовъ на межеванье въ Новики. — Слухи о приближеніи межеванья въ моемъ Калитинѣ. — Нерѣшимость моя. — Поѣздка въ Новики. — Гроза. — Возвращеніе домой. — Опять ѣзда въ Новики. — Досада моя. — Свиданіе съ Дьяконовымъ. — Испугъ отъ грозы. — Церковь, построенная княгиней Дашковой. — Свиданіе съ межевщикомъ. — Смерть тетки. — Полученіе письма изъ Вольно-Экономическаго Общества. — Премія. — Пропаданіе младенцевъ. — Дѣво-боярыня Трусо-Ладыженская. — Сбираніе плодовъ. — Чувствованія мои 3 сентября — годовщина пріѣзда со службы въ деревню. — Исторія о воротахъ — разсказъ приходскаго священника 775

CXXXIII. **Описаніе новаго дома.** — Устройство дома. — Мѣстоположеніе. — Переходъ въ новый домъ. — Молебенъ. — Первый вечеръ въ новомъ домѣ. — Стоимость дома. — Странности брата Матвѣя. — Мои упражненія. — Новоселье. — Пріѣздъ въ деревню родныхъ. — Игры. — Болѣзнь. — Опасность отъ пожара. — Мои сочиненія. — Опять болѣзнь. — Турецкая война. — Слухи о разбояхъ. — Ѣзда тещи въ Москву. — Лихорадка. 797

CXXXIV. **Новый 1770 г.** — Чувствованія мои въ новый годъ. — Выздоровленіе. — Святки. — Дѣдъ Авраамъ Семеновичъ. — Сѣверное сіяніе . . . 813

CXXXV. **Непріятная коммиссія.** — Ссора братьевъ. — Жалоба мнѣ на старшаго брата. — Хлопоты мои о примиреніи поссорившихся. — Успѣхъ мой. — Новая коммиссія. — Сватовство Ферапонтова. — Сговоръ. — Пріѣздъ племянницы. — Ѣзда въ Полозово. — Мятель. — Смѣшное приключеніе въ дорогѣ. 820

CXXXVI. **Свадьба г-жи Хотяинцовой.** — Характеръ невѣсты. — Приглашеніе на свадьбу. — Свадебныя приготовленія. — Ссора невѣсты съ матерью. — Отправленіе приданаго. — Неожиданное препятствіе. — Вѣнчаніе. — Пиры и празднества. — Постъ и говѣнье. — Знакомство съ г. Кислинскимъ. — Литературныя занятія. — Болѣзнь тещи. — Приближеніе весны. — Половодь. . . 834

CXXXVII. **Святая недѣля.** — Ѣзда къ завтрени. — Обновленіе природы. — Удовольствіе мое. — Препровожденіе Пасхи. — Занятія въ садахъ. — Визитъ молодыхъ. — Необыкновенныя крести-

стр.

ны.—Болѣзни.—Смерть дяди моего Каверина.—Опасность. 846

CXXXVIII. **Весна.**—Работы въ садахъ.—Устройство фонтана.—Находка.—Приходскій праздникъ.—Отлучка.—Ѣзда въ Калугу.—Домашняя астролябія.—Исчисленіе плана.—Семейная конференція.—Заботы мои.—Препорученіе Щербинина.—Окончаніе «наказа управителю».—Возвращеніе брата изъ Петербурга.—Хлопоты и безпокойства мои по межеванію.—Ошибка моя.—Ѣзда въ Серпуховъ.—Неудачи въ Серпуховѣ.—Окончаніе Калитинскаго межеванія.—Переписываніе и отправленіе «наказа» въ Петербургъ 859

CXXXIX. **Непріятности.**—Размолвка съ домашними.—Полученіе извѣстія о смерти зятя.—Горесть его дочери.—Хлопоты объ отправленіи ея въ Кашинъ.—Отъѣздъ племянницы.—Помѣщики Хитровы.—Встрѣча съ княземъ Горчаковымъ.—Помѣщикъ Селивановъ.—Обстоятельствы дачъ нашихъ 880

CXL. **Межеванье.**—Приближеніе межеванія.—Межевщикъ Лыковъ.—Поимка мужика, воровавшаго лѣсъ.—Судъ.—Межеваніе съ волостными.—Хитрость и лукавство межевщика.—Сонъ.—Споры по межеванью съ волостными.—Окончаніе размежевки съ волостью 899

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей, первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особливости-жъ бывшаго межеванья.

1770—1771.

CXLI. **Продолженіе межеванія.**—Опасенія мои.—Дружба съ Хитровымъ.—Пріѣздъ изъ Кашина тещи и племянницы.—Размежеваніе съ Хитровымъ.—Споръ съ кн. Горчаковымъ о Неволочи.—Межеваніе нашихъ дачъ.—Окончаніе размежеванья съ сосѣдями.—Удовольствіе мое. 927

стр.

CXLII. **Призывъ меня въ Кашинъ.**—Письмо изъ Кашина.—Мои отвѣты.—Болѣзнь племянницы.—Нестроеніе мое.—Составленіе письма къ Нарышкину.—Начало «Сельскаго Учителя».—Свиданіе съ кн. Горчаковымъ.—Сговоръ у г-жи Іевской.—Размежеваніе съ попами.—Присылка изъ Вольно-Экономическаго Общества.—Сборы къ ѣздѣ въ Кашинъ . 947

CXLIII. **Путешествіе въ Москву.**—Приготовленія къ путешествію.—Размышленія въ дорогѣ.—Дорожныя впечатлѣнія.—Городъ Серпуховъ.—Остановка.—Приключенія.—Размышленія при видѣ Москвы . . . 963

CXLIV. **Пребываніе въ Москвѣ и ѣзда въ Кашинъ.**—Пріѣздъ въ Москву.—Ивановская колокольня.—Покупка 12 части «Труд. В. Эк. Общ.».—Свиданіе съ Полонскими.—Выѣздъ изъ Москвы.—Чтеніе «наказа», составленнаго Вульфомъ.—Дорога отъ Москвы до Кашина.—Городъ Дмитровъ.—Опасность въ лѣсу.—Знакомство съ Копыловымъ.—Свиданіе съ Коржавинымъ.—Пріѣздъ въ село Веденское. 984

CXLV. **Хлопоты по дѣлу племянницъ.** Разсказъ старушки о происшествіи въ церкви.—Свиданіе съ племянницами.—Пребываніе у г. Баклановскаго.—Знакомство съ г-жей Колычевой.—Переговоры съ мачихой племянницы.—Ѣзда въ Кашинъ.—Городъ Кашинъ.—Писаніе крѣпостныхъ записей.—Городъ Угличъ.—Выѣздъ изъ Веденскаго . . 1002

CXLVI. **Калитинское дѣло.**—Межеваніе въ Калитинѣ.—Ѣзда въ Малое Грызлово.—Раскаяніе мое въ затѣянныхъ спорахъ.—Примиреніе спорщиковъ.—Ѣзда въ серпуховскую межевую контору.—Игра въ кидалку.—Игра «Акулинка».—Окончаніе спора съ Пестовымъ.—Игры и увеселенія.—Сговоръ г-жи Лихаревой.—Свадьба Волосатова 1020

CXLVII. **Пріѣздъ дорогихъ гостей и**

Bayerische Staatsbibliothek München

стр.

полученіе золотой медали. — Пріѣздъ дѣда Аврама Семеновича и г. Арцыбышева. — Г. Пушкинъ. — Извѣстіе о присужденіи мнѣ золотой медали. — Первые слухи о моровой язвѣ.—Полученіе золотой медали.— Удовольствіе мое.—Поздравленія.— Изобрѣтеніе новой игры. — Увеселенія. — Безпорядокъ въ натурѣ — половодь зимою. — Турецкая война и побѣды нашихъ надъ турками. — Пріѣздъ въ Москву прусскаго принца Гейнриха.—Смерть зятя 1042

CXLVIII. **1771 годъ.** — Препровожденіе новаго года. — Слухи о моровомъ повѣтріи въ Москвѣ.—Предохранительныя средства отъ чумы.— Отъѣздъ племянницъ въ Кашинъ.— Пріобрѣтеніе англійской ржи. — Смерть г. Стахѣева.—Опасенія мои.— Ѣзда въ Калединку. — Приключеніе на возвратномъ пути.—Составленіе статьи о раздѣленіи полей.—Удивительная пропажа.—Шлифованіе камней. —Сватовство г. Арцыбышева. — Непріятная просьба. — Хлопоты по межеванію съ волостными. — Говѣнье.—Полученіе «Экономическаго лексикона» 1057

CXLIX. **Рожденіе сына и споры по межеванію.**—Опасенія мои за жену.—Радость при рожденіи сына.—Поздравленія. — Крестины. — Происшествія сопровождавшія рожденіе сына. — Семейный совѣтъ по поводу спора съ кн. Горчаковымъ о Неволочи. — Протестъ брата Матвѣя. — Чтеніе и переплетаніе книгъ. — Разбивка сада. — Окончаніе спора о Неволочи. — Размежеваніе и споры съ волостными 1074

CL. **Домашнія дѣла.**—Обученіе племянника. — Новый ученикъ. — Крестины у брата Матвѣя. — Занятія въ садахъ и составленіе красокъ.— Хлопоты по межеванію. — Призывъ меня въ Кашинъ. — Литературныя упражненія. — Разъѣзды по сосѣдямъ.—Сватовство г. Арцыбышева и ѣзда въ Воскресенки.—Возвращеніе въ Дворяниново 1093

Примѣчаніе. Во второмъ томѣ «записокъ Болотова» помѣщено три рисунка, снимокъ подписи и три плана самимъ Болотовымъ исполненныхъ и гравированныхъ г. Герасимовымъ. Подробный алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ автобіографіи А. Т. Болотова смотри въ концѣ послѣдняго тома его сочиненія.

Bayerische Staatsbibliothek München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Bolotov, Andr. Timofeewitsch

Sapiski Andreja Timofeewitescha Bolotova

Bd.: II

St. Petersburg 1871

Russ. 16 f-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10782160-8